

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ

И С Т О Р И Я
ТАТАР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ I

**Народы степной Евразии
в древности**

КАЗАНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУХИЯТ»
2002

УДК 93/99
ББК 63.3
И 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Акционерного Банка «Девон-Кредит»
(Председатель Совета директоров Ринат Гимаделисламович Галеев,
Председатель правления Банка Зуфар Масгутович Насыбуллин)

Научный совет издания:

Васильев Дмитрий (Россия, Институт востоковедения РАН)
Ваиари Иштван (Венгрия, Будапештский университет)
Геккеньян Хансгерд (Германия, Гиссенский университет)
Гилязов Искандер (Татарстан, Казанский государственный университет)
Гмыря Людмила (Дагестан, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)
Девлет Надир (Турция, университет Йедитепе)
Зимоньи Иштван (Венгрия, Сегедский университет)
Каптелер Андреас (Австрия, Венский университет)
Каиштанов Сергей (Россия, Институт российской истории РАН)
Кемпер Михаэль (Германия, Рурский университет)
Кляшторный Сергей (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Крамаровский Марк (Россия, Государственный Эрмитаж)
Кумеков Булат (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)
Кычанов Евгений (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
Рорлих Айша (США, Южнокалифорнийский университет)
Стальсберг Анне (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)
Трепавлов Вадим (Россия, Институт российской истории РАН)
Шамильоглу Юлай (США, Висконсинский университет)
Шмидт Сигурд (Россия, Археографическая комиссия РАН)

Главные редакторы:

Усманов Миркасым (Казанский государственный университет)

Хакимов Рафаэль (Институт истории АНТ)

Редколлегия издания:

Амирханов Равиль (Институт истории АНТ)
Загидуллин Ильдус (Институт истории АНТ)
Зимоньи Иштван (Сегедский университет)
Исхаков Дамир (Институт истории АНТ)
Кляшторный Сергей (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Трепавлов Вадим (Институт российской истории РАН)
Хузин Фаяз (Институт истории АНТ)
Шамильоглу Юлай (Висконсинский университет)

Научный редактор I тома *Сергей Кляшторный*
Ответственный секретарь I тома *Ильдус Загидуллин*
Редактор I тома *Булат Хамидуллин*

Институт истории выражает благодарность за содействие в подготовке книги ОАО «Татнефть» (Ш.Ф.Тахаутдинов), Администрации г.Казани (К.Ш.Исхаков), Государственному Эрмитажу (М.Б.Пиотровский), Национальному Музею РТ (Г.С. Муханов), Татарскому книжному издательству (Д.С. Шакиров).

ISBN 5-89706-048-7

© Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2002
© Издательство «Рухият», 2002

Рафаэль Хакимов

История татар: взгляд из XXI века

Татары — один из тех немногих народов, о которых легенды и откровенная ложь известны гораздо в большей степени, нежели правда.

История татар в официальном изложении и до и после революции 1917 года была на редкость идеологизированной и необъективной. Даже самые выдающиеся русские историки «татарский вопрос» излагали предвзято или же в лучшем случае избегали его. Михаил Худяков в своей известной работе «Очерки по истории Казанского ханства» писал: «Русских историков история Казанского ханства интересовала лишь как материал для изучения продвижения русского племени на восток. При этом надо отметить, что они преимущественно уделяли внимание последнему моменту борьбы — завоеванию края, в особенности победоносной осаде Казани, но оставили почти без внимания те постепенные стадии, которые проходил процесс поглощения одного государства другим» [На стыке континентов и цивилизаций, с.536]. Выдающийся русский историк С.М.Соловьев в предисловии к своей многотомной «Истории России с древнейших времен» отмечал: «Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений» [Соловьев, с.54]. Таким образом, период в три столетия, история татарских государств (Золотой Орды, Казанского и других ханств), повлиявших на мировые процессы, а не только судьбу русских, выпадала из цепи событий становления российской государственности.

Другой выдающийся русский историк В.О.Ключевский делил историю России на периоды в соответствии с логикой колонизации. «История России, — писал он, — есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». «...Колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» [Ключевский, с.50]. Главными предметами исследования В.О.Ключевского стали, как он сам писал, государство и народность, при этом государство было Российским, а народ — русским. Для татар и их государственности места не оставалось.

Советский период в отношении татарской истории не отличался какими-либо принципиально новыми подходами. Более того, ЦК ВКП (б) своим постановлением «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 1944 года просто запретил изучение истории Золотой Орды (Улуса Джучи), Казанского ханства, исключив таким образом татарский период из истории российской государственности.

В результате таких подходов о татарах сложился образ страшного и дикого племени, угнетавшего не только русских, но и чуть ли не полмира. О какой-либо позитивной татарской истории, татарской цивилизации не могло быть и речи. Изначально считалось, что татары и цивилизация — вещи несовместимые.

Сегодня каждый народ начинает писать свою историю самостоятельно. Научные центры в идеологическом плане стали более независимы, их трудно контролировать и сложнее на них оказывать давление.

XXI век неизбежно внесет существенные коррективы не только в историю народов России, но и в историю самих русских, а также в историю российской государственности.

Позиции современных российских историков претерпевают определенные изменения. Например, трехтомная история России, вышедшая под эгидой Института Российской истории Российской Академии наук и рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов вузов, дает немало сведений о нерусских народах, живших на территории нынешней России. В ней есть характеристики Тюркского, Хазарского каганатов, Волжской Булгарии, более спокойно излагается эпоха татаро-монгольского нашествия и период Казанского ханства, но это тем не менее русская история, которая никак не может заменить или вобрать в себя татарскую.

Татарские историки в своих исследованиях до последнего времени были ограничены рядом довольно жестких объективных и субъективных условий. До революции, будучи гражданами Российской империи, они работали, исходя из задач этнического возрождения. После революции период свободы оказался слишком коротким, чтобы успеть написать полноценную историю. Идеологическая борьба сильно влияла на их позицию, но, пожалуй, в большей степени сказались репрессии 1937 года. Контроль со стороны ЦК КПСС за работой историков подорвал саму возможность выработки научного подхода к истории, подчинив все задачам классовой борьбы и победы диктатуры пролетариата.

Демократизация советского и российского общества позволила заново пересмотреть многие страницы истории, а главное всю исследовательскую работу переставить с идеологических рельсов на научные. Стало возможным использовать опыт зарубежных ученых, открылся доступ к новым источникам и музейным запасникам.

Вместе с общей демократизацией возникла новая политическая ситуация в Та-

тарстане, который объявил суверенитет, причем от имени всего полиэтничного народа республики. Параллельно шли довольно бурные процессы в татарском мире. В 1992 году собрался I Всемирный Конгресс татар, на котором проблема объективного исследования истории татар была определена как ключевая политическая задача. Все это потребовало переосмысления места республики и татар в обновляющейся России. Возникла потребность по-новому взглянуть на методологические и теоретические основы исторической дисциплины, связанной с изучением истории татар.

***

«История татар» является относительно самостоятельной дисциплиной, поскольку существующая российская история не может ее заменить или исчерпать.

Методологические проблемы исследования истории татар ставились учеными, которые работали над обобщающими трудами. Шигабутдин Марджани в работе «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») писал: «Историки мусульманского мира, желая выполнить долг предоставления полной информации о различных эпохах и объяснения смысла человеческого общества, собрали многие сведения о столицах, халифах, царях, ученых, суфиях, разных социальных слоях, путях и направлениях мысли древних мудрецов, прошлой природе и повседневной жизни, науке и ремеслах, войнах и восстаниях». И далее он отмечал, что «историческая наука вбирает в себя судьбы всех наций и племен, проверяет научные направления и дискуссии» [Марджани, с.42]. При этом он не выделял методологию исследования собственно татарской истории, хотя в контексте его произведений она проглядывается достаточно ясно. Он рассматривал этнические корни татар, их государственность, правление ханов, экономику, культуру, религию, а также положение татарского народа в составе Российской империи.

В советское время идеологические клише требовали использования марксистской методологии. Газиз Губайдуллин писал следующее: «Если рассматривать путь, пройденный татарами, то можно увидеть, что он складывается из смены одних экономических формаций другими, из взаимодействия классов, рожденных экономическими условиями» [Губайдуллин, с.20]. Это была дань требованиям времени. Само изложение истории у него было гораздо шире обозначенной позиции.

Все последующие историки советского периода находились под жестким идеологическим прессом и методологию сводили к работам классиков марксизма-ленинизма. Тем не менее во многих трудах Газиза Губайдуллина, Михаила Худякова и других прорывался иной, не официальный подход к истории. Монография Магомета Сафаргалеева «Распад Золотой Орды», работы Германа Федорова-Давыдова, несмотря на неизбежные цензурные ограничения, самим фактом появления оказали сильное влияние на последующие исследования. Работы Миркасима Усманова, Альфреда Халикова, Яхьи Абдуллина, Азгара Мухамадиева, Дамира Исхакова и многих других вносили элемент альтернативности в существующую трактовку истории, заставляя глубже вникать в этническую историю.

Из зарубежных историков, изучавших татар, наиболее известны Заки Валиди Тоган и Акдес Нигмат Курат. Заки Валиди специально занимался методологическими проблемами истории, однако его больше интересовали методы, цели и задачи исторической науки вообще в отличие от других наук, а также подходы к написанию общетюркской истории. В то же время в его книгах можно увидеть специфические методы исследования татарской истории. Прежде всего следует отметить, что он описывал тюрко-татарскую историю, не выделяя из нее собственно татарскую. Причем это касалось не только древнего общетюркского периода, но и последующих эпох. Он в рав-

ной степени рассматривает личность Чингиз-хана, его детей, Тамерлана, различные ханства — Крымское, Казанское, Ногайское и Астраханское, называя все это *тюркским миром*. Безусловно, есть свои причины для такого подхода. Этноним «татары» зачастую понимался весьма широко и включал практически не только тюрков, но даже монголов. В то же время история многих тюркских народов в средние века, прежде всего в рамках Улуса Джучи, была единой. Поэтому термин «тюрко-татарская история» применительно к тюркскому населению Джучиева Улуса позволяет историку избежать многих трудностей в изложении событий.

Другие иностранные историки (Эдвард Кинан, Айша Рорлих, Ярослав Пеленский, Юлай Шамильоглу, Надир Девлет, Тамурбек Давлетшин и др.) хотя и не ставили своей целью найти общие подходы к истории татар, тем не менее внесли весьма существенные концептуальные представления в исследование различных периодов. Они компенсировали пробелы в трудах татарских историков советского времени.

Этнический компонент — один из важнейших при изучении истории. До появления государственности история татар во многом сводится к этногенезу. В равной степени и потеря государственности на первый план выводит изучение этнических процессов. Существование государства хотя и отодвигает на второй план этнический фактор, тем не менее сохраняет его относительную самостоятельность как предмета исторического исследования, более того, порой именно этнос выступает государственнообразующим фактором и, следовательно, решающим образом отражается на ходе истории.

У татарского народа нет единого этнического корня. Среди его предков были гунны, болгары, кипчаки, ногайцы и другие народы, которые сами формировались в древнейшие времена, как видно из первого тома данного издания, на базе культуры различных скифских и других племен и народов.

На формирование современных татар оказали определенное влияние финно-угры и славяне. Попытки искать этническую чистоту в лице булгар или какого-то древнего татарского народа ненаучно. Предки современных татар никогда не жили в изоляции, напротив, они активно передвигались, перемешиваясь с различными тюркскими и нетюркскими племенами. С другой стороны, государственные структуры, вырабатывая официальный язык и культуру, способствовали активному смешению племен и народов. Это тем более верно, что государство во все времена играло функцию важнейшего этнообразующего фактора. А ведь Булгарское государство, Золотая Орда, Казанское, Астраханское и другие ханства существовали многие столетия — срок достаточный, чтобы сформировать новые этнические компоненты. Не менее сильным фактором смешения этносов была религия. Если православие в России делало многие крестившиеся народы русскими, то в средние века ислам таким же образом превращал многих в тюрко-татар.

Спор с так называемыми «булгаристами», призывающими переименовать татар в булгар и сводящие всю нашу историю к истории одного этноса носит в основном политический характер, а потому его следует изучать в рамках политологии, а не истории. В то же время на появление такого направления общественной мысли оказало воздействие слабая разработанность методологических основ истории татар, влияние идеологизированных подходов к изложению истории, в том числе стремление исключить из истории «татарский период».

В последние десятилетия среди ученых наблюдалось увлечение поиском языковых, этнографических и других особенностей в татарском народе. Малейшие особенности языка тут же объявлялись диалектом, на базе языковых и этнографических нюансов выделялись отдельные группы, претендующие сегодня на роль самостоятельных народов. Конечно, существуют особенности в использовании татарского языка у мишар,

астраханских и сибирских татар. Существуют этнографические особенности татар, проживающих на различных территориях. Но это именно использование единого татарского литературного языка с региональными особенностями, нюансы единой татарской культуры. Было бы опрометчиво на таких основаниях говорить о диалектах языка и тем более выделять самостоятельные народы (сибирских и др. татар). Если следовать логике некоторых наших ученых, литовских татар, которые говорят по-польски, вовсе нельзя отнести к татарскому народу.

Историю народа нельзя сводить к перипетиям этнонима. Нелегко проследить связь этнонима «татары», упоминаемого в китайских, арабских и других источниках с современными татарами. Тем более неверно видеть прямую антропологическую и культурную связь современных татар с древними и средневековыми племенами. Некоторые специалисты полагают, что истинные татары были монголыязычны (см. например: [Кычанов, 1995, с.29]), хотя существуют и другие точки зрения. Было время, когда этнонимом «татары» обозначались татаро-монгольские народы. «Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения, — писал Рашид-ад-дин, — другие тюркские роды при всем различии их разрядов и названий стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы — разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, онгутам, керейтам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются

этим именем, — а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 102—103].

В различные периоды истории под названием «татары» имелись в виду разные народы. Нередко это зависело от национальной принадлежности авторов летописей. Так, монах Юлиан, посол венгерского короля Белы IV к половцам в XIII в. связывал этноним «татары» с греческим «Tartaros» — «ад», «преисподняя». Некоторыми европейскими историками этноним «татар» использовался в том же смысле, как греки пользовались словом «варвар». Например, на некоторых европейских картах Московия обозначена как «Московская Тартария» или «Европейская Тартария», в отличие от *Китайской* или *Независимой Тартарии*. Далеко не простой была история бытования этнонима «татар» в последующие эпохи, в частности, в XVI—XIX вв. [Каримуллин]. Дамир Исхаков пишет: «В татарских ханствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, «татарами» традиционно называли представителей военно-служилого сословия... Они и сыграли ключевую роль в распространении этнонима «татары» на обширной территории бывшей Золотой Орды. После падения ханств этот термин был перенесен в среду простолюдины. Но одновременно среди народа функционировало множество локальных самоназваний и конфессионим «мусульмане». Преодоление их и окончательное закрепление этнонима «татары» как общенационального самоназвания — явление относительно позднее и связано с национальной консолидацией» [Исхаков, с. 231]. В этих рассуждениях содержится немалая доля истины, хотя было бы ошибочным абсолютизировать какую-либо грань термина «татары». Очевидно, этноним «татары» был и остается предметом научных дискуссий. Бесспорно то, что до революции 1917 года татарами называли не только поволжских, крымских и литовских татар, но и азербайджанцев, а также ряд тюркских народов Се-

верного Кавказа, Южной Сибири, но в конце концов этноним «татары» закрепился только за поволжскими и крымскими татарами.

Весьма спорным и болезненным для татар является термин «татаро-монголы». Идеологи сделали немало для того, чтобы представить татар и монгол варварами, дикарями. В ответ ряд ученых используют термин «тюрко-монголы» или просто «монголы», шадя самолюбие поволжских татар. Но по сути дела история не нуждается в оправдании. Ни один народ не может похвалиться своим мирным и гуманным характером в прошлом, потому что тот, кто не умел воевать, не мог выжить и был сам завоеван, а часто и ассимилирован. Крестовые походы европейцев или инквизиция были не менее жестокими, чем нашествие «татаро-монголов». Вся разница в том, что европейцы и русские взяли инициативу в трактовке этого вопроса в свои руки и предложили выгодную для себя версию и оценки исторических событий.

Термин «татаро-монголы» нуждается в тщательном анализе с тем, чтобы выяснить обоснованность сочетания названий «татары» и «монголы». Монголы опирались на тюркские племена в своей экспансии. Тюркская культура в сильнейшей степени повлияла на формирование империи Чингиз-хана и тем более Улуса Джучи. Так уж сложилась историография, что и монголов, и тюрок зачастую называли просто «татарами». Это было и верно и неверно. Верно, поскольку собственно монголов было относительно немного, а тюркская культура (язык, письменность, военный строй и т.д.) постепенно стала общей нормой для многих народов. Неверно в силу того, что татары и монголы — два разных народа. Более того, современные татары не могут быть отождествлены не только с монголами, но даже со средневековыми центральноазиатскими татарами. Вместе с тем, они приемники культуры народов VII—XII вв., живших на Волге и в Приуралье, народа и государства Золотой Орды, Казанского ханства,

и было бы ошибкой говорить, что они не имеют никакого отношения к татарам, жившим в Восточном Туркестане и Монголии. Даже монгольский элемент, который сегодня минимален в татарской культуре, оказал влияние на формирование истории татар. В конце концов, похороненные в Казанском Кремле ханы были чингизидами и с этим невозможно не считаться [Мавзолеи Казанского Кремля]. История не бывает простой и прямолинейной.

При изложении истории татар оказывается весьма сложным отделить ее от общетюркской основы. Следует прежде всего отметить некоторые терминологические сложности при изучении общетюркской истории. Если Тюркский каганат вполне однозначно трактуется как общетюркское наследие, то Монгольская империя и в особенности Золотая Орда более сложные с этнической точки зрения образования. В самом деле, Улус Джучи принято считать татарским государством, понимая под этим этнонимом все те народы, которые жили в нем, т.е. тюрко-татар. Но согласятся ли сегодняшние казахи, киргизы, узбеки и другие, формировавшиеся в Золотой Орде, признать в качестве своих средневековых предков татар? Конечно, нет. Ведь очевидно, что никто особенно не будет задумываться над различиями в употреблении этого этнонима в средние века и в настоящее время. Сегодня в общественном сознании этноним «татары» однозначно ассоциируется с современными поволжскими или крымскими татарами. Следовательно, методологически предпочтительнее, вслед за Заки Валиди, использовать термин «тюрко-татарская история», что позволяет развести историю сегодняшних татар и других тюркских народов.

Использование этого термина несет и иную нагрузку. Существует проблема соотношения истории общетюркской с национальной. В какие-то периоды (например, Тюркский каганат) трудно выделить из общей истории отдельные части. В эпоху Золотой Орды вполне можно исследовать, на-

ряду с общей историей, отдельные регионы, которые впоследствии выделились в самостоятельные ханства. Конечно, татары взаимодействовали и с уйгурами, и с Турцией, и с мамлюками Египта, но эти связи не были столь органичными, как с Центральной Азией. Поэтому трудно найти единый подход к соотношению общетюркской и татарской истории — он в разные эпохи и с различными странами оказывается различным. Поэтому в данном труде будут использованы как термин *тюрко-татарская история* (применительно к средневековью), так и просто *татарская история* (применительно к более поздним временам).

«История татар» как относительно самостоятельная дисциплина существует постольку, поскольку есть объект исследования, который можно проследить с древнейших времен по настоящий день. Чем же обеспечивается непрерывность этой истории, что может подтвердить преемственность событий? Ведь за многие столетия одни этносы сменялись другими, государства появлялись и исчезали, народы объединялись и делились, формировались новые языки взамен уходящих.

Объектом исследования историка в самой обобщенной форме выступает общество, наследующее предыдущую культуру и передающее ее следующему поколению. При этом общество может выступать в виде государства или этноса. А в годы гонений на татар со второй половины XVI века отдельные этнические группы, мало связанные между собой, стали основными хранителями культурных традиций. Религиозная община всегда играет значительную роль в историческом развитии, выступая критерием отнесения общества к той или иной цивилизации. Мечети и медресе, начиная с X века и вплоть до 20-х годов XX века, были важнейшим институтом объединения татарского мира. Все они — государство, этнос и религиозная община — содействовали преемственности татарской культуры, а значит обеспечивали непрерывность исторического развития.

Понятие культуры имеет самый широкий смысл, под которым понимают все достижения и нормы общества, будь то хозяйство (например, агрокультура), искусство управления государством, военное дело, письменность, литература, социальные нормы и т.д. Исследование культуры в целом дает возможность понять логику исторического развития и определить место данного общества в самом широком контексте. Именно непрерывность сохранения и развития культуры позволяет говорить о непрерывности татарской истории и ее особенностях.

Всякая периодизация истории условна, поэтому, в принципе, она может строиться на самых разных основаниях, и различные ее варианты могут быть в равной степени верными — все зависит от задачи, которая поставлена перед исследователем. При изучении истории государственности будет одно основание для выделения периодов, при исследовании развития этносов — другое. А если изучать историю, например, жилища или костюма, то их периодизация и вовсе может иметь специфические основания. У каждого конкретного объекта исследования, наряду с общеметодологическими установками, существует и собственная логика развития. Даже удобство изложения (например, в учебнике) может стать основанием специфической периодизации.

При выделении основных вех в истории народа в нашем издании критерием будет выступать логика развития культуры. Культура — важнейший социальный регулятор. Через термин «культура» можно объяснить как падение, так и взлет государств, исчезновение и появление цивилизаций. Культура определяет общественные ценности, создает преимущества для существования тех или иных народов, формирует стимулы труда и индивидуальные качества личности, определяет открытость общества и возможности для общения народов. Через культуру можно понять место общества в мировой истории.

Татарскую историю с ее сложными поворотами судьбы непросто представить в виде цельной картины, так как взлеты сменялись катастрофическим регрессом, вплоть до необходимости физического выживания и сохранения элементарных основ культуры и даже языка.

Исходная база формирования татарской или точнее будет сказать тюрко-татарской цивилизации — степная культура, определившая облик Евразии с древнейших времен вплоть до раннего средневековья. Скотоводство и конь определяли основной характер хозяйства и образ жизни, жилище и одежду, обеспечивали военные успехи. Изобретение седла, кривой сабли, мощного лука, тактики ведения войны, своеобразной идеологии в виде тенгрианства и другие достижения оказали огромное влияние на мировую культуру. Без степной цивилизации невозможно было бы освоение огромных пространств Евразии, именно в этом заключается ее историческая заслуга.

Принятие ислама в 922 году и освоение Великого Волжского пути стали поворотными вехами в истории татар. Благодаря исламу предки татар оказались включенными в самый передовой для своего времени мусульманский мир, что определило будущее народа и его цивилизационные признаки. А сам исламский мир благодаря булгарам продвинулся на самую северную широту, что до сегодняшнего дня является важным фактором.

Предки татар, перешедшие от кочевой к оседлой жизни и городской цивилизации, искали новые пути сообщения с другими народами. Степь осталась южнее, и конь не мог выполнять универсальные функции в новых условиях оседлой жизни. Он был лишь вспомогательным орудием в хозяйстве. То, что связывало Булгарское государство с другими странами и народами, были реки Волга и Кама. В более поздние времена путь по Волге, Каме и Каспию был дополнен выходом к Черному морю через Крым, что стало одним из важнейших факторов экономического процветания Золотой

Орды. Волжский путь играл ключевую роль и в Казанском ханстве. Не случайно экспансия Московии на восток началась с учреждения Нижегородской ярмарки, что ослабило экономику Казани. Развитие евразийского пространства в средние века нельзя понять и объяснить без роли волжско-камского бассейна как средства коммуникации. Волга и сегодня выполняет функцию экономического и культурного стержня европейской части России.

Возникновение Улуса Джучи как части Монгольской суперимперии, а затем самостоятельного государства — величайшее достижение в истории татар. В эпоху чингизидов татарская история стала поистине всемирной, задев интересы Востока и Европы. Бесспорным является вклад татар в военное искусство, что выразилось в усовершенствовании оружия и военной тактики. Достигла совершенства система государственного управления, почтовая (ямская) служба, унаследованная Россией, великолепная финансовая система, литература и градостроительство Золотой Орды — в средние века мало было городов, равных Сарая по размерам и масштабам торговли. Благодаря интенсивной торговле с Европой Золотая Орда непосредственно соприкоснулась с европейской культурой. Огромный потенциал к воспроизводству татарской культуры был заложен именно в эпоху Золотой Орды. Казанское ханство продолжало этот путь большей частью по инерции.

Культурный стержень татарской истории после взятия Казани в 1552 году сохранялся прежде всего благодаря исламу. Он стал формой выживания культуры, знаменем борьбы против христианизации и ассимиляции татар.

В истории татар были три поворотные вехи, связанные с исламом. Они решающим образом повлияли на последующие события: 1) принятие в 922 году ислама в качестве официальной религии Волжской Булгарией, что означало признание со стороны Багдада молодого независимого (от Хазарского каганата) государства; 2) ис-

ламская «революция» Узбек хана, который вопреки «Ясе» («Своду законов») Чингиз-хана о равенстве религий, ввел одну государственную религию¹ — ислам, что во многом предопределило процесс консолидации общества и формирование (золотоордынского) тюрко-татарского народа; 3) реформа ислама во второй половине XIX в., получившая название джадидизма (от арабского ал-джадид — новое, обновление).

Возрождение татарского народа в новейшее время начинается именно с реформы ислама. Джадидизм обозначил несколько важных фактов: во-первых, способность татарской культуры противостоять насильственной христианизации; во-вторых, подтверждение принадлежности татар к исламскому миру, причем, с претензией на авангардную роль в ней; в-третьих, вступление ислама в конкуренцию с православием в его же собственном государстве. Джадидизм стал существенным вкладом татар в современную мировую культуру, демонстрацией способности ислама к модернизации.

К началу XX века татары сумели создать многие общественные структуры: систему образования, периодическую печать, политические партии, собственную («мусульманскую») фракцию в Государственной Думе, экономические структуры, прежде всего торговый капитал и т.д. К революции 1917 года у татар созрели идеи восстановления государственности.

Первая попытка воссоздания государственности татарами относится к 1918 году, когда был провозглашен Штат «Идель-

---

¹ Это не коснулось русских княжеств, где доминирование православия не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие. В 1313 году Узбек хан выдал митрополиту Руси Петру ярлык, в котором были следующие слова: «Если кто-либо будет поносить христианство, плохо отзовется о церквах, монастырях и часовнях, тот человек будет подвергнут смертной казни» (цит. по: [Фахретдин, с.94]). Кстати, сам Узбек хан выдал свою дочь за московского князя и разрешил ей принять христианство.

Урал». Большевики сумели упредить реализацию этого грандиозного проекта. Тем не менее прямым следствием самого политического акта стало принятие Декрета о создании Татаро-Башкирской республики. Сложные перипетии политической и идеологической борьбы завершились принятием в 1920 году Декрета ЦИК о создании «Татарской Автономной Советской Социалистической Республики». Эта форма была очень далека от формулы Штата «Идель-Урал», но это был, несомненно, позитивный шаг, без которого не было бы Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан 1990 года.

Новый статус Татарстана после объявления государственного суверенитета поставил на повестку дня вопрос выбора принципиального пути развития, определения места Татарстана в Российской Федерации, в тюркском и исламском мире.

Историки России и Татарстана стоят перед серьезным испытанием. XX столетие стало эпохой крушения сначала российской, а затем советской империи и изменения политической картины мира. Российская Федерация стала другой страной и она вынуждена по-новому взглянуть на пройденный путь. Она стоит перед необходимостью найти идейные опорные точки для развития в новом тысячелетии. Во многом от историков будет зависеть понимание глубинных процессов, происходящих в стране, формирование у нерусских народов образа России как «своего» или «чужого» государства.

Российской науке придется считаться с появлением множества независимых исследовательских центров, имеющих свои взгляды на возникающие проблемы. Поэтому трудно будет писать историю России только из Москвы, ее должны писать различные исследовательские коллективы с учетом истории всех коренных народов страны.

***

Семитомный труд под названием «История татар с древнейших времен» издается под грифом Института истории Академии наук Татарстана, тем не менее он является совместным трудом ученых Татарстана, российских и зарубежных исследователей. Этот коллективный труд опирается на целую серию научных конференций, прошедших в Казани, Москве, Петербурге. Работа носит академический характер и поэтому рассчитана прежде всего на ученых и специалистов. Мы не ставили перед собой цели сделать ее популярной и легкой для восприятия. Наша задача состояла в том, чтобы представить максимально объективную картину исторических событий. Тем не менее и преподаватели, и те, кто просто интересуется историей, найдут здесь для себя много интересных сюжетов.

Данный труд – первая академическая работа, начинающая описание истории татар с 3 тыс. до н.э. Древнейший период не всегда можно представить в виде событий, порой он существует лишь в археологических материалах, тем не менее мы посчитали нужным дать такое изложение. Много из того, что читатель увидит в этой работе, является предметом споров, требует дальнейшего исследования. Это не энциклопедия, где даются лишь устоявшиеся сведения. Для нас важно было зафиксировать существующий уровень знаний в этой сфере науки, предложить новые методологические подходы, когда история татар предстает в широком контексте мировых процессов, охватывает судьбы многих народов, а не только татар, заострить внимание на ряде проблемных вопросов и тем самым стимулировать научную мысль.

Каждый том освещает принципиально новый период в истории татар. Редакция посчитала нужным кроме авторских текстов дать в качестве приложения иллюстративный материал, карты, а также отрывки из наиболее важных источников.

Сергей Кляшторный

Предисловие к тому

На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов — славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства России и ее политику в отношении крупнейших государств «ближнего зарубежья» — Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Азербайджана. Общность исторических судеб в древнейший период связывает современных татар с башкирами и чувашами в Волго-Уралье, кумыками, ногайцами, карачаевцами и балкарцами на Северном Кавказе, алтайцами, шорцами, кумандинцами, хакасами, тувинцами и тофаларами в Южной Сибири, якутами и долганами в Восточной Сибири. Значительная часть тюркского населения России, включая переселенцев из Центральной Азии и Закавказья, живет вместе с другими народами, вне своих этнических территорий. По последней общесоюзной переписи 1989 г. тюркское население России составляет около 14 миллионов человек или несколько более, а тюркское население перечисленных государств СНГ превышает 40 миллионов человек.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялась не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в Евразии. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию.

Допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов как некое единство, выходящее за границы языкового родства? С начала XX в. и по сей день существ-

вуют и противостоят друг другу два противоположных ответа на этот вопрос. Первый ответ (*пантюркизм, тюркизм*) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину — Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, и не языки вовсе, а лишь диалекты или наречия единого тюркского языка. Второй ответ, столь же непререкаемый: никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства и сам термин *тюрк* первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И, естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия.

Обратимся для прояснения проблемы к реалиям тюркского этногенеза, к ранним этапам этнополитической истории тюркских народов, выявленных более чем вековым трудом прежде всего российских исследователей — археологов и филологов, историков и этнографов.

Как это было на самом деле?

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза, т.е. очаги первоначального формирования тюркских народов и языков, неразрывно связаны с востоком Евразии — Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в 6—2 тыс. до н.э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говори-

ли на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской языковой семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках. Преобладающими в восточной части евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец 2 тыс. до н.э.).

Далее мы рассмотрим «индоевропейский» период истории Великой Степи, длившийся около двух с половиной—трех тысячелетий, ибо всякая изоляция по этническому признаку во времени и пространстве искусственно вычлененных ареалов Евразийского степного пояса искажает реальную историю, открывает путь предвзятым трактовкам прошлого, используемым для односторонней политизации и националистических претензий.

По горным хребтам Алтая, протянувшись на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далекую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу — индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский этногенез был связан с восточным горно-степной зоной Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух—двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во 2 тыс. н.э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н.э., древнетюрк-

ских каганатов второй половины 1 тыс. н.э., кипчакских племенных союзов и Золотой Орды первой половины 2 тыс. н.э. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присутствующие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т.е. во второй половине 1 тыс. н.э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежда, средства передвижения, пища, украшения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социальная-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI—XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Булгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй.

Следует определиться с термином «империя» применительно к государствам, созданным кочевниками Азии. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие «империя» распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи. Анализ исторических ситуаций возникновения империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — данническую зависимость или какие-либо формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи — от Великой китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие титулы могли лишь те, чьи *шеджере* (родословные спис-

ки) подтверждали происхождение из «золотого рода» Чингизидов.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII—XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV—XVI вв. кочевые племена узбеков Дешт-и Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кипчака, узбек-казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На землях расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза — этап интенсивного смешения с субстратным населением, начальный этап формирования современных тюркских народов.

Итак, принимая тезис об относительном сходстве исторических судеб большинства тюркских племен и народов на протяжении не менее чем двух тысячелетий, связанности их этнической истории в рамках общей истории Евразии, мы отказываемся и от тезиса об извечном существовании единой тюркской нации, и от тезиса об извечном автохтонизме современных тюркских народов.

Историческое взаимодействие Руси—России с тюркским миром имеет полутора-тысячелетнюю историю и первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в У—XV вв. породило по меньшей мере два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства — огуро-тюркский в У—X вв. и монголо-тюркский в XIII—XV вв. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие Северное Причерноморье, южные пространства, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана, в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку — экономической

базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза.

Таким образом, история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Хотя впоследствии, в XVI—XIX вв., преобладающая часть этих народов, больших и малых, вошла в состав многонациональной Российской империи, процессы исторической жизни Пашни и Степи сохраняли, вплоть до середины прошлого тысячелетия, относительную внутреннюю самостоятельность. Сложные общего для них геополитического пространства, начавшееся одновременно с возникновением Киевской Руси и хазаро-болгарских государств в Северном Причерноморье и Поволжье, интенсифицировалось значительно позднее.

Поэтому рассмотрение истории тюркских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России—СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает тюркские народы Евразии собственной национальной истории. Назрела необходимость в монографии, которая содержала бы последовательное и многоаспектное освещение проблем происхождения тюркских народов, их ранней истории, а также истории территорий, с которыми связан тюркский этногенез, освещение вопросов возникновения государственности и ее развития у тюркских народов, формирования хозяйственно-культурных типов, присущих этим народам, их традиционных верований, сложения этнических и национальных культур.

Предлагаемая читателю коллективная монография, естественно, не претендует на полное изложение истории тюркских народов. Из всего многообразия их прошлого мы выделили лишь то, что составляет костяк древней и средневековой истории — основные события прошедших веков, формирование хозяйства, религиозной идеологии,

культуры и государственности, рассмотренные в связи и взаимодействии с историей других народов и государств Евразии. Хронологически книга охватывает события, происходившие на территориях формирования тюркских народов в течение более чем трех тысячелетий. Необходимость рассмотрения исторически длительного периода диктуется резкой сменой этапов и направления этногенетических процессов, их последовательным усложнением. Пики этнических переломов приходятся на начало и середину 2 тыс. до н.э., середину 1 тыс. н.э., XIII—XVI вв., вторую половину XIX—XX в.

***

Предложенный вниманию читателя том охватывает большое число проблем, в подходе к которым не выработано единого мнения, видение этих проблем многими авторами различается. Учитывая то, что книга написана коллективом авторов со своими точками зрения на исторические процессы в евразийских степях, редакторы не стремились к полной унификации, необходимой только в учебниках, и к устранению повторов, имеющихся в разных главах. Таким образом, концептуальные взгляды каждого из авторов отражены во всей полноте и могут явиться предметом сопоставления и дальнейшей дискуссии, что скорее преимущество, чем недостаток любого коллективного труда.

Каждый из авторов является признанным специалистом в той области исторического знания, которое представлено в написанном им разделе.

***

Авторами разделов являются: Хакимов Р.С., Государственный советник при Президенте РТ по политическим вопросам, директор Института истории АНТ, кандидат фил. наук, доцент (г. Казань) (*«История татар: взгляд из XXI века»*), Ахсанов К.Г., преподаватель Казанского государственного университета, кандидат ист. наук (г. Казань) (*«Историографический обзор, обзор источников»*), Бочкарев В.С., ст. науч. сотр. Института истории материальной культуры РАН, кандидат ист. наук, до-

цент (г. Санкт-Петербург) (*«Волго-Уральский регион в эпоху бронзы»*), Гмыря Л.Б., ст. науч. сотр. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, кандидат ист. наук (г. Махачкала) (*«Гунны на Северном Кавказе»*, *«Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы»*, *«Хазары на Кавказе»*), Засецкая И.П., вед. науч. сотр. Государственного Эрмитажа, доктор ист. наук (г. Санкт-Петербург) (*«Гунны на Западе»*), Иванов В.А., вед. науч. сотр. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, доктор ист. наук, профессор (г. Уфа) (*«Страна сарматов и ее соседи»*, *«Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье»*, *«Огузы и печенеги в евразийских степях»*), Казаков Е.П., вед. науч. сотр. Института истории АНТ, доктор ист. наук (г. Казань) (*«Ранние болгары в Поволжье»*), Кляшторный С.Г., зав. сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, кандидат ист. наук, профессор (г. Санкт-Петербург) (*«Страна ариев»*, *«Саки»*, *«Гунны на Востоке»*, *«Праболгары в евразийских степях»*, *«Праславянские племена в Поволжье»* (в соавторстве со Старостиным П.Н.), *«Степная империя тюрков и ее наследники»*, *«Кимаки, кипчаки и половцы»*, *«Татары в Центральной Азии»*), Напольских В.В., вед. науч. сотр. Удмуртского института языка, литературы и истории, доктор филол. наук (г. Ижевск) (*«Предыстория народов уральской языковой семьи»*), Петрухин В.Я., вед. науч. сотр. Института славяноведения РАН, доктор ист. наук, профессор (г. Москва) (*«Хазарский каганат и его соседи»*), Раевский Д.С., гл. науч. сотр. Института востоковедения РАН, доктор ист. наук (г. Москва) (*«Скифия»*),

Старостин П.Н., зав. Национальным центром археологических исследований Института истории АНТ, кандидат ист. наук, доцент (г. Казань) (*«Праславянские племена в Поволжье»* (в соавторстве с Кляшторным С.Г.)), Сунгатов Ф.А., ст. науч. сотр. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, кандидат ист. наук (г. Уфа) (*«Гунны в Волго-Уральском регионе»*, *«Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов»*).

Приложение подготовлено Байбулатовой Л.Ф., мл. науч. сотрудником Института истории АНТ (г. Казань) (*№ 4*), Гараевой Н.Г., вед. библиографом Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета (г. Казань) (*№ 10*), Нуриевой Ф.Ш., доцентом Казанского государственного университета, кандидатом филол. наук (г.Казань) (*№ 9*), Файзрахмановым Г.Л., ст. науч. сотрудником Института истории АНТ, кандидатом ист. наук (г. Казань) (*№ 8, 14*) и Хамидуллиным Б.Л., гл. редактором издательства «Фэн» («Наука») АНТ, зам. гл. редактора журнала «Научный Татарстан» АНТ (г. Казань) (*№ 1—3, 5—7, 11—13, 15*).

Рисунки по тексту представлены авторами, иллюстрации подобраны Загидуллиным И.К., зав. отделом средневековой истории Института истории АНТ, кандидатом ист. наук (г. Казань).

Использованы четыре реконструкции Горелика М.В.

Список источников и литературы, указатели археологических культур и их носителей, именной, политико-географический, этнических, этнополитических и этносоциальных терминов составлены Хамидуллиным Б.Л.

Камиль Ахсанов

Историографический обзор

Интерес к тюркским народам в России уходит своими корнями в глубь веков. Как кочевые, так и перешедшие к оседлости тюрки оставили о себе память на страницах русских летописей. Включение тюркских народов в состав Российского государства способствовало углублению интереса к их настоящему и прошлому. В XIX — начале XX в. отечественная тюркология достигла заметных успехов в изучении языка, быта, обычаев и, главное, истории тюркских народов. А в советское время исследование истории тюркских народов поднялось на качественно новый уровень в связи с обретением этими народами элементов государственности в рамках СССР. Однако, как и вся историческая наука, отечественная тюркология в полной мере испытала на себе всю тяжесть тоталитарного режима. Период «оттепели» после XX съезда КПСС внес заметное оживление в советскую историографию, в том числе и тюркологию. Думается, что в настоящее время мы стоим перед новым подъемом развития тюркологии. Обретение суверенитета и подъем национального самосознания породили огромный интерес к своему прошлому в тюркских республиках бывшего СССР. С другой стороны, геополитические и экономические интересы великих держав и транснациональных корпораций к ресурсам тюркских государств являются, на наш взгляд, важнейшими стимулами к изучению прошлого и настоящего тюркских народов за рубежом.

За годы изучения истории тюркских народов отечественная наука добилась серьезных результатов: написано большое количество монографий, статей, сформировались целые школы и направления исторической тюркологии. В предлагаемом читателю кратком очерке естественно невозможно отразить все многообразие историографии истории тюркских народов, поэтому нами были выбраны работы наиболее крупных отечественных исследователей, чьи

взгляды существенно повлияли на развитие отечественной исторической мысли. В очерке затронуты наиболее актуальные и спорные проблемы отечественной исторической тюркологии, такие, как датировка начального этапа становления государственности у тюркских народов (проблема этнолингвистической принадлежности гуннов) и проблема социального развития и политогенеза в кочевых обществах.

Историю российской тюркологии условно можно разделить на несколько этапов:

I этап. С древнейших времен до начала XIX в.: время накопления первичных знаний о тюркских народах, попытки первых обобщений полученной информации; начало формирования основ научной тюркологии;

II этап. XIX — до 30-х гг. XX в.: период становления и роста «старой» школы русской тюркологии;

III этап. 30-е — середина 50-х гг. XX в.: формирование советской школы исторической тюркологии, абсолютное господство жестких установок исторического материализма;

IV этап. С конца 50-х (после XX съезда КПСС) по 90-е гг. XX в.: период относительной либерализации, появления многообразия точек зрения в работах отечественных исследователей.

Сегодня, возможно, начинается новый этап в развитии исторической тюркологии, но об этом с определенностью можно будет говорить только спустя не одно десятилетие.

I этап: с древнейших времен до XIX в.

Изучение истории тюркских народов в России достигло больших результатов. И тому есть веские причины — это постоянные на протяжении столетий контакты Древней Руси, Московского государства, Российской империи с тюркским миром. Тюркские племена были соседями восточнославянских племен еще до образования

Древнерусского государства. Со становлением Киевской Руси отношения с тюркскими государствами и племенами приобретают постоянный и стабильный характер. В условиях частой смены мирных и враждебных взаимоотношений между восточными славянами и тюрками происходило их многовековое взаимодействие, которое оставило заметный след в языках, обычаях и культурах и тех и других. Перипетии русско-тюркских взаимоотношений нашли свое отражение в начальном периоде русской историографии — летописании. Даже учитывая то, что соседние с Русью тюркоязычные народы стояли на разных ступенях экономического, общественно-политического и духовного развития, можно выделить некоторые общие черты отношения русских летописцев к этим народам. Во-первых, летописи составлялись православным духовенством, поэтому в отношении народов иного вероисповедания проводится линия религиозной нетерпимости. Во-вторых, раннее русское летописание проводит идею объединения русских князей в борьбе против общих врагов — особенно язычников («поганых») печенегов и половцев и мусульман («бусурман») болгар.

В золотоордынский период отношения Руси с тюркоязычными народами приобретают более тесный и интенсивный характер. В связи с потребностью поддерживать необходимые отношения с Ордой упрочивается практическое знание тюркских языков [Кононов, 1982, с.33]. Однако в силу ряда причин образование Джучиева Улуса не вызвало на Руси, как в Европе, расширения географического кругозора, и описания Золотой Орды в русских источниках не могут выдержать никакого сравнения со сведениями западноевропейских и мусульманских авторов [Бартольд, 1926, с.171]. Но тем не менее, тесное взаимодействие Руси и Орды вылилось в заимствование лексики, обычаев и традиций. Дольше всего татарские традиции отразились на русской внешней политике и посольском церемониале. После ослабления татарских ханств на русского царя отчасти была перенесена татарская государственная идея: его стали называть «великим беком, белым ханом» [Бартольд, 1925, с.172].

Этот факт означал, что Москва, ставшая к тому времени столицей централизованного русского государства, стала считать себя правопреемником Джучиева Улуса, что и отразилось на ее политике по отношению к татарским ханствам. К XVI в. политические амбиции молодого Русского государства нашли свое отражение в концепции «Москва — Третий Рим». В историко-публицистических сочинениях того времени обосновывалась правомерность претензий России на земли татарских ханств [Измайлов, 1992].

С завоеванием Казани, Астрахани и Сибири, с одной стороны, и оформлением суверенитета Османской империи над Крымским ханством, с другой, внимание русской исторической публицистики переключается на турецко-крымскую тему, что и нашло свое отражение в «Скифской истории» А.И.Лызлова. Это было первое в русской историографии сочинение, посвященное проблемам истории тюркоязычных народов. Под именем скифов автор объединил тюрк-кочевников южнорусских степей, монгол, татар и турок-осман. «Скифская история» отражает уровень развития востоковедения, историографии и источниковедения в конце XVII в. и имеет все атрибуты научной монографии [Чистякова, 1963]. Но все же основы научной тюркологии в полном смысле этого слова были заложены лишь в XVIII в.

Зарождение тюркологии как науки в России неразрывно связано с реформами Петра I. Эти преобразования привели к радикальным изменениям как в сфере внутренней и внешней политики, так и в сфере науки. Во внутренней политике — это колонизация захваченных тюркских территорий в Поволжье, на Урале и в Сибири и попытки христианизации местного населения, а во внешней политике — дальнейшая конфронтация с Османской империей и Крымским ханством, а также попытки экспансии в Среднюю Азию и Закавказье. При Петре I Россия не смогла добиться серьезных успехов в борьбе с Турцией, также безуспешно закончились попытки утвердить русское влияние в Средней Азии. Но, несмотря на провалы во внешней политике, именно в это время было положено начало

научно-практическому изучению тюркских народов. Известно, что с посещением Петром I в 1722 г., во время персидского похода, развалин Булгара связано начало изучения тюркской эпиграфики в России [Баскаков, 1969, с.23].

В петровскую эпоху значительную роль в становлении российской науки и в том числе науки исторической сыграли западные ученые. Это в полной мере относится и к зарождению тюркологии в России. Пленный шведский офицер Филипп Иоган (Юхан) Стралленберг, живший в Сибири в 1713—1722 гг., впервые опубликовал зарисовки тюркских руноподобных надписей, впервые сделал попытку классификации урало-алтайских народов и соответствующих языков. Кроме того, он приобрел и организовал перевод на русский, а с русского на немецкий язык сочинения хивинского правителя Абу-л-Гази (1603—1644) «Шаджара-и тюрк» («Родословная тюрк») [Кононов, 1982, с.65].

В русской историографии XVIII в. история тюркских народов рассматривается сквозь призму отношений русских княжеств с Великой Степью. В своей «Истории Российской» В.Н.Татищев попытался определить происхождение названий кочевых народов, установить их местопребывание, пути кочевий, обрисовать общественный строй, религию, взаимоотношения между ними и другими народами. Что же касается личного отношения, то В.Н.Татищев видел в печенегах, торках и половцах прежде всего врагов, представлявших опасность для Руси [Мавродина, 1983, с.12].

Со второй четверти XVIII в. политика России по отношению к тюркским странам заметно активизируется. В 1735—1739, 1768—1774 и 1787—1791 гг. Россия ведет войны с Турцией, в результате второй из них был присоединен Крым. С 1730 г. начинается присоединение казахских орд. Но царское правительство не довольствовалось лишь подданством одних кочевников. Под влиянием ослабления Турции и среднеазиатских ханств в Петербурге составлялись обширные завоевательные проекты. Профессор арабского языка Кер, состоявший в это время при Российской Академии наук, в 1735 г. подал проект учреждения

особой восточной академии, в котором ссылается на составленные им раньше планы завоевания Турции и Средней Азии; при этом была высказана надежда, отчасти оправдавшаяся в XIX в., что при завоевании Самарканда и Бухары будет найдено много восточных рукописей [Бартольд, 1926, с.219]. Как видно, с одной стороны, внешняя политика ставила практические задачи перед наукой, с другой стороны, результаты внешней политики давали богатый материал для дальнейшего развития самой науки.

Именно тогда, во второй четверти XVIII в., с развитием русской науки и открытием Российской Академии наук началось систематическое изучение истории и языков тюркских народов. Как и в начале XVIII в., в это время ключевая роль в зарождающейся русской тюркологии принадлежала иностранцам. Так, уроженец Кенигсберга Готлиб Зигфрид Байер, проработавший в России с 1726 по 1738 гг., перевел на латинский язык главу «Родословной тюрк» Абу-л-Гази [История отечественного востоковедения, 1987, с.53]. Имя Байера упоминается также в истории изучения тюркских енисейских надписей в связи с его попыткой объяснить знаки этих надписей через кельтское письмо [Кононов, 1982, с.42]. Историк Герхард Фридрих Миллер, десять лет находившийся в Сибири в составе экспедиции и собравший за это время огромный материал, опубликовал в 1750 г. в Петербурге основанный на летописях и других первоисточниках сибирских архивов свой главный труд «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а, особливо, от покорения его Российской державе по сии времена» [История отечественного востоковедения, 1987, с.55]. В 1768—1774 гг. была проведена серия экспедиций, которые охватили районы Сибири, Урала и Поволжья. Их руководителем был известный ученый Петр Симон Паллас. В результате работы этих экспедиций было собрано много материалов по истории и этнографии. Значительная их часть была издана П.С.Палласом в его «Путешествии по Российской империи», а также в специальной работе «Собрание исторических сведений по истории монгольских народностей» [Баскаков, 1969, с.7].

В целом XVIII столетие в истории отечественной тюркологии было начальным этапом создания источниковой базы, накопления опыта научно-исследовательской и преподавательской работы. Без этого невозможен был бы тот высокий уровень, которого эта наука достигла в XIX—XX вв.

II этап: XIX — до 30-х гг. XX в.

В начале XIX в. в России были проведены преобразования в сфере науки и в системе высшего образования, оказавшие непосредственное влияние на развитие русской тюркологии. 25 июля 1803 г. был утвержден новый регламент Академии наук, по которому изъятые из Академии в 1747 г. гуманитарные науки вновь заняли в ней свое место [Кононов, 1982, с.109]. Были учреждены новые университеты, среди которых и Казанский, сыгравший важную роль в истории отечественной тюркологии. И, наконец, в 1818 г. был создан Азиатский музей Академии наук. Все эти мероприятия, направленные на создание определенной системы подготовки научных кадров различной востоковедческой специализации, учреждение востоковедных научных и учебных центров были обусловлены активизацией внешней политики России на Востоке. После наполеоновских войн и до первой мировой войны Восток был основным театром военных действий русской армии [История отечественного востоковедения, 1987, с.109]. В XIX в. к России были присоединены Кавказ и населенная преимущественно тюркскими народами Средняя Азия. Процесс русской экспансии в этом регионе шел поэтапно: с начала века и до 40-х гг. характерны дипломатическая разведка и попытки экономического проникновения; с 40-х гг. начинаются более активные, чем прежде, действия с применением военной силы; и, наконец, в 1860—80-е гг. происходит полное завоевание Средней Азии русской армией [Киняпина, Блиев, Дегоев, 1984, с.209—210].

Подобная активная внешняя политика в Средней Азии ставила перед российской наукой целый комплекс целей и задач по изучению региона. Вот что писал по этому поводу академик В.В.Бартольд: «После присоединения к России целого ряда му-

сульманских областей изучение как современного состояния этих областей, так и их истории, приведение в известность как письменных, так и вещественных памятников их прошлого, принятие мер к сохранению этих памятников — все это составляет обязанность России как перед местным населением, так и перед всемирной наукой» [Бартольд, 1992, с.57]. И, действительно, в 20—80-е гг. XIX в. были заложены основы отечественной историографии тюркских народов. Освоение письменных востоковедных источников, а также достижения географической науки (вкуче с этнографией) позволили перейти тогда от спорадической интерпретации различных исторических сведений к их критической проверке и первым обобщениям. И хотя до конца XIX столетия в центре внимания большинства исследователей оставался период между XIII—XVIII вв. [Кляшторный, Ромодин, 1970, с.148], именно в XIX в. была заложена источниковая база изучения древней и раннесредневековой истории тюркских народов.

Особенность источниковедения древней и раннесредневековой истории тюркских народов заключается в том, что тюркские исторические записи почти не сохранились и поэтому исследователям приходится базироваться на иноязычных нарративных источниках. И, как отметил В.В.Бартольд, «для изучения истории туецких народностей недостаточно быть тюркологом; необходимо также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, быть синологом, арабистом или иранистом» [Бартольд, 1992, с.21]. В первой половине — середине XIX в. ученые-востоковеды указанных специальностей внесли неопределимый вклад в изучение истории тюркских народов.

Яркий тому пример — деятельность выдающегося российского ученого Н.Я.Бичурина — одного из основоположников изучения Центральной Азии в России. Им был осуществлен перевод множества китайских сочинений, относящихся к древней и средневековой истории народов Центральной Азии. Его труды, изданные впервые во второй четверти XIX в., долгое время служили основой изучения истории этого региона.

Созданная им в конце своей жизни книга «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена» намного опередила по охвату материала и качеству перевода современных ему авторов и не уступает аналогичным переводам некоторых позднейших авторов. Интересен тот факт, что задание написать труд на тему «История древних среднеазиатских народов» Бичурин получил накануне 1847 г., когда русские войска начали наступление в Средней Азии, и для Академии наук составление такого труда имело особо актуальное значение [Бернштам, 1950, с. XXVI]. Несмотря на ошибочность некоторых взглядов Бичурина, возникших в результате некритичного восприятия китайских источников и вытекавших из его собственной исторической концепции, опубликованные им китайские летописи открыли блестящую эпоху русского востоковедения [Бернштам, 1950, с. XXV]. Труды Н.Я. Бичурина стали фундаментом исследований таких историков, как В.В. Григорьев, В.В. Радлов, В.В. Бартольд, К.А. Иностранцев, Г.Е. Грум-Гржимайло, А.Н. Бернштам, Л.Н. Гумилев и др.

Перевод и издание другой группы источников по истории тюркских народов — сочинений мусульманских авторов — связаны с Казанским университетом и деятельностью таких выдающихся ученых, как Х.Д. Френ (1782—1851) и И.Н. Березин (1818—1896). Ими были изданы текст рукописи «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, осуществлен перевод и издание части «Сборника летописей» Рашид ад-дина — важнейшего источника по истории тюркских и монгольских племен, а также их династий [История отечественного востоковедения, 1987, с. 100]. С открытием в 1807 г. в Казанском университете Восточного разряда Казань становится центром российского востоковедения. Даже после перевода в 1855 г. Восточного разряда в Санкт-Петербургский университет Казань продолжает играть важную роль в развитии отечественного востоковедения.

Событием эпохального значения в истории тюркологии стало открытие и дешифровка тюркских руноподобных памятников. Если попадавшие раньше в руки исследо-

вателей тексты оставались нерасшифрованными, то открытие Н.М. Ядринцевым в 1891 г. в Монголии памятников, поставленных в 732 и 735 гг. в честь правителя второго Тюркского каганата Бильге-кагана и его младшего брата Кюль-тегина с текстами на древнетюркском и китайском языках, дало ключ к расшифровке тюркского руноподобного письма. В 1893 г. датский ученый В. Томсен, а вслед за ним в 1894 г. российский академик В.В. Радлов представили свои варианты дешифровок. Эпохальность факта введения в научный обиход текстов тюркских рунических надписей заключалась в том, что впервые был найден собственно тюркский источник по истории государств степной Евразии, о которых ранее были доступны лишь сведения из источников их соседей (китайцев, византийцев и др.).

После введения в научный оборот всех трех групп источников — китайских, мусульманских и тюркских руноподобных текстов к концу XIX в. начался процесс их осмысления и обобщения. Первым к сравнению и сопоставлению западных (античных и византийских) и восточных материалов приступил арабист, иранист, а также знаток греко-римской историографии В.В. Григорьев. Базируясь на переводах Н.Я. Бичурина, он создал сводную работу «Китайский или Восточный Туркестан», бывшую в свое время исчерпывающим исследованием по исторической географии региона [Гумилев, 1960, с. 8].

Целой эпохой в истории отечественной и мировой тюркологии является деятельность В.В. Радлова (1837—1918). Известный своими фундаментальными трудами в области тюркской филологии, он внес также свой вклад в изучение древней и раннесредневековой истории тюркских народов. Кроме целой серии рунических памятников, Радлов собственноручно переписал и издал ряд памятников уйгурской письменности [Кононов, 1982]. Проблемам истории уйгур он посвятил специальную работу «К вопросу об уйгурах» [Радлов, 1893]. В этом сочинении Радлов коснулся проблемы происхождения уйгур, а также выдвинул собственную концепцию становления

и развития государственности у кочевых народов.

Процесс формирования кочевой государственности, по Радлову, происходит на основе первичной социальной единицы — «аула». Аул — это устойчивое сообщество, выросшее из большой и сильной семьи. В дальнейшем вокруг аула складывается более крупное объединение степняков — «подплемя». В подплемене уже проявляется потребность в начальных формах регулирования и управления кочевым обществом. Вследствие благоприятных обстоятельств из подплемена возникала более крупная единица — племя. Главная причина разрастания кочевого объединения заключается, по мнению Радлова, в личных качествах предводителя подплемена — бия. Следующая ступень кочевых сообществ — это «колена», которые состояли уже из нескольких племен, а несколько колен могли объединяться, в свою очередь, в орды. На основе вышеназванных объединений образовывались, согласно взглядам Радлова, государства кочевников.

Главное в концепции В.В.Радлова — это доминирующая роль предводителей кочевников — биев и ханов, т.к. стабильность кочевых государств, по мнению ученого, держалась исключительно на личности ханов, на их силе и авторитете. Гибель кочевой державы наступала при ослаблении ханской власти. Даже само возникновение и дальнейшее развитие кочевого государства, согласно концепции Радлова, явление случайное, поскольку кочевое общество в нормальном состоянии не нуждается в государственной организации, а ханская власть появляется только при чрезвычайных обстоятельствах.

В 1896 г. в журнале «Живая старина» вышла работа Н.А.Аристов «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей». В этом исследовании значительное место уделено древнему и раннесредневековому периоду истории тюркских народов, а также дана собственная концепция сложения государственности у тюркских народов. В вопросе о начале истории тюркских народов Аристов разделяет точку зрения о тюркоязычности хуннов и рассматривает державу Хунну как древнейшее

тюркское государство [Аристов, 1896, с.290]. По проблеме становления государственности у кочевников взгляды Н.А.Аристов во многом расходились с концепцией В.В.Радлова. По мнению Аристов, образование и становление кочевых держав были неразрывно связаны с родо-племенным строем. Аристовым была предложена следующая схема политогенеза в кочевом обществе: сначала глава рода — «родоначальник» подчиняет своему влиянию роды своего племени, а затем происходит покорение остальных племен. Падение степной державы, по мнению ученого, наступает вследствие ослабления власти хана, а по причине ослабления правящего рода, с одной стороны, и стремлением покоренных племен и родов к самостоятельности, с другой. Через некоторое время после гибели кочевого государства в степи усиливается другой род, и процесс государствообразования начинается вновь [Аристов, 1896, с.284]. Таким образом, согласно концепции Н.А.Аристов, тесно связанный с родо-племенными отношениями политогенез внутренне присущ кочевому обществу и не является случайным и чрезвычайным, как полагал В.В.Радлов.

Видное место в истории кочевниковедения принадлежит Г.Е.Грум-Гржимайло, взглянувшему на историю Центральной Азии глазами географа. «Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая и Гоби» [Гумилев, 1994, с.96]. За 25 лет им была создана сводная работа «Западная Монголия и Урянхайский край» (исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). В поле зрения Грум-Гржимайло в основном были вопросы исторической географии, палеоэтнографии и некоторые вопросы хронологии. Но им были обойдены проблемы возникновения и развития государственности тюркоязычных народов.

Важным вкладом в историографию тюркских народов стала книга К.А.Иностранцева «Хунну и гунны». В этой работе дается подробнейший анализ всех существовавших к тому времени теорий о происхождении центральноазиатских хуннов и евро-

пейских гуннов. Автор сделал вывод о тюркоязычности самого племени хунну и значительной части других племен, входивших в состав хуннской державы [Иностранцев, 1926, с.118]. В вопросе об этногенезе европейских гуннов Иностранцев приходит к мысли о постепенной ассимиляции центральноазиатских хуннов среди местного населения, сначала финского, а позже славянского и германского. Притом преемственность гуннов от хунну не вызывает у автора никакого сомнения: «вторжение грозных завоевателей IV—V вв. находится в связи и вызвано переворотом на крайних восточных пределах Азии» [Иностранцев, 1926, с.119].

История тюркских народов занимает едва ли не главное место в наследии выдающегося русского востоковеда В.В.Бартольда. К истории тюркских народов в своей научной деятельности он обращался дважды. В 1892—1899 гг. его интересовали отдельные проблемы тюркской истории, среди которых — историографическое значение впервые прочтенных тогда орхоно-енисейских памятников [Кляшторный, Ромодин, 1970, с.149]. В 1925—1930 гг. интерес Бартольда к истории тюркских народов был связан с теми грандиозными изменениями, которые происходили в тюркоязычных окраинах бывшей Российской империи. Национальное размежевание, государственное строительство — формирование национальных республик — все это стимулировало интерес к истории и национально-культурным традициям тюркских народов. В это время Бартольдом было написано большинство обобщающих работ по истории тюркских народов: «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии», «История турецко-монгольских народов», «Тюрки» [Бартольд, 1968] и др. Отдельным тюркским народам посвящены его небольшие статьи — «Карлуки», «Кимаки», «Кипчаки» [Там же] и др. Основными источниками трудов Бартольда были тексты орхоно-енисейских памятников, переводы китайских исторических сочинений, сочинения античных и византийских авторов.

В вопросе о наиболее раннем этапе тюркской государственности В.В.Бартольд был далек от безусловного признания факта

тюркоязычности хуннов [Бартольд, 1968, с.267]. Историю государственности тюркских народов он начинает рассматривать с эпохи Тюркского каганата.

Проблема причины происхождения государственной власти в кочевом обществе также нашла отражение в ряде трудов В.В.Бартольда [Бартольд, 1968, с.279]. В своих построениях он опирался на концепцию В.В.Радлова о чрезвычайном характере ханской власти в степи. Напротив, точка зрения Н.А.Аристовой была подвергнута им жесткой критике и названа «крупным недоразумением» [Бартольд, 1968, с.267]. Как и В.В.Радлов, В.В.Бартольд считал, что при нормальных условиях кочевое общество регулируется традиционными связями и нормами обычного права и поэтому не нуждается в государственной организации. Однако, когда в степи начинает набирать обороты процесс имущественной дифференциации, кочевое общество расстраивается на сословия и классы, появляются признаки классовой борьбы. Под влиянием этой борьбы, по мнению Бартольда, и зарождаются основы политической власти в кочевом обществе. Имущественное расслоение, борьба между бедными и богатыми, «степной аристократией и демократическими элементами», и были, согласно концепции ученого, теми чрезвычайными обстоятельствами, о которых писал В.В.Радлов. Как и В.В.Радлов, В.В.Бартольд исходил из того, что представители государственной власти — ханы захватывали власть сами, никем не назначались и не выбирались. Однако процессы классового образования и политогенеза, по мнению Бартольда, являются обратимыми и кочевое общество со временем может вновь вернуться к доклассовому и догосударственному уровню развития, т.е. «нормальному» для него состоянию. Как видно, несмотря на близость отдельных положений концепции Бартольда к марксистской теории, его взгляды значительно отличались от классического марксизма.

Одним из факторов стабильности кочевой державы В.В.Бартольд считал захват богатств «культурных стран», таким образом, он указывал на экзополитарный

(внешнеэксплуататорский) характер кочевых государств [Бартольд, 1965, с.28].

При обзоре историографии истории тюркских народов невозможно пройти мимо вышедшей в 1931 г. книги Б.Я.Владимирцова «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм». Несмотря на то, что этот труд не имеет прямого отношения к тюркским народам, он сыграл заметную роль в развитии отечественной исторической тюркологии. В этой работе Владимирцов «впервые во всей полноте поставил вопрос о характере общественных отношений у монголов в средние века, показал, насколько монгольские племена эпохи Чингизхана отличались друг от друга по уровню своего общественного развития» [Кляшторный, Ромодин, 1970, с.152—153], и в то же время он отметил, что в чертах родового быта монгол «нет ничего особенного и оригинального, что бы выделяло древних монголов из ряда других народов, живущих или живших родовым строем» [Владимирцов, 1931, с.58]. Таким образом, закономерности, присущие развитию монгольского кочевого общества, могут быть приложимы и к другим степным народам, в том числе и тюркам. В монографии Владимирцова впервые дана достаточно полная, детальная картина становления основ кочевой государственности на основе подробнейшего анализа социально-экономического развития монгольского общества. Концепция Владимирцова о сложении монгольского государства вкратце выглядит следующим образом. В XII в. в степях Монголии протекают два взаимосвязанных процесса — идет разложение родового строя и начинается переход от куренного к аильному способу кочевания. При аильном кочевании богатый скотовладелец разделяет свои стада по аилам, где скот пасется под присмотром зависимых людей. Набирает обороты процесс расслоения древнемонгольского общества на богатых скотовладельцев, лично свободных, но не богатых общинников и на зависимых людей. На этом фоне складывается кочевая аристократия, представители которой окружают себя различными категориями зависимых людей — рабов, крепостных вассалов, а также дружиной. Формируется система эксплуатации как зависимых так

и формально свободных людей, вырабатываются отношения иерархической соподчиненности и вассалитета. Все эти явления, по мнению Владимирцова, являются признаками феодального строя с кочевой спецификой. В XII в. происходят постоянные стычки между различными группами кочевой феодальной аристократии за гегемонию в степи. Но несмотря на всю ожесточенность столкновений основная цель враждующих группировок была одна — установить единую стабильную власть, которая бы отвечала интересам разбогатевшей кочевой аристократии. На этой волне и происходит образование Монгольской империи во главе с Чингиз-ханом. Б.Я.Владимирцов дал описание становления и последовательного развития классового общества у монгольских племен, которое он определил как феодальное. По мнению ученого, «то, что происходило в нарождающемся государстве Чингис-хана, вероятно, происходило и в других хаанатах, но, может быть, не принимало таких размеров и не было так строго организовано». Закономерным итогом процесса классообразования стало, согласно концепции Владимирцова, формирование монгольского феодального государства.

Работа Б.Я.Владимирцова подводит своеобразный итог дореволюционному периоду отечественного кочевниковедения. Хотя книга и была написана уже в годы советской власти, в ней, как и в последних работах В.В.Бартольда, нет жестких формулировок исторического материализма, присущих сочинениям советских тюркологов, таких, как С.П.Толстов, А.Н.Бернштам и др.

Официальная дореволюционная историография истории России относила кочевников к разряду т.н. «неисторических» народов [Мавродина, 1983, с.12]. В трудах Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского и других история тюркоязычных кочевников рассматривалась лишь в свете их взаимоотношений с Русью, а отношения эти трактовались как борьба цивилизованной Руси с «варварами», как непримиримое противоборство «леса» со «степью». Влияние кочевников на ход русской истории объяснялось как однозначно негативное. «Борьба со степным

кочевником, половчанином, злым татарин-ном, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., самое тяжелое историческое воспоминание русского народа. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни», — такой вывод в свое время сделал В.О.Ключевский (цит. по.: [Мавродина, 1983, с.17]). Подобный подход, господствовавший в официальной историографии вплоть до 1917 г., заметно влиял на формирование в русском обществе представлений о роли тюркских народов в истории России.

Диаметрально противоположная такому подходу точка зрения была высказана в 1920-х гг. в работах ученых евразийской школы. Евразийство — общественно-политическое течение, возникшее в среде русской эмиграции после окончания гражданской войны, предложило по-новому взглянуть на историю русско-тюркских взаимоотношений. Евразийцы считали, что русская этничность не может быть сведена лишь к славянскому этносу, в ее образовании большую роль сыграли и тюркские племена. Оценка евразийцами русско-тюркских взаимоотношений в целом, и т.н. татаро-монгольского «ига», в частности, означала не больше не меньше, что «без *татарщины* не было бы и России» [Савицкий, 1993, с.123]. Россия мыслилась евразийцами не как прямое продолжение Киевской Руси, а как «наследница великих ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии, в ней сочетаются оседлая и степная стихии» [Савицкий, 1993, с.125]. В трудах евразийцев история России рассматривается в рамках истории Евразии в целом, при том всячески подчеркивается важная роль тюркских народов. Ученый-лингвист князь Н.С.Трубецкой считал, что в истории Евразии тюркские («туранские») племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские племена: «Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной Европейской России (царство волжско-камских булгар и царство хазарское) были гораздо более значительнее варяжско-рус-

ского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами» [Трубецкой, 1993, с.59]. Евразийцев больше интересовал период монгольских завоеваний и Золотой Орды, «туранский элемент» в русской истории они связывали с «наследием Чингиз-хана», в империи которого евразийский мир впервые предстал как единое целое. Географ и геополитик П.Н.Савицкий всячески подчеркивал позитивную роль татарского государства в становлении Российского государства: «Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они (татары) дали России свойство организовываться воедино, создавать государственно-принудительный центр, достигая устойчивости; они дали ей качество становиться *могущественной ордой*» [Савицкий, 1993, с.124].

Идеи евразийства оказали влияние на творчество таких историков, как Э.Хара-Даван, Г.Е.Вернадский и др. Для широкой аудитории в России—СНГ труды евразийцев 20-х гг. XX в. стали доступны только в последние десятилетия. Однако некоторые положения евразийской школы легли в основу исторических концепций Л.Н.Гумилева. Хотя в своих построениях евразийцы не были абсолютно объективны и беспристрастны, а порой их заносило в противоположную официальной историографии крайность, тем не менее евразийство стало важным этапом развития русской исторической мысли.

III этап: 30-е — середина 50-х гг. XX в.

Переход от старой школы отечественной тюркологии к советско-марксистской традиции приходится примерно на начало 30-х гг. XX столетия. В это время завершается процесс формирования тоталитарного государства — СССР. Решающую роль в складывании историографической ситуации в стране стала играть политика партии, а конкретные исследования стали сверяться с историческими взглядами Сталина [Балашов, Юрченко, 1994 с.43]. После ухода из жизни В.В.Бартольда и Б.Я.Владимирова тон в отечественной исторической тюркологии начинают задавать ученые,

твердо опиравшиеся на постулаты исторического материализма. Если вышедшая в 1934 г., через три года после кончины автора, книга Б.Я.Владимирцова «Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм» еще во многом продолжает традиции старой школы, то увидевшие свет в том же году работы Н.Н.Козьмина и С.П.Толстова открывают новую веху в отечественном кочевниковедении. И если в XIX — начале XX в. целью исследований являлся сбор источников и сведений о прошлом народов азиатской части России, то теперь на передний план выходят задачи идеологического характера и практические вопросы классовой борьбы.

В работах сибирского ученого Н.Н.Козьмина [Козьмин, 1934] проводится идея о господстве феодальных отношений в эпоху Тюркского каганата и Монгольской империи. В обществе орхоно-енисейских тюрок он выделяет феодальную аристократию и простой народ, между которыми шла ожесточенная классовая борьба. Якобы в результате этой борьбы, а также по причине столкновения интересов феодальной аристократии распался первый Тюркский каганат. Второй каганат сформировался, по мнению Козьмина, посредством разрастания небольшого феодального владения до крупного феодального государства. Государственные институты Тюркского каганата Козьмин сравнивает с институтами раннефеодальных государств Европы и видит в них много общего. Как у тюрок, так и у монголов, согласно концепции этого историка, родо-племенной строй давно разложился, и господствующими были феодальные отношения. Как и в средневековой Европе феодализм в Центральной Азии проявлял себя в институте вассалитета и земельной собственности. По мнению Козьмина, не было существенных различий между европейским и центральноазиатским феодализмом.

Поскольку Н.Н.Козьмин был репрессирован, то его труды на долгое время оказались под запретом и были изъяты из научного оборота. Основная дискуссия по поводу социально-экономического и политического развития кочевых обществ разверну-

лась между С.П.Толстым и А.Н.Бернштамом.

Крупный отечественный историк, исследователь Средней Азии С.П.Толстов внес значительный вклад в изучение истории тюркских народов. Его перу принадлежат работы по древней и раннесредневековой истории Средней Азии, среди которых выделяется фундаментальный труд «Древний Хорезм» [Толстов, 1948], в котором рассматриваются и некоторые проблемы истории тюркских кочевых народов. Можно также отметить статью «Города гузов» [Толстов, 1947], посвященную истории огузских племен Приаралья. Одной из главных тем в работах Толстова была проблема социально-экономического и политического развития кочевников. Одним из важнейших тезисов в трудах ученого является мысль о том, что в своем развитии кочевые народы прошли рабовладельческую стадию развития [Толстов, 1934, с.174]. Выделявшаяся из массы кочевников аристократия была, по мнению Толстова, по сути своей рабовладельческой. Но уже в недрах рабовладельческого строя созревали зачатки феодальных отношений в виде различных форм феодальной зависимости и вассалитета. Основным институтом дальнейшей феодализации кочевого общества Толстов считал саун — отношения по аренде скота бедными общинниками у богатых скотовладельцев. Феодальная эксплуатация в кочевом обществе осуществлялась, по мнению ученого, не напрямую через собственность феодалов на землю, а опосредованно — выдачей скота в аренду на определенных условиях. Пастбища при этом номинально оставались родо-племенной собственностью. Сами родо-племенные институты, по мнению исследователя, уже давно утратили свой первоначальный смысл и были узурпированы кочевой аристократией, являясь по существу прикрытием сначала рабовладельческих, а затем и феодальных форм эксплуатации [Толстов, 1934, с.185—191].

Объединения центральноазиатских хуннов и орхоно-енисейских тюрок С.П.Толстов рассматривает как «военно-рабовладельческие империи». В этих государственных образованиях, по мнению Толстова, шел медленный процесс разложения ра-

бовладельческих и созревания феодальных отношений. В результате противоречий между отмирающим рабовладельческим и наступающим феодальным укладом происходит распад и гибель этих империй. На их месте, по мнению ученого, происходит сложение сравнительно небольших, но гораздо более устойчивых государств, феодальных в своей основе. Хазарский каганат, болгары, уйгуры VIII–X вв., по мнению исследователя, — это уже государства и народы оформляющегося феодализма. С.П.Толстов соглашается с Б.Я.Владимирцовым в том, что в XII–XIII вв. у монголов происходит становление феодальных отношений, однако образование Монгольской империи, на его взгляд, происходило по образцу завоевательных военно-рабовладельческих государств. Но со временем феодальные отношения у средневековых монголов одержали верх. Стабильные государства феодального типа появляются у кочевников Евразии, по мнению Толстова, уже намного позже монгольских завоеваний.

Близкой взглядам С.П.Толстова точки зрения на социально-политический строй кочевников придерживался и крупнейший археолог, историк древнего мира, исследователь сибирских древностей С.В.Киселев. Его главная книга «Древняя история южной Сибири» [Киселев, 1951] стала результатом многолетних полевых исследований и анализа добытого материала. Уже в обществе хуннов, по мнению Киселева, происходило разложение родового строя и становление рабовладельческих отношений. Главной причиной распада родового строя стала появившаяся уже в столь ранний период частная собственность. Основу частной собственности, которая накапливалась в руках кочевой аристократии, составляли, в первую очередь, рабы, а также продукция, произведенная рабами. Именно кочевая аристократия поддержала слагавшуюся в племенном союзе хунну государственную власть. Таким образом, по мнению ученого, сформировался военный союз хунну, политическая система которого стала надолго характерной для истории Центральной Азии.

Похожая картина наблюдалась, согласно концепции С.В.Киселева, и в древне-

тюркском обществе, где эксплуатация рабов также привела к значительным изменениям в общественном строе. Здесь аристократия встретила сопротивление рядовых кочевников. В ходе развернувшейся борьбы сформировалось объединение аристократии древнетюркских племен — «вечный эль». Тюркский эль, по мнению Киселева — это государственное устройство и организация знати одновременно. Исследователь считал, что завоевательная политика Тюркского каганата была определенным компромиссом между стремящейся подчинить основную массу рядовых кочевников аристократией и сопротивляющимся этому процессу простым народом. Успех походов временно глушил внутреннюю борьбу, доставляя их участникам — знати и рядовым воинам богатую добычу.

В работах известного отечественного тюрколога, автора целого ряда работ по истории, археологии и культуре Киргизии А.Н.Бернштама проводится идея о ранней феодализации кочевников. Рабство, по мнению Бернштама, носило патриархальный характер и являлось лишь укладом внутри феодального общества. Бернштам считал, что главная причина образования кочевых государств была в классовой борьбе, всплески которой приводили к власти очередную династию. В своем развитии кочевники, согласно концепции ученого, совершили переход от первобытнообщинного коммунизма к феодальному обществу, минуя рабовладельческий строй. Государства кочевников представляли собой, по мнению исследователя, военно-феодальные объединения, что являлось единственно возможной формой диктатуры господствующего класса.

Одним из направлений научной деятельности А.Н.Бернштама была история гуннов, которой была посвящена его книга «Очерк истории гуннов» [Бернштам, 1951]. А.Н.Бернштам придерживался концепции К.А.Иностранцева о преемственности центральноазиатских хуннов и европейских гуннов, тюркоязычности и тех и других. Объединение центральноазиатских гуннов представляло собой, по определению Бернштама, доклассовое «варварское общество».

Истории древних тюрков посвящена монография А.Н.Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков» [Бернштам, 1946]. Древние тюрки, согласно концепции ученого, образовывали уже раннефеодальное объединение. Сам процесс происхождения древних тюрков представлял собой, по мнению исследователя, особый вид этногенеза, совпадающий с процессом феодализации. Древнетюркское государство было своеобразным феодальным островком среди «варварских» племен Центральной Азии. Государством в полном смысле этого слова Бернштам считал только второй Тюркский каганат, возродившийся в конце VII в. после недолгого периода подчинения тюрков Китаю. Именно в это время, по мнению историка, происходит формирование феодальных отношений, классовая борьба между феодальной аристократией и простым народом, результатом которой стало образование древнетюркского государства.

Неоценимым вкладом в изучение истории тюркских народов Восточной Европы стала деятельность выдающегося отечественного историка, археолога М.И.Артамонова. Итогом его многолетней научной деятельности стала фундаментальная монография «История хазар» [Артамонов, 1962]. В этой книге значительное место отведено племенам и государственным образованиям кочевых и полукочевых тюрков начиная с эпохи гуннов. Специальные главы посвящены савирам, протоболгарским племенам, аварам, тюркутам, Великой Болгарии. Подробнейшим образом исследована история хазар с момента их первого появления на страницах письменных источников до падения Хазарского каганата в X в. Для своего времени эта работа Артамонова являлась исчерпывающим исследованием по данной теме, не утратила своего значения эта книга и сегодня.

Следует также отметить, что послевоенный период ознаменовался заметными успехами в изучении и публикации источников по истории тюркских народов. В 1950-е гг. С.Е.Маловым был издан целый ряд работ по древнетюркским письменным источникам [Малов, 1951; 1952; 1959]. Тогда же был переиздан фундаментальный

труд по истории тюрков-кочевников – сборник переводов китайских летописей, выполненных Н.Я.Бичуриным [Бичурин, 1953]. Опираясь на достижения кочевниковедения 1930–50-х гг., развивая, дополняя и критикуя результаты работы своих предшественников, исследователи последующей эпохи добились новых результатов в изучение рассматриваемой проблемы.

IV этап: конец 50-х – 90-е гг. XX в.

Конец эпохи сталинизма ознаменовался коренным поворотом в общественно-политической жизни страны. «XX съезд КПСС и опубликованное вскоре постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», положившие начало обновлению страны, были знаменательной вехой и для исторической науки. Началась борьба с догматизмом и начетничеством, стал восстанавливаться метод творческих дискуссий как главное средство решения спорных вопросов» [Балашов, Юрченко, с.88]. Перемены, происходившие в исторической науке в период «оттепели», в полной мере коснулись и отечественного кочевниковедения. Господствовавшие ранее установки о формационной принадлежности кочевых обществ к рабовладельческой, феодальной (патриархально-феодальной) формациям были подвергнуты критике и переосмыслению, в связи с чем вновь всплыли вопросы, связанные с государственностью кочевников. В работах некоторых исследователей были пересмотрены казавшиеся незыблемыми положения о прямой зависимости социально-политического развития от экономического базиса кочевых сообществ, а порой подвергался сомнению даже сам факт существования института государства у кочевников. В то же время теория кочевого феодализма также не была забыта и получила свое развитие в исследованиях целого ряда авторов. В силу всего этого общая картина различных точек зрения выглядит куда ярче и многообразнее чем в предшествующий период.

На конец 50-х гг. XX в. приходится начало публичной научной деятельности Л.Н.Гумилева, одной из самых интересных и в то же время неоднозначных фигур русской историографии прошлого столетия.

Истории кочевников евразийских степей посвящено большинство его книг и статей. В работах Гумилева наиболее ярко выражена идея о доклассовом характере ранней государственности у кочевников. Государственность у хуннов возникла, по мнению историка, из-за перехода разобщенных по айлам кочевников к круглогодичным перекочевкам. Эти айлы стали образовывать теперь спаянные группы, возникала потребность в организации этих групп для обороны от врагов и поддержания внутреннего порядка. Этот зародыш государственности, по мнению Гумилева, более древний, чем институт классового государства. Саму державу Хунну ученый рассматривает как общество, где господствовали родо-племенные институты, и определяет как «родовую империю» [Гумилев, 1960, с.83].

Тюркский каганат, по мнению Л.Н.Гумилева, образовался вследствие завоевательной политики ханов из рода Ашина, в результате которой были объединены почти все степные народы Евразии и прилегающие территории с оседло-земледельческим населением. Чтобы эффективно контролировать эти страны и народы, древние тюрки создали свое государственное объединение — эль. Основным противоречием в первом Тюркском каганате было противоречие между тюркской военной демократией и покоренными племенами, находившимися еще в стадии родового строя. Ввиду недолгого существования государства исследователь рассматривает Тюркский каганат как незавершенный процесс классообразования [Гумилев, 1961, с.18].

Феодалные отношения, согласно концепции Л.Н.Гумилева, возникали только по периферии Великой Степи, там, где кочевники завоевывали страны с оседлоземледельческим населением. В качестве примеров Гумилев приводит государство Сельджукидов, Золотую Орду, монгольские династии в Иране и Китае. При том оставшиеся в степи кочевники продолжали сохранять прежние общественные отношения [Гумилев, 1969, с.80].

Сочинения Л.Н.Гумилева отличаются легкостью слога и доступностью изложения материала, что обеспечило им широкую популярность, особенно в тюркских респуб-

ликах бывшего СССР, и в Татарстане в том числе. Но следует отметить, что наряду с доброжелательным тоном по отношению к тюркским народам, в сочинениях Гумилева отчетливо прослеживается негативное отношение к исламу (см.: [Гумилев, 1994]), религии, которую исповедует подавляющее большинство тюркских народов. Если ранние работы Гумилева, такие, как «Хунну», «Древние тюрки» и др., не выходят за рамки научных монографий, то более поздние труды базируются на разработанной им теории «этногенеза и пассионарности». История тюркских народов в этих работах служит лишь для иллюстрации достаточно спорной и противоречивой теории.

Как бы ни разнились подходы советских историков к вопросам социально-политического развития кочевых обществ между собой и тем более со взглядами русских тюркологов старой школы, тем не менее все они признавали факт существования кочевых государств. Однако в период хрущевской «оттепели» и в последующие годы в работах целого ряда исследователей это положение было подвергнуто критике и сомнению. Среди этих ученых можно выделить имена Г.Е.Маркова [Марков, 1975] и С.А.Плетневой [Плетнева, 1976].

Согласно концепции крупного отечественного кочевниковеда Г.Е.Маркова, в кочевых обществах происходят процессы имущественной дифференциации и выделения господствующего слоя — военных и племенных предводителей. Усиление военной организации приводило в итоге к возникновению кочевых империй, олицетворявших военную централизацию скотоводов. Но кочевые империи представляли собой эфемерные образования и не имели прочного экономического базиса. Объединение различных племен в кочевую империю могло быть осуществлено лишь при условии создания единой системы управления, опирающейся на прочную военную силу. Однако при ослаблении центральной власти начинался распад кочевой империи, военно-административная система прекращала свое существование и степняки вновь возвращались из «военно-кочевого» в «общинно-кочевое» состояние. Таким образом, кочевые империи, согласно концеп-

ции Маркова, не являлись государствами в полном смысле этого слова.

Взглядам Г.Е.Маркова близка концепция известного ученого, крупного специалиста по истории тюркских народов Восточной Европы, автора трудов по истории хазар и половцев С.А.Плетневой. Ее взгляды в полной мере нашли отражение в монографии «Кочевники средневековья» [Плетнева, 1976]. Так же, как и Марков, она считает, что кочевых государств не существовало, а объединения кочевников представляли собой племенные союзы, которые становились государствами лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию. Плетнева выделяет три стадии развития кочевых обществ: первая стадия — таборное кочевание, с отсутствием земледелия и оседлости, в сфере общественного быта этой стадии присуща военная демократия; вторая стадия — полукочевое хозяйство с постоянными зимовками и частичным заготовлением кормов, распадение родового строя и военной демократии, становление раннеклассового общества и формирование государственных объединений; третья стадия — полукочевое хозяйство с параллельным развитием земледелия и оседлости, появление городов, феодализм и государство.

Вторая стадия кочевания, по мнению С.А.Плетневой, делится на два этапа, причем для первого этапа характерен куренный способ кочевания, а для второго — айильный. Военно-демократический строй в эту эпоху сменялся классовым. На второй стадии кочевания, согласно концепции Плетневой, находились хунны, древние тюрки эпохи каганата, империя Аттилы, Аварский каганат, держава Кубрата, Хазарский каганат в период становления и др.

Третьей стадии кочевания присущи высокоразвитая земледельческо-скотоводческая экономика, развитие ремесел, рост городов, единство культуры, языка, появление письменности. Все это, согласно концепции Плетневой, — признаки развивающейся и утверждающейся государственности. Если для второй стадии кочевания можно говорить о создании рыхлых государственных объединений — «кочевых империй», то для третьей стадии, по мнению

ученого, характерны устойчивые и организованные объединения — «каганаты». В качестве наиболее ярких примеров третьей стадии кочевания исследователь приводит Уйгурский каганат, где имел место классовый феодальный строй, а также Кыргызский каганат, Хазарию в период расцвета и др.

Важным вкладом в историографию истории тюркских народов стали труды крупного отечественного тюрколога С.Г.Кляшторного. Его книги и статьи посвящены истории тюркских народов в целом, источниковедческому значению памятников древнетюркской письменности, проблемам социального строя и политогенеза в обществе кочевых тюрков [Кляшторный, 1964; 1970; 1971; 1984; 1994 и др.]. С.Г.Кляшторный является научным редактором и одним из авторов настоящей книги, и читатель сам сможет ознакомиться с его взглядами и историческими концепциями.

Среди работ последних лет следует особо отметить книгу владивостокского ученого Н.Н.Крадина «Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)» [Крадин, 1992]. По мнению Крадина, хотя кочевники и могли обходиться продуктами своего труда, они тем не менее нуждались в изделиях ремесленников, оружия, шелке, украшениях и продуктах, производимых земледельцами. Получить все это можно было двумя способами: войной и мирной торговлей. Кочевники использовали оба способа. Когда они чувствовали свое превосходство или неуязвимость, то без раздумий садились на коней и отправлялись в набег. Но когда соседом было могущественное государство, скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко правительства оседлых государств препятствовали такой торговле, т.к. она выходила из-под государственного контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем.

Н.Н.Крадин, как и В.В.Радлов и В.В.Бартольд, придерживается точки зрения, что поначалу кочевники не нуждались в собственном государстве. Государственность у кочевников зарождалась, согласно концепции Крадина, в тех регионах, где

они вынуждены были иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары и турки и Византия и др.). Таким образом, Крадин придерживается позиции, что государственность у кочевых народов возникла под влиянием оседлоземледельческих цивилизаций.

Точка зрения о классовом характере кочевых обществ наиболее аргументированно представлена в монографии крупного специалиста по китайским источникам, автора по истории средневековых тангутов и монголов Е.И.Кычанова [Кычанов, 1994]. Он даже не ставит под сомнение сам факт существования государств у кочевых народов. В этой работе Кычанов рассматривает проблемы уровня развития кочевых народов исходя из убеждения, что общества кочевников были обществами классовыми и как результат имущественного и классового расслоения этих обществ возникли и кочевые государства. В книге дан подробнейший анализ ранних форм государственности у кочевых народов, в разное время граничивших с Китаем. Само кочевое государство, согласно концепции Кычанова, было не только орудием обороны или ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать неимущих и малоимущих соплеменников и рабов. Главная идея, которую Кычанов проводит в своей монографии, в том, что кочевые государства были прежде всего результатом внутреннего развития кочевых обществ, итогом их сословно-классового разделения и социальных противоречий в обществе.

Особая ценность книги Е.И.Кычанова заключается в том, что автор часто обращается к оригиналам китайских источников, а не их переводов.

В 1960–90-е гг. продолжалось накопление и систематизация источниковой базы по древней и средневековой истории тюрок-кочевников. Была продолжена работа

по поиску, дешифровке и публикации памятников древнетюркской письменности. В 1971 г. был издан первый тюркский источник, относящийся к истории первого Тюркского каганата, — Бугутская надпись на согдийском языке [Кляшторный, Лившиц, 1971]. В 1983 г. Д.Д.Васильевым было осуществлено издание тюркских рунических памятников бассейна Енисея, ставшее первой наиболее полной публикацией древнетюркских памятников отдельного региона [Васильев, 1983]. В том же году вышла его монография, посвященная описанию, исследованию и систематизации многовариантной графики тюркских рунических памятников VIII — X вв. [Васильев, 1983].

В.С.Таскиным были переведены и изданы отрывки из китайских летописей, касающиеся истории восточных гуннов [Материалы, 1968; 1973]. Он подверг переоценке переводы китайских источников, сделанные и изданные еще в 1851 г. Н.Я.Бичуриным. В.С.Таскин уточнил и исправил целый ряд неточностей и ошибок, допущенных своим предшественником. Публикации Таскина имеют не только источниковедческое, но историографическое значение, т.к. допущенные Н.Я.Бичуриным при переводе китайских летописей неточности и ошибки перекочевали в труды А.Н.Бернштама, Л.Н.Гумилева и других исследователей и даже стали основой их исторических концепций. Так, например, В.С.Таскин опроверг точку зрения Л.Н.Гумилева о господстве родовых отношений у хуннов.

Итогом развития исторической науки в Киргизии и Казахстане в советский период стали многотомные коллективные монографии, в которых значительное место уделено и древнетюркскому периоду в истории этих республик [История Киргизской ССР, 1968; История Казахской ССР, 1977].

Краткий обзор зарубежной историографии

В историографическом обзоре нельзя не упомянуть вкратце и об изучении древней и раннесредневековой истории народов Евразии за рубежом.

Изучение древней и раннесредневековой истории народов Центральной Азии в Европе начинается с XVIII в., когда французские миссионеры перевели с китайского и маньчжурского языков исторические источники. На основе этих данных, а также с привлечением византийских источников профессор Сорбонны Ж.Дегинь [Deguignes] написал первую капитальную работу, посвященную кочевым народам Центральной Азии.

В следующем XIX в. изучение древней и средневековой истории тюркских народов продолжили французские ученые Вивьен де Сен-Мартен [Saint-Martin], Абель Ремюза. Новый подъем в изучении истории Центральной Азии наступил во Франции на рубеже XIX—XX вв. Здесь необходимо упомянуть имена таких исследователей, как Эдуард Шаванн, Поль Пельо, Анри Кордые, Рене Груссе, Луи Амбис.

Историки XIX в., изучавшие историю степных народов, больше интересовались событиями политической истории, проблемы социальной истории интересовали их куда меньше. Но для большинства из них характерно отрицание классового общества у кочевников. Они подчеркивали примитивную и неизменную природу образа жизни кочевников, статичный характер их общественных укладов [Крадин, 1992, с.14].

Немало ценных замечаний относительно различных сторон деятельности кочевых обществ оставили в своих трудах К.Маркс и Ф.Энгельс. Уровень развития кочевничества К.Маркс оценивал выше «доисторического». Однако в целом в схеме способов производства ни у К.Маркса, ни у Ф.Энгельса номадизму места не нашлось [Крадин, 1992, с.26].

В Германии в первой половине XX в. историей народов Центральной Азии занимались синологи Ф.Хирт, де Грот [de Groot] и Франке [Franke, 1930], востоковед широкого профиля И.Маркварт.

Истории гуннов посвящены работы Мак-Говерна [McGovern] и Отто Мэнчен-Хелфена [Maenchen-Helfen].

В целом для западного кочевниковедения XX в. характерно усиление внимания к социологическим проблемам номадизма, к экономике, системам родства, структуре

управления и власти кочевых обществ [Крадин, 1992, с.26].

Значительное внимание общественному строю кочевников уделит в своих работах О.Латтимор [Lattimore, 1963; 1967; 1974; 1979]. Согласно его точке зрения, общественный строй номадов, в принципе, оставался неизменным. «Кочевники то объединялись, то вновь распадались, в целом эволюционируя по спирали. Кочевые империи образовывались только в процессе экспансии против земледельческих цивилизаций, когда способному вождю удавалось объединить большое число племен номадов. Социальные антагонизмы внутри кочевых обществ не получили большого развития. При этом противоречия выносились наружу» (цит по: [Крадин, 1992, с.26]).

На основе сравнения земледельческих и кочевых обществ К.Виттфогель [Wittfogel] отмечал, что при кочевом образе жизни гораздо меньше условий для установления деспотизма. Сильная власть устанавливалась только после подчинения и завоевания орошаемых земель, но и в таком случае военные неудачи или природные бедствия могли быстро ослабить деспотизм предводителя номадов [Крадин, 1992, с.27].

Л.Крейдером была сформулирована концепция «родового государства» у номадов [Krader, 1955], в котором политические, социальные и другие связи базировались на кровном родстве. В ряде своих статей [Krader, 1978; 1979; 1981] этот ученый согласился и со многими положениями теории Б.Я.Владимирцова. Кочевые государства в этих статьях трактовались как классовые [Крадин, 1992, с.27].

Важную роль в реконструкции социального строя древних кочевников Центральной Азии сыграли работы Т.Барфильда [Barfield, 1981; 1989; 1992]. Этот ученый считает, что государственность не является институтом, внутренне необходимым для номадов. Вслед за О.Латтимором и др., Т.Барфильд развивает идею, что она возникает как способ адаптации кочевников к соседним земледельческим цивилизациям. «Номадная государственность была организована, по его мнению, в форме *имперских конфедераций*», которые имели авторитарный и «государственноподобный» вид снаружи, но оставались консультатив-

ными и племенными изнутри. Такая специфика nomадного государства обусловила характер отношений власти в хуннской империи. Могущество шаньюя и его семьи сильно ограничивалось вождями племен, входивших в конфедерацию. Однако будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель хунну имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование всей политической системы, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики» [Крадин, 1996, с.19].

Татарские историки о древней и раннесредневековой истории тюркских народов

Основные регионы проживания современных татар — Поволжье и Приуралье находятся вдали от центров древнетюркских кочевых государственных образований. Воспоминания об эпохе древнетюркских каганатов можно проследить лишь в древнейших пластах татарского фольклора. Именно этим, по всей видимости, можно объяснить то, что на начальном этапе становления татарской историографии добулгарский период истории татарского народа не стал базовой темой. Однако впоследствии татарские историки неоднократно обращались к древней и раннесредневековой истории своих предков. Не утратила актуальность эта тема и сейчас.

Одним из основоположников татарской исторической науки по праву считается крупнейший ученый, просветитель Шигабутдин Марджани (1818—1889) — автор более тридцати крупных научных работ. Его исторические труды опираются в основном на восточные источники, выписки из которых были собраны ученым во время учебы в Средней Азии. Одним из важнейших сочинений Ш.Б.Марджани является его книга «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Источники по истории Казани и Булгара») [Мәржани, 1989]. В этом труде, кроме собственно булгар, автор уделяет значительное место различным тюркским племенам и народам средневековья: хазарам, бургасам, кипчакам и др., подчеркивая общность их тюркского происхождения. В то же время более ранний период истории

тюркских народов в этом сочинении Марджани практически не освещается.

Древнетюркский период более детально рассматривается в книге известного историка и общественно-политического деятеля Ахмеда-Заки Валиди (1890—1970) «Краткая история тюрко-татар» [Вәлиди, 1992], впервые увидевшей свет в Казани в 1917 г. В специальном разделе, посвященном древнему периоду тюркской истории, Заки Валиди дает информацию о хуннах, древних тюрках и огузах, кроме того, там содержатся сведения о культуре древних тюрков. Автор упоминает и ссылается на труды таких известных тюркологов, как Н.Я.Бичурин, К.А.Иностранцев, В.В.Бартольд и др. Наиболее плодотворный период деятельности Заки Валиди приходится на годы эмиграции, где им было написано огромное количество различных научных трудов, среди которых более тридцати монографий. Одним из важнейших открытий этого ученого стала публикация им полного списка сочинения Ахмеда ибн Фадлана.

Древнетюркский период нашел отражение в творчестве одного из первых профессиональных татарских историков, доктора исторических наук Газиза Губайдуллина (1887—1938). В одном из его главных сочинений — книге «История татар» [Гобәйдуллин, 1989], впервые увидевшей свет на татарском языке в 1926 г., добулгарскому периоду уделено значительное место. Автор упоминает о государстве центральноазиатских тюрков, дает информацию о религии древних тюрков, их культуре, письменности орхоно-енисейских тюрков. Более подробно в этом сочинении освещена история тюркских народов Восточной Европы: гуннов и хазар. Раздел, посвященный хазарам, в этой книге равен разделу о домонгольском периоде истории волжских булгар.

В своей книге «История Сибири» [Атласи, 1993] видный татарский ученый, общественный деятель Хади Атласи (1876—1938) вкратце освещает и древнетюркский период в истории этого региона. В главе, посвященной киргизам, он упоминает и события, происходившие в эпоху Тюркского каганата.

Кроме вышеназванных историков древнетюркский период нашел отражение в творчестве видного просветителя, историка, общественного и религиозного деятеля Ризы Фахреддинова (1859—1936). Этнической истории тюркских народов посвящены

труды историка, религиозного деятеля Хасана-Гаты Габаша (1863—1933).

Поступательное развитие татарской исторической мысли было насильственно прервано установлением в стране тоталитарного режима личной власти Сталина. Многие историки были репрессированы, а их труды оказались под запретом. После известных постановлений ЦК ВКП (б) 1944 г. и состоявшейся затем в 1946 г. конференции, посвященной происхождению казанских татар, этническая история татар была ограничена практически лишь рамками современного Татарстана.

Интерес к древнетюркскому периоду истории татарского народа начинает проявляться спустя годы после XX съезда КПСС и осуждения культа личности Сталина — во второй половине 1970-х гг. Здесь, в первую очередь, следуют отметить труды известного историка и археолога А.Х.Халикова (1929—1994), разрабатывавшего проблемы этногенеза татарского народа, этнической принадлежности археологических культур Волго-Уральского региона, их датировки и др. В его работах [Халиков, 1978; 1989] обращается особое внимание древнетюркским корням казанских татар, дается информация о гуннах, тюркских каганатах. Новый всплеск интереса к древнетюркской эпохе произошёл после начала перестройки и подъёма национального самосознания татар на рубеже 1980-х — 90-х гг. В это время были переизданы (и переиздаются сейчас) труды Ш.Марджани, Р.Фахрединова, Г.Губайдуллина, А.З.Валиди и др. Древнетюркская тема нашла отражение в книгах и публикациях в периодических изданиях таких современных историков как академик М.А.Усманов, доктор исторических наук Р.Г.Фахрутдинов, академик И.Р.Тагиров [Тагиров, 2000], профессор А.Г.Мухаммадиев [Мөхаммәди, 2000] и др.

В последние годы стали появляться отдельные издания, посвящённые древнетюркской эпохе в истории татар. Здесь следует отметить работу доктора исторических наук С.Х.Алишева «Древний тюркский мир» [Алишев, 2000], а также монографию кандидата исторических наук Г.Л.Файзрахманова «Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии» [Файзрахманов, 2000], посвящённую исследованию истории древнетюркских государств с древнейших времён до начала XIII в. Духовной культуре тюркских народов

посвящена фундаментальная монография Г.М.Давлетшина [Дәүләтшин, 1999].

Следует отметить также появление в 2000 г. книги «Из глубины столетий», а в 2001 г. — книги «История «скифов» глазами современников», представляющих собой сборники прокомментированных источников по предыстории, этногенезу и этнической истории современного татарского народа и отражающих отдельные моменты этнополитической истории тюрко-татар начиная с 1 тыс. до н.э. (автор-составитель Б.Л.Хамидуллин) [Из глубины столетий; История «скифов»].

Исследование памятников эпохи бронзы и железного века на территории Татарстана

Изучение памятников эпохи бронзы на современной территории Республики Татарстан связано с деятельностью А.Ф.Лихачева (1832—1890) и Н.П.Лихачева (1862—1936), исследовавших I Полянский могильник и другие памятники [Лихачев, 1891]. Они собрали большое число медно-бронзовых орудий, которые сегодня хранятся в Национальном музее Республики Татарстан. В Ульяновско-Самарском Заволжье захоронения срубной культуры были изучены Н.Я.Мерпертом (1844—1905) [Мерперт, 1954]. Во второй половине XIX в. археологические раскопки также велись профессорами Казанского университета А.А.Штукенбергом (1844—1905) и Н.Ф.Высоцким (1843—1922), геологом П.И.Кротовым (1852—1914) и др. В 20-е гг. XX в. они были продолжены П.А.Пономаревым (1847—1919) и В.Ф.Смолиным (1890—1932). Культурно-хронологической оценке памятников эпохи бронзы во многом способствовали материалы раскопок, проводившихся крупнейшими специалистами советского периода П.Н.Третьяковым и Е.И.Горюновой в сопредельных областях: Чувашии, Марийском крае. В предвоенные годы такие памятники стали объектом исследования Н.Ф.Калинина (1888—1959) [Калинин, 1948]. Однако наибольший вклад в изучение эпохи бронзы на территории республики был сделан А.Х.Халиковым. В течение двух десятилетий под его руководством были обследованы и раскопаны многочисленные поселения и могильники этого времени, обоснована их датировка, выделена приказанская культура [Халиков, 1969; 1980; Бадер, Халиков,

1976]. Памятники культур эпохи бронзы: андроновской, абашевской, черкакульской, расположенных к востоку и югу от Татарстана, в это время активно исследовал К.В.Сальников (1900—1960) [Сальников, 1967]. В 1970-е гг. Е.П.Казаковым было изучено свыше 70 захоронений Такталачукского могильника, материал которого послужил основой для выделения одного из этапов черкакульской культуры, около 20 некрополей срубной культуры [Казаков, 1979]. Анализом металла памятников срубной культуры занимались Е.Н.Черных, С.В.Кузьминых.

Во второй половине XIX в. начались исследования памятников раннего железного века на территории современного Татарстана. В 1858 г. П.В.Алабин произвел раскопки Ананьинского могильника, давшего название культуре. Начатое им дело продолжили К.И.Невоструев, П.А.Пономарев и др. Начиная с 20-х гг. XX в. памятники данного периода исследовались А.В.Збруевой (1894—1965) [Збруева, 1952], с 60-х годов интенсивное изучение ананьинских памятников казанскими учеными проводилось в зоне Куйбышевского водохранилища [Халиков, 1977]. В дальнейшем исследования могильников и поселений этого времени были продолжены В.Н.Марковым, Е.П.Казаковым, А.А.Чижевским и другими археологами.

В освещении истории населения восточных районов Татарстана и сопредельных районов в пьаноборскую эпоху первостепенна роль В.Ф.Генинга (1924—1993). Помимо научных статей им опубликован ряд монографий, посвященных анализу древностей этого времени [Генинг, 1970; 1988]. Так же важен вклад Генинга в изучение азелинской культуры [Генинг, 1963]. В низовьях р. Камы раскопки азелинских памятников проводил П.Н.Старостин.

В.Ф.Генинг активно занимался проблемами происхождения и этнокультурного состава народов Урало-Поволжья [Генинг, 1959; 1974]. Под его руководством проведены широкие исследования памятников, определяемых им в качестве именьковских [Генинг и др., 1962]. П.Н.Старостиным был составлен свод известных к тому времени именьковских памятников и дана характеристика первой в крае земледельческой культуре [Старостин, 1967].

В 60—70-е гг. XX в. в республике проводились широкие раскопки языческих могильников раннеболгарского времени [Генинг, Халиков, 1964]. В 1977, 1981 гг. в г. Будапеште на французском и немецком языках вышли две монографии, подготовленные казанскими археологами [Chalikova, Chalikov, 1981; Chalikova, Kazakov, 1977]. В 1992 г. появилась обобщающая монография Е.П.Казакова [Казаков, 1992]. В этих работах на основе обширного материала во многом по-новому рассматриваются сложные проблемы датировки, истоков и этнокультурной принадлежности этнических групп, принявших участие в формировании культуры и этноса раннеболгарского объединения.

Следует отметить, что соответствующие проявления именьковской, турбаслинской, неволинской, кушнаренковской и других культур Урало-Поволжья эпохи раннего средневековья, степень участия их носителей в этногенезе волжских булгар во многом остаются дискуссионными. Скажем, проблема этнической принадлежности памятников именьковской археологической культуры, занимавших лесостепь Восточной Европы от р. Белой до Пензенского края, имеет 60-летнюю историографию. Так, В.Ф.Генинг приписывал их к древнетюркской материальной культуре, П.Д.Степанов — к древнемagyarской. Н.Ф.Калинин и А.П.Смирнов происхождение именьковцев видели в городецкой основе. Г.И.Матвеева считает именьковцев праславянами, Е.П.Казаков — поздними сарматами. Причем у ряда археологов точка зрения менялась: А.Х.Халиков первоначально именовал носителей именьковской культуры тюрками, впоследствии — балтами, П.Н.Старостин в первое время видел в них соединение тюркского и финно-угорского компонентов, сегодня приписывает к праславянам.

В последнее время большого размаха достигло сотрудничество татарстанских ученых с историками Санкт-Петербурга, Москвы и других научных центров России. Предлагаемое читателю издание является плодом кооперации татарстанских и российских ученых.

Обзор источников

Первый том «Истории татар с древнейших времен» охватывает огромный период начиная с эпохи бронзы вплоть до первых столетий 2 тыс. н.э. Еще больше впечатляют географические рамки событий, о которых пойдет речь в данном издании — это просторы Евразийского континента от Китая до Карпат. Именно в эти времена и на этих территориях жили предки многих нынешних тюркских народов, в том числе и татар. В этногенезе татарского народа участвовало множество племен самого разного происхождения. Эти народы оставили о себе память на страницах древних летописей и других письменных документов, на каменных стелах, а кроме того, от них сохранились многочисленные предметы материальной культуры. Исходя из этого исторические источники древнейшей истории татар и их предков можно разделить на три основные группы: 1) письменные источники; 2) эпиграфические памятники; 3) археологические материалы.

На сегодняшний день в распоряжении историков нет письменных источников, созданных самими народами степной Евразии указанного периода, поэтому исследователи вынуждены довольствоваться источниками чужеземного иноязычного происхождения. На протяжении тысячелетий евразийские степи находились в сфере внимания многих стран и народов. Одним из регионов высокой цивилизации, имевшим самые тесные контакты с народами степной Евразии, был Китай.

Китайские источники. Древнекитайские исторические источники многочисленны, весьма разнообразны и, как правило, достаточно хорошо датированы. С древнейших времен китайцы считали, что знание далекого прошлого необходимо для того, чтобы лучше понять происходящее в наши дни. Они ценили историю как наставницу жизни. Этим объясняется их глубокий интерес к собиранию свидетельств о прошлом: различных летописей, документов, преданий,

песен, предметов материальной культуры [Источниковедение, 1984, с.321]. Наряду с фиксацией событий из собственной истории китайские источники уже с древнейших времен упоминают о различных народах, живших к северу и северо-западу от «Поднебесной», т.е. в Центральной Азии — на территории нынешней географической Монголии и прилегающих земель. Источники наполнены сообщениями о борьбе с этими народами, которая началась на заре истории Китая. «Первые достоверные упоминания о северных соседях Китая встречаются в так называемых надписях на иньских гадательных костях, составленных примерно за пятнадцать веков до н.э.» [Таскин, вып.1, 1968, с.6]. В последующем в древнейших китайских исторических сочинениях, таких, как «Шан-шу», «Чунь-цю» и др., упоминаются следующие племена и народы: *гуйфан*, *хуны*, *сюньюй*, *сяньюй*, *жун*, *ди* и *ху*, жившие к северу и северо-западу от Китая. Но сведения об этих народах в указанных сочинениях крайне эпизодичны и лаконичны.

Последовательные датированные события истории Центральной Азии начинаются фиксироваться в китайских источниках лишь с эпохи Хань, когда в степях нынешней Монголии и прилегающих территориях господствовал народ, который китайцы именовали *сюнну* (*хунну* или *восточные гунны* в отечественной историографии). История этого народа нашла отражение в труде выдающегося китайского историка Сыма Цяня (145—90 гг. до н.э.).

Формирование основ историографии в Древнем Китае начинается еще с эпохи Восточного Чжоу. Именно с этого времени при дворе правителей появляются писцы-хронисты, в обязанность которых входила запись важнейших событий, происходивших в период правления того или иного вана. Сочинение Сыма Цяня «Исторические записки» («Записки историка») обладает определенной уникальностью. Его автор,

хоть он и занимал должность историка при императорском дворе, свою книгу писал не по обязанностям службы, а для того, чтобы выполнить предсмертную волю своего отца, начавшего и не успевшего закончить этот грандиозный труд [Источниковедение, 1984, с.351]. Сочинение Сыма Цяня стало первой всеобщей историей Китая, которая охватывает период от легендарных правителей до эпохи ханьского императора У-ди, правившего во II в. до н.э. [Кроль, 1970, с.4]. В ходе работы над своей книгой Сыма Цянь систематизировал и обобщил все доступные ему исторические сведения предшествующего времени, при том не ограничиваясь только письменными источниками. Он тщательно учитывал фольклорную традицию, во время путешествий по империи не упускал случая побывать на месте знаменитых битв, на развалинах городов, расспрашивал старожилов, знакомился с бытом некитайских племен, населявших окраинные районы империи [Источниковедение, 1984, с.352]. Историю народа сюнну подробно и последовательно Сыма Цянь излагает начиная с династии Хань. «Доступ к государственным архивам, непосредственные связи с крупными гражданскими и военными чиновниками, а также личные наблюдения позволили Сыма Цяню связно осветить историю сюнну эпохи Хань. Рассказ о периоде императора У-ди ведется от лица очевидца тогдашних событий, близкого императорскому двору. Более ранние события описаны, по-видимому, на основании архивов и по воспоминаниям о недавнем прошлом» [Таскин, вып.1, 1968, с.10].

Истории сюнну посвящена специальная глава в «Исторических записках», кроме того, сведения о сюнну содержатся в жизнеописаниях выдающихся китайских государственных деятелей. Сыма Цянь подробно описывает политическую историю государства сюнну, общественно-политический строй, быт и обычаи. В работе отражена основная тенденция в отношениях между Китаем и его северным соседом — продвижение китайцев на север за счет вытеснения сюнну с принадлежащих им земель [Таскин, вып.1, 1968, с.6].

В отличие от своих предшественников — составителей летописей, Сыма Цянь отказался от простого хронологического принципа. Он разработал более сложную структуру исторического сочинения, которое, кроме описания важнейших событий, происходивших в течение правления одной династии или одного императора, включало в себя еще несколько разделов: хронологические таблицы; трактаты, посвященные отдельным аспектам экономики и культуры; истории наследственных владений древнекитайской знати; «жизнеописания» — биографии выдающихся личностей (в этот раздел были включены и описания сопредельных с Древним Китаем народов, в том числе и сюнну). «Метод Сыма Цяня оказал решающее воздействие на последующее развитие китайской историографии, в которой вскоре складывается новый жанр — так называемые династийные истории. Такая история писалась после падения очередной древнекитайской (а позднее и средневековой) династии и освещала ее «величие и падение». Автор такого сочинения ставил перед собой несколько иные задачи, чем Сыма Цянь, однако в отношении метода изложения материала он полностью следовал за своим гениальным предшественником» [Источниковедение, 1984, с.353—354]. Выдержки из сочинения Сыма Цяня, касающиеся истории народов Центральной Азии, были переведены и изданы выдающимся отечественным китаистом Н.Я.Бичуриным еще в первой половине XIX в. [Бичурин, 1950, т.1]. Долгое время этот перевод считался непревзойденным как в отечественной, так и зарубежной науке. В 60-е гг. XX в. В.С.Таскиным был сделан новый перевод частей сочинения Сыма Цяня, посвященных истории сюнну. В.С.Таскин учел и исправил многие недостатки и ошибки работы Н.Я.Бичурина, а также снабдил текст подробными примечаниями [Таскин, вып.1, 1968].

Дальнейшая история сюнну нашла отражение в труде другого древнекитайского историка Бань Гу (32—92 гг.). Именно его сочинение «Хань-шу» («Ханьская история») положило начало новому жанру исторических трудов — жанру истории отдельных династий [Синицын, 1975, с.100]. Бань Гу из-

лагает историю сюнну с конца II в. до н.э. до первых десятилетий I в. н.э. В его сочинении нашли отражение взаимоотношения сюнну и империи Хань, политическая история государства сюнну, а также содержатся сведения о внутренней структуре сюннского общества [Таскин, вып.2, 1973, с.3]. Обращая большое внимание на особенности исторического быта сюнну и других соседних народов, Бань Гу исходил из представления о врожденных и непреходящих различиях между «людьми Срединного государства» — древними китайцами и «варварами четырех стран света». Поэтому историк выступал как против тех деятелей, которые призывали императора к расширению территории Хань за счет соседей, так и против сторонников заключения с ними договора «о мире и родстве». Бань Гу полагал, что поскольку варвары не могут быть настоящими подданными Ханьской империи, а их земли не пригодны для земледелия, то лучшей политикой по отношению к сюнну и другим народам стал бы отказ от контактов с ними [Источниковедение, 1984, с.355]. Извлечения из сочинения Бань Гу содержатся в известном труде Н.Я.Бичурина [Бичурин, т.1, 1950]. В 1973 г. вышел новый перевод из сочинения Бань Гу, которые содержат информацию о сюнну [Таскин, вып.2, 1973].

Следующий период истории теперь уже только южных сюнну (после распада сюннской державы в I в. н.э.) содержится в сочинении «Хоухань-шу» («Поздняя ханьская история») китайского историка Фань Е (398—445). В его труде события излагаются до начала III в., но в то же время Фань Е, как и Бань Гу, дополняет сведения из более ранней истории сюнну, содержащиеся в книге Сыма Цяня.

Заключительному этапу истории народа сюнну посвящено сочинение Фан Сюаньлиня (578—648) «Цзинь-шу» («История династии Цзинь»). Эта работа написана уже в период правления династии Тан, когда Китай, как и в эпоху Хань, становится великой державой и начинает экспансию в Центральную Азию. Фан Сюаньлинь описывает события IV—V вв., когда южные сюнну вторгаются в Китай и устанавливают там свое господство, а после гибели трех

созданных ими династий исчезают со страниц китайских источников. «Свой рассказ Фан Сюаньлинь тесно связывает с событиями, описанными Сыма Цянем, Бань Гу и Фань Е, так что сочинения четырех китайских историков представляют собой целостное описание древнего кочевого народа во все время его активного пребывания на исторической арене» [Материалы, вып.1, с.3, 1989]. Отрывки из «Хоухань-шу» и «Цзинь-шу» имеются также в книге Н.Я.Бичурина [Бичурин, т.1]. Новый перевод этих сочинений сделан В.С.Таскиным и опубликован в 1989 г. [Материалы, вып.1, 1989].

Для изучения истории древних тюрок, уйгуров и других племен и народов Центральной Азии огромный интерес представляют и средневековые китайские источники. В этот период китайские историографы продолжали традицию, начатую еще Сыма Цянем и Бань Гу. К написанию истории той или иной династии приступали только после ее падения. Для этой цели создавалась специальная историографическая комиссия во главе с высокопоставленным чиновником. Династийные истории кроме хроники царствования императоров и хронологических таблиц включали в себя также специальные трактаты об астрономии, математике, музыке, административном устройстве, законах, географии, а также биографии известных государственных деятелей и полководцев. Особый интерес представляют разделы об иноземных странах и народах. Источниками династийных историй служили ежедневные хроники, записи деяний и слов императоров, для разделов об иноземных странах большую роль играли отчеты и донесения послов, рассказы путешественников и торговцев. Эти сочинения отличаются обширностью, полнотой и точностью содержащихся сведений [Флуг, 1959, с.223].

Из всего многообразия средневековой китайской литературы, содержащей сведения о тюрках и других кочевниках, следует выделить следующие исторические сочинения.

«Бэй-ши» — «Северная история», т.е. история династий Юаньцзэй, Северная Ци, Северная Чжоу и Суй. Эти династии прави-

ли в Китае в V–VI вв. Автором этого произведения был Ли Яньшоу, живший при Танской династии.

«Суй-шу» – «Суйская история» или «История Суйской династии» (конец VI–начало VII в.). Это сочинение написано также при Танской династии. Автор – Вэй Чжэн.

«Цзю-Тан-шу» – «Старая Танская история». Написана в X в. историком Ли Сюй, который использовал ранние материалы.

«Танхуйяо» – «Обозрение Танской истории». Автор Ван Го. Произведение написано в X в. при Сунской династии. В этом сочинении имеется много новых и ценных подробностей из истории тюрок, что придает ему особое значение.

«Синь-Тан-шу» или просто «Тан-шу» – «Новая Танская история» или «Танская история». В этом сочинении также содержится много сведений о тюрках, уйгурах и других народах Центральной Азии. Произведение написано в XI в. при Сунской династии. Автор Оу Янсю [Кюнер, 1950].

Извлечения из средневековой китайской исторической литературы составляют значительную часть книги Н.Я.Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [Бичурин, т.1]. Среди современных переводов на русский язык следует отметить работы Н.В.Кюнера [Кюнер, 1961] и А.Г.Малявкина [Малявкин, 1981, 1989].

Древнегреческие и византийские источники. Народы степной Евразии издревле привлекали внимание историков и географов стран античной цивилизации. Одним из древнейших исторических трудов, где упоминаются обитатели степей Западной Евразии – скифы, является «История» Геродота (V в. до н.э.). В этом сочинении приводятся сведения о местах расселения скифов и соседних с ними народов, об их хозяйственной жизни, быте и обычаях, а также об общественных отношениях [Геродот, 1972].

Сведения о скифах содержатся в сочинении древнегреческого историка Арриана (II в. н.э.) «Анабасис Александра». В этом труде содержится информация о дипломатических отношениях Александра со скифами в Средней Азии.

Значительный материал по истории причерноморских, прикаспийских и среднеазиатских территорий дает труд древнегреческого географа и историка Страбона (примерно 63 г. до н.э. – 20 г. н.э.) «География». Большую ценность представляют сведения, касающиеся политической истории, раскрывающие взаимоотношения между греческими городами и скифами, рассказывающие о походах киммерийцев и др.

Много материалов о племенах Северного Причерноморья и Северного Прикаспия имеется в «Географии» Птолемея Клавдия (первая половина II в. н.э.). Эти территории названы автором *Сарматией*, по имени господствовавшего в то время народа – сарматов.

Ценные сведения о скифах содержатся в сочинении древнеримского историка I в. н.э. Квинта Курция Руфа «История Александра Македонского» [Квинт Курций Руф, 1812].

Одним из важнейших источников по истории гуннов в IV в. считался и считается труд римского историка Аммиана Марцеллина «Деяния». Автор достаточно подробно рисует быт гуннов, их нравы и обычаи. Однако, используя этот источник надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Аммиан Марцеллин был не беспристрастным историком, а талантливым рассказчиком, художником, с собственным видением мира, оригинальными литературными приемами и средствами образности. Очень часто он прибегал к методу контрастирования, резко выделяя добро и зло [Удальцова, 1984, с.137]. Гунны у Марцеллина – это воплощенное зло, для которых он не находит ни одного доброго слова, поэтому об объективности автора говорить не приходится. А, во-вторых, по мнению некоторых зарубежных исследователей, Аммиан Марцеллин не мог иметь полностью достоверных сведений о гуннах. Они не соглашались с тем, что его описание полностью соответствует действительности и полагают, что оно сконструировано из общих пассажей, употребляемых античными авторами при описании кочевых народов [Ибатуллин, 1990]. На русском языке сочинение

Аммиана Марцеллина увидело свет в 1908 г. в Киеве [Марцеллин, 1908].

Ценнейшим источником по истории гуннов в V в. является сохранившееся лишь во фрагментах сочинение Приска Панийского «Византийская история и деяния Аттилы». Дипломат и историк Приск Панийский был одним из самых ярких и талантливых писателей, запечатлевших необычайную по своей жизненности и правдивости картину как так называемого «варварского», так и римского мира в эпоху Великого переселения народов. Будучи сам участником посольства восточноримского (византийского) императора Феодосия II в ставку Аттилы в Паннонию, он оставил рассказ об образе жизни, быте гуннов, о самом Аттиле и о его окружении. Главное, что отличает Приска Панийского от многих его современников – это объективность и отсутствие враждебности при описании социального строя, быта и нравов гуннов и других племен. Приск с восхищением описывает внутреннее и внешнее убранство дворца предводителя гуннов Аттилы. Ему понятна красота народных обычаев гуннов. Никто из ранневизантийских писателей не оставил такого яркого, написанного с натуры, жизненно правдивого портрета Аттилы, как Приск. Аттила у него – незаурядный государственный деятель, ведущий активную международную политику. Для Приска Аттила скорее не полководец и завоеватель, а правитель и справедливый судья своего народа, гостеприимный хозяин, умеющий принять иноземных послов. Приск, отмечая великолепие дворца Аттилы, несметные богатства, подчеркивает его воздержанность, умеренность и пренебрежение к роскоши.

Живой и образный рассказ о посольстве византийцев к Аттиле составил славу Приска как писателя. «По подкупающей правдивости и простоте картина двора Аттилы может сравниться с лучшими страницами античной историографии. Беспримерная для византийца объективность по отношению к варварам, глубокое понимание исторического значения передвижения огромных масс людей, принявшего характер так называемого великого переселения народов, знание жизни, мастерское изображе-

ние характеров, умение обобщить материал и выделить главное выдвигают труд Приска на одно из первых мест среди исторических сочинений ранневизантийских писателей. Приску удалось создать поистине выдающееся историческое произведение не только благодаря своему таланту и наблюдательности, но и потому, что его глаза не застилала пелена ложного римского патриотизма и презрения к варварам; он смог увидеть в гуннах и славянах, в Аттиле и других варварах живых людей с их достоинствами и недостатками» [Удальцова, 1984, с.371–379]. Книга Приска была переведена на русский язык Г.С.Дестунисом [Приск, 1861].

Значительное место гуннам уделил в своем сочинении «О происхождении и деяниях гетов» («Getica») позднеимперский историк Иордан, живший уже в VI в. В этой книге представлена грандиозная картина Великого переселения народов в IV–VI вв. Иордан обрисовал движение племен с севера и востока и их борьбу с Римской империей. Он включил в свое сочинение целые отрывки из Приска Панийского и таким образом сохранил ценнейшие части его записей, не вошедшие в имеющиеся фрагменты сочинения самого Приска: о Каталаунской битве, о смерти Аттилы и др. [Иордан, 1997, с.271]. Однако оценки гуннов Иордана резко отличаются от Приска. Иордан акцентирует внимание на жестокости, вероломстве гуннов. Он рисует малопривлекательный образ Аттилы, выставя его, прежде всего, грозным завоевателем, угрожающим всему миру. На русском языке имеется перевод этого сочинения, сделанный Е.Ч.Скрижинской [Иордан, 1960, 1997].

Сходную позицию по отношению к «варварам» занимал современник Иордана, известный византийский историк Прокопий Кесарийский. Для изучения истории народов Восточной Европы представляет интерес его «История войны с готами». Значение этого источника определяется личными наблюдениями Прокопия, который был советником и секретарем византийского полководца Велизария и вместе с ним участвовал в походах против персов, вандалов, остготов. Кроме того, Прокопий пользовался различными письменными

источниками, многие из которых не сохранились. При описании «варварских» племен Прокопий, с одной стороны, отдает должное их воинственности, доблести, гостеприимству и другим положительным качествам. Но, с другой стороны, в его сочинении звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми «варварами». Очень часто Прокопий проявляет к ним открытую враждебность. Но в то же время он высказывал мысли о необходимости известного компромисса между империей и «варварами». «Сочинение Прокопия – неопределимый источник для изучения этногенеза, общественного строя, религии, быта и нравов многих варварских племен и народов, с которыми так или иначе сталкивалась Византия в ту эпоху. Особенно важны известия Прокопия для понимания грандиозных перемен на этногенетической карте Европы в период так называемого переселения народов» [Удальцова, 1984, с.159]. В 1993 г. вышел сборник сочинений Прокопия Кесарийского в переводе А.А.Чекаловой [Прокопий Кесарийский, 1993].

Одним из выдающихся авторов, освещавших историю византийской дипломатии и внешней политики империи в VI–VII вв., был Менаандр Протектор, мало уступавший силой таланта Приску Панийскому. В отличие от Приска Менаандр не был дипломатом по профессии. Он был юристом по образованию и находился на имперской государственной службе. Сочинение Менаандра сохранилось лишь во фрагментах, которые охватывают период с 558 по 582 гг. В своей работе Менаандр использовал дипломатическую переписку, донесения византийских послов, исторические сочинения, рассказы очевидцев и личные наблюдения. Одним из самых ярких моментов его сочинения является описание посольства византийского дипломата Земарха в Тюркский каганат. Этот рассказ наполнен яркими, красочными деталями и в чем-то схож с повествованием Приска Панийского. Менаандр описывает обычаи, быт тюрок. Особенно ярко дано описание роскошного убранства шатра правителя тюрок и пира, устроенного в честь византийского посольства. Сообщение Менаандра от-

личается живостью изложения, достоверностью деталей, правдивостью описания виденного очевидцами. Рассказ Менаандра – выдающееся явление в ранней византийской историографии. Сочинение Менаандра является одним из важнейших источников по истории древних тюркских народов; многие сведения из его рассказа нашли подтверждение в археологических исследованиях последних лет и в восточных, в частности, в китайских, летописях. «Если Приск писал о гуннской державе и ее правителе на основе личных впечатлений, то рассказ Менаандра о государстве тюрок, хотя и наполнен красочными деталями, все же не принадлежит перу очевидца, а основан главным образом на устных рассказах участников византийского посольства или на каких-то утраченных ныне дипломатических документах. Однако Менаандр, как и Приск, в своих рассказах о дипломатической деятельности Византии в VI в. – отнюдь не плоский компилятор, а мыслящий историк, хотя и не обладающий таким жизненным опытом и таким талантом художественного изображения, как его предшественник» [Удальцова, 1984, с.389–392]. Перевод сочинения Менаандра в переводе Г.С.Дестуниса был издан в 1860 г. [Менаандр Византиец, 1860].

Сведения о тюрках, болгарях, аварах и других племенах Евразии содержатся в сочинении Феофилакта Симокатты. Симокатта жил при дворе византийского императора Ираклия, чьи взгляды он разделял. Свой труд – «История» он задумал как продолжение сочинения Менаандра, о котором Симокатта упоминает с похвалой. «История» Симокатты охватывает период с 582 по 602 гг., ее главная тема – войны, которые вела Византия на Балканском полуострове со славянами и аварами и на восточной границе – с Ираном [Пигулевская, 1957, с.11]. Сочинение Симокатты на русском языке было опубликовано в 1957 г. [Феофилакт Симокатта, 1957].

Экскурсы о болгарях, аварах и других народах имеются в сочинении жившего в IX в. патриарха Никифора «Бревиарий» («Краткая история»). Это сочинение примыкает к хронике Феофилакта Симокатты (изложение начинается с VI в.) [Бибииков,

1989, с.90]. Имеется перевод сочинения Никифора, изданный в 1980 г. [Никифор].

Значительное развитие историческая наука Византии получила в период правления императора Константина VII Багрянородного (905—959). Эта эпоха, получившая название «византийского энциклопедизма», была отмечена новым подъемом образования, культуры, литературного творчества, духовной жизни [Бибииков, с.95]. Большинство памятников исторической мысли X в. так или иначе связано с именем императора. В одних случаях он был вдохновителем и инициатором исторических сочинений, в других, вероятно, редактором, а в третьих — автором. В период правления Константина были составлены различные тематические сборники, в которых использовался богатейший историографический материал: «О посольствах», «О полководческом искусстве» и др. Тексты сочинений Приска Панийского, Менандра и других авторов известны нам лишь благодаря выпискам из них в сочинениях эпохи Константина. Перу самого императора принадлежат такие работы, как «О фемах», «О народах» и др. [Константин Багрянородный, 1899]. В трактате «Об управлении государством», который Константин адресовал своему сыну Роману, даются практические наставления по внешнеполитическим вопросам и приводятся сведения о так называемых «варварских» народах, с которыми Византия имела контакты — о печенегах, хазарах, болгарях и др. Так, Константин подробно рассказывает о строительстве хазарами на Дону крепости Саркел [Бибииков, 1989, с.96—97].

Ценные сведения о тюркских народах евразийских степей содержатся в труде византийского историка XII в., дочери императора Алексея I, Анны Комниной «Алексиада» [Комнина, 1965].

К византийским историческим сочинениям примыкают труды сирийских христианских историков VI в. Захария Ритора и Иоанна Ефесского. В этих работах содержится обширная информация об истории народов Кавказа, Восточной Европы и Средней Азии [Пигулевская, 1941].

Мусульманские источники. С конца VII — начала VIII в. народы степной Евразии

сталкиваются с только что родившейся и динамично развивающейся арабо-мусульманской цивилизацией. Именно в это время арабские войска на Северном Кавказе выходят к границам Хазарского каганата, а в Средней Азии подступают к владениям местных тюркоязычных племен. Спустя столетия сведения о тюркоязычных народах появятся в арабской, а позже и в персидской историко-географической литературе. «Арабские исторические и географические сочинения представляют один большой комплекс источников, на основании которых современная наука строит историческую картину для стран, входивших в средние века в круг влияния арабской культуры» [Беляев, 1939 с.12] Арабская историческая литература сформировалась уже к концу VIII в. В ее основу легли арабские полупоэтические сказания, племенные генеалогии и предания о жизни и деяниях пророка Мухаммада. Так же заметное влияние на арабскую историческую литературу оказали иранская эпико-историческая традиция и рассказы иудейских и сирийско-христианских писателей о библейских деятелях и событиях. Расцвет арабской историографии приходится на IX—X вв. В это время была проделана громадная работа по переводу греческих, индийских и персидских сочинений. Были написаны истории важнейших для арабо-мусульманской цивилизации городов: Мекки, Медины и Багдада. Появились сочинения, посвященные арабским завоеваниям. Кроме того, были предприняты первые попытки составления сочинений по всемирной истории. В IX в. появляется новый жанр — географические сочинения. Они были вызваны к жизни завоеваниями и необходимостью административного устройства халифата (взимание налогов с населения, организация почтовой связи с провинциями).

Автором первого дошедшего до нас географического сочинения «Книга путей и провинций» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») был Ибн Хордадбех — арабский географ иранского происхождения (род. в 820 г.). Он был близок ко двору багдадского халифа, а позже занимал должность начальника почты и государственного осведомления в провинции Джибаль на северо-

западе Ирана. Ибн Хордадбех написал несколько произведений, из которых сохранилось только вышеназванное. Это сочинение известно сейчас в сокращенной редакции, но существовала и другая — пространная редакция. В 1939 г. выдержки из этой книги были опубликованы в первом томе сборника «Материалы по истории туркмен и Туркмении» [МИТТ, т.1, 1939, с.144—146]. Ибн Хордадбех сообщает подробные сведения о городах и народах Средней Азии. Он упоминает также и тюркские народы: карлуков, кимаков, гузов и др. и вкратце описывает их быт.

Интерес представляет сочинение крупнейшего арабского историка своего времени, также иранца по происхождению, ал-Балазури (ум. в 892 г.) «Книга завоеваний стран» («Китаб футух ал-булдан»). Это сочинение является историей военных походов арабов. Материал в нем изложен в систематическом порядке, будучи подчинен географическому, а затем хронологическому принципу. Последняя глава этой книги излагает завоевание Хорасана и среднеазиатского Междуречья. Здесь ал-Балазури сообщает о борьбе, которую пришлось вести арабам с местными тюрками. Эта часть сочинения дошла до нас лишь в краткой редакции, она опубликована в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» [МИТТ, т.1, 1939, с.62—78].

Сведения о гузах и других тюркских народах дает в своем сочинении «Книга рассказов о странах» («Китаб ахбар ал-булдан») автор начала X в. Ибн ал-Факих. По всей видимости, большинство сведений о тюркских народах, дающих интересные подробности об их расселении и обычаях заимствованы Ибн ал-Факихом у Ибн Хордадбега. У него же взяты описания маршрутов в тюркские страны и перечень тюркских народов. Часть рассказов, приводимых Ибн ал-Факихом, основана на устном предании. Его сочинение дошло до нас только частично. Отрывки, посвященные истории Средней Азии и сведения о тюркских народах также приводятся в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» [МИТТ, т.1, 1939, с.151—155].

Тюркским и финским народам Восточной Европы посвящена часть единственно

сохранившегося седьмого тома сочинения Ибн Русте «Книга драгоценных ожерелий» («Китаб ал-Алак ан-нафиса»). Источниками Ибн Русте были сочинения путешественников и других историков. Он сообщает интересные сведения о буртасах, хазарах, булгарах и других народах. Сочинение Ибн Русте было впервые издано Д.А.Хвольсоном в 1868 г. [Хвольсон, 1868], выдержки из него опубликованы в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» [МИТТ, т.1, 1939, с.150—151].

О завоевании арабами Хорасана и Средней Азии, об их столкновениях с тюркскими племенами сообщает, опираясь на сочинения предшественников, в своей книге «История царей и пророков» («Тарих ар-расул ва-л-мулук») крупнейший арабский ученый — историк и богослов IX в. ат-Табари. Отрывки из этой книги, посвященные завоеванию арабами Средней Азии, также включены в «Материалы по истории туркмен и Туркмении» [МИТТ, т.1, 1939, с.86—143].

Огромный интерес для истории народов евразийских степей представляют записки Ахмеда ибн Фадлана — секретаря багдадского посольства в страну волжских булгар. Проложив долгий путь из Багдада на Волгу в 922 г., он оставил ценнейшие описания быта и обычаев народов, через территории которых проходил маршрут посольства — это гузы, хазары и, естественно, сами волжско-камские булгары. Впервые полностью это сочинение в переводе на русский язык было издано профессором А.П.Ковалевским под редакцией академика И.Ю.Крачковского в 1939 г. [Ибн Фадлан, 1939]. Второе издание А.П.Ковалевский осуществил в 1956 г. с уточненным переводом и комментарием [Ибн Фадлан, 1956].

Ценные сведения о гузах содержатся в анонимном сочинении на персидском языке конца X в. «Худуд ал-алам» («Границы мира») [МИТТ, т.1, 1939, с.209—217].

Также интерес представляет труд персидского историка XI в. ал-Гардизи, жившего в государстве Газневидов, «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»). В этом сочинении содержатся сведения о тюркских народах Средней Азии, о начальном этапе

становления государства Сельджукидов [МИТТ, т.1, 1939, с.223—234].

Одним из важнейших источников по истории тюркских народов средневековья является труд известного персидского историка и государственного деятеля XIII в. Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») [Рашид-ад-дин, 1952]. Первый раздел первой книги посвящен племенам, которые, по мнению Рашид ад-дина, происходили от легендарного Огуза и его родственников, это: уйгуры, кипчаки, карлуки и др. Во втором разделе содержатся ценные сведения о древних (центральноазиатских) татарах. Известия об уйгурах, карлуках, кипчаках, кыргызах и др. имеются и в третьем разделе — «О тюркских племенах, из которых каждое в отдельности имело своего государя и вождя».

Среди источников по истории народ евразийских степей особое место занимает написанное на древнееврейском языке **письмо хазарского кагана Иосифа Хасдая** ибн Шафруту, еврею по происхождению, занимавшему в X в. ответственную должность при дворе кордовского халифа Абд-Рахмана III. Письмо построено в форме ответов на вопросы Хасдая ибн Шафрута. Иосиф коротко и фрагментарно рассказывает о стране хазар: о государстве, некоторых эпизодах истории, обычаях и законах. Сведения в целом очень запутаны и хвастливы. Во времена, когда их страна переживала не лучшие времена, хазары стремились создать о своей некогда могущественной державе как можно более сильное впечатление. Чем и объясняется торжественное описание величия собственной страны при крайней скудости конкретных данных о ней. Но «как бы то ни было, послание — это единственный документ, в котором сквозь чужой язык и даже в какой-то мере сквозь чуждое хазарам мышление просматривается собственное хазарское восприятие своих степей, своих владений, своего политического влияния на окружающие народы» [Плетнева, 1976, с.5—12].

Разнообразные сообщения о хазарах и других тюркских народах Восточной Ев-

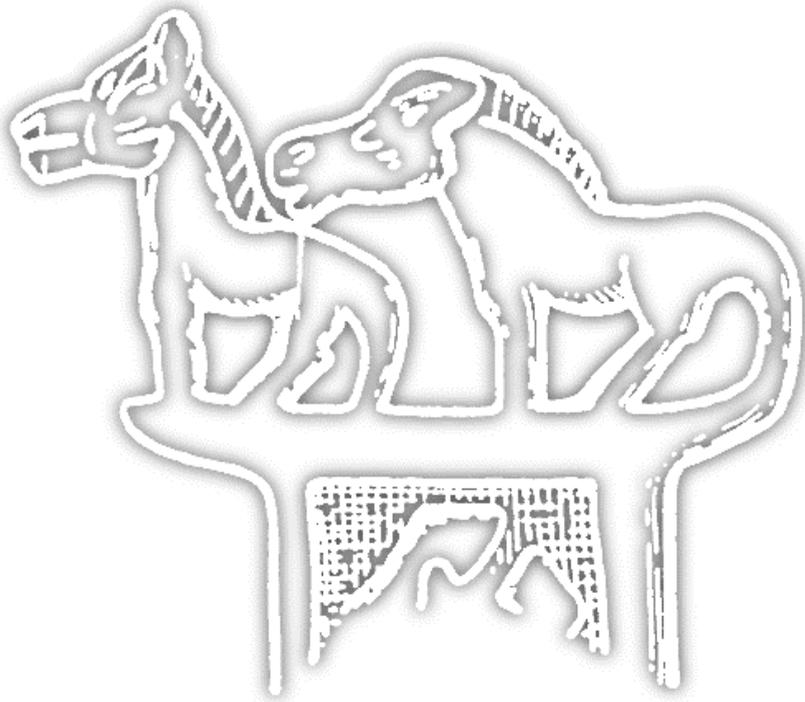
ропы содержатся в сочинениях **армянских историков** Моисея Хоренского, Егише, епископа Себеоса, Мовзеса Каганкатвази, Гевонда.

Особую группу источников по истории тюркоязычных народов евразийских степей представляют собой **древнетюркские эпиграфические тексты**, записанные руноподобным письмом. Открытие и дешифровка в конце XIX в. текстов орхоно-енисейских памятников стало новой вехой в истории тюркологии. Впервые древние тюрки «заговорили сами», была получена информация из первых рук, тогда как ранее исследователи довольствовались сведениями, исходящими от их соседей и врагов. Древнетюркские руноподобные тексты дополняют и корректируют известия китайских, византийских и мусульманских авторов [Малов, 1951; 1952; 1959]. Исследованию древнетюркских памятников посвящена специальная монография С.Г.Кляшторного [Кляшторный, 1964].

Археологические материалы по истории народов евразийских степей многочисленны и разнообразны. Это древние захоронения, содержащие оружие, конскую сбрую и украшения, остатки древних поселений, рудников. Неоценимый вклад в исследование материальной культуры кочевников Евразии внесли выдающиеся отечественные ученые С.И.Руденко [Руденко, 1962], С.П.Киселев [Киселев, 1951], А.П.Окладников [Окладников, 1955]. В последние годы была проведена большая работа по комплексной систематизации и обобщению накопленного археологического материала по истории кочевников древности и средневековья, нашедшая свое отражения в коллективных монографиях из серии «Археология СССР» [Степи, 1981; Степи, 1989; Степная полоса], среди которых особый интерес представляет сборник «Степи Евразии в эпоху средневековья», являющийся первым коллективным обобщением огромной работы, проведенной российскими и советскими исследователями в последнее столетие по изучению средневековых кочевнических древностей страны.

Часть I

Древнейшие этапы истории Евразии

ГЛАВА 1

Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии

Вадим Бочкарев

Волго-Уральский регион в эпоху бронзы

Эпоха бронзы вошла в историю Волго-Уральского региона как один из самых значительных и ярких периодов. Она началась в конце 4 тыс. до н.э. и завершилась на рубеже 2 — 1 тыс. до н.э. *Кульминационным моментом ее развития явилось образование в начале 2 тыс. до н.э. волго-уральского очага культуригенеза.* Он характеризуется мощным подъемом экономики и культуры, всплеском социальной и военной активности. В его недрах зародились или получили дальнейшее развитие передовые для того времени технологии обработки металла, новые нормы социальных отношений и новые культуры. По мнению многих исследователей, к тому времени местное население достигло предгосударственного уровня развития и консолидировалось в этническом отношении. Предполагается, что оно составило первичное ядро племенных союзов ариев, которые впоследствии сыграли крупную роль в древней истории Передней и Средней Азии, а также Индостана. Различными путями, включая дальние миграции скотоводческих племен и военные походы, волго-уральские достижения и новшества сравнительно быстро распространились по огромной территории. На востоке и юго-востоке они достигли Южной Сибири и Средней Азии, а на западе и юго-западе — Поднепровья и Северного Кавказа. В результате *возникла обширная культурная провинция, в которой преобладали волго-уральские традиции.*

В силу различных причин примерно в середине 2 тыс. до н.э. волго-уральский

очаг приходит в упадок. Вслед за этим распадается созданная им культурная провинция. На ее месте возникает несколько самостоятельных культур, которые окончательно исчезают с приходом раннего железного века.

На ход развития бронзового века повлияло множество факторов. К их числу относится природная среда Волго-Уральского региона. В его состав входят Нижнее и Среднее Поволжье, Уральская область. В экологическом отношении эта огромная территория очень разнообразна. Ее пересекает несколько ландшафтных зон: от полупустыни на юге до тундры на севере. Также весьма заметно варьирует рельеф. Обширные равнины и низменности сменяются возвышенностями и горными хребтами. Множество рек, больших и малых, стекает с гор и предгорий. Животный мир и растительность отличались в эпоху бронзы еще девственным богатством и разнообразием. В бескрайних степях паслись табуны диких лошадей и стада сайгаков, реки и озера изобиловали рыбой и водоплавающей птицей. В лесах в большом количестве водились лоси, косули, кабаны, пушные звери. Огромные естественные запасы белковой пищи позволяли местному населению длительное время, особенно на севере, поддерживать свое существование за счет охоты и рыболовства.

Но постепенно в Волго-Уральском регионе все большее распространение получает производящая экономика. Несмотря на ряд локальных отличий, она повсеместно и с

самого начала приобрела ярко выраженную скотоводческую направленность. В этом прямо сказалось влияние окружающей среды. Суровый континентальный климат Волго-Уралья не способствовал широкому внедрению земледелия. Зато для развития скотоводства условия здесь были очень благоприятные. Бескрайние травянистые равнины, заливные луга и поймы рек, лесные угодья способны были обеспечить кормами огромное количество домашнего скота. В летние месяцы, а на крайнем юге и все полгода, он выпасался на естественных пастбищах. На зиму запасали сено, ветки и камыш. Для этой цели использовали металлические серпы и косы. На юге преобладало пастушеское скотоводство, а на севере — придомное. Установлено, что при особо благоприятных условиях скотоводческая форма хозяйства может быстро развиваться и приносить значительную материальную отдачу. Видимо, такая ситуация сложилась в начале 2 тыс. до н.э., что явилось экономической предпосылкой возникновения волго-уральского очага. Модель скотоводческого хозяйства того времени оказалась очень хорошо приспособленной к условиям маловодной степи. Благодаря ей удалось освоить огромные степные пространства и заселить их так плотно, как никогда ранее. В итоге колонизация глубинных районов степи в первой половине 2 тыс. до н.э. стала одним из самых важных событий эпохи бронзы Восточной Европы и Казахстана.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта форма хозяйства была весьма чувствительна к изменениям окружающей среды. На протяжении двухтысячелетней истории волго-уральского бронзового века такие изменения случались неоднократно. Они носили циклический характер: засушливый климат сменялся более холодным и влажным и наоборот. Вслед за этим происходили ландшафтные и другие природные трансформации. Все это в большей или меньшей степени сказывалось на экономике. Причем резкое ухудшение или улучшение ситуации зачастую приводили к одним и тем же последствиям: к перемещению значительной массы скотоводов на новые земли. Происходило это сравнительно регу-

лярно и стало характерной чертой волго-уральского бронзового века.

Из всех природных богатств Волго-Уралья наибольшую ценность для людей бронзового века представляли месторождения медной руды. Они весьма многочисленны и тянутся широкой полосой от Среднего Поволжья до Южного Зауралья. Их начали разрабатывать еще на заре бронзового века. Особенно большого размаха добыча меди достигла в первой половине 2 тыс. до н.э. Тогда волго-уральским металлом снабжалась значительная часть Восточной Европы. Некоторое представление о грандиозном размахе горно-металлургического производства на Урале дают сведения о работе каргалинских рудников в Оренбургской области. Согласно расчетам Е.Н.Черных, в бронзовом веке в них было добыто от 2 до 5 миллионов тонн руды, из которых было выплавлено от 50—60 до 100—120 тысяч тонн меди [Черных, 2000, с.15].

Медь и скот являлись главным богатством местного населения. Во многом благодаря этому богатству Волго-Уральскому региону удалось занять лидирующее положение в Восточной Европе. Столь же значительную роль сыграл металл в становлении других очагов культурогенеза эпохи бронзы.

Наряду с экономикой очень важное значение в истории бронзового века имел социальный фактор. Во многом он определял конкретный ход культурно-исторического процесса. За все время своего многовекового существования волго-уральское общество эпохи бронзы так и не вышло за рамки первобытности. В нем сохранялся родоплеменной строй со слабо развитой социальной и имущественной стратификацией. Лишь однажды это общество вплотную подошло к порогу цивилизации. Это случилось в начале 2 тыс. до н.э., когда на историческую арену вышла колесничая аристократия. До нас дошли ее богатые могилы с остатками колесниц и упряжных лошадей, развалины удивительных крепостей, напоминающих своей планировкой города, следы культовых сооружений и т.д. Предполагается, что этой военной знати удалось создать в Южном Зауралье несколько протогосударственных объединений. Такого рода социально-политические организации

в этнографической науке определяются как вождества. Их характерной чертой является концентрация в руках вождей и знати политической, экономической и религиозной власти. За счет мобилизации всех доступных ресурсов правящей элите (в нашем случае — колесничей аристократии) удается создать мощный экономический и военный потенциал, сплотить население в этническом и религиозном отношении, построить монументальные крепости, гробницы, святилища. В конечном итоге благодаря ее деятельности на северо-восточной окраине Европы возникает волго-уральский очаг культурогенеза. Его история была неразрывно связана с судьбой колесничьей аристократии. В этом можно убедиться, просматривая ход дальнейших событий. По мере того, как из археологических памятников исчезают все признаки этой аристократии, Волго-Уральский регион шаг за шагом теряет свое ведущее положение в Восточной Европе. Во второй половине 2 тыс. до н.э. он превращается в одну из заурядных провинций Северной Евразии. Первобытная стихия поглощает ростки цивилизации, и волго-уральское общество возвращается к своей традиционной родоплеменной структуре.

Изучение волго-уральского бронзового века показывает, что наиболее крупные изменения происходят в начале 2 тыс. до н.э. Они затронули культуру, экономику и социальную сферу. Прямо или косвенно все эти изменения связаны с возникновением волго-уральского очага культурогенеза. Это масштабное событие может быть принято за рубеж, отделяющий ранний бронзовый век от позднего. Согласно современным данным, ранний бронзовый век датируется концом 4 — рубежом 3—2 тыс. до н.э. Поздний бронзовый век охватывал все второе тыс. до н.э. Каждый из этих периодов делится еще на ряд этапов, хронологические рамки которых в основном определяются временем существования тех или иных археологических культур.

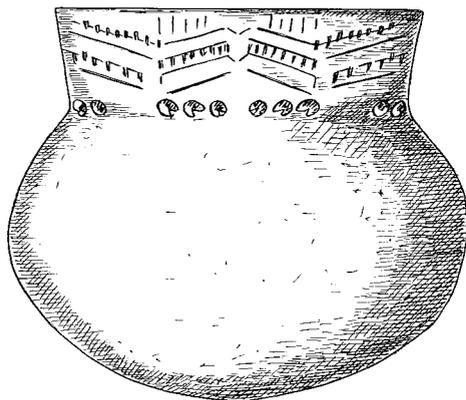
Ранний бронзовый век

Археологические культуры этого периода отчетливо делятся на две территориальные группы: *южную (степную)* и *северную*. Граница между ними проходила в лесостепной зоне.

В южную группу входят *ямная* и *полтавкинская культуры*. Свои названия они получили от формы погребальных сооружений (яма), либо по месту первого открытия (с. Полтавка). Древнейшей из них является ямная культура, которая, согласно радиоуглеродной хронологии, возникла еще в конце 4 тыс. до н.э. Ее памятники открыты в Нижнем и Среднем Поволжье, а также в Южном Приуралье (рис. 1). В целом ареал ямной культуры очень велик. Он простирался от Урала до Прута и Нижнего Дуная. Очевидно, что всю эту огромную территорию население ямной культуры заняло не сразу. Предполагается, что как особая культурная и этническая группа оно сформировалось в волго-уральских степях и уже отсюда распространилось в другие регионы. По мнению некоторых исследователей (М. Гимбутас), эту экспансию можно рассматривать как одну из первых волн расселения индоевропейских народов. Хотя этот вывод остается спорным, все же можно констатировать, что ямная культура демонстрирует один из самых ранних примеров крупномасштабного переселения степных скотоводов в западном направлении. Впоследствии такого рода миграции будут происходить неоднократно и станут постоянным фактором древней и средневековой истории Европы.

С ямной культурой связан ряд других новаций. К их числу относится курганный обряд погребения умерших. Хотя он зародился еще в предшествующую эпоху, его массовое распространение приходится на время ямной культуры. С тех пор строительство курганов стало характерной чертой погребального обряда скотоводческих народов, а сами курганы — яркой приметой степного ландшафта.

Одними из первых в Восточной Европе люди ямной культуры стали широко использовать двух- и четырехколесные повозки, запряженные быками или волами. Ос-

Сосуд. IV Девичий городок.
Макашевская культура. XI—IX вв. до н.э.
Раскопки Е.П.Казакова

татки таких повозок часто находят в ямных курганах. Они имели сплошные деревянные колеса диаметром около одного метра. Из дерева также изготовлялись рама, кузов и все основные конструктивные детали. Между собой они скреплялись с помощью деревянных гвоздей, клея, веревок и ремней. Несмотря на такую, казалось бы, примитивную технику сборки, эти повозки являлись достаточно прочными и надежными сооружениями. По некоторым расчетам, их грузоподъемность доходила до полутора тонн.

Деревянные повозки принадлежали к числу самых сложных и дорогих изделий того времени. Для их производства требовалось высокое мастерство плотников, а также совершенные металлические инструменты. Такие инструменты (топоры, долота, тесла, стамески) уже производились. Особенно часто они встречаются в ямных курганах Среднего Поволжья и Южного Приуралья. Анализ этих находок показал, что они были отлиты или откованы из металла, добытого в каргалинских рудниках близ современного Оренбурга. Эти и ряд других фактов убедили исследователей в том, что ямному населению удалось создать в Южном Приуралье собственный центр металлургии и металлообработки. Это событие имело большое историческое значение, т.к. оно положило начало самостоя-

тельному развитию металлопроизводства во всем Волго-Уральском регионе.

Археологические материалы дают возможность составить общее представление о хозяйстве, образе жизни и социальном устройстве населения ямной культуры. Основным занятием этого населения было скотоводство. Охота, рыболовство и собирательство имели подсобное значение, а земледелие, во всей видимости, вообще не было развито. Скотоводство имело специализированный характер. В основном разводили овец и в меньшем количестве крупный рогатый скот и лошадей. Полное отсутствие долговременных поселений, а также состав стада указывают, что эти скотоводы вели подвижный образ жизни. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что они были уже настоящими кочевниками. Подвижный образ жизни во многом определил быт этих людей. Из домашней утвари они имели только то, что было крайне необходимо и что можно было увезти на повозках и на вьючных животных. Припасы хранились в кожаных, деревянных и глиняных емкостях. Археологам лучше всего известны их глиняные горшки, которые отличаются простотой форм и грубой выделкой. То и другое характерно для керамики кочевников. В раннеямное время были распространены горшки яйцевидных очертаний. Они были приспособлены для перевозок и быстрого приготовления горячей пищи на кострах. Благодаря круглому дну их можно было закопать в угли и золу или закрепить над огнем на подставках. Позднее появилась плоскодонная посуда, форма которой предполагает использование очагов более сложной конструкции (рис.1,2,3,4,6,7).

Кроме скотоводства, некоторые группы носителей ямной культуры активно занимались металлургией. Особенно преуспели в этом промысле обитатели Южного Приуралья. Среди них были уже настоящие профессионалы: рудокопы, плавильщики, кузнецы. В пользу ранней специализации людей, занятых в металлообработке, говорит множество фактов и в том числе погребения кузнецов-литейщиков. Одно из таких погребений было открыто в районе каргалинских рудников. Оно особенно интересно тем, что форма для отливки топоров со-

проводила погребение подростка 12—13 лет. Конечно, этот молодой человек не был еще полноправным мастером. Очевидно, литейная форма в его могиле указывает на то, что он принадлежал к роду или клану кузнецов-литейщиков. Такие профессиональные кланы были широко распространены в древности. Они вели замкнутый образ жизни и всегда занимали особое место в структуре общества.

Мастера ямной культуры выпускали довольно широкий ассортимент продукции: деревообрабатывающие инструменты, украшения, оружие (рис.2.1—3,5;3.1,6). Многие из этих предметов тогда высоко ценились. Как правило, их находят в самых богатых погребениях. Рядовое население продолжало пользоваться каменными, костяными и деревянными орудиями. Значительная часть продукции шла на обмен, что хорошо иллюстрируют карты распространения металла южноуральского происхождения. По всей вероятности, торгово-обменные операции приносили очень значительный доход местной элите. В этом отношении показательно, что самые крупные и богатые курганы ямной культуры сосредоточены в Среднем Поволжье и особенно в Южном Приуралье.

Общество ямной культуры не было однородным в имущественном и социальном отношении. Оно состояло из рядовых общинников, членов профессиональных кланов и знати. Знать обладала значительной властью и богатством. Подобно скифским владыкам, свой высокий социальный статус она демонстрировала посредством строительства огромных погребальных курганов. Некоторые из них достигали высоты 6—8 и более метров. Под каждым из таких курганов находилось только одно погребение. Такие погребения выделяются большими размерами могильных ям, дорогим и разнообразным инвентарем. В его состав входят изделия из меди, золота и метеоритного железа (рис.2). Особенно интересен сам факт использования метеоритного железа. Конечно, этот материал был очень дорогим, и удивительно, что изделия из него так часто находят в богатых ямных погребениях. Кроме того, согласно поверьям древних, это железо обладало особой магичес-

кой силой, т.к. своим происхождением было связано с Небом. Предполагается, что эти большие курганы принадлежали племенным вождям и родо-племенной знати. Очевидно, эта группа людей владела большими стадами скота, контролировала добычу меди и ее обмен, надзирала за деятельностью мастеров по обработке металла. Однако их власть и богатство оказались недолговечными. Созданная при их участии социально-экономическая система не получила дальнейшего развития и во второй половине эпохи ранней бронзы распалась.

Антропологические исследования костных останков позволили установить, что в расовом отношении люди ямной культуры относились к европеоидному типу. Они имели крепкое телосложение, высокий рост, выразительные и правильные черты лица.

По мнению некоторых исследователей (Е.Е.Кузьмина), население ямной культуры составляло древнейший пласт индоиранцев, которые позднее, во 2 тыс. до н.э., создали мощное этническое объединение. Но с археологической точки зрения дальнейшая судьба ямной культуры не вполне ясна. В Поволжье она трансформировалась в полтавкинскую культуру, а в Южном Приуралье продолжала существовать без значительных изменений (рис.4). Ближе к концу 3 тыс. до н.э. ее следы теряются. Создается впечатление, что ямная и полтавкинская культуры прекращают свое существование еще до начала эпохи поздней бронзы, и волго-уральские степи на какое-то время приходят в запустение. Впрочем, и без этого очевидно, что на рубеже ранней и поздней бронзы эпицентр основных событий перемещается с юга на север, из степи — в лесостепную и лесную зоны.

Долгое время в лесостепной и степной зонах существовал особый культурный мир, слабо связанный с бурно развивающимся и процветающим югом. Местное население продолжало заниматься охотой и рыболовством. Оно практически не знало земледелия, скотоводства и металлургию. Ситуация резко изменилась с появлением в Верхнем и Среднем Поволжье *фатьяновской культуры* (первый ее могильник был открыт у д. Фатьяново Ярославской облас-

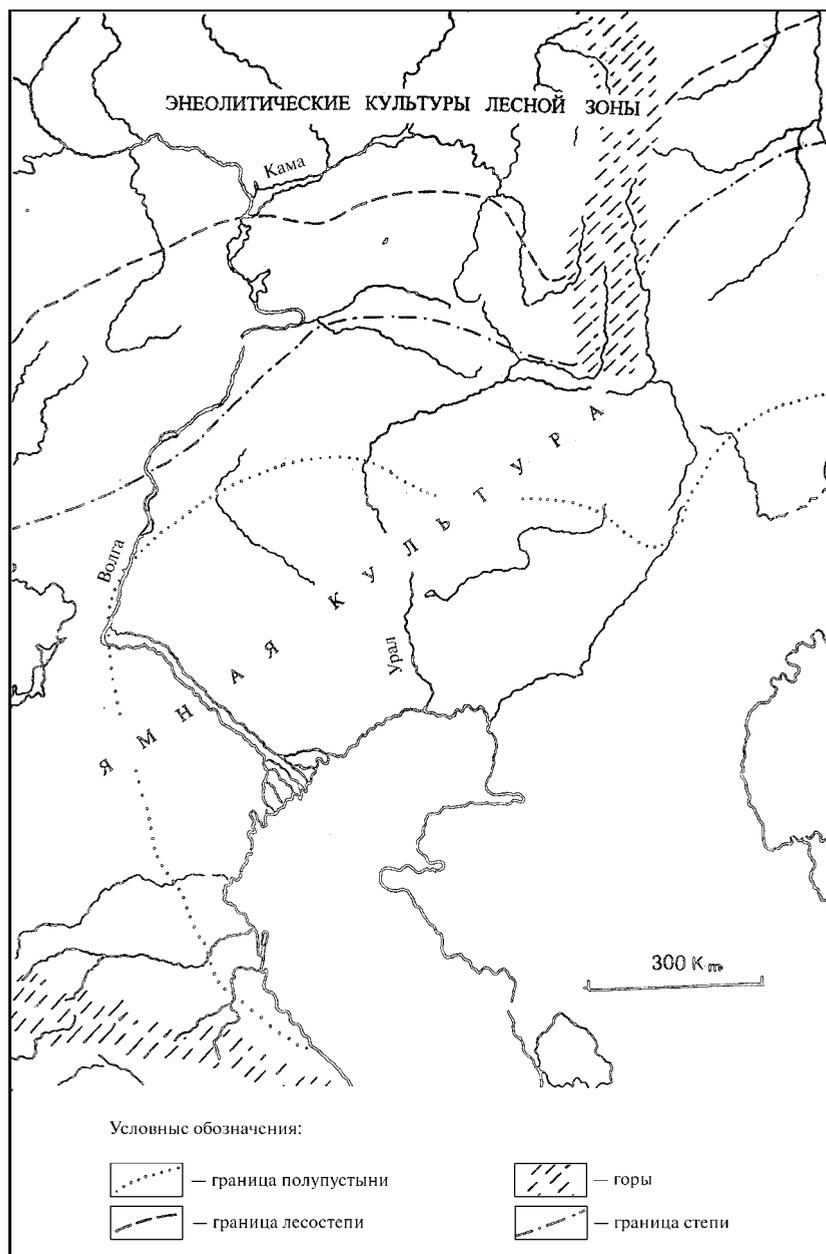

Рис.1. Культуры начальной поры эпохи ранней бронзы

ти). По всем своим основным признакам эта культура столь близка средневропейским и североевропейским культурам боевых топоров, что нет сомнений в ее миграционном происхождении. Согласно одной из точек зрения, миграцию фатьяновской культуры следует связывать с расселением ранних индоевропейских народов. Этот вывод трудно подтвердить достоверными фактами. Можно лишь отметить, что в эпоху

ранней бронзы в степной зоне фиксируется движение населения с востока на запад, а в лесной — в противоположном направлении, и оба эти потока приписываются индоевропейцам. Однако, несомненно, что фатьяновские племена по культуре были чужды местному волжскому населению и, вполне вероятно, принадлежали к другому этносу.

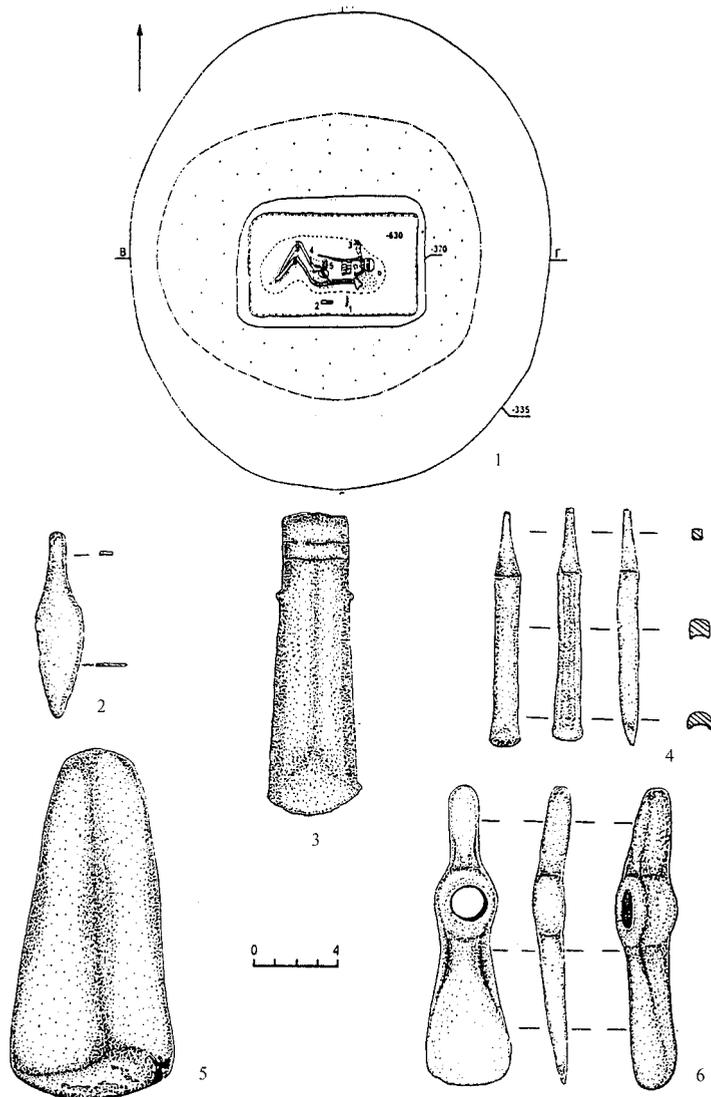

Рис.2. Погребения ямной культуры близ хутора Барышникова в Оренбуржье.
1 – план погребения и его инвентарь ; 2 – медный нож; 3 – медное тесло; 4 – медное долото;
5 – медное тесло-долото; 6 – каменный молот

Носители фатьяновской культуры были хорошо знакомы с производящим хозяйством и металлургией. Им были известны все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади. Главным их занятием было придомное скотоводство. Кроме того, они довольно интенсивно занимались металлургией и одними из первых начали разработку месторождений меди в Среднем Поволжье. Производство металлических изделий находилось в руках профессиональных мастеров, о чем свидетельствуют погребения кузне-

цов-литейщиков. В основном делали предметы вооружения (топоры, наконечники копий) и украшения. В социальном плане общество фатьяновской культуры было дифференцировано сравнительно слабо. Нет никаких достоверных данных о хорошо выраженной и обособившейся элите. Зато имеются сведения о четкой половозрастной градации населения. Эта градация хорошо проявляется в погребальном обряде такого крупного грунтового могильника, как балановский (Чувашия). В этом некрополе все мужские костяки были уложены на правый

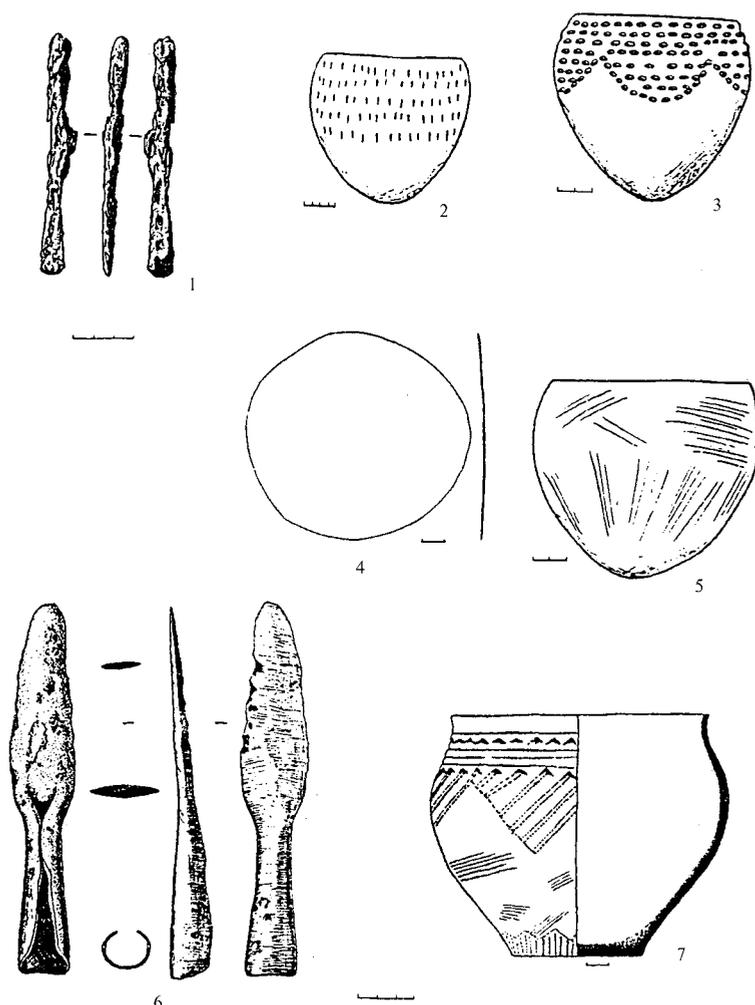

Рис.3. Некоторые категории инвентаря ямной культуры: 1 – стамеска; 2,3,5,7 – глиняная посуда; 4 – диск из метеоритного железа; 6 – медный наконечник копья

бок, а женские — на левый. В зависимости от половой принадлежности распределялись многие категории инвентаря. Так, только в мужских могилах встречались каменные боевые топоры, металлическое оружие, ожерелья и амулеты из просверленных клыков животных, некоторые типы керамики. Женские погребения отличались другим набором инвентаря. В детских могилах преобладали небольшие и миниатюрные изделия, глиняные копии топоров, игрушки. К этому следует добавить, что самый богатый инвентарь был сосредоточен в самых глубоких могилах, принадлежащих мужчинам и пожилым женщинам.

Население, которое хоронило своих умерших в балановском могильнике, отно-

силось к европеоидному средиземноморскому типу. По внешнему облику оно заметно отличалось от коренных обитателей Среднего Поволжья. Предполагается, что в этническом отношении носители фатьяновской культуры были протобалтами.

В Среднем Поволжье во второй половине эпохи ранней бронзы фатьяновскую культуру сменила *абашевская*. Свое название она получила по одноименному могильнику в Чувашии (рис.4) Эта культура разделяется на две территориальные группы: *средневожжскую* и *южноуральскую*. Первая из них известна по погребальным памятникам и единичным находкам металлических предметов, а вторая — по более широкому кругу источников. На этом их

различия не заканчиваются. Далее они проявляются в формах и наборах глиняных сосудов, элементах погребального обряда и т.д. Поэтому можно говорить о двух локальных вариантах одной культуры.

Своеобразие абашевской культуры лучше всего проявляется в керамических изделиях. Они представлены плоскодонной и круглодонной посудой. Последняя выглядит очень архаично и напоминает горшки ранней ямной культуры. Их также сближает примесь толченой раковины в глине, колоколовидная форма венчиков горшков и т.д. Но орнаментальный стиль абашевской керамики резко отличается от степных образцов. Для него типичны сложные композиции из разнообразных геометрических элементов (треугольников, ромбов, меандров, зигзагов и т.д.), которые очень плотно скомпонованы и тщательно выполнены.

Другой характерной категорией абашевских изделий являются нарядные женские уборы. Они состоят из кожаных шапочек, налобных повязок и нагрудников. Все они расшиты мелкими медными украшениями (бляшками, трубочками-пронизками, бусами и т.д.), которые уложены в форме различных узоров. Обычно эти уборы сопровождаются другими украшениями: серебряными подвесками и браслетами, медными перстнями и кольцами. Некоторые из типов медных украшений являются оригинальными и встречаются только в абашевской культуре (рис.5,6).

Основными памятниками абашевской культуры являются поселения и могильники. Правда, поселения в настоящее время открыты и изучены только в южноуральской группе. Особенно часто они встречаются на реке Белой в Башкирии. Обычно поселение располагается на речных мысах. Некоторые из них имеют следы укреплений. Судя по данным раскопок, абашевские поселки были небольшими. Они состояли из нескольких наземных домов, расположенных в ряд или кучно. Жилища были однокамерными и многокамерными. Некоторые из них достигали значительных размеров (длиной 38 м и шириной 14 м). В слоях поселений находят многочисленные следы повседневной деятельности людей. Преобладают обломки керамики и кухонные от-

бросы (расколотые кости животных). Довольно часто также встречаются отходы металлургического и металлообрабатывающего производства: кусочки медной руды, шлаки, обломки литейных форм, тиглей и т.д.

В абашевской культуре был широко распространен курганный обряд погребения умерших. Курганы сооружались из земли, а в Южном Приуралье при их строительстве использовался камень. Они имели небольшие размеры, обычно располагались группами и в ряде случаев составляли значительные по размерам могильники. Под одной насыпью находились 1—4 погребения. Покойников хоронили в прямоугольных или овальных ямах, стенки которых обкладывали деревом или камнем. Сверху ямы перекрывались деревянным накатником или каменными плитами. Трупы укладывали скорченно на спине, т.е. в той же позе, что и в погребениях ранней ямной культуры. Сопровождающий инвентарь обычно состоял из глиняных сосудов с заупокойной пищей и питьем, металлических украшений костюма и очень редко из других предметов.

Среди абашевских погребений резко выделяется Пепкинский курган в Марийской республике. Под его насыпью высотой 1,43 м оказалось 3 погребения, одно из которых поражает своими размерами и содержанием. Оно представляет собой траншею длиной 10,2 м, шириной 1,6 м и глубиной 0,65—0,70 м. На ее дне находились останки 27 костяков (рис.7:1). При них было найдено 20 глиняных горшков, 25 костяных поделок (застежек и наверший) и несколько мелких изделий из меди. Своим неординарным инвентарем выделяется только один костяк, при котором находился набор кузнечно-литейных инструментов (рис.7).

Особенно большой интерес вызывает состояние костяков этого погребения. Все они принадлежали мужчинам, погибшим насильственной и страшной смертью. Вот что пишут по этому поводу исследователи Пепкинского кургана: «Почти на каждом костяке из коллективной ямы имеются следы смертельной травмы. Так, в верхних частях туловищ преимущественно в районе грудной клетки тринадцати костяков торча-

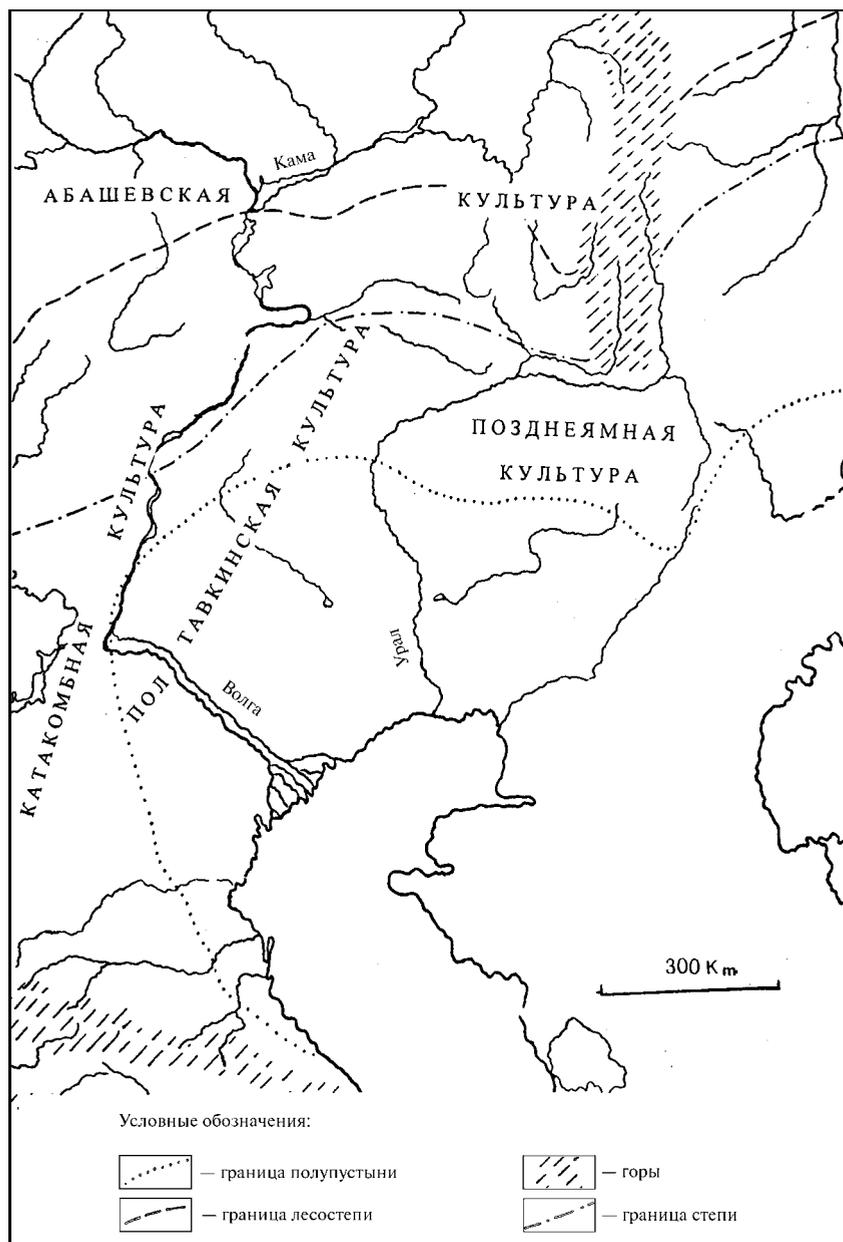

Рис.4. Культуры конца эпохи ранней бронзы

ли однотипные кремневые наконечники стрел... воткнувшиеся в большинстве случаев со спины. Причем черешки всех наконечников стрел обломаны, очевидно, при попытке их вытащить из тела за древко... Почти у всех костяков были отчленены головы — у 11 костяков черепа вообще отсутствуют... Почти все сохранившиеся черепа имеют следы тяжелых травм. Как показал анализ их в Центральном институте крими-

налистики, четыре черепа имеют выраженные следы удара по ним бронзовым топором с острым лезвием» [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с.17]. Дополнительные антропологические исследования показали, что на некоторых черепах сохранились следы надразов, скорее всего оставленные при снятии скальпов [Медникова, Лебединская, 1999, с.214—215].

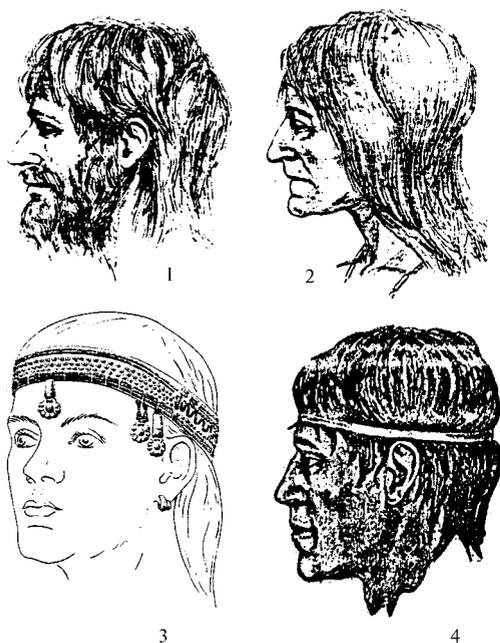

Рис.5. Люди бронзового века Волго-Уральского региона: 1-2 — фатьяновская культура; 3-4 — абашевская культура

Автор раскопок (А.Х.Халиков) справедливо предполагал, что Пепкинский курган является общей могилой абашевских воинов. По всей вероятности, они попали в засаду или были взяты в плен и перебиты, при этом враги надругались над их телами. Соплеменникам удалось вернуть трупы и похоронить по своему обряду. Этот необычный памятник довольно зримо передает один из трагических эпизодов в жизни абашевского населения, варварские нравы того времени. Судя по общей ситуации, на рубеже 3—2 тыс. до н.э. это население попало в трудное положение и вынуждено было отбиваться от врагов, которые двигались с северо-востока.

Материалы могильников, и особенно поселений, позволяют выявить общее направление хозяйственной деятельности абашевского населения. Как и большинство обитателей Волго-Уральского региона того времени, оно в основном занималось скотоводством. Эта отрасль хозяйства лучше всего изучена по данным приуральских поселений. Опираясь на них, можно заключить, что абашевское животноводство по типу было придомным. В стаде преобла-

дал крупный рогатый скот. Гораздо меньше разводили овец, свиней и совсем мало — лошадей. Имеется основание говорить о мясо-молочном направлении в использовании крупного рогатого скота и мясо-шерстном — мелкого рогатого скота. Никаких прямых данных о занятиях земледелием нет, хотя многие авторы о нем пишут. В этой связи чаще всего ссылаются на довольно многочисленные находки металлических серпов. Но сами по себе эти орудия не говорят о наличии земледелия. Их могли использовать для заготовки кормов.

Очень важной отраслью экономики было металлопроизводство, в развитии которого абашевское население, пожалуй, добилось наибольших успехов. Ему удалось создать собственный очаг металлургии и металлообработки. Абашевские мастера сумели улучшить технологию производства и существенно расширить ассортимент продукции. Кроме чистой меди, они начали использовать более качественные сплавы и более совершенные приемы изготовления некоторых важных предметов вооружения. Одним из первых в Восточной Европе им удалось наладить производство серпов и серповидных орудий, некоторых новых видов украшений. Причем эти и многие другие изделия начали изготавливаться в больших количествах, что сделало их доступными для широкого круга потребителей. В целом абашевское металлопроизводство в конце эпохи ранней бронзы было одним из самых крупных и развитых в Восточной Европе.

Несмотря на значительные хозяйственные достижения, абашевское общество не сумело вырваться из тисков первобытности. Нет никаких достоверных данных, что в нем уже выделилась сильная и самостоятельная элита. Конечно, это не означает, что оно было однородно по своему социальному составу. Находки дорогого оружия, клады металлических изделий, погребения литейщиков и некоторые другие факты указывают, что в нем существовало несколько общественных и социальных рангов.

Абашевской культуре было суждено сыграть выдающуюся роль в процессе культурогенеза Волго-Уралья и значительной части Восточной Европы. Она явилась одним

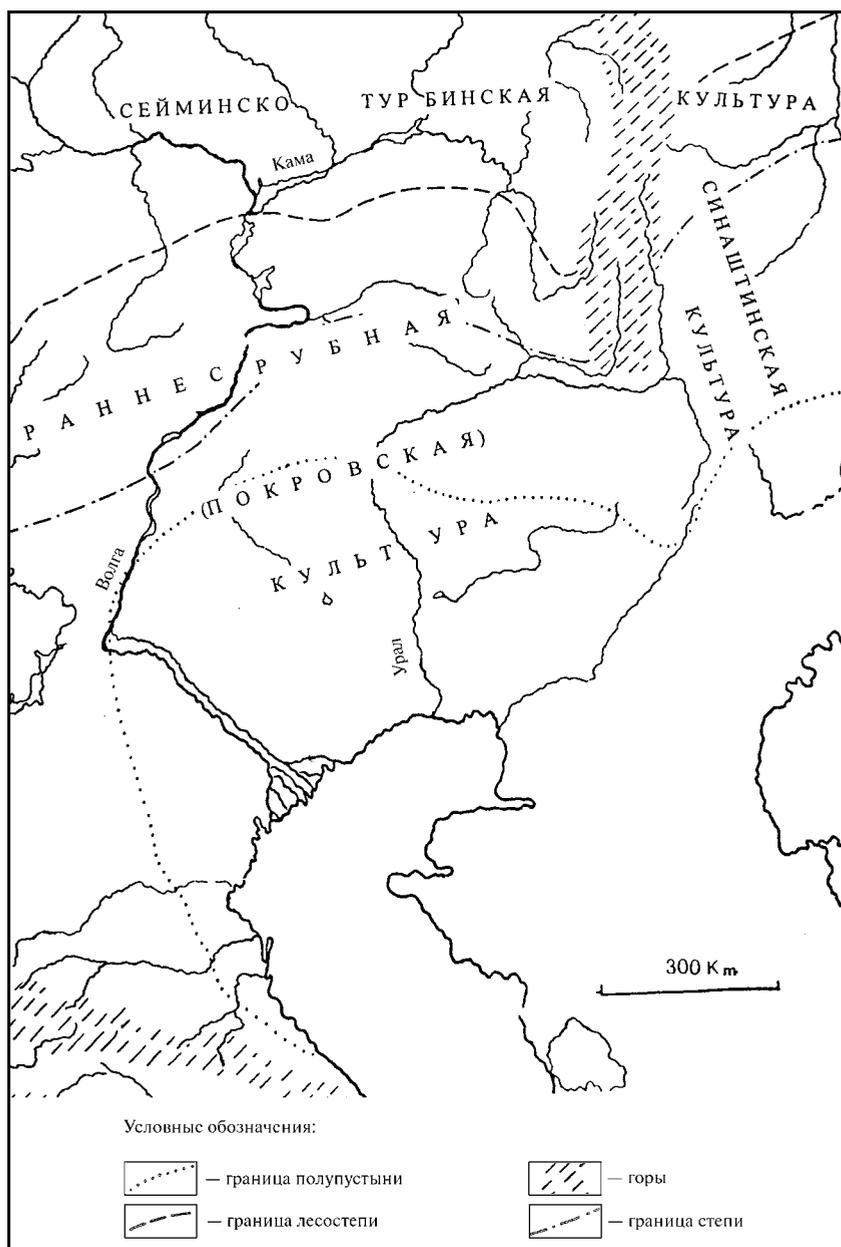

Рис.6. Культуры начальной поры эпохи поздней бронзы

из самых важных компонентов в сложении большой свиты культур эпохи поздней бронзы.

Поздний бронзовый век

Для периода позднего бронзового века разделение волго-уральских культур по ландшафтному принципу в значительной мере теряет свой смысл. Население степи,

лесостепи и южной части лесов теперь было втянуто в единый поток событий, периодически перемещалось и сильно смешивалось. Начало этому процессу было положено в лесной зоне, когда там появилось сейминско-турбинское население. Оно оставило нам несколько могильников (Сейминский, Турбинский и др.) и большую серию единичных находок металлических изделий. Эти памятники протянулись полосой

вдоль южной кромки лесов и тайги на несколько тысяч километров — от Алтая до устья Оки. Как острой и длинной иглой, они прошли огромную толщу североевразийских культур эпох энеолита и бронзы. Их ареал распространения столь необычен, что не находит каких-либо близких аналогов в материалах эпохи бронзы. Поэтому многие археологи не решаются группировать сейминско-турбинские древности в отдельную культуру. Между тем они весьма самобытны и легко опознаются среди сибирских и восточноевропейских материалов. В основном они представлены высококачественными бронзами и каменными изделиями. К числу первых относятся топоры-кельты, наконечники копий, кинжалы, ножи, клевцы (рис.8). Многие из них украшены нарядным геометрическим орнаментом. Следует еще раз подчеркнуть, что по технике исполнения эти изделия можно отнести к числу лучших образцов литья эпохи бронзы. Особенно великолепны сейминско-турбинские кинжалы. Один из них происходит из Ростовкинского могильника близ г. Омска. Навершие его рукоятки украшено скульптурной группой, состоящей из лыжника, который уцепился за повод лошади (рис.9). «Человеческая фигурка, видимо, мужская, отличается широким лицом с четко выраженными глазами, носом, ушами и подбородком. Выступающие скулы, раскосые глаза, уплощенное лицо явно характеризуют, как считает В.И.Матюшенко, антропологически монголоидный тип... Правая рука сжимает вожжу, прикрепленную к ремню на морде лошади... Мужчина стоит на коротких лыжах с загнутыми вверх носами... У лошади массивная голова и стоящая дыбом грива...» [Черных, Кузьминых, 1989, с.120—121]. Эта скульптура принадлежит к числу выдающихся произведений искусства бронзового века Северной Евразии. В ней все интересно: высокая техника литья, реалистичная и своеобразная манера исполнения, монголоидные черты лица лыжника, сами лыжи и, наконец, порода лошади. Потаенный смысл этой скульптуры еще не разгадан.

Другой замечательный кинжал происходит из сейминского могильника на Оке. По типу он аналогичен ростовкинскому, но

оформлен несколько иначе. У него решетчатая прорезная рукоять, увенчанная скульптурами двух лошадей, идущих друг за другом (рис.9). Впереди идет кобыла, на голове которой хорошо заметна узда, сзади — жеребец. Они выполнены в той же самой манере, что и лошадь на ростовкинском кинжале. Обе эти скульптурные группы демонстрируют особый художественный стиль, названный сейминско-турбинским. Некоторые исследователи считают его дальнейшей предтечей знаменитого скифо-сибирского звериного стиля эпохи раннего железа.

Удивительно, что столь высокоразвитые и прекрасные бронзы сочетаются в сейминско-турбинских могильниках с массой кремневых изделий: наконечники стрел, вкладыши для ножей и т.д. Большинство из них отличается чрезвычайно высоким уровнем техники, свойственной позднему каменному веку.

К настоящему времени открыто несколько сейминско-турбинских могильников. Из них наибольшую известность получили Турбинский (г. Пермь), Ростовкинский (близ г. Омска), Сейминский и Решенский (оба в устье Оки). Наиболее полные сведения имеются о Ростовкинском могильнике. В нем открыто 38 грунтовых погребений и несколько скоплений вещей вблизи могил. В могильнике обнаружено два погребения кузнецов-литейщиков. Большинство остальных погребений, видимо, относятся к разряду воинских. Приведем описание одного из них. В нем находился костяк мужчины 25—30 лет. Возле его правого плеча был положен бронзовый кельт — топор и бронзовый наконечник копья. На тазовых костях погребенного лежал бронзовый кинжал в деревянных ножнах, а ближе к коленям — колчан с кремневыми наконечниками стрел. У черепа были обнаружены две золотые серьги (рис.8). Инвентарь этого погребения как нельзя лучше демонстрирует набор вооружения сейминско-турбинского воина. Для дальнего боя предназначались лук и стрелы, а для ближнего — копье, топор и кинжал. К этому следует еще добавить, что сейминско-турбинские воины были защищены кожаными и костяными латами, а также, вероятно, щитами.

Рис.7. Инвентарь из погребения в Пепкинском кургане (Республика Марий Эл).
 1 – «Братская могила» Пепкинского кургана; 2,3 – кремневые наконечники стрел;
 4,5 – каменные наковальня и кузнечный молоток; 6 – две глиняные формы для литья бронзовых топоров; 7,8 – глиняная посуда

По мощи своего вооружения эти воины не имели себе равных в Сибири и Восточной Европе конца эпохи ранней бронзы.

Группы этих хорошо вооруженных людей пришли в Восточную Европу из-за Урала. Их вторжение имело огромные культурно-исторические последствия, видимо, гораздо большие, чем миграция фатьяновской культуры. Оно нарушило сложившееся равновесие и вызвало цепную реакцию культурных трансформаций. Первая из значительных культур, которая попала под их удар, была абашевская. Возможно, что в числе жертв этих пришельцев оказались те 27 мужчин, которые похоронены в Пепкинском кургане. Но погибли не все. Значительная часть абашевского населения спаслась, но вынуждена была покинуть Среднее Поволжье и Южное Приуралье. Оно рассеялось по Восточноевропейской равнине. Археологически это событие фиксируется отдельными группами абашевских памятников, которые встречаются на Верхнем и Среднем Дону, на территории Самарской и Брянской областей, в Южном Зауралье. Эта абашевская волна переселенцев стала основой для формирования новых культур эпохи поздней бронзы: *покровской (раннесрубной)*, *синташтинской* и *петровской* (рис.б). Эти культуры составили единый блок, который явился первичным ядром волго-уральского очага культурогенеза. Его возникновение можно рассматривать как ответ на сейминско-турбинскую угрозу. Вполне закономерно, что основными творцами этих новых культур стали представители военной знати, колесничей аристократии.

Центральным звеном упомянутого блока как в географическом, так и в культурно-историческом смысле стала синташтинская культура Южного Зауралья. Она занимала сравнительно небольшую территорию (400 на 200 км) у восточных склонов Уральских гор. Представлена эта культура многочисленными и исключительно яркими памятниками. По одному из них она и получила свое название. Всеобщий интерес археологов, историков и лингвистов вызвали необычные синташтинские городища, которые часто называют протогородами или урбанистическими центрами. На тер-

ритории Челябинской области их открыто около двадцати. Каждому такому укрепленному центру соответствовали освоенные площади — земельные округа, радиусы которых составляли 20—30 км [Зданович, 1999, с.92]. Кроме городищ, на территории таких округов находились могильники, святилища и обычные селища-деревни. Лучшее других изучено городище Аркаим на юге Челябинской области (рис.10). Оно имеет очень четкую концентрическо-радиальную структуру застройки. С внешней стороны поселение окружено круглым рвом глубиной 1,5—2 м и круглой оборонительной стеной диаметром 143—145 м. В основании толщина этой стены равна 3—5 м. Она сложена из заливного грунта, дерева и сырцовых блоков. Высота грунтовой части стены в древности была не менее 3—3,5 м. На некотором расстоянии от внешней стены была возведена еще одна, внутренняя стена, — диаметром 85 м. Она окружала так называемую цитадель, в центре которой находилась свободная от застройки округлая площадка 25 на 27 м. Промежуток между внутренней и внешней стеной заполнен радиально расположенными наземными жилищами. Такие же жилища располагались внутри цитадели между центральной площадкой и внутренней стеной. Всего на этом городище было около 67 жилищ. Все они имеют очень стандартный вид. Это большие дома прямоугольной формы. Внутренняя их площадь разделена перегородками на несколько комнат-отсеков. Построены они из дерева и землебитных блоков.

Аркаимская крепость имела 4 входа, которые располагались, примерно, по сторонам света. Главный из них был ориентирован на запад. Три из четырех входов имели сложную конструкцию. Они представляли собой узкие извилистые лабиринты, устроенные между стенами домов. Зафиксированы также остатки надвратных башен.

Аркаим имеет очень правильную и регулярную структуру застройки. По планировке он очень напоминает военный лагерь. Это неудивительно, т.к. Аркаим являлся прежде всего военной крепостью. Но по расчетам специалистов, в поселениях аркаимского типа одновременно могло обитать от 2,5 до 4 тыс. человек. Это явно превыша-

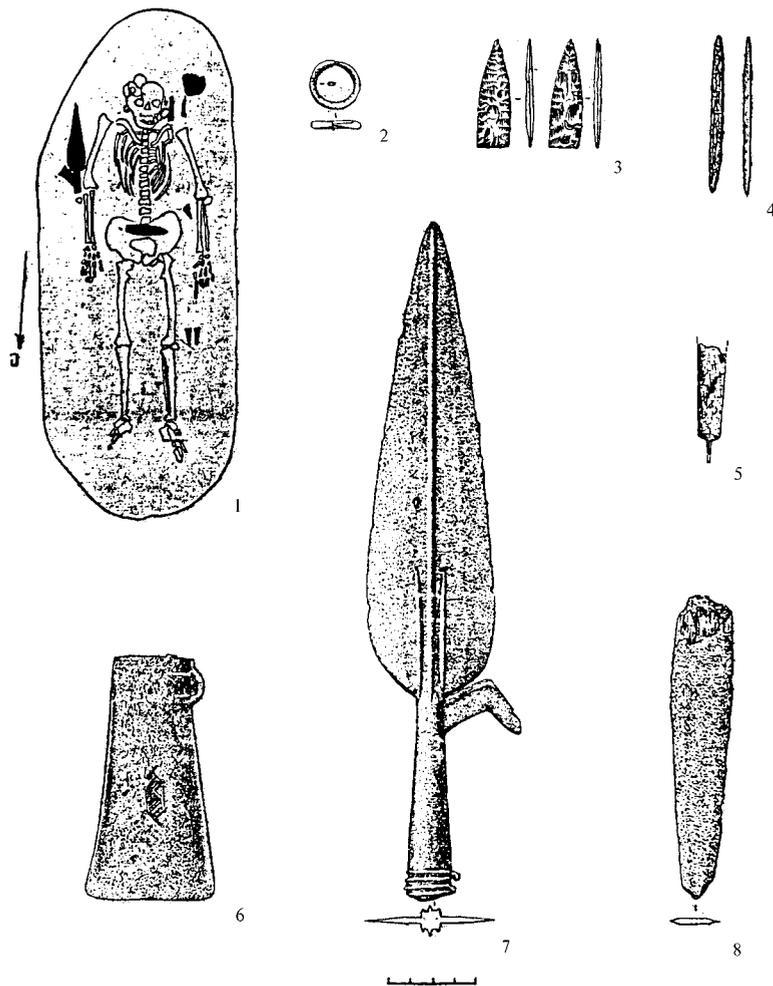

Рис.8. Ростовкинский могильник под г.Омском. 1 — план и инвентарь погребения №34; 2 — золотая серьга; 3 — кремневые наконечники стрел; 4 — костяное острие; 5 — бронзовое шило с костяной рукоятью; 6 — бронзовый топор-кельт; 7 — наконечник копья из бронзы; 8 — бронзовый кинжал

ло потребности обороны. Вместе с тем при такой высокой концентрации людей на ограниченном, тесно застроенном пространстве вряд ли было возможно вести нормально хозяйственную деятельность. Поэтому справедливо полагают, что такие поселения были крепостями-убежищами. В случае военной опасности в них укрывались жители окрестных деревень. Было также высказано предположение, что Аркаим является сакральным центром (Г.Б.Зданович). Возможно, этим объясняется его необычная концентрическая структура.

Вблизи укрепленных поселений располагались некрополи. Иногда, как в Синташте, их могло быть несколько. Примечатель-

но, что в большинстве случаев они отделены от поселений какой-нибудь водной преградой. Вода разделяла мир живых и мертвых. Известны как грунтовые, так и курганные захоронения. Правда, некоторые исследователи предполагают, что небольшие курганные насыпи возникли естественным путем, в результате разрушения надмогильных конструкций в пределах погребальной площадки. В центре подкурганной площадки обычно располагались 1—3 самых крупных могилы, а вокруг них — могилы меньших размеров. В подавляющем большинстве случаев трупы укладывались в слабо скорченном положении на левом боку. Они сопровождалась очень обильными и разно-

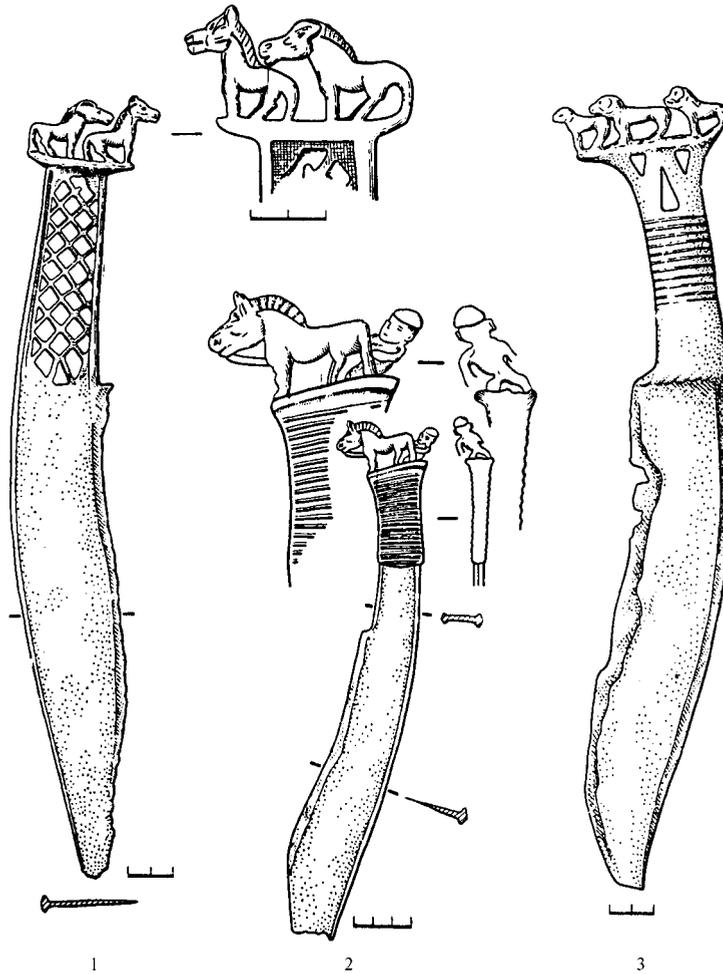

Рис.9. Сейминско-турбинские ножи: 1 — Сейминский могильник; 2 — Ростовкинский могильник; 3 — Турбинский могильник

образными жертвоприношениями животных. В большинстве случаев туши животных или их части укладывались на перекрытия могил. На дне могил чаще расстилали шкуры. Среди жертвенных животных преобладал крупный и мелкий рогатый скот, а также лошади и собаки. Погребения, особенно мужские, снабжались многочисленным и разнообразным инвентарем: глиняными сосудами, изделиями из металла (наконечники копий, топоры, тесла, долота, серпы, разнообразные украшения и т.д.), камня (кремневые наконечники стрел, булавы, кузнечный инструмент и т.д.), кости и рога (детали конской узды, лука, различные навершия и т.д.). Кроме того, в могилы также помещали большое количество укра-

шений из металла, пасты, кости и других материалов. Но самыми дорогими изделиями в составе синташтинского погребального инвентаря были, конечно, колесницы. Они изготовлялись из дерева, других органических материалов. Металл в их конструкции не использовался. Каждая такая колесница имела два колеса с 8—12 спицами. Диаметр колес в среднем равнялся 90 см. Расстояние между ними несколько превышало 1 м. Кузов колесницы, на котором могли поместиться 1—2 человека (возница и стрелок из лука), имел прямоугольные или округлые очертания. С задней стороны он был открыт. В такие легкие колесницы обычно запрягали двух лошадей (рис.11). Судя по древневосточным письменным ис-

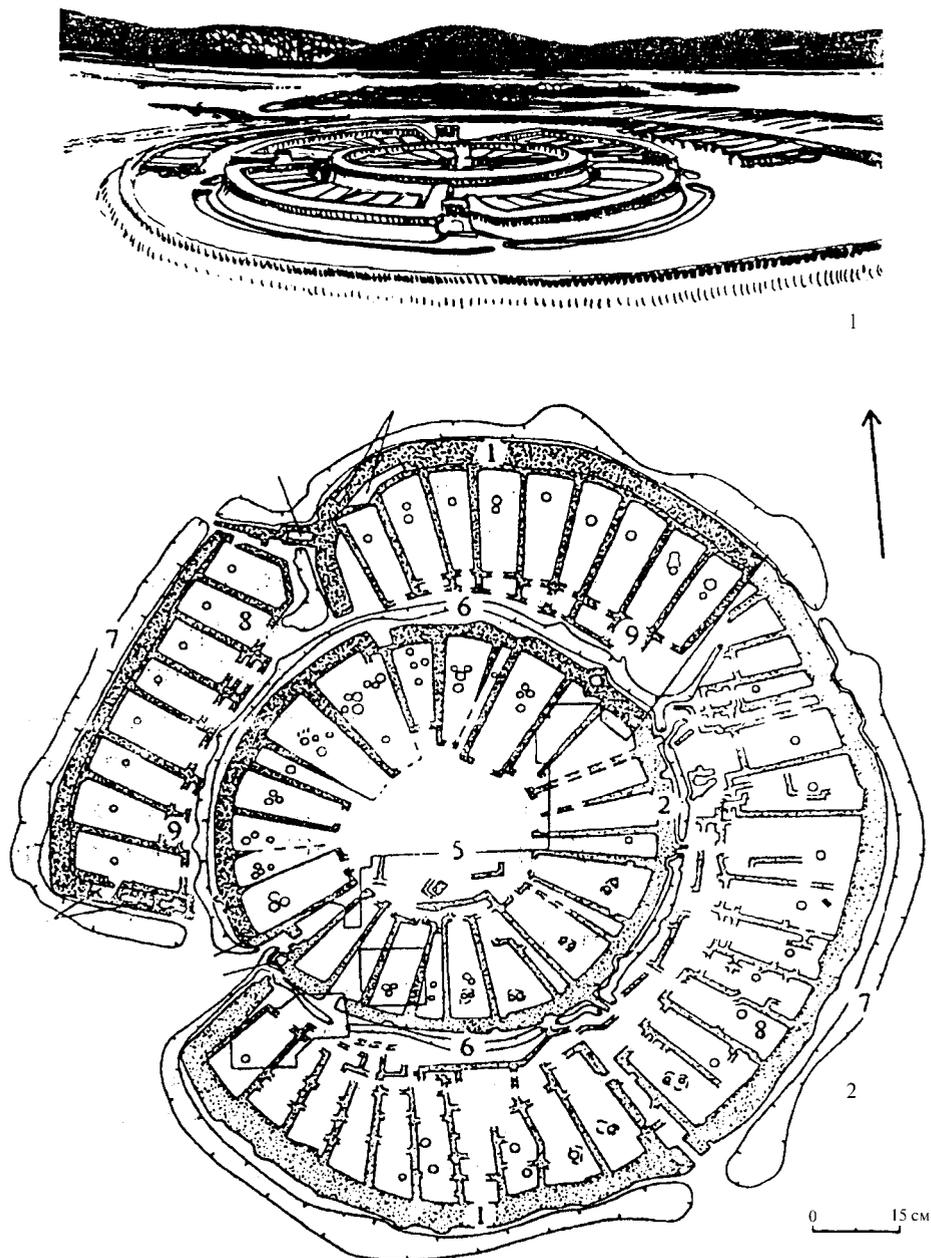

Рис.10. План (2) и реконструкция (1) внешнего вида поселения Аркаим (по Г.Б.Здановичу)

точникам, конные колесницы, подобные синташтинским, являлись самым грозным оружием 2 тыс. до н.э. Они стоили очень дорого и в потусторонний мир сопровождали самых знатных и богатых людей.

В своей основе хозяйство синташтинской культуры было скотоводческим. Оно имело отгонно-придомный характер с мясо-молочной направленностью. В основ-

ном разводили крупный рогатый скот и в меньшем количестве — коз, овец, лошадей и свиней. В коневодстве было два направления: мясное и хозяйственное. Второе направление являлось приметой нового времени. Его развитие, несомненно, было связано с использованием боевых колесниц.

Другой базовой отраслью синташтинской экономики являлось металлопроиз-

водство. До нас дошли многочисленные и разнообразные данные о горно-металлургической деятельности местного населения. Из них вытекает, что Южное Зауралье являлось одним из крупнейших центров по производству металла. Синташтинские мастерские, в которых работали профессиональные кузнецы и литейщики, производили множество разнообразных изделий. Среди них были предметы вооружения (наконечники копий, боевые топоры, кинжалы и т.д.), деревообрабатывающие инструменты (тесла, долота, стамески), украшения, утварь (ножи, шилья и т.д.), сельскохозяйственные орудия (серпы). Многие из них выпускались большими сериями и удовлетворяли потребности довольно широкого круга потребителей. В значительной мере синташтинское металлопроизводство продолжало традиции абашевской культуры. Вместе с тем в нем отчетливо проявились тенденции новой эпохи. Синташтинские мастера, хотя и в небольших объемах, начали использовать оловянные бронзы, каменные литейные формы, литье изделий со слепой втулкой. Эти приемы позволили значительно улучшить качество изделий и расширить их производство. Новая технология не была местным изобретением. Ее принесли с собой сейминско-турбинские мастера, у которых она была заимствована синташтинскими литейщиками. Впоследствии вместе с другими волго-уральскими новшествами она получила широкое распространение в Восточной Европе и на территории Казахстана.

Имеются довольно многочисленные и разнообразные данные, которые позволяют составить общее представление о социальном устройстве синташтинского общества. Разумеется, эти материалы, как это часто случается в археологии, не поддаются детальной и однозначной интерпретации. Но в данном случае они столь красноречивы, что конечный вывод кажется predetermined. Он сводится к тому, что синташтинское общество было на пороге перехода к цивилизации. В этой связи прежде всего следует отметить его неоднородный характер. Судя по погребальным памятникам, в нем довольно четко была выражена половозрастная структура населения. Могила

мужчин, женщин и детей отличаются наборами инвентаря, размерами и ориентировками ям, составом жертвенных животных и т.д. (А.В.Епимахов). Эта структура была частью более сложной семейно-родовой организации, которая также нашла отражение в погребальных памятниках. В этой связи следует обратить внимание на планировку могил в синташтинских курганах. В большинстве из них четко выделена центральная часть, где располагались 1—3 самые крупные богатые могилы. Вокруг них группировались остальные, иногда весьма многочисленные погребения. Как в центральных, так и в периферийных ямах находились одиночные, парные и коллективные погребения мужчин, женщин и детей. В сущности, каждый такой курган являлся отдельным кладбищем, в котором было похоронено несколько десятков человек. Несомненно, что такие курганы были некрополями обособленных коллективов людей, связанных семейно-родственными узами. С другой стороны, они составляли целые могильники, которые принадлежали более многочисленным сообществам людей. Напомним, что такие могильники обычно находились вблизи укрепленных городищ.

В синташтинских курганах-кладбищах хорошо просматриваются признаки социально-имущественного неравенства. Как уже упоминалось, центральные могилы выделяются своими размерами и богатым инвентарем. Часто с ними связан так называемый колесничий комплекс. Согласно историческим, лингвистическим и археологическим данным, колесница и ее атрибуты являлись универсальным символом очень высокого социального положения. Повсюду колесничьи входили в число высших страт общества и составляли привилегированное правящее меньшинство. В синташтинской культуре погребения колесничих встречены всего в 14% от всех изученных к настоящему времени могил (А.В.Епимахов).

Другие важные сведения о социальной организации синташтинского общества дают поселенческие памятники. По информации Г.Б.Здановича, в синташтинской культуре выявляется двухуровневая иерархия поселений. Верхний уровень составля-

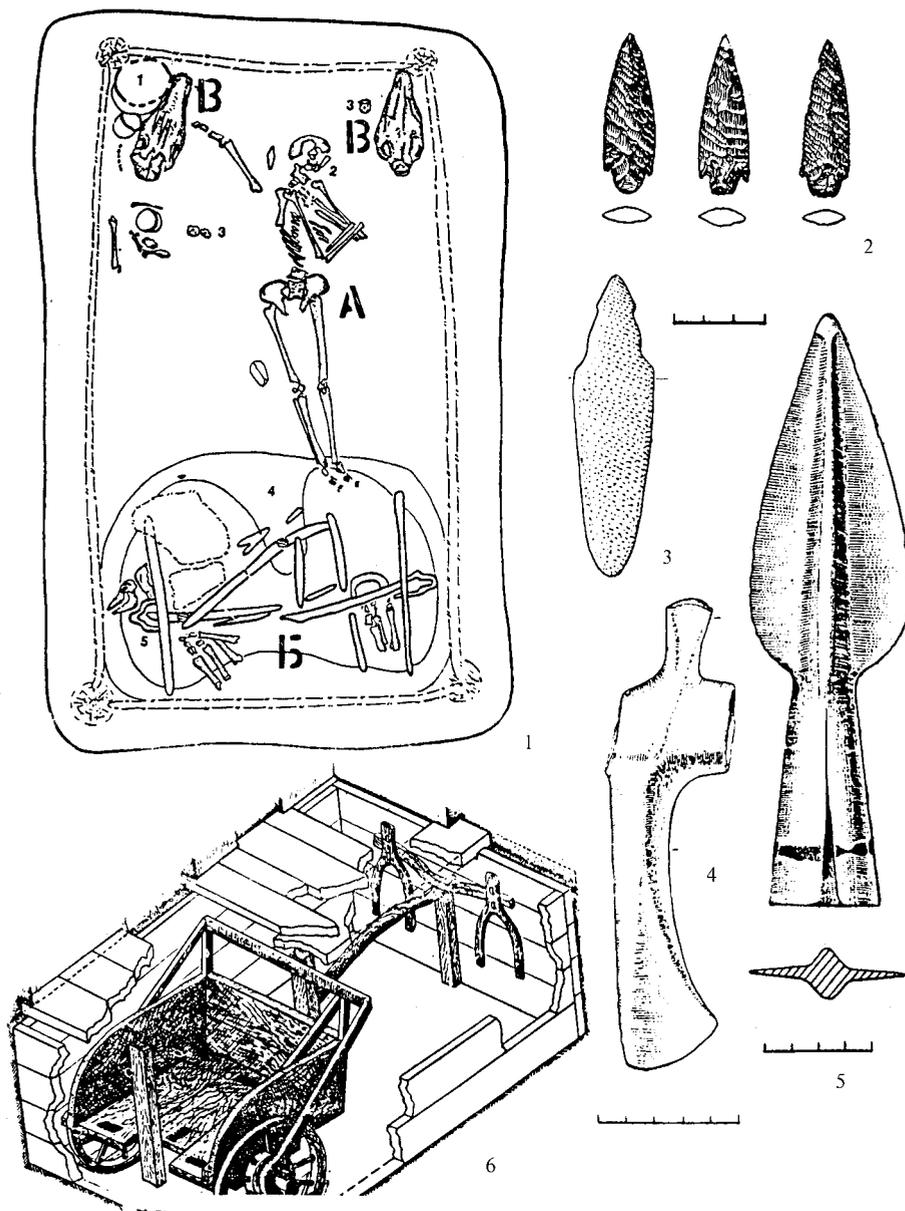

Рис.11. Погребения воинов-колесничих Синташтинской культуры: 1 — план погребения (А — костяк мужчины, Б — остатки деревянной колесницы; В — черепа лошадей); 2-5 — инвентарь из погребений колесничих (2 — кремневые наконечники стрел; 3-5 — бронзовые нож, топор, наконечник копья); 6 — реконструкция внешнего вида колесницы

ли укрепленные центры, а нижний — мелкие селища [Зданович, 1999, с.42]. Такого рода структуры указывают на весьма сильную централизацию экономической и политической власти. В пользу этого говорит и сам характер городищ аркаимского типа. Очевидно, что столь сложные грандиозные сооружения не могли складываться стихийно. Каждое из них возводилось в сравни-

тельно короткий промежуток времени по единому плану и под руководством одного лидера, сосредоточившего в своих руках значительные ресурсы и власть.

Суммируя эти и другие данные, можно заключить, что синташтинское общество являлось сложным и многоуровневым образованием. По типу своей организации оно больше всего напоминает вождество. Все

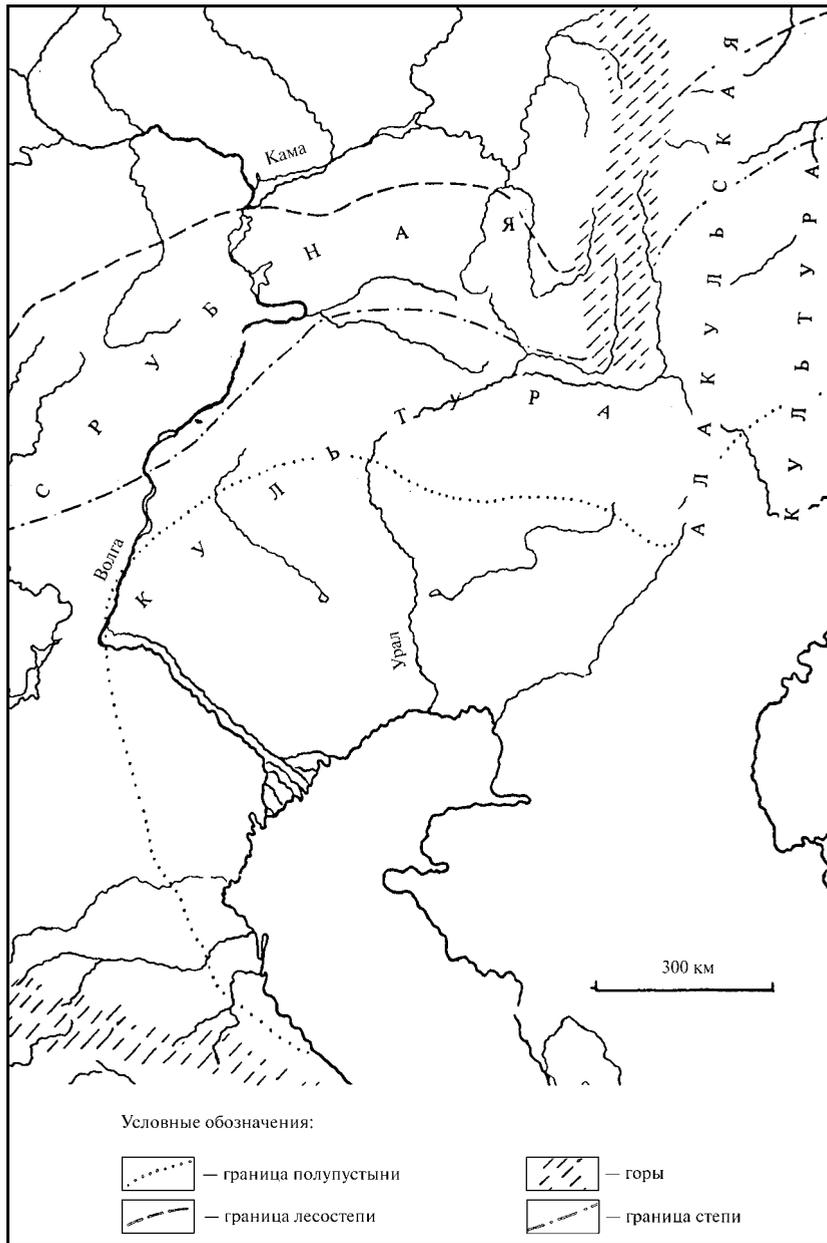
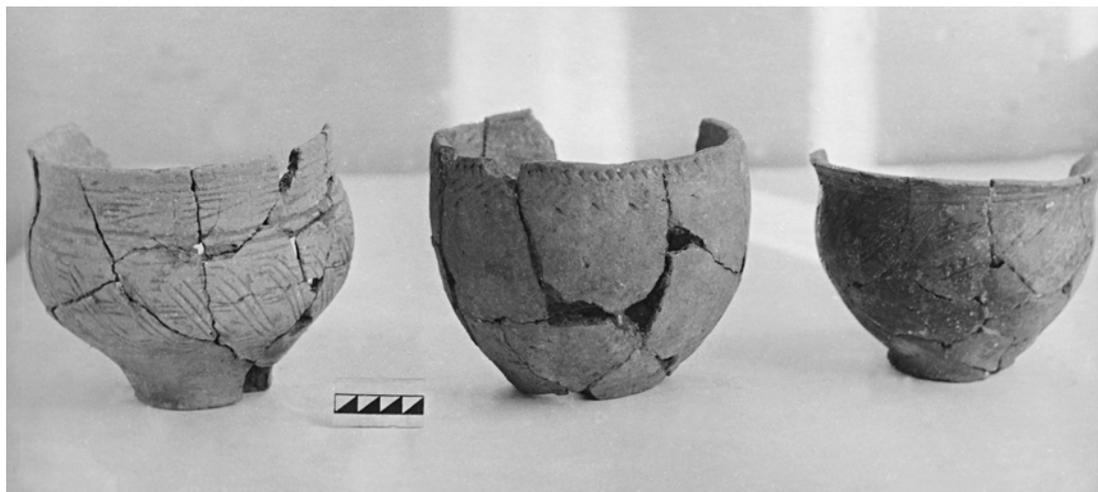

Рис.12. Культуры средней поры эпохи поздней бронзы

основные признаки вождеств (социальное ранжирование, ремесленная специализация, укрепленные центры, монументальные сооружения, культовые места и т.д.) так или иначе прослеживаются в синташтинских материалах. Можно предположить, что в Южном Зауралье было несколько вождеств, каждое из которых контролировало округу радиусом в несколько десятков километров. Они были сильно милитаризи-

рованы (оружие встречается практически в каждом мужском синташтинском погребении) и, видимо, постоянно враждовали друг с другом (крепости были в каждом из них). Их правящий слой составляла колесничая аристократия, в которую входили главы и некоторые члены семейно-родовых групп.

Западными соседями синташтинского населения были племена покровской (ран-

Керамика из Такталачукского могильника черкаскульской культуры. XIV в. до н.э.
Раскопки Е.П.Казакова

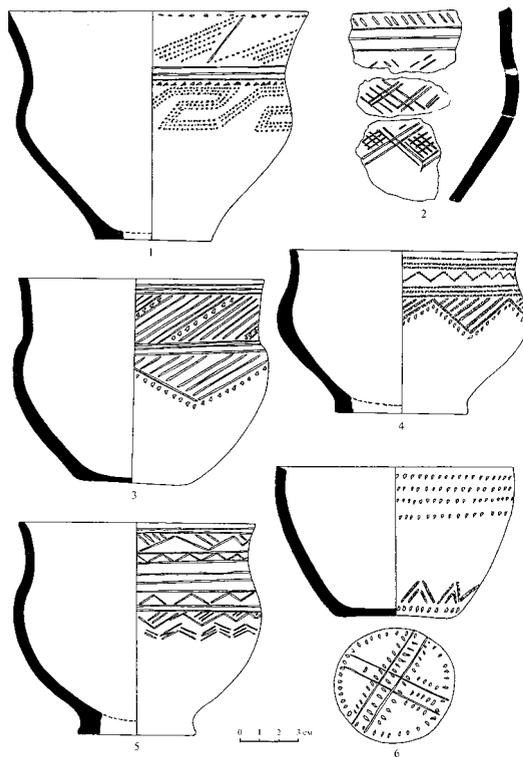
несрубной) культуры, а восточными — петровской. Обе эти культуры стали широко известны археологам после раскопок могильников у г. Покровска близ Саратова и у с. Петровка в Северо-Западном Казахстане. Покровская культура занимала степь и лесостепь между Уралом и Доном, а петровская — территорию Северо-Западного Казахстана. По своему происхождению, образу жизни населения и общему уровню развития они были близки «синташте», но уступали ей в социальном плане. В них также главенствующая роль принадлежала колесничьей аристократии, которая, однако, не была столь богата и влиятельна. Сохранились ее курганные погребения с остатками колесниц, упряжных лошадей, конской узды и оружия. Петровская знать возводила небольшие укрепленные поселения, которые не идут ни в какое сравнение с крепостями аркаимского типа. В покровской культуре не было и этого.

Население обеих культур вело оседлый образ жизни и в основном занималось пастушеским скотоводством. Оно селилось в небольших деревнях, разбросанных вдоль берегов рек. Здесь же рядом находились курганные и грунтовые могильники. Сравнительно высоко была развита металлургия. Петровские мастера одни из первых начали разработку богатейших месторождений меди на территории Казахстана. Они также имели доступ к источникам олова, которое

тогда очень ценилось. Продукция кузнечно-литейных мастерских была значительна и разнообразна. Она удовлетворяла потребности знати и части рядового населения. Большое значение придавалось производству металлического оружия, так как население покровской и петровской культур было сильно милитаризовано. В этой связи нужно подчеркнуть, что военная знать жила войной и грабежами и стремилась всячески расширить свои владения. Петровское население дошло до Центрального Казахстана, а отдельные его группы проникли в Среднюю Азию.

Дальнейшие судьбы синташтинской, петровской и покровской культур сложились по-разному. Последняя из них трансформировалась в срубную культуру, а петровская — в алакульскую (рис.12). Еще до этих событий, по не совсем ясным причинам, исчезла синташтинская культура. Возможно, что ее население погибло в междоусобной борьбе или же в неудачных войнах с соседями. Не исключено также, что оно во главе со своей аристократией ушло в Среднюю Азию, а затем и дальше на юг. В конечном итоге Южное Зауралье оказалось занятым петровской культурой.

Срубная и алакульская культуры названы археологами по форме погребального сооружения (срубы) и по месту открытия первого могильника — озеро Алакуль в Челябинской области. Обе они заняли огромную

Керамика из Такталачукского могильника черкаскульской культуры.
[Казаков, 1978, с.90]

территорию — от Иртыша до Днепра. Граница между ними проходила по Уралу. Их население придерживалось оседлого образа жизни и занималось пастушеским скотоводством, металлургией и металлообработкой. Обитало оно в небольших степных деревушках, состоящих из нескольких жилищ в форме землянок и полуземлянок. Эти жилища чаще всего были разделены на несколько отсеков, в одном из которых держали скот. Отапливались они небольшими очагами. Для выхода дыма в крыше устраивалось отверстие. Через него также в землянку попадал свет. Своих умерших обитатели этих деревень хоронили в курганах или в грунтовых могильниках. Погребальный обряд и инвентарь были очень скромны.

С археологической точки зрения эти культуры демонстрируют устойчивые традиции во всех основных категориях материала. Прочные каноны и стереотипы были выработаны в керамическом и металлооб-

рабатывающем производствах, в погребальном обряде, структуре поселений, в социальной сфере и т.д. Но вместе с этой стабильностью и единообразием в них исчезают все признаки колесничьей аристократии и развитой социальной и имущественной стратификации. Судя по погребальному обряду, в обществе возобладала идеология равенства. Все это вместе взятое может быть расценено как возврат к старой племенной структуре. Это означало консервацию древних традиций, застой и даже некоторый регресс в ряде сфер культуры и экономики.

В третьей четверти 2 тыс. до н.э. пространство Волго-Уральского региона занимают памятники черкаскульской культуры. На территории Татарстана проведены широкие раскопки такталачукского могильника.

Дальнейший ход истории волго-уральского бронзового века в конце 2 тыс. до н.э. может быть охарактеризован как процесс смены одних скотоводческих культур другими. Между собой эти культуры похожи и мало выразительны с точки зрения материальных проявлений. Ни в экономике, ни в социальной сфере они не превосходят срубную и алакульскую культуры. Накануне раннего железного века в Волго-Уральских степях резко сокращается число поселений, могильников, единичных находок. Создается впечатление, что местное население переживало глубокий кризис. Возможно, он был связан с переходом к кочевому скотоводству. В X—IX вв. до н.э. волго-уральские культуры эпохи бронзы прекращают свое существование. На смену им приходят новые кочевнические культуры раннего железного века.

Изложенная здесь история бронзового века суха и безлика. Она передает лишь самые общие культурно-исторические процессы, которые протекали в то время. Но такова природа археологических источников. Они не могут говорить языком письменных документов. Но к счастью, сохранились легенды и мифы, религиозные трактаты и гимны, некоторые исторические свидетельства цивилизованных народов Древнего Востока. В них так или иначе отразились те бурные события 2 тыс. до н.э., которые происходили в Великой Степи.

Сергей Кляшторный

Страна ариев

Три тысячи лет назад в стране Арианам Вайджа, что значит «Простор ариев», жрец Заратуштра провозгласил веру в единственного несотворимого и вечного бога, творца всех прочих божеств (*ахур*) и всего благого — Ахуру Мазду («Господь Мудрость»). Целью всех уверовавших стали «благая мысль», «благое слово» и «благое дело» — триада, которая в конце времен должна сокрушить Анхра Манью («Злого духа»), несведущего в истине и зловредного предводителя демонов-дэвов (*даэва*).

Суть проповеди Заратуштры в сравнении с прежними верованиями так изложена немецким иранистом Г.Хумбахом: «Заратуштра воспринял веру в ахур от своих предшественников. Очевидно, он видоизменил эти верования, а возможно, даже создал имя Ахура Мазда и предложил считать ахур воплощениями качеств Ахуры Мазды. Но такими теологическими вопросами вряд ли удалось бы вовлечь целый народ в религиозное движение. Привилегированное положение, созданное для Арты («Истина», «Праведный путь». — *С.К.*), прославлявшейся и противниками пророка, не было новшеством, равно как и почитание коровы, которое уже Заратуштра приписывал Фрияне, мифическому предку кави Виштапы. Возможно, что даже дуализм (т.е. вера в два начала. — *С.К.*) в основных своих чертах был разработан предшественниками Заратуштры. В чем же заключалась та, отличная от прежних, идея, которой Заратуштра затмил всех поклонявшихся корове магов и брахманов и которая сделала его одним из величайших религиозных реформаторов? Она заключалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга, — это представление Заратуштра дал человечеству. Она заключалась, далее, в учении о том, что каждый индивидуум может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царст-

ва Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни, и таким образом восстановить на земле рай с молочными реками» [Humbach, с.74].

Заратуштра, арий из рода Спитама, сын Поурушаспы («Серолошадного»), не владел богатством. Его имя значило «Обладающий старым верблюдом» (по другой версии — «Тот, кто погоняет верблюдов»). Его авторитет в родной стране был невелик; он сумел убедить в истинности своего учения лишь двоюродного брата. Но и в соседних землях никто не воспринимал Заратуштру как пророка. Его учение много лет отвергали, и о причинах долгого неприятия зороастризма (из позднейшей греческой переделки имени пророка — Зороастр) яснее других написала виднейшая современная исследовательница этой религии Мэри Бойс: «Хотя учение Зороастра — развитие старой веры в Ахуру, оно содержало много такого, что раздражало и тревожило его соплеменников. Предоставляя надежды на достижение рая всякому, кто последует за ним и будет стремиться к праведному, Зороастр порывал со старой аристократической и жреческой традицией, отводившей всем знатным людям после смерти подземное царство. Более того, он не только распространил надежду на спасение на небесах среди бедняков, но и пригрозил адом и в конечном счете уничтожением сильным мира сего, если они будут поступать несправедливо. Его учение о загробной жизни, казалось, задумано так, чтобы вдвойне рассердить привилегированных. Что касается его отрицания демонов-даэва, то оно могло показаться опрометчивым и опасным как богатым, так и бедным, потому что навлекало гнев этих божественных существ на все общество. Далее, величественные представления об одном Творце, о разделении добра и зла и грандиозной мировой борьбе, требующей постоянных нравственных усилий, было трудно постичь, а будучи понятными, эти представления оказались слишком вы-

зывающими для обычных беспечных политеистов» [Бойс, с.40—41].

После долгих скитаний Заратуштра нашел прибежище вдали от родных мест, у одного из кави (царей-жрецов) «арийских стран», Виштаспы. Жена царя, Хутаоса, восприняла новую веру, а когда правители соседних стран, недовольные успехами Заратуштры при дворе Виштаспы, заключили враждебный ему союз, царица побудила мужа к войне против соседей. Виштаспа оказался победителем, а учение Заратуштры утвердилось в стране. Но старое жреческое сословие не простило Заратуштру — по легенде, он был заколот жрецом во время молитвы.

Священное писание зороастризма получило название Авеста («Наставление» или «Восхваление»). В этом своде эсхатологических и литургических текстов самому Заратуштре приписываются только Гаты («Песнопения»). В течение многих веков жрецы—последователи Заратуштры заучивали и устно передавали из поколения в поколение священные тексты. Учение, созданное в стойбищах арийских пастушеских племен и перенявшее их поверья и мифы, не знало сначала ни храмов, ни культовых сооружений. Арии молились и приносили жертвы на вершинах холмов и гор, у домашнего очага, на берегах рек и озер. Лишь через полтора тысячелетия в Иране, при династии Сасанидов, зороастризм, ставший государственной религией, был зафиксирован специальным письмом. Письменная Авеста составила 21 наск (книги) из весьма разнородных и разновременных частей, лишь некоторые из которых восходят ко времени Заратуштры или еще более древним временам. К наиболее древним «дозаратуштровским» разделам Авесты принадлежат Яшты («Гимны»), сохранившие, несмотря на все позднейшие переделки и сокращения, бесценные крупницы прошлого знания и знания о прошлом, повествования и мифы минувших веков, безмерно далеких от дней Заратуштры.

Впрочем, время жизни Заратуштры нельзя считать установленным. Мэри Бойс указывает на промежуток между 1500—1200 гг. до н.э. [Бойс, с.27]. Более принято относить время Заратуштры к самому нача-

лу I тыс. до н.э. или даже к VIII—VI вв. до н.э. Мы принимаем более грубую оценку: конец 2 или начало 1 тыс. до н.э.

Еще более спорны гипотезы о родине Заратуштры и месте первоначального распространения его учения. В дискуссии между сторонниками локализации родины зороастризма в Западном или Восточном Иране (включая часть Средней Азии) ныне преобладает последняя точка зрения. В какой-то мере она отражена сводным трудом Р.Фрая «Наследие Ирана»: «Лингвистические данные говорят в пользу отнесения пророка к Восточному Ирану. Исторически оправдано, что Авеста, с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимися к общим восточноиранским сказаниям, оказалась составленной на языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев. Эта прародина могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата. Индийцы, когда они продвинулись с этой прародины в различные районы (Индийского) субконтинента, сохранили, несмотря на происшедшие в их диалектах изменения, ведические гимны на древнем языке преданий; также и иранцы, распространившиеся по (Иранскому) нагорью, сохранили гимны Митре и другим арийским богам» [Фрай, с.54].

Хронологическая многослойность Авесты обусловила, по мере распространения зороастризма с востока на запад или с северо-востока на юго-запад, отнесение к наиболее почитаемым и изначальным местам религии самых разных местностей в Средней Азии и Иране. Так, в Яште 19, прославляющем Хварно (*Хварэна*, «Божественная благодать»), говорится, что это царственное отличие нисходит лишь на тех, «кто правит у озера Кансаойа, принимающего (реку) Хаэтумант». Река и озеро отождествляются с Гильмендом и Хамуном в современной провинции Систан в Иране. Однако зороастризм утвердился там лишь около VI в. до н.э. [Бойс, с.52]. Напротив, в «Михр-Яште», прославляющем Митру, названы в числе «арийских земель» лишь восточноиранские и среднеазиатские страны — Мерв, Иштака (Северный Афганистан), Харайва (Ариана, район Герата), Хорезм

и «высокие горы Хара», откуда стекают глубокие реки, достигающие Согда и Хорезма, т.е. Амударья и Сырдарья, долины которых также входят в «край арийцев» [Авеста, с.57; Фрай, с.73—75]. В другой книге Авесты, «Видевдате» («Законе против дэвов»), первой страной — прародиной ариев, названа Арианам Вайджа («Простор ариев»), и затем еще шестнадцать стран, сотворенных Ахурой Маздой, в том числе Согд, Моуру (Мерв), Бахди (Бактрия), но не упомянут Хорезм [Бойс, с.52].

Наконец, самый древний и самый трудный для интерпретации слой авестийской географии содержится в гимнах Ахуре Мазде («Ормазд-Яшт») и богине Ардви Суре («Ардвисур-Яшт»), которые, вместе с другими Яштами, блестяще переведены на русский язык И.М.Стеблин-Каменским. В 21-м стихе «Ормазд-Яшта» описывается «благодный мир» Арианам Вайджа:

Хвала Арианам Вайджа
И благу, Маздой данному!
И водам Датъи слава
И чистым водам Ардви!
[Авеста, с. 17].

Здесь Арианам Вайджа — обширная страна, орошаемая двумя могучими и глубокими реками, не раз упоминаемыми в Яштах, — Датъи и Ардви. В стране есть и горы — Ушида, Ушидарна. Развивает тему географии Арианам Вайджа другой древнейший Яшт, гимн Ардви Суре. Воды Ардви «мощно текут от высоты Хукарья до моря Ворукаша»:

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша,
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью притоков
И тысячью озер.

...
Молись ей,
О Спитама! [Авеста, с.24].

...
Молись горе Хукарья,
Преславной, золотой,
С которой к нам стекает
Благая Ардви Сура

...
Молюсь ей ради счастья!
[Авеста, с.45].

Ворукаша в этом гимне отнюдь не мифическое озеро, а огромное море в сердце Арианам Вайджа. Именно там, в середине моря, и скрыто Хварно, божественная благодать, которой «завладели грядущие и бывшие цари арийских стран» [Авеста, с.31]. Вспомним — много позднее местом, где скрыто Хварно арийских стран, названо озеро Кансаойа (оз. Хамун в Восточном Иране). Центры зороастризма сместились тогда на Иранское плато.

Другая великая река Арианам Вайджа, «благая Датъя», как и Ардви, берущая начало в горах, не обозначена никакими дополнительными координатами; ничего не говорится о ее впадении в море.

Берега моря Ворукаша принадлежат не только ариям. Здесь молятся и приносят жертвы богине Ардви Суре и враги ариев — туры. Арийский герой Карсаспа, победитель драконов и дэвов, молит Ардви Суру дать ему победу над «приверженцем обмана», Гандарвой, чей дом «у берега Ворукаши» (стих 39).

Другой вождь туров, Йойшта, приносит жертву Ардви Суре «на острове в стремнине реки широкой Ранха». Самый страшный враг ариев, «трехглавый змей Дахака», почитающий тем не менее Ардви Суру, приносит ей жертву «в стране, чье имя Баври» («Бобровая»). А сама богиня Ардви Сура, одетая в бобровую накидку «из шкур трехсот бобров» (стих 29), тоже как-то связана со страной Баври. Еще одна пограничная область между ариями и турами обозначена в стихах 54—59. «Могучий воин Туса» просит победы над «быстрыми сыновьями Вайсаки», для сокрушения «героев Турана», у «врат [прохода] Хшатросука (Свет Царства)», «наивысших в Кангхе, высокой и священной». А сыновья Вайсаки, прародителя туранских героев, приносят жертву Ардви Суре «у врат Хшатросука, наивысших в Кангхе, высокой и священной» [Кляшторный, 1964, с.169].

И наконец, другие злейшие враги ариев, племена хьона, также подступают к Арианам Вайджа. В гимне Аши («Ард-Яшт»)

«многомудрый Виштаспа» просит о победе над «хьонским злодеем» «лживым Арэджатаспой» и еще другими героями «из хьонских стран», одетыми в «остроконечные шлемы». Моление о победе происходит у реки Датъя [Авеста, с.121]. А между тем река Датъя — то самое место в Арианам Вайджа, где и Ахура Мазда почитал Ардви «и хаомою молочной, и прутьями барсманна» [Авеста, с.26]; сам же Заратуштра «на Арианам Вайджа, у Датии благой» почитал богиню Аши.

Брат «хьонского злодея» Арэджатаспы, хьонский вождь Вандарманиш, помышляя отомстить «могучему Виштаспе» и «поразить сотню арийских воинов», молит Ардви Суру о победе у моря Ворукаша [Авеста, с.44].

Еще одно место в стране ариев заслуживает внимания — озеро Чайчаста. Там приносил жертвы Ардви Суре Хоасрава (Хосров), «герой, сплотивший страны ариев» [Авеста, с.32]. А в гимне Аши («Ард-Яшт», стихи 37—43) эпизод с Хоасравом развернут подробно — «целительный, прекрасный, золотоглазый Хаома» просит Аши помочь ему пленить туранца Франхрасъана (Афрасиаба) и привести его связанным в ставку к Хоасраву, на озеро Чайчаста. О том же молится и сам Хоасрава у озера Чайчаста [Авеста, с.119—120].

Подведем некоторые итоги «географическому обзору» Арианам Вайджа и постараемся увидеть «страну ариев» такой, какой она предстает в древнейших дозаратуштровских Яштах, лишь обработанных пророком или его последователями. Равнина «Просторы ариев» омывается двумя «благими и божественными реками», Ардви и Датъя, имеющими чрезвычайное значение для жизни арийских племен — им приносят жертвы боги и герои ариев, но также герои их врагов — туров и хьона. Обе реки стекают с одних и тех же гор, но лишь одна из них впадает в море Ворукаша, на берегах которого (или близ которого) живут и арии, и туры, и хьона. С Ардви связана и «страна Баври», и туранский герой, приносящий ей жертву на острове «в стремнине реки Ранха».

Хьона угрожали ариям и близ арийской реки Датъя, а туры — близ «Кангхи, высо-

кой и священной» и близ ставки «героя арийских стран» Хоасравы на озере Чайчаста. Гора Хукаръя (также Харата, «высокая Хара») хорошо известна ариям, там истоки Ардви и Датъя, там обитель богов, прежде всего Митры. Но эти горы лежат за пределами центральных районов Арианам Вайджа — тех мест, где разыгрываются сцены сражений арийских героев.

В дальнейшем мы будем опираться на два достаточно обоснованных отождествления: Ранха, несомненно, древнейшее название Волги [Абаев, 1965, с.122], а река Ардви, река богини Ардви Суры Анахиты — Амударья, впадавшая в 3—2 тыс. до н.э. в Каспий через русло Узбоя. Море Ворукаша, куда впадает река Ардви, — Каспийское море, с которым связаны реки Ранха (Волга) и «Бобровая страна» (бассейн р. Камы) [Членова, 1984]. Тогда вторая река Арианам Вайджа, Датъя, надежно отождествляется с Сырдарьей, а о локализации Кангхи по среднему и нижнему течению Сырдарьи мы писали достаточно подробно [Кляшторный, 1964]. Не без доли гипотетичности озеро Чайчаста отождествляется с Аральским морем. А Хукаръя («высокая Хара») — горная страна Памиро-Алая и Тянь-Шаня.

Многовековая миграция андроновцев-ариев на юг и восток, как и типология их поселений в начальный период переселений, нашли свое отражение в авестийских сказаниях. Во втором фрагменте «Видевдата» Ахура Мазда рассказывает Заратуштре о первом человеке, которого он «наставлял в вере». Им был Йима Прекрасный, «владелец добрых стад». Но Йима не смог стать проповедником наставлений Ахуры. Зато, по повелению и при помощи Ахуры, он стал «вращивающим» и «защищающим» земной мир. И после того, как царство Йимы просуществовало «триста зим», не стало хватать места для живых существ — «мелкого и крупного скота и людей». И тогда Йима «выступил к свету в полдень на пути Солнца» и «эту землю раздвинул на одну треть больше прежнего, и нашли себе здесь пристанище мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось». Новый кризис наступил через «шестьсот зим». И вновь Йима идет «к све-

ту в полдень на пути Солнца» и еще раз раздвигает землю «на две трети больше прежнего». И расселяет скот и людей на новых землях. Через «девятьсот зим» все повторяется в третий раз. Так в далеком и долгом прошлом по воле Ахуры и трудами Йимы Прекрасного была создана для народа ариев просторная страна, «славная Арианам Вайджа» [Авеста, с.176—178].

И в этой стране, по воле Ахуры, Йима создал тот тип поселений для «людей и скота», который назван в Авесте «вар размером в бег на все четыре стороны». Выстроенный из глины и земли вар состоял из трех концентрических кругов валов и жилищ, причем во внешнем круге было девять проходов, в среднем — шесть, во внутреннем — три [Авеста, с.178—179; Steblin-Kamensky, с.307—310].

Прошло три тысячи лет, и археологи, работавшие на пространстве между реками Уралом и Иртышом, обнаружили десятки именно таких поселений между XX и XV вв. до н.э. с тремя вписанными друг в друга окружностями валов и стен (см. выше). Стены двух внутренних окружностей были образованы торцами жилищ, которые либо упирались в валы, либо сами составляли внешнюю стену. Жилища открывались на кольцевую улицу. Внешние и внутренние рвы дополняли оборонительную структуру, а радиально расположенные улицы выводили на центральную площадь. Наиболее известное из таких поселений, Аркаим, находится в Челябинской области [Древности Урало-Казахстанских степей; Памятники протогородской цивилизации; Аркаим]. В жилищах его двух внутренних городов, каждое из которых имело площадь от 190 до 300 м², жили не менее 2 тыс. человек. Сам поселок с его мощными укреплениями был ставкой вождя и, в случае вражеского нападения, убежищем для людей и скота из близлежащих мелких поселений с их обычной для андроновских (синташтинских) поселков линейной планировкой. Поселения с радиальной планировкой и с трех-, двухкольцевой системой оборонительных сооружений и были обозначены в Авесте термином «вар». Их детальное описание в авестийском тексте, совпадающее с археологической реальностью, не вы-

ходящей по своим датировкам за пределы XX—XV вв. до н.э., в свою очередь, позволяет датировать тем же временем соответствующие разделы текста и подтвердить историчность тех реалий, которые сохранены в мифах арийской эпохи.

Бурная история межплеменных войн ариев, туров и хьона, почитающих одних и тех же богов и молящих их о победе на одном языке, разворачивается на границе Арианам Вайджи, на берегах Амударьи и Сырдарьи, на Каспии и Арале, на Волге и в Прикамые. События, чей отзвук сохранили Яшты, происходили, возможно, задолго до времен Заратуштры, во второй половине 2—начале 1 тыс. до н.э.

Сражения и молитвы богов и героев Яшт — это и есть мифы и эпос андроновской (синташтинской) эпохи, мифы и эпос ариев и племен, которые названы вместе с ариями, — туров, хьона, дана, сайрима, саина, даха.

Воины Яштов — это колесничие (*раташтар* — «стоящие на колесницах»), обладатели быстрых коней и тучных стад, «просторных пастбищ» и «добрых повозок». Их бог-покровитель — Митра, солнечный бог, небесный колесничий. Ему возносят молитву:

Мы почитаем Митру,
Он правит колесницей
С высокими колесами.
...
Вывозит мощный Митра
Свою легковезомую, златую колесницу,
Красивую и прекрасную,
И колесницу эту
Везут четыре белых,
Взраченных духом, вечных
И быстрых скакуна,
И спереди копыта
Их золотом одеты,
А сзади серебром.
И впряжены все четверо
В одно ярмо с завязками
При палочках, а дышло
Прикреплено крюком.
...
Так дай же нам,
О Митра!
Чьи пастбища просторны,
Упряжкам нашим силу
И нам самим здоровье,

Дай нам способность видеть
Врагов издалека,
И чтоб мы побеждали
Врагов одним ударом,
Всех недругов враждебных
И каждого врага!

[Авеста, с.70, 83, 85].

Основное оружие колесничего — лук с тетивой из оленьих жил, стрелы с орлиным оперением, дротики с длинным древком, метательные ножи, металлическая булава «из желтого металла».

В другом описании Митра выступает в облике царственного воина:

С копьем из серебра,
И в золотых доспехах
Кнутом он погоняет,
Широкоплечий ратник,
Когда в страну приходит,
Где почитают Митру,
Широкие долины
Дает он для пастбы,
Где бродят скот и люди
Привольно на земле

[Авеста, с.82].

Боевая колесница, изготовленная плотником (строители колесниц упомянуты в Авесте), была шедевром мастерства и совмещала прочность конструкции и маневренность на большой скорости. Ее основой является обтянутая кожей деревянная рама, укрепленная на длинной оси. Колеса с девятью-десятью спицами были значительно легче сплошных колес повозок. К дышлу припрягали двух-четырёх лошадей. Для достижения большей устойчивости при поворотах ось зачастую выносили в заднюю часть кузова.

Изображенные на скалах урочища Арпауень в горах Каратау атакующие колесницы имеют ось в середине кузова [Медоев, табл.29]. На колесницах такого типа рядом с воином мог расположиться и возница, который иногда упоминается в Яште, посвященном Митре. Когда воин-колесничий сражался один, он привязывал вожжи к поясу, используя на дальней дистанции лук, а на ближней — дротики (колчан с дротиками крепился на раме). Прорывая вражеский строй, колесничий использовал длинное копьё, но главным поражающим ору-

жием становилась секира. Вот описание атаки Митры:

Мы почитаем Митру,
Чьи яростные кони
С широкими копытами
К войскам мчат кровожадным
Сражающихся стран.

...

Он битву начинает,
Выстаивает в битве,
Выстаивая в битве,
Ломает войска строй...
В руке топор стоострый
Он держит стодарный,
Мужей валящий вниз,
Из желтого металла
Отлитый, золоченый,
Сильнейшее оружие
И самое победное!

[Авеста, с.66].

Народ, над которым властвуют воины-колесничие, цари и боги, — народ скотоводов, чье имущество — быки, кони и верблюды, чья земля — пастбище, чья пища — молоко и мясо. Жертвы, которые они приносят богам, —

Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец

[Авеста, с.44].

Против таких жертв решительно возражает Заратуштра, и в Яштах появляется описание иных, праведных, жертвоприношений:

Пусть благо будет мужу,
Который тебя чтит,
Возьмет дрова с барсманом
И молоко со ступкой,
Умытыми руками
Помоет пестик, ступку
И, простирая барсман
И хаому подняв,
Споет «Ахуна Варья»

[Авеста, с.76].

Но было божество, которому сам Ахура Mazda повелел приносить кровавые жертвы, божество бесконечно древнее и не избившееся от своих звериных воплощений. Этот бог — Вэрэтрагна, бог Сражений и Победы, олицетворение ярости боя и торжест-

ва триумфа, бог, носящий дозаратуштровский эпитет «созданный ахурами»:

Еще спросил Ахуру
Спитама Заратуштра:
Скажи, Ахура Мазда,
Как следует молиться,
И жертву нам какую
По Истине, по лучшей,
Вэтрагне приносить?
Сказал Ахура Мазда:
Свершат пусть возлияния
Ему арийцев страны,
И пусть скотину варят
Ему арийцев страны,
Хоть светлую, хоть темную,
Но цвета одного!
[Авеста, с.103].

Вэтрагна — кумир «стоящих на колесницах», божество «десяти воплощений», верный спутник воинственного Митры, сражающийся рядом с ним в образе вепря — своим пятом воплощении:

Мы почитаем Митру...
Летит пред ним Вэтрагна,
Создание Ахуры,
Рассвирепевшим вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал
[Авеста, с.71].

Если для воинов Вэтрагна — свирепый вепрь, то для царей он проявляется в первом воплощении, ветре, несущем Хварно; для всех остальных ариев Вэтрагна предстает то быком, то конем, то верблюдом.

Пантеон и эпос ариев увековечен не только словесно, но и изобразительно. В древних горных капищах, где приносили жертвы и звучали гимны, обнаружены грандиозные «художественные галереи». Одно из таких святилищ находится в урочище Тамгалы в 170 км к северо-западу от Алматы, в горах Анрахай. Там древнейшие из множества изображений относятся к эпохе бронзы, т.е. ко времени «андроновцев», — эпические герои несутся на колесницах, натягивая луки, кочуют в повозках, запряженных верблюдами, кружатся в ритуальном танце. Главные фигуры святилища —

возвышающиеся над смертными «солнце-головые существа» (так назвали их археологи, работавшие в Тамгалы). Огромные головы-диски окружены ямками-углублениями, символизирующими нимб, божественную благодать. В одних случаях головы имеют «расходящиеся по радиусу лучи», а в других — нет [Максимова и др., с.9]. Основной сюжета является композиция из двух «солнцеголовых существ», окруженных домашним скотом и двенадцатью танцующими перед ликом богов человечками. Разгадка сцены отчасти содержится в «Хурхед-Яште» («Гимне Солнцу»):

Помолимся Митре,
Чьи нивы просторны...
Меж Солнцем и Луною!
[Авеста, с.51].

Божества Солнца и Луны благословляют скот и людей. А на другой каменной плоскости представлено огромное солнцеголовое божество — Митра, возвышающийся на спине быка. Бык — второе воплощение Вэтрагны, спутника верховного божества:

Явился Заратуштре
Второй раз так Вэтрагна,
Создание Ахуры:
Быком золоторогим,
Прекрасным и могучим,
Таким, что над рогами
Вздымались Мошь и Сила!
[Авеста, с.95].

Так мифы и эпос ариев побуждали к зримому почитанию их богов. Запечатленные в гравюрах на вечных скалах, арийские боги сами становились частицей вечности, незыблемого космического порядка.

Структура авестийского скотоводческого социума, т.е. воплощение космического порядка среди людей, предельно проста: глава дома, глава рода, глава народа (племени) и глава страны (царь). Общественное устройство и его отличительные черты целиком совпадают с теми наблюдениями, которые сделаны археологами, исследующими культуры андроновского круга, прежде всего синташтинскую культуру. По гипотезе французского ученого Ж.Дюмезиля, общество индоариев составляют

три иерархически соподчиненных группы: военная аристократия, жрецы и рядовые члены общины — пастухи и земледельцы [Dumezil].

Как выглядели арии-«андроновцы»? Вот что об этом писал известный антрополог академик В.П.Алексеев: «Андроновцы, конечно, европеоиды, и характерные черты у них доведены до полного выражения, в какой-то мере, может быть, даже на наш современный взгляд, до утрирования — ведь кажутся нам резкими черты лица кавказца, а все за счет того же очень полного и четкого выражения классического европеоидного типа. Андроновцы были очень носаты, почти без скул, с широко открытыми глазами, возможно, напоминали лица кавказцев. Но они были еще более широколицыми, чем афанасьевцы, на лбу, над глазами, вздувалось еще более мощное и сильное надбровье. Грубого облика, но красивые люди, мощного телосложения, мужественного вида... Их нужно рассматривать как последний рецидив, последний отголосок мощного передвижения европеоидов на восток, одной большой миграции или цепи миграций, за которыми последовали как будто бы проникновение отдельных элементов андроновской культуры на юг, переселение древнеиранских племен, появление ариев в Индии, одним словом, целый калейдоскоп событий, важных и неважных, встряхнувших Древний Восток» [Алексеев, с.236—237].

Итак, арийские (иранские) и индоарийские (индийские) племена относились к той индоевропейской языковой и культурной общности, которая в начале 2 тыс. до н.э. обособилась в степной части Восточной Европы и Казахстана, где стала известна современной науке как носители культур срубной и андроновской общностей. Вторая четверть 2 тыс. до н.э. была временем наибольшей экспансии этих племен, а их общим самоназванием был этноним

«арья». Они говорили на родственных диалектах, к которым восходит язык Вед (цикл индийских священных текстов, сложившихся в Северной Индии около XII—X вв. до н.э.), и язык Авесты. Хотя основное направление их миграций было восточным и юго-восточным, много племен ушли за Гиндукуш, в Северную Индию, а немалая их часть проникла в Западный Иран и Месопотамию. Там следы языка индоариев зафиксированы на клинописных глиняных табличках в Хеттском и Митанниском (Северная Месопотамия) царствах. Так, в договоре, который заключили между собой царь Митанни и царь хеттов около 1370 г. до н.э., упомянуты арийские боги Митра, Варуна и божества-близнецы Насатя. В других хеттских документах обнаружены арийские коневодческие термины; их особенно много в трактате, составленном Киккули, «объездчиком лошадей из страны Митанни». Как полагают, вслед за первой арийской волной, ассимилированной в странах Передней Азии, сюда началось более значительное переселение ариев, точные даты которого установить трудно; возможно, что уже в начале 1 тыс. до н.э. произошла «иранизация» страны, получившей имя переселенцев (Иран, Эраншахр) [Фрай, с.19—20, 35—45].

Арии Поволжья, Урала, Казахстана и Средней Азии закончили свое существование под этим именем в начале 1 тыс. до н.э., когда завершилось формирование нового типа скотоводческого хозяйства — кочевнического, а на юге, в области оседлого земледелия и городского ремесленного производства, окончательно сложился тот способ обработки земли, который связан с созданием крупных ирригационных систем.

Преемниками ариев в Великой Степи стали их отдаленные потомки — скифы, саки и савроматы.

ГЛАВА 2

Степная и лесостепная Евразия в 1 тыс. до н.э.

Дмитрий Раевский

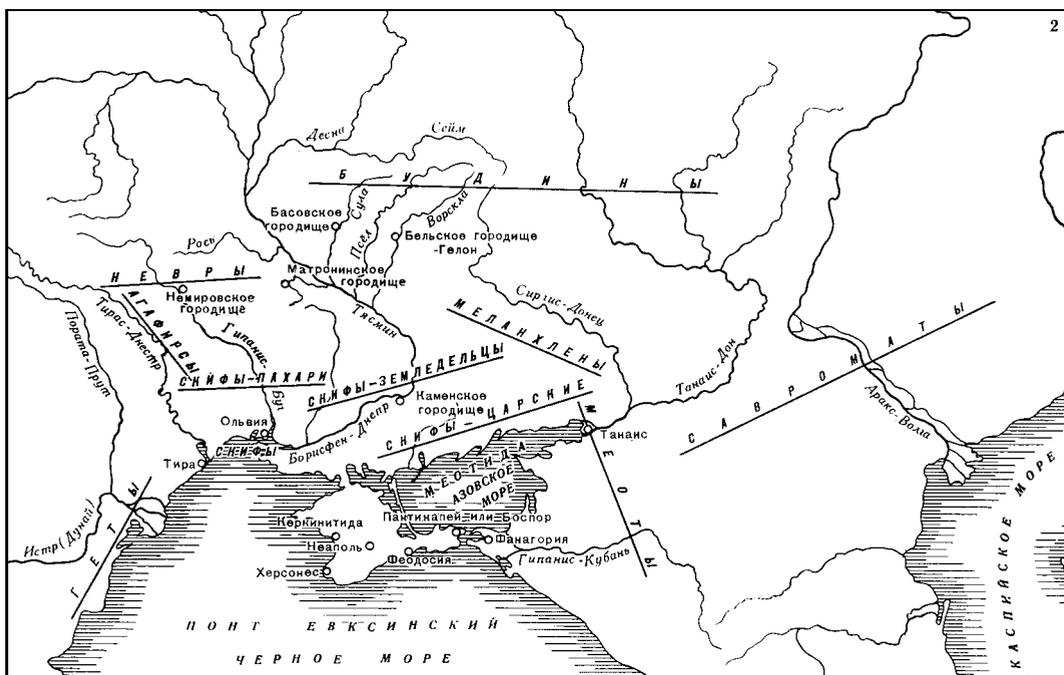
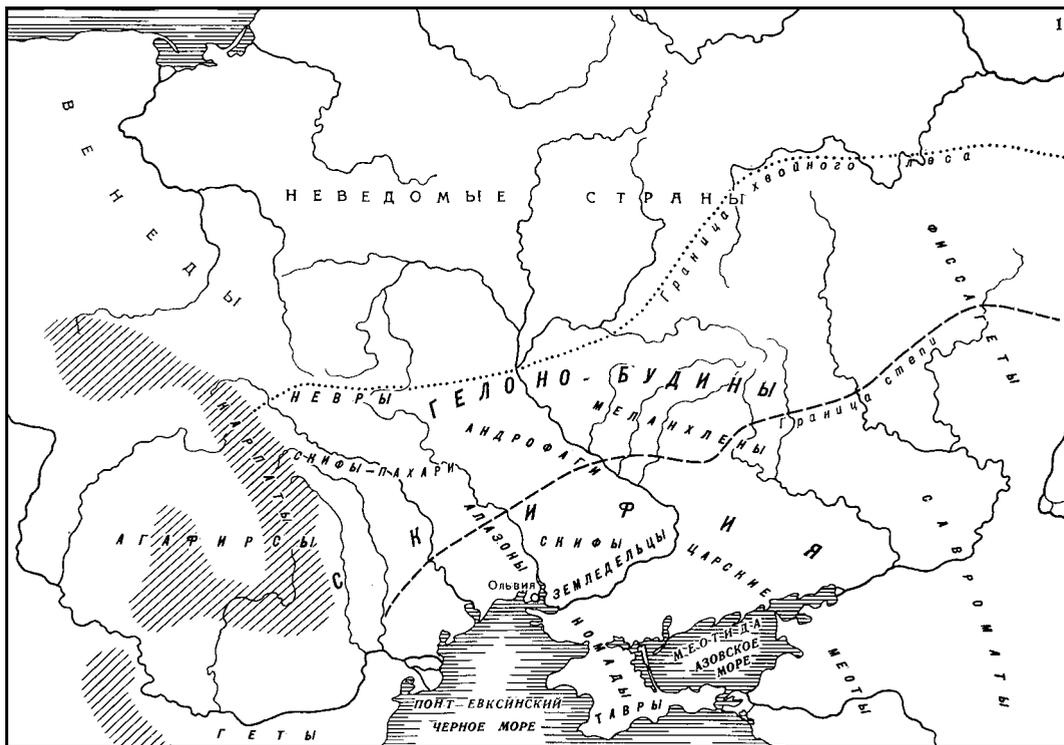
Скифия

С древнейших времен на протяжении многих тысячелетий ни один восточноевропейский народ не владел собственной письменностью, и потому наше представление о прошлом обитателей этого региона опирается лишь на археологические материалы и в некоторой степени — на исторические реконструкции. Со временем общества, наиболее продвинувшиеся по пути цивилизации, к примеру, народы Древнего Востока, изобрели письмо и стали пользоваться им для фиксации сколько-нибудь значительных событий собственной истории, а также наиболее любопытных, с их точки зрения, фактов из жизни своих менее цивилизованных соседей. Но жизнь обитателей интересующих нас областей Евразии еще долго оставалась совершенно не освещенной письменными памятниками.

Ситуация в корне изменилась, когда в древнем мире начался процесс так называемой Великой греческой колонизации. Так именуется в науке вызванное разнообразными экономическими и демографическими причинами расселение древних греков за пределы собственно Эллады — сравнительно ограниченного пространства Балканского полуострова и островов Эгейды. Оно имело целью обеспечить греческий мир природными и продовольственными ресурсами, в эллинской метрополии представленными достаточно ограниченно. Для этого грекам приходилось осваивать все новые и новые земли, и за короткий срок процесс колонизации охватил практически все средиземноморское побережье [Иессен, 1947; Лапин, 1966; АГСП, 1955, с.23—30].

Осваивая пригодные для колонизации земли, греки, как правило, стремились к активным контактам с их коренным населением. Поначалу это диктовалось чисто прагматическими интересами: дружественные отношения с обитателями стран, приютивших колонистов, обеспечивали эллинам процветание, в том числе освоение важных для греческой экономики рынков сбыта изделий античного ремесла. Вместе с тем практически сразу колонии стали поставлять просвещенной греческой аудитории и интересующие ее сведения о нравах и обычаях обитателей осваиваемых эллинами земель и даже более удаленных и не слишком знакомых им областей. Данные такого рода составляли многочисленные тома древних сочинений. Не случайно именно такие свидетельства, собранные греческими, а позже римскими интеллектуалами, заложили основы будущей науки этнологии. Как раз в таких сочинениях находим мы сведения о тогда еще не имевших своей письменности народах, содержащие пусть отрывочные, но бесценные по своему значению данные об их истории и обычаях.

Сохраненные античной наукой сведения до сих пор составляют, в частности, основу знания о древних обитателях почти всей Восточной Европы. Начиная с указанного времени воссоздание древней этнической истории этой территории базируется уже не только на данных археологии и лингвистики, но и на вербальных свидетельствах. Правда, инокультурная по отношению к описываемым народам принадлежность этих свидетельств требует при их

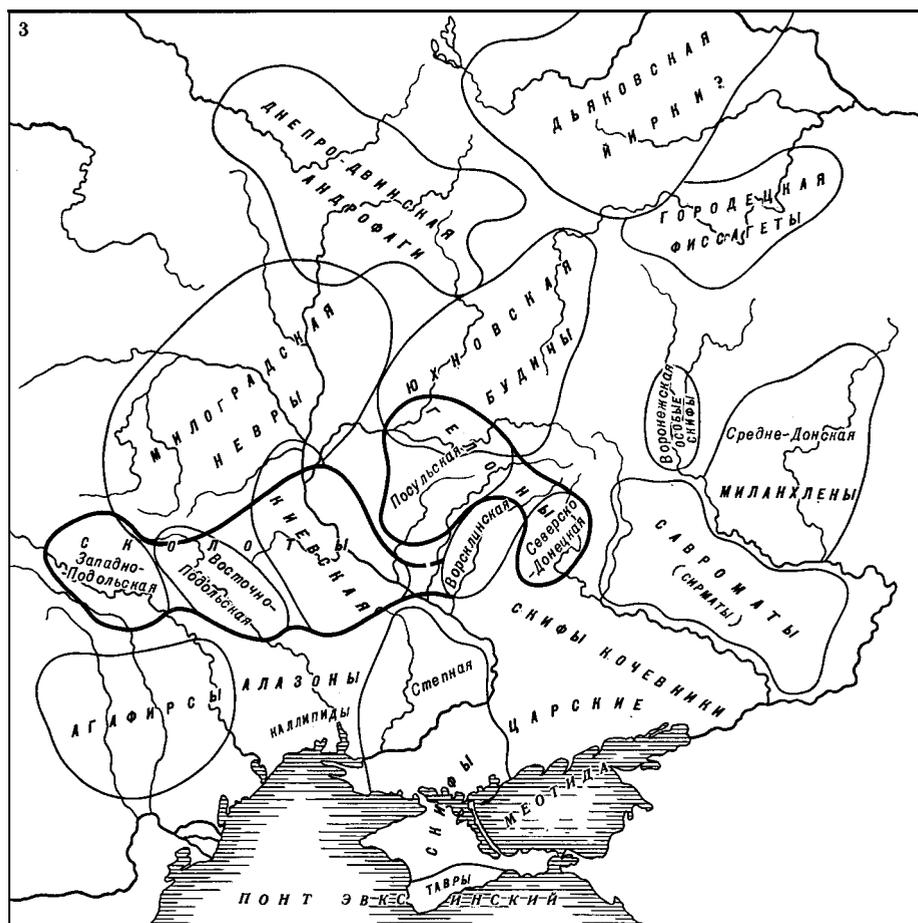

Распределение племен, названных Геродотом, на современной карте.

1 — по М.И.Артамонову; 2 — по Б.Н.Гракову [Степи европейской, 1989, с.42]

использовании не безоговорочного доверия к содержащимся в них сообщениям, а сугубо аналитического подхода.

К числу освоенных греками в процессе колонизации областей принадлежала и одна из самых удаленных окраин известного

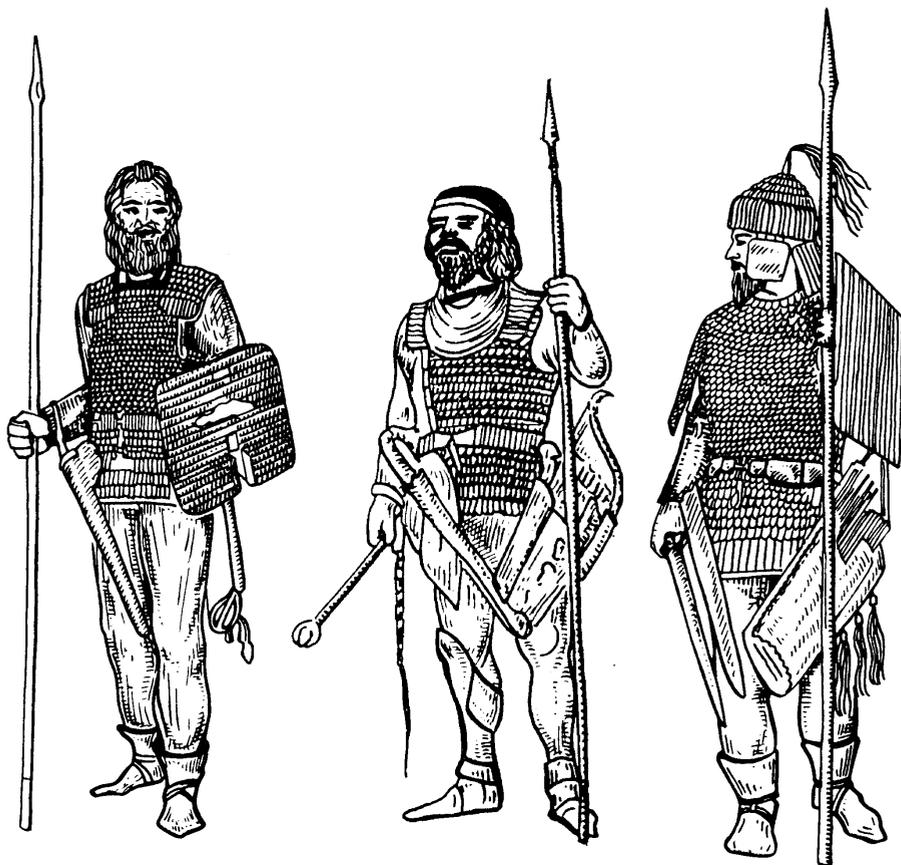

Распределение племен, названных Геродотом, на современной карте.
3 — по Б.А.Рыбакову [Степи европейской, 1989, с.43]

им мира — северный берег Черного моря, именовавшегося у них Понтом Эвксинским. Этот регион в античную эпоху населяли племена скифов и родственные или культурно близкие им племена. Греки оказались первыми представителями письменной цивилизации, в своей литературе уделившими скифам и их соседям большое внимание. Труды об этих «варварских» народах были в древности весьма многочисленны. К сожалению, большинство таких сочинений не пережило катаклизмов эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и до нашего времени не сохранилось. О том, что эти труды когда-то существовали, мы, как правило, узнаем лишь по их названиям либо по незначительным уцелевшим фрагментам. К числу таких почти утерянных для нас авторов относится,

к примеру, Гекатей Милетский (конец VI — начало V вв. до н.э.), составивший обширное «Землеописание», постоянные ссылки на которое мы находим в античной и ранне-средневековой литературе. Судя по этим ссылкам, Гекатею были известны — по крайней мере по названиям — многие народы Восточной Европы и соседних областей. Остается лишь предполагать, насколько ценен был бы этот труд в контексте рассматриваемой темы, сохранился он до наших дней.

В таких условиях особый интерес приобретает одно из немногих уцелевших целиком сочинений такого рода — знаменитая «История в девяти книгах», принадлежащая уроженцу малоазиатского города Галикарнаса Геродоту. Геродот задался целью составить подробное описание происхо-

Скифские воины. Реконструкции М.В.Горелика [Степи европейской, 1989, с.338]

дивших почти за полтора века до него войн греков с персидской державой Ахеменидов. Сделать это он хотел предельно обстоятельно, для чего, в частности, предпринял подробное описание событий, обусловивших по его мнению, эти войны. Такие сведения он стремился подкрепить рассказами о нравах, обычаях и основных событиях истории той или иной страны, втянутой в интересовавшие его процессы, для чего, в частности, посетил некоторые из таких областей. Среди народов, описанных в «Истории» Геродота по такой схеме, для нас наиболее интересны Скифия и ее соседи, ибо сведения о них, оставленные этим замечательным автором, до сих пор остаются главным имеющимся в нашем распоряжении источником по древней истории этой части ойкумены.

Кое-какие данные на этот счет современные исследователи черпают и у других

древних авторов, чьи сочинения в основном посвящены иным темам или уцелели лишь фрагментарно. Важные сведения, дополняющие свидетельства Геродота, содержатся у Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния Старшего и других греческих и римских ученых. В целом в античной традиции сохранились достаточно развернутые данные о многих древних народах Восточной Европы. В дальнейшем их удалось увязать с найденными в интересующих нас регионах археологическими материалами, на чем мы остановимся ниже.

Среди народов Восточной Европы, оказавшихся в поле зрения античной науки, главное место, несомненно, принадлежит скифам. Греки, появившись в Северном Причерноморье, столкнулись со скифами едва ли не в первую очередь, и сведения о них чаще всего попадали в научную литературу античного мира. Поэтому, вступая

Скифские каменные изваяния.
1 — Васильевка; 2 — Ольховщик; 3 — Медерово [Степи европейской, 1989, с.345]

в контакт с разными обитателями Северной Евразии, эллины были склонны сравнивать все тамошние народы с наиболее хорошо знакомым им миром скифов, превратившихся в своего рода «этнографический эталон». При этом кое-кто из греков обращал основное внимание именно на близость хозяйства, быта и культуры здешних народов, даже если по своему происхождению они не были родственны друг другу. В результате всем этим народам такие греческие ученые давали обобщенное имя «скифы». Такое наименование, унаследовав его от античных авторов, позднейшие историки и географы порой прилагали к разным обитателям Восточной Европы даже через много веков после исчезновения реальных скифов с исторической арены, так же как именем «Скифия» еще долго обозначали тамошние земли независимо от того, кем они в действительности были населены.

Другие греческие и римские авторы больше внимания уделяли индивидуальным особенностям каждого из народов «скифского мира», даже если им была ясна их языковая или этническая близость между собой. Имя «скифы» они сохраняли лишь за достаточно ограниченной этнической

кой совокупностью, обозначая всех остальных обитателей этого региона иными этнонимами. Такие дифференцированные сведения особенно важны для воссоздания этнической истории. Так, Геродот (IV, 21) именовал «скифами» вполне конкретный народ, населявший причерноморские и приазовские степи между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном). Уже земля савроматов, лежащая к востоку от Танаиса, была для него «нескифской землей», хотя он прекрасно сознавал близкое родство их со скифами. Зато, к примеру, Диодор в рассказе о начале скифской истории сообщает, что после обретения скифами могущества они разделились на множество ветвей, из которых «одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами» и т.д. (II, 43). Все эти народы знает и Геродот, но для него каждое из них — особое, нескифское племя, тогда как для Диодора все они — скифы.

Мы видим, что при создании этногеографии Восточной Европы скифского времени античная традиция использует два принципиально разных значения имени «скифы», обозначающие разные таксономические совокупности этнического (а по-

рой и псевдоэтнического) уровня, и это необходимо учитывать при воссоздании древней этнической панорамы этого региона по античным источникам.

В этих источниках, естественно, в основном освещено время присутствия в Восточной Европе греков, но затронут и предшествующий этап, о котором сами эллины могли судить лишь по рассказам местного населения. Таково, к примеру, дошедшее до нас в нескольких версиях предание о появлении скифов в Северном Причерноморье, наиболее подробно сохраненное Геродотом. Этот автор, изложив два варианта мифического повествования о происхождении скифского народа от богов и от первочеловека-первопредка, в данный момент не представляющие для нас интереса, переходит к рассказу чисто исторического плана, которому, по словам самого Геродота, сам он склонен доверять больше всего. Согласно этому рассказу, скифы некогда жили где-то «в Азии», но впоследствии под давлением массагетов перешли реку Аракс и появились в Северном Причерноморье, до того заселенном киммерийцами. Преследуя киммерийцев, скифы вместе с ними появились в Передней Азии, над многими областями которой на 28 лет установили свое господство (IV, 11). Позже, изгнанные отсюда, они возвратились в степи Причерноморья.

В подтверждение своего рассказа Геродот приводит свидетельство из «Аримаспейи» — не сохранившегося до наших дней сочинения автора VII в. до н.э. Аристея Проконнесского, согласно которому жившие на самом краю обитаемой земли одноглазые люди аримаспы когда-то вытеснили с занятой ими территории народ исседонов, который потеснил скифов, а те, в свою очередь, изгнали киммерийцев, живших «у южного моря» (IV, 13). При этом Геродот не придает значения некоторым расхождениям между версией Аристея и его собственными данными.

Во многом близок к сообщениям Геродота и Аристея рассказ писателя более поздней эпохи Диодора Сицилийского (II, 43), который, правда, не говорит ни о вытеснении скифов каким-то народом, ни об их давлении на киммерийцев, а объясняет их

миграцию усилением скифского могущества. Но его рассказ о переходе скифов от реки Аракс на земли между Кавказскими горами и рекой Танаисом и о последующем их проникновении сперва на земли между Танаисом и Фракией, а затем вплоть до египетской реки Нил очень напоминает иные варианты раннескифской истории, запечатленные античной традицией, а кое в чем, возможно, точнее их.

Поскольку приход скифов в Северное Причерноморье с их предполагаемой прародины происходил не на глазах греков-колонистов и рассказ о нем опирается, скорее всего, на местные устные предания, возникает необходимость оценить его достоверность. В этом смысле первостепенное значение приобретают данные клинописных восточных документов, фиксирующие пребывание на Ближнем Востоке военных отрядов, принадлежащих народам *гимирри* и *ишкуза*, в которых без труда узнаются киммерийцы и скифы античной традиции. Правда, восточные тексты впрямую не подкрепляют данных о происхождении обоих этих народов из одного и того же, внешнего по отношению к Передней Азии, региона и тем более — об их связи с Восточной Европой. Данные такого рода опираются лишь на античную традицию. Зато сопоставление аккадских данных с античными, подтверждая факт вторжения этих народов в страны Востока, свидетельствует о некоторой спрессованности во времени сохранных античными авторами сведений, поскольку в действительности походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, видимо, происходили на протяжении жизни нескольких поколений — с конца VIII до начала VI в. до н.э. — и не были столь непосредственно обусловлены, как это следует из античной традиции.

В какой мере поддаются локализации свидетельства античных авторов о местоположении исконной прародины, с которой скифы пришли в Причерноморье? Указание Геродота и Диодора о ее соседстве с рекой Аракс, к сожалению, не слишком помогает делу. Ясно, что речь идет не о той закавказской реке, которая носит это имя и теперь. Но в древности, судя по всему, так назывались разные реки, и у нас нет надеж-

Образцы звериного стиля на предметах из курганов степной Скифии. VI—III вв. до н.э.
2, 4, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 20 — золото; 1, 9, 13, — бронза; 3, 5, 10, 17 — серебро
[Степи европейской, 1989, с.343]

ных оснований помещать скифскую прародину близ какой-либо одной из них. Свидетельству Геродота, что эта прародина находилась вблизи земли массагетов, на первый взгляд, противоречит его же ссылка на мнение Аристеея, что ее соседями были, напротив, исседоны. Однако сам Геродот полагал, что два эти народа живут друг напротив друга (I, 201), и в сущности большого расхождения между этими версиями нет. По контексту, в котором исседоны упомянуты в других пассажах Геродота (IV, 21—26 и др.), их можно было бы локализовать не восточнее Южного Урала или Западной Сибири. Но другие древние авторы прилагают тот же этноним и к гораздо более восточным народам. Сообщение, что изначально скифы обитали где-то «в Азии», тоже оказывается достаточно неопределенным, поскольку в древности границей между нею и Европой считался Танаис (Дон). Приходится признать, что определять местоположение земли, откуда скифы продвинулись в Восточную Европу, на основе дан-

ных одной античной традиции достаточно рискованно. Поэтому уже давно к решению этой задачи привлекаются и археологические данные.

Нужно, однако, признать, что толкование в этом ключе археологических материалов долгое время опиралось не только и не столько на их собственные характеристики, сколько на те из них, которые, на первый взгляд, вполне отвечают картине, почерпнутой из приведенной выше античной традиции. Так, в этих материалах видели доказательство кардинальной смены на заре скифской эпохи культурного облика Северного Причерноморья, причем одним из основных признаков новой появляющейся здесь в это время культуры считали ее сходство с какой-то из тех археологических культур, которые ранее существовали где-то «в Азии». В таком случае появлялись веские основания культуру прежнего населения этого региона трактовать как киммерийскую, а новую, пришлую, связывать со скифами.

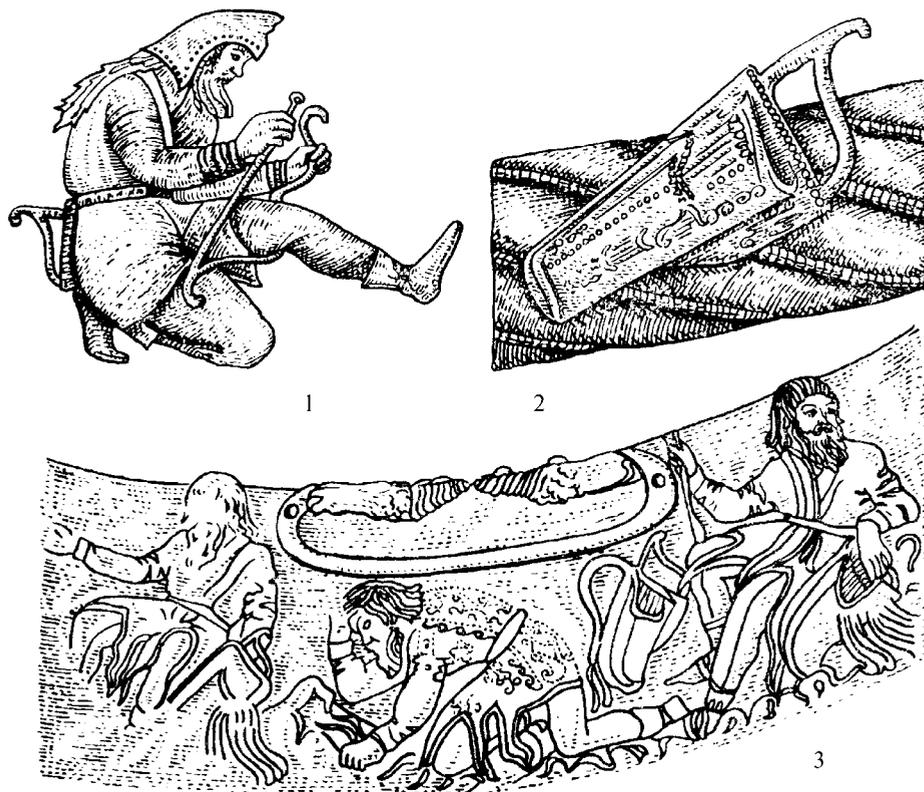
Такой трактовке археологических данных из евразийских степей способствовало то обстоятельство, что примерно с середины VII в. до н.э., т.е. примерно с того времени, когда, согласно античной традиции, скифы продвинулись из Азии в Северное Причерноморье, на всем пространстве евразийского степного пояса получили распространение во многом однотипные памятники. Это в основном погребальные курганы, содержащие захоронения воинов-всадников. Находимый в них погребальный инвентарь также обнаруживает значительное сходство. Более всего оно проявляется в предметах, получивших название скифской триады: в вооружении, элементах конского убора и в произведениях искусства, выполненных в так называемом зверином стиле. Поскольку в общих чертах зона их распространения совпадает с той территорией, с которой античная традиция связывает расселение скифов в упомянутом выше расширенном значении этого названия, погребения подобного типа часто именовали скифскими, а всех создателей таких памятников воспринимали как единый народ — скифов. В соответствующем ключе часто трактовалась и проблема поисков археологических следов того переселения скифов из Азии, о котором сообщают Аристей, Геродот, Диодор. Задачу видели лишь в том, чтобы определить, где именно подобная культура сложилась ранее всего.

К примеру, в 1960-х гг., после исследования в низовьях Сырдарьи курганных могильников Тагискен и Уйгарак, возникла гипотеза о происхождении скифов именно из этого региона Средней Азии [Толстов, Итина, 1966, с.174]. Позже исследование в Туве замечательного «царского» кургана скифского времени Аржан [Грязнов, 1980], а затем и открытие там же ряда менее значимых памятников этой эпохи породило и поныне имеющую много сторонников концепцию сложения скифской культуры в этом центральноазиатском регионе и ее последующего распространения вплоть до Северного Причерноморья [Гереножкин, 1976, с.210—211]. Что касается предшествующей приходу скифов киммерийской эпохи, то с ней в Причерноморье сторонники этого взгляда связывают так называемые

«предскифские», или черноговорско-новочеркасские, памятники, в самом деле существенно отличающиеся от скифских [Гереножкин, 1976; Махортых, 1994]. Учитывая, что на юге Восточной Европы памятники так называемого скифо-сибирского типа, отвечающие расширительному толкованию термина «скифы», в самом деле появляются примерно в середине VII в. до н.э., трактовка археологических материалов как соответствующих сведениям античной традиции в целом как будто подтверждалась. Однако ряд данных противоречит такому толкованию.

Прежде всего, изучение евразийских степей скифской эпохи опровергло существовавшее поначалу мнение об их культурном единстве. Со временем стало ясно, что, несмотря на определенное сходство, население этой территории 1 тыс. до н.э. принадлежит к разным археологическим культурам, как правило, уходящим корнями в предшествующую эпоху. Сходство же между ними проявляется преимущественно в легко воспринимаемых от соседей (особенно в условиях преобладания здесь кочевого быта) элементах культуры, что, впрочем, не исключает и того, что в отдельных случаях такое восприятие облегчалось миграциями определенных групп населения. Как писал один из исследователей культур этого круга, замечательный археолог М.П.Грязнов [1978, с.18], «каждая из них вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым». По существу представление многих археологов о единстве культурного облика евразийских степей в скифскую эпоху сродни тем отмеченным выше представлениям античного мира об этой же территории, которые породили расширительное употребление термина «скифы».

К тому же далеко не все исследователи согласны трактовать VII в. до н.э. как время такого коренного изменения культурного облика Северного Причерноморья, которое можно было бы объяснить радикальной сменой обитателей этого региона, и связывают происходившие здесь в это время изменения в культуре в первую очередь не с этническими, а с культурными сдвигами. В результате соответствующая рассказу Ге-

Скифские луки и колчаны. IV—III вв. до н.э.

1 — на пекторали из Толстой Могилы; 2 — на сосуде из Куль-Обы;
3 — на чаше из Гаймановой Могилы [Степи европейской, 1989, с.336]

родота археологическая картина смены в Северном Причерноморье киммерийской эпохи на скифскую по существу рассыпается.

Существует, однако, опыт и иного согласования нарративных и археологических данных, связанных в Восточной Европе с началом скифской эпохи. Его основу заложили в 1940-х гг. работы О.А.Кривцовой-Граковой, продемонстрировавшей продвижение в последней трети 2 тыс. до н.э. из Нижнего Поволжья в Приазовье и Причерноморье племен так называемой срубной культуры [Кривцова-Гракова, 1954]. В этой связи стоит вспомнить, что, по одной из существующих версий, река Аракс, у которой якобы располагалась прародина скифов до их проникновения в Восточную Европу, тождественна Волге. Не случайно одно из древних ее названий у античных авторов передано как Ра.

Археологическую ситуацию в этом регионе в конце 2 — начале 1 тыс. до н.э. обрисовал в свое время К.Ф.Смирнов. Он, правда, опирался на этническую карту Геродота и связывал выявленные им процессы с этногенезом жившего к востоку от Дона народа савроматов. Но далее мы убедимся, что есть все основания относить сложение этого народа к более поздней эпохе, а в интересующее нас сейчас время в этом регионе прослеживаются иные этнокультурные процессы. По наблюдениям К.Ф.Смирнова, на пространство к востоку от Танаиса-Дона, занятое в то время в основном срубными и родственными им племенами, в ту эпоху перманентно просачивались андроновские племена из Заволжья. Оказав определенное влияние на местную культуру, эти племена ассимилировались местным населением. Параллельно шел не менее активный процесс обратного воздей-

ствия срубной культуры на андроновскую [Смирнов, 1964, с.176—178]. В итоге на пространстве Нижнего Поволжья сложился достаточно однородный этнокультурный массив, с которым связано, вероятно, формирование восточноиранских по языку народов, обитавших на большей части этого региона в скифскую эпоху. С течением времени у части носителей этого массива сложились уже упомянутые «предскифские культуры» юга Восточной Европы.

Возникает законный вопрос: не была ли одна из выявленных на пространстве к востоку от Дона миграций тем передвижением древнейших скифов с их прародины, о котором повествует античная традиция? Скрывается ли за ним один из этапов расселения из Поволжья срубных племен какое-то из выявленных К.Ф.Смирновым перемещений срубно-андроновских групп или миграция оформившихся позже культур предскифского времени, сказать с уверенностью невозможно. Ясно лишь, что, если принять такое толкование, этих переселенцев еще нельзя считать носителями хорошо известной нам по более позднему времени скифской культуры. Как отмечал один из крупнейших отечественных скифологов Б.Н.Граков [1971, с.26], это первое отмеченное в истории переселение скифов представляло собой передвижение племен на пространстве ареала, занятого весьма близкими друг к другу степными культурами рубежа бронзового и железного века, проследить которое археологически почти невозможно. Но данные античной традиции о продвижении скифов с прародины, как и свидетельство Диодора о первичном их расселении в Предкавказье, свидетельствуют в поддержку такой трактовки.

Что касается последующих событий этнической истории Восточной Европы, то ключевым для нас является суждение автора первого детального исследования древностей «предскифского» (черногоровско-новочеркасского) круга А.А.Иессена [1953, с.109—110], который считал, что в них следует видеть памятники не только культуры киммерийцев, но и «культур собственно скифских племен на ранних ее этапах». Иными словами, по его мнению, на определенном этапе киммерийцы и скифы бы-

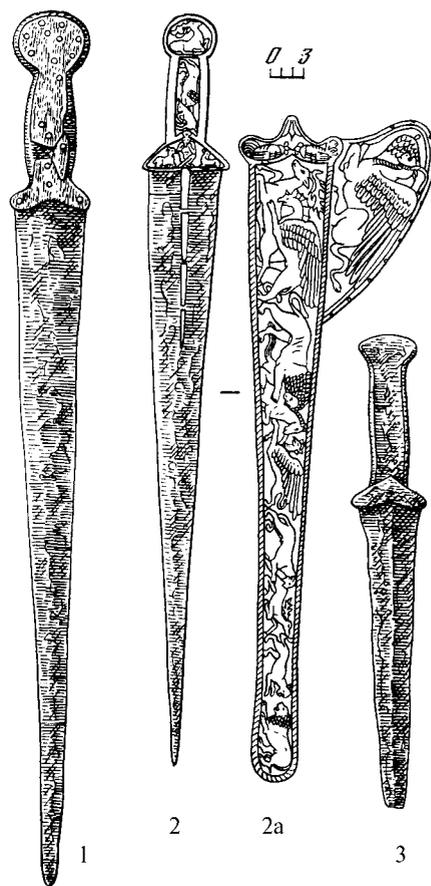
ли однокультурны. Опираясь на археологические данные, А.А.Иессен также полагал, что результатом скифского вторжения на пространство обитания киммерийцев, о котором повествует античная традиция, явилась не тотальная смена населения в этом регионе, а обретение скифами господствующего положения в некоем племенном объединении, ранее возглавлявшемся киммерийцами. Античная традиция, к сожалению, не позволяет установить, где именно произошло это киммерийско-скифское столкновение. Если Геродот исходит из того, что киммерийцы занимали территорию всей современной ему Скифии, то Диодор, как уже говорилось, утверждает, что первый этап пребывания скифов в Европе связан лишь с областями к северу от Кавказа. Скорее всего, именно в этом регионе и произошел интересующий нас межплеменной конфликт, имевший в действительности достаточно локальный характер. Но в жизни скифов он, видимо, сыграл достаточно важную роль. Потому-то память о нем как об определяющем событии истории скифов сохранилась в их эпосе и была воспринята античной традицией (подробнее изложение этой концепции раннескифской этнической истории см.: [Погребова, Раевский, 1992]).

После этого начинается достаточно длительная — около полутора веков — история киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию, приведших к завершению формирования той культуры, с которой в нашем представлении привычно связаны скифы. Элементы этой культуры, сложившиеся на срубной основе в процессе эволюции «предскифских» культур, в Передней Азии пополнились в первую очередь так называемым искусством звериного стиля, возникшим на базе разнокультурных анималистических традиций, воспринятых в процессе взаимодействия скифов с разными народами Востока. Среди переднеазиатских памятников, фиксирующих процесс сложения этого искусства, особого внимания заслуживает так называемый Саккызский клад, или клад Зивие. Так обычно именуют собрание вещей, случайно найденных у одноименного местечка в Иранском Курдистане. В древности эта

область входила в состав государства Мана, на территорию которого, согласно данным восточных текстов, проникали и киммерийцы, и скифы. Судя по всему, этот комплекс является не кладом в археологическом понимании, а представляет собой остатки древнего погребения, причем чрезвычайно богатого [Ghirshman, 1979]. В его инвентаре содержатся предметы, относящиеся к самым разным культурам Передней Азии [Луконин, 1987, с.69 и сл.]. Похоже, что перед нами — остатки погребения, принадлежавшего вождю, чье войско совершало набеги на различные области Передней Азии. Именно здесь существовали все условия для формирования на разнокультурной основе специфического скифского искусства [Артамонов, 1968]. Необходимо, впрочем, оговориться, что не все скифологи разделяют такой взгляд на процесс сложения искусства скифов.

Конечно, вопреки представлению античной традиции, в Переднюю Азию в свое время ушли не все киммерийцы и скифы, а их более или менее крупные военные отряды. Периодически некоторые из них возвращались на родину — в те области, которые служили плацдармом для походов в страны Древнего Востока. В результате процесс формирования культуры скифов протекал на пространстве по обе стороны Кавказского хребта. Показательно, что древнейшие в Восточной Европе памятники уже в основном сложившейся собственно скифской культуры обнаружены как раз в Предкавказье [Петренко, 1983; 1989] — именно там, где, по Диодору, ранее всего обосновались скифы.

Возвращение скифов в Восточную Европу, как и их вторжение в Переднюю Азию, вопреки рассказу Геродота, тоже не было единовременным актом, а растянулось на десятилетия. В скифских комплексах конца VII — начала VI в. до н.э., встречающихся в самых разных областях Предкавказья, Причерноморья и еще севернее, находят выразительные древневосточные изделия, служившие скифам трофеями или изготовленные вывезенными в Скифию восточными мастерами по заказу знатных скифов. Такие предметы мы находим, к примеру, в Келермесском могильнике, раскопанном

Скифские железные мечи (1, 2, 3)
и золотые ножны (2a)
[Степи европейской, 1989, с.337]

в Прикубанье, в Мельгуновском кургане, еще в середине XVIII в. раскопанном в окрестностях Елизаветграда, и в целом ряде других рассеянных по югу Восточной Европы памятников. Ясно, что возвращавшиеся из походов скифы расселялись по обширным пространствам Северного Причерноморья, следствием чего и явилось распространение характерных элементов сформировавшейся к этому времени скифской культуры по всему этому региону. Тогда же отдельные отряды скифов проникли и далее на запад — в Центральную Европу.

В отличие от отрывочных сведений об эпохе этногенеза скифов, которую нам в значительной мере приходилось реконструировать по косвенным данным, свидетельства об этногеографии Восточной Евро-

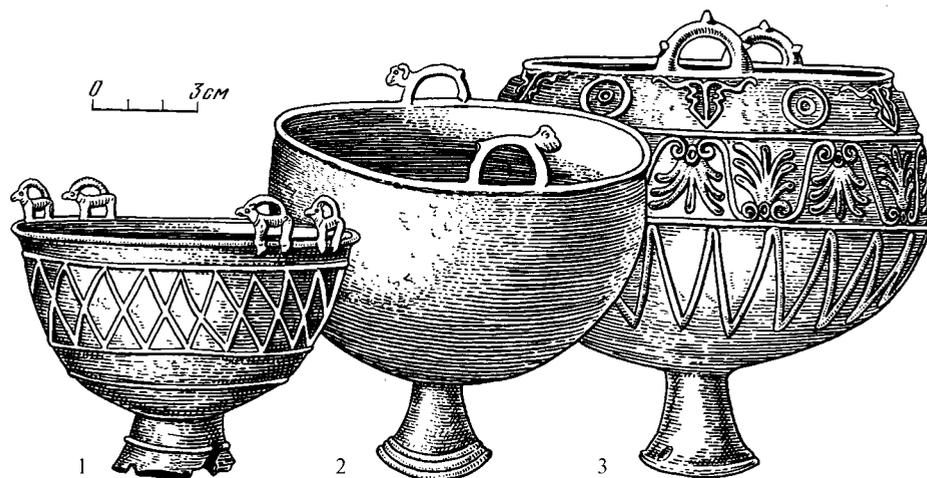
пы в скифское время сохранились в античной традиции довольно подробно — прежде всего благодаря сочинению Геродота. Естественно, более всего внимания античные авторы уделяли самим скифам, в частности, разным населявшим Скифию племенам. К ним принадлежат жившие друг за другом снизу вверх по реке Гипанис (Южный Буг) каллипиды, алазоны и скифы-пахари, располагавшиеся на Нижнем Борисфене (Днепре) скифы-земледельцы, обитавшие к востоку от них скифы-кочевники и, наконец, скифы царские — жившее у восточного предела Скифии самое могущественное скифское племя, почитавшее, по словам Геродота, всех прочих скифов своими рабами (IV, 17—20). Строго говоря, эти подразделения скифского народа, конечно, представляли собой не племена в собственном смысле слова, а более крупные этнические единицы, но в специальной литературе их, следуя Геродоту, принято именовать так.

Обращает на себя внимание, что восточным рубежом страны, занятой перечисленными скифскими племенами, у Геродота однозначно назван Танаис (Дон). Это соответствует представлению Геродота о Скифии, располагавшейся между Доном и Дунаем. Сопоставим этот факт с данными Диодора о пребывании скифов в предшествующее время на гораздо более восточной территории — в Предкавказье. Археологические материалы также свидетельствуют, что на стадии распространения скифской культуры по разным областям Восточной Европы (в период переднеазиатских походов и сразу после их завершения) она предстает как достаточно единообразная, а после окончания этого процесса — приблизительно во второй половине VI в. до н.э. — происходит определенное культурное обособление отдельных частей этого региона, и связано это, скорее всего, с формированием той этнической карты, которая была описана Геродотом. Этнические границы Скифии своего времени историк, судя по всему, очертил достаточно верно, и области Донского левобережья и Предкавказья в это образование уже не входили. К востоку от Дона, по Геродоту, теперь обитали савроматы — племя, родственное скифам, и говоря-

щее на языке, сходном с их языком, но «издревле испорченном». Объясняется это, как рассказывает Геродот, тем, что савроматы произошли от союза скифских юношей с воинственными женщинами — амазонками (IV, 110—117). Переводя эти легендарные сведения на язык этнической истории (а большинство исследователей признает наличие в них исторического зерна), следует признать, что савроматский язык следует, видимо, рассматривать как один из близких к скифскому диалектов, а сам этот народ — как родственный скифам, выделившийся из их среды и в процессе своего этногенеза впитавший какой-то дополнительный компонент. Интересно при этом, что Диодор (II, 43) и Плиний Старший (VI, 19) видят в савроматах выходцев из Мидии, и это, скорее всего, следует трактовать как указание на то, что этот народ сформировался уже после возвращения скифов из переднеазиатских походов. Тогда-то, видимо, и произошло обособление их культуры от общескифского культурного ядра.

В современной археологии савроматскими принято считать курганы скифской эпохи, расположенные в междуречье Дона и Волги, а более восточные комплексы, найденные в Южном Приуралье и во многом сходные с савроматскими, приписывают каким-то иным народам — исседонам, массагетам или упоминаемым в античных источниках даям (дахам).

Не менее актуальна проблема согласования вербальных и археологических данных при определении границы между скифами и их северными соседями. Разные исследователи трактуют этот вопрос по-разному, расходясь в толковании того, с кем из перечисленных Геродотом восточноевропейских племен и народов следует отождествлять носителей лесостепных культур — с теми, кого Геродот помещает севернее границы Скифии, или с некоторыми из тех, которые сам древний историк включал в состав скифов. Некоторые историки отказывают геродотовой Скифии в этническом единстве, считая ее чисто политическим полиэтничным образованием; носителей скифоидных лесостепных культур в таком случае называют «псевдоскифами» (см., например: [Ильинская, Тереножкин, 1983,

Металлическая посуда.

1, 3 — Толстая Могила; 2 — Келермес [Степи европейской, 1989, с.351]

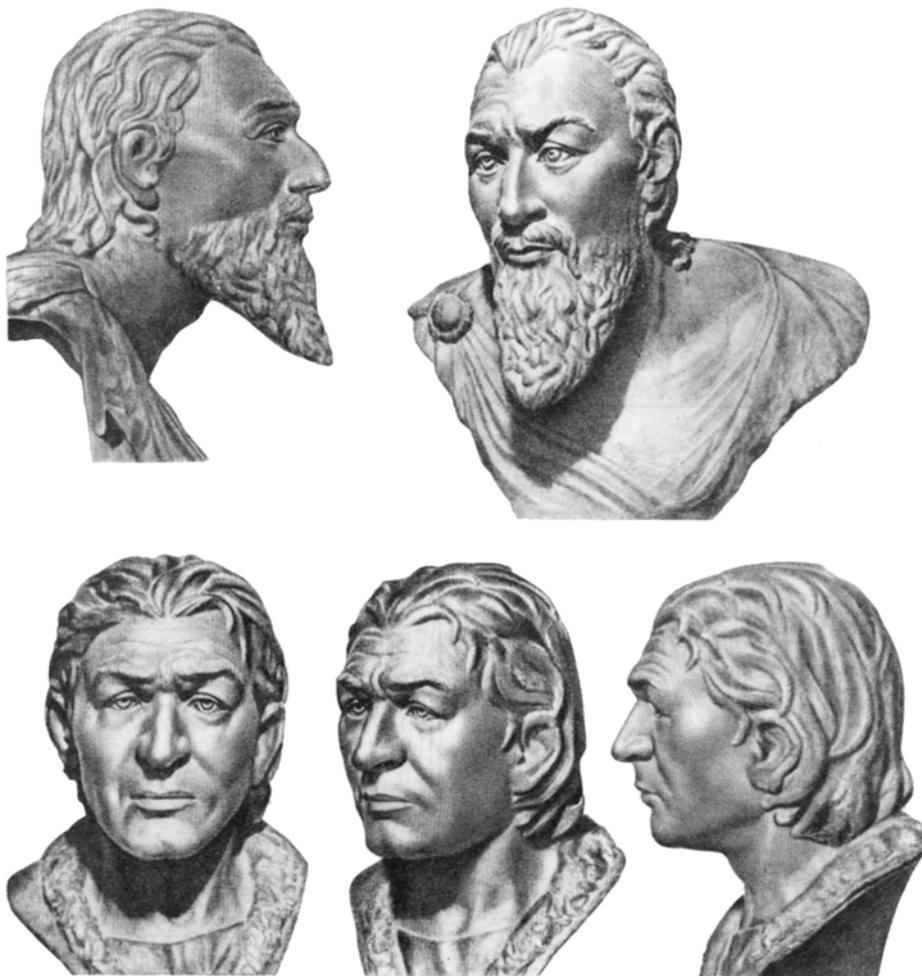
с.229 и сл.; Рыбаков, 1979)]. Северных соседей Скифии при таком толковании помещают в лесной зоне, идентифицируя с ними создателей так называемых городищенских культур. Тогда следует признать, что образ жизни и материальная культура этих народов радикально отличались от скифских.

Однако в наши дни среди скифологов наиболее распространено мнение, что ираноязычным скифам принадлежит лишь степная культура, распространенная на пространстве между Доном и Дунаем, тогда как во многом сходные с ней, но все же не тождественные памятники лесостепи оставлены иными народами, жившими вдоль северного предела Скифии [Граков, Мелюкова, 1954; Граков, 1971]. При этом вполне вероятно, что в формировании этих лесостепных культур определенное участие принимали и сами скифы — те, что в ходе возвращения из Передней Азии расселялись по разным областям Восточной Европы и, смешиваясь с местными племенами, приносили в их культуру скифоидные черты. Позже, как и в случае с савроматами, произошло некоторое культурное обособление всех этих областей и их политическое отмежевание как от собственно скифской территории, так и между собой.

Данные Геродота свидетельствуют, что самыми восточными из этих северных со-

седей Скифии, примыкавшими к зоне размещения уже описанных савроматов, были будины, названные историком великим и многочисленным народом (IV, 108). Вперемежку с ними, по Геродоту, здесь же обитали гелоны — якобы эллины по происхождению, переселившиеся из приморских городов в землю будинов, говорившие «на языке отчасти скифском, отчасти эллинском» и отличавшиеся от будинов внешним видом, типом хозяйства и образом жизни (IV, 108). К западу от будинов и гелонов и севернее скифов царских, по свидетельству Геродота, обитали меланхлены — народ, которого мы не знаем, ибо вместо него античный историк привел его греческое название, которое означает «носящие черные одежды» (IV, 107). Остальные северные соседи скифов, обитавшие далее к западу, — андрофаги, невры, агафирсы — нас не интересуют, поскольку они располагались слишком далеко от анализируемой нами территории.

Наложить области обитания перечисленных народов на реальную карту Восточной Европы, в том числе археологическую, непросто. Примем во внимание, что Геродот не только перечисляет народы, граничащие со Скифией на севере, но и приводит о них кое-какие данные. Однозначно причисляя все эти народы к «особым», «нескифским», он в то же время отмечает опре-

Реконструкция М.М.Герасимовым облика скифов [Степи европейской, 1989, с.353]

деленную культурную близость многих из них к скифам. Так, о неврах сказано, что у них скифские обычаи (IV, 105), об андрофагах — что у них собственный, нескифский язык, но кочевой образ жизни и одежда, похожая на скифскую (IV, 106), о меланхленах — что у них скифские обычаи, хотя это «иное, нескифское племя» (IV, 107). Все это подтверждает предположение о принадлежности именно этим народам так называемых скифоидных культур лесостепей Восточной Европы. Поэтому, к примеру, будинам, область расселения которых на западе простирается до границ земли невров, а на востоке занимает области к северу от живущих за Доном савроматов, сторонники этой концепции приписы-

вают примерно однородную культуру, ареал которой охватывает области от Днепра до Дона в их среднем течении.

Дополнительным аргументом в пользу такой археологической идентификации земли будинов является отождествление известного в бассейне реки Ворсклы огромного Бельского городища с описанным у Геродота городом Гелоном, якобы лежащим в этой стране. Деревянные стены этого города протяженностью в 30 стадиев с каждой стороны, т.е. в 120 стадиев (около 25 км) по периметру, и возведенные также из дерева дома и храмы, по мнению большинства исследователей, вполне соответствуют археологическим данным о Бельском городище [Шрамко, 1987].

С большей или меньшей надежностью удается соотнести с определенными группами археологических памятников лесостепной полосы Восточной Европы большинство народов, по данным античной традиции обитавших на северной периферии Скифии. Конечно, при этом некоторые данные об этих народах — к примеру, утверждение о происхождении гелонов от эллинов — приходится признать недостоверными.

О землях, расположенных не вблизи Причерноморской Скифии, а далее на север и в глубь Евразии античный мир, естественно, знал гораздо меньше. Весьма показательно, что, описывая области обитания народов, живущих к северу от скифов, Геродот каждый соответствующий пассаж завершает одинаково: «над» неврами располагается земля, которая «на всем известном нам протяжении безлюдна» (IV, 17); страна, находящаяся «выше» андрофагов, — «настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном нам протяжении» (IV, 17); «выше» меланхленов находятся «болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении» (IV, 20). Совершенно очевидно, что сведениями об обитателях еще более северных земель Геродот не располагал вовсе, и почти вся северная половина Восточной Европы представлялась ему безлюдной пустыней. О несоответствии такой картины исторической реальности говорит обилие там археологических памятников разных эпох, в том числе I тыс. до н.э. К ним принадлежат, в частности, многочисленные упомянутые выше городищенские культуры лесной зоны, протянувшиеся от Урала до Прибалтики. Однако вследствие незнания этих земель античным миром их древняя этногеография остается нам практически неизвестной.

Но в непроницаемой стене неведения, которой ограждены от античной традиции народы севера Восточной Европы, неожиданно обнаруживается брешь. Она находится на северном рубеже земли будинов. Непосредственно за ней, по представлениям Геродота (IV, 122 и сл.), как и над другими народами этого региона, также находится пустыня, простирающаяся на семь дней

пути, но далее, если отклониться несколько к востоку, можно попасть в землю тиссагетов и живущего на тех же землях народа иирков, а еще северо-восточнее обитают некие «другие скифы», когда-то якобы отделившиеся от скифов царских и пришедшие в эту землю. Еще дальше в глубь материка Геродот помещает зону обитания народа аргиппеев — живущих у подножия высоких гор плешивых от рождения курносых людей с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, но одежду носят скифскую и отличаются особой справедливостью, за что почитаются всеми окрестными народами.

Данный пассаж представляет для нас особый интерес, поскольку напрямую связан с прошлым земель, ныне входящих в территорию Татарстана. Почему из всей далекой континентальной периферии Причерноморской Скифии только земли, лежащие по этому маршруту, оказались известны Геродоту? Он сам отвечает на этот вопрос, рассказывая, что этот маршрут знают как скифы, так и эллины из приморских городов, и что путешественники по нему пользуются услугами переводчиков с семи различных языков. Очевидно, перед нами — описание некоего торгового пути, связывавшего в древности Причерноморье с глубинными материковыми областями.

Конечно, в рассказе Геродота о пути в землю аргиппеев перемешались реальные и полумифические сведения. К последним относится, к примеру, сообщение об исключительной справедливости этого народа и, в еще большей степени, — сведения о землях, лежащих севернее страны аргиппеев, которые весьма критически оценивает и сам Геродот: здесь, в непроходимых горах, якобы живут некие козлоногие люди, а еще выше — народ одноглазых аримапов, постоянно сражающихся с грифами, стерегущими золото, которым богата эта страна. Относиться к этим сказочным деталям как к источнику по этногеографии интересующих нас земель было бы нелепо, но они тем не менее сыграли вполне позитивную роль, позволив уточнить общую ориентацию описанного Геродотом торгового пути. Г.М.Бонгард-Левин и Э.А.Грантовский [1983] сопоставили эти рассказы с общими

для мифологии большинства индоиранских народов представлениями о цепи непроходимых гор, якобы протянувшейся вдоль северного рубежа обитаемой земли, и о находящейся около них стране блаженных, с которыми сопоставимы аргиппеи рассматриваемого рассказа. Содержащиеся в этом рассказе легендарные подробности восходят, судя по всему, к собственно скифской мифологии и одновременно указывают, что описанный Геродотом торговый путь в целом ориентирован на север.

Этот вывод находит определенные археологические подтверждения и позволяет предположительно идентифицировать народы, обитающие вдоль этого пути. За землями уже описанных савроматов и будинов и за лежащей выше них «пустыней», в которой, скорее всего, следует видеть малонаселенную область, находится, согласно Геродоту, страна тиссагетов и живущих вместе с ними иирков. Ее, видимо, следует отождествлять с ареалом так называемой *городецкой культуры* — одной из городищенских культур, занимавшей бассейн Оки и Средней Волги преимущественно по правому ее берегу. Судя по всему, носители ее принадлежали к числу финно-угорских народов; в них видят, в частности, предков современной мордвы. Севернее городецкого ареала лежит область распространения другой культуры раннего железного века — *ананьинской*, также принадлежавшей, скорее

всего, какому-то финноязычному народу. Но для нас важно, что в ряде ананьинских могильников, расположенных по течению Волги между впадением в нее Камы и Ветлуги, часто попадаются скифские предметы VII—VI вв. до н.э. в сочетании со специфическими вещами центрально-кавказского и даже урартского происхождения. Точно такое же сочетание скифских и кавказских вещей мы находим в синхронных названным ананьинским памятникам могильниках Центрального Кавказа, и это позволяет реконструировать переселение какой-то группы воинов с Кавказа на Среднюю Волгу примерно тогда же, когда происходило расселение по разным регионам Восточной Европы возвращавшихся через Кавказ из Передней Азии скифов. Тогда скифские и кавказские вещи, найденные в ананьинских могильниках, можно рассматривать как археологические следы тех самых «других скифов», которые, по свидетельству Геродота, отделились от основного массива своих соплеменников и продвинулись далеко на северо-восток Европы [Погребова, Раевский, 1992, с.195 и сл.]. Это — один из немногих случаев, когда историку удается с достаточным основанием соотнести между собой данные античной традиции и археологические материалы, касающиеся далеких континентальных областей Восточной Европы.

Сергей Кляшторный

Саки

Эпоху господства в азиатском ареале степей саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое содержание, — «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае на весь кочевой мир евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен кочевников Причерноморья (*скуда* или *шкуда*, более поздняя форма с показателем множественного числа — *сколоты*). «Все вместе они назывались сколоты... Скифами же их называли греки», — писал Геродот [IV, 6]. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX—VIII вв. до н.э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н.э.

Как же называли себя скифские племена, кочевавшие к востоку от Волги? Первый по времени ответ на этот вопрос содержится в знаменитой скальной надписи Дария I (правил в 522—486 гг. до н.э.), относящейся к начальным годам его царствования, в т.н. *Бехистунской надписи*; там племена, жившие за Сырдарьей, названы *сака*. Мы еще вернемся к рассказу Дария. Пока же отметим, что Геродот, чья «История» была завершена между 430—424 гг. до н.э., утверждает: «персы всех скифов называют саками» [VII, 64]. Действительно, не только среднеазиатских, но и причерноморских кочевников, тех самых, кого греки именуют «скифами», царь Дарий в надписи из Накши Рустама называет *сака парадрайа*, т.е. «заморскими саками». Создатели могучей империи Ахеменидов (550—330 гг. до н.э.), сами себя именуящие «персами» и «ария-

ми из арийского племени», хорошо знали своих соседей и сородичей. Название народа, употреблявшееся Ахеменидами столь расширительно, они не выдумали. В письменных свидетельствах из Передней Азии имя сака появляется задолго до ахеменидских надписей.

В конце VIII—начале VII в. до н.э. ассирийские цари были очень обеспокоены опустошительными набегами на их владения неких конных воинов, которых они именовали *гиммири*. Без малого через триста лет Геродот рассказал об уходе в Азию под натиском преследовавших их скифов народа *киммерийцев*, живших в Причерноморье в незапамятные времена. И киммерийцы, и ушедшие за ними на юг скифы создали в Малой Азии и Северном Иране свои небольшие царства, ставшие грозой для соседей. Ныне предполагается, что название *киммерийцы* (ассиро-вавилонские *гиммири*) вовсе не племенное имя, а древнеиранское обозначение подвижного конного отряда, совершающего набег [Дьяконов, 1981, с.90—100]. Для соседей киммерийцев оно стало названием воинственных племен конных лучников, по своей культуре и образу жизни, как установили археологи, неотличимых от скифов-сколотов [см.: Иванчик; Алексеев, Качалова, Тахтасев].

Самоназвание саков стало известно только после находки надписи в храме богини Иштар, найденной при раскопках столицы Ассирии, Ниневии. На обнаруженной там мраморной плите была высечена надпись ассирийского царя Ашшурбанипала (правил в 669—631 гг. до н.э.). В ней упомянуты гиммири, а их вождь Тугдамме, погибший впоследствии в Киликии, назван «царем саков». Впрочем, возможно и иное прочтение текста (дискуссию об этой надписи см.: [Медведская, 1994]). После расшифровки надписи Ашшурбанипала стало ясно, что персы не выдумали имя своих кочевых соседей, а использовали их самоназвание, причем не племенное, а общее для

Бронзовые навершия раннескифского времени [Грязнов, 1980, с.40]

всех кочевых племен, соседствовавших с персами в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Независимо от обсуждения термина в надписи из храма богини Иштар, следует иметь в виду, что сами персы в аккадской версии Бехистунской надписи хорошо известных им саков называют «киммерийцы» [Дандамаев, 1977, с.32]. К этому кругу племен принадлежали и гиммири-киммерийцы, и причерноморские скифы, которые, по словам Геродота, «пришли из Азии», и все кочевники Приаралья и Семиречья, которых, с большим или меньшим успехом, старались сделать подданными империи [Грантовский, с.84—85; Раевский, с.143—144].

То, что сакские племена осознавали свою генеалогическую и культурную общность, выраженную единством самоназвания и языковой близостью, не только не ис-

ключает, а, наоборот, предполагает существование местных этнотерриториальных группировок, больших и малых племенных союзов. Названия некоторых из них были зафиксированы в немногих сохранившихся донныне письменных текстах их соседей. Известны две группы древних текстов, содержащих сведения о саках: клинописные наскальные надписи ахеменидских царей и сочинения греко-римских авторов, начиная с Геродота. В сочинениях античных авторов нашла некоторое выражение ахеменидская политическая и историографическая традиция, но все же преобладала иная информация, полученная разными путями и через разных посредников. К примеру, информаторами Геродота были не только персы, но и причерноморские греки, хорошо знакомые с местными скифами, сами путешествовавшие по скифским землям

и собиравшие сведения о дорогах на восток. Весь этот информационный массив имеет как бы три «этажа». Самый нижний, т.е. самый ранний «этаж», построен на сведениях древнеперсидских надписей и «скифском рассказе» Геродота. Второй «этаж» — сведения, полученные и сохраненные эллинами во время и непосредственно после походов Александра Македонского и его политических наследников (диadoхов и эпигонов) в Среднюю Азию. Наконец, третий «этаж» — сведения греческих и латинских писателей, не только воспроизводивших прежние рассказы, но и передававших сообщения, полученные от своих современников, так или иначе соприкасавшихся с миром центральноазиатских народов и стран. Этому хронологическому уровню синхронны сведения о центральноазиатских «варварах», запечатленные на бумаге в совсем другом конце ойкумены, т.е. тогдашнего «обитаемого мира», — в государстве Хань (древнем Китае).

Главными для стран глубинной Азии политическими событиями, по крайней мере с точки зрения иноземных историографов, были в VI—IV вв. до н.э. отношения с Ахеменидской державой, а в IV—III вв. до н.э. — поход Александра Македонского на восток и возникновение в центре Азии эллинистических или эллинизированных государств. Главными событиями, обусловившими содержание третьего информационного «этажа», стали крушение среднеазиатского эллинизма под натиском кочевой периферии и установление Великого шелкового пути, впервые соединившего через Среднюю Азию суперцивилизации Дальнего Востока и Средиземноморья.

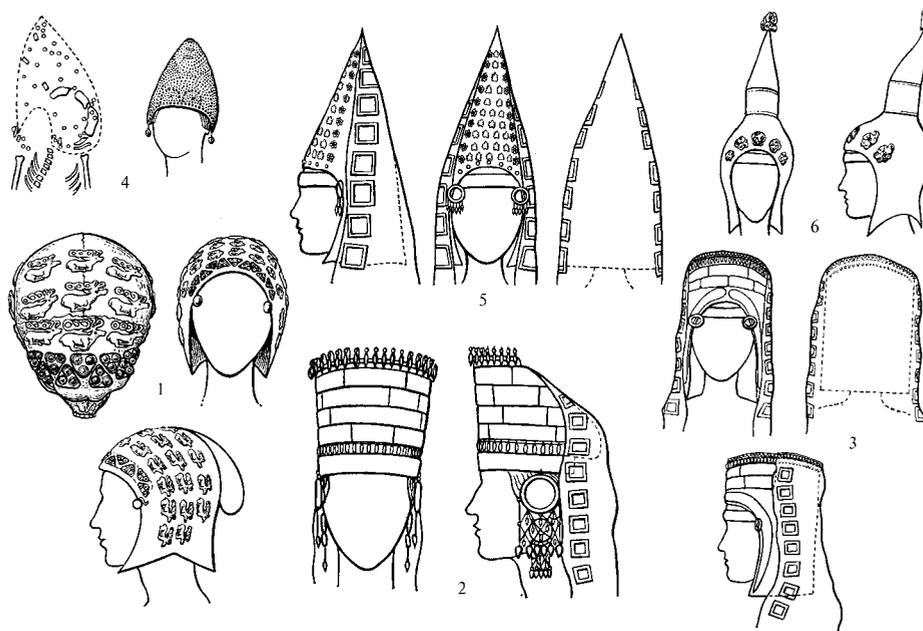
Началом сакской эпопеи для исторической науки древности были киммерийские и скифские вторжения в VIII—VII вв. до н.э. в Переднюю Азию и Причерноморье. Ее продолжением стали военные операции ахеменидских царей, Кира и Дария, против саков за Оксом и Яксартом (соответственно, Амударья и Сырдарья), против «заморских», т.е. причерноморских саков — скифов-сколотов Геродота. На фоне этих событий появилась первая, не всегда ясная и не вполне достоверная информация о родине сакских племен, об их жизни на своей зем-

ле, об их обычаях и нравах, об их племенах, об их северных и восточных соседях.

В 558 г. до н.э. главой персидских племен на юго-западе Иранского плато стал Кир, внук Кира, царя страны Парсуаш из рода Ахеменидов. Соседями его небольшого царства были четыре самые могущественные державы того времени — Мидия (на Иранском плато), Лидия (в Малой Азии), Вавилония (в междуречье Тигра и Евфрата) и Египет. В 553 г. до н.э. Кир восстал против своего сюзерена, мидийского царя Астиага, а через три года он уже поселился во дворце прежнего владыки Ирана. В 547 г. до н.э. было сокрушено Лидийское царство Креза, а в 539 г. до н.э. настала очередь Вавилонии. Никто не мог устоять перед персидским войском.

Но еще до захвата Вавилонии, между 545—539 гг. до н.э. Кир повернул главные силы своей армии на восток. Сведений о первом походе Кира очень немного, и они не отличаются точностью. Однако благодаря Бехистунской надписи известно, что Дарий унаследовал от Кира земли до северо-западных границ Индии, в том числе и страну саков. А античные историографы сообщают, что на границе с саками, близ Яксарта (т.е. Сырдарья), был сооружен город-крепость Куриштиш (вероятно, *Курушката* — «город Кира»). Впоследствии он был назван спутниками Александра Македонского *Кирополем*. Мощные стены Кирополя с трудом проломили осадные машины македонцев, и взятая ими крепость была переименована в *Александрию Эсхату* — «Александрию Крайнюю».

Второй, роковой для него, поход на восток Кир предпринял в 530 г. до н.э. (ему было тогда около 70 лет). Очевидно, ситуация на восточной границе требовала решительных действий. Противников Кира через сто лет Геродот назовет *массагетами*, «племенем большим и сильным». Жили массагеты, по Геродоту, на равнинах к востоку от Каспия и за рекой Аракс, сорок рукавов которого завершают свой путь в топях и болотах, а один впадает в Каспийское море. Здесь «Араксом» названа Амударья, а ее главным рукавом — полноводный тогда Узбой. Для того, чтобы достигнуть массагетов, Кир наводит мосты и «строит башни на

Скифские головные уборы. Реконструкции Т.В.Мирошиной.

- 1 — башлык из кургана 17 в Златополе; 2 — конусовидный убор «царицы» из Чертомлыка;
 3 — конусовидный убор «царя» из Куль-Обы; 4 — башлык из кургана 100 в Синявке; 5 — калаф из Толстой Могилы; 6 — тиара из кургана 22 совхоза «Красный Перекоп»
 [Степи европейской, 1989, с.348]

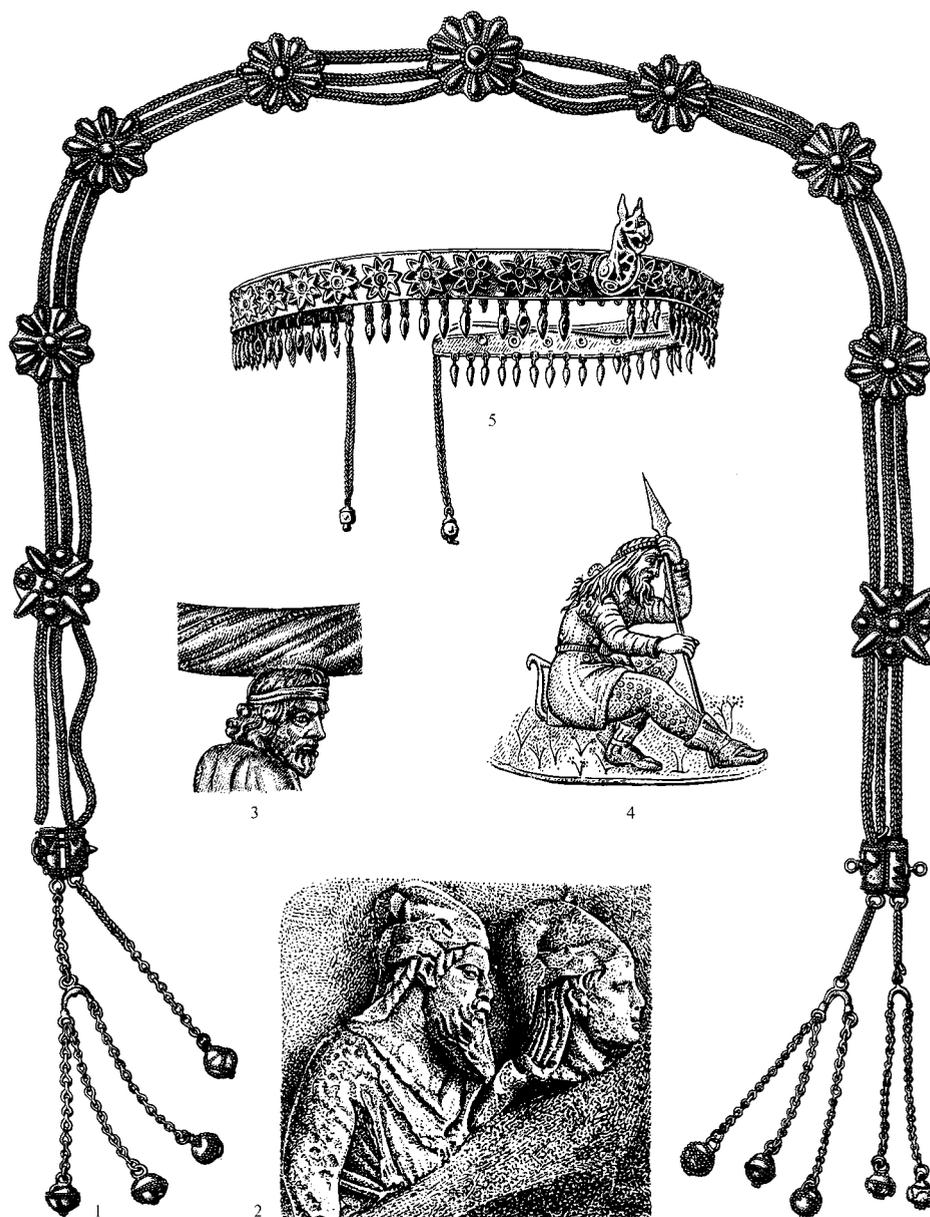
судах для переправы через реку» [Геродот, I, 205].

Вокруг последнего похода Кира в античной литературе сложилось несколько «остросюжетных», но совершенно легендарных повествований, связанных с именем массагетской «царицы Томирис», которая будто бы после гибели Кира в проигранном им сражении приказала бросить его голову в бурдюк, наполненный человеческой кровью. Впрочем, сам Геродот называет эту версию одним из «многочисленных рассказов о смерти Кира». Достоверно известно лишь, что Кир погиб в сражении на берегах Узбоя (т.е. Амударьи) в начале августа 530 г. до н.э. и что тело его вовсе не стало добычей врагов. Напротив, оно было доставлено в Пасаргады и погребено, после чего там была сооружена великолепная гробница, сохранившаяся до сих пор. Остается неясным, была ли разбита персидская армия, потерявшая царя, и покинула ли она завоеванные земли на берегах Амударьи.

Противников Кира античная традиция именует по-разному. Геродот называет их

массагетами; Ктесий Книдский — врач, вернувшийся в Элладу в 398 г. до н.э. после 17-летнего пребывания при персидском дворе, — *дербиками*; Берос — вавилонский жрец, историк и астроном, писавший по-гречески в III в. до н.э. и знавший как эллинистическую, так и персидскую традиции, именует племя, сражавшееся с Киrom, *даями (дахами)*.

В 522 г. до н.э. в охваченном смутой Иране к власти пришел дальний родственник Кира, Дарий. Завоеванные прежде страны, и среди них страна саков, спешили восстановить свою независимость. Дарий начал вновь собирать империю, жестоко карая мятежников. Особенно суровой была расправа с Маргианой (Мерв, совр. г. Мары в Туркменистане), разгромленной сатрапом Бактрии, персом Дадаршишем, оставшимся верным Дарию. Вместе с маргианцами, как полагает немецкий исследователь Ю.Юнге, были разгромлены и приведены к покорности и саки [Junge, с.182].

Скифские головные уборы. 1 — Мельгуновский курган; 2 — на рельефе из Неаполя скифского; 3 — на пекторали из Толстой Могилы; 4 — на сосуде из Куль-Обы; 5 — Келермес [Степи европейской, 1989, с.348]

Через одиннадцать лет после гибели Кира и на третьем году правления Дария (в 519 г. до н.э.) события на востоке обеспокоили царя: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону ее со всем

войском перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую (часть. — С.К.) захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил их вождем, как было на то мое желание. Затем страна стала моей» (цит. по: [Дандамаев, 1985, с.100—101]). Таков текст победной надписи Дария на

Бехистунской скале о походе против «саков в остроконечных колпаках», *саков-тиграхауда*. Здесь впервые назван один из сакских племенных союзов, но назван он тем именем, которое ему дали персы, выделившие в одежде саков этого племени характерную особенность.

Сцена битвы царя с саками-тиграхауда выгравирована на одной из печатей Дария — поверженный враг лежит у ног владыки, а другого, в высоком колпаке, царь хватает левой рукой, готовясь нанести удар коротким мечом. Саки-тиграхауда не были до этой битвы подчинены персам: Дарий не называет их мятежниками, а их вождя, Скунху, не обвиняет во «лжи», т.е. в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе не с обнаженной головой, как прочие мятежники, а в остроконечном колпаке высотой в половину его роста. Ничего не говорится и о казни Скунхи; упомянута лишь его замена другим вождем, саком, угодным Дарию. Следовательно, поход Дария против саков-тиграхауда был не карательной акцией, а подчинением ранее непокоренного народа [Дандамаев, 1985, с.101].

Местоположение страны саков-тиграхауда определяется названием той большой реки (употреблено слово *драйа* — «море, большая река»), через которую переправился Дарий перед битвой. В надписи река не названа, однако имеются косвенные свидетельства, указывающие, что большой рекой, разделявшей тогда персов и саков, была Сырдарья. В нескольких надписях, выгравированных на золотых и серебряных пластинах (такие пластины закладывались в фундамент строящихся царских дворцов), Дарий, определяя пределы своей державы, на крайнем ее северо-востоке называет страну «саков, которые за Согдом», на крайнем юго-западе — Куш (Эфиопию). Как отмечает Б.А.Литвинский, «в этих надписях Дарий несомненно хотел продемонстрировать колоссальные размеры своих владений, показав, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом, как совершенно правильно указал В.В.Струве, географические определения даются с точки зрения западного иранца, для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия

— на юго-западе. Следовательно... надписи должны указывать на саков, живших на северо-восток от Согда» [Литвинский, с.169]. Центром Согда был Самарканд (греч. *Мараканда*), но на востоке Согд граничил с Ферганой и Чачем (область Ташкента). Страна саков, находившаяся к северо-востоку от Согда и подчиненная персам, была отделена от согдийских земель Сырдарьей.

Дарий и его наследник Ксеркс (правил в 486—464 гг. до н.э.) называют в своих надписях еще один племенной союз среднеазиатских саков, подвластных персам. Они названы *саки-хаумаварга*, т.е. «почитающие Хаому». Хаомой назывался возбуждающий напиток, получаемый из сока эфедры (хвойника) и употреблявшийся в культовых целях. «Хаома золотоглазый» был одним из арийских божеств, первым совершивший обрядовое истолчение хаомы и приготовление ритуального напитка. Ему посвящены торжественные строки в «Михр-Яште»:

Мы почитаем Митру,
Которому молился
Лучистый, властный Хаома
Целебный, златоглазый,
На высочайшем пике
Высоких гор Харати...
Он первый жрец, что хаому
Расписанную звездами
И созданную духом
Вознес к высокой Харати
[Авеста, с.75—76]

Обиталище Хаомы — высокая Харати, т.е. Памиро-Алайская горная страна и прилегающие к ней горные системы, где обильно произрастает эфедра. Именно в предгорьях Памиро-Алая, в долинах у подножий высокой Харати, прежде всего в Фергане и Восточном Туркестане, были основные земли саков-хаумаварга. Далеким потомком языка этих саков был так называемый «хотано-сакский язык», сохранившийся в рукописях VIII—X вв. в оазисах Восточного Туркестана. В тех случаях, когда в ахеменидских надписях упомянуты просто «сака», без сужающего значения термина имени или определения, там имелись в виду саки-хаумаварга [Дандамаев, 1963, с.178—180].

Золотая пластина — борьба тигра с двугорбым верблюдом. Длина — 8,0x4,0 см.
VI в. до н.э. Сибирская коллекция Петра I. Инв. № Си 1727 1/16. Государственный Эрмитаж

Персепольская надпись Ксеркса, вместе с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга, называет среди подвластных Ахеменидам народов еще и дахов, которым вавилонянин Берос приписывал победу над великим Киrom. Никаких других «скифских народов» к востоку от Ирана древнеперсидские источники не знают, но их во множестве называют греко-римские авторы.

Геродот упоминает *саков-ортокорибантиев*, т.е. «острошапочных», и *саков-амюргиев* (так же у нескольких авторов, «саки царя Аморга/Омарга»), которых исследователи достаточно уверенно отождествляют с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга персов. Неоднократно упомянуты и дахи (даи). Все остальные этнонимы сакских племен, названные в античных источниках, отсутствуют в ахеменидских надписях.

Наиболее загадочным казалось отсутствие упоминаний о *массагетах*, главных врагах персов со времен Кира. Ведь узбойско-хорезмийский регион, где Кир сражался с массагетами, вошел в состав Персидской державы; для персидского сатрапа, управлявшего Хорезмом и Приаральем, был построен великолепный дворец (ныне развалины Калалыгыр, раскопанные Хорезмской экспедицией С.П.Толстова

в 50-х гг. XX в.) [Ставиский, с.157]. Было выдвинуто логичное предположение, что *массагеты* эллинских авторов в персидских надписях упомянуты под другим именем. Такого рода гипотезу первым выдвинул А.Херман, ныне поддержанный Б.А.Литвинским: «Массагеты античных источников идентичны сакам-тиграхауда... Мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западную часть Средней Азии» [Литвинский, с.172—173]. Такая локализация саков-тиграхауда очень расходится, однако, с показаниями надписей Дария и делает маловероятным их отождествление с массагетами.

Если массагеты действительно фигурируют в ахеменидских надписях, то более всего на отождествление с ними мог бы претендовать могучий племенной союз *дахов* (*даев*). Упомянутые еще Авестой среди племен, которые, по выражению Дария, «не чтит Ахуру Мазду», дахи помещены в Персепольской надписи Ксеркса в перечне самых крупных стран и народов, подвластных этому грозному завоевателю. Коренные земли дахов в IV в. до н.э. находились «за Танаисом», т.е. за Сырдарьей, и «по Танаису» [Арриан, III, 28], а также в Приаралье [Страбон, XI, 9]. Среди союзников Да-

рия III Кадомана (336—331 гг. до н.э.) в его проигранной войне с Александром Македонским названы и дахи. В битве при Гавгамелах, открывшей Александру путь на восток, дахи вместе с бактрийской конницей противостояли лучшей части македонской армии — коннице «друзей», личного окружения Александра. Характерная черта вооружения сражающихся дахов, необычная в то время, отмечена Аррианом: «сами скифы (дахи) и лошади их были тщательно защищены броней» [Арриан, III, 13]. Эти «дахи с Танаиса» сражались с македонцами и после гибели Дария, но затем они стали союзниками Александра в его походе на Индию.

Следует обратить внимание на важную деталь вооружения дахов — броню, защищавшую всадников и коней. Такого рода двойной доспех столетием раньше Геродот отмечает только у массагетов: «лошадям на грудь они надевают медные панцири» [I, 215]. Появление катафрактариев — конных воинов в тяжелых пластинчатых доспехах и на защищенных боевых конях — отмечено не только письменными источниками, но и документировано археологическими находками в стране дахов и массагетов. Еще в 50-х гг. XX в. Хорезмская экспедиция С.П.Толстова вела раскопки на городище Чирик-рабат — «столице» приаральских саков, расположенной на левом берегу Сырдарьи, в верховьях ее пересохшего русла Жанадарьи. Там, в одном из погребальных сооружений, датированном IV в. до н.э., был обнаружен железный пластинчатый доспех [Толстов, с.148—150]. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у родственных дахам парфян и не отмечена у других степных племен.

В трех далеких по времени и независимых друг от друга сочинениях — Авесте, надписи Ксеркса, труде Арриана — племена дахов обозначены одним и тем же именем — их самоназванием. Иначе следовало бы предположить существование общего для трех названных сочинений источника, что нереально.

Между тем название *массагеты* сохранилось только в античной историографии, где оно объединяет разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена — от кочев-

ников-кочевников до охотников за тюленями и собирателей корней, одевающихся «в древесную кору» [Страбон, XI, 8]. Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью — Приаралье, низовья Амударьи и Сырдарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи: остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков, — вероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название «массагеты» объединяло целую группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией, еще сохранившей значение в консервативной сфере родоплеменной мифологии и зависимой от нее этнонимии, но утратившей политическую актуальность в середине I тыс. до н.э.

Рассмотрим внимательнее сведения Арриана, который упоминает при описании одновременных событий и скифов-массагетов, и скифов-даев, что, казалось бы, противоречит их сближению. Его повествование опирается на свидетельства спутников македонского завоевателя, записанные во время и после похода. В отличие от экзотических, удивляющих, привлекающих и отталкивающих читателя рассказов Геродота и Страбона, зависимых от многих и разных по времени информаторов, Арриан не восхищается доблестью массагетов (Страбон) и не пишет о «несметном количестве золота и меди» в их стране (Геродот). Но вот случай из военной судьбы согдийца Спитамена, почти три года ведшего партизанскую войну против македонской армии, который привлек на свою сторону отряд массагетов: «Скифы эти (массагеты) жили в крайней бедности, не было у них ни городов, ни оседлого жилья, бояться за свои блага им было нечего, и поэтому склонить их на любую войну ничего не стоило... Потерпев поражение, массагеты разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали голову Спитамену и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения» [Арриан, IV, 17].

Бронзовая шейная гривна. Диаметр — 17,5 см.

V—III вв. до н.э. Сибирская коллекция Строгановых. Инв. № 1135/11. Государственный Эрмитаж

Для Арриана массагеты были обитателями страны, что располагалась по левому берегу Окса (Амударьи); она граничит с Согдианой с запада. Дахи же для него, напротив, северо-восточные соседи Согдианы, обитатели долины Танаиса (Сырдарьи). По представлениям спутников Александра, массагеты были беднейшие из скифов, готовые на любую войну ради наживы, не брезгающие грабежом и предательством союзников. Напротив того, дахи — закованные в броню всадники на покрытых доспехом конях, элитарная конница Дария в битвах с Александром и кавалерийский авангард Александра в битвах с индийским царем Пором, — конечно же, резко отличались от других скифов, но очень походили на конных воинов-массагетов из повествования Геродота.

Ни Арриан, ни его информанты не знали, что у внешне различных племен общая территория, общие политические и культурные центры в Приаралье, где расположены города-ставки «царей», общие святыни, связанные с почитанием солнечного бога Митры. Оставленные ими могильники, укрепленные городища и поселения по древним руслуам Сырдарьи — Жанадарье, Кувандарье, Инкардарье — стали объектом

исследования Хорезмской экспедиции. Археологические находки ярко характеризуют повседневную жизнь скотоводческих и земледельческих племен Приаралья в VII—II вв. до н.э. и выявляют несомненную зависимость памятников этого времени от памятников эпохи бронзы, их генетическую связь. Особенно это было заметно при раскопках мавзолеев эпохи бронзы Тагискена и сакских могильников Тагискена и Уйгарака на левобережье Сырдарьи. Преемственность в развитии культуры здесь вполне очевидна, и она распространяется на все Приаралье к востоку от Хорезма.

Племена столь огромного объединения кочевников, и не только кочевников, не могли быть одинаковы, но могли носить общее название. Массагеты — общее древнее имя приаральских племен, имеющих общую генеалогическую традицию и, возможно, общий эпоним, т.е. общего предка, чаще всего мифического, по имени которого и назван народ. Древнее эпонимическое имя массагетов сохранилось в иранской ономастике и зафиксировано письменно — одного из полководцев Ксеркса звали «Массагет, сын Оариза» [Геродот, VII, 71]. Неизвестно, кто был подлинным героем-

эпонимом массагетских племен, но он носил то же самое имя.

Дахи — военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, чье имя было единственно значимым в том политическом аспекте, который проявился в надписи Ксеркса. Именно поэтому нельзя исключить корректность сведений Бероса, назвавшего врагов Кира дахами. В III в. до н.э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя — массагетов. Этот процесс тогда завершился даже в Прикаспии, где со времен Геродота эллинистские историки любое «скифское» племя считали массагетами. В 238 г. до н.э. одно из племен даев, *парны (парфяне)*, возглавленное родом Аршакидов, создало в Иране новую империю, сменившую наследников Александра. А на севере, в степях Западного Казахстана и Приуралья, дахо-массагетская экспансия III в. до н.э., повторив события полуторатысячелетней давности, заставила уйти в Причерноморскую Скифию племена *сарматов*, потомков *савроматов* Геродота, близких сакам по языку, образу жизни и культуре.

Некоторые современные исследователи предполагают, что в III в. до н.э. дахи, продвинувшись с Сырдарьи в прикаспийские степи, вытеснили их с земель массагетов. Но достоверно ответить на вопрос, куда делись и где появились «вытесненные» массагеты, невозможно. Массагеты окончательно стали дахами. Закончилась трехвековая история деградации их названия.

Мир зякартских степей и гор был, по существу, закрытым миром для античных авторов. Древнейшие сведения, касающиеся его и приводимые Геродотом, основываются на поэме некоего Аристея из города Проконнес на Мраморном море, владельца сукновальной мастерской. Аристей, будто бы по внушению Аполлона, совершил шестилетнее путешествие через страну скифов на восток, стремясь достигнуть земель таинственных гипербореев. Он дошел до страны *исседов* или *исседонов*, а возвратившись, изложил свои впечатления в поэме. Жил Аристей в VII в. до н.э. [Пьянков, 1978, с.184—190]. В VI—V вв. до н.э. Гекатей Милетский и сам Геродот передают немало сказочных рассказов, услышанных от

скифов: «А скифы, которые к ним (эллинам) прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» [Геродот, IV, 24].

Большинство исследователей ныне локализируют исседонов в лесостепях Зауралья и в Казахстане. Некоторые обычаи исседонов схожи с обычаями массагетов. Крупнейший исследователь сакских археологических памятников Казахстана К.А.Акишев считает, что раннесакская культура Центрального Казахстана, названная «гасмолинской», принадлежит исседонам, которых он безусловно относит к кругу сакских племен. Более того, расцвет сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане, по мнению К.А.Акишева, «является результатом переселения центрально-казахстанских исседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию» [Акишев, Кушаев, с.134—135].

Дальнейший рассказ Геродота носит откровенно легендарный характер, быть может, вследствие передачи через «семь языков» и «семь переводчиков»: «Выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гиперборей, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей» [IV, 13]. Здесь реальны не столько имена племен, сколько сообщение о бесконечных войнах между ними, о постоянных столкновениях, ведущих к переселениям целых народов: «И как аримаспами вытесняются из стран исседоны, так исседонами — скифы» [Там же]. Вспоминаются слова скифа в передаче греческого поэта Лукиана: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи» [Хазанов, с.34].

Наиболее яркое впечатление о сакской культуре Средней Азии и Казахстана дают археологические памятники, прежде всего знаменитые Бешатырские курганы в долине р. Или и редкий по богатству находок Иссыкский курган. Большой Бешатырский курган диаметром 104 м и высотой 17 м, окруженный валом, представляется подлинным архитектурным сооружением.

Внутри кургана построена погребальная камера из стволов тяньшанских елей. К сожалению, эти «царские» усыпальницы были ограблены еще в древности. Случайно уцелело погребение «золотого человека» из кургана Иссык, датируемое IV в. до н.э. Описанию погребения посвящена специальная монография [Акишев, 1978]. Среди находок наиболее важной представляется двухстрочная надпись из 26 знаков неизвестного руноподобного письма, процарапанная на серебряном сосуде; проблема ее расшифровки еще не решена. Погребенного юношу К.А.Акишев относит к числу вождей саков-тиграхауда.

Теперь может быть предложено дальнейшее развитие этого определения. Как уже отмечено, саки, жившие за Сырдарьей в ее среднем течении, названы в персидских надписях «саками, носящими остроконечные колпаки». Парадным вариантом такого головного убора была тиара иссыкского юноши. Но название по одному этнографическому признаку, заметному только внешнему наблюдателю, обычно не может быть самоназванием народа. Разгадка этнонима — в последующих событиях сакской истории.

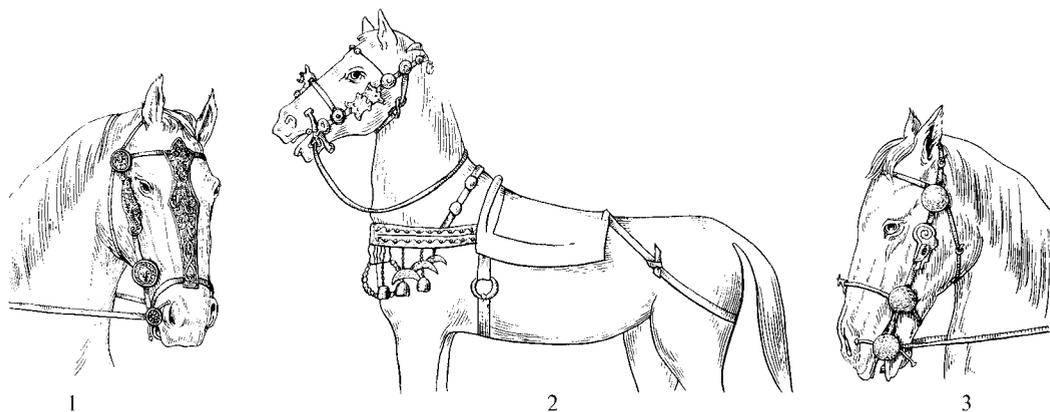
Во II в. до н.э. начались крупные подвижки степных племен, вызванные формированием в Центральной Азии державы гуннов. Движение ушедших на запад после долгой и неудачной для них войны юэчжийских племен и вытесненных со своих пастбищ в Восточном Туркестане усуней обрушилось на семиреченских саков, которых китайская хроника именуется *сэ* — «сак». Саки ушли в нескольких направлениях, в том числе к Сырдарье. Между 141—128 гг. до н.э. они перешли Яксарт и сокрушили в Греко-Бактрии наследников Александра. В поле зрения античных авторов попали племена, до того неведомые им. Страбон [XI, 8] называет четыре племени, перешедшие Яксарт: асии, пасианы (иной вариант: «асии или асианы»; тогда число племен сокращается до трех), тохары и сакараулы. Другой автор, Юстин, в пересказе сочинения римского историка I в. н.э. Помпея Трога называет два скифских племени — сакарауков и асианов, упоминая, впрочем, в другом месте тохар. В оглавлении несо-

хранившейся 42-й книги «Истории» Помпея Трога имеется следующий отрывок: «ассиане, став царями тохар, погубили сакарауков» (вариант: «азиатские цари тохаров и гибель сарауков») [Юстин, XI, 11].

Истории этих загадочных племен посвящено в научной литературе немало страниц, но достоверных выводов немного. Во всяком случае, до переправы через Яксарт племена жили восточнее. Собственно сакской группой племен в этом перечислении были *сарауки* (*сакараваки*, в более точной передаче — *сакарауки*). Их имя теперь объяснено на древнеиранском языковом материале: *сака раука* «светлые саки» [Грантовский, с.79]. По другой этимологии этот этноним восстанавливается как «царские саки» [Bailey, с.207]. Скорее всего, именно их называет саками китайская династийная история, когда повествует об изгнании усунями народа *сэ* из Семиречья. Судя по туманному сообщению автора IV в. Оросия, пользовавшегося ранними источниками о связи дахов и сакарауков с «рекой Ганг», ушедшие из Семиречья сакарауки обосновались первоначально в царстве Канг на средней Сырдарье, именуемом в китайских источниках *Кангюй*. Лишь по прошествии многих лет сакарауки, вместе с асианами и тохарами, завоевали Бактрию и там были «погублены».

Если эта реконструкция событий верна, то сакарауки, «царские саки», были теми самыми племенами, которые в V—II вв. до н.э. владели Семиречьем.

Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — *ариев* и *туров*, *дахов* и *данов* Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени от населения эпохи бронзы [Акишев, Кушаев, с.121—136; Исмагулов, с.33]. Вместе с тем было установлено, что с начала сакской эпохи у обитателей приаральских и приуральских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. По словам В.П.Алексеева, «широкий пояс евразийских степей... (на век-

Конское снаряжение IV—III вв. до н.э.

1,3 — реконструкция В.А.Ильинской; 2 — реконструкция Б.Н.Мозолевого
[Степи европейской, 1989, с.341]

два раньше середины 1 тыс. до н.э.) заволновался. Через него потянул ветерок с востока, население стало впитывать этнические влияния центральноазиатского происхождения. Среди европеоидов появились люди какого-то чужого, малознакомого облика — с жесткими черными волосами и раскосыми глазами... Этих людей было мало, единицы, но потом, к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться» [Алексеев, с.255].

Главным прорывом века бронзы, из мира авестийских ариев, — в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности, и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользовавшиеся ранее междуречные степные пространства. Изменившееся в позднеандроновскую эпоху стадо, где крупный рогатый скот все более заменялся лошадью, не требующей повседневного ухода и способной к тебеневке, позволило в начале 1 тыс. до н.э. резко удлинить маршруты перекочевков и сделать их сезонными. Однако вместе с ростом стада и специализацией хозяйства возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не

могла полностью компенсироваться ослабленным земледелием на зимниках, в поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники. Не исключался и временный возврат к оседлому или полуоседлому быту и даже к ирригационному земледелию части племен союза, что, например, наблюдается археологами у дахов и массагетов нижней Сырдарьи. Оседание стимулировалось и резким расслоением племени по уровню богатства, по величине стада, находившегося в собственности разных семей. Беднейшие семьи неизбежно оседали.

Кочевой быт в евразийских степях полнее описан в других разделах книги. Пока же заметим, что появление кочевого хозяйства было наиболее рациональным ответом общества на изменение природной среды, резкий рост народонаселения в конце эпохи бронзы и на усилившуюся военную опасность. Последняя была обусловлена появлением всадничества и созданием войска конных лучников — подвижных, тактически пластичных, обладающих огромными возможностями быстрых и длительных перемещений и высокой поражающей силой оружия.

Высоким боевым качествам сакских воинов и удивительной резвости их коней античные авторы посвятили немало строк.

Остановимся на одном, отнюдь не военном, а спортивном эпизоде, характеризующем еще и этические нормы саков. Ксенофонт (434—355 гг. до н.э.), долго живший при персидском дворе, рассказывает: «Персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы. Длина беговой дорожки была определена в пять стадиев (около одного километра. — С.К.). Когда начались бега, то какой-то молодой сак вырвался вперед и достиг финиша, оставив всех остальных всадников почти на половине дорожки. Персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на благодарность храброго человека» (цит. в изложении И.В.Пьянкова: [Пьянков, 1975, с.37]).

В суждениях о социальном устройстве сакского общества скудость письменных источников заставляет более полагаться на археологический материал. Действительно, различия между громадными погребальными сооружениями знати и рядовыми погребениями наглядны и впечатляюще убеждают в далеко зашедшей дифференциации общества. Имущественная поляризация внутри племени усиливалась, конечно, и социальное расслоение всего общества, но далеко не всегда играла решающую роль для статуса его членов. Принадлежность к знатному роду или личная воинская слава были не менее престижны в сакских племенах.

Сакские цари, упоминаемые античными источниками, обладали немалой властью, они решали вопросы войны и мира, посылали послов и заключали союзы, возглавляли войско. Во времена Ктесия (конец V—IV в. до н.э.) страна саков не входила ни в одну из ахеменидских сатрапий, а царь саков считался не подданным, а союзником персидского царя [Пьянков, 1975, с.32]. Однако пределы их власти внутри племен неясны. Царская власть сохранялась в одном роду. Арриан упоминает о случае, когда умершему царю наследовал его брат. Более неопределенны сообщения о наследовании власти царицами — все

сведения о них содержатся в явно легендарных повествованиях или связаны с литературными сюжетами.

Роль народного собрания отмечена только единственным сообщением о переговорах Александра с «царем скифов» после неудачного для саков (вероятно, дахов) столкновения на Танаисе. Царь не считал этот бой войной, т.к. напала на македонцев, по его словам, сакская вольница, а «скифский народ в целом» войну Александру не объявлял. Возможно, этот случай свидетельствует об ограничении власти вождей решениями и властью народного собрания, т.е. всех взрослых мужчин племени.

В числе институций царской власти Арриан упоминает сатрапов, т.е. поставленных царем управителей в какой-либо местности или племени. На втором месте названы «могущественные мужи скифской земли», т.е. военно-племенная аристократия. Вообще же сведения о сословиях у саков отсутствуют, и их существование возможно предположить лишь по аналогиям. Так, упоминание у массагетов пехоты, может быть, свидетельствует о безлошадных членах сакской общины. Свидетельства греческих авторов о скифах Причерноморья, выделяющих кроме племенной знати и рядовых общинников еще и сословие жрецов, вполне допустимо распространить на саков.

Непосредственными продолжателями сакских традиций были в первые века н.э. усунь в Семиречье и царство Канг (Кангюй) в присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Появление во II в. до н.э. на территории древней авестийской «Кангхи, высокой и священной» царства Канг, скорее всего, связано с переселением сюда части юэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделивших с усунями прежние земли закякартских и семиреченских саков. Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки в регионе связано с поистине эпохальным событием — Великим переселением с Востока.

Владимир Иванов

Страна сарматов и ее соседи

К востоку от Танаиса (Дона) — а это, по античной географической традиции, была уже Азия — в VI—IV вв. до н.э. обитали савроматы. Именно с этим народом отождествляли и отождествляют археологи — К.Ф.Смирнов, Д.А.Мачинский, Ю.М.Десятчиков и др. — курганы и курганные могильники Волго-Уральского региона указанного периода. Судя по географии этих памятников, северная граница савроматских кочевий в регионе проходила по бассейну р. Самары, верховьям Дёмы и немного заходила в «степной коридор» Бельско-Дёмского междуречья [Пшеничнюк, 1983, с.87; Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.39]. Восточная граница савроматской земли, как показывают результаты исследований А.Х.Пшеничнюка, проходила по предгорьям Южноуральского хребта и продолжающим его горам Мугоджарам. К востоку от них, в степях Южного Зауралья и современного Казахстана, кочевали племена, хотя и близкие по материальной культуре савроматам, но вместе с тем и отличающиеся от них по целому ряду этнокультурных признаков, прежде всего — по погребальному обряду и глиняной лепной посуде (т.е. именно по тем признакам, которые не являются ни предметом торгового импорта, ни военным трофеем). По мнению современных исследователей, эти племена своим происхождением связаны с сако-массагетским кочевым миром Южного Казахстана и Средней Азии.

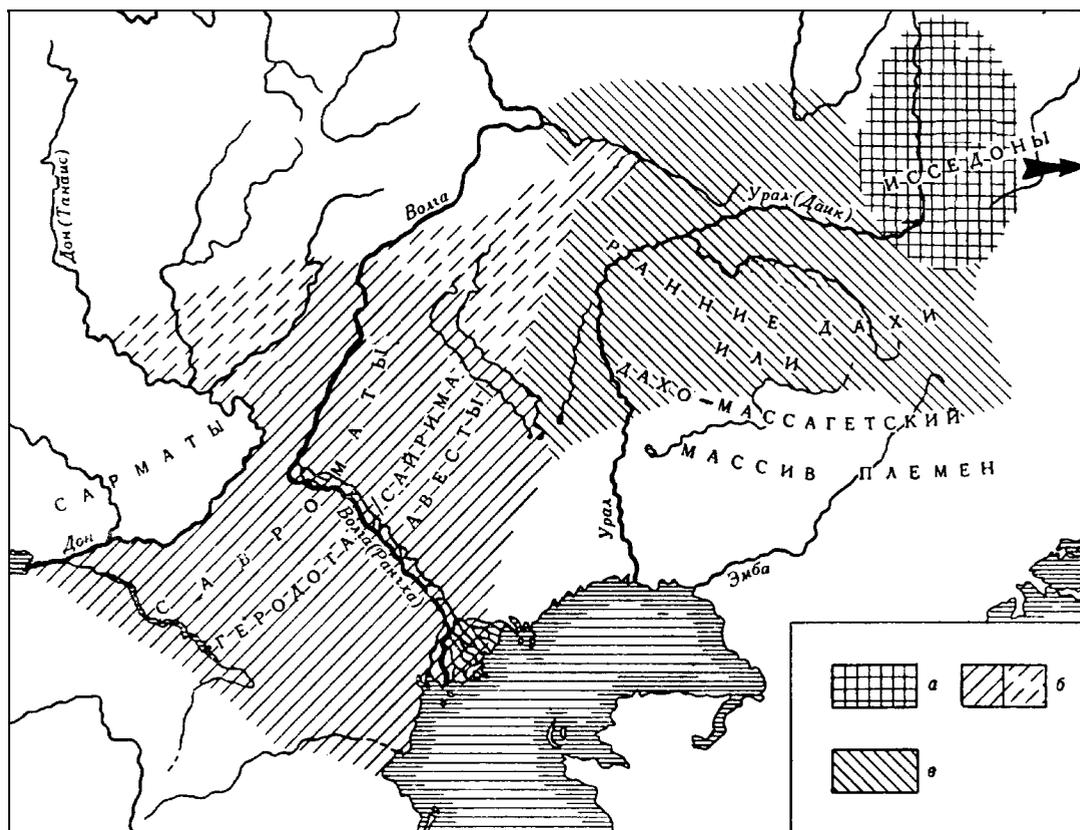
Этногенез волго-уральских савроматов до сих пор остается сложной и до конца не решенной проблемой в отечественной археологии. Классическая теория автохтонного происхождения носителей савроматской культуры на основе регионального срубно-андроновского компонента в свете последних археологических изысканий явно устарела. В Волго-Уральских степях отсутствуют памятники периода культурогенеза, которые могли бы датироваться VIII—VII вв. до н.э. Этот факт, по-видимому, сви-

детельствует и о слабой заселенности Волго-Уральской степи в указанное время.

Поэтому у большинства современных исследователей региона сложились представления о более южных территориях формирования савроматской культуры — в частности, в Приаралье [Железчиков, 1988, с.59] — откуда ее носители пришли в Волго-Уральский регион. Здесь ближайшими восточными соседями савроматов становятся кочевые племена массагетов, проникновение которых в степи Южного Зауралья относится к концу VI—V вв. до н.э. [Васильев, Савельев, 1993, с.4]. Причины этой миграции пока трудно объяснимы и исследователи предполагают, что вызвана она была военно-политическими событиями, связанными с походами персидских царей Кира II и Дария I в Среднюю Азию (соответственно, 530 и 519—512 гг. до н.э.).

Массагетов в степях Южного Зауралья было немного, поэтому они не могли оказать существенного влияния на процесс культурогенеза своих западных соседей — савроматов. Более того, еще в середине VI в. до н.э. в Приуральских степях фиксируются погребальные памятники, появление которых в регионе может быть связано с миграцией части «скифских» племен на восток [Гуцалов, 2000, с.15].

Ситуация коренным образом меняется в конце V в. до н.э., когда в степях Южного Приуралья складывается мощный этнополитический союз сарматов-«прохоровцев» (по курганному могильнику у с. Прохоровка в верховьях р. Дёмы, исследованному известным российским археологом М.И.Ростовцевым в 1915 г.). Происхождение носителей раннесарматской («прохоровской») культуры до сих пор остается предметом дискуссии среди археологов. Согласно традиционной точке зрения, «прохоровская» культура — результат этнокультурного взаимодействия одной из обособившихся групп волго-уральских савроматов с полукочевыми (древнеугорскими)

Варианты сарматской археологической культуры.
 а — восточноуральский; б — доно-волжский; в — самаро-уральский
 [Смирнов, 1984, с.10]

племенами лесостепных районов Западной Сибири — носителями *саргатской культуры* [Мошкова, 1974, с.48]. Сторонники другой точки зрения полагают, что решающую роль в сложении сарматов-«прохоровцев» сыграли кочевые племена дахов, переселившиеся в Приуралье из юго-восточного Прикаспия [Васильев, Савельев, 1993, с.5—7]. Наконец, в последние годы была высказана гипотеза, согласно которой носители раннесарматской («прохоровской») культуры в Южном Приуралье и Западном Казахстане — это как раз те самые упомянутые Геродотом «отделившиеся скифы» [Исмагилов, 1996, с.43].

Как бы то ни было, но в IV в. до н.э. сарматы-«прохоровцы» представляли собой мощный племенной союз, поддерживавший, судя по имеющимся археологическим материалам, тесные контакты с различными этническими группами Средней Азии,

юга Западной Сибири и Алтая. Внутри сарматского общества в это же время идет активный процесс имущественной и социальной дифференциации, наглядным свидетельством которого являются так называемые «царские курганы» IV—III вв. до н.э., известные в степях Южного Приуралья, по сложности своей конструкции и богатству погребального инвентаря аналогичные царским курганам Скифии или сакским курганам Восточного Казахстана. К ним, прежде всего, относятся Филипповские курганы, исследованные А.Х.Пшеничником в Оренбургской области в 1986—1987 гг.

Территория сарматских кочевий в Волго-Уральском регионе неуклонно расширялась к западу и югу и уже во второй половине — конце IV в. до н.э. основным районом расселения сарматских племен становятся северные районы Волго-Уральской степи в пределах современных Самарской, Орен-

Изображение хищника и копытных животных в савроматском искусстве Приуралья:

1 — хутор Крыловский, курган (1896 г.); 2 — с. Пьяновка, случайная находка; 3, 4 — урочище Биш-Оба, курган; 5, 6, 9, 13 — Пятимары I, курган 8, захоронения лошадей; 7 — курганная группа Мечет-Сай, курган 2, погребение 4; 8 — с. Абрамовка, курган Черная гора; 10 — пос. Исаковский, курган 15; 11 — озеро Кайранкуль Кустанайской обл. (раскопки С.И.Руденко, 1921 г.); 12, 15 — Пятимары I, курган 6, погребение 4; 14 — пос. Булычева на р. Уфимка, случайная находка 1913 г.; 16 — коллекция Н.Витзена; 17 — бывшая Тургайская обл., курган (1901 г.); 18 — Актюбинская обл., случайная находка; 19 — дер. Ванюши, курган. 1 — камень; 2, 5 — 7, 9, 10, 13, 14, 18, 19 — бронза; 3, 12, 15—17 — золото; 4, 8 — кость, рог; 11 — железо [Смирнов, 1964, с.371]

бургской областей, южных районов Башкортостана и Западного Казахстана.

Большинство современных исследователей причину этой миграции видят в ухуд-

шении экологических условий в Приуральской степи (длительная засуха), побудившем сарматов переселяться в более благополучные в природном отношении районы

Изображение хищника, фантастического зверя и копытных животных в савроматском искусстве Поволжья:

1 — с. Суслы (Герцог), курган 5; 2 — с. Золотушинское, развешанное погребение (1928 г.); 3 — с. Ковыловка, курган (1923 г.); 4 — с. Фриденберг (Мирное), группа 1, курган 5, погребение 1; 5 — с. Бережновка, группа II, курган 97, погребение 3; 6 — 11, 13, 14 — с. Блюменфельд (Цветочное), курган А 12; 12 — с. Калиновка, курган 8, погребение 35; 1, 2 — золото; остальное — кость [Смирнов, 1964, с.370]

Евразии. Дополнительным фактором сарматской миграции на запад могло явиться также и усиление военной активности западносибирских угров — ближайших соседей сарматов в Зауралье.

Долгое время именно с сарматами связывали историки упадок Великой Скифии в кон-

це IV—начале III вв. до н.э. [Смирнов, 1984, с.66—69; 118—123]. Однако исследования сарматских памятников в степях между Доном и Днепром показали, что западнее Дона сарматы появились не ранее II в. до н.э., т. е. почти через 100 лет после ухода скифов из Причерноморских и При-

Флакочик с изображением зверей.
Золото.

I в. н.э. Нижний Дон, г. Новочеркасск, курган
Хохлач. Случайная находка 1864 г.
Инв. № 2213/6. Государственный Эрмитаж

днепровских степей. Следовательно, в гибели Великой Скифии они играли отнюдь не определяющую роль. Хотя на военно-политической карте юга Восточной Европы рубежа III—II и II вв. до н.э. сарматы, судя по сообщениям античных авторов, выступали достаточно активно. Так, Полибий в своей «Истории» упоминает о мирном договоре понтийского царя Фарнака с соседними правителями, среди которых назван сарматский царь Гатал. Полиен рассказывает о сарматской царице Амаге, по догово-

ру с херсонеситами отражавшей скифский набег на Херсонес. В конце II в. сарматское племя роксоланов в союзе со скифами воевало против понтийского царя Митридата Евпатора, который позже привлекал сарматов для борьбы против римлян.

Сарматские племена Восточной Европы в рассматриваемое время не представляли собой однородного этнокультурного массива. Античные авторы (Страбон и др.), перечисляя соседствующие с Понтийским царством кочевые племена, кроме роксоланов, называют также аорсов, верхних аорсов, сираков, языгов. Во второй половине I в. н.э. среди этого конгломерата сарматских племен в степях Восточной Европы начинают фигурировать аланы, оставившие здесь памятники так называемой *среднесарматской культуры*. Аланы — кочевой народ, впервые зафиксированный китайскими авторами конца I тыс. до н.э. к югу от Аральского моря в составе государства Кангюй. К концу I в. н.э. аланы становятся ведущей военно-политической силой в степях Восточной Европы, занимая территории от Кавказа на востоке до низовьев Дуная на западе. От их опустошительных набегов страдали северные (придунайские) области Римской империи и Закавказье.

Степи Заволжья и Южного Приуралья представляли собой глубокую периферию аланских кочевий, что нашло свое отражение в незначительном количестве соответствующих курганов и курганных могильников среднесарматской культуры в этом регионе. Как и их предшественники — сарматы-«прохоровцы» — аланы, судя по географии среднесарматских памятников, четко локализовались в степной зоне региона, имея северной границей своих кочевий древнюю южную кромку Волго-Уральской лесостепи [Иванов, 1995]. Единственным районом, где сарматские памятники фиксируются далеко за пределами собственно степной зоны — это так называемый Бельско-Дёмский степной коридор, узкой полосой доходящий до современного г. Уфы. Именно в его пределах известны самые северные могильники раннесарматской («прохоровской») культуры — Старо-Кишкинские, Бишунгаровские, Чукраклинские, Ильтугановские, Лекандинские кур-

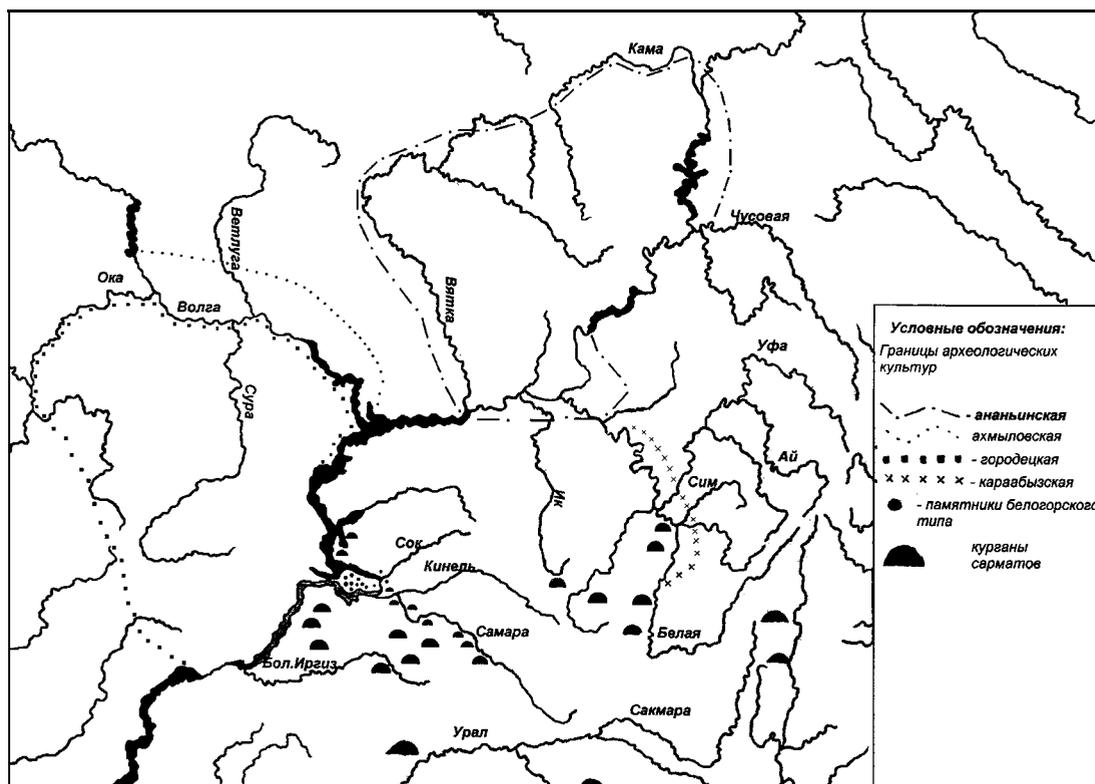

Рис.1. Культуры эпохи раннего железного века в Волго-Камье

ганы. Далее, по левобережью среднего течения р. Белой, начинался иной мир оседлых лесных племен — предков современных финно-угорских народов Волго-Уральского региона.

Наиболее крупными этнокультурными образованиями 1 тыс. до н.э. в Волго-Уральском регионе являлись *акхмыловская* (по левобережью Средней Волги), *ананьинская* (Среднее Прикамье), *пьяноборская* (*чегандинская*), *карабызская* (правобережье среднего течения р. Белой в Приуралье) археологические культуры (рис.1). Последовательно сменяя одна другую (акхмыловская и ананьинская культуры — первая половина 1 тыс. до н.э.; пьяноборская и карабызская — вторая половина 1 тыс. до н.э. — начало 1 тыс. н.э.), перечисленные культуры, генетически восходящие к восточнофинским племенам эпохи позднего бронзового века, наглядно демонстрируют стабильность этнокультурной ситуации на северо-востоке Восточной Европы в течение всей эпохи раннего железного века.

Носители акхмыловской культуры, названной так по Старшему Акхмыловскому могильнику на территории Горномарийского района Республики Марий Эл, исследованному А.Х.Халиковым и В.С.Патрушевым в 1960—1973 гг. — предки современных марийцев — в VIII—VI веках до н.э. плотно заселяли лесные берега Средней Волги от устья р. Ветлуги до устья р. Камы. На приволжских кручах «акхмыловцы» оставили многочисленные могильники (Старший Акхмыловский, Акозинский, Козьмодемьянский и др.) и укрепленные поселения-городища, защищенные валами и рвами (Копаньское, Ардинское, Васильсурское, Богородское и др.). Основным их занятием были придомное скотоводство и охота, главным образом, на пушного зверя. Знали «акхмыловцы» ткацкое, меднолитейное и железоделательное производства.

Этнографическими признаками акхмыловской культуры (по В.С.Патрушеву) являются круглодонные лепные сосуды чашевидной формы с примесью толченой рако-

Рис.2. Реконструкция мужского и женского костюмов ахмыловской культуры (по А.Х.Халикову)

вины в тесте, украшенные по горловине и плечикам горизонтальными рядами круглых ямок и оттисками зубчатого штампа в виде парного горизонтального зигзага или «елочки», бронзовые топоры-кельты так называемого «ахмыловского типа» и присутствие на могильниках захоронений в «домах мертвых». Последние представляли собой бревенчатые или плетневые сооружения размером 1,5х2 м, возведенные над неглубокой могильной ямой [Патрушев, 1992, с.100—102]. Хотя в целом погребальный обряд «ахмыловцев» вполне традиционен для Волго-Уральского региона: захоронения в неглубоких прямоугольных могилах, в позе вытянуто на спине и ориентировкой ногами в сторону ближайшей (видимой) водной поверхности. Погребенного сопровождают вещи — украшения, оружие — которыми он пользовался при жизни.

Обращают на себя внимание многочисленные находки в ахмыловских погребальных комплексах вещей кавказского и скифского производства: железных кинжалов «киммерийского типа», бронзовых секир, мечей-акинаков, бронзовых поясных накладок, деталей и украшений конской сбруи и др. (рис.2). С учетом специфики хозяйства ахмыловских племен все эти находки можно рассматривать как результат торгового обмена с племенами Скифии

и Кавказа. Правда, ряд исследователей появление всех этих вещей на Средней Волге связывают с переселением сюда на рубеже VII—VI вв. до н.э. части «отложившихся скифов» и примкнувших к ним носителей закавказских культурных традиций [Погребова, Раевский, 1992, с.207—221]. Впрочем, анализируя характер использования «ахмыловцами» импортных вещей (в первую очередь — деталей закавказских (кобанских) наборных поясов, которыми украшались женские головные уборы), сами же исследователи приходят к заключению о том, что «миграция из Закавказья не имела здесь долговременных культурных последствий и довольно быстро скифо-кавказские черты были полностью поглощены автохтонным элементом».

В VI в. до н.э. ахмыловская культура прекратила свое существование. Причины этого явления не до конца ясны, и А.Х.Халиков в свое время выступил по этому поводу с двумя хотя и не бесспорными, но яркими и увлекательными гипотезами. Первоначально ученый связывал исчезновение ахмыловской культуры с событиями скифо-персидской войны 512 г. до н.э., когда отступавшие перед армией Дария I скифы дошли «до земли фиссагетов» (под этим именем многие исследователи подразумевали и подразумевают носителей ахмыловской культуры) и заставили их переселиться на новые места [Халиков, 1977]. Однако в последние годы своей жизни А.Х.Халиков выдвинул новую гипотезу, согласно которой уход «ахмыловцев» из районов Среднего Поволжья был вызван локальным землетрясением, следы которого в виде тектонических трещин выявлены исследователем на поволжских поселениях эпохи раннего железного века [Халиков, 1992].

Как бы то ни было, но именно к середине I тыс. до н.э. со Средней Волги исчезают памятники ахмыловской культуры, зато на правом берегу среднего течения р. Белой появляются поселения, содержащие глиняную посуду, типологически весьма близкую ахмыловской. Из сказанного мы можем заключить, что какая-то часть родственных «ахмыловцам» племен, оставив свои исконные территории на Волге и Ниж-

ней Каме, переселилась на восток, в Приуралье.

Переселенцам не удалось остановиться и закрепиться в низовьях р. Белой с их богатыми поймами и лесами, поскольку в это время сюда уже докатилась волна северных мигрантов — носителей прикамской ананьинской культуры.

По мнению большинства современных исследователей, «прикамские ананьинцы» как этнокультурное явление сложились в лесах Верхнего и Среднего Прикамья на базе местных племен эпохи позднего бронзового века. Т.е. они продолжали непрерывную линию развития финно-пермского населения региона [Голдина, 1999, с.190]. В первой половине — середине 1 тыс. до н.э. они активно расширяют территорию своего обитания, продвигаясь вниз по Каме, к южной границе прикамско-приуральских лесов. Здесь их пути пересеклись с волжскими финнами — носителями ахмыловской культуры. Очевидно, под натиском «ананьинцев» волжские финны уходят вверх по течению р. Белой на восток, в предгорья Южного Урала, где обитали тогда немногочисленные и разрозненные группы носителей *курмантаусской культуры*, сложившейся в Приуралье еще в эпоху позднего бронзового века.

Низовья реки Белой становятся частью ананьинской ойкумены, юго-восточные границы которой в середине 1 тыс. до н.э. доходили до современного города Бирска, о чем свидетельствует материал нижних слоев Биктимировского городища в Бирском районе Башкортостана. Здесь, на господствующих над речной поймой мысах, «ананьинцы» сооружали небольшие по площади, но хорошо защищенные 1—3 линиями валов и рвов городища. Причем, поскольку район этот был все-таки «пограничным» (с юга на территорию Бугульминской возвышенности заходили сарматы, с юго-востока по среднему течению р. Белой расселялись потомки пришедших с Волги «ахмыловцев»), ананьинские городища Нижней Волги располагались не хаотично, а по продуманной системе. Прежде всего цепь городищ перекрывала подход к бельской пойме на участке левого берега реки между устьями ее левых притоков — Сюнь и База,

т.е. там, где с высоких отрогов Бугульминско-Белебеевской возвышенности открывается великолепный обзор и доступ в Камско-Бельско-Икскую пойму. На правом фланге этой системы в устье р. Сюнь возвышалась цитадель городища Петер-Тау (Юлдашевского), на левом — укрепленное тройной линией валов городище Трикол на окраине д. Трикол (Гремячий Ключ) Илишевского района. Между ними примерно на равном удалении друг от друга расположены городища Аначевское, Андреевское, Уяндыкское, Новомедведевское. В этом месте р. Белая образует довольно крутую излучину, поэтому вся система укреплений хорошо просматривается на расстоянии 18—20 км. Сигнал тревоги, поданный дымом костра с любого из городищ, тут же был виден не только по всей системе, но и на других ананьинских городищах по правому берегу р. Белой: Какры-Куль возле д. Старая Мушта в Краснокамском районе, Кыз-Калатау, Новокабановском, Тра-Тау, а далее по цепочке до центра ананьинской территории напротив Бельского устья.

Центром этот район мы считаем потому, что именно здесь, по правому берегу Камы, между устьями Белой и Вятки, расположено большинство ананьинских городищ и два самых крупных из известных сейчас на Каме ананьинских могильника: собственно Ананьинский (давший название всей рассматриваемой археологической культуре), исследованный в 1858 г. чиновником П.Алабиным (ставшим впоследствии городским головой г. Самары) и елабужским краеведом-любителем И.В.Шишкиным, отцом великого художника-пейзажиста, и Зуевский в Удмуртии, исследованный русским археологом А.А.Спицыным. На территории Башкортостана известен один небольшой ананьинский могильник — у д. Таш-Елга в Янаульском районе, на правом берегу р. Буй.

Своих умерших сородичей «ананьинцы» хоронили в неглубоких прямоугольных могилах, расположенных рядами вдоль берега реки, ориентируя их ногами к реке. Вещи, которыми сопровождали покойного, соответствуют его полу и занятиям: у мужчин это оружие (бронзовые или железные наконечники копий, кинжалы, наконечники

стрел, топоры-кельты), ножи, каменные точила-оселки, характерное мужское украшение — бронзовая шейная гривна; у женщин — немногочисленные бронзовые украшения (браслеты, перстни, круглые нашивные бляшки), серьги-подвески, глиняные напрасла, иногда орнаментированные солярыными символами.

На ананьинских городищах основную массу находок составляют фрагменты глиняных сосудов, представлявших собой широкогорлые открытые чаши большого диаметра с округлым дном. По горловине чаши идет орнамент в виде пояска круглых ямок и оттисков крученого шнура в виде 3—9 горизонтальных полосок. Кроме того, встречаются отдельные предметы, свидетельствующие о хозяйственной деятельности «ананьинцев»: куски медного и железного шлака, глиняные чаши для плавки металла — тигли, обломки каменных и глиняных литейных форм, костяные гарпуны, бронзовые рыболовные крючья, глиняные пряслица. Анализ костей животных позволяет судить о том, что «ананьинцы» занимались скотоводством и разводили лошадей, крупный рогатый скот и свиней, а также — охотой, в которой преобладал промысел пушной дичи (бобра, куницы, медведя, лисы), лося и северного оленя, который в 1 тыс. до н.э. водился в прикамских лесах.

Очевидно, не чуждо было «ананьинцам» и занятие пойменным или подсечным земледелием, о чем свидетельствует находка на Новокабановском городище глиняного сосуда с обуглившимися зернами ржи.

В то время пока «ананьинцы» осваивали благодатные поймы Нижней Белой, ушедшие в бассейн среднего течения Белой потомки средневожских финнов — «ахмыловцев» переживали сложный процесс адаптации к новым географическим и этнополитическим условиям. Заселяя левобережье Средней Белой, эти племена на первых порах устойчиво охраняли традиционные черты своей культуры, принесенной со Средней Волги и низовьев Камы, поэтому и здесь, на территории современного Башкортостана, для середины 1 тыс. до н.э. мы находим поселения, содержащие глиняную посуду, типологически очень близкую ахмыловской: круглодонные горшки,

чаши и миски, украшенные поясками круглых ямок, насечками и разнообразными оттисками крупнозубчатого штампа (поселения Новобиктовское в Дюртюлинском районе современного Башкортостана, Воронки и Черниковское на территории г. Уфы, Курмантауское, Михайловское, Касьяновское городища в Гафурийском районе Башкортостана), и небольшие могильники с близким ахмыловскому погребальным обрядом (возле железнодорожного моста через Белую в г. Уфе, Старший Шиповский на территории Иглинского района). Но уже в IV в. до н.э. освоившиеся на «новой родине» переселенцы устанавливают традиционные для них тесные культурные связи с кочевавшими в это же время в Приуралье сарматами и связанными с ними зауральскими (угорскими?) племенами. В результате этих контактов на левобережье Средней Белой складывается совершенно оригинальная и вместе с тем синкретичная по своему облику и характеру культура, в археологической науке получившая название *карабызской*.

Названа она так была археологом А.В.Шмидтом, в 1928 г. проводившим раскопки городища на берегу оз. Кара-Абыз под г. Благовещенском. К этому времени на Каме и в низовьях р. Белой уже была известна ананьинская и генетически с ней связанная пьяноборская археологические культуры, а в степях Южного Приуралья — савромато-сарматская. Но находки, собранные А.В.Шмидтом на городище Кара-Абыз, не были похожи ни на сарматские, ни на ананьинские. Зато, как заметил исследователь, они (прежде всего — глиняная посуда) очень напоминали материал Уфимского (Чертова) городища и могильника, исследованных в 1911—1913 гг. профессором В.В.Гольмстеном на окраине г. Уфы. Чтобы отделить эти памятники от уже известных, А.В.Шмидт и объединил их под названием «карабызской» (или «уфимской») культуры.

Дальнейшие исследования карабызской культуры связаны с именем уфимского археолога А.Х.Пшеничнюка, на протяжении многих лет изучавшего памятники этой культуры и выделившего ее основные

Браслет спиральный — на концах фриз из фигур «носатых» волков. Золото, бирюза, кораллы.
I в. н.э. Нижний Дон, г.Новочеркасск, курган Хохлач. Случайная находка 1864 г.
Инв. № 2213/3. Государственный Эрмитаж

этнокультурные и хозяйственно-культурные признаки [Пшеничнюк, 1973].

Как показывают результаты исследований ученого, в конце I тыс. до н.э. носители карабызской культуры тремя компактными, но мощными группами жили по левому берегу р. Белой, в ее среднем течении, занимая территории в устьях рек Сим (городища и могильники у сел Охлебнино и Шипово), Уфы (городища и могильники на территории современной Уфы) и в окрестностях современного г. Бирска (Биктимировские городища и могильники). Это были территории крупных племен, центрами которых являлись огромные по размерам городища (от 50 тыс. м² — Биктимировское до 200 тыс. м² — Охлебнинское), расположенные на высоких береговых трассах, откуда открывается прекрасный обзор окрестностей и в первую очередь низменного левобе-

режья р. Белой. Городища укреплены мощными валами, современная высота которых достигает 4—6 м. Культурный слой этих памятников насыщен находками, свидетельствующими о разнообразной хозяйственной деятельности их обитателей: охоте, рыболовстве, прядении и ткачестве, металлургии, обработке кожи и т.д.

Но наиболее яркие находки, раскрывающие все многообразие и сложность культуры карабызских племен, дают расположенные рядом с городищами могильники-некрополи, насчитывающие по несколько тысяч захоронений. В наборах и типах сопровождающих погребенных вещей отчетливо прослеживаются две этнокультурные традиции, органично сочетающиеся в карабызской культуре: восточнофинская, выразившаяся в обилии металлических украшений на женском костюме (височные подвески-серьги, перстни, пояса, украшен-

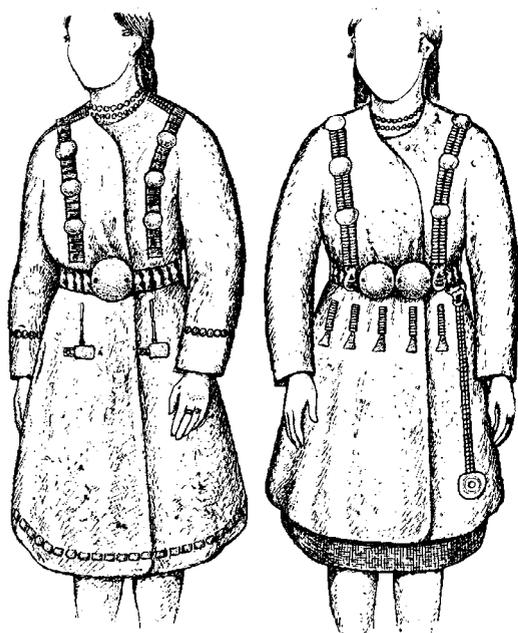

Рис.3. Реконструкция женского костюма карабuzской культуры (по А.Х.Пшеничнюку)

ные бляшками-накладками, подвески, своеобразные нагрудные украшения-«портупей», состоящие из металлических бляшек и обоймиц (рис.3) и устойчивом наборе вооружения в мужских могилах (железное копье, нож-кинжал, набор бронзовых, железных или костяных наконечников стрел); и сарматская, проявившаяся прежде всего в типах используемых «карабuzцами» вещей. В мужских карабuzских погребениях мы находим многочисленные бронзовые наконечники стрел сарматских типов, железные мечи-акинаки и кинжалы, принадлежности конской сбруи, в женских — поясные и нагрудные бляхи, изготовленные из сарматских бронзовых зеркал, ожерелья из бус кавказского и причерноморского производства, фигурные бляхи-нашивки, выполненные в «зверином стиле» и изображающие фигуры животных, на Южном Урале неизвестных: льва, горных козлов-архаров, благородных оленей с ветвистыми рогами. В карабuzских погребениях и на городищах нередки и находки типично сарматских глиняных сосудов в виде шаровидных горшков с утолщенной горловиной, ук-

рашенных орнаментом, состоящим из треугольников, «елочек», каннелюр.

Но особенно наглядно характер взаимоотношений «карабuzцев» с сарматами прослеживается по материалам мужских воинских захоронений, поскольку именно оружие во все века являлось наиболее динамичной категорией материальной культуры, по которой хорошо прослеживается и уровень развития данного общества, и способность его адекватно реагировать на окружающую этнополитическую среду.

Карабuzское воинское ополчение было явно ориентировано на противостояние конному противнику, т.к. более чем треть мужских погребений «карабuzцев» содержит устойчивый набор оружия, состоящий из лука и стрел, копья и принадлежности узды. Узда в данном случае символизирует коня, указывая на то, что в земной жизни этот мужчина был воином-всадником. А таким наиболее реальным конным противником были приуральские сарматы, чьи кочевья начинались тут же, за Белой [Иванов, 1984, с.73].

Другим широко распространенным у «карабuzцев» оружием были длинные боевые ножи, которые носили на поясе в ножнах, украшенных бронзовыми наконечниками. Эти ножи являлись своеобразным подражанием коротким сарматским мечам-акинакам.

Возвратное движение «карабuzцев» вниз по Белой в IV—III вв. до н.э., вероятно, сыграло роль своеобразной этнокультурной инъекции в затухающую ананьинскую общность Прикамья, в результате которой в низовьях Белой и на Каме формируется новая археологическая культура — пьяноборская (по разрушенному могильнику у с. Пьяный (ныне Красный) Бор на Каме, на территории Татарстана, где в 1880 г. были найдены первые вещи, характерные для этой культуры).

Территория, занятая носителями пьяноборской культуры, простиралась от левобережья Камы против Бельского устья на западе до современного пос. Дюртюли, на окраине которого находится городище пьяноборской культуры, — на востоке; и от верховьев р. Быстрый Танып на севере до среднего течения р. Ик на юге. Это было боль-

шое племенное объединение, центр которого находился, вероятно, в районе устья р. Белой, где сейчас известны многочисленные городища и могильники пьяноборской культуры: у с. Чеганда в Удмуртии, Юлдашево, Трикол, Уяндык Новосасыкулево на северо-западе современного Башкортостана, и множество других подобных же памятников.

Между поздними ананьинскими и ранними пьяноборскими памятниками прослеживается и определенная преемственность, свидетельствующая об этногенетическом родстве носителей этих культур. Прежде всего, почти все пьяноборские городища низовьев Белой и на Каме расположены на местах предшествующих ананьинских поселений. Много общего находим мы и в хозяйственно-культурном типе ананьинских и пьяноборских племен, где по-прежнему ведущими отраслями остаются пастушеское скотоводство и охота с явно промысловым уклоном. Традиционной остается конструкция жилищ: прямоугольные бревенчатые постройки с углубленным на 50—60 см в землю полом; обогревались и освещались такие дома открытыми очагами-козрищами, расположенными по центральной оси жилища. Такие жилища — большие бревенчатые дома со слабо углубленным в землю полом — были характерны как для «ахмыловцев» (Малахайское городище), так и для «ананьинцев» (Аргыжское городище) [Патрушев, 1992, с.57; Черных, 1995]. Следы подобной постройки зафиксированы и на Охлебнинском городище карабызской культуры [Пшеничнюк, 1973, с.194]. От своих предшественников и предков их перенимают «пьяноборцы» (лишнее свидетельство непрерывности этнокультурного развития прикамско-приуральского населения).

Правда, в отличие от своих предшественников, «пьяноборцы» устраивали свои родовые могильники рядом с городищами, на соседнем высоком мысу или сразу же за оборонительным валом. На каждом таком могильнике были специальные семейные участки, отделенные друг от друга свободным пространством. Хоронили покойных в неглубоких прямоугольных могилах и ориентировали их тоже в сторону реки.

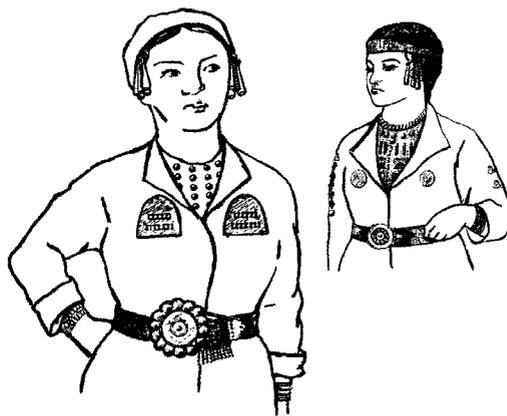

Рис.4. Реконструкция женского костюма пьяноборской культуры (по В.Ф.Генингу)

Убранство пьяноборского женского костюма (рис.4) заметно отличалось как от ананьинского, так и от карабызского. Правда, там тоже было много металла, что, по-видимому, является продолжением волжско-финской традиции, но все многочисленные бронзовые бляшки-нашивки, накладки, подвески и перстни имеют совершенно неповторимый облик. Прежде всего, у «пьяноборцев» совершенно отсутствуют изделия с выраженными изображениями животных, но зато абсолютно преобладают прорезные ажурные нашивки, украшенные сквозными геометрическими узорами: завитушками, треугольничками, спиралями и т.п. Часто встречаются крупные прямоугольные нагрудные бляхи с орнаментом в виде цветков, полусферических выпуклин, «псевдошнура». Но особую неповторимость пьяноборским погребальным комплексам придают находки оригинальных бронзовых поясных застёжек в виде больших «эполетов», состоящих из трапециевидной пластины-крючка и круглой или овальной бляхи, соединенных тремя и более бронзовыми жгутами. Очень много в пьяноборских могильниках встречается южных импортных украшений: стеклянных и фаянсовых бус в виде фигурок львов, жуков-скарабеев, виноградных гроздей, амфор, мужских гениталий и бронзовых древнеримских застёжек-фибул с латинскими надписями. Особенно богат такими находками пьяноборский могильник у с. Новоси-

сыкулево, исследованный археологами С.М.Васюткиным и В.К.Калининым. Эти и подобные им находки, имеющие хорошо датированные аналогии в крымских и кавказских могильниках римского времени, наглядно свидетельствуют о том, что пьяноборская и карабызская культуры, возникнув в I тыс. до н.э., благополучно «переваливают» через рубеж тысячелетий и доживают в лесном и лесостепном Приуралье почти до следующей исторической эпохи, известной в истории как «эпоха Великого переселения народов». Завершающим процессом финно-пермской этнокультурной доминанты в Волго-Камье и Приуралье, приходящимся на период III—V вв., явилась трансформация пьяноборской этнической общности в два родственные образования: *азелинскую (худяковскую) культуру* — в Волго-Вятском бассейне и *мазунинскую культуру* — в Нижнем Прикамье и Приуралье.

Таким образом, известные археологические культуры эпохи раннего железного века показывают, что в I тыс. до н.э. Волго-Уральский регион в его лесной и лесостепной части представлял собой центр финно-пермской ойкумены, южная граница которой в течение указанного периода стабильно проходила по Средней Волге, Каме в ее нижнем течении, правобережью среднего и нижнего течения р. Белой. В современном Башкирском Приуралье финно-пермские племена соседствовали с ранними кочевниками Урало-Поволжья, по степному коридору между реками Белая и Дёма доходившими до широты современного г. Уфы, а к западу, вплоть до Волги, простиралась обширная лесостепь, в рассматриваемую эпоху представлявшая собой своеобразную «буферную зону» между финно-пермским (оседлым) и индо-иранским (савромато-сарматским) этнокультурными мирами.

Далее наш взор упирается в крутые отроги Самарской Луки, на мысах которой мы видим городища так называемого «белогорского типа», культуру которых самарский археолог Г.И.Матвеева трактует как южный вариант ананьинской культуры [Матвеева, 2000, с.84—86]. Характерным признаком культуры белогорских городищ, названной так по городищу Белая Гора на Самарской

Луке, открытому и исследованному В.В.Гольмстен в 1922—1923 гг., являются лепные круглодонные сосуды с цилиндрической или отогнутой наружу шейкой, резко переходящей в реповидное или сферическое тулово. Орнамент белогорских сосудов представляет собой треугольные вдавления, в 2—3 горизонтальных ряда, расположенные по шейке сосуда.

Всего на Самарской Луке известны 10 городищ, в культурном слое которых содержится белогорская керамика (Белая Гора, Лысая Гора, Манчиха, Задельная Гора, Каменная Коза, Царев Курган и др.), расположенные строго по левому берегу р. Волга. За пределами указанной территории памятники белогорского типа не известны. Так же, как пока не известны и могильники белогорского типа.

Генезис, этнокультурная принадлежность и исторические судьбы населения, оставившего памятники белогорского типа, до сих пор остаются загадкой для исследователей. Г.И.Матвеева, по материалам изучения сосуда из раннеананьинского Гулькинского могильника, исследованного на левом берегу р. Утка в современной Ульяновской области, украшенного треугольными вдавлениями по шейке, считает возможным «включить поселения с белогорской керамикой в круг памятников ананьинской культуры в качестве ее южного варианта» [Матвеева, 2000, с.85 и сл.]. Насколько это предположение верно, сейчас сказать трудно, поскольку материалы белогорского типа крайне ограничены. Но если это так, то ареал восточнофинских (ахмыловских) племен в первой половине I тыс. до н.э. должен быть расширен далеко на юг от основной территории их расселения. Т.е., может быть и так, что одна из групп «ахмыловцев», оставивших левобережье Средней Волги, продвинулась вниз по Волге и остановилась на Самарской Луке.

Время существования памятников белогорского типа на Самарской Луке Г.И.Матвеева связывает со временем существования ананьинской (ахмыловской) культуры в Среднем Поволжье. Как предполагает исследователь, «белогорцы», подчиняясь общему движению волжско-финских племен на восток, на рубеже VI—V вв. до н.э.

ушли в Прикамье, «где позднее приняли участие в формировании *пьяноборской культуры*» [Матвеева, 2000, с.86]. Вслед за ними в лесостепное Поволжье с запада продвинулись племена городецкой культуры, сложившейся в начале I тыс. до н.э. в бассейне р. Оки и получившей свое название по городищу у с. Городец в Рязанской губернии, изученному в 1898 г. В.А.Городцовым. Ареал городецкой культуры, как об этом можно судить по результатам многолетних исследований отечественных археологов, охватывал значительную часть Поволжской лесостепи от р. Оки на западе и до Самарской Луки и современного г. Хвалынска на востоке. Представлена городецкая культура в основном небольшими по площади городищами, укрепленными земляными валами. Жилища — прямоугольные землянки с очагами в центре, но на двух городищах — Палецком и Чардымском — исследованы следы округлых наземных жилищ типа юрт или балаганов. На многих городищах найдены каменные площадки-жертвенники прямоугольной или круглой формы (Каменная Коза, Лбище, Городецкое, Алексеевское и др.).

Основную массу находок на поселениях городецкой культуры составляют фрагменты характерных сосудов — горшков и банок, украшенных отпечатками рогожного штампа или сетки.

И хотя могильники городецкой культуры пока еще не выявлены, по имеющимся материалам можно судить о том, что по своим морфологическим признакам она заметно отличается от синхронных культур Волго-Камья — пьяноборской и карабызской. Соответственно, есть основания предполагать, что и этнокультурная принадлежность носителей указанных культур не была идентичной. Вместе с тем большинство современных исследователей рассматривают городецкую культуру как этногенетическую основу древней мордвы, а саму культуру относят к поволжским финно-уграм [Ледяйкин, 1975]. Однако, учитывая очевидные отличия городецких материалов от материалов прикамско-приуральских культур эпохи раннего железного века, в которых угорский этнокультурный субстрат более предположителен и вероятен, думается, что бо-

лее правильным будет отнесение городецкой культуры к этнокультурному ареалу восточнофинских культур Восточной Европы.

Городецкая культура, несмотря на более чем 100-летнюю историю ее изучения, до сих пор остается одним из самых загадочных этнокультурных явлений в древней истории племен Восточной Европы. Если судить по ареалу распространения городецких памятников (городищ), во второй половине I тыс. до н.э. племена этой культуры занимали большую часть Приволжской лесостепи в Волго-Окском междуречье. Однако практически везде материальная культура этих племен представлена в сложившемся виде, так что проследить этапы и динамику ее становления и развития не представляется возможным. А самое главное — не хватает материалов, позволяющих проследить начальные этапы становления городецких племен. Не поддается пока определению и степень этнокультурных связей городецких племен с ближайшими соседями по региону — носителями ахмыловской, ананьинской и пьяноборской (чегандинской) культур. Поэтому на данной стадии развития наших знаний об этнокультурной истории Евразии в эпоху раннего железного века мы можем только констатировать, что на протяжении I тыс. до н.э. европейский восток и северо-восток в их лесной и лесостепной зонах в этническом отношении представляли собой этнокультурный ареал (ЭКА) восточнофинских и финно-пермских культур. Понятие ЭКА, введенное в научный оборот Д.Г.Савиновым, подразумевает территорию, «на которой сложилась определенная этнокультурная общность. В типологии историко-этнографических областей, принятой в этнографии, ему более всего соответствует понятие «социокультурного региона», образующегося в «результате синтеза историко-этнографических (традиционно-культурных) и социально-экономических общностей». С точки зрения археологии, ЭКА представляет собой атрибут археологической культуры, точнее, ее пространственно-культурное выражение на определенном хронологическом срезе. **Границы ЭКА очерчиваются по крайним точкам распространения памятников**

данной археологической культуры (выделено мною. — *В.И.*). Название ЭКА, если только это возможно, дается по известному из письменных источников этнониму, локализованному в это же время на той же территории... В пределах каждого ЭКА возможно как сплошное, так и дисперсное расселение носителей данного этнонима (политонима), **узкая этническая принадлежность которых (по языку, происхождению и т.д.) может быть различной** (выделено мною. — *В.И.*). В силу последнего обстоятельства на одной территории в одно и то же время могут быть представлены археологические памятники, различающиеся по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традиционным культурным элементам» [Савинов, 1984, с.48].

Т.е. в эпоху раннего железного века северо-восток Восточной Европы в ее лесной и лесостепной ландшафтных зонах представлял собой ЭКА восточнофинских и финно-пермских культур. На юге племена, составлявшие данный ЭКА, граничили с поздними сарматами (ЭКА индо-иранских племен), на западе — с древними славянами и балтами. Восточной границей рассматриваемого ЭКА являлся Уральский хребет, за которым лежала территория ЭКА угорских культур Западной Сибири. В I тыс. до н.э. этнокультурные связи между восточно-финским, финно-пермским и угорским населением Евразии носили, очевидно, спонтанный характер и практически не представлены в археологическом материале. Финно-пермская этнокультурная доминанта в Волго-Уральском регионе

сохранялась почти до середины I тыс. н.э., после чего этническая карта региона претерпевает существенные изменения.

Нужно сказать, что вообще первая треть I тыс. н.э. была временем относительной стабилизации этнической карты степной и лесостепной полосы Восточной Европы. В Восточноевропейских степях по-прежнему господствовали аланы (памятники позднесарматской культуры II—IV вв. большинство исследователей традиционно связывают с очередной аланской миграционной волной из Средней Азии), чьи военно-политические интересы в это время были направлены в сторону северо-восточных провинций Римской империи, Боспора и Закавказья. Поэтому их контакты с обитателями лесостепной Евразии по археологическому материалу практически не прослеживаются. Даже в середине III в., когда под давлением вторгнувшихся в Северное Причерноморье готов большая часть сармато-аланов была вынуждена отступить в Заволжские степи [Скрипкин, 1984, с.115], ситуация практически не изменилась. Правда, в связи с тем, что большинство северопричерноморских торговых и ремесленных центров в результате готского нашествия пришли в упадок, а прежние торговые связи были нарушены, отдельные группы сармато-аланов продвигаются ближе к границам финно-угорской ойкумены и вступают с ними в торговый обмен, но не более того. Коренные изменения в этнокультурной карте Восточной Европы начинаются в 70-е годы IV в., когда на аланские земли с востока обрушивается новая кочевая волна — гунны.

Часть II

**Тюркские народы
и государственные образования
Евразии**

ГЛАВА 1

Гунны на Востоке и на Западе

Сергей Кляшторный

Гунны на Востоке

В течение 1 тыс. до н.э.— первой половины 1 тыс. н.э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор между Нижним Поволжьем и Алтаем были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых «алтайских» племен из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии.

Олений камень в монгольской степи.
Фото С.Г.Кляшторного

Алтайскими эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории Южной Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии, Маньчжурии и на пространстве, занимаемом ныне провинциями Северного Китая. Во 2—1 тыс. до н.э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине 1 тыс. до н.э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н.э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Такова была, в самых общих чертах, этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования первой кочевнической империи в Центральной Азии, которая была создана племенным союзом хунну (*гуннов*), оттеснившим юэчжей и многочисленные сакские племена в Среднюю Азию.

Изображения хуннов в китайском искусстве [Артамонов, 1962, с.43]

Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках; следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав Гуннской империи, не были однородны.

Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано; уже у приуральских саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. Именно «алтайские» племена были носителями монголоидного физического типа. Среднеазиатские и казахстанские степи в 1 тыс. н.э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н.э. движения на запад гуннских племен в степной зоне Средней Азии начинают складываться крупные тюркоязычные общности.

В IV—V вв. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются так называемые *огурские* племена, самым крупным из которых были *болгары*. Они говорили на одном из архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразившим язык волжских и дунайских болгар (до славянизации последних), установлено, что болгарское наречие было предшественником современного чувашского языка; его элементы сохранены также у татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей.

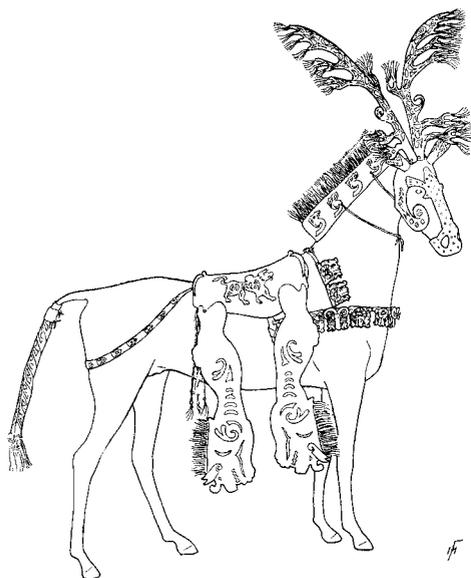
Все эти этнолингвистические процессы связаны с изменениями, которые на протяжении многих столетий происходили в глубинах Центральной Азии и на Дальнем Востоке, с изменениями, которые породили мощные миграционные потоки, сотрясавшие цивилизации Средней и Передней Азии, а затем Европы на протяжении более тысячелетия. Именно на востоке Великой Степи родилась кочевая государственность того типа, который был свойственен протогосударственным и государственным образованиям кочевников Средней Азии и Казахстана. Все это побуждает обратиться к процессам, происходившим в конце 2 тыс. до н.э.—начале 1 тыс. н.э. в центре Азии.

Ранние кочевники Центральной Азии

В середине 2 — начале 1 тыс. до н.э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона — собственно китайский, в среднем и нижнем течении Хуанхэ, и центральноазиатский, охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ до Тувы и Забайкалья. На большей части этой территории основой хозяйственной деятельности было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. В начале 1 тыс. до н.э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевую культуру скифского типа. Они освоили ме-

Конская маска. Алтай. 1-й Пазырыкский курган. Раскопки М.П.Грязнова. 1929 г.

Конь в уборе (реконструкция)
[Грязнов, 1950, с.38]

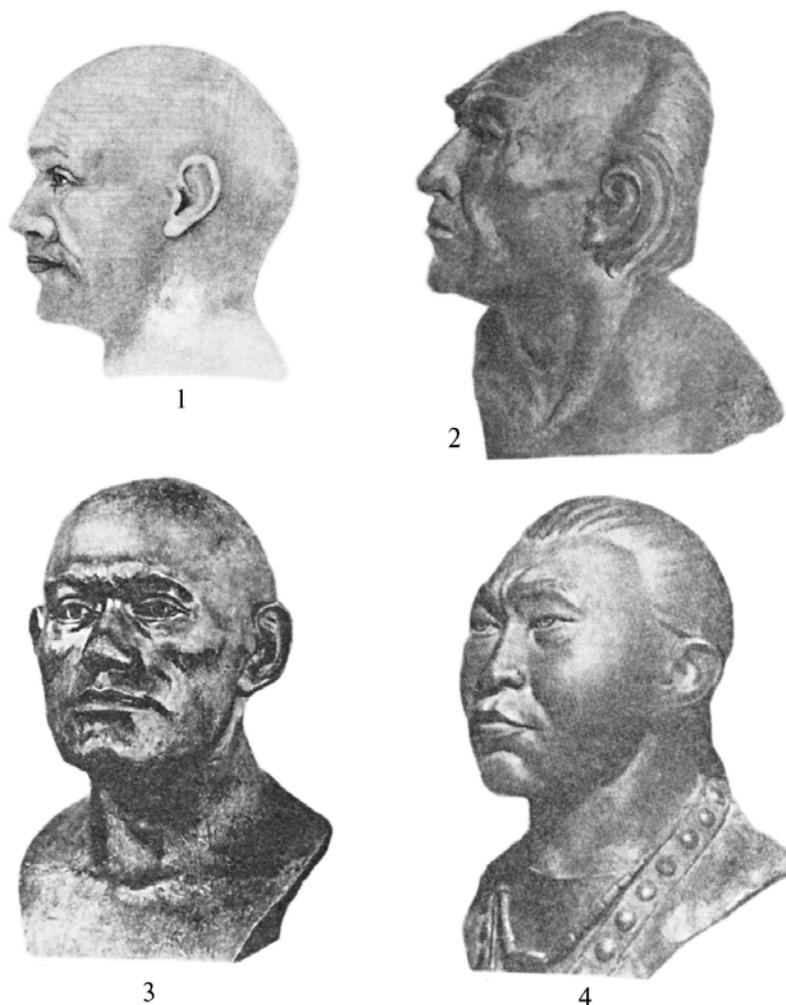
таллургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками.

Облик скифской культуры Центральной Азии, восстановленный археологами, немного дополняется письменными источниками, созданными в древнем Китае. В иньских гадательных надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных (XIV—XI вв. до н.э.) северо-восточные соседи протокитайских племен обычно именуется *цянами* или, позднее, уже в исторических трактатах, *жунами*. Они названы в надписях «лошадиными цянами» и «во множестве разводящими лошадей цянами». Северные соседи китайских государств VIII—VII вв. до н.э., именовавшиеся *ди*, также относились к кругу скифских племен, что археологически засвидетельствовано находками так называемых «ордосских бронз» — великолепных памятников скифского искусства Центральной Азии.

Ранние рассказы о «северных соседях» собрал в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135—67 гг. до н.э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII—VI вв. до н.э., именуется Сыма Цянем жунами или ди. Позднее их стали называть ху. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили горные жуны, или *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны, или дунху, не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пре-

Мужчины тагарского времени (1), гунн (2), сак (3) и человек из плиточной могилы (4).
Реконструкция М.М.Герасимова [Степная полоса, 1992, с.409]

бывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами ре-

шают... Войну ставят важным делом» [Бичурин, т.1, с.142—143].

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего классового расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н.э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т.е. выборным старейшинам и вождям. —С.К.), руководствуясь искренностью и преданностью» [Гаскин, вып.1, с.123]. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н.э., «северные варвары»

«ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк». Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах «варварской» конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников. Правитель царства Чжао, Улинь-ван (правил в 325—299 гг. до н.э.), «изменив существовавшие обычаи, стал носить варварскую одежду, обучаться верховой езде и стрельбе из лука». Впрочем, Улинь-ван, как и другие правители, более полагался на строительство длинных стен и укреплений вдоль пограничной линии, чем на полевую армию. Вместе с тем сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н.э., когда правитель царства Цинь, Мугун, напал на жунов и захватил «двенадцать их владений» [Таскин, вып.1, с.122—123].

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в «период воюющих

Олений камень в монгольской степи.
Фото С.Г.Кляшторного

царств» (403—221 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен *сюнну* (*гуннов*) и *юэчжей*, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н.э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннского объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе соседями гуннов были юэчжи — восточно-кифские (сакские и сарматские) племена, занимавшие вместе с родственными им улусами огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цаган-год в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам российских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (1 тыс. до н.э.). Один тип представлен культурой *плиточных могил* и «оленными камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребаемых клали головой на восток вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфически предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто — кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые кладбища. К сожалению, большинство погребений начисто ограблены.

С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников, «оленные камни» — каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вдоль туловищ длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень на-

несены изображения других предметов — боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть этих предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов там крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хангайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III—II вв. до н.э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V—III вв. до н.э., принадлежала сакским и сарматским племенам — юэчжам и усуням.

Именно среди памятников близких, но не тождественных скифским, выделены теперь многочисленные погребальные комплексы VII—V вв. до н.э., несущие все признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии и, частично, во Внутренней Монголии. Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племен ярко выраженного монголоидного облика, которые позднее, в IV—III вв. до н.э., сместившись к западу и овладев степями между

Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов [Миняев, с.70—77].

Держава гуннских шаньюев

В последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного государства. Сыма Цянь излагает события в степи, положившие начало гуннскому могуществу, скорее в стиле эпического сказания, чем исторической хроники, — его повествование сохранило отзвук легенд, рожденных в далеких кочевьях [Таскин, вып. 1, с.37—39]. «В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем гуннов был Тоумань. Он имел двух сыновей от разных жен. Для того, чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Отец дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его «свистунка» [боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел навели ужас на врагов и пугали их коней]. Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не выстрелил, он приказал отрубить головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не последовал ему. На охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Тогда Маодунь понял, что время настало. И когда он пустил стрелу в отца, никто из его воинов не дрогнул — Тоумань был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем.

Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху решил, что смута ослабила гуннов, и потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, опасаясь войны, советовали

Хуннский всадник. Китайское изображение
[Артамонов, 1962, с.42]

Маодуню отдать земли. Крайне разгневанный Маодунь ответил: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее!». Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал рубить головы каждому, кто опоздает явиться, двинул на восток и внезапно напал на дунху... Он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял людей их народа и захватил домашний скот». Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203—202 гг. до н.э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории современной Хакасии) и окончательно установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэчжи.

В 202 г. до н.э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель, Лю Бан (император Гао-ди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. до н.э. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании противника оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление, и четыре их конных корпуса окружили императора в горах Байдэн. «В течение семи дней ханьские войска, находившиеся в горах и вне их, не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продо-

вольствием», — пишет Сыма Цянь. «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых конях, на восточной стороне на серых с белым пятном на морде, на северной стороне — на вороных, а на южной — на рыжих лошадях» [Таскин, вып.1, с.41].

Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т.е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно, — шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения. Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166—163 гг. до н.э.; после них договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику, Лаошань-шаньюю (правил в 174—161 гг. до н.э.), пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века, и лишь в 177—176 гг. до н.э., ценой величайшего напряжения, гуннам удалось переломить борьбу в свою пользу. Окончательная победа была одержана между 174—165 гг. до н.э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань-шаньюю сделал чашу для питья. Оттесненные в Среднюю Азию юэчжи завладели землями в верховьях Амударьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Юэчжи и гунны

Юэчжи (юечжи) — могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников — известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств в III—II вв. до н.э. Но к этому времени юэч-

жи уже были давними обитателями Внутренней Азии — «данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего, не позже VII—VI вв. до н.э.» [Грантовский, с.80].

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н.э. «между Дуньхуаном и Циляншанем», т.е. севернее Нань-Шаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более широкий анализ источников позволил Кадзуо Еноки утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

Глухие и неясные сведения о юэчжах и их стране появились в Китае еще в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (*юйши*, *юйчжи*) этноним упоминается уже в трактате «Гуаньцзы» (V—IV вв. до н.э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит. Позднее китайские комментаторы текста объясняют, что «юйши есть название северо-западных варваров» [Haloun, с.316]. Страна *Юйчжи* упоминается в другом древнекитайском трактате — «Повествование о Сыне Неба Му». Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н.э. в разграбленной княжеской могиле вместе с летописью «Бамбуковые анналы», доведенной до 299 г. до н.э. [Кравцова, с.354—363]. Страна *Юйчжи*, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода Чжаоского государя Улинь-вана (правил в 325—299 гг. до н.э.), находилась в пяти днях его пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань, на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с «Нефритовой горой». Китайские транскрипции *юйши*, *юйчжи* и *юэчжи* адекватно

передают одну и ту же исходную форму этнонима¹.

Другой аспект юэчжийской проблемы — этнолингвистическая идентичность носителей этого имени. Столь крупные исследователи древней Внутренней Азии, как Н.Эгами и К.Еноки, вслед за Г.Хэлоуном, решительно связывают юэчжей со скифо-сакской этнокультурной общностью [Haloun, с.316; Enoki, с.227—232]. Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юэчжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источниках именуется *тохарами*. Такая идентификация серьезно подкреплена текстами середины и второй половины I тыс. н.э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юэчжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б) [Иванов, 1967, с.106—118]. Опыт реконструкции этапов продвижения тохаров на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей, предложенный Э.Пуллблэнком, основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юэчжей с тохарами [Pulleyblank, 1966, с.9—39; 1970, с.154—160].

Более определенное суждение об этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы, возможно получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название «бактрийского» [Лившиц, 1974, с.312—313]. Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юэчжи-тохары? По мнению В.А.Лившица, речь может идти только о «сакском диалекте кушан» [Лившиц, 1969, с.48], прямо связанном с хотано-сакскими диалекта-

¹ Консультация С.Е.Яхонтова, которому автор обязан подробным комментарием приводимых сведений китайских источников.

Рис.1. Изображения гуннских воинов:
1 — подвески к узде из погребения в Пазырыке.
V в. до н.э.; 2-3 — барельефы памятника
Хо Цюй-бина. II в. до н.э.

ми Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой [Там же]. Напротив, В.В.Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект Кучи [Иванов, 1992, с.19—20].

Вместе с тем именно В.В.Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который «на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточноиранские племена» [Иванов, 1992, с.17]. Учитывая, что во II в. до н.э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались «малые юэчжи»), В.В.Иванов допускает «факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточноиранского компонента этого (юэчжийско-

го.—С.К.) племенного объединения, пользовавшегося, наряду с другими, также этнонимом тохар» [Иванов, 1992, с.17].

Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цагангол (Гобиалтайский аймак) среди наскальных рисунков помещался комплекс тамговых знаков [Вайнберг, Новгородова, с.69—73]. Б.И.Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с весьма специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья — с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами [Там же]. Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II—I вв. до н.э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией [Вайнберг, 1972, с.146—154]. Б.И.Вайнберг именует их «юэчжами дома Чжаову». Именно с этим «домом», согласно китайским источникам, связаны все правящие «дома», созданные юэчжами к северу от Бактрии.

Очевидно, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее — в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским тамги которых зафиксированы для III—I вв. до н.э. (о сарматских связях юэчжей см. также: [Мандельштам, с.194—195]). Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, «во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских племен» [Вайнберг, Новгородова, с.71]. Тем самым именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности «пазырыкцев», выдвинутую С.И.Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их «владельческих домов» во II—I вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжелых военных поражений конца III в. до н.э., юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов [Hulsewe, с.119—120]. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну» (цит. по: [Крюков, 1988, с.237]).

Более того, гунны (хунны, сюнну) находились в политической зависимости от юэчжей, понуждавших их посылать ко двору правителя юэчжей заложниками сыновей шаньюя. Последним таким заложником был Маодунь, который, став шаньюем, нанес юэчжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане. Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня «сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для питья» [Крюков, 1988, с.237]. После 165 г. до н.э. начался великий исход большей части юэчжей на запад.

Таким образом, и прямо, и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории гунно-юэчжийских войн, двух периодах в истории гунно-юэчжийских отношений. До конца III в. до н.э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над гуннами («с презрением относились к сюнну»), которого они лишились на грани III—II вв. до н.э.

Когда и где стали возможными первые контакты между юэчжами и гуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набегами на царство Чжао (403—222 гг. до н.э.). Царство Чжао занимало южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шанси и земли к северу от Хунаня до Хэнани [Таскин, вып.1, с.124]. Под контролем Чжао находились земли севернее Ордоса, столь ценимые кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных окру-

гов. Главным противником Чжао на севере и стали гунны. В середине III в. до н.э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао, Ли Му. В течение многих лет он противостоял гуннам и даже нанес тяжелое поражение самому шаньюю. Лишь в 244 г. до н.э. он был отозван с границы [Сыма Цянь, т.7, с. 259—260].

Много раньше на территории Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, появились юэчжи, что засвидетельствовано и археологически. Как показала Эмма Банкер, только с юэчжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, хорошо датируемых IV в. до н.э. [Bunker, 1993, с.99—116; 1997, с.41—74]. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые «трофеи» пазырыкских вождей, но и на далеком востоке Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами.

Были ли гунны монголоидами? Антропологически подтверждаемая материалами из гуннских погребений Монголии, эта монголоидность принималась с той оговоркой, что «ни изображений, ни описаний наружности гуннов и дунху мы не имеем» [Руденко, с.177]. В отношении гуннов эта оговорка, однако, не вполне корректна.

В 121 г. до н.э. император У-ди назначил прославленного воина Хо Цюй-бина «военачальником сильной конницы», которая должна была подавить гуннов на их же территории. Действия Хо Цюй-бина были столь успешны, что, несмотря на скорую кончину (117 г. до н.э.), он сумел нанести гуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над гуннами у гор Цилян, на земле «малых юэчжи». Над могилой Хо Цюй-бина «был насыпан холм, по форме напоминающий гору Цилян» [Таскин, вып.1, с.94]. А на мраморе гробницы были вырезаны барельефом изображения нескольких групп его противников и сцены триумфа. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюй-бина и снял эстампажные копии той группы, которая носила название

Образцы сцен нападения хищных зверей на парнокопытных.
 а — Персеполь; б — Келермес; в — Куль-оба; г — Пазырык; д — Ноин-Ула
 [Руденко, 1953, с.317]

«Кони топчут сюнну». В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы Такачем в Пекине [Takacs, с.275—277], но великолепный иконографический материал остался вне внимания исследователей. Между тем результаты работ Такача имеют эталонное значение, и мы пользуемся случаем использовать его рисунки именно в этой функции (рис.1).

Иконографические изображения гуннов из гробницы Хо Цюй-бина наиболее близки к загадочным ликам на пазырыкской узде (см.: [Руденко]) — те же признаки монголоидности: выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жесткие волосы. Таким образом, имеются все основания утверждать, что позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей, — это головы убитых им воинов-гуннов, из черепов которых были сделаны золо-

ченные чаши, — свидетельство жестоких гунно-юэчжийских войн IV—III вв. до н.э. В ходе войн, надолго задержавших западную экспансию гуннов, юэчжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю и, по оценке Сыма Цяня, «достигли расцвета». Свидетельством гегемонии юэчжей в Великой Степи, когда юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти «над народами, натягивающими лук» [Таскин, вып.1, с.43], и стала пазырыкская узда. Прошло менее двух веков, и на Алтае утвердились новые владыки Великой Степи, сделавшие золоченые чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов — юэчжей.

Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов

Даров, которые получали шаньюи от ханьского двора, было совершенно недоста-

точно для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах оседлого хозяйства. Поэтому для гуннов более существенным было установление пограничной торговли, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент давления на «варваров». Позднее суть этой политики четко сформулировал один из китайских историографов: «Нет дань (от варваров) — нет и торговли с ними, есть дань — есть и вознаграждение (т.е. торговля)» (цит. по: [Мартынов, с.234]).

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюй начал в 158 г. до н.э. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого (в 152 г. до н.э.) император Сяо-цзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу, согласно прежнему договору». «Отличаясь алчностью, — добавляет Сыма Цянь, — гунны ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия» [Таскин, вып.1, с.49—50].

Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, была весьма примитивна: «В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства... Начиная от правителей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока» [Таскин, вып.1, с.34—35]. Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: «Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей» [Там же].

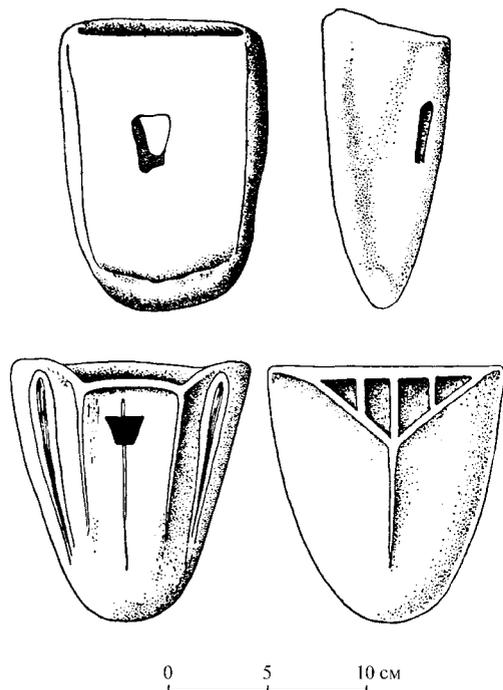
Однако с представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о го-

родках в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна; сообщая о суровых для гуннов зиме и лете 89—88 гг. до н.э., летописец замечает: «В это время начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели, напуганный шаньюй построил молельню» [Таскин, вып.2, с.28].

В Забайкалье археологи исследовали один из гуннских городков у впадения р. Иволги в Селенгу. Иволгинское городище, окруженное четырьмя рвами и четырьмя валами, имеет площадь в 75 гектаров, застроенных полужемлянками (открыто около 80 жилищ); там обнаружены следы железодельного и бронзолитейного производства, а главное — сошники из чугуна и литейные формы для них, железные серпы и каменные зернотерки. Судя по размерам сошников, плуги у гуннов были небольшие, деревянные, и земля вскапывалась неглубоко. Развитию земледелия, однако, препятствовали суровые природные условия страны гуннов, и собственное производство зерна (главным образом проса и ячменя) никогда не удовлетворяло потребностей довольно многочисленного населения (по расчетам исследователей, около 1,5 миллиона человек).

Основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготавливались, лошадь имела и то преимущество, что она могла круглый год находиться на подножном корму, тебеневать, добывая траву из-под неглубокого снега. Судя по костям, найденным в гуннских погребениях, лошади были типичными монгольскими — небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

Кроме огромных табунов лошадей, основным богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. По современным подсчетам, хотя и весьма приблизительным, гунны в пору расцвета имели на душу населения

Чугунные сошники. Иволгинское городище
[Руденко, 1962, с.29]

19 голов скота, в пору упадка — 5—9 голов. Для сравнения заметим, что в предреволюционной Монголии (1918 г.) на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота. Скот находился в семейной собственности; каждая семья имела право на определенную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота, — семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитой характер Гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных

между собой брачными отношениями: мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех иных знатных родов. Глава государства, шаньюй, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, подвластные гуннам дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчиной и кожей. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей данников, требуя особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается источниками. Рабами были пленные, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использовались прежде всего в оседлом хозяйстве, они жили вместе с гуннами в укрепленных городах, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из племенных союзов жунских племен V—IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах. Не следует, по мнению Т.Барфильда, преуменьшать и сохранявшегося значения

племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфильд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны и возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков [Barfield, с.45—60]. Напротив, по мнению Е.И.Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами [Кычанов, 1997, с.36—37].

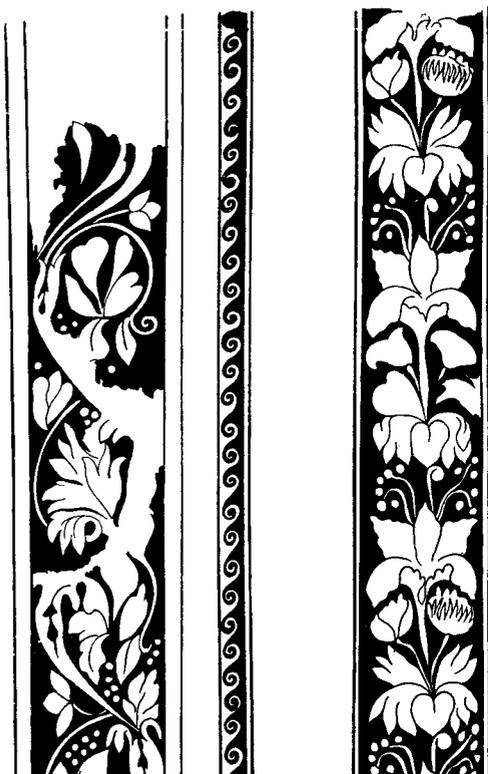
Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия по защите и соблюдению культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владельца окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т.е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие сородичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т.е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частями империи. Назначение на тот или иной пост зависело от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в 10 тыс. воинов, находившихся под командой последнего, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти и более тысяч войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с кочующим на ней населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. Темники же участвовали в возведении шаньюя на престол, но этот процесс был формальным: они не имели права выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому под-

Узор гобеленовой шерстяной ткани.
Курган Кондратьевский. Ноин-Ула
[Руденко, 1962, с.109]

разделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошань-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий класс Гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической

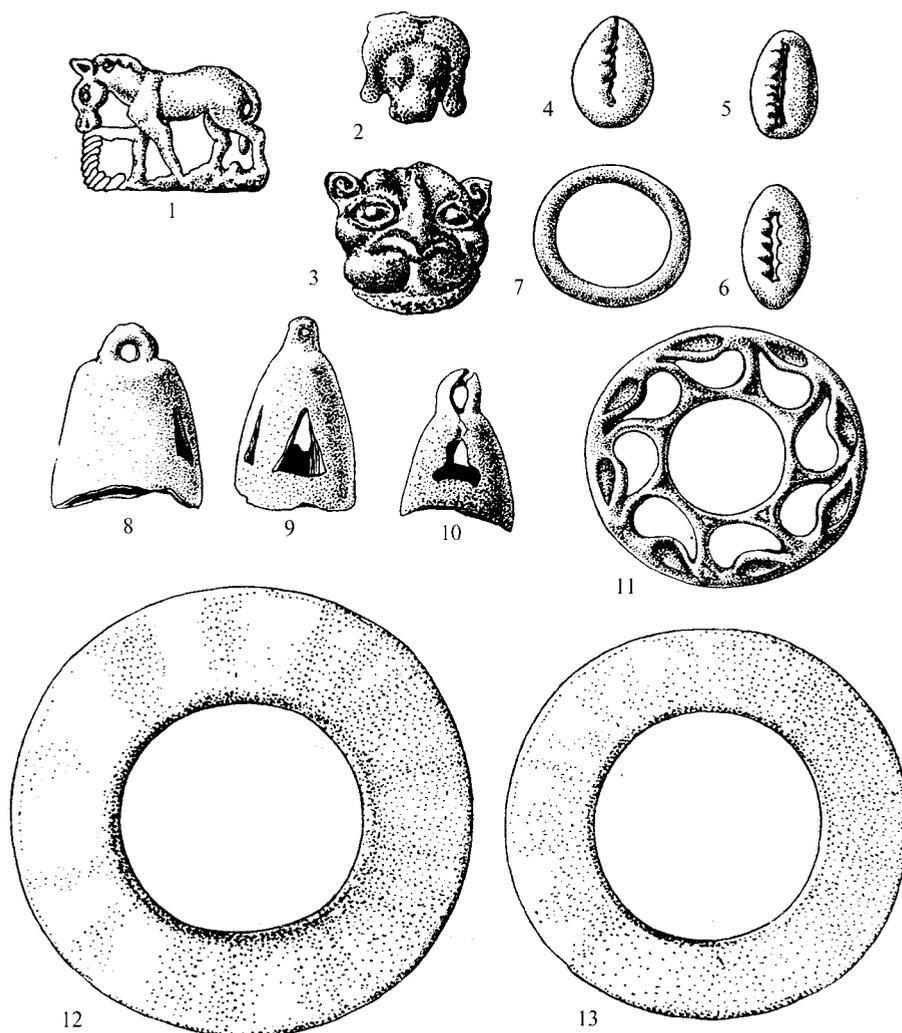
роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутриплеменные связи, выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы дать Гуннской империи более трех веков существования и еще несколько веков жизни мелким гуннским государствам.

Расцвет и упадок кочевой империи

С образованием Гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжийской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н.э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от Гоби и добились своей главной цели — постоянного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «дары» (замаскированную дань) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н.э. по инициативе ханьцев. Император У-ди (140—87 гг. до н.э.) решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. Наступление ханьцев привело к успеху в 127 г. до н.э.: «Гунны бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ... построили оросительные каналы и, понемногу захватывая земли, стали граничить с гуннами...». В 124—123 гг. до н.э. война была перенесена на коренные земли гуннов, в монгольские степи,

Украшения из хуннских курганов Забайкалья (2/3 натуральной величины).

1 — бронзовое литое изображение лошади; 2 — бронзовая бляшка в виде головы быка; 3 — бронзовое литое украшение в виде головы кошки; 4, 5, 6 — бронзовые модели раковины ужомки; 7 — бронзовое кольцо; 8, 9, 10 — бронзовые колоколовидные подвески; 11 — ажурное бронзовое кольцо; 12 — костяное кольцо; 13 — нефритовое кольцо. 1 и 2 — стоянка у с. Дурены; 3, 4-12 — Дэрестуйский могильник; 13 — Иволгинское городище [Руденко, 1962, с.46]

где шла с переменным успехом. В 119 г. до н.э. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тыс. гуннов, но сама понесла тяжелые потери [Таскин, вып. 1, с.50—54].

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. до н.э. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. до н.э. ханьцы вновь предприняли два

крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. до н.э. 70-тысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуань-ли вторглась в гуннские земли, разгромила передовые отряды гуннов и сошлась для генерального сражения с армией шаньюя. В это время Ли Гуань-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому, грозит смерть. Он решил за-

служить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Тогда старшие командиры войска решили взять его под стражу. Однако Ли Гуань-ли, казнив участников заговора, начал генеральное сражение у горы Яньжинь. В тяжелом бою китайцы были окружены, а Ли Гуань-ли сдался в плен. У императора не осталось больше полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через двадцать лет они понесли тяжелое поражение от других кочевых народов — в 72 г. до н.э. усунь с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; в жестокой войне гунны потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства гуннов в Центральной Азии.

Внешним выражением этого кризиса был раскол гуннов в 56 г. до н.э. на южных и северных. Южные гунны, во главе с Хуханье-шаньюем, установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более пятидесяти лет на гунно-китайской границе не происходило крупных столкновений. Северные гунны, во главе с Чжичжи-шаньюем, ушли в Среднюю Азию, в союзное государство Кангюй (на средней Сырдарье), но здесь были настигнуты китайским экспедиционным корпусом и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с кангюйцами будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Вновь единство и могущество Гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н.э. Но уже в 48 г. происходит новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных гуннов, вплоть до падения Ханьской империи, является, по существу, историей обычных «варваров»-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северяне же, под ударами с юга и натиском бывших вассалов — древнекыргызских племен Енисея и в особенности потомков дунху, сяньби — протомонгольских племен Юго-Западной Маньчжурии, с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки смес-

тились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения гунны понесли в войнах с сяньби в 93—94 гг., когда десятки тысяч их семей были включены в состав сяньбийской племенной конфедерации, и в 151—155 гг., когда создатель эфемерной Сяньбийской империи вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири, — в Приуралье, в прикаспийские и заволжские степи.

Гунны между Алтаем и Аралом

Если память о гуннах в Европе сохранена многочисленными и яркими свидетельствами греческих и латинских авторов, то сведений о появлении новых кочевых завоевателей с Востока в Средней Азии почти нет. Крайне скудны и археологические материалы. Повествования сирийских и византийских летописцев о «белых гуннах» — хионитах и эфталитах (IV—VI вв.) — отнюдь не указывают на генетическое родство обоих народов с гуннами Центральной Азии. Тем не менее частичная реконструкция «гуннского периода» в истории кочевых народов, живших на территории между Алтаем и Аралом, возможна.

Продвижение гуннов на запад началось еще при шаньюе Маодуне, с войны за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Письмо, отправленное Маодунем в 176 г. до н.э. ханьскому императору Вэньди, подробно рассказывает о разгроме юэчжей и покорении других племен на западе: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну (гуннам)» [Таскин, вып.1, с.43]. Мао-

дунь явно преувеличивает свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя, возможно, понесли тяжкие поражения. Но в этом письме впервые упоминается о вторжении гуннов в Восточный Туркестан и выходе их к границам Казахстана. Политический авторитет гуннских шаньюев в Западном крае (так в Ханьской империи именовали Восточный Туркестан и Среднюю Азию) на протяжении почти столетия был очень велик. Ханьский летописец отмечает: «Всякий раз, как посланник сюнну (гуннов) с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств (Западного края), его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи» [Hulsewe, с.37].

Зависимые от гуннов владения вскоре появились не только в бассейне р. Тарим, но и много западнее. Одно из них упомянуто китайским историографом в связи с событиями середины I в. до н.э. Сын наследника гуннского престола был женат на дочери владетеля Учаньму, о котором рассказывается: «Учаньму первоначально был правителем небольшого владения, лежавшего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, а поэтому во главе своего народа (воинов?) в несколько тысяч человек перешел на сторону гуннов. Шаньюй Хулугу... приказал (ему) по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях» [Бичурин, т.1, с.85].

Итак, в Северо-Западном Семиречье (между усунями и кангюйцами) существует небольшое княжество, владетель которого, вступив в брачные отношения с царским домом гуннов, обеспечил защиту и покровительство могучего родственника на условиях вассалитета. Несколько позже зять владетеля Учаньму, принц Цзихоусянь, после неудачной попытки занять освободившийся трон, бежит со своей ордой во владения тестя. Это самое раннее упоминание о переселении гуннов на территорию нынешнего Казахстана.

Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставляет вла-

детелей государств Западного края признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы. Такая ситуация сохранялась до распада Гуннской державы и подчинения шаньюя «южных» гуннов, Хуханье, власти ханьского императора (53 г. до н.э.).

Младший брат Хуханье, Чжичжи-шаньюй, возглавив «северных» гуннов, вскоре перенес свою ставку в Джунгарию. Именно с ним связано первое отмеченное источниками вмешательство гуннов в войну между Кангюем и усунями, завершившееся переселением Чжичжи-шаньюя и части его войск в долину Таласа. В 42 г. до н.э. гунны и кангюйцы разгромили столицу усуней — город в Долине Красных Скал, на берегу Иссык-Куля. Вслед затем Чжичжи совершил поход в Фергану. Опасаясь за безопасность границы, командование китайских войск в Западном крае направило экспедиционный корпус в Кангюй. Крепость, где находилась ставка Чжичжи, была взята штурмом, а он сам и его спутники погибли.

В начале I в. н.э. «северные» гунны восстановили свое политическое влияние

Олений камень в монгольской степи.
Фото С.Г.Кляшторного

в Восточном Туркестане, но уже в 73—94 г. им пришлось вести ожесточенную борьбу с ханьскими войсками. Особенно тяжелое поражение гунны понесли в 90—91 г. на Восточном Тянь-Шане. Ставки «северян», возглавленных знатным родом Хоянь, находились между оз. Баркуль и Алтаем. Именно здесь на них обрушилась армия двух ханьских полководцев — Доу Сяня и Гэн Куя, после чего, по словам китайского историографа, «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела» [Таскин, вып.2, с.98].

Итак, в конце I в. под влиянием поражений в борьбе за Джунгарию и Восточный Тянь-Шань масса «северных» гуннских племен откочевала в «земли усуней», т.е. в Семиречье и Восточный Казахстан, соседствующие с их прежними землями. Никаких сведений об их возвращении в Джунгарию в источниках нет, хотя неудачные попытки наладить дипломатические отношения с ханьским двором, например в 104—105 г., предпринимались. Между 120—150 г. гунны со своих новых земель совершали набеги на оазисы Таримского бассейна, но их военные успехи часто сменялись крупными поражениями. Так, в 137 г. правитель Дуньхуана изрубил гуннский отряд у оз. Баркуль, а в 151 г. гуннское нападение на Хами закончилось спешным бегством перед войсками, посланными из Дуньхуана. Сяньбийское вторжение в 70-х годах II в. окончательно вытеснило «северян» из Джунгарии и отбросило их за Тарбагатай. Началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием.

Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название *Юэбань*. По словам авторов «Бэй ши», «северный» шаньюй, спасаясь от войск Доу Сяня, «перешел через хребет Гинь-вэй-шань (Тарбагатай)» и ушел на запад в Кангюй, в сторону Сырдарьи и Арала. Однако часть его орды (200 тыс. душ) осталась за Тарбагатаем, будучи «малосильными». Они-то и создали новое гуннское государство, владетель которого принял тра-

диционный титул шаньюй. Оно существовало еще в V в., обменивалось посольствами с одним из северокитайских государств и даже заключило с ним военный союз против жуань-жуаней. Отличительной чертой этих кочевников китайцы называют исключительную неопрятность, что будто бы и стало побудительным мотивом для вражды между юэбаньским шаньюем и жуань-жуаньским каганом. Источник передает следующий рассказ, услышанный от юэбаньского посла: «(Юэбаньский) владетель был (раньше) в дружеских связях с жужаньцами (жуань-жуаньцами). Однажды он с несколькими тысячами человек вступил на жужаньские земли, желая увидиться с (каганом) Датанем (ум. в 429 г.). По вступлении в пределы его, еще не проехал ста ли (около 50 км), как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: «Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство!». И так он поскакал обратно в свое владение. Датань послал конницу в погоню за ним, но не догнал. С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною» [Бичурин, т.2, с.258—259].

Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогюйцев, т.е. с языком древних тюркских племен. Таким образом, вполне осведомленный письменный источник, информация которого почерпнута из отчетов о личном общении китайских чиновников династии Северная Вэй с юэбаньскими послами, впервые фиксирует совершенно определенную, а именно тюркскую языковую принадлежность населения одного из древних государств, существовавшего на территории Казахстана и Джунгарии во II—V вв. Можно с уверенностью утверждать, что с этого времени на огромном пространстве казахстанских степей вместе с племенами «северных» гуннов появляется население, говорившее на древнем языке (языках?) тюркской языковой семьи.

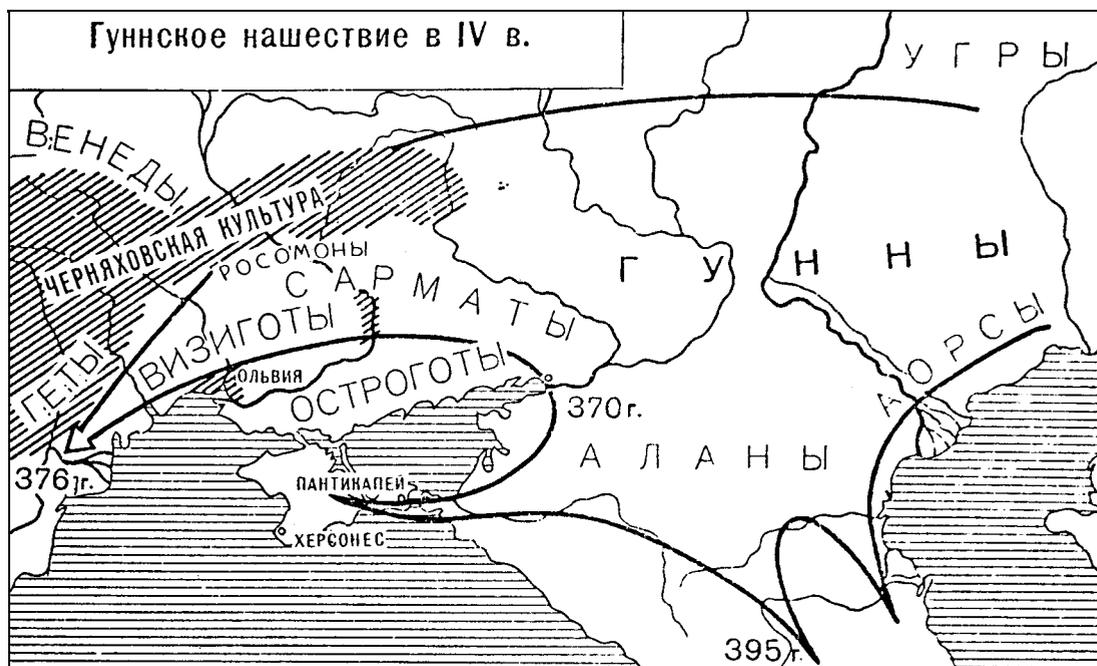
Ирина Засецкая

Гунны на Западе

Гунны у границ Римской империи

Впервые о гуннах в Прикаспии сообщает греческий поэт Дионисий Периегет, который жил в царствование императора Адриана (117–138 гг.) и оставил землеописание в стихотворной форме. В отрывке, где Дионисий описывает живущие вокруг Каспийского моря народы, он упоминает и племя *уннов* [СК, I, вып.1, с.185–186]. Некоторые исследователи полагают, что унны есть лишь искаженное описание утиев или витиев Страбона, появившееся в результате ошибки, допущенной малосведущими переписчиками, которые якобы заменили незнакомое имя на имя известного им племени. Однако более тщательный анализ текстов Дионисия и Страбона [СК, I, вып.1, с.148,149,151], позволили сделать вывод о невозможности отождествления уннов

с утиями. Затем, используя дополнительные сведения античных авторов I в. н.э. — Плиния Секунда и Помпония Мела, удалось, вопреки существующему мнению о расселении уннов Дионисия на территории между Каспийским и Аральскими морями, локализовать их на западной стороне Каспийского моря, предположительно в районе между реками Кума и Терек. Косвенно это подтверждает отрывок из сочинения готского историка VI в. н.э. Иордана, в котором он описывает движение готов в III в. н.э. из Скандинавии в Скифию. Иордан, доведя территорию Скифии до Кавказских гор и до реки Арагвы (Аракс), далее отмечает, что владения скифов, огибая Каспийское море с западной стороны, поднимаются до степей, где, по мнению Иордана, начинается область гуннов [Засецкая, 1994, с.132–138].

Гуннское нашествие в Восточную Европу в IV в. [Артамонов, 1962, с.41]

Упоминание племени гуннов встречается также на карте Птолемея — греческого географа II в. н.э. Описывая население Европейской Сарматии, Птолемей отмечает, что между бастарнами и роксоланами живут хуны, которые, таким образом, оказываются на территории между Днепром и Азовским морем [СК, I, вып.1, с.232].

Возможно, эти ранние сведения о появлении на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье племен, которых античные авторы называли *уннами* и *хунами*, были отражением событий, происходящих в Центральной и Средней Азии в I в. до н.э. — II в. н.э., после раскола гуннов на северных и южных. Не исключено, что в результате постоянных войн и миграций какие-то небольшие группы восточных гуннских племен проникали на территорию «южнорусских» степей. Однако, как показывают археологические источники, первое проникновение гуннов в Восточную Европу, если такое имело место, не произвело каких-либо существенных изменений в составе населения и характере культуры данной области.

Первые более-менее достоверные сведения о европейских гуннах относятся к сообщениям римского писателя конца IV в. н.э. Аммиана Марцелина — современника гуннской экспансии на Запад. Период гуннского завоевания и господства гуннов в Восточной Европе открывает новую эпоху, известную как *эпоха Великого переселения народов*.

Гунны в Восточной Европе

В 70-е годы IV в. н.э. Восточная Европа была потрясена нашествием гуннов — «невиданного дотоле рода людей». Их внезапное и стремительное движение на запад вызвало ужас не только в римском обществе, но и в среде иных народов, которые первыми почувствовали силу сокрушительного удара завоевателей.

Из письменных сообщений древних писателей и, главным образом, Аммиана Марцелина, известно, что в 370-е гг. гунны, появившись откуда-то из-за Меотийских болот, напали на аланов и, произведя «у

них страшное истребление и опустошение», завладели их землями. В это время аланы занимали степные пространства к северу от Меотиды и течения Танаиса, а также северное предгорье Кавказа. Преследуя уцелевших от разгрома аланов, которые, спасаясь от врага, устремились в горы на Северный Кавказ, часть гуннских полчищ, пройдя через прикубанские степи, проникли на Таманский полуостров. Здесь они захватили города и поселения Азиатского Боспора и, пройдя в самом узком месте Керченский пролив, вступили на территорию Европейского Боспора.

В это время главные силы гуннов, двигавшиеся через степи севернее Азовского моря, вышли в «обширные и плодородные» земли остготов, междуречье Дона и Днепра. Вступив с ними в бой, гунны одержали полную победу, что привело к смерти остготского короля Германариха, покончившего жизнь самоубийством. Продвигаясь далее на запад, они достигли Поднепровья — территории везиготов. В битве у Днестра гунны вновь оказались победителями. Преследуемые гуннами везиготы, а также присоединившаяся к ним часть остготов, сарматов и аланов, продвинулись к Дунаю, ища защиты у римского императора Валента. С его разрешения отступавшие переправились через Дунай и заняли земли Фракии и Мезии. Как сообщают письменные источники, везиготы были поставлены римлянами в тяжелейшие условия, что побудило их восстать против своих спасителей. В результате жесточайшей борьбы в битве при Адрианополе в 378 г. римляне потерпели поражение, а император Валент погиб. В это время гунны приостановили движение на запад и вернулись в степи Северного Причерноморья, чтобы принудить к повиновению покоренные народы и предотвратить периодически возникающие междоусобицы среди самих гуннских племен.

Так закончился первый этап гуннского завоевания в Восточной Европе. Гунны завладели степной территорией от Волги до Днестра, объединив подчиненное население этой области — сарматов, аланов, готов в племенной союз, возглавляемый гуннским вождем. По сведениям древних писателей, некоторые из побежденных народов,

Набор конской узды. Золото, сердолик, алмадины. Конец IV—первая половина V в. н.э.
Запорожье, с.Новогригорьевка. Раскопки Д.Я.Самоквасова. 1884 г. Инв. № 1911/94 и др.
Государственный Эрмитаж

например, остготы, могли выбирать «собственного царька», но только по разрешению гуннов. Однако в дальнейшем они лишились этой привилегии, и, как рассказывает Иордан, после смерти Торисмуда, который

правил всего лишь 2 года, готы в течение 40 лет не имели своего короля.

В то время как основные силы гуннов сосредоточились в степях Северного Причерноморья, какая-то часть их действовала

на Дунае. Как сообщает греческий автор Зосим, оставивший подробное изложение истории 270—410 гг., в 400-х гг. гунны под предводительством Ульдиса воевали против готского военачальника Гайны на стороне Рима. В этой борьбе гунны, по мнению Зосима, преследовали две цели: во-первых, не позволить Гайне «иметь жительство за Истром», во-вторых, «угодить римскому императору» [СК, I, вып.3, с.809]. В результате войско Гайны было разбито, а сам он пал в бою. У другого автора — Ермия Созомена, который написал девять книг истории, охватывающей период с 324 по 423 гг., в его последней девятой книге вновь встречается имя гуннского военачальника Ульдиса. Но в этом случае он уже воюет против римлян. Как сообщает Созомен, «Ульдис...с огромными силами переправился через реку и расположился в пределах Фракии» — римской провинции на Балканах. Захватив город Костра Мартис, он совершал оттуда набеги на остальную Фракию и «по своей самонадеянности не хотел слышать о договоре с римлянами» [СК, I, вып.3, с.771]. Однако в конце концов Ульдис был изгнан римлянами из Фракии и, с трудом переправившись через Дунай, спасся бегством.

Предположение, что Ульдис якобы был вождем всего племенного объединения гуннов, которому затем наследовали гуннские вожди Донат, Чарато, Руа, Бледа, Атиллы, не согласуется с общей политикой правителей гуннского союза, чья сила была столь велика, что они никогда не стали бы служить в римском войске. Напротив, письменные источники свидетельствуют о зависимости римлян от гуннских вождей, с которыми им приходилось вести дипломатические переговоры, чтобы оградить от нападения гуннов свои владения. Кроме того, известно, что именно в это время во главе гуннского союза стоял Донат, ставка которого находилась в Северном Причерноморье. В 412 г. к гуннскому вождю Донату было направлено посольство Восточной Римской империи, возглавляемое Олимпиодором, и, чтобы достигнуть земли гуннов, послы должны были переплыть Черное море [Иордан, 1960, с.59]. После смерти Доната власть перешла к его сыну Чарато, что

указывает на существование у гуннов наследственной власти. В дальнейшем мы узнаем, что во главе союза становится Руа (Руга), который первоначально делил свою власть с двумя братьями Мунздуком и Октаром, державшими власть до Атиллы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он [Иордан, 1960, с.101]. Лишь в 432 г., после смерти своих братьев, Руа становится единственным правителем.

Интересно сообщение римского историка Приска Панийского о решении Руа вести войну против амилзуров, итимаров, тонсуров, воисков и других народов, поселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами. По своему происхождению это гуннские племена. Иордан, перечисляя племена гуннов, упоминает в том числе алпидзуров, алцидзуров, итимаров, тункарсов, боисков и др. [Иордан, 1960, с.72, 101]. Возможно, названные Приском племена, против которых собирался воевать Руа, предпринимая новый поход на запад, были те самые отделившиеся гунны, которые не вернулись в степи Северного Причерноморья вместе с основными силами гуннского войска в конце 370-х гг. Оставшись на Дунае и будучи независимой от политического объединения гуннов степей Восточной Европы, эта часть гуннов действовала здесь в начале 400 г. под предводительством Ульдиса. Вероятно, эти же племена в 425 г. помогли римскому военачальнику Аэцию в борьбе с готами, за что он отдал им провинцию Паннонию. Руа, по словам Приска, стремился подчинить готов в целях создания «единой державы». Однако завершил начатую Руа завоевательную политику его преемник, знаменитый гуннский вождь Атиллы.

Держава Атиллы

В 433 г. Руа умирает и власть переходит к его племянникам Бледе и Атилле, сыновьям его брата и соправителя Мунздука. Именно к этому времени относится занятие Атилой Паннонии, куда была перенесена главная ставка вождя. В 445 г. Бледа был убит, и Атиллы стал полновластным единоличным правителем гуннской державы.

Царствование Аттилы было триумфом господства гуннов в Европе. Эпоха Аттилы ознаменовалась постоянными войнами с Восточной и Западной Римскими империями, заканчивающимися неоднократно полным разрушением и разорением римских городов и земельных угодий. Так, в 443 г. гунны подняли оружие, перешли Истр и разорили многие города и укрепления. В том же году Аттила собрал войско и отправил письмо к римскому императору с требованием немедленной выдачи перебежчиков и выплаты дани, а также высылки посланника для переговоров о платеже дани на будущее. Римляне отказались выполнить условия Аттилы, и тогда он стал опустошать римские земли и срыл несколько крепостей [Приск, 1861, отрывки 3 и 5, с.23, 25]. В 447 г. вновь произошло грандиозное столкновение между римлянами и гуннами, известное как Херсониское сражение у пролива Дарданеллы. Римляне потерпели поражение и вынуждены были заключить мир, приняв все условия, выдвинутые гуннами. По мирному договору римляне обязались выдать гуннам всех перебежчиков, шесть литр золота в счет долга и платить ежегодно определенную дань в две тысячи литр золота за каждого римского военнопленного, бежавшего и пришедшего на свою землю без выкупа, а в случае неуплаты они обязаны были выдать беглеца гуннам. Кроме того, Аттила потребовал, чтобы римляне перестали обрабатывать завоеванную гуннами землю по течению Истра, от Паннонии до Нов–Фракийских, а торг был перенесен в Наисс (г. Ниш).

Вскоре Аттила снова предпринял поход на запад, к Рейну. Одержав ряд побед и присоединив к своему войску восточных франков, тюрингов, зарейнских бургундов, Аттила вошел в Галлию. Решающая битва между римлянами и гуннами произошла на Каталаунских полях (Шампань) в 451 г. Красочное описание этой битвы можно прочесть в историческом труде Иордана, который писал, что «здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем... В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч

человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти раньше, чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке, — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов» [Иордан, 1960, с.104,109]. Увидев, что вражеское войско покинуло свой лагерь, Аттила вновь совершил нападение на римские земли, вторгнувшись в провинцию Венецию, расположенную в северо-восточной части Италии, и разрушил многие города. Римляне выслали посольство во главе с папой Львом для заключения мирного договора. Аттила принял предложение Рима, после чего ушел за Дунай.

В 454 г. Аттила умирает. Иордан рассказывает, что труп Аттилы, находившийся в трех гробах из золота, серебра и железа, был тайно ночью предан земле. Вместе с ним в могилу положили оружие, «драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело» [Иордан, 1960, с.118].

Смерть Аттилы предопределила окончательное падение гуннского господства, держава гуннов распалась. Между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, и «пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все вместе и утратили власть» [Там же]. Сыновья Аттилы требовали разделения подвластных племен жребием, не считаясь с собственным мнением их вождей. Это вызвало возмущение среди вассальных правителей. Первыми откололись от гуннов гепиды со своим королем Ардарихом. К нему присоединились и другие находившиеся в подчинении у Аттилы племена. «И вот все вооружаются для взаимной гибели, и сражение происходит в Паннонии близ реки, название которой Недао». В этой схватке победили гепиды. Старший сын Аттилы Эллак был убит, два других — Денгиз и Ирник вынуждены были бежать к Понтийскому морю, в степи Северного Причерноморья, где главную роль в это время играли племена акациров.

Распад гуннской державы Аттилы был фактически концом существования гунн-

ского племенного союза, который держался силой оружия и авторитетом непобедимого и могущественного властелина, каким был Аттила.

Дальнейшая судьба гуннов в достаточной степени туманна. Из письменных источников известно, что гунны неудачно пытались вновь подчинить себе готов и завладеть Паннонией. Затем они предпринимают попытку наладить дружественные отношения с Римом, предлагая заключить мир и по старинному обычаю возобновить обмен товарами. Но высланное с этой целью посольство к императору Льву получило отказ. После этого Денгиз «без всякого успеха желал поднять войну против Римлян, а Ирник отказался от приготовления к ней, так как его отвлекали местные войны» [СК, I, вып.3, с.843–844]. В довершении всего Денгиз был убит, и его голова доставлена римским полководцем Анагистом в Константинополь.

Образ жизни гуннов

Историю европейских гуннов можно разделить на четыре этапа: 1 – нашествие гуннов в степи Восточной Европы и далее до Дуная и возвращение их в Северное Причерноморье (370–378 гг.); 2 – образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье и поход Аттилы на запад, завоевание Паннонии (378–433 гг.); 3 – образование государства Аттилы от Волги до Дуная с центром в Паннонии (440–454 гг.); 4 – распад гуннской державы, возврат гуннов в Северное Причерноморье и постепенное исчезновение гуннов со страниц истории (454 г. – вторая половина V в.).

За этот сравнительно короткий, но насыщенный бурными событиями период истории гуннское общество претерпело некоторые изменения как в политическом, так и культурном отношении. Гунны, будучи, как и завоеванные ими племена сарматов и аланов, кочевниками–скотоводами, находились на более низкой ступени кочевания по сравнению с последними. Сарматы не только имели определенную территорию кочевий, но и зимние поселения, в основ-

ном сосредоточенные вокруг античного города Танаиса. Вторгнувшиеся же в степи Северного Причерноморья в 370-е г. гунны, по описанию Аммиана Марцеллина, характеризуются как племя, превосходящее в своей дикости всякую меру. Отмечая их кочевой образ жизни, он пишет, что гунны не имеют определенного места жительства, а постоянно кочуют, «будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше» [СК, II, вып.2, с.339]. «Они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне. Занимаются куплей и продажей, едят, пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда же приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях» [Там же]. Интересно, что и в эпоху Аттилы этот обычай сохранился. Приск пишет, что при встрече с римским посольством послы Аттилы «устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было обычая вести совещания спешившись» [СК, I, вып.3, с.811].

О кочевом образе жизни гуннов свидетельствует и сообщение Аммиана Марцеллина об отсутствии у них какого-либо жилья: «Они никогда не прикрываются строениями и питают к ним отвращение... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша». Гунны не знают земледелия даже в его примитивной форме, что также подтверждается высказыванием античного автора, который замечает, что у гуннов «никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи». Не знают они и строгой царской власти, а «довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути» [СК, II, вып.2, с.337–339].

Судя по приведенным отрывкам из сообщений Аммиана Марцеллина, гунны в начале своей европейской истории находи-

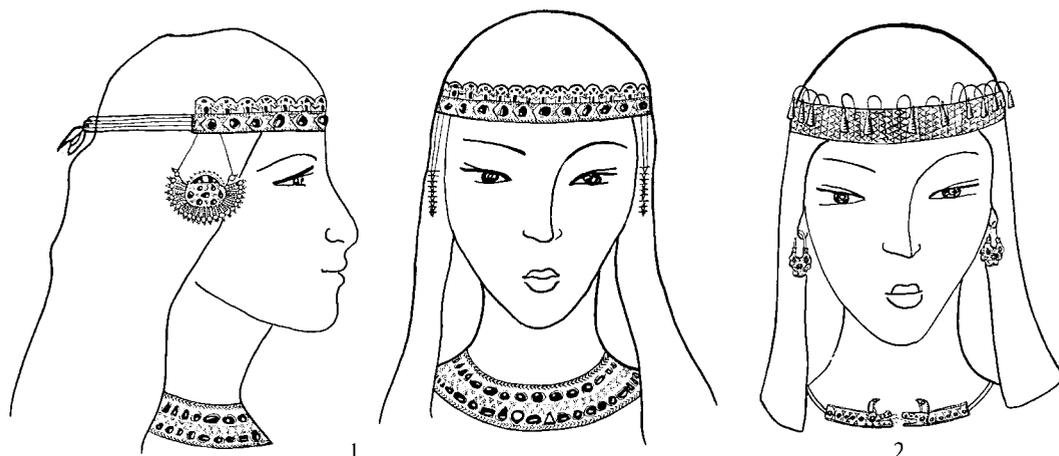
лись на первой, т.е. таборной, стадии кочевания, которой, по классификации С.А.Плетневой, соответствует определенное сочетание признаков [Плетнева, 1982, с.18, рис.1]. Два из них полностью отвечают той ступени развития гуннского общества, на которой находились племена гуннов, завоевавшие в 370-х гг. степную территорию от Волги до Дуная. Прежде всего, это характер военных действий – нашествие, результатом которого было уничтожение населения и захват пастбищ, а также общественный строй – военная демократия, при которой войско составляет весь народ, а во главе общества стоят вожди и старейшины. Остальные признаки, отвечающие первой стадии кочевания, по схеме С.А.Плетневой, для начальной истории европейских гуннов весьма проблематичны, поскольку им нет подтверждения ни в письменных, ни в археологических источниках.

В последующие после нашествия два этапа истории гуннов, длительность которых продолжалась немногим более 70 лет, структура и характер гуннского общества, как уже отмечалось выше, несколько изменились. Из письменных источников достоверно известно, что образовавшийся гуннский племенной союз состоял из разноэтничных и разноязычных племен и народов. Это – сами гунны, среди которых были и иные тюркоязычные племена, ираноязычные сарматы и аланы, германские племена готов и гепидов. Приск рассказывает о встрече с греком в лагере Аттилы, который был одет в «варварскую одежду», и отмечает, что двор Аттилы представляет собой «разноплеменную смесь», подчеркивая при этом, что «скифы кроме варварского языка легко изучают и уннский или готский, а также и авзонский, если у кого из них есть сношения с римлянами» [СК, I, вып.3, с.827]. Теперь во главе союза стоял один главный правитель – гунн по происхождению, при этом власть такого правителя была наследственной. Одновременно во главе отдельных племен, входивших в объединение, стояли свои родовые вожди, часто назначаемые главным правителем.

Правитель имел определенное место обитания, где он располагался со своей семьей, приближенными и войском. Перво-

начально, как мы видели, ставка правителя находилась в Северном Причерноморье, а затем, в эпоху правления Аттилы, была перенесена в Паннонию. В отличие от гуннов Аммиана Марцеллина, о которых он писал, что они не имеют никакого жилья, двор Аттилы представлял собой, по словам Приска, «огромное селение», в котором находились хоромы Аттилы, «построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хорами выдавались хоромы Онигисия (приближенный Аттилы. – И.З.), также окруженные деревянной оградой, но она не была украшена башнями подобно Аттилиной» [СК, I, вып.3, с.825–826]. Не менее богато выглядело и жилище Креки – жены Аттилы.

Типичным для гуннского общества этого времени становится изменившийся характер военных действий, которые теперь характеризуются не нашествием, а набегами, преследовавшими определенные цели – захват пленных, грабеж, откупы, получение дани. Однако тактика боя на протяжении всей истории европейских гуннов оставалась неизменной. Главную роль в гуннском войске играла легковооруженная конница, снабженная луками и длинными мечами – наступательным оружием гуннов. Аммиан Марцеллин сообщает, что гунны были «отменными воителями» и бой вели издали стрелами, а сблизившись с неприятелем, бились мечами. Уклоняясь от удара, набрасывали на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком... «В бой они бросаются, построившись клином, издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг нарочно рассыпаются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты, никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали или грабили вражеский лагерь» [СК, II, вып.2, с.338]. Из этого сообщения вытекает, что основной тактикой боя у гуннов было внезапное нападение, чего больше всего боялись их противники. Иордан рассказывает, что когда император Валентиниан II направил к везиготам и их коро-

Золотые украшения знатных женщин гуннской эпохи (конец IV—V вв. н.э.).

Реконструкция И.П.Засецкой. 1 — Диадема и колт из Верхнеяблочного погребения; шейное украшение из разрушенного погребения из хутора Алешки (Херсонская область Украинской Республики); 2 — украшения из погребения у с. Карагач (Казахстан)

лю Теодориду I посольство с призывом объединится против Аттилы, он напомнил им, что «гунны обрушиваются не в открытой войне..., но... подбираются коварными засадами» [Иордан, 1960, с.103]. В эпоху Аттилы тактика боев не изменилась.

В эту эпоху, как свидетельствуют археологические источники, представленные погребальными памятниками, происходит активный процесс имущественного расслоения общества и выделения родовой аристократии, складывается определенный вещевой комплекс, отражающий культуру племенной знати. Такое общественно-политическое образование, согласно схеме С.А.Плетневой соответствующее второй стадии кочевания, можно условно назвать «державой» или «империей», существование которой обеспечивалось силой оружия и могуществом правителя. Вот почему первые же серьезные военные поражения приводили к ослаблению власти вождя, а впоследствии и к распаду разнородного в этническом отношении объединения.

Проблема этнической атрибуции европейских гуннов

Одной из проблем гуннской истории является вопрос происхождения европейских

гуннов и их связь с восточными гуннами, которые в китайских письменных источниках называются *хунну* или *сюнну*. Более двух веков этот вопрос дискутируется в научной литературе. Еще французский историк XVIII в. Дегинь выдвинул гипотезу о единстве европейских гуннов и хунну Центральной Азии. С тех пор в литературе разгорелся спор, при этом одни исследователи поддерживали точку зрения Дегиня, другие выступали в качестве ее противников. Не было и единства взглядов на происхождение гуннов и хунну, которых считали монголами, тюрками, финнами, уграми и даже славянами.

История изучения этой проблемы до 1925 г. подробно изложена К.А.Иностранцевым, сторонником тождества гуннов и хунну и их тюркского происхождения [Иностранцев, 1926]. В последующие годы интерес к этому вопросу не угас. Наряду с уже существующими мнениями, появились новые гипотезы. Автор одной из них — А.Н.Бернштам — полагал, что гунны Восточной Европы — потомки центральноазиатских хунну и рассматривал «образование гуннского народа» как сложный и длительный процесс, в котором, в частности, участвовало и население Средней Азии. В результате ассимиляции хунну изменили свой расовый тип и культуру, а позднее,

в IV в., «этот смешанный тип хунну» двинулся на запад, присоединяя по пути приуральские, поволжские и даже прикамские народы, что еще больше изменило их культурный и внешний облик [Бернштам, 1951]. Как смешение двух племен — хунну и угров — рассматривает европейских гуннов Л.Н.Гумилев, замечая, что «приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов (хунну) и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали гунны свой новый поход на запад, ...оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов» [Гумилев, 1960, с.242]. Этой же точки зрения придерживался и М.И.Артамонов, полагая, что вышедшие из Монголии хунны за 200 лет «успели превратиться в гуннов, то есть, по сути дела стать совершенно новым народом. Относительно малочисленная хуннская орда в степях Приуралья оказалась в окружении, главным образом, угорских племен, с которыми и не замедлила вступить в различные формы контактов» [Артамонов, 1962, с.42].

Рассматривая этот сложный и дискуссионный вопрос о взаимосвязи хунну и гуннов, исследователи в основном опирались на письменные и лингвистические данные, оставляя в стороне археологические источники. Последнее объясняется отсутствием видимого сходства в памятниках хунну Центральной Азии (II в. до н.э. — II в. н.э.) и гуннов Восточной Европы (конец IV—V вв. н.э.). Действительно, учитывая хронологический разрыв между ними в 200—300 лет, трудно рассчитывать даже на относительную близость археологических комплексов в целом. Однако более тщательное сопоставление древностей Восточной Европы и Центральной и Средней Азии, позволили проследить некоторые культурные традиции — от хунну к гуннам.

В этом отношении интересные результаты были получены в процессе изучения наконечников стрел из погребальных комплексов европейских гуннов, в частности, из северопричерноморских степей. Поиски прототипов им были найдены не в местном сармато—аланском оружии предшествующего периода, а в хуннских памятниках Монголии, Тувы и Забайкалья, а также в

погребениях первых веков нашей эры из Средней Азии [Засецкая, 1983, с.70—84]. Самой западной точкой распространения подобных находок является территория Паннонии (Венгрия) (рис.1).

Другая категория вещей — бронзовые котлы также указывают на этнокультурную связь гуннов и хунну, что неоднократно отмечалось в литературе как отечественными, так и зарубежными авторами. Изучение котлов хунно—гуннского круга позволило проследить путь и этнокультурные связи на промежуточном этапе истории восточных и западных гуннов, т.е., со времени ухода хунну из Центральной Азии до экспансии гуннов в Восточную Европу. В результате картографирования котлов выделилось несколько регионов концентрации находок — Северный Китай, Монголия и Забайкалье, Саяно-Алтайский, Приуральско-Поволжский и, наконец, Румынское Подунавье и Паннония (рис.2). В степях Северного Причерноморья зафиксирована лишь одна находка гуннского бронзового котла IV в. н.э. Развитие морфологических признаков хунно—гуннских котлов в соответствии с хронологическими определениями находок свидетельствуют о поэтапном, поступательном движении носителей этого рода культовых изделий с востока на запад [Бокоренко, Засецкая, 1993, с.73—88].

Большой интерес в этом отношении представляют находки глиняных сосудов, имитирующих бронзовые котлы гуннского типа, обнаруженные в памятниках джетыясарской культуры второго периода на Нижней Сырдарье. Появление глиняных копий гуннских котлов Средней Азии II—IV вв. н.э. является важным звеном в решении проблемы гунно-хуннских отношений. Присутствие копий котлов указывает на длительное бытование здесь и самих прототипов, что, в свою очередь, свидетельствует о переселении на Нижнюю Сырдарью какой-то группы хунну, обитавшей на данной территории в течение определенного времени.

Таким образом, начавшееся во II в. до н.э. движение хунну из Центральной Азии всколыхнуло многие народы Саяно-Алтая,

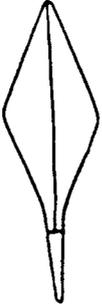
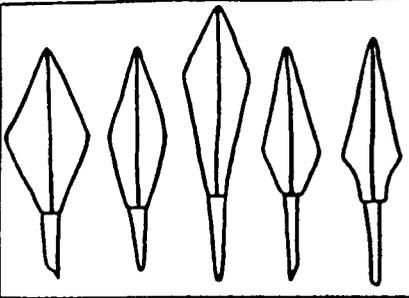
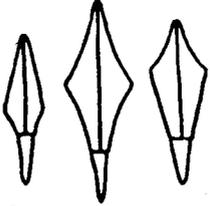
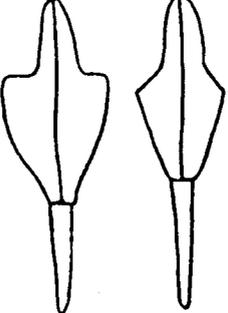
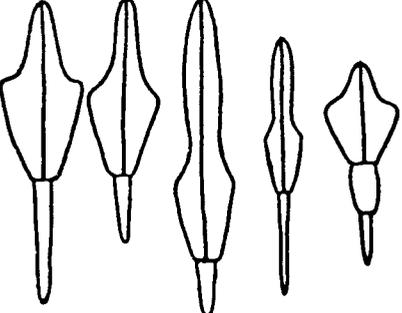
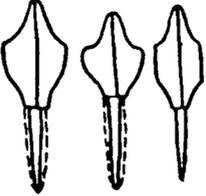
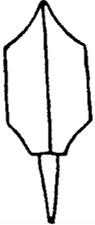
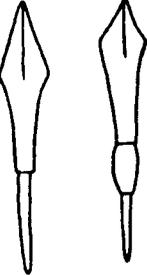
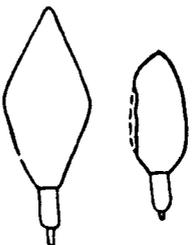
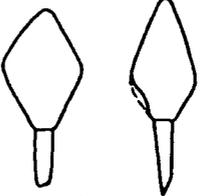
Забайкалье и Монголия I в. до н.э. — I в. н.э.	Тува, Кокзельский могильник I—III вв. н.э.	Евразийские степи конец IV—V в.н.э.
	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;"> </div> 	
		
		
		
		

Рис. 1. Сравнительная таблица наконечников стрел

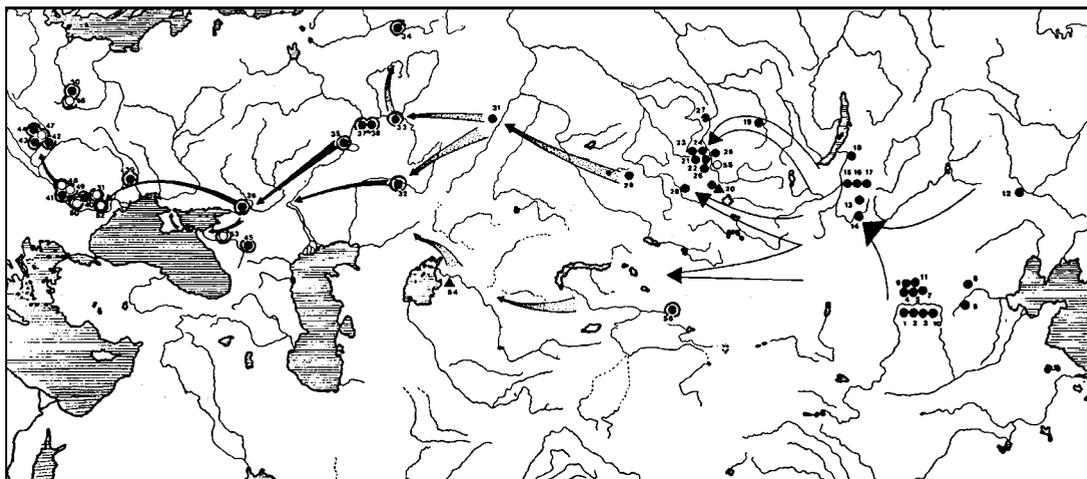

Рис.2. Карта распространения хунно—гуннских котлов.

Условные обозначения: ● — местонахождение целого котла, ○ — фрагмент, ▲ — керамическая копия; продвижение хунну: ← — II в. до н.э. — I в. н.э., ← — II — III вв. н.э., ← — IV — V вв. н.э.

Кружком обведены места находок котлов II группы.

Список котлов.

- 1-3, 10 — Северный Китай (Ордос), 4-5,7,9,11 — Северный Китай, 6 — Суй-Ю-Ань (Китай), 8 — Джаньзакоу (Китай), 12 — Маньчжурия, 13 — Ноин-Ула (Монголия), 14 — Монголия, 15 — Киран (Монголия), 16 — Чикой (Забайкалье), 17 — Сава (Забайкалье), 18 — Иволгинский могильник (Забайкалье), 19 — Нижнесудинск, 20 — Кокзель (Тува), 21 — Дорина (Минусинский край, далее МК), 22-23 — МК, 24 — Кызылькуль (МК), 25 — Комаркова (МК), 26 — Означенное (МК), 27 — Красноярск, 28 — Бюшк (Алтай), 29 — Черная Курья (Алтай), 30 — Хёкрихт (Силезия), 31 — Савиновка (Тюменская область), 32 — Кызыл-Алдыр (Оренбургская обл.), 33 — Пермь, 34 — Сыктывкар (Коми), 35 — Осока (Симбирская обл.) 36-37 — Аксубаево (Татарстан), 38 — Ивановское (Ростовская обл.), 39 — Шестачи (Молодова), 40 — Ионешти (Румыния), 41 — Десса (Румыния), 42 — Тёртель (Венгрия), 43 — Капошвёлд (Венгрия), 44 — Варпалота (Венгрия), 45 — Ставрополь, 46 — Бених (Чехословакия), 47 — Интерциса (Венгрия), 48 — Хинова (Румыния), 49 — Хотарани (Румыния), 50 — Сукидава (Румыния), 51 — Червсени (Румыния), 52 — Бошнягу (Румыния), 53 — Малаи (Краснодарский край), 54 — Алтын-Асар (Казахстан), 55 — МК, 56 — Урумчи (Западный Китай) (автор И.П.Засецкая)

Сибири, Средней Азии, Приуралья и Поволжья, народы разного происхождения — тюркские, самодийские, финно-угорские и др., которые не только оказались под влиянием культуры пришельцев, но и сами сыграли не последнюю роль в формировании этнокультурной общности хунно—гуннов.

Судя по письменным сообщениям, европейские гунны, как и хунны Центральной Азии, относятся к монголоидной расе. Аммиан Марцеллин подчеркивает, что отличительным признаком гуннов является их безбородость, которую они достигают тем, что при рождении младенца ему глубоко изрезают щеки острым оружием, чтобы задержать появление волос и «таким образом они стареются безбородыми и ли-

шенными всякой красоты подобно евнухам». Далее Аммиан Марцеллин рассказывает, что «они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов» [СК, II, вып.2, с.337]. Облик знаменитого вождя гуннов Аттилы, по описанию Иордана, близок его соплеменникам: «По внешнему виду Аттила был низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой седinouю, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все при-

знаки своего происхождения» [Иордан, 1960, с.102].

Из этих описаний внешности гуннов, несомненно преувеличивающих их безобразие, явствует, однако, что облик последних был непривычен для глаз европейца и даже пугал их. Не случайно поэтому Атилл, поднимая воинский дух гуннов и вспоминая прежние победы, говорил: «Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Меотидам?.. Кто же заставил тогда перед безоружным отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество».

Присутствие в гуннском обществе племен монголоидной расы подтверждается и антропологическими данными, хотя и представленными лишь несколькими находками. При этом в трех погребениях монголоидность покойных сочеталась с тюркским погребальным обрядом — захоронением вместе с умершим шкуры лошади. Захоронение шкуры коня зафиксировано в четырех случаях — два из них обнаружены в Нижнем Поволжье в могильниках у села Верхне-Погромное и у г. Покровска, одно в восточной части Крыма на городище Беляус и одно в Одесской области в урочище Кубей. Оба погребения из Нижнего Поволжья принадлежат женщинам и были впущены в более древние курганы. Погребение у села Верхне-Погромное помещалось на древнем горизонте, в ногах погребенной лежали череп и кости ног лошади. В подбойных погребениях у г. Покровска и в урочище Кубей череп и ноги лошади находились на ступеньках входной ямы. В крымском погребении, впущенном в пол каменного склепа I в. н.э., кости ног лошади и черепа лежали на каменной плите, перекрывающей узкую прямоугольную могилу, вырытую в полу склепа. Здесь был похоронен мальчик 14—15 лет с явными монголоидными чертами и деформацией черепа. Захоронение шкуры животных является одним из обычаев древнего ритуала, связанного с жертвоприношением животных, известным с эпохи бронзы и существующим у разных народов, в разное время и на разной территории.

Наиболее широкое распространение этот обычай получает в позднекочевничес-

кой культуре VIII—XI вв. в связи с массовым переселением тюркских племен с востока на запад. Для этого времени подобный обряд наблюдается как в памятниках Центральной Азии и Сибири, так и в «южнорусских» степях.

Существование обряда захоронения шкуры лошади у тюркских племен подтверждают письменные источники и этнографические данные. Арабский автор Ибн Фадлан, описывая погребальный обряд тюркского племени гузов, пишет, что после погребения умершего берут его лошадей в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, кожи и хвоста.

Однако появление такого обряда в памятниках восточноевропейских степей гуннской эпохи (конец IV—V вв.), чуждой предшествующей культуре сарматов и аланов, как мы полагаем, можно объяснить проникновением в степи Северного Причерноморья вместе с гуннами каких-то племен тюркского происхождения.

В этой связи следует отметить, что с гуннами Юго-Восточной Европы отождествляется целая серия наименований племен с характерными для тюркских народов окончаниями «уры», «иры», «ары». Это упомянутые Приском и Иорданом акациры, альциагиры, хуногуры, итимары, алпидзуры и др. У Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского к гуннам относятся утригуры, катригуры и ультидзуры. Все эти этнонимы сближаются с именами племен определенно тюркского происхождения, такими, как савиры, уйгуры, авары, хазары, болгары.

Таким образом, вся совокупность признаков сводится к тому, что европейские гунны были несомненно восточного происхождения и относились к монголоидной расе. Были ли сами гунны тюркоязычными — вопрос спорный, но то, что вместе с гуннами в Европу проникают представители тюркского мира, бесспорно. Как отмечают многие исследователи, именно гуннское нашествие открыло дорогу тюркским народам на Запад.

Фларид Сунгатов

Гунны в Волго-Уральском регионе

Территория Волго-Уральского междуречья занимает особое место в средневековой истории Евразии. Она являлась «связующим звеном между двумя континентами. Открытые степные пространства связывали ее с Северным Причерноморьем и Кавказским культурным очагом, древнейшей земледельческой ойкуменой Средней Азии и бескрайними, уходящими в пределы Центральной Азии просторами Южной Сибири. Она находилась как бы в центре великого и древнего пути многосторонних культурных связей, активных контактов и влияний и, наконец, грандиозных переселений человеческих групп» [Мерперт, 1974, с.16]. Столь широкие исторические связи и активность этнокультурных контактов с глубокой древности были связаны с формированием еще в эпоху раннего железного века меридионального цикла кочевания, когда в засушливые летние сезоны и особенно в связи с усыханием евразийской степи с юга номады перегоняли свои стада в богатые травами средневожскую и приуральскую лесостепь.

Исследователи считают, что меридиональные сезонные перекочки на большие расстояния, сложившиеся в эту эпоху, сыграли выдающуюся роль в установлении хозяйственно-торговых, этнических и культурных связей Среднего Поволжья и Южного Урала с регионами Приаралья, Прикаспия и Северного Кавказа. Данное обстоятельство позволяет рассматривать эти территории в рамках единого этнокультурного мира – Волго-Уральско-Северо-Кавказско-Прикаспийско-Приуральской провинции [Кузеев, 1992, с.38]. В середине 1 тыс. н.э., начиная с вторжения гуннских племен в Восточную Европу, в регион Волго-Урала неоднократно проникают различные по происхождению (в первую очередь тюркские) группы племен. По существу, это было продолжением и дальнейшим развитием ранее сформировавшихся миграционных традиций, но с той лишь разницей, что ос-

новная причина подвижек кочевников на север была вызвана не природно-климатическими катаклизмами, а военно-политическими событиями, развернувшимися в Восточном Приаралье еще задолго до начала эпохи «Великого переселения народов» и связанными с ними миграционными импульсами гунно-дахо-массагетского населения Кангюя в III–IV вв. н.э. в направлении на запад и северо-запад (Нижнее и Среднее Поволжье, Приуралье) [Левина, 1996, с.375].

Современная историческая наука не располагает письменными данными, которые достоверно и полно освещали бы имевшие место во II–IV вв. этнокультурные изменения в степях Южного Приуралья, Зауралья и Западного Казахстана. Но есть все основания локализовать на данной территории границы нового этнокультурного объединения, во главе которого встали пришлые племена кочевников, некогда входившие в державу легендарного гуннского шаньюя Чжичжи. В составе этого объединения оказались дахо-массагетские, аланские племена Азиатской Сарматии, финно-угры Урала-Поволжья и Сибири. Их потомки и стали известны в Восточной Европе под именем *гунны*.

Археологически перемены на данной территории зафиксированы памятниками, получившими название «гунно-сарматские». По особенностям основных признаков погребального обряда и вещевого материала они близки джетысарским древностям. В Урало-Ишимском междуречье они представлены 128 погребальными комплексами (Байрамгулово, Малково, Дружено, Большекараганка, Темясово и др.) [Боталов, 1993; Боталов, Полушкин, 1996; Пшеничнюк, 1983]. В Южном Приуралье они маркируются пещерным захоронением у с. Кызыл Адыр, погребением Загребаловского кургана 5, отдельными комплексами курганов на горе Мертвые Соли, курганными могильниками типа Дербенево, Салихо-

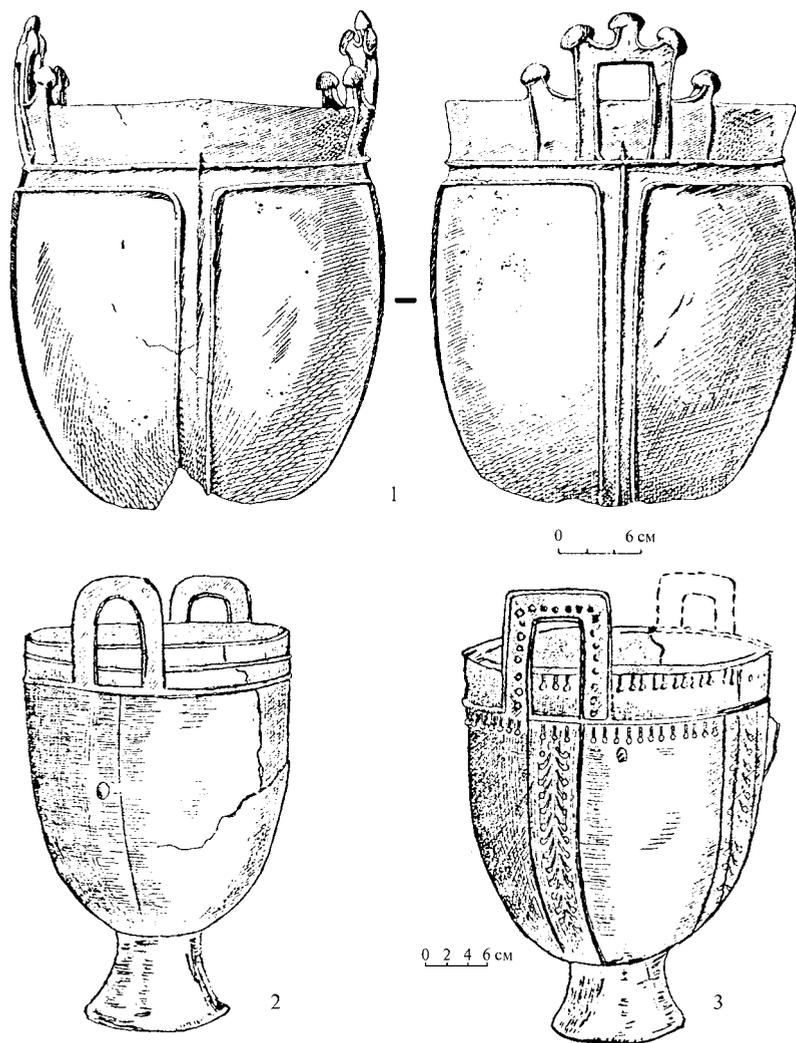

Рис.1. Гуннские котлы Волго-Уральского региона.

1 — котел из пещерного захоронения у с.Кызыл-Адыр (Оренбургская обл.); 2,3 — котлы — случайные находки у с.Татарское Сунчелево (Татарстан). 1-3 — бронза

во, Ахмерово и др. [Засецкая, 1994; Пшеничнюк, 1983, Васюткин, 1977; 1986]. Многочисленны памятники познесарматского времени в Нижнем и Среднем Поволжье.

Данные археологии, таким образом, позволяют локализовать поселение гуннов II—IV вв. на обширной территории от Урала и до бассейна Иртыша, на юг — вплоть до среднего течения р. Сырдарья. Западная граница, установленная многими исследователями по р. Яик (Урал), вполне возможно, доходила до Волги. Во всяком случае,

для районов Нижнего и Среднего Поволжья имеются косвенные археологические свидетельства проникновения собственно гуннов в сарматскую среду уже в первых веках н.э. (погребение 51 Сусловского могильника) [Минаева, 1927, с.116; Засецкая, 1994, с.138].

В IV—V вв. в Волго-Уральской лесостепи отчетливо проявляются контуры отдельных районов, где археологически четко фиксируется присутствие пришлых с юга племенных групп гуннской орды (рис.1)

и их активное взаимодействие с местными племенами финно-пермского этнокультурного ареала.

В «южнорусских» степях памятники собственно гуннского круга крайне малочисленны. По данным И.П.Засецкой, пребывание гуннов в Восточной Европе фиксируется всего 54 погребальными комплексами и отдельными случайными находками [Засецкая, 1994, с.6]. В Среднем Поволжье они представлены еще меньшим числом, среди которых наиболее известными являются Федоровское и Владимировское погребения, находки отдельных вещей гуннского стиля с. Муслюмово, д. Осока и Татарское Сунчелеево [Werner, 1956; Халиков, 1978; Богачев, 1998].

Перечисленные памятники для многих ученых служат свидетельством проживания в Среднем Поволжье представителей тюркоязычного населения еще в добулгарский период [Фахретдинов, 1996, с.29; Халиков, 1971, с.12]. Но данная точка зрения принимается не всеми исследователями.

Особое место в Волго-Уральском регионе занимают материалы Тураевских (низовья р. Иж), Старо-Муштинских (низовья р. Белой) курганов и могильников харинского типа (Верхнее Прикамье), появившихся здесь в одно и то же время и существовавших синхронно в IV—V вв. Население, оставившее эти памятники, принесло не только доселе не известный в крае подкурганый обряд захоронения, но и новые типы предметов материальной культуры южного (гуннского) облика.

Пришлый характер «тураевского», «старо-муштинского» и «харинского» населения признается практически всеми исследователями. Но одни ученые признают в них угров Южного Зауралья, другие — ираноязычных сармат, третьи — самодийцев, а также смешанных угро-иранцев или тюрко-угров и даже праславян.

Возможно, появление «тураевско-старо-муштинско-харинского» населения в регионе сопряжено с движением гуннов на Запад [Генинг, 1976, с.108]. На это указывает

основной комплекс инвентаря погребений. Во всяком случае по составу находок он мало чем отличается от древностей гуннской эпохи и находит прямые аналогии в синхронных памятниках евразийских степей V—VII вв. и особенно среди материалов *джетысарской культуры* Восточного Приаралья. К числу таковых следует отнести предметы поясной гарнитуры, вооружения и конского снаряжения. Что же касается предметов, которые, возможно, имеют западное происхождение (шлемы), то нельзя исключить возможность, что они являются военными трофеями гуннов и их союзников, взятыми ими после завоевания Северного Причерноморья в конце IV в.

Логично предположить, что география гуннских военных походов не ограничивалась только западным направлением. Вполне вероятно, что военные походы организовывались и в северном направлении, в частности, в лесостепные и лесные районы Прикамья и Приуралья. Пришлый этнос сыграл немаловажную роль в дальнейшей трансформации археологических культур местного финно-пермского населения и придал им определенное своеобразие. Видимо, не без этнокультурного влияния и даже непосредственного участия пришельцев в Прикамье развивалась *мазунинская (раннебахмутинская) культура*, сложившаяся на пьяноборско-караабызской основе в III в. н.э. В этой связи обращает внимание на себя дифференциация Тураевского и Старо-Муштинского могильников по половой принадлежности — в могилах под курганами захоронены мужчины-воины-пришельцы, в грунтовых — женщины, представительницы местного населения.

Следствием культурных инноваций в Прикамско-Приуральском регионе в эпоху Великого переселения народов явился раскол мазунинской общности. Это выразилось в существовании в IV—V вв. двух ее вариантов — удмуртского и башкирского, каждый из которых в последующем имел разную историческую судьбу.

Гунны на Северном Кавказе

Появление нового населения гуннов (уннов) на Северном Кавказе античные авторы отмечают с середины II в. н.э. С ними связывают прикаспийские степи западного побережья. Южными соседями племени «уннов» Дионисий Перизет (II в.) назвал известные в Европе народы — каспиев и албан. Северная граница государства Кавказская Албания (*Агван* в армянских источниках) проходила у Дербентского прохода, которым албаны владели с 68 г. н.э. Гунны во II в. обитали к северу от владений албан, освоив степные пространства Прикаспия [Гмыря, 1995, с.46—47]. Прежнее кавказское и ираноязычное (сарматы) население с этих территорий было вытеснено или ассимилировано. Этнически Гуннский союз не был однородным. Специалисты относят гуннский язык к западно-хуннской ветви тюркского языка [Баскаков, 1960, с.106—107], что, впрочем, достаточно условно, т.к. состав языка западных гуннов неизвестен.

Укрепившись на обретенной территории Западного Прикаспия, гунны в III — первой половине IV в. активно вмешиваются в военно-политические события, происходящие в Закавказье. Армянские историки V в. фиксируют политическую активность прикаспийских гуннов с 30-х гг. III в. Известно их участие в совместном походе армян и кавказских народов против персов в 227 г. Во времена правления армянского царя Трдата III (287—332), по данным армянского историка V в. Моисея Хоренского, существовала «земля гуннов» как стабильная территория обитания гуннских племен. Прикаспийские гунны, как указывает армянский историк V в. Фавстос Бузанд, вместе с аланами участвовали в битве армян во главе с царем Аршаком II (350—368) против войск персидского царя Шапура II (309—379). Исследователи признают реальным проникновение гуннских племен в Восточное Предкавказье во II в. н.э., считая его предшествующим массовой миграции гун-

нов (Л.Н.Гумилев, С.Г.Кляшторный, А.П.Новосельцев, С.Б.Ашурбейли и др.).

В 70-х гг. IV в. началась массовая миграция гуннских племен в регион и расселение их по побережью Каспийского моря, в том числе и в районе Каспийского (Дербентского) прохода (Н.В.Пигулевская, М.И.Артамонов, А.В.Гадло, В.А.Кузнецов, С.А.Плетнева и др.). К 90-м гг. IV в. исследователи относят возникновение племенного союза, включавшего гуннские и аланские (маскутские) группы населения, территория обитания которого простиралась от р. Терек до Дербентского прохода (А.В.Гадло). В 395 г. гунны Прикаспия предприняли военную акцию в страны Закавказья и Передней Азии, дойдя до Сирии. Знаменитый латинский церковный историк Евсевий Иероним, будучи современником похода гуннов, отметил его в своих письмах, датированных 396 и 399 гг. как страшное бедствие 395 г.: «...от крайних пределов Меотиды..., где Александровы запоры (район Дербентского прохода. — Л.Г.) сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов...» [Евсевий Иероним, с.1030].

Территория расселения гуннских племен в Прикаспии с середины V в. начинает именоваться современными армянскими авторами «страной гуннов» [Егише, с.79—80 и др.]. Пограничным рубежом между владениями гуннов в Прикаспии и странами Закавказья в источниках называются Дербентские укрепления, часто именуемые «воротами гуннов» [Егише, с.31,53,79 и др.]. Гунны, занимавшие в V в. территорию севернее Дербента, были в это время основной военной и политической силой в Восточном Предкавказье. Одно из многочисленных названий Дербентского оборонительного комплекса, сырцовые фортификации которого относят к первой половине V в. [Кудрявцев, 1982, с.77], армянский историк Лазарь Парбский (V в.) привел в форме *пахак хонов* — «оборона от хонов».

Гуннские племена, занявшие земли на северных границах подвластной Ирану территории Закавказья, стали предметом неустанных забот как самого Ирана, так и его соперника на Кавказе — Византии, а также народов Кавказской Албании, Армении и Грузии, в земли которых совершались почти ежегодные грабительские походы гуннов. В зависимости от того, как складывалась политическая обстановка внутри этих стран, предпринимались ответные походы в земли гуннов. Но большей частью правители Ирана, Византии, а также Албании и Армении предпочитали устанавливать союзнические отношения с гуннами Прикаспия, используя их содействие в своих внешнеполитических акциях. В 450 г., когда в Персидской Армении разразилось антииранское народное восстание во главе с князем Варданом, армяне и албанцы призвали гуннов Прикаспия в качестве своих союзников. Гунны реально оценивали военно-политическую обстановку в Закавказье, исходя из которой и действовали. Прежде чем подтвердить свое участие как союзников восставших, «...гунны пришли на самое место сражения и удостоверились собственными глазами в подвигах, совершенных христианскою армией Вартана...» [Егише, с.79—80]. В течение всего времени, когда Армения была охвачена партизанской войной с персами, гунны были верны договору с ней, «беспрерывно тревожили царя Персии» и не поддавались уговорам изменить восставшим. Дабы препятствовать оказанию помощи восставшим со стороны гуннов, персы захватили Джорский (Дербентский) проход, призвав на помощь многие горские племена. В Аварайском сражении 451 г. между восставшими армянами и персидскими войсками гунны не принимали участия, хотя армяне «...посылали гонца за гонцом к гуннам, тревожили, воспламеняли войско их, напоминали им союз, в котором они поклялись армянам» [Егише, с.116]. В изменившейся обстановке (Албания, Иверия и ряд других областей отошли от восставших армян) гунны предпочли нейтралитет, но какая-то их часть поддержала персов. Албанцы, воспользовавшись борьбой за власть, разгоревшуюся в Персии после смерти Иездигер-

да II (438—457) между его сыновьями, поднялись на борьбу с персами (460—462 гг.). Гунны, подкупленные персидским царем Перозом (459—484), изменили союзу с закавказскими народами и в течение 462 г. сражались с восставшими [Егише, с.170; Мовзес Каганкатвази, I, с.11].

В IV—V вв. в степях Восточного Предкавказья сложился союз гуннских и маскутских племен, что отразилось в обозначении армянскими писателями V в. обитавшего в регионе населения через двойные этнонимы: *гунны-хайландурки* (Егише) и *масаха-гунны* (Агафангел). Маскуты (масаха), владения которых в первых веках н.э. находились в районе Дербентского прохода, вступили с гуннами в военное, политическое и этнокультурное взаимодействие. Армянская литературная традиция связывает трагическую гибель епископа Григориса, предпринявшего в 30 г. IV в. попытку христианизации кочевых племен Прикаспия, с именем царя маскутов Санесана, который обозначается и как «повелитель многочисленных войск гуннов» [Фавстос Бузанд, с.14]. Место гибели епископа обозначено в источниках как «поле Ватнеан» на берегу «Великого северного моря», соотносимое с районом к югу от Дербента. К этому же времени источники относят поход маскутов во главе с Санесаном против армянского царя Хосрова II (330—338). В войске маскутов находились также гунны, аланы и другие кочевые племена. Фавстос Бузанд описал традиционный способ подсчета численности войск, возглавляемых маскутским царем: «Не было числа множеству его конных полков и счета пешему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско. Но когда они прибывали на какое-нибудь знаменательное место, то устраивали смотр по полкам, знаменам и отрядам на видных местах, приказывали, чтобы каждый человек нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому, сколько окажется камней, можно было определить количество людей и чтобы оставался на будущие времена этот грозный знак прошедших событий. И всюду, где они проходили, они оставляли такие знаки на перекрестках дорог и на путях» [Фавстос Бузанд, с.15]. В войске маскутского царя

Гуннский вождь. V в. Реконструкция М.В.Горелика

помимо союзных отрядов кочевников источники отмечают наличие «коренного полка» (Фавстос Бузанд), видимо, состоящего из маскутов и гуннов. Эта военная акция закончилась неудачно для Санесана. Захватив большую часть Армении, масахагунны оставались там в течение года. Армяне, собрав силы, напали на их лагерь «...в утренний час во время богослужения». Все, кто находился в лагере (Айрататский гавар), охраняя добычу и пленных, погибли. В сражении у города Вагаршапета было разгромлено основное войско маскутов, гуннов и аланов, погиб также Санесан — «голову великого царя Санесана принесли армянскому царю» [Фавстос Бузанд, с.16].

Армянский историк начала V в. Агафангел местоположение страны «масаха-гуннов» указывает в пределах северо-восточной части Кавказской Албании, а также определяет ее статус в политической системе государства албан [Гадло, 1979, с.32—33]. Отождествление маскутов и гуннов древними авторами, как полагают, «свидетельствует об определенной интеграции ираноязычных потомков массагетов и тюркоязычных гуннов» [Гадло, 1979, с.36].

В 502 г. возобновились военные действия между Ираном и Византией, переросшие в длительную войну, продолжавшуюся до первой четверти VII в. Страна гуннов Прикаспия была втянута в военные действия, содействуя то одной, то другой стороне.

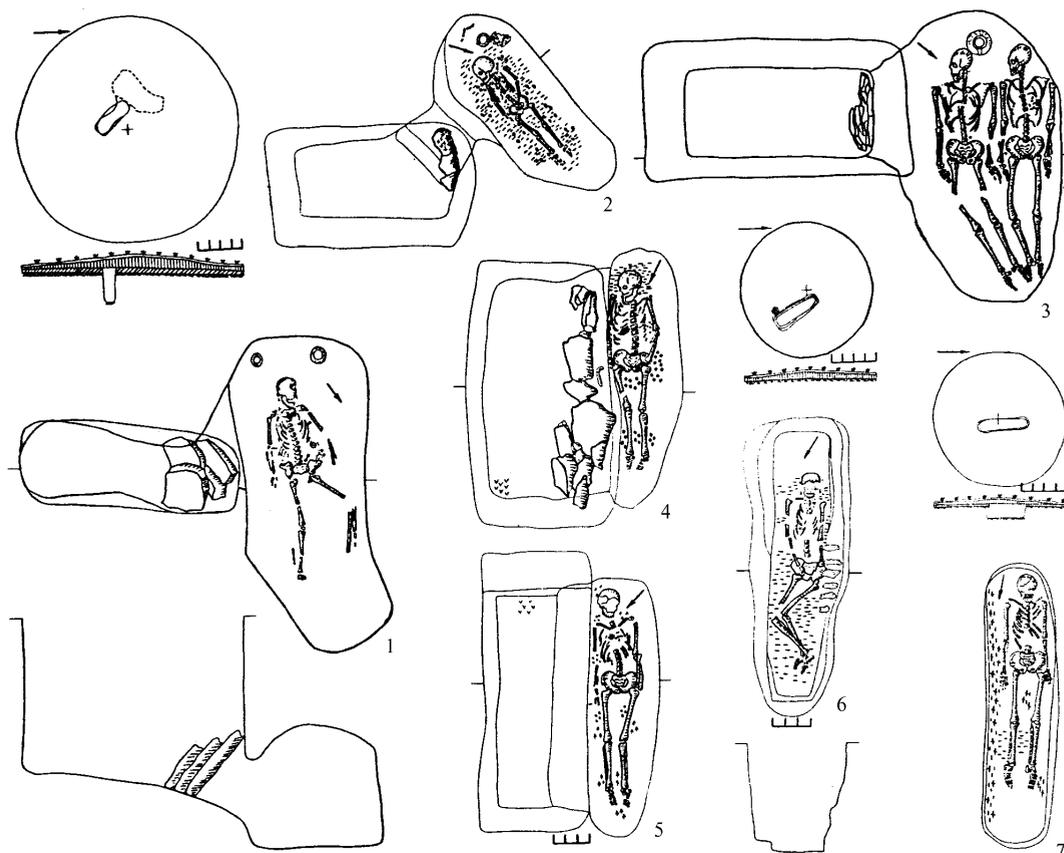

Рис. 1. Прикаспийский Дагестан. Паласа-сыртский курганный могильник IV—V вв. Погребальный обряд. 1-3 — погребения в катакомбах; 4-5 — погребения в подбоях; 6-7 — погребения в ямах

В начале VI в. гунны выступают как союзники Византии. Выдающийся византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский в одном из сочинений упоминает гунна Амвазука, который владел крепостью и Каспийскими воротами во времена византийского императора Анастасия (491—518) и персидского царя Кавада (488—496; 499—531). Каспийские ворота обозначаются историком как «замок, построенный у ворот Каспийских Александром Великим», т.е. Дербентский проход: «Александр, сын Филиппов... построил на сказанном месте ворота и укрепление, которое в разные времена занимаемо было многими, между прочим, и Унном Амвазуком, другом римлян и царя Анастасия» [Прокопий Кесарийский, I, с.112—113]. Анастасий отказался выкупать у гуннов этот проход, который вскоре был захвачен Кавадом.

В военных действиях 502—506 гг. прикаспийские гунны воевали как наемники в войсках обоих государств. Гуннское содействие высоко ценилось как персами, так и византийцами. Известен эпизод, описанный сирийским автором VI в., когда во время штурма персами г. Харрана (502 г.) осажденные захватили в плен вождя гуннов. Персидский царь Кавад снял осаду города и предоставил осажденным «стадо в полтора года баранов и другие вещи», чтобы выволить знатного гуннского военачальника [Иешу Стилит, с.155]. Византия, осознав, какое важное значение приобретают гуннские племена на северо-восточных границах Персии, стремилась всячески привлечь их на свою сторону. Для этой цели использовались подкуп, угрозы или платное военное содействие. Персия, в свою очередь, понимала, какую опасность представляет для нее ведение воен-

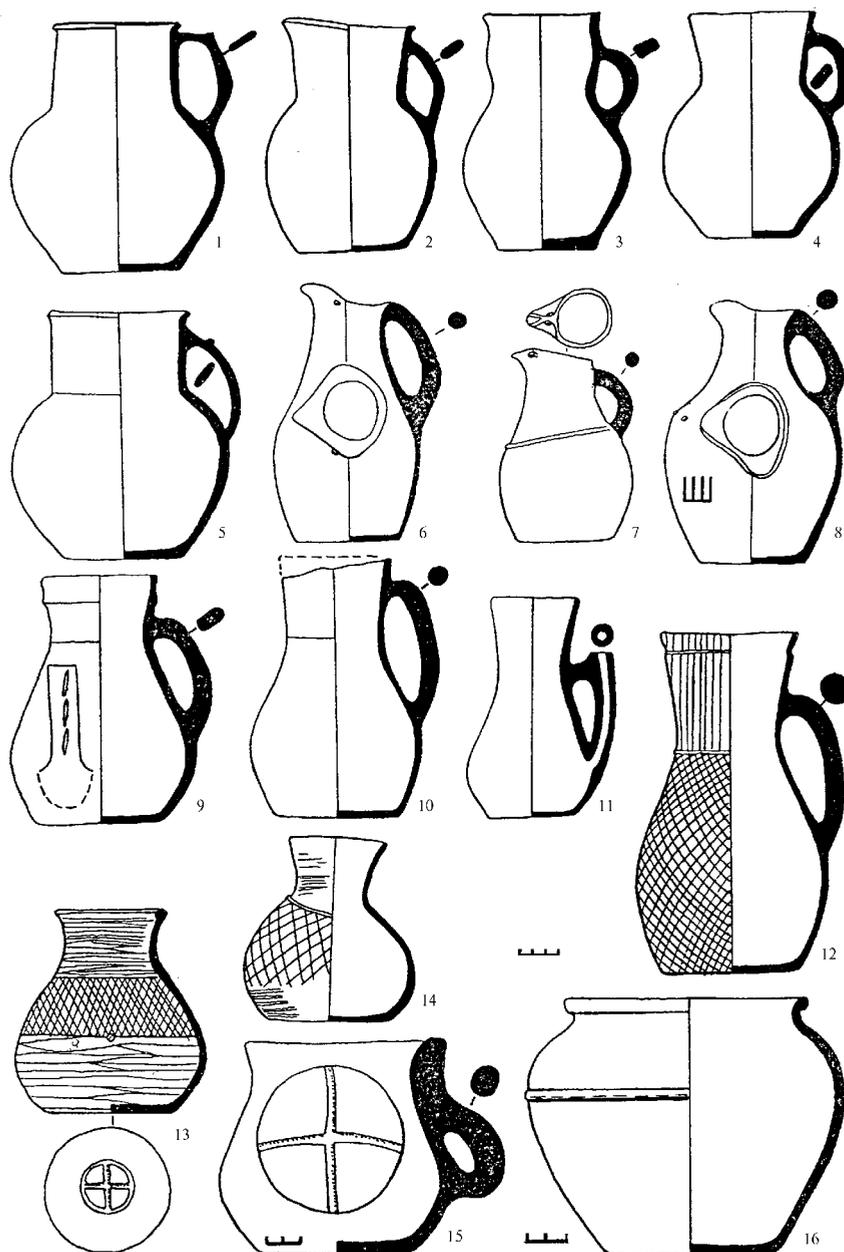

Рис. 2. Прикаспийский Дагестан. Паласа-сыртский курганный могильник IV—V вв. Сосуды из погребений. 1-5 — красноангобированные кувшины; 6-8 — розовоглиняные лощеные кувшины; 9-12 — серолощенные кувшины (12 — полосчатое лощение); 13-14 — серолощенные кубышки (полосчатое лощение; 13 — отпечаток на дне знака креста в круге); 15 — серолощенная кружка (отпечаток на дне знака креста в круге); 16 — сероглиняный горшок

ных действий одновременно на двух флангах — против гуннов и против Византии, поэтому также использовала все средства, чтобы сделать из гуннов своих союзников. Чаще всего предпринималось наемничес-

во гуннских отрядов, но известны также убийство негодных гуннских вождей и предательство своих союзников.

В 504 г. гунны Прикаспия выступают как союзники Византии, организовав втор-

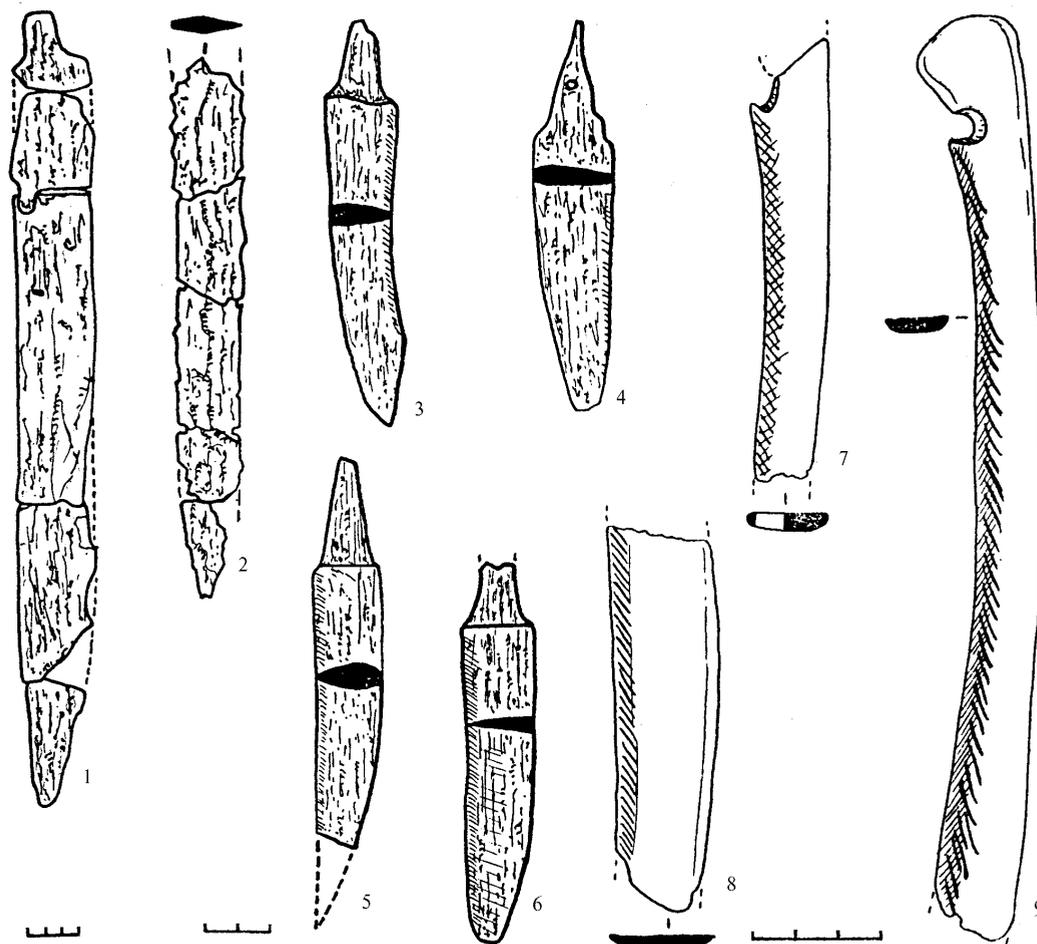

Рис. 3. Прикаспийский Дагестан. Паласа-сыртский курганный могильник IV—V вв. Предметы из погребений. 1-2 — мечи; 3-6 — ножи; 7-9 — накладки луков. 1-6 — железо; 7-9 — рог

жение в земли, подвластные Персии. Персия вынуждена была перебросить свои войска в северные области и вести с «уннами долговременную войну» [Прокопий Кесарийский, I, с.101]. Война с «уннами» была настолько обременительной для Ирана, что персы и римляне согласились в 507 г. на семилетнее перемирие. Персы вытеснили гуннов из Дербента и заключили с ними союз, обязуясь выплачивать определенную подать. Византийский император Анастасий, желая разрушить невыгодный для себя союз, пообещал гуннам платить большую подать. Гунны попытались выторговать у персов лучшие условия союза, предприняв в их земли в 513 г. поход. Персы, согла-

сившись на увеличение податей, начали переговоры с гуннами. В лагере у персов осталось «400 мужей из гуннских начальников», остальное войско было отпущено. Персы, как указывает сирийский анонимный автор VI в. Псевдо-Захария, «приготовились к войне как против гуннов, которые рассеялись, так и против тех четырехсот, которые остались, и тех, что были с ними» [Псевдо-Захария, с.150]. Гуннам удалось выстоять в сражении, и в отместку они совершили набег на персидские владения.

Данных о внешнем облике гуннов Прикаспия в источниках практически нет. В сочинении армянского историка Мовзеса Каганкатваци (писал предположительно

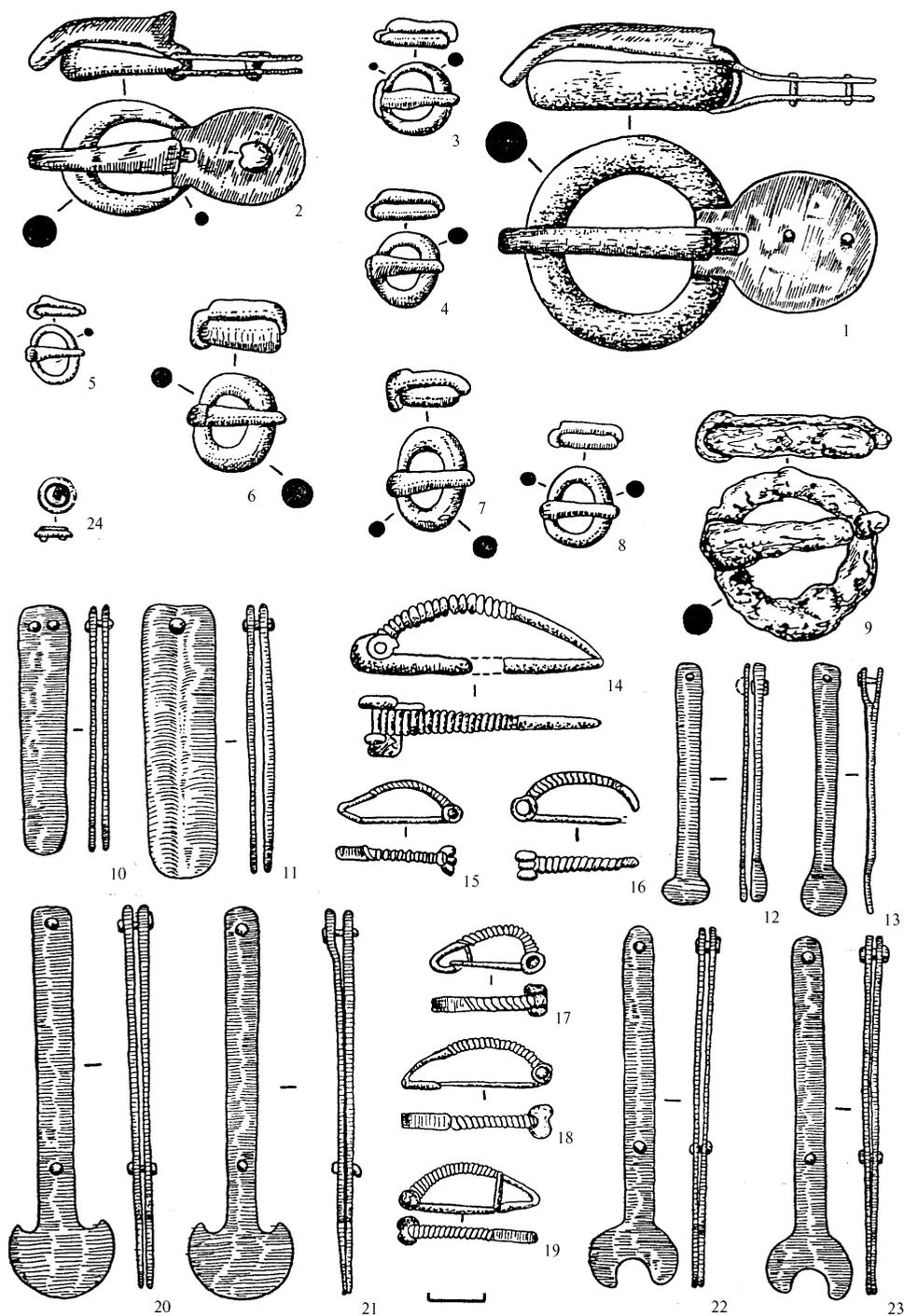

Рис. 4. Прикаспийский Дагестан. Паласа-сыртский курганный могильник IV—V вв. Предметы одежды из погребений. 1-9 — пряжки; 10-11 — наконечники ремня; 12, 13, 20, 21, 22, 23 — привески; 14-19 — фибулы. 24 — бляшка. 1 — гагат (рамка), серебро; 2-4, 10, 11 — серебро; 5-8, 12-13, 16, 17, 20-23 — бронза; 9 — железо, 14 — железо, бронза (обмотка); 15 — бронза, серебро (обмотка), железо (стержень); 18 — серебро, железо (стержень); 19 — бронза, железо (стержень); 24 — золото, красное стекло (вставка)

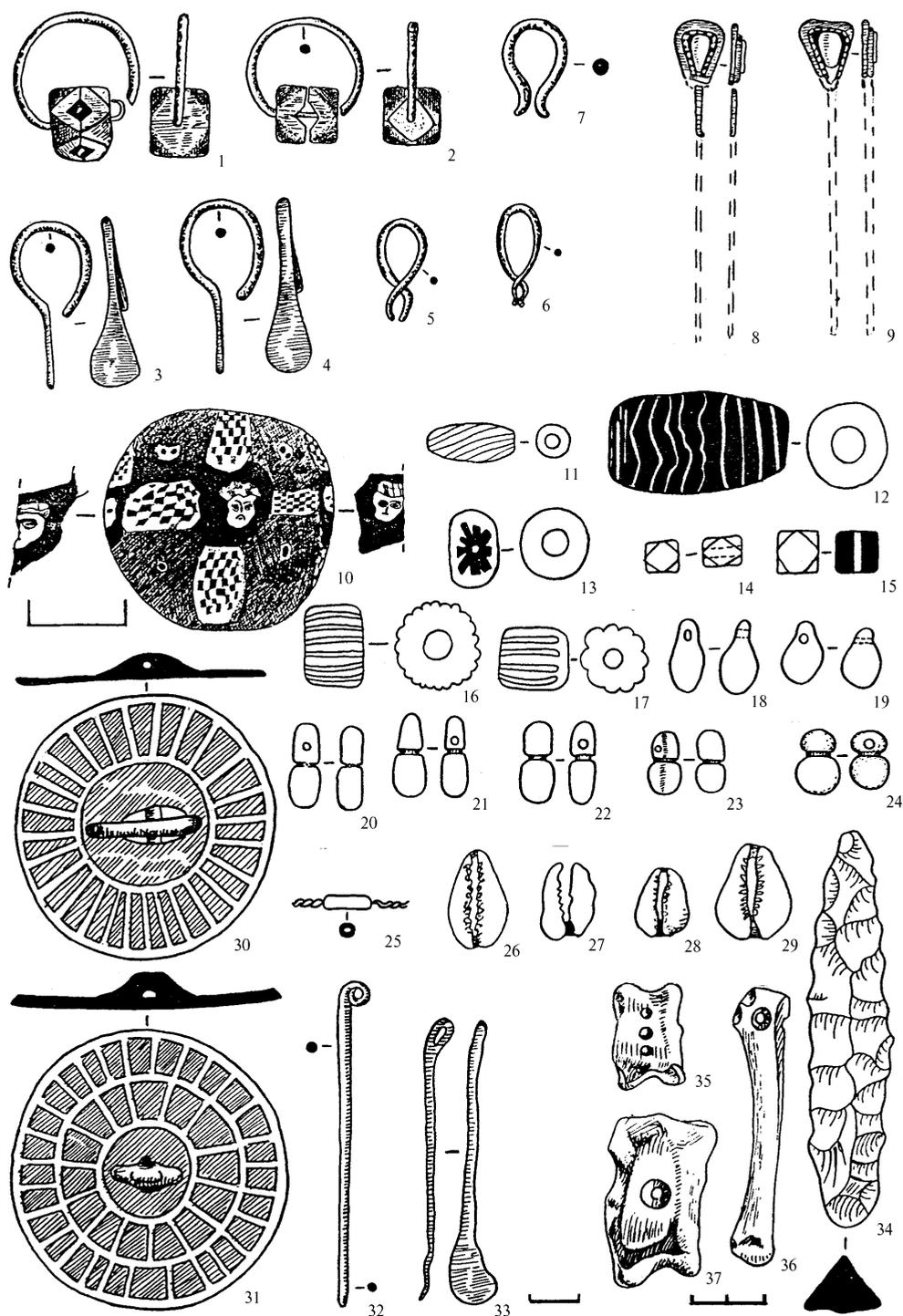

Рис. 5. Прикаспийский Дагестан. Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв. Украшения и предметы культа из погребений. 1, 2 — височные привески; 3–7 — серьги; 8–9 — головные булавки; 10–24 — бусы; 25 — пронизка; 26–29 — раковины каури; 30, 31 — зеркала; 32, 33 — штыревые привески; 34 — отбойник; 35, 37 — кости с просверленными метками; 36 — подвеска-амулет. 1, 2 — бронза, цветное стекло (вставки); 3–7, 30–33 — бронза; 8–9 — бронза, полудрагоценный камень (вставки); 10–13 — полихромное стекло; 14, 16, 17 — прозрачное стекло; 15 — фаянс; 18–19 — гагат; 20–24 — янтарь; 25 — бронза, нить; 26–29 — раковины; 34 — кремний; 35–37 — кость

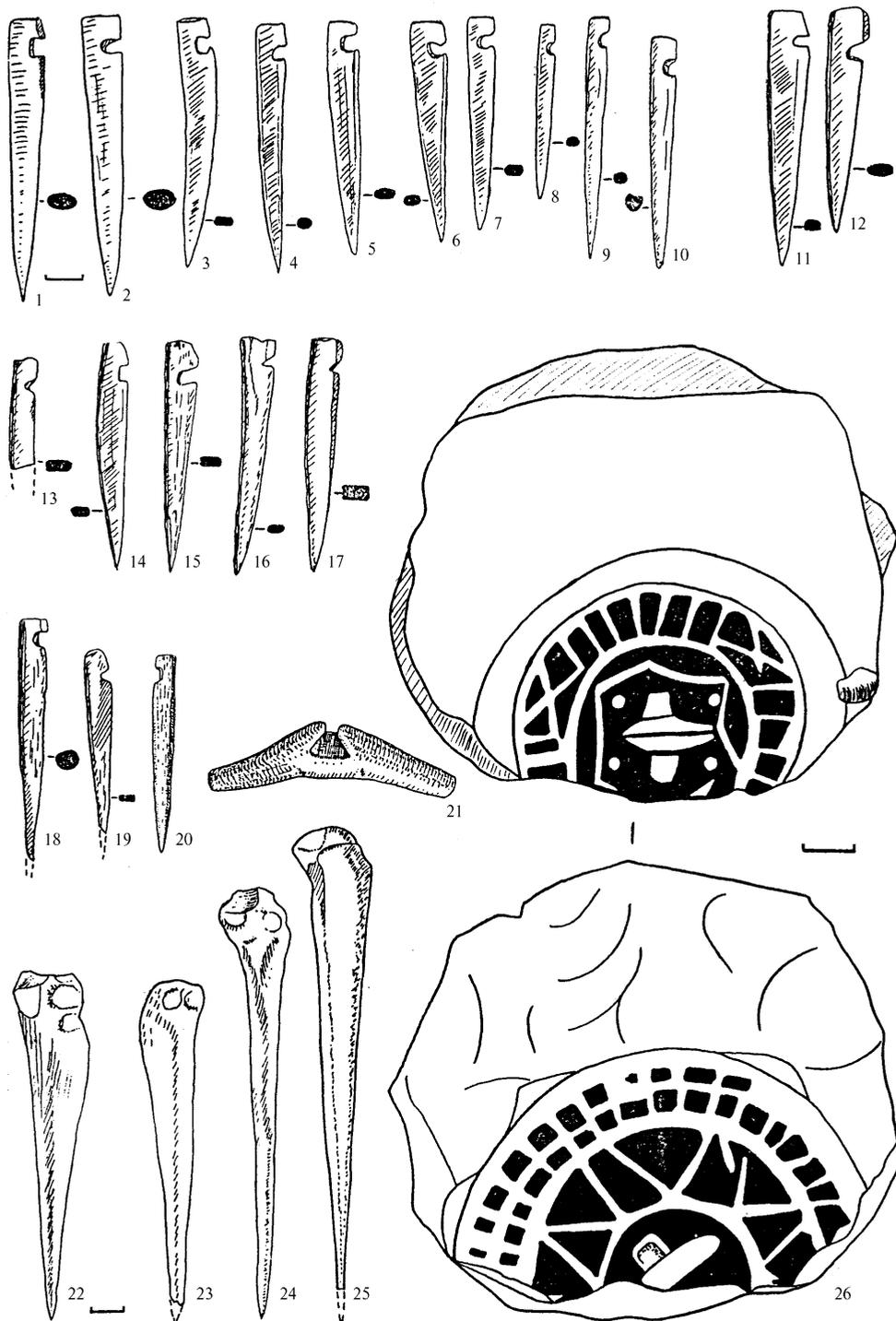

Рис. 6. Прикаспийский Дагестан. Орудия труда. 1-19, 22-26 — Паласа-сыртское поселение IV—VI вв.; 20, 21 — Бавгайское поселение IV—V вв. 1-20 — приспособления для плетения сетей; 21 — челнок для вязания сетей; 22-25 — проколки; 26 — обломок формы для отливки зеркал (лицевая и обратная стороны). 1-21 — рог; 22-25 — кость; 26 — камень. 20-21 по М.И. Пикюль

в VII в.) описан поединок предводителя войск гуннов и персидского воина, состоявшийся накануне сражения. События отнесены в источнике ко времени правления Шапура II (309—379). Гуннский вождь, судя по описанию, произвел необычное впечатление: «В то самое время выступил гунн из гуннов по имени Хонагур... Сам гунн был высок, исполинского роста и одет в кольчугу, на огромной голове носил клепаный шлем. Медная пластина защищала лоб в три пяди. Древко огромного копья было из крепкого кедрового дерева. Меч его сверкал пламенем и одним только видом своим наводил ужас» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.66]. Гунны IV в., исходя из данных различных источников, были монголоиды — характерные черты этого антропологического типа отражены в немногих описаниях внешности европейских гуннов (Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан, Иордан, Приск Панийский). Некоторые из источников отражают и обычай гуннов деформации черепа (придания ему вытянутой формы в результате ношения сдавливающей повязки). Живший примерно в 430—480 гг. епископ Клермона Аполлинарий Сидоний в одном из своих стихотворений так описал облик гунна: «Над круглой массой тела поднимается узкая голова; под челом в двух щелях есть зрение, но нет глаз; проникающий в местилище мозга свет едва доходит до впалых глазных яблок, однако закрытых... для того, чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обвязанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлемы... растянутая площадь щек становится шире, если посередине не возвышается нос. Остальные части тела у мужчин отличаются красотой: широкая грудь, могучие плечи, подтянутый под кишками живот. Росту пешего средний...» [Аполлинарий Сидоний, с.1090]. Непривычный для европейцев антропологический тип гуннов порождал в общем-то утрированные описания их облика, однако, не отражающие всего многообразия этнического состава племен, втянутых в Великое передвижение народов.

Сведения письменных источников об экономическом развитии Гуннского союза Прикаспия весьма неполны. Гунны в на-

чальный период пребывания в Прикаспии (конец IV—начало V в.) известны древним авторам как народ, не знающий земледелия, основным их занятием было кочевое скотоводство и охота. Немаловажной статьей дохода гуннов Прикаспия были также набеги на страны Закавказья, совершаемые ежегодно. Практически все взрослые мужчины были воинами. Армянский историк V в. Фавстос Бузанд, описывая события 30-х гг. IV в., связанные с неудачной попыткой христианизации племен маскутов и гуннов, подчеркивая варварский образ жизни этих народов, отмечал, что они не представляют других занятий, кроме грабежа и присвоения чужого имущества. В ответ на проповеди христианских добродетелей католика Кавказской Албании Григориса, вожди гуннов и маскутов отвечали: «Как же можем мы прокормиться с таким множеством войска? Чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней?» [Фавстос Бузанд, с.14]. Походы были обычно непродолжительными, но гунны могли оставаться на захваченных территориях в течение года [Фавстос Бузанд, с.15].

Проникновение нового населения в район Прикаспийского Дагестана отмечено появлением в регионе курганных могильников IV—V вв., которые занимали, как правило, возвышенные участки местности — плато, небольшие холмы, террасы рек. Среди могильников имеются обширные и состоящие из небольших компактных групп. На территории Прикаспийского Дагестана известно 11 могильников, где исследовано 112 погребений, из них 90 — на Паласа-сыртском курганном могильнике [Гмыря, 1993, с.44—133] (рис.2—7). Невысокие грунтовые насыпи (0,4—1,2 м) располагались на названном могильнике компактными группами. Захоронения произведены в катакомбах (64%), подбоях и ямах; погребенные положены на растительных подстилках в вытянутой позе головой в южном направлении.

Могильники местного населения этого времени (Урцеки I и II, Большой Буйнакский курган) представлены грунтовыми захоронениями в каменных ящиках, склепах и гробницах с неустойчивой ориентировкой погребенных [Гмыря, 1993, с.309—335].

Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы

Савиры

У византийского историка середины VIII – начала IX в. Феофана Исповедника под 6013 г. Александрийской эры (516/517 г.) отмечен военный поход новых племен Прикаспия в Малую Азию во владения Византии: «В этом году гунны, именуемые савир, переправившись через Каспийские ворота, совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [Феофан Исповедник, с.49]. Это сообщение о появлении в Прикаспии *савир* считается первым точно датируемым. Савиры (сабиры), как предполагается, обитали в Западной Сибири, между Алтаем и Уралом, но под натиском *аваров* переселились в Прикаспийские степи Восточного Предкавказья [Артамонов, 1962, с.62–65]. Этнически савиры не отличались от гуннов и, вероятно, очень быстро смешались с ними в Предкавказских степях [Артамонов, 1962, с.78]. Прокопий Кесарийский – выдающийся византийский историк середины VI в., первый из современных ему историков выделивший среди неоднородных гуннских племен Прикаспия савир (сабир), постоянно подчеркивал их родство с гуннами, в ряде случаев применяя по отношению к ним двойной этноним – «унны-савиры» или «гунны-савиры» [Прокопий Кесарийский, I, с.180–181; II, с.432]. То же делал и его современник Агафий Миринейский [Агафий, с.88]. Но уже во второй половине VI в. гуннское племя савиров было хорошо известно византийским историкам. Их упоминание в источниках происходит без пояснений о происхождении (Менандр Византиец (Протиктор), Феофан Византиец). Савиры активно участвуют в византийско-персидском противостоянии на Кавказе в VI в. Византийские и сирийские авторы в первой половине VI в. знают гуннов-савир как многочисленный народ, разделенный на множество племен. Прокопий Ке-

сарийский отмечает, что племя гуннов-сабир «...очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен» [Прокопий Кесарийский, II, с.407]. Указывая на непостоянство савир в военных союзах, другой византийский писатель VI в., Агафий, даже сомневался, есть ли это один народ: «...те ли самые или другие, но во всяком случае из этого народа, посланные в качестве союзного войска» [Агафий, с.117]. В 20–30-е гг. VI в. в Восточном Предкавказье протекал процесс формирования союза гунно-савирских племен. Правитель гуннов по имени Зилгивин, с которым в 522 г. вел переговоры Юстин I (518–527), обозначен в «Хронике» Феофана Исповедника титулом «царь гуннов» [Феофан Исповедник, с.50]. В 527/528 г. с византийским императором Юстинианом I (527–565) вела переговоры о мире правительница савиров Боарикс, под властью которой находилось 100 тыс. гуннов. Она возглавила Гуннский союз по смерти своего мужа Валаха [Там же]. Боарикс прославилась тем, что «...захватила двух царей другого племени внутренних гуннов, по имени Стиракс и Глона, склоненных Кавадом, императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в (пределы) Персии с двадцатью тысячами. Их-то она и разбила: одного царя из них, именуемого Стиракс, схватив, она отослала в Константинополь императору, Глону же убила в сражении» [Там же]. Имена Боарикс и Валах признаются исследователями как тюркские. Имя Стиракс – греческое, означающее «копье». Возможно, что это имя принял крещеный гуннский вождь. Глона, как считается, переданное в греческой транскрипции персидское имя [Чичуров, 1980, с.77–79, прим. 62, 63, 66, 67].

В дальнейших ирано-византийских военных кампаниях 30–60-х гг. VI в. гунно-савирские отряды за платное военное содействие сражались в войсках обеих враж-

дующих сторон, иногда предпринимая самостоятельные акции. В 551 г. при штурме византийцами г. Петры впервые были применены изобретенные савирами легкие стенобитные орудия (тараны), сыгравшие решительную роль в его взятии [Прокопий Кесарийский, II, с.407]. При штурме персами г. Археополя (551 г.), в котором принимал участие четырехтысячный отряд гуннов-савир, также применялись гуннские облегченные стенобитные орудия, имевшие существенное преимущество в гористой местности перед известными тяжелыми таранами. Однако осада города была неудачной. При повторном, также неудачном, штурме города в 553 г. римляне, преследуя отступающих персов, убили «начальника сабиров», из-за которого разгорелся сильный бой, продолжавшийся до сумерек [Прокопий Кесарийский, II, с.432]. При новом штурме Археополя в 555 г. персы, узнав, что у стен города расположился двухтысячный отряд савир, союзных Византии, которым руководили «Баймах, Кутилзис и Алагер, значительнейшие у них люди», послали 3 тыс. доломитов для их уничтожения. Хотя нападение на укрепленный частоколом лагерь было неожиданным, однако савирам удалось одержать победу, применив тактику засады [Агафий, с.88].

В 562 г. Византия и Персия заключили мир на 50 лет. Византия обязалась выплачивать Ирану ежегодно свыше 400 либр золота (128,8 кг) для охраны кавказских проходов Хорузон и ворот Каспийских, а Персии вменялось не пропускать через проходы гуннов и алан [Менандр Византиец, с.342]. В 60-е гг. персидский царь Хосрой Ануширван (531–579) разгромил савирские племена, поселившиеся в Закавказье и усилил укрепления Дербента каменными сооружениями, затруднив проникновение гуннов-савир в земли, подвластные Персии. В ирано-византийских военных действиях 572–591 гг. савиры поддерживали Персию. Вступив в 575 г. в Албанию, византийцы, намереваясь усмирить живших там савиров и албан, взяли среди них заложников, но «по удалении их савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Римские военачальники опять вступили в Албанию, заставили савиров и албанов

переселиться по сю сторону реки Кира (р. Кура) и впредь оставаться в римской стране» [Менандр Византиец, с.411–412].

В 576 г. в Византию прибыло посольство закавказских савир и алан. Император Тиверий (578–582) обещал савирам и аланам более выгодные, чем персидские, условия союза. Посланники, видимо, колебались, т.к. императору пришлось прибегнуть к угрозам. «Он сказал им, что тем, которые пристанут к нему добровольно, будет оказывать благодеяния, а тех, которые не захотят этого, подчинит своей власти» [Менандр Византиец, с.416]. В 578 г. савиры, по данным Менандра, находились в войске византийского императора, озадаченного наступлением 20-тысячной персидской конницы [Менандр Византиец, с.437]. Считается, что это последнее свидетельство о гуннах-савирах в византийских источниках.

Характеристика, данная византийским историком Агафием прикаспийским гуннам-савирам и ставшая классической («Этот народ... весьма жаден и до войн и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь, в качестве участника войны и опасностей, то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага» [Агафий, с.116–117]), представляется по меньшей мере односторонним взглядом на сложную систему взаимоотношений гуннских правителей с внешним миром. В своих внешнеполитических акциях гуннские, а позже гунно-савирские правители постоянно учитывали внутреннюю обстановку и международное положение двух главных соперников на Кавказе в V–VI вв. — Ирана и Византии, которые, в свою очередь, использовали гуннский фактор в своих интересах.

Византийские историки VI в., так много писавшие о военных акциях гуннов-савир, практически не приводят данных о местах их обитания. Прокопий Кесарийский — один из наиболее просвещенных византийских историков, осведомленный во многих сторонах жизни гуннских племен Прикаспия — социально-экономическом развитии, военно-политической ориентации, вооружении и военной технике, довольно подробно описывает кавказские пе-

ревалльные пути, которыми пользовались гунны-савиры для проникновения в Закавказье, но его сведения о локализации страны гуннов не отличаются конкретностью. По его информации, савиры и другие гуннские племена обитали в предгорье Кавказа и вблизи их владений находились два главных прохода — Каспийские ворота (Дербентский проход) и проход Тзур (Дарьял). Гунны занимали равнинные пространства — «...поля ровные и гладкие, орошаемые обильными водами, удобными к содержанию коней» [Прокопий Кесарийский, I, с.112]. В силу различных обстоятельств, более подробными сведениями о гуннах в Прикаспии располагали некоторые сирийские авторы VI в. Иешу Стилит (писал ок. 517 г.) свидетельствует о том, что территория, контролируемая гуннами, была достаточно четко обособлена от владений сопредельных народов. Для ее обозначения автором употреблены словосочетания — «их земли» и «границы их земли» [Иешу Стилит, с.131]. Эти данные подтверждаются сведениями современника Иешу Стилита Псевдо-Захарии, точно датируемые 555 г. (Н.Пигулевская). Он отмечал, что земли, подвластные гуннам, располагались на побережье моря и в «пределах гуннов» находились Каспийские ворота [Псевдо-Захария, с.165]. С юга к «пределам гуннов» прилежала «земля Базгун», а границей между ними служили Каспийские ворота. Местоположение этнополитических образований автор определяет следующим образом: «...Базгун-земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами (живут) болгары со (своим) языком, народ языческий и варварский; у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Авнагур — народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, суругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [Там же]. Причем сами гунны, как народ, принявший христианство в середине VI в., причисляются автором к пяти верующим народам Кавказа,

в то время как 13 других, в том числе и сабиры, являлись, по определению Псевдо-Захарии, народами языческими и варварскими.

У анонимного сирийского автора имеются подробные сведения о миссии армянского епископа Кардоста к каспийским гуннам, осуществившей христианизацию некоторых племен гуннского союза в период с 537 по 544 г., о введении в 544 г. письменности у гуннов. Эти сведения переданы Псевдо-Захарием со слов двух византийских пленников, проживших среди каспийских гуннов 34 года (503–537 гг.). Подробности их личной судьбы в период пребывания у гуннов освещают многие стороны жизни каспийских гуннов, в том числе взаимоотношения Гуннского союза и Византии в первой трети VI в., уровень развития общественных и экономических отношений, характер занятий населения. Предполагается, что этнонимом «хасар» Псевдо-Захария обозначил ставшее известным в этот период племя хазар (хазир) других источников (А.П.Новосельцев).

В конце VI в. обстановка на северо-западных границах владений Персии стала обостряться. Албанский историк Мовзес Каганкатваци отметил эту ситуацию в отдельной главе второй книги, где поместил только одно сообщение: «...на втором году (царствования) Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летоисчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка (Кавказской Албании) был перенесен из города Чола (Дербента) в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова» [Мовзес Каганкатваци, II, с.71]. Царем царей албанский автор именовал персидского царя Хосроя II Парвиза (591–627), в одном случае специально подчеркнув его преемственность Хормизду IV (579–590): «...царя царей Персии Хосрова, сына Ормизда» [Мовзес Каганкатваци, II, с.73]. Поэтому перенос патриаршего престола Албании может быть отнесен к 592 г. Правление Хосроя II албанским историком охарактеризовано как период особо тяжелых испытаний для страны, связанных с «бесчисленными набегам, окружающих нас врагов — варваров». Наиболее важные события отнесены

автором к 35 году царствования Хосроя II, т.е. к 626 г. Они обусловлены очередным противостоянием Византии и Персии. В период с 622 по 625 гг. войска византийцев, возглавляемые императором Ираклием (610–641), предприняли успешный рейд в глубокий тыл персидских владений, но в Кавказской Албании, где остановились византийские войска, чтобы перезимовать, персы нанесли им поражение: «...и хотя персидским войскам были нанесены сильные удары, все же они загнали его (Ираклия) обратно в свою страну» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.77].

У византийского историка Феофана Исповедника под 624 г. описываются те же события в Кавказской Албании, когда объединенные войска персов готовились напасть на византийцев: «Василевс (Ираклий) спешил в земли гуннов и в их теснины по гористым, непроходимым местам» [Феофан Исповедник, с.58]. Вопрос, кто подразумевается под «гуннами» 624 г. у Феофана, полемичен [Чичуров, 1980, с.96–97, прим. 200]. Считается, что последнее упоминание прикаспийских (кавказских) гуннов под этнонимом «савиры» в византийских источниках относится к 578 г. Исследователи обращают внимание на то, что под 572 г. Феофан дал пояснение к этнониму «гунны»: «...гунны, которых мы обычно называем турками» [Феофан Исповедник, с.54]. Речь шла о гуннах, которые послали своих послов к византийскому императору Юстину II (565–578) через земли аланов. Поэтому, возможно, Феофан Исповедник в этом сообщении имел в виду тюрков [Чичуров, 1980, с.97, прим.200]. Однако в предыдущих сообщениях (516/517, 522, 528, 572 гг.) Феофан обозначает прикаспийских гуннов этнонимом «гунны», в двух случаях поясняя, что речь идет о савирах и в другом — о турках. Причем, автор особо отмечает других гуннов, живущих «поблизости от Боспора», т.е. в западной части Кавказа (527/528 г.). Тем же автором авары времени 625/626 г. обозначаются, как «западные гунны» [Феофан Исповедник, с.58]. Поэтому отступление византийцев из Кавказской Албании под натиском персидских войск в граничащие с севера «земли гуннов» (*страна гун-*

нов армянских авторов) вполне могло иметь место в 624 г.

Согласованные военные действия Ирана и Аварского каганата, предпринятые ими при осаде в 626 г. Константинополя, вынудили византийского императора прибегнуть к союзу с тюрками. Данные источников о том, кого именно призвал император Ираклий в союзники, неотчетливы. У Феофана Исповедника под 625/626 г. отмечается, что император Ираклий, находившийся в Лазике (западная часть Грузии), «...призывал к союзу восточных турок, которых называют хазарами» [Феофан Исповедник, с.59]. Это первое упоминание хазар в византийских источниках. Мовзес Каганкатвацци, описывая ход переговоров византийского посланника Андрэ, указывает, что на союз с Ираклием пошел «преемник царя севера», который обозначен в источнике и как «...второй человек в его царстве, по имени Джебу-хакан...» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.81]. Войско, которое отправил «царь севера» в Кавказскую Албанию после заключения соглашения с Византией во главе со своим племянником с княжеским титулом шад (шад), обозначено албанским историком как «хазирь» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.77–78, 81]. Из дальнейшего повествования выясняется, что шад был старшим сыном Джебу-хакана, а значит последний был родственником «царя севера». У Феофана Исповедника этот же исторический персонаж (Джебу-хакан) обозначен «Зиевиллом, вторым человеком по достоинству после хакана» [Феофан Исповедник, с.59]. В действительности, речь идет о западнотюркском Тон-ябгу-кагане. Кочевое население Западнотюркского каганата в соответствии с военно-административной системой было включено в «союз 10 стрел», который состоял из восточной и западной ветвей. Принадлежащие к династии Ашина правители западной ветви считались младшей линией каганского рода, в отличие от восточной ветви — рода Дулу. Первые носили военный титул «ябгу» и именовались ябгу-каганы. Каждая «стрела» выставляла 10-тысячное войско — один «тюмен», которым командовал «великий предводитель», носивший титул «шад»

[Кляшторный, Савинов, 1994, с.18–19; Кляшторный, Султанов, 2000, с.86–87].

Военно-политическая сила, обозначенная в источниках как «восточные турки» или «хазары»/«хазиры» определяется в литературе неоднозначно (о версиях по этому вопросу см.: [Чичуров, 1980, с.100–102, прим.214, 218]). По одной из двух основных версий, Византия в первой четверти VII в. вела переговоры с тюрками [Артамонов, 1962, с.146–147; Гумилев, 1993, с.159, 193–195]. По другой – с первой четверти VII в. образовалось Хазарское государство [Новосельцев, 1990, с.89], состоявшее в это время в номинальной зависимости от Западно-тюркского каганата. Джебу-хакан определяется правителем Хазарии и одновременно вассалом кагана тюрков. Однако за образованием Хазарского государства последовал продолжительный период его становления (до 70-х гг. VII в.), выразившийся в покорении соседних народов и расширении своей территории. Но Джебу-хакан, по данным Мовзеса Каганкатваца, предстает правителем, в подчинении которого находились уже в 626–627 гг. «...все племена и роды, проживающие в горах или долинах, на суше или на островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы...» [Мовзес Каганкатваца, II, с.78]. Известно также, что Джебу-хакан со своим войском принимал участие в закавказских операциях в 627–628 гг. Потом он покинул войска, поручив руководство военными акциями своему сыну шаду, чье пребывание в регионе завершилось в 629 г. в связи с получением тайного послания от своего отца. В нем Джебу-хакан сообщал о постигшем его несчастье и смертельной опасности, нависшей над шадом, как его наследнике: «...вместо того, чтобы оставаться в безопасности, я рвался к царствованию неосуществимому, чего делать не следовало мне. Именно из-за надменности этой я и низвергнут с высоты. Теперь же не медли ты истребить всех, кто сейчас вместе с тобой и спасайся от них. Ибо если они узнают о случившемся здесь прежде, чем ты это сделаешь, то они сделают с тобою то же. Тогда я погибну без наследника» [Мовзес Каганкатваца, II, с.93]. По китайским источникам канва событий этого времени

восстанавливается таким образом. В 630 г. в правящем роде кагана Западнотюркского каганата начались смуты. Каган Тон-ябгу был убит своим дядей Кюль-багатуром, который занял престол, но в 631 г. погиб в борьбе с новым претендентом на власть. Смерть кагана Тон-ябгу подтверждается сообщением византийского историка Никифора (ок. 758–829) о том, что «Иракий приказал своей дочери Евдокии отправиться (в путь) из Византии, так как он обручил ее с турком. Но когда он узнал, что турок погиб в сражении, то повелел ей вернуться» [Никифор, с.161]. Под турком автор имел в виду Зиевила (Джебу-хакана), которому византийский император при встрече под осажденным Тбилиси в 626 г. «обещал выдать за него свою дочь Евдокию» [Никифор, с.160]. Это сообщение датируется временем ок. 628–629 гг.

Что касается событий 626–629 гг. в Закавказье, то соглашение с Джебу-хаканом было заключено императором Иракием в 626 г. и в этом же году против Ирана в Закавказье было направлено войско тюрков во главе с шадом. Нападению подверглась Албания и Атрпатакан, где была захвачена огромная добыча – «... золотые изделия и сосуды, пышные одеяния и множество угнанных (в плен) людей и скота...» [Мовзес Каганкатваца, II, с.78]. Угроза персидского царя организовать ответную военную акцию в восточные земли каганата не возымела действия.

В 627 г. состоялся новый поход тюрков и хазар в Албанию, на этот раз возглавлявшийся Джебу-хаканом, но в нем принимал участие и его сын шад. Вступлению в Албанию предшествовал штурм и захват Дербента. Мовзес Каганкатваца описал страшную картину разрушений, которым подвергся город, несмотря на современные укрепления, защищавшие его. Штурм города многочисленным войском парализовал силы его защитников: «...Страшное множество людей безобразных и широкоскулых, без ресниц, которые с длинными распущенными, как у женщин, волосами, мчались верхом на конях, страх великий объял их, тем более, когда увидели они, какие те искусные стрелки, как из тугих луков они обру-

шивали на их головы настоящий град стрел...» [Там же].

Затем, разгромив Албанию, войска Джебу-хакана вступили в Иверию и осадили «...знаменитый изнеженный и богатый город Тбилиси» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.79]. Персидский царь успел направить к защитникам Тбилиси своего знаменитого полководца Шаргакага (Шархапала) и тысячу отборных воинов из своей стражи. Среди осажденных находился и царь Иверии Стефан (Степанос). Император Ираклий из Лазики (Западная Грузия) поспешил с войсками на помощь своим союзникам – тюркам. Встреча византийского императора и Джебу-хакана состоялась у стен осажденного Тбилиси. Мовзес Каганкатвацци описал ее очень лаконично: «Они были очень рады встрече и обменялись царскими подарками и приношениями» [Там же]. Византийские авторы описывают мельчайшие детали дипломатических церемоний, которые разыграли Ираклий и предводитель тюрков и хазар Зиевил (Джебу-хакан). Особый интерес представляют церемонии тюрков, поразившие византийцев: «Завидев Ираклия, Зиевил поспешил к нему (императору), поцеловал его в плечо и распротерся перед ним на виду у персов из города Тифлис. Все войско тюрков упало на землю, простершись лицом вниз, и почтило василевса почестью, незнакомой варварам. Равно и вожди их, взойдя на камни, пали таким же образом. Зиевил привел своего старшего сына к василевсу, наслаждаясь его речами, поражаясь его виду и разуму» [Феофан Исповедник, с.59]. Другой византийский хронограф Никифор относил эту встречу к 622 г. и описывал ее несколько иначе: «...он, услышав о прибытии императора, вышел навстречу императору с огромным полчищем тюрков. Сойдя с коня, он поклонился императору до земли. Так же поступила и бывшая при нем толпа. Император, увидев оказанные высокие почести, дал понять тюрку, чтобы тот, если его намерения заключить союз тверды, приблизился к нему верхом, и назвал (тюрка) своим чадом. Тогда тюрк обнял императора, а Ираклий, сняв со своей головы венец, возложил его на голову тюрка; устроив для него пир, Ираклий даровал ему всю пиршественную

утварь, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги. Точно так же император собственноручно украсил подобными серьгами и сопровождавших тюрка архонтов» [Никифор, с.159–160].

Осада Тбилиси длилась до летних месяцев 627 г. Осаждавшими были применены специальные приспособления для обстрела камнями городских стен. Они также пытались вызвать наводнение в крепости, перегородив русло реки бурдюками, наполненными песком и гравием [Мовзес Каганкатвацци, II, с.79–80]. В виду больших потерь, жары и утомления войск осаждавших, было решено осаду отвести от города и возобновить ее на следующий год «по истечении жарких месяцев». Защитники города, возгордившись неудачами врагов, предприняли акцию, благодаря которой в анналах истории сохранилось портретное описание внешности Джебу-хакана (Зиевила): «...принесли они огромную тыкву кангун в ширину и кангун в длину и нарисовали на ней лицо царя гуннов: вместо ресниц провели линии, которые нельзя было заметить, место, где должна быть борода, оставили отвратительно голым, ноздри сделали шириной в пядь, усы – редкие, так что нетрудно было его узнать. Затем принесли (разрисованную) тыкву, поставили на стене лицом к ним и, обращаясь к вражеским воинам, стали кричать: «Вот он здесь, ваш государь-царь, придите поклонитесь ему. Это Джебу-хакан! И, взяв копьё в руки, на их же глазах стали колоть тыкву, изображавшую хакана» [Там же]. Хотя типичные черты Джебу-хакана переданы в карикатурной форме, однако авторами изображения подмечены главные особенности его физического облика – крупная голова круглой формы, голый череп (вероятно, высмеивался обычай сбривать волосы на голове), широкие ноздри, узкой формы глаза, слабая волосатость лица, т.е. был изображен типичный монголоид. Однако это не означает, что все войско состояло из представителей монголоидов. Источники говорят о преобладании в нем хазар (хазиров) и участия в операции многих подвластных тюркам народов. В частности, в войске находились как «бреющие головы и носящие косы», так и воины с «длинными распушенными, как у жен-

щин, волосами». Физический тип Джебу-хакана, как представителя правящей династии из рода Ашина, имеющего монгольское происхождение, описан у Мовзеса Каганкатваца как типичный монголоидный (крупная круглой формы голова, узкой формы глаза — его изобразили в карикатуре «слепым», без ресниц и бороды, с широким носом). Однако войско его, коренной полк, состояло из тюрков, внешний облик которых поразил защитников Дербента своей необычностью — воины имели прически из длинных распущенных волос. По китайским источникам известно, что ношение длинных волос было одной из характерных этнических черт тюрков: «...обычай тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят...» [Бичурин, т.1, с.229], т.е. заправляют верхнюю одежду слева направо. В войске Джебу-хакана были и косоносцы, с которыми связывают авар. По данным Феофана Исповедника, в 557/558 г. жители г. Византия сбежали посмотреть на «необыкновенное племя так называемых аваров», которые были одеты как гунны, но прически носили другие: «Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными...» [Феофан Исповедник, с.52]. Эту черту этнического портрета авар отмечали многие современники событий — латинские, византийские и сирийские авторы. Бритоголовыми в войске Джебу-хакана могли быть болгары. По письменным данным известно, что праболгарские правители — князья оставляли на голове только прядь волос на макушке, которая иногда заплеталась в косу [Артамонов, 1962, с.155].

После снятия осады с Тбилиси Джебу-хакан увел основные войска из Закавказья, оставив императору Ираклию 40-тысячное войско тюрков во главе с шадом. Ираклий предпринял военный поход в глубь персидских владений, но участвовавшие в акции тюрки, не вытерпев трудностей, «...понемногу начали разбегаться, и, наконец, все, бросив его, вернулись домой» [Феофан Исповедник, с.59]. В декабре 627 г. в сражении около Ниневии персы были разбиты. Персидский царь Хосрой Парвиз в организованном сыном Кавадом дворцовом перевороте был убит. Правящий после него семь

месяцев Кавад Широие в апреле 628 г. заключил мир с Византией. Подданные Хосроя II были недовольны многим в его политике, но, что интересно, также и запертостью горных проходов: «До каких пор будут крепко заперты проходы дорог, препятствуя тем самым выгодам от торговли с другими странами» [Мовзес Каганкатваца, II, с.82], видимо, имея в виду Кавказские проходы и в первую очередь Дербентский проход, перекрывший древний Прикаспийский караванный путь, соединявший Юго-Восточную Европу со странами Востока.

В 628 г. состоялась новая осада Тбилиси тюркютами во главе с Джебу-хаканом, длившаяся 2 месяца. Среди полоненных жителей города оказались персидский правитель Тбилиси и представитель княжеского рода Иверии — авторы карикатурного портрета Джебу-хакана из тыквы. Их насмешка над необычностью облика Джебу-хакана обернулась для них страшными пытками и смертью. Трупы их, набитые сеном, повесили в назидание на городской стене [Мовзес Каганкатваца, II, с.86]. В качестве трофеев тюрки захватили много сокровищ, их количество было так велико, что Джебу-хакан «устал смотреть на них».

Джебу-хакан покинул Иверию, поручив своему сыну покорение Албании, наставляя его в случае неповиновения «...да не сжалится вообще глаз ваш над (жителями) мужского пола свыше пятнадцати лет. Юнцов же и женщин оставьте как слуг и служанок на служение мне и вам» [Там же]. Правитель Албании отказался принять условия тюрков и бежал в Персию. Католикос Албании Виро вступил в переговоры с ними, но ждал повеления от персидского царя. Тюрки начали опустошать страну: «...по жребью они уже заранее распределили между отдельными отрядами (все наши) гавары и селения, реки и притоки, родники и леса, горы и долины, и все одновременно в назначенный час развернули опустошительные набеги» [Мовзес Каганкатваца, II, с.87]. Католикос Виро вынужден был вступить в переговоры с тюрками. Захватив подарки для «...князей и полководцев, нахараров и начальников племен, (находящихся) в их войске», он прибыл в стан шادا, находившийся вблизи г. Партава. Прибывших

албанцев поразила трапеза вельмож и нахараров шада: «...они сидели там (в шатре), поджав ноги под себя, как тяжело навьюченные верблюды. Перед каждым из них стоял таз, полный мяса нечистых животных, а рядом — миски с соленой водой, куда они макали (мясо) и ели... Были у них и кубки, изготовленные из рогов и большие продолговатые (ковши) деревянные, которыми они хлебали свою похлебку. Теми же грязными, невымытыми, с застывшим на них жиром ковшами и сосудами они жадно набирали... чистое вино или молоко верблюжье и кобылье, причем одной посудой пользовались по два—три человека» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.88—89].

Албанской делегации перед входом в шатер шада приказали трижды поклониться. К шаду пропустили только католикоса Виро, который «пал ниц перед ним и преподнес ему подарки». Царевич поклялся католикосу Албании возместить причиненный ущерб: «Клянусь тебе солнцем отца моего Джебу-хакана, что я непременно исполню все, что ты попросишь у меня», и заявил о претензиях тюрков на часть Закавказья: «...получил отец мой во владение эти три страны — Алуанк (Албания), Лпинк (юго-восточная часть горного Кавказа) и Чора (Дербент) навечно» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.89]. Католикос Виро признал власть тюрков над Албанией и в знак уважения к нему подданные шада величали его также, как и своего сюзерена: «Бог Шат и бог католикос». Во время трапезы албанскую делегацию угощали «скверным мясом», видимо, кониной, от которой они отказались из-за сорокадневного поста. Тогда им принесли «...немного тонкого хлеба, испеченного на тапаке» [Там же].

В конце 629 г. тюрки предприняли покорение Армении. 3-тысячному авангарду тюркских войск удалось разбить 10-тысячный отряд персов, но как сложилась вся операция неизвестно. В 630 г., как отмечалось, в каганате начались смуты и тюрки вынуждены были покинуть Закавказье.

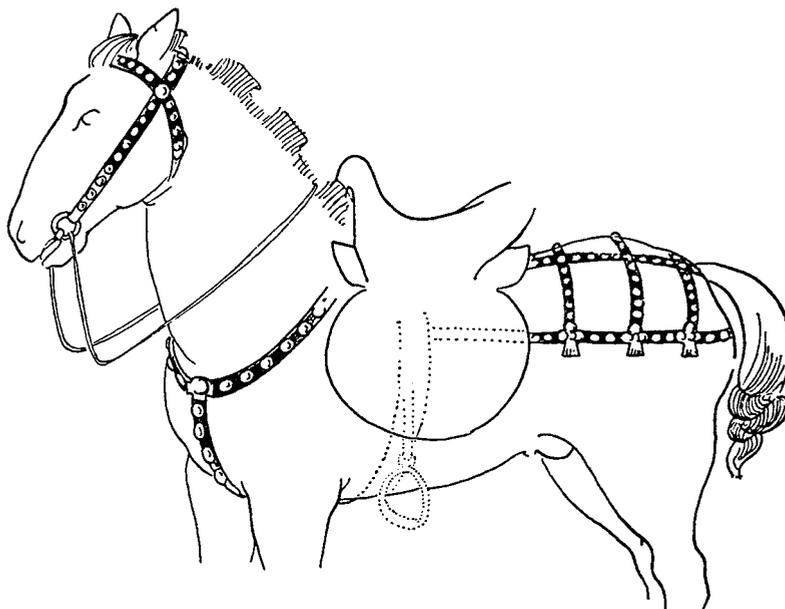
В 658 г. Западнотюркский каганат окончательно распался. Преемником его в Восточном Предкавказье стал Хазарский каганат, под власть которого попала и страна гуннов (савир). В 40—50-е гг. VII в. Араб-

ский халифат начал продвижение в Восточное Предкавказье, положившее начало почти столетнему арабо-хазарскому противостоянию. Страна гуннов в борьбе с арабской экспансией VII — первой половины VIII в. выступает союзницей Хазарии, т.к. она являлась одной из основных сил в Прикаспии, способная противостоять закреплению Арабского халифата в регионе.

Авары

Этноним *авары* появился в византийской историографии во второй половине V в. Историк и дипломат Приск Панийский (писал в 70-е гг. V в.) в одном из своих исторических сочинений «Готская история», сохранившимся во фрагментах, сообщил, что в 463 г. к римлянам явилось посольство неизвестных племен — *сарагур*, *урогов* и *оногур*, которые объяснили свое появление в Европе изгнанием их из мест былого обитания *савирами*, которые прежде были потеснены *аварами* [Приск Панийский, с.843—844].

Движение авар на Запад из глубин Азии началось еще в первой половине V в. Вытеснив савир, авары заняли их территорию [Там же]. По одной из исторических версий, авары составляли значительную часть населения Жуань-жуаньского каганата [см.: Erdelyi, 1982, с.15—18], спровоцировавшего переселение огуров (середина V в.) и савир (начало VI в.) из Азии в Европу. По китайским источникам известно, что в 460 г. *жуань-жуане* разгромили союз позднегуннских племен, обитавших в Восточном Туркестане, и переселили их на Алтай [Кляшторный, Савинов, 1994, с.12; Кляшторный, Султанов, 2000, с.74]. Среди них были и племена тюрков, возглавляемые представителями рода Ашина. В 551 г. тюрки разгромили государство монголоязычных жуань-жуаней, данниками которых они были почти сто лет [Кляшторный, Савинов, 1994, с.15; Кляшторный, Султанов, 2000, с.77, 113]. Об этом значительном событии тюркский каган Дянгу упомянул в своем письме, направленном вместе с посольством в 598 г. к императору Маврикию (582—602). В нем, как отмечает визан-

Реконструкция аварской конской сбруи (по Ласло) [Артамонов, 1962, с.178]

тийский историк VII в. Феофилакт Симокатта, «были описаны с великими восхвалениями все его победы» [Феофилакт Симокатта, с.160]. Разгром аваров каган Дянгу описывал так: «Разбив наголову вождя племени абделов (я говорю о тех, которые называются эфталитами), этот каган победил их и присвоил себе власть над ними. Сильно возгордившись этой победой и сделав Стемби-кагана (Истеми-кагана) своим союзником, он поработил племя аваров...» [Феофилакт Симокатта, с.161].

Значительный массив аваров, спасаясь от тюрков, откочевал на Запад, втянув в процесс переселения многие местные племена северной и восточной частей Средней Азии, Приуралья и Поволжья. Среди азиатских племен были и родственные тюркам по языку племена *уар* и *хунни*, принявшие этническое имя «авар», под власть которых они вступили. Этот факт отмечен у Феофилакты Симокатты, который именует их в отличие от авар «псевдоаварами»: «...Когда император Юстиниан занимал царский престол, некоторая часть племен *уар* и *хунни* бежала и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана. Почему они решили изменить свое наименование,

мы расскажем ничуть не отступая от истины. Барсельт, уннугуры, савиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидев только часть людей *уар* и *хунни*, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары. Поэтому они почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность. Когда *уар* и *хунни* увидели, сколь благоприятно складываются для них обстоятельства, они воспользовались ошибкой тех, которые прислали к ним посольства, и сами стали называть себя аварами; среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным. Естественно, что и до нашего времени эти псевдоавары (так было бы правильно их называть), присвоив себе первенствующее положение в племени, сохранили различные названия: одни из них по старинной привычке называются *уар*, а другие именуются *хунни*» [Феофилакт Симокатта, с.159–161].

Источник этой информации Феофилакты Симокатты неизвестен, предположительно — это данные из не дошедшей до нас части труда византийского историка второй половины VI в. Менандра, продолжателем которого он был [см.: Феофилакт Симокатта,

прим.27 С.П.Кондратьева к книге VII]. Но начиная с Феофилакта Симокатты в европейской историографии утвердилась традиция считать появившихся в середине VI в. в Юго-Восточной Европе авар «псевдоаварами». Однако сами тюрки обозначали бежавших на Запад своих врагов «аварами», этим же этнонимом именовали их многие раннесредневековые историки, в том числе и византийские. Вопрос о происхождении европейских авар породил несколько версий, в которых центральноазиатская и среднеазиатская стоят особняком (о версиях см.: [Артамонов, 1962, с.106–107; Гумилев, 1993, с.35; История народов Северного Кавказа..., 1988, с.98; Кляшторный, Савинов, 1994, с.18; Кляшторный, Султанов, 2000, с.86; Erdelyi 1982, с.15–18; Эрдели, 1998, с.89–90, 92]). До настоящего времени вопрос о происхождении авар до конца не разрешен. Этногенез европейских авар представляется современным исследователям сложным процессом, в котором авары характеризуются как этнически смешанный народ [Эрдели, 1998, с.92; Кляшторный, Султанов, 2000, с.77].

Путь авар в Европу проходил через степные пространства Северного Кавказа. Их пребывание на Северном Кавказе по сведениям анонимного сирийского автора VI в. Псевдо-Захарии точно фиксируется 555 г. [Пигулевская, 1941, с.81]. Псевдо-Захария отметил авар среди 13 северокавказских племен, ведущих сходный образ жизни. Географическим ориентиром описываемой сирийским автором «северной стороны» (Закавказье и Северный Кавказ) служат «Каспийские ворота» (Дербентский проход). Сами Каспийские ворота и побережье, примыкающее к ним с севера, определены сирийским анонимным автором как «пределы гуннские», население которых вместе с другими четырьмя политическими образованиями («земля Гурзан», «земля Арран», «земля Сизган», «земля Базгун»), располагавшимися к югу от «Каспийских ворот», исповедовало христианство [Гмыря, 1995, с.57–58]. Языческие народы «северной стороны», в том числе и авары, по данным автора, обитали «за воротами», т.е. за «пределами гуннов»: «...Базгун земля со (своим) языком, которая

примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами (живут) бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский... Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Авнагур – народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [Псевдо-Захария, с.165].

Примерно к этому же времени – правлению византийского императора Юстиниана I (527–565) Феофилакт Симокатта отнес первые контакты авар с северокавказскими племенами *барсельт*, *унугурами* и *савирами* [Феофилакт Симокатта, с.159–161], признавшими главенство авар.

Установив союзнические отношения с аланами, авары при посредничестве аланского вождя Сарозия вступили в переговоры с командующим византийскими войсками в Лазике (Восточное Причерноморье), который передал императору информацию о готовности вождей авар вступить в союз с Византией. Вскоре Юстиниан I принял первое посольство авар. Византийский историк VIII в. Феофан Исповедник (ок. 760–818) поместил рассказ о нем под 557/558 г., обрисовав этнографический облик авар: «В этом же году в Византию вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбежался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна (одежде) остальных гуннов. Они, бежав из своей страны, пришли в области Скифии и Мизии и направили Юстиниану послов, прося принять их» [Феофан Исповедник, с.52]. Эту черту этнического портрета авар (длинные, сплетенные в косы волосы) отмечали и другие авторы – современники этих событий: византийский историк Агафий, сирийский хронист Иоанн Эфесский, латинский поэт Корипп (библиографию см.: [Чичуров, 1980, с.83, прим.97]).

Современник этих событий византийский историк Менаандр передал в своей «Истории» речь аварского посла Кандика, адресованную императору, в которой обосновывались выгоды для Византии союза с аварами, способными защитить границы Византии. В качестве платы авары настаивали на ежегодных дарах и поселении на удобных землях: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо, оно способно отразить и истребить противников. И поэтому тебе полезно будет принять авар в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в том случае будут в дружеских связях с Римской державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой в плодоносной земле» [Менаандр Византиец, с.321–322]. Приняв аварское посольство Юстиниан I отправил к аварам ответное посольство для вручения даров и заключения союза.

Возникший в 551 г. после разгрома жуань-жуаней Первый Тюркский каганат в короткий срок значительно расширил свои владения, утвердив свое господство на востоке в Центральной Азии и Южной Сибири, а на западе к 558 г. завершив покорение Приуралья и Поволжья. Союз Византии с врагами тюрков аварами, приведший к утверждению их господства в северокавказском регионе, вызвал недовольство тюрков. Однако командовавший западными походами тюрков Истеми-ябгу-каган приостановил продвижение за Волгу, начав борьбу с сильнейшим государством эфталитов, территория которого примыкала к юга к владениям Тюркского каганата.

Византия намеривалась использовать авар в ослаблении тех северо-причерноморских племен, которые выступали союзниками ее противника Ирана, а также тех, чьи взаимоотношения с империей были неустойчивыми. В частности, большое беспокойство доставляли Византии утигуры и кутригуры, которые периодически вторгались во владения империи. Акции авар против кутригур, живших в Северном Причерноморье, и родственников им утигур, обитавших в Приазовье, предпринятые в этот период, были успешными. Авары вступили

также в борьбу с восточными славянами, переселившись в карпатский бассейн и вступившими в союз с кутригурами [Эрдели, 1998, с.90]. Император предложил аварам для поселения земли в районе современной Сербии, но они отказались, попросив взамен равнинную территорию Добруджи, расположенную вдоль берегов Дуная. Однако в этом районе авары долго не задержались. Византия регулярно выплачивала аварам предусмотренные союзническими отношениями годовые выплаты. В VI в. такие выплаты достигали 80 тыс. солидов в год (333 кг золота). Обеспокоенный усилением авар тюркский правитель Истеми отправил в 563 г. в Константинополь посольство, целью которого было добиться от императора прекращения помощи аварам [Кляшторный, Султанов, 2000, с.88]. Воцарившийся на престоле в 565 г. Юстин II (565–578) прекратил выплату аварам ежегодных даров [Менаандр Византиец, с.356–359].

Авары в 567 г., заключив союз с лангобардами против гепидов и уничтожив их, обосновались в Паннонии на территории обитания последних. По условиям соглашения, лангобарды покинули Паннонию и ушли в Северную Италию, образовав там Лангобардское королевство (современная Ломбардия). Таким образом, вся Паннония перешла под власть авар [Менаандр Византиец, с.385–387].

Воспользовавшись поражением гепидов, византийцы заняли их столицу, находившуюся на территории древнего Сирмия (современная Митровица), что вызвало длительную византийско-аварскую распря, сопровождавшуюся периодами военных столкновений и заключением мирных соглашений.

После разгрома в 566 г. Тюркским каганатом совместно с Ираном эфталитского государства и последовавшего затем ухудшения отношений между ними, Истеми заключил в 567 г. с Византией союз, направленный против Ирана. Предприняв против Ирана непродолжительные военные акции и заключив с ним мир, Истеми в 571 г. перенес военные действия на Волгу и завоевал Северный Кавказ [История народов Северного Кавказа..., 1988, с.99]. По данным

арабского историка ат-Табари (839–923), «хакан тюрк Синджибу» (Истеми) появился в районе Дербентского прохода с войском, насчитывавшим 110 тыс. воинов и, угрожая войной Ирану, потребовал от персидского царя Хосрова Ануширвана (531–579) выплаты выкупа, равноценного тому, которым Иран откупался от местных племен, сдерживая их набеги на Закавказье [Ат-Табари, с.69–70]. Однако, убедившись в наличии сооруженных в Дербентском проходе укреплений, тюрки ушли.

При Истеми тюрки достигли на Западе расширения своих территорий до Боспора (Керчь), подчинив аланов и утигуров [Кляшторный, Султанов, 2000, с.85–86, 89]. В 576 г., после смерти Истеми (575 г.), один из его сыновей Турксанф – владетель удела на крайнем западе Тюркского каганата, обвинив византийского императора в нарушении союзнических отношений, проявившихся в ведении переговоров с аварами, захватил Боспор и вторгся в Крым, но вскоре покинул занятые области [Кляшторный, Султанов, 2000, с.90].

Что касается самих авар, то, захватив Паннонию, они создали на его территории Аварский каганат, возглавляемый каганом Баяном. Аварскому каганату были подвластны многие обитавшие в регионе племена, в том числе славяне и гепиды. В конце VI в. к аварам переселились преследуемые тюрками кутригуры, тарниахи и забендеры.

Политическая структура Аварского каганата включала, помимо кагана, и его наместников в отдельных частях страны, именовавшихся *тудун* и *югур* [Erdelyi, 1982, с.252]. Сборщиками налогов, собиравшихся от имени кагана, были *тарханы*, имевшие знатное происхождение. Ниже их в социальной структуре аварского общества стояли вожди племен и родов [Эрдели, 1998, с.93]. Значительную часть населения составляли воины, организация войска строилась по десятичной системе. Рабство имело в форме эксплуатации труда военнопленных и разорившихся соплеменников [Эрдели, 1998, с.94–95].

Пребывание авар в Европе принято делить на три периода. *Раннеаварский период* длился с середины VI в. почти до конца VII в. *Среднеаварский период* очень корот-

кий, его в начале VIII в. сменил *позднеаварский период*, продолжавшийся до начала IX в. [Эрдели, 1998, с.93].

В 70–80-е годы VI в. авары вместе со славянами совершали набеги на земли по нижнему течению Дуная, входившие в состав Византии. Борьба Византии с аварами и их союзниками шла с переменным успехом, войскам кагана Баяна удавалось доходить до Константинополя [Феофан Исповедник, с.54].

В 90-е гг. VI в. Аварский каганат в союзе со славянами вел борьбу с баварскими племенами и с франками.

VII в. также ознаменован для Аварского каганата бурными событиями. В 601 г. византийская армия в двух сражениях на р. Тисе разгромила войска Аварского каганата (наполовину состоявшие из славян, и лишь пятую часть в них занимали собственнo авары [Феофилакт Симокатта, с.178]; в войске авар было много также кутригуро-болгар [Менандр Византиец, с.391]). В 626 г. аварами была предпринята осада Константинополя, в которой участвовали союзные им болгары, славяне и гепиды [Феофан Исповедник, с.58–59; Никифор, с.160–161]. Эта акция была согласована аварами с противником Византии Ираном. У Феофана Исповедника под 525/526 г. сообщается, что персидский шах Хосрой II Парвез (591–627) послал под Константинополь персидского военачальника Шахрвараза (Сарвароса) для заключения соглашения с аварами и союзными им племенами об организации осады Константинополя: «(Хосров) послал Сарвароса с остальным его войском на Константинополь для того, чтобы он заключил союз западных гуннов, которых называют аварами, с булгарами... чтобы они выступили против города и осадили его» [Феофан Исповедник, с.58–59]. Согласованные действия персов и авар подтверждаются также другим византийским историком – патриархом Никифором (ок. 758–829). Он пишет, что в 626 г. авары, нарушив перемирие с Византией, «...выступили в поход, приблизились к стенам Византии и тотчас же подожгли все пригороды. И вот, словно поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили (его) азиатскую часть,

а авары опустошили земли Фракии» [Никифор, с.160].

Целью Хосрова было отвлечь Византию от военных действий в Иране, начавшихся в 622 г. [Чичуров, 1980, с.98, прим.205]. Попав в трудное положение, византийский император призвал к союзу тюрков, в войске которых главенствующее положение заняли в это время хазары, благодаря чему хазары впервые попали в поле зрения византийских историков [Феофан Исповедник, с.59].

Штурм Константинополя был хорошо продуман и организован. Персы напали на г. Халкидон, расположенный на малоазийском берегу Боспора, напротив Константинополя (совр. Кадыкей). Авары подошли к Константинополю из Фракии и осадили его со стороны Длинных стен, используя для их разрушения, как указывает Феофан Исповедник, «множество осадных сооружений» [Там же]. Никифор поясняет, что для штурма авары применили «деревянные башни и черепахи» [Никифор, с.160]. Союзные аварам славяне должны были участвовать в штурме города со стороны бухты Золотой рог, подойдя туда флотом, состоявшим из небольших лодок, выдолбленных из цельного ствола дерева. Феофан Исповедник обозначил их как «долбленные лодки», а Никифор — «лодки-однодеревки» [Феофан Исповедник, с.59; Никифор, с.160]. Внезапное, как планировалось, появление славянского флота в бухте у Константинополя, должно было внести смятение в ряды осажденных. Предполагается, что славяне, выйдя на лодках из устья Дуная, добрались до Фракии Черным морем и скрытно сосредоточились в устье р. Барбисс (совр. р. Каджитанес), впадающей в северную оконечность залива Золотой рог [Чичуров, 1980, с.104, прим.229, с.173, прим.49]. Выступление славянского флота должно было начаться по условному сигналу авар.

По данным Феофана Исповедника, авары с союзными им племенами штурмовали столицу Византии 10 дней: «Десять дней осаждали они город с суши и с моря, но благодаря божьей помощи, могуществу и заступничеству непорочной девы богоматери потерпели поражение. Потеряв на земле и на море много войска, с великим позором

вернулись они в свои пределы» [Феофан Исповедник, с.59]. Никифор, однако, пишет, что византийцам стали известны планы о выступлении славянского флота и, выманив его по ложному сигналу, «корабли ромеев вышли им навстречу, окружили их и сразу же уничтожили. От пролитой крови море стало багряным. Среди тел погибших были обнаружены и женщины-славинки» [Никифор, с.161]. Именно потеря славянского флота, составлявшего значительные силы штурмовавших Константинополь, заставила авар снять осаду города.

Неудача осады Константинополя в 626 г. стала для авар переломным моментом — они практически были исключены из внешнеполитической деятельности Византии [Чичуров, 1980, с.103, прим.227]. К тому же, Аварский каганат переживал в этот период тяжелый внутренний кризис. Еще в 623 г. в западной части аварских владений славяне, восстав против авар, создали государство, объединившее в своем составе чехов, моравов, словен и др., которое просуществовало 35 лет [Эрдели, 1998, с.91]. В 630 г. со смертью хана Баяна прекратилась его династия. В каганате началась борьба за власть между аварами и кутригуро-болгарами. Последние подняли в 631 г. восстание внутри страны, но были подавлены аварами и вытеснены с земель каганата [Артамонов, 1962, с.112].

В 30-е гг. VII в. в Причерноморье происходили важные события, затронувшие и Аварский каганат. Поддержанные Византией болгарские племена Приазовья, объединившись, создали в 635 г. свое государство, известное из источников под названием *Великая Булгария* [Феофан Исповедник, с.60; Никифор, с.162]. По данным Никифора, этому событию предшествовало восстание болгар во главе с Кубратом против владычества аваров: «В это время Куврат, племянник Органа, государь оногундугов, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ» [Никифор, с.161].

Исходя из сообщения Никифора, власть Аварского каганата в 30-х гг. VII в. распространялась на востоке до поселений болгар в Приазовье. Однако современная историо-

графия не дает однозначного ответа на вопрос о степени распространения сферы влияния Аварского каганата в это время [см.: Чичуров, 1980, с.175–176, прим.65]. Но неполная ясность сообщения Никифора, не подтверждающегося другими авторами, а также заметное ослабление Аварского каганата в первой половине VII в., не дают возможности говорить о значительном распространении власти авар на восток [Там же]. Тем не менее, политическая жизнь прикубанских болгар вскоре непосредственно сказалась на самом Аварском каганате.

Великая Болгария просуществовала до кончины своего основателя хана Кубрата, последовавшей в правление византийского императора Константа II (641–668) [Чичуров, 1980, с.111, прим.265]. Болгарские племена и земли в Приазовье были разделены между пятью сыновьями Кубрата, четверо из которых откочевали с занимаемых ими территорий под натиском Хазарского каганата. Четвертый сын, предположительно, по имени Кувер [Чичуров, 1980, с.114, прим.273], увел своих подданных на Запад и, перейдя Дунай, обосновался в Паннонии, приняв подданство Аварского кагана [Феофан Исповедник, с.61; Никифор, с.162]. Новый приток болгарского населения в Аварский каганат способствовал определенному изменению этнического типа европейских авар [Эрдели, 1998, с.92].

Позднеаварский период в истории европейских авар ознаменован борьбой с державой франков, под власть которой попали многие европейские народы. Усилившийся Аварский каганат представлял для франков наиболее опасного противника. Наибольшего противостояния франко-аварские отношения достигли в правление Карла Великого (768–814). Король франков попытался сначала установить с Аварским каганатом дружеские отношения. В 780 г. в г. Вормс прибыли аварские послы, а затем к аварам было направлено посольство франков. Но в 788 г. авары заключили союз с баварами и совместно с ними выступили против франков, однако были разбиты ими.

В 791 г. франки перешли в решительное наступление против Аварского каганата [Эрдели, 1998, с.99–100]. Карл I с основными силами начал продвижение по Дунаю на восток, а наследный принц Пипин вступил в пределы авар из Италии и захватил одну из аварских крепостей. Покоренные франками саксы для поддержки авар под-

няли в тылу франков восстание. Авары не смогли воспользоваться выгодной ситуацией из-за внутренних смут, приведших к гибели югура и кагана. В 796 г. наместник аварского кагана тудун прибыл в столицу королевства франков г. Ахен, где присягнул на верность Карлу Великому. В этом же году принц Пипин захватил резиденцию аварских каганов, предположительно находившуюся на р. Тисе. Политическая самостоятельность Аварского каганата была ликвидирована, многие из авар попали в плен, другим удалось бежать за Тису.

В конце VIII – начале IX в. авары предприняли несколько попыток освободиться от власти франков, но были усмирены. Окончательному подчинению авар способствовало приобщение их к христианству; в 805 г. новую веру принял каган авар.

В IX в. авары занимали небольшую часть Задунавья, предположительно между Веной и р. Рабой. К 823 г. относятся сведения о последнем посольстве авар к франкам, однако *Аварское королевство* упоминалось в официальных документах (Веденский договор о разделе империи Карла I между его сыновьями) еще и в 843 г. В XII в. судьба авар, именовавших себя «обрами», обрисована в «Повести временных лет» как исчезнувшего с политической арены народа: «Погибоше аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства».

Сопоставление этнонима авар с современными аварцами Дагестана неверно, т.к. сами аварцы называют себя «мааруал» и «хьиндалал», а соседние с аварцами народы употребляли для их обозначения различные термины, но аварцами не называли [Эрдели, Агларов, 1998, с.71]. По заключению исследователей, этноним «авары»/«аварцы» на Кавказе является искусственным образованием, восходящим к антропониму Авар, имени царя страны Сарира [Эрдели, Агларов, 1998, с.72]. Язык дагестанских аварцев входит в кавказскую языковую семью, а язык древних аваров принадлежит к так называемой «алтайской» языковой семье.

Археологически аварская эпоха в Паннонии представлена 30 тыс. погребений и несколькими сотнями поселений VII–IX вв. Исследования показали, что полукочевые авары с весны до осени жили в разборных юртообразных жилищах, а зиму проводили на селищах, куда возвращались со своим скотом с летних пастбищ [Erdelyi, 1982, с.251; Эрдели, 1998, с.95]. Зимой ава-

ры жили в полуземлянках с деревянными стенами, отапливаемыми печами—каменками. Основой хозяйства авар являлось полукочевое скотоводство, в стаде большую роль играла лошадь, но разводили также крупный и мелкий рогатый скот. Земледелием занималось местное доаварское население Паннонии и славяне, которые разводили также свиней. Данных о земледелии сохранилось мало, известны находки обугленных зерен проса и пшеницы (VI—VII вв.), а также ржи и овса (IX в.) [Эрдели, 1998, с.95—96]. Пшеницу жали железными серпами, которые помещали в некоторые погребения в качестве необходимого инвентаря. О развитии гончарного ремесла и кузнечного производства у авар свидетельствуют найденные гончарные и железоплавильные печи, а также высококачественные керамическая посуда, наступательное и защитное вооружение (мечи, сабли, кольчуги), боевое снаряжение коня и железные орудия труда (тесла, серпы и др.). Авары вели также торговый обмен с соседними народами, главным образом с византийцами, получая от них некоторые виды украшений, шелковые ткани, одежду, восточные пряности [Erdelyi, 1982, с.251; Эрдели, 1998, с.97]. Взимание пошлины с торговых караванов, проходящих через Паннонию на Запад являлось одной из статей доходов правителей отдельных областей Аварского каганата, а также самого кагана [Эрдели, 1998, с.96]. Значительные пополнения казны аварских каганов поступали в качестве годовых выплат Византии, предусмотренных союзническими отношениями. В VI в. такие выплаты достигали 80 тыс. солидов в год, в 600 г. — 100 тыс., а в начале VII в. — 120 тыс. солидов. Подсчитано, что до 626 г. Аварскому каганату было выплачено в качестве дани 6 млн. солидов (25 тыс. кг золота) [Эрдели, 1998, с.97]. Эта масса средств использовалась каганами в основном на закупку в Византии нетрадиционных для авар товаров и изготовление украшений, частично золото шло на обеспечение покорности вождей союзных племен [Там же].

Погребальный обряд аварской эпохи в Паннонии был различным. Умерших хоронили в простых ямах, реже в подбойных могилах. Захоронения в основном индивидуальные, ориентировка погребенных неустойчивая (восточная или западная) [Эрдели, 1998, с.98]. Антропологический материал показывает преобладание в одних могильниках монголоидных типов, в других — их незначительное включение среди европеоидов (североевропейского, средиземноморского, восточно-балтийского типов) [Эрдели, 1998, с.92—93]. Исследования показывают, что в VI—IX вв. в Карпатском бассейне обитало смешанное население, «объединенное именем авар...» [Эрдели, 1998, с.93].

Воинов и знать хоронили с оружием и частью боевого коня. В инвентарь входили также керамические сосуды, украшения, поясные наборы и некоторые орудия труда. Погребения ранне- и среднеаварского периодов демонстрируют социальное расслоение общества. Каждая большая патриархальная семья имела свое место на могильнике, но знатных людей хоронили в особой части могильника отдельно от основных членов семьи. В позднеаварский период произошло обеднение общества, что отразилось на характере погребального инвентаря могильников [Erdelyi, 1982, с. 252; Эрдели, 1998, с.93—96].

О духовной жизни аварского общества известно мало. Авары были идолопоклонниками. Религиозные обряды отправляли служители культов, возглавляемые главным жрецом [Эрдели, 1998, с.97—98]. После покорения франками авары рассеялись среди других народов Европы, не оставив ни потомков, ни своего языка. Однако, попав на страницы исторических сочинений VI—IX вв., авары навсегда вписали свое имя в перечень народов эпохи Великого переселения народов, стоявших у истоков формирования современного этнического сообщества Европы.

ГЛАВА 2

Ранние болгары в Предкавказье и Поволжье

Сергей Кляшторный

Праболгары в евразийских степях

Вопрос о первом появлении болгарских племен в степях Юго-Восточной Европы все еще остается предметом острых дискуссий. Столь же остро дискутируется вопрос об этническом и племенном составе ранних болгар (по терминологии современных болгарских ученых — праболгар).

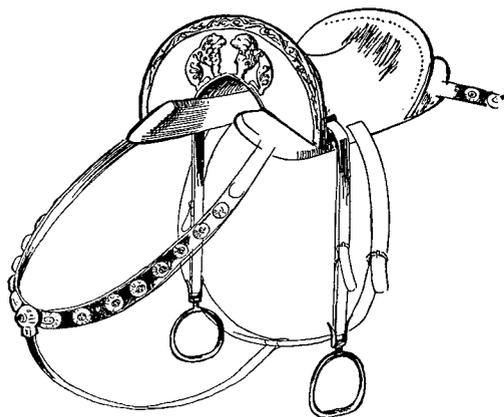
В «Хронографе», составленном в 354 г. в Западной Римской империи и сохранившемся в рукописи V в. (предположительно, этот альманах, реконструированный Т.Моммзеном, восходит к сборнику римского писца Филокала), среди народов, обитавших на востоке и происходивших от библейского Сима, рядом со скифами и лазами, названы некие *vulgares*. Это имя обычно трактуется как несколько искаженная транскрипция названия болгар. Однако же источник прямо связывает названное племя с зихами, т.е. адыгскими этническими группами Западного Кавказа.

Достаточно уверенно фиксируется появление болгар в Причерноморье лишь после падения империи Аттилы. В 480 г. восточноримский император Зенон обратился к болгарам, уже жившим в Причерноморье, за помощью против остготов. По существу, это первая фиксация политической значимости болгарских племен в ареале византийских геополитических интересов, а вследствие этого и в сфере внимания византийского дипломатического делопроизводства и византийской придворной историографии.

Довольно часто имя болгар или племен, входивших в болгарское племенное объеди-

нение (оногуры—оногундуры—хайландуры), упоминается в армянской историографии, главным образом в связи с набегами этих племен на Закавказье. Но достоверность хронологии армянских историков сомнительна из-за нередких и несомненно установленных анахронизмов в их сочинениях, а также их позднейшей переработки. Сколько-нибудь достоверные сведения относятся к концу V в. Что касается первоначальной территории, занимаемой болгарскими племенами, то указания источников слишком неопределенны, хотя во всех случаях речь идет о Причерноморье. Если судить по сведениям «Армянской географии» Анания Ширакаци (конец VII в.), болгары обитали где-то в Западном Предкавказье. Позднее именно этот регион с центром в Фанагории византийские историки называли *Великой Болгарией*.

Хотя признание генетической связи болгар с тюркоязычными племенами преобладает в историографии, оно далеко не безоговорочно. Так, по мнению А.П.Новосельцева, «первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда — неясно) угров и были одним из их племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия» [Новосельцев, 1990, с.72]. Такая довольно распространенная точка зрения неверна прежде всего хронологически, т.к. болгары появились к западу от Волги только после краха Гуннской державы. Она совершенно необоснованна и этнографически, ибо опира-

Реконструкция седла из находки у д. Малая Перецепина. VII в. (по Ласло)
[Артамонов, 1962, с.237]

ется только на очень сомнительные этимологические трактовки этнонимов болгарских племен.

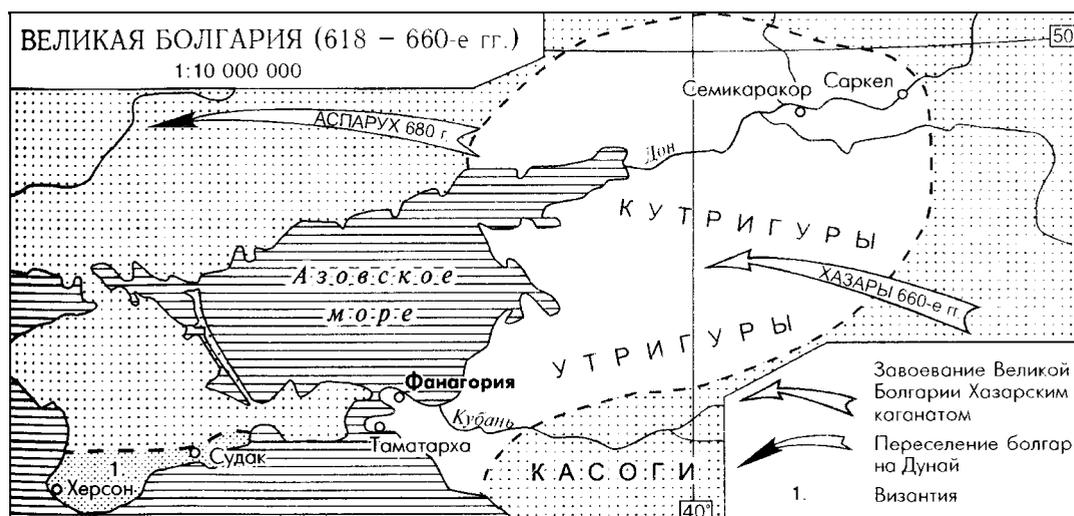
Более убедительна иная концепция ранней этнической истории болгар, основанная как на комплексе сведений письменных источников, так и на достижениях современной тюркологии в области истории тюркских языков. Ключевая роль принадлежит здесь восточноримской (византийской) историографии, в особенности Приску Панийскому, историку, прославившемуся своим отчетом о миссии в ставку Атиллы. В его другом историческом труде, сохранившемся лишь во фрагментах, рассказывается (фрагмент 30), что около 463 г. откуда-то из глубин Азии в Причерноморье вторглись некие неизвестные дотопе племена. Приск приводит их названия — *огуры*, *сарагуры* и *оногуры*.

Далее следует описание цепочки столкновений и войн, столь типичной для истории кочевников Евразии в самые разные эпохи. Подобные «цепные реакции» всегда заканчивались появлением в степях Юго-Восточной Европы, а иногда и много западнее, очередной волны степняков-завоевателей. По Приску, огуров прогнали с их земель жившие восточнее *сабиры*, а тех, в свою очередь, *авары*. Все они, в установленной последовательности, появились у границ Византии или ее заморских фем.

А началась вся эта подвижка степных народов на запад с того, что на тех напал некий неизвестный народ, живший на берегу Океана, т. е., по представлениям античного мира, на краю света. Этот неизвестный народ, живший в стране морских туманов, внезапно стал жертвой грифонов, пожирающих людей, и должен был оставить свою страну.

Если исключить идущий от Геродота и очень популярный в античной и византийской традициях мотив грифонов, явно призванный объяснить необъяснимое, речь у Приска идет о вполне исторических событиях. Все они подтверждаются позднейшими источниками — византийскими, армянскими, сирийскими. Но наибольший интерес представляют в этой связи сообщения китайских историков о событиях, имевших место в V в. где-то очень далеко на западе, в степях возле Западного моря. До Китая донесся лишь глухой отзвук этих событий.

В самом начале V в. в Центральной Азии, у северных границ китайского государства Тоба Вэй, сложилось могущественное кочевое государство жуань-жуаней. Испытывая постоянное военное давление Вэйского государства, каган жуань-жуаней Шэлунь обрушил мощные удары на своих соседей, живших к западу и северо-западу от жуань-жуаней. Этими соседями были племена *гаоцзюй* (*уйгуров*). Их китайское название переводится как «высокие телеги». Гаоцзюй были лишь частью огромного племенного массива тюркоязычных степных племен, именовавшегося в китайских источниках иноязычным для китайцев словом *теле*. Слово это, реконструируемое по китайской транскрипции, является транскрипцией китайскими иероглифами тюрко-монгольского термина *тегрег* — «телега, тележник». Очевидно, оно попало к китайцам от тех соседей теле, которые сами не входили в эту степную конфедерацию, хотя и принадлежали к тюрко-монгольскому миру. Позднее, в VI—VII вв., когда появились письменные тексты на тюркском языке, создатели этих текстов впервые письменно зафиксировали самоназвание тех племен, которых китайцы называли не именем, а прозвищем *теле*. Этим самоназванием оказалось имя *огуз*, происходившее, со-

Великая Болгария. 618—660 гг. [Татарский энциклопедический словарь, с.109]

гласно древнетюркским (древнегузским) легендам, из имени героя-эпонима (героя-первопредка?) Огуз-кагана. Более архаичной формой имени *огуз* является слово *огур*. В такой форме оно существовало в особой группе древнетюркских языков, наследником которых является современный чувашский.

В IV—V вв. огромный пласт тюркоязычных огузских племен теле, занимавших территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, не обладал никакой политической общностью и был разделен на многочисленные группировки, зачастую враждовавшие друг с другом. Во всяком случае, через триста лет в надписи уйгурского Бёгю-кагана (уйгуры были частью огузского племенного сообщества) автор, вспоминая эти древние для него времена, сетует: «Тот мой народ затевал многие междоусобные распри и ссоры» (Тесинская надпись, стк.10) [Кляшторный, 1983, с.88]. Возникновение могущественного Жуаньжуаньского каганата и его неудержимая экспансия на запад в начале V в. оказали решающее влияние на неустойчивый силовой баланс кочевого мира евразийских степей. Западная группировка огузов покинула казахско-джунгарские просторы и перешла Волгу; по представлению китайских историографов, несколько десятков племен теле ушли на запад от Западного моря.

Эти события случились в середине V в. Там, в волго-донских степях, в степных просторах Причерноморья, агонизировали остатки великой империи Аттилы. Новые пришельцы, огузские племена, оказались в политическом вакууме. Это очень быстро почувствовали за чертой старого римского лимеса, в пограничных фемах Византии. В 463 г. послы огуров, сарагуров и оногуров появились в Константинополе. А три года спустя, одержав победу над племенами гуннов-акациров и утвердившись в Приазовье, они, исполняя условия договора с Константинополем, совершили набег на принадлежавшее персам Закавказье.

В дальнейшем все три племена — огуры, сарагуры (*сар огур*, «белые огуры»), оногуры (*он огур*, «десять [племен] огуров») редко действовали совместно, вступая в разные политические коалиции. Именно в этот период из нескольких огузских группировок, при решающей роли оногурских племен, где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар. Само их название (букв.: «мятежники», «отколовшиеся») указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения огузских племен. В течение нескольких десятков лет болгары были грозой окружающих стран. Если в битве под Сирмиумом в 480 г. болгары спасли Византию

Болгарский воин. VII в.
Реконструкция М.В.Горелика

от грозного нашествия остготов, то в последующие времена они сами представляли немалую опасность для империи. В 493, 499, 502 гг. болгары вновь и вновь опустошали Иллирию, Мёзию и Фракию. В 514 г. они поддержали мятежного византийского военачальника Виталиана, двинувшегося на Константинополь с берегов Дона.

Во второй половине VI в. болгары подпадают под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Однако ситуация в Причерноморье начала меняться уже в конце VI в., после появления тюрков, нанесших аварам ряд сокрушительных поражений. Авары

были резко ослаблены, и только междуособная война в Тюркском каганате и дипломатическая игра Византии на тюрко-аварской вражде позволили аварам удержать власть в Предкавказье. Вскоре наметившийся военный союз авар с Ираном, направленный против Византии, заставил Константинополь оказать решительную поддержку огуро-болгарским племенам Прикубанья, враждебным аварам. Для этого императору Ираклию представился очень удобный случай. В Константинополе провел свои юношеские годы племянник Органы, вождя болгар, Кубрат, принявший там в 619 г. святое крещение. Он с детства был дружен с Ираклием. Ираклий в течение многих лет проводил политику союза с теми степными властителями, которые были готовы к войне с Ираном и его союзниками. Еще в 627—628 гг., под стенами Тбилиси, осажденного тюрко-хазарским войском, он возложил корону на голову правителя западных тюрков Тон-ябгу-кагана и пообещал ему в жены свою дочь, принцессу Евдокию, за продолжение войны с Ираном. Ободрил он своей поддержкой и Кубрата.

Под предводительством Кубрата аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. болгарами. Возникло новое государство, Великая Болгария, со столицей в Фанагории, первое Болгарское государство, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (предположительно 660 г.). Пять сыновей Кубрата поделили между собой болгарские племена и болгарские земли в Предкавказье и Приазовье. Однако, разделившись, они оказались не в силах сдержать натиск хазар. Большая часть болгар, давно перешедшая к оседлому и полуоседлому образу жизни, подчинилась хазарам и составила самую значительную часть населения Хазарского каганата. Те, кто сохранял традиции кочевого быта, ушли на запад и на север. Наиболее известно племя Аспаруха, создавшего Болгарское царство на Дунае (679 г.), вскоре признанное Византией (681 г.).

Евгений Казаков

Ранние болгары в Поволжье

Раскопки Большетарханского, Танкеевского, Тетюшского, Большетиганского и других могильников позволили приоткрыть завесу по начальной истории булгар (рис.1). Она датируется, на наш взгляд, вто-

рой половиной VIII — первой половиной Х вв. Это был языческий и, преимущественно, кочевнический период, в течение которого в результате сложного этнокультурного взаимодействия различных при-

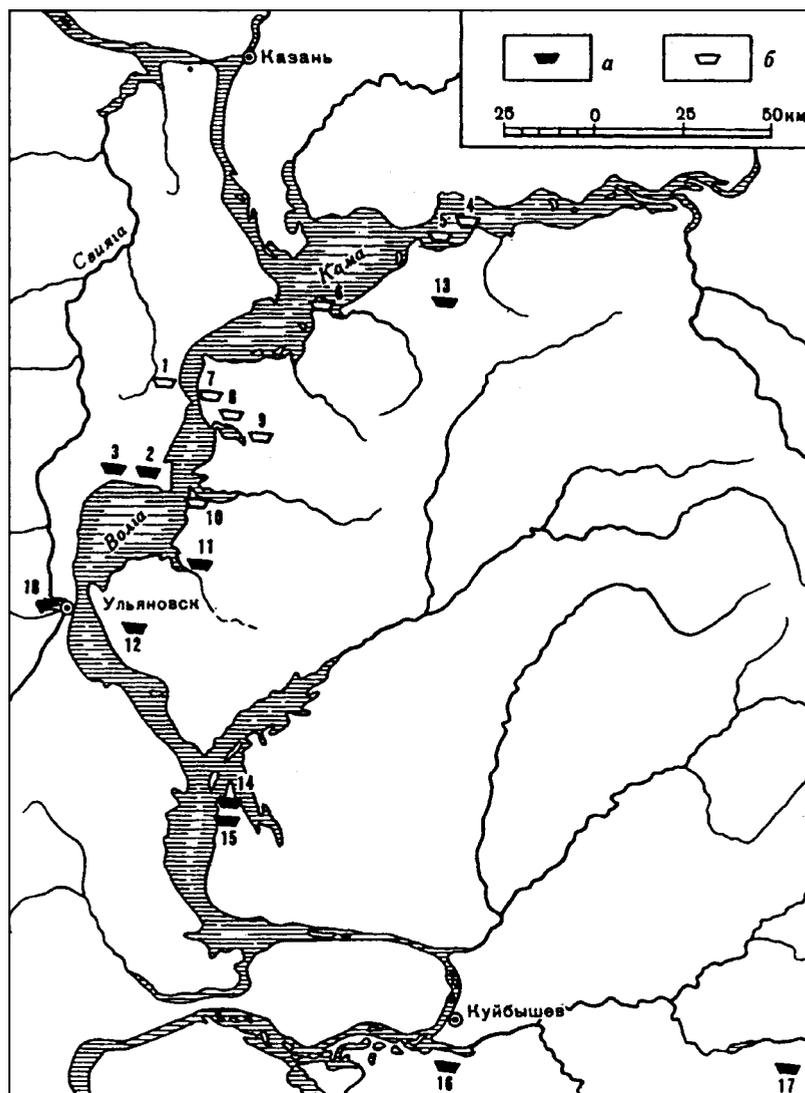

Рис.1. Могильники ранней Волжской Булгарии.

- 1 — Тетюшский, 2 — II Большетарханский, 3 — I Большетарханский, 4 — Лебяжский, 5 — Алексеевский, 6 — II Девичьегородский, 7 — Балымерский, 8 — Танкеевский, 9 — Кокрятский, 10 — Старомайнский, 11 — Уреньский, 12 — Кайбельский, 13 — Большетиганский, 14 — Хрящевский, 15 — «Золотая Нива», 16 — могильник на 116-м километре, 17 — Немчанский, 18 — Автозаводской.
а — памятники I этапа, б — памятники II этапа

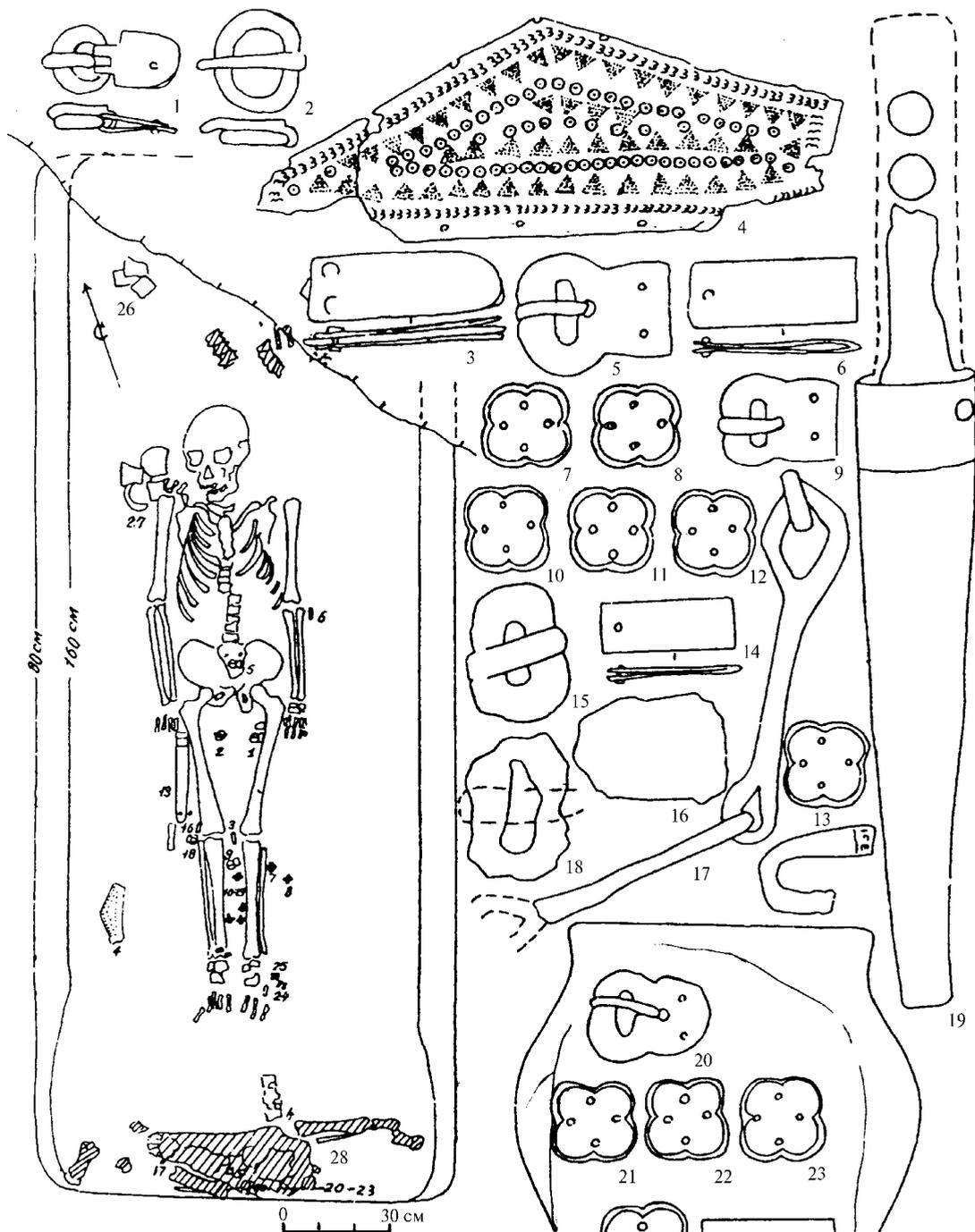

Рис.2. План и вещевой комплекс мужского погребения Коминтерновского II могильника (турбаслинская культура). 1, 5, 15, 18 — пряжки; 3, 6, 14, 25 — наконечники ремней; 7, 8, 10-13, 21-24 — накладки поясного набора; 4 — обкладка седла; 17 — удила; 19 — кинжал; 27 — сосуды; 28 — деталь седла. 1, 2 — бронза; 3-14, 20-25 — серебро; 17, 18, 28 — железо; 16 — железо, бронза; 26-27 — керамика

шлых в Среднее Поволжье этнических групп происходило формирование нового этноса. Археологические материалы позволяют осветить эти процессы.

В VIII в. в Среднем Поволжье и Приуралье начинается болгарская эпоха. Ранний период этой эпохи делится на этапы, имеющие свои особенности в хронологии, культуре и уровне социально-экономического развития населения.

Наиболее ранними могильниками, подтверждающими приход болгар в Среднее Поволжье, являются Кайбельский, Большетарханский, II Уреньский и некоторые другие некрополи, расположенные в юго-западной части будущей территории Волжской Булгарии. Для них была характерна лепная плоскодонная собственно болгарская горшковидная кочевническая керамика степей Юго-Восточной Европы, отличающаяся от именьковской, и круговая посуда салтовского облика, заимствованная болгарскими у кавказских алан. Погребения с западной ориентировкой в простых ямах сопровождались характерными для кочевников предметами конского снаряжения, саблями, колчанами, стрелами, предметами огнива и т.д. Бедным набором украшений характеризуются детские и женские захоронения. Следует отметить, что в погребальной обрядности данных некрополей в 17% присутствуют элементы, совершенно не характерные для болгарских памятников салтовской культуры юго-востока Европы. Среди них глубокие и узкие могилы, сложная конструкция их с подбоями и заплечиками, положение в ногах погребальных шкур лошадей, от которых сохраняются череп и кости ног. Такие черты характерны для турбаслинско-именьковских некрополей второй половины VI — начала VII вв. (Кушнаренковский, II Коминтерновский могильник (рис.2)). Видимо, пришедшие на север болгарские группы в каком-то районе заимствовали эти элементы у потомков именьковско-турбаслинского населения.

Основная же масса захоронений ни по обряду, ни по инвентарю не отличается от соответствующих комплексов салтовской культуры на юго-востоке Европы. Они резко отличаются от погребений новинковского типа, которые ряд исследователей также

склонен относить к болгарам. Сравнительно неглубокие новинковские могилы совершены на площадках с кольцевыми ровиками под курганами с каменной обкладкой; погребенные в них ориентированы головой на восток. Новинковские памятники занимают узко локальный район на Самарской Луке и датируются концом VII — первой половиной VIII вв. Естественно, вещевой материал их отличен от салтовского и не имеет продолжения в древностях Волжской Булгарии (в отличие от собственно болгарских, культурные традиции которых продолжают до середины X в.).

Следует отметить, что пришедшее на Волгу болгаро-салтовское население также не было однородным. На правобережье р. Волги они оставили памятники большетарханской подгруппы (368 захоронений), в которых умерших хоронили в обычных грунтовых ямах (рис.3). Ко второй — кайбельской подгруппе (около 40 погребений) в Ульяновском Заволжье относятся памятники с подкурганскими погребениями (Кайбельский, II Уреньский и др. могильники).

По монетам VIII в. (750—752, 775—809 гг.), вещевому инвентарю исследователи датировали памятники обеих подгрупп второй половиной VIII — первой половиной IX вв. По наличию ранее неизвестной в данном регионе характерной круговой салтовской керамики памятники выделяются достаточно хорошо. Историческая традиция позволяет вполне обоснованно связывать их с болгарскими, появившимися в Юго-Восточной Европе еще в гуннское время, а во второй половине VIII в. переселившимися на Волгу.

Таким образом, уже на первом этапе раннеболгарского периода в данном регионе отмечаются кочевые болгары со специфичной салтовской культурой, характерные элементы которой сохраняются до середины X в.

На втором этапе, который может быть ограничен второй половиной IX — первой четвертью X вв., в Среднее Поволжье в массе проникают носители лепной круглодонной керамики со специфической орнаментацией. Исходными районами этих новых пришельцев являлись области Среднего и

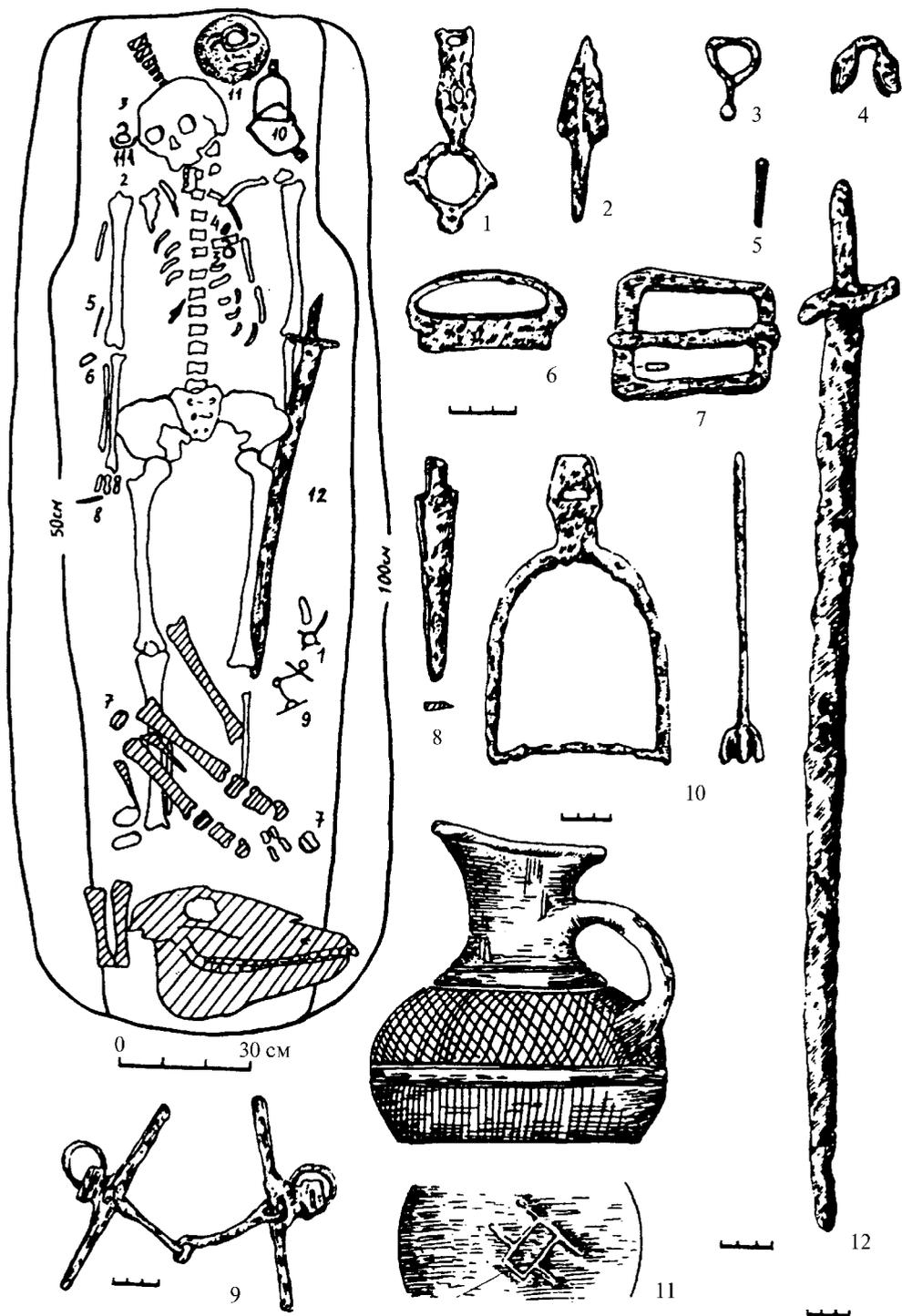

Рис.3. План и вещевой материал погребения 143 I Большеярханского могильника.

1-3-5 — бронза; 2, 6-10, 12 — железо; 11 — керамика.

1 — поясная подвеска; 2 — наконечник стрелы; 3, 4 — детали колчана; 5 — игла; 6 — кресало;
7 — пряжка подпруги; 8 — нож; 9 — удила; 10 — стремя; 11 — кувшин; 12 — сабля

Южного Урала, а также сопредельные районы Верхней Камы и бассейна р. Чепца, где локализовались *неволинская, кушнареноквская, ломоватовская и ломская культуры* (рис.4). В функциональном отношении вещи в составе комплексов из мужских, детских и женских погребений мигрантов мало чем отличались от болгаро-салтовских, но были более разнообразными и имели свои особенности в формах и материале. Пришельцы оставили (в основном в Западном Закамье) памятники, которые также можно разделить на ломско-ломоватовскую (с веревочно-гребенчатой керамикой) и кушнареноквскую (с гребенчато-резной посудой) подгруппы.

Вопрос об этнической принадлежности носителей лепной круглодонной керамики с веревочно-гребенчатой орнаментацией является дискуссионным. Ряд исследователей (О.Н.Бадер, В.А.Оборин, Р.Д.Голдина, В.Ф.Генинг) относят их к коми и удмуртам, другие, вслед за Ф.А.Теплоуховым, А.Ф.Теплоуховым и А.В.Шмидтом, склонны считать их уграми или даже тюрко-уграми, учитывая наличие у них явных следов кочевничества, а также заметную связь вещевого материала с материалом более южных и юго-восточных памятников.

В настоящее время в Танкеевском, Тетюшском и других могильниках изучено около 1300 захоронений второй половины IX — первой половины X вв. Тот факт, что в наиболее крупных исследованных могильниках, судя по погребальному обряду (поминальный обряд из костей животных, погребальные маски и т.д.) и инвентарю (прикамские сосуды, шумящие подвески, коньковые кресала и т.д.), прикамско-приуральский ломско-ломоватовский компонент не уступал болгаро-салтовскому и даже превосходил его в некоторых элементах, свидетельствует о многочисленности вновь появившегося в Среднем Поволжье населения. В своем большинстве такие памятники находились в северо-восточной части территории Волжской Булгарии, ограниченной реками Волгой, Камой и Шешмой, однако, они встречены и в районах Самарской Луки (Хрящевское погребение) и на правом берегу Волги (Тетюш-

ский могильник, поздние погребения Больших Тархан).

Ко второму этапу относятся, как отмечалось, также ранее неизвестные в крае, кушнареноквские (караякуповские) памятники: Большетиганский, Немчанский, XII Измерский и др. могильники, располагавшиеся в восточной части будущей территории Волжской Булгарии. Изучено более сотни кушнареноквских захоронений, сопровождающихся характерной (с изящной гребенчатой и резной орнаментацией) керамикой и характерным для кочевников набором вещевого инвентаря: предметами конского снаряжения, саблями и т.д. (рис. 5). Истоки керамики кушнареноквского облика специалисты находят в зауральских и западносибирских областях, т.к. к западу от Урала она появляется только со второй половины VI в. Исследователи связывают кушнареноквские памятники с самодийскими, угорскими или непосредственно с мажарскими этническими группами (Е.А.Халикова, А.Х.Халиков).

Последнее мнение имеет определенные основания. По сведениям византийского императора Константина Багрянородного, написавшего в X в. историческое исследование, а также другим материалам, мажары (венгры) первоначально проживали к востоку от Волги, видимо, в Волго-Уральском регионе. Потом, под давлением печенегов, они вынуждены были переселиться в местность Леведия в пределах Хазарии. Новые нападения их врагов — печенегов заставили мажар отступить еще дальше на запад, в местность Ателкузу на правом берегу Днепра. Отсюда они, вследствие очередного жестокого разорения их кочевий печенегами, в конце IX в. перешли Карпатские горы и заняли современную территорию Венгрии. О том, что мажары какое-то время проживали рядом с волжскими булгарами, свидетельствуют, как мы увидим ниже, многие важные черты языческой культуры обоих народов. Само массовое появление урало-прикамского населения на Волге может быть связано с вышеуказанной конфронтацией мажар с печенегами. Археологические материалы позволяют осветить многие связанные с этими событиями вопросы. В первую очередь заметны изме-

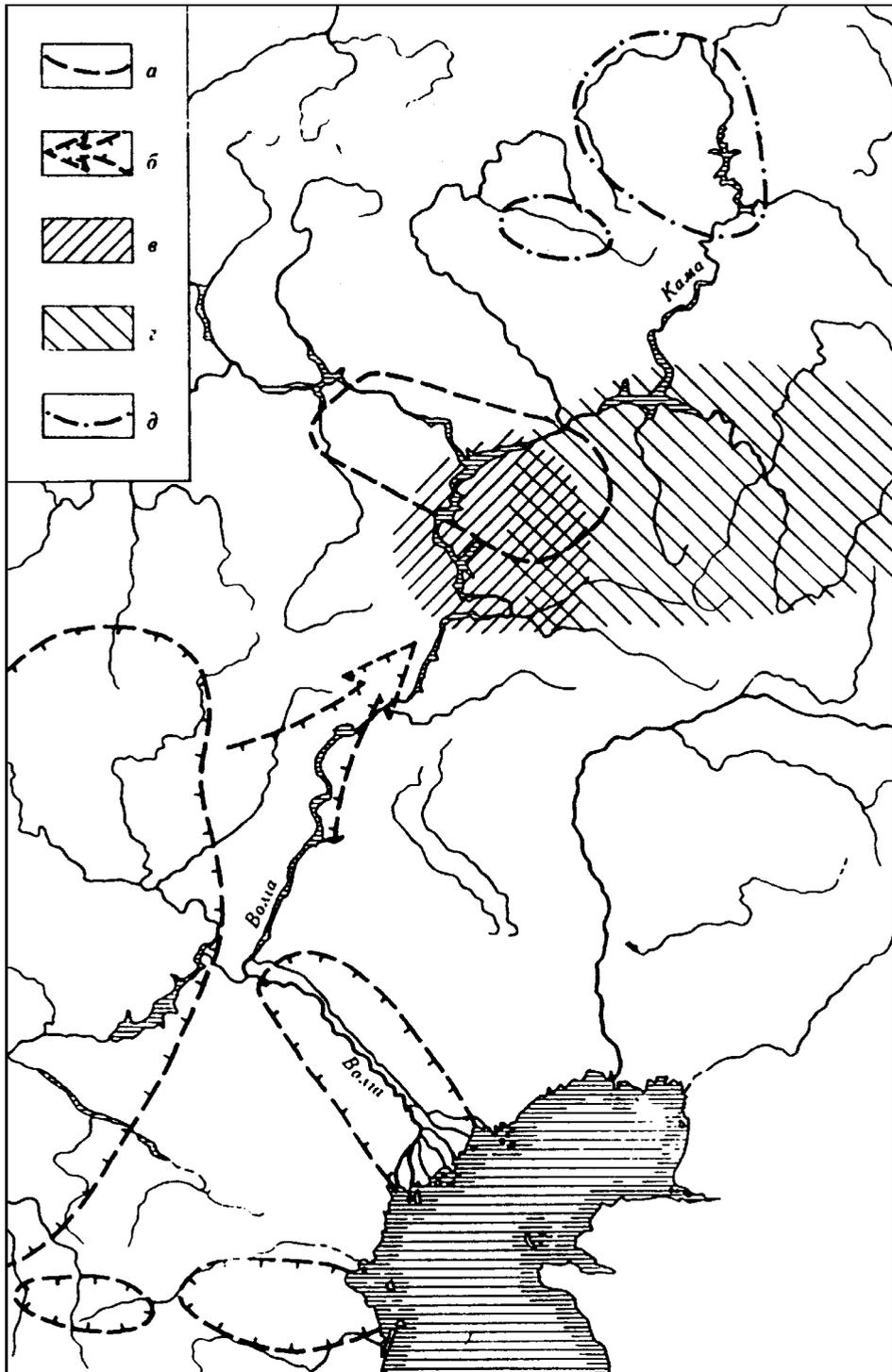

Рис. 4. Локализация культур Урало-Поволжья в VIII—IX вв.
 а — ареал именьковской культуры (по П.Н.Старостиному), б — переселение болгарского населения,
 в — территория ранней Волжской Болгарии, г — культуры со штампо-гребенчатой
 (кушнаренковской) керамикой, д — ареал культур с гребенчато-шнуровой
 (ломоватовской, полемской) посудой

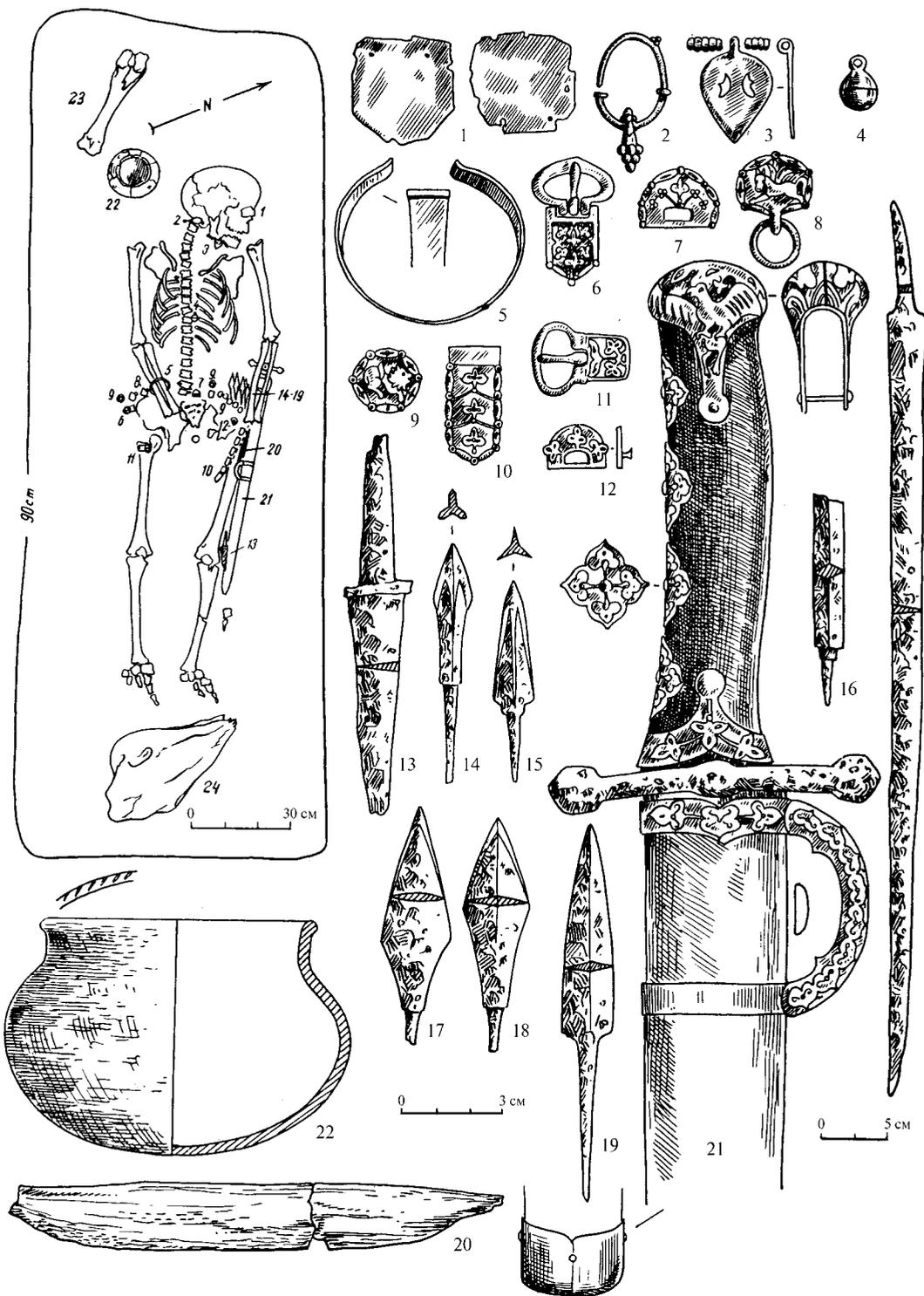

Рис. 5. Мужское погребение 6 Большетиганского могильника. План и вещевого материал.

1 — накладка погребельной маски; 2 — серьга; 3 — подвеска и пронизки ожерелья; 4 — каплевидная подвеска; 5 — браслет; 6, 11 — пряжки; 7-9, 12 — накладки поясного набора; 10 — наконечник ремня; 13-19 — наконечники стрел; 20 — накладка лука; 21 — сабля; 22 — сосуд.

1, 6-12 — серебро; 2-5 — бронза; 13-19 — железо; 20 — кость; 21 — железо, серебро; 22 — керамика (по Е.А.Халиковой и А.Х.Халикову)

нения в локализации культур Урало-Прикамья в данное время в связи с военно-политической ситуацией в Восточной Европе во второй половине IX в. Во второй трети IX в. в Хазарском каганате, власть которого, в значительной мере номинально, простиралась до Верхнего Прикамья, идет ожесточенная борьба партий ислама и иудаизма. Печенеги, разгромив мадьяр, стали нападать на угорские племена Урало-Прикамья. В это время прекращают свое существование кушнаренковская, неволинская культуры, южные памятники полемской и ломоватовской культур. И в это же время в будущей центральной части страны волжских булгар, где в X в. возникли города Булгар, Сувар, Биляр, во второй половине IX в. появились Большетиганский, Танкеевский, XII Измерский и другие могильники. В них отмечаются явные черты материальной культуры угров, связанные с глубокими и сложными идеологическими представлениями. Например, в Танкеевском могильнике в женских погребениях встречены пластинчатые варганы, используемые уральскими уграми с глубокой древности до современности. Заимствованный кочевыми уграми у турбаслинского населения обряд положения шкуры лошади в ногах погребенного воина-всадника был характерен для мадьяр. В языческих могильниках в Паннонии отмечены сотни таких случаев (Ч.Балинт). В Танкеевском могильнике выявлено 82 захоронения с таким комплексом. Все они принадлежали мужчинам, сопровождаемым богатым набором вооружения (сабли, топоры, копья, луки, стрелы) и другими вещами. Несомненным доказательством угорской принадлежности урало-прикамских мигрантов являются погребальные маски.

С угорским миром также связаны разнообразные культовые поделки, амулеты, женские украшения и многое другое. Их истоки локализуются в приуральском регионе, а поздние вариации известны даже в памятниках позднего средневековья в Зауралье (могильник Халас-Погор и др.).

Все эти материальные проявления отражали глубинные духовные представления сибирского шаманизма. Во многом они были родственны идеологии болгар, пришед-

ших в Европу в более раннее время. Таким образом, культура Волжской Булгарии в этот период в преобладающей мере являла собой глубокое проникновение на запад языческой культуры народов Урала и Сибири.

Каковы же дальнейшие пути трансформации языческой культуры ранних булгар? В какой-то мере это можно проследить анализируя массовый материал наиболее широко исследованных Большетарханского (I этап) и Танкеевского (II этап) могильников. Керамический материал из Большетарханского могильника содержит 120 сосудов, в числе которых 68 салтовских круговых, 38 лепных плоскодонных собственно болгарских кочевнических горшков, 12 прикамских круглодонных горшков и 1 лепной кувшин. В Танкеевке из более 600 сосудов треть салтовских круговых, более 50 лепных плоскодонных кочевнических, более 260 круглодонных прикамских сосудов и свыше 60 лепных кувшинов.

Таким образом, в Больших Тарханах круговая салтовская керамика составляет 57%, а в Танкеевке 34,3%. Плоскодонных болгарских кочевнических горшков соответственно 32% и 9%, прикамской посуды 45%. Данные подсчеты свидетельствуют не только о новой волне верхнекамских пришельцев на втором этапе, но и указывают на процесс взаимодействия и взаимоассимиляции пришлых этнических групп.

Когда в состав населения ранней Волжской Булгарии вливается масса полемско-ломоватовского и кушнаренковского населения, ассимиляционные процессы значительно усиливаются. Новые этнические группы вступают в тесные связи (фактически перемешиваются) с собственно болгарскими группами населения. Во многих погребениях одновременно встречаются типично салтовские (круговые сосуды, серьги с напускными бусами и т.д.) и типично прикамские (круглодонная посуда, шумящие подвески, маски и т.д.) вещи (рис.6). Это был период сильнейшего влияния на болгар прикамско-приуральского населения (во многом сибирско-уральского в своих истоках).

Однако постепенно болгарский компонент начинает преобладать. Статистичес-

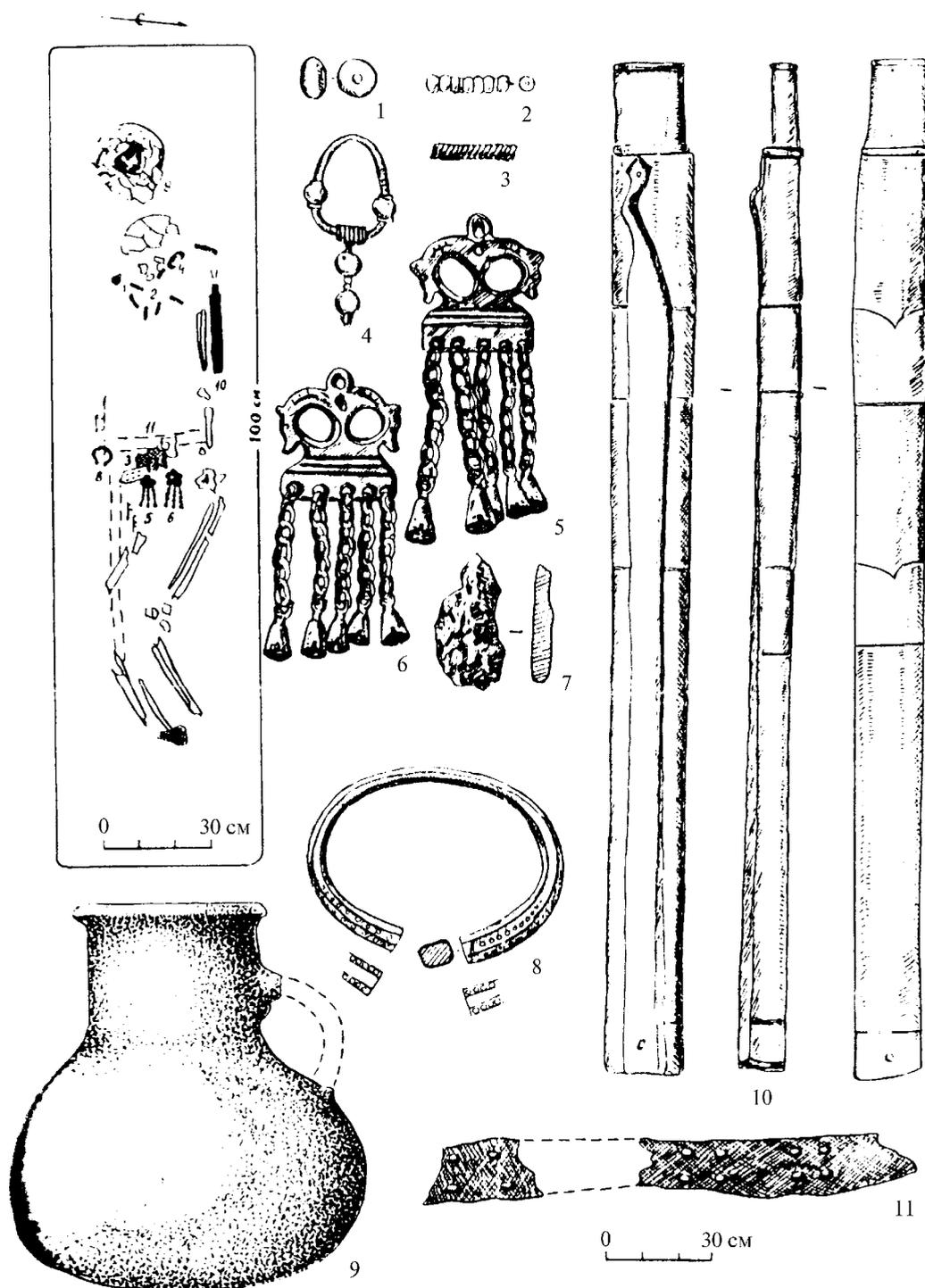

Рис.6. План и вещевой материал погребения 953 Танкеевского могильника
 1-2 — бусы; 3 — пронизка; 4 — серьга; 5, 6 — нагрудные привески; 7 — обломок железа; 8 — браслет;
 9 — лепной кувшин; 10 — кинжал; 11 — кожаный пояс.
 1, 3-6, 10 — бронза; 2 — стекло; 7 — железо; 9 — керамика; 11 — кремень

кая обработка всех захоронений Танкеевского могильника, имеющих вещевые комплексы и расположенных на площади памятника в хронологических поясах, ограниченных столетием, дала следующую картину. На ранней части некрополя круговые салтовские сосуды встречаются редко, на раскопах рубежа IX—X вв. они составляют 40—50%, на раскопах первой половины X в. они явно преобладают, достигая 70%. Очевидно, в это время круговая посуда теряет свою этническую исключительность, употребляется всеми группами населения и особенно часто сопровождает наиболее богатые погребения взрослых. В бедных (особенно детских) захоронениях даже в первой половине X в. население, в зависимости от этнической принадлежности, продолжало ставить традиционные лепные сосуды — кочевнические болгарские, прикамские полемско-ломоватовские или кушнареньковские.

Интересно, что танкеевское прикамское население на рубеже IX—X вв. в подража-

ние салтовской круговой посуде начинает в массе изготавливать лепные одноручные кувшины. В 60 погребениях, в основном, воинов-всадников этого времени, найдены подобные сосуды, явно имитирующие формы салтовских, но имеющие во многих случаях округлое дно, примесь раковины в тесте и веревочный орнамент. Это были наиболее богатые погребения воинов-всадников. Они составляли около 7,5% всего танкеевского населения. Очевидно, эта экономически выделяющаяся прослойка населения, в преддверии образования государства, оказалась наиболее восприимчивой к инновациям, привнесенным болгарами. Она являлась социальной и военной опорой господствующего класса формирующегося феодального государства.

Таким образом, в результате далеко зашедшего взаимодействия различных этнокультурных компонентов, создается своеобразная, имеющая во всех своих проявлениях много общего, культура волжских болгар—булгар.

ГЛАВА 3

Финно-угры Урало-Поволжья

Владимир Напольских

Предыстория народов уральской языковой семьи

Лежащие к северу от степной и лесостепной полосы Евразии зоны лесов, лесотундры и тундры от Скандинавии на западе до Таймыра на востоке издревле населяют народы, говорящие на языках уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи. В Волго-Уральском регионе к этой группе принадлежат удмурты, марийцы и мордва. В более отдаленном родстве с уральскими языками находится язык (языки) юкагиров – малочисленного народа, живущего сегодня на севере Восточной Сибири, в бассейне р. Колыма.

Отношения родственных языков друг с другом, степень их близости наиболее наглядно и удобно принято иллюстрировать с помощью схемы «родословного дерева», которая для уральских языков представлена на рис. 1.

Как принято полагать, генетическое родство языков обусловлено былым существованием праязыка, в результате развития и распада которого, через стадии существования промежуточных праязыков, в конечном счете сложились родственные языки данной семьи или группы. Относительно уральских языков следует предполагать былое существование уральского праязыка, давшего начало самодийскому и финно-угорскому праязыкам; в результате распада финно-угорского праязыка сложились угорский, пермский, прамарийский, прамордовский и прибалтийско-финско-саамский праязыки. Финно-пермская, финно-волжская, обско-угорская языковые общности вероятнее всего обязаны былому существованию не относительно единых соответ-

ствующих праязыков, а достаточно интенсивным контактам близкородственных языков. Языковое родство – практически единственное, что объединяет уральские народы друг с другом и отличает их от всех других: выявить черты материальной, духовной культуры, антропологического типа, характерные только для уральцев и свойственные всем народам общности не представляется возможным. Поэтому исследование уральской предыстории должно прежде всего ответить на вопрос о *прародине* – о временной и пространственной локализации уральского, финно-угорского и самодийского праязыков.

Время распада уральского и финно-угорского праязыков определяется прежде всего с помощью выявленных в уральских языках заимствований из индоиранских (арийских) языков, которые распределены следующим образом: в уральском праязыке не было индоиранских (и индоевропейских вообще) заимствований, в самодийском праязыке имеются только весьма немногочисленные заимствования из языка среднеиранского типа, что говорит об очень поздних (едва ли ранее конца 1 тыс. до н.э.) контактах прасамодийцев с населением евразийских степей. В финно-угорских языках имеются восходящие к праязыку (т.е. распространенные во всех или почти во всех группах финно-угорских языков) слова, заимствованные из индоиранских языков уже после выделения их из индоевропейской общности, но отражающие еще очень ранние стадии развития звукового строя этих языков. Более поздние арийские

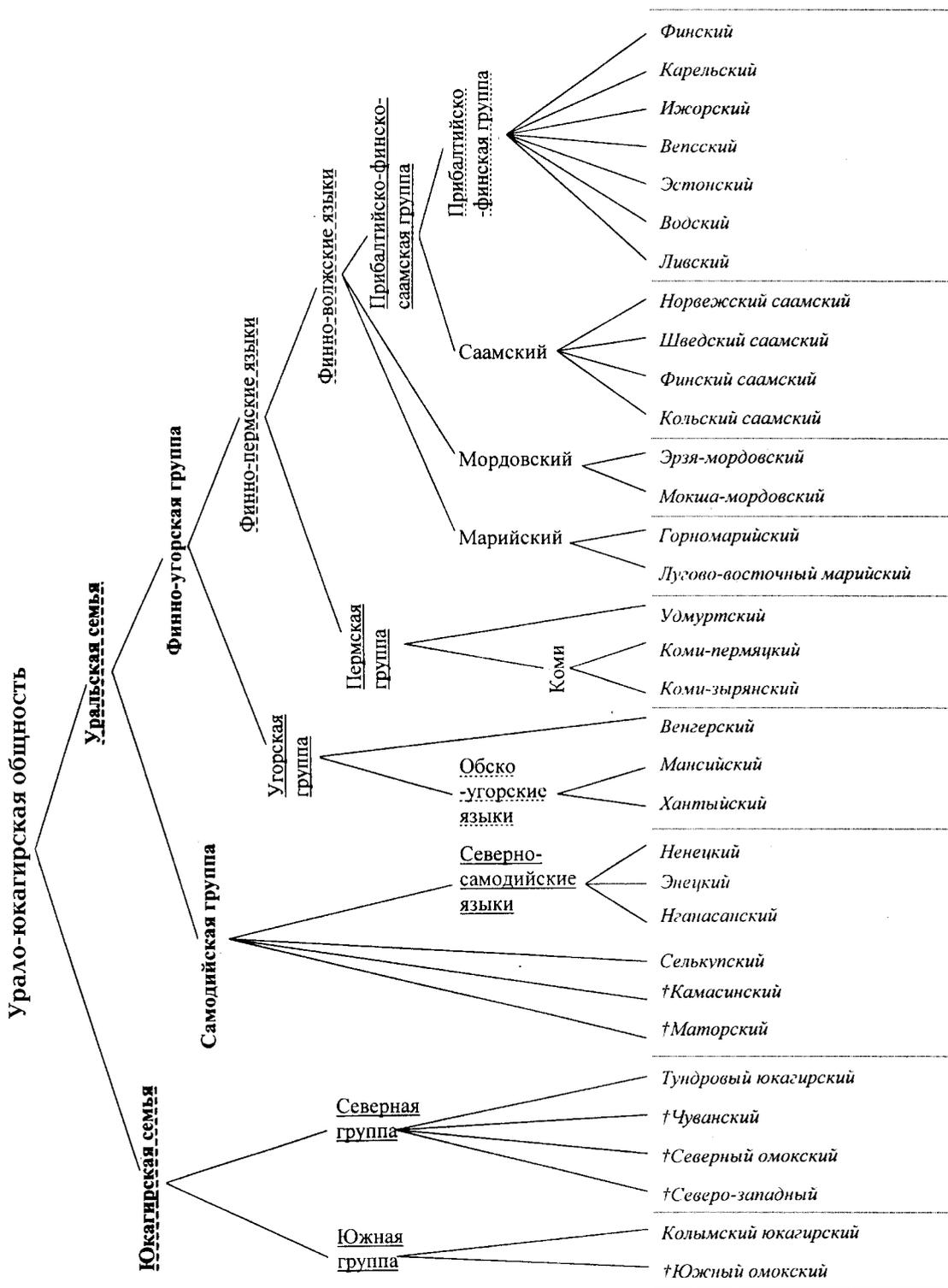

Рис. 1. Родословное дерево уральских языков. В верхней строке — современные и исторически зафиксированные языки (в том числе — литературные языки, в случае наличия отдельной нормы). Знаком † обозначены вымершие языки

(точнее уже собственно иранские) заимствования в финно-угорских языках отдельных групп (прежде всего — в венгерском, пермских и марийском) показывают, что, во-первых, контакты финно-угорского населения лесной зоны Евразии с лесостепным и степным населением, говорившим на арийских (иранских) языках, были скорее всего непрерывны с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками, и, во-вторых, что распад финно-угорского праязыка произошел после распада праиндоевропейского, в период самостоятельного развития языков индоиранской (арийской) ветви, но до сложения собственно иранских языковых форм, зафиксированных в древнеперсидских и авестийских памятниках рубежа 1—2 — середины 1 тыс. до н.э. В абсолютных датах распад финно-угорского праязыка следует, таким образом, датировать периодом между концом 4-го и второй половиной 2 тыс. до н.э. Исходя из чисто оценочных критериев предполагается, что распад прауральского языка имел место по крайней мере на тысячу лет раньше.

Анализ реконструированной прафинно-угорской лексики позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что носители финно-угорского праязыка не были знакомы с производящим хозяйством, равно как не приходится предполагать наличие у них сколько-нибудь развитой металлообработки. Это позволяет исключить 2 тыс. до н.э., когда эти новшества постепенно распространились в лесной зоне Восточной Европы и Западной Сибири, из временного периода, которым можно датировать позднейший этап существования прафинно-угорской общности. Что касается прауральского языка, то предполагавшееся исследователями начала и середины XX в. знакомство носителей этого праязыка с керамикой не бесспорно: прауральское слово, традиционно интерпретируемое как глиняный сосуд, отнюдь не обязательно означало именно керамический сосуд в прауральскую эпоху, кроме того, оно имеет интересные параллели в дравидийских и индоевропейских языках и может, таким образом, представлять собой миграционный культурный термин, попавший в разные ураль-

ские языки уже после распада праязыкового единства. Поэтому в принципе ничто не мешает относить распад уральского праязыка еще к мезолитическому времени.

Распад самодийского праязыка на основании значительной близости самодийских языков в целом, наличия в прасамодийском языке заимствований из тюркского языка «булгарского типа» (R-тюркского), в том числе — слова для лошади, отражения в прасамодийской лексике знакомства носителей праязыка с железом и скотоводством и т.д. принято относить к рубежу эр или к первым столетиям н.э.

Для датирования праязыковых распадов некоторыми лингвистами применяется метод плоттохронологии, состоящий в подсчете доли этимологических совпадений между различными языками в специально составленном списке слов. В надежности этого метода существуют обоснованные сомнения и его результаты нельзя абсолютизировать. Однако не подлежит сомнению, что он позволяет математически показать степень расхождения между родственными языками, которая в той или иной мере зависит и от времени, прошедшего с момента распада праязыка. Доля совпадений по словесному списку Сводеша между финно-пермскими и угорскими языками колеблется в пределах 20—28%, между финно-угорскими и самодийскими — 11—19%, что соответствует второй половине 6 — середине 4 тыс. до н.э. для распада прауральского и второй половине 4 — второй половине 3 тыс. до н.э. — для прафинно-угорского. Процент совпадений между венгерским и обско-угорскими языками (27—34%) позволяет помещать распад праугорского в пределах второй половины 3 — середины 2 тыс. до н.э., процент совпадений между северно-самодийскими и другими самодийскими языками (51—60%) дает возможность датировать распад прасамодийского периодом от II в. до н.э. до III в. н.э.

Исходя из изложенных соображений и учитывая также существующую в уралитике традицию, можно принять следующие даты праязыковых распадов: уральский праязык распался в 6 — конце 5 тыс. до н.э., финно-угорский — в середине 3 — на рубеже 3—2 тыс. до н.э., угорский — в конце 2 —

второй половине 1 тыс. до н.э., самодийский — около рубежа эр, прибалтийско-финский — в первые века н.э., пермский — в конце 1 — начале 2 тыс. н.э. Финно-пермская и финно-волжская праязыковые общности существовали, таким образом, с рубежа 3—2 тыс. до н.э. до первой половины 1 тыс. до н.э.

При определении уральской (финно-угорской и т.д.) прародины следует исходить из того, что с помощью сравнительно-исторического языкознания реконструируется позднейшая, финальная стадия существования праязыка, непосредственно предшествовавшая его распаду. Поэтому географическая локализация прародины уральцев (финно-угров и т.д.) должна быть приурочена к приведенным выше датам распада соответствующих праязыков, по палеоклиматической шкале — к атлантикуму (6—4 тыс. до н.э.) и к начальной стадии суббореала (3 — последние века 1 тыс. до н.э.).

Уже с XIX в. для определения прародины финно-угров в уралистике применяется метод лингвистической палеонтологии, состоящий в соотношении присутствовавшего в реконструированном праязыковом лексиконе комплекса понятий, позволяющих представить природную среду, в которой обитал пранарод с имеющимися выводами палеобиогеографии относительно эпохи, к которой относится время существования праязыка, что позволяет определить район, в котором данный комплекс понятий в данную эпоху мог сформироваться. Такой район предложено именовать праязыковым экологическим ареалом, который так или иначе должен соотноситься с районом бывшего расселения носителей праязыка перед его распадом, с прародиной.

Данные лингвистической реконструкции позволяют полагать, что носителям уральского праязыка были известны, помимо прочих, следующие деревья:

— *ель*. Типичное дерево таежных лесов, тяготеющее к странам с влажным и холодным климатом. В Восточной Прибалтике и в центре европейской России ареал ели в начале атлантикума сокращается, и она начинает вновь играть заметную роль на этих территориях только во второй половине

атлантикума — т.е. в период, когда уральская праязыковая общность скорее всего уже распалась, а на Урале и в Западной Сибири пыльца ели присутствует в очень большом количестве на протяжении всего атлантикума;

— *пихта*. Вплоть до начала 6 тыс. до н.э. сибирская пихта полностью отсутствовала западнее Урала, ее постепенное продвижение в Европу началось лишь с 6 тыс. до н.э., для эпохи уральской и финно-угорской прародины вряд ли можно говорить о ее распространении западнее верховьев Камы и Печоры;

— *кедр* (точнее — *сибирская кедровая сосна*). В атлантикуме кедр практически отсутствовал и в Восточной Европе (за исключением незначительных следов пыльцы в верховьях Печоры), и на Урале, основной областью его распространения была Западная Сибирь (включая бассейн Енисея и Алтай), а реально проникновение его на Урал и в Предуралье имело место не ранее середины суббореала, но он никогда не был распространен на запад и на юг далее Средней Камы и Верхней Вычегды.

В этот комплекс вписываются следующие прафинно-угорские реконструкции (без параллелей в самодийских языках):

— *кедровый орех* или *шишка*; следовательно, носители праязыка были знакомы с живым деревом, а не с изделиями из древесины кедра, как это предполагалось некоторыми исследователями;

— *лиственница*; и сегодня в Восточной Европе распространена очень ограниченно, а в атлантикуме и суббореале лиственницы практически не было западнее Урала, а Урал и Зауралье еще в 9—7 тыс. до н.э. были основным центром ее распространения, на севере и востоке Западной Сибири ее было больше и еще больше — в Восточной Сибири.

Эти названия указывают на то, что прауральский и прафинно-угорский экологический ареал в конце атлантикума — первой трети суббореала локализовались в зоне темнохвойных таежных лесов западносибирского типа от Урала на западе до бассейна Енисея и Алтае-Саянской горной страны на востоке. С этим выводом согласуются прауральские реконструкции названий

других таежных и северных животных и растений: *соболя* (с хорошей юкагирской параллелью), *рябчика*, *морозки*, *северного оленя* и др.

В то же время прауральский и, в особенности, прафинно-угорский экологический ареал не может быть помещен в северно-таежной зоне, на что указывают реконструкции названий таких животных: (прауральский) *змея*, (прафинно-угорский) *бобр*, *ёж*. Указанием на сдвиг прафинно-угорского экологического ареала на юг и, возможно, на запад по сравнению с прауральским помимо приведенных выше названий животных традиционно считаются прафинно-угорские реконструкции названий *вяза* и *липы* (точнее – реконструируется финно-пермское слово для обозначения *лыка*). В атлантикуме вяз и липа были достаточно широко распространены в Западной Сибири на Урале, образуя западносибирскую периферию европейских широколиственных лесов, а липа сохраняется на юге бассейна Иртыша и по сей день. Кроме того, важны прафинно-угорские названия *пчелы* и *меда*, заимствованные из арийских языков: ареал медоносной пчелы связан с ареалом распространения такого медоноса, как липа, а заимствованное происхождение этих слов указывает, во-первых, на период заимствования не ранее распада уральского праязыкового единства, во-вторых – свидетельствует скорее всего именно о сдвиге ареала расселения носителей прафинно-угорского на юг и / или на запад.

Для уральского и финно-угорского праязыков реконструируются названия следующих рыб:

– *нельма (белорыбица)*; обитает в бассейнах рек Северного Ледовитого океана от Кольского полуострова до Восточной Сибири включительно и в бассейне Волги и Урала;

– *лινь*; практически повсеместно известна в Европе, в Сибири – в Обско-Иртышском бассейне и в верхней части Енисея. На севере эта теплолюбивая рыба более редка;

– *осетр*; обитает во всех сибирских реках, в бассейне Волги и в реках Центральной и Западной Европы бассейна Атланти-

ческого океана и, в частности, Балтики. По-видимому, его никогда не было в восточно-европейских реках бассейна Северного Ледовитого океана;

– *стерлядь*; не обитала в древности в бассейнах рек Балтийского моря, в Печоре, Мезени и в сибирских реках восточнее Енисея;

– *какой-то вид сига*; сиговых рыб в древности не было в бассейне Волги;

– *сырок (пелядь)*; сырок, как и другие сиговые, полностью отсутствовал в бассейне Волги до искусственной акклиматизации в XX в., но издревле был одной из самых распространенных рыб бассейна Оби.

Такой набор названий рыб мог сформироваться только у населения Обско-Иртышского бассейна, скорее всего – его южной части. Все другие ихтионимы, реконструируемые для уральского и финно-угорского праязыков, не противоречат этому выводу, а заимствованное происхождение (из балтских языков) названий основных рыб бассейна Балтики (*семги*, *угря* и др.) в прибалтийско-финско-саамских языках однозначно указывает на позднее проникновение носителей финно-угорской речи на берега рек, впадающих в Балтийское море.

Таким образом, прауральский экологический ареал в 5 – начале 4 тыс. до н.э. ограничен на западе Уральским хребтом, на севере – примерно Полярным кругом, на востоке – районом среднего и верхнего течения Енисея, на юге – примерно современной южной границей западносибирской тайги от северных предгорий Саян и Алтая до нижнего течения Тобола и Среднего Урала включительно. Прафинно-угорский экологический ареал в 3 тыс. до н.э. в значительной мере совпадал с юго-западной частью прауральского экологического ареала (Средний Урал, Среднее и Южное Зауралье, юго-западный сектор Западной Сибири) и, видимо, включал в себя районы к западу от Уральских гор – бассейнов Камы, верхней Вычегды и верховья Печоры (рис.2).

После распада уральской праязыковой общности носители *самодийского* праязыка скорее всего не покидали зоны западносибирской тайги, о чем свидетельствует хорошая сохранность отражающей соответствию

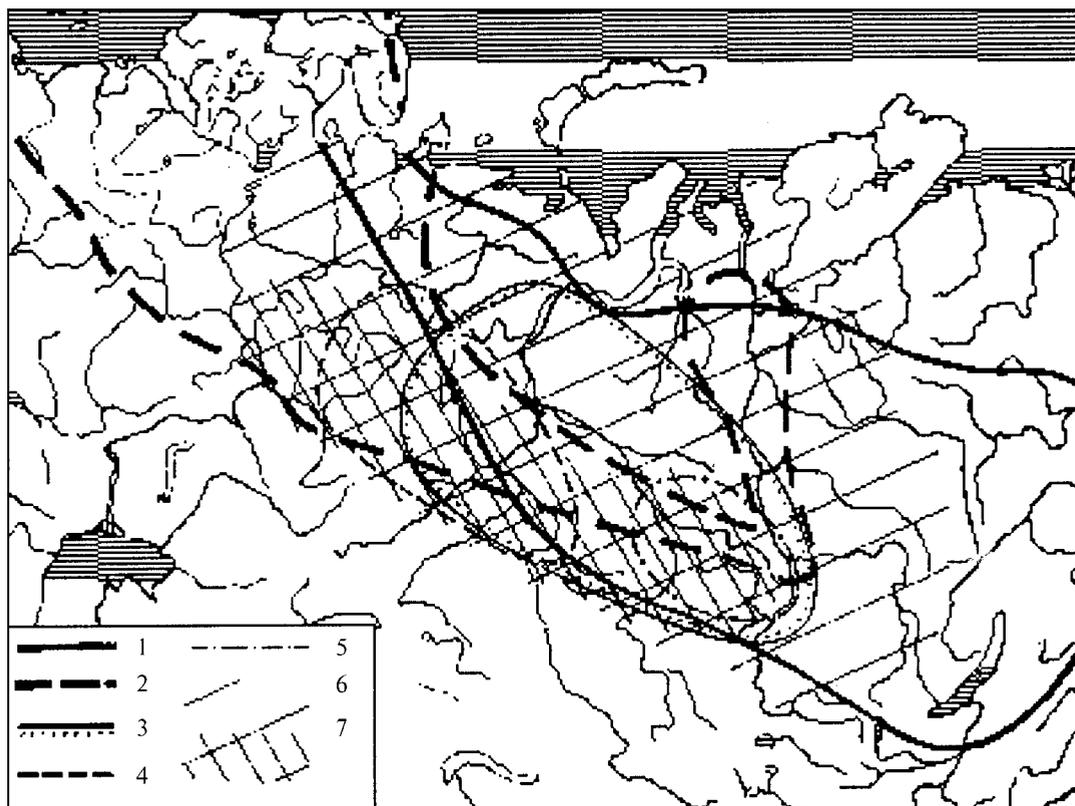

Рис.2. Праязыковой экологический ареал и прародина уральцев. 1 – ареал темнохвойной тайги в суббореале (7 тыс. до н.э.); 2 – ареал темнохвойной тайги в конце суббореала (вторая половина 2 тыс. до н.э.); 3 – прауральский экологический ареал; 4 – прафинно-угорский экологический ареал; 5 – прасамодийский экологический ареал; 6 – гипотетическая максимальная территория распространения прауральских групп; 7 – наиболее вероятная территория распространения прауральского населения

ющие природные реалии прауральской лексики в самодийских языках и наличие множества других прасамодийских этимологий с соответствующими значениями (названия *лиственницы, соболя, глухаря, росомахи, кедровки* и т.д.). Ряд этимологий свидетельствуют о наличии в культуре самодийского пранарода домашнего оленеводства (названия для *домашнего северного оленя, нарт, кастрированного оленя*), что также указывает на локализацию пранарода в регионе древнейшего оленеводства (в самом широком смысле – таежная и горно-таежная зона Западной и Средней Сибири). В целом анализ прасамодийского лексикона позволяет локализовать прасамодийский экологический ареал эпохи распада общности (рубеж эр) в южно-таежной зо-

не Западной Сибири, в междуречье Средней Оби и Енисея (см. рис.2).

Для решения вопроса о соотношении праязыкового экологического ареала и прародины необходимо соотнести сделанные выше выводы с данными о внешних связях (контактных и генетических) уральского, финно-угорского и самодийского праязыков, о происхождении антропологических типов, характерных для современных уральских народов и наложение этих данных на карту археологических культурных традиций соответствующей эпохи.

Как было указано выше, уральский праязык не имел непосредственных контактов с *праиндоевропейским*. Из всех существующих сегодня гипотез об индоевропейской прародине наилучшим образом соответст-

вуют лингвистическим и историческим фактам две: средневропейская (район к северу от балканских земледельческих культур типа Винча-Старчево, от южной Германии до западной Украины) и степная (зона евразийских степей и лесостепей от Дуная до Урала). Локализация уральской прародины в южно-таежной зоне Западной Сибири в обоих случаях позволяет объяснить отсутствие следов прауральско-праиндоевропейских контактов. Последующее расширение ареала прафинно-угорского расселения на запад от Урала в лесной зоне и ареала ранних индоиранских племен на восток – в степной должно было привести к контактам прафинно-угров с носителями ранних арийских диалектов в лесостепной зоне Поволжья и Урала, что отражается в арийских заимствованиях в финно-угорском праязыке. При этом предки самодийцев оставались в западносибирской тайге и контакты их с ариями наступили не ранее I тыс. до н.э., когда ареал их расселения, по-видимому, расширился в южном направлении.

С другой стороны, на востоке прауральский, прасамодийский и затем – отдельные самодийские языки находились, очевидно, в непрерывных контактах с носителями *пратунгусо-маньчжурского*, общетунгусского и эвенкийского языков. Причем ряд параллелей восходят, по-видимому, к столь глубокой праязыковой древности, что не представляется возможным определить, является ли то или иное слово заимствованием из пратунгусо-маньчжурского в прауральский или наоборот, или его следует возводить к некоему общему праязыку. Не исключено, что в эти контакты были вовлечены не только прасамодийский, но и праугорский уже после распада уральского единства. Вопрос о тунгусо-маньчжурской прародине далек от своего решения, но в любом случае локализовать прауральско-пратунгусские контакты западнее Енисея невозможно. Следовательно, восточный фланг уральской, а затем самодийской прародины должен был достигать по крайней мере бассейна Енисея.

О древних контактах уральцев – обитателей западносибирской тайги с носителями тунгусо-маньчжурских и тюркских язы-

ков, распространявшихся в этой зоне с юга и востока, свидетельствуют также заимствования в этих языках слов, означающих таежные реалии (*ель, кедр, лиственница, соболь*), из раннего прасамодийского (или праугорского) источника. С другой стороны, в прасамодийском имеются культурные термины, являющиеся старыми заимствованиями из тюркского языка «булгарского типа».

Наконец, внешние генетические связи уральского праязыка также «тянут» его далеко на восток: прежде всего – это факт урало-юкагирского языкового родства (см. выше), а также – многочисленные типологические, лексические, синтаксические параллели между уральскими и так называемыми «алтайскими» (тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским) языками, которые не могут быть проигнорированы независимо от решения проблемы алтайского родства и в любом случае указывают по крайней мере на древнейшие ареальные (если не генетические) связи прауральского (праюкагируральского) с языками Центральной и Восточной Азии.

Эта картина резко контрастирует со следами контактов уральских языков с исторически известными языками Европы: заимствования из балтских языков в уральских полностью отсутствуют в угорских и самодийских языках, и самые ранние контакты уральцев (точнее – западных групп финноугров после распада финно-угорского праязыка) не могут быть таким образом датированы ранее конца 3 тыс. до н.э. Контакты с германскими языками имели место еще в более позднюю эпоху, и в них были вовлечены только предки прибалтийских финнов и саамов. Остается открытой и весьма вероятной возможность древних контактов уральцев с носителями палеоевропейских языков, распространенных в Восточной и Северной Европе ранее индоевропейских и уральских: в частности очевидно, что мощный палеоевропейский субстрат имеется в саамском; носителями палеоевропейских языков с высокой степенью вероятности можно считать создателей комплекса неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа

Центральной России и культуры типичной гребенчатой керамики Восточной Прибалтики и Фенноскандии. Однако проблема характера, времени и места этих контактов остается в целом открытой.

В антропологическом (расовом) отношении уральские народы принадлежат к самым разнообразным типам: от классических европеоидных до классических и даже архаичных монголоидных. В антропологических типах большинства уральских народов сочетаются признаки как восточного, так и западного расового ствола. Точка зрения о том, что эти формы являются результатом смешения европеоидных и монголоидных популяций не может объяснить того обстоятельства, что в них не просто парадоксально сочетаются признаки монголоидной и европеоидной рас, но эти признаки находятся в прямой связи. Это указывает на то, что в составе большинства финно-угорских народов присутствует общий антропологический компонент неевропеоидного и немонголоидного облика — древнеуральская раса, который подвергался интенсивному смешению с монголоидами на востоке и европеоидами на западе, но наилучшим образом сохранился в антропологическом типе манси.

Локализация древнеуральской расы, равно как и проблема соотношения этого антропологического типа с носителями уральского праязыка — вопросы нерешенные и даже реально до сих пор не поставленные, однако в любом случае следует полагать, что, во-первых, носители древнеуральского типа сыграли существенную роль в этнической истории уральцев уже на ее древнейших этапах, во-вторых, — что ареал распространения этого типа должен был находиться между восточным и западным очагами расообразования; особое значение имеет предположение о предледниковой зоне как наиболее вероятном районе, где подобный набор признаков мог сложиться и сохраняться. Все эти выводы прекрасно согласуются с гипотезой о западно-сибирских истоках уральской общности.

Возможности этноязыковой привязки археологических культур весьма ограничены вообще и тем более — в отношении культур мезолита и раннего неолита (время рас-

пада уральской и финно-угорской общностей). Однако археологический материал позволяет провести границы между существовавшими в эти периоды в Северной Евразии культурными традициями. В самом общем виде в интересующем нас ареале выделяются по крайней мере три четко различающиеся раннеолитические традиции с мезолитическими и даже верхнепалеолитическими истоками: восточноевропейская (постаренбургская и постсвидерская традиции с истоками в палеолите Центральной Европы, на базе которых вырастают неолитические культуры с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа в Центральной России и с типичной гребенчатой керамикой в Прибалтике; урало-западносибирская с восходящими к местному мезолиту *культурами с гребенчатой керамикой* в Прикамье и Западной Сибири; восточносибирская — преемственность культур Якутии с сумнагинской мезолитической до Ымьяхтахской. Учитывая очевидные различия и различные истоки этих культурных областей, можно связывать генезис уральцев только с одной из них. При такой — единственно возможной — постановке вопроса только урало-западносибирская традиция может выступать в качестве археологического аналога прауральской общности, так как только территория ее распространения соотносима с определенным выше прауральским и прафинно-угорским экологическим ареалом. Данный вывод не означает, что все носители культур урало-западносибирской традиции говорили на уральских языках, но с высокой степенью вероятности следует считать, что именно в пределах ареала распространения этой традиции, то есть — на территории лесной зоны от устья Камы на западе до Енисея на востоке, скорее всего — в южной и западной ее частях следует локализовать уральскую и финно-угорскую прародину (см. рис.2).

Таким образом, по всей вероятности, по крайней мере с раннего неолита регион Прикамья входил в зону распространения уральских языков. Распад уральской и финно-угорской общности и продвижение уральской (финно-угорской) речи на запад до Скандинавии и Прибалтики связаны с глобальными экологическими изменени-

ями конца атлантикума – суббореала (с 6 до конца 2 тыс. до н.э.) и с социально-экономической революцией в укладе жизни населения лесной зоны Евразии в бронзовом и раннем железном веке (2—1 тыс. до н.э.). В эту эпоху происходит сдвиг «родной» экологической ниши уральцев – темнохвойных таежных лесов: угнетение их в Западной Сибири и распространение в Восточной Европе на запад и юг в связи с похолоданием и увлажнением климата (см. рис. 2). Одновременно в Западной Сибири идет интенсивный процесс формирования болот, что приводило к катастрофическому сокращению продуктивности этих территорий и не могло не вынуждать население к поиску новых земель. Расширение ареала темнохвойной тайги определило в целом направление этих поисков.

С другой стороны, начиная с эпохи ранней бронзы в ходе интенсивных контактов с преимущественно индоевропейским населением степной зоны Евразии и смешанных лесов Центральной Европы проникавшим в периоды относительно благоприятного климата достаточно далеко на север и на восток (*фатьяновская, балановская, абашевская, поздняяковская археологические культуры* и др.), уралоязычное население южных и юго-западных «окраин» уральской прародины (прежде всего – какая-то часть носителей *культур гаринско-волоковского круга* в Восточной Европе и создатели памятников липчинского и аятского этапов зауральской культуры с гребенчатой керамикой, екатерининского, барабинского вариантов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой Прииртышья и др. в Западной Сибири) знакомится с металлами и производящим хозяйством. В эпоху же поздней бронзы, во второй половине 2 – начале 1 тыс. до н.э. население южно-таежной и лесостепной зоны от Верхней Оби на востоке до Казанского Поволжья на западе благодаря освоению металлургии (уральский очаг металлообработки) и развитию комплексного охотничье-рыболовческо-скотоводческого хозяйства начинает играть

доминирующую роль в лесной зоне, постепенно (по-видимому, одновременно с продвижением таежных лесов) распространяя свое влияние до Балтики и Скандинавии на западе. Максимумом это влияние достигло уже в раннем железном веке (в первой половине – середине 1 тыс. до н.э.), когда в Восточной Европе складываются две большие культурные области – *ананьинская*, от Прикамья и Предуралья через север европейской России достигавшая в очень ясных реминисценциях Карелии, и *культур с текстильной (ложнотекстильной, сетчатой) керамикой*, воздействие которых также прослеживается от Среднего Поволжья до Швеции. В Западной Сибири в эпоху поздней бронзы аналогично идет развитие *андроноидных культур* южно-таежной и лесостепной зоны от Урала до Верхней Оби, создатели которых, будучи скорее всего потомками неолитического лесного населения региона, к началу 1 тыс. до н.э. значительно опередили в социально-экономическом отношении родственные по языку племена более северных территорий.

Эти бурные исторические процессы привели в конечном счете в середине – второй половине 1 тыс. до н.э. к сложению археологических общностей, с создателями которых можно с известной степенью вероятности соотносить население, говорившее на праязыках отдельных уральских групп: *культуры с ложнотекстильной керамикой Карелии и Финляндии типа Сарса-Томица* (прасаамы), *культуры каменных могильников с оградками* в Эстонии и на соседних территориях (праприбалтийские финны), *дьяковской и городецкой культур* в Верхнем и Среднем Поволжье и в бассейне Оки (прамордва и прамарийцы), *пьяноборской и гляденовской культур* в Прикамье (прапермяне), *иткульской культуре* в Зауралье (предки обских угров), *саргатско-гороховской общности* на юго-западе Западной Сибири (правенгры), *кулайской культуры* в Среднем Приобье (прасамодийцы).

Владимир Иванов

Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье

Результаты многолетних исследований памятников эпохи неолита в Волго-Уральском регионе показывают, что, с одной стороны, они как бы неразрывно продолжают хозяйственные и культурные традиции предшествующей (мезолитической) эпохи. Большинство неолитических поселений располагаются на местах стоянок эпохи мезолита, образ жизни и тип хозяйства кардинально вроде бы тоже не меняется — охота, рыболовство, собирательство. И вместе с тем находки глиняной посуды на поселениях показывают, что в истории древних прауральцев произошли существенные изменения: в регионе складываются две крупных этнокультурных общности, располагавшиеся по разные стороны Уральских гор и различающиеся между собой прежде всего по характеру декоративного оформления глиняной посуды. К западу от Урала, в бассейне Камы, Вятки и Средней Волги были распространены поселения с так называемой гребенчатой керамикой (поверхность глиняных сосудов до их обжига покрывалась оттисками зубчатого штампа (гребенки)), тогда как в Зауралье преобладала посуда, украшенная гребенчато-прочерченным орнаментом (оттиски зубчатого штампа сочетаются с узорами, прочерченными по сырой глине концом заостренной палочки). Наблюдаются отличия и в технике изготовления и обработки каменных орудий: в Зауралье преобладают орудия, изготовленные из различных сортов уральской яшмы, в Приуралье — из серого кремня.

Перечисленные отличия в принципе согласуются с историко-лингвистической концепцией о распаде в неолитическую эпоху прауральской общности на две группы. Существует точка зрения, восходящая к работам О.Н.Бадера и В.Н.Чернецова, согласно которой приуральские неолитические памятники были оставлены древними финно-уграми, тогда как зауральские (следуя логике данной концепции) — древними самодийцами. Причем на приуральских

неолитических памятниках выделяется еще одна группа глиняной посуды — сосуды, украшенные поясками гребенчатых узоров, разделенными горизонтальными рядами редких круглых ямок (так называемая ямочно-гребенчатая керамика льяловского типа), которая попала сюда из районов Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья.

Распад финно-пермской общности, согласно историко-лингвистическим данным, завершается к середине 2 тыс. до н.э. В археологическом проявлении это было время мощного культурного импульса в Прикамско-Приуральскую этнокультурную среду, в языковом отношении, вероятно — финно-угорскую. Носителями этого импульса явились племена, оставившие в регионе памятники сейминско-турбинского типа. Появление их в лесном Прикамье большинство современных исследователей объясняют миграцией с востока части древних племен Алтая, предположительно, индоевропейского происхождения [Черных, Кузьминых, 1989].

Миграция с востока, в первую очередь, повлияла на дальнейшее развитие хозяйственной жизни населения лесного Прикамья, поскольку благодаря мигрантам оно освоило навыки бронзовой металлургии.

Для второй половины 2 тыс. до н.э. исследователи выделяют пять археологических культур, носители которых составляли ядро прикамско-приуральских предков пермских народов — *ерзовскую*, *курмантау*, *приказанскую*, *луговскую* и *буйскую*. Ареал этих культур занимал большую часть зоны прикамских широколиственных лесов — границы которой в рассматриваемую эпоху проходили на 300 км севернее современных [Немкова, 1985] — от верховьев Камы и Вятки до среднего течения р. Белой и современного приказанского Поволжья. Все они являлись продолжением этнокультурных традиций местных племен эпохи нео-

лита-энеолита, а потому тракуются как составные компоненты финно-пермской этнокультурной общности Волго-Камья [Немкова, 1985, с.161—164].

Вместе с тем результаты археологических исследований Южного Урала и Приуралья позволяют в настоящее время выделить на этой территории ряд разновременных археологических культур, имеющих вполне определенное зауральско-западно-сибирское происхождение: *межовская* — для эпохи бронзового века; *гафурийская* — для раннего железного века; *кушнаренокская*, *караякуповская* и *чияликская* — для эпохи средневековья. По определению большинства современных исследователей, все перечисленные культуры или содержали в себе угорский этнический компонент [Сальников, 1967, с.371; Обыденнов, Шорин, 1995, с.117; Обыденнов, 1998, с.49], или были оставлены носителями угорских языков [Вереш, 1979, с.11; Генинг, 1972, с.274; Халикова, 1975; Пшеничнюк, 1988, с.5—9; Казаков, 1976, с.85—89; Иванов, 1988, с.64; Гарустович, Иванов, 1992, с.17—31 и др.]. Кроме того, есть возможность проследить присутствие прото-венгерского этноязыкового пласта на территории рассматриваемого региона по данным топонимии и этнонимии [Матвеев 1968; Хисамитдинова, 1988, с.102—129; Nmeth, 1966]. Имеются вполне определенные данные, позволяющие говорить об угорском периоде в этнокультурной истории народов Южного Урала и Приуралья, когда носители угорских языков не только присутствовали в регионе, но и в некоторых его районах доминировали.

Имеющийся материал, разбросанный на обширном хронологическом поле, требуется систематизировать, чтобы проследить динамику угорского компонента в пространстве региона и во времени.

Первый этап проникновения и расселения древнеугорского населения на Южном Урале и в Приуралье относится к концу 2 тыс. до н.э. и связан с расширением ареала межовской археологической культуры. Последняя, по мнению исследователей, складывается к XII в. до н.э. на базе черкаскульской археологической культуры, носители которой (предположительно протоуг-

ры) в XV—XIII вв. до н.э. занимали обширные пространства зауральских лесов от р.Тобол на востоке до восточных склонов Уральских гор. Впрочем, отдельные памятники черкаскульской культуры известны в среднем и нижнем течении р. Белой, в низовьях Камы и на Средней Волге [Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1998].

В XI в. до н.э. по речным системам Южного Урала часть межовского населения проникает в Приуралье, где занимает лесное и лесостепное пограничье (в основном — в бассейне р. Белой) между низовьями Камы и горами Южного Урала. Это было оседлое население с многоотраслевым хозяйством, основу которого составляло пастушеское скотоводство. Земледелие, охота и рыболовство, судя по археологическим данным, были распространены, но в качестве вспомогательных отраслей хозяйства [Обыденнов, 1977, с.71—96].

Основное содержание этнокультурных процессов в Приуралье в эпоху позднего бронзового века составили контакты межовского (угорского) населения с финно-пермскими племенами Волго-Камья — носителями *маклашеевской* и *ерзовской культур* — сложившихся соответственно в Приказанском Поволжье и Среднем Прикамье. Следствием этих контактов явилась ассимиляция межовцев местным населением, завершившаяся, судя по верхней дате межовских памятников в Приуралье, к началу VII в. до н.э. [Обыденнов, Шорин, 1995, с.97; Обыденнов, 1998, с.58].

Эпоха раннего железного века (VII в. до н.э. — III в. н.э.) и раннего средневековья (IV—V вв. н.э.) — время абсолютного финно-пермского доминирования в Волго-Камском и Приуральском регионе. Этнокультурный облик региона в это время определяется взаимодействием двух общностей: культур текстильной керамики в Поволжье и Нижнем Прикамье и ананьинской в Среднем Прикамье и низовьях р. Белой. Одним из результатов этого взаимодействия явилось сложение в Среднем Поволжье и на Нижней Каме *ахмыловской археологической культуры* (так называемые «средневожские ананьинцы»). Начало эпохи раннего железа ознаменовалось миграцией части ахмыловского (вожско-фин-

ского?) населения на восток, в Приуралье, вследствие чего на правом берегу среднего течения р. Белой формируется *карабызская археологическая культура* [Иванов, 1978, с.15]. Одним из составляющих компонентов последней были племена, оставившие в Приуралье памятники так называемого «гафурийского типа», появившиеся здесь в начале IV в. до н.э. [Пшеничнюк, 1988, с.7]. Отличительной особенностью этих племен, выделяющей их из общей массы прикамско-приуральского населения, являются подкурганный обряд захоронения и керамика в виде круглодонных или плоскодонных горшков с утолщением — валиком в верхней части и выраженной примесью талька в глиняном тесте.

Зауральское происхождение «гафурийских племен» признается большинством исследователей. Более того, как считает М.Ф.Обыденнов, в своем культурогенезе они восходят к черкаскульско-межовским племенам лесного и лесостепного Зауралья [Обыденнов, 1998, с.57]. По своим морфологическим признакам культура «гафурийских племен» близка к саргатской и гороховской культурам лесостепного Зауралья, чья угорская языковая принадлежность считается общепризнанной. Кроме того, именно наличие гафурийской керамики в раннесарматских (прохоровских) комплексах дало основание К.Ф.Смирнову предположить участие угорского компонента в сарматском культурогенезе [Смирнов, 1971, с.71].

Однако в Приуралье в эпоху раннего железного века угорское присутствие было крайне незначительным и угорский субстрат в этническом облике карабызской культуры уступал финно-пермскому, хотя в целом и обусловил те особенности, которые отличают эту культуру от синхронных финно-пермских культур Волго-Камья. Поэтому, как отмечают исследователи, археологические культуры региона эпохи раннего средневековья — мазунинская, азелинская — сложившиеся на основе местных культур эпохи раннего железа (пьяноборской и карабызской) имеют выраженный местный прикамский облик и рассматриваются как результат самостоятельного этнокультурного развития местного

населения [Голдина, 1987, с.13; Пшеничнюк, 1988, с.8].

Второй этап угорского проникновения на Южный Урал и в Приуралье приходится на время, непосредственно следующее за эпохой Великого переселения народов. В это время, вследствие прихода в Волго-Камье новых этнических групп, представленных памятниками харинско-тураевского типа (конец IV—V вв.), происходит нарушение финно-пермской этнокультурной доминанты в регионе. Этническая принадлежность этого населения не ясна и однозначно связывать его происхождение с каким-то из соседних регионов, в частности — Западной Сибирью [Голдина, 1987, с.14] не представляется возможным.

Здесь появляется новое население, представленное, кроме уже упоминавшихся памятников харинско-тураевского типа, памятниками *турбаслинской культуры*, локализованными на левобережье Средней Белой, а южнее устья Камы, по правому и левому берегам Волги, расселяются носители именьковской культуры, говорившие, по-видимому, на языке балто-славянского круга [Матвеева, 1998, с.88—91] (рис.1).

Языковая принадлежность создателей памятников харинско-тураевского и турбаслинского типов до конца не выяснена. Р.Д.Голдина, например, считает их уграми — носителями поздней *саргатской культуры*, в конце IV в. н.э. под давлением гуннов перешедших Уральский хребет и расселившихся в Прикамье и Кунгурской лесостепи [Голдина, 1999, с.276]. По ее мнению, в результате этнического взаимодействия зауральских угров с прикамскими пермянами в Прикамье складывается симбиозная *неволинская культура*, оставленная смешанным пермско-угорским населением.

Нарушенная этнокультурная целостность региона уже не восстановилась. В конце VI— начале VII вв., практически одновременно, в южных районах Приуралья появляются два новых народа: ранние болгары — в районе Самарской Луки (памятники новинковского типа) [Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998] и пришедшие из-за Урала носители *кушнаренковской культуры*, в которых можно видеть протовенгров, — в бассейне р. Белой.

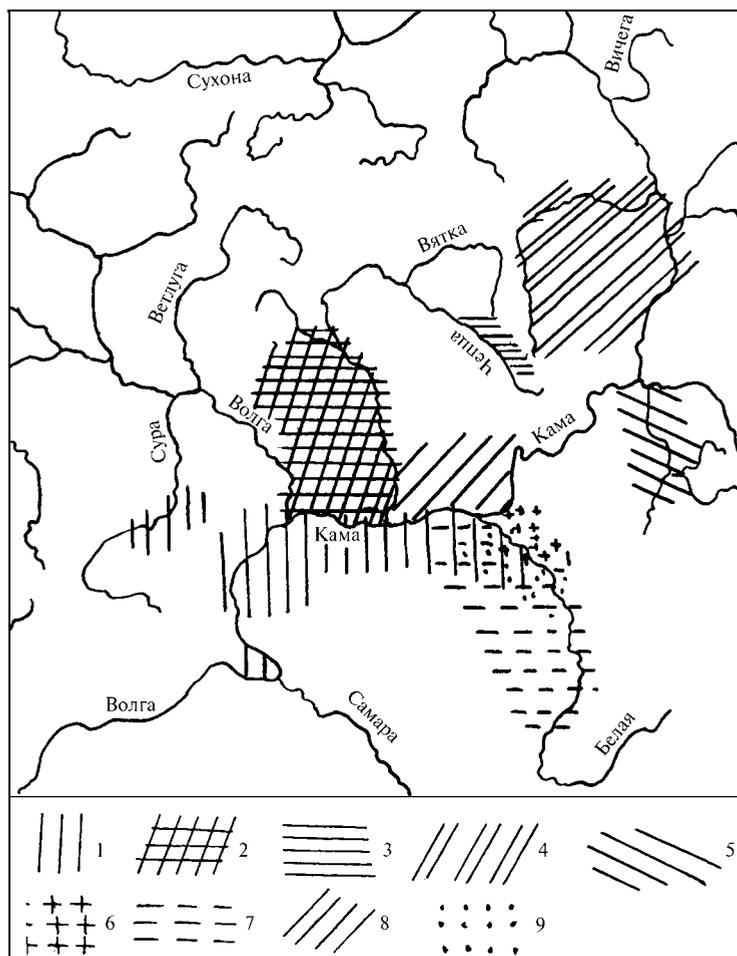

Рис. 1. Археологические культуры середины 1 тыс. н.э. Прикамья и Среднего Поволжья.

1 — именьковская культура; 2 — азелинская культура в V—VII вв.; 3 — чепецкая культура (по Р.Д.Голдиной); 4 — ломоватовская культура (по Р.Д.Голдиной); 5 — неволинская культура (по Р.Д.Голдиной); 6 — бахмутинская культура (по Р.Д.Голдиной); 7 — кушнаренковская культура (по Р.Д.Голдиной); 8 — верхнеутчанская культура (по Р.Д.Голдиной); 9 — турбаслинская культура (автор П.Н.Старостин)

Для всей второй половины 1 тыс. н.э. болгары и кушнаренковцы становятся ведущей этнокультурной силой на территории Волго-Уральской лесостепи. О характере взаимоотношений между ними по имеющемуся археологическому материалу судить трудно. Однако, учитывая то обстоятельство, что в второй половине VIII—IX вв. н.э., когда ранние болгары продвинулись севернее и прочно освоили район устья р. Камы, а на территорию современного Башкортостана опять-таки из-за Урала пришли родственные кушнаренковцам носители *караякуповской культуры*, ареалы их расселения в регионе оказались четко разграниченными,

можно предположить, что этнокультурного смешения между болгарами и приуральскими протовенграми не происходило. На это же указывают различия морфологических признаков раннеболгарской и караякуповской археологических культур. В частности, караякуповцы вновь приносят с собой в Приуралье традиционный для них обряд многомогильных подкурганых захоронений, обычай помещения головы и ног лошади в могилу или в курганную насыпь, керамику, украшенную несвойственным прикамским народам резным орнаментом в виде «елочек», косой сетки, зигзагов, горизонтальных линий и «жемчужин». Особо следует подчеркнуть, что ближайшие па-

раллели основные признаки кушнареноквского и караякуповского погребального обряда находят в памятниках макушинского, молчановского и поччевашского типов Зауралья и Западной Сибири, непосредственно связанных с предками хантов и манси. Ареал этих памятников занимает южную часть зауральской лесотажной зоны и зауральско-западносибирскую лесостепь.

В Приуралье угры занимают привычную для них ландшафтную зону — северную периферию Волго-Уральской лесостепи — соответствующую экологическим условиям их западносибирской прародины. На западе они упирались в низовья Камы, имея соседями волго-камских болгар, на востоке их территория включала в себя часть зауральской лесостепи, главным образом, в предгорьях Уральского хребта.

Этнополитическая ситуация в Волго-Уральском регионе во второй половине — конце I тыс. н.э. складывалась таким образом, что практически исключала возможность этнокультурного симбиоза народов, населявших регион в это время. Уже в первой половине X в. начинается торговая экспансия болгар на север, в лесное Прикамье, вылившаяся в итоге в этнокультурную экспансию, завершившуюся образованием торговых поселений в бассейне Верхней Камы [Белавин, 2000, с.35—43]. Но на пути этой экспансии стояли караякуповцы-протовенгры, чьи контакты с прикамскими племенами начались примерно на век раньше.

Трудно сказать, как складывались отношения протовенгров с волжскими болгарами, но есть основания полагать, что они были отнюдь не безмятежными. В противном случае трудно объяснить тот факт, что все караякуповские городища-крепости вынесены на западную окраину караякуповской территории, в сторону Волжской Булгарии. Тогда как все наиболее крупные и богатые могильники «караякуповцев», напротив, скрыты в предгорьях и горно-лесных районах Южного Урала.

Причиной ухода древних угров-мадьяр из Приуралья явилась, по-видимому, начавшаяся в IX в. военно-политическая экспансия Древнекыргызского государства на запад, в степные и лесостепные районы

юга Западной Сибири. О том, что кыргызские военные отряды доходили до степного Зауралья, свидетельствуют находки археологов на юге Челябинской области (погребения так называемой «тюхтятской» культуры). Вероятно, они и послужили причиной массовой подвижки «караякуповцев» на запад, на Урал и в Приуралье. Но дальше на запад отступать было некуда, поскольку на пути стояла Волжская Булгария...

Уход основной массы протовенгров на запад в середине IX в. [Иванов, 1999] предполагает смену населения на Южном Урале и изменение очертаний и состава этнической карты региона в последующий период. И действительно, для X в. в приуральской лесостепи мы находим памятники, материальная культура которых заметно отличается от кушнареноквской и караякуповской. Ее характерным признаком является круглодонная лепная керамика, украшенная по шейке горизонтальными оттисками шнура и крупнозубчатого штампа. Памятники, содержащие подобную керамику, объединены в *чияликскую культуру* (названную так по поселению у с. Чиялик в низовьях р. Ик, исследованному Е.П.Казаковым). В настоящее время выявлено и в той или иной степени исследовано свыше 1000 памятников указанной культуры (поселений, могильников, одиночных погребений и курганов, кладов), ареал которой охватывает северную часть приуральской лесостепи от устья Камы до среднего течения р. Белой и зауральской лесостепи.

В географии памятников чияликской культуры выделяются 12 локально-территориальных групп, из которых 9 — икская, камско-бельская, сюньюнская, чермасанская, демская, айская, среднебельская, нижнебельская и уральская — расположены в регионе Южного Урала и Приуралья. Памятники, составляющие перечисленные группы, по своему характеру достаточно однородны — практически везде мы находим как поселения, так и могильники, за исключением нижнебельской и камско-бельской локальных групп, где пока выявлены только могильники.

Время бытования чияликской культуры укладывается в промежуток с конца X и до начала XV в., разделенное нами на два эта-

па: первый этап (кон. X—XIII вв.) мы условно называем мрясимовским (или раннечияликским), второй (кон. XIII — нач. XV вв.) — чияликским. Выделенные этапы соответствуют двум группам носителей шнуровой керамики, названных Е.П.Казаковым постпетрогромским и чияликским [Казаков, 1978, с.42—43]. Представлены они в основном курганами и курганными могильниками.

Языковая принадлежность населения, оставившего в регионе памятники мрясимовского типа, определяется через призму их типологического и хронологического соотношения с предшествующими и синхронными культурами Урало-Сибирского региона. И прежде всего — с культурами, определяемыми как угорские. К таковым, как это явствует из предшествующей главы, относятся кушнаренковская и караякуповская культуры на Южном Урале и в Приуралье и потчевашская и молчановская культуры в Зауралье и Западносибирской лесостепи. Результаты сравнительно-статистического анализа представительных признаков погребального обряда перечисленных культур показывают, что курганы мрясимовского типа характеризуются теми же признаками погребального обряда, что и их предшественники и соседи по лесостепной зоне Южного Урала.

Следуя по времени за караякуповскими, курганы мрясимовского типа обнаруживают и высокий коэффициент типологического сходства с ними. Этот факт является не чем иным, как отражением этнического родства населения, оставившего указанные памятники [Гарустович, Иванов, 1992, с. 22—24].

Высокое типологическое сходство мрясимовских памятников с караякуповскими — не единственный показатель их угорской принадлежности. Кроме этого, обращает на себя внимание керамика (круглодонные горшки, кувшины и чаши), по форме и шнуровой и гребенчатой орнаментации имеющая ближайшие аналогии в керамических комплексах петрогромских, молчановских, юдинских и макушинских памятников лесного и лесостепного Зауралья.

То же самое относится и к такому признаку, как наличие конских челюстей и зу-

бов в насыпях земляных курганов. Небольшая глубина могильных ям, расположение конских костей («шкуры лошади») в куче в ногах погребенного (Мрясимова, кург. 21), а также помещение в могильную яму плечевой кости лошади, расположение седла под голооильную яму плечевой кости лошади, расположение седла под голтей (шкуры лошади) в куче в ногах погребенного (Там же), а также помещение в могильную яму плечевой кости лошади, расположение седла под головой или в ногах погребенного, традиция размещения одного стремени в могиле, наличие остатков наглазников, наконец — находка деревянной антропоморфной фигурки (Бакалинский мог., кург. 5), имеющей полные аналогии в культуре обских угров (хантов и манси) [Кулемзин, 1984] — все эти признаки «мрясимовского» погребального обряда не оставляют сомнений в этногенетическом родстве «мрясимовцев» с уграми лесного и лесостепного Зауралья.

Таким образом, курганы «мрясимовского типа» X—XI вв. свидетельствуют о времени начала проникновения в приуральскую лесостепь той группы угорских племен, которая в XII—XIV вв. была представлена в регионе памятниками чияликского типа [Казаков, 1978; Гарустович, Иванов, 1992].

Южная граница ареала мрясимовских (угорских) памятников, по имеющимся в настоящее время данным, может быть очерчена бассейном среднего течения р. Белой, а также территорией Месягутовской лесостепи на северо-востоке современного Башкортостана. Южнее указанной территории вплоть до северной кромки Волго-Уральской степи памятников рубежа и начала 2 тыс. н.э. не выявлено. Данное обстоятельство позволяет нам считать южную часть Приуральской лесостепи (южные районы современного Башкортостана) своеобразной «буферной зоной», разделяющей два этнокультурных ареала — угорский и тюркский. Последний в рассматриваемую эпоху был представлен в регионе курганами и курганными могильниками огузов и печенегов.

Сергей Кляшторный, Петр Старостин

Праславянские племена в Поволжье

Три этнических блока в течение длительного времени определяют культурную палитру Поволжья, три блока, создавших здесь многообразное единство экологических обусловленных хозяйственно-культурных типов. Их симбиотическая связь и, в то же время, разнообразие цивилизационных устремлений в немалой степени были предопределены направленностью великого водного пути, теми возможностями, которые открывались и диктовались связующей ролью водной трассы. Имеются в виду три главных этнических массива — финно-угорский, тюркский и славянский. Иногда их слияние в бассейне Волги трактуется как относительно недавнее явление, результат исторических событий последнего полутысячелетия. Иногда, напротив, неправомерно преувеличиваются временные и территориальные параметры распространения той или иной этнической группы. Рассмотрим немногие сохранившиеся свидетельства.

В 737 г. наместник Кавказа и Джазиры, Омейяд Марван б. Мухаммад, окончательно завершивший подчинение Халифату Закавказья, готовился к большой войне с хазарами. В покоренной Грузии наместника прозвали Мурван Кру — «Марван Глухой», т.к., по мнению грузин, он не считался с голосом разума и отличался невероятной дерзостью своих замыслов и действий. Армянские нахарары во главе с Ашотом Багратуни присоединились к 120-тысячной сирийской армии Марвана. Вслед за армянами в армию Марвана влились отряды «царей гор», т.е. ополчение северокавказских племен. Двумя отрядами армия форсировала горные проходы, вышла на равнину и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар.

Дальнейшие перипетии похода относительно подробно изложены арабским историком начала X в. Ибн Асамом ал-Куфи и менее подробно у ат-Табари, ал-Балазури и ал-Йакуби. Разделы об арабско-хазарской

войне 119 г.х. из сочинения ал-Куфи были впервые опубликованы З.В.Тоганом в 1939 г. и А.Н.Куратов в 1949 г. (подробнее см.: [Кляшторный, 1964, с.16—18]).

Согласно ал-Куфи, главной целью Марвана было принуждение хакана к принятию ислама, т.е. окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы трех держав — Византии, Халифата и Хазарии за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не удовлетворившись богатой добычей в Самандаре, Марван повел войско в дальний поход к ставке хакана, городу ал-Байда, т.е. «Белому», и осадил его. По мнению З.В.Тогана, ал-Байда тождественен позднейшей столице хазар, Итилю; но скорее речь идет о другой хазарской ставке, Сарыгшине, как это уже предположили И.Маркварт и В.Ф.Минорский. Дело в том, что в языках болгарской группы слово *сары/сарыг* означало белый цвет и арабы просто калькировали название хаканской ставки. Согласно позднейшим источникам, Сарыгшин был расположен в степи.

Вот что пишет ал-Куфи о дальнейших событиях: «Хакан бежал от Марвана и достиг гор. И упорно продвигался Марван с мусульманским (войском) по стране хазар, пока не прошел с ним (по этой стране) и не оставил (ее) позади. Потом он напал на славян (*ас-сакалиба*) и на соседних с ними неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем подошел он к реке славян (*нахр ас-сакалиба*) и стал лагерем». Марван приказал одному из своих военачальников сразиться с выступившим против арабов хазарским войском, возглавляемым полководцем Хазартарханом. Этот военачальник, ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари, во главе сорока тысяч всадников ночью переправился через реку, внезапно напал на хазар и разгромил их. После поражения хакан отправил к Марвану послов с просьбой о мире, причем посол в ходе переговоров упомянул о хазарах

и славянах, убитых и взятых в плен арабами.

После того как арабское войско подошло к ал-Байда, хакан бежал в сторону гор. З.В.Тоган считает, что Ибн Асам в данном случае имел в виду Общий Сырт, т.к. путь на юг, к Кавказу, был отрезан арабами. Других гор, по мнению З.В.Тогана, поблизости не имеется. Такое толкование текста понадобилось З.В.Тогану для доказательства его гипотезы, согласно которой «сакалиба» — не славяне, а «тюркско-финская помеся». Какие именно горы, по мнению арабских и персидских географов, окружали хазарские города, можно ясно понять из сообщения анонимного автора «Худуд ал-алам» (X в.) и карты ал-Идриси (XII в.). По «Худуд ал-алам», горы опоясывают страну хазар не только с юга (Кавказ), но и с запада, отделяя землю хазар от земель хазарских печенегов, кочевавших в Приазовье. В разделе о хазарских печенегах эти горы названы «горами хазар». На современной карте им соответствуют Ергени. По карте ал-Идриси, «земля хазар» с востока ограничена Итилем (Волгой), а с юга, запада и северо-запада — Хазарским (Каспийским) морем и полукольцом гор (Кавказ, Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность).

Следующий этап, отмечающий в рассказе Ибн Асама продвижение арабов, — «река славян», упоминаемая также Ибн Хордадбехом. Т.Левицкий убедительно показал, что «рекой славян» Ибн Хордадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн Хордадбех в другом месте своего сочинения, вытекает «из земель славян». З.В.Тоган также приходит к выводу, что «река славян», упомянутая Ибн Асамом, может быть только Волгой. Следовательно, преследуя кагана, бежавшего в сторону гор, арабское войско в то же самое время подошло к Волге.

Местом в «земле хазар», где горы сближаются с рекой, является район севернее излучины Волги. Там, по карте ал-Идриси, был расположен хазарский город Хамлидж, в котором, согласно сообщениям Ибн Хордадбега и ал-Масуди, находилось большое хазарское войско, взимавшее пошлину с купцов и закрывавшее путь по Волге для

врагов. В этом месте отряд ал-Каусара переправился через реку и на восточном берегу разгромил хазарское войско. Сам Марван через реку не переправлялся. Но, двигаясь на север от ал-Байда в сторону гор, Марван покинул пределы Хазарии, напал на поселения *ас-сакалиба*, т.е. славян и их иноплеменных соседей, угнал в полон 20 тыс. семей. Речь идет не о сплошном славянском населении в районе боевых действий, не о 20 тыс. славянских семей (так у ал-Балазури), а о славянских поселениях, вкрапленных в разноплеменный массив севернее пределов Хазарии.

Распознать место нахождения этих славянских поселений позволяют успехи археологического изучения Поволжья в последние десятилетия. Интересующие нас памятники были выделены в особую культуру в 1956 г. В.Ф.Генингом, названную по городищу у с. Именьково (Лаишевский район Татарстана) *именьковской* (карту распространения именьковской культуры см. на с.207). Носители этой культуры занимали пространство от низовий р. Белой на востоке до среднего течения р. Суры на западе, от устья р. Камы на севере до Самарской Луки на юге. Время существования исследованных именьковских памятников относится к концу IV—VII вв. [Старостин, 1967; Матвеева, Скарбовенко, 1999, с.3—49; Седов, 1994, с.343].

Поселения располагались группами (обычно по 3—5 селищ). Вероятно, каждое селище принадлежало одной сильно разросшейся патриархальной семье (патронимии). Группа таких поселений принадлежала роду. Города строились обычно на важных в стратегическом отношении местах. Более двадцати именьковских городищ зафиксировано на Нижней Каме и прилегающих частях Волги.

При раскопках поселений именьковской культуры изучены жилища (землянки, полуземлянки и длинные наземные столбовые дома), хозяйственные ямы-кладовки и мастерские для отливки изделий из цветных металлов. Обнаружены следы железообрабатывающего ремесла и выплавки железа. Номенклатура железных изделий включает десятки наименований (серпы, ножи, напильники, косы-горбуши, нараль-

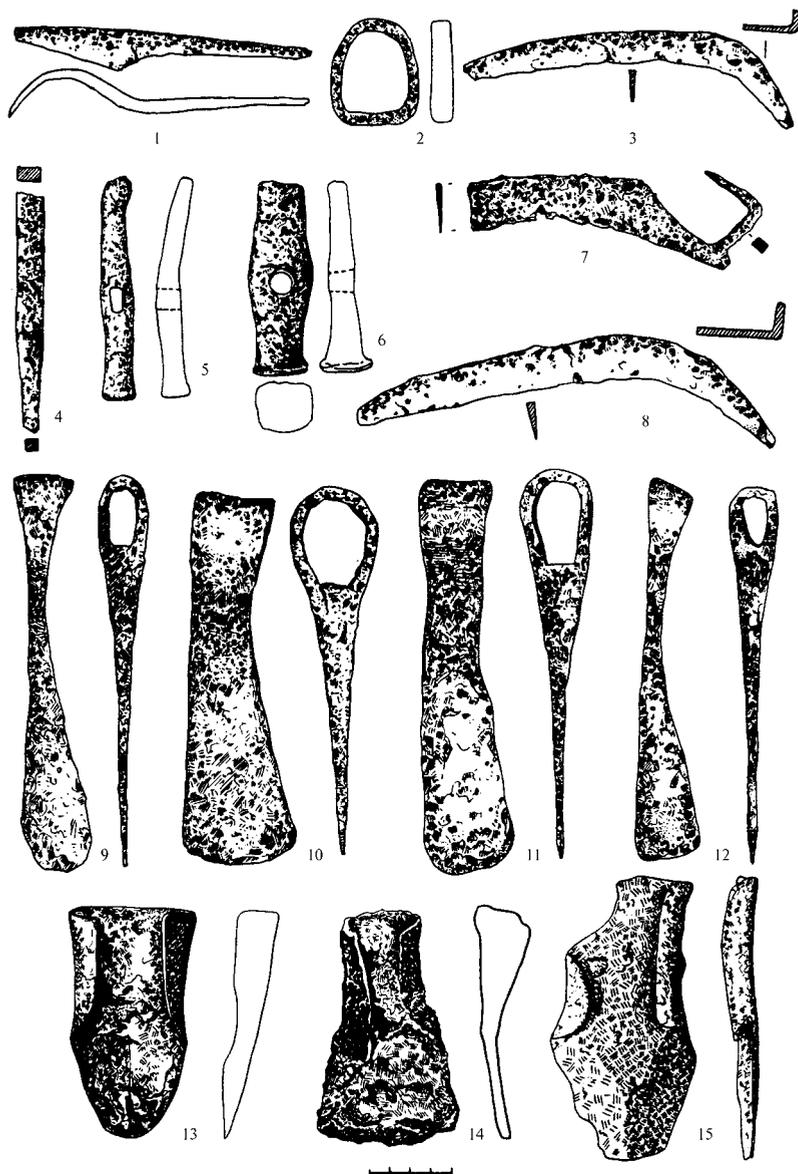

Рис.1. Железные орудия труда с именьковских поселений.

1 – ложкарь; 2 – кольцо от косы-горбуши; 3,8 – серпы; 4 – обломок напильника; 5,6 – молотки; 7 – обломок струга; 9,12 – «секировидные гривны»; 10,11 – топоры; 13,15 – ральники; 14 – тесло-мотыжка; 1,5,11 – с Коминтерновского поселения (Курган); 2-4,7-10,14,15 – с Шеребетского островного I селища; 6 – с Маклашеевского II городища; 12 – с Именьковского I городища; 13 – из Ташкирменских находок

ники, топоры, мотыжки, долота, зубила, клещи, молотки, струги, шилья, рыболовные крючки, псалии и другие) (рис.1,2). Металлографические анализы железных изделий показали, что древние мастера хорошо знали технологию кузнечной сварки, наваривания стального листа на железную основу, сварку полос (в центре полоса ста-

ли, по бокам – железные), термическую обработку железных изделий. По сравнению с предшествующим населением именьковские племена произвели переворот в развитии обработки железных изделий. В среде именьковского населения выделялись люди, занимающиеся кузнечным делом. Одному из таких мастеров на посе-

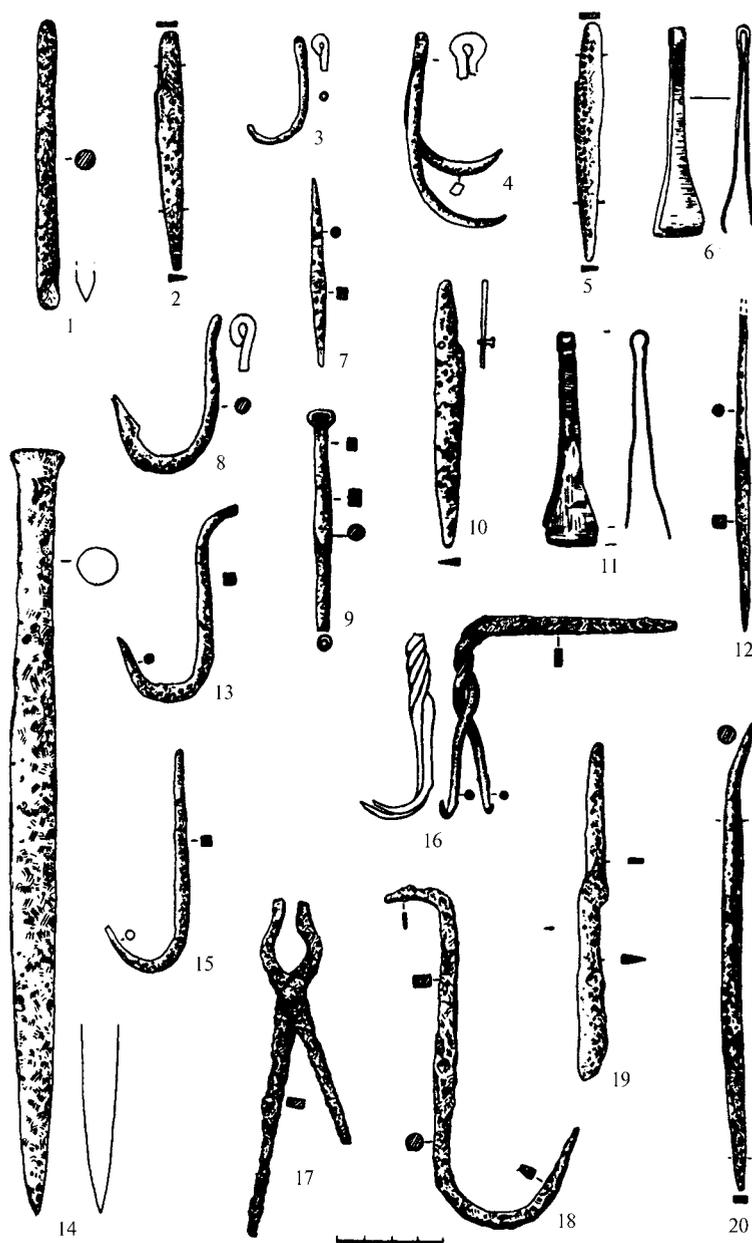

Рис.2. Металлические орудия труда с именьковских поселений.

6,11 – бронза; остальное железо; 1-5,10-13,15 – с Шербетского островного I селища;
6,7,9,16-18, 20 – с Маклашеевского II городища; 8,14 – с Коминтерновского поселения (Курган);
19 – с Именьковского I городища

лени Шербетском I принадлежал набор железных изделий, включающий 27 железных топоров и «секировидных гривн». «Секировидные гривны», судя по последним данным, представляли заготовки мягкого

металла и перепродавались в Восточной Европе как полуфабрикаты.

Судя по имеющимся материалам, ведущей отраслью хозяйства у рассматриваемого населения было земледелие. Именьковские племена первыми на Средней Волге

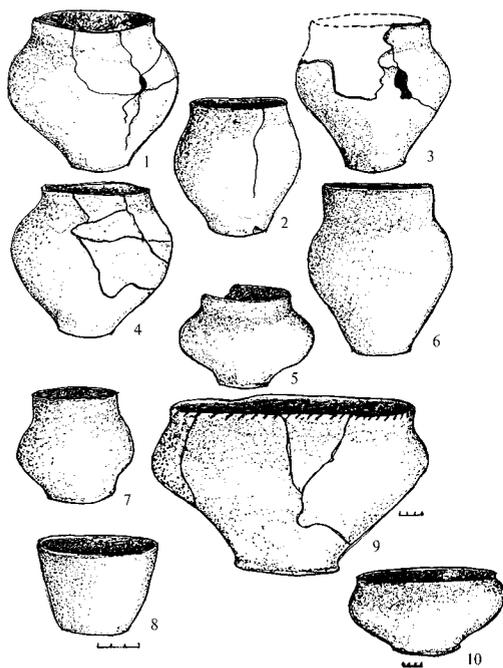

Рис.3. Именьковские сосуды.
1-7 — с Рождественского II могильника;
8 — с Шербетевского островного селища;
9 — с Маклашеевского II городища;
10 — с Именьковского I городища

перешли к пашенному земледелию с применением железных ральников. Палеоботаникам удалось установить, что население именьковской культуры высевало пшеницу, рожь, просо, овес, ячмень, горох. На десятках поселений именьковской культуры найдены железные оригинальные по форме серпы и косы-горбуши. Судя по находкам, изучаемое население выпекало хлеб и готовило крупы для каш.

Другой отраслью хозяйственной жизни племен именьковской культуры было домашнее скотоводство. Палеозоологами установлено, что изучаемое население разводило крупный рогатый скот, лошадей, свиней, мелкий рогатый скот, а также верблюдов. Роль охоты и рыбной ловли у рассматриваемого населения отошла на второй план. Охота на пушного зверя стимулировалась спросом у южных соседей и в странах Востока. Из домашних ремесел следует отметить изготовление глиняной посуды и ткачество. Основная часть глиняной по-

суды готовилась от руки, и лишь часть — на гончарном круге (рис.3). Остатков оружия встречено немного (рис.4). Судя по ним, основным оружием были луки со стрелами, снабженными костяными и железными наконечниками, копья, мечи, использовались также кольчуги. Представлены остатки украшений и принадлежностей костюма (пряжки, браслеты, привески, серьги и др.), но реконструировать костюм изучаемого населения невозможно.

Главной особенностью погребального обряда именьковских племен было сожжение умерших в полном одеянии на стороне, помещение остатков праха в небольшие ямы, наличие в ямах глиняных сосудов с жертвенной пищей.

Именьковское население имело торговые связи с соседними регионами и отдаленными территориями. На ряде поселений в последние годы обнаружены сасанидские монеты VI в. В качестве эквивалентов стоимости использовались бронзовые и латунные слитки, зафиксированные на многих памятниках Восточной Европы середины I тыс. Есть основание полагать, что значительная часть пушнины из более северных регионов на юг проходила через поселения именьковской культуры.

Отношения племен именьковской культуры и северных соседей складывались по-разному. В конце IV в. именьковские племена оттеснили к северу племена мазунинской и азелинской культур. В инвентаре памятников именьковского круга часто встречаются финно-угорские украшения. Видимо, какая-то часть финно-угорских племен влилась в именьковскую среду. Финно-угорские племена заимствовали у именьковцев технологию обработки железа, пашенное земледелие и типы земледельческих орудий. В результате контактов именьковской культуры с финно-угорскими племенами на Средней Каме во второй половине I тыс. сложилась *верхнеучанская культура*. В это же время именьковские племена активно контактировали с носителями турбаслинской (сарматской) культуры. Отдельные группы турбаслинского населения доходили до устья Камы и вливались в именьковскую среду.

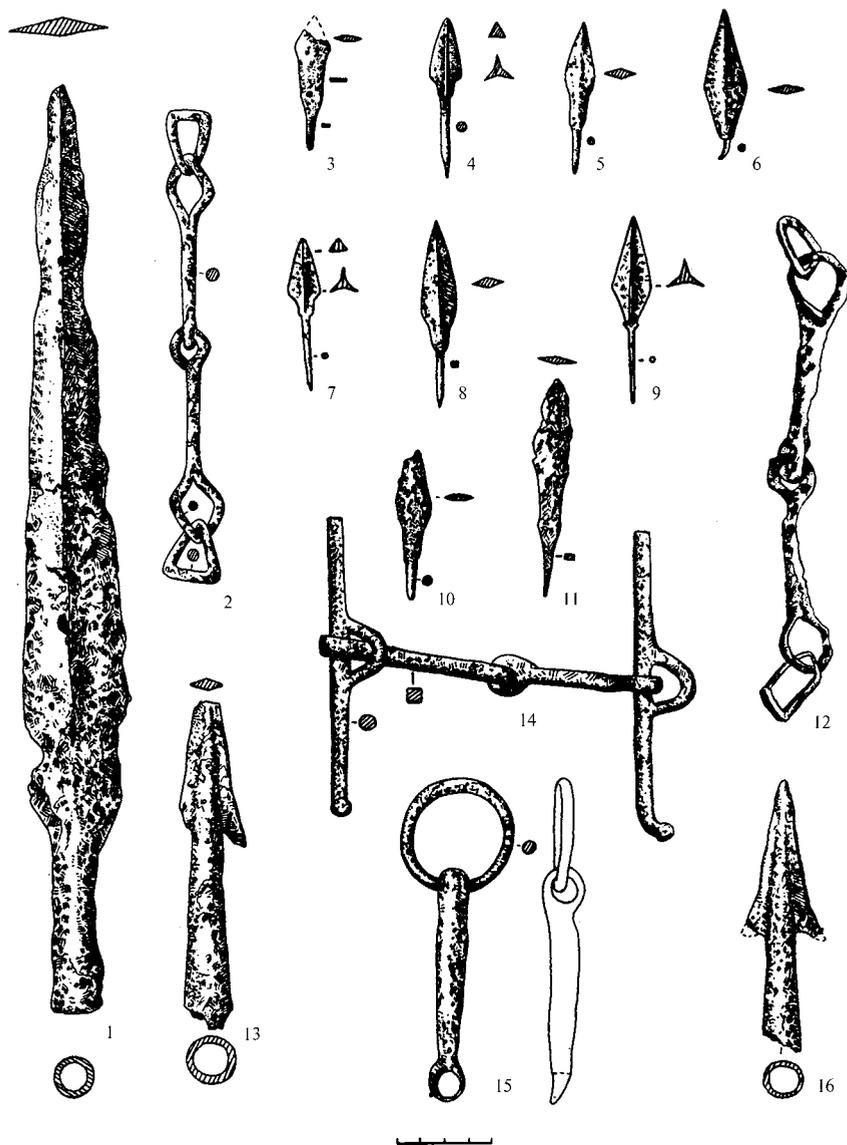

Рис.4. Железное оружие и принадлежности конской сбруи.

1, 13, 16 — наконечники копий; 2, 12, 14, 15 — удила; 3-11 — наконечники стрел.
 1, 5, 6, 8, 15 — с Именьковского I городища; 2, 13, 14 — с Щербетьского островного I селища;
 3, 4, 7, 9, 10 — с Маклашеевского II городища; 11 — с Татсунчевеевского городища;
 12 — с Ембулатихинского селища; 16 — с Коминтерновского поселения (Курган)

Вопросы своеобразия, происхождения и судеб именьковской культуры с конца пятидесятих годов прошлого столетия были предметом острых дискуссий. Многие археологи, в том числе А.П.Смирнов, рассматриваемые памятники относили к городечской культуре и связывали их с древней мордвой. В то же время II Рождественский могильник А.П.Смирнов считал сла-

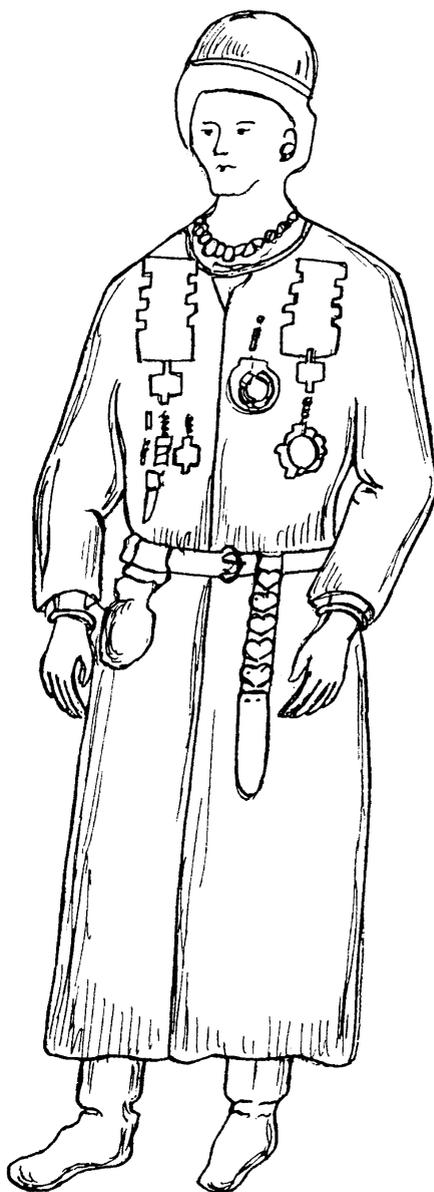
вянским. Позднее были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности именьковских племен (одни считали их угро-мадярами, другие — тюрками, третьи — балтами). Разброс мнений по проблемам именьковской культуры во многом был связан с недостаточной источниковой базой. Большие работы были проведены в 60—90-е гг. XX в. казанскими и самар-

скими археологами. Это позволило выявить новые группы памятников именьковской культуры.

Немаловажное значение для атрибуции языковой принадлежности «именьковцев» имеют выводы лингвистов. Ими установлено, что в финно-угорских языках Поволжья и Предуралья (удмуртском, коми, марийском, мордовском) ряд терминов, связанных с земледелием («рожь», «участок земли», «земля») были заимствованы из языка балто-славянского круга не позднее середины I тыс. н.э. Фонетический облик заимствований позволяет утверждать, что языком-донором был праславянский язык. Археологическим аналогом языковой картины является существование в том же ареале в середине I тыс. н.э. именьковской культуры, с которой связано распространение здесь прогрессивных форм земледелия и новых зерновых культур, в частности ржи. Таким образом, есть основание полагать, что создатели именьковской культуры говорили на языке (языках) праславянского круга [Напольских, 1996; Napolskich, 1996].

Именьковская культура IV—VII вв., созданная племенами, основу хозяйства которых составляло пашенное земледелие, до того в Среднем Поволжье не практиковавшееся, земледелие с очень широким набором зерновых культур, оказалось, как это впервые показала самарский археолог Г.И.Матвеева, генетически связана с праславянской зарубинецкой культурой Верхнего и Среднего Преднепровья (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.) и с ее вариантом — *пшеворской культурой*. По солидно аргументированному выводу Г.И.Матвеевой, поддержанному и развитому московским археологом-славяноведом В.В.Седовым, племена именьковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения. Сейчас здесь известно более 500 памятников именьковской культуры, из которых исследованы в разной степени лишь несколько десятков. На рубеже VII—VIII вв. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Поднепровье.

Теперь вопрос о корреляции сведений письменных источников с лингвистическими и археологическими материалами ре-

Именьковско-турбаслинский женский костюм. Реконструкция по материалу погребения 43 Коминтерновского II могильника. Вторая половина VI в. [Казаков, 1999, с.36]

шен. Более того, сняты сомнения, которые высказывались относительно этнической семантики термина *ас-сакалиба* в сообщениях арабских авторов о походе Марвана. В их повествованиях речь идет о масштабном историческом событии — первом

и единственном вторжении войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территории к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, где они нападают на поселения славян и других племен, захватывают в полон и переселяют массу полонян в пределы Халифата и, возможно, побуждают к бегству и уходу с насиженных мест немалое число людей.

Вместе с тем речь идет также о важнейшем историографическом факте — первой письменной фиксации славянского населения в Среднем и Нижнем Поволжье, первой фиксации сосуществования на этой территории этнически смешанного населения, включающего в себя и значительный славянский массив.

В начале X в. Ибн Фадлан сообщает как титулуется себя владетель Булгарии, носивший древнетюркское имя Эльалмыш. В наиболее полной форме титула, зафиксированной Ибн Фадланом и несомненно восходящей к болгарской традиции, он именуется «ылтывар (т.е. эльтебер), малик Булгара и амир Славии». Имя и титул царя Булгарии еще в 1981 г. восстановлены О.И.Смирновой — текстологом и нумизматом, но ее статья на сей предмет еще не оценена должным образом.

В начале X в. Эльалмыш именуется себя эльтебером, т.е. вождем, главой племенно-

го союза, а также царем страны болгар и амиром страны славян. В X в. титул «амир Славии» был уже таким же анахронизмом, таким же историческим воспоминанием, как упоминание царств Казанского, Астраханского и Сибирского в титуле российских императоров, но воспоминанием, имеющим свою политическую цену, цену легитимности власти.

В XII в. багдадский проповедник и историкограф Ибн ал-Джаузи, очень плодовитый сочинитель и собиратель сведений о прошлых событиях в Багдаде (первым обратил внимание на его труд А.Б.Халидов), рассказывает, что в июле 1042 г. в Багдад, по пути в Мекку, прибыл некий вельможа из Булгара в сопровождении 50 спутников. Халифский двор оказал ему внимание, его кормили продуктами из дворцовой кухни. В числе сопровождающих был хорезмиец Йала б. Исхак, которого опросили в диване в присутствии кади, т.е. как бы под присягой. В частности, его спросили о булгарах — что они за народ? И хорезмиец ответил: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами (рожденный между тюрками и славянами) и страна их на окраине тюркских стран».

И это было последнее смутное воспоминание о древнейшем тюрко-славянском единении на берегах Волги.

ГЛАВА 4

Степная империя тюрков и ее наследники

Сергей Кляшторный

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои прашуры — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы, они заставили склонить головы, имеющих колени, они заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!»

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах их далекий потомок Йоллыг-тегин, «Принц счастливой судьбы», первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на «вечном камне», на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминательные строки почившим родичам — Бильге-кагану и Кюль-тегину — и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды — в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ реки Орхон, там, где ставили юрты и строили дворцы владельцы могущественных империй.

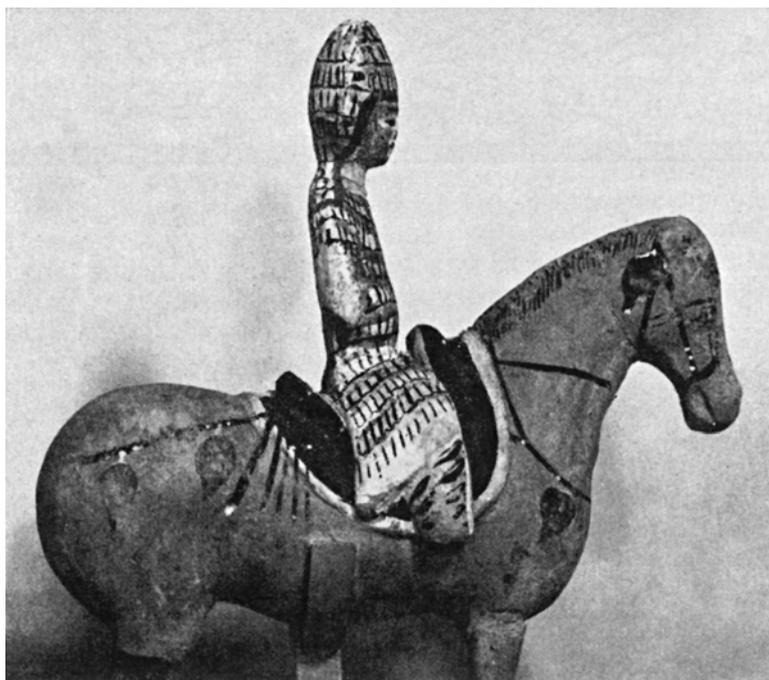
Время сотворения мира совмещено в тексте со временем появления людей, а сотворение «сынов человеческих» предельно близко ко времени царствования первых тюркских каганов, покоривших «народы четырех углов света». Почти через двести лет после «начала начал», после возникновения Тюркского эля история совместилась с легендой, а величие прошлого было призвано возвышать настоящее.

Что же стояло в реальной истории за патетикой первого тюркского летописца?

В I тыс. н.э. началось постепенное изменение этнической среды в Евразийских

степях. Преобладание здесь все более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. н.э. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского, Восточнотюркского, Западнотюркского, Тюркешского, Уйгурского каганатов, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой.

Ниже мы познакомимся в самых общих чертах с этнической, социальной и политической историей тюркских народов Центральной и Средней Азии во второй половине I тыс. н.э. Именно в это время возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных народов. Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков — возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатленная на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко ос-

Тюркский всадник. Глиняная статуэтка из Дуньхуана [Артамонов, 1962, с.194]

воили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда — после перехода к оседлой и городской жизни, как, например, в Семиречье и Восточном Туркестане, была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая свое место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы невозможно расчленить на «истории» отдельных племен и народов Великой Степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых — древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в начале бронзового века и достигшие расцвета в скифское время, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

Сложение древнетюркского союза племен

В 1968 г. в Монголии был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — стела с согдоязычной надписью из Бугута [Кляшторный, Лившиц, с.1121—1126; Klyashtornyi, Livsic, с. 69—102]. В навершии памятника изображена волчья фигура, под брюхом которой лежит человек с обрубленными ногами и руками. Что знаменовал собой этот странный барельеф на каганской стеле?

Согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, предки тюрков, «жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубили

руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (Восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах Турфана. Один из ее внуков, по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя *тюрк*.

Легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Тянь-Шанем. О том же сообщают китайские исторические хроники, согласно которым группа позднегуннских племен в конце III—начале IV в., переселившаяся в местность севернее Нань-Шаня, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали монголоязычные жуань-жуани (жужане), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя потомков Ашина.

И тюркская легенда (она известна в двух вариантах), и китайская историография отмечают, что род Ашина за время жизни в Восточном Туркестане воспринял в свой состав новую этническую группу — они смешались с местными жителями. На территории, где жили Ашина с конца III в. до 460 г., преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции Ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков.

Само слово *ашина* имеет иранскую этимологию и означает «синий, темно-синий». В царской ономастике Восточного Туркестана, с которой связано это имя, обычны цветовые обозначения. Так, царский род Кучи именовался «белым», а царский род Хотана — «золотым, золотистым». Позднее, в 732—735 гг., в больших орхонских надписях, в том разделе, где повествуется о первых каганах, народ, населявший

вновь созданную империю, именуется *кёк тюрк*, в обычном переводе — «голубые (синие) тюрки». Но первое слово здесь является просто калькой, тюркским переводом родового имени тюркской династии, и переводить это сочетание следует иначе: «кёки и тюрки», т.е. «ашина и тюрки» (подробнее см.: [Klyashtorny, 1994, с. 445—447]).

На Алтае род Ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз, как было сказано выше, принял наименование *тюрк*. По легенде, это имя якобы совпадало с местным названием Алтайских гор. Последующие события начальной истории тюрков-ашина тесно связаны с историей нескольких северокайтских государств.

В Западной Вэй, одной из трех наследниц некогда единой империи Северная Вэй (386—534 гг.), шел 8-й год эры Датун. Восьмой год, как китайское царство Вэй, возглавленное правящим родом монгольского племени сяньби, распалось на два — Восточное и Западное. Бессильный и безвластный император Вэнь-ди царствовал, но не правил. Его дворец в Чаньани, где он принимал иноземных послов, был лишь символом имперского величия. Послы подносили диковинные дары и рассказывали о своих странах, своей вере и своих календарях. Послы из Дацинь — Византии считали тот год 542-м со дня рождения Мессии, именуемого ими Христом.

Подлинным правителем царства был Юйвэнь Тай по прозвищу Черная Выдра. Сам из племени сяньби, он скромно именовал себя первым советником императора. Впрочем, жизнь в императорском дворце его не привлекала, и Черная Выдра учредил свою ставку в горном округе Хуа.

Год Собаки (Черная Выдра предпочитал степной календарь) был тревожен. Не прекращалась вражда с Восточной Вэй и южным царством Лян. Но более всего беспокоила Черную Выдру протяженная степная граница на севере. Там, за рекой Хуанхэ, жили родственные сяньбийцам монголоязычные жуань-жуани. Их еще недавно дружественный каган Анагуй вдруг начал переговоры с Восточной Вэй о брачном и военном союзе. А тут еще сообщение с западной границы — на округ Суйчжоу, что

Тюркские каменные изваяния [Артамонов, 1962, с.204]

в излучине Хуанхэ, напало кочевое племя тюрков.

Вот уже несколько зим, как только река замерзала, тюркские отряды переходили ее по льду. В этом году племянник Черной Выдры отразил набег одной лишь демонстрацией силы. Но ведь вчерашний враг мог стать завтрашним союзником, а опора в степи стала для Западной Вэй крайне нужна. И вэйский правитель приказал собрать и представить ему все сведения о тюрках. То, что он узнал, попало в анналы правящей династии и после нескольких редактур стало главным источником сведений о древнейшем периоде тюркской истории.

Раньше тюрки жили далеко на западе от китайской границы, в южных предгорьях Алтая. Восемь лет назад, в год Барса (534 г.), их вождем стал Бумын, унаследовавший от отца титул «великий ябгу», т.е. «великий князь». Формально он считался

вассалом жужаньского кагана и посылал в его ставку дань железом из своих алтайских рудников и плавилен. В действительности же Бумын перестал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шелк и зерно. Пограничные чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда и начались зимние набеги.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Черной Выдре предстояло определить — кого из степных соседей он предпочтет для заключения военного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали *гаогюй*, т.е. «высокие телеги», а монголоязычные

жужане на своем наречии называли их *тег-рег* — «тележники» (в китайской транскрипции — *теле*). Сами себя они называли *огурами/огузами*. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы, в противоположность тюркам, не были консолидированы властью одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 г. жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавлявший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

Черная Выдра принял решение и стал готовить посольство к тюркам. Он учел информацию об иранских генеалогических связях царского рода Ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая, в одном из торговых центров на Шелковом пути. В год Быка, т.е. в 545 г. от Р. Х., посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китайский историограф состоявшееся событие: «Тюрки поздравляли друг друга и говорили: «Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!». В следующем году тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Обретя столь сильную опору на юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были покорены 50 тыс. семей огузов. Объединенными силами Бумын обрушился на главного врага — на жужан. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского эля. Начался отсчет дней новой империи Великой Степи.

Бумын умер в 552 г., вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома. Его брат и соправитель Истеми-ка-

ган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган, затем Таспар-каган, утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их государей «сыночками», т.е. вассалами. Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие — на запад, где они стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558—568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин *тюрк* получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как *турк*, согдийское множественное число — *туркут*, «тюрки». Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (*туцзюе* — *тюркют*), т.к. первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин *тюрк* фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, в тибетский язык.

До создания каганата слово *тюрк* означало лишь название союза десяти (позднее двенадцати) племен, сложившихся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении *тюрк бодун*; слово *бодун* как раз и означает совокупность, союз племен, народ, состоящий из отдельных племен. Еще в середине VIII в. источники упоминают «двенадцатиплеменной тюркский народ». Этим же словом было обозначено и многоплеменное государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, — Тюрк эль. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. В более широком смысле термин *тюрк* стал обозначать при-

надлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Позднее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX—XI вв., где слово *турк* является как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства [Бартольд, т.5, с.584]. Именно в арабской литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка не проявлялась. Так, в русских летописях 985 г. упоминается племя *торков* (т.е. тюрков), но это лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, черными клобуками, половцами.

Последовательному изложению политической и социальной истории древнетюркских государств теперь, после прояснения основных понятий, с ними связанных, предстоит предпослать хотя бы самый общий набросок этнической истории тех племен, которые, в сущности, сформировали мир древнетюркских кочевников I тыс. н.э. Мы сознаем, что такое забегание вперед не всегда легко воспринимается читателем, тем не менее считаем необходимым введение в текст некоторых генерализованных представлений.

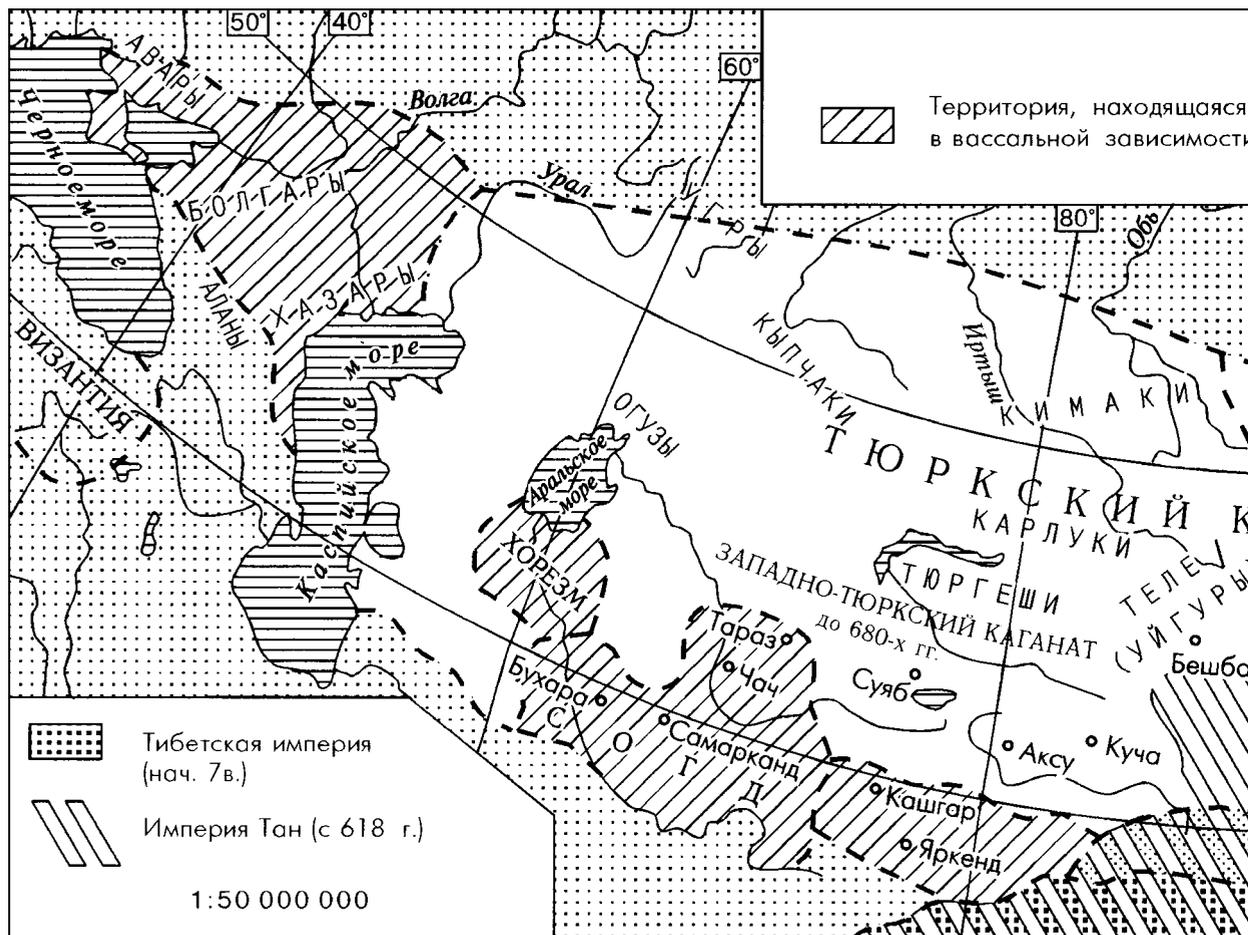
Общая концепция этнической истории древнетюркских племен

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т.е. территории формирования этих этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую степь. Отличи-

тельной чертой этногенетических процессов в Великой Степи был их дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией, характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родоплеменной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому приходится ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих и ярко очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако связь последних с гуннами, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между «неалтайской» (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века н.э. прототюркские этнополитические образования.

Первыми тюркскими фольклорными памятниками, зафиксированными письменно в VI в. и отразившими ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кипчаков и теле (огузов).

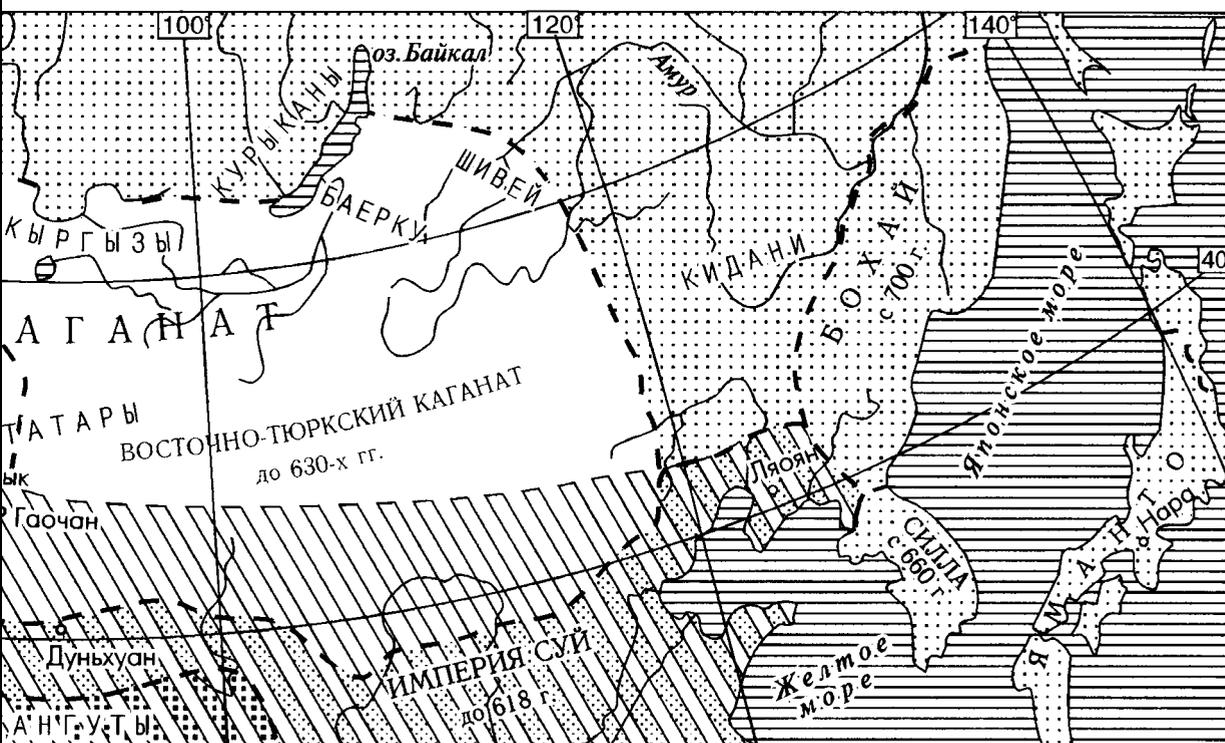
Обычно интерпретируются две записанные в «Чжоу шу» и «Бэй ши» легенды о происхождении тюрков. Обе они являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающей последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Цент-

ральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в Китае генеалогии — это группа *цигу*, т.е. енисейских кыргызов, группа «белого лебедя», отождествляемая мною с позднейшими кипчаками, и группа теле, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами Ашина, поселившимися на р. Чжучже (теле-огузы).

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства. Во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощуща-

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ (6 – 7 вв.)

- Гаочан   Известные города
- КИДАНИ   Проживающие народы

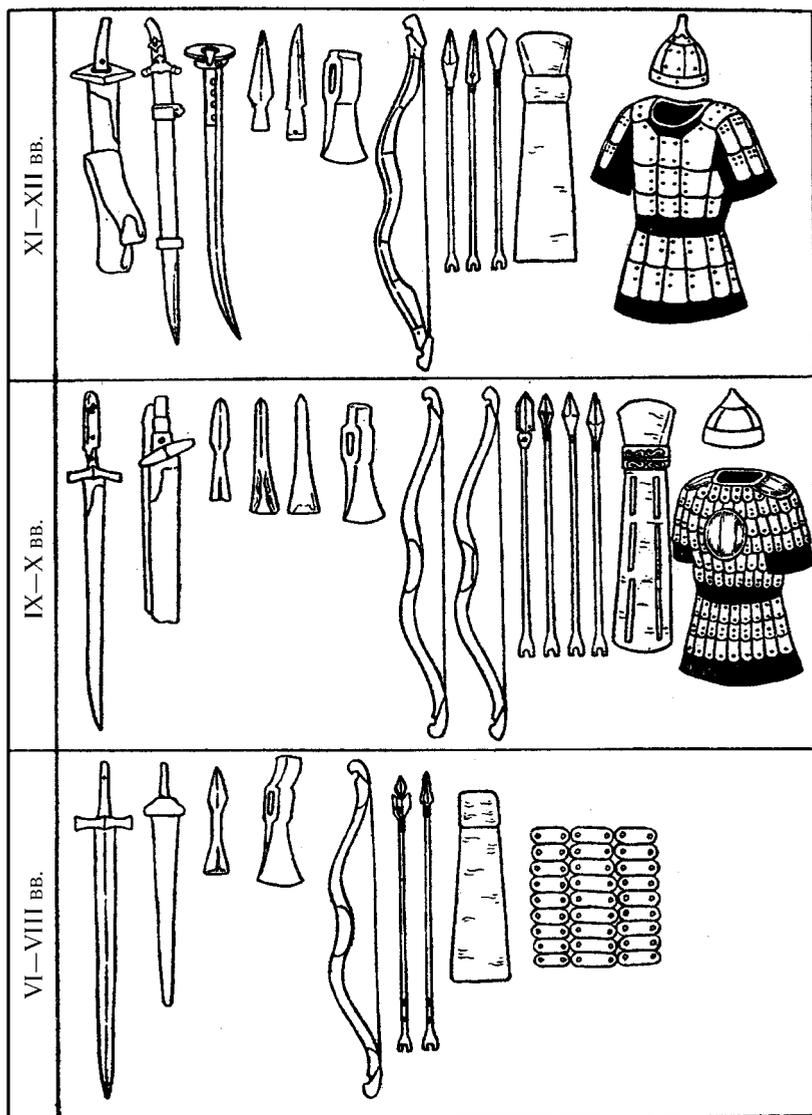

Тюркский каганат VI–VII вв. [Татарский энциклопедический словарь, с.592]

лось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во вторых, по счету поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в. или, возможно, IV–V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство дает возможность обратиться к сохранившимся фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в III–V вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская (раннеогузская) и раннекипчакская. Так, в *таштыкской культуре* III–V вв., сложившейся

на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (III–V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские (раннеогузские). В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератной *верхнеобской культуры*, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кипчаков. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гуннского времени, но в III–V вв. древне-

Типолого-хронологическая матрица кыргызского оружия и вооружения
[Худяков, 1980, с.133]

тюркские культуры уже обособились как проявления самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменных традиций и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как **этап легендарных предков**.

В середине VI в. четыре основных группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашинами, и тем самым было положено начало следующему

этапу этнической и политической истории Центральной Азии — **этапу архаических империй** (VI—IX вв.).

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация процессов выделения господствующих и подчиненных групп населения), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на всю Великую степь и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации). Этот этап обусловил новый уровень этнических

контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические структуры, предопределили постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм, т.е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес — им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого иному культурному миру. Вместе с тем в Семиречье, Восточном Туркестане и отчасти в среднеазиатском Междуречье обозначились совершенно отличные от выше отмеченных процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские нации.

Центростремительные и центробежные процессы, сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространенные по всему степному поясу во второй половине 1 тыс. н.э. формы предметов материальной культуры (седла со стременами, сложносоставленные луки, трехперые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой — достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплек-

сов, имеющих конкретное этническое содержание. Так, могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором, — *культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сроткинская, т.е. кимакско-кипчакская культура* Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается по характеру распространения инноваций — с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего 1 тыс. в Центральной Азии и степной части Юго-Западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, кыргызским и кипчакским этногенезом.

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племен консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кипчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Кыргызы, раздвинув границы своего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX—X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе — могильник Узун-Тал на Южном Алтае; кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племен в жесткой борьбе с северной экспансией Тибета все более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже

в середине VIII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центральноазиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами они создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь — потомки тюрко-огузских племен Западнотюркского каганата, теснимые карлуками, — тогда же формирует государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой Степи — **этапу варварских государств**, преобразующихся в раннефеодальные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Вместе с тем резко изменилось соотношение внутренних и внешних факторов, определивших направленность этнокультурных процессов. Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских компонентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой — иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской, славянской. Обе линии этнического развития — привнесенная центральноазиатская и местная субстратная — по-разному проявились в расогенезе, культурогенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов.

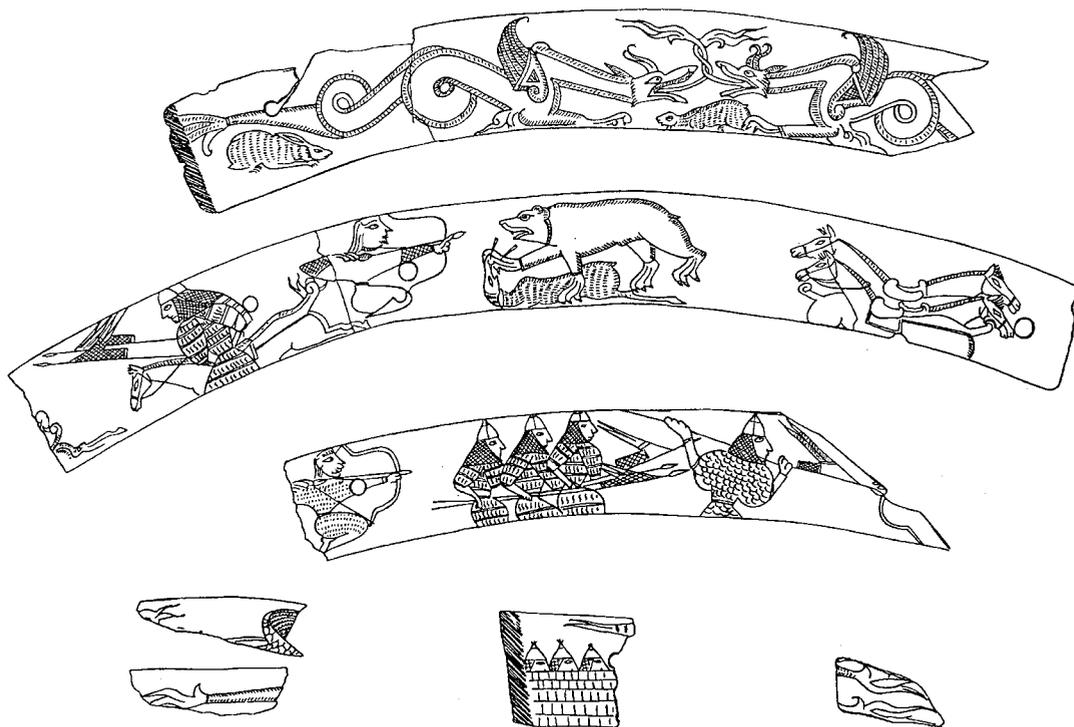
Первый Тюркский каганат (551—630 гг.)

Муган-каган (правил в 553—572 гг.), наследник Бумына и Кара-кагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, по-

корив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. По словам китайской летописи, он «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой Стеной. — С.К.). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспия. — С.К.) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби. — С.К.) на север от Северного моря (Байкала. — С.К.) от пяти до шести тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» [Бичурин, т.1, с.229]. Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (правил в 572—582 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая и ведет борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581—588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581—618 гг.); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном роду Ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «Вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости» [Бичурин, т.1, с.229]. Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все

Костяные пластины—подкладки передней луки седла с изображением военных сцен, животных и драконов. Шиловский могильник. Курган 1. Ульяновская область. Вторая половина VII в.
[Багаутдинов, Богачев, Зубов, с.106]

тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581—583 гг., новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582—603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центрально-азиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (правил в 609—619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613—618 гг.) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618—907 гг.), позволили Шиби и его младшему брату Элькагану (правил в 620—630 гг.) возобновить войны на южной границе. Однако к этому

времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Давно минули времена, когда весь тюркский племенной союз видел в набегах нормальный и доходный промысел. Восьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заинтересована не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с прось-

бой разрешить меновой торг. Но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над «варварами», монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620—629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали многих затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627—629 гг.). Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родоплеменными традициями, он заменил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального и имущественного неравенства было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых резюмированы историографом: «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели (Эль-каган. — С.К.) имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради талантов и питал к нему полное доверие, так что

Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход... так что его народ не смог более переносить эти тяготы... Год за годом (в стране) был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от Хели» [Бичурин, т.1, с.194].

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми, Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история первого Тюркского каганата.

Тюрки в Средней Азии

Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана, Истеми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул *ябгу-кагана*, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул *ябгу* (*явуга*) был заимствован тюрками из

Намогильный памятник с древнетюркской рунической надписью из бассейна р.Талас
[Малов, 1954, между с.74—75]

кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже в 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной вплоть до Сырдарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аvaraми в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., называть этих беглецов «псевдоаvaraми». Однако

сами тюрки, судя по свидетельству другого византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно «аvaraми».

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии, с городами и оседлоземледельческим населением, существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания Тюркский каганат ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (*он ок бодун*), вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав «стрелы»

входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один *томен*, т.е. 10-тысячное войско, во главе с «великим предводителем» (*шадом*) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует: «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая «стрела» стала называться племенем, а великим вождям «стрел» было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба» [Chavannes, с.27—28].

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. Таков гуннский племенной союз с его восточной и западной сторонами, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой, улус Огуз-хана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточнотюркском каганате была заменена системой «двенадцати племен», делившихся на две конфедерации — *тёлисов* и *тардушей* (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения ко-

торого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоеваны. Враждебность, сразу же проявившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее восьми лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстиниан принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

Вместе с тем в конце 50-х годов VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана, Хосров I Ануширван (правил в 531—579 гг.), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561—563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда. Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби, Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока. По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане (на севере нынешнего Афганистана) сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хос-

рова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. Шелковый путь

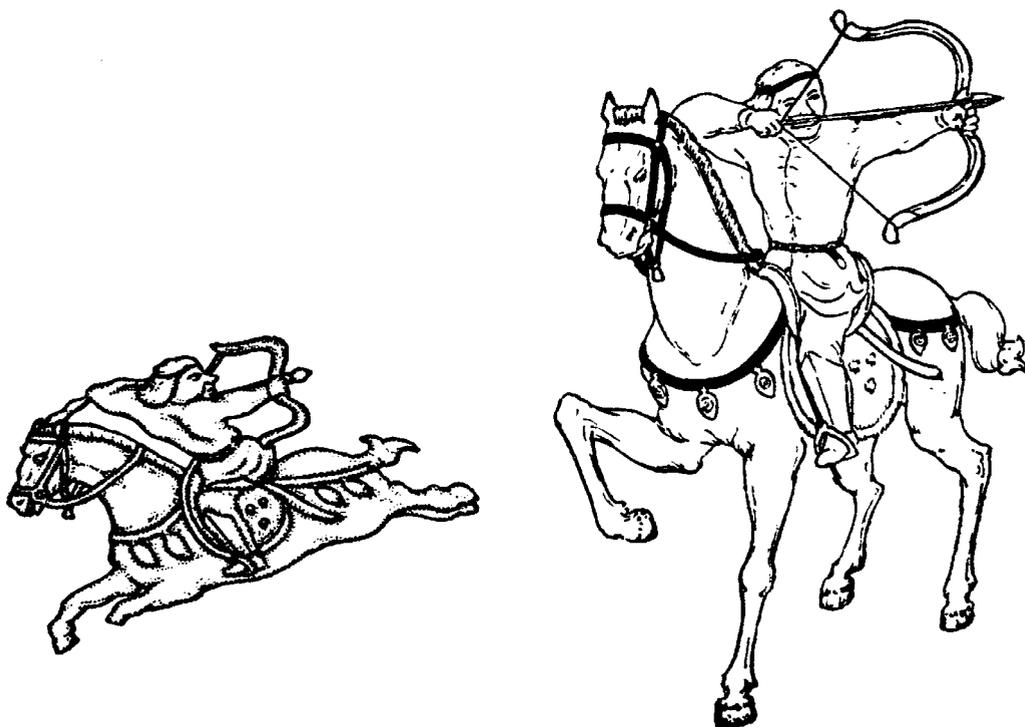
После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется свой шелк-сырец.

Первая попытка сбывать накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 г. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в свою

страну и незаинтересованный в резком увеличении количества импортного шелка на иранском рынке — что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства, — купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и тюрки заключили с Византией военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, «стратег восточных городов» империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы», на Тянь-Шане. И сразу же предложил послу сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войска вернулись в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия на Волгу, к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган «расчищал» трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568—576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 «тюрков», т.е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. Впрочем, в 575—576 гг. на короткий

Реконструкция легковооруженного тюркского воина VI—VII вв.
[Худяков, 1980, с.137]

срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истемикагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и чрезвычайно недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588—589 гг. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья

Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства — Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского ка-

ганата при каганах Шегуе (правил в 618—619 гг.) и Тон-ябгу (правил в 618—630 гг.) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для почти непрекращавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Тон-ябгу возродил активную прозападную политику каганата и перенес зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Ак-бешим близ г. Токмак), а летнюю ставку — в Минг-булак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестан). Новые походы раздвинули границы каганата до верховий Амударьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну, Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627—628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба до Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана были посланы уполномоченные кагана — *тудуны*, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владетелям были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить

с крупнейшими из местных владетелей личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владетеля — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [Chavannes, с.24].

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным» [Там же], скоро оказался в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и началась межплеменная война. Уже в 630—634 гг. каганат утратил все среднеазиатские владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз, — *дулу* и *нушиби*.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую «стрелу» был направлен член каганского рода — *шад*, никак не связанный с племенной знатью и руководившийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей была резко ограничена. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повинности. Уже в 638 г. племена *дулу* провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между *дулу* и *нушиби* каганат распался на два царства, граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану [Chavannes, с.56].

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся последующие 17 лет (640—657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение «десяти стрел» потерпело поражение, а их последний независимый правитель, Нивар Ышбара-ябгу-каган (*Ашина Хэлу* китайских источников), был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Какое-то время эти методы были действенными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени *тюргешей* Уч-элиг, создавший новое государство — Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат (его самоназвание было *Он Ок эли* — «Государство десяти стрел») весьма значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе значительная часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших создавать свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути — в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V—VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII—VIII вв.

Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотнозастроенного *шахристана*. К шахристану примыкал *рабад* (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — *кёйки*, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50—100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI—VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6—7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» [Зувев].

Теми же словами характеризует путешественник другой крупный город — Талас. Сюань Цзан резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Согд, ее население также носит это имя» [Там же]. Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзывается об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако паломник не преминул отме-

тить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (т.е. ремесленников и купцов), — поровну» [Там же]. Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

В Западнотюркском каганате VII—VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных *татами*, т.е. зависимыми данниками. Однако есть все основания полагать, что роль согдийцев в Западном каганате была очень значительна — под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюркешских каганов, Суяба, имеют легенды на согдийском языке и были отлиты в согдийских мастерских.

Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюркешский каганат. Борьба с арабами

В 679—689 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул *Эльтериш-каган*. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, оставивший описание своих деяний запеч-

атленным на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 г., после смерти Эльтериша, на престол сел его брат Капаган-каган (правил в 691—716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696—697 гг.), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709—710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западном каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 699 г. Уч-элиг, вождь тюркешей, вытеснил в Китай претендента на власть в Западном каганате, креатуру императорского двора, Хосрова Бёри-шада, и установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык ушло 60—70 тыс. человек из подвластных ему западнотюркских племен. Наместничество Бэйтин (Бешбалык), где кроме крупного китайского гарнизона сконцентрировались все подчиняющиеся Китаю вожди из рода Ашина, стало грозным врагом тюркешей. В 704 г. один из претендентов, Ашина Сянь, вместе с Бёри-шадом совершил глубокое вторжение в Семиречье. Тюркеши предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки, страна разделена на 20 областей (*муктств*), каждая из которых выставляла 7 тыс. воинов. При наследнике Уч-элига, Сакале, которого китайские источники именуют Согэ, начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной китайскими войсками. Сакал нанес поражение восставшим и разбил армию китайского наместника в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовился еще Уч-элигом. Его задачей было заставить Танскую империю прекратить вторжения в Семиречье, постоянно организуемые китайскими властями. В полевом сражении

Изображения тюрков.

1 — урочище Тете в Курайской степи (Алтай); 2 — Кызыл-тей (Тува); 3 — р. Шеми (Тува).
Составил А.К.Амброз [Степи Евразии, 1981, с.127]

китайские войска понесли сокрушительное поражение, погиб сам наместник Аньси, Нью Шицзян, а вместе с ним и многие другие военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиживались в крепостях. Для тюргешей угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к восточному соседу, Капаган-кагану.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана, Инэль, и *анатаркан* (главнокомандующий) Тоньюкук, разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших между собой брата были по приказу Капагана казнены, и на некоторое время (711—715 гг.) Тюргешский каганат перестал существовать. Остатки тюргешских войск, возглавленные полководцем и членом каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сырдарью и ушли на юг. Преследуя их,

в 712—713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но, разбитые арабским полководцем Кутайбой б. Муслимом, отступили и в 714 г., преодолевая сопротивление восставших на Алтае племен, возвратились в Отюкен.

Сулук же вернулся в Семиречье и, провозгласив себя *тюргеш-каганом*, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта. На западе стране серьезно угрожали победоносные арабские армии, в 714—715 гг. совершившие походы за Сырдарью. На востоке китайский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чанъань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: женился на дочери потомка западно-тюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно пресекались. В 726 и 727 гг. тюргешская армия (во второй раз — вместе с тибетцами) дважды осаждала Кучу.

Однако основная военная активность Сулука была направлена на запад, где он решительно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720—721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюргешей Кули-чор (*Курсуль* арабских источников) вел успешные боевые действия против арабов в Согде.

В 728—729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары согдийцы обратились за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 730 г. арабы сумели достичь некоторых успехов, но в 731 или 732 г. были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунайд б. Абдаллах разбил тюргешей и вошел в Бухару.

Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюргешская армия вновь появилась в верховьях Амударьи, откликнувшись на призыв о помощи осажденного там арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской династии). В короткий срок тюргеша вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращении в Невакет

(737 г.) он был убит своим полководцем (китайцы именуют его по титулу — *бага таркан*). Новый арабский наместник в Хорасане, Наср б. Сайяр, в 739 г. вторгся в каганат, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука *Абу Музахим* (букв.: «ударяющий, бодающийся») и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. В годы правления омейядского халифа Хишама (724—743 гг.) была сделана попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюргешского кагана в ислам. Точная дата и обстоятельства арабского посольства в тюргешскую ставку (одна из них была на р. Или) неизвестны, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало Х в.), сокращенно изложенный в географическом труде Йакута «Муджам ал-булдан»: «Посол рассказывает об этом: «Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатер, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет — он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о (религиозных) правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о службе богу...» [Йакут, т. 1, с. 839].

В тексте Йакута здесь пропуск. В полном тексте Ибн ал-Факиха, сохраненном мешхедской рукописью, каган спрашивает: кто мусульмане? И посол отвечает, что они — жители городов, и есть среди них банщики, портные, сапожники. «Тогда каган велел мне подождать несколько дней. Однажды каган сел на коня, и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ними. (Вскоре) мы достигли окруженного рошей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые

Изображение тюрка.
Афрасиаб (Самарканд).
Составил А.К.Амброз
[Степи Евразии, 1981, с.127]

кричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников. Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину — среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?» (цит. по: [Marquart, с.289—291]).

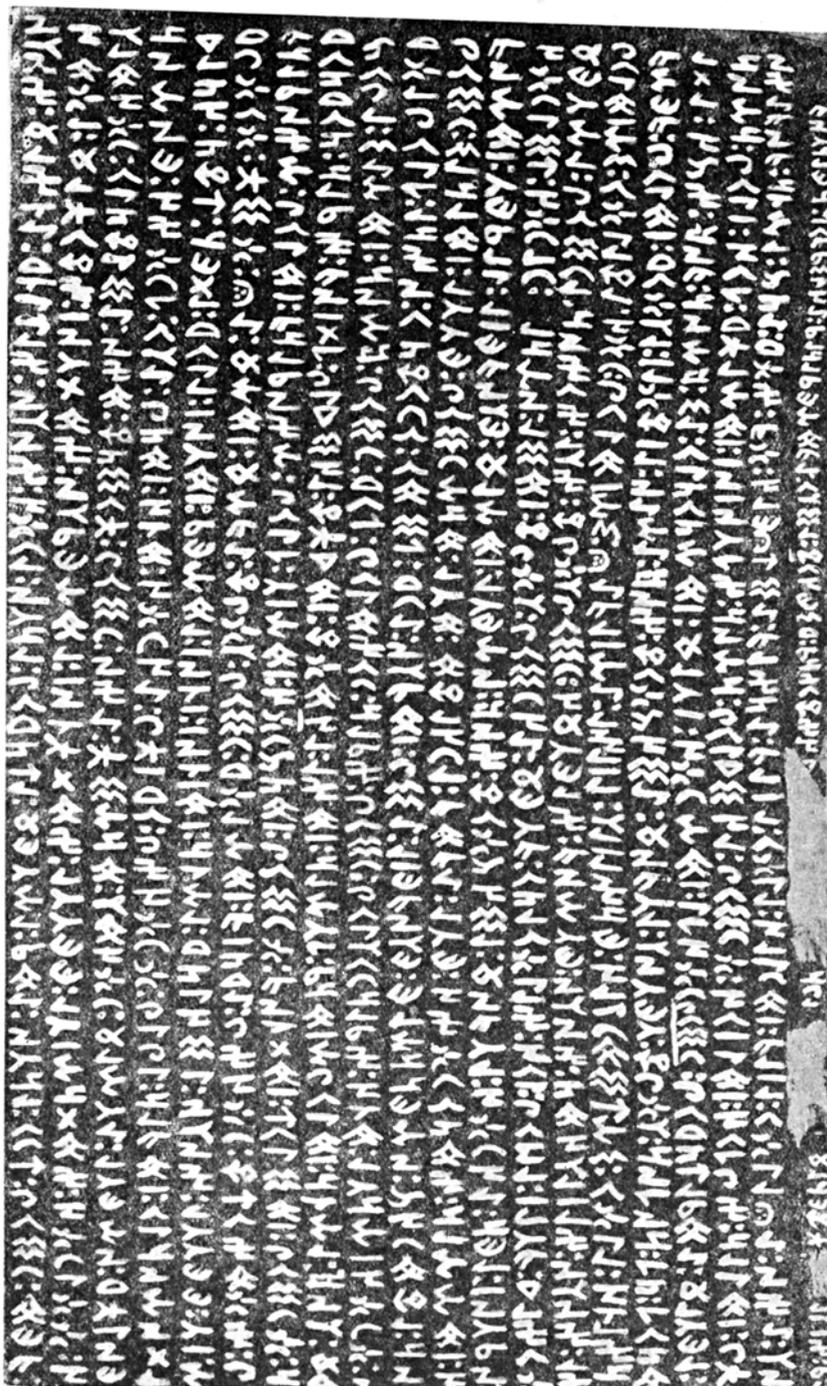
Демонстрация войск «десяти стрел» выглядела достаточно убедительно, и арабы больше не пытались склонить кагана к принятию новой веры.

Мусульманские авторы, знавшие о тюрках от участников арабских походов в Тур-

кестан, сохранили немало живых описаний нравов и обычаев кочевников, в особенности их военных качеств. Сочинением такого рода является трактат багдадского эрудита Ибн ал-Джахиза (ум. в 869 г.). Вот что он пишет об образе жизни тюрков: «Тюрки — народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою... Они не занимаются ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. И нет у них иных промыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражений витязей, поисков добычи и завоевания стран. Помыслы их направлены только на это, подчинены лишь этим целям и мотивам, ограничены ими и связаны только с ними. Они овладели этими делами в совершенстве и достигли в них предела. Это стало их ремеслом, торговлей, наслаждением, гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед».

Главное оружие тюрков — лук и стрелы, которыми они владеют необычайно искусно: «Тюрок стреляет по диким животным, птицам, мишеням, людям... Он стреляет, гоня во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел, прежде чем (араб)-хариджит положит одну стрелу на тетиву. И он скачет на своей лошади, спускаясь с горы, или в долине с большей скоростью, чем хариджит может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза — два на лице, два на затылке».

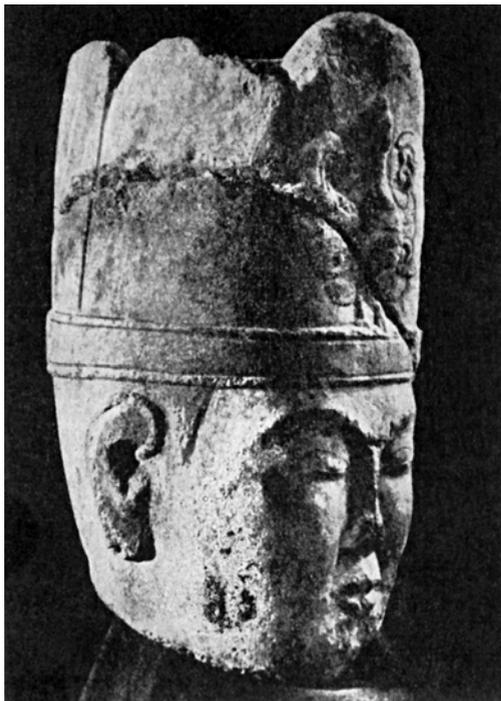
Ибн ал-Факих, описывая встречу посла халифа с каганом тюргешей, отмечает поразительную для араба деталь — каган собственными руками мастерил себе седло. Джахиз подробно развивает эту тему. Рассказывая об изготовлении меча у арабов, он перечисляет восемь-девять операций, каждую из которых выполняет особый мастер, а затем отмечает: «Подобно этому происходит изготовление седла, стрел... колчана, копыя и всего оружия... А тюрк делает все сам от начала до конца, не просит помощи у товарищей, не обращается за советом

Текст памятника в честь Кюль-тегина на берегу р. Орхон (Монголия)
[Малов, 1954, между с.24–25]

к другу. Он не ходит к мастеру, и не тревожится его отсрочками со дня на день, его лживыми обещаниями, и не думает об уплате ему вознаграждения» [Мандельштам, с.230—241].

Джахиз, конечно, не избегает утрировки в своих рассказах и сам это признает: «Но не каждый тюркок на земле таков, как мы описали». Именно арабские историки и географы первыми, сравнивая тюрков со своими соотечественниками и другими из-

Кюль-тегин. Монголия
[Артамонов, 1962, с.256]

вестными им народами, не ограничились регистрацией политических и юридических установлений, а обратили внимание на человеческие качества, особенности психологии и характера тюрков и попытались связать эти особенности с образом жизни и жизненными устремлениями кочевников. В суждениях арабов не было пренебрежения к «варварам», столь свойственного иным источникам; их эмоциональные оценки, восхищение или осуждение, зиждились не на предвзятых установках, а на личном опыте общения в течение нескольких столетий.

Гибель Сулука и недолгое правление его сына Тухварсен Кут-чор-кагана положили начало двадцатилетней борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами и привели к распаду и деградации Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане для вмешательства в дела страны. Между тем второй Тюркский каганат, после гибели Капаган-кагана (716 г.) и возникшего из-за восстания огузов кризиса власти, был возро-

жден Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином. Победой в войне с Китаем (721—723 гг.) Бильге добился выгодных условий мира — была расширена пограничная торговля, а в обмен на символическую дань в 30 лошадей император Сюань-цзун только в 727 г. прислал в тюркскую ставку 100 тыс. кип шелка. Это была щедрая плата за мир на северной границе, который Бильге-каган никогда не нарушал.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге не надолго пережил брата — в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. Близ р. Орхон, в межгорной котловине, на месте стоянки караванов в память обоих братьев были воздвигнуты поминальные храмы с руническими надписями — летописью бурной истории второй Тюркской империи.

Наследники Бильге-кагана не изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали все меньше считаться с центральной властью. В 741 г. малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей Кутлугом-ябгу, захватившим престол. Началась война с прежними вассалами — огузами, басмылами и карлуками, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. В 744 г. династия Ашина окончила свое существование. Каганом был провозглашен вождь басмылов, царствовавший, однако, немногим более двух лет.

Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе бывшей империи, на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.; в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат.

Уйгурский каганат

и Карлукское государство. Караханиды

Падение второго Тюркского каганата создало в степи политический вакуум. В борьбу за господство над тюркскими племенами, за титул кагана вступили племена-победители, довершившие разгром империи Ашина, — *басмылы, уйгуры и карлуки*. Силь-

нейшими оказались уйгуры, отнявшие власть у басмылов.

Уйгуры, так же как и тюрки, кыргызы и кипчаки, принадлежали к числу древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III—IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название *гаогюй* (букв.: «высокие телеги»). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — *теле* (*тегег* — «тележники»). Значительная группа племен теле мигрировала на запад, в степи Казахстана и Юго-Восточной Европы. Оставшиеся в центрально-азиатских степях были подчинены тюркам и вошли в состав их государства. Основные земли теле были тогда в Джунгарии и Семиречье. Но в 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, предводитель уйгуров увел племена в Хангайские горы, где они создали обособленную группу, названную китайскими историографами «девятью племенами». В орхонских надписях племена этой группы названы *токуз-огузами*. С 630 г., после падения первого Тюркского каганата, токуз-огузы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар.

Вождь токуз-огузов, эльтебер Тумиду, создал свое государство в 647 г. в бассейне рек Тола и Орхон. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими должностями» [Chavannes, с.91]. Танское правительство не признавало вновь созданное государство. Более того, с 660—663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Однако в начале 80-х годов токуз-огузы потерпели поражение в боях с тюрками Эльтериш-кагана и утратили свою государственность.

Новое государство уйгуров возникло в яростной борьбе не только с бывшими союзниками, басмылами и карлуками; ожесточенное сопротивление Яглакарской династии оказали многие племена токуз-огузов. Уйгурам удалось отстоять право рода

Текст памятника Тоньюкука на берегу р. Селенги (Монголия)
[Малов, 1954, между с.56—57]

Яглакаров на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, где после 755 г. вспыхнуло восстание северных пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушаня, а затем последовала гражданская война. Элетмиш Бильге-каган (правил в 747—759 гг.) и его сын Бёгю-каган (правил в 759—779 гг.), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятежи и получили громадные материальные выгоды за свою помощь. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увез из Китая в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне, освобожденной им от мятежников столице Танов. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры стали решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы и карлуки.

С главенством карлуков связано возрождение государственности западнотюркских племен на новом витке истории тюркской Центральной Азии. Крупное племенное образование, неоднократно упоминаемое в рунических надписях под именем *уч карлук* («три карлука»), появляется в китайских источниках уже в связи с событиями первой половины VII в. Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племен.

В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западнотюркского каганата, где они, кроме Джунгаро-Алтайского региона, контролировали Тохаристан. Согласно арабским источникам, владетель Тохаристана именовался то «ябгу тохаров», то «ябгу карлуков». В 710 г. арабский завоеватель Средней Азии Кутейба б. Муслим арестовал карлукского ябгу Тохаристана, и тот провел долгие годы в Дамаске, что не помешало его сыну занять отцовский престол.

Восстание джунгарских карлуков на Черном Иртыше в 630 г. стало одной из причин гибели западнотюркского Тон-ябгу-кагана. Известна также попытка подчинить эту группу карлуков, предпринятая в 647—650 гг. восточнотюркским Чабыш-каганом, поднявшим восстание против Танской империи и обосновавшимся на Северном Алтае.

Общий глава карлуков впервые упоминается орхонскими надписями под титулом *эльтебер*, который носили вожди крупных племенных объединений. Китайский источник отмечает, что обычаи карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от языка большинства из них. Характерной чертой языка карлуков было «джекание»: они произносили, например, «джабгу», вместо обычного для соседних тюркских племен «ябгу».

Оставаясь в сфере политического влияния восточнотюркских каганов с конца VII в., карлуки не смирились с утратой независимости. Только в первой четверти VIII в. Бильге-каган и Кюль-тегин трижды участвовали в боях с мятежными карлуками, а в надписи их полководца Кули-чора Тардушского рассказано о поражении тюрков в жестокой битве на р. Тез (в Северо-Западной Монголии).

Участвуя в коалиции с басмылами и уйгурами, а затем враждуя со своими бывшими союзниками, глава карлуков принял титул ябгу, который носили правители западного крыла тюркских каганатов. Потерпев поражение, карлуки, согласно надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, «в год Собаки (746 г.), замыслив измену, бежали. На запад, в страну Десяти стрел, они пришли» [Кляшторный, 1980, с.94]. Элетмиш правильно оценил обстановку. Уже в следующем году карлуки, в союзе с токуз-татарами, вновь сражались с уйгурами. Однако быстрое изменение военно-политической ситуации между Сырдарьей и Алтаем заставило карлуков на время забыть о соперниках на востоке и противостоять новому врагу.

Воспользовавшись фактическим распадом Тюргешского каганата после гибели Сулука, танская администрация Западного края постепенно подчинила своей власти

Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сырдарьи. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз, а правившая там тюргешская династия Кара-чоров физически истреблена. В Семиречье появляется китайский ставленник «хан десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. китайская армия взяла Чач. Местный владетель был казнен. Танский губернатор в Куче, Гао Сяньчжи, казалось, мог считать завершенным полное подчинение еще недавно грозных соперников в Западном крае.

Между тем успехи Китая серьезно обеспокоили наместника аббасидских халифов в Хорасане Абу Муслима и вызвали все нарастающее противодействие карлуков. Арабский отряд Ибн Хумайда взял Тараз, но был осажден превосходящей китайской армией. Просьбы о помощи сына казненного владетеля Чача и опасение за судьбу своего отряда в Таразе заставили Абу Муслима отправить на выручку осажденным еще один отряд под командованием Зияда б. Салиха.

Противодействующие армии сошлись на р. Талас в июле 751 г., несколько дней не решаясь вступать в битву. На пятый день противостояния в тыл китайцам внезапно ударили карлуки, и тогда атаку с фронта начали арабы. Танская армия, неся большие потери, дрогнула и обратилась в бегство. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу среди охваченных паникой бегущих воинов.

Мусульмане и карлуки овладели огромной добычей, а обнаруженные среди пленных китайские ремесленники были доставлены в Самарканд и в Ирак, где занялись изготовлением бумаги и шелкоткачеством. Таласское сражение «положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела» [Большаков, с. 132].

Своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанъань прибыло посольство карлукского ябгу. При-

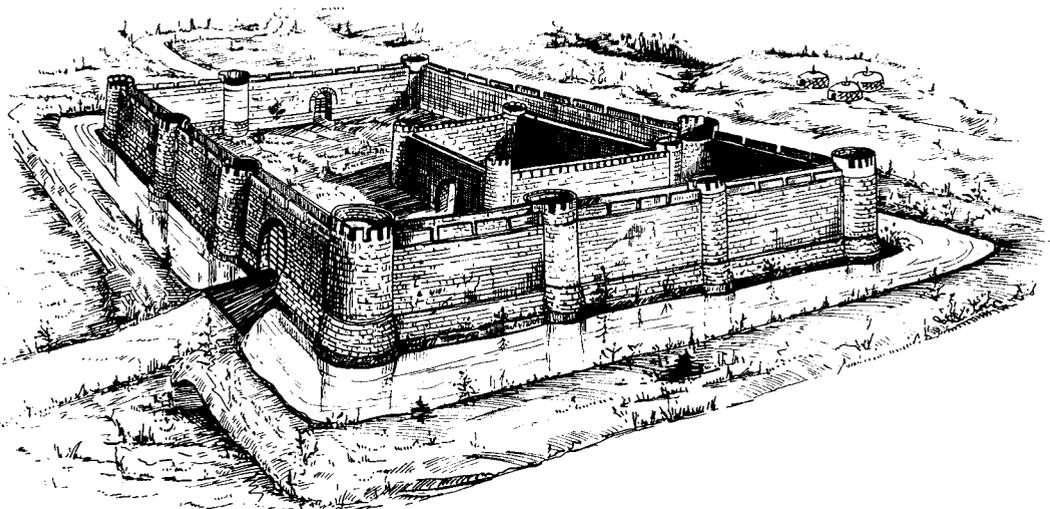
чиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров. В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. Ябгу все еще рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной Яглакарами традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны — его союзниками стали енисейские кыргызы, басмылы и тюргеши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша.

Война с переменным успехом длилась более двух лет и велась в центре уйгурских земель. С огромным трудом уйгурскому кагану удалось одолеть своих противников, действовавших слишком разобщенно, чтобы победить.

Последствия войны имели немалое значение для будущего карлуков. Отюкенские карлуки подчинились Элетмишу и приняли поставленного им *тутука* (управителя). Карлукский ябгу окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство. Отныне все его устремления были направлены на овладение Семиречьем и закрепление в Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Впрочем, и здесь он потерпел неудачу — в 756 г. уйгуры принудили к подчинению джунгарскую группу карлукских племен.

О западном походе двух полководцев Элетмиша известно из Терхинской надписи кагана. Охваченный восстанием Ань Лушаня Китай уже не мог оказать поддержку отдаленным западным гарнизонам. Под контроль Уйгурского каганата попали не только основные городские центры Таримского бассейна, но и тюркские племена Восточного Туркестана. Среди них впервые упомянуто племя или племенной союз *ягма*.

О ягма было известно прежде всего по двум персидским географическим сочинениям — «Худуд ал-алам» («Граница мира», Х в.) и «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Гардизи (XI в.). Согласно этим сочинениям, ягма объединили многочисленные племена, обитающие между уйгурами на востоке, кочевьями карлуков на западе, притоками Тарима на юге, т.е. на большей

Уйгурское укрепление в Туве (VIII—IX вв.). Реконструкция III Шагонарского городища.
По Л.Р.Кызласову [Степи Евразии, 1981, с.142]

части Восточного Тянь-Шаня. На западе ягма контролировали округ и город Кашгар. В X в. правящий род ягма происходил из токуз-огузов. Гардизи, чьи источники восходят к VIII в., называет ягма «богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей», живущими в стране протяженностью «в один месяц пути» [Бартольд, т.8, с.45—46]. Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягма с карлуками и кимаками, об их зависимости от западно-тюркских каганов.

Между тем в Семиречье карлуки встретили противодействие не мелких тюркешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а ожесточенное сопротивление огузских племен, обитавших там со времен Тюркского каганата и обособившихся за несколько столетий от их восточной ветви (токуз-огузов). Общий ход борьбы между карлуками и огузами плохо освещен источниками. Известно только, что во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли в низовья Сырдарьи. Их глава также принял титул ябгу, претендуя тем самым на главенство над западно-тюркскими племенами; вскоре в Приаралье сложилось государство огузов (мусульманские источники называли их *гуззами*)

со столицей в Янгикенте, городе на Сырдарье.

История государства огузов стала предысторией Сельджукской державы, владевшей в XI—XII вв. всем Средним и Ближним Востоком, от Туркмении до Малой Азии. История государства сельджуков и его связи с сопредельными странами и народами подробно изучены и сделаны достойным самого широкого круга читателей [Агаджанов].

Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб. С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан.

В 80-х годах VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшились. Недовольство и опасения там вызвал антиманихейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бёгю-каган. Его убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и манихейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах манихейство было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых

операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице.

Договорные принципы, благодаря которым преждему правителю Бёгю-кагану удалось утвердиться в таримских оазисах, были нарушены — узурпатор в угоду торговле предпочел ограбление согдийских и тюркских общин. Последствия не заставили себя ждать — города Притяньшанья восстали, а соседи — карлуки и тибетцы, заключив между собой союз, поддержали восставших. Как пишет китайский историограф, «тюрки в белых одеждах», т.е. манихеи, вместе с карлуками нанесли несколько серьезных поражений командующему уйгурской армией Иль Угаю; в 790 г. тибетцы и тюрки взяли Бешбалык, последний оплот уйгуров. Новая уйгурская армия в 50—60 тыс. воинов попыталась было изменить положение, но потерпела неудачу.

Поражение в Джунгарии и на Тариме не прошло бесследно для каганской ставки — начались распри, наследник Алп Кутлуга был свергнут и убит своим младшим братом, который не сумел удержаться у власти и сам погиб в ходе мятежа. Тяжелая война с карлуками и тибетцами продолжалась; ход ее почти не освещается источниками.

В смутное время к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени *эдиз*, «принявшая прозвание Яглакар» и тем самым отождествившая себя с легитимным каганским родом (795 г.). В столице была восстановлена «религия света», и туда прибыл манихейский пресвитер. После пятнадцатилетнего перерыва были возобновлены союзные и договорные отношения с манихейскими общинами Притяньшанья, а Шелковый путь по «уйгурской дороге», через Ордубалык, вновь открыт для караванов.

Карлуки лишились мощной опоры в Северном Притяньшанье, где города и кочевые племена (вероятно, ягма) признали протекторат кагана Отюкенской черни. В 803 г. уйгурское войско заняло Кочо (Турфан) и, нанеся поражение карлукам, через Фергану вышло на Сырдарью. Это был по-

следний успех уйгуров на западной границе.

В первом десятилетии IX в. главным врагом уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Войны между ними, с переменным успехом, шли более двадцати лет. В 840 г. кыргызы, объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем, взяли Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении.

Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки токуз-огузов во главе с одним из яглакарских принцев, оставив родину кыргызам, пришли на свои прежние пограничные земли. Единство племен вскоре было утрачено. Беглецы укрепились в Куче и Бешбалыке. Вождь бешбалыкских уйгуров Буку Чин, разгромив тибетцев, стал господином положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало уйгурскому государству Кочо с центрами в Турфане и Бешбалыке.

Несмотря на неудачи в войнах начала IX в., положение Карлукского государства, опиравшегося на богатые семиреченские города, оставалось прочным. Обогащению ябгу способствовали выгодная торговля тюркскими рабами для гвардии аббасидских халифов на сырдарьинских невольничьих рынках и контроль за транзитом в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля. Укрепились позиции карлуков и в Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда. Самым опасным для ябгу оказался поход знаменитого сподвижника халифа ал-Мамуна (правил в 813—833 гг.), Фадла б. Сахла, известного под титулом Зур-рийасатайн («Обладатель двух знамен»). Арабы предприняли поход между 812—817 гг. в район Отрара. Там был убит начальник карлукской пограничной охраны, а затем будто бы была захвачена в плен семья ябгу, а сам ябгу бежал к кимакам. Успех нападавших явно преувеличен в донесении Фадла, однако положение пограничного отряда карлуков действительно могло создать для ябгу напряженную ситуацию на западной границе.

Прошло четверть века, и крах последних каганов Отюкена, доминировавших на протяжении трех веков, создал во всей тюркской Центральной Азии совершенно новую геополитическую ситуацию: впервые за

триста лет окончательно исчез мощный центр власти, определявший возможности экспансии или даже существования любого государства в Туркестане. Отныне тюркские племена признавали лишь высокий статус рода, унаследовавшего каганский титул, но уже никогда — его единую власть.

По свидетельству нескольких мусульманских историков, после утраты уйгурами их могущества верховный авторитет среди тюркских племен переходит к вождям карлуков. Связь с родом Ашина, правящим родом Тюркского каганата, позволила карлукской династии облечь эту власть в легитимное одеяние и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу, — пишет автор «Худуд ал-алам», — это прежний титул царей карлуков».

Вряд ли можно говорить о реальной власти карлуков над тюркскими племенами в IX в. — старая традиция имела скорее морально-идеологическое значение. И все же ясна основная тенденция этих сообщений, лучше других отраженная у ал-Масуди: из среды карлуков происходит «каган каганов», он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (т.е. Ашина!).

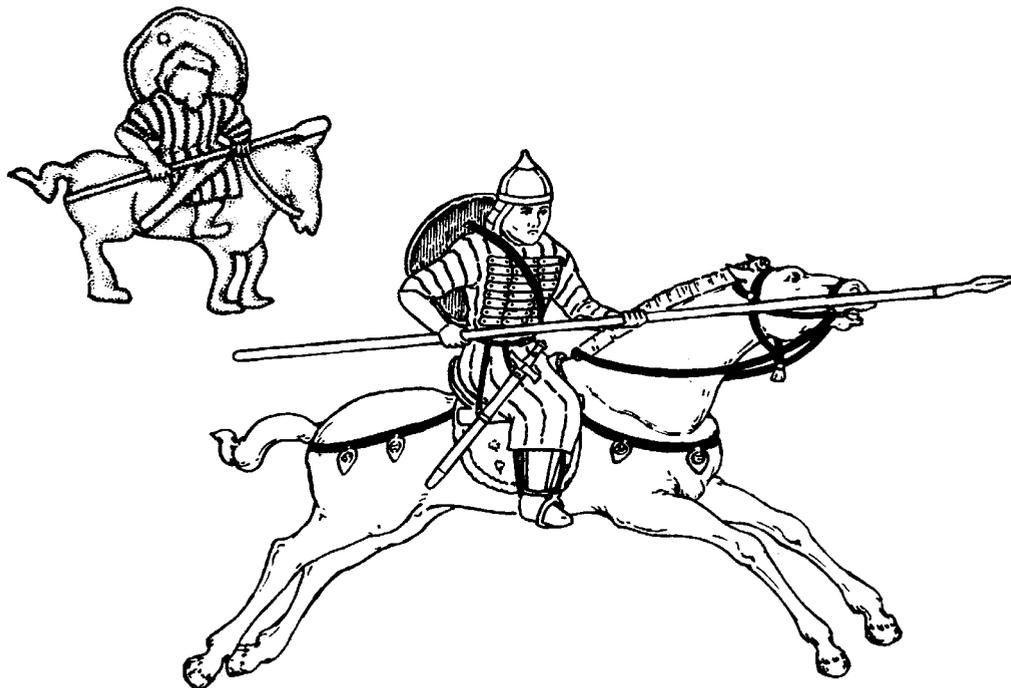
Так было положено начало новой тюркской империи в Средней Азии и Кашгарии, названной в русской науке *государством Караханидов*. Политические амбиции караханидского дома предельно ясно отражены в сообщении ал-Масуди.

Караханидское государство не оставило собственной историографической традиции, и все сведения о нем содержатся в трудах арабских и персидских авторов, живших за пределами каганата. Труд единственного караханидского историка, имя которого сохранилось — имам Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Алмаи, — «Тарих Кашгар» известен лишь в небольших отрывках у Джамала ал-Карши (XIII в.). Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых, блестящий персидский литератор Низами Арузи, писал в 1156 г.: «Имена царей из дома хакана (т.е. Караханидов. — С.К.) сохранились только благодаря поэтам» [Бертельс, 1960, с.458].

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов. В. В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, ягма, чигили). Теперь ясно, что чигили и ягма, а также одно из тюркешских племен, тухси, и остатки орхонских тюрков вошли в карлукский племенной союз и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна.

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция у Джамала ал-Карши) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров, владетелей Самарканда и Бухары. Удалось установить, что этим эмиром был Нух б. Асад, в 840 г. совершивший поход против семиреченских тюрков и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул «каган». Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Власть в Караханидском государстве была поделена между знатью двух племенных группировок, составивших в IX в. ядро карлукского племенного союза, — чигилей и ягма. Внешне это выражалось в разделении каганата на две части — восточную и западную со своими каганами во главе. Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Кашгаре и Баласагуне (городище Бурана, близ г. Токмак в Кыргызстане). Он был из чигилей и носил титул *Арслан Кара-каган*. Западный, младший каган, из ягма, носил титул *Богра Кара-каган* и имел ставку в Таразе, а позднее — в Самарканде. Существовала сложная иерархия правителей, своя в обоих каганатах: *Арслан-илек* и *Богра-илек*, *Арслан-тегин* и *Богра-тегин* и другие. Впервые дуальная система власти была реализована при сыновьях первого кагана, Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане, но окончательный распад державы относится к середине XI в. При Огулчаке успешным походом саманидского эмира Исмаила б. Ахмада на Тараз в 893 г. начались длительные и жестокие войны между Караханидами и Саманида-

Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина VI—VIII вв.
[Худяков, 1980, с.134]

ми за власть над всей Средней Азией. Войны длились более века и завершились полным крахом Саманидов и распространением власти их противников до Амударьи. На территории Средней Азии возникло множество караханидских владений, зависимость которых от каганов в Баласагуне была минимальной, а отношения друг с другом — далеки от дружественных.

Крупнейшим событием времени ранних Караханидов было принятие династией и зависимыми от нее племенами ислама. «Еще арабские географы X в. описывают тюрков как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами», — замечает В.В.Бартольд [Бартольд, т.5, с.59]. Однако именно в X в. произошли решительные изменения. Арабский географ того времени Ибн Хаукаль сообщает о принятии ислама тысячами семей тюрков, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, т.е. в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сырдарьи. Но самое крупное событие тако-

го рода произошло в 960 г., когда где-то во внутренних областях Караханидского государства, скорее всего в Семиречье, ислам приняли 200 тыс. шатров тюрков.

Этот факт связывается с именем караханидского кагана, сына Базыра и племянника Огулчака, Сатук Богра-хана, который сам, еще до массовой исламизации тюрков, принял новую веру и новое имя — Абд ал-Карим. Именно сын Сатука, Муса, унаследовавший престол в 955 г., объявил ислам государственной религией. Возможно, решение Мусы связано с деятельностью мусульманского богослова, нишапурца Абу ал-Хасана Мухаммада б. Суфйана Калимати, жившего при дворе Сатука и Мусы, однако достоверно о его роли в событиях ничего неизвестно [Бартольд, т.2, ч.1, с.245—246]. Несомненно одно: исламизация караханидских тюрков не была следствием кратковременных усилий какого-либо миссионера, а, напротив, процессом постепенного проникновения ислама в тюркскую среду в силу тех экономических и по-

литических выгод, которые проистекали из этого обращения. Уже Сатук, ведший длительную войну против своего дяди, великого кагана, использовал свой переход в новую веру для того, чтобы заручиться весьма существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука, Муса, под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществлял военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии. Внешним выражением такой интеграции, по крайней мере в ее идеологическом аспекте, была сравнительно быстрая исламизация тюрков в государствах Караханидов и Сельджукидов, создавшая предпосылки для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Государства Караханидов и Сельджукидов, на первых порах продолжая традиции тюркских каганатов, не стали их повторением ни в экономическом, ни в социальном планах. Здесь возникла и оформилась иная, чем в Центральной Азии, политическая система, с иной, чем прежде, культурной ориентацией. Сложилась раннефеодальная военно-ленная структура (*икта*), породившая новую знать и получившая быстрое и полное развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии.

Нашествие *кара-китаев* (*киданей*) — дальневосточных монгольских племен — и создание ими своего государства в Семиречье (1130—1210 гг.) надолго превратило часть караханидских владетелей в вассалов *гурхана*, главы киданей. Кара-китай, впрочем, ограничились лишь верховным сюзеренитетом и взиманием налогов, не затрагивая ни устройства, ни религии, ни культуры своих подданных. Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке — реликт докараханидского государства карлукских ябгу — не было уничтожено ими. Тем не менее кара-китайское владычество стало

началом политической гибели Караханидов.

В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде хорезмшахом Мухаммадом был казнен последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

К этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской, цивилизации явно выдвинулось оформление надплеменной этнической общности с одним общеупотребительным языком и письменной культурой. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс намечившегося развития.

Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах

Атрибуция социальной природы древнетюркских государств, обладавших одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военнорабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Общеизвестная скудость источников побуждает многих исследователей руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем результатами анализа немногочисленных и не всегда ясных свидетельств.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. Отсчет древнетюркских памятников начинается со стелы, получившей название *Бугутской*. Полтысячелетия воздвигались на поминальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с руническими надписями, где апология

усопших вождей соседствовала с царским хроником и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но еще сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик, хасхаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с социальными реалиями, запечатленными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишённая индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушение на основные разграничения почитается абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления караханидской аристократии. И ни один из памятников не переключается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в ее поиске и щедрость при распределении добытого

среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей:

*О беки! Нам любо усердые элика.
Да будет и Ваше раденье велико,
Усердием беков усилится власть,
От лености их ей назначено пасть!
Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь победу — наград не жалей!
Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчись
за добычей»¹.*

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и таласскими эпитафиями на Тянь-Шане. «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!», — повествует эпитафия Бег-чора, одного из таласских князей 30-х годов VIII в. Структура древнетюркской общины веками складывалась и приспособлялась к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль — имперскую структуру. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк.4). Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опи-

¹ Перевод С.Н.Иванова.

равшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т.е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!», — требует Бильге-каган, КТм 2), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуется: *куркапыны*, т.е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк.12). В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения — беги и народ (*тюрк беглер бодун* — «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских памятников середины VIII в.: *атлыг*, «именитые», и *игиль кара бодун*, «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двухступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган—беги—народ».

Фиксируемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывает отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ 19). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохраненном Махмудом Кашгарским [Махмуд Кашгарский, т.1, с.466]:

*Опора земли — гора,
Опора народа — бег!*

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии — завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь

усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е 10, стк.7).

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевывать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях Тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану (КТм 10—11, КТб 6—7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом (Т 1—4), но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа (КТб 6—7, 22—24). Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе позиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного иноземного историографа о возвышении и гибели тюркешского кагана Сулу (Сулука): «В начале (своего правления. — С.К.) Сулу хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу свою он отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он стал скардным, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его».

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе

Знатный тюрк. VII в. Реконструкция М.В.Горелика

с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагмен-

тах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (правил в 553—572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (Б 11 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» (КТм 9—10, КТб 26—27, БК 33, 38, БК Ха 10, БК Хб 11—12). Бильге Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, (тот) оказался бы бездельником, что за горе бы у него (народа) было!» (Т 57).

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Свое социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам общего наименования *эр*, «муж-воин».

«Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *эр аты*, «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином *эр* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюльтегин (КТб 30, 31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний (X в.) рунический текст на бумаге «Ырг битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (*алт эр оглы*) пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным, со славой (мужа), достойного зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча X). Лишь приняв

участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (*огул*) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута»: сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще — мальчика звали Басам, а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов: вместе с беками «пришел мой дед Коркут; дал юноше имя: ты зовешь своего сына Басамом, (теперь) пусть его имя будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!».

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего «мужем-воином», т.е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем Тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его «мужского имени» и неотделимый, а часто и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись из Ихе Хушоту, где рассказана судьба сразу трех поколений Кули-чоров, наследственных вождей и «бегов народа» тардушей. Именно титул указывал место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но

чаще просто воспроизводят его родословную тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счете поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1).

(1) С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ — о, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был прародителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (*эб керегю*) и постройки (*барк*), но прежде всего собственности на скот проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное (множество)!», — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк.5). Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч своих коней (Е 3, стк.5), т.е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием — «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» (ЫБ, X VII).

Богатым (*бай, байбар, йльсыг*) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (*чыгай, йок чыгай*). Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имею-

щий пищи внутри, не имеющий платья снаружи» — «жалкий, ничтожный, низкий народ» (*ябыз яблак бодун*) (КТБ 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывал свое богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел (походом) на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл (себе) в (китайском) государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вар.: жен)!» (Е 11, стк.9).

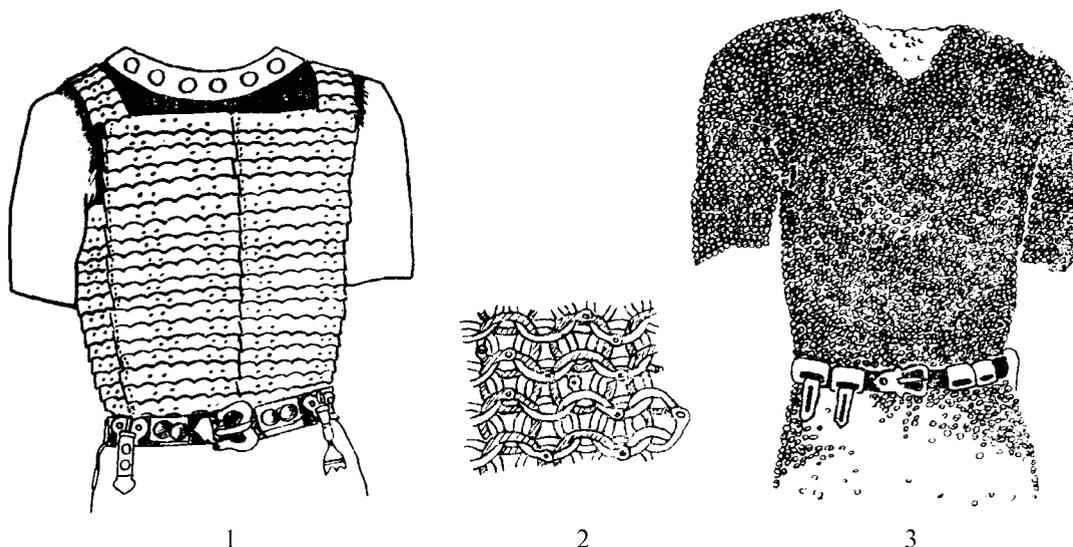
Как бы переключаясь с древними текстами, впечатляющий образ добычливого «мужа-воина» рисует Юсуф Баласагунский:

*Ухваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилие зерна не скудеет,
Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен².*

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, на строительстве которых работали сотни людей и для украшения которых приглашали иноземных мастеров, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином, в полном вооружении, лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Могун-Тайге, где раскопано несколько из множества тюркских курганов VI—IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом *агы* — «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной

² Перевод С.Н.Иванова.

Реконструкция доспеха тюркского воина. 1 — панцирь; 2 — система крепления колец кольчуги; 3 — кольчуга [Чиндина, 1981, с.93]

Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был погребен 30—35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпруженный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «эр стал на колени перед бегом» [Махмуд Кашгарский, т.2, с.21]. Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь — люди, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них *кулсыг эр* — «эр, подобный рабу» [Махмуд Кашгарский, т.3, с.128].

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил

поговорку-двустигие, бытовавшее в древнетюркской среде [Махмуд Кашгарский, т.1, с.362]:

Укого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.

Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгавший подаванием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, — полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический разбор терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Монголии и Енисея не-

свободный мужчина (*кул*) и несвободная женщина (*кюн*), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти термины употреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических памятников. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезенными с мест их обитания, вырванными из их племенной (этнической) среды, лишенными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей еще остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства, которое является разновидностью патриархального рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых чингизидов Плано Карпини: «Мужчины вовсе

ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры».

Сведения Плано Карпини подтверждают и дополняют Гильом Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивом одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины. Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и не в меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата, и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин настоятельно диктовалось прежде всего соображениями безопасности. Концентрация рабов, т.е. недавних воинов враждебных племен, в аилах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господству-

ющего племени — все это было невозможно из-за простого самосохранения. Концентрация невольниц, часть которых становились женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно Ясе Чингиз-хана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин».

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные «городки», труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное хозяйство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников или, в еще большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки.

Как очевидно из изложенного, сложившееся в степной зоне Центральной Азии общество обладало высоким потенциалом горизонтальной социальной мобильности, принимавшей зачастую форму инвазии и сопровождавшейся по мере осуществления сегментацией первоначальных социальных ячеек. Основными факторами горизонтальной мобильности были в этих условиях крайняя неустойчивость экстенсивной скотоводческой экономики и ее чрезмерная специализация, лишавшие кочевое общество возможности полного самообеспечения. Следует, конечно, оговорить экологическую обусловленность такого рода специализации.

Определяя формы вертикальной социальной мобильности, описываемое общество следует с некоторыми оговорками отнести к социологически открытым, чему, казалось бы, противоречит его строго иерархизованный характер. Однако роль богатства и личной воинской доблести создавали часто реализуемые предпосылки к продвижению или деградации, с последующей дифференциацией, не нарушавшей цельности системы. Лишь на самой высшей ступени власти изменение статуса неизбежно сопровождалось насильственной сменой всей правящей родоплеменной группировки и, строго говоря, одновременным изменением всего состава привилегированного сословия.

Вместе с тем допустимые формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера. Они воспринимались обыденным сознанием, но не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по всей вероятности, следует связать с общей незрелостью социально-политической структуры или, точнее говоря, с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества.

Памятники письменности тюрков Центральной Азии и Сибири в раннем средневековье

В VI—VII вв. тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западнотюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной и дипломатической практики, из нужды фиксации государственных актов и государственной традиции; определенную роль могли играть и религиозные мотивы.

Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки?) при исчислении «количества требуемых людей, лошадей, податей и скота». Вместе с тем тюркские

послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь, ко двору Юстина тюркский посол, согдиец Маниах, привез послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менаандр, «скифскими письменами».

О том, что это были за письмена, можно судить по древнейшему памятнику Тюркского каганата — Бугутской надписи из Центральной Монголии. Основной согдийский текст, к сожалению, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар-кагана. Из обращений к читателям видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов: они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями древних цивилизаций Средней и Передней Азии.

Есть все основания полагать, что наряду с использованием согдийского языка тюрки использовали согдийский алфавит для фиксации собственной речи. В те же годы, когда была воздвигнута Бугутская стела, в переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение «Нирвана-сутра» — с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, т.к. уйгуры пользовались им особенно широко в IX—XV вв. Но для письма на камне (так называемого «монументального письма») курсивный согдийский алфавит использовали редко.

В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее первой половины VII в., на основе согдийского письма, до-

полненного несколькими знаками, сходными с древнетюркскими тамгами (родовыми символами), в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло из 38 не сливавшихся между собой на письме знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве или камне (процарапыванием и резьбой). Новая письменность очень точно передавала фонетические особенности тюркского языка; так, большая часть согласных знаков имела два варианта написания: в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся, мягким или твердым. В отличие от согдийского, это письмо позволяло ясно различать между собой знаки (в согдийском многие знаки писались сходно) и было значительно проще в употреблении и заучивании.

Древнетюркское письмо было открыто в долине Енисея в 20-е годы XVIII в. немецким ученым Д.Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и И.Страленбергом, сопровождавшим его пленным шведским офицером. Они назвали письмо *руническим* — по его сходству со скандинавским руническим письмом. Название, хотя и не совсем точное, оказалось удобным и закрепилось в науке. В 1889 г. русский ученый Н.М.Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине р. Орхон, огромные каменные стелы с надписями руническим письмом. Дешифровали и прочли найденные тексты датский ученый В.Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В.В.Радлов, давший первое чтение надписей. По месту находки основных памятников письмо стали называть «орхоно-енисейским», а по другим признакам (язык и характер письма) его продолжают именовать древнетюркским руническим письмом.

Самыми крупными памятниками рунического письма из всех найденных остаются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Все они были воздвигнуты в эпоху второго Тюркского каганата (689—744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745—840 гг.). Наиболее известны памятники в честь Бильге-кагана

и его брата, полководца Кюль-тегина, воздвигнутые в 732—735 гг., и памятник советника первых каганов второго Тюркского каганата, Тоньюкука, созданный вскоре после 716 г., еще при жизни Тоньюкука (памятник написан от его имени). Все крупные памятники орхонской группы довольно однообразны по форме. Они содержат рассказ о жизни и подвигах их героев, излагаемый на фоне общей истории Тюркского государства и сопровождаемый различного рода политическими декларациями. Надписи содержат очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов.

Более 150 памятников с руническими надписями обнаружено в долине Енисея, на территории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнетюркской знати, воздвигнутые в VIII—XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребенных кыргызских бегов; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны памятники тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые надписи найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены, где жило древнетюркское племя курыкан. Несколько мелких надписей и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге найдены в Восточном Туркестане, где рунический алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX—XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии, после военного поражения от кыргызов (840 г.), токуз-огузскими племенами (главным из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана следует выделить две группы рунических памятников — ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.) и семиреченскую (на территории Киргизии и Казахстана). Сюда относятся девять надписей на намогильных камнях-валунах и на скальных надписи в ущелье Терек-сай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Джамбул, мелкие надписи

или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (случайно обнаружена при горных работах в долине р. Талас), а также рунические надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, мелкая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ Алматы).

Все эти памятники созданы в Западно-тюркском каганате и Карлукском государстве (VII—IX вв.); надписи на бронзовых зеркалах принадлежат кимакам. Наиболее загадочна надпись на деревянной палочке. Тип письма на ней очень отличается от орхоно-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных в небольшом количестве на древней территории Хазарского государства — в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом так называемых «печенежских» надписей на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на все попытки, все еще остается не расшифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Быть может, таласская палочка указывает на древние связи между хазарами и Западнотюркским каганатом.

Вряд ли древнетюркское руническое письмо употреблялось где-либо после XI—XII вв. В Центральной и Средней Азии его потеснили сначала уйгурский курсив, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских племен, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых больших рунических текста — надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина. Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как написано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря.

Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают. Вводные строки памятников посвящены давним временам.

Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размерном ритме повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далекие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены далее события, связанные с созданием второго Тюркского каганата, рассказано о подвигах Бильге-кагана и Кюль-тегина.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально!».

В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата; в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам — и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие тюркского народа есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племен: «Их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, изготовленные из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!».

В памятниках подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-

кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу. Для того, чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, «неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, речь кагана запечатлена на «вечном камне»: «О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, беги и народ... создали свое государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал на вечном камне. Смотри на него, знайте вы, теперешние беги и народ!».

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приемов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, «начертавшим на вечном камне» «слово и речь» своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VII—X вв. единым и стандартным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах, — огузы, уйгуры, кыргызы, кимаки и другие. Общий письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских памятниках. Общность языка и литературного канона памятников указывает на тесные культурные связи древнетюркских племен и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-либо народа.

Древнеуйгурская письменность утвердилась, начиная с IX в., в городах Восточного Туркестана. Сами авторы называли язык, на котором они писали, «тюркским». И действительно, язык этих памятников явился прямым наследником языка руни-

ческих памятников, лишь незначительно отличаясь от него в грамматическом отношении. Однако, будучи широко использован в религиозных сочинениях, главным образом переводных, в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, ее ранние памятники не сохранились, но известно об ее употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оазиса. Так, в одном из них рассказывается о манихейских обитателях в Таразе, где писались и переводились на тюркский язык сочинения духовного содержания. Известно, что манихейская разновидность древнеуйгурского письма — самая древняя и наиболее близкая к согдийскому прототипу. Вероятно, скриптории манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII—IX вв. Сохранилась переписка (два ярлыка) уйгурских и карлукских князей на древнеуйгурском языке, относящаяся к X в., о событиях в долине р. Или; там упомянуто тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени «правителя государства Бильгебека», упоминается полученное им послание на согдийском языке, которое он «соизволил понять». Это свидетельствует о продолжающемся бытовании согдийского языка и письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской манихейской среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX—X вв. на керамике, хранящимися в Таразском музее; в одной из них упомянут «архидер Ширфарн», а в другой — «пресвитер Ильтаг». Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущелье Терек-сай. Они относятся к X—XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркских князей, посетивших долину. Надписи свидетельствуют,

что даже в эпоху начавшейся исламизации знати в государстве Караханидов она продолжала еще сохранять согдийскую образцованность и «языческие» имена.

Таким образом, в раннем средневековье на территории тюркских государств в Центральной и Средней Азии бытовало два вида древнетюркской письменности — руническая и курсивная (древнеуйгурская) и продолжала сохраняться появившаяся здесь ранее согдийская письменность. Несомненно, что письмом пользовались прежде всего верхние слои тюркского общества. Однако наличие непрофессиональных надписей, выполненных небрежно и без достаточных знаний орфографической традиции — как, например, надпись на бронзовом зеркале из женского погребения в Прииртышье или на пряслице с Талгарского городища, — показывает довольно широкое распространение рунического письма среди тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии.

Религия и верования

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное сходжение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов — тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Мовзес Каганкатваци, албанский историограф.

Памятники Мадары, крупнейшего культового центра праболгар, как бы связывают воедино культуры раннесредневековых кочевников долины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпиграфические тексты из Мадары позволяют очертить контуры религиозной идеологии и литургических действий праболгарских племен, чьей далекой прародиной были степи и горы Центральной Азии.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого «хан и полководец Омуртаг»

почтил жертвоприношениями [Бешевлиев, с.123]. Имя бога, *Тенгри*, сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей свое самое раннее отражение в орхонских надписях — древнетюркских камнеписных текстах первой половины VIII в. Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намеками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества — *Тенгри* (тюрк. «Небо»), *Умай* и *Ыдук Йер-Суб* («Священная Земля-Вода»). Явное выделение Тенгри и универсализм его функций побуждают некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как особой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований. Так, Г.Дёрфер полагает, что почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе еще не предопределял единства их мифологии и верований. Поэтому терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков, указывающего на общие истоки обеих религий, еще недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Очевидно, лишь системные совпадения обоих пантеонов способны показать глубину их генетических связей и возможности взаимодополняющих интерполяций. А так как праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах, остается невыясненным, то его прояснение по иным свидетельствам, относящимся к племенам праболгарского круга в Юго-Восточной Европе, становится предпосылкой реконструкции дохристианской религии основателей древней Болгарской державы на Дунае.

Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. В них не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон. Однако в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя

органично присущая ей система классификации божеств, в основе которой лежало трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и ее создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеолита Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира — его владыки *Эрклиг-хана*, «разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти» [Кляшторный, 1976, с.261—264].

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является *Тенгри* (Небо). В отличие от неба — части космоса, оно никогда не именуется *кёк* («голубое небо», «небо») или *калык* («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки (жизни)», но рождениями «сынов человеческих» ведает богиня Умай, а их смертью — Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Гаспар-кагана (ум. в 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделен некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым

воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных, она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была «Священная Земля-Вода». В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира, Солнцем и Луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду», т.е. покинутый им Средний мир. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле» [Феофилакт Симокатта, с.161]. В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками (VI в.), названа «бог Земли». Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен.

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эрклига) в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В очень важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом «Книга гаданий» («Ырк битиг», первая половина X в.), упомянуты среди прочих два божества «второго плана»: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне».

Еще одно столь же древнее упоминание у тюрков «бога путей» имеется в древнетибетском «Каталоге княжеств», фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета на-

званы «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шу-балык, почитают «бога тюрков Йол-тенгри». Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII в. Хотя представления тибетского автора о «северных землях» были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри («бога путей») был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих йол-тенгри в древнетюркской «Книге гаданий», одно из которых дает человеку *кут*, «божественную благодать, душу», а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике «божественный эль». Оба йол-тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср. цитированную Бугутскую надпись), осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним.

Таков был, в его самых главных и известных ныне проявлениях, древнетюркский пантеон. Несмотря на некоторые модификации, проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты, и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о плененах, живущих к северу от Великой стены. Сколь ни были бы заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложив-

шейся много раньше появления на исторической арене племени *тюрк* (460 г.). Само название этого пантеона как древнетюркского не может не быть условным, зависимым скорее от лингвистических и историографических факторов, чем от палеоэтнографической действительности. Тем не менее речь идет о реальной историко-культурной и религиозно-идеологической общности, сложившейся в среде кочевых племен Внутренней Азии, общности, сохраненной ими в ходе многих миграций I тыс. н.э.

Неожиданное и яркое подтверждение сказанного содержит источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея, — «История агван» Мовзеса Каганкатваци (X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляет включенная в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в. А частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исфаэля, повествующий, между прочим, о пребывании христианской миссии во главе с Исфаэлем в «стране гуннов» (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана [Мовзес Каганкатваци, II, с. 193—194, 197—198].

Остается не вполне ясной племенная принадлежность гуннов Северного Дагестана. Эта группа родственных племен, весьма значительная численно, укрепилась в степях севернее Дербента еще в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Аний Ширакаци (VII в.) называет «царством гуннов». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности церкви (миссии Кардоста и Макария) часть гуннов перешла от «жизни в шатрах» к оседлому и даже городскому быту. Однако значительная масса гуннов, в том числе и их знать, продолжала жить «в лагерях», т.е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х годах VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придержи-

живается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племен или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам. Тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV—VI вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен *теле*, на основе которого в Центральной Азии сформировались в V—VII вв. новые племенные союзы «девяяти огузов» (*токуз-огуз*) и «десяти уйгуров» (*он-уйгур*), игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов у Мовзеса Каганкатваци — Алп Илитвер (в буквальном переводе «герой-эльтебер»). Скорее всего, здесь не собственное имя, а титул. Тот же самый титул носили «цари» волжских болгар. Титул «эльтебер» не был «царским» (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул «иркин», лишь самые могущественные, вожди уйгуров, были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен — таких, как союз болгар-унногундуров при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, рассказавшим о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в., и поныне остается житие епископа Исфаэля, сохраненное в труде Мовзеса Каганкатваци. Автор жития, участник албанской миссии, не поспешил на яркие характеристики «дьявольских заблуждений» и «скверных дел» идолопоклонников, погруженных в «языческую грязную религию», чтобы еще более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего гуннов во главе с Алп

Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих «разоблачениях» содержатся ценнейшие реальные детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

Албанский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов — Куара, бога «молний и эфирных огней», и Тенгри-хана, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития именует на иранский манер Аспендиатом (среднеперс. «созданный святым [духом]»), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени *Куар*, как уже отметил В.Хеннинг, очевидно среднеперсидское *xwar* — «солнце». Поклонение богу-солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспендиата) в тексте жития выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где совершались обряды в честь Тенгри-хана, — капища, т.е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяют Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождалась мольбами, обращенными к образу Тенгри-хана. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исаэля, символом его победы над язычеством.

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонением его символам и ипостасям — Солнцу (Куар), Луне, «громам небесным», высоким дере-

вьям, «кумирам», — и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских народов Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI—VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах и «пещере предков». Вместе с Небом почитались небесные светила — Солнце и Луна. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках — «неверных», которые словом «Тенгри» называют «большие деревья». Этнографические свидетельства подтверждает и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тенгри-ханом, в «царстве гуннов» почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор жития, не чуждый классической образованности, именует «Афродитой». Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами вода и земля, т.е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» Землю. В сущности, речь ведется о древнетюркском культе «священной Земли-Воды» с его «гимнами Земле», о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными житием, были «некие боги путей», в которых уверенно узнаются йол-тенгри, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании «языческих заблуждений» гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми, что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плачи и царапание щек ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю», а также «предавались разврату». Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и иг-

ры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер, и после них родители молодых договариваются о браках.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на «высоком месте», состояли из «капищ» (заупокойных храмов), идолов (изваяний) и «скверных кож жертвенных чучел» (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). «Капища» названы «высокими», и о них сказано, что уничтожались они огнем, т.е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись «идолы» гуннов. Все эти элементы погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный «при могиле», «изображения покойного» (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей. Еще один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упоминания — и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывает процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга, происходившие в VII—VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри

и Умай как божественной чете — покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел — все это упомянуто в камнеписных памятниках или сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего гипертролизация культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства. Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, — эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом Тангра (Тенгри, Тенгри-хана). Поэтому экстраполяция характерных черт древней центральноазиатской религии на религиозную идеологию праболгар так же обоснованна и закономерна, как выявление аналогов в других сферах культуры племен Внутренней Азии и «народа Аспаруха».

ГЛАВА 5

Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов

Фларид Сунгатов

В середине 1 тыс. н.э. в этнокультурной карте лесостепного Приуралья происходят новые радикальные изменения. Археологически эти события документируются появлением в V—VI вв. в крае пришлого населения, оставившего памятники, известные под названием *турбаслинской археологической культуры*, существовавшей в крае до VIII в. н.э. [Мажитов, 1968; 1981; Сунгатов, 1998].

Территория распространения памятников турбаслинской культуры охватывает северную кромку лесостепи — бассейн среднего течения р. Белой. Наличие на данной территории курганных могильников и поселений турбаслинской культуры позволяет говорить, что, в отличие от харинско-тураевско-старомуштинского пришлого населения, первые сумели образовать свою этническую территорию.

Характерным и объединяющим признаком памятников турбаслинской культуры является подкурганый обряд захоронения, следы ритуальных кострищ и заупокойных тризн под насыпями, могилы сложной конструкции (подбой в узких стенках, заплечики), положение умерших вытянуто на спине головой на север, установка в погребальных камерах в изголовье умерших глиняных сосудов и снабжение жертвенным мясом лошади или овцы, наличие в составе погребального инвентаря трехсоставных поясных и обувных пряжек с выступающими за кольцо с загнутым язычком, предметы поясной гарнитуры «гуннского» облика, калачевидные серьги «харинского» типа, зеркала с ячеистым орнаментом, пластинчатые и литые фибулы и многое другое (рис. 1, 2).

По вопросу этнической принадлежности и прародины носителей турбаслинской культуры в настоящее время существует широкий спектр мнений. В.Ф.Генинг считал их тюркизированными уграми, формирование которых было связано с процессами взаимоассимиляции и смешения древнетюркских и угорских племен, имевшими место еще в раннем железном веке на территории Западной Сибири [Генинг, 1987, с.97—99; 1989, с.120]. Н.А.Мажитов видит в них тюрков-протобашкир и связывает их происхождение с племенами государства Кангуй (Восточное Приаралье) [Мажитов, Султанова, 1994, с.108—110]. В.А.Ивановым и С.М.Васюткиным высказаны близкие точки зрения — они предполагают в турбаслинском этносе большой угорский компонент [Иванов, 1999, с.33; Васюткин, 1992, с.101]. Мы связываем происхождение носителей турбаслинской культуры с кочевниками евразийских степей V—VII вв., входившими в состав гуннского военного союза [Сунгатов, 1998]. Е.П.Казаков склоняется к мысли, что турбаслинцы своим происхождением связаны с территорией Восточного Приаралья, но в отличие от Н.А.Мажитова видит в них индо-иранские корни и отождествляет их с хионитами, которые после поражения от тюрков в 558 г. отступили в Урало-Поволжский регион [Казаков, 1998, с.110].

Действительно, близость между турбаслинской и джетыасарской культурами, что отмечают некоторые исследователи, прослеживается по многим признакам погребального обряда (могильные ямы с заплечиками, подбоями, наличие склепов, северная ориентировка погребенных, обычай

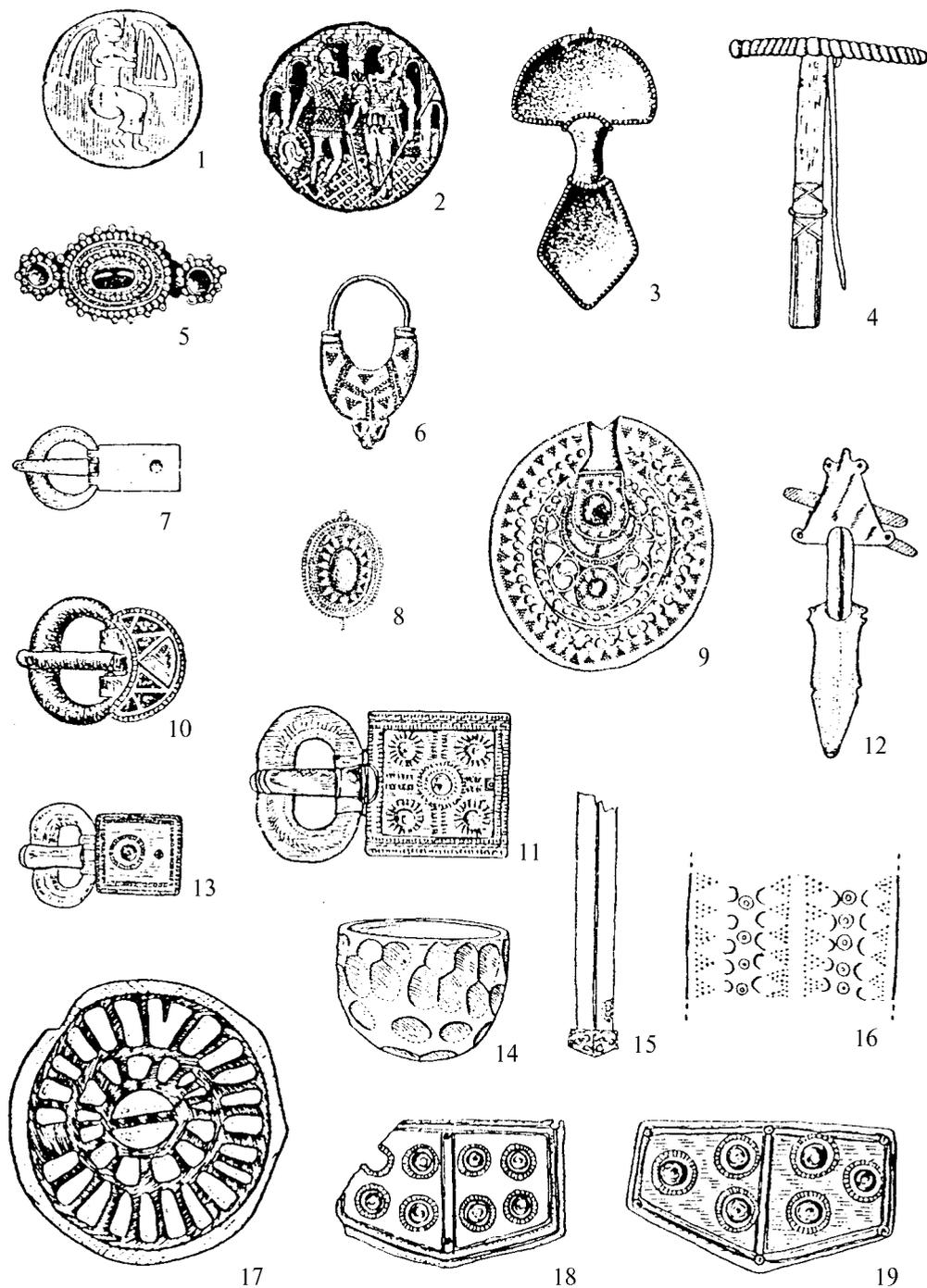

Рис. 1. Материалы раннего этапа турбаслинской культуры.

1 — гемма; 2-4,12 — фибулы; 5 — перстень; 6 — серьга; 7,10,11,13 — пряжки; 8,9 — кулоны; 14 — сосуд; 15 — деталь ножен меча; 16 — фрагмент обкладки ножен меча; 17 — зеркало; 18,19 — наконечники ножен меча. 1 — сердолик; 2 — бронза-железо; 3,4,7,12 — серебро; 5,6,8,9,15,16,18,19 — золото; 10,11,13 — золото-бронза; 14 — стекло; 17 — бронза

искусственной деформации черепов) и составу предметов материальной культуры, включая культовые поделки и отдельные специфические вещи. В то же время, наряду со сходством погребального обряда, в турбаслинских древностях встречены предметы, которые имеют аналогии только в памятниках гуннского времени восточноевропейских степей V—VII вв., а отдельные из них явно византийского производства (золотые колты, медальоны, фибулы, зеркала с ячеистым орнаментом и многое другое).

Сказанное позволяет говорить об имевшем место в середине I тыс. н.э. двух разновременных волнах переселения кочевников в Приуралье. Первый приток турбаслинского населения фиксируется в V в. н.э. по материалам ранних памятников (Дежневский могильник, насчитывающий более 200 курганов, Кувыковский и отдельные Уфимские погребения). Население, оставившее эти могильники, своим происхождением связано с обратным оттоком из степей Северного Причерноморья отдельных этнических групп гуннского племенного союза [Сунгатов, 1998]. Состав же этого союза был полиэтничным. В него входили гунно-сарматское население Волго-Уральского региона и племена джетыясарской культуры Восточного Приаралья. Различные контакты и взаимоассимиляция племенных групп гуннской конфедерации привели к складыванию нового этноса со значительным преобладанием приаральского компонента. На это указывают и данные антропологии. М.С.Акимова отмечает, например, что черепа из Дежневского могильника турбаслинской культуры позволяют предполагать смешанный характер населения [Акимова, 1968, с.75]. Это этнокультурное образование в конце V в. и оказалось на территории Приуральской лесостепи.

Новый приток джетыясарского населения на турбаслинскую территорию произошел в конце VI в. и синхронизируется с политическими событиями в евразийской степи, когда военно-политическое господство Западнотюркского каганата простерлось до Волги, а тюркские военные отряды завоевывали Северный Кавказ и Причерноморье. В 558 г. тюрки в Приаралье разби-

ли упорно сопротивлявшиеся им племена хуни (хионитов), вар и огоров [Казаков, 1998; Казаков, Рафикова, 1999]. Часть этих непокорившихся племен, скорее всего, и была вынуждена отступить в Приуралье. Эта пришлая группа мигрантов, видимо, по культуре и языку была родственна турбаслинцам—переселенцам первой волны (те и другие, в конечном счете, своим происхождением связаны с Восточным Приаральем). Не случайно поздние могильники (Новотурбаслинский, Кушнаренковский, Шареевский и др.) возникли и начали функционировать в непосредственной близости от мест расположения более ранних памятников турбаслинской культуры. К тому же на южное (приаральское) происхождение племен второй волны переселения указывает и палеоантропологический материал из поздних могильников турбаслинской культуры (Кушнаренковский и Ново-Турбаслинский) [Акимова, 1968, с.63,71—72; Юсупов, 1991, с.11].

Появление в Приуралье турбаслинского населения по времени сопряжено со складыванием в Среднем Поволжье именьковской культуры. Относительно ее истоков исследователями высказаны различные гипотезы. Интерпретация этнической принадлежности ее населения балансирует сегодня между праславянской [Матвеева, 1981; 1986] и балтской [Халиков, 1987]. Е.П.Казаковым же отмечается, что имеющиеся именьковские памятники с комплексом признаков турбаслинской культуры (Коминтерн II, селища «Шихан» и I Полянское), содержащие аналогичные турбаслинским на р. Белой комплексы, вместе с первыми широко распространены в пространстве всего Урало-Поволжья [Казаков, 1996, с.31]. Говоря о происхождении «турбаслинско-именьковских» памятников, им высказано предположение о связи их с хионитами Приаралья [Казаков, 1998, с.110]. В свете сказанного нам представляется, что относительная плотность контактов турбаслинского и именьковского населения в указанном регионе, скорее всего, объясняется инерцией былых контактов и соседства предков тех и других в период их пребывания в сер. I тыс. н.э. в Восточном Приаралье. На это указывают наблю-

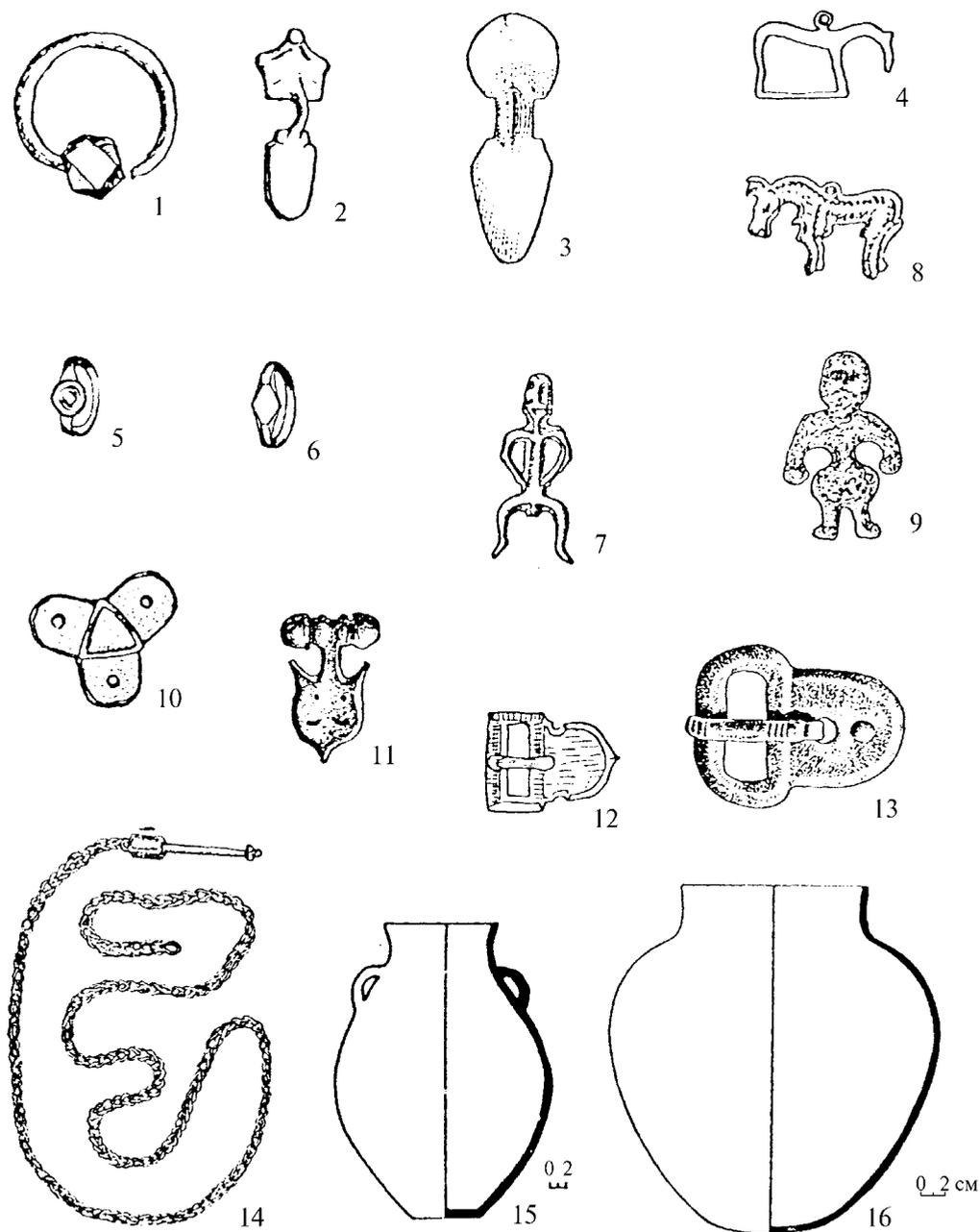

Рис.2. Материалы позднего этапа турбаслинской культуры.

1 — серьга; 2,3 — фибулы; 4,8 — коньковые подвески; 5,6 — пестни; 7,9 — подвески в виде фигурок человека; 10,11 — накладки; 12,13 — пряжки; 14 — цепочка; 15,16 — сосуды. 1 — серебро с позолотой; 2,4-9,11,12 — бронза; 3,10,13 — серебро; 14 — золото; 15,16 — глина

даемые общие черты в их погребальном обряде и культуре. Они выражаются, например, в том, что на могильниках и поселениях турбаслинской культуры присутствуют плоскостонные сосуды, по морфологическим характеристикам близкие именьковским (романовский тип), а также зафиксированы погребения с трупосожжением (Кушнаренковский могильник, Уфимские погребения). В именьковской же культуре, где безраздельно господствовал обряд трупосожжения, в настоящее время известен II Коминтерновский могильник, где захоронения с кремацией и ингумацией перемежаются между собой. Черты погребального обряда с ингумацией (северная ориентировка умерших, жертвенные комплексы из черепа и костей ног лошади, установка в могилу глиняных сосудов, сопровождение жертвенной пищей и погребальный инвентарь) находит полные аналогии в Кушнаренковском могильнике турбаслинской культуры. Все это дает основание видеть в именьковской и турбаслинской культурах этнокультурные компоненты друг друга, вследствие чего констатировать наличие между ними тесной связи как культурного, так и этнического порядка. Это, в свою очередь, позволяет поставить под сомнение точку зрения о происхождении носителей именьковской культуры, связывающую их с праславянским или балтским этносом³.

В районе среднего течения р. Белой носители турбаслинской культуры вступили в контакт с финно-пермским населением мазунинской (раннебахмутинской) культуры. Имеющиеся материалы по башкирскому варианту мазунинской культуры позволяют говорить о дальнейшей ее трансформации, что было заложено пришлым населением предшествующего времени.

В Удмуртском Прикамье в V в. прекращает свое существование мазунинская (раннебахмутинская) культура, историческая судьба носителей которой остается пока неясной [Останина, 1997, с.177—181]. В это же время иное положение наблюдается в контактной зоне (район Бельско-Уфимского междуречья) мазунинского и турбаслинского населения. На данной территории мазунинская (раннебахмутинская) культура нашла свое продолжение

в новой археологической культуре. Она, представляя один из вариантов дальнейшего развития финно-пермской этнокультурной общности, отражает сложные процессы активного этнокультурного взаимодействия и смешения местного мазунинского населения с пришлым турбаслинским, а в последующее время — кушнаренковским и караякуповским этносом. Следствием этих процессов явилось складывание в крае новой этнокультурной группы памятников, получившей название собственно бахмутинской культуры.

Бахмутинская культура V—VIII вв., занимая территорию современного северного Башкортостана, характеризуется грунтовыми могильниками, захоронениями умерших с северо-западной или северной ориентировкой, нахождением в могилах при костях жертвенных комплексов в берестяных коробочках, наличием в составе погребального инвентаря подвесок бахмутинского типа, сосудов с ямочным орнаментом по тулову, деталей поясов евразийской кочевой моды, браслетов, ожерелий из мелких бус, застежек-сюльгам и др. (рис.3).

Исследователи считают, что бахмутинская культура имеет генетическое родство с прикамскими культурами начала н.э. Данное мнение подтверждается результатами сравнительно-типологического анализа признаков бахмутинского погребального обряда с мазунинской, пьяноборской и караабызской археологических культур [Иванов,1999, с.35; Султанова, 2000, с.17]. Кроме признаков погребального обряда, этногенетическая близость носителей бахмутинской культуры с финно-пермскими племенами предшествующего времени подтверждается и результатами сравнительно-типологического анализа чандарской (бахмутинской) керамики с керамикой пьяноборской и мазунинской культур [Иванов,1999, с.35—36].

Приведенные факты позволяют однозначно считать, что носители бахмутинской культуры являются местным населением. Эта культура не является пришлой из Южной Сибири, как это представлялось В.Ф.Генингу и Н.А.Мажитову [Генинг,1972, с.265; Мажитов,1977, с.45],

³ См. раздел: Кляшторный С., Старостин П. Праславянские племена в Поволжье.

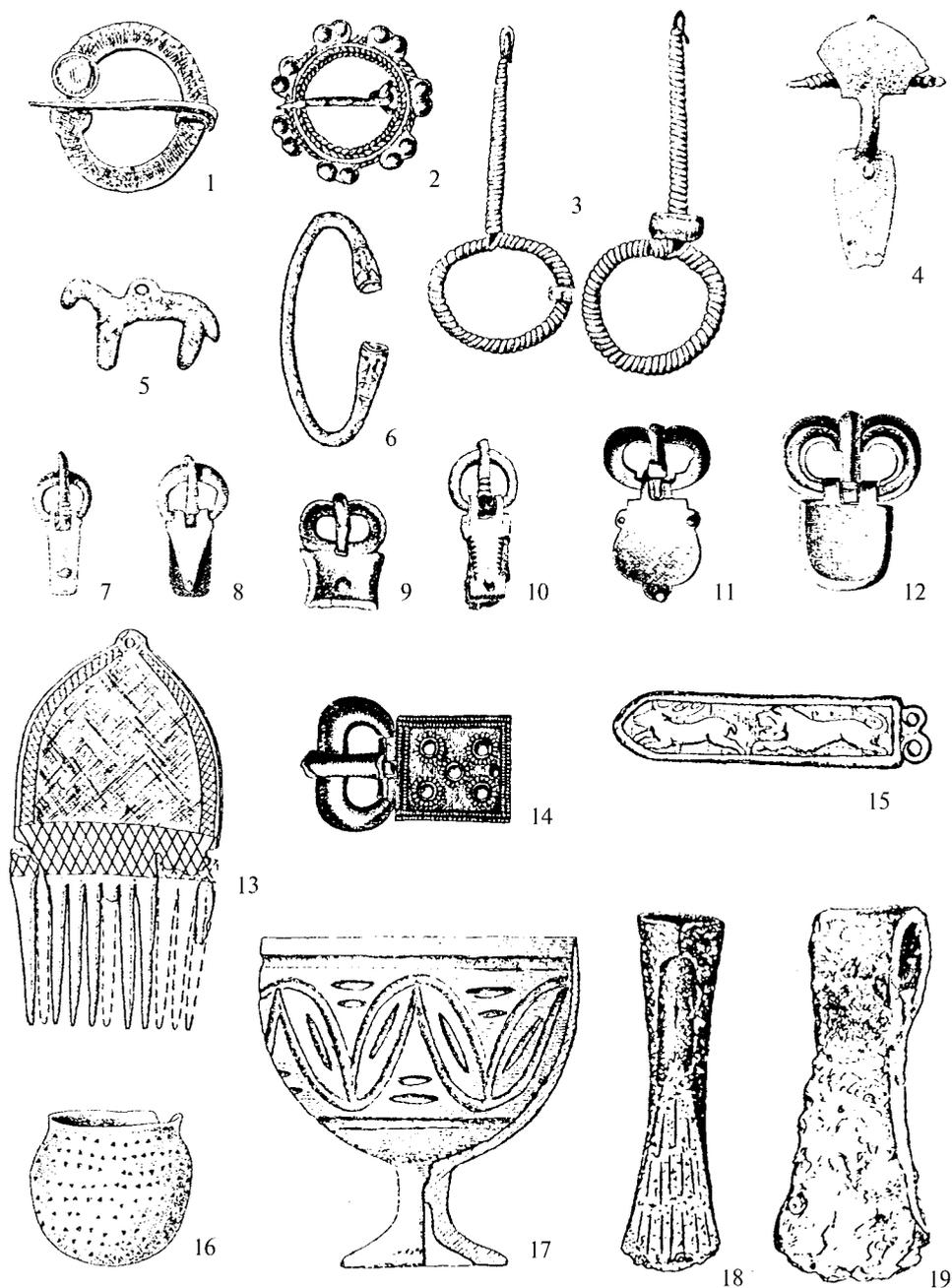

Рис.3. Материалы бахмутинской культуры. 1,2,4 —фибулы-застежки; 3 — височные подвески; 5 — коньковая подвеска; 6 — браслет; 7-12,14 — пряжки; 13 — гребешок; 15 — наконечник ремня; 16 — сосуд; 17 — кубок; 18,19 — топоры. 1,2,3,6 — бронза; 4,7-12 — серебро; 13 — кость; 14,15 — золото-бронза; 16 — глина; 17 — стекло; 18,19 — железо

а представляет собой результат этнокультурного симбиоза (смешения) кочевников и мазунинского населения [Матвеева, 1969]. Материалы Бирского могильника убеждают нас в том, что становление и функционирование бахмутинского общества не было простым эволюционным развитием. Имеющиеся материалы показывают, что в V—VIII вв. между мазунинским и турбаслинским населением существовали тесные этнокультурные связи. Это взаимодействие, шедшее под бахмутинской доминантой, т.е. местного населения на территории их расселения, выражается, например, в нахождении чандарских сосудов в погребальных комплексах турбаслинской культуры [Пшеничнюк, 1968; Сунгатов, 1995], и, наоборот, сосудов турбаслинского типа, в основной массе лишенные орнамента, — в бахмутинских. Взаимодействие нашло свое отражение и в наличии своеобразных синкретических сосудов, в оформлении которых мазунинская орнамента (ряды косых насечек) сочетается с турбаслинскими формами.

Тесные этнические контакты особенно ярко демонстрируют материалы Бирского могильника. На памятнике, в частности, зафиксирован целый пласт турбаслинских погребений, среди которых имеются захоронения людей со следами искусственной деформации головы. В то же время на могильниках турбаслинской культуры (Дежнево) выявлены подкурганые женские захоронения, антропологический тип которых не выходит за пределы вариации уралоидной популяции, т.е. являются автохтонными. Это, в свою очередь, указывает на брачный характер отношений бахмутинцев и турбаслинцев.

Появление на рубеже VI—VII вв. на Южном Урале нового пришлого населения, известного под названием *кушнаренковских племен*, привело к очередному серьезному изменению этнокультурной ситуации. В скором времени территория их расселения покрыла районы распространения не только турбаслинской и бахмутинской культур, но и охватила Среднее Поволжье. В этом отношении показательно появление на турбаслинских и бахмутинских могильниках захоронений с кушнаренковской ке-

рамикой и соответствующим набором погребального инвентаря. В VIII в. турбаслинские и бахмутинские могильники прекращают свое функционирование. Не исключено, что часть турбаслинского населения была оттеснена новыми пришельцами в более западные районы. На это указывают многие элементы ее культуры, фиксируемые в языческой культуре волжских булгар [Казаков, 1999, с.111]. Неясной остается историческая судьба бахмутинского населения. Прослеживаемые антропологами связи их с северными башкирами Приуралья заставляют предполагать, что и после VIII в. они продолжали оставаться на местах своего обитания.

Кушнаренковская культура на территории Урало-Поволжья существовала в VII—IX вв., возможно, и в X в. Она характеризуется подкурганскими захоронениями, северной ориентировкой умерших, которые сопровождаются богатым набором вещей (поясной гарнитурой «геральдического», тюркского и салтовского типов, предметами вооружения и конской сбруи). Отличительной чертой кушнаренковской культуры является тонкостенная глиняная посуда, украшенная изящным орнаментом (рис.4). По мнению Н.А.Мажитова, она имела ритуальный характер, а орнамент напоминает узоры на предметах торевтики среднеазиатских ювелиров [Мажитов, Султанова, 1994, с.106]. Многие черепа, полученные в ходе раскопок могильников данной культуры, имеют следы искусственной деформации.

По вопросам истоков и этнокультурной принадлежности носителей кушнаренковской культуры единого мнения не сложилось. Но большинство современных исследователей пришло к признанию их угорско-мадьярской принадлежности (В.А.Иванов, А.Х.Халиков, Е.А.Халикова, Е.П.Казаков, Р.Г.Кузеев и др.). В частности, В.А.Иванов считает, что памятники данной культуры, образуя сильную типологическую связь с угорскими культурами молчановского и потчевашского типов лесного Зауралья и Прииртышья, представляют единую культурно-типологическую общность и по сути являются их западной периферией [Иванов, 1999, с.66—71].

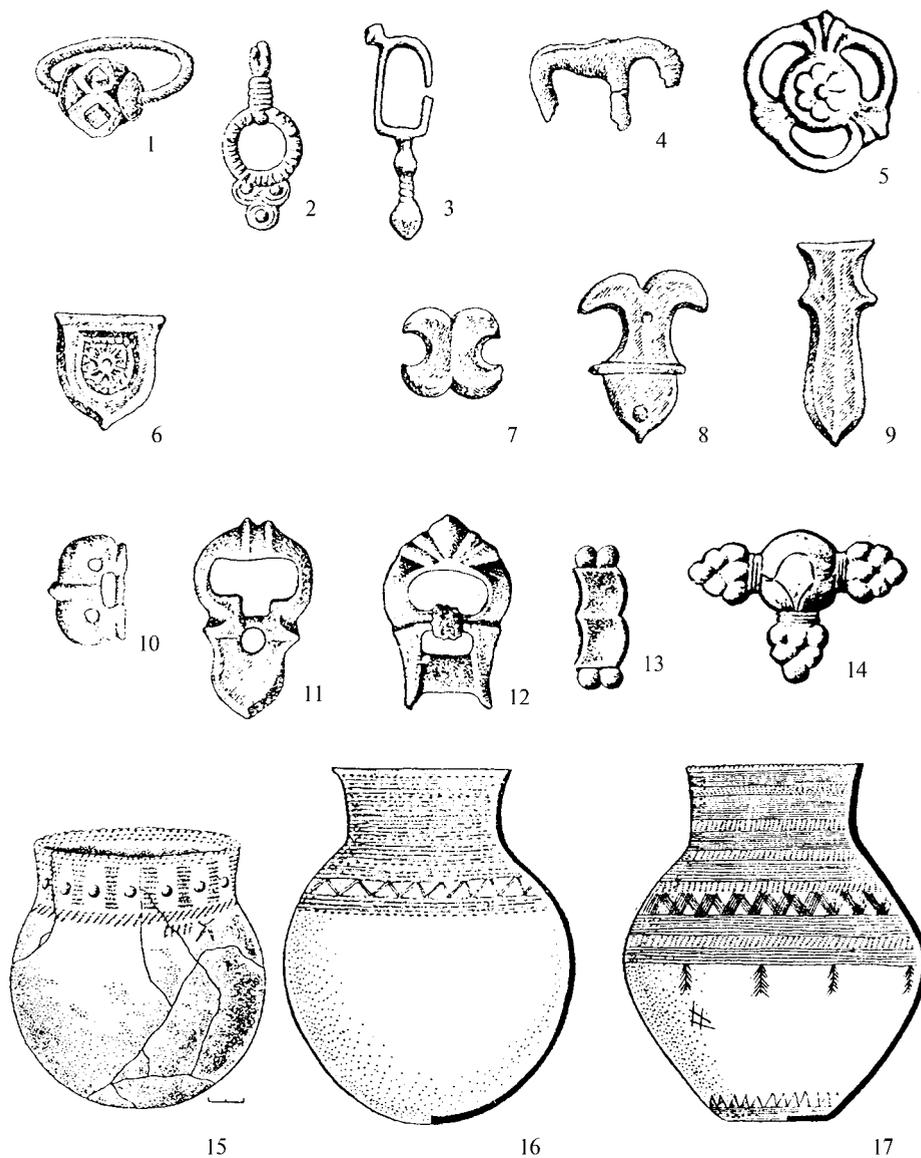

Рис.4. Материалы кушнаренковско-караякуповской культуры.

1,3 — серьги; 2 — серьгообразная подвеска; 4 — коньковая подвеска; 5 — распределитель ремня; 6-10, 13,14 — накладки; 11,12 — пряжки; 15-17 — сосуды. 1— бронза-стекло; 2-4,7-9 — бронза; 6 — серебро-золото; 10,11,13,14 — серебро; 15-17 — глина

Но этнокультурная ситуация в Степи, которая сложилась в связи с образованием первого Тюркского каганата и неоднократные миграции джетысарского населения Восточного Приаралья в середине 1 тыс. н.э. в направлении не только Нижней Волги, Северного Кавказа, но и Южного Урала и Зауралья [Левина,1994], позволяет несколько по-иному оценить сходство куш-

наренковских и молчановско-потчевашских культурных комплексов. Это сходство между ними могло быть и следствием разновекторного направления миграции кушнаренковских племен из одного исходного района, т.е. Восточного Приаралья. Н.А.Мажитов, А.Н.Султанова и Е.П.Казаков именно с этой территорией связывают происхождение кушнаренковских племен.

Но если первые два исследователя считают их представителями каких-то тюркоязычных племен, третий идентифицирует их с огорами (уграми), которые были вынуждены отступить из Восточного Приаралья после военного поражения в 558 г. от алтайских тюрок [Казаков, 1998, с.110].

Следующая волна переселенцев-караякуповцев, видимо, родственная кушнаренковским племенам и фиксируемая археологически на Южном Урале с середины – второй половины VIII в., также может быть увязана с миграционными импульсами, идущими из Восточного Приаралья. По данным Л.М.Левиной, например, в VIII в. наблюдается новый отток джетысарского населения [Левина, 1996, с.375].

Караякуповские племена на Южном Урале расселились практически на той же территории, что и кушнаренковцы. По образу жизни, культуре и погребальным традициям они мало чем отличались от кушнаренковцев, но имели несколько иную глиняную посуду и элементы материальной культуры, свидетельствующие об их контактах с культурой алтайских тюрок. На это, в частности, указывает состав погребального инвентаря караякуповских погребений. Среди них встречены пояса, предметы вооружения и принадлежности конского снаряжения так называемых тюркских типов.

Кушнаренковско-караякуповские племена на территории Приуралья испытывали одновременное влияние культуры двух этнокультурных массивов: тюркоязычных болгар, пришедших в Волго-Камье из районов Дона и Северного Кавказа, и лесных финно-пермских племен Прикамья. Наиболее интенсивные контакты этнокультурного порядка кушнаренковско-караякупов-

ские племена имели с ранними болгарами на территории северо-запада современного Башкортостана и Восточного Татарстана. Есть все основания полагать, что взаимоотношения между ними носили относительно мирный характер. В этом убеждает нас археологически фиксируемый кушнаренковско-караякуповский компонент в памятниках ранней Волжской Булгарии и наблюдаемое исследователями обратное болгаро-салтовское влияние на приуральские племена [Казаков, 1992, с.242–245, 267].

Начавшаяся в IX в. военно-политическая экспансия государства енисейских кыргызов на запад, о чем свидетельствуют находки в степном Зауралье памятников тюхтятской культуры, вероятно, послужили причиной оттока какой-то южной группировки кушнаренковско-караякуповских племен с территории Южного Урала и Приуралья. Не имея сил сопротивляться военному нажиму с востока и когда были перекрыты пути летних кочевков в Приаралье, они, в обход южных границ Волжской Булгарии, через западные районы современного Оренбуржья, Самарской и Саратовской областей, двинулись за Волгу в степи Юго-Восточной Европы. Северо-западная группа кушнаренковско-караякуповского населения, оставшаяся на местах своего прежнего обитания, вошла в состав государства Волжской Булгарии и была ассимилирована, а собственно южноуральская – продолжала жить на территории современного Башкортостана и после IX в. Именно этой группе, как считает Н.А.Мажитов, принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса [Мажитов, 1977, с.183].

ГЛАВА 6

Восточная Европа в эпоху Хазарского каганата

Людмила Гмыря

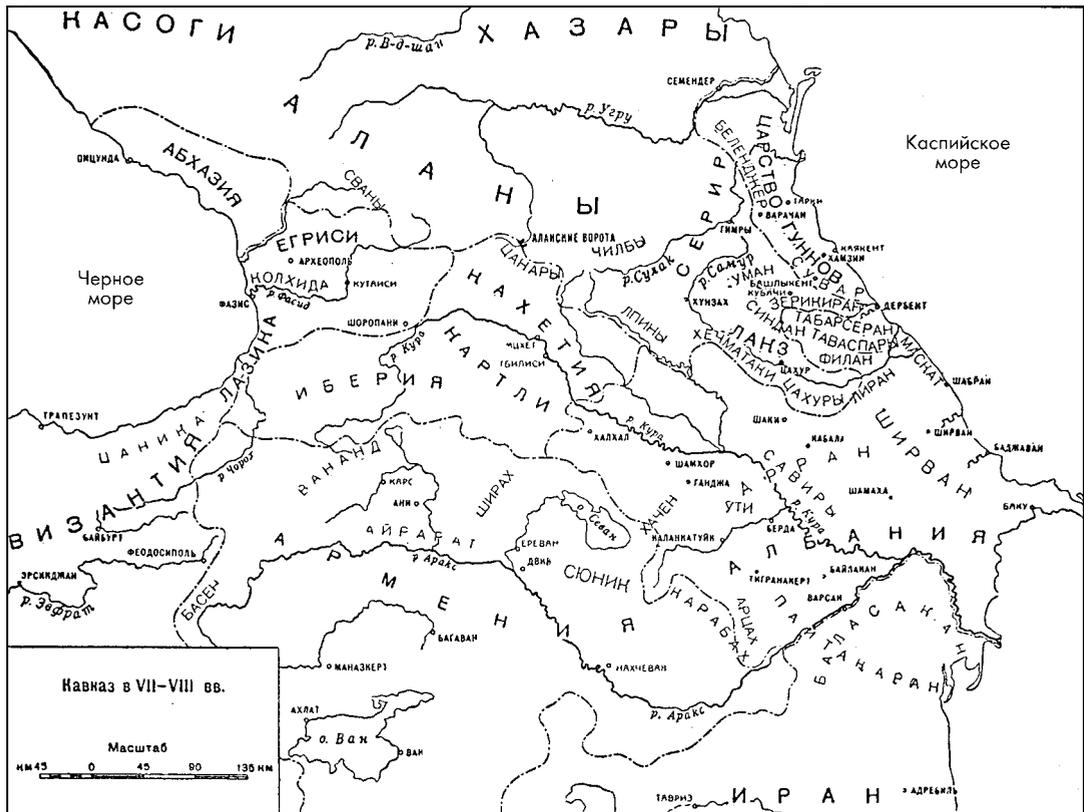
Хазары на Кавказе

Историческая память хазар вела отсчет своей истории со времени образования Хазарского царства (сер. VII в.).

Исследователи, объясняя происхождение хазар, чаще всего ссылаются на генеалогическую легенду о хазарах и двух других родственных им племенах, первоначально помещенную в «Церковную историю» Иоанна Эфесского (ум. ок. 586 г.), но дошедшую до нас в хрониках поздних авторов — Михаила Сирийского (XII в.) и Бар-Гебрея (XIII в.). Содержание легенды таково: в правление византийского императора Маврикия (582–602) из района внутренней Скифии, со стороны Имеонских гор вышли три брата с 30 тыс. скифов. Пройдя путь в 65 дней (шли зимой, дабы облегчить переход через реки), достигли реки Танаиса, которая вытекает из Меотийского озера и вливается в Понтийское море. Один из братьев, Булгар, взяв 10 тыс. человек, перешел Танаис, дошел до Дуная и обратился к императору Маврикию с просьбой дать ему землю для жительства в пределах Византийской империи. Их поселили на границе для защиты от нападения аваров. Римляне назвали этих скифов *булгарами*. Два других брата, одного из которых звали Хазарик, пришли в страну алан, называемую «Берсилия», в которой римлянами были построены «города Каспия», называвшиеся «Вратами Турае». Со времени господства Хазарика в Берсии ее население стали называть *хазарами* [Артамонов, 1962, с.128]. Где точно находилась Берсилия неизвестно, но топоним «Врата Турае» исследователи од-

нозначно связывают с Дербентским проходом на Каспийском побережье, определяя его как «Ворота тюрок» или «Ворота ворот». Население Берсии до прихода туда хазар в источнике названо «пугуры». Связать их с известными племенами трудно, т.к., возможно, написание термина искажено переписчиками. Предположительно, это одно из колен болгар. Исходя из сопоставления топонима Турае с Дербентом, исследователи помещают страну Берсию вблизи него на территории современного Северного Дагестана.

О стране Берсия упоминается и в других источниках, но ее локализация в них также неотчетлива. У Феофана Исповедника, в разделе, датированном 679/680 г., воспроизведена легенда о древней истории болгар, в которой упоминаются также «народ хазар» и Берсия. После распада древней Великой Булгарии, располагавшейся на черноморском побережье Западного Кавказа, болгарские племена разделились: «...после того как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленными, из глубин Берсии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону (на европейском побережье Черного моря) вплоть до Понтийского моря. (Этот народ), сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [Феофан Исповедник, с.61]. Другой византийский хронограф второй половины VIII — начала IX в. патриарх Никифор не отождествляет Берси-

Хазары на Кавказе [Артамонов, 1962, с.200]

лию и Сарматю: «И так как этот народ (булгары) разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря» [Никифор, с.162]. Считается, что оба автора заимствовали этот сюжет из общего неизвестного источника конца VII – VIII в. [Чичуров, с.146–147]. Под «сарматами» византийскими авторами, видимо, подразумевались аланы Северного Кавказа. Берзилия (Верилия) связывается с обозначением гуннского племени VI в. – барсилами (комментарий И.С.Чичурова по Берзилии и библиографию по этому вопросу см.: [Чичуров, с.117, прим. 280, с.177–178, прим. 82]).

В арабской исторической литературе Берзилия упоминается в форме *Баршалия*. По данным ал-Балазури (ум. в 892 г.), в Баршалии состоялась встреча персидско-

го царя Хосроя Ануширвана (VI в.) с «царем турок». Арабская традиция связывает с деятельностью Хосроя Ануширвана строительство укреплений в районе Каспийских ворот (Дербента). Задумав постройку крепостной стены, которая перегородила бы дербентский проход от моря до гор, «...Ануширван отправил царю турок письмо, в котором предлагал ему дружбу, заключение мира и установление взаимного согласия. Чтобы расположить его к себе, он просил себе в жены его дочь и выказал желание быть его зятем (или породниться с ним), и послал ему одну из своих рабынь, которую одна из его жен удочерила, выдав ее при этом за свою собственную дочь. И подарил турок Ануширвану свою дочь, а затем сам прибыл к нему. И встретились они в Баршалии (или Баршиле), где пировали несколько дней, подружились между собой и оказывали друг другу внимание». И далее после серии запланированных провокаций против «турок» персидский шах, — как пи-

шет ал-Балазури, — обратился к «царю турок» с таким предложением: «Брат мой, наши войска невзлюбили (заключенный между нами) мир, т.к. (благодаря ему) они лишились доходов от постоянных набегов и войн, которые происходили раньше между нами, и я боюсь, как бы они не наделали чего-нибудь такого, что могло бы расстроить наши сердца и вызвать между нами вражду, после того, как уже мы искренно помирились, прониклись взаимным доверием друг к другу и породнились между собой. (Было бы хорошо), я думаю, если бы ты разрешил мне построить стену между тобой и мной и устроить в ней ворота, дабы никто не мог переходить от нас к тебе и от тебя к нам, кроме того, кого я и ты пожелаем впустить. (Турок) охотно согласился на это, а затем вернулся в свою страну. Ануширван же остался, чтобы построить стену. И построил ее... окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа ее железные ворота, поручив охрану их ста всадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось пятьдесят тысяч солдат... После этого хакану сказали: Тебя Ануширван обманул, выдав за тебя замуж не свою дочь и укрепившись против тебя, но хакан ничего не мог придумать против этого» [Ал-Балазури, с.6–7]. Местоположение Баршалии в источнике четко не определено. Однако косвенные данные источника позволяют прийти к определенным заключениям. Дербент при Хосрове Ануширване выступает северным пограничным пунктом персов, отделяющим владения Сасанидского Ирана и «турок». Встреча между правителями произошла, по всей видимости, в пределах владений иранского царя, т.к. в источнике отмечается, что «царь турок», согласившись на заключение мира «сам прибыл к нему», а по окончании встречи «вернулся в свою страну». Дербентские укрепления Ануширваном названы стеной «между тобой и мной». Возможно, Баршалия арабских авторов находилась в Прикаспии, южнее Дербента.

Ал-Балазури связывает строительство сасанидами нескольких оборонительных линий в Прикаспии к югу от Дербентского прохода еще во времена царя Кавада с угрозой набегов хазар. Ануширван вел пере-

говоры о мире в Баршалии с «царем турок», надо понимать «царем хазар». Однако в 60—70-е гг. VI в. прикаспийские территории до Дербента попали под власть тюрков Западнотюркского каганата, которые противостояли здесь Ирану, будучи союзниками Византии. Но первое появление тюрков в районе Дербентского прохода относится ко времени, когда сырцовая оборонительная стена, перегораживавшая проход, уже была построена.

Начало борьбы Ирана на Северном Кавказе с хазарами почти во всех арабоязычных исторических и географических сочинениях, ранние из которых появились в первой половине IX в., отнесено ко времени правления персидского царя Кавада I. Строительная деятельность в Прикаспии Сасанидского Ирана, связываемая с Кавадом и его сыном Хосроем Ануширваном, также объясняется как направленная на противодействие племенам, обитавшим в районе Дербентского прохода и к северу от него. Арабский энциклопедист ал-Масуди (род. в нач. X в. — 956 г.), труды которого считаются самым содержательным историческим источником среди арабских географов, приводит перечень племен, «прилегающих к горам Кабх» (Кавказу), для защиты от нападения которых были возведены Дербентские укрепления: «...гора Кабх — великая гора, занимающая огромную площадь. Она вмещает много царств и народов. На ней живут 72 народа, каждый из которых имеет своего царя и язык, отличный от других. Эта гора имеет много отрогов и долин. Город ал-Баб ал-Абваб («город [главного] прохода и [других] проходов») стоит на одном из отрогов, и построил его Кисра Ануширван между горой и Хазарским морем. Он воздвиг ту (известную) стену из самого моря, в которое она вдается на одну милю; затем она тянется вдоль горы Кабх... все это для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству с этой горой, а именно от хазар, аланов, различных тюрков, сарирцев и других неверных» [ал-Масуди, с. 189–190].

Исходя из арабских источников, Сасанидскому Ирану на Восточном Кавказе в период с 80-х гг. V в. по 80-е гг. VI в. противостояли хазары. Однако главной воен-

но-политической силой в этом регионе в V в. были гунно-булгарские племена, а с первых десятилетий VI в. — гунно-савирские племена, достоверные сведения о которых приведены византийскими, сирийскими, армянскими и албанскими авторами.

Исследователи объясняют имеющиеся противоречия в данных арабоязычных, византийских и других источниках по-разному. К примеру, М.И.Артамонов объяснял это вхождением савир и хазар в одно военно-политическое объединение середины VI в. во главе с савирами, а также их одинаковой этнической принадлежностью [Артамонов, 1962, с.127]. А.П.Новосельцев, объясняя запутанность и неопределенность этнической терминологии в сочинениях раннесредневекового времени, отмечал: «...в упорном наименовании армянскими источниками северокавказских кочевников гуннами или арабскими источниками хазар в VIII в. тюрками надо видеть не только дань исторической традиции, но и осознание того факта, что жившие прежде на Северном Кавказе гунны или тюрки не исчезли, а слились с теми же хазарами и потому могли с ними отождествляться» [Новосельцев, 1990, с.84]. При оценке источников имеет место также субъективный фактор. Придавая большую значимость арабоязычной литературе IX—XIII вв. по событиям на Кавказе в VI—VIII вв., притушевывается роль армянских, византийских и сирийских авторов VI—VIII вв. [Новосельцев, 1990, с.8—33].

Несмотря на обилие источников, ранняя история хазар (VI—VII вв.) неясна и практически неотделима от истории других кочевых племен, наводнивших степи Северного Кавказа в период с IV по VII вв. Более или менее четко устанавливается их этническая близость к булгарам. Язык хазар по отрывочным данным идентифицируется как тюркский. Но надо учесть следующее. Арабский географ середины X в. ал-Истахри, описывая быт хазар X в., отмечал, что «язык хазар не сходен с языком тюрков и персов, и вообще он не похож на язык ни одного из народов (нам известных)» [Ал-Истахри, с.45]. Его младший современник географ Ибн Хаукаль, характеризуя язык

хазар, повторил в основном данные ал-Истахри, но внес некоторые дополнения: «Язык чистых хазар не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов» [Ибн Хаукаль, с.113]. Ибн Хаукаль привел и другие заключения о языке хазар, отметив, что их язык идентичен языку болгар, а язык буртасов иной, язык же русов не похож на языки хазар и буртасов [Новосельцев, 1990, с.78—79].

Хазарский язык, как теперь доказано лингвистами, относился к обособленной группе тюркских языков, и отличался от других тюркских (огузского, кимакского, кипчакского), распространенных в IX—X вв., когда с ними могли знакомиться арабоязычные историки и географы. Махмуд Кашгарский, составивший «Словарь тюркских языков», включил хазарский в группу тюркских языков. Но в XI в. хазарский язык уже вытеснялся другими тюркскими языками, принадлежавшими господствовавшим в степи племенам кипчаков. В словаре Махмуда Кашгарского используются слова болгарского языка, а принимая свидетельство Ибн Хаукаля о родстве языков хазар и болгар, язык хазар также считают тюркским.

Касаясь этнонима *хазар*, ал-Масуди указывал, что по-тюркски их зовут *сабир*, по персидски — *хазаран*, они из тюрков и по-арабски имя их произносится как *ал-хазар* [Новосельцев, 1990, с.79]. Писавший в то же время ал-Истахри отмечал, что «хазары не похожи на тюрков; они черноволосы и их два класса: одни называются «кара-хазары»; они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс — белый, видный по красоте и наружным качествам» [Ал-Истахри, с.49]. Это описание повторено многими арабоязычными продолжателями ал-Истахри.

Объяснение противоречиям в данных письменных источниках, касающихся облика хазар и их языка, исследователи видят в сложной этнической истории хазар. А.П.Новосельцев отводил важную роль в этногенезе хазар горскому племени сабиров [Новосельцев, 1990, с.81—82], фиксируемому письменными источниками на Се-

веро-Восточном Кавказе с 516—517 по 624 гг.

Действительно, хазары возвысились в Каспийско-Азовском регионе в результате длительных войн с обитавшими там племенами. На этот факт указывал в X в. царь Хазарского каганата Иосиф: «прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань...» [Иосиф, с.92]. «В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-н-тры... они оставили свою страну и бежали, а те (хазары) преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна» [Там же]. В-н-н-тры однозначно идентифицируются с болгарями, а их страна с Великой Болгарией, вынужденной уступить господство в регионе хазарам. Скорее всего в этот период (70-е г. VII в.) хазары обитали восточнее царства болгар, которое надежно локализуется источниками в причерноморской части Западного Предкавказья.

В 40—50-х гг. VII в. началась первый этап продвижения арабов в Восточное Предкавказье. Считается, что основной силой, с которой они столкнулись в середине VII в. в этом регионе, были хазары. Это заключение основано на данных арабоязычных авторов. Наиболее ранние исторические труды о завоеваниях арабов были написаны через более чем 200 лет после их начала (первая половина IX в.). Описание военных кампаний в арабских «Книгах походов» или «Книгах завоеваний стран» и позднее в «Историях» основаны на рассказах информаторов, живших в то же время, что и авторы трудов. Ими были, как правило, потомки воинов и полководцев, участвовавших в завоеваниях VII—VIII вв., передававших информацию, хранившуюся в семьях в виде преданий.

В 658 г. Западнотюркский каганат окончательно распался. Считается, что хазары, воспользовавшись смутой в каганате, отложились от него, создав самостоятельное государство, но данных об этом в источниках не сохранилось. В этот период шло формирование территории и политической структуры Хазарского государства, правители которого стали известны как каганы. Вопрос о начале династии хазарских каганов пока темен. Из персоязычного анонимного источника конца X в. известно, что хазарские

правители «тархан-хаканы» происходят из потомков Анса [Худуд ал-Алам, с.31] — тюркского рода Ашина. «Тот факт, что владельцы Хазарии с самого начала именовались каганами, свидетельствует, что основателем их династии был каган» [Артамонов, 1962, с.171]. Предположительно, им мог быть потомок свергнутого в 651 г. кагана племенного союза нушиби Иби Шегуйя, нашедшего убежище у союзных тюркам хазар. Возможно также, что хазары после распада Западнотюркского каганата восприняли структуру организации его политической власти. Формирование Хазарского каганата, т.е. обширного объединения племен, началось с войны с Великой Болгарией, правители которой поддерживали в междоусобной борьбе тюрков враждебные нушиби племена дулу. К 70-м гг. VII в. власть хазар распространилась на степи Северного Причерноморья и большую часть Крыма [Артамонов, 1962, с.174]. Походы арабов во владения Хазарии в 40—50-е гг. VII в. в исторической памяти хазар не отложились, царь Иосиф среди ранних врагов Хазарии арабов не называет. Считается, что прикаспийские гунны (гунны-савиры) и их политическое образование (страна гуннов) вошли в состав Хазарского государства как союзники хазар. Источники отмечают это точно 80-ми гг. VII в. в титулатуре правителя страны гуннов и его номинальной зависимости от хазарского кагана (Мовзес Каганкатвацци). Но находилась ли страна гуннов Прикаспия в такой зависимости от кагана хазар в период первого этапа арабского продвижения в Восточное Предкавказье в 40—50-е гг., источники умалчивают.

Хотя страна гуннов периода тюркских военных операций в Закавказье 626—629 гг. в источниках не упоминается, но у армянских историков VII в. имеется много данных географического и политического характера, связанных с этим политическим образованием. Писавший в 50—60-е гг. VII в. епископ Себеос не употребляет названия мест обитания гуннов, но обозначает район их пребывания в Прикаспии как «страна при подошве гор», отмечая также, что гунны живут «при гористой стране Кавказа» [Себеос, с.30—31,164]. Он привязывает их нахождение к Дербентскому проходу,

обозначая его то как «ущелье Джора», то как «врата гуннские», то как «Каспийские ворота» [Себеос, с.164]. Гунны Себеоса – это «народ, живший у Каспийских ворот». В «Армянской географии», автором которой считается математик и астроном VII в. Анания Ширакаци [Новосельцев, 1990, с.43], владения гуннов также помещены у Каспийского моря, севернее Дербента. В этом сочинении подвластные гуннам территории именуется «царством гуннов». Описывая народы Северо-Восточного Кавказа, автор отмечал, что «к северу от этого хребта живет народ маскутов, на поле Варданиан у Каспийского моря. В этом месте хребет подходит к морю, где находится стена Дербенда... К северу (от Дербенда) близ моря находится царство Гуннов, на запад у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер). К востоку живут Савиры до реки Талта (Атель), отделяющей азиатскую сарматию от Скифии. Царь их называется хаган, а царица, жена хагана, хатун» [Анания Ширакаци, с.30]. Хазары и бушхи названы в этом источнике как народы «приходящие на зимние пастбища и располагающихся на востоке и западе реки» (р. Атель) [Анания Ширакаци, с.29].

Мовзес Каганкатваци, описавший важные события VII в. из жизни страны гуннов, выделяя ее среди сопредельных политических образований, называет только один географический ориентир – «ворота Чора» (Дербент), через которые гунны проникали в Закавказье, обычно именуя его «воротами гуннов». Он называет также некоторые города этой страны, в том числе и ее столицу г. Варачан, описывает один из горных маршрутов к нему из Партава через Дербент. Страна гуннов по армянским источникам находилась в непосредственной близости от северных границ Кавказской Албании. Мнение большинства современных исследователей о локализации страны гуннов – это прикаспийские районы Северо-Восточного Кавказа (М.И.Артамонов, В.В.Бартольд, Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилев, С.Г.Кляшторный, В.А.Кузнецов, Я.А.Федоров, Л.Б.Гмыря).

К 60-м гг. VII в. страна гуннов Прикаспия знает власть одного вождя – «высоко-

престольного князя Алп Илитвера» [Мовзес Каганкатваци, II, с.127]. По своему званию правитель страны гуннов Алп Илитвер занимал третью ступень в иерархии каганата после кагана и его наследника [Кляшторный, 1984, с.21]. Власть правителя гуннов распространялась на все области внутренней и внешней жизни страны [Гмыря, 1995, с.168–170]. Он начинал войну и зачастую сам предводительствовал войсками, вел переговоры с правителями других государств и заключал с ними союзы. Решал такие важные вопросы, как выбор или смена религии. В его руках находились полномочия верховного суда и карающие функции. По его повелению некоторых представителей языческого духовенства – противников христианизации сожгли на кострах, устроенных на перекрестках улиц г. Варачана, других заточили в темницы, где они находились до суда над ними. Суд над представителями высшего духовенства страны гуннов, отказавшихся принять христианство и призывавших народ к сопротивлению, проходил на площади столичного города Варачана при «многочисленном собрании народа». Интересны детали ведения судебного процесса – обеим сторонам (обвиняемым и осуждавшим их) дали возможность высказаться [Мовзес Каганкатваци, II, с.131]. В особо важных вопросах правитель страны гуннов искал согласия у родовой аристократии и вождей племен.

В VII в. в стране гуннов существовал выделенный класс аристократии, родовой и служилой. Среди ближайшего окружения Алп Илитвера Мовзес Каганкатваци называет *князей* и *тарханов*. Тарханы являлись военным сословием, состоящим из знатных людей [Гадло, 1979, с.148; Новосельцев, 1990, с.118–119]. Князья занимали в сравнении с тарханами более высокое положение, они являлись главами племен [Новосельцев, 1990, с. 118]. Родовая и служилая знать часто выполняла важные внешнеполитические поручения великого князя, являясь его посланниками. В некоторых ситуациях, не носящих официального характера, Алп Илитвер использовал для дипломатических миссий ближайших родственников, к примеру, братьев.

Участие в военных походах было основной обязанностью мужского населения страны гуннов. Войско состояло из «...вооруженных в броню ратников с их воеводами, знаменами, полками, броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами...» [Мовзес Каганкатваци, I, с.185]. Армия находилась в подчинении великого князя, которого Мовзес Каганкатваци называет полководцем, прославившимся «...силой, богатством и храбростью в войнах... показал много подвигов храбрости в Туркестане...» [Мовзес Каганкатваци, I, с.199]. Вооружение войска страны гуннов включало защитные доспехи, дистанционное оружие, оружие ближнего боя, а также осадную технику. Оружие ближнего боя гуннского воина было нескольких типов. Гунны использовали мечи, копья, арканы. Основным типом дистанционного оружия был лук. Для штурма укреплений применялись легкие, обтянутые кожей тараны, для отражения штурмующих крепости в стране гуннов использовались камнеметательные машины. Уровень вооружения и тактические приемы ведения сражений отвечали современным требованиям военного искусства, создавая славу воинам страны гуннов как отличным воителям [Гмыря, 1995, с.174–186].

Период наибольшей активности страны гуннов в Прикаспии ознаменовался началом продвижения арабов в Восточное Предкавказье. Захватив Грузию, Кавказскую Албанию, Маскат и Шабиран, арабские войска в 22 г.х. (642/643 г.) подошли к Дербенту. Персидский правитель города Шахрбараз сдал город без боя, оговорив особые условия подчинения арабам. Ему и некоторым областям Закавказья была предоставлена охранная грамота, по которой начальник над проходами ал-Баба (официальная должность в войске арабов, введенная халифом) «...предоставляет им безопасность их жизни, имущества, религиозной общины, если они не будут совершать вредных поступков и не выступят (против). Что касается жителей Армении и ал-Абваба — пришлых издалека и оседлых, и тех, кто вокруг них, то он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель сочтет

благим. Кто согласен на это, тот освобождается от (всех) повинностей, кроме призыва в войско, а призыв в войско — это замена их от повинностей...» [Ат-Табари, с.73]. Дальнейшая операция после утверждения арабов в Дербенте в арабских источниках именуется «поход против тюрок» (ат-Табари) или «поход на Баланджар» (ат-Табари; Ибн ал-Асир). Подробностей о взятии арабами в 642/643 г. Баланджара в источниках нет, однако, известно, что эта акция была успешной, а конница арабов «...дошла до города ал-Байда, что в двухстах фарсах (20 дневных переходов) на севере от Баланджара» [Ат-Табари, с.74; Ибн ал-Асир, с.14].

Вероятно, покорение Баланджара было не окончательным, т.к. до 32 г.х. (652/653 г.) военные акции против него повторялись неоднократно [Ат-Табари, с.74]. Очередной поход на Баланджар, предпринятый в правление халифа Усмана (644–656), по данным ат-Табари и Ибн ал-Асира (1160–1234) в 32 г.х. (652/653 г.), закончился поражением для арабов. Город находился на возвышении и «никто не мог подойти к Баланджару, не будучи замеченным или убитым» [Ат-Табари, с.75]. Возможно, он имел крепость, т.к. источники упоминают «башню» Баланджара и использование осаждавшими тяжелых и легких метательных машин. Горожане применяли камнеметные машины. Судьба Баланджара решилась в открытом сражении вне города, в котором, по данным ат-Табари, участвовали жители Баланджара и пришедшие к ним на помощь «тюрки» [Ат-Табари, с.76]. Ибн ал-Асир также отмечает, что «тюрки объединились с хазарами» [Ибн ал-Асир, с.20]. По данным ал-Куфи (ум. в 926 г.), арабам пришлось столкнуться с 300-тысячным войском «хазар» [Ал-Куфи, с.9]. Под Баланджаром они потеряли 4 тыс. воинов [Ал-Балазури, с.14], был убит также знаменитый арабский полководец, предводительствовавший войсками под Баланджаром. По одним источникам, это был Абд ар-Рахман ибн Рабиа, по другим — его брат Салман. В исследованиях чаще всего называется имя второго из братьев. Но арабоязычные историки путали имена двух полководцев, которые часто выступали в военных акциях

на Восточном Кавказе совместно [Новосельцев, 1990, с.174]. По сведениям Ибн ал-Асира, под Баланджаром был убит «Абд ар-Рахман, носивший прозвище Зу-н-Нун (светлый), название его меча» [Ибн ал-Асир, с.20]. Остатки войска арабов, разделившись, бежали. Одной части во главе с Салманом б. Рабиа без потерь удалось выйти по Прикаспийскому пути к Дербенту, остальные при отступлении «взяли дорогу хазар и их страны» [Ат-Табари, с.76] и через горные перевалы, видимо, с большими потерями вышли к южному побережью Каспия. Могилы погибших арабов почитались в мусульманском мире как «могилы мучеников» (ал-Куфи), по другой версии чтится только могила погибшего полководца, прославившегося своей щедростью при жизни (ал-Балазури). Но наиболее распространенной в арабской литературе является другая версия. О ней сообщают Ибн Кутейба (IX в.), ат-Табари и другие авторы: «Народ (тюрки) взял тело Абд ар-Рахмана, положили его в гроб (корзину). Он оставался среди них, и они по сей день испрашивают дождь при помощи (этого тела)...» [Ат-Табари, с.76]. Задействование в языческих обрядах «вызова дождя» мощей людей чем-либо отличившихся известно многим народам мира.

В арабской исторической литературе подробно описана тактика Арабского халифата в Закавказье и Восточном Предкавказье, применяемая ими на первом этапе продвижения в регион. В частности, ал-Куфи указывал, что некоторые из областей заключали с арабами мир на условиях выплаты контрибуции, в том числе так поступили «владыки гор» Лакза, Филана и Табаристана. Другие были завоеваны силой: «...И начал Салман б. Рабиа уничтожать тех, кто проявлял к его войску враждебность, и завоевывать все города и крепости, которые ему попадались в пути...» [Ал-Куфи, с.9].

В 50-е гг. в Арабском халифате начались смуты. В 656 г. был убит халиф Усман (Осман), в 661 г. та же участь постигла халифа Али. В результате победил Омейяд Муавия I (правил в 661–680 гг.), опиравшийся на сирийские войска. Внутренние смуты ослабили позиции арабов в Закавказье. Кавказская Албания в 651 г. заключила договор

о союзе с Византией. Князю Джуаншеру был пожалован императором сан владетеля Албании, границы которой простирались в этот период «...от пределов Иверии и до ворот гуннов, до реки Ерасх» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.99].

У Мовзеса Каганкатвацци имеется много данных об активизации в это время северных соседей Кавказской Албании. По его сведениям, в 662 г. на Кавказскую Албанию напали «хазирь», но были разбиты на левом берегу р. Куры. Через 2 года (664 г.) в Албанию «...в день зимнего равноденствия с многочисленной конницей выступил царь гуннов» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.102]. Имя царя гуннов в источнике не названо, но он обозначен также «царем туркестанским» и «царем Туркестана». Из дальнейшего повествования Мовзеса Каганкатвацци выясняется, что под таким наименованием был известен великий князь страны гуннов Алп Илитвер и, вероятно, страна гуннов в VII в. обозначалась также как *Туркестан* [Мовзес Каганкатвацци, II, с.100, 102, 127]. Что послужило причиной нападения на Албанию неясно, до этого времени отношения между странами были мирными. Мовзес Каганкатвацци отмечает, что «царь Туркестана», подтверждая мирные взаимоотношения, прислал князю Джуаншеру «...в дар отборных коней, слуг и слуганок, и кожу разных пресмыкающихся» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.100].

Гунны в этой военной акции захватили Алуанк, некоторые области Айрарата и страны Сюник, уведя в полон население и захватив скот, спустившийся на зиму в долины. Устроив свою ставку на левом берегу р. Куры, Алп Илитвер отправил к Джуаншеру посланников – двух своих братьев, с предложением о встрече для заключения мира. Переговоры двух правителей шли на противоположном берегу Куры, куда Алп Илитвер «приплыл на челне». Мир был заключен и на следующий день Джуаншер «...пришел в лагерь гуннов и взял себе в жены царскую дочь» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.103]. Гунны возвратили «...сто двадцать тысяч голов скота, семь тысяч лошадей и жеребцов и не меньше тысячи двухсот пленных» [Там же].

В конце 60-х гг. VII в. Албания перешла в подданство халифата. Новый халиф Муавия I стремился мирными средствами покорить Кавказскую Албанию, учитывая ее союзнические отношения с Византией и родственные с гуннами. Особенно арабов страшило, что Джуаншер «...держит в узде племена Туркестана и (по своему желанию) может или вывести, или удержать их в силу своего родства с ними...» [Мовзес Каганкатвацци, II, с.104]. Джуаншер добился от халифата снижения на одну треть подарков и был одарен халифом ценными подарками, в том числе он получил слона и редкую по тому времени птицу — попугая, а также дорогое оружие, ткани, одежду и 52 скаковые лошади.

В 669 г. правитель Албании был убит заговорщиками. На албанский престол был избран племянник (сын брата) Джуаншера Вараз-Трдат (правил в 669–699 гг.). Новый поход Алп Илитвера на Албанию в 669 г. связывается с акцией мести за убийство своего союзника и родственника. Судя по количеству и составу войска, которое включало «свое войско и прибывших из разных мест страны Говг доблестных людей», гунны тщательно приготовились к военной акции. Часть войск опустошала области «у подножия великих Кавказских гор», другая во главе с Алп Илитвером действовала в гаваре Ути. В ставку правителя страны гуннов, устроенной «у пределов Лпинка», Вараз-Трдатом был послан для переговоров епископат Елизар. Вараз-Трдат подтвердил прежний союз со страной гуннов и свою непричастность к убийству Джуаншера. Формально великий князь гуннов становился «защитником и подмогой власти» правителя Албании, но вплоть до 682 г. набеги гуннов в Закавказье повторялись из года в год.

В 682 г. Албания вынуждена была закрепить свой союз со страной гуннов (Туркестаном) новым соглашением о мире, одним из условий которого было укрепление родственных связей между правителями, а также принятие гуннами христианства. Для достижения последнего условия в страну гуннов в 682 г. было направлено посольство албанцев во главе с епископом гавара Мец Колмак Израэлем. Путешествие албанской

миссии из столицы Албании г. Партава в столицу страны гуннов г. Варачан было долгим и трудным. Маршрут миссии был следующим: г. Пероз-Кават (г. Партав) — р. Кура — «город лпинов» — «страна чилбов у склона великой горы» — «гора Вардедрук» (Шалбуздаг) — «древняя царская резиденция...», где был удостоен венца мученика католикос Алуанка святой Григорис» (страна маскутов) — «ворота Чора, вблизи Дербента» — г. Варачан. Зимний переход по этому пути занял 51 день.

В столице страны гуннов г. Варачане албанское посольство пробыло примерно полтора месяца. Подробное повествование о событиях этого времени, основанное на дневниковых записях или официальном отчете о поездке к гуннам епископа Исраэля, дополненное данными о языческих верованиях населения страны гуннов, а также архивными материалами из государственных хранилищ Кавказской Албании и Армении (дипломатическая переписка Алп Илитвера со светскими и духовными правителями этих государств), помещено в историческом труде Мовзеса Каганкатвацци, являясь уникальным источником по языческим верованиям и реформе религии (принятие христианства) [Мовзес Каганкатвацци, II, с.123–134; Артамонов, 1962, с.187–189; Кляшторный, 1984, с.20–22; 1994, с.85–87; Гмыря, 1995, с.217–243, 248–253].

В период религиозной реформы в стране гуннов была уничтожена одна из главных святынь — священная дубовая роща. Из ствола самого высокого священного дерева мастера изготовили высокохудожественной работы крест, который установили вблизи дворца великого князя Алп Илитвера. В день Пасхи состоялось освещение «новоизготовленного» креста и принятие христианства последними защитниками «отечественных верований» — главными служителями язычества. В этот день была сожжена языческая святыня гуннов — княжеский мемориальный комплекс и святилище, посвященные гуннским божествам. Христианство, по замыслу Алп Илитвера, должно было включить страну гуннов в круг великих христианских государств, таких, как Византия, Армения, Иберия, Кавказская Албания. Оно должно было возвысить

власть и усилить могущество великого князя гуннов, а также закрепить процессы социального расслоения в обществе, затронувшие как феодализирующую знать, так и народные массы. Возможно также, что правитель страны гуннов пытался таким образом освободиться от зависимости от Хазарского каганата, которая для этого времени подтверждается источниками.

В 684 г. хазары совершают один из самых значительных походов в Закавказье. В сражениях с хазарами, как рассказывает армянский историк конца VIII в. Гевонд, погибли правитель Армении Григорий Мамиконян, многие албанские и грузинские князья [Гевонд, с.10]. Опустошив ряд областей, захватив добычу и пленных, хазары возвратились в район Прикаспия. Неизвестно, принимали ли участие в этом походе войска Алп Илитвера. Принято считать, что религиозная реформа в стране гуннов вызвала недовольство хазарского кагана, что и послужило поводом для разгрома Закавказья. Ссылаются также (например, А.П.Новосельцев) на установление родственных связей между правителями Хазарии и страны гуннов (в одном переводе труда Мовзеса Каганкатваци Алп Илитвер «принужден был дать ему [хакану] свою дочь в супружество», в другом «тот [хакан] выдал за него свою дочь»). Однако брачные связи кагана хазар с правящими домами подвластных ему стран осуществлялись по установившейся традиции или в политических целях. Поход хазар в Закавказье в 684 г. был скорее всего актом, демонстрирующим Арабскому халифату право Хазарии на Закавказье.

В период с 680 по 685 гг. в халифате вновь разыгрались междоусобия, одна за другой сменилась власть халифов Йазиды I, Муавия II, Марвана I. Армения, Картли и Албания перестали платить дань халифату. В 685 г. халиф Абд ал-Малик (правил в 685–705 гг.) заключил мирный договор с Византией, по которому устанавливалось совместное владение Арменией и Иберией. В 688 г. византийский император Юстиниан II (правил в 685–695 гг.) занял своими войсками Армению, Картли и Албанию. Но вскоре в Византии началась гражданская война и арабам удалось восстановить

свое господство в Закавказье. В 692/693 г. арабский правитель Армении предпринял вторжение в Албанию и занял Дербентский проход, но удержать его не смог [Мовзес Каганкатваци, I, с.259; Гевонд, с.12]. Какие силы противостояли арабам в Дербенте, данных в источниках нет.

При халифе Валиде I (правил в 705–715 гг.) начался второй этап завоевания арабами Восточного Предкавказья, возобновившийся более чем через 50 лет после первого. За это время арабы потеряли захваченные ими области в Закавказье, в Восточном Предкавказье укрепилось политическое образование страны гуннов, владевшее важным стратегическим объектом на Кавказе – Дербентом. Укрепился и возвысился Хазарский каганат, имевший союзнические и родственные отношения со страной гуннов. Арабская экспансия первой трети VIII в. явилась трагическим периодом в истории народов Прикаспийского Дагестана. Основной удар мощи арабских войск приняли на себя народы страны гуннов. Территория Прикаспия в течение 30 лет подвергалась почти непрерывному разорению, гибли экономические центры, разрушалось хозяйство, уничтожалось население, уводились в рабство женщины и дети, вывозились ценности. Страна гуннов в борьбе с арабами выступает как союзница Хазарии, как одна из основных сил в Прикаспии, способная противостоять натиску Арабского халифата. Источники свидетельствуют, что сопротивление народов страны гуннов и многих горных владений арабскому наступлению было упорным и настойчивым. Война шла с переменным успехом. Арабам приходилось неоднократно покорять одни и те же области и города Дагестана. И как только власть арабов в регионе ослабевала, покинутые населением разоренные земли вновь заселялись. Покорение Арабским халифатом прикаспийских территорий продолжалось в течение 31 года. За это время было предпринято 13 крупных военных акций, нашедших отражение в византийских, армянских и арабских исторических трудах. Основная часть военных операций арабов велась на территории страны гуннов. Из источников известно только 3 крупномасштабные от-

ветные акции хазар, проведенные ими вместе с союзными войсками в Закавказье.

Более 25 лет действий арабов в Восточном Предкавказье особых успехов не имели, несмотря на ряд удачно осуществленных военных операций. За время войны с хазарами в Арабском Халифате сменилось пять омейядских халифов — Валид I, Сулейман (правил в 715–717 гг.), Умар б. Абд ал-Азид (правил в 717–720 гг.), Йазид (правил в 720–724 гг.) и Хишам (правил в 724–743 гг.). В течение этого времени халифы семь раз меняли общее руководство операциями в Закавказье, причем одни и те же полководцы отстранялись и назначались вновь. Так, Маслама б. Абд ал-Малик трижды назначался правителем Закавказских областей и трижды отстранялся от этой должности. Ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаками дважды руководил операциями против хазар и один раз отстранялся, пока не погиб. Марван б. Мухаммед б. Марван также возглавлял общее руководство дважды и один раз отстранялся. В целом Маслама совершил пять походов в Прикаспийские области, Джаррах — два, Марван — три. Только Марвану, принципиально перестроившему стратегию военных операций в Восточном Предкавказье (одновременное наступление с двух флангов — со стороны Дербента и Алании), удалось в течение четырех лет разгромить экономические центры страны гуннов, обезлюдить регион, добиться от Хазарии признания своих интересов в Закавказье. К тому же Марван покорил основные политические центры горного Дагестана, являвшиеся, видимо, для страны гуннов и Хазарии союзниками.

В письменных источниках нашли отражение несколько десятков военных акций арабов против хазар, состоявшихся в 88, 91, 104–111, 113, 114, 117 и 119 гг.х. (соответственно 706/707, 709/710, 722/723–729/730, 731/732, 732/733, 735/736 и 737/738 гг.).

В 88 г.х. Маслама б. Абд ал-Малик был переброшен с византийского фронта военных действий на Кавказ для нанесения удара по хазарам. По данным ал-Куфи, в Дербенте в это время находилось 80 тыс. хазар. В город арабские войска смогли проникнуть лишь при содействии местного жителя, указавшего уязвимое место в его

оборонительной системе. После ожесточенного ночного сражения хазары, открыв ворота, бежали, оставив своих жен и детей. Маслама, разрушив одну из длинных стен города, захватив большие трофеи, вернулся в Закавказье [Ал-Куфи, с.14–15]. Ат-Табари и Ибн ал-Асир сообщают, что Маслама в этом походе завоевал «замки и города» [Ат-Табари, с.77; Ибн ал-Асир, с.22], но точной информации о них нет. После ухода арабских войск хазары вновь возвратились в Дербент.

В 104 г.х. объединенное войско хазар и других «тюркских племен», как сообщает Ибн ал-Асир, «...встретили мусульман в месте, известном под названием «Луг камней», и вступили с ними в жестокое сражение, в котором было убито много мусульман, причем хазары захватили лагерь и взяли все, что было в нем» [Ибн ал-Асир, с.23].

Мовзес Каганкатваци и Гевонд относят эту неудачную для арабов операцию к 98 г.х. (716/717 г.), приписывая ее руководство Масламе. По данным Мовзеса Каганкатваци, арабский полководец при спешном отступлении «...покинул весь своей лагерь со всем имуществом, оставив в арьергарде даже свой гарем» [Мовзес Каганкатваци, II, с.261]. Отступление арабов прикрывал албанский князь, что и спасло их от преследования хазар. Гевонд пишет, что арабские войска, пройдя «проход Чора», вторглись в «страну гуннов», расположившись «при гуннском городе Таргу» [Гевонд, с.28]. Гунны обратились за помощью к «царю хазарскому, хагану». Царь хазар медлил со сражением, ожидая подкрепления в лице Алп Тархана. В это время шли поединки арабских и хазарских воинов — «не полки с полками, а чрез бойцов». Видя превосходство в численности хазарских войск, арабский полководец тайно покинул свой лагерь: «...приказал войскам своим развести сильный огонь в лагере и, оставив там лагерную утварь, наложниц, слуг и другую челядь, сам направил свой путь к горе Кокасу, вырубил лес и таким образом пробив себе дорогу, едва избежал неприятеля, и с сокрушенным сердцем и стыдом возвратился в страну гуннов» [Там же]. Неудачами арабов можно объяснить отстранение

Масламы от управления Закавказьем, переданное в 104 г.х. (722/723 г.) ал-Джарраху.

Получив подкрепление из халифата, ал-Джаррах в 104 г.х., по лаконичному рассказу ат-Табари, «...совершил поход в землю тюрок, захватил Баланджар, разбил тюрок, утопил их и все их потомство в воде. Мусульмане захватили пленных столько, сколько хотели. Ал-Джаррах захватил крепость, прилегающую к Баланджару, и изгнал всех их жителей» [Ат-Табари, с.78]. Рассказ ал-Куфи изобилует подробностями об этой акции. Призвав на помощь «владык гор» Южного Дагестана, арабские войска предприняли скрытный ночной бросок от р. Рубас через Дербент, покинутый хазарами, и далее до р. ар-Ран, расположенной, как указано в источнике, в 6 фарсах (около 42 км) к северу от Дербента, где разыгралось сражение с хазарами. Несмотря на численное превосходство хазар (40 тыс. против 25 тыс. арабов) и жестокость разыгравшегося сражения, хазары были разбиты. Арабы преследовали хазар до крепости ал-Хасин, убив многих и захватив огромные трофеи [Ал-Куфи, с.17–18]. Осажденный арабами ал-Хасин запросил пощады. По заключенному перемирию ал-Хасин выплачивал арабам контрибуцию, а его жители переселялись в Хайзан. Далее шестидневной осаде подвергся г. Баруфа, получивший перемирие на условиях переселения жителей в с. Ганийя в волости Кабала (Закавказские провинции Арабского халифата). Последним актом операции этого года был штурм Баланджара. Укрепленной частью, вероятно, была только цитадель города, расположенная на возвышенном месте. Хазары применили при защите неукрепленной части города традиционный способ круговой обороны с использованием кочевнических повозок, связанных между собой. Ал-Куфи пишет, что «...хазары собрали более 300 повозок, которые они привязали одну к другой и расставили вокруг своей крепости подобно оборонительному кругу для того, чтобы воспрепятствовать с его помощью проникновению в крепость» [Ал-Куфи, с.19]. Оборона из повозок была весьма эффективной. Ибн ал-Асир указывает, что «повозки эти являлись самой сильной (по-

мехой) в борьбе мусульман с врагом» [Ибн ал-Асир, с.24]. И только отряд арабов-смертников из 30 воинов смог перерезать скреплявшие повозки веревки и разрушить оборонительную линию хазар, несмотря на сильнейший обстрел их стрелами со стен крепости. В разыгравшемся в окрестностях Баланджара ожесточенном сражении хазары вынуждены были отступить. После этого мусульмане «...силой захватили крепость со всем, что в ней находилось» [Ал-Куфи, с.19]. Добыча была огромной, каждому из 30 тыс. воинов досталось по «триста динаров» [Ибн ал-Асир, с.25]. Владелец Баланджара бежал с 50 воинами «до окрестностей Самандара». Купленные ал-Джаррахом за 30 тыс. дирхемов жена, дети и слуги владельца Баланджара были позднее возвращены ему на условиях быть «соглядателем для мусульман» и сообщать «все, что делают неверующие» [Там же]. Когда арабы вслед за Баланджаром покорили «территорию Вабандар» (Олубандар), насчитывающую 40 тыс. «тюркских домов», и намеревались идти на г. Самандар, владелец Баланджара проинформировал ал-Джарраха о мобилизованном хазарами огромном войске и о восстании «владык гор». Ал-Джаррах вывел свои войска из Прикаспия в Азербайджан по горным дорогам, а не по Прикаспийскому пути. Ибн ал-Асир пишет, что «жители этих стран, сговорившись между собой, отрезали мусульманам (обратный) путь» [Там же].

В 108 г.х., по данным Ибн ал-Асира, «тюрки» во главе с «сыном хакана, царя тюрок» вторглись в Азербайджан и осадили некоторые города. После нескольких столкновений с арабскими войсками многие из тюрок были убиты, остальные рассеялись [Ибн ал-Асир, с.25–26].

В 112 г.х. хазарские войска вторглись в Закавказье через Аланию. Накануне хазарами было собрано 300-тысячное войско: «Хакан, царь хазар, отправил посланцев во все страны безбожников, которые были с ним одной веры и племени, призывая их на войну с мусульманами. И все они дали на это согласие» [Ал-Куфи, с.21–22]. Войска, расположившись у Ардебиля, грабили в это время окрестные города и населенные пункты. Ал-Джаррах встретил хазар с «вои-

нами из Сирии», которые находились при нем, остальные отряды не успели полностью собраться. В сражении, «какого люди еще не видели» [Ибн ал-Асир, с.26], арабский полководец ал-Джаррах погиб, арабские войска были разгромлены [Ат-Табари, с.79; ал-Куфи, с.24; Ибн ал-Асир, с.26]. Феофан относит гибель ал-Джарраха к 728/729 г., полагая, что разгром войск ал-Джарраха осуществил сын кагана Хазарии: «В этом году сын кагана, владыки Хазарии, отправился походом на Мидию и Армению. Застав в Армении Гараха, стратега арабов, он убил его вместе с бывшим при нем войском. Разграбив страну армян и мидийцев, он повернул назад, нагнав великий страх на арабов» [Феофан Исповедник, с.67]. Армянский историк Вардапет Гевонд указывает, что т.к. каган умер, его мать Парсбит отправила походом на Армению полководца Тормача, который с собранным войском «...пошел через землю гуннов и через проход Джорский (Дербент), по земле Маскутов, и сделал набег на страну Пайтакаран (Байлакан). Он переправился чрез реку Аракс в Персию (Азербайджан)... Встретившись с войсками исмаильскими под предводительством Джары, (хазары) разбили их наголову...» [Гевонд, с.72]. Об участии в этой операции сына кагана пишет также ал-Куфи [Ал-Куфи, с.21–22]. Ибн ал-Асир указывает, что в момент гибели ал-Джарраха, сын кагана Барсбек держал осаду г. Варсана в Закавказье [Ибн ал-Асир, с.26].

После гибели ал-Джарраха халиф назначил правителем Армении Саида б. Амра ал-Хараша, войска которого через Армению и Албанию прошли в Азербайджан и направились к г. Варсан на помощь осажденным. Хазары, узнав о продвижении арабов, сняли осаду и ушли к Баджарвану. Тщательно подготовившись к сражению, арабы напали на лагерь хазар «...на исходе ночи». В бою из 10-тысячного войска хазар погибли многие [Ал-Куфи, с.30–31], у хазар, по сведениям Вардапета Гевонда, захватили даже знамя: «отняли у них знамя – медное изображение...» [Гевонд, с.72]. Барсбек с остатками войск бежал, арабы преследовали их, «пока не добрались вместе с бегущими до берегов их (моря)» [Ал-Куфи, с.36].

Последний поход Масламы б. Абд ал-Малика в «страну хакана» (113 г.х.) ат-Табари описывает как удачный: «Были завоеваны (многие) города и крепости, убито и взято в плен (много) народу. Многие тюрки сами сожгли себя. Масламе подчинились (даже) те, кто был за горами Баланджара. Был убит (также) сын хакана» [Ат-Табари, с.79]. Ибн ал-Асир указывает, что селения хазар сжег Маслама [Ибн ал-Асир, с.29]. Подробный рассказ об этой операции ал-Куфи содержит данные о том, что Маслама, подойдя к Дербенту, где находилось «1000 хазарских тарханов», не стал его штурмовать и препятствовать уходу хазар. По другой версии ал-Куфи, арабы отравили источник, питавший водоемы крепости, и только после этого хазары покинули его [Ал-Куфи, с.41,47]. Далее войска Масламы дошли до городов Баланджар, Вабандар и Самандар, покинутых жителями. Получив известия о вторжении арабов во владения Хазарии, каган «начал собирать войска со всех хазарских земель и скоро выступил во главе огромного полчища войск» [Ал-Куфи, с.41]. Маслама начал стремительное отступление: «... приказал своим войскам развести огонь, а потом, бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками без всего. И прошли они много «станций» (дневных переходов), делая по две «станции» вместо одной, пока не дошли, еле живы, до Баб-ал-абваба» [Ибн ал-Асир, с.29–30]. Ал-Куфи добавляет, что Маслама бросил свой лагерь ночью, после вечерней молитвы [Ал-Куфи, с.41].

В 114 г.х. Маслама, укрепив и перестроив крепостные сооружения Дербента и переселив сюда 24 тыс. поселенцев из Сирии на условиях платы «усилинного жалования» [Балазури, с.17], отбыл в Дамаск к халифу. После его отъезда хазары, как указывает ал-Куфи, «вернулись на свои земли, которые Маслама отобрал у них. Они возвратили и снова заселили их» [Ал-Куфи, с.47].

Наступление, предпринятое в 119 г.х., было организовано с двух флангов – войско во главе с Марваном прошло в Хазарию через Аланию, произведя там погромы, другое войско вторглось во внутренние районы Дагестана. Ибн ал-Асир пишет, что поход

в Аланию был организован для введения в заблуждение хазарского кагана, чтобы скрыть направление основного удара. Арабский полководец затеял с хазарами переговоры о мире, готовясь в это время к решительному походу на хазар. Затем, объявив войну кагану и отправив хазарского посланника по «дальному пути», Марван, как указывает Ибн ал-Асир, «по ближнему» вторгся в земли хазар, где «захватил много добычи и пленных и дошел до конца» [Ибн ал-Асир, с.31]. Затем войска Марвана вошли в центральную горную часть Дагестана – «страну владетеля престола», с царем которой арабы заключили перемирие на тяжелых условиях. Население должно было ежегодно доставлять в Дербент «полторы тысячи юношей, пятьсот черноволосых девиц и тысячу мудд пшеницы» [Там же]. Такие же условия были заключены и с другими покоренными арабами владениями Дагестана.

Тогда, под угрозой потери царства, хазарский каган принял условия перемирия арабов. Каган принял ислам и «вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников» [Ал-Куфи, с.52]. Марван сохранил кагану его власть, но вывез из Хазарии 40 тыс. пленных, которые были поселены у р. Самур (местность «нахр ас-Самур») и на землях, прилегающих к р. Кура.

Описывающие этот грандиозный поход Марвана арабские авторы ничего не говорят о судьбе прикаспийских народов, через земли которых прошли две арабские армии к столице хазар. Некоторые подробности о разгроме прикаспийской провинции Хазарии сообщают армянские авторы. Вардапет Гевонд, описывая поход Марвана 737 г., указывает, что вспомогательное войско арабов возглавлялось армянским князем Ашотом. Автор, не указывая название города, подвергнувшегося разгрому в стране гуннов, описывает страшные разрушения, учиненные арабами: «Мерван, сын Махмета, собрав сильное войско и взяв с собою князя Ашота и других вельмож с их дружинами, предпринял с ними поход в землю гуннов. Разбив городские войска, он овладел городом. По взятии города, когда жители увидели, что неприятель одолел их,

то многие из них стали бросать имущества свои в море, а другие и сами бросались в море и погибали в безднах его» [Гевонд, с.80]. Армянский писатель XIII в. Вардан Великий, несомненно знакомый с трудами своих предшественников, описывая этот же поход Марвана, называет город, который захватили арабы, Варачаном: «Мерван пошел походом на Варачан – город гуннов, и возвратился оттуда победителем» [Вардан Великий, с.95]. Следует отметить, что арабские авторы такого названия города в Западном Прикаспии не употребляют. Они называют Самандар, Баланджар, Вабандар и другие населенные пункты. В то же время города под названием Баланджар не упоминают армянские и албанские писатели.

После разгрома Прикаспия и подчинения хазарского кагана Арабскому халифату Марван в 121 г.х. (738/739 г.) предпринял покорение внутренних горных районов Дагестана. Далось это с большими трудностями, т.к. местное население оказало арабам упорное сопротивление. К примеру, замок «Хайзах», где находился «престол царя» осаждался арабами «всю зиму и все лето» и только после этого «владелец престола» заключил с арабами мир на тяжелейших условиях: «доставлять ежегодно тысячу голов (скота) и сто тысяч мудд (зерна)» [Ибн ал-Асир, с.33]. «Земля Хамзин» покорилась Марвану после разорения ее арабами и месячной осады замка ее владетеля. По данным ал-Куфи, в «земле Хамзин» было разрушено «более 300 их селений». Условия перемирия с арабами ее владетеля предусматривали ежегодную поставку 500 пленников и 500 мудд провизии [Ал-Куфи, с.55–56]. До зимы, как указывает ал-Куфи, Марван «покорил все крепости стран ас-Сарир, Хамзин, Туман и Шандан, а также и те, до которых добрался» [Ал-Куфи, с.56]. И везде условия перемирия включали поставку налогоплательщиков (молодых юношей и девиц) «белокурых с длинными ресницами», денежных средств, провизии и скота [Ал-Куфи, с.53–55; Ибн ал-Асир, с.32–33].

С разгромом основных экономических центров в прикаспийской провинции Хазарии, сопротивление ее населения арабскому владычеству не прекратилось. Через 26 лет после разгрома 119 г.х., в Дербенте

Рис. 1. Прикаспийский Дагестан. Верхнечирюртовский I грунтовый могильник VII–VIII вв. Погребальный обряд и инвентарь из погребений. 1-3 – погребения в катакомбах; 4 – сабля; 5-7 – ножи; 8 – наконечник копья; 9, 10 – наконечники стрел; 11-14 – фрагменты кольчуг; 15-16 – фрагменты пластинчатых доспехов; 17 – фрагмент седла; 18-22 – накладки на седло. 14-16 – железо; 17-22 – кость. 1-22 по М.Г.Магомедову

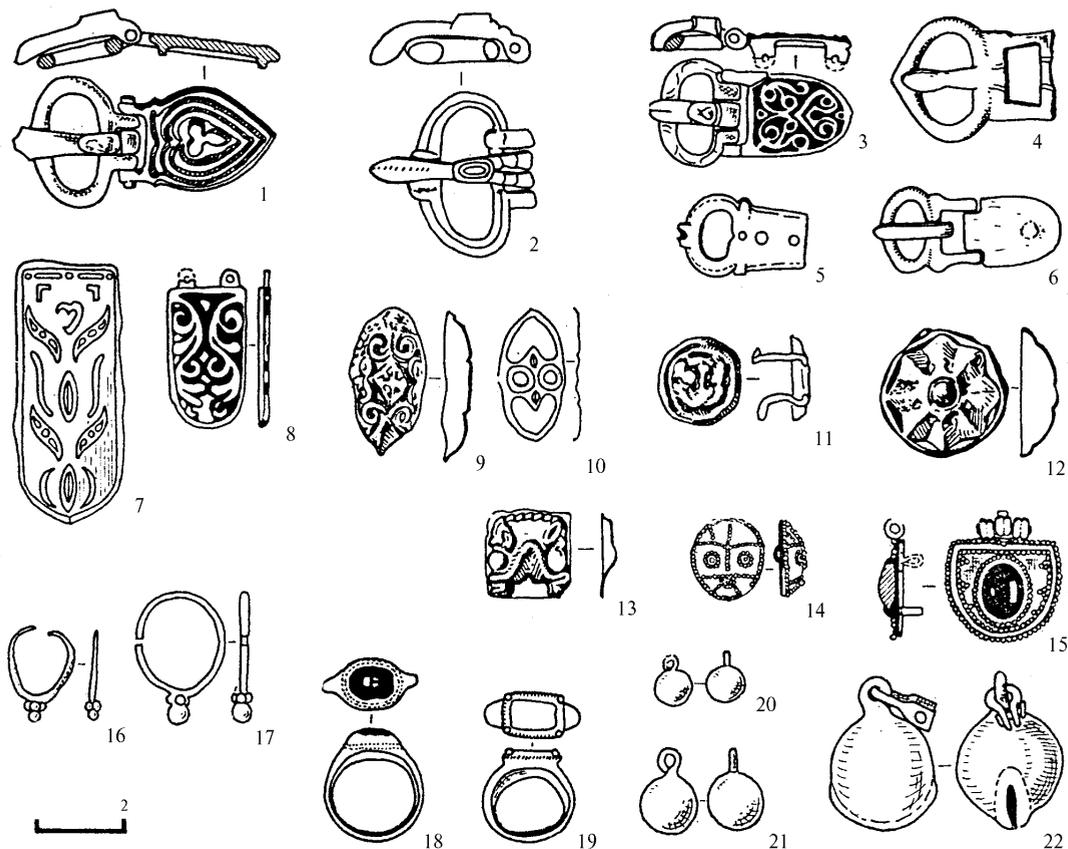

Рис. 2. Прикаспийский Дагестан. Верхнечирюртовский I грунтовый могильник VII–VIII вв. Инвентарь из погребений. 1–6 – пряжки; 7–8 – наконечники ремня; 9–15 – бляшки поясные; 16–17 – серьги; 18, 19 – перстни; 20, 21 – пуговицы; 22 – колокольчики. 1, 2, 4–6, 22 – бронза; 3, 8 – серебро; 7, 9–14, 16, 17, 20, 21 – золото; 15 – золото, янтарь (вставка); 18, 19 – золото, камень (вставки). 1–2 по М.Г.Магомедову

в 145 г.х. (762/763 г.), по данным Ибн ал-Асира, «восстали тюрки и хазары в Баб ал-Аббабе и убили большое число мусульман в Арминии» [Ибн ал-Асир, с.34]. Вероятно, был предпринят поход в северные владения Арабского халифата. Еще через 38 лет после этих событий – в 183 г.х. (799/800 г.) произошло нападение хазар из Дербента, как пишет ат-Табари, «на мусульман и зимми» (население, находящееся под защитой халифата) и «пленение их числом более чем сто тысяч... учинение ими насилий, подобно которым не слышали в (мире) ислама» [Ат-Табари, с.80]. Многие арабские авторы, в том числе и ат-Табари, в качестве одной из причин хазарского похода называют смерть дочери кагана, выданной замуж за арабского правителя Аррана Йазид а б.

Усайда б. Зафира ас-Сулами в правление халифа Мансура (754–775). Как рассказывает ал-Куфи, этот брак был рекомендован арабскому полководцу самим халифом, который полагал, что установление родственных связей с хазарами укрепит мир в Закавказье. «Хазары не оставят вас в покое, – говорил халиф. – Ибо если они захотят, то соберут войско и одержат победу» [Ал-Куфи, с.62]. Брак с хазарской принцессой, принявшей в связи с этим ислам, состоялся. Полководец прожил с ней более двух лет, нажив двоих сыновей. Но по каким-то причинам дочь хазарского кагана и его внуки от арабского полководца умерли. Хазарский каган в отместку напал на закавказские владения арабов. Но в источниках имеются описания и других причин.

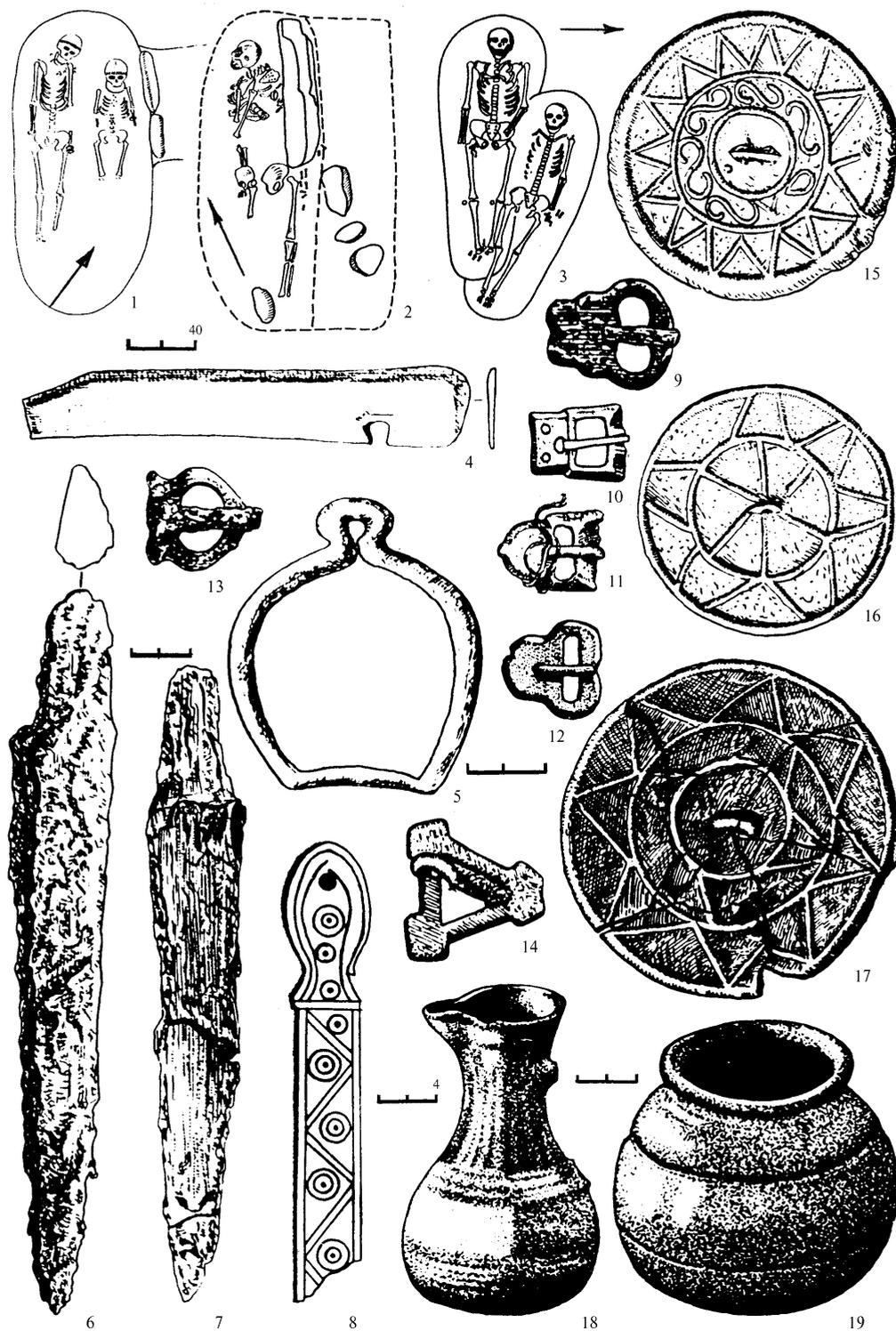

Рис. 3. Прикаспийский Дагестан. Верхнечирчуртовский I грунтовый могильник VII–VIII вв. Инвентарь из погребений. 1–4 – фибулообразные подвески; 5–7, 10 – подвески; 8 – бляха; 9 – медальон; 11 – колокольчик; 12 – гривна; 13, 14 – браслеты; 15, 16 – серьги; 17 – височные привески; 18 – пуговица; 19–20 – перстни. 1–7, 10, 11, 13–18, 20 – бронза; 12 – серебро; 8 – бронза, стекло (инкрустация), полудрагоценный камень (вставка); 9 – бронза, камень (вставка); 19 – бронза, стекло (вставка). 1–19 по Н.Д.Путинцевой

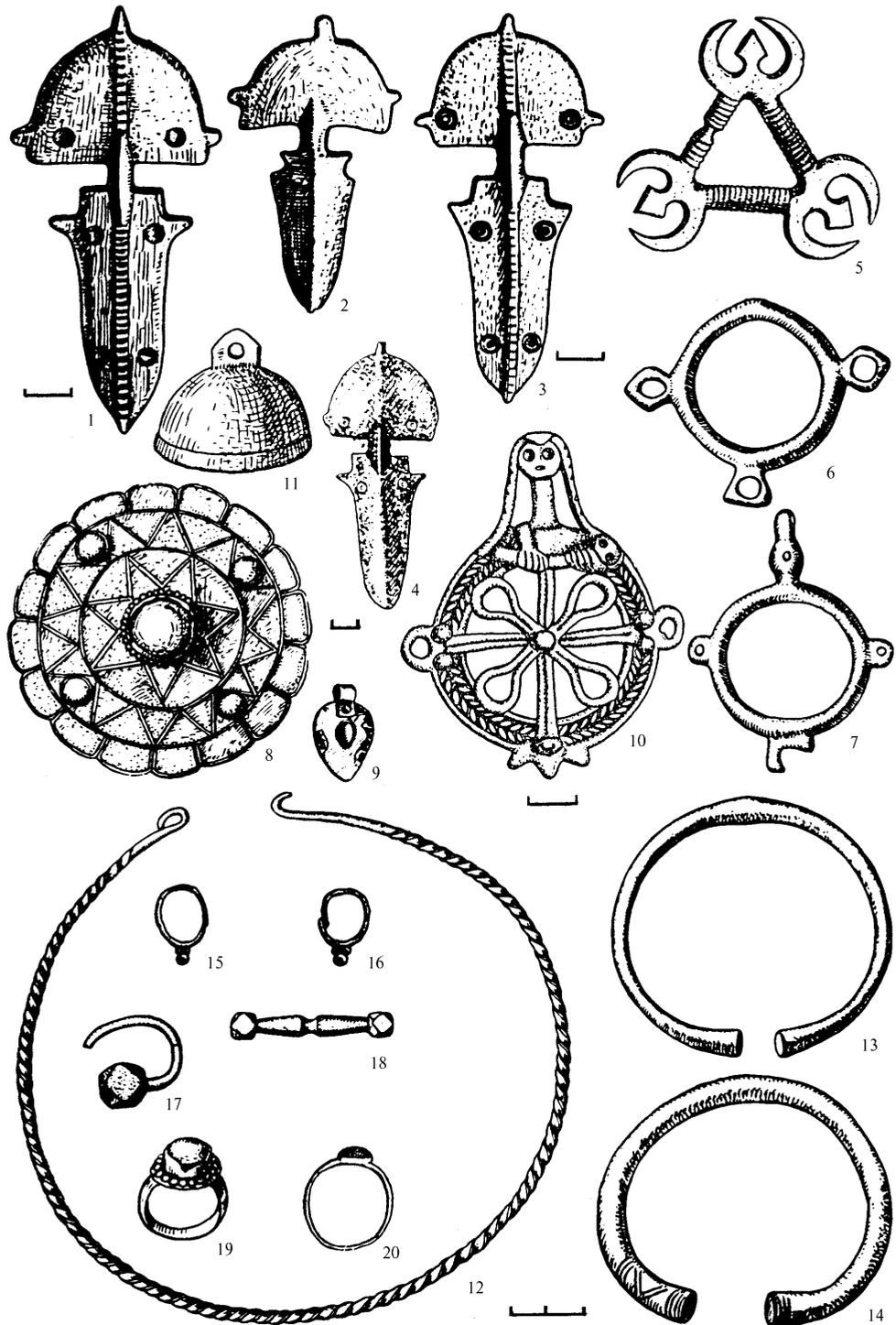

Рис. 4. Прикаспийский Дагестан. Верхнечирюртовский I грунтовый могильник VII–VIII вв. Погребальный обряд и инвентарь из погребений. 1 – погребение в катакомбе; 2 – погребение в подбое; 3 – погребения в ямах; 4 – обкладка лука; 5 – стремя; 6 – обломок меча; 7 – нож; 8 – обкладка рукоятки ножа; 9–14 – пряжки; 15–17 – зеркала; 18 – серолощенный кувшин; 19 – сероглиняный горшок. 4, 8 – кость; 9–17 – бронза; 5, 6, 7 – железо. 1–19 по Н.Д.Путинцевой

У хазар, по данным ал-Куфи, «кавалерийские отряды» насчитывали 200 тыс. всадников. Арабы собрали в Ширване 60 тыс. воинов, присоединив к имеющему в этом регионе 7-тысячному войску еще 20 тыс. воинов из Сирии и 35 тыс. из Ирака. Состоявшееся сражение ал-Куфи описывает как трагическое для арабов: «И не видели мусульмане дня страшнее этого, ибо было убито огромное их число» [Ал-Куфи, с.64].

Арабский правитель, родственник хазарского кагана, сбежал с поля боя и укрылся в г. Барде. Хазары ушли, захватив огромное количество добычи. После этого поражения арабы усилили укрепления Дербента и горных проходов и разместили там новых поселенцев, назначив им нормы продовольствия.

Арабо-хазарские взаимоотношения стабилизировались лишь к началу X в., рубежом, разделявшим сферы влияния двух государств, — Арабского халифата и Хазарии — стал Дербент, усиленно охраняемый арабами [Новосельцев, 1990, с.191].

Вероятно, прикаспийские провинции Хазарского каганата смогли оправиться после разгромов Марвана, учиненных в 30-х гг. VIII в., но источники указывают в этом районе лишь один крупный город — Семендер. Арабский географ середины X в. ал-Истахри отмечал: «Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Самандара» [Ал-Истахри, с.49], имея в виду прикаспийские территории Хазарии.

Этнополитическая обстановка, сложившаяся в Восточном Предкавказье в VII—первой половине VIII в., находит отражение в археологических материалах. На территории Прикаспийского Дагестана пока выявлен один курганный могильник, относящийся к хазарскому времени. Это Верхнечирюртовский могильник на р. Сулак, на котором М.Г.Магомедовым исследовано 59 захоронений [Магомедов, 1983, с.66—94]. Земляные курганы в основном невысо-

кие (0,5—1,7 м), но имеются и крупные (2,4—5,5 м) Погребения совершены большей частью в катакомбах (57 погреб.) с перпендикулярным расположением камер. Вход в камеры заложен каменной или сырцово-глиняной стенкой, а также каменной плитой. Положение погребенных не определяется, т.к. большинство курганов разграблены. Умерших хоронили в камышовых гробах (38,6%) или помещали на камышовых настилах.

В инвентаре широко представлены предметы вооружения (костяные накладки луков, обломки железных клинков сабель, железные наконечники копий), детали защитных доспехов (фрагменты железных кольчуг и панцирей) и снаряжения коня (фрагменты деревянных седел и костяные накладки на них, уздечные ремни, удила и псалии). Имеются также предметы одежды, выполненные из золота, серебра и бронзы. Украшений мало, но имелись выполненные из золота подражания византийским монетам начала VII в., снабженные припаями и отверстиями для подвешивания (рис.1,2). Могильник связывается исследователем с ранней историей хазарских племен [Магомедов, 1983, с.87—94].

К этому же времени (VII—VIII вв.) относится ряд грунтовых могильников, расположенных в предгорье — Верхнечирюртовский I (рис.3,4), II, Бавтугайский, Таргу (Описание и анализ комплексов см.: [Гмыря, 1993, с.211—228, 309—318]). Большая часть захоронений в них произведена в катакомбах. Погребальный обряд грунтовых могильников этого времени, по-видимому, демонстрирует переход некоторой части кочечевого населения к оседлости и наличие смешанного населения, погребальная обрядность которого сочетает в себе некоторые черты местных племен (отсутствие курганных насыпей, коллективность захоронений, обычай подзахоронений), а также привнесенную кочевниками в Прикаспий форму могилы — катакомбу.

Владимир Петрухин

Хазарский каганат и его соседи

Сформировавшийся в противостоянии Византии и Арабскому халифату Хазарский каганат простирался от предгорий Кавказа и Нижнего Поволжья до Среднего Поднепровья, где хазарам должны были платить дань славяне.

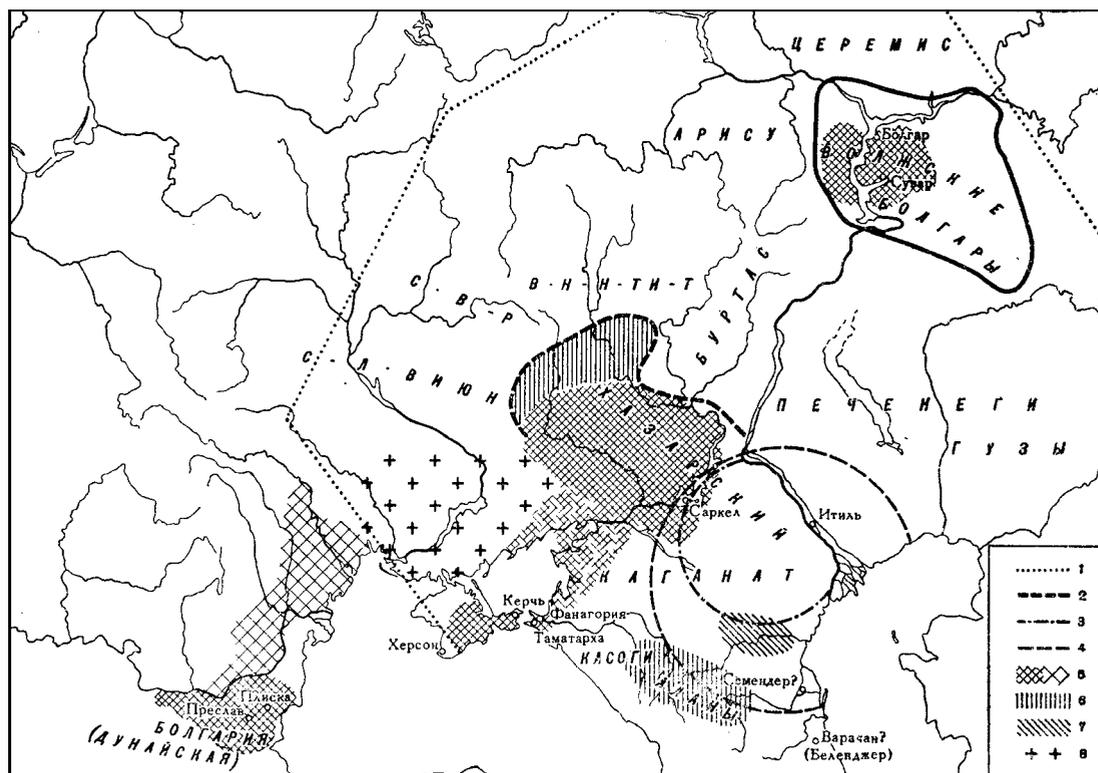
Племена, находившиеся под властью Хазарии, расселились к середине VIII в. в причерноморских степях, достигли лесостепи и мигрировали по Волге к северу до Волжско-Камского междуречья, земель будущей Волжской Булгарии — помимо болгар, как полагают [Гадло, 1983, с.84], там оказалась часть савиров (сувар) и барсиллов. Аланы стали оседать в бассейне Дона и Верхнего Донца [ср. Афанасьев, 1993], болгары — в низовьях Дона, сами хазары, часть барсиллов и другие племена — в Нижнем Поволжье и калмыцких степях. В Нижнем Поволжье возник новый городской центр Хазарии — ал-Байда или Итиль.

Экономику каганата характеризовало комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство: наряду с отгонным скотоводством, когда стада отгонялись летом из степей на горные пастбища, все шире распространялось земледелие и садоводство. Процесс массового оседания кочевников на землю отражают многочисленные поселения и могильники т.н. *салтово-маяцкой культуры*, включающие следы кочевий, постоянных неукрепленных поселений, городищ с земляными валами, замков с остатками каменных стен, городов-крепостей и, наконец, причерноморских городов, возродившихся под властью Хазарии — в том числе Фанагории и Таматархи—Тмутаракани [Плетнева, 1999].

Локальные варианты салтово-маяцкой культуры, выделяемые благодаря исследованиям М.И.Артамонова, И.И.Ляпушкина, С.А.Плетневой и др. исследователей, отражают этническую специфику тех групп населения Хазарии, которые занимали те или иные регионы причерноморской степи

и лесостепи. В верховьях Дона и Донца поселения с полуземлянками и юртообразными жилищами размещены гнездами вокруг городищ с белокаменными стенами (в том числе белокаменного Маяцкого городища на Дону, давшего, наряду с Салтовским могильником, название самой культуре). Городища расположены на высоких берегах рек, на противоположных берегах простираются равнинные пастбища, что напоминает географические условия Северного Кавказа. Могильники состоят в основном из катакомбных погребений, что, наряду с данными антропологии, позволяет относить население, оставившее эти памятники, к аланам. Донские аланы ассимилировали местное население — носителей т.н. пеньковской культуры, которая приписывается обычно славянам-антам, но была распространена значительно шире, чем территория, отводимая антам в древних источниках.

В донских степях земледельческое население жило на больших селищах и городищах, укрепленных земляными валами, с полуземлянками и юртообразными жилищами; кочевники оставили стойбища. Большое число амфор и пифосов — специальной тары для вина — свидетельствует о занятии виноградарством, ставшим традиционными для этого региона России. Хоронили умерших в простых могилах, рядом с могилами воинов совершали захоронение коней. Этот вариант салтово-маяцкой культуры, как и близкий ему приазовский, приписывается болгарам: для Приазовья характерна специфическая строительная техника — жилища и стены городищ строились из кирпича-сырца на каменном цоколе, жилища были двухкамерными — с сенями, которые зимой можно было использовать в качестве хлева для содержания молодняка. В Крыму такие жилища строили из камня — в соответствии с древней традицией каменного строительства.

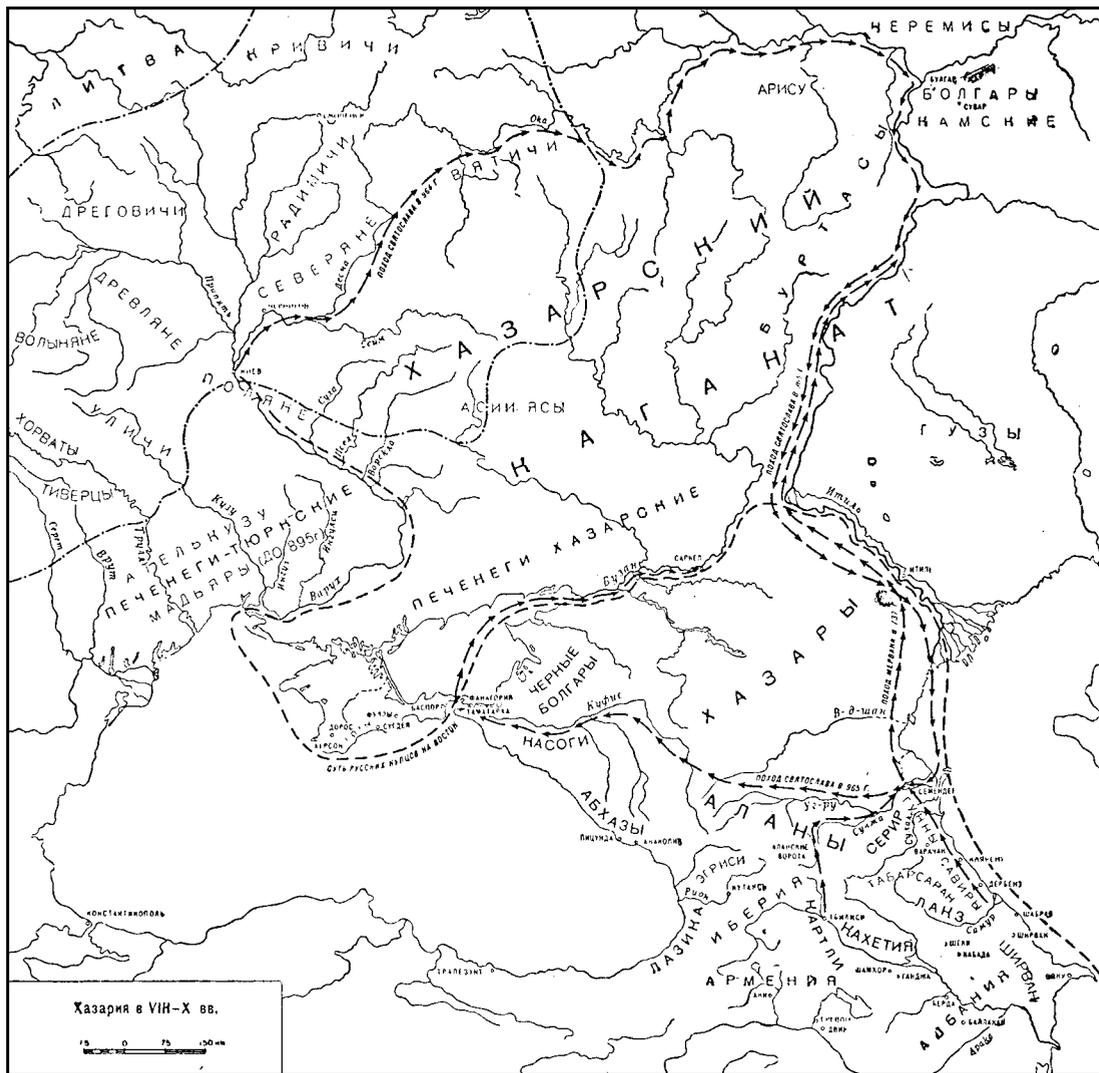

Варианты территорий салтово-маяцкой культуры, Хазарского каганата, государств с аналогичной культурой и народов, окружавших каганат в VIII—IX вв. (по письму кагана Иосифа)
 1 — границы Хазарского каганата по С.П.Толстому; 2 — границы домена хазарского кагана по М.И.Артамонову; 3 — границы Хазарии по Б.А.Рыбакову; 4 — северо-западная, северная и северо-восточная границы каганата по М.И.Артамонову и С.А.Плетневой; 5 — болгарские варианты салтово-маяцкой культуры; 6 — аланские варианты салтово-маяцкой культуры; 7 — хазарский вариант салтово-маяцкой культуры; 8 — степной, неизученный вариант салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с.187]

Наряду с этими локальными вариантами в калмыцких степях (вплоть до Самарской луки) [ср. Багаутдинов, Богачев, Зубов] и Приазовье известны одиночные курганные погребения с квадратными ровиками, богатым воинским инвентарем и конями, которые приписываются собственно хазарам, или — шире — господствующей в каганате тюркской хазаро-болгарской группировке. Наконец, знаменитый Вознесенский поминальный комплекс VIII в. на Днепре — прямоугольный в плане вал из земли и камня, окружавший площадку с остатками сожжения многочисленных вещей — вооружения, конской сбруи, золотых украшений — и лошадиных костей, по интерпретации А.К.Амброза близок поминальным па-

мятникам Кюль-тегина и других правителей Тюркского каганата в Центральной Азии; сходные памятники обнаружены не только в Среднем Поднепровье (возможно, к ним относится и «клад» у Перещепина) [ср. Айбабин, 1999, с.195], но и в Поволжье и на Северном Кавказе. Эти памятники могли принадлежать представителям правящего рода Ашина, к которому относился и сам каган.

Наиболее плодородные земли в центральной — донской части каганата контролировались системой белокаменных городов-крепостей от Маяцкого городища в верховьях Дона до Правобережного Цимлянского в его низовьях и Семикаракорского на р. Сал, контролировавшего путь с Северного

Хазария в VIII—X вв. [Артамонов, 1962, с.424]

Кавказа на Дону. За стенами (достигавшими в ширину 4 м) с башнями располагались юртообразные жилища. Техника кладки стен Цимлянского городища — из тщательно отесанных каменных блоков с внутренней забутовкой — напоминает технику строительства в Дунайской Болгарии, городище в Семикаракорах напоминает дагестанские крепости. Наконец, уже в 30-х гг. IX в. византийские инженеры построили для хазар на Дону кирпичную крепость Саркел.

Локальное разнообразие не заслоняет определенного единства салтово-маяцкой культуры, которое обнаруживает строительная техника, массовый бытовой инвентарь,

в том числе характерная керамика, амулеты и т.п. Повсюду получила распространение тюркская руническая письменность (см. обзор: [Кызласов, 1994, Плетнева, 1999]), которая показала, что эта культура является надэтнической — она характеризует государственную культуру Хазарского каганата. Существенно, что ареал салтово-маяцкой культуры совпадает с той территорией Хазарского государства, которую описал хазарский царь Иосиф в письме сановнику кордовского халифа Хасдау б. Шапруту.

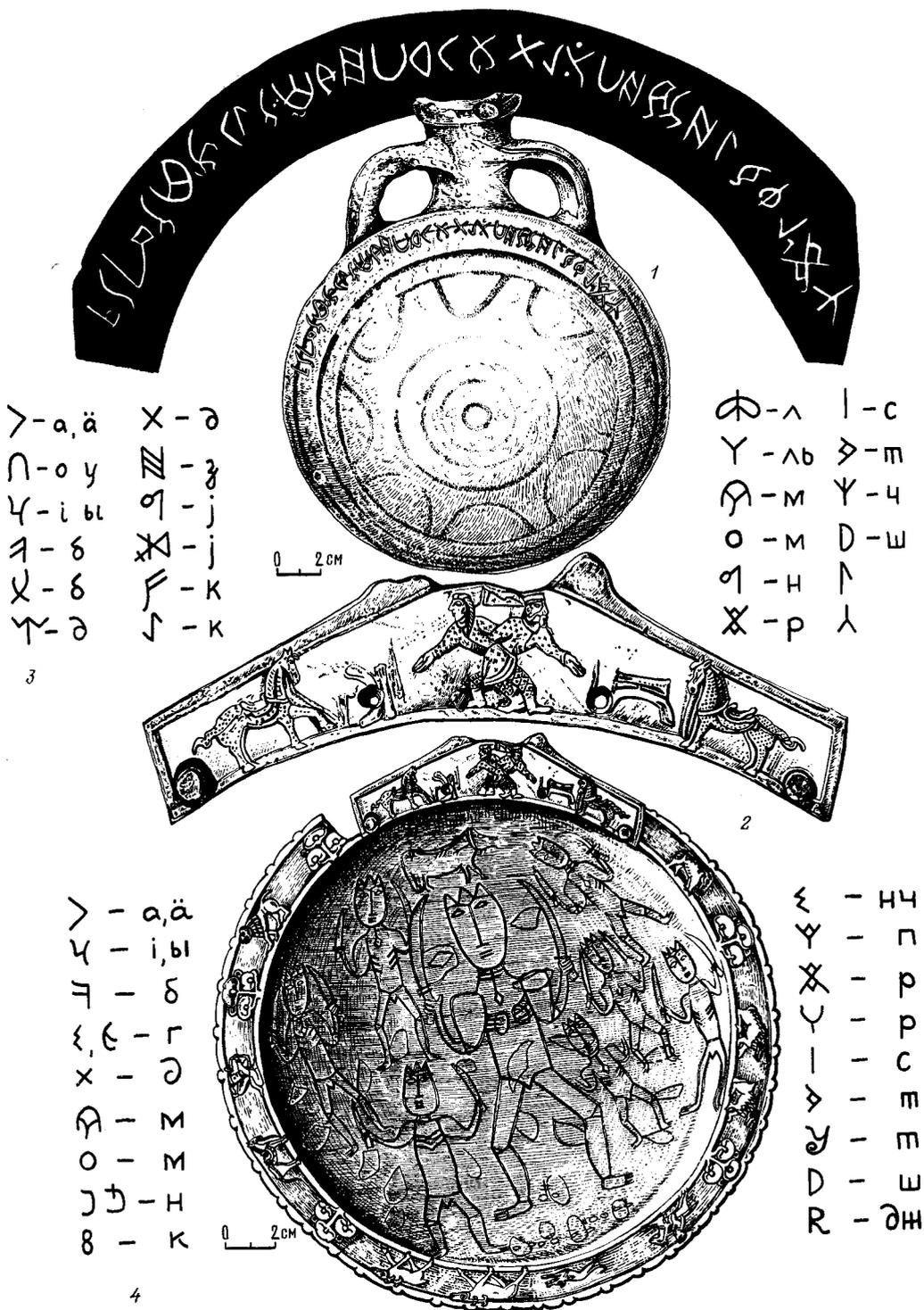
Эта переписка между кордовским евреем и хазарским царем — т.н. еврейско-хазарская переписка — относится к эпохе заката Хазарского каганата в 60-е гг. X в. [Ио-

сиф], но царь Иосиф в своем письме описывает Хазарию эпохи расцвета. В т.н. пространной редакции своего послания Иосиф пишет о том, что сам он живет на реке Итиль у моря Гурган — там была столица каганата и зимовище кагана, из которого каган, соблюдая традиции кочевой знати, отправлялся на лето по землям своего домена в междуречье Волги и Дона: крепости Саркел и Семикаракорское располагались на западных границах этого домена. Царь перечисляет подвластные ему «многочисленные народы» у реки Итиль, называя их имена по-древнееврейски: это Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Далее в описании Иосифа граница его государства поворачивает к «Хуваризму» — Хорезму, государству в Приаралье, а на юге включает С-м-н-д-р и поворачивает к «Воротам» (Баб-ал-Абвабу) и горам, где живут подвластные хазарам народы, имена которых идентифицируются с трудом [см. Иосиф, с. 98 и сл.], за исключением алан и соседних с ними стран Афкана и Каса. Далее граница Хазарии идет к «морю Кустандины» — «Константинопольскому», т.е. Черному, где Хазария включает местности Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц и др. Оттуда граница поворачивает на север к кочевому племени Б-ц-ра и доходит до области Х-г-риим.

Многие имена народов, которые, по Иосифу, платят дань хазарам, достаточно надежно восстанавливаются и имеют соответствия в других источниках. Первое из них — *буртасы* (Бур-т-с), имя которых иногда сопоставляется с этником «морденс» (*мордва*), упомянутым Иорданом. Однако в древнерусском «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) приводится поразительно близкий список народов, подвластных уже Руси, где буртасы упомянуты наряду с мордвой: границы Руси простираются «от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до морьдвы» [ПЛДР: XIII в., с.130]. Считается, что этникон *буртасы* имеет иранское — аланское происхождение и отражает аланский этноним *фурдас* — от *фурд/форд* («большая река») и *ас*, распространенный аланский этноним [Афанасьев, 1988]. Как и многие древние этникины, имя

буртасы могло переноситься в источниках на разные этнические общности: в частности, так в средние века могли именовать тюркоязычных соседей мордвы чувашей — потомков волжских булгар (топонимы *Буртас*, *Буртасы* известны на территории Мордовии и Чувашии) [Фасмер, т.1, с.247—248]. В контексте письма Иосифа этот этникон очевидно привязан к Поволжью, где за буртасами следуют булгары (в списке Иосифа — Бул-г-р, что соответствует и данным арабского географа X в. ал-Масуди), а далее — С-вар, название, которое увязывается с городом Сувар в Волжской Булгарии и с уже упоминавшимся именем *савиров*, одного из гуннско-хазарских племен. Следующий этникон *арису* сопоставляется с самоназванием этнографической группы мордвы *эрзя* (соответственно в буртасах иногда видят другую группу мордвы — *мокишу*). Имя Ц-р-м-с переключается с *чермис* древнерусского источника: это — черемисы, средневековое название *марийцев*, финноязычного народа в Среднем Поволжье. Об отношениях Хазарии с Волжской Булгарией мы еще будем говорить специально: сейчас отметим, что в 60-е гг. X в., когда составлялось письмо царя Иосифа, едва ли была возможна какая бы то ни было зависимость народов Среднего Поволжья от гибнущего каганата.

То же можно сказать и о следующей группе народов, в которой усматривают славянских данников Хазарии. В этниконе В-н-н-тит обычно видят имя *вятичей/вентичей*, которые, по русской летописи, платили дань хазарам до их освобождения князем Святославом во время похода на Хазарию в 965 г. Город В-нтит, упоминавшийся арабскими авторами X в. на востоке «страны славян», видимо, отражает тот же этноним: предполагают, что этот «город» располагался на пути из Болгара (Билляр — Великий город) — столицы Волжской Булгарии — к Киеву, описанном в позднем (XII в.) сочинении ал-Идриси и даже отождествляют «Вантит» с «гнездом» боршевских — вятчских — поселений на Дону у Воронежа [ср. Пряхин и др.]. Следующий этникон — С-в-р — очевидно, означает *северян*, которые были освобождены от хазарской дани

Памятники письменности и торевтики Хазарского каганата. 1 — фляга с надписью из Новочеркасского музея; 2 — серебряное блюдо со сценами охоты и борьбы на бордюре; 3 — алфавит из «новочеркасской» фляги; 4 — алфавит Маяцкого городища. Составила С.А.Плетнева [Степи Евразии, 1981, с.163]

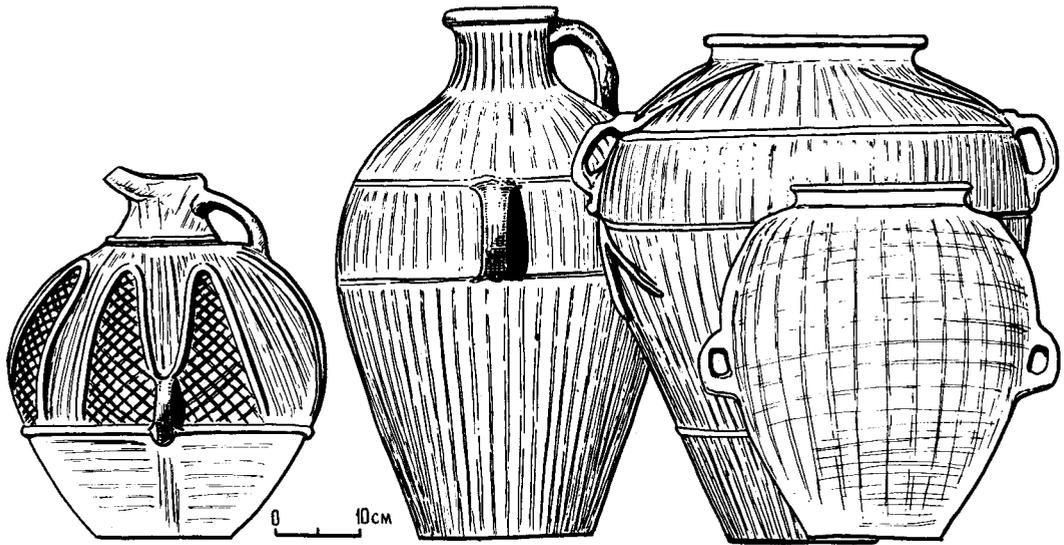
еще князем Олегом, когда русские князья обосновались в Среднем Поднепровье (882 г. по летописной датировке). Термин С-л-виюн относится к общему названию славян: видимо, здесь можно подразумевать *радимичей* и *полян*, плативших дань хазарам до появления *руси* в Среднем Поднепровье в 860-х гг., а также славян — носителей т.н. боршевской культуры, достигших Подонья. Существенно, что, по арабским источникам, еще в 737 г. во время похода в хазарские степи полководец Марван пленил не только хазар, но и *ас-сакалиба* — так арабы называли славян. В целом список данников, таким образом, относится ко времени не позднее второй половины IX в., скорее — ко второй половине VIII — первой половине IX в., времени расцвета Хазарского каганата. В целом список хазарских данников в Восточной Европе у Иосифа подчинен определенной системе: он начинается с народов Поволжья, включает вятичей на Оке, северян на Десне, видимо, приднепровских славян, и завершается на Дону. Отметим заранее, что тот же маршрут повторил в 965 г. Святослав, разгромивший Хазарию.

На юге Иосиф включает в границы своего государства область Семендера (Самандара) — одного из главных городов Хазарии на Северном Кавказе (наряду со старой столицей Баланджаром) и Дербент — Каспийские «Ворота», по-арабски Баб ал-Абваб. Дербент (Дербенд) в Дагестане — крепость, охранявшая важнейший проход в Закавказье, после арабо-хазарских войн входила в состав Халифата — там стоял арабский гарнизон. Город остался главным центром ислама на Северном Кавказе и после того, как в X в. там обосновалась самостоятельная династия; вместе с тем население Дербента включало представителей местного «языческого» населения и даже русов, которых нанимали на службу правители города [Минорский, 1963]. Земли между Самандаром и Дербентом входили в состав упомянутого княжества Серир (Сарир), независимо от Хазарии. Неясны имена горских народов Дагестана, Чечни и Ингушетии, живущих между Дербентом и страной аланов, и, тем более, отношения с ними Хазарии: сами аланы могли выступать то как союзники

(и данники), то как соперники хазар и союзники Сарира. Зато упомянутые вслед за аланами страны Аф-кана и Каса, в отличие от прочих племен, перечисленных между этой страной и «морем Кустандины», надежно интерпретируются как земли *абхазов* и *касогов* русской летописи, *кашак*, *касак* арабских источников — *адыгов* Западного Кавказа [ср. Гадло, 1979, с.170 и сл.].

Список западных областей в письме Иосифа начинается Ш-р-кил — Саркел/Шаркел, хазарская «Белая крепость», построенная византийцами по заказу кагана в 830-е гг. на Дону. Далее упоминается С-м-к-р-ц, в котором исследователи видят город на Таманском полуострове — *Таматарху* византийских и *Тмутаракань* русских источников, и группа крымских городов, список которых возглавляет К-р-ц — Керчь, античный Пантикапей.

Страна Б-ц-р-а, расположенная к северу от Причерноморья, — это земли печенегов, *пачинакитов* византийских, *баджнак* арабских источников; по-тюркски они звались *бачанак*, *беченег* («муж старшей сестры» — характерное для тюрков архаичное племенное наименование по отношению родства). Эта кочевая тюркская орда появилась в степях Причерноморья в IX в. из-за Волги и к концу этого столетия стала там господствовать. Константин Багрянородный пишет [гл.37], что хазары пытались остановить их продвижение и заключили союз с узами (огузами, гузами), но те лишь изгнали печенегов на запад. Новая орда, завоевывая пастбища, разорила многие хазарские земли и поселения, в том числе Маяцкое городище (видимо, печенежское нашествие стало началом упадка салтово-маяцкой культуры), древний город Фанагорию (уже не упомянутый в письме Иосифа) и Керчь — Боспор, к началу X в. обрушилась на Русь. Император Константин в самых первых главах своего труда «Об управлении империей» специально пишет «о пачинакитах: насколько полезны они», когда находятся в мире с «василевсом ромеев»: если посылать к ним чиновника с богатыми дарами и брать у них заложников, ответственных за сохранение мира, они не позволят ни руси, ни туркам (венграм), ни болгарам

Столовая глиняная посуда салтово-маяцкой культуры. Глиняная посуда из раскопок Дмитриевского могильника, Саркела и Маяцкого. Составила С.А.Плетнева [Степи Евразии, 1981, с.160]

нападать на Византию. Ниже [гл.37] тот же автор дает этногеографическое описание Восточной Европы: земля печенегов — Пачинакия — «отстоит от Узии (земли узов-гузов) и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии (земель мордвы) — на десять дней, от Росии — на один день, от Туркии (Венгрии) — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе». Печенеги вытеснили из степей Причерноморья венгров, которых Иосиф и поминает вслед за ними под именем Х-г-риим.

Венгры — угрозычный народ, кочевавший вместе с тюрками в восточноевропейской степи в VIII—IX вв., вероятно, происходил из праугорских областей Зауралья. Венгерские средневековые предания сохранили воспоминания о прародине — Великой Венгрии, предположительно локализуемой где-то в башкирских степях, между Волгой и Южным Уралом; в арабских источниках венгры именуются *баджкурт* — этот этникон родственен этнониму *башкиры* (хотя сам башкирский народ сложился позднее). В русских летописях венгров именуют *уграми* — этниконом, восходящим (как и западноевропейское наименование

«венгры») к гуннско-болгарскому названию племенного союза *оногур* (буквально «десять [племен] огуров»). Возможно, это наименование было известно еще славянскому объединению антов, и славяне стали обозначать им кочевников восточноевропейских степей: в русской летописи *черные угры* — это собственно венгры, *белые угры* — одно из наименований хазар, что могло отражать их господствующее положение в каганате. Угорское самоназвание венгров — *мадьары* — родственно самоназваниям их зауральских родичей *манси*, некоторым племенным названиям башкир, а также имени исчезнувшего в средние века волжско-финского народа *мещера* на Оке; предположительно оно означает «человек, сородич» [Агеева, 1990, с.65—66]. Константин Багрянородный [гл.38], называющий венгров «турками», но упоминающий их самоназвание «мадьары», рассказывает, что венгры жили вблизи Хазарии, их вождь «воевода» Леведия получил в жены от кагана благородную хазарку. Их страна, к началу IX в. расположенная уже к западу от Дона, также именовалась *Леведией* [ср. Цукерман, 1998], но венгры вынуждены были поки-

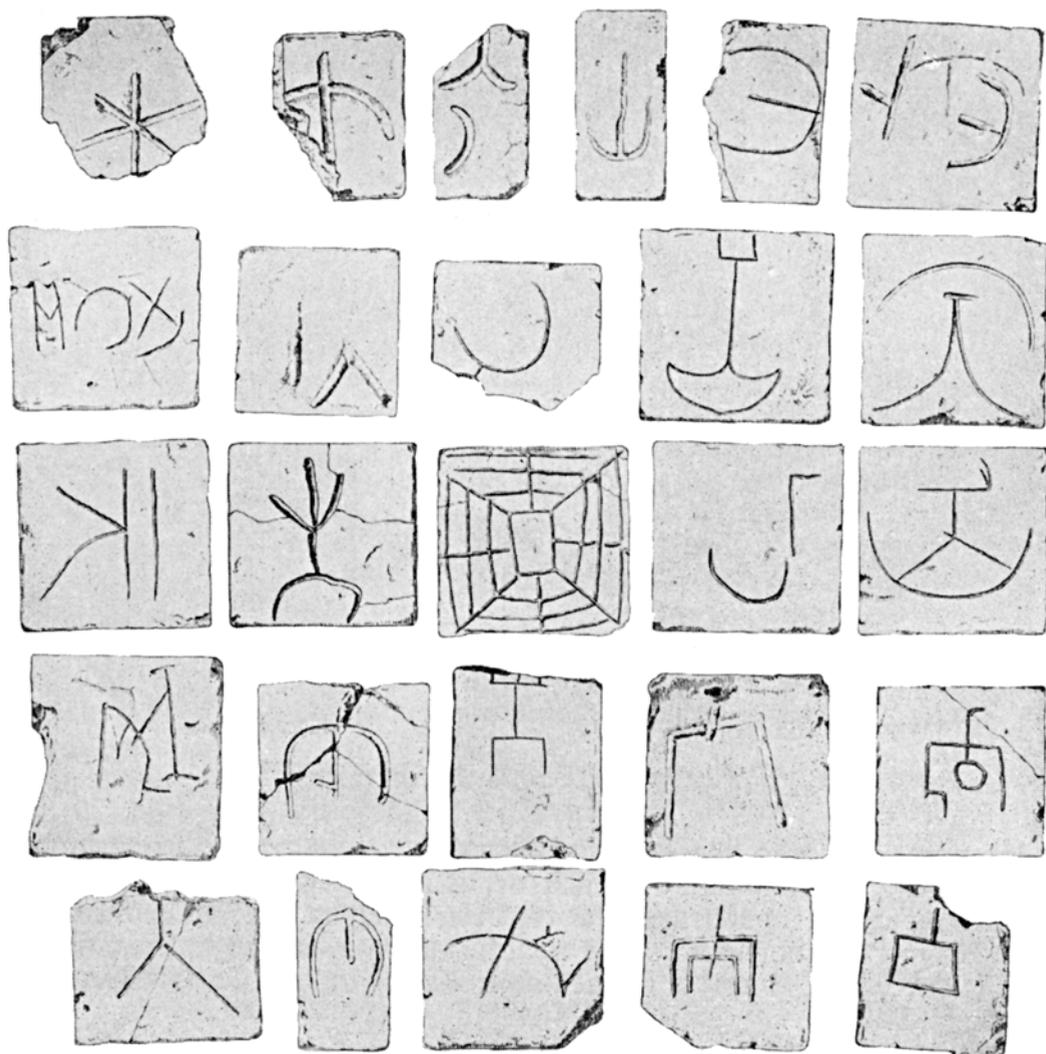
нуть ее под натиском печенегов и часть их переселилась в землю, называемую *Ателкузу* (*Этелькузу*), часть откочевала на восток к Персии. Местность «Ателкузу» помещается большинством исследователей между Днепром и Днестром; под Киевом сохранилось урочище Угорское, где, по летописи, стояли в своих «вежах» угры-венгры; уже из Ателкузу каган призвал к себе Леведию и назначил по его совету правителя по имени Арпад, который стал основателем династии венгерских королей. Персидский историк XI в. Гардизи, опирающийся на раннюю информацию, свидетельствует о венграх в Восточной Европе, которые «ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию) и продают» [Новосельцев, 1965, с.389]. Но сами венгры и в Ателкузу подверглись нашествию печенегов и вынуждены были переселиться в конце IX в. в Великую Моравию (Паннонию), где обрели новую родину [см. Шушарин, 1997]. Многочисленные аналогии древностям венгров известны на широких просторах Восточной Европы — от Среднего Поволжья до Среднего Поднепровья, в том числе на славянских поселениях (см. сводку: [Седов, 1987]); данные языкознания свидетельствуют о тесных славяно-тюркско-венгерских контактах в этот период, в том числе о заимствовании венграми при тюркском (хазарском) посредстве таких важных для славянской этнокультурной истории слов, как *король* и *влах* — «франк, итальянец» [Хелимский, 2000, с.404 и сл.].

В целом царь Иосиф в своем письме описывает «предельные» границы Хазарии периода ее могущества: прочие источники подтверждают ту или иную степень зависимости перечисленных им народов от хазар, но зависимость эта не была постоянной, данническо-союзнические отношения могли превращаться во враждебные и «колебались» в соответствии с геополитической ситуацией, в том числе политикой халифата и особенно Византии, использовавшей печенегов и русь против хазар, или, напротив, поддерживавшей слабеющую Хазарию строительством крепости (Саркел).

Что касается самих хазар, то письмо Иосифа содержит характерную легенду об их происхождении, основанную на библей-

ской традиции. Иосиф относит хазар к сынам Иафета, потомству его сына Гомера, а именно к Тогарме (Фогарме): это отождествление имеет глубокие и даже «историчные» истоки не только потому, что народы Европы и кочевники Евразии традиционно относились к потомкам Иафета, но и потому, что имя Гомер восходит к наименованию киммерийцев, под Тогармой же традиционно понималась в древних источниках Армения. Боспор Киммерийский и Закавказье действительно были регионами первоначальной активности хазар. К сыновьям Тогармы Иосиф причисляет эпонимы: Авийор (Уюр, Агийор в краткой редакции письма), которого отождествляют с иверами-грузинами или уграми-огурами; Тудис (Тирас краткой редакции, традиционный библейский этникон); Аваз (Авар краткой редакции), эпоним аваров; Угуз — эпоним гузов (узов), Биз-л — предположительно *барсилы*, народ, родственный хазарам; Т-р-н-а сравнивают с названием венгерского рода Тариана у Константина Багрянородного (если это не отражение титула *тархан*); далее следует собственно Хазар и некий Янар (З-нур краткой редакции), которого отождествляют с горским народом *цанар*, обитавшим к западу от Дарьяльского ущелья; список завершают болгары и савиры. Интересно, что сходный список 10 сыновей Тогармы имеется в другом еврейском источнике X в. — «Книге Иосиппон», составленной в Италии: там к ним причислены «роды» Козар (хазар), Пецинак (печенеги), Алан, Булгар, Канбина (?), Турк, под которыми, очевидно, имеются в виду венгры, точнее — *кавары*, отколовшаяся от хазар и примкнувшая к венграм тюркская группировка; далее упоминаются Буз, точнее — Куз, под которыми следует видеть гузов-узов, Захук (?), Угр — собственно венгры, имя которых Иосиппон дает в славянской передаче, наконец, Толмац — одно из печенежских племен [Петрухин, 1995, с.36 и сл.].

Списки народов, относящихся к потомству Тогармы, в двух источниках не совпадают; показательно при этом, что в Иосиппоне хазары возглавляют список, что, видимо, отражает представления об их господствующем положении, у Иосифа же, напро-

Знаки на кирпичях из Саркела
[Артамонов, 1962, с.303]

тив, подчеркивается, что его предки были малочисленны и Хазар был лишь седьмым сыном Тогармы. Могущество их возросло после того, когда им удалось победить многочисленных врагов, названных В-н-т-р, которых хазары преследовали до реки «Дуна» — Дуная. Предполагают, что это имя относится к племенному объединению оногуров в Великой Болгарии, которое включало болгар Аспаруха, бежавших от хазар за Дунай. Тогда хазары овладели страной В-н-т-р, которой обладали до времени правления Иосифа.

Происхождение хазар царь Иосиф связывает, таким образом, с группой тюркских народов. Арабские географы сообщают, однако, что хазары отличались от тюрков: согласно автору X в. ал-Истахри, они делились на две группы — «кара-хазары» или черные хазары, смуглые, как индийцы, и белые хазары, отличающиеся красивой внешностью. Современные исследователи склонны усматривать в этих группах правящий слой — собственно хазар (белых хазар) — и зависимых «черных» людей; ал-Истахри под черными хазарами имеет в виду прежде всего рабов из страны хазар, оказы-

вающихся на восточных рабских рынках: рабы принадлежат к язычникам, т.к. только язычники, но не находящиеся среди хазар иудеи и христиане, разрешают продажу детей и сородичей в рабство. Возможно, такое значение термина *белые хазары* сохраняется в упомянутой византийской (и древнерусской) историографии, где хазары именуются *белыми уграми*, а подвластные им венгры — *черными уграми*. Не следует при этом забывать, что цветовые классификации, характерные для этнических и географических представлений тюрков и других народов, не могут быть прямо перенесены на социальные и, тем более, антропологические реалии: ср. упоминавшихся в источниках *черных и белых болгар, белых хорватов* и т.д. вплоть до *Черной и Белой Руси*. Однако представление о «черных» людях, как о зависимых, обложенных податями, надолго сохранилось в средневековой традиции (включая древнерусскую).

Выбор веры. Проблема распространения иудаизма в Хазарии

Существенно, что ал-Истахри, очевидно, относит к белым хазарам, господствующему слою, тех, кто исповедовал иудаизм и христианство, к черным — язычников, прежде всего болгар и аланов, носителей салтово-маяцкой культуры, практиковавшим языческие погребальные обряды. Действительно, спецификой этноконфессиональной ситуации в Хазарском каганате было то, что правящий слой — хазары во главе с каганом — исповедовали иудаизм. Царь Иосиф в своем письме передает легенду об обращении хазар: через несколько поколений после победы над В-н-т-р (болгарами) хазарский царь Булан, еще носивший тюркское родовое имя (означавшее «Олень» и имевшее, видимо, тотемическое происхождение), услышал во сне слова ангела Божьего, обещавшего умножить его род и власть, если царь будет соблюдать заповеди и законы и построит храм. Чтобы получить богатства для сооружения святилища, Булан должен идти на Д-ралан — Дарьял, в землю аланов, и Ар-в-вил — Арде-

биль, город на территории Азербайджана. С Божьей помощью Булан одержал победу и соорудил скинию (шатер) с ковчегом, светильником, жертвенниками и т.п. — как некогда пророк Моисей во время исхода евреев из Египта. Слух об обращении Булана распространился «по всей земле», и «царь Эдома» — византийский император, равно как и «царь измаильтян» — арабский халиф прислали к Булану посольства, чтобы склонить его к переходу в их веру. Тогда Булан призвал мудреца из «израильтян» и устроил диспут о вере. Мудрецы долго спорили, опровергая друг друга, и хитроумный Булан спросил, наконец, у христианского священника, какую веру он считает лучшей — веру израильтян (иудаизм) или измаильтян (ислам). Естественно, что христианин, почитавший Ветхий завет наряду с Новым, предпочел иудаизм; тогда сходный вопрос Булан задал мусульманину, тот также ответил, что вера израильтян «более почтенна», чем христианская. Тогда Булан принял веру Израиля и «совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание».

При всей очевидной «легендарности» этот сюжет «выбора веры» имеет не менее очевидные исторические параллели в истории собственно тюркских народов, точнее — правящих династий, которые действительно склонялись еще в Центральной Азии к религиям, имевшим «писанный закон» — манихейству, буддизму, но отличавшимся от официальных культов враждебного тюркам Китая. Отказ от традиционной племенной религии (культы Тенгри, шаманизма) и обращение к писаному закону были необходимы, по крайней мере, правящему слою для того, чтобы преодолеть племенной сепаратизм и строить государственную идеологию. Очевидны и исторические основы самого сюжета выбора веры хазарским царем: маневрируя между халифатом и Византией, когда каган мог выдать замуж за императора свою сестру, принявшую крещение, а после поражения в войне с арабами согласиться принять ислам, хазары выбрали действительно «престижную» веру, основанную на почитаемом и христианами и мусульманами Священном писании. Разительно сходный сюжет известен и из начальной рус-

ской истории, когда перед выбором веры в конце X в. встал князь Владимир.

Царь Иосиф, описывающий выбор веры Буланом, относится к обращению хазар как к чуду — у него нет речи о евреях, распространявших свой закон среди хазар; лишь сын сыновей Булана Обадья построил синагоги и призвал в страну мудрецов, которые объяснили ему Писание, а также Мишну и Талмуд — священное предание. Более «историчен» другой документ, повествующий об обращении хазар и также относящийся к еврейско-хазарской переписке — т.н. Кембриджское письмо, видимо, адресованное тому же Хасдаю ибн Шапруту неизвестным хазарским евреем [ср. Иосиф, 1932, с.113 и сл.; Голб, Прицак, 1997, с.99 и сл.].

Начало письма оборвано, но из контекста ясно, что предки хазарских евреев бежали из Армении в Хазарию от идолопоклонников и породнились с хазарами, став с ними «одним народом». Из закона предков они соблюдали лишь обрезание, и только часть праздновала субботу. Удачливый полководец еврейского происхождения вернулся к иудаизму, что обеспокоило «царя Македона» (Византии) и «царя Аравии»: их послы пришли к «начальникам» Хазарии и спросили, почему они возвращаются «в веру евреев, которые находятся в рабстве под властью всех (других) народов». Тогда состоялся диспут о вере, и израильские мудрецы оказались самыми сведущими в толковании книг Писания. Хазары приняли иудаизм, и в Хазарию стали стекаться евреи из Багдада, Хорасана (Ирана) и Греции. Полководец-еврей получил имя Савриил и был избран царем (евр. *мелек*); кроме того, согласно Кембриджскому письму, хазары избрали себе судью, которого на своем языке называли *каганом*.

В двух документах, описывающих обращение хазар, при общем сходстве немало противоречий. Исследователи склонны отождествлять Булана и Савриила — первых «царей» хазар; но Булан, согласно его потомку царю Иосифу, был не еврейского, а тюркского происхождения. Иосиф не упоминает кагана, который у тюрков был верховным правителем, тогда как Кембриджский документ называет кагана судьей, на-

ряду с царем. Для хазар действительно было характерно «двоевластие» — каган был номинальным правителем, делами в государстве заправлял полководец — шад или бек; иногда считается даже, что это двоевластие сложилось как раз в результате «выбора веры», когда полководец-еврей захватил реальную власть, оставив тюрку-кагану представительские функции. Из письма самого Иосифа неясно, впрочем, был ли этот правитель тюркско-хазарского происхождения (потомок Тогармы) реальным «царем» или номинальным (каганом). В действительности, двоевластие свойственно тюркской раннегосударственной традиции (равно как и традициям других ранних государств, включая венгров), и то, что мы знаем о двоевластии у хазар, свидетельствует о древности этой традиции.

Подробно о двоевластии пишет арабский автор X в. ал-Масуди: по его сведениям, «хакан» пребывает в безраздельной власти у «царя», и даже не может покинуть свой замок в Итиле. Если же страну постигает голод или другое бедствие, народ объявляет ответственным за это кагана и требует его смерти, царь же решает его судьбу. Ал-Масуди признается, что не знает, древен ли этот порядок или нов [Минорский 1963, с.192 и сл.]: с уверенностью можно сказать, что приводимый арабским автором сюжет относится к широко распространенному мифоритуальному сюжету «Золотой ветви» — «сакрального царя», который не обладает реальной властью, но магически ответствен за благополучие страны; в современной историографии идут споры о том, насколько можно относить подобный сюжет к историческим реалиям, а насколько — к мифологическому эпосу. В отношении хазар безусловно, что этот сюжет не может относиться к эпохе после принятия иудаизма — любые, даже самые «пережиточные» формы человеческих жертвоприношений, несовместимы с этой религией. Ал-Масуди явно слышал от своих информаторов пересказ древнего тюркского эпоса о сакральном царе [Петрухин, 1998].

Проблема времени, когда хазары приняли иудаизм, относится к числу трудноразрешимых. В пространной редакции письма Иосифа указано время, отстоящее от прав-

ления этого царя на 340 лет, — т.е. 620-е гг.; более реалистична дата, сохранившаяся в еврейском источнике XII в., — 740-е гг.: в начале VIII в. хазарские каганы еще могли породниться с византийским императором и крестить свою родственницу (что было бы невозможным для иудейки), а в 730/731 г. во время войны с арабами хазары действительно напали на Арбедиль, поход на который, по Иосифу, предшествовал обращению. По арабским известиям, хазары приняли иудаизм во время правления Харуна ар-Рашида, т.е. на рубеже VIII—IX вв.: эти известия соотносят с сообщением Иосифа об упорении иудейской религии при царе Обадии, когда в Хазарию прибыли ученые раввины, знатоки Талмуда. Религиозные споры в Хазарии на этом не прекратились: в 861 г. в каганат — «к Меотскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор» — прибыла византийская миссия во главе с Константином (Кириллом) Философом, будущим просветителем славян, и каган не препятствовал диспуту между христианами и иудеями. Хотя, согласно «Житию» Константина, тот победил в споре с иудеями и крестил какое-то количество язычников [см. Флоря, 1981, с.78 и сл.], в целом миссия не имела успеха — каган и его окружение остались иудеями.

Неясно, где хазары вступили в контакт с еврейскими общинами: эти общины известны в древних центрах Закавказья, в том числе в Мцхете, столице раннесредневековой Грузии, и в районе Баку; однако традиционными центрами, где иудейские общины были тесно связаны с кочевым ираноязычным, а затем тюркоязычным населением, были и города Северного Причерноморья, в том числе Фанагория, центр Великой Болгарии, Гермонасса-Таматарха, именуемая «Самкерц» в письме Иосифа (в арабских документах именовалась *городом иудеев*), наконец, византийский Херсонес. Существенно, что иудейские общины были в состоянии распространять у хазар не только писанный Закон, но и навыки городского быта.

Столица каганата — город Итиль (Атил) в дельте Волги (р. *Итиль* или *Атил* у арабских географов) — до сих пор не обнаружена археологами. Ее подробное описание со-

хранилось у ал-Масуди, который свидетельствует, что город состоял из трех частей: его кварталы располагались на обоих берегах реки, а на самой реке был остров с замком царя и кагана из редкого в Хазарии обожженного кирпича; стены Итиля были возведены из кирпича-сырца. Население столицы состояло из общин иудеев, мусульман, христиан и язычников, среди которых были славяне и русы. Иудеями были сам каган, его окружение и «хазары его рода»; много евреев бежало из Византии в Итиль от преследований императора Романа в 940-е гг. Большую же часть населения в городе, согласно арабскому автору, составляли мусульмане, в том числе войско *ал-ларисийа* — наемники из Хорезма: они служили кагану на условиях свободы их вероисповедания; воевать хорезмийцы должны были только против «неверных», но не против мусульман; из их числа назначался *везир* — один из главных сановников при дворе восточных владык. В.Ф.Минорский [1963, с.193] связывал наименование *ал-ларисийа* с древним сарматским (аланским) этниконом *аорсы*.

Реальная власть в Хазарии находилась в руках царя, которому подчинялись не только ал-ларисийа, но и русы и славяне, также служившие в его войске. Кроме воинов, в Итиле было много мусульманских купцов и ремесленников, чувствовавших себя в безопасности под властью хазар: у них были не только мечети, но и школы (медресе), где дети могли изучать Коран. Каждая община — иудейская, мусульманская, христианская и языческая — имела собственных судей. Эта сложная конфессиональная структура была характерна уже для раннесредневековых столиц, особенно в тех государственных образованиях, которые включали разноплеменные объединения. Очевидно, что традиционно разноэтничными были Самандар, считавшийся «гуннским» городом (ср. имя гуннского племени *зобендер*; от Самандара шел прямой путь с Северного Кавказа на Итиль), и причерноморские города каганата — Таматарха, Фанагория, Керчь. В крепости Саркел саму цитадель занимали хазары (и, возможно, гузы), во внешнем городе, окру-

женном валами, жили болгары и (с середины X в.) группа славян; стратегическое значение Саркела заключалось не только в том, что он защищал западные рубежи домена правителя хазар, но и в том, что эта крепость контролировала ответвление знаменитого Шелкового пути и охраняла купеческие караван-сарай [Плетнева, 1996].

Торговые пошлины (десятина) наряду с данью с подвластных народов были важнейшей статьёй доходов Хазарского государства: каганат прочно удерживал речные магистрали — Дон и Волгу, ведущие с севера — из глубин Восточной Европы и формирующегося Русского государства — к Черному и Каспийскому морям, в Византию и на Ближний Восток, а также контролировал (до X в.) ответвление т.н. Шелкового пути, ведущего с Востока (из Китая) через Северный Кавказ (и Саркел? — см.: [Плетнева, 1996]) к городам Северного Причерноморья. При этом, вопреки ставшим расхожими представлениям о главенстве «финансового капитала» в Хазарии, у нумизматов практически нет данных о денежном обращении в каганате; хазары чеканили собственные подражания арабским дирхемам, но клады серебряных монет на территории каганата единичны [ср. Флеров, 1993], особенно по сравнению с многими десятками кладов, содержащих сотни тысяч монет на территории Руси (и связанной с ней Скандинавии). Русь должна была испрашивать разрешения хазар, чтобы те пропустили их дружины в Закавказье, и платить десятину при провозе товаров для торговли. Царь Иосиф утверждал, что если бы он не сдерживал русов, те захватили бы весь цивилизованный мир. Русь стала главным соперником каганата в Восточной Европе.

Хазары, славяне и Русь

Хазары контролировали часть территории восточнославянских племен в Среднем Поднепровье, получая дань с киевских полян, северян и радимичей на Левобережье (равно как и с вятичей на Оке): даннические отношения, судя по свидетельствам археологии — хазарским языческим погребальным памятникам в Среднем Подне-

провье (Вознесенский комплекс и др.), были установлены еще до обращения правящей верхушки Хазарии в иудаизм, в первой половине VIII в.

В Начальной русской летописи, составленной на рубеже XI—XII вв., — Повести временных лет [ПВЛ, с.11—12] — рассказывается о дани, которой потребовали хазары с полян по смерти легендарных основателей Киева — братьев Кия, Щека и Хорива. Поляне дали им «от дыма меч», и хазарские старцы усмотрели в этом недобрый знак — ведь хазары «доискались» власти при помощи сабель, оружия, заточенного с одной стороны, у полян же мечи были обоюдоострыми. Этому легендарному сюжету предшествует другой летописный сюжет — о Кие и значении Киева на пути из варяг в греки: якобы Кия принимал в Царьграде сам царь. Этот мотив приводится в летописи как антитеза другому преданию о Кие как «перевознике» через Днепр: само по себе это — характерное топонимическое предание, но оно оказывается связанным как раз с историческими реалиями начального Киева. Дело в том, что Киев (точнее — памятники на территории будущего города) был «форпостом» левобережной волынцевской культуры VIII—IX вв. на Правобережье Днепра. *Волынцевская культура* синтезировала славянские и степные — салтовские или хазарские — традиции в Среднем Поднепровье (на поселениях этой культуры открыты юртообразные жилища): ареал этой культуры совпадает с той территорией, которая легла в основу княжеского домена Русской земли в Среднем Поднепровье со столицей в Киеве. Этот домен сформировался, в свою очередь, на землях тех славянских племен, которые платили дань хазарам — вокняжившийся в Киеве со своей русской дружиной Вещий Олег в 880-е гг. присвоил себе хазарскую дань. Салтовские черты волынцевской культуры очевидно отражают «хазарский» период в истории Среднего Поднепровья.

Этот период в свете письма киевской еврейско-хазарской общины X в., обнаруженного среди рукописей каирской генизы и изданного Н.Голбом и О.Прицаком в 1982 г. (см. русское издание: [Голб, Прицак, 1997]), породил (и возродил) очередной

всплеск интереса к происхождению Киева. И если гипотеза о хазарском (хорезмийском) происхождении самого имени *Киев* произвольно отторгает этот топоним от целого ряда сходных славянских наименований [ср. Трубачев, 1992 и продолжающуюся полемику с автором этой гипотезы О. Прицаком в книге: Голб, Прицак, 1997], то имя другого «полянского брата» — *Хорив* и горы *Хоревница* прямо указывают на библейскую традицию: на горе Хорив Моисею была явлена неопалимая купина и даны скрижали Завета [Исход, 3:1; Второзаконие, 4:10]. Очевидно, вместе с тем, что летописец-христианин почему-то не «распознал» за местным киевским топонимом библейского имени: видимо, гора Хоревница уже прочно вошла в киевскую микропонимию в дохристианский период истории города. У нас есть некоторые основания усматривать в этом микропониме следы обитания еврейско-хазарской общины, потому что другой источник — трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» — сохранил иной киевский топоним, название крепости *Самватас*, который также обнаруживает иудейские истоки. Самватас, Самбатсион и т.п. наименования относятся к чудесной реке талмудических легенд, которая бурлит шесть дней в неделю и покоится лишь в субботний день — за этой рекой обитают потерянные десять колен Израилевых [Архипов, 1995, с. 71—96]. Эта река протекает у крайних пределов обитаемого мира — таковым крайним пределом для еврейской диаспоры был, безусловно, и Киев.

Проблема «нераспознавания» русским летописцем имени *Хорив*, видимо, не может объясняться просто незнанием библейского текста; более того, библейский сюжет «Исхода» в летописи непосредственно связан именно с «хазарским» периодом истории Киева и земли полян. Хазарские старцы в повествовании о хазарской дани с полян, приславших обоюдоострые мечи, предрекают, что славянам суждено брать дань «на хазарах» и на «инех странах». «Яко и при Фаравоне, цари еюпетьем, — заключает летописец, — погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си владеша, а послеже самемии владеють; яко же и бысть: володеють бо козары русь-

ские князи и до днешнего дня» [ПВЛ, с. 12]. Это — не просто констатация «исторического факта» власти русских князей над хазарами в XI в.: эта фраза заключает все «легендарное» космографическое введение к Повести временных лет — далее следует собственно «история», летопись, погодная история Русской земли. Эпоха хазарского владычества относилась, таким образом, к предыстории Руси.

Раннее свидетельство о контактах руси и хазар содержится в сочинении Ибн Хордадбега, который подробно сообщает о маршрутах еврейских купцов *ар-разанийя*, чьи пути простирались от Западной Европы до Китая (через хазарский город Хамлидж); Ибн Хордадбех (или писец, переписывавший его сочинение) вставил в текст о маршрутах еврейских купцов сообщение о купцах-русах, которые по рекам Восточной Европы через Хазарию добираются до Багдада и торгуют там мехами и мечами, переводчиками же им служат славянские евнухи [см. Калинина, 1986, с. 71]. Ибн Хордадбех — единственный раннесредневековый автор, который относит и самих русов к «виду славян». Многие источники, и иностранные и собственно древнерусские, в первую очередь Повесть временных лет, согласно считают древнейшую *русь* варягами, выходцами из Скандинавии.

Неясно, насколько регулярными можно было бы считать контакты купцов-русов с ар-разанийя: интересно, что среди прочих языков те владели и «славянским». Вместе с тем текст Ибн Хордадбега не дает оснований предполагать, что маршрут еврейских купцов проходил через Восточную Европу [Калинина, 1986]; едва ли возможным был этот маршрут в эпоху раннего средневековья — слишком напряженными были отношения между хазарами и кочевыми народами (венграми и печенегами) в Северном Причерноморье. Лишь *русь* на своих легких гребных судах могла с большим или меньшим риском миновать степную зону по рекам. Еврейские купцы, скорее всего, использовали традиционные пути, связанные с малоазийской диаспорой, и предпочитали южный берег Черного моря северному. «Славянами», в земли которых следовали

еврейские купцы «позади Византии», могли быть балканские славяне.

Отношения древнейшей руси и Хазарии не сводились только лишь к торговле, и об этом свидетельствуют претензии уже первых русских князей в IX в. на хазарский титул «каган». Более того, А.П.Новосельцев предположил, что и само «официальное» призвание варяжских (русских) князей в Ладогу и Новгород (в 862 г. по летописной хронологии) объясняется хазарской угрозой племенам севера Восточной Европы. Неясно, насколько реальной могла быть эта угроза, но из контекста всех раннесредневековых источников очевидно, что столкновение Руси и Хазарии в Восточной Европе было неизбежным. Согласно русской летописи, в 880-х гг. князь Олег с войском из варягов и словен новгородских, «прозвавшихся русью», захватывает Киев и присваивает хазарскую дань в Среднем Поднепровье. Сам «перенос» Олегом столицы в «мать городов русских» был связан, видимо, как с представлениями княжеского рода о том, что русские князья имеют власть над всеми славянами (так изображает дело летописец), так и со стремлением к мировым рынкам в обход Хазарии. Момент, избранный для этого Олегом, можно считать весьма благоприятным, ибо Хазария пребывала в конфликте с венграми [Новосельцев, 1991, с.14; Цукерман, 1998]: недаром перед захватом Киева Олег останавливается на урочище Угорском, а движение «черных угров» на свою будущую родину в Паннонии описывается (под 898 г.) в явной связи с предшествующим утверждением руси в Киеве — они проходят через то же Угорское.

Хазарская податная территория в Среднем Поднепровье получает при Олеге название *Русской земли* (в узком смысле). Хазария, судя по данным нумизматики, отвечает блокадой Руси — восточные монеты не поступают в Восточную Европу в последней четверти IX в. Очевидно, что Олег ищет новых торговых путей и международных связей: его легендарный поход на Царьград, в Византию завершается заключением мирного договора 911 г., предоставляющего чрезвычайные льготы русским купцам в Константинополе.

Соперничество Руси и Хазарии не могло не касаться еврейско-хазарской общины, жившей в Киеве в X в., судя по упомянутому письму ее членов. Письмо, написанное на иврите, содержало обращение к общинам диаспоры с просьбой содействовать выплате задолженности. Член киевской общины Яков бар Ханукка был поручителем брата, который взял ссуду у нееврея и был ограблен разбойниками. Община взяла на поруки поручителя, проведшего год в заключении, выплатив за него 60 монет. Остальные 40 монет Яков должен был собрать в общинах рассеяния. На рекомендательном письме стояла резолюция, сделанная хазарскими (тюркскими) рунами: Прицак интерпретирует надпись как «хокурум» — «я читал», приписывая ее хазарскому чиновнику. Среди подписей под письмом — традиционные еврейские имена (Авраам, Исаак и т.д.), в том числе небиблейские (Синай, Ханукка), тюркские (хазарские) и, очевидно, славянские — Гостята, Северята [см. Торпусман]. При этом имя *Гостята бар Кьябар Коген* звучит как «оксюморон»: прозелит — хазарский (каварский, если вслед за О.Прицаком сопоставлять патронимическое имя Кьябар с этнонимом кавары/кабары) или славянский — не мог относиться к когенам, потомкам первосвященника Аарона.

Исследователи по-разному представляют себе положение и состав еврейско-хазарской общины Киева: остается открытым вопрос о том, являлись ли подписавшие письмо евреями, частично принявшими славянские и тюркские имена, или прозелитами из славянского Киева (ср. из последних работ: [Чекин]). Вместе с тем можно считать очевидным, кто контролировал «торгово-денежные отношения» в Киеве: эти отношения, как и сам Киев, находились под контролем княжеской власти и русской дружины — таковы, в частности, данные договоров с греками, заключенных в 911 г. при Олеге и в 944 г. при Игоре. Можно предполагать, что затруднительное положение, в котором оказалась киевская община, обратившаяся за помощью к единоверцам, усугублялось сложностями в русско-хазарских отношениях. Однако едва ли положение этой общины в Киеве серьезно отличалось

от положения разноэтничных общин в других раннесредневековых столицах, в том числе в Итиле, где в X в. также имелись иудейская, мусульманская и славяно-русская языческая общины (по данным ал-Масуди). Во всяком случае, в середине X в., когда заключался договор Игоря с греками, в Киеве существовал квартал «Козаре», где жили и христиане-варяги.

Судьба киевской еврейско-хазарской общины не ясна. Следующее упоминание о хазарских евреях в Киеве связано уже с сюжетом выбора веры при Владимире Святославиче. Под 986 г. в русских летописях есть рассказ, как после волжских болгар-мусульман и «немцев от Рима» к русскому князю пришли «жидове козарьстии» уговаривать Владимира принять иудаизм. В русских источниках это единственный случай, когда говорится об иудаизме в связи с хазарами, причем опять-таки неясно, идет ли речь о хазарах-иудеях или евреях из Хазарии. Согласно летописному тексту, евреи явились к князю, услышав о неудаче предыдущих посольств: эта «оперативность» может быть воспринята как свидетельство того, что летописное предание имело в виду «ближних» киевских иудеев, живущих в квартале «Козаре», но сам контекст «прений о вере» допускает толкование этого мотива как относительно позднего, сложившегося в период составления летописи в конце XI в. и не связанного с более древними преданиями. Во время «прений» князь Владимир задает евреям характерный вопрос, естественный для главы формирующегося государства, который озабочен поисками государственной идеологии: «Где есть земля ваша?». Те вынуждены были отвечать: «В Иерусалиме», ибо Хазария уже была разгромлена отцом Владимира князем Святославом...

Проблемы упадка Хазарского каганата и хазарское наследие в Восточной Европе

При всей непрочности внутренней этнополитической структуры Хазарского каганата, когда подвластные ему народы сохраняли «автономию», имея собственных правителей, и противоречивости геополитичес-

кой ситуации в Евразии, в современной историографии принято считать, что именно принятие иудаизма, чуждого подавляющему большинству языческого населения Хазарии, привело каганат к кризису, от которого он не смог оправиться. В Кембриджском документе говорится, что «мудрые люди» опасались «возмущения народов» вокруг Хазарии. Константин Багрянородный [гл.39] рассказывает о восстании *каваров* из рода хазар (имя *кавар*, возможно, и означает «восставший»), которые были разбиты хазарскими верхами и присоединились к венграм (научив их языку хазар) в землях пачинакитов-печенегов; считается, что их восстание было реакцией на введение ортодоксального раввинистического иудаизма при Обадии. Эта гипотеза, однако, была поколеблена археологическими находками у деревни Чиларево в Югославии (Воеводина), на Дунае — в землях, занятых в X в. венграми: среди традиционных кочевнических погребений с оружием и жертвами коней обнаружено несколько могил с кирпичами, на которые были нанесены семисвечники и другие иудейские символы, обычные для иудейских надгробий. Этот могильник приписывается каварам, откочевавшим с венграми на Дунай: видимо, столкнувшись с инокультурным и иноверным окружением, кавары стали использовать в погребальном обряде иудейскую символику — значит, конфликт с хазарами не был только религиозным, связанным с введением иудаизма.

Усобицы в «кочевых империях» были неизбежны и в силу эфемерности самих раннегосударственных объединений, когда центральная власть не в состоянии была контролировать сепаратистские устремления племенной знати, и в силу внутренней слабости самой этой власти, распрей внутри правящего рода, и по причине вмешательства «мировых держав», стремившихся ослабить «варварские» государства. Правда, Византия помогла укрепить положение хазар в 830-е гг., построив Саркел (и другие крепости), но Кембриджский документ свидетельствует, что уже в правление царя Вениамина, деда Иосифа, «царь Македона» обложил Хазарию с помощью правителей Азии, турок, а также неких *БМ* и *Пини-*

ил. Верными хазарам остались традиционные союзники аланы, т.к. часть из них, как утверждается в документе, исповедовала закон евреев. Состав антихазарской коалиции определить достаточно трудно: под «Асией» можно понимать *асов* — объединение донских алан, т.к. кавказские аланы были союзниками хазар, но, может быть, это были и узы-огузы. «Турками», как уже говорилось, могли именовать и венгров, и тюркоязычных кочевников. Под «БМ» усматривают черных (кубанских?) болгар. Наконец, в «Пиниил» видят печенегов. Тогда, царь алан разгромил антихазарскую коалицию. Однако ситуация изменилась уже при царе Аароне в первой половине X в., и аланский царь, подстрекаемый той же Византией, в 930-е гг. напал на Хазарию, Аарон же нанял царя турок. Аланский правитель был разбит и взят в плен, но Аарон предпочел сохранить с ним союз, женил сына Иосифа на его дочери, а самого отпустил в его землю. Эти конфликты Хазарии с подвластными народами, прежде всего — с донскими и северокавказскими аланами, по гипотезе М.И.Артамонова [1962, с.356 и сл.], привели к гибели салтово-маяцкой культуры уже в начале X в. По уточненным датировкам, эта культура, в том числе культура донских аланов, продолжала существовать до середины X в. Очевидно, что многие поселения салтово-маяцкой культуры прекратили существование в начале X в. из-за нашествия печенегов. Но конец салтово-маяцкой культуры, видимо, связан не только с приходом новой волны кочевников. Ее центральный регион — междуречье Волги и Дона с Итилем и Саркелом — был подвергнут разгрому русью Святослава в 960-е гг.

Русь была главным соперником каганата в Восточной Европе, и Византия использовала это соперничество. Когда уже в царствование Иосифа вспыхнул очередной конфликт с Византией, император Роман Лакапин стал преследовать иудеев, а хазарский царь — христиан, Византия спровоцировала поход некоего «царя» Руси Хельгу (Олега), одного из представителей правившего на Руси княжеского рода, против хазарских владений в Причерноморье. И хотя русские были разбиты хазарским полководцем Песахом и вынуждены были направить ору-

жие против самой Византии (поход 941 г.), соперничество Хазарии с Русью и Византией, натиск печенегов с запада и узов-огузов с востока наряду с внутренними распрями обрекли каганат на гибель.

Повесть временных лет, в принципе «скупая» на хазарские сюжеты, чрезвычайно кратко свидетельствует о походе Святослава на Хазарию. Под 964 г. рассказывается, как Святослав пошел в поход на Оку и Волгу (!) и подчинил сидящих там вятичей. Далее «иде Святослав на козары; слышавше же козари изидоша противу с князем своим каганом... одоле Святослав козаром и град их (и) Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы». Под хазарским градом, видимо, следует понимать столицу Итиль (Атил) в низовьях Волги; Белая Вежа, как стала порусски называться крепость Саркел, построенная для хазар византийцами на Дону, превратилась в русский город; князь победил ясов (аланов) и касогов (адыгов) на Северном Кавказе; видимо, тогда под власть Киева попала Тмутаракань. Разгрому, судя по всему, подвергся домен кагана — «кочевье», описанное в письме царя Иосифа, с Саркелом на западном рубеже и Итилем (Атил) — зимовищем [Плетнева, 1986, с.49—50]. Стало быть, князь совершил круговой поход по владениям хазар, пройдя с нижней Волги на Дон, и вернулся в Киев [ср. Артамонов, 1962, с.426—428; Гадло, 1994, с.54—57]. Упоминание второго похода Святослава на вятичей под 966 г. — результат позднейшей разбивки летописного текста (т.н. Начального свода) на погодные записи [ср. Петрухин, 1995, с.103 и сл.]. Разгром каганата завершили огузы; есть краткие известия восточных авторов о том, что в поисках союзников против огузов хазары обратились к Хорезму и вынуждены были принять ислам [ср. Новосельцев, 1990, с.194 и сл.].

После разгрома Хазарии Святославом хазары еще упоминаются в русских источниках в конце XI в. в принадлежащей Руси Тмутаракани, хороним *Хазария* еще встречается в византийских документах, обозначающих область Тамани, в арабских (ал-Гарнати и др.), западноевропейских (Марко Поло) и иных источниках, но сам этнос, господствовавший на протяжении трех сто-

летий на юге Восточной Европы, растворился среди многочисленных народов и этнических групп, некогда входивших в состав каганата. К хазарам иногда стремятся возвести свое происхождение некоторые представители тех народов, которые исповедовали иудаизм: горские евреи (таты) Дагестана и караимы Крыма, но прямых оснований для этого в источниках нет.

В 1970-е гг. англоязычный писатель Артур Кестлер в популярной книге «Тринадцатое колено» попытался отыскать тюркско-хазарские истоки европейского (ашкеназского) еврейства (см. перевод фрагментов этой книги в издании: [Гумилев, 1996, с.515 и сл.]). Кестлер не скрывал, что его целью было доказать безосновательность антисемитизма, т.к. европейские евреи не были семитами — они были тюрками по происхождению, относились к тринадцатому колену, а не к одному из двенадцати колен Израилевых. Эта концепция практически возрождает мифологизированную генеалогию, принятую в письме царя Иосифа, который возводил свой род в колену Тогармы. Судьбы еврейских общин Хазарии неясны (еврейско-хазарская община, видимо, уцелела в Киеве в X—XI вв.), едва ли они были многочисленны вне традиционных причерноморских центров еврейской диаспоры, и никаких оснований связывать с ними европейских ашкеназов, составлявших самостоятельные общины в городах Западной Европы в раннем средневековье, нет.

Вместе с тем хазарская эпоха не прошла для Восточной Европы бесследно (равно как не прошли бесследно гуннская и аварская эпохи для Европы Центральной — для славян и венгров): наследницей Хазарии в раннесредневековую эпоху стала (отчасти) Русь, а затем — Золотая Орда, власть которой распространилась в тех же пределах, что и власть Хазарии в период могущества. В сложных отношениях соперничества и партнерства с Хазарией выступала не только Русь, но и другие народы и страны Евразии, в первую очередь — Алания и Волжско-Камская Булгария.

Кавказская Алания и народы Северного Кавказа в VI—X вв.

Знаменитый арабский географ X в. ал-Масуди помещает на Кавказе 72 народа: это, конечно, не точное число этносов, обитающих в этом регионе, а общее представление о множестве «языков», населявших Кавказ — их число соответствует числу «языков», строителей вавилонской башни. Этническое разнообразие соответствовало самой природе Кавказа, разделенного естественными границами на множество регионов, где обитали разные племена. Но отнюдь не все они были известны древним и средневековым авторам. Одним из самых могущественных и известных народов Кавказа ал-Масуди считает аланов. Сам Кавказ именовался в византийских источниках середины V в. «Аланской горой». Согласно передаваемым им легендам, иранский шах Ануширван в VI в. воздвиг стену у Дербента (Баб ал-Аббаб), чтобы удерживать хазар, аланов, различных тюрков, жителей Сарира и другие народы, а в еще более древние времена мифический правитель Ирана Исфандияр основал Аланскую крепость — «Аланские ворота», Дарьял, чтобы не пускать аланов в Закавказье.

Потомки скифо-сарматского населения евразийских степей аланы, походы которых в союзе с германцами, гуннами и другими народами потрясли в эпоху Великого переселения средиземноморский мир, в первых веках н.э. прочно освоили степи и предгорья Северного Кавказа, подчинив и частично ассимилировав местное население. Прокопий Кесарийский [Прокопий Кесарийский, II, VIII.3] свидетельствует, что аланы занимают «всю страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот» («Каспийскими воротами» этот автор считал Дарьял). Там аланы перешли к отгонному скотоводству и земледелию (в том числе восприняли у местного населения навыки террасного земледелия на склонах гор), основали многочисленные малые и крупные укрепленные поселения. На равнинных землях Ставропольской возвышенности, долинах Кумы, Терека, Сунжи преобладали т.н. земляные городища с валами и рвами из земли, глины и кирпи-

ча-сырца, в Центральном Предкавказье — каменные городища со сложенными из камня стенами и башнями, хозяйственными и жилыми постройками. Сеть укрепленных поселений контролировала горные выпасы и позволяла, в случае вражеского нашествия, увести население и скот в горы. На рубеже VII—VIII вв. на некоторых поселениях появляются редкие юртообразные жилища и керамика, свидетельствующая о присутствии тюркских (болгарских) групп; наряду с характерными для алан катакомбными погребениями распространяются скальные гробницы и грунтовые ямы, также связанные с перемещениями тюркского населения в эпоху хазарского господства. Однако собственные культурные навыки позволили аланам не только пережить нашествия гуннов и других народов евразийских степей, но и сыграли важную роль в становлении культуры Хазарского каганата (и даже Волжской Булгарии). Многочисленные памятники аланской культуры на Северном Кавказе существуют нередко с III по IX вв. и дольше.

Аланы, как и прочие «варварские» народы Евразии, должны были маневрировать между великими державами раннего средневековья — Византией и Сасанидским Ираном, затем — Арабским халифатом; предполагают, что внутри аланского племенного объединения существовало две группировки — проиранской и провизантийской ориентации, образовавшихся на территории Северного Кавказа к VI в. н.э. Восточные аланы контролировали Дарьяльский проход, ведущий в зависимое от персов грузинское царство Картли. Западное объединение алан сформировалось в верховьях Кубани, вблизи западногрузинского государства Лазики и Абхазии, бывших под контролем Византии. Поэтому Западная Алания также входила в сферу византийского влияния и часто выступала в качестве союзника Византии: неслучайно в 558 г. авары обратились к царю западных алан Сарозию с просьбой установить дружественные контакты с Византией [Ковалевская, 1984, с.133 и сл.; ср. Кузнецов, 1992, с.85 и сл.]. Напротив, восточные аланы в составе иранских войск вторглись в 550—551 гг. в Колхиду, подвластную Византии,

и позднее (576 г.) заключили (вместе с савирами) выгодный договор, получив от Византии откуп больший, чем те деньги, что платили им персы. Юстиниан II стремился в начале VIII в. использовать аланов против *абасгов* и *лазов* — абхазов и населения Западной Грузии, отложившихся от Византии [Чичуров, 1980, с.65—67]. Интерес к Алании был силен не только в силу ее стратегического положения на Кавказе, но и потому, что в результате войн, которые вел Иран, изменился маршрут Шелкового пути, который проходил теперь к византийским портам Северного Причерноморья через Аланию (неслучайно в могилах аланской знати обнаружены шелковые одеяния среднеазиатского происхождения).

К середине VIII в. аланы оказались под властью Хазарского каганата — они почти не упоминаются в византийских источниках VIII—IX вв. Археологами отмечено появление памятников салтово-маяцкой культуры с очевидными тюркскими чертами в междуречье Кубани и Терека — хазары стремились к летним пастбищам Приэльбрусью и контролю над Шелковым путем [Кузнецов, 1997, с.164 и сл.]. Но Византия использует свои традиционные связи с аланами в период обострения отношений с Хазарским каганатом и Дунайской Болгарией: когда в 917 г. дунайские болгары стали угрожать Константинополю, патриарх Николай Мистик в своем послании царю Симеону пригрозил нашествием турок (венгров), печенегов, руси, аланов и «других скифских племен». К реальным политическим успехам того же патриарха можно отнести крещение Западной Алании (при содействии правителя Абхазии) в начале X в. В результате Византии удалось спровоцировать конфликт алан с иудейской Хазарией в 932 г., упомянутый Кембриджским документом: аланы потерпели поражение, и, по ал-Масуди, вынуждены были изгнать византийских священников (по данным еврейского документа, они даже приняли иудаизм). Отказ от христианства был недолгим, ибо в середине X в. император Константин Багрянородный в сочинении «О церемониях византийского двора» именует правителя Алании «духовным сыном» и удостоивает грамот с золотыми печатями, что приравни-

вает Аланию к таким христианским государствам, как Дунайская Болгария и Армения. О существовании аланской митрополии известно с конца X в. В том же X в. в Западной Алании начинается церковное строительство. Центром епархии становится, вероятно, городище Нижний Архыз в верховьях Кубани, которое отождествляется со столицей Алании, упомянутой ал-Масуди, — городом Магас (Маас); Алания входит в круг христианских государств Причерноморья [Кузнецов, 1992, с.102—122].

В описании ал-Масуди царь аланов (*ал-Лан*), помимо столицы Магас (иранск. «Великая») владеет многими замками и резиденциями, в которые время от времени наезжает: этот быт характерен для правителей раннесредневековых государств — от империи Каролингов до Руси и Хазарии. В X в. в Алании действительно формируется сеть каменных крепостей, при строительстве которых византийские традиции повлияли на местную технику. Царь Алании поддерживает матримониальные связи с царем Сарира, с ним в дружбе пребывает горная область Гумик, которую связывают с современными землями лакцев, народа, говорящего на языке нахско-дагестанской группы и в прошлом именовавшемся *кази-кумух*, по имени главного поселения Кумух (название древней области сохранилось в этнониме тюркоязычного народа *кумыки*). Соседний же с аланами народ *кашак* (адыги) не имеет царя и исповедует языческую религию, а от могущественных аланов их спасают только укрепленные поселения. Константин Багрянородный [гл. 43] свидетельствует о том, что аланы совершают набеги и на более отдаленную от них адыгскую область между Кубанью и Никопсисом, именуемую в греческих источниках *Зихией*; зихи вынуждены скрываться от аланов на ост-

ровах на Черном море. Царь алан, по ал-Масуди, главенствует также над абхазами. Очевидно, что правители алан стремились обрести выход к морю.

Аланское государство существовало до монголо-татарского нашествия XIII в. После монгольского разгрома аланы составили этноязыковую основу нового ираноязычного народа Кавказа — осетин. Но влияние аланов на этническую и языковую историю народов Северного Кавказа было значительно более широким и указывает, в частности, на взаимодействие ираноязычных и тюркоязычных этносов, в том числе предков тюркоязычных карачаевцев и балкарцев: само имя балкарцев, вероятно, родственно этнониму *болгары*, названию раннесредневековых соседей аланов.

В целом на Северном Кавказе рубежа 1 и 2 тыс. н.э., при всей традиционной пестроте этнической ситуации, прослеживаются те же тенденции развития этнических культур, которые наблюдались и в более ранние эпохи: на юго-западе преобладают адыгские племена (*зихи* и *касоги* средневековых источников), центральную часть занимают аланы, а горные области — горские народы вайнахов (предки чеченцев и ингушей), на востоке в Дагестане — в областях Серир, Гумик и др. — предки аварцев, лакцев, лезгин, даргинцев и др. народов жили вместе с тюркоязычными племенами, проникшими на север Дагестана с гуннской эпохи, в том числе с хазарами (в частности, городище Тарки возле Махачкалы предположительно отождествляется с Самандаром). В степях Прикубанья обитали потомки оногуро-болгарского и хазарского племенного объединения [ср. Гадло, 1979, с.199—209; Кузнецов, 1997].

ГЛАВА 7

Огузы и печенеги в евразийских степях

Владимир Иванов

Степи Восточной Европы и, в частности — степи Волго-Уральского региона, после затухания античной географической традиции на несколько веков выпали из поля зрения раннесредневековой географической науки. Что, впрочем, и не удивительно, поскольку, начиная с эпохи Великого переселения народов, практически вся Евразия находилась в состоянии своеобразных «тектонических подвижек», когда сталкивались и рушились одни государства, на их месте возникали другие, которые затем уничтожались третьими. В этих условиях трудно рассчитывать на сохранение (даже если они и писались) каких-либо исторических и географических сочинений, которые могли бы помочь современному историку в реконструкции политической и этнической карты степной Евразии эпохи раннего средневековья. Поэтому при написании истории народов Евразии нам приходится буквально по крупицам собирать сведения из самых различных, зачастую отрывочных, разрозненных и разновременных письменных источников, дополняя (а иногда и уточняя) их археологическими данными. В первую очередь это относится к народам Волго-Уральского региона, находившимся на периферии как европейских, так и азиатских средневековых цивилизаций.

Из них первыми в глубь Волго-Уральских степей начали проникать представители динамичного исламского мира, стремившегося, после своего утверждения в Передней и Средней Азии, расширить сферу своего влияния на север и запад. В 921 г. из Багдада во владения царя болгар направилось посольство халифа ал-Муктадира, секретарем которого был Ахмед ибн Фадлан.

Ахмед ибн Фадлан был человеком для своего времени глубоко образованным, поэтому вполне естественно, что во время своего путешествия на Волгу он вел путевой дневник. Рафинированный мусульманский интеллигент и богослов Ибн Фадлан во время своего путешествия обращал внимание, прежде всего, на обстоятельства и факты, выходящие за рамки привычного ему мироощущения, и фиксировал их в своих записках. С того момента, как багдадское посольство пересекло границы халифата и вступило «в земли тюрок», записки Ибн Фадлана превращаются буквально в справочник по этнографии и географии расселения народов степного Поволжья и Приуралья.

После долгого и трудного пути, спустившись с безводного плато Устюрт, караван посольства пришел к кочевьям огузов (гузов), живших в то время в степях между Северным Приаральем и низовьями Волги. Кроме сообщений об образе жизни и нравах этого народа, Ибн Фадлан оставил детальное описание похорон огуза, фиксируя такие признаки погребального обряда, как рытье просторной прямоугольной могилы («...для него выроют большую яму в виде дома...»), помещение в могилу принадлежащих покойному вещей («...наденут на него его куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набизом... принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме»), перекрытие могильной ямы деревянными досками и возведение над могилой земляного кургана («...дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто вроде купола из глины»).

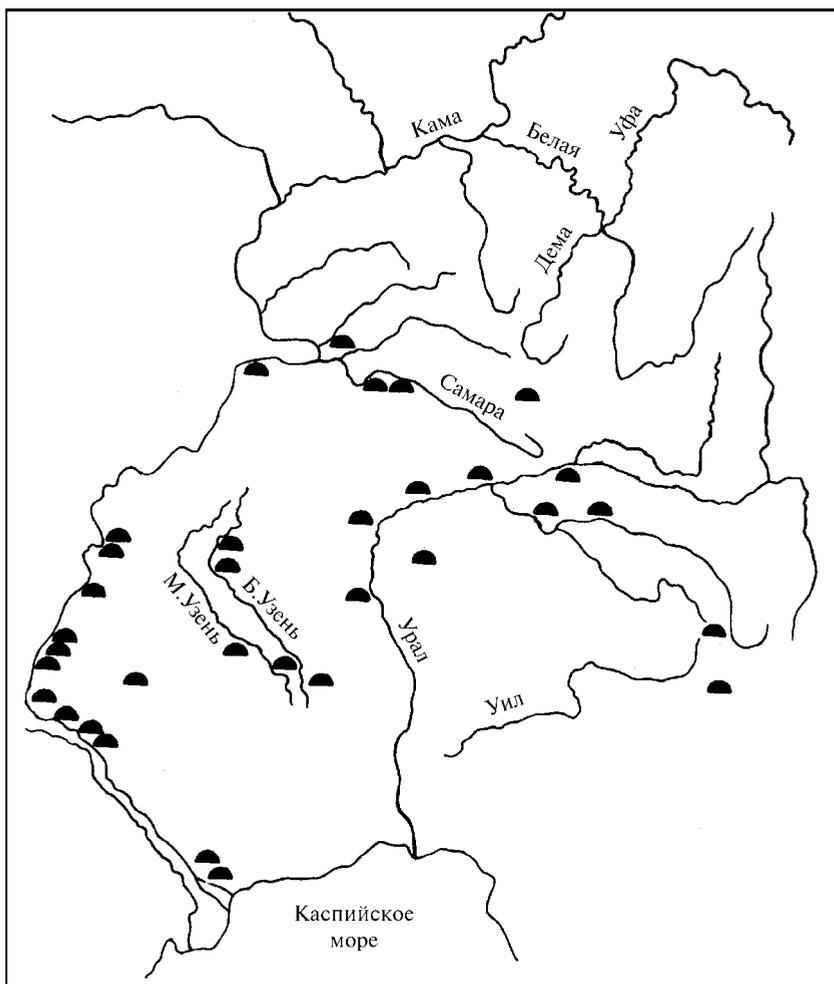

Рис. 1. Расположение курганов огузов и печенегов в Волго-Уральских степях

Особо примечательным показался Ибн Фадлану такой сугубо языческий обычай, как погребение вместе с человеком останков коня: «Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют сто голов или двести, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: это его лошади, на которых он поедет в рай».

Благодаря сведениям Ибн Фадлана археологам удастся этнически идентифицировать часть курганов X—XI вв. в Волго-Уральских степях, составляющих довольно компактную территориально и типологически группу, для которой характерно устойчивое сочетание таких признаков, как захо-

ронения под земляными насыпями, деревянное поперечное перекрытие над могильными ямами, череп и кости ног коня, уложенные над человеком на перекрытие или в засыпи могилы, бронзовые подвески-копоушки и стилизованные птицевидные подвески в составе инвентаря. Большинство этих памятников расположены по левобережью Нижней Волги, на территории современных Астраханской (дюна Лапас), Волгоградской (Верхне-Погромное, Киляковка, Заплавное, Эльтон, Ченин, у пос. Ленинск, Средняя Ахтуба, Быково, Кано, совхоз Волжский и др.) областей, отдельные погребения известны на территории Уральской (Саралжин III), Актюбинской

(Болгарка-1, Ата) и Оренбургской (Увак, Тамар-Уткуль, курган I) областей (рис.1).

Следует отметить, что записки Ибн Фадлана — это самое раннее письменное свидетельство пребывания огузов в Волго-Уральских степях. Однако имеются более ранние письменные источники, из которых следует, что для данного региона огузы — народ пришлый и область их первоначального расселения находилась далеко на востоке евразийских степей. Это — широко известные и хорошо изученные историками древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в. (надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука). В этих текстах огузы представлены как ближайшие соседи, политические противники и подданные тюрков на территории нынешней Монголии, с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет.

К востоку от Мавераннахра (Средней Азии) знали огузов и арабские географы середины IX в. В частности, в «Книге картины земли», написанной арабским ученым Мухаммадом ал-Хваризми между 836 и 847 гг. на основании географических данных Птолемея, координаты огузских кочевий, обозначенных как «земля ат-тугузгуз», указаны значительно восточнее Хорезма, Бухары и Самарканда [Калинина, 1988, с.48, 97].

Однако уже во второй половине IX в. арабские авторы (Ибн Хордадбех, ал-Йакуби) называют огузов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кипчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения. Но зато два других автора — ал-Балазури (ум. в 892 г.) и ат-Табари (ум. в 923 г.) — в своих трудах повествуют о том, что в 820—821 гг. токуз-огузы совершили набег на Усрушану, а правитель Хорасана Абдаллах б. Тахир, вероятно, в ответ на это в 824 г. отправил свое войско в поход на «страну Гуззия».

Таким образом, уже через 80 лет после войн с тюрками в Центральной Азии огузы обитали в низовьях Сырдарьи, в 3000 км к западу от Орхона и Селенги. Там, на северной периферии среднеазиатских степей и полупустынь, огузы, как считал С.П.Толстов, создали свою державу со столицей

в городе Янгикенте на Сырдарье. В начале X в. западные границы этой державы достигали низовьев Волги, вплотную подступая к восточным пределам Хазарского каганата.

Записки Ибн Фадлана являются наиболее полным собранием сведений об образе жизни, религии и социальном устройстве заволжских и прикаспийских огузов X в. Из них мы узнаем, что огузы — «... кочевники — дома у них из шерсти, они то останавливаются табором, то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии. К тому же они, как блуждающие ослы — не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих старейшин «господами».

Социальное устройство огузов, по сведениям Ибн Фадлана, выглядит как военная демократия («Дела их решаются советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись») с элементами верховной раннефеодальной власти («Царя тюрков гуззов называют йабгу, и это — титул повелителя. И каждый, кто царствует над этим племенем, этим титулом называется. А заместителя его называют кюзеркин. И точно так же каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется кюзеркин»). О том, что власть эта не была еще в полном смысле феодальной, свидетельствует, на наш взгляд, описанная Ибн Фадланом реакция одного из огузов («с потрепанной внешностью, щуплого вида, с жалким существом»), остановившего караван арабского посольства, на заявление арабов о том, что они — «друзья кюзеркина». В ответ на это огуз отпустил несколько оскорблений в адрес кюзеркина и пропустил багдадский караван только после того, как получил подачку от Ибн Фадлана.

По некоторым приводимым в рассматриваемой книге фактам можно судить о том, что отношения между огузами и их западными соседями хазарами были враждебными. Более определенно по этому поводу писал современник Ибн Фадлана

арабский географ и историк ал-Масуди (ум. в 956 г.). Из его сочинения, во-первых, следует, что огузы кочевали в Северном Прикаспии, между устьями двух больших рек, впадающих в Каспийское (Хазарское) море. У Масуди — это *Черный Иртыш* и *Белый Иртыш*, очевидно, соответствующие Яику и Эмбе. Затем, на зиму, огузы собираются к Волге (*Хазарской реке*) и, перейдя ее по льду, нападают на хазар: «...После 300 года гиджры случилось, что около 500 кораблей, из коих на каждом было 100 человек (из Русов), вошли в рукав Найтаса (Черное море), соединяющийся с Хазарскою рекою. Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем, также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас. Это делается потому, что Туркские кочевники — Гуззы приходят в этот край и зимуют здесь; часто же замерзает вода, соединяющая реку Хазарскую с рукавом Найтаса, и Гуззы переплывают по ней со своими конями... и приходят в страну Хазар. Иногда выступает им навстречу Хазарский царь, когда поставленные им люди слишком слабы, чтоб удерживать Гуззов, препятствовать им в переправе по замерзшей воде и удалять их от его государства. Что же касается лета, то Турки не имеют тогда дороги для переправы по ней» [Гаркави, 1870, с.131]. Следует отметить, что в данном сообщении Масуди отнюдь не все ясно: понятно, что Волга (Хазарская река) служила границей между огузами и хазарами, но совершенно непонятно, что это за «рукав Найтаса», соединяющийся с р. Хазарской, в районе которого огузы переходили в пределы страны хазар? Поскольку исследователями-источниковедами на сей счет также не высказано никаких соображений, остается предполагать, что, возможно, у ал-Масуди имеется в виду район современного г. Волгограда, где Дон («Рукав Найтаса») и Волга близко подходят друг к другу и где сейчас известны огузские погребения X в.

Ибн Фадлан ничего не сообщает о границах территории расселения огузов. Более подробные сведения на сей счет содержатся в сочинении современного ему автора —

ал-Истархи, где «пределы страны гузов» помещены к западу от Мавараннахра, «между хазарами и кимаками, страной карлуков и булгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Исбиджаба». [Караев, с.36]. На современной карте это получается довольно обширная территория от верховьев Сырдарьи на востоке до Северного Прикаспия и Нижней Волги на западе. В этих же пределах очерчивает границы расселения огузов и Ибн Хаукал (70-е годы X в.) [Пантусов, 1909, с.152].

Двигаясь дальше на север от огузских кочевий, багдадское посольство через несколько дней подошло к берегам озера Шалкар (Уральская область в Казахстане), вокруг которого в это время кочевали печенеги.

Очевидно, из-за краткости остановки (у печенегов посольство пробыло всего лишь один день) Ибн Фадлан не имел возможности подробно ознакомиться с бытом и обычаями этого народа, а потому ограничился только кратким описанием их внешнего вида («Они — темные брюнеты с совершенно бритыми бородами...») и сжатой, буквально в одной фразе, характеристикой имущественного состояния встреченной группы печенегов («...они бедны в противоположность гузам»).

Итак, печенеги — еще один тюркский кочевой народ, обитавший в Волго-Уральских степях в начале X в. Эти сведения Ибн Фадлана подкрепляются аналогичными сообщениями других средневековых авторов, современников арабского путешественника: византийского императора Константина Багрянородного и арабского писателя, историка и географа ал-Масуди. Они также органично дополняются данными археологических исследований, в результате которых в северной части Волго-Уральских степей выявлены и изучены курганы, по своим признакам идентичные собственно печенежским курганам, в большом количестве известным в степях Украины и Северного Причерноморья: захоронения под небольшими земляными насыпями, в простых прямоугольных могилах, с преобладанием западной или юго-западной ориентировки погребенных, хотя изредка встречается и восточная ориентировка, на дне могилы,

рядом с человеком (как правило — слева) уложены в анатомическом порядке череп и кости ног коня, в составе погребального инвентаря часты детали поясов или целые поясные наборы, иногда встречаются и глиняные лепные плоскодонные сосуды, стоящие в изголовье.

Ареал рассматриваемых памятников включает в себя Волгоградскую (Рахинка, Верхний Балыклей, Ново-Никольское, Калининский), Саратовскую (Ровное, Кураевский сад, Новоузенск, Черная падина), Уральскую (Кара-Су, Кара-Оба, Челкар, Рубежка), Оренбургскую (Ханская Могила, Алебастровая гора, Пчельник, II Колычевский, Мертвецовский, Яман, Тамар-Уткуль) и Самарскую области. Северные границы печенежских кочевий в Заволжье и Приуралье («Заволжская Печенегия») совпадали с южной кромкой волго-уральской лесостепи, а западная доходила до Самарской Луки (не случайно в средневековых географических картах Жигули называются «Печенежскими горами»).

В VIII в. огузы и печенеги обитали на востоке евразийских степей, будучи разделенными владениями тюркского кагана. Но уже в первой четверти IX в. огузы появляются на берегах Сырдарьи непосредственно рядом с печенежскими кочевьями. Соседство это в итоге вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения ал-Масуди. И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приаралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем — далее на запад. Так, Ибн Русте, писавший не позже 912 г., сообщает о «земле печенегов», расположенной в 10 днях пути от «земли хазар», между печенегами и жившими на Волге «болгарскими эсегелями, рядом с первым из краев маджарским». То, что в данном случае речь идет уже о восточноевропейских печенегах, следует из краткого описания пути от печенегов к хазарам («...Торного пути или больших дорог нет, впрочем, между упомянутыми землями, а пробираются из страны Печенежской до

самой земли Хазарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами»), которого, как известно, к востоку от Волги мы нигде не найдем, а также из указания о южной границе «маждарского края», выходящей к Румскому (Черному) морю [Хвольсон, 1868, с.665—666, 669—670].

Сведения Ибн Русте дополняются сведениями русских летописей о походе печенегов, согласно договору с Византией, на Дунай против болгарского царя Симеона в 915 г. («В лето 6423. Приидоша Печенежи первое на Русскую землю и створише мир с Игорем, идоша к Дунаю. В си же времена приде Семеон, пленяя Фракию. Греци же послаша по Печенеги. Печенегом же пришедшим и хотящим на Семеона, расваришася Грецкия воеводы. Видевше Печенежи, яко сами на ся рать имуть, отидоша во свояси...» [ПСРЛ, 1962, с.31].

Итак, в первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского племенного союза. Особенно интересной в этом отношении представляется книга византийского императора Константина Багрянородного (ум. в 959 г.) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее емкий источник по истории европейских печенегов первой половины X в. Из него, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами, с тем, чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и «турков» нападать на Византию (под «турками» в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры, в конце IX в. заселившие Паннонию в бассейне Дуная и Тисы).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях восточной Европы: от низовьев Дуная («... печенеги близки к булгарам») и северных пределов «турков» (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно, Темеш, Бегу, Марош, Кёрёш и Тисса в восточной Венгрии) до хазарской крепости Саркела, по берегам рек

Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днепр), Врут (Прут) и Серет [Константин Багрянородный, 1934, с.18—20]. Причем на этой территории печенеги жили восемью «округами», четыре из которых располагались по правобережью Днепра (Гиазихопон, Гиля, Харовой и Явдиертим), а остальные по левобережью (Кварципур, Сирукалпей, Ворталмат и Вулацоспон).

Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов — на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад: «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе, имея соседями Хазаров и так называемых Узов. Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Хазарами и вступив в войну с Печенегами, одержали верх, изгнали из их собственной страны, и ее заняли так называемые Узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут Турки, они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране и владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет» [Константин Багрянородный, 1934, с.15].

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима «печенег—кангар», как бы перекликающееся со сведениями восточных письменных источников: «...Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар, (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда называвшимися Кангар войско Турков было разбито...» («тогда» — это, по тексту Константина Багрянородного, в конце IX в.). Причем чуть выше автор подчеркивает, что «... Печенеги именуются Кангар, но не все, а только народ трех округов: Явдирти, Кварципура и Хавуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание Кангар». Следует полагать, что к таким «храбрейшим

и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т.е. по берегам Днепра (округ Явдиертим соседствует с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «...Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с т.н. Узами и доселе остаются у них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников» [Константин Багрянородный, 1934, с.16].

Мысль о войнах между печенегами и огузами как о причине переселения первых к западу от Волги проводит в своем сочинении и ал-Масуди: «...Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда — они же суть три рода из Турка — есть то же, что море Нейтас (Черное)»; «...Они завоевали многочисленные из пяти «бунуд» (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Румию... В книге «Фунун ал-ма ‘ариф ва маджра фи ад-духур ас-савалиф» («Сорта знания и что случилось в прошлом») мы отмечаем причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан» [Гаркави, 1870, с.127].

Сведения о двух группах печенегов («тюркских» и «хазарских») содержатся в «Худуд ал-алам» («Границы мира»), написанной в 982—983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хордадбега, ал-Джайхани и Ибн Хаукаля (В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский). Причем, если исходить из координат рассе-

ления печенегов, приведенных в указанном сочинении, то получается, что «хазарские печенеги» — это племена Заволжской Печенегии, а «тюркские печенеги» — описанные Константином Багрянородным печенежские племена восточноевропейских степей.

Факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых авторов X в., давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Первые российские историки (В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин), опираясь на сочинение византийского императора, вообще трактовали рассматриваемую территорию как древнюю печенежскую родину. И хотя эта идея не была поддержана последующими исследователями, опиравшимися на более широкий круг письменных источников, степи Волго-Уральского междуречья, как часть печенежской ойкумены, постоянно фигурируют в трудах современных авторов. Одним из первых на эту тему вполне определенно высказался турецкий историк А.Н.Курат, очертивший, на основании сведений Константина Багрянородного, Гардизи и «Худуд ал-алам», границы печенежских кочевий в конце IX — начале X вв.: «...от города Сарай на Идиле, до реки Самары, включая среднее течение Яика и долины таких рек, как Сакмар и Илек. А в засушливые годы местами летовок становились подножия Уральских гор» [Kurat, 1937, с.36]. Аналогичную карту расселения печенегов рисуют в своих трудах крупнейшие отечественные исследователи средневековых кочевнических древностей — С.А.Плетнева и Г.А.Федоров-Давыдов [Плетнева, 1958, с.162; Федоров-Давыдов, 1966, с.134].

Опираясь на сведения средневековых авторов, американский историк П.Голден рисует следующую схему хода и причин миграции огузов и печенегов с востока евразийских степей в Восточную Европу: вследствие продолжительных войн между огузами и уйгурами, имевшими место в 20-е—40-е годы IX в., огузы и их союзники карлуки были вытеснены в Семиречье, где они столкнулись с печенегами (кангарами-кенгересами) и вытеснили последних вначале в Приуралье, а затем и далее —

в Заволжье и Приуралье [Golden, 1967, с.59—61]. Однако едва ли низовья Сырдарьи, удаленные и отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, выглядели в глазах печенегов и огузов «землей обетованной», за которую следовало бы драться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, до поволжских границ Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и огузы.

С целью очистить заволжские степи от печенегов огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи — печенеги или огузы), поставив печенегов «между молотом и наковальней». Для последних из этой ситуации оставался единственный выход — идти далее в поисках более спокойного места. Таковыми, на наш взгляд, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки Волго-Уральской лесостепи Заволжской Печенегии, территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом. Именно здесь, т.е. у северных границ Заволжской Печенегии, в начале X в. кочевали древние башкиры (по Ибн Фадлану — на р. Кондурча) — третья группа тюркоязычных племен, зафиксированная средневековыми письменными источниками в Урало-Поволжье, которую Р.Г.Кузеев помещает в авангарде печенежской миграции в Урало-Волжские степи [Кузеев, 1992, с.59].

Итак, оттеснив, с помощью хазар, печенегов на северную окраину Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь обильную своим экологическим потенциалом, но чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономического взаимодействия кочевого и оседлого миров. Прежде всего из нижневолжских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии: только Волга отделяла огузов от хазарских городов с их рынками и ремесленными мастерскими. Причем если письменные ис-

точники (ал-Масуди) сообщают о регулярных зимних набегах огузов на хазарские крепости (весьма своеобразная «благодарность» хазарам за помощь в изгнании печенегов), то соответствующие археологические памятники вообще позволяют предполагать наличие огузского «плацдарма» по правому берегу Нижней Волги (хут. Кузин, Старица, Кривая Лука III, Барановский, Никольский V и др.), опираясь на который огузы осуществляли свои набеги на хазар и с которыми последние, очевидно, вынуждены были мириться.

Затем, от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного Чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которым можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и города Кят — основного центра огузо-хорезмийской торговли.

И, наконец, в середине — второй половине X в. недалеко от северных границ «Дешт-и-огуз» появляется еще один крупный торгово-ремесленный центр — городище на Самарской Луке, в археологической литературе известное как «Муромский городок» — самый южный город домонгольской Волжской Булгарии.

Все эти факторы обеспечивали важное условие сбалансированного кочевнического хозяйства — устойчивые торговые связи с оседлыми земледельческим и ремесленным населением городов, и наличие близких рынков сбыта для выращенного скота и захваченных рабов.

В гораздо худшем положении оказались печенеги, прижатые к южной границе Волго-Уральской лесостепи: с севера вздымались отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности, по своим природным и климатическим условиям плохо приспособленной для кочевого скотоводства (сильно изрезанный рельеф, отсутствие крупных водных источников, толстый, 50—60 см, и долго лежащий снежный покров, частые летние засухи). Находящаяся в стадии становления Волжская Булгария со своими еще не устоявшимися границами также едва ли была в состоянии выступить в роли покровителя, как это впоследствии произошло между Киевской Русью и тюрко-пече-

негами («черными клобуками»). Впрочем, не исключено, что какая-то часть печенегов могла найти прибежище в волжско-булгарских пределах, чему свидетельством, надо полагать, служит появление на поселениях южных районов Волжской Булгарии лепной плоскодонной посуды (т.н. II этнокультурная группа керамики), которая, по мнению Т.А.Хлебниковой, типологически сопоставима с посудой памятников кочевнической группы салтово-маяцкой культуры, оставленных различными племенами Хазарского каганата: болгарями, хазарами, печенегами и гузами.

Основная же масса печенегов, очевидно, на рубеже 80-х — 90-х годов IX в. уходит из Заволжья на запад. По имеющимся сейчас данным можно предположить, что произошло это незадолго до 895 г. — года нападения печенегов на древнемадьярскую территорию Леведию (Лебедию), которую большинство современных венгерских исследователей не очень определенно помещает в междуречье Дона и Северского Донца. Однако мы имеем основания полагать, что Северский Донец являлся не западной, а именно восточной границей этой легендарной области, поскольку именно в междуречье Днепра и Северского Донца расположены все, хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные погребальные памятники и отдельные находки, типологически связанные с древнемадьярскими древностями (Заплавские курганы, погребение на р. Чингул и др.) [Иванов, 1999].

Вытесненные из Леведии мадьяры перемещаются за Днепр, где и образуют еще одну этнокультурную область Этелькёз (Ателькузу), которую многие исследователи, опираясь на перечень рек, текущих в этой области, приведенный Константином Багрянородным, размещают в степях Днепро-Днестровского междуречья, а степной угол между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем занимают печенеги.

Здесь известны многочисленные памятники, позволяющие довольно точно очертить границы Европейской Печенегии X в.: с востока это Северский Донец, по правому берегу которого, кроме поселений, тянется цепь городищ салтово-маяцкой культуры,

образующих западную линию обороны Хазарского каганата (Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское). На севере — курганы по Орели и Ворскле, севернее которых, по Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси. Далее на западе выделяется группа печенежских курганов в низовьях Буга, Днестра и Когильника, рек, по верховьям которых также шла система укреплений раннего периода Киевской Руси. Затем, на востоке кочевья европейских печенегов до Волги также не доходили, поскольку в верховьях Сев.Донца и Дона салтовская территория фактически смыкалась с территорией славянских племен северян и вятичей (роменская и боршевская культуры). Т.е. Европейская и Заволжская Печенегии на протяжении всего X в. были отделены друг от друга обширными пространствами, заселенными чуждыми и враждебными печенегам племенами, а потому, с учетом отсутствия в Волжско-Донецком междуречье печенежских памятников, предлагаемая А.Палоци-Хорватом реконструкция расселения восточных печенегов (племена вулацопон и вороталмат) принята быть не может.

Перекочевав к южным границам Киевской Руси, печенеги очень быстро становятся существенной силой восточноевропейской политики. Прежде всего, на протяжении столетия, с 920 по 1034 гг. русские летописи 13 раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевской Руси, причем только единожды (944 г.) как союзников киевского князя: «В лето 6452. Игорь совокупи воя многы: Варягы и Русь, и Поляны, и Словены, и Кривичи, и Тиверцы, и Печенегы ная, и тали в них поем, поиде на Греки в лодьях и на конех...», но и то, откуп у византийцев Игорь брал отдельно: «...и повеле Печенегом воевати Болгарскую землю, а сам взем у Грек злато и паволокы на вся воя, възвратится вспять и приде к Киеву въ свояси» (Ипатьевская летопись).

Все остальные летописные рассказы — это, по сути, своеобразный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015, 1034 гг.), Василев и Белгород (996, 997 гг.) и свидетельства участия печенегов

в междоусобицах киевских князей, ставшее наиболее активным в начале XI в. (980, 1016, 1019 гг.).

Осада печенегами Киева в 1034 г., закончившаяся их полным разгромом дружиной князя Ярослава Мудрого («...и бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав, и побегоша Печенезе раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе топяху вы Ситолми, инеи же во инех реках, и тако погибоша. А прок их погребоша и до сего дни») — это последнее зафиксированное летописью крупное столкновение Руси с печенегами.

О характере и перипетиях русско-печенежских и византийско-печенежских отношений имеются специальные исследования, к которым трудно что-либо добавить [Плетнева, 1988, с.35—46]. Кроме, пожалуй, того, что, если исходить из имеющихся данных, противоборствующие во второй половине X в. в Западном Причерноморье государства в лице печенегов имели дело не просто с конгломератом кочевых орд, а с зарождающейся государственной системой: наличие четко обозначенной территории обитания, внутренняя родо-племенная, а по сути — административная структура (деление печенегов на «восемь фем» или родо-племенных объединений с конкретными территориями кочевания), переход ко второй стадии кочевания. В отличие от С.А.Плетневой, считающей, что «...печенеги так и не смогли, очевидно, перейти на вторую стадию кочевания или во всяком случае находились в начале первого этапа этой стадии, почти неразличимого по источникам от таборной стадии», мы полагаем, что вторая стадия кочевания была господствующей формой жизни и хозяйствования европейских печенегов уже во второй половине X в. На это указывает наличие в культуре европейских печенегов тех признаков, которые названный исследователь считает характерными именно для второй стадии кочевания: ограниченные территории кочевания с четким определением границ кочевков (деление на восемь племен с обозначенными территориями их обитания), могильники в местах летовок и зимовок (у европейских печенегов мы наблюдаем если не могильники в полном смысле,

то районы локализации погребений по северному берегу Азовского моря, в низовьях Днепра, Буга и Днестра).

Здесь, кстати, нам хотелось бы обратить внимание на упоминание племени «*бадж-гирд*» (башкиры), которое у ал-Масуди дважды фигурирует в связи с территорией Европейской Печенегии. Данные сообщения, подробно рассмотренные Р.Г.Кузеевым, совершенно недвусмысленно указывают на то, что какая-то часть древних башкир в том же X в. в составе печенежского союза племен (существование которого убедительно показано С.А.Плетневой на основании анализа сведений Константина Багрянородного) уходит на запад, повторив и разделив, таким образом, судьбу своих союзников — печенегов.

В первые десятилетия своей восточноевропейской истории печенеги вместе с русскими дружинами активно «геройствовали» у северных (придунайских) границ Византии и Болгарии, до 972 г. составляя устойчивое звено созданной князем Святославом антивизантийской коалиции. Изменение политической конъюнктуры на западе евразийских степей в начале 970-х гг. было вызвано, очевидно, не только деятельностью византийских эмиссаров, но и усилением внутренних распрей внутри Европейской Печенегии. О том, что печенеги не выступали единым, союзным Руси, фронтом, свидетельствует факт нападения печенежской орды на Киев в 966 г., т.е. в то самое время, когда Святослав, в союзе с западными печенегами, вел войну с Дунайской Болгарией. Да и гибель Святослава от рук печенегов хана Кури в 972 г. — наглядный пример неоднозначного отношения печенегов к киевскому князю.

Если политическая история европейских печенегов освещена достаточно подробно благодаря сведениям русских летописей, то история Заволжской Печенегии в этом плане абсолютно неизвестна. Это дало основание считать, что оставшиеся в Заволжских степях печенеги «подчинились узам (огузам), вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в источниках не упоминались» [Плетнева, 1988, с.38]. Однако это не совсем так, чему свидетельство — описание земли печене-

гов в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидского историка XI в. ал-Гардизи. И хотя сам автор жил и писал в то время, когда огузов и печенегов уже теснили пришедшие с востока кыпчаки-половцы, но его глава о печенегах («баджинаках») была составлена на основании данных более ранних авторов — Ибн Хордадбега, ал-Джайхани, Ибн Русте — и потому вполне отражает ситуацию, когда Заволжская Печенегия существовала [Крачковский, 1957, с.262]. «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодезю, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока кыпчаки, с юго-запада хазары, с запада славяне... Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы» [Бартольд, 1897, с.119—120].

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что оно противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и об их зависимости от огузов (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный). И оно, это известие, перекликается с аналогичным сообщением Абу Дулафа о воинственности и независимости печенегов («баджнаков»), в котором говорится о том, что печенеги (а, судя по приводимым координатам расселения печенегов, речь у Абу Дулафа идет именно о заволжских печенегах) — народ воинственный и независимый («часто ведут войны между собой и дани никому не платят»). Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази (врача при дворе сельджукских султанов) «Табаи ал-хайаван» («Природа

животных»), написанной в первой четверти XII в., опять-таки на основании более ранних данных ал-Джайхани: «Печенеги народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе страна хазар, на востоке страна огузов, а на западе страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки» [Храковский, с.209].

Период с 980 по 1036 г. — время активизации печенежских набегов в северном и восточном направлениях. Их причину С.П.Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизирующейся Руси на востоке Европы, а В.В.Каргалов — в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, не способном удовлетворить жажду печенежский знати к обогащению. Однако более вероятной причиной изменения военно-политических интересов и устремлений печенегов могли быть следующие обстоятельства: во-первых, к концу X в. степи между Доном и Дунаем уже были освоены печенегами, перешедшими, как уже указывалось выше, ко второй стадии кочевания, сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами; во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после погрома дружинами князя Святослава в 965 г., и, наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и междоусобица 980 г. на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка. Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов, князь Владимир Святославич спешно укрепляет южные границы своего государства системой валов и городков «по Десне и по Оустры, по Трубешеву и по Суле, и по Стугне», под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в. славянское население с берегов Дона.

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава. Но поскольку сам Святослав в это время продолжал наращивать свою военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон в захваченной во время похода 965 г. хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тьмутараканскими землями) ему было явно не с руки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Саркеле и его окрестностях появляется огузское население, представленное соответствующим курганным могильником у Саркела—Белой Вежи [Плетнева, 1990]. По мнению современных исследователей, огузы (торки) выступали союзниками Святослава в его хазарском походе [Толстов, 1948, с.252].

Последнее датированное упоминание об огузах на Волге — это сообщение русских летописей о походе князя Владимира на болгар в 985 г.: «В лето 6493. Иде Володимир на Болгары с Добрынею, уем своим в лодьях, а Торкы берегом приведе на конех, и тако победи Болгары» (Ипатьевская летопись). Следует отметить, что тождество торки—огузы из содержания русских летописей не вытекает и здесь современные исследователи полностью принимают предположение предшественников (в частности, В.В.Бартольда) о том, что огузы — «...вероятно, торки русских источников; вместе с торками русские летописи упоминают еще и берендеев — вероятно, огузский род баюндур» [Бартольд, т.5, с.589]. В данном же случае имеется несколько фактов, указывающих на то, что в приведенном отрывке из Ипатьевской летописи речь идет именно о поволжских кочевниках и именно — об огузах. Во-первых, объект похода Владимира и Добрыни — «болгары». У исследователей как будто бы нет сомнений в том, что это волжские болгары (т.е. болгары), тем более, что накануне, т.е. в 984 г., «иде Володимир на Радимици», от которых шел прямой и удобный путь по Оке и Волге к болгарам «на лодьях». Во-вторых, обращение Владимира к торкам (огузам), с точки зрения его внешней политики было вполне логично, поскольку кочевавшие у южных гра-

ниц Киевской Руси печенеги представляли в это время опасную силу, союзнические отношения с которой были весьма затруднены, а торки-огузы, кочевавшие в Поволжье и не имевшие прямых контактов с Русью, воспринимались более лояльно. Не говоря уже о том, что подобные русско-торческие союзнические отношения к рассматриваемому времени уже имели прецедент.

Массовое переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи (на основании сведений русских летописей) датируют серединой XI в. С.П.Толстов расценивал его как проявление социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в разделении огузских племен на два крыла, — огузов-торков и огузов-сельджуков (*торками* называли огузов в русских летописях; под именем *сельджуков* они были известны в Малой Азии) и практически одновременном движении огузов-торков из Волго-Уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджуков из Приаралья через Хорезм — в Переднюю Азию, что, по мнению исследователя, являлось целенаправленной военно-политичес-

кой акцией единого союза племен. Подобная трактовка данного процесса представляется нам излишне усложненной, поскольку, во-первых, реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной и, вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах?) племен: собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях и огузо-туркмено-сельджукской (этнокультурный состав и ареал которой еще нуждается в детальном изучении) в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов — на запад, в Хазарию, у туркменосельджуков — на юг, в Хорезм. Поэтому когда на исторической арене азиатских степей появилась третья этнополитическая сила, — вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (по С.Г.Агаджанову — *куны* и *каи*) — направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

ГЛАВА 8

Кимаки, кипчаки и половцы

Сергей Кляшторный

Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, еще в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (Северо-Западный Иран) — он стал там начальником государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой связи. Массу затруднений в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. И вот, собрав отчеты чиновников и донесения осведомителей, в 846—847 гг. он написал «Книгу путей и провинций» («Китаб ал-масалик вал-мамалик»), впоследствии не раз дополняемую или сокращаемую и ставшую образцом для немалого числа подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и экономической жизни, Ибн Хордадбех приводит некоторые сведения о соседях халифата. В частности, используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов — и тех, кто жил «по эту сторону реки», т.е. Амударьи, и тех, кто жил «за рекой». «По эту сторону реки», к западу от Амударьи, названы лишь *тохаристанские карлуки* и *халаджи*. Напротив, список «заречных» племен внушительен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. Четко обозначена граница стран ислама и стран тюрков — область Фараба, т.е. нынешнего г. Туркестана: «В области находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков» [МИТТ, т.1,

с.144]. В 812 г. арабский отряд Зу-р-рийасатайна напал на карлуков и убил «начальника пограничной стражи» [Кляшторный, 1964, с.159].

Естественно, Ибн Хордадбех упоминает только самые значительные «страны тюрков», как, например, землю токузгузов (Уйгурский каганат), добавляя при этом: «Их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками». Сразу после страны тогузгузов в списке значится «страна кимаков», а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы *кипчаки*.

Так впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значительных для последующей этнической истории евразийских степей¹.

В VIII—X вв. преобладание кимаков и кипчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане становится определяющим фактором в этом

¹ Сообщение Ибн ал-Асира, арабского историка XII—XIII вв., об участии кипчаков на стороне хазар в их войне с арабами на территории Армении (722 г.) не подтверждается более подробным описанием этих событий в арабских исторических трудах IX в. (ат-Табари, Ибн Асама, ал-Йакуби, ал-Балазури) и является явным анахронизмом. Однако появление в отмеченном контексте имени кипчаков вполне объяснимо их активным участием в закавказских делах XII—XIII вв., во времена, когда писал Ибн ал-Асир, который к тому же родился и вырос в Мосуле, близком к Закавказью.

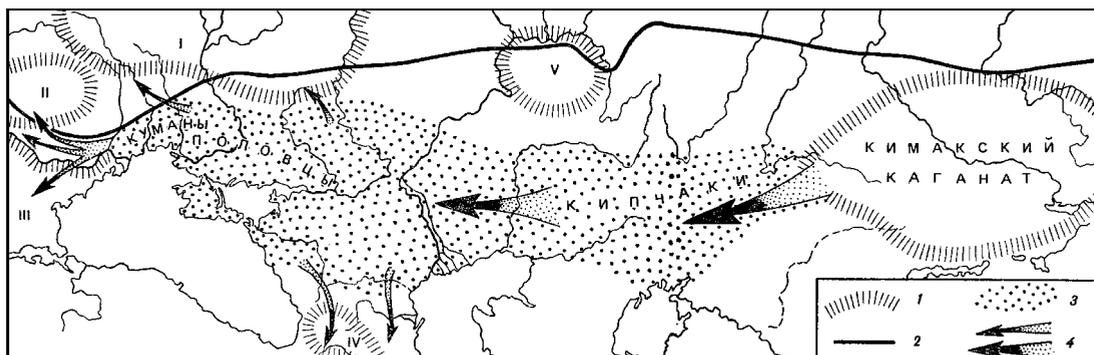

Схема расположения в степях кимаков, кипчаков, половцев, куманов.

Условные обозначения: I — Русь; II — Венгрия; III — Болгария; IV — Грузия; V — Волжская Булгария; 1-2 — северная граница степей; 3 — кочевнические общности; 4 — основные направления кочевнической экспансии в конце X — начале XIII в. [Плетнева, 1990, с.34—35]

писью из Шине Усу» или, в другом месте — «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (правил в 747—759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с Тюркским каганатом в 742—744 гг.

В полуразрушенной строке северной стороны стелы Рамстедт прочел: «Когда тюрки-кыбчаки властвовали (над нами) пятьдесят лет...» [Рамстедт, с.40]. Действительно, в 691—742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

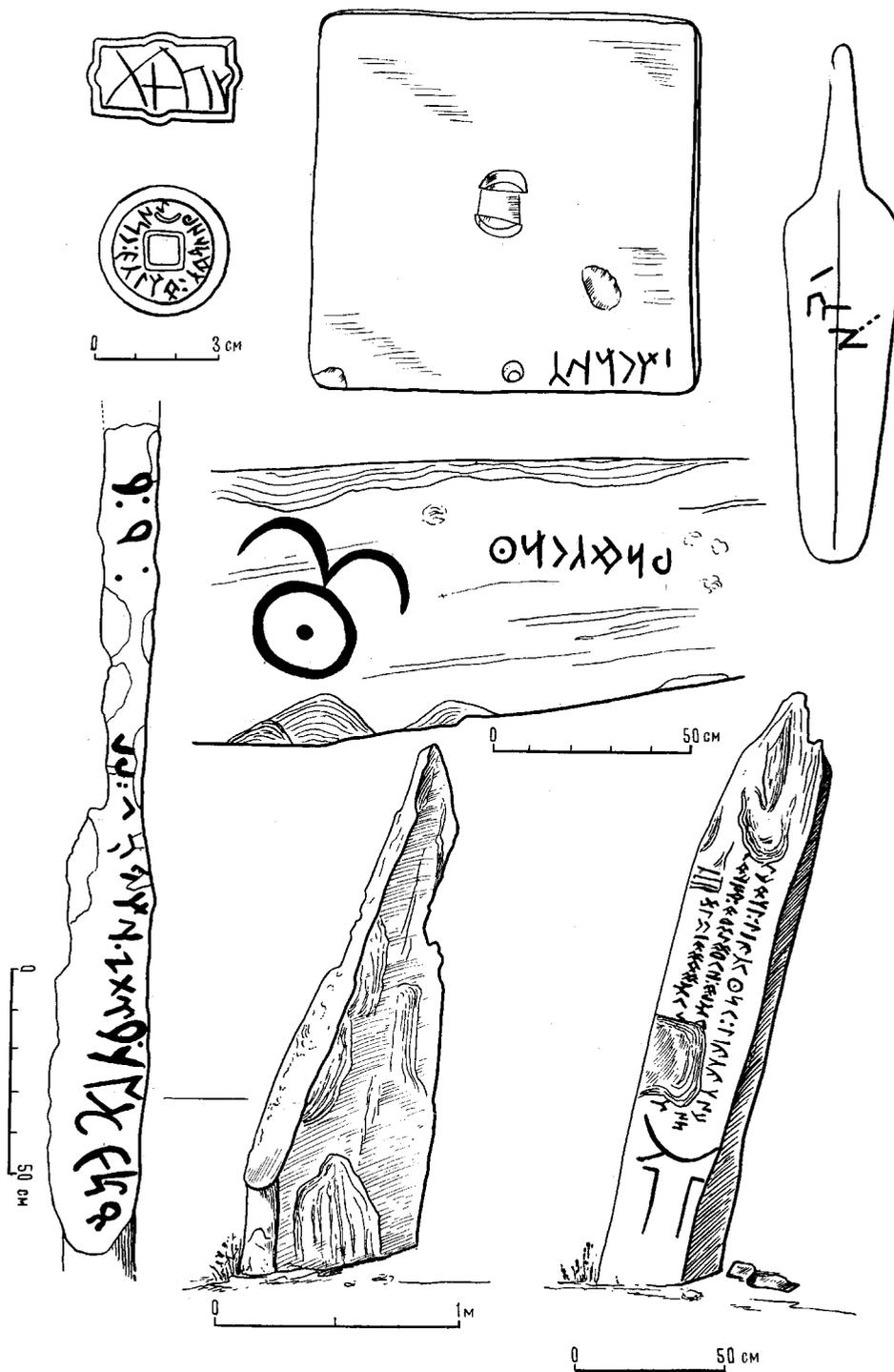
Хотя предложенное Рамстедтом слитное чтение «тюрки-кыбчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика (т.е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «тюрки и кыбчаки (кывчаки)».

Совместное упоминание тюрков и кипчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся

ктем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с *тюрк бодун*, «тюркским племенным союзом», лишь многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов. Рассказывается о покорении токуз-огузов в 687—691 гг. и о войнах с ними в 714—715 гг. и 723—724 гг. В объединении токуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племен)». Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «деяти огузов» Элетмиш Бильге-каган называет время существования второго Тюркского каганата (691—744 гг.) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыбчаков».

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он, так же как и автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем образования тюркского государства в земле Отюкен, т.е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение

Памятники енисейской письменности. Стелы с эпитафиями, надписи на скалах и отдельных предметах IX-X вв. Составили Л.Р.Кызласов, И.Л.Кызласов [Степи Евразии, 1981, с.146]

тюрк бодун, «тюркский племенной союз», заменяется на *тюрк сир бодун*, «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)». Коренная территория второго Тюркского каганата, Отоюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров», но ее властелин именуется «тюркским каганом». Вождя сиров в полуразрушенном тексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамамским текстам. Там он назван *сир иркин*, «иркин сиров». В заключительной строке надписи Тоньюкука «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поименованы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным,

сохранившееся не полностью: «...О, живущие в юртах беги и простой народ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племен огузов, двух племен эдизов!». Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло, по меньшей мере, целостность эля. Сиров здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах:

Памятник	Перечень племенных союзов	Политический статус
Надпись Тоньюкука около 726 г.	тюрки и сиров	господствующая группа племен
	огузы	подчиненная группа племен
Памятник Бильге—кагану 735 г.	тюрки	господствующее племя
	шесть сиров	второе по иерархии племя
	девять огузов два эдиза	подчиненные племена подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу 760 г.	тюрки и кыпчаки	господствующая в прошлом группа племен
	уйгуры	подчиненные в прошлом племена

Господствующая группа племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом *сир*, в то время как уйгурский — этнонимом *кыбчак* (*кывчак*). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известным авторам над-

писей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т.е. ответа на вопросы: Кто были сиров? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. немецкий синолог Ф.Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто* составили

конфедерацию *сеяньто*. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски, полагал Хирт, именовались *сирами* и *тардушами* (*сир-тардуши*). В 1932 г. владивостокский востоковед И.А.Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* (*ямтар* орхонских надписей) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — *тардуш*. А вслед затем американский Китаист П.Будберг, не отвергая уравниения *се=сир*, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение П.Будберга).

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се*, соответствует *сир* тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Первые сведения о племенах *се* и *яньто* весьма фрагментарны. *Яньто* упомянуты среди гуннских племен, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337—370 гг.), т.е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тыс. семей, правил, по всей вероятности, в 356—358 гг. Несколько позднее *яньто* были покорены своими соседями, племенем *се* (*сир*), истребившим правящие роды *яньто* и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род *сиров*, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группировки, существовавшей в IV—VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствовавшего племени, *сиров*, слилось с названием подчиненного племени *яньто*. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюркской этнонимии, это механическое соединение двух имен отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя — *сиры*.

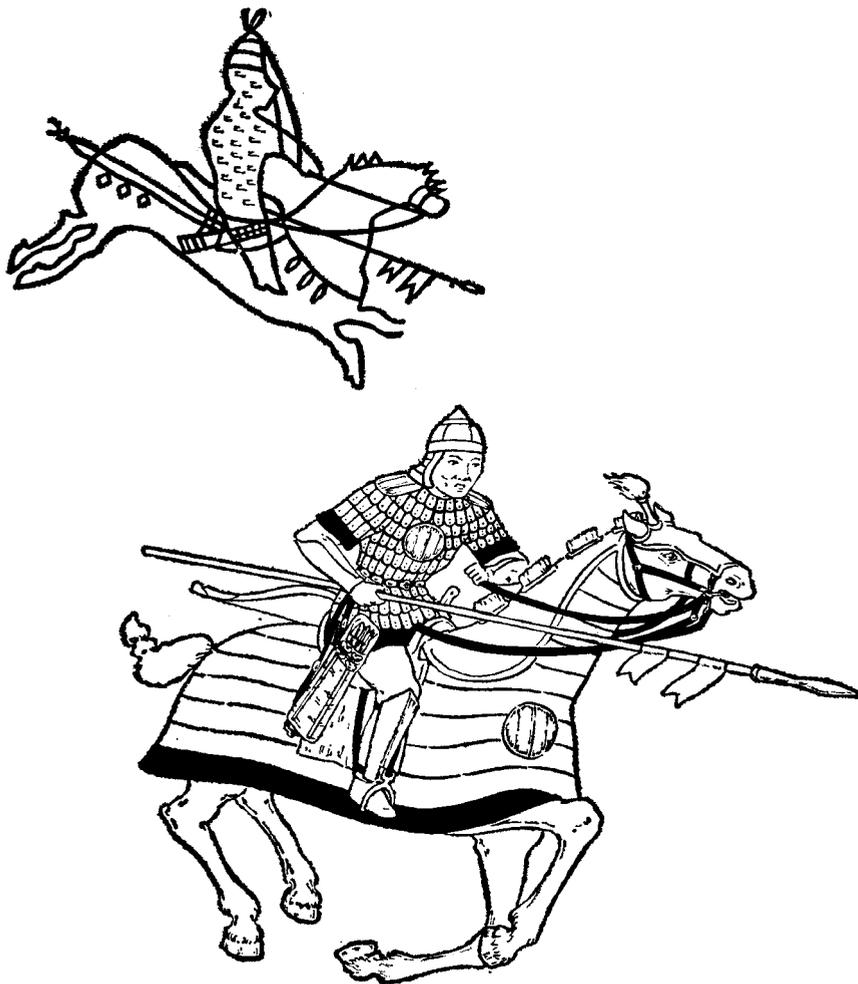
После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) *сеяньто* стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньхань (Восточный Тянь-Шань). В китайских исторических трудах упоминается,

что «их (*сеяньто*) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков» [Chavannes, с.35]. В конце VI в., после распада первого Тюркского каганата, тяньшаньские *сеяньто* оказались в подчинении у западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле (огузов), к числу которых их относит источник, *сеяньто* кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу *сеяньто* около 600 г. потеснило телеское племя *сикер*.

В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган, опасаясь мятежа тяньшаньских *сеяньто*, «собрал в большом количестве и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и переселение на восток части племен теле, а вместе с ними и *сеяньто*. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили большую часть *сеяньто* покинуть Тянь-Шань. 70 тыс. их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган назначил для управления *сеяньто* своего младшего брата, получившего высший после кагана титул «шад».

После того, как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телеских племен, возглавленная *сеяньто* и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьезное поражение, что тот бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, бывшие в Хангае, влились в состав *сеяньто*. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров».

В 630 г. после неудачных сражений с танскими войсками Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть *сеяньто* и уйгуры. Уже в 629 г. и те и другие прислали ко двору императора Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили *сеяньто* и их вождь, Инанчу-иркин, провозгласивший себя Йенчу Бильге-каганом. Именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в на-

Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина IX—X вв. [Худяков, 1980, с.135]

чале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым завершилось формирование племенной конфедерации токуз-огузов. После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630—640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто. В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган се-

яньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера.

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовала в Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племен — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу р. Толы. В центре Отыюкенской черни сложился новый племенной союз — объедине-

ние сиров и тюрков, при главенствующем положении сирской династии.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшаня (*Чугай кузы* тюрков) и степи севернее Ордоса (*Каракум*), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (*Хэйшачэн*, «город Черных песков» китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана, Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей.

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско сиров и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сирсы оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барс-чор) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином». Против кагана сиров был заключен военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождем уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сиров и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». Поражение сиров в Хангае совершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конницы. Государство сиров прекратило свое су-

ществование. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах. Приведем более короткий вариант.

«Прежде, перед тем, как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается, у него волчья голова (волк считался прародителем уйгуров. — С.К.). Хозяин не заметил. После того, как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь (Отюкенская чернь. — С.К.). Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы духи (боги). Сеяньто будут уничтожены». Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь (сеяньто) действительно разбиты под этой горой».

Спасшиеся после разгрома племени сиров частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647—648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзуна Кучу. Другая часть сиров осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна. Однако в 679—681 гг. сирсы поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в «Черных песках» и несли тяжелые потери.

Дальнейшая история сиров — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сирсы были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших ими племен китайских правителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками

они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров», и разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кывчак* (*кывчак*) — *кипчак*.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывчак-кывчак* в тюркских и уйгурских рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика, т.е. смысловое содержание нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *кывчак-кывчак* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *кывчак ковы / кывчак кобы* — «пустой», «никчемный» (по значению второго компонента) [Древнетюркский словарь, с.449, 451, 462; Clauson, с.582, 583; Arat, с.252].

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стало новое самоназвание? Или старый этноним постепенно вытесняется названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым, обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после муждоусобиц и резни 646—647 г., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И следовательно, надежным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стала смена названия племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчемные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров прева-

Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина XI—XII вв. [Худяков, 1980, с.136]

лировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сирь, знатнейшие из телеских (огузских) племен, хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем-оберегом была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр никакого превосходства

знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый вождем уйгуров каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильгекагана племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени *кыбчак* и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», мифический предок уйгуров дарует своим близким бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид ад-дином и повторенный Абул-Гази, уточняет — имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым *кабук* (древнетюрк. *ковук*). Абул-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют *кипчак*». Так прежнее значение слова *кывчак-кыбчак* сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево».

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII—первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленным большим числом памятников. Позднее, в IX—X вв., этот тип погребений получает развитие в т.н. «сросткинской культуре», созданной кимаками и кипчаками (более подробно: [Ахинжанов, с.66—71]).

Окончилась история сиров. Началась история кипчаков, вначале одного из племен Кимацкого каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи.

В то время как на Алтае вокруг сиров-кипчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племен, которые мусульманские источники именовали *кимаками*, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский называл *йемеками*. То немногое, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников, изученных видным казахстанским историком-востоковедом Б.Е.Кумековым. Он впервые реконструировал по далеко не всегда ясным сообщениям генезис, состав и недолгую историческую жизнь племенного союза и государства кимаков [Кумеков, 1972].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее — о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII—IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбега. Легенда связывает возникновение кимацкого союза с племенем *татар*, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимацкий (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII—XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* — «тридцати татарских (племенах)», а позднее *токуз-татар* — «девяти татарских (племенах)», т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Рашид ад-дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем (т.е. в XIII в.), рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских

племен между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же «татарами» тогда именовались многие тюркские племена (см. ниже).

Поэтому начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII—IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки токуз-огузских племен, бежавших сюда после разгрома. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кипчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII—начала IX в.

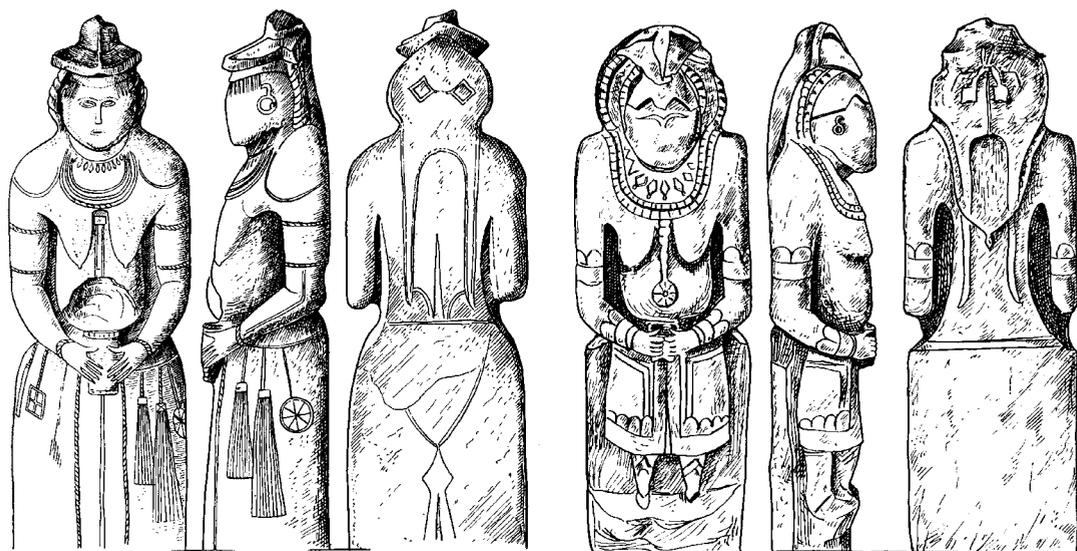
После 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакана) и тем самым обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в Степи.

Источники пишут об «одиннадцати управителях» областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также «царями», т.е. ханами, утверждаются каганом и наследственно правят своими уделами — картина не очень далекая от способа политического управления и устройства Караханидского каганата. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей и в не меньшей степени племенным партикуляризмом, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после их создания и, на первых порах, успешных набегов и завоеваний.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они рас-

пространили свои владения до Джунгарии, овладев Северо-Восточным Семиречьем, а кипчаки — и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси, использовавший сведения из несохранившейся книги Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, т.е. «Джанаха, сына кагана кимаков», так пишет о политической значимости кимакского государства: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [Кумек, 1972, с.120]. Несмотря на явную апологетику этой тирады, в ней совершенно реальный намек на войны и набеги, которыми обильна история кимаков.

На западе и юго-западе кимаки граничили с сырдарьинскими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах то одного, то другого племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владельцы которых тоже именовали себя каганами и также претендовали на «уйгурское наследство», было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы «особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [Там же]. Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и кыргызов. Согласно «Худуд ал-алам», одно из кыргызских племен по одежде не отличается от кимаков, а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов. Чрезвычайно интересен рассказ ал-Идриси о шестнадцати кимакских городах, в одном из которых была резиденция царя. Оседлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим б. Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. Пашни и селения, а также резиденцию царя упоминает анонимный автор «Худуд ал-алам». Однако все источники

Изваяния женщин-половчанок в роскошных уборах и кафтанах
[Плетнева, 1974, с.119, 127]

свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение Кимакского государства в конце X или начале XI в. связано с миграциями племен в Великой Степи. Наступило время господства кипчаков.

Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадiane, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу (прозвание по месту рождения) — ал-Марвази, т.е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», — писал он впоследствии [Бертельс, 1960, с.175].

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрков». Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали Мафазат ал-гузз — «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил

главную суть изменений — первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и Кипчак*, «Степью кипчаков». Прошло столетия, и причерноморские степи стали «Полею половецким» русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что приволжские степные просторы, ранее называемые *Хазарской степью*, давно стали *Степью кипчаков*.

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди в рассказе о печенегах и их уходе на запад пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему: «...а мы упомянули... причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море. — С.К.)» [МИТТ, т.1, с.166].

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со столичным городом Янгикентом на нижней Сырдарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т.е. земли по средней Сырдарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник, ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди, — в Приаралье и на Сырдарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран («саманидской» пограничной крепостью против гузов и кимаков» [МИТТ, т.1, с.185]. Те же сведения есть и у других географов — современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В.В.Бартольд — он заметил, что «кимаками» у ал-Макдиси названы кипчаки, западное крыло Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кипчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кипчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Маликшаха и его наследников, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази написал трактат по зоологии «Табаи ал-хайаван» («Природа животных») и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее, огузских племен: «Среди них

(тюрков) есть группа племен, которые называются *кун*, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи б. Кочкар. За кунами последовал (*или*: их преследовал) народ, который называется *каи*. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю *шары*, а шары переселились на землю *туркменов*. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» [Марвази, с.29—30].

«Туркменами», по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, помогает понять текст ал-Макдиси: «Орду — маленький город, в нем живет царь туркменов, который постоянно посылает подарки владельцу Исфиджаба» [МИТТ, т.1, с.185]. Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, еще в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, «туркменами» у ал-Марвази названы исламизированные в IX в. Саманидами карлуки, до того исповедовавшие несторианский толк христианства. В 893 г. саманид Исмаил б. Ахмед в походе на карлуков разрушил несторианскую церковь в Таразе, воздвиг на ее месте мечеть, а население этого небольшого западно-тюркского княжества обратил в ислам.

Итак, последний этап переселения, о котором кратко сообщил ал-Марвази, особых трудностей не вызывает: просто события изложены им очень выборочно и неполно. Повторим последовательность событий: согласно ал-Марвази, кытай, т.е. кидане, вытеснили из своих владений племя кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени *каи* куны вторглись в земли шары, те — в земли туркменов, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили

с восточными землями сырдарьинских огузов, и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов, и те ушли в приволжские степи. В 985 г. приволжские огузы, в союзе с князем Владимиром, совершают набег на камских булгар. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их «торками», т. е. турками, а византийцы — «узами», т. е. огузами. Таков конечный итог событий на западе евразийских степей, сохраненных в изложении Марвази.

Что же произошло в азиатском ареале Великой Степи?

Независимо от того, были ли войны между перечисленными ал-Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X—первой половины XI в., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу — тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане — Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и окончательно закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский натиск, Ганьсуйский коридор. Исламизированные караханидские карлуки, в недавнем прошлом — христиане-несториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад — через верховья Оби и Иртыша, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидане, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотоле восточно-тюркских племена — кунов и каи. Еще до того, около 960 г., на северных рубежах Ка-

раханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками, войны, почти неизвестные мусульманским авторам. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда Кашгарского, к сожалению, в очень фрагментарных записях. Но там перечислены главные враги тюрков-мусульман, и среди них — ябаку, басмылы, чомулы, каи, йемеки. Самих мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд Кашгарский, как и ал-Марвази, именует «туркменами», так же как и исламизированных в X—начале XI в. огузов-сельджукидов.

Главным героем тех эпических отрывков, которые записал Махмуд, был гази Арслан-тегин, иногда именуемый еще *бекеч*, «принц». Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых караханидских каганов, но надежное отождествление вряд ли возможно. Иногда главным героем поэм выступает сам хакан, имя которого у Махмуда отсутствует. Впрочем, оно и не нужно было Махмуду, ведь приводимые им отрывки героических повествований были лишь стихотворными примерами, поясняющими употребление какого-либо слова.

Враги Караханидов, племена тюрков-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за рекой Ила (Или), в стране Мынглак. Это ораки, пограничное племя, которое жило в местности Кара Йигач. Это прииртышские йемеки. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трех племен: басмылов, чомулов и ябаку, а также соседи ябаку — каи. Названные три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли еще в VII—VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава с ее стремлением навязать свою власть и свою идеологию отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь

Половецкие изваяния мужчин-воинов [Плетнева, 1974, с.128, 136]

иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало в мусульманских хрониках. И только песни о героях-гази, попавшие на страницы грамматического труда почтенного филолога из Кашгара, отразили напряжение и непримиримость, предопределившие силу и глубину будущего прорыва мусульманского барьера, массовость и стремительность миграций к новым землям и новым границам.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображаются ябаку, чомулы (остатки древнейших гунно-тюркских племен Семиречья, «чуми» китайских источников) и басмылы, которых уйгурская руническая надпись из Могон Шине Усу называет «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы после разгрома Тюркского каганата в 742 г. стали преемниками имперской традиции — ведь идикутами, т.е. августейшими государями, басмылов были князья из рода Ашина, но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками.

Особенно досаждал мусульманам бек басмылов и вождь ябаку Будрач, носивший прозвище Бёке, т.е. «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришел в страну мусульман с 70-тысячным (!) войском, но гази Арслан-тегин во главе 40 тыс. мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи гази накануне битвы:

*Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сожжем-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигить*³.

Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд Кашгарский, или же их связывали иные отношения, остается неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное по-

³ [Махмуд Кашгарский, т.2, с.330]; поэтический перевод: [Стеблева, с.47].

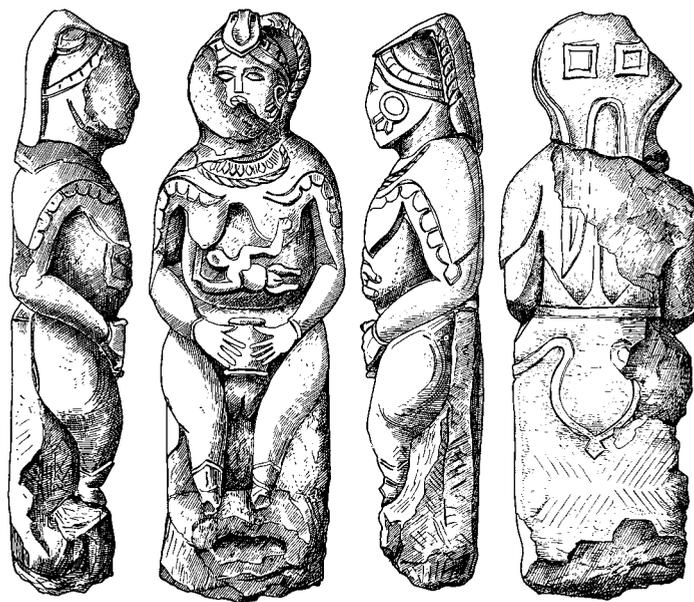

Половецкие вежи. Миниатюры Радзивилловской летописи [Артамонов, 1962, с.455]

вестование армянского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» на «желтых». В исследовательской литературе принято отождествлять «желтых» или «рыжих» Матфея с шары, т.е. тоже с «желтыми», о которых писали ал-Марвази и его компилятор Ибн ал-Ауфи. Но упускается из виду, что только у ябаку вождь именовался «великим змеем» и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У ал-Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции шары, назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем каи, странным образом опущено Махмудом Кашгарским, отлично знавшим этническую ситуацию на караха-

нидской границе и не забывшим каи. Если в ситуации с шары Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем — так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью [Махмуд Кашгарский, т.2, с.166].

Куны — одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на

Изваяние женщины-половчанки с ребенком
[Плетнева, 1974, с.75]

восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. Каи принято отождествлять с монголоязычными *си* из племенного союза *шивэй*, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям *си* из племен шивэй, китайские источники многократно упоминают «белых *си*», которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза теле. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о каи как об одном из тюркоязычных племен, имевших, правда, свой диалект.

Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима *шары*. Здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «желтых» тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изначально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен кроме тюрков-ашина, т.е. кёков и тюрков, «синих» тюрков, еще и тюрков-шели, т.е. тюрков-шары, «желтых» тюрков.

Это разделение на группы устойчиво сохранялось, и в 735 г. в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана — Мочжо — заменило его родовое имя — Ашина) и «желтоголовых» тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (*ак*) и «черных» (*кара*). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны иные цветовые маркеры — «синие» и «желтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые». Обозначения со словом *сары* — *шары* преобладают среди племен кыпчакской группы — казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение *кызыл* («красные») преобладает среди туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркеры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кипчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы.

Б.Е.Кумековым, изучившим арабские источники о кипчаках, установлено, что в IX—X вв. между Северным Приаралем и Южным Уралом кочевала отдельная группа команов (куманов), которая в начале XI в. «попала под политическое влияние кыпчаков» [Кумеков, 1993, с.66—67]. В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего политически стимулируемой кипчаками, но возглавленной команами-кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов-команов, существова-

ло племя кытан, т.е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династийный род Ашина — хан Осень (Асень) был отцом Шарукана Старого, — и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства — Асений (Ашена).

В приаральской части Дешт-и Кипчак состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кипчакские объединения, но не слившиеся с ними. Главная ставка канглы была на нижней Сырдарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» [Сокровенное сказание, с.151]. Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

Основные результаты приведенного сопоставления событий и этнонимов из разных источников могут быть суммированы в следующей таблице:

Мусульманские источники		Матфей	Китайские источники	Русские и западные источники
ал-Бируни Марвази	Махмуд Кашгарский			
1	2	3	4	5
кун	ябаку	«народ змей»	хунь	хынъ, кун, коман
каи	каи		белые си	каепичи
шары, басмыл	басмыл	«рыжие»	басими, туцзюе-шэли	половцы, плавцы, фалоны, паллидии
туркмены (карлуки)	туркмены (карлуки)			
гуззы	гуззы	узы		узы, торки
баджнаки	баджнаки	паченики		печенеги
кытай			цидань	кытанъ

Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как

мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кипчаков.

ГЛАВА 9

Татары в Центральной Азии

Сергей Кляшторный

Едва ли не главный наш источник, освещающий историю народов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, — труд Рашид ад-дина «Джами ат-таварих». Основное место там, естественно, занимает история создателей Монгольской империи, но отдельными пятнами, более или менее яркими, высвечиваются иные времена и иные племена.

Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингиз: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились многочисленные ветви... Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-Наур... Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы» [Рашид ад-дин, т.1, с.101].

Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буирнур, в Восточной Монголии. Но ведь упомянуты и какие-то другие юрты и другие ветви татар, издавна враждовавшие друг с другом. Далее рассказывается об их власти над монголами в дочингизово время. И неожиданно появляется экскурс в далекое прошлое татар и окружающего их мира: «Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единоподушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и (вообще) ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть време-

ни были покорителями и владыками большей части племен и областей, (выдаваясь) своим величием, могуществом и полным почетом (от других). Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами» [Там же].

Далее Рашид ад-дин добавляет, что ныне, т.е. в начале XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя «монголами», «хотя в древности они не признавали этого имени» [Рашид ад-дин, т.1, с.102]. Наконец, еще одна знаменательная реминисценция из дочингизовой истории Центральной Азии: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и (своего) государя, — шесть» [Рашид ад-дин, т.1, с.103].

Рашид ад-дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее ее степной части, населенной преимущественно тюркскими племенами. Структурообразующими «конструкциями» схемы являются шесть татарских государств («каждое в отдельности имеет войско и своего государя»), главным из которых был Буирнурский юрт. Уже в «глубокой древности» татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области. Подчинившимися племенами были — прежде других — тюркские роды. Они стали именоваться «татарами» по названию господствующего племени. События эти относятся к столь давнему времени, что монголам тут еще места нет, ибо они «стали из-

вестны» только около «трехсот лет тому назад», т.е. в IX—X вв. Впрочем, как замечает Рашид ад-дин, «в древности монголы были (лишь) одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен» [Там же].

Как мы видим, Рашид ад-дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства «тюркских степных племен», временные параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племен татарами и превращения этнонима «татары» в общий политоним; временные границы — от «глубокой древности» до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и, после истребления татар, превращения этнонима «монголы» в общеимперский политоним (XII—XIII вв.).

Вместе с тем, как замечает Рашид ад-дин, силы и могущество татар были в свое время столь велики, что и поныне, т.е. в начале XIV в., от Китая до Дешт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами [Там же].

Если термины «тюркская эпоха (время)», «монгольская эпоха (период)» в исследовательской литературе уже давно стали привычными, то столь же генерализованное представление о «татарском периоде» в истории степей Центральной Азии не сложилось. Напротив, оно полностью интегрировалось в стереотипах «монголо-татарская эпоха», «монголо-татарское нашествие». Между тем схема Рашид ад-дина четко разделяет, противопоставляет и разводит во времени «татарский» и «монгольский» периоды.

Очевидно, что предложенная Рашид ад-дином историографическая концепция нуждается в очень обстоятельной фактологической проверке. К сожалению, в его тексте много недосказанного или сказанного намеком, много трудностей возникает при прочтении тех этнических терминов, топонимов, собственных имен, которыми насыщен текст «Джами ат-таварих». Все это мешает историку оценить пространственно-временные параметры событий и ситуаций. Так, например, остается загадкой: где и когда существовали еще пять татарских

владений-юртов, кроме буирнурского? Поэтому здесь бесполезно привлечение иных источников, содержащих ранние сведения о татарах.

В 1960 г. С.И.Вайнштейн обнаружил в местности Хербис-Баары (Тува) неизвестную дотеле кыргызскую стелу с рунической надписью. Впоследствии эту надпись дважды издавал А.М.Шербак. Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюг Йиге. Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар».

В 1976 г. Л.Р.Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданной И.Л.Кызласовым, а затем повторно прочтенной и интерпретированной мною [Кызласов, 1987, с.21—22; Кляшторный, 1987, с.35—36]. В первой строке этой надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции.

Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Впервые упоминает татар (отуз-татар) самая крупная из известных рунических надписей — памятник в честь Кюль-тегина (732 г.). Один раз они названы там в связи с похоронами первых тюркских каганов, т.е. событиями второй половины VI в. (КТб, с.4). Второй раз они упоминаются той же надписью и под тем же названием (отуз-татары) в качестве врагов отца Кюль-тегина, Ильтерес-кагана (ум. в 691 г.). Тогда татары вместе с кыргызами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками (КТб, с.14). В 723—724 гг. татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана, как о том свидетельствует другая руническая стела с эпитафией старшему брату Кюль-тегина (БКб, с.34). Последний раз в орхонской рунике татары (токуз-татары) упомянуты в надписи из Могон Шине Усу, эпитафии уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану (760 г.) [Рамстедт, с.17]. Вместе с огузскими племенами татары в конце 40-х годов VIII в. восстают против уйгурского кагана и терпят поражение. Таким образом, в конце VII—первой половине VIII в. татары придерживаются той же политической

Знатный татарин. XII век. Реконструкция М.Горелика

ориентации, что и кыргызы, и являются их прямыми или эвентуальными союзниками.

Заметим, что в ситуации VI—VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях «тридцатью татарами» (отуз-татары), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы «девятью татарами» (токуз-татары). Не исключено, что в изменении названия отражен распад первоначальной группировки татарских племен, но для нас не менее примечательно, что упомянутые енисейской надписью события происходили не ранее второй половины VIII в. Впрочем, и по палеографическим особенностям обе кыргызские стелы не относятся к числу ранних енисейских памятников, датируемых первой половиной VIII в. [Кляшторный, 1976, с.258—267].

Обратимся теперь к сообщениям китайских источников о татарах. Прежде всего отметим, что в составе Уйгурского каганата (744—840 гг.) татары были одним из вассальных племенных союзов; по словам китайского автора XII в. Ван Минцзи, тогда «татары были пастухами коров у уйгуров» [Кычанов, 1980, с.143]. Кыргызы же, отброшенные уйгурами в 756 г. за Саяны, незадолго до 840 г. появились к югу от Танну-Ола. Тем самым определяется нижняя дата кыргызско-татарской войны. В связи с событиями 842 г. татары впервые упомянуты в китайском источнике — письме китайского чиновника Ли Дэюя — как враги кыргызов и союзники последнего уйгурского кагана [Pelliot, 1929, с.125—126].

Главным направлением отступления уйгуров, разгромленных кыргызами в Се-

верной Монголии, были Ганьсу и Восточный Туркестан.

Именно в этом направлении их преследовали кыргызы. Ли Дэюй, который вел в 842 г. в пограничной крепости Тяньдэ переговоры с кыргызским посольством, сообщает, что, по словам главы посольства, кыргызского «генерала» Табу-хэцзу, кыргызы пришли на «старые уйгурские земли» на р. Хэлочуань, т.е. в верховья Эцзин-гола, и им подчинились Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и *дада* (татары). Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргызов и татар, случившемся где-то в Ганьсу или Восточном Туркестане и завершившемся признанием татарами кыргызского сюзеренитета, иначе говоря, выплатой дани [Sai Wen-shen, с.148]. В следующем (843) году Табу-хэцзу (в ряде источников он именуется также *Чжуу-хэсу*) возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору [Супруненко, с.67—69].

В 1915 г. в долине реки Тес (Северо-Западная Монголия) Б.Я.Владимирцов обнаружил на скальную руническую надпись, повторно исследованную и прочтенную нами в 1975 г. Надпись содержала имя, которое после нового просмотра текста в 1989 г. я читаю как *Тюнек Алл Сол* [ср. Кляшторный, 1987, с.154]. По консультации С.Е.Яхонтова, китайская передача имени кыргызского военачальника Табу-хэцзу есть несколько небрежная транскрипция тюркского *Тюнек Алл Сол*. Судя по содержанию надписи, которая теперь может быть датирована серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений кыргызского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после изгнания уйгуров и овладения севером Монголии. Так совпали до мелочей сведения из отчета китайского дипломата и из эпитафий кыргызским участникам южного похода. Впрочем, кыргызам не было суждено удержать земли на «уйгурской дороге» в Таримский бассейн, важном участке Великого Шелкового пути. Еще до 875 г. ганьжоуские уйгуры восстановили здесь свое господство.

Владение татар в Западном крае, столь далеком от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось до падения Уйгур-

ского каганата. Во всяком случае, в колофоне пехлевийского манихейского сочинения «Махр-намаг», переписанного в Турфане между 825—832 гг., среди местных вельмож упомянут и глава татар (*tatar ara tekin*). А много позднее, в конце X в., китайский посол к уйгурскому идикуту, Ван Яньдэ, узнает в Турфане о другом китайском чиновнике, побывавшем там, — посольству к уйгурам предшествовало посольство к татарам [Малыкин, с.90]. Дипломатическая активность была не частой, но обоюдной. Между 958 и 1084 гг. упомянуты три посольства к различным китайским дворам, совместно отправленные государями ганьжоуских уйгуров и ганьсуйских татар для заключения военного союза против тангутов [Малыкин, с.63—86]. Важное дополнение к этим известиям содержится в двух китайских манускриптах 965 и 981 гг. из пещерной библиотеки в Дуньхуане. Там прямо сказано, что центр государства татар был в Сучжоу, т.е. на границе Ганьсу и Восточного Туркестана [Hamilton, с.89—90]. Об этих же татарах сообщают хотано-сакские документы IX—X вв. [Bailey, 1949, с.49]. В «Худуд ал-алам», анонимной персидской географии X в., татары упомянуты как соседи и союзники токузгузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар» [Худуд ал-алам, с.47]. Весьма важны упоминания «чиновного лица (амга)», который «пришел от татар», в деловых письмах из Дуньхуана на тюркском и согдийском языках (конец IX—X вв.), интерпретированных Дж.Гамильтоном и Н.Симс-Вильямсом [Sims-Williams, Hamilton, с.81].

Наряду со сведениями указанных источников о татарском государстве в Ганьсу — Восточном Туркестане имеется еще свидетельство эпистолярного источника XI в. Письмо тангутского государя Шань-хао, отправленное Сунскому двору в 1039 г., содержит декларацию о новых границах Тангутского государства, весьма мало соответствующую действительной ситуации. Юань-хао хвастливо заявляет о добровольном подчинении ему туфань (тибетцев), тата (татар), чжанье (ганьжоуских уйгур) и цзяохэ (турфанских уйгур), т.е. всех соседних Си Ся владений, расположенных

в Ганьсу и Восточном Туркестане или обладавших там какими-либо землями [Кычанов, 1968, с.134].

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X—XII вв., этноним «татары» был хорошо известен не только в Срединной империи, но также в Средней Азии и Иране. Так, наряду с караханидскими тюрками, татары достаточно часто упоминаются в стихах известнейших персидских поэтов. Газневийский поэт Абу-н-Наджм Манучи-хри (XI в.) пишет о красивом юноше с «тюрко-татарским обликом»; для других его современников обычной метафорой было «благоухание тысяч татарских мускусов», а имам Садр ад-дин Харрамабади (XI—XII вв.) в касыде, посвященной султану Искандеру, упоминает некоего «татарина» [Brown, с.166, 169, 202; Ворожейкина, с.26].

Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П.Пельо замечает: «Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны; впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния» [Pelliot, 1949, с.232—233]. Вполне оправдан, однако, скепсис некоторых современных исследователей по поводу самой возможности достоверных этнических определений крупных племенных сообществ древней Центральной Азии [Мункуев, с.91; Geley, с.73].

Итак, в IX—XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам. Все же сведения об этом государстве казались южносунскому ученому и чиновнику Ли Синчуаню (1166—1243 гг.) столь необъяснимыми, что вызвали следующее замечание: «Два государства жили на востоке и западе, и обе страны глядели друг на друга на расстоянии в несколько тысяч ли. Не знаем, по какой причине их объединяют и они получили единое наименование» [Кычанов, 1980, с.143]. До сих пор эта сентенция Ли Синчуаня оставалась непонятой.

Еще одну возможность продуктивного поиска «государств татар» открывает сообщение персидского автора XI в. Гардизи, в труде которого содержатся несколько уни-

кальных описаний древнетюркских племен, включая их генеалогические легенды. Как удалось установить, все эти описания восходят к неизвестному раннему источнику и датируются 745—780 гг. [Цегледи, 1973, с.257—267]. Согласно Гардизи, образование племенного союза (государства) кимаков в верховьях Иртыша связано с междоусобной войной среди татарских племен. Потерпевший неудачу младший член татарской династии, носивший титул *шад* (у Гардизи титул приводится как личное имя), с группой своих соплеменников бежит и обосновывается на верхнем Иртыше, где и формируется та племенная общность, которая позднее, не ранее IX в., получает название *кимак* [Бартольд, с.43—44]. На раннем этапе формирования кимацкая общность осознавалась ее создателями и окружающим миром именно как одно из татарских племен. Лишь век спустя возникло государство кимаков [Кумекоев, 1972], но его возглавляла татарская династия.

Вряд ли пока возможно столь же определенно локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-дином. Но его информированность о предмонгольской эпохе в истории татар, вопреки сомнениям В.В.Бартольда [Бартольд, т.5, с.559], ныне очевидна. Недаром компетентный источник XI в. называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Махмуд Кашгарский, с.159], — точно также южно-русские и казахстанские степи именовались тогда мусульманскими авторами «Дешт-и Кипчак» («Кыпчакская степь»). Название «Татарская степь» хорошо согласуется с другими сведениями о расселении татар в IX—X вв. и объясняет, почему столетие спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались «татарами». Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси, и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли.

В китайской политической и историографической традиции, начиная с сунского времени, решительно преобладало наименование монголов «татарами». Даже в тех

случаях, когда для служащих сунских военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как в самом деле надлежит именовать новых соседей империи, тексты редактировались желательным образом и этноним «монгол» заменялся либо на *да-да*, «татары», либо на *мэн-да*, «монголо-татары». Очень показателен в этом смысле факт, приводимый Ли Синчуанем: «Когда монголы (*мэн-жэнь*) вторглись в государство Цзинь, (они) назвали себя Великим Монгольским государством (*да мэн-гу го*). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (*мэн-гу*)». Позднее последнее название было заменено на *мэн-да* [Мункуев, с.123]. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211—1212 гг., недавно опубликованном Г.Франке, монголов последовательно име-

ную «татарами» [Franke, с.170 и сл.]. Еще более показателен случай, приводимый автором «Мэн-да бэй-лу». По его словам, Мухали, наместник Чингиз-хана в Северном Китае (*го-ван Мо-хоу*), каждый раз сам называл себя «мы, татары» [Мункуев, с.53]. Ван Го-вэй, комментируя это место, замечает, что здесь просто употреблено то название монголов, которое было принято китайцами. Естественно, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татаринном [Мункуев, с.135].

Таким образом, кыргызско-татарская война 842 г., участником которой был герой енисейской рунической надписи Кюлюг Йиге, стала отражением новой ситуации в Центральной Азии, определявшейся в IX—X вв. взаимоотношениями кыргызов, татар и киданей, прежних аутсайдеров, занявших тогда политическую авансцену.

Приложения

Геродот о западных скифах

Древнегреческий историк Геродот родился между 490 и 480 гг. до н.э. в Галикарнасе, на юго-западе Малой Азии, а умер около 425 г. до н.э. Много путешествовал: посетил Малую Азию, Вавилон, Финикию, Египет, Кирену, различные города балканской Греции, побережье Черного моря вплоть до Ольвии, где собирал сведения о скифах.

Труд Геродота, условно названный «Историей», посвящен важнейшему политическому событию греческой истории — греко-персидским войнам (500 — 449 гг. до н.э.); изложение доведено до взятия греками г. Сеста (в Геллеспонте) в 478 г. Впоследствии александрийские ученые разделили сочинение Геродота на 9 книг, по числу муз, каждая книга была названа именем одной из муз. Главным мотивом «Истории» является идея борьбы греческого мира с миром восточным. В чисто эпической манере, со множеством отступлений и специальных экскурсов Геродот рассказывает о начале столкновений греков с жителями Азии, излагает историю Лидии, Мидии и Персидской державы Ахеменидов, повествует об отдельных походах персидских царей: основателя персидской державы Кира I — в Мидию (550 г. до н.э.) и на Вавилон (539 г.), Камбиса — в Египет (525 г.), Дария I — в Скифию (514 г.), каждый раз подробно описывая географическое положение страны, явившейся объектом похода персов, нравы и обычаи местных жителей, их религию, особенности экономической и политической жизни. В книге 4-й дается первое в античной литературе систематическое описание жизни и быта скифов.

Источник цитируется нами по изданию: Геродот. История в девяти книгах /Перевод и примечания П.А.Стратановского, под общей редакцией С.Л.Утченко, редактор перевода Н.А.Мещерский. — Л.: Наука, 1972.

Слово источнику:

«...Книга четвертая МЕЛЬПОМЕНА

1. После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов. Т.к. Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников-мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше⁴, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии⁵. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возврати-

лись в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют. Поступают они так из-за молока кобылиц, которое они пьют. Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубки вроде свирелей и вставляют их во влагалища кобылиц, а затем вдвуют ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц. Скифы поступают так, по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылиц опускается. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов

⁴ В книге 1-й.

⁵ В Передней Азии.

слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат. Вот почему ослепляют всех захваченных ими пленников. Скифы ведь не земледельцы, а кочевники.

3. От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградил свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор⁶ до самой широкой части Меотийского озера⁷. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников: тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться».

4. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, утраченные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско.

5. По рассказам скифов, народ их — молоде всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Ар-

поксаис и самый младший — Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

6. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катияров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

7. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет. Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он может за день объехать на коне. Т.к. земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению⁸.

8. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл

⁶ Это в восточной части современного Крыма.

⁷ Современного Азовского моря.

⁸ По-видимому, Геродот имел в виду метель и выюгу.

в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

9. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодич у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием удалился бы с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?». Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и удовлетворишь мое желание».

10. С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им име-

на. Одного назвала Агафирсом, другого Геллоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Геллон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

11. Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой⁹, скифы перешли Аракс¹⁰ и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)¹¹. С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех

⁹ Древнегреческий поэт и путешественник Аристей сообщает, что скифы появились в Восточной Европе под давлением исседонов.

¹⁰ Сырдарья? Волгу?

¹¹ Известие Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н.э.) восходит к аккадским источникам; из современного Западного Туркестана скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в восточноевропейские степи.

павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне)¹². После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной¹³.

12. И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа¹⁴. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары...

46. Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте¹⁵ обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса. Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышленают не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?..

¹² Тирас — современный Днестр.

¹³ Современные исследователи отмечают, что в ту эпоху в Северном Причерноморье наблюдалось постепенное смешение киммерийского и скифского этнических компонентов, возможно — изначально родственных.

¹⁴ На южном берегу Черного моря.

¹⁵ На Черном море, т.е. на его побережье.

59. ...Что же до скифских обычаев, то они таковы. Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего — Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них — Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) — Папей, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Небесная — Аргимпаса, Посейдон — Фагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения.

60. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит в жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса.

61. Т.к. в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на Lesbosские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней.

62. Таким-то образом и таких животных они приносят в жертву прочим богам. Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь наверх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклятия других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.

63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов. Свиной они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране.

64. Военные обычаи у скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо шеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи,

сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

65. Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным делом.

66. Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом.

67. У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков. Энареи — женоподобные мужчины — говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой. Гадают они при помощи липовой мочалы. Мочалу эту разрезают на 3 части и полоски наматывают

вают вокруг пальцев, а затем вновь распускают и при этом произносят предсказания.

68. Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Они гадают вышеупомянутым способом. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по имени) принес-де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага и что из-за этого-де царь занемог. Обвиняемый с негодованием отрицает вину. Если он продолжает отпираться, то царь велит призвать еще предсказателей в двойном числе. Если и они после гадания также признают его вину, то этому человеку сразу же отрубает голову, а его имущество по жребию достается первым прорицателям. Напротив, в случае оправдания обвиняемого вторыми прорицателями вызывают все новых и новых прорицателей. Если большинство их все-таки вынесет оправдательный приговор, то первых прорицателей самих присуждают к смерти.

69. Род казни прорицателей следующий. На запряженный быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрюченными за спиной руками запихивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки. Но все же, когда дышло обгорит, быкам иногда удается спастись, получив ожоги. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепроками. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казнит, дочерям же не причиняет зла.

70. Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу по-

гружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.

71. Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен судоходен)¹⁶. Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса¹⁷. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова пребывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем стараются сделать его как можно выше.

72. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых

¹⁶ Герры — область Западной Скифии, расположенная в том месте, где в Борисфен /Днепр впадает р. Герр.

¹⁷ Этот способ бальзамирования засвидетельствован также у алтайцев.

усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину — на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к кольшкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят.

73. Так скифы погребают своих царей. Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе 40 дней, а затем предают погребению. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело очищают паровой баней, поступая так: устанавливают 3 жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни.

74. В Скифской земле произрастает конопля — растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля

значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготавливают из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит — льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную.

75. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, т.к. водой они вовсе не моются¹⁸. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит...

81. Численность населения у скифов я не могу определить точно, т.к. получил об этом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов, собственно говоря, очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды; вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки негодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в 6 раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда 6 пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов.

¹⁸ Сравни с позднейшими сообщениями о кочевых народах Азии.

Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов...

101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра¹⁹ до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхенов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны четырехугольника Скифии составляют 40 000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, — еще столько же. Такова величина этой области...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

---

¹⁹ Дуная.

Квинт Курций Руф о восточных скифах

Учитывая все отразившиеся в тексте «Истории Александра Македонского» обстоятельства, исследователи приурочивают написание Курцием его работы ко времени правления римского императора Клавдия (41—54 гг.), причем к первым годам его правления, т.е. к началу 40-х годов I в. н.э. Сочинения писателей начала II в. н.э. об Александре Македонском, в частности труды Плутарха и Арриана, оттеснили на задний план произведение Курция, которое утратило с того времени свою популярность. Этим объясняется то, что никто из античных авторов не цитирует и не упоминает Курция. Вспомнили его лишь в XV в. Печатание рукописей «Истории...» началось в Венеции в 1470 г. и почти одновременно в Риме в 1472 г. и в Милане в 1475 г.

Впервые «История...», написанная Курцием Руфом, была переведена на русский язык и издана в Москве по указу Петра I от 1709 г. В течение первой половины XVIII в. работа переиздавалась в России четыре раза. В 1750—1751 гг. в Санкт-Петербурге был осуществлен еще один перевод данного труда. До 1812 г. работа Курция Руфа переиздавалась на русском языке еще 6 раз. Советское издание работы было выполнено сотрудниками Московского университета под редакцией В.С.Соколова в 1963 г. Последним изданием мы и воспользовались при подготовке данного материала.

Слово источнику:

«... Оттуда на четвертый день дошли до города Мараканды²⁰. Стены его имеют в длину 70 стадиев; крепость окружена второй стеной. Оставив в городе гарнизон, Александр опустошает и сжигает ближние села. Затем прибыли послы скифов-амбийцев, сохранявших свободу со времени смерти Кира²¹, теперь же желавших подчиниться Александру. Их признавали самым справедливым племенем варваров; они брались за оружие, только когда их задевали; по опыту умеренной и справедливой свободы они уравнили между собой простых людей и старейшин. Царь беседовал с ними милостиво и послал к европейским скифам одного из друзей, по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области, реку Танаис²². Ему же было поручено ознако-

миться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора²³. Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города, как бы крепости для удержания покоренной территории и той, куда он решил еще проникнуть... Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на 17-й день после возведения укреплений были отстроены городские дома...

Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее. Поэтому он послал брата по имени Картазис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки. Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими²⁴. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы. Племя скифов, находясь недале-

²⁰ Современный Самарканд.

²¹ Кир Великий (?—530 г. до н.э.), первый царь (с 558 г.) государства Ахеменидов; погиб во время похода в Среднюю Азию.

²² Курций Руф отождествляет Танаис (совр. Дон) и Яксарт (совр. Амударья), считая эту реку линией раздела Азии и Европы; отсюда в его

тексте постоянная путаница — он называет среднеазиатских скифов «европейскими».

²³ На берегах Аральского моря? — см. предыдущее примечание.

²⁴ Т.е. Амударья отделяет жителей Бактрии от среднеазиатских скифов.

ко от Фракии²⁵, распространяется на восток и на север, но не граничит с сарматами, как некоторые полагали, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо левую за Истром, и в то же время граничат с Бактрией и с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере — далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края²⁶; земли вдоль Танаиса и Бактрии носят на себе следы одинаковой культуры. Александр первый собиравший воевать, не подготовившись, с этим племенем, на его глазах разъезжали вражеские всадники, а он еще не оправился от раны; особенно у него ослаб голос от воздержания в пище и от боли в затылке. Итак, он велит созвать друзей на совет. Его пугал не враг, а неблагоприятная обстановка. Бактрийцы отпали, скифы стали его беспокоить; сам он не мог ни стоять на ногах, ни сидеть на коне, ни командовать, ни воодушевлять воинов. Испытывая двойную опасность, ропща даже на богов, он жаловался, что лежит прикованным к постели, когда прежде никто не мог уйти от его стремительности; и воины его с трудом верят, что он не притворяется.

Перестав после победы над Дарием советоваться с кудесниками и прорицателями, он снова предался суевериям, пустым выдумкам человеческого ума; он велит Аристандру, которому он доверился, принести жертвы, чтобы узнать об исходе дел... Пока по органам животных пытались узнать о будущем, Александр просит друзей сесть поближе, чтобы от напряжения голоса у него не вскрылась едва зажившая рана. В его палатку были допущены вместе со стражей Гефестион, Кратер и Эригий. «Я встретился, — сказал Александр, — с опасностью в условиях, более выгодных для врагов, чем для меня. Но беда опережает советы рассудка, особенно на войне, для которой редко дается выбирать время. Отпали поверженные к нашим ногам бактрийцы и с помощью чужих сил испытывают наше мужество. Совершенно несомненно, что если мы оставим безнаказанными дерзких скифов, мы вернемся к отпавшим от нас покрытые позором. Если же мы перейдем Танаис и покажем кровавым избиением скифов, что мы повсюду непобедимы,

кто будет медлить с выражением покорности победителям даже Европы? Ошибается тот, кто измеряет пределы нашей славы пространством, которое мы еще пройдем. Между нами только одна река; перейдя ее, мы двинемся с оружием в Европу. А малую ли цену имеет для нас то, что мы, покоря Азию, воздвигнем трофеи как бы в другом мире, соединим сразу в результате одной победы страны, которые природа, казалось, разбросала на столь большом пространстве? Клянусь, что если мы хоть на малость задержимся, то скифы обойдут нас с тылу. Разве мы одни умеем переплывать реки? Против нас же самих обратится многое, что давало нам до сих пор победу. Судьба учит военному искусству также и побежденных. Мы показали недавно пример в переправе через реку на мехах; и если скифы сами не сумеют перенять это у нас, их научат бактрийцы. До сих пор пришел только один отряд этого племени, других полчищ еще ждут. Таким путем, избегая войны, мы вызовем ее, и вместо того, чтобы напасть, будем вынуждены обороняться. Мотивы моего решения ясны. Но боюсь, что македонцы не позволят мне воспользоваться им: ведь со времени решения я еще не сидел на коне и не стоял на ногах. Но если вы, друзья, последуете за мной, то я здоров. Во мне достаточно сил, чтобы вынести эти трудности; а если уж близок мой конец, то в каком деле мог бы я найти более славную смерть?»...

...Без свидетелей, взвешивая различные приходившие ему на ум решения, он всю ночь не смыкал глаз, часто приподнимая шкуры палатки, чтобы смотреть на вражеские костры и по ним угадать численность врагов. Уже начался рассвет, когда, надев доспехи, царь явился перед воинами, впервые после последнего ранения. Воины столь сильно почитали царя, что одно его присутствие легко заставило их забыть об устаревшей опасности. Они приветствуют его со слезами радости и с отвагой в сердце требуют войны, которой раньше противились. Александр объявляет, что на плотях переправит конницу и фалангу, а легковооруженным приказывает одновременно переплывать на мехах. Дальнейших слов не требовалось... И уже они приготовили все для переправы, когда 20 скифских послов, проехав по своему обычаю через лагерь на лошадях, потребовали доложить царю об их желании лично передать ему свое поручение. Впустив в палатку, их пригласили сесть, и они впились глазами в ли-

²⁵ Рядом с Фракией располагались причерноморские (западные; европейские) скифы.

²⁶ Видимо, речь идет о Среднем Поволжье, Приуралье и Западной Сибири.

цо царя; вероятно, им, привыкшим судить о силе духа по росту человека, невзрачный вид царя казался совсем не отвечающим его славе. Скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре. Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием. Память сохранила даже содержание речи, с которой они обратились к царю. Может быть, их красноречие отличается от привычного нам, которым досталось жить в просвещенное время, но если их речь и может вызвать презрение, наша правдивость требует, чтобы мы передали сообщенное нам, каково бы оно ни было, без изменений. Итак, как мы узнали, один из них, самый старший, сказал: «Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада, и, достигнув таких пределов, ты захотел бы узнать, где очаг божественного света. Ты желаешь даже того, чего не можешь захватить. Из Европы устремился в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь людской род, то ты поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. Что еще? Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час. Глуп тот, кто зарится на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Ничего нет столь крепкого, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа. Откуда у нас с тобой вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Разве в наших обширных лесах нам не позволено знать, кто ты и откуда пришел? Мы не можем никому служить и не желаем повелевать. Знай, нам, скифам, даны такие дары: упряжка быков, плуг, копьё, стрела и чаша. Этим мы пользуемся в общении с друзьями и против врагов. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем вино богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьём — вблизи. Так мы победили царя Сирии, а затем царя персов и мидийцев, и благодаря этим победам перед нами открылся путь вплоть до Египта. Ты хвалишься, что пришел сюда преследовать грабителей, а сам грабишь все племена, до которых дошел. Лидию ты занял,

Сирию захватил, Персию удерживаешь, Бактрия под твоей властью, Индии ты домогался; теперь протягиваешь жадные и ненасытные руки к нашим стадам. Зачем тебе богатство? Оно вызывает только больший голод. Ты первый испытываешь его от пресыщения; чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет... Война у тебя рождается из побед. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть чужестранного господина.

Перейди только Танаис, и ты узнаешь ширину наших просторов; скифов же ты никогда не достигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов. В другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере. Одинаково стремительно мы и преследуем, и бежим. Я слышал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по городам и плодородным полям. Поэтому крепче держись за свою судьбу. Она выскальзывает, и ее нельзя удержать насильно. Со временем ты лучше поймешь пользу этого совета, чем сейчас. Наложу узду на свое счастье: легче будешь им управлять. У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья; протягивая руки, оно не позволяет схватить себя также и за крылья. Наконец, если ты бог²⁷, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них их добро, а если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего ты можешь забыть о себе. С кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожал друг другу силой. Не воображай, что побежденные тобой — твои друзья. Между господином и рабом не может быть дружбы; права войны сохраняются и в мирное время. Не думай, что скифы скрепляют дружбу клятвой: для них клятва в сохранении верности. Это греки из предосторожности подписывают договоры и призывают при этом богов; наша религия — в соблюдении верности. Кто не почитает

²⁷ Во время пребывания в Египте в 332 г. до н.э. Александр Македонский совершил паломничество к оракулу бога Амона, который якобы устами жрецов объявил его своим сыном.

людей, тот обманывает богов. Никому не нужен такой друг, в верности которого сомневаешься. Впрочем, ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседи обеих твоих империй²⁸, подумай, кого ты хотел бы в нас иметь, врагов или друзей».

Так говорил варвар. Царь ответил, что он воспользуется и своим счастьем и их советами, последует велению судьбы, которой доверяет, и их совету не поступать безрассудно и дерзко. Отпустив послов, он посадил войско на подготовленные плоты. На носу он помещает воинов со щитами, велел им опуститься на колена, чтобы обезопасить себя от стрел. За ними стали приводящие в действие метательные орудия; последних с флангов и с фронта окружили воины. Остальные, находившиеся позади метательных орудий, прикрывали черепашой щитов гребцов, не имевших панцирей. Тот же порядок соблюдался и на плотях с конницей. Большинство тянуло за поводья лошадей, плывущих за кормой. А плывших на мехах, наполненных соломой, прикрывали находившиеся впереди плоты. Сам царь вместе с отборными воинами первый отвязал свой плот и велел направить его к противоположному берегу. Против него скифы выставили всадников у самой воды, чтобы помешать плотам даже пристать к берегу. Кроме того, что македонцы видели вражеское войско, расположившееся на самом берегу реки, они испытывали еще другой страх, ибо гребцы, правившие плотами, не могли справиться с относившим их течением, а воины, страдавшие от качки, боялись быть опрокинутыми и мешали работе гребцов. Несмотря на свои усилия, македонцы не могли даже стрелять из луков, т.к. первой их заботой было сохранить равновесие, а не разить врага. Выручали их метательные орудия, из которых они удачно пускали дротики в густые ряды врагов, неосторожно стоявших против них. Варвары также забрасывали плоты тучей стрел. Едва ли остался хоть один щит, в который не вонзилось бы несколько стрел.

Плоты стали уже приставать к берегу, когда вооруженные щитами воины разом поднялись и свободным движением уверенно метнули с плотов копья. Увидев, что

испуганные лошади врагов отступают, они, воодушевляя друг друга, проворно спрыгнули на землю и с ожесточением стали наступать на приведенных в замешательство врагов. Затем отряды всадников, уже сидевших на конях, прорвали строй варваров. Между тем и остальные, прикрытые отрядом сражавшихся, приготовились к битве... Тут варвары не смогли выдержать ни взора, ни оружия, ни крика врагов, и все, пустив лошадей во весь опор (их войско было конным), обратились в бегство. Хотя царь изнемогал от страданий, которые причиняло ему его ослабевшее тело, однако он с упорством преследовал врагов на расстоянии 80 стадиев...

Этот поход благодаря молве о столь удачной победе привел к усмирению значительной части отпавшей Азии. Ее население верило в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонцев. В связи с этим саки²⁹ направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность Александру. Побудила их это сделать не только доблесть царя, но и его снисходительность к побежденным скифам: всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы тем самым подтвердить, что с отважнейшим из племен он состязался в храбрости, а не ярости...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

²⁸ Речь идет о Балканах и Персии.

²⁹ Скифское кочевое племя.

Сыма Цянь о хуннах

Многочисленные сведения о хуннах содержатся в китайских письменных источниках. Одним из первых об этом народе нам сообщает «отец китайской истории» Сыма Цянь. Сыма Цянь (ок. 145 или 135—86 гг. до н.э.) — древнекитайский историк, автор первой сводной истории Китая «Ши цзи» («Исторические записки»). Он родился близ Лунмыня в семье главного историографа Ханьского двора Сыма Тяня. В юности Сыма Цянь много путешествовал по стране, помогал отцу собирать материал по истории различных частей империи. После смерти отца Сыма Цянь наследует должность главного историографа (в 108 г. до н.э.). Последнее десятилетие II в. до н.э. проходит у Сыма Цяня в напряженном труде по систематизации исторических материалов, в т.ч. оставленных ему отцом, и в написании глав задуманной истории Китая. Обвиненный в заступничестве перед императором за оклеветанного полководца Ли Лина, Сыма Цянь в 98 г. до н.э. был приговорен к позорному наказанию — кастрации. Но несчастье не сломило его, он находит в себе силы продолжить работу над историей Китая. Вскоре император вновь призывает Сыма Цяня на службу и назначает начальником императорской канцелярии, что дает ему средства к жизни и возможность завершить свой большой труд «Ши цзи».

Состоящие из 130 глав, «Ши цзи» охватывают события огромного периода, с легендарных времен до начала I в. до н.э., и являются, по сути, первой всеобщей историей Китая. В них нашел отражение оригинальный исторический метод Сыма Цяня — он впервые в китайской исторической литературе применил комплексный принцип, сочетающий хронологическое описание событий («Анналы»), тематическое освещение разных сторон жизни общества («Трактаты») и жанр биографии. Сыма Цянь умело использовал многочисленные источники (летописи, архивы, рукописи, книги, надписи, личные записи и т.д.), искусно сопоставляя различные данные, и придерживался историографического принципа «излагать достоверное и опускать сомнительное»³⁰...

Предлагаемые далее выдержки из труда Сыма Цяня взяты из кн.: Бичурин Н.Я. (Иакинф)³¹. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т.1. — С.39—40, 46—56.

³⁰ См. советские издания на русском языке: Сыма Цянь. Избранные [Главы из книги «Исторические записки»] /Пер. с китайского В.Панасюка; общая редакция, предисл., комм. Л.И.Думана, — М.: Гослитиздат, 1956; Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») /Пер. с китайского и комм. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина; под общей редакцией Р.В.Вяткина. — Серия «Памятники письменности Востока». — Т.1—7. — М.: Наука; Изд.фирма «Вост.лит.», 1972—1996 (издание еще не завершено).

³¹ Бичурин Никита Яковлевич (1777—1853) — уроженец Казанской губернии, китаевед, член-корреспондент Петербургской Академии Наук с 1828 г. 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине. Переводчик в Министерстве иностранных дел России. Основные работы — по истории и этнографии и монгольских народов (по китайским источникам), по истории, культуре и философии Китая.

Слово источнику:

«Ши цзи»

Глава 110

«...Предок хуннов был потомок Дома Хя-хэу-шы, по имени Шунь-вэй³². Еще до времен государей Тхан и Юй³³ находились поколения Шань-жун, Хяньюнь и Хунь-юй³⁴. Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подростки стреляет лисиц и зайцев, и употребляют их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу³⁵. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой, и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копье. При удаче идут

³² Хя-хэу-шы — историческое прозвание царей первой китайской династии Хя. Цзе-кхой, последний государь этой династии, умер в ссылке в 1764 г. до н.э. Его сын Шунь-вэй в том же году со всем своим семейством и подданными ушел в северные степи и принял кочевой образ жизни. Средневековая китайская историография называет Шунь-вэя предком правящих тюрко-монгольских родов Великой Степи.

³³ Первый — государь Яо, вступил на престол империи в 2357 г. до н.э., второй — государь Шунь, вступил на престол империи в 2255 г. до н.э.

³⁴ Последние являлись непосредственными предками хуннов.

вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают. Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают; устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований не имеют...

...Дом Дун-ху был в силе. Дом Юечжы в цветущем состоянии. У хуннов Шаньюй³⁶ назывался Тумань. Тумань не мог устоять против Дома Цинь и переселился на север. По прошествии 10 лет Мын Тьхянь умер; удельные князья восстали против Дома Цинь. Срединное царство³⁷ пришло в смятение, и гарнизоны из преступников, поставленные Домом Цинь по границе, все разошлись. После сего хунны почувствовали льготу, мало-помалу опять перешли на южную сторону Желтой реки³⁸ и вступили в прежние межи с Срединным царством. Шаньюй имел наследника, по имени Модэ³⁹; после от любимой Яньчжы родился ему меньшей сын; Шаньюй хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжы заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжы, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжы. Юечжы хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него и ускакал домой.

³⁵ Наличие тяжеловооруженной конницы свидетельствует о достаточно высоком уровне развития кочевого общества.

³⁶ «Величайший», т.е. государь, правитель.

³⁷ Китай.

³⁸ Хуанхэ.

³⁹ В тексте — Мао-дунь.

Тумань счел его удальцом, и отделил ему в управление 10 000 конницы⁴⁰. Модэ сделал свистунку⁴¹ и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно нестрелявшим в аргамака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись, и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил головы. Еще по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в Шаньюева аргамака. Приближенные все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем⁴².

I. Шаньюй Модэ. В то время, как Модэ вступил на престол, Дом Дун-ху был в силе и цветущем состоянии. Получив известие, что Модэ убил отца и вступил на престол, Дун-ху отправил к нему посланца сказать, что он желает получить тысячелийного коня, оставшегося после Туманя. Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелийный конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать. К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелийного коня⁴³. По прошествии некоторого времени Дун-ху, пола-

гая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек; требует Яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них? И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к Дун-ху. Владетель в Дун-ху еще более возгордился. В хуннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая⁴⁴. На ней только по границе с обеих сторон были Караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем, советовавшим отдать землю, отрубил головы. Модэ сел верхом на лошадь и отдал приказ — отрубить голову каждому, кто отстанет. После сего он пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху. Дун-ху прежде пренебрегал Модэ и потому не имел предосторожности. Модэ, прибыв с своими войсками, одержал совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом. По возвращении он ударил на западе на Юечжы и прогнал его, на юге покорил Ордосских владетелей Лэуфань и Байян, и произвел поиски на Янь и Дай; обратно взял все земли, отнятые у хуннов полководцем Мын Тьхянь, и вступил с Домом Хань в границы в Ордосе, при Чао-на и Лу-ши; после сего снова произвел поиски на Янь и Дай. — В сие время войска Дома Хань были в борьбе с Хян-юй; Срединное царство изнемогло под тяжестью войны; и это обстоятельство дало Модэ возможность уси-

⁴⁰ Т.е. улус, способный выставить такое количество войска.

⁴¹ Стрелу, издающую в полете свист.

⁴² Историк Суй-гуан писал, что это случилось в 1-е лето Эр-ши, т.е. в 209 г. до н.э.

⁴³ Коня, способного пробегать 1000 ли в день. Ли равен 576 м.

⁴⁴ Песчаная степь в Монголии на юго-запад

литься. Он имел под собою более 300 000 войска. От Шунь-вэй до Туманя — в продолжение с лишком 1000 лет — Дом Хуннов то возвышался, то упал, то делился, то разсеивался: и посему порядок прежнего преемственного наследования у них невозможно определить. При Модэ Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покрыв все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору⁴⁵; почему названия наследственных государственных чинов можно еще описать. Установлены были: 1) Восточный и Западный Чжуки-князь; 2) Восточный и Западный Лули-князь; 3) Восточный и Западный великий предводитель; 4) Восточный и Западный великий Дуюй; 5) Восточный и Западный великий Данху; 6) Восточный и Западный Гуду-хэу. У хуннов мудрый называется Чжуки; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем⁴⁶. От Восточного и Западного Чжуки-князей до Данху, высшие имеют по 10 000, а низшие по несколько тысяч конницы. Всего 24 старейшины, которые носят общее название темников. Вельможи вообще суть наследственные сановники. Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть 3 знаменитые Дома⁴⁷. Князья и предводители Восточной стороны занимают Восточную сторону против Шан-гу и далее на восток до Су-мо и Чао-сянь; князья и предводители Западной стороны занимают Западную сторону против Шан-гюнь и далее на запад до Юечжы, Ди и Кянов. Шаньюева орда находилась прямо против Дай и Юнь-чжун. Каждый имел отдельную полосу земли, и перекочевывал с места на место, смотря по приволю в траве и воде. Восточный и Западный Чжуки-князья, Восточный и Западный Лули-князья считались самыми сильными

владельцами. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении. Каждый из 24 старейшин — для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Дуюй, Данху и Цзюйкюев. В первой луне нового года старейшины не в большом числе съезжаются в храм при Шаньюевой орде. В пятой луне все собираются в Лун-чен, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам. Осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются обходить лес, причем производят поверку людей и скота. Законы их: извлечшему острое оружие и фут⁴⁸ — смерть; за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные — смерть. Суд более 10 дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек. Шаньюй утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру поклоняться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу. Дни уважаются первые в месяце под названиями Сюй и Сы, в первый раз в месяце встретившиеся под сими буквами. Покойников⁴⁹ хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от 100 до нескольких сот человек. Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают. Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу. Пленные, и мужчины женщины, поступают в неволю; и посему на сражении каждый воодушевляется коры-

от Калгана.

⁴⁵ Т.е. стал равным правителем Китая.

⁴⁶ Нередко слова *Восточный* и *Западный* обозначают не только стороны света, но и содержат смысл *Старший* и *Младший*.

⁴⁷ Хуянь и Сюйбу всегда были в брачном родстве с правителями хуннов. Сюйбу занимали должность государственного судьи.

⁴⁸ Военное железное оружие, имеющее вид палки.

стью. Искусно заманивают неприятеля, чтоб обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его. Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин⁵⁰, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шанью и признавали его мудрым. В сие время [в 201 г. до н.э.], Дом Хань только что утвердил спокойствие в Срединном государстве, и перевел князя Хань Синь в Дай с пребыванием в Ма-и. Хунны в больших силах осадили Ма-и, и князь Хань Синь покорился им. Хунны, получив Хань Синь, потянулись с войском на юг; перешед через хребет Гэучжу, они осадили Тхай-юань, и подошли к Цзинь-ян. Гао-ди⁵¹ сам повел войско против них [в 200 г. до н.э.]. Зимой случились сильные морозы и снега. Около трети из ратников отморозили пальцы у рук. Почему Модэ притворился побежденным, и, отступая, заманивал гнавшееся за ним китайское войско. Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему все китайское войско, состоявшее из 320 000 наиболее пехоты, устремилось за ним. Гао-ди прежде других прибыл в Пьхин-чен; а пехота еще не вся пришла. Модэ с 400 000 отборной конницы окружил Гао-ди в Бай-дын. В продолжение 7 дней китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей. Гао-ди отправил лазутчиков подкупить Яньчжы. Яньчжы сказала Модэ: 2 государя не должны стеснять друг друга. Ныне ты, приобрев земли Дома Хань, не мо-

жешь жить на них; сверх сего государь Дома Хань есть человек умный. Обдумай это, Шаньюй. Модэ назначил время, в которое Ван Хуан и Чжао Ли, предводители князя Хань Синь, должны были прийти к нему, и не пришли: почему начал подозревать, что они вступили в договор с Домом Хань; сверх сего принял в соображение слова своей Яньчжы. И так он открыл в одном углу проход: Гао-ди отдал своим войскам приказ — с натянутыми в стороны луками идти прямо чрез открытый угол, и сим образом соединился с главными силами. Модэ пошел в обратный путь. Гао-ди также прекратил войну и отправил Лю Гин заключить договор, основанный на мире и родстве⁵².

Впоследствии князь Хань Синь, занявший место полководца у хуннов, Чжао Ли и Ван Хуан несколько раз нарушали договор, опустошали области Дай и Юнь-чжун. Спустя несколько времени Чень Хи⁵³, подняв бунт и соединившись с Хань Синь, умышлял произвести нападение на Дай. Китайский Двор выставил войско под предводительством полководца Фань Кхуай, который обратно взял Дай, Яй-мынь и Юнь-чжун; но не выступал за границу. В сие время военачальники Дома Хань один за другим передавались хуннам; почему Модэ часто приходил грабить страну Дай, и это беспокоило Дом Хань.

Гао-ди отправил [в 198 г. до н.э.] Лю Гин препроводить княжну своего Дома с названием царевны в Яньчжы Шаньюю с ежегодным определенным количеством шелковых тканей, хлопчатки, вина, риса и разных съестных вещей, и постановить в договоре считаться братьями⁵⁴, на основании мира и родства. Это несколько приостановило Модэ. Впоследствии Лу Гуань, владетель княжества Янь, взбунтовался и с несколь-

⁴⁹ Ниже описано погребение шаньюя; ср. с описанием похорон Аттилы у Иордана и хазарского кагана у Ибн Фадлана.

⁵⁰ Динлины в то время занимали территорию от Енисея до Байкала.

⁵¹ Он же Гао-цзу — основатель династии Хань.

⁵² Договор, основанный на мире и родстве, состоял в том, что китайский Двор, выдавая царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров, т.е. фактически дань.

⁵³ Надзиратель войск в Чжао и Дай.

⁵⁴ Т.е. равными друг другу.

кими тысячами своих сообщников, подавившись хуннам, начал беспокоить земли от Шангу на восток [в 195 г. до н.э.]. Наконец, Гао-цзу преставился. В царствование императрицы Хяо-хой Люй Тхай-хэу⁵⁵ Дом Хань только что утвердился: почему хунны гордились, и Модэ послал к императрице Гао-хэу письмо [в 192 г. до н.э.], написанное в дерзких выражениях⁵⁶.

Гао-хэу думала объявить ему войну, но полководцы сказали ей, что покойный Гаодид был умный государь и воин, но и он стеснен был под городом Пьхин-чен. И так Гао-хэу удержалась, и подтвердила мир и родство с хуннами. Хяо Вынь-ди, по вступлении на престол [в 179 г. до н.э.] хуннуский западный Чжуки-князь перевел свои кочевья в Ордос, и начал разорять границу в области Шан-гюнь; инородцы убивали и в плен уводили жителей. Почему Хяо-Вын-ди указал министру Гуань Ин с 85 000 конницы и колесниц идти в Гао-ну против западного Чжуки-князя, но западный Чжуки-князь ушел за границу. Вынь-ди предпринял путешествие в Тхай-юань; но в это самое время Ци-бэй Ван взбунтовался. Вынь-ди возвратился и отозвал войска, посланные на хуннов. В следующий год [в 176 г. до н.э.], Шаньюй прислал китайскому Двору письмо следующего содержания: «поставленный небом хуннуский Великий Шаньюй почтительно вопрошает Хуан-ди⁵⁷ о здравии. В прошлое время Хуан-ди писал о мире и родстве. Дело сие, к взаимному удовольствию, кончено согласно с содержанием письма. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжуки-князя, и он без представления ко мне по совету Илу-хэу Наньчжы и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, и поставил Дом Хань

в неприязненное положение с соседственной державою. Получено от Хуан-ди 2 письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не возвратился, и это было причиною взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников, то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе; они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений⁵⁸. Жители сих владений поступили в ряды Хуннских войск, и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Но как еще не получено мнение Хуан-ди, то отправляя Лан-чжун Сидуцяня с письмом, осмеливаюсь с ним представить 1 верблюда, 2-х верховых лошадей и 2 четверни. Если не угодно Хуан-ди, чтобы хунны приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границы». Посланный по прибытии тотчас был обратно отправлен и в 6-й луне приехал в Чайвань⁵⁹. По получении сего письма при китайском Дворе держали совет: что выгоднее, война или мир и родство? Государственные чины были того мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим Юечжы, трудно воевать; сверх того, земли хуннов, состоящие из озер и солончаков, неудобны для оседлой жизни, почему считали выгоднее держаться мира и родства. Хяо Вынь-ди согласился на их мнение, и в 6-е лето, перед-

⁵⁵ Вдовствующая супруга основателя династии Хань.

⁵⁶ Содержание этого письма передано в «Истории старшей династии Хань».

⁵⁷ Т.е. китайского императора.

⁵⁸ Речь идет о завоевании земель вплоть до Каспийского моря в 177 г. до н.э.

⁵⁹ Название пограничного места.

него счисления⁶⁰, отправил к хуннам письмо следующего содержания: «Хуан-ди почтительно вопрошает хуннского Великого Шаньюя о здравии. В письме, доставленном мне Лан-чжун Сидуцянем, сказано: Западный Чжуки-князь без дозволения, а по совету Илу-хэу Наньчжы нарушил договор, заключенный между двумя государями, прервал братское согласие между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственной державою. Но как нарушение договора последовало от низших чиновников, то Западный Чжуки-князь в наказание послан был на Запад на Юечжы, и он покорил сие владение. Теперь желательно, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее, и подтвердить прежний договор, чтоб доставить пограничным жителям спокойствие; пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Я очень одобряю это: ибо так мыслили древние святые государи. Дом Хань договорился с Домом хуннов быть братьями, и потому посылает Шаньюю чрезвычайное количество даров. Нарушение договора и разрыв братского согласия всегда происходили со стороны хуннов. Впрочем, как дело Западного Чжуки-князя уже покрыто прощением, то прошу Шаньюя не простирать гнева далее; и если Шаньюю желает поступать согласно с содержанием письма, то пусть объявит своим чиновникам не нарушать договора, а действовать согласно с письмом Шаньюя. Посланный сказывал, что Шаньюю лично предводительствовал в Западной войне и переносил великие трудности. Почему посылаю надеваемый⁶¹ вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки и 40 кусков шелковых тканей, темно-ма-

линового и зеленого цвета. Отправляю чиновника для личного представления».

Вскоре после этого Модэ умер [в 174 г. до н.э.]. Сын его Гиюй был поставлен под наименованием Лаошан Шаньюя...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

⁶⁰ Т.е. в 174 г. до н.э.

⁶¹ Т.е. лично им носимый.

№ 4

Сыма Цянь хуннар турында

Выдержки из труда Сыма Цяня «Исторические записки» на татарский язык переведены с уйгурского языка по изданию: Сыма Цянь. Тарихи хатирәләр. — Урумчи: Шинжаң халык нәшрияты, 1989. — С.391—447.

Слово источнику:

«Хуннар тәзкирәсе

Хуннарның бабалары Шйаховши⁶² балалары булып, алар Чунвейләр⁶³ дип атала иде. Таң, Йу заманаларыннан элек алар (хуннар) тау руннары⁶⁴ Шйәнйун, Шунйу дип аталып, төньякта терлек асрап, күчеп йөрөп яшәгәннәр. Малларның күпчелеге ат, сыер, сарык булып, дөя, коланнар (кыргыз ат) исә аларның сирәк терлекләре иде. Алар үлән, су артыннан күчеп йөргән, шәһәр вә даими тора торган урыннары юк иде. Игенчелек белән шөгьльләнмәгәннәр. Шулай булса да, һәркемнен үзенә хас жире бар иде. Язулары юк, әмер телдән бирелә иде. Балалары сарыкка атланып, жәядән атып, кошчык, тычкан аулылар иде. Берәз зуррак булгач, төлке, куян атып ризыкланалар иде. Яшь вә урта яшьләрдәге көчле ирләр укчы булып, алар тулысынча коралланган жайдаклар иде. Гадәттә, көтү көтеп, аучылык белән яшәгәннәр. Кирәк булганда, һөммәсе атка атланып, сугыш күнекмәләре булдырып, яучабулык белән шөгьльләнгәннәр. Аларның табигате менә шундый иде. Алар еракка жәя, якынга кылыч кулланганнар, орыш унышлы булса, дәвам иткәннәр,

унышсыз булса, чигенгәннәр. Чигенүне оят санамаганнар. Файданы күрсәләр, әдәп-кагыйдәне онытканнар. Хан вә аксакалларыннан башлап түбәнгегә кадәр — һөммәсе мал итен ашап, тиредән киём тегеп кигәннәр. Йоннан япма, киездән палас ясыйлар иде. Малның симезен көчлеләре, калганын карт-зөгьйфьләре ашаган, сәламәт, көчле адәмнәрне хөрмәтләп, карт, зөгьйфьләрне кимсетеләр иде. Атасы үлсә, углы — үги анасына, абыйсы үлсә, энесе — жиңгәсенә, энесе үлсә, абыйсы энесенә хатынына өйләнгәннәр. Алар гадәтәнчә, исем генә кушканнар, фамилияләре булмаган.

Шйа ханлыгында тәртип бозылып, Гуң Лйу экин бәге⁶⁵ дәрәжәсенән мөхрүм булганнан соң, көнбатыш руннар арасына кереп, руң булып, Бин дигән жирдә торып калган. Шуннан соң 300-дән артык еллар үтеп, руң-дилар олы аксакал Дәнфуга һөжүм итте. Дәнфу Чи тавының итәгенә качып китте. Бинлылар ана ияреп, шул жиргә барып урынлашканнар. Шуннан башлап Жов ханлыгының нигезе корыла башлады. Аннан соң 100-дән артык еллар үтеп, көнбатыштагы бәкләр бәге Жи Чаң Чвөн Йиши өстенә һөжүм итте. Аннан соң ун елдан артык үтеп, Жов Ву Ваң Жов өстенә һөжүм итеп, Лойи шәһәрәненә нигез салды. Соңрак тагын Фенчен, Хавчен шәһәрләрендә торып, чит кавем руннарны Жиңшуй, Лошуй елгаларының төньягына сөргән. Аларга «дала ясакчылары»⁶⁶ дип исем биреп, ва-

⁶² Шйаховши — Йу баш аксакал шуның урынына варислык итте. Бу аксакаллык (бәкләк) Шйа дип аталган вә Шйаховши дә диелгән (Төзәтелгән «Сийвән», 358 б.).

⁶³ Чунвей — хуннарның бабасы Шйаховшинның баласы Чунвей дип аталган (Төзәтелгән «Сийвән», 889 б.).

⁶⁴ Текстта искә алынган тау рауннары, руң—ди, чвөнруннар — һөммәсе дә бер үк сюнну (хунну) кавеме. Атамалар төрлеләге аларның төрле төбәкләрдә яшәүләре белән аңлатыла (Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. — Москва: Наука, 1968. — С.7).

⁶⁵ Экин бәк — хужалык эшләрен башкаручы түрә (Төзәтелгән «Сийвән», 1452 б.).

⁶⁶ Дала ясакчылары — башкаладан 2000 чакрым яки 2500 чакрымгача булган жирләр чик ясакчылары тарафыннан идарә ителгән (Төзәтелгән «Сийвән», 1266 б.).

кыт-вакыт ясак алып торды. Шуннан ике йөздөн артык еллар үткәннән соң, Жов ханлыгында тәртип бозылып, Жов Муваң чвәнруңнар өстенә һөжүм итеп, дүрт ак бүре, дүрт болан ганимәт алып кайтты, аннан соң чиктән ясак килмәде. Шунуң белән Жов ханлыгында «Жэза дәстүре»⁶⁷ төзелеп (жэза кануны) кулланыла башлады. Жов Муваңнан соң ике йөздөн артык еллар үтте. Жов Йов Ваң үзенә сөөклә кече ханише Бавси аркасында Шен бәге белән ачуланышты. Ярсыган Шен бәге чвәнруңнар белән берлектә Жов Йов Ваңга һөжүм итеп вә аны Лишән тавы итәгендә үтереп, Жов ханлыгыннан Жйавху⁶⁸ күлән тартып алды. Шунуң белән ул Жиншуй, Вейшуй елгалары арасына урнашып, Жов ханлыгына талау вә көч куллана башлады. Чин Шйаңгун Жов ханлыгын коткарганнан соң, Жов Пиңваң Феңчең вә Хавчең шәһәрләрен ташлап, көнчыгышка Лойи шәһәрәңә күчеп барды. Нөкь шул вакытта Чин Шйаңгун руннар өстенә һөжүм итеп, аларны Чи вилаятенәчә куып барды. Шуннан башлап, Чин Шйаңгун бәкләр дәрәжәсенә күтәрелә. Аннан соң 65 ел үткәч, тау руннары Йән бәклегә аша үтеп, Чи бәклегенә һөжүм иткәннән соң, Чи Лигун⁶⁹ шәһәрәннән читтәрәк руннар белән сугышты, аннан соң 44 ел үтеп, тау руннары Йән бәклегә өстенә һөжүм иткәч, Йән бәклегә Чи бәклегеннән көчлә ярдәм соралды. Чи Хвәнгун төньякка һөжүм итеп, тау руннары белән сугышты, тау руннары качты. Аннан 20-дән артык еллар үткәннән соң, руң-дилар Лойи шәһәрәңә килеп, Жов Шйаңваңга һөжүм итте. Жов Шйаңваң Жең бәклегенә Фәнчең⁷⁰ шәһәрәңә качып китте. Башта ук Жов Шйаңваң Жен бәклегенә һөжүм итү ниятендә иде. Шунуң өчен руң-дилардан өйләнәп, ханиш ясап, ныгыды вә руң, ди гаскәрләре белән берлектә

⁶⁷ Жэза дәстүре — жэза кануны хақындагы китап (Төзәтелгән «Сийвән», 1013 б.).

⁶⁸ Жйавху — борыңгы күл, бер риваятьтә хәзерге Сәнши өлкәсе Жинйаң өязенә төньягында диелсә, тагын бер риваятьтә Сәнши өлкәсе Йаңшйән өязенә көнбатышында диелгән (Төзәтелгән «Сийвән», 941 б.).

⁶⁹ Чи Лигун — м.б. 730 елдан — м.б. 698 елгача барлыгы 33 ел хөкөм иткән Чи бәклегенә бәге («Сихэй», 4757—4758 б.).

⁷⁰ Си шәһәрә — хәзерге Ченән өлкәсе Шучаң өязенә көньяк-көнбатышында. Чунчйу дәверендә Жен бәклегенә бирелгән суюргал иде.

Жен бәклегә өстенә һөжүм итте. Тиздән руң-дилик хатынын ханишлыктан чыгарды. Хатын моңа риза булмады. Жов Шйаңваңның үги анасы ханиш Хуйховның Зи Дэй⁷¹ исемле углы булып, ханиш Хуйховның углы Зи Дэйне хан итеп кую теләге булганга, ул руң-диликханиши вә Зи Дэйләр белән эчкә яктан берләшеп, руң-диларга юл ачып бирде. Нәтижәдә руң-дилар бәрәп кереп, Жов Шйаңваңны тар-мар итеп, Зи Дэйне хан итеп куйды. Шунуң белән руң-диларның бер өлеше Лухунга урынлашып, көнчыгышта Вей бәклегенә тоташты вә Жов ханлагына һәрвакыт һөжүм итеп торганнан, Жов ханлыгы руң-дилардан бөтенләй туеп бетте. Шунуң өчен шагыйрьләр:

Руң-диларга сугып,
Шйәнйүңгә һөжүм итеп,
Харвины шаулатып,
Тәйивәңгәчә бардык без.
Дошманга һөжүм итеп
Курганны нык салып,
Төньякны тынычландырып
Бу илне сакладык без, —

дип жырлаганнар.

Жов Шйаңваң дүрт ел читтә тинтерәп йөрәп, аннан Жин бәклегенә илчә жибәрәп ярдәм сорады. Янадан тәхеткә утырган Жин Венгун көч белән өстенлеккә ирешү теләгендә, гаскәр жыеп руң-дилар өстенә һөжүм итеп, аларны куып чыгарды. Зи Дэйне үтереп, Жов Шйаңваңны кайтарып, Лойи шәһәрәңә урынлаштырды.

Бу вакытта Чин, Жин бәклекләре кодрәтлә, көчлә бәклекләре иде. Жин Венгун руң-диларга һөжүм итеп, аларны Хешидагы Йиншуй⁷², Лошуй елгалары арасына куды. Болар Кызыл Ди, Ак Ди дип атала иде. Чин Мугун Йуйукне кулга алганнан соң, көнбатыш руң даирәсендәге сигез ханлык Чин ханлыгына керде. Луңшән тавының көнбатышында Мйәнжу⁷³ руннары, Күн рунна-

⁷¹ Зи Дэй — «Жов ханнары тәзкирәсе»нә каралсын.

⁷² Йиншуй — борыңгы елга исеме булып, бүгенге Шәнши өлкәсеннән төньяк өлешендәге Тувейхе елгасы. Хән династиясеннән Йвән династиясенә кадәр Йиншуй дип аталган («Сихэй», 1782 б.).

⁷³ Мйәнжу — Гәнсу өлкәсе Тйәшуйның якын әтрафында («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4505 б.).

ры, Дилар, Вэн руннары⁷⁴; Чишэн, Лйаншэн таулары, Жиңшуй, Чишуй елгаларының төньягында Йичу руннары, Дали руннары, Вужж руннары⁷⁵, Чуйён⁷⁶ руннары булып, Жин бөклегенең төньягында исэ Линху руннары, Лүфэн руннары бар иде, Йён бөклегенең төньягында исэ Тунгуслар⁷⁷, тау руннары урынлашкан иде. Алар һәркайсы тау-үзәннәрдә таркалган, үзлөренең башлыктары булган. Төркем-төркем булып жылышсалар да, берләшә алмаганнар.

Моннан 100дән артык еллар үткәннән соң, Жин Давгун⁷⁸ Вей Жиңнны руң-дилар белән татулаштыргач, руң-дилар Жин бөклегенә барды. Тагын 100 елар үткәч, Жавшйанзи Говжу тавын үтеп, руң-диларны тар-мар итеп вә Дэй бөклеген үзенә кушып, Хуннар иленә якынлашты. Аннан Жавшйанзи Хән, Вей бөкләкләре белән берлектә Жжбоны бетереп, Жин бөклегенең жирләрән бүлеп алды. Шулай итеп, Жав бөклегә Дэй бөклегә белән Говжу тавының төньягын, Вей бөклегә Хэши белән Шанжун вилаятьләрен буйсындырып, руңнар белән чиктәш булды. Шуннан соң Йичу руннары үзлөрен сакласыңга дип шәһәр-калыгалар салдылар, ләкин Чин бөклегә аларның жирләрән корт кебек ки-

⁷⁴ Вэн — борынғы руннарның бер тармагы булып, хәзерге Гәнсу өлкәсенең төньягында яшәгән.

⁷⁵ Вужж — борынғы руң ханлыгы. Бүгенге Гәнсу өлкәсенең Жиңчвэн өязе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4506 б.).

⁷⁶ Чуйён — борынғы руң ханлыктарынан булып, урыны хәзерге Ниншйа Хуйзу автоном районының Йәнжж өязендә («Сихэй», 3862 б.).

⁷⁷ Шәркый хулар — борынғы кавемнәрдән. Хуннар шәрәктә урынлашканчы, Мушу исеме бирелгән иде. Чунчйу, Йегилик дәверләреннән бере көньякта Йён бөклегә белән чиктәш иде. Соңгы Йён бөклегә сәнгуе Чин Кэй тарафыннан жинелгәннәр. Чин бөклегенең ахыргы дәверендә шәркый хулар күчеп, хуннардан ат, жир, хәтта уң алчиларын таләп иткәч, Батур Тәнрикогтның һөжүменә очрап жинелгәннәр. Уган тавына чигенгән шәркый хуларның бер тармагы уганнар, Сийанпи тавына чигенгән бер тармагы сийанпилар дип атала иде («Сихэй», 107 б.).

⁷⁸ Жин Давгун — Чунчйу дәверендәге Шйангунның балаларынан. Исеме Жов булып, 15 ел хөкем иткән иде («Кытай кеше исемнәренен зур сүзлегә», 805 б.).

мереп үзенә буйсындырды, ахырдан Чин Хуйваң⁷⁹ заманына килгәндә, Йичу руңнарының 25 шәһәрән буйсындырды. Хуйваң Вей бөклегенә һөжүм итеп, Шихе, Шанжун вилаятьләрен тулысынча Чин бөклегенә кушты. Чин Жавваң заманасында Йичу руннарының ханы хан ана Швэн Тэйхов белән уйнаш итеп, хан ана Швэн Тэйхов Йичу руң ханыннан ике бала тудырган иде. Хан ана Швэн Тэйхов Йичу руң ханын хәйлә-мәкер белән Гәнчвәндә үтерде. Вә гаскәр чакырып, Йичу руңнарына һөжүм итте. Шулай итеп, Чин бөклегә Луңши, Бейди, Шанжун вилаятьләрен буйсындырган. Бөек Кытай диварын төзеп, хуннардан сакланды. Жав бөклегә бәге Вуливаң горөф-гадәтне үзгәртеп, хунча киенеп, атка атланып жәядән атуны өйрәнеп, төньякта Линху, Лүфэн хуннарын тар-мар итеп, Бөек кытай диварын төзедә. (Жав) Вулвваң ныгытманы Дэйжуннан башлап, Чугай (Йиңшән) тавының итәгеннән Гавчога житкездә вә аны чик итеп, Йунжун, Йәнмин, Дэйжун вилаятьләренә нигез сала. Соңрак Йён бөклегендә Чин Кэй исемле фикер иясә, гаскәр башы Хун илендә әсир булып торган. Хуннар аңа бик нык ышана иде. Ул Йён бөклегенә кайтып килгәннән соң, Тунгусларга һөжүм итеп, аларны тар-мар иткәч, Тунгуслар 1000 чакрымлап артка чигенде. Чин Кэй белән бергә Чин бәген (Чин Шйахованньу) үтермәкче булган Чин Вуйаң дигән кеше Чин Кэйнең оныгы булган иде.

Йён бөклегә хуннардан сакланыр өчен Завйаңнан⁸⁰ Шйаңпингә⁸¹ кадәр ныгытма салып вә Шангу, Йуйаң⁸², Йовбейчиң, Лйавши вилаятьләренә нигез салды. Шул заманда жиде мәдәниятле бөкләк арасында өч бөкләк хуннар белән чиктәш иде. Жав бөклегенең гаскәр башлыгы Ли Му зама-

⁷⁹ Чин Хуйваң — фамилиясе Йиң, исеме Си булып, м.б. 337—331 елларда хөкемдар булган («Кытай кеше исемнәренен зур сүзлегә», 829 б.).

⁸⁰ Завйаң — борынғы Шангу булып, Шангу вилаяте хәзерге Хебей өлкәсенең Хвэйлэй өязенең көньяк-көнчыгышында («Сихэй», 2411 б.).

⁸¹ Шйаңпинг — Лйавдунның борынғы вилаятьләреннән. Урыны хәзерге Лйавйан шәһәре.

⁸² Йуйаң — борынғы урыны хәзерге Пейжиң шәһәре, Миййун өязенең көньяк көнбатышында. Йушуй елгасының Кунчэй тарафында булганлыгы өчен Мушу исеме бирелгән.

нында, хуннарның чиктәш Жав бәклегенә һөжүм итеп керергә кыюлыгы житмәде. Чин бәклегә алты бәклекне тар-мар иткәннән соң, Чин Шихван Мең Тйәнне 100000 кешелек гаскәр белән төньяктагы хуннарга каршы жәза походына жибәрәп, Хванхе елгасынан көньяктагы жирләрне тулысынча кайтарды. Шунуң белән Хванхе елгасын чик итеп, елга буенда 44 өяз оештырды вә бу жирләрне саклау өчен жинаятьчеләрне күчәрәп урынлаштырган иде. Линтавдан Лйавдунгәчә сузылган 10000 чакрымнан артык чиктәш таулар, хәтәрле урын вә елгалар буйлап ныгытмалар салып (мөмкин кадәр иске ныгытмалар янадан ясалып), Жйуйвәннән⁸³ Йунйанга⁸⁴ кадәр туры юл ачкан иде. Елгдан үтеп, Йаншән тавы белән Бейжйа арасындагы жирләр буйсындырылды.

Шул вакытларда Тунгуслар көчәйгән, Йавчилар тәрәккый иткән иде. Хуннарның Түмән⁸⁵ исемле Тәнрикогы Чин ханлыгына тин булмаганга төньякка күчкән. Ун елдан артык үтеп, Мең Тйән үлеп, бәкләр Чин ханлыгына каршы күтәреләп, ханлык эчендә курку чыгарды, Чин ханлыгы чикләрен саклау өчен китерелгән жинаятьчеләр кайтып киткәннәр иде. Шунуң белән унайлы шартларга ирешкән хуннар янадан әкрәпләп елганың (Хванхенын) көньягына үтеп, Чин ханлыгы белән элеккеге чик буенча чиктәш булды.

Тәнриког Түмәннең Батур (Боду)⁸⁶ исемле хан тәгине бар иде. Соңрак Тәнри-

⁸³ Жйуйвән — борынгы өяз вә вилайять. Урыны хәзерге эчке Монгол автоном районы Бавтов шәһәренең көнбатышында («Сихэй», 146 б.).

⁸⁴ Йунйан — борынгы өяз. Урыны бүгенге Шәнши Чунханың төньяк—көнбатышында («Сихэй», 1084 б.).

⁸⁵ Түмән Тәнриког — м.б. 220—209 елларда, барлыгы 11 ел хөкөм иткән хун Тәнрикогы. Батур Тәнрикогның атасы.

⁸⁶ Батур, Боду, Мэтә (м.б. ? — 174 еллар) — хун Тәнрикогы. Милади 209 елда атасы Түмәнне үтереп, хөкөмдар булган. Эчке эшләренә тәртипкә салып, хәрби диктатура төзелеше урнаштырган. Шәрәкътә шәркый Хуларны буйсындырып, көнбатышта Йавларны куалаган. Руран, Йосун, Огузларны һәм тирә-яктагы 26 ханлыкны буйсындырган. Төньякта Динлиннәрне, көньякта Лүфән, Бэйян районнарын буйсындырган. Чин хаханлыгы жиренә кереп, Хванхе елгасының көньягын (Хетав тарафларын) басып алып, тагын да

котның сөекле алчисы⁸⁷ ана кече улын тудырганнан соң, Тәнриког Батурны хан тәгин дәрәжәсеннән калдырып, кече углын хан тәгин ясамакчы булды вә шул мөнәсәбәт белән Батур Йавчиларга амәнәт итеп жибәрелде. Батур Йавчи илендә амәнәт булып торганда, Түмән Йавчи иленә кинәт һөжүм итте. Йавчилар Батурны үтермәкче булгач, Батур Йавчиларның бер толпар атын урлап, үз иленә качып килде. Улының батырлыгына гажәпләнгән Түмән аны 10000 жайдакка башлык итте. Батур сызгыра торган ук ясагып, үз жайдакларына мишеньгә ату күнекмәләрен булдыру өчен: «Минем сызгыра торган угым кай жиргә каратып атылса, һәммөгез шул жиргә атасыз, кем атмый икән, аның башы алына-чак!» — дип боерды. Һәм дә ауга чыкканда сызгыра торган ук атылмастан элек ук атканнарның шунда ук башын алдырды. Бер вакыт Батур, үзенең толпар атын мишень итеп, сызгыра торган ук атты. Янындагылардан кайберләр атны атарга жөрбәт итмәгәч, Батур шунда ук аларның башларын алдырды. Шуннан озак үтмәде, үзенең сөйгән хатынына каратып ук аткан да янындагылардан кайберләре бик куркып атарга жөрбәт итмәгәнлектән, Батур аларның да башларын алды. Берәз вакыт үтеп, Батур янә ауга чыккач, Тәнрикогның толпар атын мишень итеп сызгыра торган ук атты. Янындагы кешеләре дә атты. Аннан Батур үз тирәсендәге адәмнәрнен эшкә яраганлыгына ышанды. Соңрак атасы Түмән Тәнриког белән бергә ауга чыгып, Түмәнгә каратып ук атты, янындагылар да сызгыра торган уклады белән ана кушылып, Тәнрикогны атып үтерделәр. Шуннан соң Батур үги әнисен, әнесен һәм дә үзенә буйсырмаган вәзирләренә — барысын үтерде вә үзен Тәнриког дип игълан итте.

Батур тәхеткә утырган чакта Тунгуслар кодрәтле ил иде. Алар Батурның атасын үтереп тәхеткә утырганын ишетеп, Түмәннән калган толпарны сорап, Батурга илче жибәрдәләр. Батур тирә—юньдәге түрәләренә жыеп кинәш сорагач, түрәләре: «Толпар ат — ул хун иленең изге аты. Бирелмәсен», — диделәр. Батур: «Күршебез булган илдән бер атны кызганабызмы?» — диде вә атны тунгусларга бирде. Тунгуслар

көчәйгән, көнбатыш Хун сәләлисенең беренче елларында һәрвакыт көнбатыш феодал сәәлисән каты куркыта иде («Сихэй», 3218 б.).

⁸⁷ Алчи — хун Тәнрикогының рәсми олы хатыны («Сихэй», 2018 б.).

Батурны курыкканга исәпләп, озак үтмичә, Тәңрикотның бер алчисын сорап, Батурга янә илче жибәрделәр. Батур түрәләреннән киңәш сорагач, алар: «Тунгуслар әдәпсез, алчи сораганнар, аларның кирәген бирергә!» — дип кычкырдылар. Батур исә: «Күршебез булган илдән бер алчины кызганабызмы?» — дип, сөекле алчисын Тунгусларга бирде. Тунгуслар ханы тагын да масаеп, көнбатышка һөжүм иткән иде. Тунгуслар белән хуннарның арасында 1000 чакрымга сузылган, бер кеше тормаган ташландык жир булып, һәр ике як менә шул жирнең ике тарафына постларны ясап, каравылларны куйды. Тунгуслар Батур Тәңрикотка илче жибәрәп: «Сез, хуннар, безнең коралландырылган лагерларыбыз алдындагы ташландык буш жиргә аяк басмагыз. Ул жирне без алабыз», — дигәннәр. Батур түрәләрен жыеп янә киңәш сораган, түрәләренең кайберләре: «Ул жирне без ташлаганбыз, аны бирсәк тә була, бирмәсәк тә була», — диеште. Моны ишетеп ачуланган Батур: «Жир — дәүләтнең нигезе. Ни өчен жиребезне бирергә?!» — диде вә жирне бирергә дип әйтүчеләрнең һәммәсенең башын алдырды. Батур Тәңрикот сугышка жыенып, ил эчендә сугышка чыкмаганнарның башлары алыначагын белгертте. Шунның белән көнчыгышка — Тунгуслар өстенә һөжүм итте. Электән Батурны санга сукмаган Тунгусларның сугышка бернинди эзерлеге юк иде. Батур гаскәр белән килеп, Тунгуслар ханын тар-мар итеп, халкын әсир, мал-мөлкәтен ганимәт итеп алып киткән. Батур көнбатышка — Йавчилар өстенә һөжүм итеп, Йавчиларны сөрәп чыгарды. Көнъякта Луфән ханын, Хванхе елгасының көньягындагы Бәйан ханын үзенә буйсындырды. Чин Шихваң дәверендә Мең Тйән хуннардан тартып алган жирләренең һәммәсе кайтарылып, елганың көньягында элеккеге чикне Хән хаканлыгы белән чик итеп, Жуна, Фуши дигән жирләргә кадәр житте. Аннан Йән, Дәй вилаятыларенә һөжүм итте. Шул вакытта Хән гаскәрләре Шйән Йу белән сугышып, Хән сугышның эчендә булганга, Батур көч табып, 300000-нән артык көчле гаскәргә башлык булган иде.

Хуннар Чунвейдән Түмәнгә кадәр булган мең еллар дәвамында кайчан үсеп, кайчан зәгыйфьләнеп, таркалып яшәп килгән иделәр. Аларның шәжәрә-нәсәбнамәләрен белеп, төзеп булмый. Ләкин Батурга килгәндә, ул зур кодрәт табып, төньяктагы Тайпиләрне тулысынча буйсындырып,

көнъякта Хәнгә каршы торган иде. Менә шуннан соң, аларның шәжәрә-нәсәбнамәләре, гамәлләре вә дәрәжәләре беленеп хәтергә кереп калды.

Батур Уң Туг кан, Сул Туг кан, Уң Кол кан, Сул Кол кан, Уң олы гаскәр башлыгы⁸⁸, Сул олы гаскәр башлыгы, Уң олы Тутук бәк⁸⁹, Сул олы Тутук бәк, Уң олы Тутун бәгә⁹⁰, Сул олы Тутун бәгә, Уң Кут бәгә⁹¹, Сул Кут бәгә оештырды. Хуннар атаклы фикир иясен «Туг» дип атаганнар. Шунның өчен, гадәттә, Сул Туг канлыкка хан тәгин билгеләнер иде. Уң-Сул Туг каннардан сәнгүннәргә кадәр олылырда 10000, кечеләрдә берничә мең жайдак булып, гомумән, 24 башлык булган. Бу гаскәрләр «түмән жайдак»⁹² дип атала иде. Олуг түрәләр нәселдән-нәселгә килгәннәр. Койан⁹³, Лан⁹⁴ ырулары, аннан калса, Шубо⁹⁵ ыруы югары дәрәжәле өч ыру санала иде. Сул канат каннар көнчыгышка урынлашкан булып, Шаңгу вилаятенен каршысына туры килгән иде. Көнчыгышта Хуйхе⁹⁶, Чавшйәннәр белән тоташкан. Уң канат каннар көнбатыш тарафка урынлашкан булып, Шаңжун вилаяте каршысында булып иде. Көнбатыштагы чиге Йавчи, Ди, Чйәннарга тоташып, Тәңрикотның урдасы исә Дәйжун, Йунжуң вилаятыларенә каршы урынлашкан иде. Ханнарның жирләре аерым булып, алар үлән-чирәм, су артыннан

⁸⁸ Уң, Сул олы гаскәр башлыгы — хуннарда югары хәрби чин вә дәрәжә атамасы.

⁸⁹ Уң, Сул Тутук бәк — хуннарда гаскәр башлыкларынан (сәнгүн дәрәжәләре) түбәнрәк дәрәжәдәгә хәрби чин.

⁹⁰ Тутун бәк, Йасак бәк — хуннарда вазифа атамасы (Төзәтелгән «Сийвән», 1023 б.).

⁹¹ Кут бәк — хуннарда вазифа атамасы. Батур Тәңрикот оештырган. Уң Кут бәк, Сул Кут бәкләр булып, болар ят фамилияне аксөяклеләрдән куйганнар. Урыны Кул каннардан түбән булган. Хакимият эшләрен идарә итүдә Тәңрикотның якын вәзирләре хисапланган («Сихэй», 4650 б.).

⁹² Түмән атлы гаскәр — хуннарның атлы өлешләренең иң зур берләшмәсе.

⁹³ Койаннар — хуннарның төп ыруларының (фамилияләренең) берсе булып, Шйәнбиләр (Сийанпиләр) күз алдында тотылды (Төзәтелгән «Сийвән», 283 б.).

⁹⁴ Ланнар — хуннарның төп ыруларынан (фамилия) берсе.

⁹⁵ Шуболар — хуннарның төп ыруларынан берсе.

⁹⁶ Хуйхелар — көньяк кавемнәренең берсе.

күчөп йөрилөр иде. Ләкин ханнар арасында Уң Туг кан, Сул Туг кан, Уң Кол кан, Сул Кол каннар өзлөрө көчлө булган. Уң-Сул Кут бәклөрө идарә итүдә ярдәм иткәннәр. 24 башлыкның һәркайсының менбашы⁹⁷, йөзбашы, унбашы, кече кан⁹⁸, вәзир⁹⁹, гаскәр башы, Тутук бәк, Тутун бәк, Кутку бәк түрөлөрө булган.

Һәр елны нөвруз аенда, хун башлыклары Тәңрикот урдасында жылып, үлгәннөрне искә алу йоласын уздыралар иде. Бишенче айда Луңчен¹⁰⁰ шәһәрәнә жылып, үлгәннөрне искә алып, ата-бабалар, күкжир, рухларга атап дога кылалар иде. Көзен, атлар симергәч, Дәймингә (гыйбадәт урманы) жыелганнар. Биредә адәм, малның хисабы алына иде. Хуннарның кануны буенча кылыч (пычак) белән кешенә берәр жирен яраландыручыга үлем жәзасы бирелгән, мал-мөлкәт урлаучыларның өй-жиһазы, милке конфискацияләнгән. Жинаять итүчеләрнән жинаять кечкенә булса — бите киселгән, зур булса — үлем жәзасы бирелгән. Әсирлек жәзасы ун көннән артмаган, бөтен илдә әсирлеккә алынганнар берничә кеше була иде. Тәңрикот һәр таңда лагереннан чыгып, кояшка карап табынган, кич белән айга табынган. Хуннар утырган вакытта сул якка, йөзләрән төньякка каратып утырганнар. Буржның бишенче ханәсе белән мүчәлнең алтынчы ханәсе берләшкән көн хуннарда хәерле көн санала иде. Хуннар үлгәнне күмгәндә, ике катлы, өчө-тышы ясалган табут әзерләп, аңа мәетне алтын-көмеш, киём белән бергә салганнар. Аларда гүр өстенә агач утырту, матәм киеме кию гадәте юк иде. Үлгән кеше белән бергә аның якын хезмәтчеләре, кече хатыны күмелгән. Монда барлык күмелгәннәр саны уннан артык яки 100 кешегә житә иде. Хуннар йолдыз вә айга карап эш алып баралар иде. Ай тулганда, сугышка чыкканнар, ай кимегән вакытта, сугыштан киткәннәр. Дошманның берәрсен

⁹⁷ Менбашы — хун ижтимагый оешмасында 24 аксакалыкның менбашы (мең бәге), йөзбашы (йөз бәге), унбашы кебек түрәләре булган («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4518—4519 б.).

⁹⁸ Кече кан (хан) — ярдәмче каннар («Сихэй», 4125 б.).

⁹⁹ Болун, вәзир — хуннарда вәзирь болун дип аталган («Орхон Мәнгу ташлары»).

¹⁰⁰ Луңчен — шәһәр. Урыны бүгенге Ляйвның өлкәсе Чавйаң өязенә эчке Монгол белән тоташкан жирдә («Сихэй», 4563 б.).

үтерүченә яки әсир итеп алучыны бер касә шәраб белән бүләклиләр иде. Алынган ганимәт күрсәткән хезмәткә карап бирелгән. Әсир алган адәмнөрне буйсындырганнар. Димәк, хуннар сугышканда, һәммә үз мәнфәгәтләре өчен көрәшә иде. Алар дошманны алдап, чолганышка алып, бетерүгә оста булып, дошманны күргән саен жәя атканнар. Уңышсызлыкка очрап, жинелеп калганда исә, шунда ук бүленеп, тиз генә качып киткәннәр. Сугышта үлгәннөрне алып кайтучылар үлгән кешенә бөтен мал-мөлкәтенә хужа була иде.

Батур алга таба төньякта Хунйу¹⁰¹, Чуше¹⁰², Динлиң¹⁰³, Кыргыз (Хакас)¹⁰⁴, Шинли¹⁰⁵ илләрән буйсындырган вә шуның белән Хун иленә барлык атаклы кешеләре, олуг түрәләре Батур Тәңрикотка буйсынып, аны үзләренә «Туг» иткәннәр иде.

Бу Хән хаканлыгы иле тынычланган, Хән бәге Хәншин Дәй вилайәтенә бәк булып жибәрелгән, Майи шәһәрә мәркәз ителгән вакыт иде. Зур көч белән һөжүм иткән хуннар Майине камауга алгач, Хән бәге Хәншин хуннарга бирелгән иде. Хәншинне кулга алганнан соң, сугышчыларны көньякка жибөрөп, Гәвжу тавын үтеп, Тәйвәнгә һөжүм итү өчен Жиңйаңга барган. Хән хаканы Гавди үзә сугыш башлап, хуннарга каршы чыкканда, кышкы көчлө суык, карбураннарга очрап, гаскәриләрнең уннан ике-өчесенә бармаклары өшеп артта калганнар. (Тәңрикот) Батур жинелгән сыман качып, Хән сугышчыларын үз артыннан ияртеп барган иде. Хән гаскәриләре Батурның артыннан куып барды. Батур, сугышчан өлешләрән яшереп, үзен көчсез итеп күрсәтте, шуңа күрә Хән хаканы барлык көчләрән файдаланган иде. Хән сугышчыларының күпчелегә жәяүле булып, барлыгы

¹⁰¹ Хунйулар — төньяктагы кече ханлыкларының берсе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4521 б.).

¹⁰² Чушелар — төньяктагы кече ханлыкларының берсе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4521 б.).

¹⁰³ Динлиңләр — Канга Канкилның төньягында булып, төньяк ханлыкларының берсе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4521 б.).

¹⁰⁴ Кыргыз (хакаслар) — төньяктагы кече ханлыкларының берсе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4521 б.).

¹⁰⁵ Шинли — төньяктагы кече ханлыкларының берсе («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4521 б.).

320000 кеше иде. Алар хуннарны төньякка куып һөжүм иткәннәр. Гавди үз өлешләрәннән элек Пиңчең шәһәрәнә килеп житкән иде. Аның жәяүле гаскәре килеп житкәнче, Батур 400000 көчле атлы гаскәр белән килеп Бәйдең тавында Гавдины камап алды. Хән гаскәрләре тышкы яктан ярдәмнән өзәлөп, эчке якта азык-төлектән мәхрүм булып жиде көн торганнар. Хән гаскәрләрен саклап торган хун атлы гаскәренәң көнбатышта ак атлар, көнчыгышты күк атлар, төньякта кара атлар, көньякта туры атлар иде. Гавди зур бүләкләр белән Тәңрикотның алчысына илче жиберде. Алчи Батурга: «Ике хөкемдар сугышмасын иде. Бүген Хән жирен алдыгыз, ләкин сез, Тәңрикот, барыбер бу жирдә тора алмыйсыз, аның өстенә, Хән хаканының тәңресе бар. Тәңрикот, уйлап кара», — дигән. Батурның хән бәге Хәншинның гаскәр башлыкларыннан Ваң Хван, Жавлиләр белән вәгдәләшкән очрашу вакыты бар иде. Ләкин Ваң Хван, Жавлиләр очрашуга килмәгәнлектән, Батур аларны Хән хаканы белән сөйләшкәннәр дип шикләнде. Шуңа күрә, алчының да сүзен исәпкә алып, камауның бер чиген ачты. Гавди укчыларга: «Һәммәгез жәяне тулысынча тарттырып, укны тышкы якка каратыгыз!» — дип боерык биргән вә ачып бирелгән чигтән туры чыгып, зур гаскәргә кушылды. Батур үз гаскәрләре белән кире борылды. Хән хаканлыгы да гаскәрләрен кайтарып, татулык килешүе төзү өчен Лйужинне хуннарга жибергән.

Шуннан соң Хән бәге Хәншин, хуннарның гаскәр башлыгы сыйфатында, Жавли, Ваң Хванлар белән бергә солыкка каршы хәлдә, Дәйжун, Йунжун вилайәтләрәнә берничә мәртәбә бәрәп кереп талаганнар. Күп тә үтмиңчә, Чин Ши баш күтәрәп, Хән бәге Хәншин белән берләшәп, Дәйжунга һөжүм иткәч, Хән хаканлыгы аларга каршы Фән Квәйне жиберәп, Дәйжун, Йәнмен, Йунжун вилайәтләрән өялзәре белән кайтарды, ләкин чиктән ары чыкмаган иде. Бу вакытта хуннарга Хән гаскәр башлыклары күпләп качып килеп буйсынганлыктан, Батур Дәйжунның жирләрәнә һаман һөжүм итеп тора иде. Хән хаканлыгы борчу эчендә калды. Гавди янә Лйужинне жиберәп, хан затыннан булган бер ханәкәнә (Кунчуйны) Тәңрикотка алчи итеп бирде. Һәр елны Хун иленә мәгълүм микъдарда ефәк, хәтфә, аракы, дөгә вә башка азык-төлекләрне жиберәп тора иде. Туганлашу аркылы карендәшлек килешүе төзелгәч, Батур үзен бераз тыеп то-

ра. Соңрак Йән бәге Лувән баш күтәрәп, үз төркемендөгә берничә мең кеше белән хуннарга буйсынды вә һәрвакыт Шаңгунның көнчыгышын борчий торган булды.

Гавзу үлгәч, Хуйди¹⁰⁶ хан ана Лутәйхов заманасында, Хән хаканлыгы хәзергә тыныч булганга, хуннар горуруланып киткәннәр. Батур Тәңрикот Гавдиның ханишенә дорфа сүзләр белән язылган хат жиберде. Ханиш Батурга каршы һөжүм итәргә теләсә дә, гаскәр башлыклары: «Хакан Гавди акыллы кеше булса да, ләкин Батур торган Пиңчең шәһәрәндә камауга төшкән иде», — дип әйткәннәр. Шунның белән ханиш Лухов үз—үзен тыеп, хуннар белән янә туганлашкан.

Хакан Венди тәхеткә утыру белән туганлашу эшен яңарта башлый. Миладидән борын 177 елны (Вендинең өченче елның бишенче ае) хуннарның Уң Туг каны Хванхе елгасының көньягын басып ала. Шаңжун вилайәтенә басып кереп, чикләрен саклаган бәдәви ят кавемнәрне талап, халкын әсир иткән. Шуңа күрә хакан Венди баш вәзир Гвән Йингә ярлык биргән иде. Гвән Йин 85000 атлы гаскәр белән чыгып, Гавнуда Уң Туг кан белән сугышты. Уң Туг кан чиктән чыгып китә. Бу вакытта Венди Тәйивәнгә килгән иде, нәкъ шул чакта Жибей бәге (Лйу Шинжу) баш күтәргәч, Вейди башкалага кайтты. Шунның белән баш вәзир житәкчеләгендә хуннар белән сугышкан гаскәрне дә кайтарган.

Киләсе елны (м.б. 176нчы ел) Тәңрикот Хән хаканына: «Хун иленең Тәңре куйган олуг Тәңрикоты ихтирам белән сәлам жиберә. Элек хакан татулашуны тәкъдим иткән иде, бу хаттагы фикерләргә ризалашсаң, бергә шатланырбыз. Хән хаканлыгының чигендәгә түрәсе Уң Туг канны хурлаган, Уң Туг кан мин Тәңрикотка үтенмиңчә, илбәк Нәнчи кинәше буенча, Хән хаканлыгының түрәсе белән талашкан. Ике хөкемдарның килешүенә каршы килеп, карендәшләрчә туганлыгыбызны бозган. Хакан кабат-кабат хат аркылы безне гаепләделәр. Илче аркылы жавапны бирдем. Илчебез кайтмады, Хән хаканлыгы үз илчәсен жибермәде. Шул исәптән, Хән хаканлыгы безгә ачуланган иде. Күрше илләр үзара берләшмиңчә калды. Кече түрәнең килешүне бозганлыгы өчен, Уң Туг канны жәзалап, аны көнбатышка Йавчиларга кар-

¹⁰⁶ Хакан Хуйди — Хән хаканлыгының икенче хаканы. М.б. 195 елда тәхеткә утырып, б.э.к. 188 елга хөкем иткән («Сихэй», 4767 б.).

шы сугышка жибәрдем, Тәңренен мәрхәмәте белән түрә-бәкләрнең исәнлеге, атларның тазалыгы белән Йавчилар тар-мар ителде, кырып ташланды. Калганнары әсир ителде. Роран¹⁰⁷, Уйсун¹⁰⁸, Огуз¹⁰⁹ вә алар тирәсендәге 26 ил тынычландырылды. Һәммәсе хуннарға буйсынды. Барлык жәя тоткан халык бер гаилә булып оешты. Төньяктагы жирләр тынычланды. Хәзер сугышны туктатып, гаскәрлөргә ял бирү, атларны карау ниятендә мин. Үткән эшләрне төзәтәп, иске килешүне яңартсаң, чиктәге халыкка ял бирсәк, борынгы заманаларда кебек үсмерләр үсеп картлыкка житсен, картлар үз урыннарында тыныч ятсын, буыннан-буынга тыныч, бәхетле яшик димен. Хаканның теләген белмәгәнгә күрә, кече ишек агасы Шихурчан¹¹⁰ аркылы хат жибәрдем. Бер баш дөя, ике баш менге ат, сигез арба өчен ат бүләк иттем, кабул итәрсез. Хакан жәнәпләре хуннарның чиккә якынлашуын теләмәсә, ул очракта халыкка, түрәлөргә чиктән читкәрәк күчү турында ярлык бирелер. Илче һәрвакыт кайтарылыр», — дип хат язган иде. Илче алтынчы айның урталарында Шинванга¹¹¹ житте. Хат алу белән Хән хаканы сугышу яки татулашу турында вәзирләреннән киңәш сораган. Вәзирләр һәммәсе: «Тәңрикот әле генә Йавчиларны тар-мар иткән, жиңү өстенә жиңү өстәлде. Сугышып жиңә алмабыз. Шуның өстенә хуннарның жире сазлык, тозлак, аны алсаң да, урынлашырга уңайсыз. Тынычлык яхшырак», — дигәннәр. Хән хаканы бу киңәшне кабул итә.

¹⁰⁷ Роран, Раурата, Рорайна — көнбатыш ил (Куригар) нең борынгы хаканлыкларынан бере. Сонрак Пишамшанга үзгәртелде («Көнбатыш ил жир атамалары», 55 б.).

¹⁰⁸ Уйсун, Асийани — борынгы кавем. Элек Чийән тавы белән Духан (Дунхван) арасында урынлашкан. Миладидән борын 161 елны тирәяктагы Иле елгасы, Тикәс елгасы вә Иссыккүл якларына күчкән. Төньяк, көньяк сулалә (милади 420—851 еллар) дәверендә Памирның төньягына күчкән. Халкы 630 мең иде. Казаклар эчендә һаман да Уйсун кабиләләре бар. Миладидән борын 938 елда Уйсуннар Лйав династиясенә салым түлөгән («Сихэй», 168 б.).

¹⁰⁹ Огуз — бүгенге Гәнсу өлкәсе Жйүчвән вилаятенә көнбатышына урнашкан («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4526 б.).

¹¹⁰ Шихурчан — хун каннарыннан берсенен исеме.

¹¹¹ Шинван — жир исеме.

М.б. 174 елны (хакан Венди солтанат дәверенә алтынчы елы) Хән хаканы хуннарға хат жибәрәп: «Хун иленә олуг Тәңрикотына хакан ихтирам белән сәлам жибәрә. Кече ишек агасы Шихурчан китергән хатта: Уң Туг кан Тәңрикотка белгертмичә, илбәк Нәнчи кинәше буенча, ике хөкемдарның килешүенә каршы килеп, карендәшләрчә туганлыгыбызны бозгач, шуңа Хән хаканлыгы ачуланган. Күрше илләр үзара берләшә алмаган булып калган. Кече түрәнә килешүне бозганы өчен, Уң Туг канны жәзалап, аны көнбатышка Йавчилар өстенә сугышка жибәрдем. Йавчилар бөтенләй тар-мар ителгән. Теләгем исә, сугышны бетереп, гаскәргә ял бирү, атларны караудан гыйбарәт. Үткән эшләрне төзәтәп, иске килешүне яңартсаң, чик халкы тынычлыкка ирешеп, балалар үссен, картлар үз урыннарында тынычлыкта ятсын, буыннан-буынга тыныч, рәхәт яшәсәк иде, диелгән. Мин моңа бик шатланамын. Борынгы акыллы хөкемдарларның теләге шул булган. Хән хаканлыгы Хун иле белән карендәшлек килешүе төзедә. Шуңа мөнәсәбәттән Тәңрикотка күп бүләкләр жибәрәм. Чынлыкта, килешүгә каршы килеп, карендәшлекне бозучылар һәрвакыт Хун иле тарафыннан булып килделәр. Ләкин Уң Туг кан вакыйгасы — үтәп киткән эш. Тәңрикот, аны артык гаепләмә. Әмма Тәңрикотның нияте хаттагыча булса, түрәлөргә килешүгә каршы килмәскә вә хаттагыча эш итәргә боерсын. Илче: «Тәңрикот илләр өстенә үзә гаскәр алып барып, сугышып жинүгә ирешкән. Сугыш авырлыгын тойган», — диде. Уртанчы бәк Йи, сөрән салучы бәк Жйән аркылы Тәңрикотка үзем кигән бер якалык патша парча тукуыма, ефәк эчле киём, бер якалы камзол, ике якалы, эче-тышы ефәк киём, бер тарак, бер алтын билбау, бер пар алтын төймә, ун кисәк парча, 30 кисәк ефәк тукуыма, 40 кисәк кызыл, күк ефәк тукуымалар бүләк итәм», — дигән иде.

Шуннан соң озак үтмичә Батур вафат булды. Углы Кайук (Киук)¹¹² тәхеткә утырды. Ул ага Тәңрикот дип атала иде.

Ага Тәңрикот Кайук тәхеткә утыру белән хакан Венди янә хан нәселеннән булган бер ханәкәнә (Кунчуйны) Тәңрикотка алчи итеп жибәрә. Ханәкәнә хәлен барып белер

¹¹² Киук яки Кайук, м.б. 174—160 еллар — хун Тәңрикоты. Батур (Боду)ның углы. Хән династиясә ханәкәсенә өйләнгән вә 14 ел хөкемдар булган. Ага Тәңрикот дип аталган («Кытай кеше исемнәренә зур сүзлеге», 280 б.).

өчен Йән бәклегеннән булган Жуңхаң Йу¹¹³ билгеләнгән булса да, Жуңхаң Йу барырга теләмәгәч, хақан аны мәжбүр иткән иде. Жуңхаң Йу: «Мин барырга булсам, Хәнгә бәла буламын», — дигән. Жуңхаң Йу Хун иленә житеп, Тәңрико́т янына китте, Тәңрико́т аны бик яхшы каршы алды.

Башта хуннарға Хән хақанлыгы жибергән ефәкләр, азык-төлек охшаган иде. Жуңхаң Йу: «Хун иленең халкы Хәннең бер вилаятенә житмәсә дә, алар Хәнгә таянмыйча, ашау-эчү, киём-салым ягыннан мөстәкыйль булганга кодрәтле. Хәзер исә, Тәңрико́т, гореф-гадәтне үзгәртеп, Хәннән килгән нәрсәләргә кызыксынгансыз. Хәннән килгән нәрсәләр андагы матди байлыкның 2/10 өлешеннән артмый. Ләкин хәл менә шундый була калса, Хун иле ахырдан Хәнгә буйсынмыйча калмас. Без Хәннән алган киёмнәрне киеп, урманлык эчендә йөрсәк, аның шунда ук тузылып киткәнлеген күрербез. Хәннән алган ефәк киёмнәрнең үзәбезнең тире киёмнәр сыманлык түгеллеге күренер. Хәннән алган азык-төлек ташлансын. Менә бу нәрсәләрнең сөт-каймак кебек тәмле булмаганы күренер», — диде. Шулай итеп, Жуңхаң Йу Тәңрико́тның тарафдарларын, хуннарның халкын, малын жентекләп карап чыгып, хисаплап, салым алуға өйрәтә иде.

Хән хақанлыгы Тәңрико́тка 1 1/10 фут озынлыктагы такта кисәгенә язылган хат жиберде. Хатта: «Хақан Хун иленең олуг Тәңрико́тына ихтирам белән сәлам жиберә», — диелеп, аннан жиберелгән бүләкләр, әйтелгән сүзләр язылган иде. Жуңхаң Йу Тәңрико́ттан Хән хақанына жиберелгән хатның 1 2/10 фут озынлыктагы тактага язылуын, тамга вә тышлыгының зур, озын булуын тәкъдим итте. Хатта тәкъбберлек белән: «Күк-жирдән тудырылган, кояш-ай тарафыннан куелган Хун иленең олуг Тәңрико́ты Хән хақанына ихтирам белән сәлам жиберә», — диелеп, шул мөнәсәбәттән жиберелгән бүләкләр вә әйтелгән сүзләре язылган иде.

Хән илчеләренең кайберләре: «Хуннарда карт кешеләрне кимсетү гадәте бар

икән», — дигәч, Жуңхаң Йу Хән илчесенә: «Хән гадәтенчә, чикне саклау өчен хәрби частьләргә кереп, өйдән аерылганнарның карт туганнарына киёмнең яхшысын, азык-төлекнең яхшысын бирдекме?», — дип жавап бирде. Хән илчесе: «Дөрес», — диде. Жуңхаң Йу: «Хуннарның сугышны кәсеп иткәнлеге һәммәбезгә билгеле. Аларның карт-зәгыйфьләре сугышка ярамагач, аларны саклау өчен ризыкның яхшысы саклаучыга бирелгән. Бу — үз-үзен саклау. Бу нәкъ ата-баланың бер-берсен асраганга охшый. Моңы ничек хуннарның картларны кимсетүе дип әйтергә кирәк?», — диде. Хән илчесе: «Хуннарда бер киез өйдә ата-бала бергә тора. Атасы үлсә, углы — үги әнисен, абыйсы үлсә, энесе — абыйсының хатынын, энесе үлсә, абыйсы энесенен хатынын алганнар. Аларда зиннәтләнгән киёмнәр булмады, урда да эдәп-кагыйдәләре булмады», — дигән. Жуңхаң Йу: «Хуннарда гадәт шундый: кешеләр мал-туар итен ашап, сөтен эчеп, тиредән киём тегеп кия. Мал-туар су, чирәмгә мохтаж булганлыктан, хуннарға һәрвакыт күчеп йөрергә туры килә. Шул сәбәпле хуннар, житди хәл килеп чыкканда, һәммәсе атка атланып, жаядән атарга өйрәнгәннәр. Тыныч шартларда исә, һәммә кеше күнелле, тыныч көн үткәргәннәр. Хуннарда, кагыйдә буларак, бер илнең эше бер кешенең эшенә тигъ була. Хуннарда атасы үлсә, углы — үги әнисен алган, абыйсы үлсә, аның хатынын энесе, энесе үлсә, аның хатынын абыйсы өйлөнү гадәтенә килсәк, алар нәселнең өзәлуеннән курыкканнар. Димәк, хуннарда гадәт-кагыйдәләр, гәрчә тәртипсез булса да, ләкин котылгысыз хәлдә дә нәсәпләрен саклап калганнар. Хәзер Хән хақанлыгы, бер караганда, кагыйдәле булып, бала — үги әнисен, абый жингәсен хатынлыкка алмаганга, карендәшләр тора-бара бер-береннән бүленеп, ераклашып, үзәра сугышып тора. Ахырдан, нәсәп тә үзгәреп китә. Һәммәсенен эшләү кагыйдәсе шул. Эдәп-инсаф бозучыны үтереп, югары белән түбән катлаулар үзәра ызгышып, талашып беттеләр. Шулар арада өй-төзелмә, патша пулатларының нык, чыдам булуы кешенең көч-гайрәтен бетерде. Крестьян халкы, азык вә киём булдыру юлында көч сарыф итеп, жир сөрдә вә иген үстерде. Үзенә шәһәр-кальгалар салып, шулар эчендә яшәде. Димәк, бу халык, житди хәл килеп чыкса, орышка ярамаган, тыныч вакытта исә эш белән мәшгуль булган. Жир өй эчендә яшәүчеләрнең хәле начар! Артык сөйләүнең ни кирәге бар? Матур

¹¹³ Жуңхаң Йо — Йән бәклегеннән булып, Хән хақаны Венди сараенда хезмәт итүче Агват түрәләреннән иде. Хун иленә ханәкә белән барырга билгеләнсә дә, барырга ризалашмагач, мәжбури жиберелгән. Шуңа ачуланып хуннарға буйсынды вә ихлас белән хезмәт итеп, Хән хақанлыгына борчу китергән иде («Кытай кеше исемнәрен зур сүзлеге», 23 б.).

сөйлөшсөлөр, матур киенеп көзлөнсөлөр дө, матур киём нәрсөгә яраган?», — диде. Шуннан соң Хән илчеләре бәхәсләшмәкче булсалар да, Жунхаң Йу: «Хән илчеләре! Артык күп сөйләшмөгез! Хән хақанлыгының хуннарға жибәргән ефәк, дөгә, аракы эчемлегенә микьдары күп, сыйфаты югары булса, нигә артык сөйләшәргә. Жибәргән нәрсәләр житәрлек, әйбәт булса, шуннан канәгатъбез! Житәрлек, яхшы булмаса, көзен атлы гаскәрләргә жибәреп, кырларыгызны таптырыбыз», — дигән. Икенче яктан, Жунхаң Йу файда-зыян хақында Тәңрикотка кичә-көндөз сөйләше иде.

Б.э.к. 166нчы елны (Хән хақаны Венди солтанат дәверенә 14нче елы) хун Тәңрикоты 140000 атлы гаскәр белән Жуна, Шйавгвәнләрне басып алды, Бейди вилаятенә Тутук бәгә Сун Анны үтерде, күп халыкны вә аларның мал-туарын алып китте. Аннан Пеняңга барып, сугышчы өлешләрән Хуйжун¹¹⁴ сараена жибәреп, аңа ут яндырган. Хун атлы разведчиклары Йунжув аймакындагы Гәнчвәнгә житте. Шунның белән Венди каруг бәгә Жовше, ишек агасы Жанвуларны сәгун итеп, 1000 арбалы, 100000 атлы гаскәр жыеп, аларны Чаңәннен янына урынлаштырып, хуннарға каршы оборона әзерләде. Чаң бәгә Лучинне Шаңжун вилаятенә, Ниң бәгә Вей Суны Бейди вилаятенә, Луңлу бәгә Жузавны Луңши вилаятенә сәгун итеп билгеләде, Дунйаң¹¹⁵ бәгә Жаң Шйаңруны Чон сәгунлегенә, Чең бәгә Дун Чине Алдичи сәгунлегенә билгеләп, зур күләмдә арбалы, атлы гаскәрләр белән хуннарға һөжүм итә. Тәңрикот чик эчендә бер айдан артык торып кайтып китте. Хән гаскәрләре аны чиккә кадәр куып барып кайтканнар. Сугыш булмады. Тагын да горуранып киткән хуннар һәр елны чиккә бәрәп кереп, күп халкын үтерде вә малларын алып китте. Халыкны үтерү вә әсиргә алу, мал-туарны, мөлкәтләрне талап алып китү күренеше, юлбасарлык та Йунжун, Лйавдунларда еш булып торды, Дәйжун вилаятендә 10000-

нән артык адәм үтерелгән вә таланган иде. Афәт эчендә калган Хән хақанлыгы янә илче аркылы хуннарға хат юллады. Тәңрикот та Тутун бәгән жибәреп, жавап хаты юллады. Шунның белән татулашу эше кабат яңартылган иде.

М.б. 162нче елда (хақан Венди солтанат дәвере Ховйвәннен икенче елы) Хән хақаны Венди илче аркылы хуннарға жибәргән хатында: «Хақан хун олуг Тәңрикотына сәлам юллы. Тутун бәгә Кутку Девчунан¹¹⁶ Нукәр бәк хән Лйавлар аркылы миңа бүләк итеп жибәргән ике чабышкы ат килеп житте. Кабул итеп шат булдым. Элек булган хақанларның килешүе буенча, Бөек Кытай диварының төньяктагы жәядән атучыларның салалары Тәңрикотка буйсынырга, Бөек Кытай диварының эчендәгә бүрек киеп, билбау бәйләгән халык минем идәрәмдә булырга тиеш иде. Халыкның хужалык эшләре, тегүчелек, аучылык белән шөгьльләнәп торуы, киём-салым, азык-төлекне әзерләү, ата-баладан аерылмау, патша-вәзирнең үзара тыныч булуы өчен ике якның бер-беренә киртә ясамаулары лязем иде. Хәзер исә, бозык адәмнәр шәхси мәнфәгатләрән кайгыртып, булган килешүгә каршы чыгып, солыш шартнамәләрән бозып, гомум халыкның тәкъдирен онытып, ике хақанның мөнәсәбәтләрәнә дошманлык хисә өстәгәннәр. Әмма бу — үткән эш. Хатларда: «Ике дәүләт татулаштык. Ике дәүләтнең хақаннары дус булдык. Шунның өчен хәрби хәрәкәтләрәбезне туктатып, гаскәрләребезне шунда ук кире кайтаруыбыз, озын-озак заманаларгача бәхәтле яшәвәбез, янадан тыныч тормыш булдыруыбыз лязем», дилгән, мин бу тәкъдимнәрне шатланып кабул итәмен. Акыл ияләре берәзлексез янаны булдырырга, картларны тынычлыкта яшәтергә, балалар тәрбия алып үсәргә тиеш, һәммә кеше картайганчы тыныч-имин яшәсен. Мин вә Тәңрикотның шушы юл буйлап баруыбыз, Тәңренә теләгенә буйсынып, халыкны асрау, озақ вакытларга бу юлда нык торуыбыз лязем. Шулай булгандагына илдә унышлык була. Хән хақанлыгы белән Хун иле күрше, бердәй дәрәжәле дәүләтләр. Хуннар төньякка урнашкан. Климаты суык. Иртә суыта. Шунның өчен Тәңрикот жәнәпләрәнә ак кукуруз, шәраб, алтын-көмеш, төрле товар, ефәк, мамык вә башка әйберләр бирү турында түрәләремә

¹¹⁴ Хуйжун сарае — Хән хақаны Вуди салдырган. Урыны бүгенгә Шәнши өлкәсе Феншйаң өязенәң көньягынан 40 чакрым ераклыкта («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4533 б.).

¹¹⁵ Дунйаң — дошманлык дәверендә Вей бәклегенәң жире булып, сонрак Жав бәклегенә кергән. Хән хақанлыгы бу жирдә өяз вә түрәлеккә нигез салган иде (бер томлык «Сивән», 746 б.).

¹¹⁶ Кутку Девчунан — хуннарның Йасак бәгә. Хән хақанлыгына бүләк алып килгән хун илчесе.

ярлык бирдем. Һәр елны билгеләнгән микъдар буенча жибәрелеп торыр. Бүген ил тыныч, халык шатланып яши. Мин вә Тәңрикот аларның аталары булуыбыз лязем. Мин үткән эшләрне хәтерлим. Кайбер вак эшләр вә вәзирләрнең хаталары аркасында икебез арасында мөнәсәбәт бозылган иде. Анлашылганча, күктәге кояш бер якны гына яктыртмас, жирнең кайбер районнарына гына карамас. Мин вә Тәңрикотның үткән вак эшләрне онытып, тыныч вә хәтәрсез булган татулашудан гыйбарәт киң юл белән барып, үпкәләшүне ташлап, озак вакытка тынычлыкны алга сөрөп, ике дәүләт халкын бер гаилә балалары итүебез лязем. Эчкерсез халык, шулай ук түбәндә балык, югарыда очар кошлар, гомумән, аяклары белән йөргән, авызы белән сулыш алган хәшәрәтләр, суалчаннарға охшаш мәхлүкләрнең — һәммәсе дигәндәй, бәла-казадан котылып тыныч тормыш тели. Шуңа күрә безнең мөнәсәбәтебез моннан соң дәвам итеп, чөчөк атар. Бу — илаһи канундыр. Ике якның да эшләр ысулы үзгәртелер. Качып килгәннәр белән әсирләрне азат итәрмен. Тәңрикот жәнапләре Жанәр¹¹⁷ турында сорашмасын. Кадими хаканнар эшлэгән килешүгә каршылык ителмәс. Тәңрикот жәнапләре вәгдәләрендә нык торсалар, ил тыныч булыр. Татулашудан соң Хән хаканлыгы беркайчан да берләшү килешүен бозмас. Тәңрикот жәнапләре карап торырлар», — дип язган иде.

Тәңрикот татулашу килешүе төзегәч, хакан Тәптиш бәккә: «Хун олуг Тәңрикоты миңа язган хатта «Татулашу солыхы төзелде», дигән. Качкыннарны кабул итү белән хакын арттыра алмас, жирен киңәйтмәс. Моннан соң хуннар чик салаларына басып кермәс. Хәнлеләр дә чиктән ары чыкмас. Бүгенге берләшү килешүенә каршылык итүчеләргә үлем жәзасы бирелер. Бу озак вакытлы татулашуның ахыры яман булмас, ике якка да файдалы булыр. Мин кушылдым. Бу бөтен илгә белдерелсен!» -дип, ярлык биргән.

Дүрт ел үткәннән соң ага Тәңрикот Кайук үлдә. Аның урынына углы Кун миладидән борынгы 161нче елны Тәңрикот булды. Хакан Венди хуннар белән дус иде, бу вакытта Жуңхан Йу яңадан ышанычка керде.

Кун Тәңрикот тәхеткә утырган елны, хуннар янә дуслык мөнәсәбәтен бозып, Йунжун, Шаңжун вилаятыларенә махсус 30000 атлы гаскәр белән бәрәп кереп, сугышып, талап чыгып киткәннәр иде. Бу мөнәсәбәт белән Хән хаканлыгы Бейди, Дэйжунның Говжу, Жав бәклегә жире Фейхуковларга аерым-аерым хәлдә гаскәр белән өч сәнгун жибәрде. Чик буйларына да гаскәр жибәрәп, хуннарның һөжүмнәренә каршы ныклы оборона булдырды. Моннан башка, өч сәнгунне гаскәрләре белән аерым-аерым Чаңьәннең көнбатышында Шилйу, Вешуй елгасының төньяктагы Жимен һәм дә Башанларга урынлаштырып, хуннардан сакланды. Хун атлы гаскәриләре Дэйжундагы Говжунның чикләренә бәрәп кергәч, билге утлары шунда ук Гәнчвән, Чаңьәннәргә барып житкән иде. Берничә ай үткәннән соң, Хән гаскәрләре чикләренә килеп житү белән, хуннар аннан еракка киттеләр. Хән гаскәрләре дә кайтып китте. Бер елдан артык вакыт үткәннән соң, хакан Венди үлеп (м.б. 156 ел), Жинди хакан булды. Жав бәгә Лйусуй¹¹⁸ яшерен рәвештә хуннарға кеше жибәрде. Бу, Чу бәклекләре баш күтәрдә вә, Жав бәклегә белән берлектә, чиктән бәрәп керүне планлаштырган. Хән хаканлыгы Жав бәклеген камауга алып, тар-мар итте. Шунның белән хуннар туктап калды. Мәнәшуннан соң хакан Жинди хуннар белән булган дуслык мөнәсәбәтен яңартып, базарларны ачып биргән иде. Хуннарға сәлам-бүләкләр жибәрәп, борынгы килешү буенча ханәкә (Кунчуй) жибәрде. Гомумән, хакан Жинди заманында хуннар анда-монда чикләргә һөжүм итеп, талап торган булсалар да, зур күләмдә чиктән бәрәп керү вакыйгалары булмаган иде.

Хән Вуди тәхеткә утыру белән, татулашу килешүен ныгытып, хуннар белән тыгыз мөнәсәбәттә булып, базарларны ачып биреп, юмартлык белән мөгамәлә итә иде. Хуннар илендә Тәңрикоттан алып түбәндәгеләргә кадәр һәммәсе Хәнгә гашыйк булып, Бөек Кытай диварының янына барып кайта торган булдылар.

Хән хаканлыгы Майи шәһәрәннән булган Ние Йи исемле картны, тыелган малларны алып, хуннар белән сәүдә итәргә жибәргән иде. Ние Йи Тәңрикотка Майи шәһәрән сатып бирәм дип ялганлап, хун

¹¹⁷ Жанәр — Хән хаканлыгына буйсынган хун («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4537 б.).

¹¹⁸ Жав бәгә Лйусуй — Хән хаканы Гавдинның алтынчы углы Хвэйнен бәгә Лйуйунның бәкзадәсе. Хакан Жиндинен әнесә.

Тэнрикотын Майи шөһөрөнә жөлөп иткән. Ние Йи картка ышанган вә Майи шөһөрөнәң байлыгына кызыккан Тэнрико 100000 атлы гаскәри белән Вужов¹¹⁹ калгасыннан басып керде. Хән хаканлыгы Майи шөһөрөнәң янында 300000-нән артык гаскәрне яшергән иде. Бу гаскәргә баш Тәфтиш бәге Хән Әнго оборона гаскәренә сәнгунә була. Хән Әнгоның карамагындагы дүрт сәнгун Тэнрико җәһәттә яшеренеп ятканнар. Хән хаканлыгының чигеннән киттеп, Майи шөһөрөнә карап килгән Тэнрико, Майига 100 чакрымнан артыграк калганда, бөтен даланы каплаган хисапсыз малларны күрде. Ләкин аларны көтүчә чабаннары күрәнмәде. Гажәпләнгән Тэнрико каравылханәгә һөжүм итте. Нәкъ шул вакытта Йәнменнәң Күзәтчи бәге дошманны күрәп, каравылханәгә яшеренгән. Тэнрико Хән гаскәренәң планын белгән Күзәтчи бәкне тотты вә аны үтермәкчә булгач, күзәтчи бәк Хән гаскәрләренәң яшеренеп яткан урынын Тэнрикога әйтәп бирә. Курыккан Тэнрико: «Миндә шундый шик бар иде», — дип, гаскәрне кире жибергән. Чиктән чыгып киткәч: «Тәңрегә рәхмәт! Күзәтчи бәкне кулга алганмын. Тәңре аңа дәрәсләкне ирештерде», — дигән. Тэнрико Күзәтчи бәккә «Ходайбирде бәк» дигән исем бирде. Хән гаскәрләре, Тэнрико Майига килү белән һөжүм итмәкчә булып көтәп яткан булсалар да, Тэнрико килмәгәч, алар бернәрсәгә дә ирешә алмадылар. Хән сәнгунә Ваң Хуй үз өлешләре белән Дәйжун вилайәтеннән чыгып, хуннарның тәэминат, элементә өлешләренә һөжүм итмәкчә булса да, ләкин Тэнрикутның кайтып киткәнлеген, аның гаскәренәң зурлыгын ишетеп, һөжүм итәргә тәвәккәлләмәде. Хән Вуди: «Бу планын, нигездә, Ваң Хуй әзерләгән иде. Ләкин үзе һөжүм итмәде», — дип, Ваң Хуйны үлем жәзасына хөкөм иткән. Шуннан соң дуслык мөнәсәбәтен өзгән хуннар, элементә юлларын каплап, калгаларга һөжүм итәп, чиккә бәрәп кереп, талап тора иде. Ләкин хуннар ачкүз булып та, электән күчмә базарларга яхшы мөнәсәбәттә булганнар иде. Хән хаканлыгының әйберләре аңа ошый иде. Хән хаканлыгы хуннарга базар ясап бирәп, аларны капкыңга эләктерде.

¹¹⁹ Вужов корылмасы — бүгенге Сәнши өлкәсе Датун шөһөрөнәң көнбатышында («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4538 б.).

Майи вакыйгасыннан соң биш ел үткәч, көз көне Хән хаканлыгы дүрт сәнгунне, һәрберсенә 10000 атлы гаскәр бирәп, сәүдә базарларына һөжүм итәргә жибергән иде. Вейчин сәнгун Шангудан чыгып Луңчән шөһөрөнә барып, хуннардан 700 кешенә үтереп, әсир ала. Гунсун Хе¹²⁰ Йунжуң вилайәтеннән чыгып, һичнәрсәгә ирешә алмады. Гунсун Ав¹²¹ Дәйжун вилайәтеннән чыгып, хуннардан жиңеләп, 7000-нән артык кешенә югалткан. Йәнменнән чыккан Ли Гваң хуннардан жиңеләп, тереләй кулга эләкте. Соңрак качып котылып киткән иде. Хән хаканлыгы Гунсун Ав, Ли Гваңнарны әсирлеккә ала. Гунсун Ав белән Ли Гваң акча түләп котылган булсалар да, гадәти гражданның айланып киткән. Шуңа күрә хуннар берничә мәртәбә чиктән бәрәп кереп талаганнар. Бигрәк тә Йуйаң каты талауга юлыкты. Хән хаканлыгы сәнгун Хән Әнгоны гаскәр белән Йуйаңда тотып, хуннардан сакланды. Икенче елның көзүндә хуннар 20000 атлы гаскәр белән Хән хаканлыгына бәрәп керә. Лйавши вилайәтенәң Куш бәген үтереп, ике меңнән артык кешенә алып китәләр. Хуннар янә Йуйаңга барып, Йуйаң гаскәреннән 1000-нән артык кешенә яулап алдылар. Сәнгун Хән Әнго чолганышка эләгеп, 1000-нән артык атлы гаскәре кырылып бетте дип уйлаганда, Йән бәклегеннән ярдәмчә гаскәр килеп, хуннар чолганышны бушатты. Хуннар янә Йәнменгә бәрәп кереп, меңнән артык адәмне үтереп вә әсир итеп алып киткәннәр. Хән хаканлыгы Йәнменнән Вей Чин сәнгун житәкчеләгендә 30000 атлы гаскәр чыгарып, хуннар белән сугышты.

¹²⁰ Гунсун Хе — исеме Шу. Яшь вакытта атлы гаскәри булган. Хән хаканы Вуди дәверендә чабышкы атлылар сәнгуну булып, олы сәнгун белән берлектә сугышып хезмәт күрсәткәнлеген өчен Нәнжйав түрәлегенә бирелгән. Соңрак имтомчылык иткәнлегенә беләнгәч, кулга алынды, төрмәдә үлгән иде (бер томлык «Сийвән», 36 б.).

¹²¹ Гунсун Ав — Хән хаканлыгы дәверендә яшәгән. Хакан Жинди заманында мулазим, Вуди дәверендә атлы гаскәрләр сәнгуну булып, хуннар белән сугышкан. Сугышта гаскәре күп бетерелгәч, үлем жәзасы бирелгән булса да, хәйлә белән үлемнән котылып, ил эчендә биш—алты ел яшеренеп йөргән, соңрак табылып үтерелгән иде («Кытай кеше исемнәренәң зур сүзлегенә», 36 б.).

Ли Ши¹²² Дэйжуннан чыгып, хуннарга каршы сугышып, дошманның ниче мең адәмен үтерә вә әсир итә. Икенче елны Вей Чиң сәнгун янә көнбатышка һөжүм итеп, Йунжуннан Луншига барды. Хуннар Лүфән, Бэйан ханнары белән Хванхе елгасының көньягында сугышып, дошманның ниче мең адәмен үтерде вә әсир алды. Миллионнан артык сарык- сьер табыш алдылар. Шунның белән Хән хақанлыгы елганың көньягын кулга алып, ул жирдә Шо Фаң шәһәрән салдырды. Борыңгы Чин хақанлыгы заманында Мең Тйән төзөгән кальгаларны янадан төзәттә. Шулай итеп, Хванхе елгасы буйлап оборона корылган иде. Шангу вилаятенә кырыйдагы өязенә Тәвә Завйаң дигән урын хуннарга калдырылды. Бу м.б. 127 ел (хақан Вуди солтанат дәверә Йвәншоның икенче елы) иде.

Киләсе кышта Хун иленә Тәнриקותы Кун үлдә. Кун Тәнриקותының әнесә Сул Кул кан Ечигсә үзен Тәнриקות дип игълан итеп, Кун Тәнриקותының варисы Йутан өстенә һөжүм итеп, аны тар-мар иткән иде. Йутан Хән хақанлыгына качып килеп, ана буйсынды. Хән хақанлыгы Йутанны Шеән бәгә итеп билгели. Ул берничә айдан соң үлеп китә. Ечигсә Тәнриקות тәхеткә утырган елның жәендә хуннарның ун мең атлы гаскәре Дэйжун вилаятенә басып кереп, Куш бәгә Гуң Йовны үтереп, 1000-нән артык кешенә әсир итте. Көзен хуннар янә Йәнменгә барып кереп, 1000-нән артык кешенә үтерде вә әсир алды. Икенче елны¹²³ хуннар тагын Дэйжун, Диңшияң, Шаңжун вилаятыләрәнә һәрберенә 30000 атлы гаскәр белән кереп, меңләгән кешенә үтереп вә алып киттеләр. Хуннарның Уң Туг каны Хән хақанлыгының Хенәндәгә (елганың көньягында) жирләрнә тартып алганы вә Шо Фаң шәһәрән салганына үч итеп, чик жирләрәнә берничә мәртәбә һөжүм итеп талаган. Янә Хванхе елгасының көньягына басып кереп, Шо Фаң шәһәрәнә курку салды. Күп түрәләрән вә халкын үтерде вә әсир алды. Икенче елның (м.б. 124 ел — хақан Вуди солтанат дәверә Йвәншоның бишенче елы) азында Вей Чиң Чон сәнгун-

леккә билгеләнәп, алты сәнгун вә 100000-нән артык атлы гаскәр белән Шо Фаң, Гавчодан чыгып хуннарга һөжүм иткән иде. Уң Туг кан: «Хән гаскәрләре житеп килә алмады», — дигән фараз белән аракы-шәраб эчеп, исереп яткан бер вакытта Хән гаскәрләре чиктән чыгып, алты-жиде йөз чакрым юл узып, төнлә Уң Туг канны камауга ала. Куркып киткән Уң Туг кан качып китте. Аның һәрвакыт янында булган атлы сугышчылары артынан барган. Хән гаскәрләре Уң Туг канга буйсынган ир-ат һәм хатын-кызлардан 15000 кеше вә 10 кече ханның әсиргә алды. Шул елның көзендә хуннар 10000-нән артык атлы гаскәр белән Дэйжунга бәрәп кереп, Дэйжун вилаятенә Тугук бәгә Жуйиннә үтергән дә меңнән артык кешенә алып киткән иде.

Икенче елның (м.б. 123 ел — хақан Вуди солтанат дәверә Йвәншоның алтынчы елы) азында Хән хақаны янә олы сәнгун Вей Чиңнә алты сәнгун һәм 100000-нән артык атлы гаскәр белән походка жибәрде. Алар янә Диңшияңнан чыгып, 100 чакрым үтеп хуннар белән сугышканнар. Гомумән, дошманның 19000-нән артык кешесен үтергәннәр вә әсир алганнар. Әмма хән гаскәрләре дә ике сәнгун вә 2000-нән артык сугышчыны югалткан. Уң сәнгун Сужийән¹²⁴ үз жанын көчкә саклап кала. Алтынчы сәнгун Йабгу Жавсун сугышта унышсызлыкка очрап, хуннарга бирелә. Жавсун, асылда, хуннарның кече ханнарыннан берсе булып, Хәнгә буйсынган иде. Хән хақанлыгы аны Йабгу итеп билгеләгән. Ул алтынчы сәнгун булып, Уң сәнгун Сужийән гаскәрләренә кушылган булса да, аерым юл белән барган иде. Тәнриקות гаскәрләренә очрагач, барлык сугышчылары һәлак була. Йабгуны кулга алган Тәнриקות аны урынбасар итте. Үз сенелесен биреп, аның белән берлектә Хәнгә каршы торырлык план төздә. Жавсун Тәнриקותка комлыкның төнәгына чыгып, Хән гаскәрләрен үз артынан алып барып алжытырга, аннан тар-мар итәргә, чиккә якын килмәскә киңәш итте. Тәнриקות аның планына кушылды. Киләсе елны хуннарның 10000 атлы гаскәре

¹²² Ли Ши — ужжлык (бүгенгә Гәнсу өлкәсә Чиңяң өязе). Хән хақаны Вуди дәверендә сәнгун булып, олы сәнгун Вей Чиң белән берлектә хуннарга каршы сугышкан («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4602 б.).

¹²³ Икенче елы — м.б. 125 елны, ягъни хақан Вуди солтанат дәверә Йвәншоның дүртенче елы.

¹²⁴ Сужийән — Дуинлык. Бүгенгә Шәнши өлкәсә Шьән шәһәрәнә көньяк-көнчыгышында. Черикчә бәк Мәнсиведә олы сәнгун Вей Чиң белән берлектә хуннарга һөжүм иткәнә өчен, Пинлек (бүгенгә Хебей өлкәсә Дачин өязендә) түрәсә булып билгеләнгән иде («Ике Хән дәверә әдәбият тарихы өчен кулланылган материаллар», 436 б.).

Шаңгуга басып кереп, йөзлөгән кешене үтергән иде.

Икенче елның (м.б. 121 ел — хахан венди солтанат дәвере Йвэншовның икенче елы) язында Хән хаханлыгы Киран атлы гаскәри сэнгун Хочубиң житәкчелегендә 10000 атлы гаскәрне сугышка жиберде. Хочубиң Луншидән чыгып, Йәнжж¹²⁵ тавын үтеп, 1000-нән артык чакрым алга китеп, хуннар белән сугышкан. Дошманның 18000-нән артык атлы гаскәре эсир алынды, үтерелде. Шутук канның¹²⁶ табынган атлын идолын тартып алганнар. Шул елның жәендә Киран атлы гаскәри сэнгун янә дуслашкан Гунсун Ав белән берлектә берничә төмән атлы гаскәрне житәкләп, Лунши, Бейди вилаятыләрәннән чыгып, 2000 чакрым юл арасы узып, хуннар белән сугыштылар. Жүйәннән үтеп, Чалиән тавында һөжүм итеп, хуннарның 30000-нән артык кешесен үтерделәр вә эсир алдылар. Кече хан вә аннан түбән түрәләрдән 70 кеше кулга алынган иде. Шул вакытта хуннар да Дәйжун, Йәнмен вилаятыләрәнә басып кереп, йөзлөгән кешене үтерделәр вә алып киттеләр. Хән хаханлыгы Билгә түрә Жаң Чйән вә сэнгун Ли Гваңны сугышка жиберде. Алар Йовбейпиннән чыгып, хуннарның Сул Туг каны белән сугыштылар. Сул Туг кан Ли Гваң сэнгунне 4000 кеше белән чолгап алгач, һәммәсе үлемнән чакына котылдылар. Хуннар исә болардан күбрәк чыгым күргәннәр. Нәкъ шул вакытта Билгә түрә Жаң Чйәннең ярдәмче гаскәрләре килеп житеп, Ли Гваң сэнгунне коткарып алдылар. Ләкин Хән гаскәрләре меңләп кеше югалтты. Бәк Киран атлы гаскәри сэнгун белән сөйләшкән вакыттан соң килгәч, Хән хаханлыгының кануны буенча, Ли Гваң Билгә түрә белән берлектә үлемгә хөкәм ителде. Икесе дә ачка түләп котылган булсалар да, гадәти граждандарга әйләнгәннәр иде.

Шул елның көзөндә Куншар кан, Шутук каннар житәкчелегендәге көнбатыш тарафта Хән гаскәрләре ун меңләп кешене үтереп вә эсир итеп киткәнлегә өчен, ачуланган Тэнриког аларны чакырып үтермәкче булган, куркудан кайгыга төшкән Куншар кан вә Шутук каннар киңәшләшәп, Хәнгә буй-

сынырга булганнар. Хән хаханлыгы аларны каршы алырга Киран атлы гаскәри сэнгун Хочубиңне жибергән иде. Куншар кан Шутук канны үтереп, аның халкын житәкләп Хәнгә буйсына. Алар, гомумән, 40000 кеше булса да, 100000 кеше дип мактанган иде. Шулай итеп, Хән хаханлыгы Куншар канны буйсындыргач, Лунши, Бейди, Хешиларда хуннарның һөжүме эзәйде. Хуннардан тартып алынган Хенән (Хванхе елгасының көньягы), Шинчинжунларга¹²⁷ Гвэндүннән фәкыйрь халыклар күчәрелеп урнаштырыла. Шул мөнәсәбәт белән Бейдине көнбатыштагы саклаучы гаскәрнең яртысы гына калды. Икенче елны хуннар Йовбейпин, Диншияңларның һәрберенә ун мең атлы гаскәр белән басып кереп, меңнән артык кешене үтереп вә алып киттеләр.

Икенче елның (м.б.. 119 ел, хахан Вуди солтанат дәверенең дүртенче елы) язында Хән хаханлыгы киңәшләшәп: «Йабгу Жавсунның планы буенча, Тэнриког комлыкның төньягын яулап ята. Алар Хән гаскәрләре комлыктан үтеп килә алмады дип уйлый булса кирәк», -- дигән фикергә килде дә атлары ярарлык булган 100000 атлы гаскәр чыгарган иде. Ашлык вә киём алып йөрткәннәрнең хосусый атлары 140000 иде. (Гаскәрнең азык-төлек вә хәрби кирәк-яраклары ташыган атлар моның эченә кермәде). Олы сэнгун Вей Чиң белән Киран атлы гаскәри сэнгун Хочубиңләргә бүленеп, сугышка ярлык бирелгәч, олы сэнгун Диншияңнан, Киран атлы гаскәри сэнгун исә Дәйжуннан чыгып, комлыктан үтеп хуннарга һөжүм иттеләр. Моннан хәбәр алган Тэнриког үзенең арбаларын еракка жибереп, сугышчан өлешләре белән комлыкның төньягында аларны көтеп торып, Хән хаханлыгының олы сэнгуне Вей Чиң белән кара-каршы бер көн сугышты. Сугыш дәвам итеп, кич житкәндә буран чыга. Хән хаханлыгының гаскәрләре Тэнрикогны уң-сулдан камауга алды. Тэнриког, Хән гаскәрләреннән жинелүенә ышанмыйча, 100 көчле гаскәриләре белән Хән гаскәрләренең камауларын үтеп, төньяк-көнбатышка качты. Хән гаскәрләре төнлә куып тота алмаганнар. Бу сугышта хун түрә

¹²⁵ Йәнжж тавы — бүгенге Гәнсу өлкәсе Йунчаң өязенең көнбатышы вә Шәндән өязенең көньяк-көнчыгышында («Сихэй», 3593 б.).

¹²⁶ Шутук кан — Хун ханнарыннан берсе, бүгенге гәнсу өлкәсе Вуйу өязенең тирәсендәге хун кабиләләрен житәкләгән («Сихэй», 495 б.).

¹²⁷ Шинчинжун — Чаңфән (бүгенге Шиән)нең төньягынан Шофан (бүгенге эчке монгол Хангин районы)ның көньягына кадәр булган жир Шинчинжун дип аталган («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4547 б.).

бөклөрөннөн 19000 кеше үтерелгән вә әсир алынган иде. Хән гаскәрләре хуннарны куып, төньякта Тйәнийәншән¹²⁸ тавы, Жавсун шәһәрәнә¹²⁹ кадәр барып кайтты.

Тәңрикот качып киткәннән соң, аның гаскәрләре Хән гаскәрләренә кереп, Тәңрикотны эзләп йөргәннәр. Тәңрикот озак вакытлар үз кешеләре белән табыша алмаган иде. Аның Уң Туг каны Тәңрикотны үлде дип исәпләп, үзен Тәңрикот дип игълан итте. Чын Тәңрикот кайтып, үз кешеләрен тапканнан соң, Уң Кул кан Тәңрикотлыкны кире кайтарып, янадан Уң Кул кан булды.

Хән хақанлыгының Киран атлы гаскәри сәнгунә Дәйжуннан чыгып, 2000 чакрымнан артык үтеп, Сул Туг кан белән берләшә. Сугышта хән гаскәрләре хуннардан 70000-нән артык кешене үтерде вә әсир алды. Сул Туг кан гаскәр башлыкларының һәммәсе качты. Киран атлы гаскәри сәнгун Ланжушүшән¹³⁰ тавына менеп күк алласына, Койанга¹³¹ барып, жир алласына дога кылып, Байкал күленен буена кадәр барып кайткан иде.

Шуннан соң хуннар ерак жәйләргә киткәч, комлыкның көньягында аларның торак урыны булмый. Хән хақанлыгы елгандан (Хванхедан) үтеп, Шофаң вилайәтнән көнбатышта Линжугигә кадәр һәммә жирдә сугару каналларын казып, чирәм күтәрәп, түрә-бөкләрдән 50—60 мең кешене урынлаштырды. Шуннан башлап хуннарның жирен тулысынча корытып, чиген хуннарның төньягы белән тоташтыра.

Башта Хән хақанлыгының ике сәнгунә зур гаскәрләр белән һөжүм итеп, Тәңрикотны камауга алып, 80—90 мең кешесен үтерде вә әсир алды. Хән гаскәрләреннән дә ун меңләп сугышчы һәлак булды, 100000-нән

¹²⁸ Тйәнийән тавы — бүгенге Монголия биеклегендәге Хангай тавының көньягында («Сихэй», 2161 б.).

¹²⁹ Жавсун шәһәре — хуннарда буйсынган Жавсун сәнгунгә хуннар махсус шәһәр салып, аны урынлаштырганнар иде. Жавсун шәһәре Тйәнийә тавының итәгендә («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү, 4549 б.).

¹³⁰ Ланжушу тавы — Ланжушу тавы якынча бүгенге эчке Монгол Хешингитин районының төньяк-көнбатыштан Абага районына кадәр булган арага урынлашкан («Сихэй», 1884 б.).

¹³¹ Койан тавы — Койан тавы якынча бүгенге Монголия биеклегендәге комлыкның төньягына туры килә (Төзәтелгән «Сийвән», 1875 б.).

артык ат үлде. Гәрчә хуннар көчсезләнеп, ерак урыннарда күчеп киткән булсалар да, Хән хақанлыгында ат эз булганлыктан, янәдән эзәрлекләүгә мөмкинлек юк иде. Хун иле, Жавсунның планы буенча Хән хақанлыгына илче жибереп, татлы сүзләр белән татулашуны сорады. Хақан сарай эшлекләреннән кинәш сорагач, кайберләр татулашыйк, кайберләре безгә буйсынсын дигән. Вәзир Дургаби Рен Чаң: «Хуннар эле генә жинелде. Кыен шартларда исән калды. Аларны безнең тышкы вәзиребез итәргә кирәк. Чиккә килеп, Хән хақанлыгына буйсынуну үтенсен», — дигән иде. Хән хақанлыгы Рен Чаңны Тәңрикотка илче итеп жиберде. Бу Рен Чаңның планы икәнлеген белеп ярсанган Тәңрикот аны тотып калды. Элек Хән хақанлыгы тарафында буйсындырылып калган хун илчеләре булганга, Тәңрикот алар урынына бу хән илчесен тотып калган иде. Хән хақанлыгы гаскәрләренә янадан жыйган бер вакытта, Киран атлы гаскәри сәнгун Хочубиң үлде. Шуна күрә хуннарда озак вакытлар һөжүм ителмәде.

Берничә ел үткәннән соң, 13 ел Тәңрикот булган Ечигсә үлеп, аның углы Увей Тәңрикот булды. Бу м.б. 114 ел (хақан Вуди солтанат дәверә Йвәндиңнең өченче елы) иде. Увей хөкем иткән вакытларда, Хән хақаны вилайәтләренә күздән кичерә башлаган. Аннан соң Хән хақанлыгы көньяктагы ике Йо дәүләтенә жеза походы оештырды. Хуннарда каршы сугышмаганга, хуннар да чиккә басып кермәде.

Увей Тәңрикот булып өченче елны (м.б. 111 ел) Хән хақанлыгы көньяк Йо дәүләтен юк итте. Элекке Урда варисы Гунсун Хе хақанның ярлыгы буенча 15000 атлы гаскәр белән Жйуйвәннән чыгып, ике мең чакрымнан артык юл үтеп, Фужужингә¹³² кадәр барып кайтты. Хуннардан бер кеше дә очрамады. Хән хақаны Вуди янә элек буйсынган бәк Жавпонуны 10000-нән артык гаскәр белән жиберде. Жавпону Лиңжудән чыгып, мең чакрым юл үтеп, Шунхе елгасына кадәр¹³³ барып кайтты. Тагын бер хунны да очратмады.

¹³² Фужужин — жир атамасы. Урыны бүгенге Монголия жөмһүрияте Хангай тавының төньягында («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү, 4541 б.).

¹³³ Шунхе елгасы — бүгенге Монголия жөмһүриятендәге Хангай тавының көньяк-көнчыгышында.

Бу вакытта хакан, чикне күзәтү өчен 180000 атлы гаскәр белән Шофанга килеп, хәрби кодрәтен демонстрацияләгән иде. Шунның белән Тәңрикотны белгертер өчен Гожине жибәргән. Гожи Хун иленә килгәннән соң, Хун иленең каршы алучы бәге нәрсәгә килгәнлеген сораган, Гожи әдәп белән: «Тәңрикотны күрәп, үз авызым белән әйтәм», — дигән. Тәңрикот Гожине кабул итте. Гожи: «Көнъяк Йо ханның башы Хән хаканлыгы башкаласының төньяк капкасы алдына асып куелган. Тәңрикот жәнапләре Хән хаканлыгы гаскәрләре белән сугышам дисә дә, хаканыбыз гаскәрләрне турыдан-туры үзе житәкчелек итеп чиктә көтеп тора. Әгәр Тәңрикот жәнапләре сугыша алмамын дигән булса, шунда ук көньяктагы Хән хаканлыгына буйсынулары кирәк иде. Шундый ерак жирләргә качып, сусыз, үләнсез, төньякның буранлы далаларында яшеренеп йөрүнен ниңә кирәге бар?» — дигән. Сүз бетү белән, ачуланган Тәңрикот шунда ук каршы алучы бәкне үлемгә хөкем итте. Гожине кайтармыйча Байкалга жибәрде. Шуннан соң Тәңрикот Хән чигенә басып керүгә бөтенләй жөрәт итмәде. Хәрби белем-тәрбия биреп гаскәрне өйрәтер вә аучылык белән шөгьльләнер иде. Хән хаканлыгына берничә мәртәбә илче жибәрәп, татлы сүзләр белән татулашуны сораган.

Хән хаканы хуннарны күзәтеп торырга Ваң Ву житәкчелегендә кешеләрне жибәрде. Хуннарның кагыйдәсе буенча, Хән илчеләре илчелек бунчугы, белән йөзне буймыйча Тәңрикот урдасына керә алмый иде. Ваң Ву Бейди вилайәттенән булып, хуннарның гадәтен яхшы белгәч, ул илчелек бунчугын ташлап, үзен буйап, Тәңрикот урдасына керде. Тәңрикот аны яхшы каршы алды. Матургына сөйләшәп, Хән хаканлыгына хан текинне тоткын итеп жибәрүгә, Хән белән татулашуга ялганлап ризалашкан иде.

Хән хаканлыгы Хун иленә Йаң Шинне илче итеп жибәрде. Бу вакытта Хән хаканлыгы шәрәктә Хуйхе¹³⁴, Чавшйән илләрен буйсындырып, ул жирләрдә вилайәт оештырып, көнбатышта Жйучвән вилайәтен корып, хуннар белән Чйандлар арасындагы элементә юлын өзәп ташлады. Хән хаканлыгы янә

¹³⁴ Хуйхе — жир атамасы. Урыны бүгенге Кореядәге Хамгйон Бокдо вә илебездәге Лйавның өлкәсенәң көнчыгышы, Жимен өлкәсенәң көньягында (Төзәтелгән «Сийвән», 2023 б.).

көнбатышта Йавчи, Бактирийа илләре белән аралашып, Уйсун Кунбейигә ханәкә биреп, хуннарны көнбатыштагы берләшмәләрдән аерып алды. Шулай итеп, төньякка киңәеп, чикне Шәнлүгә¹³⁵ житкерде. Хуннар дәшмәскә мәжбүр булалар. Шул елны Йабгу Жавсун үлдә. Хән вәзирләре, бу исәптән Хун иле көчсәзләнде, буйсындыру мөмкин дип уйлаган иде. Йаң Шин көчле ихтыярлы адәм булса да, аксөяклеләрдән килеп чыккан түрәләрдән булганга, Тәңрикотның илтифатына теләгәнчә ирешә алмаган иде. Тәңрикот хозурына чакырылган булса да, ләкин илчелек бунчугын калдырырга теләмәгәнә, Тәңрикот аны чатырның тышкы ягында кабул итте. Йаң Шин: «Тәңрикот жәнапләре, татулашуны теләсән, хан тәгинне Хән хаканлыгына тоткын итеп жибәр», — дигән иде. Тәңрикот: «Бу иске килешүгә туры килми. Борынгы килешүләр буенча, Хән татулашу билгесе итеп һәрвакыт ханәкә жибәрәп, ефәк, азык-төлек әйберләре белән тәэминләп тора иде. Шуна күрә хуннар да чиккә һөжүм итмәгән. Хәзер борынгы солыхларга каршы килеп, хан тәгинне тоткын итеп жибәрү мөмкин түгел», — диде.

Хуннар үз гадәте буенча, Хән илчесен күргәндә, илче аксөяк затыннан булмыйча, зыялылардан булса, тел остасы дип уйлап, аңа бәхәсләшергә ирек бирмәгәннәр. Әгәр яшь булса, фидакарь дип исәпләп, аның рухи халәтен сындырганнар. Хән илчесе Хун иленә килсә, хуннар Хән илчесенә бүләкләр бирәләр иде. Хун илчесен Хән хаканлыгы тотып калса, хуннар да Хән илчесен тотып калалар иде. Тигез мөнәсәбәт булган. Йаң Шин кайтып килгәннән соң, Хән хаканлыгы Ваң Вуны илче итеп жибәрде. Тәңрикот янәдән ялагайланып, татлы сүзләр сөйләп, Хән хаканлыгынан күбрәк мал-байлык тартып алу теләгәндә булды. Ул мәкерлек белән Ваң Вуга: «Мин Хән хаканлыгына барып, хаканны күрәп, карендәшлек килешүе төземәкчемән», — дигән. Ваң Ву кайтып, Хән хаканына белгертте. Хән хаканы Чаңьәндә Тәңрикот өчен кунакханә салдырды. Хун Тәңрикоты: «Хән түрәләреннән берәрсе илче булып килмичә, мин чын сүземне әйтмимен», — дип, үзенәң түрәләреннән берен Хән хаканлыгына илче итеп жибәрде. Илче килгәч, авырып китте. Хән хаканлыгы аны дөвалап терелтмәкче булса да, бәхеткә кар-

¹³⁵ Шйәнлей — жир атамасы. Уйсунның төньягында (Төзәтелгән «Сийвән», 2553 б.).

шы, ул үлде. Хэн хақанлығы Лучунгога 50000 чиреге хезмэт хақы билгесе булган тамганы астырып, гәүдәне Хун иленә илтү өчен, аны илче итеп жибәрде. Ул ничә мең цзинь алтын кыйммәтендә дәфен бүлгә тәкъдим итте. Хуннар илчене «Хәннең аксөяклеләреннән икән» дип карадылар. Тәңрикот: «Хән хақанлығы минем кадерле илчәмеңә үтергән», — дип, Лучунгоны тотып калды. Тәңрикутның Ваң Вуга әйткән сүзләре ялган булып, аның Хән хақанлығына бару вә хан тәгинне Хән хақанлығында тоткын итү нияте юк иде. Шулай итеп, хуннар берничә мәртәбә сугышчы өлешләргә жибәрәп, чиккә һөжүм иттеләр. Хән хақанлығы Гочанны хуннарны юк итү өченгә сәнгунлеккә билгеләп, Жойе түрәсе Жавпонуны Шофаңның көнчыгышына урынлаштырып, хуннардан сакланды. Лучунго Хун илендә өч ел тоткында торганнан сон, Тәңрикот үлде.

Увей Тәңрикот ун ел хөкемдарлык итеп үлде. Углы Ушилу тәхеткә утырды. Ул яшь булганлыктан, бала Тәңрикот дип атала иде. Бу м.б. 105 елны (хақан Вуди солтанат дәверә Йвәнфеннең алтынчы елы) иде. Шуннан соң Тәңрикот тагын төньяк-көнбатышка таба күзгалды. Аның сул канаттагы гаскәрләре Йунжуң вилаятенә каршысында, уң канат гаскәрләре исә Жйучвән, Дунхваңларның каршысында торды.

Бала Тәңрикот хөкәм иткән вакытта Хән хақанлығы ике илчә жибәргән иде. Аларның берсе Тәңрикутка, икенчесе Уң Туг канга кайгысын уртаклашуга килгән булса да, таркаулык салу ниятендә булганлыктан, хуннар аларның килүен Тәңрикутка белгерттеләр. Ачуланган Тәңрикот Хән хақанлығының бу ике илчәсен тотып калды. Хун илендә тотып калынган Хән илчәләре нибары уннан артык иде. Хән хақанлығы да Хун иленнән килгән илчәләргә шулар урынына тотып кала иде. Шул елны Хән хақаны Ерши сәнгунә Ли Гвандинә көнбатышка Фергана өстенә һөжүм итәргә, Йинйү¹³⁶ сәнгунә Гуңсун Авга буйсынганнарны кабул итәрлек шәһәрне салырга ярлык бирде. Шул елны кышын Хун илендә зур күләмдә үлән булып, мал-туарның күпчеләгә ачлыктан, туңып үлгән. Бала Тәңрикот яшь, сугышчан булганлыгы өчен, халкы күбесенчә

¹³⁶ Йинйү – жир атамасы. Хуннар илендәгә бер жирнең атамасы. Гуңсун Ав Йинйү дигән жиргә һөжүм итмәкчә булганлыгы өчен, Йинйү сәнгун дип аталган иде («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4557 б.).

кайгырып яши иде. Сул Кул олы Тутук бәк Тәңрикутны үтерү нияте белән, Хән хақанлығына яшерен илчә жибәрәп: «Мин Тәңрикутны үтереп, Хән хақанлығына буйсыначакмын. Хән иле ерак, хәзер үк гаскәр килсен, мин күченмәкчәмен», — дип аңлатты. Хән хақанлығы бу сүзгә ишетеп, буйсынганнарны кабул итүчә шәһәр¹³⁷ салган булса да, Сул Кул олы Тутук бәк араны ерак күргән иде.

Икенче елның азында Хән хақанлығы Жойе бәгә Жавпону житәкчеләгендә 20000-нән артык атлы гаскәр жибәрде. Шофаңнан чыккан гаскәр төньяк-көнбатышка ике мең чакрымнан артык узып, вәгдә буенча, Сул олы Тутук бәк белән Жунжи¹³⁸ тавында күрешеп, аннан гаскәргә кайтармакчы булган иде. Сул Кул олы Тутук бәк күченмәкчә булып торганда, белеп алган Тәңрикот аны үтерә вә сул канаттагы гаскәрләргә Жойе бәгенә каршы куя. Жойе бәгә вә похода дошманның меңләп кешесен үтерде вә әсир алды. Кайтканда, буйсынганнарны кабул итү шәһәрнә 400 чакрым калганда, 80000 атлы хун гаскәргә аны чолгап алды. Жойе бәгә төнлә үзә су эзләп чыкканда, хуннар аны күрәп алып, тотып алалар вә аның гаскәренә кисәк һөжүм итәләр. Гозуң — оборона башлыгы, Вей Ваң гаскәр башлыгы була. Икесе дә Чирикчә бәкләр сәнгуненнән аерылып калганлыгы өчен, үлемнән куркып, бер-берен кайтарырга дәлилләр китерә алмадылар. Шунның белән гаскәр хуннар тарафыннан тар-мар ителде. Моңа тантана иткән хуннарның бала Тәңрикуты буйсынганнарны кабул итүчә шәһәрне алырга һөжүмчә өлешләргә жибәргән булса да, алар шәһәрне ала алмыйча, чиктән басып кереп, талап чыгып киткәннәр. Киләсе елны буйсынганнарны кабул итүчә шәһәрне алуга Тәңрикот үзә кыянган булса да, ләкин юлда авырып үлде.

Бала Тәңрикот өч ел хөкемдарлык итеп үлде. Углы кечкенә булганлыктан, хуннар аның әнисе ягыннан абыйсын, Увей Тәңрикутның энесә Уң Туг кан Гуйликуны

¹³⁷ Буйсынганнарны кабул итү шәһәрә — урыны бүгенгә эчкә Монгол Хоһхот шәһәрненә көнбатышынан 390 чакрымда («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4557 б.).

¹³⁸ Жунжи тавы — Жунже тавы бүгенгә Гәнсу өлкәсә Вувей өязенә төньягында («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4558 б.).

Тэнрико́т итеп куйганнар. Бу м.б. 102 елны (хакан Вуди солтанат дәвере Тэйчунун өченче елы) иде.

Гуйлику Тэнрико́т хөкем иткән вакытта, Хән хаканлыгының ярлыгы буенча Даниш бәк Шувей Вуйвән чиктән чыгып, ничә йөз чакрым, хәтта мен чакрым ераклыктагы Лучу тавына¹³⁹ кадәр шәһәр, курган, каравылханәләрне салдырган иде. Бу шәһәр, курган, каравылханәләрнең янына хәрәкәтчән гаскәрләр сәнгунә Хән Йо, Чаңпин түрәсе Вей Каннар урынлаштырылды. Көчле укчылар Тутук бәге Лубоде боерыгы буенча Жуйән сазлыгына¹⁴⁰ курган салдылар.

Шул елның көзәндә хуннар Диншйан, Йунжуң вилаятьләренә һөжүм итеп, менләп кеше үтереп вә тоткын итеп, 2000 ашлык хезмәт хакы алган түрәләрдән берничәсен тар-мар итеп чыгып киткәннәр. Юл бие Даниш бәк төзегән шәһәр, курган, каравылханәләрне бозып ташлаганнар иде. Хуннар янә Уң Туг канни Жйучвән, Жаңйеләргә жибәрәп, берничә мен кешене алып китәләр. Нәкъ шул вакытта Рен Вен¹⁴¹ хән гаскәренә ярдәмгә килгәч, хуннар алган ганимәтләрдән мәхрүм булып чыгып кителәр. Шул елны Ерши сәнгун Ли Гванли Фергананы алып, Фергана ханын үтереп кайтты. Аның каршысына чыкмакчы булган хуннар өлгермичә калды. Шул елның кышында хуннар буйсынганнарны кабул итүче шәһәргә һөжүм итмәкчеләр иде, ләкин шул арада Тэнрико́т хәстә булгач, һөжүм ителмәде.

Гуйлику бер ел Тэнрико́т булып үлде. Хуннар аның энесе Сул олы Тутук бәк Суйдикуны Тэнрико́т иттеләр.

Фергана өстенә жәза походы кылган Хән хаканлыгы чит илләрне куркыткан иде. Бу форсаттан файдаланып, хуннарны бетермәкче булган хакан: «Бабабыз хакан Гавди Пиңчең шәһәрәндә кичергән кайгылары өчен үч алуны миңа калдырган, Гав-

¹³⁹ Лучу — тау исеме, бүгенге эчке Монголдагы Ланшән тавының төньяк өлеше үз вакытында Лучу дип атала иде («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4559 б.).

¹⁴⁰ Жуйән сазлыгы — урын бүгенге эчке Монгол Ергинә районында («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4560 б.).

¹⁴¹ Рен Вен — Хән хаканлыгының Йумен Ковукида яшәгән сәнгун («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4560 б.).

динең ханише заманында Тэнрико́т хат аркылы ханишне хурлаган. Элек Чи Шйаңгун тугыз бабасының үчен алганлыгы өчен «Чунчйу» («Яз-көз») исемле китапта аңа югары бәя бирелгән иде» дип, ярлык биргән. Бу м.б. 101 елны (хакан Вуди солтанат дәвере Тэйчунун дүртенче елы) иде.

Суйдику Тэнрико́т тәхеткә утыру белән, хунга буйсынмаган хән илчеләрен барысын да кайтара. Лучунго энә шул вакытта кайтып килгән иде. Тэнрико́т башта тәхеткә утырганда Хән хаканлыгы һөжүм итәр дип уйлый иде. Шуңа үзенчә: «Мин бала булып, Хән хаканы ата булгач, аны үпкәләтергә ярамас», — дип уйлады. Хән хаканы хезмәтчеләр башлыгы Сувуны¹⁴² күп бүләк-сәламнар белән Тэнрико́тка жибәрәп, үзенә чакырган иде. Тэнрико́т тагын да горуланып, бик тәкәбберләнеп китеп, Хән хаканлыгының көткән жиренә бармады. Икенче елны Жйе түрәсе Жавпону Хән хаканлыгына качып килде.

Икенче елны Хән хаканлыгының ярлыгы буенча Ерши сәнгунә Ли Гванли 30000 атлы гаскәр белән Жйучвәннән чыгып, Чилиән тавында Уң Туг кан белән сугышып, хун түрә-бәкләреннән 10000 кешене үтереп вә әсир алып кайткан. Хуннар Ерши сәнгунне кат-кат чолгап алганга, сәнгун көчкә котылды. Хән гаскәрләре аннан алты-жиде чакрым булды. Хән хаканы Йинйу сәнгунә Гуңсун Авны янадан чакырды. Гуңсун Ав гаскәре Шихедән чыгып, көчле укчылар Тутук бәге Лубоде белән Жовши¹⁴³ тавында кушылды. Алар сугышта нәтижәгә ирешә алмады. Хән хаканы янә атлы гаскәрле Тутук бәге Ли Линне чакырды. Ли Лин жәяүле вә атлы 5000 гаскәрне житәкчелек итеп, Жуйәннән чыгып, төньякка карап 1000 чакрымнан артык үткәндә, Тэнрику́тка каршы чыгып сугыш-

¹⁴² Суву (б.э.к. ? — 60 еллар) — Дуңлинлык (бүгенге Шьән шәһәрәнең көньяк-көнчыгышында). Б.э.к. 100 елны (хакан Вуди солтанат дәвере Тйәнхәннән беренче елы) Хән хаканлыгының ярлыгы белән хуннарға барды. Хуннар аны тотып калып, буйсынырга кыстаган булсалар да, сонрак аны Байкалга жибәрәп, чабан иттеләр. Ул 19 ел сарык көтүе көтеп, б.э.к. 81 елны (хакан Жавди солтанат дәвере Сийвәннән алтынчы елы) Хән хаканлыгына кайткан иде («Сихэй», 1285 б.).

¹⁴³ Жоту — тау исеме, урыны бүгенге Шинжаңдагы Йазикүлнең көнчыгышында («Тарихи хатирәләр» анлатмалары турында тикшеренү», 4563 б.).

ты. Ли Лин 10000-нән артык кешене үтерде вә яралады. Ли Линнең корал, азык-төлеге бетеп, кайтмакчы булганда, хуннар аны камап алды. Ли Лин камаудан чыга алмагач, хуннарға буйсынды. Гаскәрләре тар-мар ителде. 400 кеше Хән хаканлыгына кире кайтты, Тэнрикут Ли Линне кадерләп, ана кызын биргән иде.

Ике ел үткәннән соң,¹⁴⁴ Ерши сэнгун житәкчелегендә 600000 атлы, 100000 жәяүле гаскәр янадан походка жибәрелде. Ерши сэнгун Шо Фаңнан юлга чыкты. Укчылар Тутук бәге Лубоде 10000-нән артык гаскәр белән Ерши сэнгунгә кушылдылар. Хәрәкәтчән гаскәрләр сэнгуне Хән Йо жәяүле, атлы булып 30000 кешелек гаскәр белән Вуйвәннән юлга чыкты. Йиңйу сэнгуне Гуңсун Ав 10000 атлы, 30000 жәяүле гаскәр белән Йәнменнән чыкты. Моңы күреп, хуннар арбаларын ерактагы Йову¹⁴⁵ елгасының төньягына күчәргәннәр. Тэнрикут 100000 атлы гаскәр житәкләп, елганың көньягында Ерши сэнгун белән сугышам дип көтеп торды. Ерши сэнгун Тэнрикут белән ун көн сугышканнан соң, гаскәре белән чигенде. Шул вакытта Ерши сэнгун «хатыны им-том итеп, хаканга зыян иткән» дип гаепләнеп, туган-тумачаның бетерелгәннен ишетеп, үз өлешләре белән хуннарға буйсынган. Аның гаскәреннән көчкә бер-ике кеше Хән хаканлыгына кайтып китә алды. Хәрәкәтчән гаскәрләр сэнгуне Хән Йо бернинди нәтижәгә ирешә алмады. Йиңйу сэнгуне Гуңсун Ав, Сул Туг кан белән сугышып, уңышсызлыкка очрап кайтып китте. Шулай хуннар белән сугышкан Хән гаскәрләре телгә алырлык бернинди нәтижәгә ирешә алмыйлар. Гаскәр башлыкларына хакан хозурына керү жинел булмады. Ерши сэнгуннең туган-тумачасы бетерелде дип, Ли Гванли сэнгуннең хуннарға буйсынуына сәбәпче булган Суй Дән хаканның ярлыгы белән кулга алынды.

Тарихчыдан: «Чунчйу»не язган Қуң Зи (Мужунны) Лу бәклегенең бәге Йингун, Хвэнгун дәверләрен ачык-тәфсилле язып, Дингун, Әйгун дәверен исә өстен генә үтеп киткән иде. Шул вакыттагы эшләренә язганда, аңа мәдхия укымастан, сак булган. Хун-

нар чынлыкта фикер йөртүче кешеләр, берәр дәрәжә яки хаканның хөрмәтенә ирешүне максат иткән вә барлык чаралар белән хаканга ялагайланып, үзләренең фикерләрен хаканга күндерәләр иде. Шуның аркылы үзләренең уй-фикерләренә унайлы шартлар тудырмакчы булганнар. Каршы якны да, үзенләрен дә аңлый алмаганнар. Гаскәр башлыклары уртақ Жунго жиренен зурлыгынан горуранып, хакан зур эшләренә югарыдагыларның фикере белән исәпләшеп башкарган. Шуңа бөек хезмәт күрсәтә алмаган. Йав, гәрчә акыл иясе булса да, танылмады. Йу галәмне тынычландырган. Мөкаддәс хакимиятне чөчәк аттырырга дисәк, бердән-бер чара — вәзир-полководецларны сайлап эшләтергә кирәк».

Перевод текста с уйгурского на татарский язык Лилии Байбулатовой

¹⁴⁴ Ике ел үткәннән — б.э.к. 97 елны (хакан Вуди солтанат дәвере Тйәнхәннен дүртенче елы).

¹⁴⁵ Йову елгасы — Шофаң шәһәренең, ягъни бүгенге эчке Монгол Ханжин районының төньягында («Тарихи хатирәләр» аңлатмалары турында тикшеренү», 4563 б.).

№ 5

«Цзинь-шу» о хуннах

Предлагаемый текст — это отрывок из 97-й главы китайской династийной истории «Цзинь-шу» (265—400 гг.), составленной Фан Цяо при Танской династии. Сведения о хуннах, заключенные здесь, хотя и невелики, но представляют несомненный интерес. Особо важно то обстоятельство, что текст «Цзинь-шу» почти не повторяет сведений предшествующих историков и дает свои оригинальные данные, например, о расселении хуннских племен в Китае, племенном составе «южных» хуннов и т.д. Текст впервые был введен в научный оборот в 1939 г. Вильямом Говерном. Первый перевод на русский язык был осуществлен в 1940 г. А.Н.Бернштамом при содействии Б.И.Панкратова (Советское востоковедение. — 1940. — № 3/4. — С.225—227). Свой вариант перевода несколько позднее выполнил Н.В.Кюннер (см., например: Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока. — М., 1961. — С.319 и сл.). При публикации источника мы пользуемся изданием: Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III — V вв. — М., 1989. — Вып. I. — С.150—153.

Слово источнику:

«Бэй-ди (Северные дисцы)
Сюнну

Племена, относящиеся к группе сюнну, именуют общим названием бэй-ди — северные дисцы¹⁴⁶. Земли сюнну на юге соприкасались с землями бывших владений Янь и Чжао¹⁴⁷, на севере граничили с пустыней, на востоке примыкали к землям девяти иских племен¹⁴⁸, на западе доходили до земель шести племен жунов. Из поколе-

ния в поколение племена подчинялись друг другу и не принимали системы летосчисления, принятой в Среднем государстве. При династии Ся их называли сюньюй, при династии Инь — гуйфан¹⁴⁹, при династии Чжоу — сяньюнь и при династии Хань — сюнну...

В конце династии Ранняя Хань¹⁵⁰, когда среди сюнну вспыхнула большая смута и 5 шаньюев¹⁵¹ боролись за власть, шаньюй Хуханье, лишившись престола, явился во главе кочевий к династии Хань и признал себя ее слугой. Династия Хань, с похвалой отнесшаяся к намерению Хуханье, выделила северную часть области Бинчжоу, чтобы поселить его там. Вслед за этим свыше 5000 сюннских юрт явились на жительство в Шофан и другие округа и стали жить среди ханьцев. Хуханье, благодарный династии Хань за оказанную милость, явился ко двору, а династия Хань временно оставила

¹⁴⁶ Сравни: «Сюнну все вместе называются северными варварами» (перевод А.Н.Бернштама); «Племена сюнну вообще называются бэйди (северные варвары, иноземцы)» (перевод Н.В.Кюннера).

¹⁴⁷ Владение Янь — одно из 7 крупных владений в период Чжань-го (403—221 гг. до н.э.). Занимало северную часть современной провинции Хэбэй, а его столица находилась в г. Цзи (к северо-западу от Пекина). Владение Чжао — одно из 7 крупных владений в период Чжань-го. Занимало северную половину современной провинции Шаньси, а его столица находилась в г. Ханьдань. Янь и Чжао были уничтожены в 222 г. до н.э. владением Цинь.

¹⁴⁸ Девять иских племен (*цзю и*) — цюаньи, юйи, фанъи, хуанъи, байи, чии, сюаньи, фэньи и яньи. Занимаемая ими территория неизвестна.

¹⁴⁹ Букв. «Чертова страна».

¹⁵⁰ Ранняя Хань — 206 г. до н.э. — 7 г. н.э.

¹⁵¹ Шаньюй — «величайший», т.е. государь, правитель.

его у себя, пожаловала подворье, разрешила по носимому им титулу именоваться шаньюем, ежегодно выдавала шелковую вату, шелковые ткани, зерно, деньги, и, подобно лехоу¹⁵², его сыновья и внуки наследовали власть без перерыва в течение нескольких поколений. Начальникам округов и уездов, в которых жили сюннуские кочевья, было приказано управлять ими, а их положение в целом походило на положение дворов, занесенных в подворные списки, с той только разницей, что они не несли податей и не платили налогов. По прошествии многих лет количество сюннуских дворов постепенно увеличилось, они заполнили все северные земли, и ими стало трудно управлять.

В конце династии Поздняя Хань¹⁵³, когда в Поднебесной¹⁵⁴ происходили большие волнения, сановники наперебой говорили, что хусцев¹⁵⁵ слишком много, и выражали опасения, что они непременно займутся разбоем, поэтому против них следует заранее принимать меры обороны.

В эру правления Цзянь-ань¹⁵⁶ вэйский император У-ди впервые разделил сюнну на 5 частей, поставив во главе каждой части наиболее знатного из них в качестве вождя, назначил ханьцев на должность командующих войсками и поставил их надзирать за вождями. В конце династии Вэй¹⁵⁷ название «вождь»¹⁵⁸ было изменено на «главного воеводу»¹⁵⁹.

Под властью главного воеводы левой части сюннуских кочевий находилось приблизительно свыше 10000 юрт, которые жили в бывшем уезде Сюаньши в округе Тайюань; у главного воеводы правой части сюннуских кочевий находилось приблизительно свыше 6000 юрт, которые жили в уезде Цисянь; у главного воеводы южной части сюннуских кочевий находилось приблизительно свыше 3000 юрт, которые жили в уезде Пуцзы; у главного воеводы северной

части сюннуских кочевий находилось приблизительно свыше 4000 юрт, которые жили в уезде Синьсин; у главного воеводы средней части сюннуских кочевий находилось приблизительно свыше 6000 юрт, которые жили в уезде Тайлин.

После вступления цзиньского императора У-ди на престол¹⁶⁰ в землях сюнну за укрепленной линией произошло большое наводнение, в связи с которым свыше 20000 юрт из кочевий сайни, хэинань и других изъявили покорность. Император снова принял их, повелев жить под бывшим городом Иян в землях к западу от Хуанхэ. В дальнейшем сюнну опять стали жить среди цзиньцев в округах Пиньян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандан и Лэпин.

В 7-м году эры правления Тай-ши¹⁶¹ шаньюш Лю Мэн поднял восстание и расположился в городе Куньчээн. Император У-ди вручил верительный знак Хэ Чжэню, носившему титул Лоу-хоу, и послал его покарать Лю Мэна. Хэ Чжэнь, всегда отличавшийся расчетливостью, решил, что войска Лю Мэна злы и дерзки, их не покорить малыми силами, а поэтому тайно соблазнил Ли Кэ, служившего Лю Мэну в качестве надзирателя левой части сюннуских кочевий и тот убил Лю Мэна. После этого, содрогнувшись от страха, сюнну изъявили покорность и много лет не смели поднимать мятежи. Позднее они в гневе перебили старших чиновников и постепенно превратились в источник бедствий на границах.

Го Цинь, уроженец округа Сихэ, служивший в должности дворцового цензора, представил доклад, в котором говорил: «Жуны и дисцы сильны и жестоки, с давних пор они причиняли бедствия. В начале династии Вэй из-за малочисленности населения все северо-западные округа стали местом проживания жунов. Ныне они изъявляют покорность, но если через 100 лет поднимется пыль от копыт боевых коней, то хуские всадники из округов Пиньян и Шандан менее чем за 3 дня подойдут к переправе Мэнцзин¹⁶² и округа Бэйди, Сихэ, Тайюань, Фынъи, Аньдин и Шанцзюнь окажутся во власти ставки правителя дисцев. Сле-

¹⁵² Как удельные князья.

¹⁵³ Поздняя Хань — 25—220 гг.

¹⁵⁴ Т.е. в Китае.

¹⁵⁵ Хуннов.

¹⁵⁶ 196—200 гг.

¹⁵⁷ 220—265 гг.

¹⁵⁸ «Шуай».

¹⁵⁹ «Ду-юй».

¹⁶⁰ В 265 г. Правил до 289 г.

¹⁶¹ В 271 г.

дует показать силу, которая была проявлена при замирении земель У, использовать планы мудрых сановников и смелых военачальников, выступить в округа Бэйди, Сихэ и Аньдин, освободить округ Шанцзюнь, заселить округ Фэнъи, а для этого надо собрать в уездах к северу от округа Пиньян приговоренных к смертной казни преступников, переселить из района Саньхэ и разделенного на 3 части округа Вэйцзюнь¹⁶³ 40000 семей из числа имеющихся чиновников и заселить ими эти округа. А для того чтобы варвары не тревожили хусцев, следует постепенно выселить различные племена хусцев из округов Пиньян, Хуннун, Вэйцзюнь, Цзинчжао и Шандан, незамедлительно принять строгие меры защиты, необходимые для контроля за приходом и уходом варваров, живущих в четырех сторонах света, восстановить учрежденную прежними ванами систему несения неопределенных повинностей. Все это явится дальновидным планом, рассчитанным на 10000 поколений». Император не принял совета.

В 5-м году эры правления Тай-кан¹⁶⁴ сюннуский хусец Тайахоу во главе своего кочевья, насчитывавшего 29300 человек, изъявил покорность.

В 7-м году эры правления Тай-кан¹⁶⁵ вождь сюннуского хуского кочевья дудабо и вождь хуского кочевья вэйсо во главе более 100000 соплеменников, считая старых и малых, явились к правителю области Юнчжоу Сыма Цзюню, носившему титул Фунфан-ван, с изъявлением покорности.

На следующий год главноуправляющие сюннусцев Дадоу, Дэи, Юйцзюй и другие во главе кочевий, насчитывавших 11500 человек, включая старых и малых, явились с изъявлением покорности, имея 22000 голов крупного рогатого скота, 105000 овец, неисчислимое количество повозок, ослов и различного имущества. Все они поднесли дань, состоявшую из производимых в их землях предметов. Император ласково их принял.

¹⁶² В провинции Хэнань.

¹⁶³ Округ занимал земли современных уездов Вэйсянь и Цысянь в провинции Хэбэй.

¹⁶⁴ В 284 г. У А.Н.Бернштама — 391 г.

Северные диски образуют группу, делаясь на кочевья. Среди явившихся на жительство внутри укрепленной линии всего насчитывается 19 племен: чугэ, сяньчжи, коугоу, угань, чицинь, ханьчжи, хэйлан, чиша, юйби, вэйсо, тутун, боме, цянцзюй, хэлай, чжунци, далоу, юнцзюй, чжэньшу и лице. В каждом племени есть кочевья, не смешивающиеся друг с другом. Наиболее сильным и знатным является племя чугэ, поэтому его представители могут становиться шаньюями, которые управляют всеми племенами.

Среди титулов, существующих в их государстве, имеется 16 ступеней, а именно: левый сян-ван, правый сян-ван, левый илу-ван, правый илу-ван, левый юйлу-ван, правый юйлу-ван, левый цзяньшан-ван, правый цзяньшан-ван, левый шофан-ван, правый шофан-ван, левый дулу-ван, правый дулу-ван, левый сяньлу-ван, правый сяньлу-ван, левый аньлэ-ван, правый аньлэ-ван. Все эти титулы носят родные сыновья и младшие братья шаньюя. Наиболее знатным считается титул левый сян-ван, и его может носить только наследный сын шаньюя.

Из существующих четырех фамилий¹⁶⁶ имеется род Хуянь, род Бу, род Лань и род Цяо, из которых наиболее знатен род Хуянь; из него выходят левый жичжу и правый жичжу, поколениями являющиеся главными помощниками шаньюя. Из рода Бу выходят левый цзюйцзюй и правый цзюйцзюй, из рода Лань — левый данху и правый данху, из рода Цяо — левый духоу и правый духоу. Кроме того, имеются различные наименования должностей, образуемые путем присоединения слов *чэян* и *цзюйцзюй*, соот-

¹⁶⁵ В 286 г. У А.Н.Бернштама — 393 г.

¹⁶⁶ У А.Н. Бернштама: «У них 4 знатных фамилии...». К сравнению: Ибн Фадлан несколько раз отмечает наличие 4-х «царей», подвластных правителю волжских булгар Алмушу; в «Сокровенном сказании» описываются 4 верных «пса» Чингиз-хана; в «Юань ши» отмечены 4 «героя» Чингиз-хана; ал-Омари писал, что у хана Узбека есть 4 улусных эмира; в татарском анонимном историческом сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме» сказано, что при покорении Тамерланом Булгара вместе с ханом Абдуллоу были казнены 4 «самых старших» бека...

ветствующие должностям чиновников в Срединном государстве¹⁶⁷.

Среди населения в их государстве есть роды Циу и Лэ, которые отличаются смелостью и имеют склонность к мятежам. При императоре У-ди командующий всадниками Циу Цянь совершил во время нападения на земли У подвиг, за что был назначен главным воеводой племени чиша.

В эру правления Юань-кан¹⁶⁸, установленную императором Хуэй-ди, сюннусец Хао Сань напал на округ Шандан, перебил старших чиновников, а затем вошел в округ Шанцзюнь. На следующий год младший брат Хао Саня, Хао Дуюань, во главе цянов и хусцев, живших в округах Фэнъи и Бэй-ди, напал и силой занял 2 округа. После этого северные дисцы постепенно усилились, а на Центральной равнине¹⁶⁹ вспыхнули беспорядки.

Материал подготовил Булат Хамидуллин

---

¹⁶⁷ Т.е. в Китае.

¹⁶⁸ 291—299 гг.

¹⁶⁹ Т.е. в Китае.

Аммиан Марцеллин о гуннах и иных народах Восточной Европы

Аммиан Марцеллин — римский историк, грек по происхождению — родился около 330 г. и умер около 400 г. В 353—363 гг. он участвовал в войнах с персами и германцами, затем жил в Антиохии (один их очагов раннего христианства в Сирии). Переселившись в Рим, Аммиан написал «Деяния» («Res gestae»), задуманные им как продолжение «Анналов» и «Историй» римского историка Тацита (ок.58—ок.117 гг.). Труд Марцеллина в 31 книге охватывал период от правления императора Нервы (96—98 гг.) до 378 г. До нас дошло лишь 18 книг (с 14-й по 31-ю), в которых описаны события 353—378 гг. В центре внимания историка стоят войны, дворцовые интриги, борьба за власть. Большую научную ценность представляют сведения Аммиана Марцеллина о племенах Восточной и Центральной Европы, подчиненных римлянам либо воевавших с ними.

Читателю мы предлагаем отрывок этого труда по изданию: Кулаковский Ю.А. Аммиан Марцеллин: История: Перевод с латинского. — Вып. III. — Киев: Тип. С.В.Кульженко, 1908.

Слово источнику:

«Книга XXXI...

...Племя Гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало¹⁷⁰, обитает за Мэотийским болотом¹⁷¹ в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру. Т.к. при самом рождении на свет младенца ему глубоко изрезывают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся нарезках, то они доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо обтесанным на подобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов. При столь диком безобразии в них человеческого образа, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которые они кладут на спины

коней под свои бедра и дают ему немного погреть¹⁷². Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; но, напротив, избегают их, как гробниц, отрешенных от обычного обихода людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под кров только в случае крайней необходимости, т.к. не считают себя в безопасности под кровом¹⁷³...тело они прикрывают льняной одеждой, или же сшитой из шкур лесных

¹⁷⁰ Речь идет о европейцах; многочисленные сведения о хуннах—гуннах содержатся в азиатских письменных источниках, например, в «Исторических записках» Сыма Цяня.

¹⁷¹ Азовское море.

¹⁷² Иоганн Шильтбергер, описывая «обитателей Золотой Татарии», т.е. татар Золотой Орды, писал: «Я сам видел, как они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь у лошадей и, собрав ее, варили и ели. Подобным же образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие полоски, которые кладут под седло. Посолив предварительно это мясо, они едят его, когда голодны, воображая, что они приготовили хорошую пищу, ибо мясо от теплоты лошади высыхает и делается под седлом мягким от езды, во время которой из него вытекает сок. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе еду иначе».

¹⁷³ Пропуск в тексте.

мышей¹⁷⁴. Нет у них различия между домашним платьем и выходной одеждой; но раз одетая на шею туника грязного цвета не раньше снимается или заменяется другой, чем она расплзется в лохмотья от долговременного гниения¹⁷⁵. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг¹⁷⁶. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, вы-

¹⁷⁴ Белки, куницы, норки.

¹⁷⁵ Один китайский источник передает следующий рассказ: «Юэбаньский владетель был раньше в дружеских связях с жужаньцами (жужаньжуани — предки аваров и древних татар). Однажды он с несколькими тысячами человек вступил на жужаньские земли, желая увидеться с каганом Датанем (ум. в 429 г.). По вступлении в пределы его, еще не проехав 100 ли (около 50 км), как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство!». И так он поскакал обратно в свое владение...». Араб Ибн Фадлан пишет (922 г.): «Он [полководец тюрк-гузов] снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, — она распалась лохмотьями от грязи, т.к. правила их таковы, что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыпется на куски». В «Полном описании монголо-татар» (1221 г.) читаем: «Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока она не износится». Плано Карпини писал в «Истории монголов» (XIII в.): «Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром...». Читаем у Сигизмунда Герберштейна (XVI в.) в главе «О татарах»: «Остальной народ [речь идет о населении Большой Орды], обитающий в рассеянии по степи, носит одежду, сшитую из овечьих шкур, и меняет ее только тогда, когда от долгого употребления она станет совершенно потертой и рваной».

¹⁷⁶ Китайский историк Сыма Цянь уже во II в. до н.э. писал о наличии у азиатских гуннов (хуннов) латной конницы. О высоком уровне выделки одежды и обуви у хуннов свидетельствует археологический материал — см.: Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М.—Л., 1962.

носливым, но безобразным на вид¹⁷⁷, и часто, сидя на них на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях¹⁷⁸. Не знают они над собой строгой царской власти¹⁷⁹, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути. Иной раз, будучи чем-нибудь задеты, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг нарочно рассеиваются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь¹⁸⁰. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными остриями из кости, а сблизившись в рукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, сблизаются

¹⁷⁷ Монгольские лошади, найденные в хуннских—гуннских погребениях, небольшого роста, мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

¹⁷⁸ Приск Панийский писал: «Они устроили съезд вне города, сидя на конях, т.к. у варваров не было в обычае вести совещания спешившись...».

¹⁷⁹ Это сообщение Марцеллина противоречит сведениям многих других источников.

¹⁸⁰ Взятие гуннами римских городов довольно подробно и красочно описано Приском Панийским и Иорданом.

с мужьями, рожают, кормят до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — далеко отсюда, вырос — еще дальше. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дувовению перепадающей новой надежды, во всем полагаются ни дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, не надежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того изменчивы и скоры на гнев, что иной раз в тот же самый день отступаются от своих союзников без всякого подстрекательства, и точно также без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли Алан, древних Массагетов. Раз я помянул Алан, то будет уместно изложить, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки, которая долго многое...¹⁸¹ и различное, наконец нашла истину...¹⁸²

Истр¹⁸³, пополнившись водой притоков, протекает подле Савроматов, область которых простирается до Танаида¹⁸⁴, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой Аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни¹⁸⁵. Имя их происходит от названия гор. Мало по малу они подчинили себе в многократных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это Персы. Из этих народов Нервии занимают срединное положение и соседят с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, обмерзшие льдом, обвевают Аквилонны. За ними живут Видины и очень дикий народ Гелоны, которые снимают кожу

с убитых врагов и делают из нее себе одежды и боевые попоны для коней. С Гелонами граничат Агафирсы, которые окрашивают тело и волосы в голубой цвет, простые люди — в небольших кое-где рассеянных пятнах, а знатные — в широких, ярких и частых. За ними кочуют по разным местам, как я читал, Меланхлены и Антропофаги, питающиеся человеческим мясом. Вследствие этого ужасного способа питания соседние народы отошли от них и заняли далеко отстоящие земли. Поэтому вся северо-восточная полоса земли до самых границ Серов¹⁸⁶ осталась необитаемой. С другой стороны по близости от места обитания Амазонок смежны с востока Аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли Индов, и впадающей в южное море.

Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве в далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся Аланами по однообразию обычаев, дикому образу жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто у них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в свод кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери; а когда пастбище выедено, нагружают свой город на кибитки и двигаются дальше¹⁸⁷. На кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня пред собою упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего за-

¹⁸¹ Пропуск в тексте.

¹⁸² Пропуск в тексте.

¹⁸³ Дунай.

¹⁸⁴ Танаис — Дон. По свидетельству Плутарха, древнее название реки — «Амазонская река». В античности Танаис считался границей между Европой и Азией.

¹⁸⁵ Т.е. восточноевропейские степи.

¹⁸⁶ Китайцев?

¹⁸⁷ Ибн Баттута так описывал орду золотоордынского хана Узбека (XIV в.): «Подошла ставка, которую они называют Урду и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху ...».

боты уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются насаждения плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, что по возрасту и полу не годится для войны, держится около кибиток и занято домашними работами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и Персы, будучи скифского происхождения, весьма опытни в военном деле¹⁸⁸. Почти все Аланы высоки ростом и красивы видом, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их в нравах и образе жизни; в разбоях и охотах они доходят до Мэотийского моря и Киммерийского Боспора¹⁸⁹ с одной стороны и до Армении и Мидии — с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть ни покрытого соломой шалаша; но они втыкают в землю, но варварскому обычаю, обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разби-

¹⁸⁸ Аммиан Марцеллин не различает персов и парфян. Последние были потомками скифов — об этом см., например: Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977. — и довольно успешно громили регулярные войска римлян — об этом см., например: Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. За барханами — прошлое. — М., 1966. — С.107—114.

¹⁸⁹ Керченский пролив.

рают их в определенное время с какими-то таинственными заклятиями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах. — Но возвращаюсь к повествованию о дальнейших событиях.

***

И вот Гунны, пройдя через земли Алан, которые граничат с Гревтунгами¹⁹⁰ и обыкновенно называются Танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха¹⁹¹, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, вследствие его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силою этой внезапной бури Эрменрих в течение долгого времени старался давать им решительный отпор и отбиться от них; но т.к. молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху пред великими опасностями добровольной смертью. Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление Аланам, опираясь на другое племя Гуннов, которых он деньгами привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силою оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли на реку Данастию¹⁹², которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном¹⁹³. Когда слух об этих неожиданных событиях дошел до Атанариха, правителя Тервингов¹⁹⁴ против которого недавно, как я о том излагал, выступал в поход Ва-

¹⁹⁰ Остготами.

¹⁹¹ Царя готов.

¹⁹² Днестр.

¹⁹³ Борисфен — Днепр.

¹⁹⁴ Вестготов.

лент¹⁹⁵, чтобы наказать за помощь Прокопию¹⁹⁶ он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей Гревтунгов, а в тоже время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом¹⁹⁷ и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлением к битве. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого видели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку в брод и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха.

Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха за будущее, он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза (Прута) до Дуная по близости от областей Тайфалов¹⁹⁸. Он полагал, что, быстро и рачительно соорудив это прикрытие, он вполне обеспечит себе безопасность и спокойствие. Пока работа велась со всей энергией, Гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы в конце погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднения, в которое их ставило обилие добычи.

Между тем среди остальных готских племен широко разошлась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает

все, что попадает навстречу. Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах, стала искать места для жительства подалее от всякого слуха о варварах. После продолжительных совещаний о том, какое место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия; к этому склоняли два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже открыты для перунов чужеземного Марса. То же самое решение как бы общим советом приняли и остальные...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

¹⁹⁵ Флавий Валент (ок. 328—378 гг.) — император восточной части Римской империи с 364 г. Брат и соправитель Валентиниана I.

¹⁹⁶ Организатор борьбы с Валентом, казнен.

¹⁹⁷ Один из вождей вестготов.

¹⁹⁸ Это одно из племен готов.

№ 7

Приск Панийский о царских скифах — гуннах

Приск — фракиец, участник посольства 448 г. от императора Восточно-Римской империи Феодосия II в ставку Атиллы; оставил записи об этом посольстве, в которых содержатся подробнейшие сведения о гуннах, об Атилле и его ближайшем окружении. Имеется издание его записок на русском языке: Сказания Приска Панийского /Перевод Г.С.Дестуниса // Ученые записки 2-го отделения АН. — Кн. 7. — Вып. 1. — СПб., 1861.

Здесь мы пользуемся следующей публикацией:

Приск Панийский. Готская история // В.В.Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — № 4 (26).

Слово источнику:

«1. Руа, царь гуннов, решив вступить в войну¹⁹⁹ с амилзурами, итимарами, тоносурами, бисками и другими народами, жившими по Истру²⁰⁰ и прибегавшими под защиту римлян, посылает Эслу, обыкновенно служившего ему при распрях с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предложили послать посольство к уннам; быть послами выразили желание Плинта и Дионисий, из коих Плинта был родом скиф, а Дионисий — фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность. Но т.к. предполагалось, что Эсла возвратится к Руе раньше этого посольства, то Плинта послал вместе с ним одного из своих родственников Сенги-лаха, чтобы уговорить Руя вести переговоры с ним, а не с другими римлянами. Когда же Руя скончался²⁰¹ и царская власть над уннами перешла к Аттиле и Бледе, римский сенат решил отправить Плинту послом к ним. По утверждении этого решения императором Плинта выразил желание, чтобы вместе с ним отправился послом Эпиген, пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора. Когда его избрание также состоялось, они оба отправились послами и прибыли в Марг²⁰²; это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре против крепости Кон-

станции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, т.к. у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими...²⁰³, что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по 8 золотых за каждого беглеца приобретенным их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем, чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по 700 литр золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась 350 литрам). На этих условиях римляне заключили договор с уннами, и, поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились восвояси. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама и Атакам из царского рода, которых получившие распяли во фракийском укреплении Карсе в наказание за бегство. По заключении мира с римлянами Атиллы и Бледа обратились к покорению народов, обитавших

¹⁹⁹ В 433 г.

²⁰⁰ Дунаю.

²⁰¹ Это произошло в 434 г.

²⁰² Крепость на римско-дакской границе.

²⁰³ Пропуск в тексте.

в Скифии, и вступили в войну с соросгами²⁰⁴.

1 в. Скифы осаждали Наисс, иллирийский город на реке Данубе. Говорят, что основателем его был Константин... Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Т.к. горожане не осмеливались выступить для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям было сражаться безопасно, эти машины прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрывки, устроенные вышеуказанным образом для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные камни²⁰⁵, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуж-

дены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к неупавшей еще части стены.

2. Когда скифы во время ярмарки напали на римлян²⁰⁶ и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись; ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов согласно договору — ибо у римлян было еще огромное количество их, — то они начнут войну. Когда же римляне отвергли справедливость этого обвинения, то варвары, настаивая на верности своих слов, не захотели передавать на суд возникшие недоразумения, а предпочли войну и, переправившись через Истр, опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и Виминаций, город иллирийских мезийцев²⁰⁷. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек, подозревая возможность своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему личную награду. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он приведет в действие свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в исполнении сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и, посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким образом, могущество варваров еще более возросло.

3. При императоре Феодосии младшем унский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо²⁰⁸ с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и взносы дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улажения вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он

²⁰⁴ С сарагурами.

²⁰⁵ Т.е. по величине и весу достаточные для того, чтобы загрузить телегу.

²⁰⁶ В 442 г.

²⁰⁷ Город Верхней Мезии на берегу Дуная.

²⁰⁸ В 442 г.

прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Аттилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к крупнейшему и многолюдному городу Ратиарии²⁰⁹.

4. Феодосий послал консуляра Сенатора в качестве посла к Аттиле. Он, даже нося имя посла, не решился прибыть к уннам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу²¹⁰, в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул.

5. После битвы римлян с уннами при Херсонесе²¹¹ был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия. Они помирились на том, чтобы уннам были выданы беглецы и дано было 6 000 литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была условлена в 2 100 литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке 12 золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, т.к. их доходы и царские сокровища были растрачены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал оружием. Поэтому они повиновались требованиям дани не только со стороны ски-

фов, но и прочих варваров, живших на границах римских областей...

8. ...Когда Бигила²¹² двинулся в путь, мы²¹³ оставались на месте один день после его отъезда, на следующий день отправились с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, объяснивших, что Аттила должен захватить в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама; хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролежавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большими после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас. Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные реки переплывали на плотах, которые варвары возят с собой на повозках для употребления в местах, покрытых разливами. В деревнях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы просо, а вместо вина — так называемый по-туземному «мед»; следовавшие за нами слуги также получали просо и напиток, добываемый из ячменя; варвары называют его «камос». Совершив длинный путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только опрокинула нашу палатку, но и покатила все наши пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихией и всем случившимся, мы покинули это место и впотьмах, под дождем, потеряли друг друга, т.к. каждый обратился на ту дорогу, которую считал для себя легкой. Добравшись до хижин деревни, — ибо оказалось, что мы все двинулись разными путями по одному направлению, — мы собрались вместе и с криком стали разыскивать отставших. Выскочившие на шум скифы зажгли тростник, который они употребляют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, из-за чего мы кричим. Когда бывшие с нами варвары ответили, что мы испугались бури, они позвали нас к себе, оказали гостеприимство и обогрели, зажигая множество тростника.

²⁰⁹ Это город на территории современной Болгарии, на правом берегу Дуная, римская пограничная крепость и стоянка дунайского флота.

²¹⁰ Город на месте современной Варны в Болгарии.

²¹¹ Столкновение произошло в 447 г. при Херсонесе Фракийском.

²¹² Один из римских послов к Аттиле.

²¹³ Посольство, в котором находился Приск.

Правившая в деревне женщина, оказавшаяся одной из жен Бледы, прислала нам съестных припасов и красивых женщин для компании согласно скифскому обычаю почета. Этих женщин мы угостили предложенными нам кушаньями, но от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах. С наступлением дня мы обратились к розыскам своих пожитков и, найдя все, частью на том месте, где остановились накануне, частью на берегу озера и частью даже в воде, собрали вместе. Этот день мы провели в деревне, просушивая все пожитки; ибо буря прекратилась, и солнце ярко светило. Обрядив также лошадей и остальных вьючных животных, мы пришли к царице, приветствовали ее и предложили ответные дары, именно три серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров; затем мы удалились, пожелав ей благополучия за ее гостеприимство. Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне по приказанию провожавших нас скифов, т.к. Аттила должен был захватить в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян²¹⁴, также прибывшими в качестве послов к Аттиле. В числе их были: Ромул, удостоенный почетного звания комита, правитель Норикской области Промут и предводитель воинского отряда Роман; с ними был Констанций, которого Аэций послал к Аттиле в качестве секретаря, и Татул, отец эдеконова спутника Ореста. Последние двое путешествовали с названными лицами не в составе посольства, а по личным отношениям, именно: Констанций — благодаря завязанному еще в Италии знакомству с этими лицами, а Татул — по родству, т.к. сын его Орест был женат на дочери Ромула...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы, более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хоромами вы-

давались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни для нее он перевозил из земли пеонов²¹⁵, т.к. у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмии²¹⁶ пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним. При въезде в эту деревню Аттила встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегла дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отведать благожелательно принесенного ею угощения... Желая доставить удовольствие жене своего любимца... Аттила поел, сидя на коне, причем следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное). Пригубив также и поднесенную ему чашу, он отправился во дворец, отличавшийся высотой от других строений и лежавший на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онегесия по его просьбе, — т.к. он уже возвратился с сыном Аттилы, — и пообедали, причем нас принимали его жена и родственники, т.к. он сам не имел времени пировать с нами: он тогда впервые после возвращения увиделся с Аттилой и докладывал ему об устройстве дела, для которого был послан, и о несчастьи, случившемся с сыном Аттилы, который упал с коня и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онегесия, мы разбили шатры вблизи дворца Аттилы для того, чтобы Максимин²¹⁷

²¹⁵ Т.е. из Паннонии.

²¹⁶ Из Нижней Паннонии.

²¹⁷ Один из приближенных императора Феодосия II, дипломат.

²¹⁴ Т.е. из Западной Римской империи.

в случае надобности пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами не был разделен большим расстоянием. Мы провели эту ночь на том месте, где остановились...

...На следующий день я пришел ко двору Аттилы с дарами для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Внутри ограды было множество построек, из которых одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие — из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты. Стоящими у двери варварами я был впушен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, — т.к. я был уже известен стражам Аттилы и окружавшим его варварам, и потому никто мне не препятствовал, — я увидел шедшую массу народа, причем на этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Пока я ждал Онегесия, Ромул, Промут и Роман, прибывшие из Италии послами к Аттиле по делу о золотых чашах в присутствии констанциева спутника Рустичия и Константиола, уроженца подвластной Аттиле области пеонов, вступили со мной в разговоры, спросили, отпущены ли мы, или принуждены оставаться. Я сказал, что именно об этом хочу спросить Онегесия и потому жду у ограды, а затем, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решитель-

но не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван²¹⁸ или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Аттилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками. Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он прийти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что унам не безызвестен этот путь, т.к. они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза²¹⁹. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через 15 дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию²²⁰. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, т.к. большая часть ее была огнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда...²²¹ дней пути прибыли на родину.

²¹⁸ Сильван — епископ г. Марг, ограбивший царские курганы.

²¹⁹ Это произошло, по всей видимости, где-то в начале или в середине V в.

²²⁰ Путь гуннов лежал, таким образом, через Азовское море, а затем через Кавказ.

²²¹ Пропуск в тексте.

Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии. Итак, Аттила в случае желания пойти на нее походом не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится, чтобы Аттила, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их своими рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей дани²²², так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак, Константиол говорил, что после покорения мидян, парфян и персов Аттила сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместо полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для императора его слуги — полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение это дал сам бог, открывший аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы.

Каждый желал сказать что-либо о настоящем положении дел, но т.к. в это время вышел Онегесий, то мы отправились к нему и предложили вопрос о том, что нам интересно было узнать. Он, переговорив сначала с некоторыми варварами, поручил мне узнать от Максимиана, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве посла к Аттиле. Придя в палатку, я доложил, что было мне сказано, и условился с Максимином, что следует отвечать на вопрос варвара, а затем возвратился к Онегесию и заявил, что римляне желали

бы, чтобы он прибыл к ним для переговоров о недоразумениях, но что если это не удастся, то император пришлет посла, какого сам захочет. Он попросил меня тотчас позвать Максимиана и, когда он явился, повел его к Аттиле. Немного спустя Максимин вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор²²³, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставлять их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желание, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец²²⁴ с известием, что Аттила приглашает нас обоих на пир, который начнется в девятом часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались сидевшие направо от Аттилы, а вторым — налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был один ви-

²²³ Все эти люди — римские консулы разных лет, пользовавшиеся большим влиянием при дворе Феодосия II.

²²⁴ Орест — приближенный Аттилы и его секретарь, по прозвищу «Римлянин».

ночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждого трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушанья, не выходя из ряда сидалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него с боку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы, запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

Древнетюркские рунические письма:
Памятники в честь Кюль-тегина и Тоньюкука

Самыми древними памятниками тюркоязычных народов являются орхонские надписи. Открыты Н.М.Ядринцевым в 1889 г. на реке Орхон в Монголии. Памятники воздвигнуты в 732—734 гг. в честь выдающихся деятелей древнетюркского государства — Великого Тюркского каганата.

Надписи на стелах дешифрованы в 1893 г. датским лингвистом В.Томсенном, впервые прочтены русским тюркологом В.В.Радловым.

В надписях описывается прошлое тюркского народа, подтвержденное данными китайских летописей. Затем идет рассказ о том, как возвышался тюркский народ и подчеркиваются заслуги Кюль-тегина, Тоньюкука и Бильге-кагана в труднейший период истории древних тюрков.

Текст памятников цитируется по изданию: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С.33—43, 64—70.

N>D :)YH : JCYTQ : ETNH : YKJ>D : JXGTYH : EHTYH (1)
 *HNQYHT : >DJ> : YEXH : THNH :)KDY : *KHJ> : JTX
 YEX KHJ> : JYTYQ : *K>>>D : *YTY : JYTYQ : *KJTY :
 H> : TYEX : JHD>D : KHJ> : JHDYQ : Y

KH : XH : THNX : H>DY>D : J>>>D TYEX : HTY>H>D (2)
 NH : NYTYQ : JHYTY>D : HNH : NYTY : JYTH : J>>>Y
 : >YTYQ : JYTH>D : HNH : >YTY>D : >YTH>D : H
 * : J>D :)>>>D : JYTY : JY : JY : >YTH>D : HNH
)>>>D : J

YTY : HHHN :)YH : ETNH : JDY>D : JKH> : *XHT : J>D (3)
 : JKHJHTH>D : >Y>Y : NYTY : JHD>D : JHY : YKJ> :
 : H>D : NYTYQ : *XKH : EHTY : JHD>D : *XYNI
 JY>D : *XKH : EHTY : JYHNHN : *XYNI : JKH : JYHTY
 ENN> : >YTY

: >JHDYTY : >YTYQ : *XYNI : JKH : JHYTHYKH : JY (4)
 : *KH>D : JKH : JYTYQ : J>>>D : *XYNI : JKH : JYTYTYQ
 HNH : TYQ : H>D>D : H>Y : JDTX : EHTY : J>>>YTY : HHHN
 : JYTYQ :)>>>D : JY>D : JY>D : JXTYTY>D : YTYTYTY : H

: H>Y>D : D>D : JKH : YKH :)>D : *HYHNH (5)
 : H>YTY : JYTY : EHTY : JY :)>>>D : JY>D : TYTYTYTY
 JYTY : JY>>>D : JY : H>Y : H>Y : JY : EHTY : H>Y

Слово источнику:

Памятник в честь Кюль-тегина

М а л а я н а д п и с ь

- (1) «Небоподобный, неборожденный (*собств.* «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать...
- (2) (вы) начальники и народ «девяти огузов», эту речь мою хорошенько слушайте и крепко (ей) внимайте! Впереди, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева, (в стране) полночной, — (повсюду) там (*т.е.* в этих пределах) живущие (*букв.* находящиеся внутри) народы — все мне подвластны; столь много народов я
- (3) всех устроил. Если в Отюкэнской черни сидит (на престоле) тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то (естественно, что) в племенном союзе (тюрков) нет (*т.е.* не ощущается) (ни в чем) стеснения. Вперед (*т.е.* на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (*т.е.* на юг) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета; назад (*т.е.* на запад), переправясь через реку Йенчу (Жемчужную), я прошел с войском вплоть до
- (4) Темир-капыга (Железных ворот), налево (*т.е.* на север) я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, — вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска). (Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (*т.е.* настоящего) владыки, но Отюкэнская чернь была (именно) страной, в которой (можно было) созидать племенной союз. В этой (то) стране, засев (*т.е.* основавшись), я связал свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач.
- (5) У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта (*или:* зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» (*т.е.* роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (*т.е.* весьма) сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы. (Те же) поселясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование.
- (6) Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути). Но если (отдельные лица) из тюрков (и соблазнялись), то целые роды (даже) до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве. Тюркский народ, когда часть твоя говорила: я желаю селиться не только справа (*т.е.* на юге) в Чугайской черни,
- (7) но и в Тюнской (?) равнине, то тогда там злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: «Кто живет далеко, (тому табгач) дают плохие дары, кто живет близко, (тому) дают хорошие дары», этими словами он так (сильно) научал тебя. И (вот) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве.
- (8) (Итак), о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, *т.е.* за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (*т.е.* истинных причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода. Вследствие того, что ты таков (*т.е.* нерасчетлив, недалковиден),

- (9) ты, не принимая (*т.е.* не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (*т.е.* большая часть твоя погибла); вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (*букв.* то живя, то умирая). По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став каганом,
- (10) я вполне поднял (собрал?) погибший, неимуший народ, неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи?! О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь (*т.е.* на этом камне), как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все
- (11) здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (*т.е.* памятнике). Смотря на него, знайте (*т.е.* учитесь) вы, тюркские теперешние начальники и народ! Покорные престолу начальники (*букв.* смотрящие на престол), вы, ведь, склонны впадать в ошибку?! (*т.е.* изменять, не слушаться и т.п.). Я вечный камень... от императора народа табгач привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (*т.е.* не исказили) моей речи, (ибо)
- (12) Табгач прислал мне «внутренних» мастеров своего императора. Им я поручил устроить особое (специальное) здание, внутри и снаружи я велел покрыть (стены) особой (специальной) резьбою и воздвигнуть камень; сердечную речь мою... вы до сыновей «десяти стрел» и до припущенников (татов) включительно (все вы) знайте, смотря на него (*т.е.* на памятник). Памятник
- (13) я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то на (этом) месте дорожной остановки (именно) я и воздвиг (этот памятник), (знайте) сделал (на нем) надпись! Смотря на него, так знайте: тот камень я... Эту надпись писавший (есть) внук его Йолыг-Т(егин)».

Большая надпись

- (1) «Когда было сотворено (*или* возникло) вверху голубое небо (*и*) внизу темная (*букв.* бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (*или* возникли) сыны человеческие (*т.е.* люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.
- (2) Четыре угла (*т.е.* народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед (*т.е.* на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (*т.е.* на запад) вплоть до Темир-капыга (до «Железных ворот») они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (границами) они так
- (3) обитали (восседали), устраивая «голубых» тюрков, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы (*т.е.* верны кагану). Поэтому-то они столь (долго) держали (в своей власти) племенной союз и, держа его (в своей власти), творили суд. (Затем)
- (4) они скончались. (В качестве) плачущих и стонущих (*т.е.* для выражения соболезнования) (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Бёклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-куруканы, отуз-татары, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они. После них стали каганами
- (5) младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам,

- то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели (на царство) трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы.
- (6) Вследствие «непрямоты» (*т.е.* неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (?), (а также) вследствие того, что они (табгач) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей,— тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз
- (7) и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана; народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили (с себя) свои тюркские имена (*т.е.* звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач.
- (8) Пятьдесят лет отдавали они (ему свои) труды и силы. Вперед, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (*т.е.* на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть (над собою). (Но затем) вся масса тюркского
- (9) народа сказала так: «Я была народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю (*т.е.* завоевываю) (другие) племенные союзы?» — (так) они говорили. «Я была народом, имевшим (своего собственного) кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» — (так) они говорили, и, так говоря, стали врагом кагана народа табгач.
- (10) Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим (сами себя) и искореним. И они начали идти к гибели. (Но) вверху Небо тюрков и священная Земля и
- (11) Вода тюрков (*т.е.* Родина) так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», — так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом). Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужами.
- (12) Услышав весть о том, что он бродит вне (*т.е.* за пределами тогдашнего местожительства тюрков), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились, и, собравшись, составили (отряд в) семьдесят мужей. Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед (*т.е.* на восток), назад (*т.е.* на запад) двигаясь с войском, он собирал и поднимал (*т.е.* снабжал средствами восстававших), так что всех их
- (13) стало (уже) семьсот мужей. Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» (*т.е.* свое независимое государственное устройство) и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами (у табгачей), упразднивший (свои) тюркские установления, (этот-то народ) он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам тёлис и тардуш
- (14) и назначил тогда ябгу и шادا. Справа (*т.е.* на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (*т.е.* на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган столько.....
- (15) сорок семь раз он ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (*т.е.* у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (*т.е.* у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени, он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил, склонить (головы). Мой отец-каган...

- (16) власть (свою) приобретаю, улетел (*т.е.* умер). В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображение) Баз-кагана, а на то (*т.е.* Ильтеришево) царство (*букв.* над тою властью) сел мой дядя-каган. Мой дядя-каган, сев (на царство), опять устроил и поднял тюркский народ (*т.е.* поднял его благосостояние, значение), неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными.
- (17) Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш. С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед (*т.е.* на восток) вплоть до Шантунгской равнины, (орошаемой) Яшиль-угюзом, назад (*т.е.* на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны ки(ргизов).
- (18) Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя своих) каганов, имевших колени, заставили преклонить колени, имевших головы, заставили склонить (головы). Тюркешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага)
- (19) и провинился перед нами, то (сам) каган умер (*т.е.* был убит), его «приказные» и правители были также убиты, народ «десяти стрел» подвергся притеснению. Говоря: пусть не будет без хозяина страна (*букв.* земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (*или* азский) народ...
- (20) был Барс-бег; мы в то время (*или* при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру — княжну. (Но) сам он провинился, (а потому) каган умер (*т.е.* он сам был убит), а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, — мы завели порядок в немногочисленном (*т.е.* пришедшем тогда в упадок) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова
- (21) дали (страну для управления киргизу?). Вперед (*т.е.* на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (*т.е.* на запад) вплоть до Кенгу Тармана мы поселили таким образом тюркский народ и завели в нем порядок. В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами; младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов.
- (22) Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! (О вы) тюркские (и ?) огузские беги и народ, слушайте! Когда Небо вверху не давило (тебя), и Земля внизу не разверзалась (под тобой) (*т.е.* между тем как ниоткуда не угрожала опасность), о тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз и законную власть над тобою)? Тюркский народ,
- (23) покайся! Ты сам провинился и сделал низость (по отношению) к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и (по отношению) к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты (сам), о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед (*т.е.* на восток), то ты
- (24) ходил назад (*т.е.* на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (*т.е.* нагромождались там), как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (*т.е.* умер).
- (25) (В честь моего дяди-кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана. (Тогда) Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее (ха-

- нам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа.
- (26) Я отнюдь не сел (на царство) над народом богатым (скотом?), я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким. Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-тегином, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею,
- (27) я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем. С моим братом Кюль-тегином и с двумя шадями я приобрел (*т.е.* предпринимал завоевания) до полного изнеможения (*букв.* слабея — погибая). Столь много приобретаю (*т.е.* завоевав), я не делал огнем и водой присоединившиеся (к нам) народы (*т.е.* старался ладить с ними мирно), я... по всем странам
- (28) бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел (к нам) обратно. Чтобы поднять (свой) народ, (я предпринял) с большими войсками двенадцать (походов): налево (*т.е.* на север) против народа огузов, вперед (*т.е.* на восток) против народа кытай и татабы, направо (*т.е.* на юг) против табгачей... сразился. После
- (29) того, — да будет (ко мне) Небо благосклонно,—так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (*т.е.* призвал) к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (*т.е.* действовал справедливо и милостливо). Живущие по четырем углам (*т.е.* странам света)
- (30) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе), все они мне подчинились. Мой младший брат, Кюль-тегин, много потрудясь и приобретаю (для нас) столь большую власть, скончался. По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-тегин остался семи (?) лет (от роду); в десять лет
- (31) для (*т.е.* на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин, (стал зваться мужем, *т.е.* богатырем). Шестнадцати лет (от роду) он (уже) вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли войною на шесть чубов и согдийцев и разбили их. (Затем) пришло пятитуменное (*т.е.* пятидесятитысячное) войско табгачского Онг-Тутука; мы сразились,
- (32) Кюль-тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вождями вооруженной рукою и с оружием представил (его) кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-Сенгуном. В самом начале (сражения) он (Кюль-тегин) бросился в атаку, сев на белого коня, (принадлежащего) Тадькын-Чуре; этот конь там
- (33) пал. Во второй раз (*т.е.* при второй схватке) он сел верхом на белого коня, (принадлежащего) Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ, более чем ста стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и одна (стрела) не попала.
- (34) Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр Байырку стал (нам) врагом; мы их (его?), рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-тегину было (двадцать шесть?)
- (35) лет, мы предприняли поход на киргизов. Проложив дорогу через снег глубиною с копьё и поднявшись на Кёгмэнскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку,
- (36) бросился в атаку, одного мужа (*т.е.* воина) он поразил стрелюю, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку

- ку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и
- (37) переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство)... Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу...
- (38) двух из них он сам попустил взять (*т.е.* потерял?). Затем снова войдя (*т.е.* ворвавшись в ряды врагов), он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов (!). Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. (Но) масса тюргешского народа вся откочевала в глубь (страны, *т.е.* подчинилась). Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись
- (39) с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга. После этого масса тургешского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди...
- (40) мужественные люди (воины) на нас напали. В такое время (*т.е.* при таких обстоятельствах) мы, рассказавшись (в своем предприятии?), отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих мужей. (Как мы после узнали) он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил (многих) из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся). Снова (*или* назад) двинувшись...
- (41) (1) ...он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил (себе). Когда Кюль-тегину было двадцать семь лет, народ карлуков вследствие свободы и независимости стал (нам) врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг.
- (42) (2) В этом сражении Кюль-тегин был тридцати лет; сев верхом на своего белого (коня) героя Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколол (копьем) одного за другим; мы убили (многих) карлуков и (оставшихся) покорили их. Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле («Черное озеро»); Кюль-тегину шел (тогда) тридцать первый (*или* был тридцать один?) год. На своего белого коня героя Шалчы
- (43) (3) сев, он бросился в атаку, схватил Эльтебера азов; народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-тегин, сев на своего белого (коня) героя Шалчы,
- (44) (4) бросился в атаку, тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как небо и земля пришли в смятение (*т.е.* наступили из ряда вон выходящие смуты), он стал нам врагом. В один год мы сражались пять раз. Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу.
- (45) (5) Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-тегин, сев на своего бурого азского (коня) и бросившись в атаку, заколол одного мужа;
- (46) (6) девять человек он убил при преследовании (?) (*или* обернувшись? окружив?); народ эдизов тогда погиб. В третий раз при Бол... мы сразились с огузами. Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, произвел атаку и переколол (нескольких врагов); их войско мы перекололи, их племенной союз покорили. В четвертый раз мы сразились при вершине (горы) Чуш. Тюркский
- (47) (7) народ дал ослабеть (своим) ногам и был готов оробеть. После того как Кюль-тегин отогнал их (*т.е.* вражеское войско, пришедшее раньше нас на позицию?), мы убили, преследуя (*или* окружив?), на похоронах Тонга-Тегина, героев из племени

Тонгра, десять человек. В пятый раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-тегин,

- (48) (8) на бурого азского (коня) сев, произвел атаку, двух мужей он заколол, но на город (?) не пошел (?). То войско тогда погибло. Перезимовав в укреплении Магы (*или* Амгы) весною, мы вышли с войском против огузов. (Потом) мыпустили (?) Кюльтегина, чтобы он начальствовал (распоряжался) дома. Враждебные (нам) огузы напали на орду (*т.е.* на наше становище). Кюльтегин,
- (49) (9) сев на белого Огсиза («Безумца», заколол девять мужей (и) не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (*т.е.* другие жены отца Бильге хана), мои тетки (*или вообще* старшие родственницы?), мои невестки (*или вообще* младшие родственницы?), мои княжны, сколько (вас) ни было. все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!
- (50) (10) Если бы не было Кюльтегина, все бы вы погибли. Мой младший брат, Кюльтегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно оступел, (а) сам я заскорбел. Время (*т.е.* судьбы, сроки) распределяет небо (*т.е.* бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть.
- (51) (11) Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные (?) вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «вот (скоро) испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!». В качестве плачущих и стонущих (*т.е.* для выражения соболезнования) пришли кытай и татабийцы во главе
- (52) (12) с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и (?) Ликенг и принесли множество (*букв.* 10000) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра; от тибетского кагана пришел белён; сзади (*т.е.* с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер (персы?) и бухарские (народы), — пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан.
- (53) (13) От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. (В качестве) соорудителя здания (*т.е.* храма?) и камня с надписью, украшенного резьбою, пришли чиновники (*или* каменотесы) кагана табгачей и Чанг-Сенгун.

Кюльтегин улетел (*т.е.* умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюльтегин умирал сорока семи лет. Камень... столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы (?)».

- (7) (А хан:) «С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Иль-терес, да буду каганом!». Он много поразил на юге табгачей, на востоке (впереди) —киданей, на севере — огузов. Его товарищем по знанию и его товарищем по славе был я сам. Мы избрали местожительство Куз Чугая и Кара-кумы («Черные пески»),
- (8) мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были (для них) падалью. Так проживая, от огузов пришел лазутчик (шпион).
- (9) Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, говорит (соглядатай), — он послал к табгачам Куны-Сенгуна, к киданям послал Тонгра Сема. Слово так послал: тюркский народ в небольшом только количестве
- (10) кочует, (но) каган его — герой, а советник у него — мудрый. Пока существуют эти два человека, то вас (*букв.* тебя), табгачей, они убьют,—говорю я; на востоке киданей они убьют,—говорю я,—нас (*букв.* меня), огузов,
- (11) тоже убьют, говорю я. Табгачи — нападайте с юга, кидане — нападайте с востока, я нападую с севера. Да не распоряжается (*букв.* не ходит) в земле тюрков-сиров (какой-то) властитель. Да уничтожим мы, насколько возможно, (этого) властителя, —
- (12) говорю я». Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: табгачи, огузы, кидани, эти втроем, если соединятся (*или* если будут воевать против нас),
- (13) то мы (пожалуй) останемся как бы предоставленные самим себе (*или* мы останемся, как бы держа свою внутренность внешностью своего существа). Тонкое сложить (в кучу) — легкое (дело); слабое разорвать — легкое (дело), но если тонкое делается толстым, то то, что может собрать (толстое, это) будет герой. Если слабое
- (14) делается крепким, то то, что может разорвать (крепкое, это) будет герой. Мы должны притти на востоке к киданям, на юге к табгачам, на западе к западным (тюркам, курданами?) и на севере к огузам, с двумя-тремя тысячами нашего войска. Может ли это быть? Так я просил (хана).
- (15) Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: «Ты по своей воле заставь следовать (войско)». Пройдя реку Кёк Онг, провел (заставил следовать войско) к лесу Отюкэн. По реке Тогле пришли огузы с рогатым, выючным скотом,
- (16) войска их было шесть (три?) тысяч, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо оказало (нам) милость, и мы рассеяли (их): они упали в реку. На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли (*т.е.* подчинились нам).
- (17) Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы.
- (18) Нас было две тысячи; мы были двумя (отрядами) войск. Тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоеывая) не дошел до город(ов) Шантунга и до морской реки. Своего кагана я упросил и двинул войска.
- (19) Я довел (войска) до город(ов) Шантунга и до морской реки. Они разрушили двадцать три города и остались на жительство в земле Усын-бундату. Каган народа табгач был нашим врагом. Каган (народа) «десяти стрел» был нашим врагом.
- (20) Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдём мы (походом) на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдём против него, как бы то ни было, он нас (победит):
- (21) каган его (*т.е.* тюркского народа) — герой, а советник его — мудрый, как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (*букв.* убийцей). Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они). Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там будет», — сказал он,

- (22) а тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии. Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, (а днем) я не находил покоя. Тогда я задумал...
- (23) будем воевать (против киргизов?)... сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёгмэн (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.
- (24) — «Моя родная земля — Аз, ее зна... (Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади» — сказал (он). Я сказал: если ехать той дорогой, то (это) возможно. Я задумался, и моего кагана
- (25) я просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Переправясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (на лыжах?). Передние люди
- (26) протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: «Попробуйся быстро отправиться!»
- (27) Да отправимся мы по реке Аны!». Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время (их) сна.
- (28) ...проложили (путь) копыями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался (ему). Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.
- (29) Мы вернулись от киргизов. От тюркского кагана пришел лазутчик. Слово его таково (?): «Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас (победит): каган его — герой, а советник его — мудрый, как бы то ни было,—
- (30) он нас возможно погубит», — говорит он. Тюркский каган отправился в поход, говорил он, народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, говорит, (среди них) есть и войско табгачей (говорит лазутчик). Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я управляюсь домой!»
- (31) (Моя) жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, — сказал он, — ты же иди с войском, сказал (каган), и оставайся в Алтунской черни», — сказал. Начальниками войска пусть идут Инэль-каган и тардушский шад, сказал. А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал:
- (32) «веди это войско, — сказал. Назначай наказания по своей воле, что я (еще) тебе скажу!» — сказал. «Если (кто) придет (*m.e.* присоединится к нам), то увеличится (у нас) число храбрых мужей, если же (никто) не придет, то собирай различные вести (*букв.* «языки» и слова)», — сказал. Мы находились в Алтунской черни.
- (33) Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход, войско (народа) «десяти стрел» без остатка выступило в поход», — говорит (лазутчик). «Да соберемся мы в степи Ярышской», — сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?! С обратным словом (от хана)
- (34) пришел (посланный): «Сиди, — было сказано, — не торопись ехать, хорошенько держи караул; не позволяй себя раздавить», — сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган. А апа-таркану (главнокомандующему) он послал известие: «Мудрый Тоньюкук — он хитрый и сам он — понимающий!»
- (35) (Если он скажет): «Идем с войском!» ... не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул в поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болчу.

Древнетюркский рунический алфавит [Малов, 1954, с.17]

Начертание	Значение		Начертание	Значение	
	русск.	лат.		русск.	лат.
└┐Xx	а, ä	a, ä	Э	ñ	ñ
∫	б ¹	b ¹	☺☻☼☽⊗	нт	nt
xax	б ² , ä	b ² , ä	Ʒ	нч	nč
ʒʒʒʒ	б	γ	>>	о, у	o, u
εε	г	g	МММ	ö, ü	ö, ü
»»»»	д ¹	d ¹	1	п	p
x	д ²	d ²	ЧЧ	р ¹	r ¹
чпчфџ	з	z	↑	р ²	r ²
ГГ	ы, i	y, i	У	с ¹	s ¹
D	ј ¹	j ¹ , ĭ	l	с ²	s ²
q	ј ²	j ² , ĭ	ᄀᄁ	т ¹	t ¹
hhdhdh	k	q	h	т ²	t ²
ʒʒʒʒ	к	k	ЛУ	ч	č
l	л ¹	l ¹	ʒʒʒʒ	ш	š
Y	л ²	l ²	ᄂ		
M	лт	lt			
ʒʒ	м	m			
)	н ¹	n ¹			
hhdhdh	н ²	n ²			
ʒʒ	ң	ñ			

- (36) Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской собралось десять тюменов войска (100 тысяч)», — он говорит. Услышав эти слова, беги все
- (37) сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорош!». А я так говорю, я — мудрый Тоньюкук: «Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш
- (38) мы пришли, переправясь. Было сказано: (враг, который) приходит — герой, но они (о нас) не провели. Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля — вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу. Зачем нам бежать,
- (39) говоря: (их) много. К чему нам бояться, говоря: (нас) мало. Зачем нам быть побежденными?! (или подчиним себе!) Нападем!» — сказал я. Мы напали и прогнали (врага). На второй день они (враги) пришли;

- (40) они пришли, пламеня, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы
- (41) не боялись, говоря, что их (*т.е.* врагов) много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада
- (42) там умертвили. Около пятидесяти человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, начальники и народ «десяти стрел» все
- (43) пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско (народа) «десяти стрел».
- (44) Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Жемчужную, гору Бянглигяк — местожительства сына Тинэси...
- (45) Мы преследовали (врагов) до Темир-капыг (до Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться. Инэль — кагану арабов и тохаров...
- (46) Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком ... (?). В те дни тюркский народ достиг Железных ворот
- (47) и достиг горы — местопребывания сына Тинэси, (где) не было предводителя. Так как я мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого народа (*букв.* до этой земли),
- (48) то он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (*букв.* без границ). Эльтериш каган, ради своего сообщества со
- (49) знанием и геройством, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против огузов сражался пять раз. Тогда советником
- (50) я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану... тюркскому Бёгю-кагану, тюркскому Бильгя-к(агану)...
- (51) Капаган-каган... я, не спав по ночам,
- (52) не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги.
- (53) Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил (?), мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостиво небо:
- (54) на этот (свой) тюркский народ я не направлял (хорошо) вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать
- (55) и, следуя (за ним), я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради его (*т.е.* кагана) приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений
- (56) государство стало (настоящим) государством, а народ же стал (настоящим) народом. Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана,
- (57) оказался бы (какой-либо) бездельник, то что за горе имел бы (этот народ)!
- (58) Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана.
- (59) Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если его не было бы и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал,
- (60) в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя.
- (61) Ради стараний Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров.
- (62) Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов».

Материал подготовил Габдельбар Файзрахманов

№ 9

Борынғы төрки рун язмалары: Күлтәгин һәм Төньякук ташлары

Күлтәгин истәлеге

Кече язма

- (1) Тәңредәй күкләрдә яратылган зирәк төрки каган булып бу вакытта тәхеткә утырдым. Сүземне төгәл ишетегез: барыгыз — кече туганнарым, улларым, биредәге оям халкы, көньякка — шад — апыт бәкләр, төньякка — таркат — боерык бәкләр, утыз
- (1) Тәңри тәг тәңридә болмыш түрк билгә каған бу өдкә олуртым. Сабымын түкәти әсидгил: улају иңијүним (иңи јигүним?) оҗланым, бірікі оҗушым будунум, біріјә шад-апыт бәгләр, јыраја таркат бујурук бәгләр, отуз...
- (2) тугыз угыз бәкләре халкы! Бу сүземне яхшы ишет, ныклап тыңла. Алга — кояш чыгышына, унга — көн уртасына, артка — көн батышына, сулга — төн уртасына кадәр сузылган жирдә яшәүче халыкны тупладым, күбәйттем. Инде
- (2) Токуз оҗуз бәгләри будуну бу сабымын² әдгүти әсид катыҗды т²ыңла.¹ Игәрү күн тоҗсык(к)а, биргәрү күн ортус²ыңару, курыҗару күн батс²ыкыңа,² јырҗару түн ортус²ыңару, анта ічрәкі будун коп м(аңа көрүр, анч)а будун
- (3) хәзер борчу юк, төрки каган Өтүкән ешлығында (иңкүлегендә) булса, Илгә авырлык булмас. Алга, көнчыгышка, Шантун даласына кадәр сугыштык, дингезгә аз гына житмәдек, унга, көнчыгышка, Тугыз Әрсәнгә²²⁵ кадәр сугышып бардык, Түпүткә²²⁶ житәргә бик аз калды, артка — көнбатышка Йинчү үгүз²²⁷
- (3) коп ітдм. Ол амты айыҗ јок түрк каған Өтүкән јыш олурсар, ітә буң јок. Игәрү Шантуң јазыка тәги сүләдим, талуїка кічиг тәгмәдим, биргәрү Токуз әр-әнкә тәги сүләдим, Түлүткә кічиг тәгмәдим, курыҗару Јинчү үг(үз)
- (4) кичеп, Тимер — Капыгкә²²⁸ кадәр сугыштык, төньякка Баерку жиренә кадәр сугышып бардык. Шул кадәр жирләргә йөрттем. Өтүкән ешлығыннан да яхшы урын булмас, илне тотачак жир Өтүкән ешлығы иде. Бу жирләрдә урнашып, табгач²²⁹ халкы белән аралаштык.
- (4) кәчә Тәмір капыҗка тәги сүләдим, јырҗару Јір Бајырку јіріңә тәги сүләдим, бунча јіркә тәги јорытдым. Өтүкән ј²ышда јиг іді јок әрміс, іл тутсык јір Өтүкән јыш әрміш. Бу јірлә олурып, табҗач будун бірлә
- (5) Алтын, көмеш, исерткеч, ефәкне хисапсыз биргән табгач халкының теле татлы, малы йомшак иде. Татлы теленә, йомшак (ефәк) малына кызыккан еракта яшәүче халыкны шулай үзенә яқынайта иде. Төрки халкы яқыннарында яшәп, аларның яман гадәтләрен үзенә сендерде.

¹ тіңла!² батсікыңа!²²⁵ Тугыз әрән — кабилә атамасы²²⁶ Түпүт — Тибет²²⁷ Йинчү үгүз — Сырдарья елгасы²²⁸ Тимер — Капыг — Үзбәкстан территориясендәге Байсунтау тавында Бузгала кичүе²²⁹ Табгач — кытайларның борынғы атамасы

- (5) тўзәйтм (*так П. М. Мелиоранский: А нельзя ли: ат өз илтим?*). Алтун, күмүш, ісігті, кутаї буңсыз анча бірүр табғач будун сабы сүчиг ағыс²ы јымшак әрміс; сүчиг сабын јымшак ағын² арып, ырак будунығ анча (*читают и инча*) јағутыр² әрміс; јағру контукда кісрә аһығ біліг анта өјүр әрміс
- (6) Яхшы белемле кешеләрне, яхшы кыю кешеләрне үз ягына аудара алмады. Бер кеше ялгышып, кабиләсе, туганнары күчкәндә дә алар кузгалмады. Татлы сүзгә, йомшак байлыкка алданып, күп төрки халык — үлдек. Төрки халкы, бер өлешен көньякта, Чугай ешлығына, Түн даласына күчәргә теләде.
- (6) әдгү білгә кісіг, әдгү алп кісіг јорытмаз әрміс; бір кісі јаңылсар, оғушы будуны, бісүкіңә тәгі, кыдмаз әрміш. Сүчиг сабына, јымшак ағыс²ына артурып үкүс, түрк будун, өліг. Түрк будун үләсікн, біріја Чуғај жыш түгүі, Түн (*читают и түгүлтин?*)
- (7) Төрки халыкның бүленергә теләгән өлешенә начар кешеләр шулай аңлаттылар: «Ерак булсағыз, начар байлык бирер, якын булсағыз, яхшы байлык бирер», — дип өйрәттеләр. Белер-белмәс кеше бу сүзне алып, якын барып, күп кеше үлдегез.
- (7) јазы конајын², тисәр, түрк будун үләсікн анта аһығ кісі анча (? инча) бошқурур әрміс: «ырак әрсәр, јаблак ағы бірүр, јағук әрсәр, әдгү ағы бірүр», *тп, анча (инча) бошқурур әрміс. Біліг білмәз кісі, ол сабығ алып, јағру барып, үкүшн кіші өліг.*
- (8) Ул жирләргә барсан, төрки халык, үләчәксен. Өтүкән жирендә булып, анда караваннар жибәрсән, кайгы-борчуларың булмас. Өтүкән ешлығында яшәп, син мәңге ил тотачаксын. Төрки будун (халык), син тукмы, ук кебек арыкмы, ачлыкны-туклыкны уйламыйсын. Бер туйсан, ачлыкны уйламыйсын, шунлыктан (гамьсезлектән)
- (8) Ол јиргәрү барсар, түрк будун, өлтәчисән; Өтүкән јир олурып, аркыш тіркіш ысар, нәң буңуғ јок, Өтүкән жыш олурсар, бәңгү ил тута олуртачы сән, түрк будун, ток. Арык ок сән, ачс²ык, тосык өмәз сән; бір тодсар, ачс²ык өмәзсән; антағыңын
- (9) яхшылык кылган каганыңның сүзен алмыйча (тыңламыйча), жир саен йөрдегез, анда бик йончыдығыз, арыдығыз. Анда калганнар, жир саен барганнар күбесе үлделәр. Тәңре ярлыкағаны өчен, үземнен бәхетем булганга күрә, каган булдым. Каган булып
- (9) үчүн игідмш қағаныңын сабын² алматын. јир сају бардығ, коп анта алкынтығ, арылтығ. Анта калмышы јир сају коп туру өіү јорыјур әртіг. Тәңрі јарлыкадуқын² үчүн, өзім кутым бар үчүн, қаған олуртым. Қаған олуртым
- (10) йук, ярлы халыкны күбәйттем (тупладым), ярлы халыкны бай кылдым, аз санлы халыкны күп кылдым. Минем бу сүземдә ялган бармы?! Төрки бәкләр халкы, моны ишетегез! Төрки халкының берләшеп, ил тотачағын биредә чокып яздым, ялгышлар аркасында бүлгәленеп үләчәгегезне тағын
- (10) јок чығай будунығ коп кобартдым (*или: кобратдым*), чығай будунығ баі кылтым, аз будунығ үкүшн кылтым. Азу бу сабымда игід барғу? Түрк бәгләр будун, буны әсідің! Түрк (будунығ ті) ріп ил тутсықыңын бунта уртым, јаңылын үләсікннн јәмә
- (11) монда чокып яздым, әйтергә теләгән сүзләремне мәңгелек ташка чокып яздым. Аны күреп белегез, төрки — хәзер бәк халык, тәхеткә караучы — буйсынучы бәкләр, сез тағын ялгышачаксыз. Мин мәңгелек таш өчен табғач каганлығыннан чокып язучылар китерттем, яздырдым. Минем сүземне бозмады.

- 11) бунта уртым, нәһнәң сабым әрсәр, бәңгү ташка уртым; аңар көрү білің, түрк амты будун бәгләр: бөдкә көрігмә бәгләр гү жаңылтачы сиз?! Мән б(әңгү таш... табға)ч қаңанта бәдізчи кәлүртім, бәдізтім. Мәнің сабымын с²ымады:
- (12) Табгач каганы сараендагы осталарын жибәрде. Алардан махсус бина төзеттем. Эчен-тышын махсус сырлап бизеттем, таш кордырдым, күнелдәге сүземне ... сез ун ук балаларыннан²³⁰ татына²³¹ кадәр аны күреп белегез, мәңгелек таш
- (12) табгач қаңаның ічрәкі бәдізчиғ ыты. Аңар адынчығ барк жаратуртым, ічин ташын² адынчығ бәдіз уртуртым, таш токытдым, көңүлтәкі сабымын у... (он ок оғлың)а татыңа тәгі, буны көрү, білің; бәңгү таш
- (13) кордырдым. Хәзергәчә юллар кисешкән тукталыш булса, шул тукталыш жирендә мәңгелек таш кордырдым, ташка уеп яздырдым. Бу язуны язучының аты Йоллыг тегин.
- (13) токытдым (бу әріг) әрсәр амтыка әріг жіртә ірсәр (везде: әрсәр) анча әріг жіртә бәңгү таш токытдым, бітідім. Аны көріп, анча білің оя таш... дым. Бу бітиг бітигмә атыс²ы Јол(л)ығ т(ігін).

Зур язма

- (1) Өстә — күк Тәңре, аста — көрән жир кылынганда (барлыкка килгәндә) ике арада кеше углы барлыкка килде. Кеше угыллары өстеннән борынгы бабаларыбыз Бумын каган, Истәми каган идарә иткән. Тәхеттә утырып төрки халкының илен һәм кануннарын саклаганнар, үстергәннәр.
- (1) Үзә көк тәңри асра жағыз жір кылынтуқта, әкін ара кісі оғлы кылынымыс². Кісі оғлынта үзә аңұм апам Бумын қаған Истәми қаған олурымыш Олурыпан түрк будуның ілин төр(үс)ін тутта бірміс іті бірміс.
- (2) Дүрт ягында дошман күп булган, сугышып, дүрт ягындагы халыкны буйсындырганнар: башлының — башын идергәннәр, тезлене — тезләндергәннәр. Элгәре, көнчыгышка, Кадыркан²³² ешлыгына кадәр, кире, көнбатышка, Тимер Капкага кадәр төрки халыкларны урнаштырганнар. Ике арадагы
- (2) Төрт булуң коп жағы әрміс, сү сүләпән, төрт булуңдакы будуның коп алмыс² коп баз кылмыс², башлықың жүкүнтүрміс, тізіліг сөкүрміс, илгәрү Кадыркан жышка тәгі, кирү Тәмір капығка тәгі контурмыс. Әкін ара
- (3) иясез (хужасыз) Күк төрекләрне житәкләп, алар тәхеткә утырдылар. Каганы белемле зирәк икән, алып (көчле) каган икән, идарә итүчеләре шулай ук зирәк икән, батыр икән, бәкләре һәм халкы шулай ук төз (тугрылыклы) икән. Аның өчен илне шулай тотканнар, илне тотып, аның кануннарын үтәгәннәр
- (3) іді оксыз көк түрк (іті) анча олуруп әрміс. Біл(г)ә қаған әрміс, алп қаған әрміс, бужурукы јәмә билгә әрміс әрінч, алп әрміс әрінч; бәгләри јәмә будуны јәмә түз әрміс. Аны үчүн иліг анча тутмыс² әрінч, иліг тугып төрүг ітміс. Өзінчә (? өз ынча, өзі анча?)

²³⁰ ун ук балалары — көнбатыш төрки угызларның ун кабиләсе

²³¹ тат — иран халкының борынгы төркічә атамасы

²³² Кадыркан — Зур Хинган таулары

- (4) аннан үлгәннәр. Елаучы, сыктаучылар тирә-яктан: көнчыгышыннан Бөкли²³³ даласы халкы, табгач²³⁴, түпүт²³⁵, апар²³⁶, пурум²³⁷, кыркыз²³⁸, үч курыкан²³⁹, утыз татар²⁴⁰, кытан²⁴¹, татабы²⁴² халкы — шулкадәр халык жыелып сыттады, елады, чөнки ул атаклы каган булган. Алар үлгәч, энеләре
- (4) кәрҗәк болмыс². Јуҗчы с²ыҗытчы оҗра, күн тоҗсыкта Бөкли чөй(і)г иі, табгач, түпүт, апар, пурум, кыркыз, үч курыкан, отуз татар, кытан, татабы — бунча будун кәліпән сыҗтамыс² јуҗламыс²: антаҗ күліг каҗан әрміс. Анта кісрә інісі каҗан
- (5) алардан соң — уллары каган булды. Энеләре олы туганнары кебек идарә итә алмаган, уллары этиләре кебек идарә итә алмады. Сәләтсез каганнар килде. Боерыклары²⁴³ шулай ук белемсез, булдықсызлар икән.
- (5) болмыс² әрінч, оҗлы та (*читают и* аты) каҗан болмыс² әрінч. Анта кісрә інісі әчісін тәг кылынмадук әрінч, оҗлы каңын² тәг кылынмадук әрінч, білігсиз каҗан олурмыс² әрінч, јаблак каҗан олурмыс² әрінч, бујурукы јәмә білігсиз әрінч јаблак әрміс әрінч.
- (6) Бөкләр халкының тугрылыксызлыгы аркасында, табгач халкының коткысы, мәкере аркасында, кызыктыра белүе сәбәпле, абыйлы-энеләрне үзара талаштырып, дәүләтле халыкларны бер-берсенә каршы котыртып, табгач халкы дәүләте булган төркиләренән илен жимерде.
- (6) Бәгләрі будуны түзсиз үчүн, табгач будун тәблігін күрліг үчүн, армакчыс²ын² үчүн, інілі әчілі кіңшүртүкін (кіңсүртүкін?) үчүн, бәгли будунлыҗ јоңшуртукын² үчүн, түрк будун шәдүк іні ыңыну ыдмыс²,
- (7) Каганы булган каганлыкны югалтып, кулдан ычкындырып, нык, таза егетләрен кол булды, сәлектәй кыз балаларың табгач халкына кол булды. Бөкләр, төрки бөкләр, төрки исемен ыргытты, табгач жирендә, табгач исеме алып, табгач каганга
- (7) каҗанладук каҗаның јитүрү ыдмыс²; табгач будунка бәгілік уры оҗлын² кул болты, сілік кыз оҗлын² күң болты. Түрк бәгләр түрк атын² ыты, табгачы бәгләр табгач атын² тутыпан, табгач каҗанка
- (8) буйсынды. Илле ел үзенә акылын, көчен аларга бирде. Элгәре, көнчыгышына, Бөкли каганга кадәр сугыштылар, көнбатышта — Тимер Капыгга кадәр сугыштылар, табгач каганга илләрен дә, үз төрүсүн (кануннарын) да табгач каганга бирделәр. Төркіләренән карасы (гади халкы), барча
- (8) көрміс, әліг јыл ісіг күчиг бірміс. Игәрү күн тоҗсыкта Бөкли каҗанка тәгі сүләјү бірміс, курыҗару Тәмір капыҗка тәгі сүләјү бірміс, табгач каҗанка іні төрүсін алы бірміс. Түрк кара камуҗ

²³³ Бөкли — Төньяк Кореядагы Көгүрә дәүләте

²³⁴ табгач — борыңгы кытай халкы атамасы

²³⁵ Түпүт — Тибет

²³⁶ апар — авар халкы

²³⁷ пурум — борыңгы Хорезм атамасы

²³⁸ кыркыз — кыргыз

²³⁹ үч курыкан — Байкал буенда яшәгән якутларның борыңгы бабалары

²⁴⁰ утыз татар — борыңгы монгол кабиләсе

²⁴¹ кытан — борыңгы монгол кабиләсе

²⁴² татабы — тунгуз халкының борыңгы атамасы

²⁴³ боерыклар — чин атамасы, титул

- (9) халык болай әйткән: «Илле (дәүләтле) халык идем, инде илем кая? Мин кемгә илләр яулыым? — дип әйткән. — Каганлы халык идем — каганым кая, нинди каганга акылымны-көчемне бирермен?» — дип әйткән. Шулай итеп, табгач каганга дошман булган.
- (9) будун анча тiмiс: «illig будун әртим, ilim амты каны? Кәмкә ilig казғанурмән?», — тiр әрмiс «кағанлыг будун әртим, кағаным каны, нә кағанка iсiг күчiг бiрүрмән?», — тiр әрмiс, анча тiп, табгач кағанка жагы болмыс².
- (10) Дошман булып [үз дәүләтен] төзи, ныгыта алмыйча, янадан буйсынган. Әмма элек-кечә, көчен-акылын бирергә теләмәгән: «Төрки халкы, үлик, нәселне бетерик» — дип, халык юкка чыга башлаган икән. Өстә төркиләрнең Тәңресе, изге жире — суы
- (10) Жагы болып, итiнү жаратуну умадук, јана iчiкмиc. Бунча iсiг күчiг бiртүкгәрү сакынматы, «түрк будун ölүрәјin уруқыратајын²», — тiр әрмiс, жокаду барыр әрмiс. Ұза түрк тәңрiсi түрк ыдук јiрi
- (11) болай дигән: «Төрки халык юкка чыкмасын, халык булсын» дигән. Атам Илтериш каганны²⁴⁴, анам Илбилгә катунны²⁴⁵ югары күтәргән, күкләр биелегенә хас дәрәжәгә ирештергән. Атам каган унжиде гаскәр белән киткән. Тышта (төркиләр яшәгән төбәктән читтә)
- (11) субы анча тiмiс: түрк будун јок болмазун, тiјin, будун болчун, тiјin, каңым Итәрис кағанлыг, öгim Ибилгә катунлыг тәңрi төләгiнтә тутып јöгәрү көтүрмиc әрiнч. Каңым каған јiti јәгiрmi әрiн ташыкмыс²; ташра
- (12) йөри икән дигән хәбәрне ишетеп, шәһәрдәгеләр [тауга] күтәрелгән, тауда яшәүчеләр төшкәннәр. Жылып, житмеш сугышчы булганнар. Тәңре көч биргәнә өчен, атам — каган гаскәре бүредәй [көчле] икән, дошманы сарык кебек икән. Элгәре көнбатышка кадәр сугышып, жылып, күбәеп, барысы
- (12) јорыјур, тiјin, кү әсиди, балыкдакы тағыкмыс², тағдакч ичмиc, тiрiлiп јәтмиc әр болмыс². Тәңрi күч бiртүк үчүн каңым каған сүсi бөри тәи әрмиc, јағыс²ы кой тәг әрмиc; илгәрү курықару сүлән тiрмиш кобарт- (мыш) (ка)муғы
- (13) жиде йөз сугышчы булган. Жиде йөз сугышчы булып, илен югалткан, кагансыз калган халыкны, кол ителгән халыкны, төрки кануннарын ычкындырган халыкны ата-бабаларыбыз идарә иткән кануннарга кайтарды. Төлис һәм Тардуш²⁴⁶ халыкларын урнаштырды.
- (13) јәти јүз әр болмыс². Јәти јүз әр болып әлсiрәмiс (илсiрәмiс) кағансырамыс² будунлыг, күңәдмиc куладмыс² будунлыг, түрк төрүсүн ычғынмыс² будунлыг ачүм апам төрүсiнчә јаратмыс², бошқурмыс², төлиc, тардуш (будунлыг анта әтмиш),
- (14) Аларга ябгу²⁴⁷ һәм шад²⁴⁸ билгеләде. Унда, көньякта, табгач халкы дошман иде. Сулда, төньякта, Боз каган²⁴⁹ житәкчелегендә токуз-огуз²⁵⁰ халкы дошман иде, кыргыз, курыкан, утыз татар, кытан, татабы — барысы дошман иде. Атам — каган шулай

²⁴⁴ Илтериш каган — (илне төрүче, жыючы мәгънәсендә). Кытай дәүләтенә каршы баш күтәрүне оештырган, II төрки каганат житәкчесе Кутлугның яңа исеме (691 елда үлгән)

²⁴⁵ Илбилге катун — Илтериш каганның хатыны, Билге каган һәм Күлтәгиннен әнисе

²⁴⁶ Төлис һәм тардуш — төрки халыклардан булган кабилә атамалары

²⁴⁷ ябгу — көнбатыш төркиләрдә илбашы титулы

²⁴⁸ шад — төрки каганаттагы хәрби һәм административ титул, каган ярдәмчесе

²⁴⁹ Боз каган — токуз-огуз халкының житәкчесе

²⁵⁰ токуз-огуз — угызларның тугыз кабилә берләшмәсе халкы

- (14) . . . јабуу, шады, анта бәрмис. Бірія табғач будун жағы әрмис, **яраја** Баз қаған токуз оғуз будун жағы әрмис, кыргыз, курыкан, отуз татар, кытай, татабы коп жағы әрмис. **Каңым қаған бунча** . . .
- (15) кырык жиде ел яу йөрөп, егерме жиде сугышта катнашкан. Тәңре ярлыкағаны өчен иле булганнарны иленнән мәхрүм итте, илсезлөндерде, каганлыклары булганнарны кагансызландырды. Дошманнарын бастырды, тезлене — чүктерде, башлының — башын идерде. Атам — каган илне төзеклөндереп
- (15) кырк артук(ы жіт)і жолы сүләміс, жігірмі сүңүс сүңүсміс **тәңр** жарлыкадук үчүн иллігіг ісірәтміс, қағанлығың қағансыратмыс². жағың баз кылмыс², тізілігіг сөкүрміс, башлығың жікүнтүр(міс қаңым қаған)інчә иліг
- (16) идарә эшлөрен торғызғач, үзе үлеп китте. Атам — каганга багышлап, Баз каган балбаллар²⁵¹ куйдырды. Идарә эшлөрен абыем — каган башкарды. Абыем-каган булып, төрки халықларны ныгытты, игетте, яғни төзеклөндерде, ярлыны — бай кылды, аз санлы халықны күбәйтте.
- (16) . . . төрүг казғаның, уча бармыс². **Каңым қағанка башлају** Баз қағаның балбал тікміс, ол төрүдә ұзә ачим қаған олурты. Ачим қаған олурпан, түрк будуның жічә ітді, игіті, чығайың (баі кылты, азың үкүс кылты).
- (17) Абыем — каган идарә иткөндө, үзем тардуш халқының шады идем. Абыем — каган белән әлгәре көнчыгышка Яшел үгез²⁵², Шантуң йазыка²⁵³ кадәр сугыш белән бардык, көнбатышка Тимер Капыгка кадәр яу белән бардык. Көгмән²⁵⁴ аша без кыргызлар жиренә кадәр сугыштык.
- (17) . . . Ачим қаған олуртукда, өзім тардуш будун ұзә шад әртім. Ачим қаған бірлә илгәрү **Жашыл үгүз Шантуң** жазыка тәгі сүләдіміз, курығару Тәмір капығка тәгі сүләдіміз, Көгмән аша кы(ркыз жіріңә тәгі сүләдіміз).
- (18) Барысы егерме биш тапқыр яу белән бардык, унөч тапқыр сугыштык. Иле булган халықны илсезлөттек, яғни илен яулап алдык, тезлене — тезлөндердек, башлының — башын идерттек. Түргиш²⁵⁵ каган төрки, үз халқыбыздан иде. Анламавы
- (18) . . . Камуғы биш отуз сүләдіміз, үч жігірмі сүңүшдіміз иллігіг ісірәтдіміз қағанлығың қағансыратдымыз; тізілігіг сөкүртіміз, башлығың жікүнтүртіміз, түргіс қаған түркіміз (будуным әрті, білмәдүкін)
- (19) аркасында, безнең алда гаепле булды, шуның өчен кағаны үтерелде, боерык бәкләре шулай ук үтерелде, ун ук халқы имгәк күрде (жәберлөнде, изелде). Безнең ата-бабаларыбыз тоткан жир — сулар хужасыз булмасын дип, аз санлы таралған халықны туплап,
- (19) . . . үчүн, бізіңә **јаңлуқын² (читают и: жаңылдукын)** үчүн қағаны өлті, бујурукы бәгләрі жәмә өлті, он ок будун әмгәк көрті. Ачүміз апамыз тутмыс² жір суб ідісіз болмазун тіјін, аз будуның ітіп **јар(атып)** . . .
- (20) Барс бәк бар иде, аңа каган аты²⁵⁶ бирдек, сеңелем күнчүйгә²⁵⁷ өйлөндердек. [Ләкин] ул үзе ялғышты, каган үтерелде, халқы кол булды. «Көгмән жир-суы хужасыз калмасын», — дип, аз калған кыргыз халқын тупладык. Яңадан килдек, сугыштык,

²⁵¹ балбал — үлгәннәр каберенә жиңгән дошманнар санынча куелған таш сыннар

²⁵² Яшел үгез — Хуанхэ елгасының төркичә атамасы

²⁵³ Шантуң йазы — көнчыгыш Кытайдагы Шаньдун ярымутравындагы дала

²⁵⁴ Көгмән — көнбатыш Саян таулары

²⁵⁵ Түргиш — VIII ғасырда Талас, Алтай үзәннәре территориясен биләгән төрки кабиләсе

- (20) Барс баг әрті, қаған ат бунта біз біртіміз, сиңім кунчујуғ біртіміз; өзі жаңылты, қағаны өлті, будуны кўң кул болты. «Көгмән жір суб ідісіз калмазун», — тіјін, аз кыркыс будунығ жарат(ып кәлтіміз сўңўс-діміз ііін).
- (21) янә илләренә үзләренә кайтардык. Әлгәре көнчыгышка Кадыркан ешлығы аша үтеп, халыкны шулай урнаштырдык, тәртип булдырдык. Көнбатышка Кәнү тарманка²⁵⁸ тагы төрки халыкларны урнаштырдык, тәртип булдырдык. Ул вакытка кол булганнар үзләре коллар тота башлады. Кече энеләр абыйларын белмәс, улы атасын танымас булды.
- (21) јана біртіміз. Игәрү Кадыркан јышығ аша, будунығ анча контур-тымыз, анча ітдіміз; курықару Кәңү тарманка тәгі түрк будунығ анча контуртымыз, анча ітдіміз. Ол өдкә кул куллығ болмыс² әрті (кўң кўңліг болмыс² әрті, інісі ачісін білмәз әрті, оғлы қағын білмәз әрті).
- (22) Шулай казганган (ирешелгән) иде безнең илебез, хокукларыбыз. Төрки, угыз бәкләре халкы! Ишетеgez! Өстән күк басмаса, аста жир ярылмаса, илене, хокукларыңны кем тартып ала алыр иде. Төрки халык!
- (22) Анча казғанмыс² ітміс іліміз гөрүміз әрті. Түрк оғуз бағләрі будун әсідің! Ұзә тәңрі басмасар, асра жір тәлінемәсәр, түрк будун, іліңін тбрүңін кәм артаты? (удачы әрті түрк будун)
- (23) Үкен! Күрәчегенә күрә үзенне күтәргән билгә кағанына, изге иленә үзен түбәнлек кылдың, начар эшләден. Коралланган гаскәр сине кудымы, сөнгеләр белән килеп куркыттылармы? Изге Өтүкән ешлығыннан, халык, син үзен киттең. Әлгәре, көнчыгышка
- (23) Өкүн! көрүңін үчүн ігідміс билгә қағаныңа, әрміс бармыс² әдгү іліңә кәнтү жаңылтығ, јаблак кігүртіг. Јарыклығ кантан (кантын?) кәліл јаһа айтді? сүнүгліг кантан (кантын?) кәліпән сурә айтді? Ыдук Өтүкән јыш (будун бардығ, Игәрү барығма)
- (24) бардык, көнбатышка йөредек. Барган жирендә синен көткән рәхәтлек ул икән: канын сулар кебек акты, сөякләреннән таулар өелде, бәк ир балаларың кол булды, сәлектәй кызларың колга әйләнде. Шуларны аңламавығыз, сезнең начар гамәлләрегез аркасында абыем — каған үлде.
- (24) бардығ, курықару барығма бардығ; бардук јірәә әдгүг ол әрінч: каның субча јүгүрті, сөңүкүң тағча јатды, бағілік уры оғлың кул болты, сілік кыз оғлың кўң болты! Білмәдүк үчүн (јаблакыңын үчүн ачім қаған уча барды)
- (25) Башта абыем — каған хөрмәтенә кыргыз кағаннан балбал куйдырдым. Төрки халыкның исеме, көче юк булмасын дип, атам — кағанны, анам — катунны күтәргән Тәңре, ил төзергә ярдәм иткән Тәңре, төрки халыкның исеме, көче юк булмасын дип, ул Тәңре үземне
- (25) башлају кыркыс қағанығ балбал тікдім. Түрк будунығ аты күсі јок болмазун² тіјін, қағым қағанығ, өгім катунығ көтүрміш тәңрі, іл бірігмә тәңрі, түрк будун аты күсі јок бол (мазун тіјін, өзімін ол тәңрі)

²⁵⁶ каған аты — каған титулы

²⁵⁷ күнчүй — ханәкә

²⁵⁸ Кәнү-тарман — Урта Азиядәге Сырдарья елгасының урта агымындагы урын атамасы

- (26) каган итеп күтәрде. Бай халык белән идарә итәргә утырмадым. Карыны ач, тыштан шәрә (киемсез) мескен һәм түбәнсетелгән халыкка каган булдым. Энем Күлтәгин белән кинәштәк. Әтибез, туганыбыз казанган халык исеме, көчә юк булмасын
- (26) **каған олуртды әринч. Нәң жылыс²⁵⁹ будунка олурмадым, ичрә ашсыз, ташра тонсыз жабыз жаблак будунта ұзә олуртым. Инім Күл тигін бірлә сөзләшдіміз, қаңымыз әчіміз каз (қанмыш будун аты күсі јок болмазун)**
- (27) дип, төрки халқы өчен төнен йокламадым, көндөз утырмадым, үземнең энем Күлтәгин һәм ике шад белән бергә хәлдән таеп, илне торгыздым. Илне яулаганда, янымда яшәүче халыкларга уг-су кылмадым (начарлык) тидермәдем. Үзем каган булып идарә итә башлагач, жир саен
- (27) **тіјін, түрк будун үчүн түн удымадым, күнтүз олурмадым; інім Күл тигін бірлә, әкі шад бірлә өлү јітү казғантым; анча казғанып, бірікі будунығ от суб кылмадым; мән (өзім каған олуртуқыма 'когда я сел на царство') (јір сају)**
- (28) йөргән халык, хәлдән таеп, ялан-аяк жәяүләп янә кайттылар. Халыкның хәлен яхшыртыым дип, сулга, төньякта, угыз халқына каршы; алда, көнчыгышка, кытан, татабы халқына каршы; унга, көньякка, табгачка каршы зур гаскәр белән уника тапкыр сугыштык.
- (28) **бармыш будун өлү јітү јадағын јалаңын јаңа кәлті. Будунығ ігидәјін тіјін, јырғару оғуз будун тапа, ілгәрү кытай татабы будун тапа, біргәрү табғач тапа улуг сү әкі јәгірмі... (сүңүшдім, анта)**
- (29) Аннан сон, Тәңре ярлыкаганы өчен, бәхетем булганга, өлешем бар өчен, үләсе халыкны тормышка кайтардым, күтәрдем. Ялангач халыкны киемле, ярлы халыкны бай кылдым. Аз халыкны күп кылдым. Ышанычлы иллегә (дәүләтлегә), ышанычлы каганнарга изгелек кылдым, дүрт ягымдагы
- (29) **кісрә, тәңрі јарлыказу, кутым бар үчүн үлүгім бар үчүн өйтәчі будунығ тірігрү ігітім, јалаң будунығ тонлығ, чыңай будунығ баи кылтым, аз будунығ үкүш кылтым, ыңар әллігдә (ыңар қағанлығда јәг кылтым, төрт булуңдақы)**
- (30) халыкларның сугышын туктаттым, миңа күп халык кушылды. Шулай акылын, көчен биреп, миңа илне, идарәне торгызырга булышкан энем Күлтәгин үлде. Атам — каган үлгәндә, энем Күлтәгин жиде яшендә калды. Ун яшьтә
- (30) **будунығ көп баз кылтым, јағыс²⁶⁰ыз кылтым, көп маңа көрті. Ісіг күчиг бірүр бунча төрүг казғанып інім Күл тигін өзінчә кәргәк болты (булты?). Қаңым каған учдукда, інім Күл тигін јі (ті јашда калты, он јашда)**
- (31) Умай²⁵⁹ шикелле әнием — катун бәхетенә энем Күлтәгин ир²⁶⁰ исемен алды. Уналты яшенә абыем-каган илен, идарәсен ныгыту өчен Күлтәгин шуларны эшләде: Алты чуб²⁶¹, сәгьдиләргә каршы сугышты — жиңдек. Табгачның Оңтотык²⁶² биш мең гаскәр белән килде — сугыштык.

²⁵⁹ Умай — төркиләренң хатын-кызлар алласы

²⁶⁰ ир-ат — батыр сугышчы исеме

²⁶¹ Алты чуб — халык исеме

²⁶² Оңтотык — кытайларның хәрби чины

- 31) Умай таг өгim катун кутыңа иним Күл тигин ар ат болты (или: ат булты 'приобрел имя'). Алты жәгiрmi жашыңа ачим каған илiн төрүсiн анча казғанты, алты чуб Соғдак тапа сүләдiмiз, буздымыз. Табғач Оң тутук бiс т(үмән сү кәлтi, сүңүсдiмiз).
- (32) Күлтәгин жәяүле көрәштә һөжүмгә ташланды. Онтутукны, йорчынны²⁶³ кораллы килеш үз куллары белән әләктереп алды һәм аларны кораллары белән каған алдына китереп бастырды. Гаскәрләрен жиндек. Егерме бер яшендә Чача сәнүн²⁶⁴ белән сугыштык. [Күлтәгин] Тадыкын-Чурың кушаматлы бүз атка менеп, иң беренчеләрдән булып көрәшкә ташланды. Ул ат анда
- (32) Күл тигин жадағын оплају тагдi; Оң тутук јорчын² јараклығ әлигiн тутды јараклығды кағанка анчулады (читают и инч улады). Ол сүг анта јоккышдымыз. Бiр отуз жашыңа Чача сәнүнкә сүңүшдiмiз; аң икi Тадыкын Чурың боз (атығ бiнiп тагдi, ол ат анта)
- (33) үлдe. Икенче тапкыр Ишбара Ямтар²⁶⁵ның бүз атына менеп, көрәшкә ташланды. Ул ат анда үлдe. Өченче мәртәбә Ягин Силик²⁶⁶ бөкнең иярләнгән туры атына менеп сугышка ташланды, ул ат анда үлдe. Көбә күлмәгенә йөздән артык ук аттылар, әмма гаскәр башына бер ук тимәдe.
- (33) өлтi. Әкiнтi Ышбара јамтар боз атығ бiнiп тагдi, ол ат анта өлтi; үчинч Јәгин Силig бәгiң кәдiмliг торығ ат бiнiп тагдi, ол ат анта өлтi. Јаракынта јалмасынта јүз артык оқун урты јiзәк(?) башыңа бiр (тагүрмәдi)...
- (34) Аның ничек сугышуын, төрки бөкләр, яхшы беләсез. Ул гаскәрләрне анда юк иттек. Шуннан соң йир Байырку²⁶⁷дан Олуг Иркин²⁶⁸ дошман булды. Кире кайтып, Түрги Яргун²⁶⁹ күл буенда жиндек. Улуг Иркин аз калган гаскәре белән качып китте. Күлтәгин егерме алты
- (34) тагдүкiн, түрк бәгiләр, коп бiлiрсiз. Ол сүг анта јоккышдымыз. Анта кiсрә јiр Бајырку улуг Iркин жағы болты. Аны жаһыл Түргi јарғун көлтә буздымыз; улуг Iркин азкына әрiн тәзiп барды. Күл тигин (алты отуз)
- (35) яшендә кыргызларга каршы сугыштык. Сөңге батымы карны ерып, Көгмән ешлығына күтәрелдек. Кыргыз халкын йокыда чагында басып алдык. Аның каганы белән Сүнә²⁷⁰ ешлығында сугыштык. Күлтәгин Баеркан кушаматлы ак айгырга
- (35) жашыңа кыргыз тапа сүләдiмiз; сүңүг батымы карығ сөкiпән, Көгмән јышығ тоға јорып, кыргыз будунығ уда басдымыз; кағанын² бiрлә Суңа јышда сүңүшдiмiз; Күл тигин Бајыркун (ың ак адғырығ)
- (36) менеп, һөжүмгә ташланды. Бер сугышчыга ук атты, ике сугышчыга бәрелештә пычак кадады. Бу бәрелештә Байырканның, ак айгырның, бот сөяге сынды. Кыргыз каганын үтердек, илен алдык. Ул елны түргишләргә каршы Алтун ешлығына
- (36) бiнiп оплају тагдi; бiр әрiг оқун урты, әкi әрiг удышу санчды; ол тагдүкдә Бајыркун²уң ак адғырығ удлыкын² с²ыју урты. Кыргыз кағанын² өлүртүмiз, илiн алтымыз. Ол јылка тү(ргiс тапа Алтун јышығ)

²⁶³ йорчын — гаскәр башлығын

²⁶⁴ Чача сәнүн — 706 елда төркиләргә каршы сугышкан Кытай армиясенә башлығы

²⁶⁵ Ышбара Ямтар — кеше исеме

²⁶⁶ Ягин Силик — кеше исеме

²⁶⁷ Йир Байырку — географик атама

²⁶⁸ Олуг Иркин — төркиләргә каршы сугышкан гаскәр башлығы исеме

²⁶⁹ Түрги Яргун — күл исеме

²⁷⁰ Сүнә ешлығы — тау үзәге атамасы

- (37) күтәрелдек. Әртиш²⁷¹ елгасын кичеп, түргіш халкын йоклаганда басып алдык. Түргіш каган гаскәре Болчуда²⁷² утгай, бурандай килде, сугыштык. Күлтәгин Бошгу кушаматлы атка атланып сугышты...
- (37) тоға Әртис үгүзиг кәчә јорыдымыз, түргіс будунығ, уда басдымыз; түргіс қаған сүсі Болчуда отча борча кәлти, сүңүшдіміз; Күл тигін Башғу боз ат биніп тәгді; Башғу боз...
- (38) ... икесен үзе алдырды. Янадан яуга ташланды, түргіш каган боерыкын, тутук азларны кулга алды, каганын анда үтердек, илен яулап алдык. Кара түргіш будун²⁷³ төркіләргә кушылды, ул халыкны Табар²⁷⁴ жиренә урнаштырдык. Йәнә киттек
- (38) ... әкісін өзі алтызды. Анта јана кіріп түргіс қаған бујурукы, аз тутукуғ әлігін тутды. Қағанын² анта өлүртіміз, ілін алтымыз; кара түргіс будун коп ічікді; ол будунығ (табарда кондуртымыз, јана јорып
- (39) Сәғди халкын торғызыйк дип. Йинчү²⁷⁵ дингезен кичеп, Тимер Капыгка кадәр яу белән бардык. Аннан соң түргішләрнең гади халқы үзләренә дошман булган Кәһәрәскә²⁷⁶ каршы сугыш башлаган. Безнең гаскәрнең атлары ябык, азыгы юк иде. Дошман сугышчыларның
- (39) согдак будун ітәјін тіјін, Јинчү үгүзиг кәчә Тәмір калығка тәгі сүләдіміз. Анта кісрә кара түргіс будун јағы болмыш кәңәрәс тапа барды. Бізің сү аты турук, азуқы јок әрті, јаблак кісі әр...
- (40) көчле гаскәре безгә һөјүм итте. Бу вакытта без үкенеп, аз санлы сугышчылар белән Күлтәгинне аларга каршы жибердек. Зур сугыш булган. Күлтәгин батыр Шалчының атына атланып, сугышка ташланган. Бик күп түргіш халкын үтергән, әсир иткән. Йәнә кайтып
- (40) алп әр бізіңә тәгмш әрті. Антағ өдкә өкүніп, Күл тигініг аз әрін іртүрү ытымыз. Улуғ сүңүш сүңүшмш, алп Шалчы ак атын² биніп тәгмш, кара түргіс будунығ анта өлүрмш алмыш, јана јорып...
- (41) ... Кушу тутук²⁷⁷ белән сугышты, күп сугышчыларын үтерде, барча байлығын калдырмайча, үзебезгә кайтарды. Күлтәгин егерме жиде яшендә, көчле, ирекле яшәгән карлук халқы безгә дошман булды. Тамаг атлы тау башында сугыштык.
- (41)(1) ... бірлә Кушу тутук бірлә сүңүшмш, әрін коп өлүрміс, әбін барымын² (калы)сыз коп кәлүрті. Күл тигін јиті отуз јашыңа, карлук будун әрүр барур әріккі јағы болты. Тамағ ыдук башда сүңүсдіміз
- (42) Күлтәгин ул сугышта утыз яшендә иде. Батыр Шалчының ак атына менеп, һөјүмгә ташланды. Ике сугышчыны бер-бер артлы чәнечте. Карлукларны үтердек, яулап алдык. Аз²⁷⁸ халқы да дошман булды. Кара күлдә сугыштык. Күлтәгин утыз бер яшендә иде. Алып (батыр) Шалчының атына менеп
- (42)(2) (Күл) тигін ол сүңүшдә отуз јашајур әрті; алп Шалчы (ак а) тын биніп оплају тәгді; әкі әріг удышу санчды. Карлукуғ өлүртіміз, алтымыз; аз будун јағы болты; Кара кәлтә сүңүшдіміз, Күл тигін бір кырк јашајур әрті; али Шалчы акын²

²⁷¹ Әртиш үгүз — Иртыш елгасы

²⁷² Болча — урын атамасы

²⁷³ кара түргіш будун — түргішнең гади халқы

²⁷⁴ Табар — географик атама

²⁷⁵ Йинчү — Сырдарья дингезе

²⁷⁶ Кәһәрәс — Сырдарья буйларында яшәүче төрки кабилә

²⁷⁷ Кушу тутук — хәрби житәкче исеме

²⁷⁸ Аз — халык исеме

- (43) көрөшкә ташланды. Аз халкының әлтабарын²⁷⁹ тотты, аз халкы шунда юк ителде. Абыем — каган илендә буталыш башланды, ил халкында үзара көнчелек барлыкка килде. Бу вакытларда изгил²⁸⁰ халкы белән сугыштык. Күлтәгин алып Шалчы атына менеп
- (43)(3) бини́п оила́ју та́гди; аз а́лтаба́риг тутды; аз будун анта јок болты. А́чим ка́ған и́и ка́машы́ (ка́мша́?) болтукынта, будун и́лиги ка́ги болтукынта и́згил будун би́рлә сү́ңүшди́миз. Кү́л тиги́н али Шалчы акын² бини́п
- (44) һөжүмгә ташланды, ат егылды. Изгил халкын жиндек. Тугыз-угыз халкы үз халкым иде. Күкләр-жирләр болганды, үз халкым дошманга әверелде. Алар белән бер елда биш тапкыр сугыштык. Иң әлек Тогу балыкта²⁸¹ сугыштык.
- (44)(4) оила́(ју та́г) ди, ол ат анта түс(ди) и́згил будун ө́лти. Токуз о́ғуз будун ка́нтү будуным а́рти; та́ңри јир булҗакын² үчү́н јағы болты; би́р жылка би́ш јолы сү́ңүшди́миз; а́ң и́ик То́ғу балыкда сү́ңүшди́миз,
- (45) Күлтәгин Азман кушаматлы ак атка атланып, һөжүмгә ташланды, алты сугышчыны кадап үтерде, гаскәрләр бәрелешендә жиденче сугышчыны кылычлады. Икенчесендә Кушлагакта²⁸² әдизләр²⁸³ белән сугыштык. Күлтәгин азларның көрән атына менеп, һөжүмгә ташланды, бер сугышчыны чәнечте,
- (45)(5) Кү́л тиги́н Азман акы́ғ бини́п, оила́ју та́гди, алты а́риг санчды, сү́ та́гисия́та јити́нч а́риг кылычлады; а́кинти́ Кушла́ғакда а́диз би́рлә сү́ңүшди́миз, Кү́л тиги́н Аз јағызын² бини́п оила́ју та́гип, би́р а́риг санчды,
- (46) тугыз сугышчыны урап алып үтерделәр. Әдиз халкы анда үлеп бетте. Өченчесендә Болчунда угызлар белән сугыштык. Күлтәгин Азман кушаматлы атына менеп, һөжүм итте, чәнечде. Гаскәрен туракладык, илен алдык. Дүртенче Чуш²⁸⁴ башында сугыштык.
- (46)(6) токуз а́риг а́гирә токыды; а́диз будун анта ө́лти; үчи́нч Бол... нда о́ғуз би́рлә сү́ңүшди́миз, Кү́л тиги́н Азман акы́ғ бини́п, та́гди, санчды; сү́син санчдымыз, и́йи алтымыз; тө́ртинч Чуш башынта сү́ңүшди́миз; тўрк
- (47) Төрки халыкның аяклары камашты, хәлләре начарланды. Күлтәгин үзләрен куып килгән гаскәрне тузгытты. Тоңра кабиләсенен ун батыр сугышчысын, Тона тәгинне күмгәндә, урап алып үтердек. Бишенче тапкыр угызлар белән Әзгәнти Кадаз жирендә сугыштык. Күлтәгин
- (47)(7) будун адак камаштды, јаблак болт(ач)ы и́рти; оза ка́лми́с сү́син Кү́л т(иги́н) ағытып, То́ңра би́р оғуш алпазу он а́риг, То́ңа тиги́н жо́бынта, а́гир.п ө́лүртимиз. Би́синч А́згәнти́ Кадазда о́ғуз би́рлә сү́ңүсди́миз, Кү́л тиги́н
- (48) азларның көрән атына менеп, һөжүмгә ташланды, ике сугышчыны кадап үтерде, шәһәргә бармады. Гаскәр анда һәлак булды. Магы курганда кышлап, язын угызларга каршы зур гаскәр белән чыктык. Күлтәгинне кире өйгә кайтарып жибәрдек, чөнки дошман угызлар урдабызны басып алганнар иде. Күлтәгин
- (48)(8) Аз јағызын² бини́п та́гди, а́ки а́риг санчды, балык(к)а бармады. Ол сү́ анта ө́л(ти). Мағы (*или*: Амғы) Курған (к)ышлап јазыңа оғузғару сү́ ташыкдымыз. Кү́л тиги́н а́биг башлају кытымыз; оғуз јағы ордуғ басды. Кү́л тиги́н
- (49) Өгсиз²⁸⁵ атка менеп сугышты, тугыз ирне үтерде, урдабызны бирмәде. Минем әнием — катун, барлык әниләрем, апаларым, киленнәребез, күнчуйларым²⁸⁶, барыгыз да исән

²⁷⁹ әлтабар — аз халкында югары хәрби чин

²⁸⁰ изгил — төрки кабилә атамасы (болгарларның бер тармагы дигән караш бар)

²⁸¹ Тогу балык — Тогу шәһәре

²⁸² Кушлагак — географик атама

²⁸³ әдиз — угыз төркеменә керүче кабилә исеме

²⁸⁴ Чуш — географик атама

²⁸⁵ Өгсиз — акылсыз

²⁸⁶ күнчуй — ханәкә

- булсагыз да кол булыр идегез. Үлсәгез — гәүдәләрегез илдә, йортта, юлда чәчелеп ятачак иде.
- (49)(9) Әгсиз акын² биніп токуз әрін санчды, ордуҕ бирмәди, Әгim катун улају Әгlәрим, Әкәләрим, кәлиңүним, кунчуларым бунча жәмә тiрiгi күң болтачы әрти, Әлүгi журтта јолта јату калтачы әртигиз!
- (50) Күлтәгин булмаса, күпләп үләчәк идегез. Әнем Күлтәгин үлде. Үзем хәсрәткә чумдым: күрер күзем күрмәс булды, белер-белегем белмәстәй булды, үзем сагышлы булдым. Кеше уллары яши, үлә — вакытны Тәнре билгели.
- (50)(10) Күлi тiгiн јок әрсәр, коп Әлтәчi әртигиз! Иним Күлi тiгiн кәргәк болты, Әзим сакынтым; кәрүр кӘзим кӘрмәз тәг, бiшр бiлiгim бiлмәз тәг болты, Әзим сакынтым. Әд тәңри јасар, кiсi оҕлы коп Әгәли (*или: Әлүгi?*) тӘрүмiс.
- (51) Үзем шулай уйладым. Ә күземнән яшь акты, күнел сызланды, кайта-кайта өзгәләндем, тирән хәсрәткә чумдым. Ике шадым, абыйларым, энеләрем, балаларым, бәкләрем, халкым күз яшенә күмеләчәк, хәлләре авыр булачак дип уйладым. Елаучы, сыктаучылар (кайгы уртаклашучылар) кытан, татабы халкы Удар Сәнүн житәкчелегендә килде.
- (51)(11) Анча сакынтым; кӘздә јаш кәлсәр, әтi да кӘнүлтә с²ыҕыт кәлсәр, јантуру сакынтым, катыҕ д²ы сакынтым: әкi шад улају инијiгүним оҕланым бәгlәрим будуным кӘзi кашы јаблак болтачы тiп, сакынтым. Јуҕчы с²ыҕытчы кытан, татабы будун башлају
- (52) Табгач каганлыгыннан Исы Ликән килде: бер мен алтын, көмеш, байлык — хисапсыз бүләкләр бирде. Тибет каганлыгыннан бөлөн²⁸⁷ килде. Көнбатыштан согд, бәрчәкәр²⁸⁸, букарак²⁸⁹ улусы халыклары килде. Нән сәнүн, угыл таркан²⁹⁰ килделәр.
- (52)(12) Удар сәңүн кәлтi; табҕач қаҕанта Исјi Ликән кәлтi, бiр түмән аҕы, алтун, күмүш кәргәксиз кәлүртi; Түлүт қаҕанта бӘлөн кәлтi. Курыја күн батсыкдакы Соҕд, Бәрчәкәр, Букарак улыс² будунта Нән сәңүн оҕул таркан кәлтi.
- (53) Ун ук халкы, улым Түргиш каганы исеменнән Макрач тамгачы, Үгез Билгә тамгачы килделәр. Кыргыз каганлыгыннан Ынанчу Чур тардуш килде. Тәрбә төзүчеләр, осталар, бизәк төшерүчеләр, ташка уеп язучылар — барысын табгач каганы Чән Сәнүн алып килде.
- (53)(13) Он ок оҕлым түргiс қаҕанта Макрач тамҕачы, Оҕуз Билгә тамҕачы кәлтi; кыргыз қаҕанта тардуш Ынанчу Чур кәлтi; барк итгүчi, бәдiз јаратыҕма бiтiг таш итгүчi табҕач қаҕан чыканы Чән сәңүн кәлтi.
- Күлтәгин куй елынын унжиденче көнөндә үлде. Тугызынчы айның егерме жидесе көнне аны жирләдек. Кабере өстендәге гөмбөзен, сыннарны, уеп язылган ташын Маймыл елынын жиденче аенда егерме жиденче елында урнаштырып бетердек. Күлтәгин кырык жиде яшендә үлде. Бу кадәр күп осталарны тойгун һәм әлтабарлар китертте.
- Күлi тiгiн кон јылка јiтi јәгiрмикә учды: токузынч ај јәтi отузка јоҕ әртүр-тiмiз. Баркын² бәдiзин бiтiг таш(ын) бiчiн јылка јiтiнч ај јiтi отузка коп алкады(м)ыз. Күлi тiгiн Ә(лiп) кырк артук(ы)јiтi јашың булыт (*чит.: болты?*) таш... бунча бәдiзчiг тоҕун әлтәбар кәлү(р)тi.

²⁸⁷ бөлөн — титул

²⁸⁸ бәрчәкәр — фарсы халкы

²⁸⁹ Букарак — Бохара

²⁹⁰ Нән сәнүн угыл таркан — хәрби чин

Төньяук истрәлеге

- (1) Билгә Төньяук мин үзем Табгач илендә кылындым (зирәк Төньяук булып мин Кытай илендә өлгереп життем). Төрки халкы Табгачка керә иде.
- (1) Bilgä Toñuquq bän özüm Tabğaç ilinä qylyntym. Türk budun Tabğaçqa kögür ärti.
- (2) Ханы булмаган төрки халык Табгачтан аерылды — ханланды. Ханын ташлап, Табгачка янадан буйсынды. Тәңре шулай әйткән: хан бирдем
- (2) Türk budun, qanyn² bolmajyn.² Tabğaçda adyrylty, qanlanty. Qanyn² qodur, Tabğaçqa jana iëikdi. Täñri anşa tämis ärinë: qan bärtim,
- (3) ханынны калдырып, янәдән Табгачка буйсындың. Баш игәнең өчен Тәңре сине каргады — үтерде. Күп төрки халык үлде, көчсезләнде, юк булды. Төрки сир²⁹¹ жирендә
- (3) (qanynyn²) qodur, iëikdin, iëikdük üëün täñri ölütmis ärinë. Türk budun ölti, alqynty, joq bolty. Türk sir budun järintä
- (4) тормыш калмады. Агачлыктарда, таш-тауларда качып калганнар жылып, барысы жиде йөз булды. Ике өлеше атлы иде, бер өлеше — жәяүле. Жиде йөз кешене
- (4) bod qalmady. Yda taşda qalmys^{2y} qubranyp, jäti jüz bolty. Äki ülügi atlyu ärti, bir ülügi jadau ärti. Jäti jüz kisig
- (5) оештырып алып барган улугы²⁹² шад²⁹³ иде. «Кушылыгыз», — диде. Аларга кушылган мин идем, билгә Төньяук. «Аны каган итәргәме?» — дидем эчемнән. Үзем уйландым: «Ә ул артындагы ябык үгезне, симез үгезне
- (5) udyzyyma, uluyu, şad ärti. Jaуyl, — tidi. Jaуmys^{2y} bän ärtim — bilgä Toñuquq. Qaуan mu qysajyn² — tidim. Saqyntym: turuq buqaly, sämiz buqaly arqada
- (6) монысы симез үгез, монысы ябык үгез дип төгәл аера белмәс», — дидем. Шулай фикерләдем. Соныннан Тәңре үземә акыл биргән өчен үзем аны хан булырга кыстадым. «Билгә Төньяук — бөйлә бага таркан²⁹⁴
- (6) bilsär, — sämiz buqa, turuq buqa, tijin, bilmäz ärmis, — tijin. Anşa s²aqyntym. Anta kisrä täñri bilig bärtük üëün özüm ök qaуan qysdym. Bilgä Toñuquq, boıla baуa tarqan
- (7) белән бергә мин каган булайым», — дип фикер йөртте Илтериш. Унда, көньякта — Табгачны; алда, көнчыгышта — Кытанны, төньякта — угызларны — бик күп халыкларны үтертте. Аның зирәк житәкчелегендә ише, ярдәмчесе мин булдым, аның данын да без бергә бүлештек. Яшәү урыны итеп Чугай Кузын, Кара комны²⁹⁵ сайладык.
- (7) birlä, İltäris, qaуan bolajyn, bärijä Tabğaçyу, öñrä Qytañyу, juraуa Oуuzuу — üküс ök ölürti. Bilig äsi äab äsi bän körtüm. Çуғай quzyn², Qara qumuу olurur ärtimiz.
- (8) Киек-жанвар ашап, куян белән тукланып яшәр идек. Халык бугазы (тамагы) тук иде. Тирә-ягыбыздагы дошман ерткыч кошка тиң иде. Без алар өчен үлөксә идек. Шулай яшәгәндә, угызлардан көрүг²⁹⁶ килде.
- (8) Käjik jijü, tabysаn jijü, olurur ärtimiz. Budun boуzy toq ärti, jaуymyz tägirä uëuq täg ärti, biz şäg ärtimiz. Anşa olurur ärikli, Oуздantан körüg kälti.

²⁹¹ төрки сир — төрки кабиләсеннән булган халык исеме

²⁹² улугу — башлык

²⁹³ шад — хәрби титул

²⁹⁴ бөйлә бага таркан — Төньяукның титулы

²⁹⁵ Чугай Кузы, Кара ком — географик атамалар

²⁹⁶ көрүг — күзәтче, шпион

- (9) Көрүг сүзе түбөндөгөчө иде: «Тугыз угуз халкы каганлы булды дип сөйлилөр. Табгач иленө Куны Сөнүнне илче итеп жибөрделөр, Кытанга Тонра Сөмиг китте. Аларнын сүзлөрө шундый иде: төркилөр аз санлы
- (9) Kōrüg saby antaγ: Toquz oγuz budun üzä qaγan olurty, tir, Tabγašγaru Quny sāñünüg ydmys² Qytañγaru Tonra sāmig ydmys² sab anša ydmys²: azquña türk öndun
- (10) булып яши иделөр. Хэзер аларнын каганы бик көчле, айгучысы²⁹⁷ бик белемле икән. Ул ике кеше булганда, сине, Табгачны үтерөчөк, дип әйтәлөр. Аннан соң Кытаннарны үтерөчөк, дип әйтәлөр. Без, угузларны
- (10) joryjur ärmis, qaγanγ alp ärmis, aγuzsγsγy bilgä ärmis. Ol äki kisi bar ärsär, sini Tabγašγy olürtäši, tirmän, öñrā Qytañyγ ölürtäši, tirmän, bini Oγuzuy
- (11) шулай ук үтерөчөклөр, дип әйтәм. Табгачлар, ун яктан һөжүм итегез. Кытан — көнчыгыштан, мин — төньяктан һөжүм итик. Төрки сир жирендө хужа булмасын. Көчөбез житкәнчө, хужаларны юк итик дип әйтәм».
- (11) ölürtäši ök, tirmän. Tabγaš bāridänjän täg! Qytañ öñdänjän täg! Bän jyr-dantajan tägäjin! Türk sir budun jārintä idi jorymazun! Usar, idi joqqy-salyın! —
- (12) Бу сүзне ишетеп, төн йокым качты, көндез тыныч утыра алмадым. Аннан соң каганымнан үтендем, шулай үтендем: «Табгач, Угуз, Кытан — бу өчөү камап алса,
- (12) tirmän. Ol s²abyγ äsidip, tün udys²yqym käl-mädi, күntüz olursyqym käl-mädi. Anta ötrü qaγanyma ötüntüm, anša ötüntüm. Tabγaš, Oγuz, Qytañ. bu ücägü qabysyr,
- (13) без бер үзөбез калачакбыз. Нечкәне бергә туплау жинел, нечкәне аерым өзгәләү — шулай ук жинел, әгәр нечкәне бергә туплап, калын ясый алса, ул батырга әйләнә. Нечкә
- (13) qaltašy biz öz iši tasyın tutmys² täg biz. Juıqa äriklig toplayaly uçuz ärmis, jinšgä äriklig üzgäli uçuz, juıqa qalyın bols²ar, toplayuluq alp ärmis, jinšgä
- (14) Калын, юан булса, аны өзгәләү бик авыр (берләшсәләр, жинәргә авыр булачак). Алда, көнчыгышка — Кытанга; унда, көньякка — Табгачка, сулда — төньякка — Угузга, Көнбатышка — Куранга өч мең гаскәребез белән беренче үзөбез яу белән барыйк. Шулай була аламы?» Шулай итеп үтендем.
- (14) jōγan bolsar, üzgölük alp ärmis. Öñrā Qytañda, bārijä Tabγašda, quruja qurdanta, jyrāja Oγuzda, äki üš biñ sümüz, kältäšimiz, bar mu nä? Anša ötüntüm.
- (15) Каганым минем, билгә Төньякукның, үтенечен тынлады. «Жаның теләгәнчө, гаскәр белән чыгыйк», — диде. Көк Өнүн²⁹⁸ елгасын кичеп чыгып, Өтүкән ешлығына юл тоттык. Сьерлар, йөк төягән дөяләр белән угуз гаскәре килде.
- (15) Qaγanym, bän özüm bilgä Toñuquq ötüntük ötünšümın äsidü bārti. Kök lünšä udyz, — tidı. Kök Öñüg juγuru Ötükän jysγaru udyzt²ym. Ingäk kölükin Toγlada Oγuz kälti.
- (16) Сугышчылары өч мең иде. Без ике мең идек. Сугыштык. Тәңре ярлыкаганы өчен жиндек. Юлда шулай ук күп үлделәр. Шулай итеп, угузлар жинелде.
- (16) Süsi alty (R) (Thomsen: üš) byñ ärmis, biz äki byñ ärtimiz. Süñüsdimiz, täñri jarylyqady... jañduq jolta jämä ölti күk. Anta ötrü Oγuz qopyn² kälti

²⁹⁷ айгучы — кинәшче — советник

²⁹⁸ Көк Өнүн — елга атамасы

- (17) Төрки халыкны Өтүкән жиренә алып килдем. Мин үзем билгә Төньякукның Өтүкән жирен яшәү урыны итеп сайлаганымны ишетеп, көньякта, төньякта, көнчыгышта, көнбатышта яшәүче халыклар күченеп килде.
- (17) *kälürtim ök (?) Türk budunuñ Ötükän järkä, bän özüm bilgä Toñuquq Ötükän järig qonmys², täjin, äsidip bärjäki budun, quryjaqu, jyrjaqu, öñräki budun kälti.*
- (18) Ике мең идек, ике гаскәребез бар иде. Төрки халкы яшәгәндә, Төрки каганы булганда, әле Шантуң²⁹⁹ шәһәрәнә, дингезгә кадәр житкәнебез юк иде. Каганымнан үтенеп, шуларны сөйләдем.
- (18) *Äki byñ ärtimiz, biz äki sü bolty. Türk budun olurçaly, Türk qağan olurçaly, Santuñ balyq(q)a taluı ügüzkä tägmis joq ärmis, qağanyma ötüñp, sülätim.*
- (19) Шантуң шәһәрәнә, дингезгә барып життек. Егерме өч шәһәрләрен яулап алдык. Усын-Бунтату³⁰⁰ йортында яшәү урыны таптык. Табгач каган дошманыбыз иде. Ун ук каганы дошманыбыз иде.
- (19) *Santuñ balyq(q)a, taluı ügüzkä tägürtüm, üç otuz balyq s²udy. Us²yn buntatu j²urtda jatu qalur ärti. Tabçaç qağan jağymyz ärti, on oq qağanu jağymyz ärti,*
- (20) Көчле кыргыз каганы безгә иң каршы дошманнардан иде. Өч каган киңәштеләр. Алтун ешлыгын камап алыык, дип. Шундый фикергә килделәр, алдан төрки каганлыгын яулап алыык, диделәр. Үзез яулап алмасак, ул вакыт безгә начар булачак, ул безне...
- (20) *art(uqu Qurqyz) küç (lig qağan jağymyz) bolty. Ol üç qağan ögläsip: Altun jys üzä qabys²alym timis, ança ögläsmis, öñrä Türk qağançaru sülälim, timis, ançaru sülämäsär, qaç nän, ärsär, ol bizni, —*
- (21) Каганы алып икән, киңәшчесе белемле, зирәк икән, әгәр шулай икән, алар безне, мөгаен, үтерәчкеләр. Өчез камап алып сугышыык, аны юкка чыгарыык, бетерик, диделәр. Түргәши каган: «Анда минем халкым булачак», — дип әйткән.
- (21) *qağanu alp ärmis, aıyüçys²y bilgä ärmis, qaç nän, ärsär, ölürtäçi kük, üzägün qabysup sülälim, any j²oqqysalym, — timis. Türgäs qağan ança timis: bänin budunum anta ärür, timis.*
- (22) Төрки халыклар үзара булганышкан, тыныч түгел чагы, угызы тагын таркау, дип әйткән. Бу сүзне ишетеп, төн йокым килмәс иде, көндөз утырып тора алмас идем. Анда уйландым.
- (22) *Türk budun jämä bulçanç (ol, — timis), Oçuzy jämä tarqanç ol, — timis. Ol sabyn äsidip, tün jämä udys²yqym kälmez ärti olurs²yqym kälmez ärti, anta saqyntym ...*
- (23) ... сугышыык, — дидем. Көгмәнгә юл бер генә, аны кар баскан, диделәр. Бу юлдан йөрү мөмкин булмас, дидем, йирче³⁰¹ теләдем. Аз халкыннан таптым.
- (23) *... sülälim, — tidim. Kögmän joly bir ärmis, tumus², — tijin, äsidip, bu jolyn jorysar, jaramaçu, tidim ... järçi tilädim, çölgi Az äri bultym.*
- (24) «Үзем аз жиреннән. Аны яхшы беләм. Бер тукталыш бар. Ан елгасы буйлап барсак, тукталышка житеп була, атлылар бара алачак», — диде. Ул юлдан китсәк, узарга мөмкин дип уйландым. Каганымнан үтендем:

²⁹⁹ Шантуң — Кытайдагы территория

³⁰⁰ Усын-Бунтату — Кытай белән чиктәш территория. Бөек Кытай стенасыннан сулга урнашкан. Хуанхэ елгасы тирәсендә.

³⁰¹ йирче — шул якларны яхшы белгән юл күрсәтүче

- (24) *Özüm Az jirim, any bil.. ärmis, bir turuqy ärmis, Anyн barmys², aңар jatyp, bir atlyғ barmys², — tijin. Ol jolyn jorysar, unǵ, — tidim, saqyntym, qaҗanyma*
- (25) «Гаскәр йөретик, атларга атланыйк», — дидем. Ак Тәрмәл елгасын кичеп, шунда туктадык. Үзем атка атланып, кар ерып, югарыга күтәрелдем. Аттан төшеп, агачларга тотынып жәяүләп бардык. Алдагы кешеләр
- (25) *ötüntüm sü jorytdym, atlat, — tidim. Aq tärmäi kăċä, oҗraqlatdym, at üzä bintürä, qaryу sökdim, joqaru at jätä, jadaҗyn, yҗaċ tutunu, aҗurtum öңräki är*
- (26) карны таптап, тауга күтәрелдек, агачлар түшәп, таудан авырлык белән төштек, ун төн тау янтыгынан бардык. Йирче, юл күрсәтүче, юлны югалтты, аның өчен кадап үтерелде. Зур авырлыктар кичердек. Каган: «Тизрәк, жилдереп кит», — диде.
- (26) *juҗuru tägürp, y bar bas asdymyz, jobalu intimiz, on tünkă jantyqy tuҗ äbirü (R birü) bardymyz. Jirċi, jir jaңylyp, boҗuzlanty, buңadyp qaҗan: jälü kör, timis.*
- (27) Аны елгасы суы буйлап түбән төшеп киттек. Санау өчен гаскәрне атлардан төшердек, атларын агачка бәйләдек. Көн буе, төн буе атларда жилдердек. Кыргызларны йокыда килеш басып алдык.
- (27) *Any subuҗ baralyм! Ol sub qody bardymyz, sanaҗaly tösürtimiz, atyҗ yҗa-bajur ärtimiz.. Kün jämä, tün jämä jälü bardymyz, Qyҗqyzyҗ uҗa basdymyz.*
- (28) Сөңгеләр белән үзәбезгә юл ачтык. Ханы, гаскәре безне уратып алды. Сугыштык, сөңгеләр кадаштык. Ханын үтердек. Кыргыз халкы каганга буйсынды, тез чүкте. Көгмән ешлығы аша кире кайтып киттек.
- (28) *... süңügin aedyмыз, qany süsi tirilmis. Süңüsdimiz, sanǵdimiz qanyn² ölürtimiz. Qaҗanqa Qyҗqyz buduny iǵkdi, jükünti, jantymyz. Kögmän jysyҗ äbirü kältimiz*
- (29) Кыргызлардан кайттык. Түргәш каганнан көрүг³⁰² килде. Аның сүзе мондый: «Алдан үзәбез каганга каршы сугыш башлыйк. Әгәр аларга каршы чыкмасак, аларның каганы алып, айгучысы³⁰³ белемле, ул чакта бик мөмкин,
- (29) *Qyҗqzda jantymyz. Türgäs qaҗanta körüg kälti, saby antäg (?) öңdän qaҗanҗaru sü jorylym, timis, jorymas²ar bizni: qaҗany alp ärmis, айуǵys²y bilgä ärmis, qaǵ nă, ärsär*
- (30) алар безне жиңәчәк», — диде. — Түргәшләр хәзер юлда, ун ук халкы юлда, гаскәр белән, дип әйтте. Табгач гаскәре әзер», — дип әйтте. Ул сүзләргә ишетеп, каганым: «Мин әйләнәп өйгә кайтыйм, — диде, -
- (30) *bizni ölürtäċi күк, — timis. Türgis qaҗany tasyqmys², tidi on oҗ buduny qalys²yz tasyqmys², tir, Tabҗaċ süsi bar ärmis. Ol sabyҗ äsidip, qaҗanym: bän äbgärü tösäjin, — tidi.*
- (31) Хатыным үлгән, аны йоклатайын³⁰⁴, — диде. — Сөз гаскәр белән барыгыз, Алтын ешта урнашыгыз, — диде. — Сү башы³⁰⁵ булып Инәл каган³⁰⁶, тардуш шад³⁰⁷ барсыннар», — диде. Мина, билгә Төньяукка, әйтте:

³⁰² көрүг — дошман тылын күзәтүче

³⁰³ айгучысы — кинәшчәсе

³⁰⁴ йоклатайын — кабергә күмү

³⁰⁵ сү башы — гаскәр башлығы

³⁰⁶ Инәл каган — капаган каганның улы (716 елда үлгән)

³⁰⁷ тордуш шад — каган ярдәмчәсе

- (31) Qatun joq bolmus² ärti, any joqlatajyn², tidi, sü baryñ, — tidi, Altun jysda olurñ, — tidi. Sü basy Inäl qağan, Tardus² sad barzun², — tidi. Bilgä Toñuquq baña aıdy:
- (32) «Бу гаскәрне алып бар, — диде. — Авырлықлар булганда жаның кушканча эшлә, сиңа тағын саклан дип әйтәм. Сугышчылар килеп кушылса, гаскәрнең саны артыр. Килмәсәләр, сүзләр, хәбәрләрне яхшылап өйрәнегез», — диде. Алтун ешлығында ур-наштык.
- (32) bu süg ält, tidi. Qyjyn²yü köñlün²ä aı, bän s²aña nä ajajyn², — tidi. Kälir ärsär, kü är ükülür, kälmäz ärsär, t²ylüç sabyç aly olur, — tidi. Altun jysda olurtymyz
- (33) Өч көрүг³⁰⁸ килде, сүзләре бер: каганы гаскәр белән яуга китте, ун ук гаскәренә дә барысы яуга китте. Алар өчесе Ярыш³⁰⁹ даласында бергә тупланачак». Бу сүзләренә ишеткәч, каганымә хәбәрне житкезәргә кеше жибәрдем. «Безгә нишләргә?». Сүзе әйләнәп
- (33) üc körüg kısı kälti, saby bir: qağanı sü tasyqdy, on oç süsi qalys²yz tasyqdy, — tir. Jarys jazyda tirilälim, — timis. Ol sabyç äsidip, qağanıaru ol sabyç yt(t)ym. Qantajn². Sabyç jana
- (34) килде: «Урыныгызда калыгыз! — диелгән. — Ашыкмагыз, каравылны ныгытыгыз, үзегезне көтмәстән басып алудан саклагыз», — диелгән. Бөгә каган³¹⁰ аркылы шуларны житкәргән иде. Апа — тарканга миннән яшерен сүз жибәргән: «Билгә Төньякук акыллы булса да, бик хәйләкәр, — дигән, -
- (34) kälti: olurñ, tijin timis. Jälmä, qaraçu ädgüti urçy, basytma timis, böğ(ü?) qağan bañaru ança ajydmys². Apa tarqançaru içrā sab ydmys²: bilgä Toñuquq añyç ol, öz ol — añlar
- (35) Яу белән чыгык дисә, киңәшләрен тотарга ашыкма», — дигән. Бу сүзләренә белгәннән соң, гаскәрем белән яуга киттем. Алтун ешлығын юлсыз уза алдым. Иртыш алгасын да күперсез кичә алдык, төн буге бардык, таң беләнгәндә Болчуга життек.
- (35) sü jorylym... unaman! Ol sabyç äsidip, sü jorytdym. Altun jysyç jolsuzyn² asdym. Ärtis ügüzüg käçigsizin käçdimiz, tün qatdymyz, Bolçuqa tañ üntürü tägdimiz.
- (36) «Тел» тотып кайттылар. Сүзе шул булды: «Ярыш даласында ун мең гаскәр жыелды», — диде. Ул сүзне ишетеп, бәкләр барысы:
- (36) Tylyç kälürti, saby antaç: Jarys jazyda on tümän sü täriti, — tir. Ol sabyç äsidip, bāglār qoran
- (37) «Кайтыйк! Яхшыларга ояты кыйммәт, ә жинелү — зур оят!» — диделәр. Мин болай дидем: «Мин билгә Төньякук! Алтун ешлығын узып килә алдык, Иртыш елгасын
- (37) janalym! Aryç obuty jig, — tidi. Bän ança tirmän: bän, bilgä Toñuquq, Altun jysyç asa kältimiz, Ärtis ügüzüg
- (38) кичеп чыга алдык. Килгәннәр — барысы батырлар! — дидем. -Безнең монда икәнлекне дошман белми. Тәңре, Умай, изге жир-су — барысы безне саклай, безгә жиңу бирә, нигә качарга?
- (38) käçä kältimiz. Kälmisi alp, — tidi. Tuımayı. Täñri, Umaı, yduq Jär s²ub basa bärtil ärinç. Näkä täzärbiz,

³⁰⁸ көрүг — шымчы

³⁰⁹ Ярыш — Жидесу өлкәсе

³¹⁰ Бөгә каган — Капаган каганның олы улы (716 елда үлгән)

- (39) Алар күп дип нигә куркырга, без аз дип курыкмыйк. Нигә безгә жинелергә? Аларга һөжүм итик», — дидем. Яуга ташландык, дошманны таркаттык. Икенче көн тупланып тагы килделәр.
- (39) *üküs tijin, nākā qorqur biz, az tijin. Nā, basynalym, tāgālim, — tidim. Tāg-dimiz, jajdydymyz. Äkinti kün kälti,*
- (40) уттай кызып килделәр. Сугыштык. Алар бездән ике канатка күбрәк иде. Тәңре ярлыкаганы өчен алар күп дип
- (40) *örtä qyzyr kälti. Süñüsdümüz bizintä äki uçy s²унарça artuq ärti. Tāñri jarylqaduq üçün üküs tijin, biz*
- (41) курыкмадык, сугыштык. Тардуш шад та безнең арада сугышты. Дошман гаскәрен таркаттык, каганын тоттык. Ябгусын³¹¹, шадын
- (41) *qorqmadymyz, süñüsdümüz. Tardus² sad ara bady. Jajdydymyz, qaçanyu² tutdymyz, jabğus²yn² sadyn²*
- (42) шунда үтердек. Иллеләп сугышчыларын кулга алдык. Шул ук төнне халыклар саен илчеләр жибәрдек. Ул сүзләргә ишетеп, ун ук бәкләргә күпләп
- (42) *an'a ölürti, ālig ää är tutdymyz, ol oq tün budunyn² saju ytymyz. Ol sabuy äsidip, on oq bägläri buduny qor*
- (43) килделәр, буйсындылар. Килгән бәкләр халкын урнаштырдым, халыкның бер өлеше аерылып китте. Ун ук гаскәргә белән сугышка чыктык.
- (43) *kälti, jükünti. Käligmä bäglärin budunyn² itip juyur az(ä)a budun täzmis ärti, on oq süsin sülätim.*
- (44) Без тагын сугыша башладык, дошманнарны кудык, Йәнчү диңгезен кичтек. Тинәси³¹² улы яши торган Бәнгигәк³¹³ тавын...
- (44) *Biz jämä sülädimiz, any irtimiz. Jänçü ügüzüg kää, Tinäsi oçly jatuyma bāñligäk taçuy...*
- (45) Тимер Капыгга кадәр яу белән життек. Аларны борылырга мәжбүр иттек. Гарәпләргә һәм тохарларның каганы Инәл...
- (45) *Tämir qaruyqa tägi irtimiz, anta janturtymyz, Inäl qaçanqa... (.yqa täzik, toçrysyn²*
- (46) Анда сәгъди башлығы Сук житәкчелегендә күп халык килде. Ул көннәрдә төрки халкы Тимер Капыгга кадәр житте.
- (46) *anta järüki (?) suq baslyy Soçdaq budun qor kälti. Ol күntä tägti Türk budun Tämir qaruyqa*
- (47) Тинәси углы яшәгән тауга барып життек, хужасы юк иде. Ул жиргә мин, билгә Төньякүк килгәнәм өчен
- (47) *Tinäsi oçly jatuyma taçqa tägmis, idi joq ärmis. Ol järkä bän, bilgä Toñuquq, tägürtük üçün*
- (48) сары алтын, ак көмеш, хатын-кызлар, кыйммәтле ат япмалары, хисапсыз башка байлыклар китерде. Илтәриш каган белемне, көчөмне үзенә иш итеп,
- (48) *saçuy altun, örün kümüs, qyz quduz, ägritäbi, açu buñ s²uz kälürti. İltäris qaçan bilig äsin üçün,*
- (49) табгачлар белән унжиде тапкыр сугышты, Кытанга каршы жиде, угызларга каршы жиде тапкыр сугышты. Ул сугышларда мин аның кинәшчесе,

³¹¹ ябгу — хәрби чин

³¹² Тинәси — кытайчадан тәржемә: «Күк улы» — кытай императорының титулы

³¹³ Бәнгигәк — сәгъдиләргә резиденциясе

- (49) alpyn² üşün Tabğaçqa jäti jägirmi süñüsdı, Qytañqa jäti süñüsdı, Oğuzqa bäs süñüsdı, anta añuşıy
- (50) шулай ук гаскәр башы идем. Илтериш каганга, төрки Бөгү каганга, төрки билгә...
- (50) jämä bän ök ärtim jağyşys²y j (ämä bän) ärtim, İltäris qağanqa... Türk bögü qağanqa Türk bilgä q...
- (51) Капаган каганга [хезмәт иттем]. Төн йокламыйча
- (51) Qarağan qağan... Tün udymaty,
- (52) көндөз утырмыйча, кызыл каным түгөп, кара тиремне йөгөртөп, акылымны — көчөмнө бирдем. Шулай ук ерак яуларга йөрдем.
- (52) күнтүз olurmaty, qyzyl qanym tökti (tökäti?), qara tärim jügürti, isig küşig bärtim ök, bän özüм uzun jälmäg jämä yt(t)-ym oq.
- (53) Мин Аркуйда сакны көчәйттем. Буйсындырылган дошманнарны алып кайта идек, минем каганым белән яуларга йөрдек. Тәңрем йарлыкасын!
- (53) Arquı qarağuy ulğartdym, basynuyğa jağuy kälürir (?) ärtim, qağanymyn² sülatdimız, täñri jarylqazu!
- (54) Төрки халык өстенә коралланган гаскәр йөрттөртмәдем, иярләнгән атлы гаскәр китертмәдем. Илтериш каган, каганлыкны ныгытмаса,
- (54) Bu Türk budunqa jaryqluy jağuy kältürmädim, töğünlig atyğ jügürtmädim. İltäris qağan qazğanmasar,
- (55) ана ияреп мин үзем каганлыкны ныгытмасам, илем дә, халкым да юкка чыгачак иде. Казануым, тырышлыгым аркасында, ияртә алуым аркасында ирешелгәннөрөм, казанган уңышларым өчен
- (55) udu bän özüм qazğanmasar, il jämä, budun jämä joğ ärtäşi ärti, qazğantuqyn² üşün uduğ özüм qazğantuqym üşün
- (56) илебез көчле ил булды, халкым көчле халык булды. Үзем картайдым, дәрәжәле булдым. Әгәр берәр жирдәге каганлы халыкның
- (56) il jämä il bolty, budun jämä budun bolty. Özüм qary boltym, uluğ boltym näñ järdäki qağanlyğ budunqa
- (57) ахмак [идарәчеләре] булса, нинди борчуларга дучар булырлар иде.
- (57) büntügi bar ärsär, nä buğy bar ärtäşi ärmis
- (58) Мин үзем, билгә Төньякук, Төрки билгә каган иле халкына яздырттым:
- (58) Türk bilgä qağan ilnä bittdim bän bilgä Toñuquq.
- (59) Илтериш каган каганлыкны үз кулына алмаса, юк булса: мин үзем, билгә Төньякук, каганлыкка көч салмасам, юк булсам,
- (59) İltäris qağan qazğanmasar, joğ ärti ärsär, bän özüм, bilgä Toñuquq, qazğanmasar, bän joğ ärtim ärsär,
- (60) Капаган каган, Төрөк сир халык жирендә тормыш, халык, кеше һәм шулай ук хужа булмас иде.
- (60) Qarağan qağan Türk sir budun jirintä bod jämä, budun jämä, kisi jämä idi joğ ärtäşi ärti.
- (61) Илтериш каган һәм билгә Төньякук казанышлары, тырышлыклары өчен Төрки сир халкы исән калды.
- (61) İltäris qağan, bilgä Toñuquq qazğantuğ üşün Qarağan qağan Türk sir budun joryduqu (bu...)
- (62) Төрки билгә каган Төрки сир халкын, угыз халкын күтәрде.
- (62) Türk bilgä qağan, Türk sir budunuy Oğuz budunuy igidü olurur.

№10

Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642-643 и 119/737 гг.)

Длившееся почти сто лет (22–121/642–739 гг.) противостояние между Арабским халифатом и Хазарским каганатом за преобладание на Кавказе разворачивалось преимущественно в Закавказье и на Северном Кавказе³¹⁴. Согласно источникам, лишь дважды арабам удалось прорваться в степи Нижнего Поволжья к ал-Байда (очевидно, кочевой ставке хазарского кагана): первый раз – в 22/642-643 г., во время самого первого похода арабов на Кавказ; во второй раз – в 119/737 г., уже в конце арабо-хазарских войн.

Несмотря на то, что события арабо-хазарских войн происходили далеко от Среднего Поволжья, их последствия во многих аспектах имели большое значение для Волжской Булгарии, в частности, для истории проникновения и распространения ислама в Поволжье. Общеизвестно, что одним из основных итогов арабо-хазарских войн стало поражение хазар в 119/737 г. и, как одно из условий мирного договора между арабами и хазарами, принятие ислама хаканом хазар и его ближайшим окружением. Распространение ислама на Кавказе и в Нижнем Поволжье способствовало его проникновению на Среднюю Волгу и, таким образом, подготовило официальное принятие ислама Волжской Булгарией в 310/922 г.

События арабо-хазарских войн наиболее полно отражены в сочинениях арабских и персидских историков IX–XIII вв.: к введенным в научный оборот во второй половине XIX в. материалам ал-Балазури (ум.279/892 г.), ал-Йа'куби (ум.284/897 г. или 292/905 г.), ат-Табари (ум.310/922-923 г.), Бал'ами (ум.363/974 или 382/992 г.) и Ибн ал-Асира (555–631/1160–1233 гг.), в 70-е годы XX в. добавились материалы Халифы б. Хаййата (ум.240/854 г. или 243/858 г.) и Ибн А'сама ал-Куфи (ум.314/927). Появление сочинений последних двух авторов внесло целый ряд уточнений в датировку и локализацию событий, имен их участников.³¹⁵ Однако, главное их значение в том, что с их появлением оказалось возможным проведение источниковедческого анализа всего комплекса письменных материалов об арабо-хазарских войнах.

Для данной публикации из названных источников выбраны сведения о событиях 22/642 и 119/737 гг., связанные с продвижением арабов на территорию Нижнего Поволжья, которые одновременно интерпретируются и как свидетельство одного из первых контактов тюрок Кавказа и Поволжья с мусульманами. Поскольку в силу специфических особенностей формирования ранней арабской исторической литературы материалы источников о соответствующих событиях приводятся во взаимосвязанных сообщениях ряда лет (датированных или недатированных, кратких или пространных), то и в переводы включены все сообщения (о последующих или предшествующих событиях), связанные с сообщением о рассматриваемом походе как имеющие значение для его критики. Так, в подборку сведений, объединенных под названием «Поход на Дербент (Баланджар и ал-Байда) в 22/642-43 г.»,

³¹⁴ Полный обзор событий арабо-хазарских войн впервые был сделан Д.Данлопом в монографии «История еврейских хазар», а затем в фундаментальном исследовании М.И.Артамонова «История хазар», который, однако, в интерпретации событий арабо-хазарских войн в значительной мере следовал за Д.Данлопом [Dunlop, pp.41-87; Артамонов, 1962, сс.177-183, 202-232]. Кроме того, частично события войн рассматривались в исследованиях по истории Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана в той мере, насколько они касались их территорий [Czegledy, pp.75-88; Viro, pp.289-299; Буниатов; Шихсаидов, 1969; Тер-Гевондян, сс.36-45, 85-97].

³¹⁵ Из сочинений Халифы б. Хаййата и ал-Куфи опубликован перевод подборок сведений об арабо-хазарских войнах [Ал-Куфи, пер., сс.3-84; Халифа, пер., сс.32-53]. Появление новых сведений возобновил интерес к событиям арабо-хазарских войн [Кляшторный, 1964а, сс.16-18; Айтберов, сс.22-40; Шихсаидов, 1986, сс.5-21; Шихсаидов, 1986а, сс.5-28; Новосельцев, 1990, сс.172-196; История Дагестана, 1996, сс.195-207]. Однако для всех этих исследований характерен традиционный подход к использованию сведений источников (т.е. с доверием, без источниковедческой критики).

включены сведения о событиях 22–35/642–656 гг., а в подборку сведений, объединенных под названием «Поход Марвана б. Мухаммада в 119/737 г.», включены сведения о событиях 113–119/731–737 гг.

В каждую из подборок включены цитаты из разных авторов с целью наглядно продемонстрировать изменение текста от ранних авторов к более поздним. Так, в первом случае, в подборку включены сведения Халифы б. Хаййата, ат-Табари, ал-Куфи и Бал'ами, а во втором – материалы Халифы б. Хаййата, ал-Балазури, ат-Табари, ал-Куфи и Ибн ал-Асира.

Источниковедческий анализ данных этих историков показывает, с одной стороны, взаимозависимость их сведений, а с другой стороны то, что они представляют один и тот же круг ранних сведений, который был воспроизведен разными авторами в разной степени подробности. Специфическая особенность ранней арабской исторической литературы, к которой обращались эти историки, заключается в сочетании кратких свидетельств участников событий и связываемых с этими же событиями легендарными рассказами, возникшими на основе тех же воспоминаний уже на раннем этапе формирования арабской исторической литературы. Специальное исследование всего комплекса сведений об арабо-хазарских войнах позволяет не только отделить легендарные материалы (часто и так очевидные), но и выделить правдоподобные, но исторически недостоверные сведения. Подобные исключения составляют небольшой круг кратких, но достоверных сведений. Их анализ показывает, что в них зафиксированы сведения только о части реально состоявшихся походов арабов на Кавказ (возможно, их было больше). Более того, в сведениях об упоминаемых походах запечатлена информация только о части событий походов (его начало или конец, или какое-то наиболее запомнившееся событие или эпизод, возможно, не всегда самый важный). И, таким образом, становится очевидным, что на основании сведений, приведенных арабскими историками, мы никогда не будем иметь полной картины событий арабо-хазарских войн, а можем представить только часть событий только части походов.

Обзор содержания легендарных материалов показывает, что они в основном были призваны прославить отвагу и смекалку арабов, которые всегда меньшим числом одолевали отчаянное и мужественное сопротивление оборонявшихся дагестанцев или наступавших многочисленным войском хазар.

В основу правдоподобных, но исторически недостоверных сообщений вводились фрагменты сведений о реальных событиях, но происходивших в другое время, имена реальных людей, но живших позднее, чем описываемые события. В таких сообщениях особенно сильно вводят в заблуждение наиболее интересные для исследователей упоминания топонимов и гидронимов: обычно легко узнаваемые и важные для локализации событий, они, являясь, на первый взгляд, своеобразным доказательством достоверности сообщения, фактически также оказываются «литературным клише», включенным в искусно составленное, но исторически недостоверное, сообщение. Доказать недостоверность такого сообщения наиболее сложно и возможно только исходя из общего контекста всей группы сведений.

Проведенный анализ всего комплекса сведений об арабо-хазарских войнах 22–121/642–739 гг. показывает недостоверность приведенных ат-Табари сообщений о продвижении арабов к северу от Дербента к ал-Байда в 22/642 г. и легендарность сведений ал-Куфи о принятии ислама хазарами в результате похода Марвана б. Мухаммада. Сделанные выводы лишают исследователей ряда выигрышных фактов и дат, очень нужных и удобных для аргументирования чрезвычайно важных событий раннесредневековой истории народов современной России. Однако, как нам представляется, отказ от ряда утвердившихся в науке представлений в данном случае не меняет сути происходивших исторических процессов, связанных с проникновением и распространением ислама на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. Так, исключение из круга достоверных сведений упоминания о принятии ислама хаканом хазар и его ближайшим окружением (соответственно и диалога между хаканом и мусульманскими богословами) приводит к потере не только «прямого свидетельства источника» о принятии ислама хазарами, но и возможности конкретно датировать этот

факт 119/737 г. Согласно всем датированным сообщениям источников, которые по существу восходят к Халифе б. Хаййату, 119/737 годом датируется успешный поход Марвана б. Мухаммада к Баланджару и ал-Байда. О принятии ислама хазарами известно только по недатированным материалам, наиболее полно изложенным ал-Куфи. Возможно, во время походов Марвана б. Мухаммада в Дагестан в 119-121/737-739 гг., арабам пришлось преодолеть сопротивление хазар в степях Северного Кавказа, и в 119/737 г. между ними произошло решительное сражение, в результате которого хазары вынуждены были пойти на невыгодное для них соглашение, что могло быть впоследствии расценено как договор о принятии ислама. Это, конечно, не исключает возможность принятия ислама отдельными лицами, но в то время оно, несомненно, еще не имело массовый характер [Гараева, 1984, с.25-27; Гараева, 1997, с.214-217].

Абсолютно достоверным остается факт успешного похода Марвана б. Мухаммада в 119/737 г. глубоко на территорию Хазарского каганата, что безусловно является прямым доказательством контактов населения Северного Кавказа и Нижнего Поволжья с мусульманами. Но если предпринятый в 119/737 г. поход Марвана б. Мухаммада являлся одним из заключительных событий арабо-хазарских войн, то первые контакты народов Закавказья и Северного Кавказа с мусульманами относятся к началу войн. Анализ группы сведений о ранних походах арабов на Кавказ (22–32/642–652 гг.), доказывая недостоверность приведенных ат-Табари сообщений Сайфа о продвижении арабов к северу от Дербента к ал-Байда в 22/642 г., не исключает возможности похода арабов уже в 22/642 г. к Дербенту, что свидетельствует о том, что первое появление арабов на Северном Кавказе относится к 22/642 г. [Гараева, 2001, с.126-133; Гараева, 2001а, с.6-22].

Халифа б. Хаййат (ум.240/854 или 243-244/858 г.) — хадисовед и историк, является автором одного поколения с ал-Мадаини (ум.215/830 или 225/840, 228/842-843 г.) и Ибн Са'дом (ум.279/892 г.), предшественником ал-Балазури и ал-Йа'куби. Он происходит из потомственной семьи авторитетных хадисоведов Басры и сам как хадисовед пользовался признанием Мухаммада ал-Бухари и других составителей сборников хадисов. Его краткая «История» («Тарих») — самое раннее дошедшее до нас целиком историческое сочинение (охватывает период 1–232/622–846 гг.). Основная ценность сведений Халифы в том, что события у него датированы не только погодным изложением, но более точными датами (например, с точностью до дня месяца), которые помогают определить во времени более подробные, но не датированные сведения других историков. Источником информации о походах на Кавказ был его учитель Абу Халид Йусуф б. Са'ид ал-Басри (ум.190/805-806 г.). Лишь в нескольких случаях параллельно его сведениям он приводит данные Хишама б. ал-Калби (ум.204/819-820 г.), младшего современника Абу Халида. Информаторами Абу Халида были Абу ал-Хаттаб ал-Асади и Абу Бара ан-Нумайри, годы жизни которых неизвестны, но исходя из того, что они были предшественниками Абу Халида, можно предположить, что их записи осуществлялись примерно в середине II в.х. (последняя четверть VIII в.н.э.) [Халифа, ар.; Сипенкова, с.76-81; Халифа, пер., с.32-35, 45].

Абу ал-'Аббас Ахмад ал-Балазури (ум.279/892 г.) — автор «Книги завоевания стран» («Китаб футух ал-булдан»), задуманной также как и хроника ат-Табари как всеобщая история, в отличие от «Истории...» ат-Табари более кратка, материал организован по региональному принципу (описание завоеваний арабов от региона к региону в их хронологической последовательности), кроме того ал-Балазури мало датирует события, редко называет своих информаторов. В случаях, когда ал-Балазури указывает свои источники, он в отличие от Халифы б. Хаййата и ат-Табари (у которых иснад с цепочкой имен передатчиков обычно непосредственно предшествует сообщению) перечисляет имена авторов в начале подборки сведений, а сами сообщения приводит уже без ссылки на конкретного информатора. Так, в начале главы «Завоевания Арминии», в которой приводятся сведения и об арабо-хазарских войнах, в числе своих информаторов ал-Балазури называет и Абу Бара 'Анбасу б.

Бахра ал-Армани, который, видимо, идентичен Абу Бара ан-Нумайри, на которого ссылается Халифа б. Хаййа [Ал-Балазури, ар., с.193]. Помимо сведений информаторов, названных в начале главы (выходцев из таких Закавказских городов как Барза'а, Дабил, ал-Кали и Хлат) ал-Балазури анонимно (без ссылки на источник) использовал сообщения Абу Михнафа и ряд других материалов, идентичных части сведений ат-Табари и ал-Куфи. Сведения ал-Балазури о походах арабов на Кавказа при «праведных» халифах, сочетая часть материалов, известных по ат-Табари и ал-Куфи, не содержит сообщений Сайфа б. 'Умара. Его материалы об арабо-хазарских войнах при Омейядах близки к версии ал-Куфи, но намного лаконичнее его, хотя в ряде случаев ал-Балазури оказывается подробнее, чем ал-Куфи (например, тексты договоров, заключавшихся арабами с горскими княжествами Дагестана). Это свидетельствует о том, что ал-Балазури и ал-Куфи пользовались общим источником [Ал-Балазури, ар.].

Абу Джа'фар Мухаммад ат-Табари (224–225–310/839–922–923 гг.) — знаменитый богослов и историк, основным сочинением которого был «Тафсир» Корана, в дополнение к которому он составил многотомное историческое сочинение «История пророков и царей» («Тарих ар-русул ва-л-мулук») [Ат-Табари, ар.] Значение исторической хроники ат-Табари состоит в том, что она, как классическая компиляция, наиболее полно включает материалы из сочинений своих предшественников, труды которых в преобладающем большинстве случаев до нас не дошли. Следуя тафсирной и хадисной традиции, ат-Табари часто (но не всегда) называет имена ранних историков, сочинения которых цитирует. Сведения в его хронике сгруппированы в виде рассказов о походах или завоевании конкретных городов и стран, которые размещены в хронологической последовательности походов под каждым годом хиджры (доведена до 303/915 г.). После ат-Табари уже больше никто из историков не приводил более полных материалов о ранней истории халифата. Для событий арабо-хазарских войн сведения ат-Табари неравномерны: для времени «праведных» халифов он приводит пространные, но избыточные легендарными и романтическими повествованиями, материалы Сайфа б. 'Умара [Медников, 1897, с.53–66; Ат-Табари, пер. 1987, сс.5–13; Гараева, 1987, с.28–29] (параллельно с которыми он приводит несколько сообщений ал-Вакиди и Абу Михнафа), а для времени Омейядских халифов — краткие сведения, восходящие, главным образом, к Халифе б. Хаййату.

Ибн А'сам ал-Куфи (ум.314/927 г.) — современник ат-Табари (ум.310/922–923 г.). Ценность его «Книги завоеваний» («Китаб ал-футух») состоит в том, что он дает подробное связное (но не датированное) повествование об арабо-хазарских войнах, ранее известное по его персидскому переводу (переведено в 596/1199 г.), по «Тарих-и Табари» Бал'ами (ум.363/974 г.) и по более поздним сочинениям на персидском и тюркском языках («Дербент-наме», «История Ширвана и Дербента», Хафиз-и Абру и др.) [Дорн, 1844, с.1–25; 67–98; Minorsky, 1958; Саидов, Шихсаидов, с.5–64]. Среди современников и следующего поколения историков ал-Куфи не пользовался большим доверием из-за чрезмерного увлечения легендарными сведениями и поэтому его избегали цитировать или цитировали без упоминания его имени [Validi Togan, 1939; Kurat, 1949; Ал-Куфи, ар.; Ал-Куфи, пер., с.3–84]. О деятельности Марвана б. Мухаммада ал-Куфи повествует в «Рассказе о выступлении Масламы б. 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его война с ними», объединившим известия о первом и втором назначениях Марвана б. Мухаммада наместником на Кавказ, а также двух других, предшествовавших ему, наместников: Масламы б. 'Абд ал-Малика и Са'ида б. 'Амра ал-Хараша.

Абу 'Али Мухаммад Бал'ами (ум.363/974 г. или 382/992 г.) — бухарский ученый, занимавший должность вазира при нескольких саманидских эмирах, в 352/963 г. перевел на персидский язык сокращенную версию «Истории...» ат-Табари, в которую, однако, для походов арабов против хазар в правление Омейядов были включены сведения, отсутствующие

у ат-Табари. Исследование близких по содержанию текстов ал-Куфи и Бал‘ами показывает, что Бал‘ами не подробнее ал-Куфи и, видимо, пользовался текстом ал-Куфи. До сих пор нет критического текста «Тарих-и Табари» Бал‘ами, его отсутствие отчасти, видимо, связано с существованием огромного числа рукописных списков и литографий сочинения. Из семи списков «Тарих-и Табари» Бал‘ами, хранящихся в СПБФ ИВ РАН, самый ранний (датирован 972/1564-1565 г.), текст которого приводится, имеет поздние интерполяции о русах, отсутствующие в других списках [Бал‘ами, рук.].

‘Изз ад-дин ‘Али б. Мухаммад Ибн ал-Асир (555–631/1160–1233 г.) – автор многотомной исторической хроники «Совершенная книга по истории» («Ал-Китаб ал-камил фи-т-тарих»), в которой изложение событий доведено до 629/1231 г. [Ибн ал-Асир, ар.]. Для раннего периода (события до 303/915 г.) о походах в ар-Рум и на Западный Кавказ сведения Ибн ал-Асира близки материалам ал-Балазури, а о походах на Центральный и Восточный Кавказ он воспроизводит в основном сведения ат-Табари, но иногда дополняет или заменяет их материалами других авторов, часто нам неизвестных. Так, оказалось, что для арабо-хазарских войн он делал добавления не только из «Китаб футух ал-булдан» ал-Балазури, но и из «Китаб ал-футух» ал-Куфи, причем сведения последнего он редактирует, видимо, сомневаясь в их достоверности или в соответствии с современными ему представлениями. В процессе сопоставления текстов ранних историков и Ибн ал-Асира выяснилось, что последний, работая с материалами своих прешествников об арабо-хазарских войнах Омейядского времени, предпринял попытку соединить недатированные и датированные данные, и на этом пути произошел ряд хронологических смещений. Так, о походе Марвана б. Мухаммада в 119/737 г. Ибн ал-Асир приводит в сокращении весь рассказ ал-Куфи «Рассказ о выступлении Масламы б. ‘Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его война с ними» (в котором, как мы уже отмечали, повествуется о событиях ряда лет) и, опираясь на соответствующее датированное сообщение ат-Табари о первом наместничестве Марвана, помещает весь блок сведений под 114/732 г. В результате, события похода Марвана, предпринятого в 119/737 г., оказались датированными 114/732 годом. Кроме того, это сообщение Ибн ал-Асира – яркий пример редактирования текста ал-Куфи, который у Ибн ал-Асира, видимо, вызывал недоверие. А под 119/737 г. Ибн ал-Асир повторяет краткое известие ат-Табари, который в свою очередь воспроизвел материалы Халифы б. Хаййата [Гараева, 1990, с.18-19].

Переводы

І. Поход на Дербент (Баланджар и ал-Байда) в 22/642-43 г.

ХАЛИФА Б. ХАЙЙАТ. «ТАРИХ» («ИСТОРИЯ») ³¹⁶

25 г.х. [645-646 г.]

[с.132] В этом году ‘Усман б. ‘Аффан ³¹⁷ сместил Са‘да б. Малика ³¹⁸ с Куфы и назначил правителем ее ал-Валида б. ‘Укбу б. [Абу] Му‘айта. Ал-Валид отправил Салмана б. Ра-

³¹⁶ Особенность материалов Халифы б. Хаййата для периода «праведных» халифов в том, что он в числе крепостей, к которым арабы совершили походы, не упоминает Дербент и ал-Байда, а первые походы на Кавказ связывает с правлением халифа ‘Усмана б. ‘Аффана.

³¹⁷ ‘Усман б. ‘Аффан – третий «праведный» халиф, годы правления: 23–35/644–656.

³¹⁸ Са‘д б. Малик (Абу Ваккас) – один из первых сподвижников Пророка.

би'у³¹⁹, одного из рода Кутайбы б. Ма'на б. Малика, во главе двенадцати тысяч в Барза'а³²⁰. Он убивал и брал в плен.

Сказал Абу 'Убайда³²¹ со слов ас-Самари³²²: 'Умар³²³ отправил Салмана б. Раби'у в Барза'а, он завоевал ее.

29 г.х. [649-650 г.]

[с.138] В этом году 'Усман б. 'Аффан сместил с поста наместника ал-Куфы ал-Валида б. 'Укбу и назначил правителем Арминии³²⁴ Са'ида б. ал-'Аса³²⁵. Салман б. Раби'а ал-Бахили вступил в одну из ее областей. Са'ид встретил врага, а Салман прошел вперед к Баланджару³²⁶, и там его настигла смерть, да будет ему милость Аллаха.

А говорят³²⁷: 'Умар отправил Салмана к Баланджару.

Поход на ал-Байлакан, Барза'а, Джурзан, Хайдак и Баланджар

[с.139] Сказал Абу Халид³²⁸: Сказал Абу ал-Бара³²⁹: Салман совершил поход на ал-Байлакан³³⁰ и они заключили с ним мир и он стал его правителем. И он отправил командующего своей кавалерии в Джурзан³³¹, они заключили с ним мир. А Салман прошел к Хайдаку³³²,

³¹⁹ Салман б. Раби'а ал-Бахили — командующий арабским войском, собранным в Куфе, один из полководцев, участвовавших в походах на Кавказ в правление «праведных» халифов.

³²⁰ Барза'а (Партав) — столица Кавказской Албании — Аррана, город Барда в современном Азербайджане.

³²¹ Абу 'Убайда Ма'мар б. ал-Мусанна (ум.209/824-25 г.) — автор сочинений по различным областям знаний (генеалогии, истории и др.), в том числе сочинения о завоевании Арминии.

³²² 'Али б. Мухаммад ас-Самари (ас-Самри) — один из источников Абу 'Убайда.

³²³ 'Умар б. ал-Хаттаб — второй «праведный» халиф, годы правления: 13-23/634-644.

³²⁴ Согласно административно-территориальному делению в халифате историческая провинция Арминия делилась на четыре области. Одна из ее областей, так называемая «четвертая Арминия» (ал-Арминия ар-раби'а), включала в свой состав Закавказье, остальные области охватывали территории в Малой Азии, которые вошли в состав северо-восточной части современной Турции. Арабские авторы часто называли Арминией все Закавказье, а иногда выделяли в составе Закавказья Арминию, Азарбайджана, Арран и Джурзан.

³²⁵ Са'ид б. ал-'Ас б. Умайя - наместник халифа 'Усмана (назначен в 25/645-46 г.) в Куфе, население которой потребовало его смещения. Принимал участие в походах на Джурджан (29/649-50 г.) и Табаристан (30/650-51 г.) [Халифа, ар., с.157].

³²⁶ Баланджар отождествляют с Верхнечириуртовским городищем (около пересечения железной дорогой реки Сулак) [Магомедов, 1983, с.46-51].

³²⁷ Это замечание Ибн Хаййата, также как и приведенное им под 25 г.х. сообщение Абу 'Убайды, видимо, свидетельствуют о том, что ему были известны материалы и других историков о походах на Кавказ, связывавших их с правлением халифа 'Умара б. ал-Хаттаба.

³²⁸ Абу Халид Йусуф б. Са'ид б. 'Умайр ас-Самти ал-Басри (ум. 190/805-806 г.) — один из основных информаторов Халифы б. Хаййата о походах арабов на Кавказ.

³²⁹ Абу ал-Бара ан-Нумайри — один из двух основных информаторов Абу Халида о походах на Кавказ. Видимо, он тождественен Абу ал-Бара 'Анбаса б. Бахр ал-Армани, которого цитирует ал-Балазури [Ал-Балазури, ар., с.193]. В издании Халифы Абу ал-Бара иногда назван как Абу Бара, в переводе мы следуем за изданием.

³³⁰ Байлакан — город в Арране, ныне городище Оренкала в междуречье Куры и Аракса на территории селения Кабирли в Азербайджане.

³³¹ Джурзан — арабское название грузин (собирательное) и Грузии, в более узком значении Иверии.

³³² В тексте *Джайран* (*Джиран*, *Хизан*). Хизан находился по соседству с Ширваном и Маскатом. Кайтак или Кайтаг — область севернее Дербента, населенная кайтаками, говорящими на языке даргинской группы.

и они заключили с ним мир, потом он достиг Маската³³³, его жители заключили с ним мир. А убит он был у Баланджара.

‘Усман написал Хабибу б. Масламе ал-Фихри³³⁴, чтобы он выступил из Сирии с войском. Хабиб прошел со стороны прохода ал-Хадас³³⁵. Жители Джурзана заключили с ним мир, заплатили выкуп зерном. И он написал им грамоту.

30 г.х. [650-651 г.]

Завоевание Табаристана

[с.142] ...И в этом году был убит Ми‘дад аш-Шайбани³³⁶. А говорят [также]: Был убит также Салман б. Раби‘а.

Сказал Абу Халид: Сказал Абу ал-Хаттаб ал-Асади³³⁷: Салман был убит в тридцать первом году³³⁸.

АТ-ТАБАРИ. «ТАРИХ АР-РУСУЛ ВА-Л-МУЛУК» («ИСТОРИЯ ПРОРОКОВ И ЦАРЕЙ»)

22 г.х. [642-643 г.]

Завоевание ал-Баба

[Ser.I, с.2663] В этом году было завоевание ал-Баба³³⁹, по словам Сайфа³⁴⁰ и его информаторов³⁴¹.

Он сказал: Они говорят, то есть те, имена которых я упомянул раньше: ‘Умар вернул Абу Мусу в Барсу, а Сураку б. ‘Амра, прозванного Зу-н-нуром³⁴², вернул в ал-Баб. В авангард он назначил ‘Абд ар-Рахмана б. Раби‘у³⁴³, его также называют Зу-н-нуром, во главе одного

³³³ Маскат – область, расположенная южнее р. Самур, близ побережья Каспийского моря.

³³⁴ Хабиб б. Маслама ал-Фихри ал-Кураши (ум.43/663-664 г.) – полководец Омейядов, вел военные действия в Сирии и на Кавказе.

³³⁵ Ал-Хадас (греч. Адата) – укрепленный город по дороге из ар-Ракки в пограничье ал-Джазиры [Ибн Хордадбех, пер., с.93].

³³⁶ Ми‘дад аш-Шайбани – один из участников осады Баланджара. О его гибели и гибели его товарищей у стен Баланджара сообщает ат-Табари. Упоминание Халифы б. Хайята очень важно, поскольку позволяет отобрать из соответствующих материалов ат-Табари достоверную часть.

³³⁷ Абу ал-Хаттаб ал-Асади – еще один информатор Абу Халида. Его материалы, в отличие от сведений Абу ал-Бара, касаются не только походов на Кавказ, но и походов в другие регионы.

³³⁸ 31/651-652 г.

³³⁹ Ал-Баб – сокращенное от Баб ал-Абваб – арабское название Дербента, которое по-персидски значит *горный проход, ущелье*, а также может иметь значения *крепость, заповор*.

³⁴⁰ Сайф б. ‘Умар (ум.180/796 г.) – иракский историк, на которого ат-Табари много ссылается при описании событий до 30-х гг.х. Для него характерно увлечение легендарными материалами, что принесло ему репутацию недостоверного автора, и поэтому следующее поколение историков избегало его цитировать или цитировало без ссылки.

³⁴¹ Так ат-Табари обычно пишет, когда имеет в виду сведения, восходящие к основным информаторам Сайфа б. ‘Умара. В полном виде цепочка передатчиков выглядит следующим образом: «Написал мне ас-Сарий со слов Шу‘айба, а он со слов Сайфа, [который говорил] со слов Мухаммада, Талхи, ал-Мухаллаба, ‘Амра и Са‘ида, а они рассказывали:...» [Ат-Табари, ар., Ser.I, с.2672], иногда в последнем звене ат-Табари называл только Мухаммада и Талху [Ат-Табари, ар., Ser.I, с.2889].

³⁴² «Сияющий».

³⁴³ Согласно ат-Табари, ‘Абд ар-Рахман б. Раби‘а ал-Бахили – арабский полководец, первым предпринявший поход от Дербента к Баланджару и ал-Байда. Вместе с ним в походе был его родной брат Салмана б. Раби‘а ал-Бахили, активно участвовавший в походах на Кавказ, который после гибели ‘Абд ар-Рахмана у Баланджара, стал его преемником на посту наместника. Однако, кроме ат-Табари,

фланга назначил Хузайфу б. Асида ал-Гифари, командующим другого назвал Букайра б. 'Абдаллаха ал-Лайси, а тот находился перед ал-Бабом еще до прибытия Сураки б. 'Амра, которому ['Умар] написал, чтобы он догнал [Букайра]. Ведать разделом добычи назначил Салмана б. Раби'у.

Сурака послал вперед 'Абд ар-Рахмана б. Раби'у и шел вслед за ним, пока не вышел из Азарбайджана³⁴⁴ в сторону ал-Баба. Он подошел к Букайру у самого ал-Баба, соединился с Букайром и вошел в область ал-Баб во главе того войска, которое собрал ему ['Умар]. 'Умар подкрепил его Хабибом б. Масламой, которого прислал ему из ал-Джазиры³⁴⁵, а на его место назначил в ал-Джазиру Зийада б. Ханзалу.

Когда 'Абд ар-Рахман б. Раби'а появился перед царем ал-Баба, а в то время там царем [был] Шахрибараз³⁴⁶, человек из персов, и он правил этой пограничной областью. Он происходил от Шахрибараз, человека, который навредил израильтянам и очистил Сирию от них. Написал Шахрибараз ['Абд ар-Рахману] и просил гарантировать безопасность, [с.2664] чтобы [мог] прибыть к нему. Он дал [гарантию]. И тот прибыл к нему и сказал: «Я нахожусь вблизи свирепого врага и различных народов, которые не имеют благородного происхождения. Не подобает благородному и умному [человеку] помогать подобным этим врагам или же обращаться за помощью к ним против благородных и знатных. Знатный близок знатному, где бы он не был. Я не имею ничего общего ни с ал-Кабхом³⁴⁷, ни с ал-Арманом. Вы одержали победу над моей страной и моим народом. Теперь я принадлежу вам, рука моя с вашими руками, я повинуюсь тому, чему и вы, да благословит Аллах нас и вас. Наша джизья³⁴⁸ вам — это помощь вам и осуществление [всего] того, что вы желаете. Не унижайте нас джизьей: вы ослабите нас против вашего врага».

[Тогда] 'Абд ар-Рахман сказал: «Надо мной есть человек, он даст тебе покровительство, иди к нему». 'Абд ар-Рахман позволил ему [проехать] и [Шахрибараз] отправился к Сураке, который встретил его так же [как 'Абд ар-Рахман]. Сурака сказал: «Я согласен на это для тех, кто с тобой, пока будете стоять на том. Обязательно взимание с тех, кто выполняет [договор] и не восстает». [Шахрибараз] принял это. Стало обычаем для тех, кто сражался с врагами из неверных, а те, кто не платит джизью, должны уехать, но с них снимается джизья того года.

[с.2665] Сурака написал об этом 'Умару б. ал-Хаттабу. Он утвердил его [решение] и одобрил его.

Нет в этих странах, расположенных на территории этих гор, такой возвышенности, на которой не жили бы армяне с постоянной готовностью уйти. Ведь они — жители и обитающие вокруг пришлые, набеги на их возвышенности вырвали их с корнем из числа постоянных жителей, и укрылись жители этих гор от них в свои горы, они ушли с мест своего постоянного жительства. Находились там только войска и те, кто помогал им или приходил к ним вести торговлю. И написал он от [имени] Сураки б. 'Амра грамоту: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это та [гарантия], которую дал Сурака б. 'Амр, наместник эмира верующих 'Умара б. ал-Хаттаба, Шахрибаразу, жителям Арминии и ал-Арман. Он дал гарантию безопасности им самим, их имуществам и религиозной общине, что не будет им причиняться вред и не уменьшат [имущество]. Что касается жителей Арминии и ал-Абваба [проходов?], пришлых и землевладельцев, и тех, кто вокруг них, он договорился с ними, что они

ни один другой историк не упоминает 'Абд ар-Рахмана ни в связи с походами на Кавказ, ни в связи с другими событиями (даже Ибн Са'д в «Табакат» сообщает о нем лишь со ссылкой на ат-Табари), причем обстоятельства гибели 'Абд ар-Рахмана остальные историки связывают с Салманом.

³⁴⁴ Азарбайджан — историческая провинция, территория которой намного превышала территорию современного Азербайджана. Так называемый южный Азербайджан входит в состав современного Ирана (северные провинции).

³⁴⁵ Ал-Джазира (арабск.: полуостров) - междуречье Тигра и Евфрата; Северная Месопотамия.

³⁴⁶ У Бал'ами Шахрийар [Бал'ами, рук., л.335а]

³⁴⁷ В тексте *ал-Кабдж*. Ал-Кабх — арабское название Кавказских гор.

³⁴⁸ Джизья — подушная подать с иноверцев в мусульманских государствах, рассматривалась правоведами как выкуп за сохранение жизни при завоевании.

будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правительство сочтет благом. При условии, что будет снята джизья с тех, кто согласен на это, кроме привлекаемых [к вспомогательной службе] (хашар), а хашар заменяет джизью. Если в ком-либо из них не будет нужды и он останется [на месте], то они, как и жители Азербайджана, должны платить джизью, быть проводниками и брать на постой на целый день. А если они будут взяты, то это снимается с них. А если [с.2666] они оставят обязательства, то будут наказаны за это. Свидетелями были 'Абд ар-Рахман б. Раби'а, Салман б. Раби'а, Букайр б. 'Абдаллах. Написал и был свидетелем Мардий б. Мукаррин».

После этого Сурака направил Букайра б. 'Абдаллаха, Хабиба б. Масламу, Хузайфу б. Асида и Салмана б. Раби'у на жителей тех окружавших Арминию гор. Букайра он отправил в Муган³⁴⁹, Хабиба отправил в Тифлис, Хузайфу б. Асида к тем, кто в горах ал-Лан³⁵⁰, а Салмана б. Раби'у — в другую сторону.

Написал Сурака 'Умару б. ал-Хаттабу о завоевании и о том, куда отправил он этих людей. И узнал 'Умар о том, осуществление чего он не ожидал, тем более, что [Сурака] выступил в спешке без продовольствия, а была эта пограничная область важной, и в ней — большое войско...

А когда они соединились и насладились справедливостью ислама, умер Сурака, оставив вместо себя 'Абд ар-Рахмана б. Раби'у.

А те полководцы, которых разослал Сурака, уже отправились, но никто из них не завоевал ничего из того, куда их отправили, кроме Букайра, который рассеял муганцев, но они вернулись на условии выплаты джизьи. Он написал им [грамоту]: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это та гарантия, которую дал Букайр б. 'Абдаллах жителям Мугана из гор ал-Кабх³⁵¹, их имуществу, им самим, их [религиозной] общине и законам (шарай) на условии выплаты джизьи: динар с каждого совершеннолетнего или его равную стоимость, быть искренними, указывать дорогу мусульманину, давать постой на день и ночь. Им за это безопасность, пока они выполняют и дружественны, а на нас сохранение [гарантий безопасности] [с.2667] и Аллах подкрепляет [это]. Но если они нарушат [свои обязательства] и обнаружится с их стороны обман, то нет им амана, пока не выдадут всех бунтовщиков, в противном случае они будут считаться их единомышленниками. Свидетелями были аш-Шаммах б. Дирар, ар-Русарис б. Джунадиб и Хамала б. Джуваййа. Составлено в 21 году³⁵²».

Они говорят: Когда до 'Умара дошло [известие] о смерти Сураки и о том, что он назначил своим преемником 'Абд ар-Рахмана б. Раби'у, он утвердил 'Абд ар-Рахмана наместником пограничной области ал-Баб и приказал ему выступить в поход против тюрок³⁵³. 'Абд ар-Рахман вышел с людьми и пересек ал-Баб. Сказал ему Шахрибараз: «Что ты хочешь делать?». Он ответил: «Хочу [идти на] Баланджар». [Шахрибараз] сказал: «Мы были рады, когда они оставляли нас [в покое] по эту сторону ал-Баба». ['Абд ар-Рахман] сказал: «А мы не удовлетворимся от них этим и войдем к ним в их страну. Клянусь Аллахом! Ведь с нами такие люди, что если бы наш эмир приказал нам постараться, то я с их помощью достиг бы ар-Радма³⁵⁴». Он сказал: «Кто же они такие?». ['Абд ар-Рахман] сказал: «Эти люди были сподвижниками Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. Они с охотой взялись за это дело. Сподвижники были скромными и благородными людьми в джахилии³⁵⁵, [теперь] еще более возросли их скромность и благородство. Эти свойства постоянно присущи им,

³⁴⁹ В тексте *Мукан*.

³⁵⁰ Горы ал-Лан или горы Аррана, горная гряда около Дарьяльского ущелья.

³⁵¹ В тексте *ал-Кабдж*.

³⁵² 21/641-642 г.

³⁵³ Ат-Табари в сведениях о походах на Кавказ в правление «праведных» халифов называет тюрок, но не упоминает хазар.

³⁵⁴ Стена, которую воздвиг, как свидетельствует фольклорная традиция, Александр Македонский против вторжения варваров Йа'джуджа и Ма'джуджа.

³⁵⁵ Эпоха язычества, время до ислама.

и потому победа всегда будет на их стороне, пока не изменит их тот, кто одержит над ними верх, и они не будут отвращены от этого своего состояния тем, кто их изменит».

[‘Абд ар-Рахман] совершил поход на Баланджар в правление ‘Умара, во время которого не овдовела ни одна женщина, и не осиротел ни один ребенок, и достигла в этом походе его конница [с.2668] ал-Байда³⁵⁶, которая в двухстах фарсах³⁵⁷ от Баланджара, потом он совершил еще набег, потом заключил мир. Совершал он походы во время ‘Усмана, а был убит ‘Абд ар-Рахман в правление ‘Усмана, когда население Куфы изменилось из-за того, что ‘Усман назначил им эмиром для наведения у них порядка отступившегося от веры, но это не навело у них порядка и увеличилась у них порча из-за того, что возглавил их тот, кто стремится к мирским благам, и они докучали ‘Усману так, что он даже произнес стихи:

Я с ‘Амром был подобным [человеку], который
откармливал свою собаку,
А она исцарапала его клыками и когтями.

Написал мне ас-Сарий со слов Сайфа со слов ал-Гусна б. ал-Касима со слов некоего человека, а он со слов Салмана б. Раби’и, который сказал: Когда пришел против них ‘Абд ар-Рахман б. Раби’а Аллах помешал тюркам выступить против него. Они говорили: «Этот человек осмелился [выступить] против нас только потому, что с ними ангелы, которые спасают их от смерти». И они укрывались от него в крепостях и бежали, а он вернулся с добычей и победой. И это в правление ‘Умара. Потом он совершал походы на них в правление ‘Усмана, одерживая победы так, как одерживал раньше, пока население Куфы не начало волнения из-за назначения ‘Усманом того, кто отступился от веры. После этого он еще совершил поход против них. Тюрки жаловались друг другу и говорили: «Истинно, они не умирают». А один сказал: «Посмотрим». И они сделали [так]: спрятались в зарослях, поджидая их, один из [тюрок] неожиданно выстрелил в мусульманина и убил его, а товарищи [мусульманина], бросив его, бежали. После этого они выступили против [‘Абд ар-Рахмана]. Произошло сражение и было оно жестоким для мусульман. Воззвал голос с неба: « [с.2669] ‘Абд ар-Рахман, прибежище вам — рай!». ‘Абд ар-Рахман сражался, пока не был убит, и отступили люди, а Салман б. Раби’а взял знамя и сражался с ним. Воззвал голос с неба: «Стойкость, род Салмана б. Раби’а!». Сказал Салман: «Разве не видите вознаграждение?!». Потом он ушел с людьми. Салман³⁵⁸ и Абу Хурайра ад-Давси пошли на Гилян³⁵⁹ и через него вышли в Джурджан³⁶⁰. А тюрки после этого осмелели, но это не помешало им забрать тело ‘Абд ар-Рахмана. До сих пор они спрашивают дождя с его помощью.

И рассказывал ‘Амр б. Ма’ди Кариб со слов Матара б. Салджа ат-Тамими, который сказал: Вошел я к ‘Абд ар-Рахману б. Раби’а в ал-Бабе, а у него Шахрибараз. Прибыл к [‘Абд ар-Рахману] изможденный человек, вошел к нему и сел рядом с Шахрибаразом...³⁶¹

³⁵⁶ Ал-Байда — один из городов хазар, который принято локализовать в Нижнем Поволжье. Поскольку ал-Байда не связывается ни с одним известным археологам городищем в Нижнем Поволжье, возможно, ал-Байда была кочевой ставкой кагана, которая не имела постоянного месторасположения, а постоянно перемещалась по определенному кочевому маршруту. Значение названия в переводе с арабского «Белый», что может соответствовать определению шатра или штандарта кагана: «Белый шатер» или «Белый штандарт» [Обзор мнений о локализации ал-Байда см. Новосельцев, 1990, с.125-128].

³⁵⁷ Фарсах — расстояние, покрываемое за день пешего или конного перехода.

³⁵⁸ Имеется в виду Салман ал-Фариси [Ат-Табари, ар., Ser.I, с.2890].

³⁵⁹ Гилян (Гилян) — область на южном берегу Каспийского моря.

³⁶⁰ Джурджан (Гурган) — область на реке Артек и название ее столицы.

³⁶¹ В перевод не включено приведенное ат-Табари легендарное сообщение, восходящее к Матару б. Салджу ат-Тамими, о железной стене между двух гор. Сокращенное переложение этого сообщения в данной подборке соответствует в материалах Бал’ами рассказу о стене Йа’джуджа и Ма’джуджа [Ат-Табари, ар., Ser.I, с.2669-2671].

[с.2804] И в этом году, то есть 24 году³⁶², ал-Валид б. ‘Укба совершил поход на Азарбайджан и Арминию из-за отказа их от того, на чем они заключили мир с людьми ислама в правление ‘Умара; [так было] по рассказу Абу Михнафа³⁶³, а по рассказу других, [это было] в 26 году³⁶⁴.

Изложение сообщения об этом и о том, что было из дела мусульман и об их деле в этом походе

[с.2805] Упоминает Хишам б. Мухаммад³⁶⁵, что Абу Михнаф рассказал ему со слов Фарвы б. Лакита ал-Азди, он же ал-Гамиди, что объектом походов куфийцев были Рей³⁶⁶ и Азарбайджан. И были в этих двух пограничных областях десять тысяч воинов из куфийцев: шесть тысяч в Азарбайджане, четыре тысячи в Рее. [А всего] в то время в Куфе было сорок тысяч воинов. Из них на эти две пограничные области каждый год совершали поход десять тысяч воинов, и на каждого человека каждые четыре года приходился один поход.

Ал-Валид б. ‘Укба в период своего наместничества в Куфе в правление халифа ‘Усмана совершил поход в Азарбайджан и Арминию. Он вызвал Салмана б. Раби‘у ал-Бахили и отправил его вперед себя в качестве своего авангарда. И выступил ал-Валид с основными силами, намереваясь углубиться в земли Арминии. Он шел с войском и вошел в Азарбайджан. Он отправил ‘Абдаллаха б. Шубайла б. ‘Ауфа ал-Ахмаси во главе четырех тысяч, а тот совершил нападение на жителей Мугана, ал-Бабара и ат-Тайласана и получил добычу, захватил их имущество; жители прятались от него.

Потом он явился к ал-Валиду б. ‘Укбе. [с.2806] Потом ал-Валид заключил мир с жителями Азарбайджана на условии выплаты 800 тысяч дирхемов, а это те же самые условия, на которых заключил мир Хузайфа б. ал-Йаман в 22 году, через год после Нехавенда³⁶⁷. Затем, когда умер ‘Умар, они прекратили выплату. А когда [халифом] стал ‘Усман и назначил ал-Валида б. ‘Укбу наместником Куфы, тот отправился в поход и вступил на их землю с войском. Когда они увидели это, то подчинились ему и просили его заключить мир на тех же условиях. Он согласился и получил от них договоренную сумму денег. Затем он разослал в набег на тех, кто вокруг них из врагов мусульман.

Когда ‘Абдаллах б. Шубайл ал-Ахмаси вернулся к нему из того похода, ал-Валид уже заключил мир и захватил добычу.

В 24 году [ал-Валид] отправил Салмана б. Раби‘у ал-Бахили во главе 12 тысяч в Арминию. Он пошел на земли Арминии, убивал, брал в плен, брал добычу, а потом он ушел с полными богатства руками. Он пришел к ал-Валиду, а ал-Валид уже ушел с победой, наполнив свое намерение.

Нападение румов на мусульман и помощь мусульман тем, кто из населения Куфы

В этом году, по рассказу Абу Михнафа, выступили в поход румы, и [тогда] те, кто из населения Сирии, попросили у ‘Усмана подкрепления из войск мусульман.

³⁶² 24/644–645 г.

³⁶³ Абу Михнаф Лут б. Йахйа (ум.157/773 г.) — ранний историк шиитского направления времени последних Омейядов. В основном писал сочинения, посвященные истории Ирака. Он опирается на надежные данные, восходящие к современникам описываемых событий. Один из важных информаторов ат-Табари.

³⁶⁴ 26/646–647 г.

³⁶⁵ Хишам б. Мухаммад Ибн ал-Калби (ум. не позднее 822 г.) — известный знаток генеалогий и преданий, автор «Тарих» («Истории»).

³⁶⁶ Рей — центр провинции Джibal; развалины на южной окраине Тегерана.

³⁶⁷ Битва при Нехавенде (состоялась в 21/642 г.) — одно из важнейших сражений ранних арабских завоеваний, когда была окончательно разгромлена армия Сасанидского Ирана, и арабы смогли развернуть продвижение на Кавказ и Среднюю Азию.

Изложение сообщения об этом

Сказал Хишам: «Рассказал мне Абу Михнаф, который сказал: «Рассказал мне Фарва б. Лацит ал-Азди, который сказал: «Когда ал-Валид, выполнив свое намерение в Армии в походе, [с.2807] о котором я упомянул под 24 годом своей «Истории», вошел в Мосул и остановился в ал-Хадисе, ему пришло письмо от ‘Усмана, да будет доволен им Аллах: «А затем. Написал мне Му‘авийа б. Абу Суфийан³⁶⁸, сообщал мне, что румы большой армией напали на мусульман. Я считаю необходимым, чтобы их братья из населения Куфы оказали им помощь. Как только мое письмо прибывает к тебе, отправь к ним человека из тех, кто храбр, смел, отважен и верен исламу, во главе восьми тысяч, или девяти тысяч, или десяти тысяч из того места, в котором найдет тебя мой посланник, и мир [тебе]!»».

Ал-Валид встал перед народом, он прославил и благодарил Аллаха. Потом он сказал: «А затем. О, люди! Воистину Аллах наделил людей для этого дела выдающейся храбростью. Он возвратил им их страны, которые отошли от веры, завоевал страны, которые не были завоеваны, и возвратил их назад невредимыми, с добычей и получившими вознаграждение. Слава Аллаху, господу миров! И уже написал мне эмир верующих, приказал отправить из вашего числа от десяти до восьми тысяч на помощь вашим братьям из жителей Сирии, на которых напали румы. В этом [походе] большое вознаграждение и очевидное достоинство! Отправляйтесь в поход, да помилует вас Аллах, с Салманом б. Раби‘а ал-Бахили!».

Говорят: «И люди отправились. Не прошло и трех дней, как выступили в поход восемь тысяч воинов из жителей Куфы. [с.2808] Они шли и вошли вместе с сирийцами (жителями Сирии) в землю ар-Рум. Во главе войска жителей Сирии — Хабиб б. Маслама б. Халид ал-Фихри, во главе войска жителей Куфы — Салман б. Раби‘а. Они совершали набеги на землю ар-Рум, воины получили то, что хотели из пленных, наполнили свои руки богатством и завоевали там много крепостей».

Ал-Вакиди³⁶⁹ утверждает, что тем, кто направил на помощь Хабибу б. Масламе Салмана б. Раби‘у, был Са‘ид б. ал-‘Ас.

Говорят: Причиной этого было то, что ‘Усман написал Му‘авийе, приказывая ему отправить в поход в Арминию Хабиба б. Масламу во главе сирийцев. И тот послал его туда. Стало известно Хабибу, что ал-Маврийан ар-Руми³⁷⁰ направился навстречу ему во главе восьми-десяти тысяч из румов и тюрок. Хабиб написал об этом Му‘авийе, а Му‘авийа написал об этом ‘Усману, а ‘Усман написал Са‘иду б. ал-‘Асу, приказывая ему помочь Хабибу Масламе. Са‘ид отправил ему на помощь Салмана б. Раби‘у во главе шести тысяч. А Хабиб был коварным человеком. Они решили напасть на ал-Маврийана ночью. Его жена Умм ‘Абдаллах бт. Йазид ал-Калбийя услышала, как он говорит об этом и сказала ему: «Где условленное тобой место встречи?». Он ответил: «Шатер ал-Маврийана или рай!». Потом он напал на них ночью; он убивал тех, кто выходил ему навстречу, и вошел в шатер и нашел там свою жену, которая опередила его. Она была первой арабской женщиной, которой был поставлен шатер. Хабиб умер раньше ее. [с.2809] Потом женился на ней ад-Даххак б. Кайс ал-Фихри. И она — мать его сына.

32 г.х. [652 г.]

По словам Сайфа, в этом году [Са‘ид] б. ал-‘Ас назначил [наместником] пограничной области Баланджар Салмана б. Раби‘а. В подкрепление к его войску, которым командовал

³⁶⁸ Му‘авия б. Абу Суфийан — наместник Сирии, впоследствии первый Омейядский халиф (годы правления: 41–60/661–680).

³⁶⁹ Ал-Вакиди (130-207/747-823 г.г.) — автор «Книги походов» («Китаб ал-магази»), которая является самой основной и наиболее надежной для последующих историков. Один из информаторов ат-Табари.

³⁷⁰ У ал-Куфи: «... человек из румов по имени ал-Марзбан во главе тридцати с лишним тысяч...» [ал-Куфи, ар., т. II, с. 108].

Хузайфа, [Са'ид б. ал-'Ас] прислал сирийцев во главе с Хабибом б. Масламой ал-Фихри. В этом году возникли разногласия между Салманом и Хабибом из-за главенства; из-за этого рассорились сирийцы и куфийцы.

Изложение сообщения об этом

Из того, что написал об этом мне ас-Сари со слов Шу'айба, [а он] со слов Мухаммада и Талхи, которые сказали: «Усман написал Са'иду: «Направь в поход на ал-Баб Салмана». И написал 'Абд ар-Рахману б. Раби'а, который был [наместником] ал-Баба, что многих подданных из [местного населения] одолела гордыня и от них дерзость, так укороти с мусульманами [против них] [походы] и не подвергай опасности мусульман, потому что я боюсь, что их постигнет беда.

Но это не удержало 'Абд ар-Рахмана от его намерения и он не отступился от Баланджара. Он предпринял поход на девятый год правления³⁷¹ 'Усмана и достиг Баланджара.

Они взяли его в осаду и установили против него катапульты и баллисты. [с.2890] И если кто-нибудь приближался [к Баланджару], его либо ранили, либо убивали. Они поспешно действовали [поступая так] с людьми. [Так оказалось, что] в те дни был убит Ми'дад. А однажды тюрки договорились между собой. [В этот день] население Баланджара вышло [из крепости], к ним подошли тюрки. Произошло сражение. Был убит 'Абд ар-Рахман б. Раби'а. Его стали называть Зу-н-нур. Мусульмане обратились в бегство, рассеиваясь в разные стороны. Что касается тех, кто выбрал путь Салмана б. Раби'а, он защищал их до тех пор, пока они не вышли через ал-Баб. Что касается тех, кто пошел путем хазар и через их страну, то они прошли через Гилян и Джурджан, и с ними Салман ал-Фариси и Абу Хурайра.

А люди взяли тело 'Абд ар-Рахмана, положили его в большую корзину. Он остался в руках [мусульман]. И до сегодняшнего дня они спрашивают его именем о ниспослании дождя и победы в сражении.

Написал мне ас-Сари со слов Шу'айба со слов Сайфа со слов Дауда б. Йазида со слов аш-Ша'би, который сказал: Клянусь Аллахом! Салман б. Раби'а лучше знал места, куда надо наносить удары, чем мясник знает сочленения суставов у скота!

Написал мне ас-Сари со слов Шу'айба со слов Сайфа со слов ал-Гусна б. ал-Касима со слов некоего человека из бану Кинан, который сказал: Когда последовали один за другим военные набеги на хазар, они начали проявлять недовольство и упрекать друг друга. Они говорили: «Мы были народом, равного которому никого не было, пока не пришел этот малочисленный народ. И мы не смогли сопротивляться им». Сказали одни другим: «Истинно ли, что [люди] не умирают? Если бы они умирали, то не побеждали бы нас». Во время этих набегов, до последнего похода 'Абд ар-Рахмана, не был убит ни один человек. [с.2891] Говорят: Почему бы нам не попробовать убить кого-нибудь из них? Они устроили засаду в чаще леса. Проходили мимо их засады какие-то люди из войска мусульман. Они выстрелили [из луков] в них из засады и убили, а они обещали [принести] их головы. Потом они договорились друг с другом о войне с ними, потом договорились о дне. Произошло сражение. Был убит 'Абд ар-Рахман. И они [тюрки] быстро поубивали многих. [Мусульмане] разделились на две группы. Группа пошла к ал-Бабу. Покровительствовал им Салман, пока не вывел их. А группа, которая приняла [путь в сторону] хазар, отправилась в Гилян и Джурджан. Во главе них Салман ал-Фариси и Абу Хурайра.

Написал мне ас-Сари со слов Шу'айба, а он со слов Сайфа, а тот со слов ал-Мустанира б. Йазида, а он со слов своего брата Кайса, а он со слов своего отца, который сказал: «Йазид [б.?] Му'авийа, 'Алкама б. Кайс, Ми'дад аш-Шайбани и Абу Муфаззир ат-Тамими находились в [одной] палатке; 'Амр б. 'Утба, Халид б. Раби'а, ал-Халхал б. Зурри и ал-Карса' — в другой палатке. Эти палатки находились по соседству в лагере Баланджара. Говорил ал-

³⁷¹ Соответствует 31/651-52 г.

Карса': «Как прекрасна яркость крови на белой кабе³⁷² этой одежды!». Говорил 'Амр б. 'Утба о своей одежде: «Как красива краснота крови на твоей белизне!». Куфийцы совершали походы на Баланджар в течение нескольких лет в правление 'Усмана, во время которых не овдовела ни одна женщина, и не осиротел ни один ребенок. [Так было] до тех пор, пока не наступил девятый год [правления 'Усмана].

Когда пошел девятый год, то за два дня до выступления Йазид б. Му'авийа увидел во сне, что к нему в палатку принесли самца газели, прекрасней которого он не видел, и он завернут в его плащ. Потом унесли его в могилу, около которой четыре человека, и Йазид не видел могилы более ровной и более красивой, чем эта, и был он похоронен в ней. Когда наутро люди напали на тюрок, метнули в Йазидка камень и разожжили ему голову. И как будто он украсил свою одежду украшением из крови, а не запачкался. Он и был тем самцом газели, который ему приснился. Эта кровь на этой одежде выглядела красиво. Когда до утреннего нападения, Ми'дад сказал 'Алкаме: «Одолжи мне свой плащ, я повяжу им голову», и сделал это. Подошел он к башне, в которой убило Йазидка. Он стрелял в них и убил из них какое-то число. Метали [тюрки] камни из камнеметной машины. [Камень] попал ему в голову. Его товарищи унесли его и похоронили рядом с Йазидом. И был ранен 'Амр б. 'Утба, и он увидел свой плащ таким, как хотел, и скончался. Когда наступил день сражения, ал-Карса' сражался, пока не был исколот во многих местах копьем. И как будто стала его одежда в центре белая, а по краям — красная. И не переставали люди мужественно сражаться до тех пор, пока не убили этих четверых, [мусульмане] обратились в бегство после их гибели.

Написал мне ас-Сари со слов Шу'айба, а он со слов Сайфа, а тот со слов Дауда б. Йазидка, который сказал: «Йазид б. Му'авийа ан-Наджа'и, да помилует его Аллах, 'Амр б. 'Утба и Ми'дад погибли в день сражения под Баланджаром. [с.2893] Что касается Ми'дада, то он обвязал голову плащом 'Алкамы и попал в него осколок камня...³⁷³

Написал мне ас-Сари со слов Шу'айба, а он со слов Сайфа, а тот со слов Мухаммада и Талхи, которые сказали: «Са'ид назначил наместником в эту [пограничную] область Салмана б. Раби'у, а Хузайфе б. ал-Йаману поручил выступить в поход куфийцами. До этого [наместником этой пограничной] области был 'Абд ар-Рахман б. Раби'а. 'Усман в десятый год³⁷⁴ [своего правления] прислал им в помощь сирийцев во главе с Хабибом б. Масламой ал-Кураши. Стал ему приказывать Салман, а Хабиб отказывался [подчиниться] этому. И вот сирийцы сказали: «Мы хотим убить Салмана». На это куфийцы ответили: «Тогда, клянемся Аллахом, мы убьем Хабиба и посадим его в тюрьму. И если вы будете противиться, то будет много убитых и у вас, и у нас». И сказал Аус б. Магра об этом:

Если вы убьете Салмана, то мы убьем вашего Хабиба.

Если вы уедете к Ибн 'Аффану³⁷⁵, то мы тоже уедем.

[с.2894] Если вы поступите справедливо, то эта [пограничная] область будет под властью нашего эмира.

А этот эмир идет во главе конных отрядов.

И мы — правители пограничной области, ее защитники.

В те ночи, когда мы шли против всех пограничных областей, [мы еще] отражали [врагов от областей уже завоеванных].

Хабиб хотел, чтобы его поставили эмиром над правителем ал-Баба, подобно тому, как был [над ним] командующий войском, если оно приходило из Куфы. Когда Хузайфа узнал о [желании Хабиба], он утвердил это, и куфийцы тоже согласились.

Хузайфа б. ал-Йаман совершает три похода, во время третьего был убит 'Усман. Когда стало известно об убийстве 'Усмана, [Хузайфа] сказал: «О, боже, прокляни убийцу 'Усма-

³⁷² Накидка

³⁷³ Следующий фрагмент в переводы не включен.

³⁷⁴ Соответствует 32/652-53 г.

³⁷⁵ Имеется в виду халиф 'Усман б. 'Аффан.

на, тех, кто напал на него, тех, кто его ненавидел. О, боже, мы упрекали его, а он упрекал нас, когда тот его ненавидел. О, боже, мы упрекали его, а он упрекал нас, когда тот, кого он поставил [над нами] упрекал нас, а мы упрекали его. И они сделали это ступенями к смуте. О боже, не даруй им [иной] смерти, кроме как от мечей.

Пересказ того, что произошло в этом году из упомянутых событий

[с.2927] ...В этом году жители Куфы изгнали Са'ид б. ал-'Ас из Куфы.

В этом году переписывались от 'Усмана б. 'Аффана о встрече для разговора о том, что они расскажут, если они будут его обвинять.

Пересказ известия с описанием их встречи с этой целью

Из того, что написал мне об этом ас-Сари со слов Шу'айба, а он со слов Сайфа, а он со слов ал-Мустанира б. Йазида, а тот со слов Кайса б. Йазида ан-Наха'и, который говорил: «...Прибыл Са'ид б. ал-'Ас к 'Усману на одиннадцатый год правления³⁷⁶ 'Усмана, а за год с небольшим до отъезда Са'ида б. ал-'Аса из Куфы 'Усман отправил ал-Аш'аса б. Кайса в Азербайджан... [с.2928] ...Салмана б. Раби'у в ал-Баб...».

АЛ-КУФИ. «КИТАБ АЛ-ФУТУХ» («КНИГА ЗАВОЕВАНИЙ»)

Рассказ о завоевании Армии и гибели там Салмана б. Раби'и ал-Бахили

[т. II, с.108] Он говорит³⁷⁷: Му'авийа вызвал человека из курайшитов по имени Хабиб б. Маслама ал-Фихри, придал ему четыре тысячи всадников и две тысячи пеших [воинов] и приказал ему выступить в страну Арминию по распоряжению 'Усмана б. 'Аффана.

Он говорит: Хабиб б. Маслама выступил из Сирии, направляясь в страну ал-Джазиры. Затем он двинулся в путь из страны ал-Джазиры, направляясь в страну Арминию. Когда он пришел в Шимшат и его окрестности, стало ему известно, что человек из румов по имени ал-Марзбан³⁷⁸ во главе тридцати с лишним тысяч уже стоит лагерем недалеко от Шимшата. Хабиб б. Маслама написал об этом Му'авийе, [Му'авийа] написал об этом 'Усману, а 'Усман написал ал-Валиду б. 'Укбе б. Абу Му'айту, который в то время был его наместником в Куфе. ['Усман] написал ему, приказывая отобрать из жителей Куфы десять тысяч воинов, придать их Салману б. Раби'а ал-Бахили, а его направить к Хабибу б. Масламе в землю Шимшат на помощь им против их неприятеля.

[с.109] Он говорит: Когда письмо 'Усмана, да будет доволен им Аллах, пришло к ал-Валиду б. 'Укбе в Куфу, он выступил перед людьми с проповедью, он восславил и возблагодарил Аллаха, а потом сказал: «О, люди! Написал мне эмир верующих 'Усман, приказывая мне направить Салмана б. Раби'у ал-Бахили во главе десяти тысяч из вас на помощь вашим братьям из Сирии в землю Шимшат. Румы уже собрали армию против них. В этом награда великая и огромное воздаяние. Спешите, да смилуется над вами Аллах, вместе с Салманом б. Раби'а и не ленитесь в войне на пути Аллаха». Люди ответили ему на это [согласием] и собрались к Салману.

Он повел их, десять тысяч куфийцев, направляясь к Хабибу б. Масламе. Известие о куфийцах достигло Хабиба и он сказал своим воинам: «Сирийцы, решайте! Уже вышли на помощь вам куфийцы. Я опасуюсь, что они одержат победу над врагом, и вся честь и слава до-

³⁷⁶ Соответствует 33/653-54 г.

³⁷⁷ В сочинении ал-Куфи нет ссылок на информаторов, но часто повторяется анонимное «кала» (он сказал).

станутся им, а не вам. А не напасть ли вам на врага до прихода куфийцев? И мы одержим победу над врагом». Он говорит: Они сказали: «Тебе приказывать, о эмир! Делай то, что хочешь».

Он говорит: А этот Хабиб б. Маслама был человеком сведущим в военном деле. Он говорит: Он был коварен и хитер. Он принял решение о ночном нападении на тех людей. Когда наступила ночь, он построил своих воинов в боевом порядке, выступил с ними в путь и неожиданно напал на лагерь неверных. Он перебил их воинов и захватил из них много народу в плен. Ал-Марзбан с оставшимися из своих воинов бежал, пока не вступил в землю ар-Рум. Сирийцы захватили огромные трофеи, они поделили их между собой.

[с.110] Он говорит: Салман б. Раби'а прибыл с куфийцами уже после этого. У сирийцев руки были полны богатств. Сказали им куфийцы: «Эй, вы, выделите и нам [долю] в том, что вы захватили из этих трофеев, ведь вы одержали победу, усилились и осмелились напасть на вашего врага благодаря вести о нас».

Рассказ о том, что произошло между сирийцами и иракцами во вражде из-за добычи

Он говорит: Сказал Хабиб б. Маслама: «Эй, вы! Вы пришли к нам, [когда] Аллах, всемогущий он и великий, обратил врагов в бегство и рассеял их. Добыча досталась воинам, которые выказали [силу] и сражались, а у вас нет права [на долю] в трофеях.

Он говорит: Началась перебранка между иракцами и сирийцами, они сразились, и иракцы одержали верх над сирийцами. Эта стычка была началом вражды, которая возникла между иракцами и сирийцами. Он говорит: Они стали угрожать друг другу.

Он говорит: Затем Хабиб б. Маслама отправил посланца к иракцам, чтобы они не спешили с войной против своих братьев и подождали бы, пока он напишет об этом 'Усману б. 'Аффану.

Он говорит: Иракцы дали ему согласие на это. Хабиб б. Маслама написал Му'авийе [письмо], в котором сообщил ему о том, как сирийцы и иракцы угрожают и устрашают друг друга, и о том, что между ними произошло побоище из-за трофеев, которые были захвачены сирийцами без иракцев. Он говорит: Му'авийа написал об этом 'Усману б. 'Аффану.

Он говорит: 'Усман б. 'Аффан, да будет доволен им Аллах, вынес решение, чтобы сирийцы поделились с иракцами [с.111] тем, что они захватили из той добычи, и чтобы в этом не проявили скупости по отношению к ним.

Он говорит: Когда письмо 'Усмана б. 'Аффана прибыло к сирийцам, они сказали: «Слушаем и повинемся эмиру верующих».

Он говорит: Потом они поделились с иракцами тем, что захватили. Хабиб б. Маслама остался в том месте, где он находился. 'Усман б. 'Аффан написал Салману б. Раби'а, приказывая ему выступить в Армению.

Рассказ о походе Салмана б. Раби'а в страну Армению и завоевании в той стране

Он говорит: Салман б. Раби'а и те, кто был с ним из иракцев, направились в страну Арминия.

Он говорит: Прослышали цари Арминии о вступлении арабов в их страну и бежали, куда глаза глядят, пока не укрылись в горах, цитаделях, долинах и лесах. И говорили они друг другу: «Пришел к нам народ, о котором говорят, что они сошли с небес: они не умирают, а оружие их не берет».

---

³⁷⁸ У ат-Табари: «... ал-Маврийан ар-Руми... во главе восьмидесяти тысяч из румов и тюрков...» [Ат-Табари, ар., Ser.I, с.2808].

Он говорит: Салман б. Раби'а шел, убивая тех, кто проявлял к нему враждебность, и завоёвывая города и крепости, мимо которых проходил. Он полностью очистил страну [от врагов] и дошел до ал-Байлакана в стране Арран³⁷⁹.

Он говорит [с.112]: Жители ал-Байлакана вышли к нему [с просьбой] о пощаде и представили содержание на условии уплаты ему денег, которые он и получил от них. Они заключили с ним мирный договор за деньги, которые они передали ему. Он принял это от них. Затем он ушел из ал-Байлакана и встал лагерем у крепости Барза'а. Он заключил мирный договор с ее жителями за деньги, которые получил от них и распределил среди своих воинов. Этим он подкрепил их. Затем он отправился со своей конницей на Джурзан. Он заключил мирный договор с его населением на условии выплаты ему определенной суммы каждый год. Потом он и его воины вышли в обратный путь, они шли, пока не переправились через реку ал-Курр³⁸⁰ и вошли в землю аш-Ширван³⁸¹. Здесь он встал лагерем, призвал ее царя и заключил с ним мирный договор на условии выплаты денег, которые взял с него. Потом он выступил из аш-Ширвана и прошел в Шабиран³⁸² и Маскат. Затем он разослал [посланцев] к царям гор, вызывая их. Прибыли к нему царь ал-Лакз³⁸³, царь Филана³⁸⁴ и царь [с.113] Табаристана³⁸⁵. Они доставили к нему деньги и подарки. Они заключили с ним мирный договор на условии выплаты ему определенной суммы каждый год. И он получил это от них. Потом он пошел, направляясь к городу ал-Баб. А там в это время находился хакан, царь хазар с тремястами тысячами неверных. Когда он узнал о том, что арабы прошли через земли, лежащие до [его владений], он ушел из города ал-Баб. Ему сказали: «О, царь! У тебя триста тысяч [воинов], а у этих десять тысяч, и ты спасаешься от них бегством?». Хакан ответил: «Мне известно об этом народе, что они сошли с небес и что оружие не причиняет им вреда. Кто же тогда встанет против них?».

Он говорит: Затем он пошел, куда глаза глядят. А Салман б. Раби'а прибыл и вошел с мусульманами в город ал-Баб, а там уже не было ни одного неверного. Он провел там три дня, пока отдохнули его воины. Затем он ушел из него, преследуя хакана и его воинов. Он дошел до одного из городов хазар, который называли Йаргу³⁸⁶, там не было никого из..., затем он отправился..., [с.114] направляясь в Баланджар, а это также один из городов хазар.

Он говорит: И остановился Салман б. Раби'а там у густого леса на берегу текущей реки, в котором была группа хазар из воинов хакана. Один из них подошел ближе, чтобы посмотреть на лагерь мусульман. Пока он там стоял, он увидел, как воин из мусульман спустился к той реке, чтобы в ней омыться. И захотелось ему испытать его оружием: подействует оно на него или нет. Он извлек стрелу, пустил ее в воина и убил его.

Затем он подошел к нему, снял его одежду, отрубил ему голову. Он взял ее с собой, доставил ее хакану и сказал: «О, царь! Вот эти, о которых ты слышал, будто оружие их не берет и смерть им не суждена!».

Он говорит: Когда хакан увидел это, он созвал своих воинов и собрал их. Затем во главе трехсот тысяч [воинов] повернул назад против мусульман и сражался он с ними, а они с ним, пока не осталось ни одного мусульманина.

³⁷⁹ Алания

³⁸⁰ Р. Кура

³⁸¹ Местоположение Ширвана точно неизвестно [Ибн Хордадбех, пер., с.305-306, примеч.49]. Ориентировочно правобережье Самура; Ширван включал временами в себя не только значительную часть лезгинских земель [История Дагестана, 1996, с.530-352-361].

³⁸² Шабиран – город на побережье Каспийского моря на территории селения Шахназарли северозападнее Дивичи [Ибн Хордадбех, пер., с.302, примеч.33].

³⁸³ Ал-Лакз (область лакзов, лезгин) – бассейн реки Самур, Курах-чай и Чирах-чай [Шихсаидов, 1980].

³⁸⁴ Филан – район к югу от ал-Лакза [Шихсаидов, 1976].

³⁸⁵ Табаристан – горная область вдоль южного побережья Каспийского моря. Видимо, ошибка, должно быть Табарсаран (Табасаран) – бассейн верхнего течения реки Рубас и левобережья Чирах-чая.

³⁸⁶ Йаргу – Таргу, вероятно идентичен современному селению Тарки у города Махачкала.

Он говорит: Были убиты Салман б. Раби'а ал-Бахили и все те, кто был с ним, да снизойдет на них милость Аллаха. Их могилы там, известны в Баланджаре до наших дней под названием «могилы мучеников» (кубур аш-шухада).

Он говорит: Стало известно 'Усмону б. 'Аффану о гибели Салмана б. Раби'а и его воинов в земле ал-Баланджара и это огорчило его, не давало ему покоя так, что он лишился сна. Потом он написал Хабибу б. Масламе, приказывая ему вместе со всеми его воинами выступить в страну Арминия.

Рассказ о переходе Хабиба б. Масламы в страну Арминия после гибели Салмана б. Раби'а ал-Бахили

Он говорит: Когда письмо 'Усмана пришло к Хабибу б. Масламе, он созвал своих воинов, [с.115] а их тогда было шесть тысяч, как конных (всадников), так и пеших. Затем он выступил с ними в страну Арминия.

Он говорит: Он вошел через [горный проход], который и в наши дни называется «перевалом бану Заррара». Он шел, пока не вошел в город, который называли Хилат³⁸⁷, и остановился в цитадели, в которой был отряд неверных. Он простоял у ее [стен] несколько дней и ушел от нее. Он достиг земли, которую называли Сирадж в стране ал-Матамир, и встал там лагерем. Потом он написал жителям Джурзана. Прибыла к нему группа их вождей, он заключил с ними мирный договор на условии выплаты восьмидесяти тысяч дирхемов. Он получил [эту сумму] от них и написал им об этом расписку. Он оставался в этой местности страны Арминии и стал писать ее царям, призывая их покориться и принять [его условия].

Рассказ о смещении Хабиба б. Масламы с поста наместника страны Арминии и об управлении Хузайфы б. ал-Йамана, да будет доволен обоими Аллах

Он говорит: В то время как Хабиб б. Маслама был занят этим, 'Усман вдруг послал к нему сообщение, что сместил его и назначил вместо него Хузайфу б. ал-Йамана.

Он говорит: Хузайфа вызвал воина из рода [с.116] своего дяди, по имени Силла б. Зафир ал-'Абси. Он направил его в страну Арминия и сделал его там своим заместителем, а [сам] Хузайфа остался в Медине. Силла б. Зафир ал-'Абси прибыл в страну Арминия и находился там целый год. Он стал очень унижать ее царей и бесчестить их, пока они не подчинились ему с послушанием и покорностью.

Рассказ о смещении с поста наместника Хузайфы б. ал-Йамана и об управлении ал-Мугиру б. Шу'бы, да будет доволен обоими Аллах

Он говорит: Затем 'Усман б. 'Аффан, да будет доволен им Аллах, сместил Хузайфу с поста наместника страны Арминии. Он вызвал ал-Мугиру б. Шу'бу и назначил его правителем страны Арминии и Азарбайджана. Он оставался там столько, сколько было угодно Аллаху. Потом 'Усман сместил его и назначил правителем вместо него ал-Аш'аса б. Кайса ал-Кинди. Он оставался на этом посту до того времени, когда был убит 'Усман б. 'Аффан, да будет доволен ими Аллах. Ал-Аш'ас взимал харадж с Арминии и Азарбайджана и отправлял его 'Усмону б. 'Аффану, да будет доволен им Аллах...

[с.363, 367—371] Ал-Аш'ас б. Кайс оставался наместником Азарбайджана в правление 'Али б. Абу Талиба³⁸⁸...

³⁸⁷ Хилат — город и крепость на западном берегу оз. Ван (Турция).

³⁸⁸ Четвертый «праведный» халиф (годы правления: 35-40/655-661)

БАЛ‘АМИ. «ТАРИХ-И ТАБАРИ» («ИСТОРИЯ ТАБАРИ»)

Рассказ о завоевании Азербайджана и Дербенда хазар³⁸⁹

[л. 335а] ...³⁹⁰ [Букайр] отправил к ‘Умару человека с известием о победе, с хумсом и добчей, которая была захвачена, и просил его приказать двинуться на Дербенд. ‘Умар дал такое указание. Букайр сделал ‘Утбу наместником всего Азербайджана, и Симака б. Харашу³⁹¹ с войском поручил ему, и Исфандийара, который был пленником³⁹², поручил ему. Сам же со своим войском двинулся к Дербенду.

‘Умар написал ‘Утбе письмо и поручил ему весь Азербайджан. ‘Умару стало известно, что Букайру в Дербенде нужно войско и [военная] помощь. [‘Умар] послал письмо в Басру Сураке б. ‘Амру, чтобы тот с войском через Ахваз³⁹³ двинулся на Дербенд на помощь Букайру. Он приказал, чтобы ‘Абд ар-Рахман б. Раби‘а и Хузайфа б. Асид с группой знаменитых витязей выступили вместе с войском Басры на помощь Сураке.

‘Умар послал письмо Хабибу б. Масламе в Джазире, чтобы тот с войском Джазиры пошел к Дербенду на помощь Букайру. Хабиб также выступил с войском. Сурака пошел по одному дербенду, а Хабиб по другому дербенду (ущелью, пути). А все эти дербенды выходят в Джурзан. Сурака б. ‘Амр прибыл с авангардом и назначил во главе авангарда ‘Абд ар-Рахмана б. Раби‘у. К нему прибыл Шахрийар³⁹⁴ и заключил мир на том условии, чтобы не платить джизью. Он сказал так: «Я нахожусь между двух врагов: один — хазары, а другой — русы, а они — враги всего мира, особенно арабов. [Арабам] надо воевать только с ними. Вместо того, чтобы облагать меня джизьей, давайте воевать с русами своими средствами и своим оружием. Прогоним их, чтобы они не выходили из своей страны. Мы против джизьи и хараджа, поскольку нам надо воевать каждый год»³⁹⁵. ‘Абд ар-Рахман сказал: «Есть эмир выше меня, ему следует доложить». Он послал Шахрийара со своим человеком к Сураке, а Сурака сказал: «Я должен сообщить ‘Умару»³⁹⁶. ‘Умар ответил: «От джизьи откажитесь. Вошло уже в обычай: [население] всех дербендов не платит ни хараджа, ни джизьи, поскольку оно отгоняет кафилов от мусульман и само воюет, поэтому их следует освобождать от хараджа и джизьи. Этот обычай соблюдался при завоевании Мавараннахра. И так же было в городе Синджабе: ни харадж, ни джизья, только десятина, поскольку они днем и ночью воевали и отгоняли тюрок от мусульманских земель». Затем Сурака вместе с Букайром б. ‘Абдаллахом и Хабибом б. Масламой заключили мир со всеми этими дербендами на том условии, чтобы они защищали мусульман в этих дербендах от их врагов, чтобы мусульмане там не держали войска и чтобы никакое войско не прошло оттуда в землю мусульман.

Сурака каждого из этих военачальников разослал по ущельям и городам, расположенным в горах. Затем он послал Букайра б. ‘Абдаллаха в город в том же ущелье, а Хузайфу б. Асида в горы и города, расположенные напротив дербенда ал-Лан. И все дербенды хазар и алан арабы укрепили. И мусульмане в городах обрели безопасность от врагов. Об этом они

³⁸⁹ В этом рассказе Бал‘ами при переводе объединил два рассказа ат-Табари «Завоевание Азербайджана» и «Завоевание ал-Баба».

³⁹⁰ В перевод не включена большая часть материалов, соответствующих у ат-Табари главе «Завоевание Азербайджана».

³⁹¹ Симак б. Хараша ал-Ансари после завоевания Рея был направлен халифом ‘Умаром в 22/642-43 г. в Азербайджан на помощь Букайру б. ‘Абдаллаху [Ат-Табари, ар., Ser. I, с.2660].

³⁹² У ат-Табари Исфандийаз б. ал-Фаррухзад (ал-Фаррухзад). [Ат-Табари, ар., Ser. II, с.2660.]

³⁹³ Ал-Ахваз — область на юго-западе Ирана и одноименный центр этой области.

³⁹⁴ У ат-Табари Шахрибараз [Ат-Табари, ар., Ser. I, с.2663].

³⁹⁵ В данном списке «Тарих-и Табари» Бал‘ами текст со словами Шахрийара не совпадает с соответствующим текстом со словами Шахрибараз у ат-Табари. Замена была сделана, видимо, переписчиком, т.к. в других списках и изданиях «Истории...» Бал‘ами текст оригинала и перевода совпадают.

³⁹⁶ Текст ат-Табари изменен: добавлен эпизод с халифом ‘Умаром. Согласно ат-Табари, решение принял Сурака, которое халиф ‘Умар поддержал [Ат-Табари, ар., Ser. I, с.2664].

написали письмо 'Умару. 'Умар очень обрадовался, поскольку он думал над тем, как быть с этими дербендами, если враг просочится на землю мусульман и персы объединятся с ними, и ислам [л.335б] в этих землях [отступит]. Он не знал как поступить в таком случае. Когда же эта весть пришла к нему, он очень обрадовался и хвалил Сураку. Потом Сурака умер в этом Дербенде. Услышав о смерти Сураки, 'Умар сильно опечалился, послал письмо 'Абд ар-Рахману, назначил его наместником в Дербенд и ему сказал в письме: «В наставлении мусульман тебе нужно оставить добрый след, такой как оставил Сурака». 'Абд ар-Рахман посоветовался с Шахрибаразом³⁹⁷ и сказал ему: «В этих дербендах я буду вести войну, отправлюсь с войском и население городов и дербендов сделаю мусульманами». Шахрибараз сказал: «Мы позволяли им пропускать к нам врага». 'Абд ар-Рахман сказал: «Я не позволяю. В этих ущельях с той стороны у русов³⁹⁸ в ... есть падишах и много городов, и все это называют Баланджаром. И с той стороны есть стена Искандера³⁹⁹, которую называют Йа'джудж и Ма'джудж и которую построил Зу-л-карнайн⁴⁰⁰». 'Абд ар-Рахман сказал: «Я не успокоюсь, пока не дойду до пределов Баланджара. Если ты не боишься халифа, мы бы дошли с тобой до стены Йа'джудж и Ма'джудж». ['Абд ар-Рахман] снарядил войско и пошел по дербенду (ущелью) в сторону Баланджара. Он углубился с войском в ту землю на двести фарсахов, многие города сделал мусульманскими (т.е. включил во владения ислама) и вернулся в Дербенд. Он находился там в течение всего халифства 'Умара, был там и при 'Усмানে, и там же умер. После того как все эти города и ущелья он сделал мусульманскими.

'Абд ар-Рахман отправился к 'Умару. 'Умар спросил: «Как вы смогли войти в эти ущелья, проникнуть в те земли и как воевали?». Тот ответил: «В тех городах все кафиры были хазары и аланы⁴⁰¹, связанные с тюрками. Когда они увидели нас, они сказали: «Никогда ни от кого из людей не приходило сюда войско. Это ангелы, которые сошли с небес, и потому они смогли придти [сюда]». Потом они спросили нас: «Вы ангелы или люди?». Мы сказали: «Мы — люди, но с нами пришли небесные ангелы. Кто бы не сражался с нами, они нам [приходят] на помощь». От страха они не отважились с нами воевать. Никто с нами не сражался. И говорили так: «Этих людей сколько не убивай, они не умрут, потому что ангелы с ними». Так мы вошли в эти земли. В одном из этих городов был человек, который сказал: «Однажды я убью кого-нибудь из них и посмотрим, умрет или нет». С луком и стрелами он встал за деревом, пустил стрелу и убил одного из нашего войска. Когда стало известно, что мы умираем, они объявили нам войну, и мы вернулись в Дербенд.

Сказал: Однажды 'Абд ар-Рахман сидел с Шахрибаразом и они беседовали. На руке Шахрибаразы был перстень с драгоценным красным рубином, который сверкал днем как огонь, а ночью как светильник. 'Абд ар-Рахман спросил: «Этот твой драгоценный камень откуда принесли и кто?». Шахрибараз позвал одного из своих слуг и сказал 'Абд ар-Рахману: «Этот драгоценный камень мне принес вот этот человек от стены Йа'джудж и Ма'джудж. Отсюда до стены много царств. И там есть царь, который владеет этой стеной между двумя горами. Каждому царю, которые были на пути [следования] до стены, через этого слугу я послал подарки, и они переходили от царя к царю, пока не достигли царя стены. Тому царю досталось много подарков, которые [слуга] передал ему. Слуга отдал [царю] мое письмо, в котором я просил у него рубин, его драгоценный камень. Он его мне и прислал». 'Абд ар-Рахман спросил у [слуги]: «Откуда ты это принес?». Тот человек ответил: «Когда я доставил царю подарок [Шахрибаразы], он позвал своего сокольничьего и сказал: «Найди этот камень». У того сокольничьего в руках был орел, он ушел и три дня ничем не кормил орла. Затем он взял орла, кусок красного мяса и пригласил меня с собой. [л.336а] Мы поднялись на ту гору, к которой примыкает стена Зу-л-карнайна. Я посмотрел вниз и под горой увидел широкую пропасть, которая уходила вглубь земли, и дна которой не было видно. Сокольничий сказал:

³⁹⁷ Шахрийар и Шахрибараз, видимо, одно и то же лицо.

³⁹⁸ Также замена текста оригинала, сделанная переписчиком.

³⁹⁹ Имеется в виду Александр Македонский.

⁴⁰⁰ Имеется в виду Александр Македонский.

⁴⁰¹ «Хазары и аланы» — поздняя вставка.

«Я брошу мясо за эту гору в пропасть. У меня в руках орел для того, чтобы достать [мясо]. Если он перехватит [мясо] в пути и принесет его, то считай дело пропало: [рубин] потерян. А если [мясо] упадет на землю, то ты получишь то, что он поднимет с земли». Затем он бросил мясо и выпустил орла за мясом. Мясо упало на землю. Орел поднял мясо с земли клювом, принес и сел ему на руки. Рубин прилип к этому мясу. Сокольник взял [рубин] и отдал мне, а я принес». ‘Абд ар-Рахман спросил: «Опиши мне ту стену». [Слуга] сказал: «[Там есть] две высокие горы, а между ними был проход. Там [Зу-л-карнайн] и построил [стену] до вершины горы из камня, меди и железа и ею закрыл путь (проход)». ‘Абд ар-Рахман сказал: «Верно он говорит. Этот человек видел то, о чем Аллах, всемогущий он и великий, в Коране сказал так:

Принесите мне кусков железа. А когда он сравнял между двумя склонами, сказал: «Раздувайте!». А когда он превратил его в огонь, сказал: «Принесите мне, я вылью на это расплавленный металл».⁴⁰²

Потом ‘Абд ар-Рахман спросил [слугу]: «Та стена какого цвета: белого, красного или черного?». На том меджлисе был человек, одетый в йеменские одежды белого цвета, на которой были мелкие полосы белого и черного цвета, подобно каким-то золотым кольцам. Потом тот слуга сказал: «Цвет той стены как и цвет этой одежды». ‘Абд ар-Рахман сказал: «Верно говорит». Затем ‘Абд ар-Рахман спросил Шахрибараза: «Сколько стоит этот перстень?». Тот ответил: «Цены ему не знает никто. Но через этого слугу я послал тому царю подарок в сто тысяч дирхемов, и другим царям, которые находятся на том пути, я тоже послал дар в сто тысяч дирхемов. И все вместе составило двести тысяч дирхемов, кроме расходов на содержание и подарков этому слуге». Затем Шахрибараз снял с пальца тот перстень и положил перед ‘Абд ар-Рахманом. ‘Абд ар-Рахман надел его на палец Шахрибараза и сказал: «Пусть будет у тебя вечно». Шахрибараз сказал: «Если бы иранские цари слышали рассказ о перстне, они бы у меня отобрали [перстень]. Поскольку на вашей стороне защита (обеспечение гарантии) и у вас верность своему слову, то вы покорите весь мир».

II. Поход Марвана б. Мухаммада в 119/737 г.

ХАЛИФА Б. ХАЙЙАТ. «ТАРИХ» («ИСТОРИЯ»)

113 г.х. [731-732 г.]

...⁴⁰³ [с.359] Сказал Абу Халид: Сказал Абу-л-Хаттаб: Когда Маслама⁴⁰⁴ прибыл, двинулись на него хазары, а Маслама не знал [об этом], пока они не напали на него. Маслама сражался с ними, пока их не разделила ночь. Мусульмане провели эту ночь, бодрствуя, и хазары ушли. Маслама вернулся обратно, он оставил своим заместителем Марвана б. Мухаммада⁴⁰⁵. И все это произошло в 113 году.

⁴⁰² В соответствующем сообщении ат-Табари этих стихов нет. Поскольку стихи записаны на персидском языке, трудно точно определить какому аяту Корана они соответствуют.

⁴⁰³ Предшествующий текст в перевод не включен как не имеющий отношения к рассматриваемому периоду.

⁴⁰⁴ Маслама б. ‘Абд ал-Малик – сын Омейядского халифа ‘Абд ал-Малика б. Марвана (65–86/685–705 гг.); полководец, активно участвовавший в походах на Кавказ, наместник халифа на Кавказе в 107–111/715–730 и 113–114/731–733 гг.

⁴⁰⁵ Марван б. Мухаммад б. Марван ал-Химар – арабский полководец (сын знаменитого полководца Мухаммада б. Марвана), добившийся больших успехов в походах на Кавказ. Впоследствии, последний Омейядский халиф (годы правления: 127–132/744–750). Начал участвовать в походах на Кавказ вместе с Масламой б. ‘Абд ал-Маликом.

114 г.х. [732-733 г.]

В этом году Хишам б. ‘Абд ал-Малик⁴⁰⁶ сместил Масламу б. ‘Абд ал-Малика с поста наместника Арминии, Азарбайджана и ал-Джазиры, и в первый день мухаррама 114 года⁴⁰⁷ назначил [их наместником] Марвана б. Мухаммада б. Марвана.

Сказал Абу Халид: Сказал Абу Бара: Пошел Марван⁴⁰⁸ в 114 году в поход и пересек реку ар-Рамм⁴⁰⁹, убивал, брал в плен и совершил набег на ас-сакалиба⁴¹⁰.

117 г.х. [735-736 г.]

[с.362] Сказал Абу Халид со слов Абу Бара, который сказал: В этом году Марван б. Мухаммад, который был правителем Арминии и Азарбайджана, отправил два отряда в горы ал-Кабк⁴¹¹. Один из отрядов захватил три крепости ал-Лан⁴¹². Другой отряд напал на Туман⁴¹³-шаха, и сдался Туман-шах на милость Марвана б. Мухаммада. Марван отправил его к Хишаму, а Хишам возвратил его Марвану, и Марван восстановил его в его царстве.

118 г.х. [736 г.]

[с.363] В этом году Марван б. Мухаммад совершил поход из Арминии. Он вошел в земли Вартаниса⁴¹⁴ через три прохода. Вартанис бежал к хазарам и бросил крепость. И поставил Марван против нее камнеметные машины. А жители Хумрина⁴¹⁵ убили Вартаниса, и послали его голову Марвану. Марван выставил голову Вартаниса [напоказ] осажденным в крепости, и они сдались на милость Марвана. Он перебил воинов и взял в плен детей.

119 г.х. [737 г.]

[с.364] В этом году Марван б. Мухаммад совершил поход налегке из Арминии. Он вошел через Баб ал-Лан⁴¹⁶, прошел через землю ал-Лана и вышел из нее в страну хазар, прошел мимо Баланджара и достиг ал-Байда⁴¹⁷, в которой пребывал хакан. Хакан бежал.

В этом году [‘Абд ал-Малик б.] Марван б. Мухаммад убил в Арминии Хазар-Тархана и всех его людей.

Его отец - Мухаммад б. Марван б. ал-Хакам, сын халифа Марвана (годы правления: 64-65/684-85) и брат халифа ‘Абд ал-Малика б. Марвана (годы правления: 65-86/685-705) — знаменитый полководец, прославившийся походами в Византии, Сирии и Арминии.

⁴⁰⁶ Омейядский халиф, годы правления: 105—121/724—743.

⁴⁰⁷ 3 марта 723 г.

⁴⁰⁸ События похода Марвана б. Мухаммада с продвижением на Северный Кавказ через Баб ал-Лан и Баб ал-Абваб, когда арабы, разгромив хазар, продвинулись к ал-Байда и нахр ас-сакалиба, известные по ал-Балазури и ал-Куфи [Ал-Балазури, ар., с.207-208; Ал-Куфи, ар., т.VIII, с.71-72] как события одного похода (который мы привыкли датировать 119/737 г.), в материалах Инб Хайята разделены на походы 114/732-33 и 119/737 гг.

⁴⁰⁹ Ар-Р...мм - отождествление затруднительно. Возможно искажение ар-Рас - Аракс или ал-Лан.

⁴¹⁰ Возможно, тождественно нахр ас-сакалиба [Ал-Куфи, ар., т.VIII, с.72; Ал-Балазури, ар., с.207-208].

Очевидно, в понятие «ас-сакалиба» арабские историки и географы в разное время вкладывали разное содержание. Например, в противовес «ат-турк» — тюркские народы, «ас-сакалиба» может обозначать нетюркские народы, в том числе, возможно, и славян; или «ас-сакалиба» — народ, населявший леса, в отличие от народов, населявших степь.

⁴¹¹ Кавказ.

⁴¹² Земля ал-Лан или Арран.

⁴¹³ Может быть идентифицирован с селением Гумик.

⁴¹⁴ Тождественен царю лакзов Арбису б. Басбасу [Ал-Куфи, ар., т.VIII, с.80-81]

⁴¹⁵ Хамзин.

⁴¹⁶ Арабское название Дарьяльского ущелья.

⁴¹⁷ См. сноску 356. (ал-Байда)

121 г.х. [738-739 г.]

[с.367] В этом году Марван б. Мухаммад совершил поход из Арминии, будучи ее наместником. Он дошел до крепости Байт ас-Сарир⁴¹⁸ ...⁴¹⁹

АЛ-БАЛАЗУРИ. «КИТАБ ФУТУХ АЛ-БУЛДАН» («КНИГА ЗАВОЕВАНИЯ СТРАН»)

Завоевания Арминии⁴²⁰

... [с.207] Марван б. Мухаммад был вместе с Масламой и воевал вместе с ним против хазар, он проявил храбрость и ожесточенно сражался. Затем Хишам после Масламы назначил наместником Са'ида ал-Хараши⁴²¹, и пробыл он в пограничной области два года.

Потом он назначил наместником пограничной области Марвана б. Мухаммада. Он остановился в Кисале⁴²², и он же построил его город, который в сорока фарсах от Барза'а, а от Тифлиса в двадцати фарсах. Потом он вошел в землю хазар со стороны Баб ал-Лан. Он приказал войти в них Асиду⁴²³ б. Зафир ас-Сулами, Абу Йазиду⁴²⁴ вместе с горскими царями со стороны Баб ал-Аббаба. Марван совершил набег на [с.208] сакалиба, которые были в стране хазар, и взял из их числа в плен 20 тысяч семей и расселил их в Хахите⁴²⁵. Потом они убили [поставленного над ними] эмира и бежали, но их догнали и перебили.

Говорят: Когда стали известны главе ('азим) хазар многочисленность тех мужей, с которыми Марван ступил на землю, их вооруженность и их сила, то оробело от этого его сердце и наполнило [это] его ужасом. Когда Марван приблизился к нему, то отправил к нему посланца, призывая его [выбрать] ислам или войну. Он ответил: «Я принял ислам. Пришли ко мне того, кто растолкует его мне». И тот сделал это. А он открыто принял ислам и прекратил враждебные действия против Марвана при условии, что тот утвердит его в его царстве.

⁴¹⁸ Поход к ас-Сариру был предпринят в 121/739 г. Это горское княжество упоминается первым в числе других княжеств Дагестана, с которыми арабы заключили договора. Территория ас-Сарира локализуется в междуречье Андийского Койсу, Аварского Койсу и Каракойсу.

Ас-Сарир (араб., дословно) – трон. Источники приводят его определение «золотой» (аз-захаб). Полное название княжества ас-Сарир: «Байт сахиб ас-сарир аз-захаб» (Дом или страна владельца золотого трона) – См. ат-Табари, ар., Ser.II, с.1667.

⁴¹⁹ В перевод не включены сведения о последующих походах Марвана б. Мухаммада на горские княжества Дагестана.

⁴²⁰ Ал-Балазури, пользовавшийся одним источником с ал-Куфи, отнесся к этим материалам критически. Кроме ал-Куфи только он приводит сообщение о принятии ислама хаканом хазар и его окружением.

⁴²¹ Са'ид б. 'Амр ал-Хараши – Омейядский полководец, прославился успешными походами в Средней Азии. При халифе Йазиде II (101-105/720-724 гг) был наместником Басры.

⁴²² Возможно чтение Касал, у ал-Куфи - Касак [Ал-Куфи, ар., т.VIII, с.71].

⁴²³ Так огласовано в издании, правильное прочтение: Усайд.

⁴²⁴ Абу Йазид – кунья (почетное прозвание отца по имени сына) Усайда б. Зафира ас-Сулами. Это указание ал-Балазури свидетельствует о том, что Усайд б. Зафир является отцом Йазид б. Усайда ас-Сулами, назначенного в 135/752-53 г. наместником Арминии, которому по приказу Аббасидского халифа ал-Мансура (136-158/754-775 гг.) пришлось жениться на дочери хакана хазар [ал-Куфи, ар., т.VII, сс.229-232].

⁴²⁵ Хахит – Кахети.

АТ-ТАБАРИ. «ТАРИХ АР-РУСУЛ ВА-Л-МУЛУК» («ИСТРИЯ ПРОРОКОВ И ЦАРЕЙ»)⁴²⁶**113 г.х. [731-732 г.]**

[Ser. II, с. 1560] К событиям этого года относится рассылка Масламой б. 'Абд ал-Маликом войск по стране хакана и завоевание им городов и крепостей. И убивал он их, брал в плен и захватывал в неволю.

И сожгли себя многие тюрки в огне. И покорились Масламе те, кто был за горами Баланджара. И был убит сын хакана⁴²⁷.

114 г.х. [732-733 г.]

[с. 1562] [В этом году] вернулся Маслама б. 'Абд ал-Малик из ал-Баба после того, как разгромил хакана, построил ал-Баб и укрепил то, что там имелось.

[В этом году] Хишам назначил Марвана б. Мухаммада правителем Арминии и Азарбайджана.

117 г.х. [735-736 г.]

[с. 1573] В этом году Марван б. Мухаммад, а он был наместником Арминии, послал два отряда. Один из них завоевал три крепости ал-Лана, а другой напал на Туман-шаха, и сдались его жители на условиях мирного договора.

118 г.х. [736 г.]

[с. 1593] А наместником Арминии и Азарбайджана был Марван б. Мухаммад б. Марван.

119 г.х. [737 г.]

[с. 1635] А наместником Арминии и Азарбайджана был Марван б. Мухаммад.

120 г.х. [738 г.]

К событиям этого года относятся поход Исхака б. Муслима ал-'Укайли: завоевание им крепостей Туман-шаха и опустошение им его земли; поход Марвана б. Мухаммада на земли тюрков.

[с. 1667] А наместником Арминии и Азарбайджана был Марван б. Мухаммад.

121 г.х. [738-739 г.]

К событиям этого года относится поход Марвана б. Мухаммада в страну владетеля золотого трона⁴²⁸: он завоевал его крепости, опустошил его землю...

---

⁴²⁶ Ат-Табари для походов на Кавказ, предпринятых при Омейядах, воспроизводит сведения Халифы б. Хаййата. Именно из-за краткости этих материалов Бал'ами при переводе его сочинения заменяет их сведениями ал-Куфи.

⁴²⁷ Согласно ал-Куфи, сын хакана Барс-бик был убит, когда военные действия на Кавказе возглавлял Са'ид б. 'Амр ал-Хараша, который по распоряжению Масламы б. 'Абд ал-Малика замешал его на Кавказе [Ал-Куфи, ар., т. VIII, сс. 52-56].

Разночтения источников в имени сына хакана определяется разной расстановкой диакритических знаков: Мартик б. Хакан [Халифа, ар., с. 35], Барс-бик б. Хакан [Ал-Куфи, ар., т. VIII, с. 31; Куфи, пер., с. 18, примеч. 26], Нарас-тик б. Хакан [Бал'ами, рук.]. Особенно много разночтений в рукописных списках персидских и тюркских переложений ат-Табари.

⁴²⁸ Имеется в виду княжество ас-Сарир. См. сноску 418.

АЛ-КУФИ. «КИТАБ АЛ-ФУТУХ» («КНИГА ЗАВОЕВАНИЙ»)

Рассказ о выступлении Масламы б. 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его война с ними⁴²⁹

[т. VIII, с.63] ...⁴³⁰ Он говорит: Потом Маслама поднялся, распределил свое войско на правый и левый фланг, на центр и крылья. Цари гор вышли перед ним. Он распорядился дать им колчаны со стрелами. Потом приказал принести свое знамя и водрузил его перед собой.

Он говорит: Посмотрел хакан, царь хазар, на это знамя, пришел к своим тарханам и своим богатырям из подчиненного ему населения и сказал им: «Знайте, что это знамя после того, как его прикрепили, будет развеиваться только в этот день. Ступайте вперед к нему, и если сможете захватите и разорвите его на мелкие кусочки, и тогда вы победили. А теперь отправляйтесь. И смотрите, пусть не отстает от вас никто, кроме отмеченных похвальны м следом».

Он говорит: И выехал один из тарханов хазар с большим отрядом всадников на мусульман. А Марван б. Мухаммад б. Марван ударил своего коня по брюху и выехал из рядов своих воинов, а на нем была желтая шелковая накидка [каба], он повязал себя желтой лентой, концы которой лежали сзади между плеч. Он воскликнул: «Мусульмане! Пусть мои отец и мать будут жертвой за вас, я прошу от вас стойкости на час и разрубания голов до лука седла. И поменьше разговоров, когда их много — поражение. И рубите мечами только по лицу и рукам».

Он говорит: И ответили ему мусульмане полным одобрением. Потом Марван б. Мухаммад б. Марван и его воины выступили вперед навстречу конным отрядам хазар.

Он говорит: Поднялся вихрь и густая пыль, и никто не видел их.

Он говорит: Пришел Сулайман б. Хишам⁴³¹ к своему дяде, Масламе, и сказал: «О, эмир! Клянусь Аллахом, Марван убит!». Маслама ему ответил: «Нет, не убит он, и помолчи!». И замолчал Сулайман б. Хишам. А когда рассеялась пыль, то увидел Маслама мусульман из отряда Марвана б. Мухаммада, что Марван б. Мухаммад схватился с конными отрядами хазар [с.64], и уже убито множество из них и из его отряда. А Марван вытирает кровь хазар со своего меча гривой своего коня.

Он говорит: Разгневался хакан, царь хазар. Потом подъехал к своим тарханам и сказал: «Я стоял за вами, наблюдая за вашими действиями. И вам не стыдно, что вас осрамил один человек!».

Он говорит: Потом он построил в боевой порядок другой отряд всадников. Лучше того, более многочисленный и [лучше] вооруженный. А [Марван б. Мухаммад] говорил: «Я приношу выкуп за этих людей. Знайте, ключи от рая у вас [в руках]. И будет у вас то изобилие награды, которое обещал вам Аллах из множества щедрот своих. Воистину, тот, кто будет убит, тот получит великое вознаграждение и рай, [благам которого] нет числа. Ведь господь ваш не нарушает обещания».

Он говорит: Затем Марван б. Мухаммад и его воины напали на конные отряды хазар и убили их больше, чем убили в первый раз, и ранили у них много народа.

Он говорит: Всякий раз, когда хакан выводил на мусульман конный отряд хазар, из [строю мусульман] выходил на него Марван б. Мухаммад и его воины. Он нападал на него и убивал множество хазар, а затем возвращался в мусульманский лагерь и вставал там, как

⁴²⁹ У ал-Куфи сведения о всех походах Марвана б. Мухаммада включены в «Рассказ о выступлении Масламы б. 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его война с ними», который на самом деле содержит сведения о походах, предпринятых в течение 113–121/731–739 гг. несколькими наместниками: Масламой б. 'Абд ал-Маликом, Са'идом б. 'Амром ал-Хараши и Марваном б. Мухаммадом.

⁴³⁰ В перевод не включены сведения о походах Масламы, предшествовавшие его походам с участием Марвана б. Мухаммада.

ни в чем не бывало. И пригласил Маслама на трапезу, и принялись за еду он, его двоюродные братья и знатные люди. А хакан в это время стоял на месте верхом на своем коне полный гнева и смотрел на него, не зная что сказать. Потом он подъехал к своим тарханам и сказал: «Сегодня я убью себя страшной смертью. Горе вам, хазары! Вас в десять раз больше, а они едят и пьют, не боясь вас и не обращая на вас внимания».

Он говорит: Ответили ему хазары: «О, царь! Не гневайся! Завтра мы угодим тебе и приведем тебе их предводителя пленным. [с.65] И ты сделаешь с ним что захочешь».

Он говорит: Когда наступило утро, хакан построил своих воинов так же как строил вчера. Потом он отобрал лучших из хазар, поставил их перед собой и в центре. Он увещевал их и предлагал им не совершать промахов в бою. Маслама узнал об этом и сказал: «Я покажу тебе, необрезанный варвар! Ты отделил хазар и поставил их перед собой. Клянусь Аллахом, не будет им бегства мусульман».

Он сказал: Потом Маслама построил людей. Во главе своего правого фланга он поставил Марвана б. Мухаммада, во главе левого — Сулаймана б. Хишама, во главе центра — ал-‘Аббаса б. ал-Валида⁴³², а над резервом (ал-джанах) — ал-Хузайла б. Зафара б. ал-Хариса ал-Килаби.

Он сказал: И сошлись войска друг с другом, и схватились и завязалась битва между двумя отрядами. Бывало, что мусульманин пронзал хазарина своим копьем, потом вытаскивал копье, снова набрасывался на него, ударял его мечом и убивал.

Он сказал: Люди не переставали так сражаться пока не разгорелся день.

Он сказал: И вот явился к Масламе человек с просьбой о пощаде и с намерением принять ислам. Этот человек спросил: «Тебе нужен хакан, царь хазар?». Маслама ответил: «А где он?». Тот ответил: «Он в кибитке (‘аджала), которая перед тобой, которая покрыта парчей».

Он сказал: Послал Маслама человека к Марвану б. Мухаммаду, позвал его к себе и сказал: «О, Абу ‘Абдаллах⁴³³, видишь ли ты кибитку, покрытую парчей?». Марван ответил: «Конечно, я вижу ее». Сказал Маслама: «Это кибитка хакана, и он сидит в ней». Марван сказал: «Я им займусь». Сказал Маслама: «И я с тобой, Абу ‘Абдаллах! Клянусь Аллахом! Если мы одолеем его сегодня, то вместе с памятью о нем останемся до скончания века».

Он сказал: Подошел Сулайман б. Хишам к своему дяде и сказал: «О, эмир! Выслушай мои слова [с.66] и не торопись». Маслама сказал: «Говори, что у тебя?». Сказал Сулайман: «Хакан не сидит в кибитке, а выстроил своих воинов и хазарских богатырей справа и слева от себя и позади себя. И я не уверен, что, когда ты и Марван выйдете, он не отдаст приказ тарханам окружить вас, и вы сможете вернуться в свой лагерь, только потеряв жизни. А я считаю, что тебе надо выбрать человека из богатырей твоего войска, храбрость и сила которого тебе известны, и присоединить к нему богатырей из твоего войска, а потом прикажи ему выступить против хакана».

Он говорит: И понял Маслама, что Сулайман дал ему верный совет. Он вызвал человека из своих воинов по имени Субайт ал-Бахрани⁴³⁴, который был одним из богатырей. И сказал ему Маслама: «Субайт, я выбрал тебя из витязей моего войска для того дела, которое я тебе поручаю. Я нашел, что ты таков, как я думал о тебе в отношении храбрости и отваги. Я достигну успеха в том, чего я хочу, то ты достигнешь [желаемого] в жаловании. Я вознагражу тебя десятью тысячами дирхемов, я представлю тебя к дарам эмира верующих, я прославлю имя твое. А если ты струсил и не справишься, то клянусь Аллахом, я непременно распну тебя на первом дереве, которое я найду».

⁴³¹ Сулайман б. Хишам — сын Омейядского халифа Хишама б. ‘Абд ал-Малика (годы правления: 105-125/724-743).

⁴³² Сын халифа ал-Валида б. ‘Абд ал-Малика б. Марвана (годы правления: 86-96/705-715 гг.).

⁴³³ Кунья (почетное прозвание для отца по имени сына) Марвана б. Мухаммада.

⁴³⁴ В издании ан-Нахрани. Прочтение З.М.Буниятова Сабит ан-Нахрани [Ал-Куфи, пер., с.45, сноска 67]. Нисба ан-Нахрани является явным искажением нисбы ал-Бахрани, которая свидетельствует о принадлежности племени ал-Бахра [Гараева, 1982, с.20]

Он говорит: Субайт ответил ему: «Да убоготорит Аллах эмира! Приказывай мне то, что ты хочешь!» Сказал Маслама: «Я дам тебе 1000 человек из тех, кого ты знаешь и уверен в их храбрости и смелости. А потом нападай с ними на войско хакана. И не возвращайся пока не разобьешь его или не возьмешь его в плен, если сможешь сделать это».

Он говорит: Сказал Субайт: «Да убоготорит Аллах эмира! Что касается взятия его [в плен], то не знаю смогу это или нет! Однако пусть эмир, да поможет ему Аллах, будет уверен, что я не возвращусь или разгромяю его [с. 67] и его войско, если пожелает Аллах, и нет силы ни у кого, кроме Аллаха всевышнего, великого».

Он говорит: Потом Субайт ал-Бахрани отобрал 1000 человек из сирийских витязей. Потом он поставил им условие и дал им наставление, и сказал: «Смотрите, вы сражаетесь не для Масламы и не для эмира верующих Хишама, а сражаетесь за религию Аллаха и вы ведете священную войну на пути к Аллаху». Сказали ему его люди: «Ты все сказал, да помилует тебя Аллах! Веди и мы пойдем с тобой и решай как хочешь, если пожелает Аллах и нет силы кроме как у Аллаха всевышнего, великого!»

Он говорит: И выступил Субайт ал-Бахрани с этой тысячью на хакана. А хакан тогда находился в своей кибитке, которая называлась ал-джадада. И была она устлана для него различными коврами. А над ней был шатер из парчи, а на его вершине — золотое навершие.

Он говорит: Не солгал Субайт, что достигнет кибитки. И ударил он по шатру своим мечом так, что рассек парчевую покрывку, И задел меч хакана, но не причинил ему никакого вреда. Хакан сильно испугался этого, выскочил из кибитки, торопясь к своему коню, который был привязан к борту кибитки. Вскочил он на него и умчался так, что не смогли его догнать. А мусульмане атаковали хазар и они повернули к ним спины, обращаясь в бегство, и рассеялись их войска и бежали они пока не добрались до своих стран. И продекламировал Субайт ал-Бахрани стихи, которые начинались словами:

Сколько, сколько и сколько я в тот пыльный день
посреди пыли отрубил индийским [мечом]

и так далее до конца.

[с. 68] Он говорит: Собрал Маслама добычу, взятую у хазар и разделил ее между мусульманами после того как отделил от нее пятую часть. Потом он объявил [приказ] своим войскам и прибыл к городу ал-Баб. А в это время в его цитадели находилась 1000 семей хазар. Простоял он под ней, осаждая их, несколько дней. И не мог он ничего придумать против них, он уже думал уйти от них, но тут явился к нему человек из этого ал-Баба и сказал: «Да убоготорит Аллах эмира! Если я отдам тебе эту цитадель с малым трудом, ты вернешь [мне] мое имущество, семью и детей?» Маслама ответил: «Да, это тебе». Он сказал: «Дай мне сейчас же сто голов крупного рогатого скота и овец, чтобы я отдал эту цитадель».

Он говорит: Маслама приказал дать ему то, что он хотел. Тот подошел к источнику воды, который вывел для них Ануширван б. Кубад в давние времена и провел воду в цитадель, и сказал он: «Копайте в этом месте пока не доберетесь до воды». Потом он велел: «Теперь подведите этих коров и овец и режьте их у этого источника!» И начали они резать, а кровь текла вместе с водой в их цистерны. Когда этот человек убедился, что вся кровь утекла в цистерны, то приказал перекрыть воду. И перекрыл им и отвел [воду] из колодцев в долину. Утром люди [увидели], что их цистерны наполнены кровью. А к вечеру цистерны стали вонять. А после этого там завелись черви. Стали они испытывать сильную жажду. А тот человек пришел к Масламе и сказал: «О эмир! Эти люди уже погибают от жажды. Освободи ворота цитадели и их путь, чтобы они могли бежать, и цитадель будет в твоих руках».

Он говорит: Отдал приказ Маслама своим воинам, и они отошли от ворот цитадели. А когда наступила ночь, то те люди открыли дверь и вышли, спасаясь бегством, и ушли своей дорогой. [с. 69] И осталась цитадель в руках Масламы. Пошел Маслама и вошел в цитадель. Он осмотрел ее и ее укрепленность. Потом приказал очистить те цистерны от того кала и крови, и их очистили. Затем он приказал пустить в них воду как прежде. Затем [Маслама] распорядился относительно города ал-Баба, и его разделили на четыре четверти. Одну четверть он определил дамаскинцам, четверть — химсцам, четверть — палестинцам и четверть — остальным сирийцам и джазирцам. Этот день этим и известен.

Он говорит: Потом Маслама вызвал одного человека из своих воинов по имени Фарид б. Асвад ас-Са'лаби⁴³⁵, назначил его правителем Баб ал-Абваба и приказал ему построить башни города, склады для пшеницы, ячменя и оружия, возвести стенные зубцы города и запереть [город] железными воротами. Потом Маслама назначил содержание [гарнизону] города ал-Баб: 110 динаров ежегодно, кроме пшеницы и масла, а этот паек (ризк) выдавать ежемесячно.

Он говорит: Потом Маслама позвал сына своего дяди Марвана б. Мухаммада, назначил его вместо себя над всеми мусульманами города ал-Баб и уехал. Вернулся он к Хишаму в Сирию и сообщил ему о том, что завоевал Аллах его [Масламы] руками, и о том, что он оставил Марвана б. Мухаммада правителем мусульман.

Он говорит: И узнали хазары, что Маслама уехал от них в Сирию, и вернулись в свою страну, которая была у них отнята, и захватили ее и поселились в ней. Это стало известно Марвану б. Мухаммаду. Он собрал людей, устроил им смотр и было их больше 40 тысяч. И вел он их до Баланджара. Затем из Баланджара он отправился в страну хазар. И он стал брать в плен и убивать так, что перебил множество хазар. [с.70] Он захватил в плен детей и женщин, угнал скот и вернулся в город ал-Баб благополучно и с добычей. А было это в зимнее и очень холодное время. Называют этот поход «грязевым походом» из-за большого количества дождей и грязи. Во время этого похода он приказал отрезать хвосты коням. И всем их отрезали из-за большой грязи и сырости⁴³⁶.

Он говорит: Эту зиму Марван б. Мухаммад перезимовал в городе ал-Баб. А к началу весны Хишам б. 'Абд ал-Малик отправил к нему [гонца], отстранил его от управления этой страной и вызвал к себе. Он [Хишам] призвал Са'ида б. 'Амра ал-Хараши, вручил ему грамоту и назначил его правителем этой страны.

Он говорит: И отправился весной Са'ид б. 'Амр ал-Хараши в качестве эмира всей Арминии, Азарбайджана, ар-Рана и Джурзана. Прибыл он в город ал-Баб и остановился там. Потом повел он войну с хазарами днем и ночью так что не высыхал потник, пока не ослабло его зрение. И написал он Хишаму б. 'Абд ал-Малику, сообщая о том, что черная вода залила ему глаза, что зрение его так ослабело, что он не отличает равнину от гор.

Он говорит: Хишам отправил своего верного человека из Сирии, чтобы убедиться в таком ли он состоянии, как говорит, или нет!

Он говорит: Прибыл доверенный человек, посмотрел он на Са'ида б. 'Амра и увидел, что он таков, как говорил.

Он говорит: Написал он Хишаму, сообщая об этом. Хишам отправил гонца к ал-Хараши и освободил его от правления страной. Он вызвал Марвана б. Мухаммада б. Марвана, вручил ему грамоту на управление Арминией и Азарбайджаном и приказал ему вести войну с хазарами.

[с.71] Он говорит: Марван вышел из Сирии со 120 тысячами. Он прибыл в Арминию и остановился в месте, которое называется Касак⁴³⁷, в 40 фарсах от города Барза'а и в 20 фарсах от Тифлиса. Потом он начал сражаться с царями Арминии и ее батриками, пока они не изъявили ему послушание и покорность. Потом он продвигался вперед, завоевывая крепость за крепостью пока не покорил крепости всей Арминии. Потом он написал всем воинам, которые были в Баб ал-Абвабе, чтобы они вторглись в страну хазар и встретились с ним в городе Самандар⁴³⁸.

Он говорит: Потом Марван созвал своих воинов, отправился в путь и вошел в Баб ал-Лан. Он убивал, брал в плен и жег, пока не дошел до Самандара, а это один из городов хазар.

⁴³⁵ В издании имя ас-Са'лаби приведено без диакритических знаков, читаем согласно Бал'ами [Бал'ами, рук., л. 4256]; прочтение Карир б. Сувайд ас-Са'лаби [Ал-Куфи, пер., с.48].

⁴³⁶ «Грязевый» поход состоялся в 110/728-29 г., его возглавил Маслама б. 'Абд ал-Малик.

⁴³⁷ Касал или Кисал [Ал-Балазури, ар., с.207].

⁴³⁸ Самандар — один из городов хазар, его локализация вызывает затруднения. Археологи принимают предложение, высказанное еще Й.Марквартом, что Самандар был, на месте современного селения Тарки близ Махачкалы [Магомедов, 1983, с.52-60].

Он говорит: И встретились с ним войска мусульман из города ал-Баб [во главе] с человеком по имени Усайд б. Зафир ас-Сулами⁴³⁹. И двинулся Марван туда со 150 тысячами. А там он выстроил своих воинов в боевой порядок, и не осталось с ним ни одного военачальника, ни одного подчиненного, ни одного слуги, который не надел бы шлем и не нес бы копье, на вершине которого наконечник, блистающий как огненный факел.

Он говорит: Блеск войска был таков, что птица не могла пролететь мимо него, а пролетая его, падала, пораженная силой его сияния и блеска.

Он говорит: Потом он пошел и достиг города ал-Байда, в котором находился хакан, царь хазар.

Он говорит: И бежал хакан от Марвана пока не достиг гор. В стране хазар Марван с мусульманами преуспел настолько, что прошел через них и оставил ее позади. А затем [с.72] он совершил набег на ас-сакалиба и те племена неверующих, которые рядом с ними. И взял он из них в плен 20 тысяч семей. Затем он пошел дальше и расположился лагерем на реке ас-Сакалиба (нахр ас-Сакалиба)⁴⁴⁰. И вызвал он к себе человека из храбрецов Сирии по имени ал-Каусар б. ал-Асвад ал-‘Анбари, который был во главе его гвардии (шурта). И сказал он ему: «Эй, Каусар! Пришел ко мне лазутчик и сообщил мне, что хакан, царь хазар, послал против нас одного из своих тарханов по имени Хазар-Тархан во главе 40 тысяч сыновей тарханов. А ты пересеки эту реку, выйди им навстречу и сядь в засаду с таким же числом [воинов] как у них. А когда наступит утро, то я присоединюсь к тебе, если пожелает Аллах, [ведь] нет силы и могущества, кроме как у Аллаха всевышнего, великого!».

Он говорит: Сказал ал-Каусар: «Да убогаворит Аллах эмира! Уже вечереет и в это время сгущаются сумерки. Дай мне отсрочку, эмир, до завтра».

Он говорит: Разгневался Марван, а потом сказал: «Клянусь Аллахом! Если ты сейчас же не переправишься через эту реку, то я тебе отрублю голову и перебью всю твою семью. А теперь выбирай то, что тебе больше нравится!». Сказал ал-Каусар: «Я переправлюсь. Да убогаворит Аллах эмира!».

Он говорит: Тогда ал-Каусар тот же час отобрал 40 тысяч человек из витязей этого войска. Потом ему вручили знамена, и он переправился [через реку], а с ним переправилось более тысячи человек.

Он говорит: И шел ал-Каусар с ними в этот день, пока не разгорелся день. И вдруг ему встретился человек с двадцатью хазарскими витязями, которые охотились с собаками и соколами.

Он говорит: Напал на него ал-Каусар, и убил его, и убил тех людей, которые были с ним, и ни один из них не ускользнул.

[с.73] Он говорит: И захватили мусульмане их оружие и их коней. И пошли ал-Каусар и его люди дальше, пока не остановились на краю густых зарослей. Когда он с ними устроился в этом месте, то вдруг увидел дым, который шел из глубины зарослей. Ал-Каусар спросил: «Что это за дым?». Кто-то из них ответил ему: «Должно быть там какое-то из войск хазар».

Он говорит: Тогда ал-Каусар позвал своих спутников, сел на коня, и они вместе с ним поехали верхом, направляясь в сторону дыма. И не успели хазары опомниться, как ал-Каусар предстал перед ними во главе 40 тысяч, и предали их мечам. И было убито из них 10 тысяч, взято в плен 7 тысяч, а остальные бежали, куда глаза глядят, в леса, долины и горы. Затем ал-Каусар подъехал к тем пленным, которые были в его руках, и спросил их: «Сообщите мне, что делает ваш командующий Хазар-Тархан?». Они ответили: «Он уехал охотиться с несколькими своими людьми. И мы не знаем, что он делает!».

Он говорит: И понял ал-Каусар, что тот, кто встретился им, был Хазар-Тархан. Они захватили всех их во время сумерек. Потом отправился назад. И еще не встало солнце второго

⁴³⁹ Не приведена кунья. См. сноску 96 [Ал-Балазури, ар., с.207].

⁴⁴⁰ Под которой, в основном, подразумевают Волгу [Артамонов, 1962, с.223 ; Кляшторный, 1964а, с.16-18]; реке Дон [Ал-Куфи. пер., с.81; Новосельцев, 1990, с.186].

дня, как голова Хазар-Тархана и головы его людей были в лагере Марвана на остриях копий.

Он говорит: Стало это известно хакану, царю хазар, и очень сильно испугало его, и он воздел руки к небесам. Потом он отправил посланца к Марвану б. Мухаммаду: «О, эмир! Ты уже взял в плен хазар и славян (ас-сакалиба), и побил [их], и достиг своей цели. Что же ты хочешь?». Сказал Марван посланцу: «Я хочу от него, чтобы он принял ислам, или же я убью его, захвачу его царство и передам его другому». Посланник попросил у него три дня отсрочки, чтобы вернуться к хакану и сообщить ему это известие.

Он говорит: Марван б. Мухаммад дал ему согласие. И отправился посланник к хакану и сообщил ему [с.74] об этом. И отправил хакан посланца к Марвану: «О, эмир! Я уже принял ислам, я следую [ему] и люблю. Но пришли ко мне человека из твоих людей, чтобы он разъяснил мне его».

Он говорит: Отправил к нему Марван двух человек: один из них — Нух б. ас-Саиб ал-Асади, а другой — ‘Абд ар-Рахман сын такого-то ал-Хаулани.

Он говорит: Выехали они вместе к хакану и изложили ему ислам. Сказал хакан переводчику: «Спроси их от моего имени: Я хочу от вас [обоих], чтобы вы разрешили мне вино и мертвечину». Ал-Хаулани сказал ал-Асади: «Разреши ему это, пока он не принял ислама. А когда он и его народ примут ислам, то мы известим их, что это для них запретно». Ал-Асади сказал: «Я не таков, чтобы разрешать то, что запретил Аллах, и запрещать то, что Аллах дозволил, так как для этой веры годятся только искренность и правдивость». Затем ал-Асади подошел к переводчику и сказал ему: «Переведи своему господину, что в религии ислама нет дозволения запретному и нет запрета дозволенному. И если ты принял ислам, то тебе запретны мертвечина, кровь и мясо свиньи, и все то, над чем не произносилось имя Аллаха при заклинании». Когда переводчик передал это хакану, тот сказал: «Скажи им от моего имени: «Вы истинные мусульмане!».

Он говорит: Затем хакан, царь хазар, принял ислам, вместе с ним приняли ислам много людей из его родственников и жителей его страны.

Он говорит: Марван утвердил его на царство его, затем он побратался с ним как с братом по вере; потом оставил его, принял от него дары и ушел в обратный путь, направляясь к городу Баб ал-Абвабу с сорока тысячами пленных из неверных или более того. Марван поселил их в местности, называемой река ас-Самур, на равнине до земли ал-Курр. После этого он написал Хишаму [с.75] б. ‘Абд ал-Малику, сообщая об этом, и отправил [халифу] пятую часть⁴⁴¹ от всего того, чем Аллах оделил его.

Он говорит: Наступила зима. Марван перезимовал в местности, называемой Касак. А когда ушла зима и пришла весна, он решил вторгнуться в землю ас-Сарира. Он написал своему заместителю, Усайду б. Зафиру ас-Сулами, чтобы тот встретился с ним в земле ас-Сарир с теми воинами и бойцами, которые есть у него...⁴⁴²

⁴⁴¹ Хумс — отчисление с различных видов добычи в размере одной пятой. Введен Мухаммадом как выделявшаяся ему доля военной добычи, заменил традиционную четверть, отчислявшуюся вождю.

⁴⁴² В перевод не включена заключительная часть этого «Рассказа...» со сведениями о походах арабов на княжества горцев в Дагестане, состоявшиеся в 121/739 г.

**ИБН АЛ-АСИР. «АЛ-КИТАБ АЛ-КАМИЛ ФИ-Т-ТАРИХ»
 («СОВЕРШЕННАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ»)»⁴⁴³**

113 г.х. [731-732 г.]

Рассказ о походе Масламы и его возвращении

[т.IV, с.129] В этом году Маслама разослал войска по стране хакана. И были завоеваны города и крепости, он убивал там, брал в плен воинов и членов семей, жег. Покорились ему те, кто по ту сторону гор Баланджар. И убил он сына хакана⁴⁴⁴. Объединились против него все те народы: хазары и другие в таком количестве, числа которого не знал никто, кроме Всевышнего Аллаха. А Маслама уже миновал Баланджар. Когда известие о них достигло его, он отдал приказ своим воинам. И они разожгли костры, потом оставили свои палатки и обозы. [с.130] Он и его воины налегке повернули в обратный путь. Он вперед поставил слабых, а сзади поставил храбрцов. И проходили они за один переход расстояние двух переходов, пока на последнем издыхании не достигли Баб ал-Абваба.

114 г.х. [732-733 г.]

Рассказ о правлении Марвана б. Мухаммада в Арминии и Азербайджане

[с.131] В этом году Хишам б. 'Абд ал-Малик назначил наместником ал-Джазиры, Азербайджана и Арминии Марвана б. Мухаммада [с.132] б. Марвана, а он сын его дяди. Причина этого в том, что он был в Арминии в войске Масламы, воевавшего тогда против хазар. Когда Маслама вернулся, Марван отправился к Хишаму и неожиданно предстал перед ним. [Хишам] спросил [Марвана] и причине его приезда. Ответил [Марван]: «Мне трудно говорить об этом, но я не думаю, что кто-нибудь другой, кроме меня, смог бы принести это известие». Сказал [Хишам]: «А что это?». Ответил Марван: «Нападение хазар на земли ислама⁴⁴⁵, убийство ал-Джарраха и других мусульман⁴⁴⁶ подорвало силы мусульман. А эмир верующих решил отправить против них своего брата Масламу б. 'Абд ал-Малика. Клянусь Аллахом, в их стране его нога ступила только на их ближайшие к нам пределы. Когда Маслама увидел многочисленность своего войска, он обрадовался этому и написал хазарам, объявляя войну. После этого он простоял три месяца, а в это время те люди готовились и собирались. Так что, когда он вошел в их страну, то не нанес им никакого вреда, и главным для него было уцелеть. Я хочу, чтобы ты разрешил мне поход, которым я бы снял позор с нас и отомстил бы врагу». Сказал [Хишам]: «Я разрешаю тебе». [Марван] попросил: «Дай мне сто двадцать тысяч воинов». [Хишам] ответил: «Считай, что получил». Сказал [Марван]: «А ты утай это дело от всех». [Хишам] ответил: «Хорошо. Я тебя назначаю правителем Ар-

⁴⁴³ Ибн ал-Асир соединил в своем изложении материалы ал-Куфи и ал-Табари. К сведениям ал-Куфи он отнесся с недоверием и в своем переложении многое опустил, в том числе и факт принятия ислама хаканом хазар. Опираясь на материалы ат-Табари он датирует часть событий и, таким образом, весь блок сведений ал-Куфи был разделен на две части. К 113 г.х. он отнес события, связанные с правлением на Кавказе Масламы б. 'Абд ал-Малика, а к 114/732-733 г. события, связанные с правлением Марвана б. Мухаммада. Но в 114 г.х. Марван был назначен наместником на Кавказ в первый раз. В материалы, размещенные под 114 г.х., оказались включенными и сведения о походах, предпринятых Марваном б. Мухаммадом во время его второго наместничества на Кавказе (117–119/735–737 гг.).

Воспроизводя сведения ат-Табари, Ибн ал-Асир никак не отмечает их соотношение с данными ал-Куфи.

⁴⁴⁴ См. сноску 424.

⁴⁴⁵ Видимо, имеется в виду упомянутое ал-Куфи продвижение хазар до Мосула в / г.

⁴⁴⁶ Упоминание похода ал-Джарраха свидетельствует о том, что Ибн ал-Асир в своем повествовании опирался на текст ал-Куфи.

Ал-Джаррах б. 'Абдаллах ал-Хаками - Омеядский полководец, прославился походами в Хорасане, затем успешно воевал против хазар в 104-107/ 722-726 и 110-112/ 728-731 гг. Однако в рамадане 112/декабре 730 г. хазары разгромили арабов у Ардабила (южный Азербайджан), много арабских воинов было перебито, был убит сам ал-Джаррах [Халифа, ар., с.354-357; Ал-Куфи, ар., пер., с.29-42].

минию». [Марван] распрощался с ним и отправился правителем в Арминию. Хишам отправил войска из Сирии, Ирака и ал-Джазиры. Собралось у [Марвана] сто двадцать тысяч воинов и добровольцев. Он сделал вид, что собирается напасть на ал-Лан и направиться в их страну. Марван отправил к царю хазар посланца с просьбой о перемирии. [Царь хазар] согласился на это и отправил к Марвану человека, который должен был заключить мир. Задержал Марван у себя посла до тех пор, пока не завершил свою подготовку и все, что хотел. Потом он грубо обратился к [хазарам] и объявил им войну, и с этим отправил посла к его господину, и поручил его человеку, который провел бы его по дальней дороге, а сам отправился по самой короткой из дорог. И не успел посол прибыть к своему господину, как Марван уже появился у них. Он передал это известие своему господину и сообщил ему, что Марван собрал против него, [какое войско] созвал и подготовил. Царь хазар стал совещаться со своими приближенными. Они сказали: «Этот обманул тебя и вошел в твою страну. Если ты будешь ждать пока соберешь [войска], то пока соберешь, пройдет время, и он добьется от тебя, что хочет. А если ты встретишь его с тем, что у тебя [есть], то он обратит тебя в бегство и одержит над тобой победу. А правильное решение, чтобы ты ушел к самым дальним пределам [с.133] своей страны, а ему позволь [делать] то, что он хочет». Он принял их совет и отправился туда, куда ему посоветовали. Марван вошел в эту страну, прошел далеко вглубь, разрушал, грабил, брал в плен и достиг ее крайнего предела, там он пробыл несколько дней, пока не победил их и не отомстил за [арабов]. Он вошел в страну царя ас-Сарира...⁴⁴⁷

Рассказ о разных событиях

[с.134] В этом году прибыл [в Дамаск] Маслама б. 'Абд ал-Малик после того, как разгромил хакана, укрепил то, что там было и построил ал-Баб... В этом году наместником Арминии и Азарбайджана был Марван б. Мухаммад.

117 г.х. [735-736 г.]

[с.137] ...В этом году Марван б. Мухаммад, который был наместником Арминии, отправил два отряда, один из которых завоевал три крепости ал-Лана, а другой напал на Туманшаха, и население его согласилось на мирный договор.

Рассказ о разных событиях

[с.145] В этом году наместником Арминии и Азарбайджана был Марван б. Мухаммад.

118 г.х. [736 г.]

[с.147] В этом году Марван б. Мухаммад б. Марван совершил поход из Арминии и вошел в землю Варниса⁴⁴⁸ через три прохода. Варнис бежал от него к хазарам. Марван встал у его крепости. Марван осаждал ее и обстреливал из камнететных машин. Варнис был убит, его убил проходивший мимо него. Его голову прислали Марвану и выставили ее для населения его крепости. Тогда они сдались на его милость. Он убил воинов и взял в плен детей.

[с.148] В этом году наместником Арминии был Марван б. Мухаммад б. Марван.

119 г.х. [737 г.]

Рассказ о разных событиях

[с.160] В этом году Марван б. Мухаммад совершил поход на Арминию. Он вошел в страну ал-Лан и прошел через нее в страну хазар. Он прошел мимо Баланджара и дошел до ал-Байда, в которой находился хакан, и хакан бежал от него.

Перевод текстов с арабского на русский язык и комментарии подготовила Нурия Гараева

⁴⁴⁷ В перевод не включены сведения о походах Марвана на княжества горцев в Дагестане, принятых в 121/739 г.

⁴⁴⁸ Идентичен Вартнису [Халифа, ар., с.363] или Арбису б. Басбасу [Ал-Куфи, ар., т. VII, с.80-81].

Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья

В конце IX в. в знатной багдадской семье потомков сподвижника основателя ислама Мухаммеда Абдаллаха ибн ал-Масуда родился Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди, которому было суждено занять видное место в истории арабо-мусульманской географической науки, историографии и литературы. По мнению И.Ю.Крачковского, «его основной школой явились, по-видимому, широкие путешествия и живое общение с представителями самых разнообразных слоев». В молодости ал-Масуди путешествовал по Ирану — в 915 г. был в Истахре и Ширазе. Затем он побывал в Индии и на Цейлоне. Неудержимая жажда знаний и путешествий повлекла его с торговцами в Китай, откуда он направился на Занзибар и вернулся в Багдад через Оман. Потом он совершил путешествие по южному берегу Каспийского моря. Затем ал-Масуди долгое время жил в Сирии и Египте, где и умер в Фустате (Каире) в 345 или 346 г. хиджри (=956 г.).

Весь накопленный во время странствий материал — описание значительной части известных в то время арабо-мусульманам земель и народов — Масуди оставил потомкам в виде историко-географических произведений, большая часть которых до нас не дошла. К настоящему времени сохранились только географическое сочинение «Книга наставления и убеждения» («Китаб ат-тенбих ва-л-ишраф») и авторское извлечение из своих больших произведений под названием «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир»), предварительно оконченное в 947 г. и переработанное в 950 г., и представляющее собой цельную историко-географическую энциклопедию «обитаемого мира».

Отрывок из книги ал-Масуди «Мурудж аз-захаб...» мы цитируем по изданию: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. — С.189 и сл. (данное издание — это перевод книги Minorsky V. A history of Sharvan and Darband in the 10 th — 11 th centuries. — Cambridge, 1958, выполненный С.Г.Микоэлян, и существенно отредактированный и дополненный В.Ф.Минорским в 1961 г.).

Слово источнику:

«... Глава XVII

Сообщение о горе Кабх⁴⁴⁹ со сведениями о различных народах, таких как аланы, хазары, различные тюрки и бургары⁴⁵⁰, и сведения о воротах ал-Баб вал-Абваб⁴⁵¹, и о царях и народах, окружающих их.

§1⁴⁵². Масуди говорит: гора Кабх — великая гора, занимающая огромную площадь. Она вмещает много царств и народов. На ней живут 72 народа, каждый из которых имеет своего царя и язык, отличный от других. Эта гора имеет много отрогов и долин. Город ал-Баб вал-Абваб стоит на одном из отрогов, и построил его Кисра Ануширван⁴⁵³ между горой и Хазарским⁴⁵⁴ морем.

⁴⁴⁹ Кавказ.

⁴⁵⁰ Булгары.

⁴⁵¹ Дарбанд (совр. Дербент), буквально «город [главного] прохода и [других] проходов».

⁴⁵² Текст разделен на параграфы В.Ф.Минорским.

⁴⁵³ Хосров I Ануширван (531—579), сасанидский царь. Различные версии основания города см.:

Он воздвиг ту известную стену из самого моря, в которое она вдается на одну милю; затем она тянется вдоль горы Кабх, по ее вершинам, ущельям и долинам на расстояние 40 фарсахов⁴⁵⁵, прежде чем достигнет крепости, называемой Табаристан⁴⁵⁶. Через каждые 3 мили, или больше или меньше, в зависимости от дороги, для которой служили ворота, Ануширван построил железные ворота. С внутренней стороны у каждого ворот он поселил отдельные племена, чтобы охранять ворота и примыкающую часть стены; все это для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству с этой горой, а именно от хазар, аланов, различных тюрков, сарирцев и других неверных. Протяженность горы Кабх вверх, в длину и ширину — 2 месяца пути и даже больше. Вокруг нее живут народы, сосчитать которых может только Создатель...

§4. Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства *Хайдак*⁴⁵⁷, народ которого входит в состав земель хазарских царей⁴⁵⁸. Столицей последних был Самандар⁴⁵⁹, город, лежащий на расстоянии 8 дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но т.к. в ранние дни ислама он был завоеван Сулейманом б. Рабиа ал-Бахили⁴⁶⁰, то управление было перенесено отсюда в город Атил⁴⁶¹ на расстояние 7 дней от Самандара. Атил, там где теперь живет хазарский царь, состоит из трех частей, на которые его делит великая река⁴⁶², которая вытекает из верх-

них частей тюркских земель. От нее [около?] страны Бургаз/Бургар⁴⁶³ отделяется рукав, который впадает в Майтас⁴⁶⁴. Названная столица расположена по обоим берегам реки. В середине реки лежит остров, где находится резиденция правительства. Замок царя⁴⁶⁵ расположен на одной стороне острова, который мостом из лодок соединяется с одним из берегов. Жители столицы — мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода. Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида⁴⁶⁶. Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т.е. в 332 году⁴⁶⁷, и носящий имя Арманус⁴⁶⁸, обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар... Здесь не место рассказывать о принятии иудейства хазарским царем, поскольку мы об этом уже говорили в наших ранних работах⁴⁶⁹.

Что касается язычников в хазарском государстве, то среди разрядов их находятся сакалиба⁴⁷⁰ и русы, которые живут на одной стороне этого города. Они сжигают своих мертвецов вместе с их животными, утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его жену заживо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожженными, чтобы с душами мужей войти в рай...

Кудрявцев А.А. Древний Дербент. — М., 1982. — С.14 и сл.

⁴⁵⁴ Каспийским.

⁴⁵⁵ 1 фарсах = 3 мили = 12 тыс. локтей = 6—7 км.

⁴⁵⁶ Следует читать *Табарсаран*.

⁴⁵⁷ В тексте *Джидан*.

⁴⁵⁸ Есть следующий перевод главы о хазарах: Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. — Princeton, 1954. — P.204 — 215. См., также, работу А.П.Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» (М., 1990).

⁴⁵⁹ См., например: Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. — С.512.

⁴⁶⁰ Салман ал-Бахили был современником халифа Османа (? — 656), с 644 г. правившего Арабским халифатом.

⁴⁶¹ Итиль. См., например: Татарский энциклопедический словарь. — С.231.

⁴⁶² Волга (рус.) — Итиль/Идель (тюрк.).

⁴⁶³ Волжская Булгария.

⁴⁶⁴ Азовское море.

⁴⁶⁵ Т.е. замок кагана/хакана, см. ниже.

⁴⁶⁶ 786—814 гг.

⁴⁶⁷ 943/944 гг.

⁴⁶⁸ Роман I Лакапин (? — 948) — император с 920 по 944 гг.

⁴⁶⁹ Напомню, что большие исторические произведения ал-Масуди не найдены. «Мурудж аз-захаб...» — это авторское извлечение из них.

⁴⁷⁰ Большинство современных исследователей ставит знак равенства между «сакалиба» и славянами. Часть ученых под термином «сакалиба» подразумевает конгломерат северных для арабов племен (славян, финно-угров, тюрков). Отдельные исследователи видят в «сакалиба» одно из тюркских племен.

Большинство в этом городе (*или* стране) составляют мусульмане, т.к. из них состоит царское войско. Они известны в городе как ал-ларисийа, и они являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестны и храбры и служат главной опорой царя в его войнах. Они остались в его владениях на определенных условиях, одним из которых было то, что они будут открыто исповедовать свою веру, иметь мечети и призыв к молитве; также, что должность царского вазира будет сохраняться за ними, как и в настоящее время вазиром является один из них, Ахмад б. Куйа (*или* Куба); также, что, когда у царя будет война с мусульманами, они будут стоять в его войске отдельно и не будут сражаться, но что они будут сражаться вместе с царем против других врагов — неверных. В настоящее время около 7 тыс. из них садятся на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики, вооруженные, как обычно у мусульман. У них есть и мусульманские судьи.

В хазарской столице по правилу 7 судей (*кади*); два из них для мусульман; два — для хазар, которые судят в соответствии с Торой; два — для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием, и один для саклабов, русов и других язычников, которые судят согласно языческому обычаю, т.е. по велениям разума. А когда представится случай большой важности, для которого у них нет знания, они собираются у мусульманских кади, судятся перед ними и следуют тому, что надлежит по шариату. Среди восточных царей этих стран только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье. Всякий мусульманин в тех краях называется по имени этих лариси.

Русы и саклабы, которые, как мы уже говорили, язычники, также служат в войске царя и являются его слугами. В его стране, помимо ларисийа, находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, господствующих там. У них есть соборная ме-

четь с минаретом, который возвышается над царским замком, а также и другие мечети со школами, в которых дети обучаются Корану. Если бы мусульмане и христиане вошли в соглашение, царь не имел бы средств противостоять им.

Масуди говорит: в том, что мы сообщили, мы собственно имели в виду не царя (*малика*) хазар, а *хакана*. В действительности в хазарском государстве имеется хакан и существует правило, чтобы он находился в руках другого царя и в его дворце. Хакан пребывает внутри замка и не может ни выезжать, ни появляться перед придворными и народом, ни покидать свое жилище, где вместе с ним живет его семья. От него не исходят ни приказы, ни запрещения, и он не принимает решений в государственных делах. Однако царь не управлял бы хазарским царством должным образом, если бы хакан не был при нем в столице и бок о бок с ним в замке.

Когда Хазарское царство постигнет голод или другое какое-нибудь бедствие, или когда против него обернется война с другим народом, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знатные люди и простой народ идут толпой к царю (*малику*) и говорят: «Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его, и мы считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы мы его убили». Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам; а иногда он жалеет и защищает его, в том случае если он не совершал никакого преступления, за которое он заслуживал бы наказания, и не был повинен ни в каком грехе. Я не знаю, древен ли такой порядок или нов, но раз должность этого хакана принадлежит членам некой определенной семьи из их знати, я полагаю, что власть находилась у этой семьи издавна, но один Господь бог всеведущ⁴⁷¹.

Хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города вверх по реке, которая течет в их реку из верхних мест и которая называется Буртас⁴⁷²; вдоль нее живут

⁴⁷¹ Эта формула указывает, что в данном случае Масуди не уверен в сказанном.

⁴⁷² По всей видимости, см. текст ниже, это просто главное течение Волги.

оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бурगरями. Эта река течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар.

§5. *Буртас*⁴⁷³ — тюркское племя, живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени. Из их страны идут шкурки черных и рыжих лисиц, называемые *буртаси*. Одна черная шкурка достигает цены в 100 динаров или даже больше; рыжие дешевле в цене. Арабские и персидские цари гордились черными мехами, которые они ценили дороже, чем мех соболей, *фанак*⁴⁷⁴ и других подобных зверей. Цари имели шапки, кафтаны и шубы, сшитые из них, и немыслимо было, чтобы царь не имел кафтана или шубы, подбитых этими черными лисицами буртаси.

§6. В верхней части хазарской реки есть приток⁴⁷⁵, вливающийся в залив моря Нитас⁴⁷⁶ — море русов, по которому не плавают другие племена, и они (русы) обосновались на одном из его берегов.

Русы — громадное племя⁴⁷⁷; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю бургар. Русы имеют

⁴⁷³ А.Х.Халиков считал, что прямыми потомками буртас являются современные татары-мишари.

⁴⁷⁴ ? Сравни: *fenecus arabicus* — «маленькая сахарская лисица».

⁴⁷⁵ Волок, существовавший между Волгой и Доном.

⁴⁷⁶ В залив Черного моря, т.е. в *Майтас* — в Азовское море.

⁴⁷⁷ В.Ф.Минорский писал, что в арабской средневековой литературе употребление термина *рус* (также, как и *саклаб*) «нечетно и запутанно». «Все это показывает, — продолжает свою мысль исследователь, — что у ранних мусульманских географов не было точного разграничения между русами и сакалиба. Не слишком многочисленными скандинавы держались большими группами только в войске или в торговых экспедициях (подчеркнуто мною. — Б.Х.), но не среди земледельческого и охотничьего населения, бывшего славянским. Последнее поглотило скандинавов, за исключением аристократии (рюриковичи и т.д.), которая ославянилась более медленно». См. также далее §8 текста.

в своей земле серебряные копи, вроде тех, что находятся в горах Панджхир в Хорасане.

§7. Город *Бургар* стоит на берегу Майтаса, и я полагаю, что этот народ живет в Седьмом климате⁴⁷⁸. Они [особый?] род тюрков, и караваны постоянно ходят от них в Хорезм, что в хорасанской земле, и из Хорезма к ним; но дорога пересекает кочевья других тюрков, и караваны должны охраняться от них. В настоящее время, когда идет 332 год, бургарский царь мусульманин; он принял ислам в дни Муктадира-Биллаха после 310 года⁴⁷⁹, когда он во сне увидел видение. Его сын уже раньше совершил паломничество, достиг Багдада и привез с собой для Муктадира знамя, *савад*⁴⁸⁰ и дань (или деньги). У бургар есть соборная мечеть⁴⁸¹. Этот царь совершает похо-

⁴⁷⁸ Получается, что город *Бургар* находится на берегу Азовского моря, а народ *бургар* живет гораздо севернее. Ошибка Масуди в том, что он практически не различает (см. также текст ниже) причерноморских болгар периода существования «Великой Булгарии» с центром в Фанагории, болгар «Болгарского царства» на Дунае и болгар «Волжской Булгарии» (плюс к этому следует учесть наличие болгарских этнических групп на Северном Кавказе, в Прикаспии и Северном Причерноморье). По правильному замечанию В.М.Бейлиса, соседство населения Киевской Руси и с волжскими, и с дунайскими булгарами послужило для Масуди лишним доводом (основным являлось общность этнонима) для объединения их в одно целое. Эта ошибка присуща не только Масуди, но и ал-Идриси (1100—1165), и другим авторам.

⁴⁷⁹ После 922 г. — в этом году Волжскую Булгарию посетил известное посольство багдадского халифа ал-Муктадира, чтобы официально ввести там ислам (см. записки Ибн Фадлана).

⁴⁸⁰ *Савад* — букв. «чернота». В.Ф.Минорский писал: «Возможно, в подлиннике говорилось нечто об аббасидских «черных знаменах»».

⁴⁸¹ Сравни: «...Царь булгар, Алмуш по имени, исповедует ислам... Большая часть булгар исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами...» (Ибн Русте, начало X в.); «Болгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город

ды на Константинополь с войском в 50 тыс. конников и более и рассылает свои грабительские отряды вокруг Константинополя в страны Рима и Андалусии, к бургундцам, галисийцам и франкам⁴⁸². От него до Константинополя около двух месяцев безостановочного пути через обитаемые земли и степи...

В стране [волжских] бугар в течение части года ночи чрезвычайно коротки. Некоторые из них говорят, что человек не успеет сварить горшок мяса, как настает утро⁴⁸³...

§8. Русы состоят из многочисленных племен разного рода. Среди них находятся урманы⁴⁸⁴, которые наиболее многочисленны⁴⁸⁵ и с торговыми целями постоянно посещают страны Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар. Несколько времени после 300 года⁴⁸⁶ около 500 судов их прибыли в пролив Нитаса, соединенный⁴⁸⁷ с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. Их за-

---

Сувар, где также находится главная мечеть...» (Ал-Балхи, начало X в.); «Булгар — имя города, и они — мусульмане, в городе — соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть...» (Ал-Истахри, начало X в.); «Булгар — город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все мусульмане; из него выходит до 20 000 всадников. Со всяким войском кафиrow, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают... Сувар — город вблизи Булгара; в нем борцы за веру, так же, как в Булгаре...» («Худуд ал-алам», конец X в.) и т.д.

⁴⁸² По-видимому, эта информация отражает военно-политическую активность дунайских булгар (болгар) в период правления Симеона (893—927 гг.), безусловно, самого выдающегося среди правителей так называемого «Первого Болгарского царства». Подробнее см.: Краткая история Болгарии. — М., 1987. — С.75—78.

⁴⁸³ Сравни, например, с сообщениями Ибн Фадлана, ал-Гарнати и Ибн Батуты (Из глубины столетий /Сост. Б.Л.Хамидуллин. — Казань, 2000. — С.81, 99, 101, 197).

⁴⁸⁴ Норманны.

⁴⁸⁵ См. комментарии о русах.

⁴⁸⁶ После 912 г.

⁴⁸⁷ ? *Нитас* — Черное море, *Хазарское море* — это Каспий. Два последующих комментария, возможно, облегчат понимание этого предложения.

дача оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря до Нитас. Это нужно потому, что тюркские кочевники — гузы приходили зимовать в этих местах. Иногда рукав, который соединяет реку хазар⁴⁸⁸ с проливом Понта⁴⁸⁹, замерзает, и гузы с их конями переправляются через него. Это большая вода, но она не расступается под ними потому, что зимой она крепнет, как камень⁴⁹⁰. Так гузы проходили на хазарскую территорию, и нередко, когда люди хазарского царя, поставленные здесь для отражения гузов, не могли удержать их, выступал сам царь, чтобы воспрепятствовать их прохождению по льду и отогнать их от своего царства; но летом для тюрков нет пути для переправы. Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем, прося разрешения пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку и таким образом достичь Хазарского моря, каковое... есть море Джурджана, Табаристана и других аджамских областей, с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это беззаконие, и они вошли в пролив, достигли устья реки и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки, по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда поплыли в город Амоль в Табаристане. Названная река велика и несет много воды. Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтеносную область и на земли, лежащие по направлению к Азербайджану. Надо знать, что расстояние от округа Ардебиль в Азербайджане до этого моря составляет 3 дня пути. Русы проливали кровь, делали что хоте-

---

⁴⁸⁸ Волгу.

⁴⁸⁹ Масуди имеет в виду Дон (Танаис) и волок между Доном и Волгой.

⁴⁹⁰ Ал-Гарнати писал о Волге: «И замерзает эта река так, что становится как земля, ходят по ней лошади и телята и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются...».

ли с женщинами и детьми и захватывали имущество. Они рассылали отряды, которые грабили и жгли. Народы, живущие на побережьях этого моря, пришли в смятение, т.к. в прежние времена не видали, чтобы враг наступал на них с моря и по нему ходили лишь суда купцов и рыбаков. Русы сразились с гилянцами, дейлемцами и с одним из военачальников Ибн Аби ас-Саджа, а затем перешли на нефтеносный берег царства Ширван, известный как Бакух. По возвращении с побережья русы укрылись на островах, которые находятся лишь в нескольких милях от нефтеносной области⁴⁹¹.

Царем Ширвана в те дни был Али б. Хайсам. Сделав приготовления, жители на своих лодках и торговых судах поплыли к этим островам, но русы направились к ним, и тысячи мусульман были убиты и потоплены. Русы пробыли на этом море много месяцев, и, как мы описывали, у народов не было пути к ним⁴⁹² иначе, как пересекши море. В отношении их люди держались в готовности и настороже, ибо это море обильно племенами, живущими вокруг него. Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки⁴⁹³ и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними. Хазарский царь не имел морских судов, и его люди не умели обращаться с ними; не будь этого, мусульманам от него было бы больше бед. Ларисийцы и другие мусульмане царства узнали о том, что натворили русы, и сказали царю: «Предоставь нам расправиться с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили женщин и детей». Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними. Мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке, ища встречи с ними. Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда. Мусульман было 15 тыс. на конях и в полном снаряжении; с ними были и некоторые из

христиан, живущих в городе Атиль. Битва между ними длилась 3 дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслось из них около 5 тыс., которые на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас. Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые также поубивали их. Насколько можно было подсчитать, число тех, кого мусульмане убили на берегу Хазарской реки, было около 30 тыс., и с того времени русы не возобновляли того, что мы описали...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

⁴⁹¹ Имеются в виду мелкие острова у входа в Бакинскую бухту.

⁴⁹² К русам?

⁴⁹³ Волги.

Персидский аноним о гузах

Географическое сочинение «Худуд ал-алам» («Границы мира») составлено в 982/983 г. и содержит сведения «о земных областях и царствах, о всех, про какие можно было узнать из книг или рассказов умных людей».

Единственная рукопись этого сочинения, обнаруженная в 1892 г. в Бухаре и принадлежавшая первоначально А.Туманскому, была заключена в одном общем томе с тремя другими рукописями: 1) географическое сочинение «Джехан-наме»; 2) сочинение о музыке; 3) рассматриваемое нами сочинение под полным названием «Худуд ал-алам мин ал-машрик иля-л-магриб» («Границы мира от востока к западу»), на 39 отдельных листах; 4) сочинение «Джами-ал-улюм» Фахр ад-дина Рази.

Как сказано в начале рукописи «Худуд ал-алам», труд начат в 372 (982/983) г. и предпринят для правителя области Гузгана, или Гузганана (араб. *Джезджан*), Абу-л-Хариса Мухаммеда ибн Ахмеда из рода Феригунидов. Кроме отмеченного выше общего заявления об использованных «книгах и рассказах умных людей», анонимный автор ни разу не приводит ни одного из своих источников. Изыскания В.В.Бартольда (см.: Худуд-ал-алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В.В.Бартольда. — Л., 1930) обнаружили зависимость автора от Птолемея и Аристотеля, а также от арабских географов Балхи и Истахри; кроме того, А.Туманским произведено сравнение соответствующих мест рукописи с аналогичными сведениями о славянах и русах Ибн Русте (Туманский А. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русах // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. — СПб., 1897. — Вып. X. — С. 121—139). Главным же источником сведений автора о тюркских народах является, по-видимому, не дошедшее до нас сочинение ал-Джейхани.

В 1937 г. В.Минорский опубликовал сделанный им полный перевод анонимного сочинения: Hudud-al-Alam. «The regions of the world» a persian geography. 372 A.H. — 982 A.D./Translated and explained by V.Minorsky, with the preface by V.V.Barthold (1930) translated from the russian. — L., 1937 (GMS, NS, XI).

Здесь мы цитируем часть перевода текста из «Худуд ал-алам» по изданию В.В.Бартольда под редакцией А.А.Ромаскевича (Материалы по истории туркмен и Туркмении. — Т. I. VII — XV вв. Арабские и персидские источники /Под редакцией С.Л.Волина, А.А.Ромаскевича и А.Ю.Якубовского. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — С. 209—211).

Слово источнику:

«Страна гузов и ее границы

И еще Каспийское море. С восточной стороны его пустыня, примыкающая к области гузов и Хорезму, северная сторона примыкает к области гузов и отчасти хазаров; западная сторона его примыкает к городам хазаров и Азербайджана, южная сторона его примыкает к городам Гиляна, Дей-

лемана, Табаристана и Гургана. У этого моря нет никаких проливов. В длину море 400 фарсахов, в ширину 400 фарсахов. Из моря ничего не добывается, кроме рыбы. . .

И еще море Хорезмское, оно от Хорезма на расстоянии 40 фарсахов на северо-за-

пад. Вокруг него все места принадлежат гузам. Окружность этого моря 300 фарсахов.

В Хазарском море есть 2 острова. Один против Дербенда Хазарского; его называют остров ал-Баб. Оттуда добывается марена, которая расходится по всему свету и употребляется в дело красильщиками. Другой остров — Сияхкух. Там живет племя тюрок из гузов и занимается разбоем на море и суше. Есть еще другой остров, однако один угол его соединяется с сушей. Он находится против Дихистана. Его называют Дихистанан Сур. На нем живет небольшое количество людей, которые занимаются ловлей соколов, пеликанов и рыбы.

И еще р. Рас⁴⁹⁴ на севере, в области гузов. Река большая, черная и зловонная, вытекает из той горы, которая находится между областью кимаков и хирхизов⁴⁹⁵, проходит по области гузов и впадает в Хазарское море. И еще р. Артуш — тоже вытекает из этой горы. Воды в ней много, она черна. Однако воду можно пить — она пресная. Проходит река между областями гузов и кимаков, пока не достигает селения Джуин, в области кимаков; затем она впадает в р. Атиль.

И еще р. Атиль, которая также вытекает из этой горы, севернее Артуша. Река большая и широкая, все время течет по области кимаков, пока не достигает селения Джуин. После того она течет между областями гузов и кимаков. Повернувшись к западу, река проходит до области булгар, затем поворачивает в южную сторону, течет между областями тюркских печенегов и бургасов, проходит через город Атиль в области хазаров и после того впадает в Хазарское море⁴⁹⁶.

⁴⁹⁴ Рас, по-видимому Илек, приток Яика (Урала).

⁴⁹⁵ Киргизов.

⁴⁹⁶ Представления автора «Худуд ал-алам» о направлении Атиля (Волги) построены в духе классической арабской географической литературы. Едва ли прав В. Минорский, считающий, что эти представления персидского географа совсем одиноки. Верховья Волги рассматривались и им и ал-Истахри как верховье Камы, которая якобы вытекала из Алтайских гор. Только этим неверным представлением и можно объяснить, что, согласно ал-Истахри и автору «Худуд

И еще есть река в области Хорасана. Ее называют р. Хиренд⁴⁹⁷. Она вытекает из горы Тус, идет через области Асатаву⁴⁹⁸ и Джармукана, протекает через область Гурган, затем течет к г. Абаскуну и впадает в Хазарское море.

И еще есть пустыня. В восточном направлении граница ее проходит по области Мерва, вплоть до Джейхуна. В южном направлении она проходит по областям Баверда, Несы, Феравы, Дихистана и Хазарского моря вплоть до границ Атиля. С запада пустыни — р. Атиль. С севера ее — р. Джейхун, Хорезмское море, область гузов до границы булгар. Эту пустыню называют пустыней Хорезмской и Гузской. Внутри этой пустыни есть пески. Они начинаются от области Балха, идут к югу от Джейхуна и тянутся до Хорезмского моря. Есть места, где в ширину эти пески в 1 переход, а есть места в 7 переходов.

Слово об области халлухов⁴⁹⁹ и ее городах

На востоке от нее — некоторые из областей Тибета, области ягма⁵⁰⁰ и области тогузгузов. С юга — некоторые из областей ягма и область Мавераннахр. На западе — области гузов и на севере — области тухси, чигилей и тогузгузов. Эта область населенная и самая богатая из областей.

Всякий раз как между кимаками и гузами бывает мир, зимою они идут к гузам. Царя кимаков зовут хаканом.

ал-алам», Волга протекала между областями гузов и кимаков.

⁴⁹⁷ Автор смешивает две реки: в его представлении верховья Атрека и низовья Гюргена образуют одну реку, называемую им Хиренд.

⁴⁹⁸ Так огласовано в рукописи, обычно *Устува*.

⁴⁹⁹ Т.е. карлуков, занимавших, по «Худуд ал-алам», долину р. Чу и Тянь-Шань.

⁵⁰⁰ Ягма — тюркская кочевая народность, занимавшая, по «Худуд ал-алам», территорию современного Восточного Туркестана (Синьцзян).

Андараз-Хифчак⁵⁰¹. Область, принадлежащая кимакам. Люди ее некоторыми обычаями похожи на гузов.

Слово об области гузов

К востоку от нее — гузская пустыня и города Мавераннахра. С южной стороны — часть этой пустыни, другая же часть — Хазарское море. С запада и севера области — р. Атиль. Люди — вызывающе наглы и воинственны, недоброжелательны и завистливы; бродят по пастбищам и всюду, где есть трава, и лето и зиму. Достояние их — лошади, быки и бараны. У них есть оружие, и они немного занимаются охотой⁵⁰². Среди них бывает много купцов и из самих гузов и из...⁵⁰³. Они поклоняются каждой вещи, которая чем-нибудь хороша или удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, им поклоняются. Эти лекари распоряжаются и жизнью и имуществом их⁵⁰⁴. У них нет никаких городов⁵⁰⁵.

Они представляют множество людей, живущих в палатках, и это — люди вооруженные, храбрые и решительные в сражении. Они постоянно приходят воевать в области ислама. На какую бы местность они ни напали, они топчут ее и грабят, и затем быстро возвращаются назад. У каждого из их племен бывает старшина, вследствие того, что они не умеют ладить друг с другом.

[Из главы «Слово об области тюркских печенегов».] С востока этой области область гузов».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

⁵⁰¹ Название неясное, может означать «внутренние хифчаки». Хифчаки — это кипчаки.

⁵⁰² Характерно, что автор «Худуд ал-алам» ни слова не говорит о земледелии у гузов. Это молчание вполне понятно, ибо автор не причисляет в своем сочинении к гузским владениям земли на Сырдарье, где главным образом в X в. и находились посеяны. О том, что гузы знали и оседлую жизнь, совершенно ясно говорит ал-Масуди: «преобладают среди тюрков в этом месте гузы, частью кочевые, частью оседлые» (ал-Масуди имеет в виду нижнее течение Сырдарьи).

⁵⁰³ Текст крайне неясен, и, вероятно, здесь пропуск.

⁵⁰⁴ Здесь со всей четкостью выступает шаманизм.

⁵⁰⁵ Автор «Худуд ал-алам» — единственный, кто отрицает у гузов существование городов, хотя сам ниже упоминает Дех-и-нау (Янгикент).

№ 13

Анна Комнина о печенегах, гузах и половцах

Византийская принцесса Анна Комнина родилась в 1083 г. Вскоре после смерти отца, императора Алексея I Комнина, она попыталась вырвать власть из рук своего брата Иоанна, но потерпела неудачу и удалилась в монастырь, где, будучи уже в преклонном возрасте, и написала историю царствования своего отца, содержащую уникальные сведения о Первом крестовом походе, о войнах Византии с норманнами, о народах евразийских степей (обобщенно названных ею *скифами*). Умерла она около 1153—1155 гг. Ее труд мы цитируем по изданию: Анна Комнина. *Алексиада* /Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского /Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». — М.: Наука, 1965.

Слово источнику:

«...Я желаю рассказать о нападении на Ромейскую державу, которое было страшнее и грандиознее предыдущего⁵⁰⁶, и возвращаю свой рассказ к началу⁵⁰⁷, ибо вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим. Одно из скифских племен⁵⁰⁸, которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов⁵⁰⁹, снялось со своих мест и спустилось к Данувию⁵¹⁰. Скифам нужно было заключить договор с жившими по Данувию племенами, и они с общего согласия вступили в переговоры с их вождями: Татушем, по прозвищу Хали, Сеславом и Сацой⁵¹¹. Первый из них владел Дристрой, остальные — Вичиной и другими городами. Заключив с ними договор, скифы свободно переправились через Данувий, стали грабить соседние земли и захватили несколько городков. В дальнейшем, немного утихомирившись, они стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу.

Между тем манихей Травл со своими товарищами... узнав о действиях скифов,

произвели на свет то, что давно вынашивали в себе: они заняли крутые дороги и теснины, пригласили к себе скифов и стали грабить территорию Ромейского государства...

Получив об этом известие, император Алексей приказал взять войско и выступить против скифов доместику Запада Бакуриани, которого он знал как человека, вполне способного руководить войском, строить его в фаланги и весьма искусного в боевых маневрах. Вместе с ним должен был отправиться Врана, также человек весьма воинственный. Бакуриани подошел к скифам тогда, когда они, пройдя через теснины, расположились лагерем у Белятово. Видя многочисленность врага, он воздержался от битвы, считая, что лучше в настоящее время без боя сохранить в целостности свое войско, чем потерпеть поражение в бою со скифами и понести большие потери. Однако это решение не понравилось отважному и дерзкому Вране. Доместик, дабы на него не пало подозрение, что он из трусости откладывает битву, уступил настояниям Враны, приказал всем воинам вооружиться, построил их в боевые порядки, взял на себя командование центром фаланги и выступил против скифов. Т.к. ромейское войско не составляло и малой части вражеских сил, все воины пришли в ужас от одного вида противника. Тем не менее они напали на скифов; в сражении многие из них были убиты, пал и получивший смертельную ра-

⁵⁰⁶ Ранее Анна писала о войне Византии с турками-сельджуками.

⁵⁰⁷ К 1086 г., к событиям начала печенежской войны; «Алексиада» — практически единственный источник наших сведений об этих событиях.

⁵⁰⁸ Печенеги.

⁵⁰⁹ Со стороны гузов.

⁵¹⁰ К Дунаю.

⁵¹¹ Этническая принадлежность их не ясна.

ну Врана. Доместик яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но ударился о дуб и тотчас же испустил дух.

...И тем не менее Алексей не пал духом от поражения: он призвал к себе Татикия, снабдил его большой суммой денег и отправил в Адрианополь с приказом заплатить воинам годовое жалованье и собрать отовсюду военные силы, чтобы, таким образом, вновь сколотить сильное войско. Умбертопулу же он приказал оставить в Кизике сильный гарнизон и с одними кельтами немедленно явиться к Татикию⁵¹².

Татикий, увидев латинян вместе с Умбертопулом, воспринял духом и, т.к. ему и самому удалось собрать сильное войско, тотчас выступил против скифов. Подойдя к окрестностям Филипполя, он располагается лагерем на берегу реки, которая протекает у Блисна. Когда же Татикий увидел скифов, возвращающихся из набега с большой добычей и многочисленными пленниками, он, не успев еще сгрузить в лагере снаряжение, выделил из своего войска сильный отряд и послал его против скифов. Затем он вооружился сам, приказал облачиться в доспехи всем своим воинам, построил фаланги и выступил вслед за посланным отрядом. Заметив, что скифы с добычей и пленниками соединились с остальным скифским войском на берегу Гебра, Татикий разделил свое войско на две части, приказал на обоих флангах поднять боевой клич и с воинственными возгласами и громкими криками напал на варваров. В завязавшейся жестокой битве большинство скифов было убито, но многие рассеялись в разные стороны и спаслись. Забрав всю добычу, Татикий победителем вступил в Филипполь.

Расположив там все войско, он стал раздумывать, с какой стороны и каким образом следует ему вновь напасть на варваров. Зная, что их силы неисчислимы, Татикий разослал во все стороны наблюдателей, чтобы от них постоянно получать сведения о скифах. Возвратившись назад, наблюда-

тели сообщили, что великое множество варваров находится у Белятово и опустошает окрестности. Татикий ожидал прихода скифов, но, не имея достаточно сил, чтобы противостоять такой массе врагов, находился в полном смятении чувств и не знал, что предпринять. Тем не менее он оттачивал свое оружие и вдохновлял войско к битве. Между тем к Татикию явился некто, кто сообщил о приближении варваров, утверждая, что они находятся уже недалеко.

Татикий сразу же взял оружие, вооружил все войско, немедленно переправился через Гебр, расположил по отрядам фаланги, выстроил их для битвы и сам принял командование центром боевого строя. Варвары со своей стороны тоже выстроились в принятый у скифов боевой порядок и установили свои войска для сражения; они, казалось, искали битвы и как бы вызывали на бой противника. Однако оба войска пребывали в страхе и оттягивали схватку: ромеев смущало численное превосходство скифов, скифы же с опаской посматривали на одетых в латы ромеев, на их знамена и сверкающие как звезды доспехи. Только дерзкие и отважные латиняне желали первыми вступить в бой и точили на врагов свои зубы и оружие. Однако их сдерживал Татикий, человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события. Оба войска стояли на месте, каждое выжидало, когда другое придет в движение, и ни один воин ни с той, ни с другой стороны не осмеливался выехать на середину. Когда солнце уже клонилось к закату полководцы вернулись в свои лагеря. То же самое повторялось два следующих дня... На третье утро скифы отступили...

С наступлением весны главный военачальник скифского войска Челгу прошел через расположенную по Данувию долину (он вел за собой примерно 80-тысячное смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов, вождем которых был Соломон)⁵¹³ и принялся опустошать города. Челгу подошел к самому Хариополю, захватил там большую добычу и явился в место под названием Скотин. Когда об этом узнали Ни-

⁵¹² Татикий — самый деятельный и преданный Алексею полководец; под названием «кельты», так же как и «латиняне», Анна подразумевает вообще «людей с Запада».

⁵¹³ Даки — здесь это венгры.

колай Маврокатакалон и Вебециот... они вместе со своими войсками прибыли в Памфил...

С наступлением дня Челгу, намереваясь вступить в битву с Маврокатакалоном, построил свое войско. Маврокатакалон же, желая осмотреть варварское войско, вместе с несколькими военачальниками поднялся на гребень возвышающегося над равниной холма. Видя множество варваров, он, хотя и страстно желал боя, решил повременить со сражением, ибо сознавал, что ромейское войско не составляет и малой части варварских сил... Все военачальники побуждали Маврокатакалона начать бой. Он и сам был склонен к такому решению и поэтому, разделив войско на три части, приказал поднять боевой клич и завязал сражение с варварами. Много скифов было ранено, не меньше убито. Сам Челгу, мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги, получил смертельную рану и испустил дух...

Изгнанные, таким образом, из областей Македонии и Филипполя, скифы вновь вернулись на берега Истра, обосновались там и принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью. Это стало известно императору... Набрав значительную армию, он стал раздумывать, не следует ли ему пройти через теснины и вступить в бой со скифами...

...Когда труба громкими звуками уже побуждала всех выступить против скифов по дороге через Гем, Вриенний, который всеми силами безуспешно старался отвлечь самодержца от этого предприятия, сказал ему наставительно: «Знай, император, если ты перейдешь через Гем, то узнаешь, чьи кони резвей». Его спросили, что означают эти слова, и он пояснил: «Когда все обратятся в бегство»...

...И вот со скифской стороны увидели, что по реке плывет Георгий Евфорвин, и узнали о приближении самодержца с большим войском по суше. Сочтя невозможным сражаться одновременно против того и другого врага, скифы стали искать способ избежать грозящей им опасности. Они отправляют с посольством 150 человек, которые должны были предложить Алексею мир, вместе с тем в своей речи пригрозить ему и,

если самодержцу будет угодно согласиться на их просьбы, пообещать по первому требованию явиться к нему на помощь с 30 тысячами всадников. Однако самодержец разгадал обман скифов. Он понял, что делают они это предложение лишь с целью избежать нависшей угрозы и, как только окажутся в безопасности, сразу же разожгут из искры ненависти большой пожар. Поэтому император не принял предложения скифов...

На следующий день император подошел к реке, протекающей вблизи Дристры, примерно в 24 стадиях от нее, сложил снаряжение и расположился лагерем. Но скифы неожиданно напали с другой стороны на императорский стан, убили большое число легковооруженных воинов и захватили в плен многих мужественно сражавшихся манихеев. Во время нападения в войске поднялась большая паника, и беспорядочно бегущие всадники обрушили императорскую палатку. Недоброжелателям самодержца это показалось дурным предзнаменованием. Однако император силами одного из отрядов своего войска отогнал подальше от палатки напавших на него варваров, дабы они вторично не подняли паники в его лагере, затем тотчас же сел на коня, успокоил волнение и в полном порядке выступил с войском по дороге на Дристру (это самый знаменитый среди приистрийских городов), чтобы атаковать город с помощью гелепол.

...Скифы тоже встали в боевые порядки — ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, — устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями огородили свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до «уздечки», и лишь затем разом бросились на врагов.

Во время этих приготовлений вдалеке показались скифы, двигавшиеся со своими крытыми повозками, женами и детьми. Разразилась битва, длившаяся с утра до вечера; произошла большая резня, в результате которой с той и с другой стороны пало немало воинов... Победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, и оба войска продолжали упорно сражаться, когда вдали показались скифские лохаги⁵¹⁴ во главе 36-тысячного войска; ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад.

...В это время к Истру подходит Татуш с куманами, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Видя столь большую добычу и такое множество пленников⁵¹⁵, куманы сказали скифским военачальникам: «Мы оставили родину, проделали столь длинный путь и пришли к вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете отправить нас назад с пустыми руками. Ведь мы не преднамеренно явились после окончания битвы, и виноваты в этом не мы, а император, поспешивший начать бой. Поэтому если вы не разделите с нами всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками». Скифы на это не согласились. Куманы не стерпели отказа, и разразилась жестокая битва, в результате которой скифы были наголову разбиты и с большим трудом добрались до так называемой Озолимны. Теснимые куманами, они долгое время пробыли там, не решаясь пуститься в путь.

Озеро, которое мы теперь называем Озолимной, очень велико... Оно расположено за Ста холмами⁵¹⁶, и в него впадают широкие и очень красивые реки. По озеру плавают много больших грузовых судов, и уже по одному этому можно заключить, какова его глубина. Озолимной же оно называется... потому что некогда к этому озеру подошло гуннское войско (этих гуннов на простонародном языке называют узами), которое расположилось на его высоких берегах. По-

этому озеро и назвали Узолимной... Вот те несколько замечаний об упомянутой выше Озолимне, которые я сделала в соответствии с задачами исторического сочинения. Куманы, ощущая недостаток в провианте, возвращаются тем временем на родину, чтобы запастись провизией и снова выступить против скифов.

Между тем император, находясь в Боруе, стягивает туда войска и вооружает пленников⁵¹⁷ и всех остальных воинов... Затем самодержец покинул Боруи и со вновь собранным войском прибыл в Адрианополь. Скифы же, пройдя по узкой долине, расположенной между Голоей и Диамболем, разбили свой лагерь около города Маркеллы. Самодержец, зная о действиях куманов и ожидая их возвращения, страшился и опасался их прихода. И вот Алексей призвал к себе Синесия, снабдил его хрисовулом и отправил к скифам с приказом воспрепятствовать дальнейшему продвижению варваров, задержать их в пределах занятой ими ранее области и, если только противники согласятся, заключить мир и выдать заложников, щедро снабдить их всем необходимым. В намерения императора входило воспользоваться помощью скифов в борьбе против куманов в том случае, если куманы подойдут к Истру и попытаются продвинуться дальше. Если бы скифы не согласились на это предложение, Синесий должен был бы покинуть их и вернуться назад. Упомянутый Синесий прибыл к скифам и, соответствующим образом обратившись к ним, убедил их заключить договор с императором⁵¹⁸. Находясь у скифов, Синесий всем им высказывал большое почтение и избегал подать какой бы то ни было повод для обиды.

Между тем вернулись назад куманы, готовые вступить в бой со скифами. Они не нашли скифов на прежнем месте и, узнав, что те, пройдя клисуры, прибыли в Маркеллу и заключили мирный договор с императором, попросили разрешения пройти через клисуры и напасть на скифов. Но импера-

⁵¹⁴ Греческий термин «лохаг» обозначает командира отряда из 16 человек.

⁵¹⁵ Захваченных печенегами во время боя.

⁵¹⁶ Это в Добрудже.

⁵¹⁷ Т.е. византийцев, которых Алексей выкупил из плена.

⁵¹⁸ Точная дата этого события не известна, можно условно говорить об осени 1087 г.

тор, уже заключивший договор со скифами, не дал им на это согласия, сказав: «Не нужна мне ваша помощь, берите причитающуюся вам плату и возвращайтесь назад». Алексей милостиво обошелся с куманскими послами, щедро их одарил и отпустил с миром. Этот поступок Алексея придал смелости скифам, которые нарушили договор и, вновь принявшись за свои бесчеловечные деяния, стали опустошать прилежащие города и земли. Ведь вообще все варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры...

И вот оба противника — самодержец и скифы — подошли к Кипселлам. Ожидаемое наемное войско⁵¹⁹ еще не прибыло, и самодержец, который хорошо знал подвижность скифской армии и видел, что она стремительно приближается к царице городов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Не имея сил бороться с таким множеством варваров, он, как говорится, выбрал из всех зол меньшее и решил заключить новый мирный договор. Он отправил послов с предложением мира, и скифы сразу же пошли навстречу его желанию...

Недолго скифы соблюдали мирный договор...

...Ромеи, окопавшиеся у Хирина, узнали о приближении огромного скифского войска и сообщили об этом самодержцу... Отчаяние и страх охватили императора, когда он увидел, что его войско не составляет и малой доли скифской армии и что не в человеческих силах помочь ему. Тем не менее Алексей не пал духом, не опустил руки; напротив, он старался найти выход из положения.

Через 4 дня он издали заметил, как с другой стороны к нему уже приближается почти 40-тысячное куманское войско. Опасаясь, что куманы соединятся со скифами и вместе с ними навяжут ему кровопролитную битву (Алексей не ждал от нее ничего, кроме гибели всего войска), император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. Главными

предводителями куманского войска были Тогортак, Маниак и другие воинственные мужи. Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. Поэтому он предпочел ради безопасности со всем войском уйти отсюда и переправиться обратно через реку⁵²⁰, но прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору; позже других, после долгих колебаний пришел Маниак.

Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стол, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников — ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства и попросили разрешения сражаться с печенегами в течение трех дней. При этом они обещали, если бог дарует победу, разделить на две части всю захваченную добычу и половину выделить императору. Император предоставил им право по их желанию преследовать скифов в течение не только трех, но целых десяти дней и к тому же заранее подарил им всю добычу, которую они должны были бы захватить, если бы только бог послал им победу. До тех пор скифская и куманская армии оставались на своих местах, и куманы тревожили скифское войско стрельбой из лука.

...Так действовал император. Между тем скифы, расположившись по берегам речки под названием Мавропотам, начали тайком привлекать на свою сторону куманов, призывая их стать союзниками. Вместе с тем они непрерывно отправляли послов к императору с предложением мира. Алексей догадывался о хитром замысле скифов и давал уклончивые ответы послам, желая внушить им мысль, что к нему должно подойти наемное войско из Рима. Куманы же, поскольку обещания печенегов были двусмысленными, не перешли к ним и вечером обратились к императору со следующи-

⁵¹⁹ Граф Фландрии, Зеландии и Голландии Роберт I обещал отправить на помощь ромеям 500 всадников.

⁵²⁰ Имеется в виду р. Марица, на правом берегу которой стояла крепость Хирины.

ми словами: «До каких пор будем мы оттягивать бой? Знай, что мы больше не намерены ждать и с восходом солнца отведаем мяса волка или ягненка». Император выслушал это и, зная крутой нрав куманов, больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам на завтра вступить в бой со скифами, а сам немедленно созвал военачальников, пентеконтархов и остальных командиров и велел им объявить по всему лагерю о назначенной битве. Несмотря на принятые меры, император опасался бесчисленного множества печенегов и куманов и боялся соединения обоих войск...

С первой улыбкой утра Алексей в полном вооружении вышел из ложины и приказал подать сигнал к бою. У подножия так называемого Левуния он разделил свое войско и выстроил фаланги по отрядам. Сам пышущий яростью самодержец встал впереди строя, командование правым флангом принял Георгий Палеолог, левым — Константин Далассин. Справа от куманов стоял в полном вооружении вместе со своими воинами Монастра. Видя, что самодержец устанавливает фаланги, куманы также вооружили и выстроили в принятый у них боевой порядок свои отряды. Слева от них находились Уза и — фронтом на запад — Умбертопул с кельтами. Как бы огородив свое войско строем фаланг и окружив его плотным кольцом конных отрядов, самодержец приказал вновь подать трубой сигнал к бою.

Ромеи, опасаясь неисчислимого скифского войска и несметного множества крытых повозок, которые скифы использовали вместо стены, в один голос воззвали к милости всевышнего и, опустив поводья, бросились в бой со скифами; самодержец несся впереди всех. Строй принял вид серпа, и в один момент, будто по условному знаку, все войско, в том числе и куманы, ринулось на скифов. Один из самых главных скифских военачальников понял, чем все это может кончиться, и решил заранее обеспечить себе спасение: в сопровождении нескольких скифов он явился к куманам — последние говорили на одном с ним языке. Хотя куманы ревностно сражались со скифами, тем

не менее он питал к ним больше доверия, чем к ромеям, и хотел воспользоваться их посредничеством перед самодержцем. Самодержец заметил это и стал опасаться, как бы и другие скифы не перешли к ним, не привлекли на свою сторону куманов и не убедили их направить против ромейской фаланги как помыслы свои, так и коней. Поэтому император, который всегда умел находить выход из критического положения, немедленно приказал императорскому знаменосцу со знаменем в руках встать у куманского лагеря.

К этому времени скифский строй был уже прорван, оба войска сошлись в рукопашной схватке и началась резня, подобной которой никто никогда не был свидетелем. Страшные удары мечей поражали уже постигнутых божьим гневом скифов...

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не 10 тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было 29 апреля, в третий день недели⁵²¹. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая».

...Здесь я должна кончить свой рассказ о скифах, хотя из многочисленных событий я коснулась лишь немногих и, можно сказать, погрузила только кончики пальцев в воды Адриатического моря...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

⁵²¹ Сражением 29 апреля 1091 г. заканчивается шестилетняя византийско-печенежская война. Утверждение Анны о гибели всего печенежского народа не верно.

№ 14

Ал-Гардизи о тюрках

Абу Саид Абд ал-Хайя бин Заххак ал-Гардизи — персидский географ, живший в XI в. Свое сочинение «Зайн ал-ахбар» он написал в период царствования газневидского султана Абд ар-Рашида (1050—1053). Хранится в оксфордской Бодлеянской библиотеке в Кембридже.

Данное сочинение Гардизи является одним из важнейших источников для истории восточной части мусульманского мира. В качестве своих источников Гардизи использовал сочинения Джейхани, Ибн Хордадбеха и др.

В книге приведена только часть глав о тюркских народах, заключающая в себе ценные сведения о тюркских племенах.

Текст цитируется по изданию: Бартольд В.В. Сочинения. — Т. VIII: Работы по источниковедению. — М.: Изд-во «Наука», гл. ред. вост. лит-ры, 1973.

Слово источнику:

«Убейдаллах б. Хордадбех в сочиненной им «Книге известий» говорит, что тюрки принадлежат к китайцам. Абу Амр Абдаллах б. ал-Мукаффа в книге «Четвертая часть мира» говорит, что, когда пророк Ной вышел из ковчега, мир был лишен населения. У Ноя было три сына: Сим, Хам и Яфет; между ними он разделил мир. Землю черных людей — негров, абиссинцев, нубийцев и берберов — и ту страну, сушу и море, также область Иран он дал Хаму; Ирак, Хорасан, Хиджаз, Йемен, Сирия и Ираншахр составили долю Симе; земли тюрков, славян, яджуджей и маджуджей⁵²² до Китая достались Яфету. Т.к. область Туркестана была отдалена от населенных земель, то ей дали название Тюрк. Ной совершил молитву, прося Всевышнего научить Яфета такому имени, чтобы, если произнести это имя; немедленно пошел дождь. Тотчас Бог услышал его молитву и научил Яфета; узнав то имя, Яфет написал его на камне и повесил себе на шею из осторожности, чтобы не забыть его. Каждый раз, как, произнося то имя, просили дождя, начинался дождь, если тот камень бросали в воду и эту воду давали больному, ему становилось лучше. Камень перешел по наследству к его потомкам; когда их стало

много, как то: Гуз, Халлух⁵²³, Хазар и другие, между ними произошел спор из-за камня. Камень находился в руках гузов. Было решено собраться в такой-то день и бросить жребий; на кого падет жребий, тому и отдать камень. Гузы взяли другой камень по образцу этого и написали на нем ту молитву; их начальник повесил себе поддельный камень на шею. Когда в назначенный день бросили жребий, жребий пал на имя Халлух; тот поддельный камень отдали халлухам, а настоящий камень остался у гузов. Так явился у тюрков обычай испрашивать дождя посредством камня. Что касается малого количества волос на бороде и собачьего нрава их, то Яфет в детстве заболел, и никак не удавалось вылечить его; наконец, одна старуха сказала матери Яфета: «Дай ему муравьиного яйца и волчьего молока; это вылечит его». После этого мать в течение месяца постоянно кормила его этими двумя вещами, пока ему не стало лучше. Когда у него стала расти борода, она оказалась редкой, и такими же вышли его потомки. Итак, редкость волос на бороде происходит от муравьиного яйца, а злой нрав — от волчьего молока. От него произошли тюрки; теперь я дам описание их по от-

⁵²² Народы Гог и Магог.

⁵²³ Так в персидских сочинениях постоянно пишется название народа харлухов, или карлуков; отсюда же, вероятно, произошло название р. Каллук (одного из притоков Сурхана).

дельным племенам, как я нашел его в книгах.

О х а л л у х а х рассказывают, что этот Халлух был одним из тюркских начальников. Эти тюрки переходили с места на место; мать Халлуха сидела на лошади. Место было пустынным; один из слуг Халлуха подошел к матери Халлуха, хотел овладеть ею и схватил ее; женщина его прогнала с угрозами; известно, что тюркские женщины очень нравственны. Увидя это, слуга испугался, убежал и пришел в страну тугузгузов, во владения хакана. Один из людей хакана нашел его в месте охоты, в суровой местности, прикрытого двумя кусками войлока; он дал ему имя Ябагу⁵²⁴. Потом он привел его к хакану; хакан, узнав о его приключении, собрал всех людей Халлуха, бывших в его владениях, и тотчас назначил этого Ябагу начальником над ними; тому племени он дал название ябагу-халлух.

После этого к племени тугузгузов пришел один человек из Туркестана⁵²⁵, влюбился в одну служанку из племени Ябагу, похитил ее и увез в Туркестан. Туркестанский хан отнял у него ту служанку, взял ее к себе, хорошо обращался с ней, написал письмо ее родным, известил их о ее положении и призвал их к себе. Когда они пришли, он всем отвел участки обработанной земли и призвал к себе остальную часть племени. Когда эта весть дошла до остальной части племени, все племя отправилось туда. Когда их собралось много, царь поселил их, в качестве иностранцев, в своих владениях и дал им...⁵²⁶. В таком положении они все находились до тех пор, пока туркестанцы не произвели нападения на народ Хакана; они убили 12 пользовавшихся известностью начальников этого народа, пустили в ход мечи и перебили всех хаканийцев; все царство хаканийцев осталось в руках рода Чунпан (?) из халлухов. Последним из хаканийцев был убит Хутуглан⁵²⁷-хакан; первым из халлухов сел на

престол Илмал-масын(?)—джабуге. Власть осталась в руках халлухов. В Туркестане много племен, происходящих от этого племени ябагу-халлух, но подробности о них не стали известными.

Происхождение к и м а к о в таково. Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад⁵²⁸. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришли 7 человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?)⁵²⁹ и Аджлад (?). Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где прежде были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Иртыш», т.е. «остановитесь»; отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения; пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали прихо-

⁵²⁴ Титул карлукских ханов, у арабских географов *джабугйа*. Тот же титул мы, очевидно, имеем в слове *ябгу* орхонских надписей.

⁵²⁵ Возможно, что речь идет о племени *тюргеи*, а не о стране *Туркестан*.

⁵²⁶ Непонятное слово.

⁵²⁷ Вероятно, Кут-оглан.

⁵²⁸ Тюркский титул.

⁵²⁹ В.Ф. Минорский предлагал чтение *Нилказ*.

доть сюда; собралось 700 человек⁵³⁰. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек. Все эти кимаки отличаются злым нравом, скупостью и негостеприимством. — Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: «Шад? Видел ли ты меня в воде?». Шад ничего не увидел, кроме волоса, плававшего на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волос; оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: «Как ты упала?». Она ответила: «Крокодил схватил меня с берега реки». (Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков».) Шаду дали прозвание Тутук, что значит: «Он услышал голос, вошел в воду и не испугался»⁵³¹.

Что касается пути к кимакам, то из Фараба идут в Янгикент, на пути из Янгикента в страну кимаков встречаются реку, переправляются через нее и приходят в пески; турки называют это место Уюкман (?). Дальше приходят к реке Сокук; после переправы через нее начинаются солончаки. Дальше приходят к горе Кендир-тагы⁵³². Путешественник идет все по берегу той же реки, среди зелени, травы и деревьев, до истока реки; гора высока. После этого поднимаются на гору по узкой тропинке. От горы Кендир-тагы приходят к реке Асус (?); по этой дороге в течение пяти дней на людей совсем не падает свет солнца вследствие тени деревьев, до самого берега реки Асус. Вода в реке черная; она течет с востока и доходит до ворот Табаристана⁵³³ (?). После этого приходят к реке Иртыш, где начинается страна кимаков. По обеим сторонам реки пасутся дикие кони; иногда мож-

но видеть в одном месте тысячу или две тысячи их; они происходят от одичавших царских коней; они продолжают размножаться. Этих лошадей нельзя поймать иначе, как арканом; поймав их, садятся на них и укрощают их; они поддаются укрощению и привывают к людям. Иртыш — большая река, так что если кто-нибудь встанет на этом берегу реки, то с другого берега его нельзя узнать вследствие отдаленности расстояния. Вода реки черная. Переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков. Низких строений у них нет; все живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет; если какой-нибудь купец приводит сюда верблюда, он не живет здесь и года: как только верблюд поест этой травы, он околеваает. У них нет соли; если кто-нибудь приносит сюда один ман соли, он берет за это мех горностая. Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств. В этой стране выпадает много снега; бывает, что толщина снежного покрова в степи достигает высоты копыя. Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-таг⁵³⁴; под землей у них есть водоемы, сделанные из дерева, на зимнее время; когда выпадает много снега, их лошади пьют в зимние месяцы эту воду, т.к. снег не позволяет им дойти до водопоя. Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи; их начальник носит титул Бамал-Пейгу (*или* Ямал-Пейгу).

Что касается племени я г м а, то тюркский хакан заметил, что халлухи стали многочисленными, усилились и вступили в сношения с тохари-станскими хайталами⁵³⁵; те потребовали от них женщин, халлухи дали им женщин. В то же время хакан заметил слабость Туркестана и стал бояться за свои владения. После этого часть тузугузов убежала и отделилась от своего племени; они пришли к халлухам, но те никак не могли поладить с ними. Тюркский хакан велел им поселиться между владениями

⁵³⁰ Примечательно, что в орхонских надписях то же самое число людей считается необходимым для образования самостоятельного племени.

⁵³¹ Этого значения слово тутук, конечно, не имеет; оно представляет тюркский титул и происходит от корня тут («держать», «владеть»). Приведенная легенда, очевидно, представляет «народную этимологию» титула *тутук*.

⁵³² Т.е. «гора конопли».

⁵³³ Очевидно, текст здесь искажен.

⁵³⁴ Может быть, Эктаг византийских писателей.

⁵³⁵ *Эфталиты* византийских источников.

халлухов и кимаков; у них был начальник, по имени...⁵³⁶ Ягма — богатые люди, владеющие большими стадами лошадей, живущие по левую сторону Китая, на пространстве одного месяца пути; отсюда привозят...⁵³⁷ Среди них произошли междоусобия; часть племени прибегла к покровительству тюркского хакана. Когда они пришли к остальной части народа ягма и соединились с ними, они отправили посла к тюркскому хакану, известили его о своем положении и сказали: «Мы пришли служить тебе, если будет дано позволение, мы будем совершать набеги⁵³⁸ во все стороны». Тюркскому хакану это понравилось; он милостиво ответил им и дал им то позволение, которого они просили. Халлухи начали дурно поступать с ними; потерпев большой урон, они ушли отсюда к кимакам. Через некоторое время Шад-тудук стал обижать их и требовать с них дани; их постигло разорение. После этого они прибегли к милосердию тюркского хакана, ушли от халлухов и кимаков и поселились у хакана. Хакан дал упомянутому начальнику их титул Ягма-тудук, в подражание титулу Шад-тудук.

Причина объединения киргизов под властью своего начальника была следующая. Он происходил из славян и был одним из славянских вельмож; когда он жил в стране славян, туда прибыл посол из Рума; этот человек убил того посла. Причиной убийства было то, что румийцы происходят от Сима, сына Ноя, а славяне — от Яфета. Имя их находится в связи с словом *саг* («собака»), т.к. они были выкормлены собачьим молоком. Дело было так: когда для Яфета взяли муравьиные яйца, муравей стал молиться, чтобы Всевышний не дал Яфету насладиться сыном. Когда у Яфета родился сын, ему дали имя Эмке; оба глаза его были слепы. В то время у собаки было четыре глаза. У Яфета была собака, которая в это время оценилась; Яфет убил щенка; сын Яфета до четырех лет сосал молоко собаки, держался за ее ухо и ходил, как ходят слепые. Когда

собака принесла второго щенка, она бросила сына Яфета и воздала благодарность богу, что избавилась от него. На другой день оказалось, что два глаза собаки перешли к этому ребенку и два глаза остались собаке; следы этого еще остались на морде собаки; по этой причине их называют с а к л а б а м и (славянами). Итак, тот начальник в споре убил посла и по необходимости должен был покинуть страну славян. Он ушел отсюда и пришел к хазарам; хазарский хакан хорошо обращался с ним до своей смерти. Когда на престол сел другой хакан, он обнаружил нерасположение к пришельцу; тот был вынужден удалиться, ушел и пришел к Башджурту. Этот Башджурт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазаров и кимаков с 2000 всадников. Хазарский хан отправил к Башджурту человека, требуя, чтобы он прогнал славянина; тот поговорил об этом со славянином; славянин отправился во владения...⁵³⁹, с которыми он находился в родстве. По дороге он прибыл в одно место между владениями кимаков и тугузгузов; хан тугузгузов поссорился со своим племенем и рассердился на них; многих из них убили; остальные рассеялись и по одному или по два стали приходиться к славянину. Он всех принимал и оказывал им добро, так что их набралось много. Он послал человека к Башджурту, заключил с ним дружбу и этим усилился; после этого он произвел нападение на гузов, многих из них убил, многих взял в плен и собрал много денег, частью благодаря грабежам, частью благодаря пленным, которых он всех продал в рабство. Тому племени, которое собралось около него, он дал имя киргиз. Когда известие о нем пришло к славянам, многие из них пришли к нему со своими семействами и имуществом, присоединились к другим и вступили с ними в родство, так что все слились в одно целое. Признаки славянского происхождения еще заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа⁵⁴⁰.

⁵³⁶ Пропуск в тексте.

⁵³⁷ Непонятное слово.

⁵³⁸ Очевидно, название племени здесь приводится в связи с тюркским словом *ягма* («нападение»).

⁵³⁹ Пропуск в тексте.

⁵⁴⁰ По китайским известиям, киргизы отличались высоким ростом, рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами.

Путь к киргизам ведет из страны тугузгузов, именно из Чинанджкета в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу; гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп, много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена. После Манбек-Лу приходят к Кёгмену; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности до горы Кёгмен⁵⁴¹. Гора высока; на ней много деревьев; дорога узка. От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране; туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них, доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог одна ведет к тугузгузам, на юг; другая — к кимакам и халлухам, на запад; третья — в степь; надо идти 3 месяца, пока не придешь к большому племени фури. Здесь также две дороги: одна через степь — 3 месяца пути; другая по левую сторону — 2 месяца пути; но эта дорога трудна. Надо идти все время по лесам, по узкой тропинке и узкому пространству; по дороге много воды, постоянно встречаются реки, постоянно идут дожди. Кто хочет идти по этой дороге, должен запастись чем-нибудь таким, куда бы он мог класть багаж и одежду, вся местность на пути пропитана водой, и на землю ничего нельзя класть; надо идти позади лошади, пока не пройдешь эту болотистую местность. В этих болотах живут дикие люди, ни с кем не имеющие сношений; они не умеют говорить на чужих языках, а их языка никто не понимает. Они — самые дикие из людей; все они кладут себе на спину; все их имущество заключается в звериных

шкурах. Если вывести их из этих болот, они настолько смущаются, что походят на рыб, выгашенных из воды. Их луки сделаны из дерева, их одежда — из звериных шкур, их пища — мясо дичи. Их религия заключается в том, что они никогда не прикасаются к чужой одежде и имуществу. Когда они хотят сражаться, они выходят со своими семьями и имуществом и начинают битву; одержав победу над врагом, они не прикасаются к его имуществу, но все сжигают и ничего не берут с собой, кроме оружия и железа. Когда они хотят совокупиться с женщиной, они ставят ее на четвереньки, потом совокупляются. Калымом за женщин служит дичь или долина, в которой много дичи и деревьев. Если кто-нибудь из них попадает к киргизам, он не принимает пищи; завидя кого-нибудь из своих друзей, он убегает и исчезает. Мертвых они уносят на горы и вешают на деревья, пока труп не разложится. Из страны киргизов привозят мускус, меха и рог хуту⁵⁴². Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чистая вещь; все, что попадает в огонь, очищается: так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Некоторые из киргизов поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами (?); каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает, и большею частью бывает так, как он сказал.

Причина образования народа тибетцев была следующая. Был один человек из знатных химьяритов, по имени Сабит; этот Сабит был одним из приближенных йеменских царей, которых называли Тубба'. Когда Тубба' назначили этого Сабита своим

⁵⁴¹ Горная цепь Кёгмен в стране киргизов несколько раз упоминается в орхонских надписях.

⁵⁴² Рога какого-то животного, один из предметов торговли арабов со среднеазиатскими народами.

наместником, мать Сабита написала сыну письмо, где говорилось, что один из Тубба⁵⁴³ отправился на восток, произвел большое избиение людей и дошел до области, в которой растения были из золота, земля — из мускуса; на лугах росли только благовонные травы; дичь состояла из доставляющих мускус антилоп; на горах был снег, но равнина представляла прекраснейшую местность; пашни вместо воды требовали только земли и пыли. Прочитав это письмо, Сабит увлекся этим, собрал большое войско и отправился. Прибыв в Тибет, он увидел все эти приметы, убедился, что все было справедливо, и очень обрадовался. Вдруг поднялся мрак, так что люди не могли видеть друг друга; после этого Иблис велел дивам похитить Сабита и унести его по воздуху. Сабит постоянно носил под одеждой кольчугу, какой ни у кого не было. Дивы опустили его на вершину высокой горы и оставили там 20 дней; после этого к нему пришел Иблис в образе старика и сказал ему: «Преклонись передо мной и будь покорным моим велениям!». Сабит так и сделал. Иблис спустился с ним с вершины горы, усыпил его и совокупился с ним; потом сам Иблис заснул, приказав Сабиту совокупиться с ним; после этого у Сабита волосы спустились на лоб, как у женщин, а на конце волос повисла вошь. Иблис принес платок, перевязал ему лоб и сел возле него, а вошь бросил ему в рот; тот проглотил ее. Иблис сказал: «Кто хочет насладиться долголетием и не иметь врагов, должен есть это животное». После этого он велел Сабиту убить 7 начальников своего войска и назвал ему их имена. Сабит спросил его: «Если я все это исполню и послушаюсь твоего приказанья, что мне за это будет?». Тот сказал: «Ты сделаешься хаканом; вся эта область будет принадлежать тебе, и ты будешь начальником всего народа». После этого он спустился с ним с горы и увидел одного из воинов, собиравшего дрова, который тотчас заметил Сабита и Иблиса, пришедшего с ним в образе старика. Сабит спросил его о войске; тот ответил: «После твоего ухода среди них произошли раздоры». В свою очередь воин спросил Сабита о том, что с ним было; Иблис дал ему ответ: «Ангелы унесли его к Всевышнему. Тот дал ему повеления, надел на него коль-

чугу и прислал с ним меня». Этот человек немедленно побегал в лагерь и принес весть войску о том, что он видел и слышал; за ним пришел Сабит и исполнил все, что ему было приказано; его провозгласили хаканом. По этой причине тибетцы едят вшей, совокупаются друг с другом, спускают волосы на лоб, подобно женщинам, и обвязывают их платком. В титуле тибетского хакана говорится: «Он пришел с неба, и на нем была как бы кольчуга из света».

Что касается дороги в Тибет, то из Хотана идут в Алашан (?), причем проходят по горам Хотана. Горы населены, и на них много стад быков, баранов и кочкаров⁵⁴³, по этим горам доходят до Алашана. Дальше идет мост, перекинутый от одного края горы до другого, говорят, что мост построили хотанцы в древние времена. От моста до столицы тибетского хакана тянется гора; когда подходят к ней, от ее воздуха у человека захватывает дыхание, так что он не может дышать и язык его становится тяжелым; много людей при этом умирает; тибетцы называют эту гору «горой яда». Если идти от Кашгара, то надо идти вправо, между двумя горами, по направлению к востоку. Пройдя горы, приходят в область Адыр (?), простирающуюся на 40 фарсахов; половина этого пространства занята горами, половина — равнинами (?) и кладбищами⁵⁴⁴ (?). Около Кашгара много деревень и бесчисленное множество волостей; в древние времена эта область принадлежала тибетскому хану. Из Кашгарской области приходят в Сарымсанкет, оттуда в Алишур и идут по степи до реки Куча, текущей по направлению к городу Куча; на берегу этой реки, на краю пустыни, находится селение Хумхан (?), откуда происходят тибетцы. Дальше идет река, через которую надо переехать на судне; после этого приходят в страну тибетцев. На границе владений тибетского хакана находится капище, в котором много идолов; среди них есть идол, сидящий на троне; за спиной его лежит какая-то деревянная вещь, похожая на голову; на этот кусок дерева, похожий на голову, опирается идол. Если провести рукой по спине идола, от не-

⁵⁴³ Горных баранов.

⁵⁴⁴ Вероятно, здесь текст искажен.

го исходят как бы искры пламени. Влево от этого места находится степь и пустыня, где по берегам реки много грудных придорожных деревьев.

Жители Барсхана происходят от персов, именно жителей Фарса. Дело было так. Когда Зу-л-карнейн⁵⁴⁵ одержал победу над Дарием, покорил персов и завоевал Ираншахр, он стал опасаться за себя, т.к. Персия была населена людьми умными, храбрыми, образованными, хитрыми, дальновидными и благоразумными. Александр подумал, что, когда он уйдет, они произведут восстание, перебьют его наместников и овладеют царством. Тогда он взял из каждого рода по одному или по два в качестве заложников, увел их с собой, отправился в Туркестан и оттуда пошел на Китай. Когда Александр прибыл туда, где теперь находится Барсхан, разведчики сказали ему: «Впереди нас находятся пустынные дороги и бедные местности, где нельзя найти корма для скота; тот обоз, который находится с тобой, не найдет себе достаточно пищи». Александр велел закопать здесь все лишнее и нагрузить лошадей кормом; сыновьям иранских вельмож он отдал приказание: «Оставайтесь здесь до моего возвращения из Китая; тогда я возьму вас с собой и приведу вас обратно в ваш край». Они согласно приказанию остались там; когда пришло известие, что Александр завоевал Китай и оттуда отправился в Индию, сыновья иранских вельмож потеряли надежду вернуться на родину, отправили посла в Китай, привели мастеров из обжигателей глины, плотников и живописцев и велели им устроить эти места наподобие городов Фарса; местности они дали название Барсхан, т.е. повелитель Фарса.

Что касается дороги в Барсхан, то она из Невикета ведет в Кумберкет (или Керминкет), через страну джикилей; оттуда в Джиль. Джиль — гора; слово *джиль* в переводе значит тесный⁵⁴⁶. Оттуда 12 фарса-

хов до Яра; Яр — селение, выставляющее 3000 воинов; здесь находятся шатры джикильского тексина, между этими пунктами нет никаких населенных мест. По левую сторону от дороги находится озеро, которое называется Иссык-Куль; оно простирается на 7 дней пути; в это озеро Иссык-Куль впадает до 70 речек; вода в нем соленая. Оттуда 5 фарсахов до Тона; от Тона до Барсхана — 3 дня пути; по дороге встречаются только шатры джикилей. Барсханский дикан носит титул *манак*⁵⁴⁷. Барсхан выставляет 6000 вооруженных. Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилеями. По правую сторону от Барсхана находятся два горных перевала; название одного — Пейгу, название другого — Озар. Там же есть река, которую называют Тефсхан; она течет по направлению к востоку, в китайские пределы⁵⁴⁸. Перевал очень высок, так что птицы, прилетающие со стороны Китая, не могут перелететь через него.

Тугузгузы — народ, царь которого носит титул тугузгуз-хакана. В древние времена в роде тугузгуз-хаканов был человек по имени Кур-тегин. Мать его происходила из Китая; хаканом был брат Кур-тегина, мать которого была свободной женщиной. Брат захотел убить Кур-тегина, перерезал ему горло и бросил его в то место, где были их трупы. У Кур-тегина была мамка; она отнесла его к манихеям и отдала динаверийцам⁵⁴⁹, чтобы они его вылечили; те стали лечить его рану, так что ему стало лучше. После этого он пришел в город Азал (?), столицу тугузгузского хакана, и скрывался там; некоторое время друзья Кур-тегина обманывали его брата, наконец сказали о нем тугузгузскому хакану и смягчили его сердце, так что он позволил брату прийти и оставил ему жизнь. К себе он его не допустил, но дал ему начальство над городом Пянджикетом. Там Кур-тегин усилился, склонил на свою сторону местных жителей,

---

(Джиль-арык) сохранилось за местностью у входа в ущелье со стороны Чуйской долины.

⁵⁴⁵ «Двурогий», прозвание Александра Македонского.

⁵⁴⁶ Вероятно, имеется в виду ущелье Джиль-арык. Неизвестно, на каком языке слово *джиль* имело указанное значение. Впоследствии — Боамское ущелье (ср. современные карты; правильное — Боомское). Старое название — Джиль

⁵⁴⁷ Maniakh византийских источников. В.Ф.Минорский считает чтение В.В.Бартольда ошибочным, предлагая читать *манаф*.

⁵⁴⁸ Вероятно, имеется в виду р. Ир-таш.

⁵⁴⁹ Одна из манихейских сект, распространенная главным образом в Мавераннахре.

осыпал их милостями и ждал случая. Наконец, он услышал, что тугузгуский хакан вышел на охоту; Кур-тегин собрал многочисленный отряд и напал на тугузгуского хакана. Когда они сошлись, началась битва; Кур-тегин одержал победу над войском хакана; тугузгуский хакан бежал и заперся в крепости. Кур-тегин велел пустить воду на стены крепости; стены обрушились; Кур-тегин велел объявить помилование всем, которые будут просить о пощаде. Жители крепости были изнурены голодом; все они вышли и стали просить о пощаде; все получили помилование. Тугузгуский хакан остался в крепости; Кур-тегин послал своих людей в крепость задушить его; престолом хакана завладел Кур-тегин. — Говорят, что у тугузгуского хакана 1000 прислужников и 400 прислужниц. Эти 1000 людей из года в год три раза в день едят в присутствии хакана и уносят с собой столько пищи, сколько хотят; во время еды они, также три раза в день, пьют вино; вино у них делается из винограда. Хакан не показывается народу, кроме редких случаев. Когда он садится верхом, то приходят все начальники и выступают перед ним на его пути; на всем пространстве от его жилища до края города рядами стоят люди. Из начальников города один выступает перед ним и... Когда хакан выходит из воды и из дворца приводят лошадь, все преклоняют колени перед его лошадию, пока она проходит. Тугузгуский хакан принадлежит к динаверийской вере; но в его городе и владениях есть христиане, дуалисты и буддисты. У него 9 везиров. Если кого-нибудь схватывают по обвинению в воровстве, то ему связывают ноги, привязывают руку к шее, дают ему 200 палок по каждой голени и 100 палок по спине и водят его вокруг базара, потом отрезают ему оба уха, обе руки и нос, и вестники объявляют: «Пусть каждый видит это и не совершает таких дел». Если кто-нибудь совершает прелюбодеяние с девушкой, то ему дают 300 палок и берут с него кобылу и серебряную чашу, весом в 50 ситиров⁵⁵⁰ серебра. Если кто свершает прелюбодеяние с замужней женщиной, то обоих приводят к царскому дворцу; царь приказывает дать им по 300

палок; на счет мужчины ставится крытый шатер из нового войлока со всей обстановкой и отдается мужу женщины; после этого женщину, виноватую в прелюбодеянии, отдают мужчине, с которым она совершила прелюбодеяние. Муж первой требует от прелюбодея, чтобы он приискал ему жену и заплатил за нее калым. Все это делается, если прелюбодей богат; если он беден, то ему дают 300 палок и отпускают его. Если кто-нибудь убивает человека, то с него берут большую пеню, которая вконец разоряет его, держат его один месяц в тюрьме, дают ему 300 палок и потом отпускают его. Если убийца беден, то ограничиваются палочными ударами и оставляют его. Тугузгуский хакан живет во дворце, в низком строении; на полу постлан войлок; мусульманскими тканями обита внешняя сторона здания; китайская парча постлана поверх войлока. Но простой народ весь состоит из степняков, живущих в шатрах. Одежда их царей из китайской парчи и шелка; одежда народа — из шелка и бумажной ткани. Это — широкая одежда, покрывающая все тело, с широкими рукавами и длинной полой. Царь их носит золотой (или жемчужный) пояс; когда он устраивает у себя многочисленное собрание, он надевает на голову венец, когда он садится верхом, с ним садится 1000 всадников, все в панцирях и кольчугах; сражаются они копьями.

Что касается путей к ним, то из Барсхана надо идти в Пенчул (?), оттуда в Кучу, оттуда в Азал⁵⁵¹, оттуда в Сикет (или в Суткет), оттуда в Мекшемигнасур (?), оттуда в Чинанджкет один день пути. Эта область меньше Кучи; в ней 22 селения; местность представляет равнину, в которой зимой бывают большие холода, причем снега выпадает мало; летом бывает сильная жара, так что из-за нее местные жители устраивают холодные погреба и большей частью живут в этих погребах, потом в конце лета бегут из тех полей в дома. Жители все носят пояс и привешивают к нему нож, кинжал и все необходимое для них. Около ворот дворца правителя местности ежедневно собирают-

⁵⁵⁰ Мера веса, равная 1/40 мана, или батмана.

⁵⁵¹ Может быть, следует читать *Арал*. В Восточном Туркестане и теперь есть селение Арал, но оно расположено к западу от Кучи.

ся 300 или 400 человек из динаверийцев, громким голосом читают сочинения Мани, потом входят к правителю, приветствуют его и возвращаются. Из Чинанджкета снова приходят в Кера (?) и в страну тугузгузов...

Что касается п е ч е н е г о в , то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодцу, спускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь, из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока — кипчаки, с юго-запада — хазары, с запада — славяне; все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают в рабство. Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы. У них есть знамена и копья, которые они поднимают во время битв; их трубы, в которые дуют во время битв, сделаны наподобие бычачьих голов. Дороги в страны печенегов очень трудны (?) и неприятны. Кто хочет отправиться оттуда в какую-нибудь страну, должен купить лошадей, т.к. ни с какой стороны нельзя выехать из их земли иначе, как верхом, вследствие дурного состояния дорог. Купцы на пути туда не придерживаются никаких дорог, т.к. все пути заросли лесом; они узнают дорогу по положению звезд.

Между владениями печенегов и владениями х а з а р 10 дней пути по степи, рощам и лесам. Владения хазар отличаются обширностью; с каждой стороны к ним примыкают высокие горы; горы простираются до Тифлиса. У них есть царь, который носит титул ишада; кроме того, есть главный царь, которого называют хазар-хаканом. Хазар-хакану принадлежит только титул; все управление находится в руках ишада; выше ишада нет никого. Их главный на-

чальник и ишад придерживаются еврейской религии, также все их приближенные, начальники и вельможи; остальные придерживаются веры, похожей на веру тюрков-гузов. У них два больших города, Саргыш (?) и Хылыг (?); в этих двух городах они живут зимой. Когда наступает весна, они выходят в степь и не возвращаются в город до наступления зимы. В обоих городах живет некоторое число мусульман; у них есть мечети, имамы, муэззины и школы; хазары ежегодно взимают налог с тех мусульман, сообразно имуществу каждого. Каждый год они совершают поход в страну печенегов и уводят оттуда скот и пленников. Ишад сам взимает подати и распределяет доход среди войска. Иногда они совершают поход на страну бургасов; у них есть знамена, копья, крепкие панцири и хорошие кольчуги. Когда хазарский царь садится верхом, с ним садятся до 10 000 всадников; из них некоторые находятся на жаловании, другие выставляются вельможами и сопровождают царя в своем собственном вооружении. Если они снаряжают войско и отправляются в какую-нибудь сторону, они в то же время оставляют многочисленное войско для охраны своих семейств и имущества. У них есть авангард, который едет впереди войска и носит перед царем сделанные из воска свечи и светильники; при свете их идет царь с войском. Завладев добычей, они собирают ее всю в лагерь; потом их начальник берет себе из этой добычи все, что хочет; остальное разделяют между воинами. По приказанию начальника каждый воин носит с собой гвоздь и три каната с заостренным концом; когда войско где-нибудь останавливается, вокруг войска вбивают эти гвозди и к каждому гвоздю привязывают щит, так что лагерь как бы укрепляется стеной. Если враг совершает ночное нападение и идет на приступ, его усилия остаются тщетными, т.к. лагерь благодаря этим гвоздям походит на крепость. Во владениях хазар много пашен и садов, много всякого богатства, много меда; отсюда вывозят также хороший воск⁵⁵².

⁵⁵² Отрывок о хазарах включает в себе несколько подробностей, которых нет у Ибн Русте и которые отчасти повторяются у Ауфи, например, рассказ о способе укреплять лагерь.

[О буртасах — как у Ибн Русте⁵⁵³, с прибавлением, что набеги на болгар и печенегов совершаются каждый год. Далее:] Вся местность между их владениями и страной хазар представляет равнину; на пути есть населенные места, с источниками, деревьями и текущими водами. Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем. Их оружие — два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет; лошадь имеет не всякий, а только очень богатые. Их одежда — серги (?) и *джубба*. Плодов в той стране нет; вино у них делается из меда. Они носят шапки и обвертывают их чалмами.

[О болгарях — как у Ибн Русте⁵⁵⁴. После слов о царе прибавлено: «В этом болгарском народе до 500 000 знатных людей». При перечислении хлебных растений вместо проса названы тыква, чечевица и бобы. О язычниках говорится, что они падают ниц перед каждым знакомым из мусульман. Цена куньего меха определена в 2 дирхема вместо 2 1/2 В конце еще о дирхемах:] эти дирхемы они ломают, и каждый кусок [употребляют в дело?]. Потом они те дирхемы отдают русам и славянам, т.к. те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы.

Между владениями болгар⁵⁵⁵ и владениями искилей, тоже принадлежащих к болгарам, находится область ма д ь я р . Эти мадьяры — тюркское племя. Их начальник выступает в поход с 20 000 всадников; этого начальника зовут кенде. Кенде — титул их главного царя; титул того начальника, который заведует делами, — джыла; мадьяры делают то, что приказывает джыла. Им принадлежит равнина, вся покрытая травой, и обширная местность; длина и ширина их владений — 100 фарсахов. Их владения прилегают к Румскому морю⁵⁵⁶. Они живут между этими двумя реками. С наступлением зимы каждый, кто раньше удалился от реки, возвращается к берегу ее и проводит

там зиму; они занимаются рыболовством и этим живут. На берегу той реки, которая находится влево от них, в сторону славян, живет народ из румийцев; все они — христиане; их называют нендерами (?): они многочисленнее мадьяр, но слабее их. Из этих двух рек одну называют Итилем, другую — Дунаем. Когда мадьяры живут на берегу реки, они видят этих нендеров; над областью нендеров, на берегу реки, возвышается высокая гора, по склону которой течет река. За горой живет народ из христиан, которых называют мардатами (?); между их областью и областью нендеров 10 дней пути. Они составляют многочисленный народ; их одежда походит на одежду арабов и состоит из чалмы, рубахи и джуббы. У них есть пашни и виноград; воды у них текут только по поверхности земли; подземных каналов нет. Говорят, что они многочисленнее румийцев. Они составляют особый народ; торговлю ведут преимущественно с арабами. Та река, которая находится по правую сторону мадьяр, течет по направлению к стране славян и оттуда к стране хазар; эта река больше другой. Область мадьяр вся покрыта деревьями и болотами; земля пропитана сыростью. Все они производят набеги на славян, постоянно налагают на славян оброки и обращаются с ними, как со своими военнопленными. Мадыры — огнепоклонники. Они производят набеги на славян и русов, увозят оттуда пленных, привозят их в Рум и продают. Эти мадьяры — люди красивые и видные; их одежда сделана из парчи, их оружие — из серебра и...⁵⁵⁷ Они постоянно нападают на славян; из страны мадьяр до страны славян 10 дней пути. В ...⁵⁵⁸ славян есть город Вантит (?). Относительно сватовства у них есть следующий обычай. Сватаясь на какой-нибудь женщине, жених уплачивает калым из большего или меньшего количества лошадей, сообразно своему богатству. Во время переговоров о калыме отец невесты приводит отца жениха в свой дом, собирает все, что у него есть из мехов горностаия, бобра, белки, куницы, лисицы...⁵⁵⁹; он выбирает 10 мехов, свертывает их на ровном месте, привязывает их к лошади отца жениха и отпускает последнего домой. Тот присылает за

⁵⁵³ Изд. Хвольсона, 19—21.

⁵⁵⁴ Там же, 22—25.

⁵⁵⁵ По Ибн Русте (изд. Хвольсона, 25) — печенегов.

⁵⁵⁶ Выпущена фраза, текст которой искажен; очевидно, было сказано, что «в это море впадают две реки, из которых одна больше Джейхуна» (Ибн Русте, изд. Хвольсона, 26). В.Ф.Минорский предлагает чтение: «в которое впадают две большие реки».

⁵⁵⁷ Конец фразы непонятен. В.Ф.Минорский читает: «их оружие украшено серебром и золотом».

⁵⁵⁸ Пропуск в тексте.

⁵⁵⁹ Конец фразы непонятен.

невестой условленный калым из лошадей, денег и товаров; тогда ту женщину приводят к нему в дом.

[С л а в я н е — как у Ибн Русте⁵⁶⁰, прибавлено, что «из одного улья иногда добывается 50, 60 или 100 манов меда». О религии сказано, что они «поклоняются быку». Посевы, музыкальные инструменты и радость при смерти, как у Ибн Русте⁵⁶¹; дальше: «лошадей у них мало. Одежда их — рубахи; они носят сапоги; их обувь походит на табаристанские сапоги, которые носят табаристанские женщины. Их средства к жизни не очень обильны». Оружие, правители и город, как у Ибн Русте⁵⁶²; прибавлено, что «начальник их носит венец». Дальше:] у них есть обычай строить крепость; собираются несколько человек и строят крепости, т.к. мадьяры постоянно нападают на них и грабят их. Когда мадьяры приходят, славяне удаляются в построения ими крепости; в крепостях и укреплениях они большею частью проводят зиму; летом живут в лесах. У них много пленных. Захватив вора, они отнимают у него все имущество, отправляют его на окраину своих владений и там подвергают его наказаниям. Прелюбодейания между ними не бывает. Если какая-нибудь женщина полюбит какого-нибудь мужчину, она идет к нему; соединившись с ней, он, если она оказывается девицей, берет ее себе в жены; в противном случае он продает ее и говорит: «Если бы в тебе был прок, то ты сохранила бы себя». Если кто-нибудь совершит прелюбодейание с замужней женщиной, то его убивают, не принимая от него никаких извинений. Вина и меда у них много; иногда у одного человека бывает до 100 кувшинов вина из меда.

[О р у с а х — как у Ибн Русте⁵⁶³. «Длина и ширина острова — три дня пути»; прибавлено, что «на этом острове живут до 100 000 людей». §§ 2 и 3, как у Хвольсона; вместо § 4 только: «Предметы их торговли — меха горностаевы, беличьи и другие». Об одежде прибавлено: «Одежда русов и славян из полотна». Конец рассказа о человеческих жертвоприношениях (§ 9): «Если врач говорит: Таково повеление царя, никто ничего не говорит ему, но все примиряются с его поступком». Вместо § 10: «Их царь взимает десятину с купцов. Они постоянно в числе

100 или 200 человек приходят в страну славян и силой отнимают у них полезные предметы, чтобы они находились у русов; много людей из славян приходят к русам и служат им, чтобы этой службой обезопасить себя». После § 11: «Они носят верхнюю одежду и надевают шапки». §§ 12 и 13, как у Хвольсона].

Что касается владений с е р и о в, то они находятся в 12 фарсах от владений хазар. Сначала идут по равнине; потом приходят к высокой горе и реке, через три дня приходят к крепости царя. Крепость расположена на вершине горы и занимает 4 фарсаха в длину и в ширину. Стены сделаны из камня. У этого царя два престола, золотой и серебряный; на золотом он сидит сам, на серебряном сидят его придворные. Большая часть жителей той крепости — христиане; остальные жители царства — язычники. В этом царстве 20 000 племен и вер; у них есть селения и поместья; они поклоняются льву. Если кто-нибудь из них умирает, его кладут на носилки, выносят на площадь и оставляют там лежать на носилках три дня. На третий день они приходят в полном вооружении, в панцирях, кольчугах и с оружием в руках, становятся на краю площади, готовят копья, прилаживают стрелы к лукам, обнажают мечи и как бы нападают на труп, но не ударяют. Объясняют это тем, что однажды кто-то из них умер, и они положили его в могилу. На третий день он вышел из могилы; его стали спрашивать; он сказал: «Моя душа на время оставила мое тело, вы положили меня в могилу; в могиле душа вернулась ко мне; я встал и вышел». Теперь, если у них кто-нибудь умирает, они три дня не кладут его в могилу, потом пугают его копьями, стрелами и мечами; если он жив, он сам встает; если нет, его кладут в могилу; такой обычай остался у них. Их царя называют Аваром (*или* Авазом). По правую сторону от страны сериров находится область Хайзан⁵⁶⁴. Жители этой области придерживаются трех вер⁵⁶⁵: по пятницам они идут к мусульманам в соборную мечеть, совершают пятничный намаз и возвращаются; по субботам они молятся с евреями, по воскресеньям⁵⁶⁶ идут в цер-

⁵⁶⁰ Изд. Хвольсона, 28—29 (§§ 1,2,3; § 4 нет).

⁵⁶¹ Там же, 30—31.

⁵⁶² Там же, 31—32.

⁵⁶³ Изд. Хвольсона, 34—40, §§ 1—13.

⁵⁶⁴ Так у Ибн Русте, изд. де Гуге, 147; в рукописи Гардизи — Джендан.

⁵⁶⁵ Ибн Русте, изд. де Гуге, 147 рассказывает то же самое об их царе.

⁵⁶⁶ В тексте пропуск; восстановлено по Ибн Русте, изд. де Гуге, 147—148.

ковь к христианам и совершают богослужение по их обряду. Если кто-нибудь спросит их, почему они так поступают, они отвечают: «Эти три общины несогласны между собой; каждая утверждает, что истина на ее стороне; мы соглашаемся со всеми тремя; может быть, мы таким образом найдем истину». В 10 фарсах от их города есть город Хамрин⁵⁶⁷, где находится дерево, не приносящее никаких плодов; каждую среду жители того города приходят, приносят всяких плодов, вешают их на то дерево, потом поклоняются ему и совершают там жертвоприношения.

Если выйти из страны сериров, то надо идти 3 дня по горам и лугам до страны алан. Аланский царь — христианин; все жители его царства — кафиры и идолопоклонники. От границы его владений надо идти 10 дней мимо деревьев, через реки и цветущие места до крепости, которую называют Аланскими воротами. Она расположена на вершине горы, у подошвы которой проходит дорога; со всех сторон она окружена высокими горами. 1000 человек поочередно охраняют эту крепость, днем и ночью, согласно очереди⁵⁶⁸.

Что касается пути в области джиклей и тюргешей, то надо идти из Невикета в Пянджикет; пянджикетского дихкана называют Кульбакар (?); город выставляет 8000 вооруженных. Рядом с ним находится селение Зекет (?), имеющее другого дихкана; по левую сторону от этого селения есть три других, между ним и селением Суяб. Дихкан Суяба — брат Пейгу, правящий вместе с представителем последнего (?)⁵⁶⁹; его сопровождают 500 всадников. Это селение находится вблизи горы. Другое селение называют Хут-Куял (или Кубал) (?); оно отстоит на 1 фарсах от первого; оно выставляет 5000 вооруженных; дихкана его называют Баглила (?); он по происхождению тюргеш и живет в степи. Третье селение — Далугандж (?); оно меньше и выставляет около 300 вооруженных; это селение тоже находится вблизи горы. Тюрки молятся этой горе, клянутся ею и го-

ворят: «Это — жилище Всевышнего»; да спасет нас бог от таких речей! Если пройти этот перевал, то по левую сторону находится область тюргешей, именно тахсийцев и ...⁵⁷⁰. Там есть селение, выставляющее 1000 человек вооруженных; вблизи его — другое селение, по имени Беклиг (?); там живет брат джабгуе. Его сопровождают 500 всадников; если он отправляется за каким-нибудь делом, с ним отправляются 3000 всадников из окрестностей этого селения; дихкана его называют Бадан-Сангу; он происходит из этого места; оно выставляет 7000 вооруженных. Около того перевала⁵⁷¹ есть река; если переправиться через нее, приходят в землю тюрков-джикелей, к их шатрам и палаткам.

Таковы сведения о тюрках, добытые нами частью из «Путей и государств» Джейхани, частью из книги «Ничтожность земного мира», частью из книги Убейдаллаха б. Хордадбеха, частью из разных других мест. Возможно, что кроме этих племен есть и другие, но о них нам не удалось добыть сведения, и автор просит извинить его».

*Материал подготовил
Габдельбар Файзрахманов*

⁵⁶⁷ Такое чтение предлагает де Гье (Ибн Русе, 148).

⁵⁶⁸ Рассказ Гардизи о серирах и аланах буквально соответствует рассказу Ибн Русе, изд. де Гье, 148.

⁵⁶⁹ В.Ф.Минорский переводит следующим образом: «а дихкан его — брат ябгу, и он тюргеш».

⁵⁷⁰ Неизвестное название. Впоследствии В.В.Бартольд читал это название как «азийцы», сближая его с упоминаемым в орхонских надписях народом аз. См. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с.15.

⁵⁷¹ Не совсем ясно, имеется ли в виду перевал Кастек.

№ 15

Рашид ад-дин о центральноазиатских татарах

Едва ли не основной источник, освещающий историю народов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, — это работа Рашид ад-дина Фазлуллаха Хамадани «Джами ат-таварих» (труд написан в 1300—1311 гг.; наиболее точно его название переводится как «Собрание историй»).

До 40—60-х годов XX столетия сочинение Рашид ад-дина в полном объеме ни разу не публиковалось. Мы знаем лишь переводы отрывков из «Джами ат-таварих» француза Катрмера (1836), русского востоковеда И.Н.Березина (1858, 1861, 1868 и 1888) и француза Э.Блоше (1911).

Трудная и ответственная задача полного издания «Сборника летописей» была впервые выполнена советскими востоковедами (причем к настоящему времени мы имеем несколько томов текста-оригинала и несколько томов перевода на русский язык с комментариями).

«Джами ат-таварих» состоит из двух основных частей, первая из которых повествует о татаро-монгольских племенах и основанных ими государствах, о Чингиз-хане, его предках и потомках, а вторая — о всемирной истории, включающей и всеобщую историю доисламского периода, и историю исламских государств, и историю немусульманских народов «всего мира» (в границах тогдашних географических представлений). Мы знаем, что Рашид ад-дин задумал и, возможно, осуществил географическое описание мира, но это произведение либо не было написано, либо погибло при разграблении библиотеки Рашид-ад-дина после его казни в 1318 г.

Предлагаемый текст взят из издания: Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. I.— Кн. I /Перевод с персидского Л.А.Хетагурова, редакция А.А.Семенова.— М.—Л: Изд-во АН СССР, 1952.

Слово источнику:

«Племя татар

Их имя издревле было известно в мире. От них отделились многочисленные ветви. Все то племя состояло из 70 000 домов.

Места их кочевий, стоянок и юртов были точно определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Хитая⁵⁷². Их же основное обитание есть местность, называемая Буир-наур⁵⁷³. Большую часть времени они были народом, повинующимся и платящим дань китайским императорам; постоянно некоторая часть из них восставала и бунтовала, и хитайские государи для противодействия им снаряжали войска и снова приводили их к повиновению.

Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы. Говорят, что, когда племена татар, дурбан, салджиун и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянию этих рек образуется река Анкара-мурэн⁵⁷⁴. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы его расселения в настоящее время соприкасаются с...⁵⁷⁵. Та река находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе⁵⁷⁶. Город тот

⁵⁷⁴ По-видимому, это притоки Ангары, кои вливаются в нее по выходе ее из озера Байкал.

⁵⁷⁵ Пропуск в тексте.

⁵⁷⁶ Енисей в своих истоках называется Улу Кем и Кемчик (приток Улу Кема); на месте сли-

⁵⁷² Вблизи Северного Китая.

⁵⁷³ Северо-восток Монголии.

принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду там серебро. Имена этой области: Алафхин, Адутан, Мангу и Балаурнан. Говорят, что лошади их все пегие; каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда из серебра. Много птиц.

Соркуктани-беги послала с тысячью людей на корабле в ту страну трех эмиров: Тунлик из племени карчукур, Бакджу из племени кара-тут и Мункур-Хитна из племени...⁵⁷⁷ с тысячью мужей. Они доставили к берегу много серебра, но положить его на корабль не смогли. Из того войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений. Все три эмира возвратились благополучно и жили долго.

Это племя татар прославилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли, подобно курдам, шулам и франкам. В ту эпоху у них еще не было законов, которые существуют в настоящее время среди монголов; в их природе преобладали ненависть, гнев и зависть. Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом.

Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее

время, вследствие благоденствия Чингизхана и его рода, поскольку они суть монголы, разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кeraisам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются этим именем, — а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Т.к. в отношении их была проявлена божественная милость в том смысле, что Чингизхан и его род происходят из племени монголов и от них возникло много ветвей, особенно со времени Алан-Гоа⁵⁷⁸, около 300 лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называются нирун и которые сделались почтенны и возвеличены, — то все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами.

Т.к. внешность, фигура, прозвание, язык, обычаи и манеры их были близки у одних с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и в обычаях, — ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ⁵⁷⁹, нангасов⁵⁸⁰, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами. Перед этим, тоже вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще и поныне в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине⁵⁸¹, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кипчаке, в северных от него районах, у арабских племен,

⁵⁷⁸ Алан-Гоа — прародительница той группы монгольских племен, из которых вышел Чингизхан.

⁵⁷⁹ Государство чжурчжэней Цзинь.

⁵⁸⁰ Найманов.

⁵⁸¹ Т.е. в Северном Китае, Индии, Восточном, Центральном и Южном Китае.

яния Ангары и Енисея расположен теперь город Енисейск.

⁵⁷⁷ Пропуск в тексте.

в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами. Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и своего государя, — шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулйут — самое уважаемое из татарских племен.

Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют — тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется — тутукуличин. Происходящие из племени алчи-татар называются алчитай и алчин; из племени куин-татар, — куитай и куичин, из племени терат — терати и те-раучин.

Хотя у этих племен было много сражений и стычек друг с другом и они были постоянно заняты убийствами, разорением и грабежом друг друга, однако случилось так, что между ними и монгольскими племенами тоже произошли распря и война. В этом положении татарские племена объединились вместе. Старые кровь и вражда между татарами и монголами произошли по следующей причине: во времена Кабул-хана, бывшего монгольским ханом, из рода которого происходит большинство племен кият, а монгольские племена нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов, из которых каждая еще до него были известны под своим особым именем и прозвищем, — все были его дядьями и дедами и все по родству и дружбе с ним считались его друзьями и союзниками, а в напастях и бедственных случаях они становились ему помощниками и защитниками, — в это время занемог некто по имени Сайн-тегин, брат Кара-Лику из племени кунгират, которая была женой Кабул-хана. Для лечения попросили у татар шамана по имени Чаркил-Нудуя. Он пошел и совершил камлание, но Сайн-тегин умер. Над шаманом учинили насилие и отослали домой. После того старшие и младшие братья Сайн-тегина отправились и убили этого Чаркила шамана.

Вследствие этого между татарами и монголами возникла вражда и сыновьям Кабул-хана, вследствие их побратимства

и свойства с Сайн-тегином, по необходимости и нужде пришлось помогать его племени. По этой причине между ними и татарами возникла ссора, вражда и война, и они неоднократно сражались.

С обеих сторон во всякое время, как находили удобный случай, они убивали друг друга и грабили. Долгие годы продолжались эти войны и распри. В начале событий татары, воспользовавшись удобным случаем, захватили Хамбакай-хана по той причине, которая будет объяснена в истории племенных ответвлений тайджиутов. Хамбакай-хан же был из числа государей и вождей народа тайджиут, а происхождение последнего ведется от племянников Кабул-хана⁵⁸². Вследствие того, что татары знали, что китайский император был оскорблен Кабул-ханом, потому что последний убил его послов и дружинников, — как об этом будет рассказано в том повествовании, — что император имел злой умысел против Кабул-хана и монголов, которые все были его родственниками и были с ним заодно, что ненависть к ним глубоко запала в сердце императора, татары же были ему подвластны и подчинены ему, — они отправили к нему Хамбакай-хана. Да к тому же и сами имели к Хамбакай-хану старинную вражду и неприязнь, почему и решились на такую дерзость и непреклонность. Китайский император приказал пригвоздить Хамбакай-хана железными гвоздями к «деревянному ослу». Хамбакай-хан сказал: «Меня взяли другие, а не ты; недостойно и непохвально будет и далеко от благородства так мерзко поступить со мною. Племена монгольские, которые все являются моими родственниками, постараются отомстить за меня тебе, и твоим владениям поэтому будет причинено беспокойство».

Алтан-хан⁵⁸³ не послушал этих слов и пригвоздил Хамбакай-хана на «деревянном осле», отчего тот умер. Одному из его нукеров, по имени Булагачи, император разрешил вернуться домой. Тот принес монголам дурную весть о происшедшем.

⁵⁸² В «Сокровенном сказании» Хамбакай-хан — Амбагай-хаган признается правителем всех монголов.

⁵⁸³ Тюркское прозвище всех китайских императоров.

После этого Кутула-хан отправился с монгольским войском на войну с китайским императором и разграбил его страну...

В другой раз племена татарские, найдя подходящий случай, захватили старшего сына Кабул-хана и предка племени кият-юркин, Укин-Баркака, и отправили его к Алтан-хану, чтобы он его, пригвоздив к «деревянному ослу», убил. По этим причинам у монгольских племен вражда и ненависть к китайскому императору увеличилась, и до времени Чингиз-хана они постоянно воевали друг с другом. С каждой стороны выходили на другую, убивали и грабили, пока в конце концов, как это рассказывается в повествовании о Чингиз-хане и его роде⁵⁸⁴, Чингиз-хан не сделал кормом для своего меча все племена татар и китайских императоров, всех сделал их слабыми и своими пленниками и всех их и ту сторону привел под свою власть и повиновение, как это видим воочию на сей день. Из всех сражений, которые во всякое время каждый из монгольских государей вел с вождями и царями татарскими, — некоторые могут быть упомянуты.

Одно таково. Один из татарских государей, по имени Матар, воевал с Кадан-бахадуром, сыном Кабул-хана. В первой же атаке Кадан-бахадур ударил копьем его и по седлу его коня, так что низверг его на землю вместе с конем. И хотя Матар был ранен, но не умер от этой раны, однако продолжительное время болел. Когда выздоровел, то опять вступил в войну. Кадан-бахадур вторично так поразил его копьем в спину, что оно прошло через спинной хребет, отчего Матар тут же умер; войско его стало добычей монголов...

Другое сражение такое, бывшее во время Чингиз-хана. Хотя последний и прежде того воевал с татарами, но однажды, найдя удобный случай, одержал над ними верх, множество из них перебил и полностью их разграбил. Это событие произошло так: некоторые татарские племена, вождем и царем которых был Муджин-Султу, вступили в войну с китайским императором Алтан-ханом, не желая ему повиноваться. Китайский император снарядил войско и, поста-

вив предводителем его великого эмира, по имени Чинсан, послал воевать с татарами; т.к. последние не имели силы сопротивляться хитаям, то устрашились и, отступив, обратились в бегство. Узнавши об этом, Чингиз-хан, используя удобный случай, выступил в поход с окружавшим его войском, ударил на них, побил множество татар и разграбил все, что они имели. Известно, что на той войне из числа захваченной добычи была серебряная колыбель, шитое золотом покрывало и разные другие блага, ибо в то время татарские племена были самые состоятельные и самые богатые из всех кочевников. После этого события сын упомянутого Муджин-Султу, по имени Алак-Удур, и его брат Кыркыр-тайши объединились с каждым племенем монгольского народа и с другими племенами, союзными монголам, и сражались вместе с Чингиз-ханом...

Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин, салджиут, тайджиут и дурбан, государя кераитов Он-хана⁵⁸⁵, Таян-хана, государя найман, Кушлук-хана, государя меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним, то татары, которые постоянно ходили на помощь и поддержку тех племен, ослабели; а т.к. они были убийцами и врагами Чингиз-хана и его отцов, то он повелел произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен законом; чтобы женщин и детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить, потому что они были основой мятежа и восстаний и истребили многих близких Чингиз-хану племен и родов. Ни одному творению не было возможности оказать покровительство тому племени или скрыть кого-нибудь из них, или даже несколькими из них, кои уцелели от истребления, обнаружиться и объявиться.

Однако в начале державы Чингиз-хана и потом каждое из монгольских и немонгольских племен брали у татар себе и для своего рода девушек, а им давали своих. Чингиз-хан также взял от них девушек, ибо

⁵⁸⁴ Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2.

⁵⁸⁵ Ван-хана.

из числа его жен Есулун и Есукат были тарки; старший брат Чингиз-хана, Джочи-Касар, также высватал у них жену; многие эмиры тоже брали татарских девушек⁵⁸⁶. По этой причине они скрыто попрятали некоторых татарских детей. Чингиз-хан передал одну тысячу татар Джочи-Касару, чтобы тот всех их перебил. Тот ради своей жены и из сострадания, которое оказывал обреченным, перебил из них 500, а 500 скрыл...

В конечном счете, после гнева Чингиз-хана на племя татар и уничтожения их, все же некоторое количество их осталось по разным углам, каждый по какой-нибудь причине; детей же, которых скрыли в ордах и в домах эмиров и их жен, происходивших из татарского племени, воспитали. От некоторых беременных татарских женщин, которые избежали смерти, родились дети; поэтому племя, в настоящее время считающееся татарским, — из их рода. Из этого народа, как во времена Чингиз-хана, так и после него, некоторые стали великими и уважаемыми эмирами и доверенными государства в ордах⁵⁸⁷...

После того, вплоть до нынешнего дня, в каждой орде и в каждом улусе из них появлялись великие эмиры. Иной раз им давали девушек из рода Чингиз-хана и от них высватывали невест. В каждом улусе также существует из того племени много народа, который не стал эмирами, а присоединился к монгольскому войску; всякий из них знает, из какой ветви татар он происходит.

Из числа татарских детей, которые в эпоху Чингиз-хана стали почтенными людьми

⁵⁸⁶ Потомство смешанных в этническом плане браков нередко имеет раздвоенное этническое самосознание, именно поэтому я считаю возможным употребление условных терминов: «монголо-татары» для эпохи Чингиз-хана, «татары-кипчаки» для раннего периода Золотой Орды, «булгаро-татары» для эпохи (территории) Казанского ханства и т.д.; при этом надо лишь не забывать об условности этих «этнонимов».

⁵⁸⁷ Это свидетельство источника позволяет усомниться в высказываниях некоторых исследователей о **полном истреблении татар** в начале XIII в.; довольно нелепой выглядит и точка зрения о **полном уничтожении волжских булгар** во второй трети XIII в.; история показывает, что «полных истреблений» какого-либо этноса практически не бывает.

и эмирами и которых воспитали он и его жены, был некто Кутуку-нойон, называвшийся также Шики-Кутуку. Обстоятельства его жизни были таковы. В то время как монголы разорили татарский народ, Чингиз-хан еще не имел детей, а у его старшей жены, Бортэ-фуджин, было желание иметь ребенка. Как-то раз Чингиз-хан неожиданно увидел упавшего на краю дороги ребенка, поднял его и прислал к Бортэ-фуджин со словами: «Так как ты постоянно желаешь иметь ребенка, то воспитай этого вместо своего дитяти и храни его». Жена Чингиз-хана воспитала его как родного сына, с полным почетом и честью, в своем семействе. Когда он вырос, его нарекли Шики-Кутуку, а также называли Кутуку-нойоном; сам он называл Чингиз-хана — эчигэ, что означает отец, — а Бортэ-фуджин — тэрикун-экэ, что означает мать. Рассказывают, что когда Бортэ-фуджин скончалась, он бил руками по ее могиле и кричал: «О, моя добрая матушка!» и таким образом рыдал над ней. После Чингиз-хана он был в живых. Угедей-каан называл его старшим братом, и он сживал с его сыновьями выше Менгу-каана; он был приближенным у детей Тулуй-хана и Соркуктани-беги и скончался во время смуты Арик-Буки. Из его сыновей один находится на службе великого каана. Кутуку-нойону было 82 года; он решал тяжбы по справедливости и много оказал помощи и благодеяний преступникам; он неоднократно повторял: «Не нужно, чтобы признавались из-за страха и испуга». Он говорил виновным: «Не бойся и говори правду!»...

Были другие два мальчика, оба родные братья. У одного было имя Кули, а у другого — Кара-Мэнгэту-Ухэ; они были татары из племени тутукулуйт. Две жены Чингиз-хана, которых он взял из народа татарского, Есулун и Есукат, поскольку принадлежали к той же кости, оказали милосердие тем двум мальчикам, выпросив их у Чингиз-хана. Тот подарил им этих детей. Оба мальчика стали стольниками в орде Есулун...

Из племени хойин-татар происходили: Самкар-нойон, конюший Хулагу-хана, а во время Абага-хана ставший почтенным и великим эмиром; Туган, Мулай и Куй-

тай, отец Бука-курчи. Из племени нераит-татар в Иране не известно, чтобы кто-либо был почитаем и знаменит, но, несомненно, их много среди рядовых воинов. Но т.к. они не почитаемы и не знамениты, то о них не наводилось справок. Из племени алчи-татар в этом государстве тоже никого, кто бы был почтен, известен и был бы достоин записи. Однако в улусе Джочи-хана⁵⁸⁸ старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-Кутлуг; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу-Тимура, также государя того улуса, из того же племени был старший эмир по имени Бек-Тимур...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

---

⁵⁸⁸ В Золотой Орде.

Цитируемые источники и литература:

- Абаев, 1965* — Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. — М., 1965.
- Авеста* — Авеста. Избранные гимны: Из Видевдата / Пер. с авестийского И.Стеблин-Каменского. — М., 1993.
- Агаджанов* — Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. — М., 1991.
- Агафий* — Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. — М.—Л., 1953.
- Агеева, 1990* — Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. — М., 1990.
- АГСП, 1955* — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. — М.—Л., 1955. — Вып.1.
- Айбабин, 1999* — Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Айтберов* — Айтберов Т.М. Центральная часть восточного Дагестана в VII—VIII вв. (к хронологии и географии борьбы с мусульманами) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. — Махачкала, 1986. — С. 22—40.
- Акимова, 1968* — Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М., 1968.
- Акишев, Кушаев* — Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963.
- Акишев, 1978* — Акишев К.А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. — М., 1978.
- Акишев, 1984* — Акишев К.А. Искусство о мифология саков. — Алма-Ата, 1984.
- Алексеев* — Алексеев В.П. В поисках предков: Антропология и история. — М., 1972.
- Алексеев, Качалова, Тахтасьев* — Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тахтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. — СПб., 1993.
- Алишев, 2000* — Древний тюркский мир. — Казань, 2000.
- Ал-Балазури* — Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Пер. П.К.Жузе // Материалы по истории Азербайджана. — Баку, 1927. — Вып.3.
- Ал-Балазури, ар.* — Lieber expugnations regionum, auctore Imamo Ahmad ibn Djarir al-Beladsori... ed.M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- Ал-Истахри* — Ал-Истахри. Из «Книги путей царств» / Пер. Н.А.Караулова // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Тифлис, 1901.
- Ал-Куфи, пер.* — Ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв.) / Пер. З.М.Буниятова. — Баку, 1981.
- Ал-Куфи, ар.* — Kitabu'l FutIh by Abu Muhammad Ahmad ibn A'tham al-KIfi. V. 1—8. Ed by Sayyid 'Abdu'l Wahhab Bukhari. — Hyderabad, 1968—1975.
- Ал-Масуди* — Ал-Масуди. Мурудж ад-Дзахаб (Россыпи золота) (Гл. VII) / Пер. В.Ф.Минорского // [Минорский, 1963].
- Анания Ширакаци* — Армянская география VII в. по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер. К.П.Патканова. СПб., 1877.
- Анна Комнина* — Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского. — М., 1965.
- Аполлинарий Сидоний* — Аполлинарий Сидоний. Стихотворения. Панегирик, сказанный Антемию Августу, вторично консулу / Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. — 1949. — №4.
- Аркаим* — Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. — Челябинск, 1995.
- Артамонов, 1962* — Артамонов М.И. История хазар. — Л., 1962.
- Артамонов, 1968* — Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // Советская археология. — 1968. — №4.
- Архипов, 1995* — Архипов А. По ту сторону Самбатииона. Этюды о русско-еврейских культурных и литературных контактах в X—XVI вв. — Berkeley, 1995.
- Аристов, 1896* — Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. — 1896. — №3—4.
- Атласи, 1993* — Атласи Һ. Себер тарихы. Соенбикә. Казан ханлыгы (тарихи әсәрләр). — Казан, 1993.
- Ат-Табари, ар.* — Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed M.J. de Goeje, ser I—III, Lugduni Batavorum. — E.J.Brill, 1879—1901.
- Ат-Табари, пер. 1986* — Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и ца-

рей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. — М., 1986.

Ат-Табари, пер. 1987 — История ат-Табари. Ташкент. Издательство «Фан» Узбекской ССР. 1987. 442с. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения им. Абу Райхана Бериуни)

Афанасьев, 1988 — Афанасьев Г.Е. Бургасы // Исчезнувшие народы. — М., 1988.

Афанасьев, 1993 — Афанасьев Г.Е. Донские аланы. — М., 1993.

Ахинжанов — Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1989.

Багаутдинов, Богачев, Зубов — Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. — Самара, 1998.

Бадер, Халиков — Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // Свод археологических источников. — Вып. В1-25. — М., 1976.

Балашов, Юрченко — Балашов В.А., Юрченко В.А. Историография отечественной истории (1917—нач. 90—х гг.). Учеб. пособие. — Саранск, 1994.

Баскаков, 1960 — Баскаков Н.А. Тюркские языки. — М., 1960.

Баскаков, 1969 — Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. — М., 1969.

Бал'ами, рук. — Тарих-и Табари Абу 'Али Мухаммад Бал'ами. Рукопись. СПбФ ИВ РАН, Д-82.

Бартольд — Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1963—1977. — Т.1—9.

Бартольд, 1897 — Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. — СПб., 1897.

Бартольд, 1926 — Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. — Л., 1926.

Белавин, 2000 — Белавин А.М. Камский торговый путь. — Пермь, 2000.

Беляев — Беляев В.И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении X—XIII вв. // [МИТТ, т.1].

Бешевлиев — Бешевлиев В. Първобългарски надписи. — София, 1979.

Бертельс, 1960 — Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. — М., 1960.

Бернштам, 1934 — Бернштам А.Н. Выступление на пленуме Государственной академии истории материальной культуры 22 июня 1933 г.

// Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып.103. — М.—Л., 1934.

Бернштам, 1934 — Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // Советская этнография. — 1934. — № 6.

Бернштам, 1935 — Бернштам А.Н. Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 5—6.

Бернштам, 1946 — Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI — VIII вв. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Бернштам, 1951 — Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. — Л., 1951.

Бибииков — Бибииков М.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии: вторая половина VII — XII в. — М., 1989.

Бичурин, т.1 — Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М. — Л., 1950. — Т.1.

Богачев, 1998 — Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья в V—VIII вв. — Самара, 1998.

Боковенко, Засецкая, 1993 — Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов "гуннского типа" Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. — СПб., 1993. — Вып.3.

Боталов, Полушкин, 1996 — Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. // Новое в археологии Южного Урала. — Челябинск, 1996.

Боталов, 1993 — Боталов С.Г. Большекараганский могильник II—III вв. н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. — Екатеринбург, 1993.

Бойс — Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. — М., 1987.

Большаков — Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. — 1980. — Вып.22. — Кн.2.

Большаков, 1993. — Большаков О.Г. История Халифата. II. Эпоха великих завоеваний (633—656).—М., 1993.—294с.

Бонгард-Левин, Грантовский, 1983 — Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. — М., 1983.

Буниятов — Буниятов З.М. Азербайджан в VII—IX вв.—Баку, 1965.—382 с.

Васильев, Горелик, Кляшторный — Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993.

Васильев, 1983 — Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: опыт систематизации. — М., 1983.

Васильев, 1983 — Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983.

Васюткин, 1977 — Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977.

Васюткин, 1986 — Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV—V вв. в Башкирии // Советская археология. — 1986. — №2.

Васюткин, 1992 — Васюткин С.М. Поиски следов первых тюрков на Южном Урале // Исследования по археологии юга Восточной Европы. — Элиста, 1992.

Вайнберг, Новгородова — Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. — М., 1976.

Вайнберг, 1972 — Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе. — М., 1972.

Вардан Великий — Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н.Эмина. — М., 1861.

Вереш, 1979 — Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года. Автореф. дисс.канд. ист. наук. — М., 1979.

Владимирцов, 1934 — Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л., 1934.

Ворожейкина — Ворожейкина З.Н. Диван Маничихри // Письменные памятники Востока. — М., 1971.

Валиди, 1992 — Валиди Эхмэд-Зэки Кыскача төрек-татар тарихы. — Беренче жөзбэ. — Казан, 1992

Гараева, 1982 — Гараева Н.Г. Новые сведения об арабо-хазарских войнах 103-104/721-723 гг. // Письменные памятники и проблемы истории

культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Февраль, 1981 г. Часть I. Москва, 1982.

Гараева, 1984 — Гараева Н.Г. Реконструкция событий кавказских походов Мервана ибн Мухаммада (735—740 гг.) // Бартольдские Чтения 1984. Год седьмой. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1984. — С. 25—27.

Гараева, 1987 — Гараева Н.Г. О происхождении, датировке и достоверности сведений Сайфа ибн Омара о ранних походах арабов на Кавказ и в Поволжье // Бартольдские Чтения 1987. Год восьмой. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1987. — С. 28—29.

Гараева, 1990 — Гараева Н.Г. Источники Ибн ал-Асира об арабо-хазарских войнах 103—121 / 721—739 гг. // Бартольдские Чтения 1990. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1990. — С. 18—19.

Гараева, 1997 — Гараева Н.Г. О дате принятия ислама хазарами // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах, 9-13 июня 1992, Казань. Москва. 1997. — С. 214-217.

Гараева, 2001 — Гараева Н.Г. Арабо-хазарское противостояние и распространение ранних представлений об исламе в России // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Материалы международной научно-практической конференции 16-17 ноября 2000 г. Казань. 2001. сс.126-133.

Гараева, 2001a — Гараева Н.Г. К проблеме распространения ислама на территории России (Анализ сведений арабских историков) // Ислам в Среднем Поволжье. Казань. 2001. сс.6-22.

Гарустович, Иванов, 1992 — Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. — Ижевск, 1992.

Гадло, 1979 — Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. — Л., 1979.

Гадло, 1983 — Гадло А.В. Этническая общность *барсилы* // Историческая этнография. — Л., 1983.

Гадло, 1994 — Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. — СПб., 1994.

- Гаркави, 1870* — Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. — СПб., 1870.
- Гевонд* — История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. К.Патканьян. — СПб., 1862.
- Генинг и др.* — Генинг А.Х., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождественно. — Казань, 1962.
- Генинг, 1959* — Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. — Вып.2. — Казань, 1959.
- Генинг, 1963* — Генинг В.Ф. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // Вопросы археологии Урала. — Вып.V. — Свердловск—Ижевск, 1963.
- Генинг, 1964* — Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. — М., 1964.
- Генинг, 1970* — Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. — Вып. 10. — Свердловск, 1970.
- Генинг, 1972* — Генинг В.Ф. Южное Приуралья в III—VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.
- Генинг, 1974* — Генинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э. Автореф. дисс. докт.ист.наук. — М., 1974.
- Генинг, 1976* — Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из истории Волго-Камья. — Казань, 1976.
- Генинг, 1987* — Генинг В.Ф. Так называемая «турбаслинская» культура в Башкирии // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск, 1987.
- Генинг, 1988* — Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н.э.— II в. н.э. — М., 1988.
- Геродот* — Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. П.А.Стратановского, под общей редакцией С.Л.Утченко, редактор перевода Н.А.Мешерский. — Л., 1972.
- Гмыря, 1993* — Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. — Махачкала, 1993.
- Гмыря, 1995* — Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. — Махачкала, 1995.
- Гобәйдуллин, 1989* — Гобәйдуллин Г. С. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. — Казан, 1989.
- Голдина, 1987* — Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. — Устинов, 1987.
- Голдина, 1999* — Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999.
- Голб, Прицак, 1997* — Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. — М., 1997.
- Граков, Мелюкова, 1954* — Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954.
- Граков, 1971* — Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971.
- Грантовский* — Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. — М., 1975. — Т.2.
- Грязнов, 1950* — Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. — Л., 1950.
- Грязнов, 1978* — Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М., 1978. — Вып. 154.
- Грязнов, 1980* — Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л., 1980.
- Губайдуллин* — Газиз Г. История татар. — М., 1994.
- Гумилев, Эрдеи* — Гумилев Л.Н. Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки. — 1969. — №3.
- Гумилев, 1959* — Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII вв. // Советская этнография. — 1959. — №3.
- Гумилев, 1960* — Гумилев Л.Н. Хунну. — М., 1960.
- Гумилев, 1961* — Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. — Л., 1961. — Ч. 1.
- Гумилев, 1993* — Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993.

Гумилев, 1993 — Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 1993.

Гумилев, 1994 — Гумилев Л. Н. Чёрная легенда. — М., 1994.

Гумилев, 1996 — Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. — М., 1996.

Гуцалов, 2000 — Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII—I вв. до н.э. Автореф. дисс.канд. ист. наук. — Уфа, 2000.

Дандамаев, 1963 — Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. — М., 1963.

Дандамаев, 1977 — Дандамаев М.А. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н.э. о саках // Вестник древней истории. — 1977. — №1.

Дандамаев, 1985 — Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. — М., 1985.

Дорн — Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Хафиз-Абру, Ибн А'сама ал-Куфи и др. Статья академика Дорна / Перевод с немец. П.Тяжелова // Журнал Министерства Народного Просвещения. — СПб.—1844.—Ч. XLIII, отд. II.—С. 1—25; 67—98

Древнетюркский словарь — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.

Древности Урало-Казахстанских степей — Древности Урало-Казахстанских степей: Каталог выставки. — Челябинск, 1991.

Дьяконов, 1956 — Дьяконов И.М. История Мидии. — М.—Л., 1956.

Дьяконов, 1981 — Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.

Дәүләтшин, 1999 — Дәүләтшин Г. М. Төркітатар рухы мәдәнияте тарихы. — Казан, 1999.

Евсевий Иероним — Евсевий Иероним. Письмо 77. К океану. О смерти Фабиолы; Письмо 60. К Гелиодору / Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. — 1949. — №4.

Егише — Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. И.А.Орбели. — Ереван, 1971.

Железчиков, 1988 — Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI—II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. — Азов, 1988.

Засецкая, 1983 — Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи // История и культура сарматов. — Саратов, 1983.

Засецкая, 1994 — Засецкая И.П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв. н.э.). — СПб., 1994.

Збруева, 1952 — Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. — №30. — М., 1952.

Зданович, 1999 — Зданович Г.Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Комплексные общества Центральной Евразии в 3—1 тыс. до н.э. — Челябинск — Аркаим, 1999.

Зуев — Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН Каз. ССР. Серия истории, археологии и этнографии. — 1960. — Вып.3(4).

Ибатуллин — Ибатуллин Р.У. Аммиан Марцеллин: Проблема биографии в контексте эпохи. — Уфа, 1999.

Ибн ал-Асир — Из «Тарих ал-Камиль» (полный свод истории) Ибн ал-Асира / Пер. П.К.Жузе // Материалы по истории Азербайджана. — Баку, 1940.

Ибн ал-Асир, ар. — Ibn-el-Athiri Chrinicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C.J. Tornberg. Vol. 1—14. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Фадлан, 1939 — Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. и комм. под редакцией акад. И.Ю.Крачковского. — М. — Л., 1939.

Ибн Фадлан, 1956 — Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарий. — Харьков, 1956.

Ибн Хаукаль — Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царства» / Пер. Н.А.Караулова // Сведения арабских географов IX—X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Тифлис, 1908.

Ибн Хордадбех, пер. — Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. ... Н. Велихановой.—Баку, 1986.—428 с.

Иванов, 1967 — Иванов В.В. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 3.

Иванов, 1978 — Иванов В.А. Население нижней и средней реки Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1978.

Иванов, 1984 — Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. — М., 1984.

- Иванов, 1988* — Иванов В.А. Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.
- Иванов, 1992* — Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М., 1992.
- Иванов, 1995* — Иванов В.А. Динамика «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе в эпоху древности и средневековья // Курганы кочевников Южного Урала. — Уфа, 1995.
- Иванов, 1999* — Иванов В.А. Древние угро-мадяры в Восточной Европе. — Уфа, 1999.
- Иванчик* — Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. — М., 1996.
- Иешу Стилит* — Хроника Иешу Стилита. Летописная повесть о несчастьях, бывших в Эдессе, Амиде и во всей Месопотамии / Пер. Н.Пигулевской // Пигулевская Н. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. — М.—Л., 1940.
- Иессен, 1947* — Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Л., 1947.
- Иессен, 1953* — Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад) // Советская археология, — М., 1953. — Вып. XVIII.
- Измайлов, 1992* — Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы // Мирас. — Казань, 1992. — № 10.
- Из глубины столетий* — Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. — Казань, 2000.
- Ильинская, Тереножкин, 1983* — Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. — Киев, 1983
- Иностранцев* — Иностранцев К.А. Хунну и гунны. — Л., 1926.
- Иосиф* — Ответное письмо хазарского царя Иосифа (пространная редакция) / Пер. П.К.Кокковцова // Кокковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л., 1932.
- Иордан, 1960* — Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер., комм. Е.Ч.Скржинской. — М., 1960.
- Иордан, 1997* — Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). — СПб., 1997.
- Исмагилов, 1996* — Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. — Уфа, 1996.
- Исмагулов* — Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. — Алма-Ата, 1970.
- История Дагестана, 1996.* — Магомедов М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. С древнейших времен до конца XV в. — Махачкала, 1996.462с.
- История Казахской ССР* — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. — Алма-Ата, 1977. — Т.1.
- История Киргизской ССР* — История Киргизской ССР. — Фрунзе, 1968. — Т.1.
- История народов Северного Кавказа..., 1988* — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. — М., 1988.
- История отечественного востоковедения* — История отечественного востоковедения. — М., 1987.
- История «скифов»* — История «скифов» глазами современников / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. — Казань, 2001.
- Источниковедение* — Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В.И.Кузищича. — М., 1984.
- Исхаков* — Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997.
- Йакут, т.1* — Йакут. Китаб му'джам ал-булдан // [МИТТ, т.1].
- Казаков, Рафикова* — Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. — Альметьевск, 1999.
- Казаков, Рафикова, 1999* — Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. — Альметьевск, 1999.
- Казаков, Старостин, Халиков* — Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. — Казань, 1987.
- Казаков, 1978* — Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М., 1978.
- Казаков, 1978* — Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. — Казань, 1978. — С.67—108.
- Казаков, 1979* — Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах

Татарии // Советская археология. — 1979. — №1.

Казаков, 1981 — Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. — Казань, 1981.

Казаков, 1992 — Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. — М., 1992.

Казаков, 1994 — Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. — Казань, 1994.

Казаков, 1996 — Казаков Е.П. К вопросу о турбаглинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей. — Самара, 1996.

Казаков, 1998 — Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). — Самара, 1998.

Казаков, 1999. — Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. — 1999. — №1/2 (4/5).

Калинина, 1986 — Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. — 1986. — №4.

Калинин, 1948 — Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. — Т.1. — Казань, 1948.

Караев — Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968.

Каримуллин — Каримуллин А. Татары: этнос и этноним. — Казань, 1988.

Квинт Курций Руф — Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. — СПб., 1812.

Киняпина, Блиев, Дегоев, 1984 — Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.). — М., 1984.

Киселев — Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.

Киселев, 1947 — Киселев С.В. Древне-хакасский эль // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. История, этнография, археология. — Абакан, 1947.

Киселев, 1951 — Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. — М., 1951.

Ключевский — Ключевский В.О. Сочинения: в девяти томах. — М., 1987. — Т.1.

Кляшторный, Лившиц — Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. — 1971. — Вып.10.

Кляшторный, Ромодин — Кляшторный С.Г. Ромодин В.А. Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник 1970. — М., 1970.

Кляшторный, Савинов — Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994.

Кляшторный, Султанов, 2000 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2000.

Кляшторный, 1964a — Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1964.

Кляшторный, 1964 — Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.

Кляшторный, 1968 — Кляшторный С. Предисловие // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. — Т.5. — М., 1968.

Кляшторный, 1976 — Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера // Turcologica: К 70-летию акад. А.Н.Кононова. — Л., 1976.

Кляшторный, 1980 — Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // Советская тюркология. — 1980. — №3.

Кляшторный, 1982 — Кляшторный С.Г. Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира. Упадок древних обществ. — М., 1982.

Кляшторный, 1984 — Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки Ленинградского университета. Серия востоковедческих наук. Вып.25. — Л., 1984.

Кляшторный, 1984 — Кляшторный С.Г. Праболгарский Тангра и дренетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. — София, 1984.

Кляшторный, 1987 — Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. — 1987. — №3.

- Ковалевская, 1984* — Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы: века и народы. — М., 1984.
- Кононов, 1982* — Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. — М., 1982.
- Козьмин, 1934* — Козьмин Н.Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятника // Сергею Федоровичу Ольденбургу. Пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. — Л., 1934.
- Козьмин, 1934* — Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. — М.—Иркутск, 1934.
- Константин Багрянородный, 1899* — Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах» // Чтения в обществе истории и древностей российских. — Кн.1. — М., 1899.
- Константин Багрянородный, 1934* — Константин Багрянородный. Об управлении государством // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. — М. — Л., 1934.
- Константин Багрянородный, 1991* — Константин Багрянородный. Об управлении государством. — М., 1991.
- Крадин, 1992* — Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток, 1992.
- Крадин, 1996* — Крадин Н. Н. Империя Хунну. — Владивосток, 1996.
- Крадин, 1997* — Крадин Н.Н. Номады // Родина. — 1997. — №3/4. — С.17—18.
- Кравцова* — Кравцова М.Е. Жизнеописание Сына Неба Му: Вопросы и проблемы // Петербургское востоковедение. — 1992. — Вып.2.
- Крачковский, 1957* — Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. — М., 1957. — Т.IV.
- Кривцова-Гракова, 1954* — Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1954. — Вып.46.
- Кроль* — Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. — М., 1970.
- Крюков, 1988* — Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. — VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М., 1988.
- Кудрявцев, 1982* — Кудрявцев А.А. Древний Дербент. — М., 1982.
- Кузеев, 1992* — Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. — М., 1992.
- Кулемзин, 1984* — Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск, 1984.
- Кумекоев, 1972* — Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972.
- Кумекоев, 1993* — Кумекоев Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII — начала XIII в. // Известия АН Республики Казахстан. (Сер. общественных наук). — 1993. — №1.
- Кузнецов, 1992* — Кузнецов В.А. Очерки истории алан. — Владикавказ, 1992.
- Кузнецов, 1997* — Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — М., 1997.
- Кычанов, 1968* — Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. — М., 1968.
- Кычанов, 1980* — Кычанов Е.И. Монголы в VI—VIII вв. // Дальний Восток в средние века. — Новосибирск, 1980.
- Кычанов, 1995* — Кычанов Е.И. Жизнь Темучина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. — М., 1995.
- Кычанов, 1997* — Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997.
- Кычанов, 1998* — Кычанов Е.И. Золотой век монгольской конницы // Живая история Востока. — М., 1998.
- Кызласов, 1987* — Кызласов И.Л. Земледельческие представления древнехакасской общины // Советская тюркология. — 1987. — №1.
- Кызласов, 1994* — Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994.
- Кюннер, 1950* — Кюннер Н.В. Работа Н.Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена» // [Бичурин, т.1].
- Кюннер, 1961* — Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.
- Лапин, 1966* — Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966.
- Левина, 1996* — Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. — М., 1996.
- Ледяйкин, 1975* — Ледяйкин В.И. О преемственности между городецкой и древнемордовской культурами // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. — Саранск, 1975.

- Лихачев, 1891* — Лихачев А.Ф. Следы бронзового века в Казанской губ. // Труды VII археологического съезда в г. Ярославле. — М., 1891. — Т. II.
- Лившиц, 1969* — Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. — М., 1969.
- Лившиц, 1974* — Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. — М., 1974. — Т. I.
- Литвинский* — Литвинский Б.А. Древнейшие кочевники «Крыши мира». — М., 1972.
- Луконин, 1987* — Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. — М., 1987.
- Мавродина, 1983* — Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). — Л., 1983.
- Магомедов, 1983* — Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. — М., 1983.
- Мажитов, Султанова, 1994* — Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. — Уфа, 1994.
- Мажитов, 1968* — Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. — М., 1968.
- Мажитов, 1977* — Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIX вв. — М., 1977.
- Малов, 1951* — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. — М.—Л., 1951.
- Малов, 1952* — Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. — М.—Л., 1952.
- Малов, 1959* — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.—Л., 1959.
- Малявкин, 1974* — Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — Новосибирск, 1974.
- Малявкин, 1981* — Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). — Новосибирск, 1981.
- Малявкин, 1989* — Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. — Новосибирск, 1989.
- Материалы, вып. 1* — Материалы по истории кочевых народов в Китае. Выпуск 1: Сюнну. — М., 1989.
- Махортых, 1994* — Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. — Киев, 1994.
- Мавзолеи Казанского Кремля.* — *Мавзолеи Казанского Кремля.* — Казань, 1997.
- Максимова, Ермолаева, Марьяшев.* — Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. — Алма-Ата, 1985.
- Мандельштам* — Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Труды Института истории, археологии и этнографии. — Алма-Ата, 1956. — Т. I.
- Марвази* — Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. — London, 1942.
- Марков, 1970* — Марков Г.Е. Некоторое проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. — 1970. — № 6.
- Марков, 1973* — Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Советская этнография. — 1973. — № 1.
- Марков, 1976* — Марков Г.Е. Кочевники Азии. — М., 1976.
- Мартынов* — Мартынов А.С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. — М., 1970.
- Марцеллин* — Кулаковский Ю.А. Аммиан Марцеллин: История: Перевод с латинского. — Вып. III. — Киев, 1908.
- Матвеева, Скарбовенко* — Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара, 1999.
- Матвеева, 1969* — Матвеева Г.И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1969.
- Матвеева, 1981* — Матвеева Г.И. О происхождении имениковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. — Куйбышев, 1981.
- Матвеева, 1986* — Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. — Куйбышев, 1986.
- Матвеева, 1997* — Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара, 1997.
- Матвеева, 1998* — Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое. — Самара, 1998.

- Матвеева, 2000* — Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — Самара, 2000.
- Матвеев, 1968* — Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. — Вып.4 // Ученые записки Пермского университета. — Пермь. 1968. — Вып.191.
- Махмуд Кашгарский — Mahmud al-Kashari. Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). — Harvard University, 1982. — Pt.1—3.
- Медоев* — Медоев А.Г. Гравюры на скалах. — Алма-Ата, 1979.
- Менандр Византиец* — Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой / Пер. С.Дестуниса // Византийские историки. — СПб., 1860.
- Медведская, 1994* — Медведская И.Н. Заключение по дискуссии // Российская археология. — 1994. — №1.
- Медникова, Лебединская, 1999* — Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений. Погребальный обряд. — М., 1999.
- Медников* — Медников Н.А. Об одном из источников ат-Табария // Сборник статей учеников В.Р.Розена.—СПб., 1897.—С. 53—66.
- Мерперт, 1954* — Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1954. — №42.
- Мерперт, 1974* — Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974.
- Минаева, 1927* — Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // Ученые записки Саратовского Государственного университета. — Саратов, 1927. — Вып.3.
- Минорский, 1963* — Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. — М., 1963.
- Миняев* — Миняев С. К проблеме происхождения сюнну // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — М., 1985. — Вып.9.
- МИТТ, т.1.* — Материалы по истории туркмен и Туркмении. — М. — Л., 1941. — Т.1.
- Мовзес Каганкатваци, 1861* — История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. К.Патканьян. — СПб., 1861.
- Мовзес Каганкатваци, 1984* — Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш.В.Смбатяна. — Ереван, 1984.
- Мошкова, 1974* — Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. — М., 1974.
- Мункуев* — Мункуев Н. Мэн-да бэй-лу. — М., 1975.
- Мышкин, Скарбовенко, 2000* — Мышкин Н.В., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — М., 2000.
- Мөхәмәди, 2000* — Мөхәмәди Ә.Г. Һуннар һәм Туран язмалары. — Казан, 2000.
- Мәржани, 1989* — Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланган хәбәрләр). — Казан, 1989.
- Напольских, 1996* — Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. — Сыктывкар, 1996. — Т.2.
- На стыке континентов и цивилизаций* — На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996.
- Немкова, 1985* — Немкова В.К. Природные условия Южного Предуралья в эпоху бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. — Уфа, 1985.
- Никифор* — Никифор. Бrevиарий / Пер. и комм. И.С.Чичурова // [Чичуров].
- Новосельцев, 1965* — Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965.
- Новосельцев, 1990* — Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
- Обыденнов, Шорин, 1995* — Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). — Екатеринбург, 1995.
- Обыденнов, 1997* — Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов. — Уфа, 1997.

Обыденнов, 1998 — Обыденнов М.Ф. Межовская культура. — Уфа, 1998.

Окладников — Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М. — Л., 1955.

Останина, 1997 — Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III—V вв. — Ижевск, 1997.

Памятники протогородской цивилизации — Памятники протогородской цивилизации. — Челябинск, 1992.

Патрушев, 1992 — Патрушев В.С. Финно-угры России. — Йошкар-Ола, 1992.

ПВЛ — Повесть временных лет. — СПб., 1996.

Петренко, 1983 — Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. — Л., 1983. — Вып.23.

Петренко, 1989 — Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // [Степи, 1989].

Петрухин, 1995 — Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. — М., — Смоленск, 1995.

Петрухин, 1998 — Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и кочевой мир. — М., 1998.

Пигулевская, 1941 — Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. — М. — Л., 1941.

Пигулевская, 1957 — Пигулевская Н.В. Феофилакт Симокатта и его история // [Феофилакт Симокатта].

ПДДР: XIII в. — Памятники литературы Древней Руси. XIII в. — М., 1981.

Плетнева 1986 — Плетнева С.А. Хазары. — М., 1986.

Плетнева, 1958 — Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. — М. — Л., 1958. — №62.

Плетнева, 1967 — Плетнева С.А. От кочевий к городам. — М., 1967.

Плетнева, 1976 — Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. — М., 1976.

Плетнева, 1976 — Плетнева С.А. Хазары. — М., 1976.

Плетнева, 1982 — Плетнева С.А. Кочевники средневековья. — М., 1982.

Плетнева, 1988 — Плетнева С.А. Печенеги // Исчезнувшие народы. — М., 1988.

Плетнева, 1990 — Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. — М., 1990.

Плетнева, 1990 — Плетнева С.А. Половцы. — М., 1990.

Плетнева, 1996 — Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». — Воронеж, 1996.

Плетнева, 1999 — Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. — М., 1999.

Погребова, Раевский, 1992 — Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. — М., 1992.

Приск Панийский, 1900 — Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В.Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1900. — Т.1. — Вып.3.

Приск, 1861 — Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С.Дестуниса // Ученые записки 2-го отделения АН. — СПб., 1861. — Кн.7. — Вып.1.

Прокопий Кесарийский, 1876 — Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами в двух книгах / Пер. С.Дестуниса. — СПб., 1876. — Кн.1.

Прокопий Кесарийский, 1950 — Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева. — М., 1950.

Прокопий Кесарийский, 1993 — Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993.

ПРСЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись. — М., 1962.

Пряхин и др. — Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. — Воронеж, 1997.

Псевдо-Захария — Хроника Захарии Ритора (Митиленского) / Пер. Н.Пигулевской // [Пигулевская, 1941].

Пшеничнюк, 1968 — Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т.3.

Пшеничнюк, 1973 — Пшеничнюк А.Х. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1973. — Т.V.

Пшеничнюк, 1983 — Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. — М., 1983.

Пшеничнюк, 1988 — Пшеничнюк А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.

- Пьянков, 1975* — Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. — Душанбе, 1975.
- Пьянков, 1978* — Пьянков И.В. Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция // Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Советского востока. — М., 1978.
- Раевский* — Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977.
- Рамстедт* — Рамстедт Г.И. Как был найден Селингинский камень // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Русского Географического общества. — 1912. — Т.15. — Вып.1.
- Рашид-ад-дин* — Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т. — М.—Л., 1946—1960. — Т.1—3.
- Радлов, 1893* — Радлов В.В. К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку Билик) // Приложение к Запискам императорской Академии наук. Т. LXXII, № 2. — СПб., 1893.
- Радлов, 1989* — Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. — М., 1989.
- Россия* — Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. — М., 1993.
- Руденко, 1960* — Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.—Л., 1960.
- Руденко, 1962* — Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М.—Л., 1962.
- Рыбаков, 1979* — Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. — М., 1979.
- Савинов, 1984* — Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.
- Саидов, Шихсаидов* — М.С.Саидов, А.Р.Шихсаидов. «Дербент-наме» (к вопросу об изучении). Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С.5-64.
- Сальников, 1967* — Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967.
- Себеос* — История императора Ираклия. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. К.Патканьяна. — СПб., 1862.
- Седов, 1994* — Седов В.В. Славяне в древности. — М., 1994.
- Синицын* — Синицын Е.П. Бань Гу — историк Древнего Китая. — М., 1975.
- Сипенкова* — Сипенкова Т.М. «История» Халифы ибн Хайата как источник по истории арабских завоеваний на Кавказе и в Закавказье // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.—Ленинград, 1980.—С. 76—81.
- Сказания Приска Панийского* — Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С.Дестуниса // Ученые записки 2-го отделения Императорской Академии Наук. — Кн. 7. — Вып. 1. — СПб., 1861.
- Скрипкин, 1984* — Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. — Саратов, 1984.
- СК* — Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1893—1900. — Т.1; 1904. — Т.II.
- Смирнов, 1964* — Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964.
- Смирнов, 1971* — Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971. — Т.4.
- Смирнов, 1984* — Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
- Сокровенное сказание* — Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. С.А.Козина. — М.—Л., 1941.
- Соловьев* — Соловьев С.М. Сочинения. — М., 1988. — Кн.1.
- Ставиский* — Ставиский Б.Я. Средняя Азия и ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры. — М., 1971.
- Старостин, 1967* — Старостин П.Н. Памятники именковской культуры // Свод археологических источников. — 1967. — Вып.Д1—32.
- Степи Евразии* — Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1981.
- Степи европейской* — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — М., 1989.
- Степи, 1981* — Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1981.
- Степи, 1989* — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — М., 1989.
- Стеблева* — Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. — М., 1971.
- Степная полоса* — Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — М., 1992.
- Супруненко, 1974* — Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. — М., 1963.

- Султанова, 2000* — Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Автореф. дисс.канд. ист. наук. — Уфа, 2000.
- Сунгатов, 1995* — Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989—1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. — Уфа, 1995.
- Сунгатов, 1998* — Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. — Уфа, 1998.
- Сыма Цянь, т.7* — Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. с китайского Р.В.Вяткина. — М., 1996. — Т.7.
- Тагиров, 2000* — Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2000.
- Таскин, вып.1.* — Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. — М., 1968. — Вып.1.
- Таскин, вып.2.* — Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. — М., 1973. — Вып.2.
- Татарский энциклопедический словарь* — Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999.
- Тереножкин, 1976* — Тереножкин А.И. Киммерийцы. — Киев, 1976.
- Тер-Гевондян* — Тер-Гевондян А.Н. Армения и арабский халифат. — Ереван, 1977. — 322 с.
- Толстов, Итина, 1966* — Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // Советская археология. — 1966. — № 2.
- Толстов, 1934* — Толстов С.П. Военная демократия и проблема «генетической революции» // Советская этнография. — 1934. — №6.
- Толстов, 1934* — Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 103. — М.—Л., 1934.
- Толстов, 1938* — Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. — 1938. — №1(2).
- Толстов, 1948* — Толстов С.П. Древний Хорезм. — М., 1948.
- Толстов, 1948* — Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.—Л., 1948.
- Толстов, 1962* — Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962.
- Торпусман* — Торпусман А.Н. Антропонимия и межэтнические контакты Восточной Европы в средние века // Имя — этнос — история. — М., 1989.
- Трубачев, 1992* — Трубачев О.Н. В поисках единства. — М., 1992.
- Удальцова* — Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии: IV — первая половина VII в. — М., 1984; Удальцова З.В. Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии: IV — первая половина VII в. — М., 1984.
- Фавстос Бузанд* — История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М.А.Геворяна // Памятники древнеармянской литературы. — Ереван, 1953.
- Фасмер, Т.1* — См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986—1987. — Т.1—IV.
- Фахретдин* — Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. — Казань, 1996.
- Файзрахманов* — Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань, 2000.
- Федоров-Давыдов, 1966* — Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.
- Феофан Исповедник* — Феофан Исповедник. Хронография / Пер. и комм. И.С.Чичурова // [Чичуров].
- Феофилакт Симокатта* — Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П.Кондратьева. — М., 1957.
- Флоря, 1981* — Сказания о начале славянской письменности. // Вступительная статья, пер. и комм. Б.Н.Флори. — М., 1981.
- Флуг* — Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X — XIII вв. — М. — Л., 1959.
- Фрай* — Фрай Р. Наследие Ирана. — М., 1972.
- Хазанов* — Хазанов А.М. Золото скифов. — М., 1975.
- Халикова, 1975* — Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории. — 1975. — №7.
- Халиков, Лебединская, Герасимова* — Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган // Труды Марийской археологической экспедиции. — Йошкар-Ола, 1966. — Т.3.
- Халиков, 1969* — Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. — М., 1969.

- Халиков, 1971* — Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — Казань, 1971.
- Халиков, 1977* — Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н.э.). — М., 1977.
- Халиков, 1978* — Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978.
- Халиков, 1980* — Халиков А.Х. Приказанская культура // Свод археологических источников. — Вып. В1—24. — М., 1980.
- Халиков, 1987* — Халиков А.Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. — Уфа, 1987.
- Халиков, 1989* — Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989.
- Халиков, 1992* — Халиков А.Х. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. — Казань, 1992.
- Халифа, пер.* — Бейлис В.М. Сообщения Халифы б. Хайята ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII-первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П.Новосельцева. Издательская фирма «Восточная литература». М., 2000. С. 32—53.
- Халифа, пер.* — Бейлис В.М. Сообщения Халифы б. Хайята ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII-первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П.Новосельцева. М. 2000. С. 32—53.
- Халифа, ар.* — Тарих Халифа ибн Хайят лил-имам ал-мухаддис Аби ‘Умар Халифа ибн Хайят Шабаб ал-Усфури. Тахкик Акрам Дийа ал-‘Умари. Ан-наджаф, 1386 х.—1967 м.
- Хвольсон, 1868* — Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даства, арабского писателя начала X века // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1868. — Ч.140.
- Хелимский, 2000* — Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции, статьи. — М., 2000.
- Хисамитдинова, 1988* — Хисамитдинова Ф.Г. Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.
- Храковский* — Храковский В. Шараф аз-Заман Тахир Марвази // Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР. — Алма-Ата, 1959. — Т.1.
- Худуд ал-алам* — Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В.Бартольда. — Л., 1930.
- Худяков, 1980* — Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск, 1980.
- Цукерман, 1998* — Цукерман К. Венгры в стране Лебедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. — Вып. VI.
- Чекин, 1994* — Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе // Славяноведение. — 1994. — № 3.
- Черных 1995* — Черных Е.М. О функциональной планировке Аргыжского городища // Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века. — Казань, 1995.
- Черных, Кузьминых* — Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. — М., 1989.
- Черных, 2000* — Черных Е.Н. Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса. Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. — Воронеж, 2000.
- Чистякова* — Чистякова «Скифская история» А.И.Лызлова и вопросы востоковедения / Очерки русского востоковедения. Сб. VI. — М., 1963.
- Чичуров, 1980* — Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980.
- Чиндина, 1981* — Чиндина Л.А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981.
- Членова, 1984* — Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // Советская археология. — 1984. — № 1.
- Шихсаидов, 1969.* — Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). — Махачкала, 1969.—251 с.
- Шихсаидов, 1986.* — Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата VII—VIII вв. (в трудах арабских авторов)

// Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья.—Махачкала, 1986.—С. 5—21.

Шихсаидов, 1986а. — Шихсаидов А.Р. Арабские источники IX—X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестан // Источниковедение средневекового Дагестана.—Махачкала, 1986.—С. 5—28.

Шрамко, 1987 — Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Киев, 1987.

Arat — Arat R.R. Kutadgu Bilig. Indeks. — Istanbul, 1979.

Bailei, 1979 — Bailei H.W. North Iranian problems // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. — London, 1979. — Vol.42. — Pt.2.

Bailey, 1949 — Bailey H.W. A khotanese text concerning the Turks in Kantsou // Asia Major. — 1949. — N.S. — Vol.1.

Barfield — Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. // Journal of Asian Studies, Vol. XLI, No 1: 45—61.

Barfield — Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).

Barfield — Barfield T.J. The Hsiung-uu imperial confederacy: organization and foreign policy // The Journal of Asian Studies. — 1981. — Vol.41. — №.1.

Biro — Biro M.B. Marwan ibn Muhammad's georgian campaign // Acta Orientalia Hungarica, 1975. t. 29, fsc. 3, p. 289—299.

Brown — Brown E.C. The Lubabu '1-albab of Muhammad Awbi. — London — Leiden, 1906.

Bunker, 1993 — Bunker E.C. Significant changes in iconography among ancient Chinas north-western pastoral neighbours (IV—I B.C.) // Bulletin of the Asian Institute. — Bloomfield Hills, 1933. — Vol.6 (1992).

Bunker, 1997 — Bunker E.C. Ancient bronzes of Eastern Eurasian steppes. — New York, 1997.

Chalikova Kazakov — Chalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens

Эрдели, Агларов, 1998 — Эрдели И., Агларов М.А. Об этнониме *авары* на Кавказе // Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. — Махачкала, 1998.

Эрдели, 1998 — Эрдели И. Авары // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. — Махачкала, 1998.

Юсупов, 1991 — Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. — Уфа, 1991.

Hongrois et les ethnies voisines a l' Est. - Budapest, 1977. P.21—221.

Chalikova,, Chalikov — Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). - Budapest, 1981.

Chavannes — Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. — St. Petersburg, 1903.

Clauson — Clauson G. An etymological dictionary of pre Thirteenth-century Turkish. — Oxford, 1972.

Czegledy — Czeglley K. Khazar raids in Transcaucasia in A.D. 762— 764. // Acta Orientalia Hungarica, 1960. T. XI, fsc. 1—3, p. 75—88.

De Groot — De Groot S. S. M. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit, Berlin - Leipzig, 1921.

Deguignes — Deguignes J. Historie des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis J. C. jusqua present. — Paris, 1756—1758.

Dumezil — Dumezil G. L'ideologie tripartite des Indo-Europeans. — Bruxelles, 1958.

Dunlop — Dunlop D.M. The History of Jewish Khazars.—Princeton, 1954.— 273 p.

Enoki — Enoki K. The Yuechi-Scythians identity // International Symposium on history of Eastern and Western cultural contacts. — Tokyo, 1959.

Erdelyi, 1982 — Erdelyi I. Az avarsag es Kelet a regeszeti borrasok tszkreben. — Budapest, 1982.

- Franke* — Franke H. A Sung embassy of 1211—1212 // Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme Orient. — Hanoi, 1981. — T.69.
- Franke* — Franke Otto. Geschichte des chinesischen Reiches, — Berlin, 1930.
- Geiey* — Geiey J. L'ethnonyme mongol // Etudes Mongoles. — Paris, 1979. — Vol. 10.
- Ghirshman*, 1979 — Ghirshman R. Tombe princiere de ziwiyet et le debut de l'art scythe. — Paris, 1979.
- Golden*, 1967 — Golden P.B. The migkations of the Oguz // Archivum Eurasiae Medii Aevi. — 1967.
- Haloun* — Haloun G. Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutsche Morgenland-ische Gesellschaft. — Hamburg, 1937. — Bd.91.
- Hamilton* — Hamilton J.R. Les Ounghours б l'йpoque des Cinq dynasties d'apriis les documents chinois. — Paris, 1955.
- Hulsewe* — Hulsewe A.L. China in Central Asia. — Leiden, 1979.
- Humbach* — Humbach J. Die Gathas des Zarath
- Junge* — Junge J. Dareios I. Konig der Perser. — Leipzig, 1944.
- Klyashtorny*, 1994 — Klyashtorny S.G. The royal clan of the Turks and problem of early Turkic-Iranian contacts // Acta Orientalia Hungarica. — 1994. — T.47. — Pt.3.
- Klyashtorny*, *Livsic* — Klyashtorny S.G., Livsic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. — 1972. — T.26. — Pt.1.
- Krader*, 1955 — Krader L. Feudalismus and Tatar Polity // Comparative Studies on Society and History. V. 1. 1955.
- Krader*, 1978 — Krader L. The Origin of State Among the Nomads of Asia // The Early State. The Hague, 1978.
- Krader*, 1979 — Krader L. The Origin of state among the nomads of Asia // Pastoral Production and Society. Paris etc., 1979.
- Krader*, 1981 — Krader L. The Origin of state among the nomads of Asia // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM. Bd. 33). Berlin, 1981.
- Kurat*, 1937 — Kurat A.N. Pecenek Tarihi. — Istanbul, 1937.
- Kurat*, 1949 — Kurat A.N. Abu Muhammad Ahmad b. A'sam al-Kufi'nin kitab al-Futuh'u.— Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Cografiya Fakultesi Dergisi., p. VII, 1949.—N. 2.—S. 25.
- Lattimore*, 1963 — Lattimore O. The Geography of Chingis Khan // Geographical J. V. CXXIX. 1963. Pt. 1.
- Lattimore*, 1967 — Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1967.
- Lattimore*, 1974 — Lattimore O. On somequestions of periodisation in nomadic history // Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. Ulan-Bator, 1974.
- Lattimore*, 1979 — Lattimore O. Herdsmen, farmers, urban culture // Pastoral Production and Society. Paris etc., 1979.
- Maenchen-Helfen* — Maenchen-Helfen O. The Huns and Hsiung-nu («Byzantion» vol. XVII, 1945); «The legend of origine of the Huns» («Byzantion» vol. XVII, 1945).
- Marquart* — Marquart J. Skizzen zur geschichtliche Vikerkunde von Mittelasiens und Sibirien // Ostasiatische Zeitschrift. — 1920. — Bd.8.
- McGovern* — McGovern W. The early empires of Central Acia, London, 1939.
- Minorsky*, 1958 — Minorsky V.F. A History of Sharvan and Darband in the 10th—11th centuries.— Cambridge, 1958.
- Napolskich*, 1996 — Napolskich V.V. Dia Vorslavon im unteren Kamagebiet in der Mitte des I Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permishes Sprachmaterial // Finnisch-ugrische Mitteilungen. — Hamburg, 1996. — Bd.18/19.
- Nemeth*, 1966 — Nemeth G. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // Asta Linguistica. — Budapest. — №16.
- Pelliot*, 1929 — Pelliot P. L'editon collective des oeuvres de Wang Kou-wei // TP. — 1929. — Vol.26.
- Pelliot*, 1949 — Pelliot P. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. — Paris, 1949.
- Pulleyblank*, 1966 — Pulleyblank E.G. Chinese and Indo-Europeans // Journal of Royal Asiatic Society. — London, 1966.
- Pulleyblank*, 1970 — Pulleyblank E.G. The Wusun and Saka and the Yueh-chi migration // Bulletin of the School of Oriental and Afrikan Studies. — London, 1970. — Vol.33.
- Saint-Martin* — Saint-Martin V. Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. — Paris, 1849.
- Sims-Williams*, *Hamilton* — Sims-Williams N., Hamilton J. Documents turco-sogdiens du IX—X siecles de Touenhouang. — London, 1990.

Steblin-Kamensky — Steblin-Kamensky J. Avestan kamcit paiti iadrūənam // East and West. — 1995. — Vol.45. — №1—4.

Takacs — Takacs Z. On the Hsiung-uu bigures at the tomb of Huo Chu-ping // Monumenta Serica. — Peiping, 1938. — T.3.

Tsai Wen-shen — Tsai Wen-shen. Li Teyu'nun mektuplarina gure uygurlar. — Taipei, 1967.

ustra. — Heidelberg, 1959. — Bd.1.

Validi Togan, 1939 — Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. XXIV, 3.—Leipzig, 1939.—XXXIV+337+45 (ar.) p.

Werner, 1956 — Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches. — München, 1956.

Wittfogel — Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Study of Total Power. New Haven, 1957.

Указатель археологических культур и их носителей

- абашевская культура — 34; 53; 54; 55; 56; 60; 64; 203
- азелинская (худяковская) культура — 35; 118; 206; 207; 214
- алакульская культура — 67; 68
- алтайских тюрков культура — 227; 276
- ананьинская культура — 35; 92; 111; 113; 114; 118; 119; 203
- ананьинцы — 113; 114; 117; 118
- андоновская культура (см. также: *синташтинская, петровская, алакульская*) — 34; 73; 75; 76; 85; 86; 103
- андоновцы — 72; 75; 76; 85; 103
- афанасьевцы — 76
- ахмыловская культура (г.н. «средневожские ананьинцы») — 111; 112; 118; 205
- ахмыловское население — 205
- ахмыловцы — 111; 112; 113; 114; 117; 118; 119
- балановская культура — 203
- бахмутинская культура — 207; 272; 273; 274
- бахмутинцы — 274
- белогорских городищ культура — 118
- белогорцы — 118
- болгаро-салтовское население — 187
- боршевская культура — 324
- боршевской культуры носители — 301
- буйская культура — 204
- верхнеобская культура — 225
- верхнеутчанская культура — 207
- волынцевская культура — 308
- гафурийская культура — 205
- гафурийские племена — 206
- гляденовская культура — 203
- городецкая культура — 35; 92; 119; 203; 215
- городищенские культуры — 89; 91
- гороховская культура — 206
- джетыасарская культура — 149; 155; 268; 270
- джетыасарское население — 270; 275; 276
- дьяковская культура — 203
- енисейских кыргызов культура — 225; 227
- ерзовская культура — 204
- ерзовской культуры носители — 205
- именьковская культура — 35; 190; 207; 211; 214; 215; 216; 272
- именьковские племена — 212; 213; 214; 215; 216; 270
- именьковской культуры носители — 35; 206; 211; 272
- именьковцы — 35; 216
- иткульская культура — 203
- караабызская (уфимская) культура — 111; 114; 115; 116; 118; 119; 206; 272
- караабызцы — 115; 116
- караякуповская культура — 205; 207; 208; 209
- караякуповцы — 207; 208; 276
- кулайская культура — 203
- курмантаусская культура — 204
- курмантаусской культуры носители — 113
- кушнаренковская культура — 35; 189; 192; 205; 207; 208; 209; 274; 275
- кушнаренковские племена — 274; 275; 276
- кушнаренковское население — 192
- кушнаренковско-караякуповская культура — 275
- кушнаренковско-караякуповские племена — 276
- кушнаренковцы — 206; 207; 276
- ломоватовская культура — 189; 207
- луговская культура — 204
- мазунинская (раннебахмутинская) культура — 118; 155; 206; 214; 272
- мазунинской культуры население — 272; 274
- маклашеевская культура — 205
- маклашеевской культуры носители — 205
- межовская культура — 205
- межовское население — 205
- неволинская культура — 35; 189; 192; 206; 207
- пазырыкцы — 130
- пеньковской культуры носители — 296
- петровская культура — 60; 66; 67
- петровское население — 67
- плиточных могил культура — 126; 127
- поздняковская культура — 203
- покровская (раннесрубная) культура — 60; 66; 67
- покровской культуры племена — 66
- поломская культура — 189; 192
- поломско-ломоватовское население — 192
- полтавкинская культура — 48; 50
- приказанская культура — 34; 204

- прикамская ананьинская культура (см. *ананьинская культура*) – 113
- прикамские ананьинцы (см. *ананьинцы*) – 113
- прохоровцы – 106; 107; 110
- пшеворская культура – 216
- пьяноборская (чегандинская) культура – 111; 114; 116; 117; 118; 119; 203; 206; 272
- пьяноборской культуры носители – 116; 117; 119
- раннесарматская («прохоровская») культура – 106; 107; 110
- савроматская культура – 107
- савромато-сарматская культура – 114; 118
- салтово-маяцкая культура – 296; 297; 298; 301; 302; 305; 312; 314; 323
- салтовская культура – 187
- саргатская культура – 206
- саргатской культуры носители – 107; 206
- саргатско-гороховская культура – 203
- сейминско-турбинская культура – 58
- синташтинская культура – 62; 63; 64; 65; 67; 75
- синташтинское население – 66
- среднесарматская культура – 110
- сросткинская (кимакско-кипчакская) культура – 227; 338
- срубная культура – 34; 35; 66; 67; 68
- срубной культуры носители – 76
- срубно-андроновские группы – 86
- срубные племена – 85
- старомуштинское население – 268
- тасмолинская культура – 102
- таштыкская культура – 225
- тураевское население – 155; 268
- турбаслинская культура – 35; 186; 206; 207; 268; 269; 270; 271; 272; 274
- турбаслинское население – 192; 214; 270; 274
- турбаслинской культуры носители – 214; 268; 272
- турбаслинцы – 268; 270; 274
- тюхтятская культура – 208; 276
- фатьяновская культура – 50; 51; 52; 53; 56; 60; 203
- фатьяновской культуры носители – 51; 53
- финно-пермское население, финно-пермская этнокультурная общность – 113; 118; 120; 155; 204; 205; 272; 276
- харинское население – 155; 268
- чепецкая культура – 207
- чияликская культура – 205; 208; 209
- ямная культура – 48; 50; 52; 53; 54
- ямной культуры носители – 48; 49; 50

Именной указатель

- Аарон — 310; 312
 Абаев — 72
 Абдаллах б. Тахир — 318
 Абдуллин — 5
 Абд ар-Рахман ибн Рабиа (Зун-н-Нун) — 283; 284
 Абд ар-Рахман III — 44
 Абель Ремюза — 32
 Абу ал-Хасан Мухаммад б. Суфйан Калимати — 249
 Абу Дулаф — 325
 Абу Муслим — 245
 Абу-л-Гази — 19; 21; 338
 Абу-л-Футух ал-Гариф ал-Алмай — 248
 Абу-н-Наджм Манучихри — 351
 Аваз (Авар) — 303
 Авар — 179
 Авийор (Уюр, Агийор) — 303
 Авраам — 310
 Агаджанов — 246; 327
 Агафангел — 157; 158
 Агафий — 152; 166; 167; 175
 Агларов — 179
 Акимова — 270
 Акишев — 102; 103
 Алабин — 35; 113
 Алагер — 167
 Александр Великий — Александр Македонский — 95; 100
 Алексеев — 76; 93; 103; 104
 Алексей I — 42
 Алишев — 34
 Алп Илитвер — 265; 266; 282; 284; 285; 286
 Алп Кутлуг Бильге-каган — 246
 ал-Балазури — 43; 210; 211; 278; 279; 284; 318; 328
 ал-Балхи — 321
 ал-Гардизи (Гардизи) — 43; 245; 248; 303; 322; 325; 338; 339; 351
 ал-Гарнати — 312
 ал-Джайхани — 321; 325; 326
 ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаками — 287
 ал-Идриси — 211; 299; 339
 ал-Истахри — 280; 295; 304; 305; 321
 ал-Йакуби — 210; 318; 328
 ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари — 210
 ал-Мамун — 247
 ал-Марвази — 325; 340; 341; 342; 344
 ал-Масуди — 211; 248; 279; 280; 299; 306; 307; 311; 313; 314; 315; 319; 320; 321; 323; 325; 340; 341
 ал-Муктадир — 316
 Амага — 110
 Амброз — 238; 240; 297
 Амвазук — 159
 Аммиан Марцеллин — 39; 147; 151; 165
 Аморг/Омарг — 99
 Анагист — 146
 Анагуй — 220; 222
 Анания Ширакаци — 181; 282
 Анастасий — 159; 161
 Андрэ — 169
 Анна Комнина — 42
 Анри Кордые — 32
 Анса (см. *Ашина*) — 281
 Анхра Манью — 69
 Ань Лушань — 244; 245
 Аполлинарий Сидоний — 165
 Аполлон — 102
 Ардарих — 145; 146
 Ардви Сура — 71
 Аристей Проконнесский — 82; 83; 84; 102
 Аристов — 22; 23
 Арпад — 303
 Арриан — 39; 99; 100; 101
 Арслан Кара-каган — 248
 Арслан-тегин — 248; 342; 343
 Артамонов — 28; 78; 87; 123; 128; 141; 149; 156; 166; 170; 172; 174; 175; 178; 182; 219; 221; 242; 277; 278; 280; 281; 282; 285; 296; 297; 298; 304; 312; 344
 Артур Кестлер — 313
 Аршак II — 156
 Арэджатаспа — 72
 Асад б. Абдаллах — 239
 Аспарух — 184; 267; 304
 Аспендиат (см. *Тенгри-хан*) — 266
 Астиаг — 95
 Аттила — 40; 144; 145; 146; 151; 152
 ат-Табари — 177; 283; 284; 287; 288; 289; 292
 Афрасиаб — 72; 240; 248
 Афродита — 266
 Ахура Мазда — 69; 72; 74; 75
 Аши — 71; 72
 Ашина — 29; 169; 172; 173; 220; 222; 224; 228; 230; 232; 237; 238; 242; 248; 252; 281; 297; 343; 345; 346
 Ашина Сымо — 335
 Ашина Сянь — 237; 245
 Ашина Шэр — 335
 Ашот — 290
 Ашот Багратуни — 210
 Ашурбейли — 156
 Ашшурбанипал — 93
 Аэций — 144
 Бадер — 34; 189; 204
 Базыр Арслан-хан — 248
 Баймах — 167
 Бай-Бури — 254
 Балинт — 192
 Банкер — 131
 Бань Гу — 37; 38
 Барсбек (Барсбик) — 289
 Бартольд — 18; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 30; 33; 223; 246; 248; 249; 282; 321; 325; 326; 329; 341; 351
 Барфильд — 32; 134
 Бар-Гебрей — 277
 Басам (Байси-Бейрек) — 254
 Баскаков — 19; 156
 Батбаян — 277
 Бахрам Чобин — 234
 Бачжо (Барс-чор) — 335
 Баян — 177; 178; 232

- Бёгю-каган — 183; 244; 246;
 247
 Бег-чор — 251
 Бела IV — 7
 Березин — 21
 Бернштам — 21; 24; 26; 27; 28;
 31; 148; 149
 Берос — 96; 99; 102
 Биз-л — 303
 Бильге Кюль Кадыр-каган —
 248
 Бильге-каган — 21; 218; 238;
 239; 242; 244; 251; 252;
 253; 259; 260; 261; 318;
 330; 332; 333; 334; 335;
 338; 348
 Бичурин — 20; 21; 28; 31; 33;
 37; 38; 39; 125; 139; 140;
 172; 228; 230
 Бледа — 144
 Боарикс — 166
 Богра Кара-каган — 248
 Бойс — 69; 70
 Боковенко — 149
 Бонгард-Левин — 91
 Боталов — 153
 Бочкарев — 16; 46
 Будберг — 333
 Будрач (Бёке) — 343
 Буку Чин — 247
 Булан — 305; 306
 Булгар — 277; 303
 Бумын-каган — 218; 230

 Вайнберг — 130
 Вайнштейн — 348
 Вайсака — 71
 Валах — 166
 Валент — 142
 Валентин II — 147
 Валентин — 233
 Валиди Ахмад-Заки — 34
 Валид I — 286; 287
 Вандарманиш — 72
 Ван Го — 39
 Ван Го-вэй — 352
 Ван Минцзи — 349
 Ван Яньдэ — 350
 Вараз-Трдат — 285
 Вардан Великий — 290
 Вардан (Вартан) — 157
 Вардапет Гевонд — 289; 290

 Варуна — 76
 Васильев — 31; 106; 107
 Васюткин — 117; 154; 268
 Велитарий — 40
 Вениамин — 311
 Вереш — 205
 Вернадский Г.В. — 282
 Вернадский Г.Е. — 25
 Виро — 172; 173
 Виталиан — 184
 Виттфогель — 32
 Виштаспа — 70; 72
 Владимирцов — 24; 25; 27;
 32; 350
 Владимир Святославич — 311;
 326
 Высоцкий — 34
 Вэй Чжэй — 39
 Вэнь-ди — 138; 220
 Вэрэтрагна (Вэртагна) — 74;
 75

 Гадло — 156; 158; 282; 296;
 301; 312; 315
 Гайна — 144
 Гамильтон — 350
 Гандарва — 71
 Гаоцзун — 335
 Гао Сяньчжи — 245
 Гарах — 289
 Гарустович — 205; 209
 Гатал — 110
 Гатифар — 232
 Гевонд — 44; 286; 287; 289;
 290
 Гекатей Милетский — 79; 102
 Генинг — 35; 117; 155; 189;
 205; 211; 268; 274
 Герасимова — 55; 125
 Германарих — 142
 Геродот — 39; 78; 79; 80; 81;
 82; 83; 84; 85; 86; 87; 88;
 89; 90; 91; 92; 93; 94; 95;
 96; 99; 100; 101; 102; 107;
 124; 182
 Герхард Фридрих Миллер —
 19
 Гильом Рубрук — 257
 Гимбутас — 48
 Глона — 166

 Гмыря — 16; 156; 165; 166;
 175; 277; 282; 283; 285;
 295
 Голб — 306; 308
 Голдина — 113; 189; 206
 Гольмстен — 114; 118
 Гомер — 303
 Горелик — 16; 80; 158; 184;
 253; 349
 Городцов — 119
 Горюнова — 34
 Гостиата — 310
 Гостиата бар Кьябар Коген —
 310
 Готлиб Зигфрид Байер — 19
 Граков — 78; 86; 89
 Грантовский — 91; 94; 103; 129
 Григорий Мамиконян — 286
 Григорис — 157; 165; 285
 Григорьев — 21
 Грум-Гржимайло — 21; 22
 Грязнов — 84; 94; 124
 Губайдуллин — 5; 33; 34
 Гумилев — 21; 22; 25; 28; 29;
 31; 149; 156; 170; 175; 282;
 313
 Гурек — 238
 Гуцалов — 106
 Гэн Куй — 140

 Давлетшин — 5
 Дадаршиш — 96
 Дарий I — 93; 95; 96; 97; 98;
 106; 112
 Дарий III Кадоман — 99
 Датань — 140
 Девлет — 5
 Дегинь — 32; 148
 Денгиз — 145; 146
 Дёрфер — 263
 Де Грот — 32
 Де Сен-Мартен — 32
 Дестунис — 40; 41
 Десятчиков — 106
 Джамал ал-Карши — 248
 Джара — 289
 Джебу-хакан (Зиевил) (см. *Тон-
 ябгу-каган*) — 169; 170; 171;
 172; 173
 Джуаншер — 284; 285
 Джунайид б. Абдаллах — 239

- Диодор Сицилийский — 80; 82
 Дионисий Периегет Адриан — 141; 156
 Добрыня — 326
 Донат — 144
 Доу Сянь — 140
 Дулу — 169
 Думочжы — 252
 Дянгу — 173; 174
- Евдокия — 170; 184; 235
 Евсевий Иероним — 156
 Егише — 44; 156; 157
 Елизар — 285
 Еноки — 129
 Епимахов — 64
 Ермий Созомен — 144
- Железчиков — 106
- Заки Валиди (см. Валиди Ахмад-Заки) — 5; 8; 33
 Заратуштра — 13; 69; 70; 72; 74; 75
 Засецкая — 16; 141; 149; 151; 154; 155
 Захарий Ритор — 42
 Збруева — 35
 Зданович — 60; 61; 63; 64
 Земарх Каликиец — 233
 Зенон — 181
 Зиевил (Джебу-хакан) (см. *Тон-ябгу-каган*) — 169; 170; 171
 Зилгивин — 166
 Зияд б. Салих — 245
 Зороастр (см. *Заратуштра*) — 69
 Зосим — 144
- Иафет — 303
 Иби Шегуй — 281
 Ибн ал-Асир — 283; 287; 288; 289; 290; 328
 Ибн ал-Ауфи — 344
 Ибн ал-Джаузи — 217
 Ибн ал-Джахиз — 240
 Ибн ал-Факих — 43; 239; 240
 Ибн Асама — 211; 328
 Ибн Асам ал-Куфи (ал-Куфи) — 210; 283; 284; 287; 288; 289; 290; 292
- Ибн Кутейба — 284
 Ибн Русте — 43; 320; 325
 Ибн Фадлан — 43; 152; 217; 316; 317; 318; 319; 322; 325
 Ибн Хаукал — 249; 280; 319; 321
 Ибн Хордадбех — 42; 43; 211; 309; 318; 321; 325; 328; 338
 Ибн Хумайд — 245
 Иванов В.А. — 16; 106; 110; 116; 204; 205; 206; 208; 209; 268; 272; 274; 275; 316; 323
 Иванов В.В. — 129; 130
 Иванов С.Н. — 251; 255
 Иездигерд II — 157
 Иессен — 77; 86
 Израиль — 305; 309; 313
 Ильинская — 88
 Ильтаг — 262
 Иль Угаси — 247
 Инанчу-иркин (Йенчу Бильге-каган) — 333; 334; 335
 Иностранцев — 21; 22; 23; 27; 33; 148
 Инэль — 238
 Иоанн Ефесский / Иоанн Эфесский — 42; 175; 277
 Иордан — 40; 141; 143; 144; 145; 147; 148; 151; 152; 165; 299
 Иосиф — 44; 281; 297; 298; 299; 301; 302; 303; 304; 305; 306; 307; 308; 311; 312; 313
 Ираклий — 169; 170; 171; 172; 184
 Ирник — 145; 146
 Исаак — 310
 Искандер — 351
 Исмагилов — 107
 Исмаил б. Ахмад — 248
 Исмаил б. Ахмед — 341
 Исраэль — 265; 266; 285
 Истеми-каган (Стемби-каган, Сильзибул, Дизавул, Синджибу и т.д.) — 174; 176; 218; 222; 233
 Исаков — 5; 7
 Итина — 84
 Иштар — 93; 94
- Маркварт — 32; 210
 Йазид б. Усайд б. Зафир ас-Сулами — 292
 Йазид I — 286
 Йакут — 239
 Йала б. Исхак — 217
 Йима Прекрасный — 72
 Йойшта — 71
 Йоллыг-тегин — 218; 261; 332
 Йол-тенгри — 264
- Кавад — 159; 166; 279
 Кавад Широие — 172
 Кавад I — 279
 Казаков — 16; 34; 35; 49; 67; 68; 185; 205; 208; 209; 216; 268; 270; 274; 276
 Калинин В.К. — 117
 Калинин Н.Ф. — 34; 35
 Калинина — 309; 318
 Кандик — 175
 Капаган-каган — 237; 238; 242
 Карамзин — 24; 322
 Кара-каган — 228
 Каргалов — 326
 Кардост — 168; 265
 Каримуллин — 7
 Карл Великий (Карл I) — 179
 Карсаспа — 71
 Квинт Курций Руф — 39
 Кер — 19
 Кий — 308
 Киккули — 76
 Кинан — 5
 Кир II — 106
 Киселев С.В. — 27
 Киселев С.П. — 44
 Клюкин — 333
 Ключевский — 3; 25
 Кляшторный — 16; 20; 23; 24; 30; 31; 44; 69; 71; 72; 93; 122; 156; 169; 173; 175; 176; 177; 181; 183; 210; 218; 219; 244; 263; 272; 282; 285; 328; 347; 348; 349; 350
 Ковалевский — 43
 Козьмин — 26
 Колмак Исраэль — 285
 Кондратьев — 174

- Константин Багрянородный — 42; 301; 302; 311; 314; 315; 320; 321; 325
 Константин (Кирилл) философ — 307
 Констант II — 179
 Корипп — 175
 Коркут — 254
 Кравцова — 129
 Крадин — 30; 31; 32; 33
 Крачковский — 321; 325
 Крез — 95
 Крейдер — 32
 Крека — 147
 Кривцова-Гракова — 85
 Кротов — 34
 Крюков — 131
 Ксенофонт — 105
 Ксеркс — 98; 99; 100; 101; 102
 Ктесий — 105
 Ктесий Книдский — 96
 Куар — 265; 266
 Кубрат (Куврат) — 30; 178; 179; 184; 265
 Кувер — 179
 Кудрявцев — 156
 Кузеев — 153; 274; 322; 325
 Кузнецов — 156; 282; 314; 315
 Кузьмина — 50
 Кузьминых — 35; 58; 204
 Кули-чор — 254
 Кули-чор Тардушский — 244
 Кули-чор (Курсуль) — 239
 Кумеков — 338; 339; 346; 351
 Кура — 325
 Курат — 5; 210; 322
 Кутайба б. Муслим (Абу Муслим?) — 238
 Кутилзис — 167
 Кутлуг бага-таркан — 255
 Кутлуг (Эльтериш-каган) — 237
 Кутлуг-ябгу — 242
 Кызласов И.Л. — 299; 331; 348
 Кызласов Л.Р. — 246; 331; 348
 Кыта-хан — 341
 Кычанов — 6; 31; 135; 349; 351
 Кюль-багатур — 170
 Кюль-багатур (Кюль Эльбилге-каган) — 235
 Кюль-тегин — 21; 218; 238; 241; 242; 244; 253; 254; 259; 260; 261; 297; 318; 330; 348
 Кюлюг Йиге — 348; 352
 Кюнер — 39; 392
 Лазарь Парбский — 156
 Лаошань — 128; 136
 Лапин — 77
 Латтимор — 32
 Лебединская — 55
 Леведия — 302; 303
 Левина — 153; 275; 276
 Лев — 145; 146
 Ледяйкин — 119
 Лившиц — 31; 129; 219
 Литвинский — 98; 99
 Лихачев А.Ф. — 34
 Лихачев Н.П. — 34
 Ли Гуань-ли — 137; 138
 Ли Дэюй — 349; 350
 Ли Му — 131
 Ли Синчуань — 351; 352
 Ли Сюй — 39
 Ли Яньшоу — 39
 Луи Амбис — 32
 Лукиан — 102
 Луконин — 87
 Лызлов — 18
 Ляпушкин — 296
 Маврикий — 173; 277
 Магомедов — 291; 292; 295
 Мажитов — 268; 274; 276
 Макарий — 265
 Максимова — 75
 Мак-Говерн — 32
 Маликшах — 341
 Малов — 28; 44; 231; 241; 243
 Малявкин — 39; 350
 Мандельштам — 130; 240
 Маниах — 233; 258
 Мансур — 292
 Маодунь Лю-бань (император Гао-ди) — 128
 Марван — 210; 211; 216; 287; 289; 290; 295; 301
 Марван б. Мухаммад — 210; 287
 Марван I — 286
 Марджани — 4; 33; 34
 Маркварт — 32
 Марков В.Н. — 35
 Марков Г.Е. — 29; 30
 Марко Поло — 257; 312
 Маркс — 32
 Мартынов — 133
 Маслама б. Абд ал-Малик — 287
 Массaget — 101
 Матвеев — 205
 Матвеева — 35; 118; 119; 206; 211; 216; 270; 274
 Матфей Эдесский — 343
 Матюшенко — 58
 Махмет — 290
 Махмуд — 342
 Махмуд Кашгарский — 252; 255; 256; 266; 280; 329; 338; 342; 343; 344; 345; 346; 351
 Махортых — 84
 Мачинский — 106
 Медникова — 55
 Медоев — 74
 Мелюкова — 89
 Менандр — 41; 42; 167; 174; 175; 231; 233; 258
 Менандр Византиец (Протиктор) — 41; 166; 167; 176; 177
 Менандр Протектор/Византиец — 41
 Мерперт — 34; 153
 Мессершмидт — 259
 Минаева — 154
 Минорский — 210; 301; 306; 307
 Миняев — 127
 Мирошина — 96
 Митра — 73; 74; 75; 76
 Митридат Евпатор — 110
 Михаил Сирийский — 277
 Мовзес Каганкатвацци — 157; 165; 168; 169; 170; 171; 172; 173; 262; 265; 281; 282; 283; 284; 285; 286; 287
 Мозолевский — 104
 Моисей — 305
 Моисей Хоренский — 156
 Моммзен — 181
 Мохэ Дагань — 252

- Мошкова — 107
 Муавия I — 284
 Муавия II — 286
 Муган-каган — 222; 228; 253
 Мугун — 126
 Мунздук — 144
 Муса — 249
 Мухали (Мо-хоу) — 352
 Мухамадиев — 5; 34
 Мухаммад — 250
 Мухаммад ал-Хваризми — 318
 Мухаммад (пророк) — 42
 Мышкин — 106
 Мэнчен-Хелфен — 32
- Напольских — 16; 195; 216
 Насатъя — 76
 Насири Хосров — 340
 Наср б. Сайяр — Сайяр или Сайар — 239
 Невоструев — 35
 Немкова — 204; 205
 Нивар Ышбара-ябгу-каган (Ашина Хэлу) — 236
 Низами Арузи — 248
 Никифор — 41; 42; 170; 171; 177; 178; 179; 277; 278
 Николай Мистик — 314
 Новгородова — 130
 Новосельцев — 156; 168; 170; 181; 280; 282; 283; 286; 295; 303; 310; 312
 Нух б. Асад — 248
 Нью Шицзян — 237
- Оариз — 101
 Обадья — 306; 311
 Оборин — 189
 Обыденнов — 205; 206
 Огуз-каган — 183; 338
 Огуз-хан — 232
 Огулчак Кадыр-хан — 248
 Окладников — 44
 Октар — 144
 Олег (Вещий Олег; Хельг) — 301; 308; 310; 312
 Олимпиодор — 144
 Омуртаг — 262
 Онигисий — 147
 Органа — 178
 Оросий — 103
- Осень (Асень) (см. *Ашина*) — 346
 Оу Янсю — 39
- Палоци-Хорват — 324
 Парсбит — 289
 Патрушев — 111; 112; 117
 Пеленский — 5
 Пельо — 32; 351
 Пероз — 157
 Песах — 312
 Петренко — 87
 Петрухин — 16; 296; 303; 306; 312
 Паллас — 19
 Петр I — 19; 99; 259
 Пигулевская — 41; 42; 156; 168; 175
 Пикуль — 164
 Пипин — 179
 Плано Карпини — 257
 Плетнева — 29; 30; 44; 147; 148; 156; 296; 297; 298; 300; 302; 308; 312; 322; 324; 325; 326; 329; 330; 340; 343; 345
 Плиний Секунда — 141
 Плиний Старший — 88
 Погребова — 86; 92; 112
 Полибий — 110
 Полиен — 110
 Полушкин — 153
 Помпей Трог — 103
 Помпоний Мел — 141
 Пономарев — 34; 35
 Пор — 101
 Поурушаспа — 69
 Приск Панийский — 40; 165; 173;
- Прицак — 306; 308; 309; 310
 Прокопий Кесарийский — 40; 41; 159; 161; 166; 167; 168; 313
 Псевдо-Захария — 161; 168; 175
 Птолемей — 142
 Птолемей Клавдий — 39
 Пуллиблэнк — 129
 Пшеничнюк — 106; 107; 114; 115; 116; 117; 153; 154; 205; 206; 274
 Пьянков — 102; 105
- Радлов — 21; 22; 23; 30; 259
 Раевский — 16; 77; 86; 92; 94; 112
 Рамстедт — 329; 330; 348
 Рашид ад-дин — 21; 44; 338; 340; 347; 348; 351
 Груссе — 32
 Роман — 42; 307
 Роман Лакапин — 312
 Рорлих — 5
 Ростовцев — 106
 Руа (Руга) — 144
 Руденко — 44; 108; 130; 131; 132; 134; 136; 137
 Рыбаков — 79; 88; 297
- Савельев — 106; 107
 Савинов — 119; 120; 169; 173; 175
 Савицкий — 25
 Савэ (Шаба) — 234
 Садр ад-дин Харрамабади — 351
 Саид б. Амр ал-Хараши — 289
 Сакал (Согэ) — 237; 238
 Салман б. Рабиа — 284
 Сальников — 34; 205
 Санесан — 157; 158
 Сарозий — 175; 314
 Сатук Богра-хан (Абд-ал-Карим) — 249
 Сафаргалеев — 5
 Сводеш — 197
 Святослав — 299; 301; 311; 312; 325; 326
 Себеос — 44; 281; 282
 Северята — 310
 Седов — 211; 216; 303
 Сим — 181
 Симеон — 314; 320
 Симс-Вильямс — 350
 Синай — 310
 Синджибу (см. *Истеми-каган*) — 176; 230
 Скарбовенко — 106; 211
 Скрижинская — 40
 Скрипкин — 120
 Скунха — 97; 98
 Смирнов А.П. — 35; 215
 Смирнов К.Ф. — 85; 86; 106; 107; 108; 109; 206
 Смирнова — 217

- Смолин — 34;
 Соловьев — 3; 24
 Спитама — 71; 75
 Спитамен — 100
 Спицын — 113
 Старостин — 16; 35; 190; 207;
 210; 211; 272
 Стеблин-Каменский — 71
 Стемби-каган (см. *Истеми-каган*) — 174
 Степанов — 35
 Стефан (Степанос) — 171
 Стиракс — 166
 Страбон — 39; 80; 99; 100;
 103; 110; 141
 Страленберг — 259
 Строгановы — 101
 Струве — 98
 Сулейман — 287
 Султанов — 169; 173; 175; 176;
 177; 268; 272; 274; 276
 Сулук Чабыш-чор (Тюреш-каган, Абу Музахим) —
 238; 239; 242; 244; 252
 Сулу (см. *Сулук*) — 252
 Сунгатов — 16; 153; 268; 274
 Сыма Цянь — 37; 124; 127;
 128; 129; 131; 133; 134; 135
 Сын Неба Му — 129
 Сюань Цзан — 236
 Сюань-цзун — 242
 Сяо-цзин — 133

 Табу-хэцзу (Чжуу-хэсу) (см.
Тюпек Алп Сол) — 350
 Тагиров — 34
 Такач — 131
 Тамерлан — 5; 395
 Тамим б. Бахр — 339
 Тангра (Тенгри; Тенгри-хан
 Аспендиат) — 262; 263;
 264; 265; 266; 267; 305
 Тардуш-шад — 335
 Тарду-шад — 235
 Таскин — 31; 36; 37; 38; 125;
 126; 127; 128; 131; 132; 133;
 137; 138; 140
 Таспар-каган — 222; 228; 259;
 263
 Татищев — 19; 322
 Тенгри-каган — 242
 Теодорид I — 148

 Теплоухов — 189
 Тереножкин — 84; 88
 Тиверий — 167
 Тимур/Тамерлан — 25
 Тоган (З.Валиди) (см. *Валиди
 Ахмат-Заки*) — 5; 210; 211
 Тогарма (Фогарма) — 303;
 304; 306; 313
 Толстов — 24; 26; 27; 84; 99;
 100; 297; 318; 326; 327
 Томирис — 96
 Томсен — 21; 259
 Тоньюкук — 237; 238; 243;
 253; 259; 318; 330; 332;
 333; 335
 Тон-ябгу (Джебу-хакан,
 Зиевил) — 169; 170; 184;
 234; 235; 244
 Торисмуд — 143
 Тормач — 289
 Тоумань — 127
 Трдат III — 156
 Третьяков — 34
 Трубецкой — 25
 Тугдамме — 93
 Тудис (Тирас) — 303
 Тумиду — 243; 335
 Турксанф — 177; 233
 Туса — 71
 Тухварсен Кут-чор-каган —
 242
 Тюпек Алп Сол — 350
 Т-р-н-а — 303

 Угуз — 303
 Узбек хан — 10
 Улинь-ван — 126; 129
 Ульдис — 144
 Умай — 263; 264; 266; 267
 Умар б. Абд-ал-Азид — 287
 Усманов — 5; 34
 Усман (Осман) — 283; 284
 Учаньму — 139
 Уч-элиг — 237
 У-ди — 37; 131; 136

 Фавстос Бузанд — 156; 157;
 158; 165
 Фадл б. Сахл (Зу-р-
 Рийасатайн) — 247; 328
 Файзрахманов — 16; 34
 Фань — 38

 Фан Сюаньлинь — 38
 Фарнак — 110
 Фахреддинов (Фахретдин) —
 10; 33
 Фахрутдинов — 34
 Федоров — 282
 Федоров-Давыдов — 5; 322
 Феофан Византиец — 166
 Феофан Исповедник — 166;
 169; 171; 172; 175; 177; 178;
 179; 277; 289
 Феофилакт Симокатта — 41;
 173; 174; 175
 Филипп Иоган (Юхан)
 Стралленберг — 19
 Филокал — 181
 Фрай — 70; 71; 76
 Франке — 32; 352
 Франхрасьян (Афрасиаб) — 72
 Френ — 21

 Хазар — 303; 304
 Хазарик — 277
 Хазар-тархан — 210
 Хакимов — 3
 Халатоу — 333
 Халидов — 217
 Халиков — 5; 34; 35; 55; 111;
 112; 155; 189; 191; 270; 274
 Халикова — 189; 191; 205; 274
 Хамдаллах Казвини — 340
 Хамидуллин — 16; 34
 Ханукка — 310
 Хаома — 72; 98
 Хара-Даван — 25
 Харун ар-Рашид — 307
 Хасан-Гата Габаша — 33
 Хасдай б. Шапрут — 298; 306
 Хварно — 70; 71; 75
 Хвольсон — 43; 320
 Хели (см. *Эль-каган*) — 230
 Хелимский — 303
 Хельг (см. *Олег*) — 312
 Хеннинг — 266
 Херман — 99
 Хирт — 32; 332; 333
 Хисамитдинова — 205
 Хишам — 239; 287
 Хлебникова — 323
 Хонагур — 165
 Хорив — 308; 309
 Хормизд — 232

- Хормизд IV – 168
Хосров (Хоасрава) – 72
Хосров I Ануширван – Хосров
Ануширван – Хосрой
Ануширван – 167; 176; 232;
267; 278; 279
Хосров Бёри-шад – 237
Хосров II – Хосрой II Парвез
– 177
Хосрой II Парвиз – 168; 172
Хо Цюй-бин – 130; 131; 132
Христос – 220
Худяков – 3; 5; 226; 234; 249;
334; 337
Хулугу – 139
Хумбах – 69
Хутаоса – 70
Хуханье – 138; 139
Хэлоун – 129
- Цзихоусянь – 139
- Чабыш-каган – 244
Чагры-бек – 340
Чарато – 144
Чекалова – 41
Чернецов – 204
Черных – 35; 47; 58; 117; 204
Чжао Дэ-янь – 230
Чжичжи – 138; 139; 153
Чингиз-хан (Чингис-хан) – 5;
6; 7; 10; 14; 24; 25; 257;
346; 352
Чичуров – 166; 169; 170; 175;
177; 178; 179; 278; 314
- Членова – 72
Чурын-каган – 243
Чурын-ябгу-каган – 333
- Шаванн – 32
Шамильоглу – 5
Шана (см. *Ашина*) – 248
Шань-хао – 350
Шапура II – 156; 165
Шараф аз-Заман Тахир ал-
Марвази – 341
Шаргакаг (Шархапала) – 171
Шарукан Старый – 346
Шахрвараз (Сарварос) – 177
Шегуй – 234; 235
Шиби-каган – 229
Ширфарн – 262
Шишкин – 113
Шмидт – 114; 189
Шорин – 205
Шрамко – 90
Штукенберг – 34
Шэлунь – 182
- Шек – 308
Шербак – 348
- Ыдук Йер-Суб – 263; 264
Ышбара Эльтериш Шир-каган
– 235
- Эгами – 129
Элетмиш Бильге-каган – 244;
348
Эллак – 145
- Эльалмыш – 217
Эльтериш-каган – 237; 238;
243; 253; 254; 335
Эль-каган – 229; 230; 333;
335
Эль-Тоган-тутук – 255
Энгельс – 32
Эрдели – 175; 176; 177; 178;
179; 180
Эрклиг (Эрклиг-хан) – 254;
263; 264
Эскиль Кюль-иркин – 232
- Юань-хао – 350
Юйвэнь Тай («Черная Выдра»)
– 220
Юлиан – 7
Юнге – 96
Юстин – 103; 258
Юстиниан – 174; 232
Юстиниан I – 166; 175; 176
Юстиниан II – 286; 314
Юстин I – 166
Юстин II – 169; 176; 234
Юсуф Баласагунский – 251;
255
- Яков бар Ханукка – 310
Ядринцев – 21; 259
Янар (З-нур) – 303
Ярополк – 326
Яхонтов – 129; 350

Указатель политико-географических и географических названий

- Абхазия — 314
 Аварский каганат — 30; 169; 177; 178; 179; 180
 Аварское королевство — 179
 Агван (см. *Кавказская Албания*) — 156
 Азербайджан — 12; 288; 289; 305
 Азиатская Сарматия (см. *Сарматия*) — 153
 Азия — 14; 23; 25; 82; 83; 84; 93; 94; 95; 106; 123; 173; 182
 Азовское море — 142; 323; 325
 Айрарат — 284
 Айраратский гавар — 158
 Аксубаево — 151
 Актюбинская область — 108; 317
 Алакуль — 67
 Алания — 287; 288; 289; 313; 314; 315
 Аланская гора (см. *Кавказ*) — 313
 Аланская крепость (см. *Дарьял*) — 313
 Аланские ворота (см. *Дарьял*) — 313
 Албания — 157; 167; 168; 170; 171; 172; 173; 284; 285; 286; 289
 Алебастровая гора — 320
 Александровы запоры — 156
 Алмалык — 250
 Алматы — 75; 260
 Алтай — 13; 57; 107; 122; 127; 128; 131; 132; 138; 140; 151; 166; 173; 198; 199; 204; 220; 221; 222; 223; 224; 225; 235; 237; 238; 242; 244; 260; 327; 328; 333; 334; 338; 340; 342
 Алтын-Асар — 151
 Алуанк (см. *Кавказская Албания*) — 168; 173; 284; 285
 ал-Баб / Баб ал-Абваб (см. *Дербент*) — 279; 283; 289; 290; 299; 301; 313
 ал-Байда — 211; 283; 296
 ал-Байда (Сарыгшин?) — 210
 ал-Хасин — 288
 Амударья — 71; 72; 73; 95; 96; 100; 101; 128; 230; 232; 235; 239; 248; 328
 Анрахай — 75
 Аньси (см. *Куча*) — 237; 350
 Арабский халифат — 173; 284; 286; 287; 288; 290; 295; 296; 314
 Аравия — 306; 340
 Арагва (см. *Аракс*) — 141
 Аракс — 82; 85; 95; 141; 289
 Аральское море — 72; 110; 141; 327; 340
 Арал (см. *Аральское море*) — 73; 138; 140
 Арбедиль — 307
 Ардва (Ардви) (см. *Амударья*) — 71; 72
 Ардебиль — 305
 Ариана — 70
 Арианам Вайджа («Простор ариев») — 69; 71; 72; 73
 Аркаим — 60; 61; 63; 73
 Армения — 157; 158; 166; 173; 283; 285; 286; 289; 303; 306; 314; 328
 Арпаузенъ — 74
 Атрпатакан — 170
 Археополь — 167
 ар-Ран — Арран — 175; 288; 292
 Асия — 311; 312
 Ассирия — 93
 Астраханская область — 317
 Астраханское ханство — 5; 6; 217
 Астрахань — 18
 Ателкузу (Эгелькузу) — 189; 303; 323
 Атель — 282; 323
 Атил (см. *Волга*) — 307; 321
 Атил-город (см. *Итиль-город*) — 307; 312
 Атлантический океан — 199
 Афганистан — 232
 Ахен — 179
 Баври («Бобровая страна») — 71; 72
 Багдад — 10; 42; 43; 217; 306; 309; 316; 328
 Баджарван — 289
 База — 113
 Базгун — 168; 175
 Байдэн — 128
 Байкал — 122; 227; 228
 Бактрия — 71; 96; 103; 129; 130
 Баку — 307
 Баланджар — 283; 287; 288; 289; 290; 301
 Баласагун — 248
 Балканский полуостров — 41; 77; 144
 Балтийское море — 199
 Балтика — 199; 203
 Балх — 230; 232
 Балхаш — 140; 327
 Барбисс (Каджитанес) — 178
 Барда — 295
 Баркуль — 140
 Баруфа — 288
 Баршалия (см. *Берсилия*) — 278; 279
 Баршиле (см. *Берсилия*) — 278
 Барышников — 52
 Бахди (см. *Бактрия*) — 71
 Башкирия — башкирские степи — 54
 Башкирское Приуралье (см. *Приуралье, Башкортостан*) — 118
 Башкортостан — 108; 113; 114; 117; 207; 209; 272; 276
 Бегу — 320
 Белая — 35; 54; 111; 112; 113; 114; 115; 116; 117; 118; 155; 204; 205; 206; 208; 209; 211; 268; 270; 272
 Белая Вежа — 312; 326
 Белая Русь (см. *Русь*) — 305
 Белгород — 324
 Белый Иртыш — 319
 Бельско-Дёмский степной коридор — 110

- Бельско-Дёмское междуречье — 106
- Бельско-Уфимское междуречье — 272
- Бених — 151
- Берзилия (см. *Берсилия*) — 277; 278
- Берсилия — 277
- Бешбалык — 237; 247; 350
- Биляр — 192; 299
- Бирск — 113; 115
- Благовещенск — 114
- Ближний Восток (см. *Восток*) — 82; 94; 246; 308; 351
- Болгарская держава (Болгария на Дунае) — Болгарское царство (на Дунае) — 184; 263; 267; 298; 314; 325; 330; 346
- Болгар (см. *Булгар*) — 4; 299
- Болучу — 238
- Большой Хинган — 124
- Борисфен (см. *Днепр*) — 88
- Боспор — 120; 142; 169; 177; 178; 233; 301; 302
- Боспор Киммерийский (Керченский пролив) — 142; 230; 234; 303
- Бошнягу — 151
- Брянская область — 60
- Буг — 321; 324; 325
- Бугульминская возвышенность — Бугульминско-Белебеевская возвышенность — 113; 323
- Бугут — 219
- Буир-Наур (Буирнур) — местность — 347
- Буир-Наур (Буирнур) — озеро — 347
- Буй — 113
- Булгар — Булгарское государство (см. *Волжская Булгария*) — 4; 6; 9; 14; 19; 33; 192; 217; 302
- Бухара — 19; 130; 232; 233; 239; 248; 318; 341
- Быково — 317
- Быстрый Танып — 116
- Бэйтин (см. *Бешбалык*) — 237; 350
- Бюшк — 151
- Вабандар (Олубандар) — 288; 289; 290
- Вавилония — 95
- Вагаршапет — 158
- Вараджан (Варачан) — 282; 285; 290
- Варданиан — 282
- Вардедруак (Шалбуздаг) — 285
- Варпалота — 151
- Варсан — 289
- Варух (см. *Днепр*) — 321
- Василев — 324
- Ватнеан — 157
- Великая Булгария (Великая Болгария) — 28; 178; 179; 181; 183; 184; 265; 277; 281; 304; 307
- Великая Венгрия — 302
- Великая китайская стена — 14
- Великая Моравия (см. *Паннония*) — 303
- Великая стена — 228; 264; 335
- Великая Степь — 13; 14; 15; 19; 29; 68; 76; 123; 131; 132; 218; 222; 223; 226; 228; 329; 338; 340; 342; 346
- Великое Монгольское гос-во (ДА МЭН-ГУ ГО) — 352
- Вена — 179
- Венгрия (Паннония) — 149; 151; 189; 302; 320; 330
- Венетия — 145
- Верилия (см. *Берсилия*) — 278
- Верхнее Поволжье (см. *Поволжье*) — 50; 203
- Верхнее Преднепровье — 216
- Верхнее Прииртышье (см. *Прииртышье*) — 338
- Верхнее Прикамье (см. *Прикамье*) — 113; 155; 192
- Верхне-Погромное — 152; 317
- Верхний Балыклей — 320
- Верхний Донец — 296
- Верхний Дон (см. *Дон*) — 60
- Верхний Енисей (см. *Енисей*) — 13; 14; 128
- Верхний Иртыш (см. *Иртыш*) — 227
- Верхняя Вычегда (см. *Вычегда*) — 198
- Верхняя Кама (см. *Кама*) — 189; 208
- Верхняя Обь (см. *Обь*) — 203
- Ветлуга — 92; 111
- Византия — 31; 41; 42; 157; 158; 159; 160; 166; 167; 168; 169; 170; 172; 175; 176; 177; 178; 180; 182; 183; 184; 220; 222; 228; 232; 233; 234; 235; 259; 277; 279; 284; 285; 286; 296; 302; 303; 305; 306; 307; 308; 309; 310; 311; 312; 314; 320; 325
- Внутренняя Азия (см. *Азия*) — 12; 128; 129; 130; 132; 264; 267
- Внутренняя Монголия (см. *Монголия*) — 122; 124; 127; 131
- Воеводина — 311
- Волга — 7; 9; 10; 13; 43; 72; 73; 85; 88; 92; 93; 112; 113; 118; 142; 146; 147; 154; 176; 181; 183; 187; 189; 199; 206; 210; 211; 217; 222; 232; 233; 270; 276; 296; 299; 301; 302; 307; 308; 312; 316; 318; 319; 320; 321; 322; 324; 326; 327
- Волгоград — 319
- Волгоградская область — 317; 320
- Волго-Вятский бассейн — 118
- Волго-Камье — 111; 118; 119; 205; 206; 276
- Волго-Окское междуречье — 119; 204
- Волго-Уралье (см. *Волго-Уральский регион*) — 12; 47; 56
- Волго-уральские степи (см. *Волго-Уральский регион*) — 48; 68; 106; 107; 209; 316; 317; 318; 319; 322; 327
- Волго-Уральский регион — 16; 34; 46; 47; 48; 49; 56; 68; 106; 107; 110; 111; 112; 118; 120; 153; 154; 155; 189; 195; 204; 208; 268; 270; 316; 320

- Волго-Уральское междуречье — 153; 322
- Волжская Булгария — 4; 10; 185; 187; 189; 190; 192; 208; 276; 296; 299; 314; 323; 330
- Волжско-Донецкое междуречье — 324
- Волжско-Камская Булгария — 313
- Волжско-Камское междуречье — 296
- Вормс — 179
- Воронеж — 299
- Вороталмат — 321
- Ворота ворот (см. *Дербент*) — 277
- Ворота тюрок (см. *Дербент*) — 277
- Ворота Чора (см. *Дербент*) — 282; 285
- Ворскла — 90; 324
- Ворукаша (см. *Каспийское море*) — 71; 72
- Восток — 10; 16; 20; 82; 86; 105; 122; 138; 172; 214; 308
- Восточная Азия (см. *Азия*) — 201
- Восточная Вэй — 220; 222
- Восточная Европа (см. *Европа*) — 15; 28; 29; 33; 35; 40; 42; 43; 44; 47; 48; 56; 58; 60; 64; 76; 77; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 86; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 110; 111; 119; 120; 141; 142; 144; 146; 148; 149; 153; 155; 192; 197; 198; 201; 203; 213; 214; 277; 301; 302; 303; 308; 309; 310; 311; 312; 313; 316; 322; 327
- Восточная Монголия (см. *Монголия*) — 127; 339; 347; 350
- Восточная Прибалтика (см. *Прибалтика*) — 198; 202
- Восточная Римская империя — 144; 145
- Восточная Сибирь (см. *Сибирь*) — 12; 122; 195; 198; 199
- Восточноевропейская равнина — 60
- Восточноевропейские степи — 120; 320
- Восточное Предкавказье (см. *Предкавказье*) — 156; 157; 166; 173; 281; 283; 284; 286; 287; 295
- Восточное Приаралье (см. *Приаралье*) — 153; 155; 268; 270; 274; 275; 276
- Восточное Причерноморье (см. *Причерноморье*) — 175
- Восточнотюркский каганат — 218; 229; 232; 234; 236; 237
- Восточный Иран (см. *Иран*) — 70; 71
- Восточный Кавказ (см. *Кавказ*) — 279; 283
- Восточный Казахстан (см. *Казахстан*) — 107; 127; 138; 140; 227; 244; 260; 328
- Восточный Татарстан (см. *Татарстан*) — 276
- Восточный Туркестан (см. *Туркестан*) — 8; 21; 98; 103; 123; 128; 129; 130; 131; 138; 139; 173; 219; 227; 233; 234; 236; 237; 238; 239; 242; 245; 246; 260; 261; 262; 263; 329; 342; 350; 351
- Восточный Тянь-Шань (см. *Тянь-Шань*) — 140; 220; 225; 245; 333
- Врата гуннские (см. *Дербент*) — 281
- Врата Турае (см. *Дербент*) — 277
- Врут (см. *Прут*) — 321
- Вулацоспон — 321
- Вычегда — 199
- Вятка — 113; 204
- Газна — 342
- Галатия — 166
- Галикарнас — 79
- Галлия — 145
- Ганг — 103
- Ганийя — 288
- Ганьсу — 128; 129; 130; 227; 342; 350; 351
- Ганьчжоу — 342
- Гейх (см. *Урал-река*) — 321
- Гелон — 90
- Герат — 70; 234
- Германия — 32; 201
- Гермонасса (см. *Тмутаракань*) — 307
- Гиацихопон — 321
- Гила — 321
- Гильменд — 70
- Гиндукуш — 76; 235
- Гинь-вэй-шань (см. *Тарбагатай*) — 140
- Гипанис (см. *Южный Буз*) — 88
- Гоби — 13; 22; 123; 136; 334; 335
- Гобийский Алтай (см. *Алтай*) — 126; 130
- Городец — 119
- Государство Газневидов — 43
- Государство десяти стрел (см. *Западнотюркский каганат*) — 236; 244
- Государство Сельджукидов — 29; 44
- Греко-Бактрия — 103; 130
- Греция — 306
- Грузия — 157; 169; 210; 283; 307
- Гумик — 315
- Гуннская держава (см. *Гуннская империя*) — 139; 144; 145; 146; 181
- Гуннская империя — 134; 136; 138
- Гурган — 233; 299
- Гургандж — 325
- Гурзан — 175
- Дагестан — 179; 265; 286; 287; 289; 290; 301; 313; 315
- Даду — 168; 175
- Дальний Восток — 95; 123; 228
- Дамаск — 244; 289
- Дарданеллы — 145
- Дарьял — 305; 313
- Дарьял-проход — 168; 314
- Дарьяльское устье — 303
- Датья (см. *Сырдарья*) — 71; 72

- Дацинь — 220
 Дёма — 106; 118
 Дербенд (см. *Дербент*) — 282; 301
 Дербентский (Каспийский) проход — 156; 157; 159; 168; 172; 175; 176; 177; 277; 279; 281; 286
 Дербент-город — 167; 168; 170; 172; 277; 279; 282; 283; 284; 287; 288; 289; 290; 295; 301
 Дербент-страна — 156; 157; 161; 265; 287
 Держава Ахеменидов — 80; 93; 95
 Десна — 301; 326
 Десса — 151
 Дешт-и Кипчак (см. *Стень кипчаков*) — 14; 340; 346; 348; 351
 Дешт-и-огуз (см. *Стень огузов*) — 323
 Джазира — 210
 Джамбул — 260
 Джаньзакоу — 151
 Джибаль — 328
 Джорский (Дербентский) проход — 157
 Джунгария — 129; 138; 139; 140; 234; 236; 238; 242; 243; 244; 245; 247; 339
 Джунгаро-Алтайский регион — 244
 Джурджанийское озеро (см. *Аральское море*) — 340; 341
 Джурджан (если море, то см. *Аральское море*) — 319; 320; 321
 Джучиев Улус/Улус Джучи — 5; 18
 Дикое поле — 223
 Днепр — 67; 88; 90; 109; 142; 181; 297; 303; 308; 321; 323; 325; 342
 Днепро-Днестровское междуречье — 323
 Днестр — 142; 303; 324; 325
 Добруджа — 176
 Долина Красных Скал — 139
 Дон — 42; 67; 81; 83; 85; 86; 88; 89; 90; 106; 109; 142; 184; 296; 297; 298; 299; 301; 302; 308; 312; 319; 323; 324; 326; 342
 Дорина — 151
 Древнекыргызское государство — 208
 Древний Восток (см. *Восток*) — 68; 76; 77; 87
 Дунай — 14; 81; 88; 89; 93; 110; 142; 144; 145; 146; 147; 176; 177; 178; 179; 201; 222; 260; 262; 263; 267; 277; 304; 311; 320; 326
 Дуньхуан — 129; 140; 264; 350
 Дюртюли — 114; 116
 Евразийские степи (см. *Великая Стень*) — 13; 16; 150; 153; 181; 218; 316; 328
 Евразийский континент (см. *Евразия*) — 36; 223
 Евразия — 9; 12; 13; 15; 21; 25; 27; 29; 31; 36; 39; 41; 42; 44; 45; 46; 77; 91; 109; 119; 120; 121; 123; 153; 182; 195; 197; 203; 219; 238; 240; 246; 300; 303; 313; 314; 316; 329; 331
 Европа — 10; 18; 26; 31; 41; 48; 83; 86; 92; 123; 138; 145; 152; 156; 166; 173; 174; 175; 177; 180; 187; 192; 198; 199; 201; 303; 326
 Европейская Печенегия — 321; 323; 324; 325
 Европейская Сарматия (см. *Сарматия*) — 142
 Европейская Тартария — 7
 Евфрат — 95
 Евхаит — 166
 Египет — 8; 95; 233; 305
 Елизаветград — 87
 Енисей — 13; 31; 122; 138; 198; 199; 200; 201; 202; 228; 230; 254; 256; 259; 260; 263; 265
 Ерасх — 284
 Ергени — 211
 Жанадарья — 100; 101
 Железные ворота (проход Бузгала в горах Байсунтау) — 230
 Жигули — 320
 Жуань-жуаньский каганат — 173; 183
 Забайкалье — 123; 127; 133; 137; 149; 150; 151
 Заволжская Печенегия — 320; 322; 324; 325
 Заволжские степи — 120; 138; 325
 Заволжье — 85; 110; 320; 322; 323
 Задунавье — 179
 Закавказье — 12; 18; 110; 112; 120; 156; 157; 165; 167; 168; 170; 172; 173; 175; 177; 181; 183; 210; 235; 281; 282; 283; 284; 285; 286; 287; 288; 289; 292; 301; 303; 307; 308; 313; 328
 Запад — 16; 122; 141; 142; 152; 155; 173; 174; 177; 179; 180
 Западная Алания (см. *Алания*) — 314
 Западная Вэй — 220; 221; 222
 Западная Грузия (см. *Грузия*) — 171; 314
 Западная Европа (см. *Европа*) — 199; 309; 313; 351
 Западная Монголия (см. *Монголия*) — 22; 122; 127; 138
 Западная Римская империя — 145; 181
 Западная Сибирь (см. *Сибирь*) — 13; 83; 107; 120; 122; 138; 166; 197; 198; 199; 200; 201; 202; 203; 206; 208; 268; 346
 Западное Закамье — 189
 Западное море — 182; 183; 228
 Западное Предкавказье (см. *Предкавказье*) — 181; 281
 Западное Причерноморье (см. *Причерноморье*) — 324
 Западномонгольский регион — 127

- Западнотюркский каганат — 169; 170; 173; 218; 228; 229; 234; 236; 237; 244; 260; 270; 279; 281
- Западный Алтай (см. *Алтай*) — 227
- Западный Иран (см. *Иран*) — 70; 76
- Западный Кавказ (см. *Кавказ*) — 181; 183; 277; 301
- Западный Казахстан (см. *Казахстан*) — 102; 107; 108; 123; 153
- Западный Китай (см. *Китай*) — 151
- Западный край (см. *Восточный Туркестан, Средняя Азия*) — 139; 244; 245; 335; 350
- Западный Прикаспий (см. *Прикаспий*) — 156; 290
- Заплавное — 317
- Запорожье — 143
- Зуралье — 102; 109; 153; 192; 198; 203; 204; 206; 208; 209; 274; 275; 276; 302
- Земля ат-тугузгуз — 318
- Земля маскутов — 289
- Земля Хамзин — 290
- Зихия — 315
- Золотая гора (на Тянь-Шане) — 233
- Золотая Орда — 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 13; 18; 25; 29; 313
- Золотой рог — 178
- Ивановское — 151
- Иверия/Иберия (см. *Грузия*) — 157; 171; 172; 284; 285; 286
- Иволга — 133
- Иерусалим — 311
- Иж — 155
- Ик — 116; 208
- Ила (Или) — 102; 227; 235; 236; 239; 262; 342
- Илек — 322
- Или — Илийская долина — 237
- Иллирия — 184
- Именьково — 211
- Имеонские горы — 277
- Империя Каролингов — 315
- Ингушетия — 301
- Индийский субконтинент — 70
- Индия — 75; 95; 100; 232; 340
- Индостан — 46
- Инкардаря — 101
- Интерциса — 151
- Иньшань (Чугай кузы) — 333; 335
- Ионешти — 151
- Ирак — 245; 292
- Иран — 29; 41; 43; 70; 76; 95; 96; 99; 102; 157; 158; 161; 167; 169; 170; 176; 177; 184; 232; 233; 234; 259; 279; 306; 313; 314; 340; 351
- Иранское плато — 71; 95
- Иртыш — 14; 73; 154; 199; 227; 339; 342; 346; 351
- Исбиджаб/Исфиджаб — 235; 248; 249; 250; 319; 341
- Иссык-Куль — 139; 236; 247
- Истр (см. *Дунай*) — 81; 144; 145
- Италия — 145; 179; 303
- Итиль — 211; 299; 307; 312; 321; 340
- Итиль-город — 210; 296; 306; 307; 310; 312;
- Ихе Хушоту — 254; 332
- Иштака — 70
- Кабала — 288
- Кабх (см. *Кавказ*) — 279
- Кавказ — 16; 20; 42; 86; 92; 110; 112; 142; 156; 157; 166; 167; 168; 169; 173; 179; 210; 211; 232; 233; 262; 265; 266; 277; 278; 280; 281; 282; 286; 287; 296; 313; 314; 315
- Кавказская Алания (см. *Алания*) — 313
- Кавказская Албания (Агван, Алуанк) — 156; 157; 158; 165; 168; 169; 265; 282; 283; 284; 285
- Кадыкей — 178
- Кадырканская чернь (горы Большого Хингана) — 230
- Казанское Поволжье (см. *Поволжье*) — 203
- Казанское ханство — 3; 4; 5; 6; 7; 10; 217
- Казань — 3; 4; 10; 11; 18; 21; 33
- Казан (см. *Казань*) — 4; 33
- Казахское ханство — 4
- Казахстан — 12; 31; 47; 64; 67; 76; 102; 103; 106; 122; 123; 130; 139; 140; 148; 151; 181; 260; 261; 319
- Казахстанские степи — 243
- Калиновский — 320
- Калмыцкие степи — 296; 297
- Кама — 9; 35; 72; 92; 111; 113; 114; 116; 117; 118; 189; 198; 199; 202; 204; 205; 206; 207; 208; 211; 214
- Камско-Бельско-Икская пойма — 113
- Канг (Кангюй, Кангх, Кангха) — 71; 72; 103; 105; 110; 138; 139; 140; 153; 268
- Кано — 317
- Кансаоюа (см. *Хамун*) — 70; 71
- Капошвельд — 151
- Каппадокия — 166
- Каракум — 335
- Каратау — 74; 341
- Караханидский каганат (гос-во Караханидов, Караханидское гос-во) — 228; 242; 248; 249; 250; 251; 262; 339; 342
- Кара Йигач — 342
- Кара-Абыз — 114
- Кара-Оба — 320
- Кара-Су — 320
- Карга — 255
- Карелия — 203
- Карлукское государство — 242; 247; 260
- Карпатский бассейн — 180
- Карпаты (Карпатские горы) — 36; 189
- Картли (см. *Грузия*) — 286; 314
- Каспийские ворота (см. *Дербент*) — 159; 166; 167; 168; 175; 278; 281; 282; 301; 307; 313
- Каспийское море — 95; 141; 156; 211; 282; 308; 319

- Каспийско-Азовский регион — 281
Каспий (см. *Каспийское море*) — 9; 72; 73; 228; 277; 284
Каталаунские поля — 145
Кашгар — 245; 248; 329; 343
Кашгария — 228; 248; 250
Кварципур / Кварциур — 321
Кенигсберг — 19
Кёрёш — 320
Кермине — 239
Керулен — 334
Керчь — 177; 233; 301; 307
Кеш — 239
Киев — 40; 299; 303; 308; 309; 310; 311; 312; 313; 324; 325
Киевская Русь — 15; 18; 25; 323; 324; 326; 346
Киликия — 93
Кияковка — 317
Кимакская держава (см. *Кимакский каганат*) — 341
Кимакский каганат — 338; 340
Киран 151
Кира (Кура) — 167
Киргизия — 12; 27; 31; 102; 260
Китай — 28; 29; 31; 32; 33; 36; 37; 38; 95; 124; 128; 129; 133; 136; 138; 151; 182; 222; 224; 228; 229; 230; 233; 237; 242; 243; 245; 247; 258; 259; 305; 308; 309; 328; 330; 335; 348; 351
Кобадан — 340
Когильник — 324
Кокасу — 287
Кокэль — 151
Колхида — 314
Колыма — 195
Кольский полуостров — 199
Комаркова — 151
Коми — 151
Кондурча — 322
Константинополь — 146; 166; 169; 176; 177; 178; 183; 184; 232; 233; 258; 310
Корейский залив — 228
Корея — 222
Костра Мартис — 144
Кочо — 247
Краснодарский край — 151
Красноярск — 151
Крис (см. *Кёрёш*) — 320
Крым — 9; 19; 152; 177; 233; 234; 281; 296; 313
Крымское ханство — 5; 18
Кубань — 314; 315
Кубей — 152
Кувандарья — 101
Куву (см. *Буе*) — 321
Кузин — 323
Кулан — 245
Кума — 141; 313
Кумух — 315
Кунгурская лесостепь — 206
Кундуз — 235
Кура — 167; 284; 285; 290
Кураевский сад — 320
Курдистан — 86
Куриштиш (Кирополь; Александрия Эсхата/Александрия Крайняя) — 95
Куча — 237; 239; 245; 247; 335; 350
Кучи — 220; 237
Кушания — 236
Кушанская держава (империя) — 128; 129
Куш (см. *Эфиопия*) 98
Кызылкуль — 151
Кызыл Адыр — 153
Кызыл-Алдыр — 151; 154
Кыпчакская степь — 351
Кыргызстан — 248
Кят — 323
Ладога — 310
Лазик — 169; 171; 175; 314
Лаишевский район РТ — 211
Лакз — 284
Лангобардское королевство — 176
Лапас — 317
Леведия — 189; 302; 323
Левобержье 308
Лена — 260
Ленинск — 317
Лидийское царство — 95
Лидия — 95
Ломбардия — 176
Лоянь — 244
Лпинк — 173; 285
Лян — 220
Ляо — 342
Магас (Маас) — 315
Мавераннахр — 318; 319; 342
Магриб — 348
Мадара — 262
Македон (см. *Византия*) — 306; 311
Малаи — 151
Малая Азия (см. *Азия*) — 166; 210; 246; 327
Манна — 86
Маньчжурия — 122; 127; 151; 230
Марийская республика (см. *Республика Марий Эл*) — 54
Марийский край — 34
Марош — 320
Маскат — 283
Мафазат ал-гузз (см. *Стень огузов*) — 340
Махачкала — 315
Медина — 42
Междуречье 43; 227
Мезень — 199
Мезия — 142
Мёзия — 184
Мекка — 42; 217
Меотида — 142; 152; 156
Меотийское озеро — 277
Мерв — 70; 71; 96; 340; 341
Мертвые соли — 153
Месопотамия — 76
Месягутовская лесостепь — 209
Мец — 285
Мидия — 88; 95; 289
Мизия — 175
Минг-булак — 235
Минусинский край — 151
Митаннийское царство — 76
Митровица — 176
Могон Шине Усу — 329; 343; 348
Могун-Тайга — 255
Молдова — 151
Монголия — 8; 13; 21; 24; 36; 122; 127; 129; 131; 133; 149; 150; 151; 219; 241; 242;

- 243; 251; 254; 255; 256;
259; 260; 267; 318; 329;
338; 342; 344; 345; 350;
352
- Монгольская империя — 8;
10; 14; 24; 26; 27;
- Монгольский Алтай (см.
Алтай) — 130; 225; 244
- Мордия — 302
- Мордовия — 299
- Море Кустандины (Черное
море) — 299; 301
- Морисий (см. *Марош*) — 320
- Москва — 11; 18; 35
- Московия — Московская
Тартария — Московское
государство — 7; 10; 17
- Мосул — 328
- Моору (см. *Мерв*) — 71
- Мраморное море — 102
- Мсндр (см. *Семендер* /
Самандар) — 282
- Мугоджарам — 106
- Муслумово — 155
- Мцхет — 307
- Мынглак — 342
- Мэн-гу (см. *Монголия*) — 352
- Найтас / Найтис — 319
- Нань-Шань — 129; 220
- Наисс (Ниш) — 145
- Нахр ас-сакалиба («река
славян») — 210; 211
- Невакет — 239
- Недао — 145
- Нейтас (см. *Черное море*) — 321
- Нижнее Поволжье (см.
Поволжье) — 46; 48; 85;
86; 122; 152; 153; 154; 217;
218; 258; 296
- Нижнее Прикамье (см.
Прикамье) — 205
- Нижнесудинск — 151
- Нижний Архыз — 315
- Нижний Дон (см. *Дон*) — 115
- Нижний Дунай (см. *Дунай*) 48
- Нижняя Белая (см. *Белая*) —
114
- Нижняя Волга (см. *Волга*) —
113; 275; 317; 319; 323
- Нижняя Кама (см. *Кама*) —
112; 205; 211
- Нижняя Сырдарья (см.
Сырдарья) — 149
- Никопсис — 315
- Нил — 82
- Ниневия — 93; 172
- Новгород — 310
- Новосасыкулево — 117
- Новоузенск — 320
- Ново-Никольское — 320
- Нов-Фракийский — 145
- Ногайская Орда — 5
- Ноин-Ула — 132; 136; 151
- Обско-Иртышский бассейн —
199
- Общий Сырт — 211
- Обь — 199; 200; 342
- Одесская область — 152
- Означенное — 151
- Ока — 57; 58; 92; 119; 203;
301; 302; 308; 312; 326
- Океан (край света) — 182
- Омск — 58; 61
- Орда (см. *Золотая Орда* / *Улус*
Джучи) — 18
- Ордос — 122; 123; 126; 127;
131; 151; 333; 335
- Орду — 341
- Ордубалык — 244; 246; 247
- Орель — 324
- Оренбург — 49
- Оренбургская область — 47;
107; 151; 154; 318; 320
- Оренбуржье — 52; 276
- Орхон — 218; 241; 242; 243;
244; 259; 265; 318
- Османская империя — 18
- Осока — 151; 155
- Отрар — 247
- Отюкенская чернь — 245; 247;
332; 334; 335
- Отюкен (см. *Отюкенская*
чернь) — 237; 238; 247;
330; 338
- Оустрья — 326
- Охлебнино — 115
- Пазырык — 124; 127; 130; 132
- Пайкенд — 233
- Пайтакаран (Байлакан) — 289
- Памиро-Алай — 72; 98
- Паннония (см. *Венгрия*) — 40;
144; 145; 147; 149; 176;
177; 179; 180; 192; 303;
310; 320
- Пантикапей (см. *Керчь*) — 301
- Партав — 168; 172; 282; 285
- Партав (Пероз-Кават) — 285
- Парфия — 129
- Пасаргад — 96
- Пачинакия — 302
- Пекин — 131
- Пензенский край — 35
- Передняя Азия (см. *Азия*) —
46; 76; 82; 86; 87; 92; 93;
95; 123; 156; 250; 259; 316;
327
- Пермь — 58; 151
- Персидская Армения (см.
Армения) — 157
- Персидская держава — 99
- Персия — 157; 159; 161; 166;
167; 168; 169; 172; 289; 303
- Песчаная степь (пустыни
Алашань и Гоби) — 228
- Петербург — 11; 19
- Петровка — 67
- Петры — 167
- Печенежские горы (см.
Жигули) — 320
- Печора — 198; 199
- Поволжская лесостепь — 119
- Поволжье — 13; 14; 15; 16; 18;
33; 50; 76; 86; 109; 119;
123; 151; 174; 176; 181; 185;
201; 205; 210; 211; 216;
222; 232; 233; 234; 260;
297; 299; 301; 316; 327;
329
- Поднебесная (см. *Китай*) — 36
- Поднепровье — 46
- Подонье — 13; 258; 260; 301
- Покровск — 67; 152
- Поле половецкое — 340
- Полтавка — 48
- Полярный круг — 199
- Понтийское море (см. *Черное*
море) — 145; 277
- Понтийское царство — 110
- Понт Эвксинский (см. *Черное*
море) — 79; 278
- Понт — 166

- Предкавказье — 86; 87; 88;
181; 184;
- Предуралье — 198; 203; 216
- Приазовье — 85; 176; 178; 183;
184; 211; 222; 296; 297
- Приаралье — 94; 99; 100; 101;
102; 106; 153; 231; 246;
268; 270; 276; 299; 316;
320; 322; 327; 329; 341
- Прибалтика — 91; 202
- Приволжская возвышенность
— 211
- Приволжская лесостепь — 119
- Приднепровские степи — 109
- Прииртышье — 203; 262; 274;
327; 328; 338; 339
- Прикавказье — 265
- Приказанское Поволжье
(см. *Поволжье*) — 204; 205
- Прикамье — 73; 116; 118; 155;
202; 203; 204; 206; 207;
208; 276
- Прикаспий — 102; 107; 140;
141; 153; 156; 157; 160; 161;
165; 166; 168; 173; 279;
281; 282; 283; 286; 288;
290; 295
- Прикаспийские степи — 138;
166; 167
- Прикаспийский Дагестан (см.
Дагестан) — 159; 160; 161;
162; 163; 164; 165; 286;
291; 292; 293; 294; 295
- Прикубанье — 87; 184; 315
- Припамирье — 235
- Притяньшанье — 247
- Приуралье — 7; 13; 15; 16; 33;
107; 108; 111; 113; 114; 118;
122; 130; 138; 149; 151; 153;
155; 174; 176; 187; 204;
205; 206; 207; 208; 209;
232; 268; 270; 274; 276;
316; 320; 322; 328; 339
- Приуральская лесостепь —
209; 270
- Приуральские степи — 106; 108
- Причерноморская Скифия
(см. *Скифия*) — 91; 102
- Причерноморские степи — 82;
109
- Причерноморье — 82; 84; 85;
87; 91; 93; 95; 105; 130;
178; 181; 182; 183; 184;
270; 301; 302; 312; 315
- Приэльбрусье — 314
- Прозрачное озеро (см. *Иссык-Куль*) — 236
- Проконнес — 102
- проход Джорский (см.
Дербент) — 289
- Прохоровка — 106
- Прут — 48; 321
- Пьяный (Красный) Бор — 116
- Раба — 179
- Раннее Янь — 333
- Ранха (см. *Волга*) — 72
- Рахинка — 320
- Ра (см. *Волга*) — 85
- Рейн — 145
- Республика Марий Эл — 59;
111
- Рим — 144; 145; 146; 311
- Римская империя — 31; 40;
110; 120; 141; 176
- Ровное — 320
- Росия (см. *Россия*) — 302
- Российская империя (см.
Россия) — 4; 15; 17; 19; 23
- Россия — 3; 4; 6; 10; 11; 12; 13;
15; 17; 18; 19; 20; 24; 25;
26; 35; 198; 203; 296
- Ростовская область — 151
- Рубас — 288
- Рубежка — 320
- Румское море (см. *Черное море*)
— 320
- Румыния — 151
- Румынское Подунавье — 149
- Рум (см. *Византия*) — 303
- Русская земля — 299; 308;
309; 310; 320
- Русское государство (см.
Россия) — 308
- Русь (см. *Россия*) — 10; 15; 17;
18; 19; 24; 299; 308; 309;
310; 312; 313; 315; 324;
325; 326; 327; 330
- Рязанская губерния — 119
- Сава — 151
- Савиновка — 151
- Сакмар — 322
- Сал — 297
- Самандар — 210; 288; 289;
290; 295; 301; 307; 315
- Самара-город — 113
- Самара-река — 106; 322
- Самарканд — 19; 98; 230; 235;
239; 240; 245; 248; 250;
318
- Самарская Лука — 118; 119;
187; 189; 206; 211; 297;
320; 323
- Самарская область — 60; 107;
276; 320
- Самбатион — 309
- Самватас — 309
- Самур — 290
- Санкт-Петербург — 21; 35
- Сарай — 322
- Саратов — 67
- Саратовская область — 276;
320
- Сарир — 290; 313; 315
- Сарир (Серир) — 179; 301; 315
- Саркел (Шаркел) — 42; 298;
299; 301; 302; 303; 304;
307; 308; 311; 312; 320;
326
- Сарматия — 39; 277; 278
- Сасанидский Иран (см. *Иран*)
— 228; 233; 279; 314
- Сауран — 341
- Саяно-Алтай — 127; 149; 225
- Саяны — 128; 199; 338; 349
- Северная Вэй — 140; 220
- Северная Джунгария (см.
Джунгария) — 342; 346
- Северная Евразия (см.
Евразия) — 48; 58; 80; 202
- Северная Европа (см. *Европа*)
— 201
- Северная Индия (см. *Индия*) —
76
- Северная Италия (см. *Италия*)
— 176
- Северная Маньчжурия (см.
Маньчжурия) — 122
- Северная Монголия (см.
Монголия) — 255; 259; 330;
333
- Северное море — 228
- Северное Приаралье (см.
Приаралье) — 346

- Северное При Тяньшанье (см. *При Тяньшанье*) — 247
- Северное Причерноморье (см. *Причерноморье*) — 15; 39; 80; 82; 83; 84; 87; 120; 142; 143; 144; 145; 146; 147; 149; 152; 153; 155; 176; 270; 281; 307; 308; 309; 314; 319
- Северное Ци — 38; 228
- Северное Чжоу — 38; 228
- Северный Алтай (см. *Алтай*) — 225; 227; 244; 338
- Северный Афганистан (см. *Афганистан*) — 70
- Северный Дагестан (см. *Дагестан*) — 265; 277
- Северный Иран (см. *Иран*) — 93
- Северный Кавказ (см. *Кавказ*) — 7; 12; 13; 14; 16; 42; 46; 142; 153; 156; 175; 176; 218; 222; 233; 258; 260; 262; 265; 267; 270; 275; 276; 278; 279; 280; 296; 297; 301; 308; 312; 313; 314; 315
- Северный Казахстан (см. *Казахстан*) — 15; 183
- Северный Китай (см. *Китай*) — 122; 149; 151; 222; 236; 237; 335; 342; 351; 352
- Северный Ледовитый океан — 199
- Северный Прикаспий (см. *Прикаспий*) — 319
- Северный Тибет (см. *Тибет*) — 127
- Северный Чинк — 323
- Северский Донец — 323; 324
- Северо-Восточная Монголия (см. *Монголия*) — 122
- Северо-Восточный Кавказ (см. *Кавказ*) — 280; 282
- Северо-Западная Монголия (см. *Монголия*) — 244; 350
- Северо-Западное Семиречье (см. *Семиречье*) — 139
- Северо-Западный Иран (см. *Иран*) — 328
- Северо-Западный Казахстан (см. *Казахстан*) — 67
- Северо-Западный Пакистан — 153; 154; 155; 187; 189; 203; 204; 205; 207; 216; 217; 270; 274; 299; 303
- Селенга — 133; 243; 259; 318; 329
- Сельджукская держава (государство сельджуков) — 246; 250; 340
- Семикаракоры — 298; 299
- Семиречье — 94; 102; 103; 105; 138; 140; 219; 227; 228; 231; 232; 234; 236; 237; 238; 243; 244; 245; 246; 249; 250; 262; 322; 339; 342; 343; 346
- Сербия — 176
- Серет — 321
- Сибирское царство — 19; 217
- Сибирь — 15; 18; 19; 33; 34; 58; 151; 152; 153; 192; 199; 258; 263; 266
- Сизган — 175
- Силезия — 151
- Сим — 115
- Симбирская область — 151
- Синташта — 61
- Сирия — 156; 233; 288; 292
- Сирмий — 178
- Сирмиум — 183
- Сирский каганат — 334
- Сирукалпеи — 321
- Систан — 70
- Си Ся — 342; 350
- Скандинавия — 141; 195; 202; 203; 308; 309
- Скифия — 16; 77; 80; 81; 83; 86; 87; 88; 89; 91; 107; 109; 110; 112; 141; 175; 277; 282
- Славия — 217
- СНГ — 12; 25
- Согд — 71; 98; 130; 233; 236; 238; 239
- Средиземноморье — 95; 228
- Срединное царство (см. *Китай*) — 38; 228; 351
- Среднеазиатские степи — 318
- Среднеенисейская низменность — 225
- Среднее Зауралье (см. *Зауралье*) — 199
- Среднее Поволжье (см. *Поволжье*) — 46; 47; 48; 49; 50; 52; 53; 60; 112; 118;
- 153; 154; 155; 187; 189; 203; 204; 205; 207; 216; 217; 270; 274; 299; 303
- Среднее Поднепровье (см. *Поднепровье*) — 216; 296; 297; 301; 303; 308; 310
- Среднее Преднепровье — 216
- Среднее Прикамье (см. *Прикамье*) — 11; 113; 205
- Среднее Приобье — 203
- Средний Восток — 246
- Средний Дон (см. *Дон*) — 60
- Средний Урал (см. *Урал*) — 187; 199
- Средняя Азия (см. *Азия*) — 14; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 26; 33; 39; 42; 43; 46; 67; 70; 76; 84; 94; 95; 99; 102; 106; 107; 120; 122; 123; 128; 130; 137; 138; 139; 142; 148; 149; 151; 153; 174; 218; 222; 230; 231; 233; 234; 235; 236; 239; 244; 248; 250; 258; 259; 260; 261; 262; 316; 318; 322; 327; 351
- Средняя Ахтуба — 317
- Средняя Белая (см. *Белая*) — 114; 206
- Средняя Волга (см. *Волга*) — 92; 111; 112; 114; 118; 204; 205; 213
- Средняя Кама (см. *Кама*) — 198; 214
- Средняя Сибирь (см. *Сибирь*) — 200
- СССР — 15; 17; 25; 29; 44
- Ставрополь — 151
- Ставропольская возвышенность — 211; 313
- Старая Мушта — 113
- Старица — 323
- Степь кипчаков — 340
- Степь огузов — 340
- Страна Аргу — 236
- Страна Говг — 285
- Страна Гуззия — 318
- Страна кимаков — 328; 339
- Страна Парсуаш — 95
- Страна саков — 97; 98
- Стугна — 326
- Сувар — 192; 299

- Суйчжоу — 220
 Суй-ю-Ань — 151
 Сукидава — 151
 Сула — 324; 326
 Сулак — 295
 Сунжа — 313
 Сура — 211
 Сучжоу — 350
 Суяб (Суй-е) — 232; 235; 236;
 237; 245; 246
 Сыктывкар — 151
 Сырдарья — 71; 72; 73; 84; 93;
 95; 98; 99; 100; 101; 102;
 103; 138; 140; 154; 231;
 235; 238; 244; 246; 247;
 249; 318; 319; 320; 322;
 341; 346
 Сюник — 284
 Сюнь — 113
 Сяньбийская империя — 138
- Табаристан — 284
 Тагискен — 84; 101
 Таджикистан — 340
 Таймыр — 195
 Талас — 139; 231; 236; 245;
 260; 341
 Талас-город — 146
 Талта (Агель) — Волга? — 282
 Таманский полуостров — 142;
 301
 Тамань — 312
 Тамар-Уткуль — 318; 320
 Тамгалы — 75
 Танаис (см. *Дон*) — 81; 82; 83;
 85; 88; 99; 100; 101; 105;
 106; 142; 277
 Танаис-город — 146
 Тангутское государство (см. *Си
 Ся*) — 350
 Танну-Ол — 349
 Танская империя — 236; 237;
 238; 243; 244; 246; 335
 Тань-хань — 333
 Тараз — 244; 245; 246; 247;
 248; 262; 341
 Тарбагатай — 140; 342
 Таргу — 287; 295
 Тарим — 139; 245; 246; 247
 Таримский бассейн — 128;
 129; 140; 227; 235; 245;
 247; 350
- ТАССР (см. *Татарстан*) — 11
 Татаро-Башкирская
 республика — 11
 Татарская степь — 351
 Татарское Сунчелево — 154;
 155
 Татарстан — 4; 11; 29; 34; 35;
 68; 91; 116; 151; 154
 Ташкент — 237
 Ташкентский оазис — 235
 Таш-Елга — 113
 Тбилиси — 170; 171; 172; 184;
 235
 Тез — 244
 Темеш — 320
 Терек — 141; 156; 313; 314
 Терек-сай — 260; 262
 Тёртель — 151
 Тес — 350
 Тзур (Дарьял) — 168
 Тибет (гос-во) — 227; 239;
 264; 328
 Тигр — 95
 Тимиссий (см. *Темеш*) — 320
 Тиса — 177; 179; 320
 Тисса — 320
 Тифлис (см. *Тбилиси*) — 171
 Тихий океан — 122
 Тица (см. *Тисса*) — 320
 Тмутаракань (Таматарха) —
 296; 301; 307; 312; 326
 Тоба Вэй (Вэйское
 государство) — 182
 Тобол — 199; 205
 Токмак — 235; 248
 Тола — 243; 259; 333; 334
 Тохаристан — 232; 235; 239;
 244
 Трикол (Гремячий Ключ) —
 113; 117
 Трулл (см. *Днепр*) — 321
 Тува — 84; 123; 127; 149; 150;
 151; 237; 238; 246; 255;
 260; 348
 Туман — 290
 Туран — 12; 71
 Туркестан — 240; 247; 283;
 284; 285
 Туркестан-город — 235; 328
 Туркия — 302
 Туркменистан — 12; 96
 Туркмения — 43; 246
- Турфан — 220; 237; 247; 350
 Турфанский оазис — 262
 Турция — 8; 18; 19
 Тутис (см. *Бегу*) — 320
 Тюменская область — 151
 Тюркешский каганат — 218;
 236; 237; 238; 242; 244
 Тюркский каганат — 4; 8; 14;
 21; 23; 26; 27; 28; 29; 31;
 33; 41; 176; 177; 184; 218;
 219; 225; 228; 230; 231;
 232; 233; 234; 236; 242;
 243; 246; 248; 252; 255;
 258; 259; 261; 267; 275;
 297; 330; 332; 333; 334;
 336; 343; 345
 Тюркский эль (см. *Тюркский
 каганат*) — 27; 218; 222;
 228; 252; 254; 330; 332
 Тяньдэ — 350
 Тянь-Шань — 22; 72; 126; 129;
 227; 233; 251; 333
- Удмуртия — 113; 117
 Удмуртское Прикамье — 272
 Узбекистан — 12
 Узбой — 72; 95; 96; 100
 Узия — 302
 Уйбат — 348
 Уйгарак — 84; 101
 Уйгурский каганат — 14; 30;
 218; 232; 242; 245; 259;
 260; 328; 330; 339; 344;
 349; 350
 Уйгурский эль (см. *Уйгурский
 каганат, уйгуры*) — 338
 Украина — 201; 319
 Улус Джучи (см. *Золотая Орда*)
 — 3; 5; 7; 8; 10
 Ульяновская область — 118;
 229
 Ульяновско-Самарское
 Заволжье — 34
 Ульяновское Заволжье (см.
Заволжье) — 187
 Урал — 47; 48; 60; 67; 76; 91;
 154; 166; 189; 192; 198;
 199; 201; 203; 204; 206;
 207; 208
 Урало-Ишимское междуречье
 — 153

- Урало-Казахстанские степи — 73
- Урало-Прикамье — 192
- Урало-Поволжье — 35; 118; 153; 190; 195; 268; 270; 274; 322
- Урало-Сибирский регион — 209
- Уральская область — 46; 317; 319; 320
- Урал-горы — 60; 120; 199; 204; 205; 206; 208; 322
- Урал- река — 73; 154; 321
- Урумчи — 151
- Урянхайский край — 22
- Усрушана — 318
- Устюрт — 316; 323
- Ути — 285
- Утка — 118
- Уфа — 110; 114; 115; 118
- Ушида — 71
- Ушидарна — 71
- Ушелье Джора (см. *Дербент*) — 281
- Уюк-Тарлак — 254
- Фанагория — 181; 184; 301; 307
- Фараб — 319; 328; 341
- Фатьяново — 50
- Фенноскандия — 202
- Фергана — 98; 139; 235; 247; 329
- Филан — 284
- Финляндия — 203
- Фракия — 82; 142; 144; 177; 178; 184; 320
- Франция — 32
- Хавуксингил — 321
- Хазария (см. *Хазарский каганат*) — 30; 170; 173; 189; 210; 216; 281; 286; 287; 289; 290; 295; 296; 297; 298; 299; 301; 302; 303; 305; 306; 307; 308; 309; 310; 311; 312; 313; 315; 326; 327
- Хазарская степь — 340
- Хазарский каганат — 4; 10; 14; 16; 27; 28; 30; 42; 173; 184; 192; 265; 277; 281; 286; 295; 296; 297; 298; 299; 300; 301; 305; 311; 314; 318; 322; 323
- Хазарское государство (см. *Хазарский каганат*) — 170; 258; 260; 281; 298; 308
- Хазарское море (см. *Каспийское море*) — 211; 279; 319
- Хайзан — 288
- Хайзах — 290
- Хакасия — 128; 260; 348
- Халифат (см. *Арабский халифат*) — 210; 216; 217; 301
- Халкидон — 178
- Хами — 140
- Хамлидж — 211; 309
- Хамун — 70; 71
- Хангай — 22; 218; 330; 333; 335
- Хангайские горы — 127; 237; 243; 245
- Хань — 36; 37; 38; 95; 128; 133
- Ханьская империя (см. *Хань*) — 38; 138
- Харайва (см. *Ариана*) — 70
- Харати — 98
- Хара (Хукарья, Харата) — 71; 72
- Харовои — 321
- Харран — 159
- Хазтумант (см. *Гильменд*) — 70
- Хвальнск — 119
- Хёкрихт — 151
- Хербис-Баары — 348; 349
- Херсон — 302
- Херсонес — 110; 307
- Хеттское царство — 76
- Хинган — 223; 334
- Хинова — 151
- Хитай (см. *Китай*) — 347
- Хорасан — 43; 234; 239; 245; 306; 318
- Хоревница — 309
- Хорезм — 26; 70; 71; 99; 101; 130; 231; 233; 234; 299; 307; 312; 318; 323; 326; 327
- Хорезмийская гора — 325
- Хорезмийское озеро 325
- Хорив — 309
- Хорузон — 167
- Хотан — 220; 232; 250
- Хотарани — 151
- Хуа — 220
- Хуанхэ — 93; 123; 129; 131; 136; 220; 221; 335
- Хукарья (см. *Хара*) — 71; 72
- Хунну — 22; 29
- Хшатросук — 71
- Хэбэй — 131
- Хэйшачэн — 335
- Хэлочуань — 350
- Хэнань — 131
- Цагангол — 130
- Цаган-год — 126
- Царство гуннов — 265; 282
- Царьград (см. *Константинополь*) — 308; 310
- Центральная Азия (см. *Азия*) — 8; 12; 13; 14; 15; 16; 20; 22; 26; 27; 28; 30; 31; 32; 34; 36; 37; 38; 39; 103; 122; 123; 124; 126; 138; 142; 148; 149; 151; 152; 176; 182; 201; 218; 222; 223; 224; 226; 227; 228; 230; 236; 237; 243; 244; 245; 247; 250; 251; 254; 255; 257; 258; 260; 262; 263; 265; 266; 267; 297; 305; 318; 338; 347; 348; 351; 352
- Центральная Европа (см. *Европа*) — 87; 199; 202; 203; 222; 313
- Центральная Монголия (см. *Монголия*) — 122; 126; 127; 183; 258; 330;
- Центральная Россия (см. *Россия*) — 201; 202
- Центральное Предкавказье — 313
- Центральный Кавказ (см. *Кавказ*) — 92
- Центральный Казахстан — 67; 102; 328
- Цзинь — 38; 352
- Цилянъ — 131
- Цилянъшань — 129
- Цинь — 126

- Чайчасть — 72
 Чангань — 220; 222; 238; 245
 Чач — 98; 235; 237; 245
 Чеганда — 117
 Челкар — 320
 Челябинская область — 60; 67; 73; 208
 Ченин — 317
 Чепца — 189
 Червсени — 151
 Черная Курья — 151
 Черная падина — 320
 Черная Русь (см. *Русь*) — 305
 Черное море — 79; 144; 178; 277; 299; 308; 309; 315; 319; 321; 341
 Черные пески — 335
 Черный Иртыш — 244, 319
 Чехословакия — 151
 Чечня — 301
 Чжао — 126; 131
 Чжучже — 224
 Чикой — 151
 Чиларево — 311
 Чингул — 323
 Чита — 227
 Чиялик — 208
 Чола (Дербент) — 168
 Чора (см. *Дербент*) — 173; 287;
 Чор (Дербент) — 235
 Чу — 236; 341
 Чувашия — 34; 52; 53; 299
 Чуйская долина — 236; 237
- Шабиран — 283
 Шалкар — 319
 Шампань — 145
 Шандан — 290
 Шаньси — 129; 131; 230
- Шахрбараз — 283
 Шахрисябз — 230
 Шаш — 249
 Швеция — 203
 Шестачи — 151
 Шешма — 189
 Шипово — 115
 Ширван — 292
 Шу-балык — 264
- Эгеида — 77
 Эдом (см. *Византия*) — 305
 Эллада — 77
 Эльтон — 317
 Эмба — 319
 Эстония — 203
 Этелькёз (см. *Ателькуза*) — 323; — 303
 Эфиопия — 98
 Эцзин-гол — 350
- Югославия — 311
 Юго-Восточная Европа (см. *Европа*) — 16; 152; 172; 175; 181; 182; 184; 187; 230; 231; 243; 263; 265; 277
 Юго-Западная Маньчжурия (см. *Маньчжурия*) — 138; 228
 Юго-Западная Монголия (см. *Монголия*) — 130
 Юго-Западная Сибирь (см. *Сибирь*) — 138; 153; 227
 Южная Маньчжурия (см. *Маньчжурия*) — 123; 124
 Южная Сибирь (см. *Сибирь*) — 7; 12; 13; 14; 27; 46; 122; 176; 218; 222; 223; 224; 228; 274
- Южное Зауралье (см. *Зауралье*) — 47; 60; 64; 66; 67; 106; 155; 199
 Южное Приуралье (см. *Приуралье*) — 48; 49; 50; 54; 60; 88; 106; 107; 110; 114; 153; 322
 Южноуральский хребет — 106
 Южный Алтай (см. *Алтай*) — 227
 Южный Афганистан (см. *Афганистан*) — 235
 Южный Буг — 88
 Южный Дагестан (см. *Дагестан*) — 288
 Южный Казахстан (см. *Казахстан*) — 102; 106
 Южный Урал (см. *Урал*) — 16; 83; 113; 116; 153; 189; 204; 205; 206; 208; 209; 274; 275; 276; 302; 346
 Юйдугюнь (см. *Отюкенская чернь*) — 335
 Юйчжи — 129
 Юэбань — 138; 140
- Явдиертим / Явдиирти — 321
 Яик (см. *Урал-река*) — 154; 319; 322
 Якутия — 202
 Яман — 320
 Янгикент — 246; 318; 341
 Яньжинь — 138
 Яньмэньгуань — 129
 Ярославская область — 50

Указатель этнических, этнополитических и этносоциальных терминов

- абасги (см. *абхазы*) – 314
 абделы – 168; 174; 175
 абхазы – 301; 314; 315
 аварцы – 179
 авары – 152; 166; 168; 169; 172; 173; 174; 175; 176; 177; 178; 179; 180; 182; 184; 222; 231; 232; 234; 277; 303; ; 314; 315
 авгары – 168; 175
 авнагуры – 168; 175
 агафирсы – 89
 адьги – 181; 301; 312; 315
 азербайджанцы – 7
 акациры – 145; 152; 183
 алазоны – 88
 аланы – 110; 120; 142; 146; 147; 152; 153; 156; 158; 167; 168; 169; 175; 177; 187; 233; 277; 279; 296; 299; 301; 305; 311; 312; 313; 314; 315
 албаны (албанцы) – 156; 157; 158; 167; 172; 285;
 алпидзуры – 144; 152
 алтайские племена – 122; 123;
 алтайцы – 12; 345
 алцидзуры – 144
 альциагиры – 152
 амазонки – 88
 амилзуры – 144
 андрофаги – 89; 91
 анты – 296; 302
 аорсы – 110; 307
 арабы – 31; 43; 210; 211; 222; 239; 240; 242; 247; 281; 283; 284; 286; 287; 288; 289; 290; 292; 295; 301
 аргиппеи – 91; 92
 арии (арийцы) – 69; 70; 71; 72; 73; 75; 76; 93; 103; 104; 201
 аримаспы – 81; 82; 91; 102
 арису (см. *эрызя*) – 299
 армяне – 157
 асианы – 103
 асии – 103
 астраханские татары (см. *татары*) – 6
 асы (см. *аланы*) – 312
 ашина – 220; 224; 226; 345
 ашкеназы – 313
 баварские племена (бавары) – 177; 179
 баграсики – 168; 175
 баджирды (см. *башкиры*, *венгры*) – 325
 баджкурт (см. также *венгры*) – 302
 баджнак (см. *печенеги*) – 301; 325; 346
 балкарцы – 12; 315
 балты – 215; 270; 272
 барсельты – 174; 175
 барсилы – 278; 296; 303
 басмылы – 242; 243; 244; 245; 262; 342; 343; 344; 345; 346
 бастарны – 142
 бачанак (см. *печенеги*) – 301
 башкиры – 12; 155; 274; 302; 322; 325
 белые болгары (см. *болгары*) – 305
 белые гунны (хиониты, *эфталиты*) (см. *хунны*) – 138
 белые си – 346
 белые угры (см. *хазары*) – 302; 305
 белые хазары (см. *хазары*) – 305
 белые хорваты (см. *хорваты*) – 305
 берендеи – 223; 326
 беченег (см. *печенеги*) – 301
 БМ – 311; 312
 болгары (см. также *булгары*) – 16; 28; 42; 123; 152; 172; 177; 178; 179; 181; 182; 183; 184; 185; 187; 190; 192; 194; 206; 207; 208; 262; 263; 265; 267; 276; 277; 281; 296; 297; 299; 303; 304; 305; 307; 312; 314; 315; 320; 323; 326
 будины – 89; 90; 91; 92
 булгары (см. также *болгары*) – 5; 6; 9; 43; 168; 175; 177; 185; 189; 192; 194; 217; 274; 277; 278; 280; 299; 311; 316; 319; 320; 326; 342
 бургары (см. *болгары*, *булгары*) – 168; 175
 бургунды – 145
 буртасы – 33; 43; 280; 299
 вайнахи – 315
 вандалы – 40
 вары – 270
 варяги – 308; 309; 310; 311
 везиготы (см. *готы*) – 142; 147
 венгры – 189; 302; 303; 305; 306; 309; 310; 311; 312; 313; 314; 320
 византийцы – 21; 159; 167; 169; 171; 176; 178; 180; 222; 301; 312; 324
 влахи (см. *франки*) – 303
 воиски (боиски) – 144
 волжские болгары (см. *булгары*) – 326
 волжско-финские племена (см. *финны*) – 118
 восточнофинские племена (см. *финны*) – 111; 118; 120
 вятичи (вентичи) – 299; 301; 308; 312; 324
 в-н-н-тры (см. *болгары*) – 281
 гагаузы – 123
 гаогюй – 140; 221; 243
 гаоцзюй – 182
 гелоны – 89; 91
 гепиды – 145; 147; 176; 177
 германцы – 313
 гимирри/гиммири (см. *киммерийцы*) – 82; 93; 94
 гипербореи – 102
 готы – 40; 142; 143
 греки (эллины) – 7; 77; 78; 80; 81; 82; 89; 91; 93; 94; 147; 308; 310; 311
 грузины – 210; 303
 гуззы (см. *огузы*) – 246; 318; 340; 346

- гузы – 26; 43; 303; 307; 316
 гуйфан – 36
 гунны (см. *хунны*) – 5; 17; 22;
 23; 28; 32; 33; 34; 40; 41;
 103; 120; 122; 123; 125;
 126; 127; 128; 130; 131; 132;
 133; 134; 135; 136; 137;
 138; 139; 140; 141; 142; 143;
 144; 145; 146; 147; 148;
 149; 151; 152; 153; 154; 155;
 156; 157; 158; 159; 160; 161;
 165; 166; 167; 168; 169; 171;
 172; 173; 174; 175; 177; 181;
 183; 206; 220; 222; 223;
 232; 262; 265; 266; 267;
 270; 278; 280; 281; 282;
 283; 284; 285; 286; 287;
 289; 290; 299; 307; 313;
 314; 333; 343;
- дада (см. *татары*) – 350
 дана – 73
 даны – 103
 даргинцы – 315
 даха – 73
 дахи (даи) – 88; 96; 99; 100;
 101; 102; 103; 104; 105; 107;
 153
 да-да (см. *татары*) – 352
 дербики – 96
 джалаиры – 6; 352
 ди – 36; 124;
 динлины – 138
 дирмары – 168; 175
 долганы – 12
 дулу – 232; 235; 281
 дунайские болгары (см. также
болгары) – 314
 дунху – 124; 126; 127; 128; 131;
 134; 138
- евреи – 298; 305; 306; 307;
 309; 310; 311; 313
 ефталиты (эфталиты) (см.
хунну) – 168; 175
- жуань-жуани (жужаньцы) –
 140; 173; 176; 182; 220;
 222; 333
 жужаньцы (см. *жуань-жуани*) –
 140
 жун – 124; 125; 126; 127; 134
- жуны – 124; 126
 жуны (дунху) – 124; 127
- забендеры – 177; 307
 зихи (см. *адыги*) – 315
- иверы (см. *грузины*) – 303
 иирки – 91; 92
 ингуши – 315
 индийцы – 70; 280; 304
 индоевропейцы – 13; 51
 индоиранцы – 50
 индо-иранские племена – 120
 иранцы – 70; 222
 исседы / исседоны – 83; 102
 итимары – 144; 152
 ишкуза (см. *скифы*) – 82
- йемеки (см. *кимаки*) – 338;
 342; 346
- кавары (кабары) – 303; 310;
 311
 казахи – 8; 14; 329
 кай – 327; 341; 342; 344; 345;
 346
 каллипиды – 88
 кангары (см. *печенеги*) – 321;
 322
 кангойцы – 138; 139
 караймы – 313
 карачаевцы – 12; 315
 кара-китай (см. *кидани*) – 250
 кара-хазары (см. *хазары*) – 280
 карлуки – 44; 218; 227; 228;
 242; 243; 244; 245; 246;
 247; 248; 250; 262; 264;
 318; 319; 320; 321; 322;
 328; 339; 340; 341; 342;
 343; 346
- касоги (см. *адыги*) – 301; 312;
 315
 каспии – 156
 катригуры (см. *болгары*,
булгары) – 152
 кашак (см. *адыги*) – 301; 315
 кенгересы (см. *печенеги*) – 322
 керейты – 6
 кидани – 228; 237; 250; 341;
 342; 344; 345; 346; 352
 кимаки – 14; 16; 43; 218; 227;
 246; 247; 260; 261; 264;
- 318; 319; 320; 321; 327;
 328; 329; 330; 338; 339;
 340; 341; 351
 киммерийцы – 39; 82; 86; 87;
 93; 94; 303
 кипчаки – 5; 14; 16; 33; 224;
 225; 227; 242; 280; 318;
 325; 326; 328; 329; 330;
 336; 338; 339; 340; 341;
 346
 киргизы – 8; 33; 318; 345;
 китайцы – 37; 126; 230; 245
 козары (см. *хазары*) – 309; 311;
 312
 команы (см. *кипчаки*, *половцы*)
 – 329; 346
 коми – 189; 216
 крымские татары (см. *татары*)
 – 7; 8
 куласы – 168; 175
 кумандинцы – 12
 кумыки – 12; 123; 315
 куны – 327; 341; 344; 345; 346
 куртаргары – 168; 175
 кушаны – 129; 130
 кыбчаки (см. *кипчаки*) – 330;
 332; 336; 338
 кывчаки (см. *кипчаки*) – 330;
 332; 336; 338
 кыргызы – 14; 44; 128; 138;
 218; 224; 227; 228; 242;
 250; 253; 255; 260; 261;
 328; 339; 349; 350; 352
 кытане (см. *кидани*) – 346
 кытай (см. *кидани*) – 341
 кыфчаки (см. *кипчаки*) – 329
- лазы – 314
 лакцы (кази–кумух) – 315
 лангобарды – 176
 лезгины – 315
 литовские татары (см.
татары) – 6; 7
 лоулане – 138
- мамлюки – 8
 манси – 202; 208; 209; 302
 масаха-гунны (см. *хунну*) – 157;
 158
 маскуты – 156; 157; 158; 165;
 282; 285

- массагеты – 81; 82; 83; 88; 95;
 96; 99; 100; 101; 102; 104;
 105; 106; 153
 меланхлены – 89; 90; 91
 мещера – 302
 мишары (см. *татары*) – 6
 мокша (см. *мордва*) – 299
 монголы – 5; 6; 7; 13; 14; 18;
 19; 24; 25; 26; 27; 31; 148;
 228; 250; 257; 336; 346;
 347; 348; 351; 352
 моравы – 178
 мордва – 195; 203; 299
 мэн-да (см. *монголы, татары*)
 – 352
 мэн-жэнь (см. *монголы*) – 352

 найманы – 6; 250
 невры – 89; 90; 91
 ногайцы – 5; 12
 нушиби – 232; 235; 281

 обры (см. *авары*) – 179
 огоры (см. *угры*) – 270; 276
 ограки – 342
 огузы – 33; 182; 183; 209; 218;
 222; 224; 227; 230; 242;
 246; 254; 261; 265; 301;
 312; 316; 317; 318; 319;
 320; 321; 322; 323; 325;
 326; 327; 332; 333; 335;
 337; 338; 339; 340; 341;
 342; 346; 348
 огурские племена – 123; 183
 огуры (см. *огузы*) – 173; 182;
 183; 222; 303
 онгуты – 6
 оногундуры (см.
болгары/булгары) – 178; 181
 оногуры (см. *болгары/булгары*)
 – 173; 181; 182; 183; 302;
 304; 315
 он-уйгур (см. *уйгуры*) – 265
 осетины – 315
 остготы (см. *готы*) – 41; 142;
 143; 181; 184
 отуз-татары (см. *татары*) –
 338; 348

 парны (см. *парфяне*) – 102; 129
 парфяне – 100; 102
 пасианы – 103

 пачинакиты (см. *печенеги*) –
 301; 311
 персы – 93; 94; 98; 99; 156;
 157; 159; 161; 166; 167; 169;
 172; 177; 178; 233
 печенеги – 16; 18; 19; 42; 189;
 209; 211; 223; 301; 302;
 303; 309; 311; 312; 314;
 316; 317; 319; 320; 321;
 322; 323; 324; 325; 326;
 340; 341; 342; 346
 пиниил – 311; 312
 поволжские татары (см.
татары) – 7; 8
 половцы (см. *кипчаки*) – 16;
 18; 19; 24; 30; 223; 325;
 328; 330; 346
 поляне – 301; 308; 309
 псевдоавары – 174; 175; 231
 псевдоскифы – 88
 пугуры – 277

 радимичи – 301; 308
 римляне – 110; 142; 144; 145;
 147; 161; 167
 роксоланы – 110; 142
 ромей (см. *римляне,*
византийцы) – 166; 178
 русские – 3; 4; 6; 7; 25; 312
 русы/русь (см. также *варяги,*
норманны) – 280; 301; 302;
 303; 307; 308; 309; 310;
 314; 321; 324; 342

 савиры (сабиры) – 28; 152;
 166; 167; 168; 169; 173;
 174; 175; 182; 265; 280;
 281; 282; 296; 299; 303;
 314
 саина – 73
 сайрима – 73
 сакалиба (славяне?) – 210; 211;
 216; 301
 сакараулы / сакарауки /
 сарауки – 103; 105
 сака парадрайа (см. *саки,*
скифы) – 93
 саки – 16; 76; 81; 93; 94; 95;
 96; 97; 98; 99; 102; 103;
 105; 123
 саки-амюргии – 99
 саки-ортокорибантии – 99

 саки-тиграхауда – 98; 99; 103
 саки-хаумаварга – 98; 99
 саксы – 94; 95; 98; 99; 102;
 104; 105; 122; 126; 127;
 179; 329
 самодийцы – 155; 201; 204
 сарагуры – 173; 182; 183
 сарирцы – 279
 сармато-аланы (см. *сарматы,*
аланы) – 120
 сарматы (савроматы) – 16; 35;
 39; 76; 80; 81; 85; 88; 89;
 90; 92; 93; 102; 106; 107;
 108; 109; 110; 113; 114; 116;
 120; 126; 127; 130; 142;
 146; 147; 152; 155; 156; 278
 северяне – 138; 140; 301; 308;
 324
 сельджуки (см. также *огузы,*
туркмены) – 246; 327; 340;
 341; 342
 сеяньто (см. *сиры*) – 333; 334;
 335;
 се (см. *сиры*) – 332; 333
 си – 345
 сибирские татары (см.
татары) – 6
 сикеры – 333
 сираки – 110
 сиругуры – 175
 сиры (см. также *кипчаки*) –
 332; 333; 334; 335; 336;
 337; 338; 346
 скифы – 5; 18; 30; 34; 39; 76;
 81; 82; 83; 84; 85; 86; 87;
 88; 89; 90; 91; 93; 94; 100;
 101; 102; 105; 106; 107; 109;
 110; 112; 147
 скифы царские (см. *скифы*) –
 88; 89
 скифы-земледельцы (см.
скифы) – 88
 скифы-кочевники (см. *скифы*)
 – 88
 скифы-пахари (см. *скифы*) – 88
 сколоты (см. *скифы*) – 93; 95
 скуда/шкуда (см. *скифы*) – 93
 славяне – 6; 18; 25; 40; 41;
 120; 148; 177; 178; 180; 211;
 296; 299; 301; 302; 303;
 307; 308; 309; 310; 313;
 325; 326

- словены — 178; 310; 324
 согдийцы — 220; 222; 230;
 233; 236; 237; 239; 246;
 258; 259; 262
 сувары — 296
 сурургур — 168
 сэ (см. *саки*) — 103; 128
 сюнну (см. *хунны*) — 36; 37; 38;
 126; 128; 131; 138; 139; 148
 сюньюй — 36
 сяньби — 138; 220
 сяньюй — 36
- тангуты — 6; 31; 342; 350
 тарнахи — 177
 татаро-монголы — 4; 6; 7; 25;
 135
 татары — 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10;
 11; 12; 16; 18; 25; 33; 34;
 36; 44; 123; 338; 339; 347;
 348; 349; 350; 351; 352
 тата (см. *татары*) — 350
 таты — 237; 313
 тегрег — 182; 221; 243
 теле (см. *огузы*) — 182; 183;
 222; 224; 243; 265; 344;
 345; 346
 тиссагеты — 91; 92
 токузгузы (см. *уйгуры*) — 318;
 328; 350
 токуз-огузы (см. *огузы*) — 227;
 243; 245; 246; 247; 260;
 265; 318; 330; 334; 335;
 339; 348
 токуз-татары (см. *татары*) —
 244; 338; 348; 349
 тонсуры — 144
 торки (см. *огузы*) — 19; 223;
 326; 327; 342; 346
 тофалары — 12
 тохары — 103; 105; 129; 220;
 244
 тохары-кушаны — 130
 тувинцы — 12
 тукюесцы (см. *тюркюты*,
тюрки) — 172
 тункарсы — 144
 турки (см. также *тюрки*, *хунну*,
хазары и др.) — 31; 169;
 170; 171; 223; 278; 279;
 280; 302; 311; 312; 314;
 319; 320; 321; 342
- турки-османы (см. *тюрки*) — 18
 туркмены — 43; 327; 341; 342;
 345; 346
 туры — 71; 72; 73; 103
 туфань (см. *тибетцы*) — 350
 тухси — 248
 тюргеши — 227; 236; 237; 239;
 240; 242; 245; 248; 345
 тюринги — 145
 тюрки — 5; 7; 8; 12; 13; 14; 15;
 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22;
 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29;
 30; 32; 33; 34; 35; 36; 38;
 39; 41; 42; 43; 44; 148; 151;
 152; 169; 170; 171; 172; 173;
 174; 175; 176; 177; 184;
 197; 210; 215; 217; 218;
 220; 221; 222; 223; 224;
 226; 227; 228; 229; 230;
 231; 232; 233; 234; 235;
 236; 237; 240; 241; 242;
 243; 244; 247; 248; 249;
 250; 252; 253; 258; 259;
 261; 262; 263; 264; 266;
 267; 268; 270; 276; 279;
 280; 281; 283; 284; 287;
 288; 289; 290; 301; 302;
 304; 305; 306; 313; 314;
 316; 318; 328; 330; 332;
 333; 335; 336; 337; 338;
 339; 340; 341; 342; 345;
 348; 351
 тюрко-татары — 6; 8; 10; 33;
 34
 тюркские племена (см. *тюрки*)
 — 6; 7; 13; 14; 15; 17; 18; 21;
 22; 25; 140; 152; 218; 223;
 227; 231; 237; 244; 245;
 247; 248; 250; 255; 258;
 260; 261; 287; 335; 338;
 339; 340; 342; 345; 346;
 347; 348
 тюркюты (см. также *тюрки*) —
 172; 222
- уары (псевдоавары) — 174
 угорские племена (см. *угры*) —
 114; 123; 138; 149; 192; 209
 угро-финны (см. также *финно-
 угры*) — 13
 угры (см. также *венгры*) — 109;
 120; 148; 149; 155; 181; 189;
 192; 204; 205; 206; 208;
 209; 268; 276; 302; 303
 удмурты — 189; 195
 узбеки — 8; 14
 узы — 301; 302; 303; 312; 321;
 325; 342; 346
 уйгуры — 8; 21; 22; 27; 38; 39;
 44; 152; 182; 183; 222; 242;
 243; 244; 245; 246; 247;
 248; 250; 253; 259; 260;
 261; 265; 322; 330; 332;
 333; 334; 335; 336; 337;
 338; 342; 343; 349; 350
 ультидзуры — 152
 уннугуры — 174; 175
 унны (см. *гунны*) — 141; 142;
 156; 161; 166
 уроги — 173
 усунь — 103; 105; 126; 127; 128;
 129; 138; 139; 140
 утигуры — 176; 177; 233
 утии (витии) — 141
 утригуры (см. *болгары*, *булгары*)
 — 152
 ухуани (см. *дунху*) — 138
- финно-пермское население
 (племена) — 113; 118; 120;
 155; 205; 272
 финно-угры (см. также *угро-
 финны*) — 6; 16; 92; 119; 151;
 153; 195; 197; 198; 201;
 202; 204; 214
 финны — 113; 114; 148; 201;
 203
 фиссагеты — 112
 франки — 145; 177; 179; 180;
 303
- хазары — 16; 28; 30; 31; 33; 42;
 43; 44; 152; 168; 169; 170;
 171; 178; 184; 210; 211; 260;
 265; 277; 278; 279; 280;
 281; 283; 284; 286; 287;
 288; 289; 290; 292; 295;
 296; 297; 299; 301; 303;
 304; 305; 306; 307; 308;
 309; 311; 312; 313; 314;
 315; 318; 319; 320; 321;
 322; 323; 325; 326; 328
 хазирь (см. *хазары*) — 168; 169;
 170; 171; 284

- хайландуры (см. болгары/булгары) – 181
 хакасы – 12
 халаджи – 328
 ханьцы – 128; 136; 137
 хасары (см. хазары) – 168; 175
 хетты – 76
 хиониты (хуни) – 138; 268; 270
 хойху (см. уйгуры) – 335
 хунни (псевдоавары) – 174
 хунны (хунну) – 22; 27; 29; 30; 31; 33; 36; 122; 131; 148; 149; 151
 хуногуры – 152
 хуны (см. хунну) – 142
 хуньи – 36
 хуцзе – 138
 ху (см. хунны или согдийцы) – 36; 124; 230; 236
 хьона – 71; 72; 73
- цанары – 303
 цзяохэ (см. уйгуры) – 350
- цигу (енисейские кыргызы) – 224; 225; 237; 245; 247; 252; 258; 264; 276; 334; 339; 345; 348
 цюйше – 329
 цяны – 124
- черемисы (см. марийцы) – 299
 черные болгары (см. болгары) – 305
 черные клобуки – 223; 323
 черные угры (см. венгры) – 302; 305; 310
 чехи – 178
 чеченцы – 315
 чжанъе (см. уйгуры) – 350
 чигили – 248
 чомулы (чуми) – 342; 343
 чувашаи – 12; 299
- шары – 341; 344; 345; 346
 шивэй – 345
 шорцы – 13
- эдиз – 247; 332
 эрзя (см. мордва) – 299
 эфталиты (см. белые гунны) – 138; 174; 176; 230; 232
- юечжи (см. юэчжи) – 128
 юйчжи (см. юэчжи) – 129
 юйши (см. юэчжи) – 129
 юкагиры – 195
 юэчжи – 103; 105; 122; 126; 127; 128; 129; 130; 131; 132; 138
 юэчжи-тохары – 129
- ябаку – 342; 343; 344; 346
 ягма – 245; 246; 247; 248
 языги – 110
 якуты – 12
 яньто (ямтар) – 332; 333
 ясы (см. аланы) – 312
- vulgares (см. болгары/булгары) – 181

Список иллюстраций, карто-схем и таблиц

Сосуд. Маклашевская культура. XI—IX вв. до н.э.	49	Реконструкция мужского и женского костюмов ахмыловской культуры	112
Культуры начальной поры эпохи ранней бронзы.....	51	Браслет спиральный. I в. н.э.	115
Погребения ямной культуры в Оренбуржье	52	Реконструкция женского костюма караабызской культуры	116
Некоторые категории инвентаря ямной культуры	53	Реконструкция женского костюма пьяноборской культуры	117
Культуры конца эпохи ранней бронзы.....	55	Олений камень в монгольской степи.....	122
Реконструкции облика людей бронзового века Волго-Уральского региона	56	Изображения хуннов в китайском искусстве ...	123
Культуры начальной поры эпохи поздней бронзы.....	57	Конская маска. Алтай. 1-й Пазырыкский курган	124
Инвентарь из погребения в Пепкинском кургане (Республика Марий Эл)	59	Реконструкция коня в уборе	124
Ростовкинский могильник под г. Омском.....	61	Реконструкции облика мужчины тагарского времени, гунна, сака и человека из плиточной могилы	125
Сейминско-турбинские ножи	62	Олений камень в монгольской степи.....	126
План и реконструкция внешнего вида поселения Аркаим	63	Хуннский всадник. Китайское изображение	128
Погребения воинов-колесничьих Синташтинской культуры.....	65	Изображения гуннских воинов.....	130
Культуры средней поры эпохи поздней бронзы.....	66	Образцы сцен нападения хищных зверей на парнокопытных	132
Керамика из Такталачукского могильника черкаскульской культуры	67, 68	Чугунные сошники. Иволгинское городище....	134
Распределение племен, названных Геродотом, на современной карте.....	78, 79	Узор гобеленовой шерстяной ткани. Ноин-Ула	136
Реконструкции облика скифских воинов	80	Украшения из хуннских курганов Забайкалья .	137
Скифские каменные изваяния	81	Олений камень в монгольской степи.....	139
Образцы звериного стиля на предметах из курганов степной Скифии. VI—III вв. до н.э.	83	Гуннское нашествие в Восточную Европу в IV в.....	141
Реконструкции скифских луков и колчанов. IV—III вв. до н.э.	85	Набор конской узды. Конец IV—первая половина V в. н.э.	143
Скифские железные мечи и золотые ножны.....	87	Золотые украшения знатных женщин гуннской эпохи (конец IV—V вв. н.э.)	148
Металлическая посуда.....	89	Сравнительная таблица наконечников стрел...	150
Реконструкции облика скифов.....	90	Карта распространения хунно—гуннских котлов.....	151
Бронзовые навершия раннескифского времени	94	Гуннские котлы Волго-Уральского региона....	154
Реконструкции скифских головных уборов.....	96	Реконструкция облика гуннского вождя	158
Скифские головные уборы.....	97	Погребальный обряд. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	159
Золотая пластина. VI в. до н.э.....	99	Сосуды из погребений. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	160
Бронзовая шейная гривна. V—III вв. до н.э.	101	Предметы из погребений. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	161
Реконструкции конского снаряжения. IV—III вв. до н.э.	104	Предметы одежды из погребений. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	162
Варианты савроматской археологической культуры	107	Украшения и предметы культа из погребений. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	163
Изображение хищника и копытных животных в савроматском искусстве Приуралья.....	108	Орудия труда. Прикаспийский Дагестан. IV—V вв.	164
Изображение хищника, фантастического зверя и копытных животных в савроматском искусстве Поволжья	109	Реконструкция аварской конской сбруи	174
Флакочник с изображением зверей. I в. н.э.	110	Реконструкция седла из находки у д. Малая Перецепина. VII в.	182
Культуры эпохи раннего железного века в Волго-Камье.....	111	Великая Болгария. 618—660 гг.....	183
		Реконструкция облика болгарского воина	184
		Могильники ранней Волжской Булгарии	185

План и вещевого комплекс мужского погребения (турбаслинская культура)	186	Реконструкция доспеха тюркского воина.....	256
План и вещевого материал погребения I Большеетарханского могильника.....	188	Материалы раннего этапа турбаслинской культуры	269
Локализация культур Урало-Поволжья в VIII—IX вв.	190	Материалы позднего этапа турбаслинской культуры	271
План и вещевого материал мужского погребения 6 Большеетиганского могильника.	191	Материалы бахмутинской культуры	273
План и вещевого материал погребения 953 Танкеевского могильника	193	Материалы кушнаренковско-караякуповской культуры	275
Родословное дерево уральских языков	196	Хазары на Кавказе	278
Праязыковой экологический ареал и прародина уральцев	200	Погребальный обряд и инвентарь из погребений. Прикаспийский Дагестан. VII—VIII вв.	291, 294
Археологические культуры середины I тыс.н.э. Прикамья и Среднего Поволжья.....	207	Инвентарь из погребений. Прикаспийский Дагестан. VII—VIII вв.	292, 293
Железные орудия труда с именьковских поселений.....	212	Варианты территорий салтово-маяцкой культуры, Хазарского каганата, государств с аналогичной культурой и народов, окружавших каганат в VIII—IX вв. (По письму Когана Иосифа)	297
Металлические орудия труда с именьковских поселений.....	213	Хазария в VIII—X вв.	298
Именьковские сосуды	214	Памятники письменности и торевтики Хазарского каганата.....	300
Железное оружие и принадлежности конской сбруи	215	Столовая глиняная посуда салтово-маяцкой культуры	302
Реконструкция именьковско-турбаслинского женского костюма	216	Знаки на кирпичах из Саркела	304
Тюркский всадник. Глиняная статуэтка из Дуньхуана	219	Расположение курганов огузов и печенегов в Волго-Уральских степях	317
Тюркские каменные изваяния	221	Степи в VIII — начале X в.....	329
Тюркский каганат VI—VII вв.	224-225	Схема расположения в степях кимаков, кипчаков, половцев, куманов.....	330
Типолого-хронологическая матрица кыргызского оружия и вооружения.....	226	Памятники енисейской письменности	331
Костяные пластины Шиловского могильника. Вторая половина VII в.	229	Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина IX—X вв.	334
Намогильный памятник с древнетюркской рунической надписью из бассейна р.Талас.....	231	Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина XI—XII вв.	337
Реконструкция легковооруженного тюркского воина VI—VII вв.	232	Изваяния женщин-половчанок в уборах и кафтанах	340
Изображения тюрков.....	238	Половецкие изваяния мужчин-воинов	343
Изображение тюрка	240	Половецкие вежи. Миниатюры Радзивилловской летописи	344
Текст памятника в честь Кюль-тегина	241	Изваяние женщины-половчанки с ребенком. Реконструкция облика знатного татарина. XII в.	349
Изображение Кюль-тегина	242	Начало Малой надписи памятника в честь Кюль-тегина	408
Текст памятника Тоньюкука	243	Начало Малой надписи памятника в честь Тоньюкука	416
Реконструкция III Шагонарского городища в Туве (VIII—IX вв.)	246	Древнетюркский рунический алфавит	419
Реконструкция тяжеловооруженного тюркского воина VI—VIII вв.	249		
Реконструкция облика знатного тюрка. VII в.....	253		

СОДЕРЖАНИЕ

История татар: взгляд из XXI века (<i>Рафаэль Хакимов</i>).....	3
Предисловие к первому тому (<i>Сергей Кляшторный</i>).....	12
Историографический обзор (<i>Камиль Ахсанов</i>).....	17
Обзор источников (<i>Камиль Ахсанов</i>).....	36

Часть I. ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ**Глава 1. Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии**

Волго-Уральский регион в эпоху бронзы (<i>Вадим Бочкарев</i>).....	46
Страна ариев (<i>Сергей Кляшторный</i>).....	69

Глава 2. Степная и лесостепная Евразия в I тыс. до н.э.

Скифия (<i>Дмитрий Раевский</i>).....	77
Саки (<i>Сергей Кляшторный</i>).....	93
Страна сарматов и ее соседи (<i>Владимир Иванов</i>).....	106

Часть II. ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРАЗИИ**Глава 1. Гунны на Востоке и на Западе**

Гунны на Востоке (<i>Сергей Кляшторный</i>).....	122
Гунны на Западе (<i>Ирина Засецкая</i>).....	141
Гунны в Волго-Уральском регионе (<i>Фларид Сунгатов</i>).....	153
Гунны на Северном Кавказе (<i>Людмила Гмыря</i>).....	156
Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы (<i>Людмила Гмыря</i>).....	166

Глава 2. Ранние болгары в Предкавказье и Поволжье

Праболгары в евразийских степях (<i>Сергей Кляшторный</i>).....	181
Ранние болгары в Поволжье (<i>Евгений Казаков</i>).....	185

Глава 3. Финно-угры и праславянские племена в Урало-Поволжье

Предыстория народов уральской языковой семьи (<i>Владимир Напольских</i>).....	195
Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье (<i>Владимир Иванов</i>).....	204
Праславянские племена в Поволжье (<i>Сергей Кляшторный, Петр Старостин</i>).....	210

Глава 4. Степная империя тюрков и ее наследники (*Сергей Кляшторный*)..... 218**Глава 5. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов (*Фларид Сунгатов*).....** 268**Глава 6. Восточная Европа в эпоху Хазарского каганата**

Хазары на Кавказе (<i>Людмила Гмыря</i>).....	277
Хазарский каганат и его соседи (<i>Владимир Петрухин</i>).....	296

Глава 7. Огузы и печенеги в евразийских степях (*Владимир Иванов*)..... 316**Глава 8. Кимаки, кипчаки и половцы (*Сергей Кляшторный*).....** 328**Глава 9. Татары в Центральной Азии (*Сергей Кляшторный*).....** 347

Приложения:

№ 1. Геродот о западных скифах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	354
№ 2. Квинт Курций Руф о восточных скифах (<i>Булат Хамидуллин</i>).....	362
№ 3. Сымя Цянь о хуннах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	366
№ 4. Сымя Цянь хуннар турында (<i>Лилия Байбулатова</i>)	373
№ 5. «Цзинь-шу» о хуннах (<i>Булат Хамидуллин</i>).....	392
№ 6. Аммиан Марцелин о гуннах и иных народах Восточной Европы (<i>Булат Хамидуллин</i>)	396
№ 7. Приск Панийский о царских скифах—гуннах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	401
№ 8. Древнетюркские рунические письма: Памятники в честь Кюль-тегина и Тоньюкука (<i>Габдельбар Файзрахманов</i>).....	408
№ 9. Борынгы төрки рун язмалары: Күлтиген һәм Төньякүк ташлары (<i>Фануза Нуриева</i>)	421
№ 10. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642-643 и 119/737 гг.) (<i>Нурия Гараева</i>).....	440
№ 11. Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья (<i>Булат Хамидуллин</i>)	472
№ 12. Персидский аноним о гузах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	478
№ 13. Анна Комнина о печенегах, гузах и половцах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	481
№ 14. Ал-Гардизи о тюрках (<i>Габдельбар Файзрахманов</i>)	487
№ 15. Рашид ад-дин о центральноазиатских татарах (<i>Булат Хамидуллин</i>)	499
Список источников и литературы	505
Указатель археологических культур и их носителей.....	522
Указатель именной	524
Указатель политико-географических и географических названий.....	531
Указатель этнических, этнополитических и этносоциальных терминов.....	543
Список иллюстраций, карто-схем и таблиц.....	548

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
в семи томах

том I

Народы степной Евразии в древности

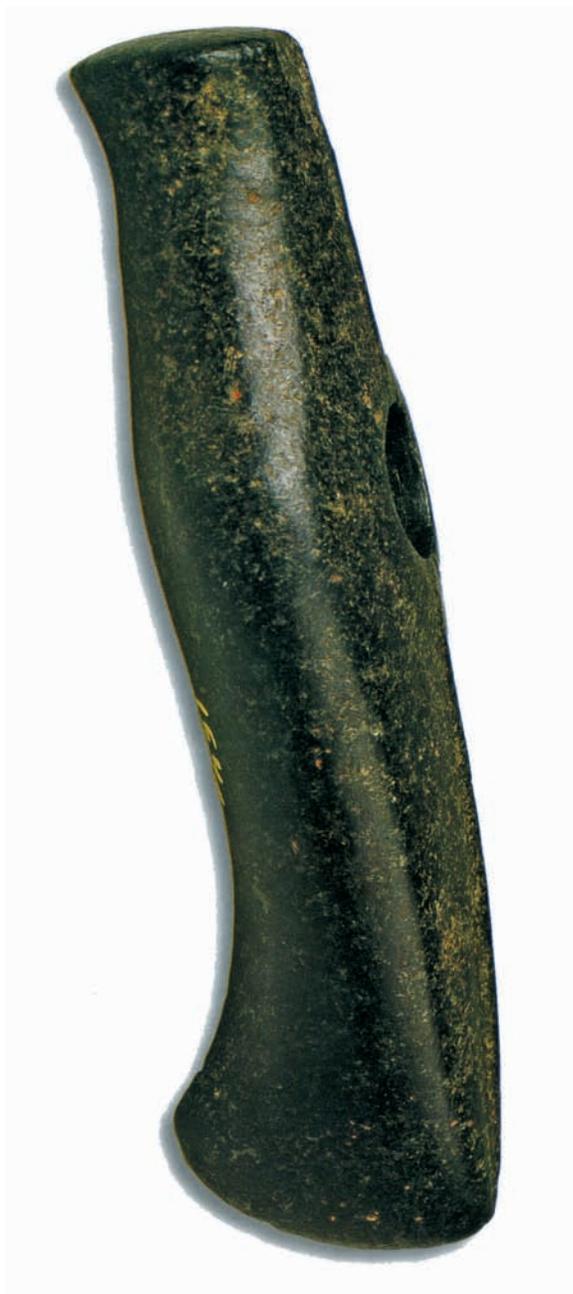
Ответственный редактор *И.Хайруллина*. Оформление *Ш.Насыров*.
Компьютерная верстка *В.Порсев*. Компьютерный набор *Х.Багаутдинова*.
Корректора: *Н.Максимова, Л.Байбулатова*.

Формат 84x108/16. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Печатных листов 34,5. Тираж 500 экз.

Издательство «Рухият» (Казань, 2002 г.)

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (Imak Ofset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

Топор сверленный. Камень. III–II тыс. до н.э.
Д. Бабиновичи Могилевской губ. Находка 1913 г.
Инв. № ГЭ 164/1. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Сосуд круглодонный. Глина. III–II тыс. до н.э. Чувашская Республика.
Балановский могильник. Раскопки О.Н.Бадера, 1937 г.
Инв. № ГЭ 2279/11. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Сосуд. Глина. Высота – 24,8 см. II тыс. до н.э.
Красноярский край. Могильник Сарговулус.
Раскопки М.Н.Пшеничиной, 1965 г.
Инв. № ГЭ 2372/4. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Удила. Бронза. Тагарская культура (VIII–III вв. до н.э.).
Инв. №3180. Национальный музей Татарстана, Казань

Трензель. Бронза. Тагарская культура.
Инв. №3216. Национальный музей
Татарстана, Казань

Булавки. Бронза.
Тагарская культура.
Инв. №3196, 3213.
Национальный музей Татарстана,
Казань

Ножи. Бронза. Длина – 1. 14,5 см.; 2. 15,5 см.; 3. 19 см.; 4. 21,5 см.; 5. 24 см. Тагарская культура. Инв. №3173. Национальный музей Татарстана, Казань

«Утюжок». Камень. Размеры – 6х3,5 см.
Тагарская культура (VIII–III вв. до н.э.).
Инв. №3201. Национальный музей
Татарстана, Казань

Зеркало. Бронза. Диаметр – 12,5 см.
Тагарская культура.
Инв. №3176. Национальный музей
Татарстана, Казань

Кинжалы. Бронза. Длина – 25 см. Тагарская культура.
Инв. №3172. Национальный музей Татарстана, Казань

Кинжал. Железо. Длина – 26,5 см.
Карасукская культура (X–VIII вв. до н.э.).
Инв. №3172. Национальный музей
Татарстана, Казань

Кельты. Бронза. Размеры – 1. 11,3х4,2х2,3 см; 2. 5,2х6,7х2,3 см; 3. 6,3х5,7х2,1 см; 4. 15,5х5,2х3,6 см; 5. 17х5,5х3 см. Тагарская культура. Инв. №3179. Национальный музей Татарстана, Казань

Бляха в виде свернувшейся пантеры. Золото. Диаметр – 10,9 см. VI–V вв. до н.э.
Сибирская коллекция Петра I. Инв. № ГЭ Си 1727 1/88.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

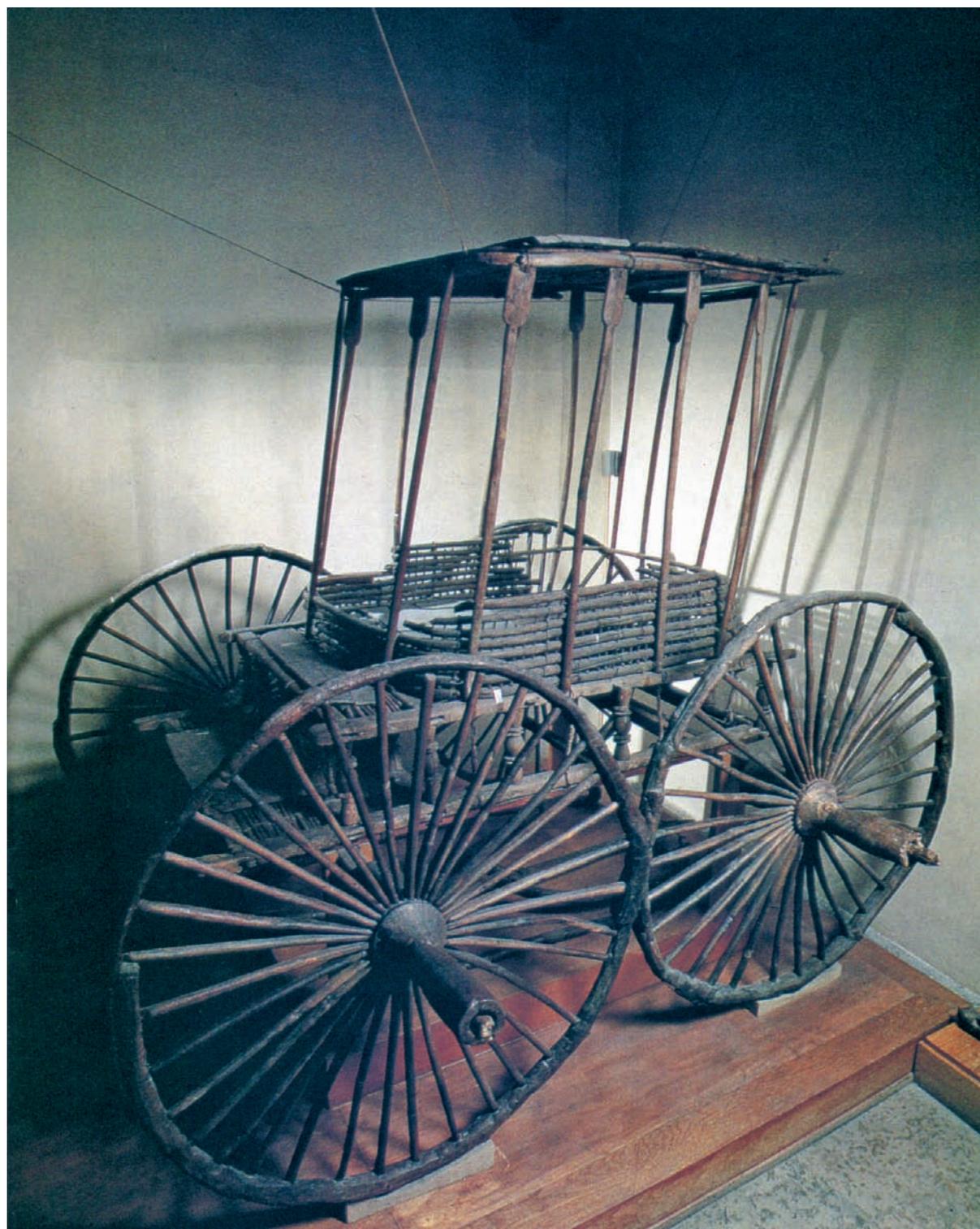
Пара поясных пластин – «всадники под деревом». Золото. Размеры: 15x12 см.
V–IV вв. до н.э. Сибирская коллекция Петра I.
Инв. № ГЭ Си 1727 1/161. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Шейная гривна. Золото, бирюза, кораллы. Диаметр – 14,8 см. V–IV вв. до н.э.
Сибирская коллекция Петра I.
Инв. № ГЭ Си 1727 1/67. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Татуировка с правой руки вождя, изображающая сцены «терзания».
V в. до н.э. Горный Алтай. 2-й Пазырыкский курган.
Раскопки С.И.Руденко, 1947 г.
Инв. № ГЭ 1684/298. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Колесница. Дерево. V–IV вв. до н.э. Алтай. 5-й Пазырыкский курган. Раскопки С.И.Руденко, 1949 г. Инв. № ГЭ 1687/404. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Деталь ковра – «богиня» на троне. Войлок. V–IV вв. до н.э. Алтай. 5-й Пазырыкский курган.
Раскопки С.И.Руденко, 1949 г.
Инв. № ГЭ 1687/94. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Котел. Бронза. Высота – 62 см. V–IV вв. до н.э.
Случайная находка на р. Каргалинке близ г. Алматы.
Инв. № ГЭ 1654/1. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Гребень с изображением батальной сцены. Золото. Размеры: 12,6х10,2 см. 439–390 гг. до н.э.
Приднепровье. Курган Солоха. Раскопки Н.И.Веселовского, 1913 г.
Инв. № ГЭ Дн 1913 1/1. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Браслет. Золото. Высота – 6,6 см. IV в. до н.э.
Сибирская коллекция Петра I.
Инв. № ГЭ Си 1727 1/68. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Сосуд с изображением скифов. Серебро. Высота – 10,5 см. IV в. до н.э. Подонье. «Частые курганы». Раскопки Зверева, 1911 г.
Инв. № ГЭ До 1911 1/11. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Амфора с фризом, изображающим сцены из жизни скифов.
Серебро. Высота – 70 см. IV в. до н.э. Приднепровье. Курган Чертомлык.
Раскопки И.Е.Забелина, 1863 г.
Инв. № ГЭ Дн 1863 1/166. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Оковка венчика деревянного сосуда с изображением двух стилизованных фигур оленей.

Золото.

Размеры 8,8 x 5,7 см, вес 48,1 г.

IV в. до н.э. Оренбургская область, междуречье Урала и Илека, в 60 км к юго-западу от г. Оренбурга. Филиппский могильник. Большой Филипповский курган.

Ранние сарматы.

Раскопки и фото А.Х.Пшеничнюка, 1988 г. Инв. № 831/231а.

Музей археологии и этнографии УНЦ РАН, Уфа

Оковка ступки деревянного сосуда в виде свернувшейся фигуры оленя.

Золото.

Размеры 4 x 4,7 см, вес 5,12 г.

IV в. до н.э. Большой Филипповский курган.

Ранние сарматы.

Раскопки и фото А.Х.Пшеничнюка, 1988 г. Инв. № 831/99.

Музей археологии и этнографии УНЦ РАН, Уфа

Ажурная шумящая подвеска. Золото. Диаметр 4,1 см, вес 66,04 г. IV в. до н.э.
Оренбургская область, междуречье Урала и Илека, в 60 км к юго-западу от г. Оренбурга.
Филиппский могильник. Курган 17. Ранние сарматы. Раскопки и фото А.Х.Пшеничнюка, 1990 г.
Инв. № 837/59. Музей археологии и этнографии УНЦ РАН, Уфа

Нашивная бляшка со сценой побратимства. Золото. Размеры: 2,5х2,5 см. 400–375 гг. до н.э. Приднепровье. Курган Солоха. Раскопки Н.И.Веселовского, 1913 г. Инв. № ГЭ Дн 1913 1/42. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Навершие с тремя птицами.

Бронза. Высота – 28,9 см. IV – начало III в. до н.э. Приднепровье. Александропольский курган. Случайная находка 1851 г. Инв. № ГЭ Дн 1851 1/17. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Одежда гуннов. Шелк, войлок, мех, шерсть. I в. до н.э.
Северная Монголия. Ноин-Ула. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

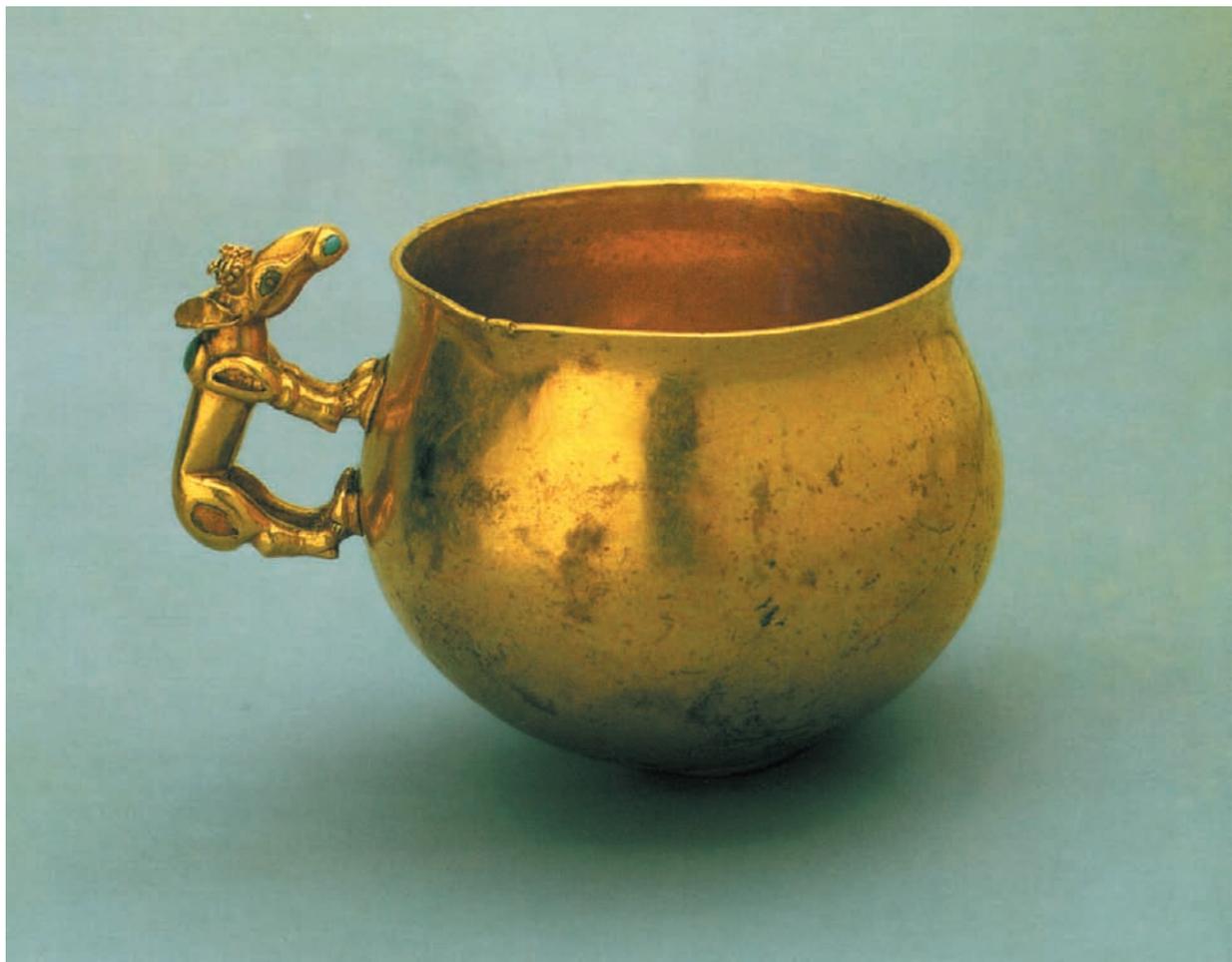
Пластинка с изображением оленя.
Серебро. I в. до н.э. – I в. н.э. Ноин-Ула.
Курган №6. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

**Барельеф на тонкой пластинке с изображением
яка с повернутой назад головой, стоящего
на скалах между хвойными деревьями.**
Серебро. I в. до н.э. – I в. н.э.
Северная Монголия. Ноин-Ула. Курган №6.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

**Барельеф на тонкой круглой пластинке
с изображением яка, стоящего на скалах
между хвойными деревьями.** Серебро.
I в. до н.э. – I в.н.э. Северная
Монголия. Ноин-Ула. Курган №6.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Сосуд с ручкой в виде фигурки лося. Золото, бирюза, кораллы, стекло. Высота – 7,5 см. I в. н.э.
Нижний Дон, г. Новочеркасск. Курган Хохлач. Случайная находка 1864 г.
Инв. № ГЭ 2213/13. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Деталь сосуда – ручка в виде фигурки лося.
Инв. № ГЭ 2213/13. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Котелок с фигурками козлов. Бронза. Высота – 25,5 см. I–II вв. н.э.
Ростовская обл. Соколовская балка. Курган №3. Раскопки Б.А.Раева, 1970 г.
Инв. № ГЭ 2645/6. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Копия золотой диадемы. I в. н.э. Нижний Дон, г. Новочеркасск. Курган Хохлач.
Случайная находка 1864 г.
Инв. № ГЭ СК-367. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

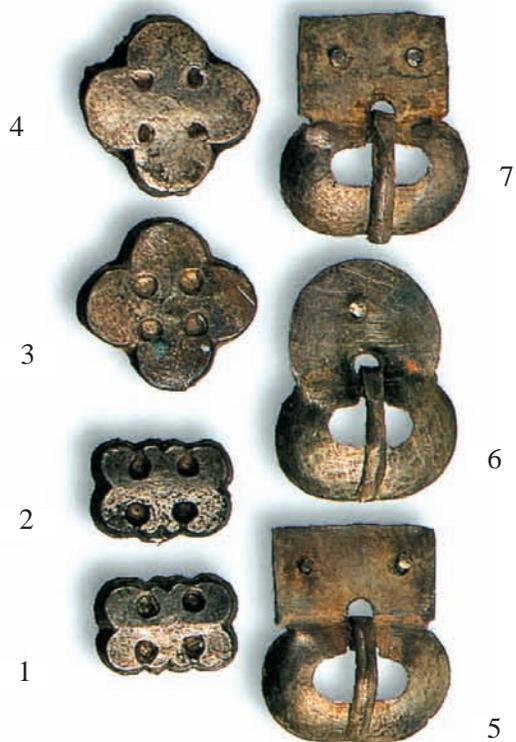
Диадема. Золото, бронза, гранаты. Длина – 24 см. Конец IV – первая половина V в. н.э.
Междуречье Дона и Волги. Хутор Верхне-Яблочный. Случайная находка 1902 г.
Инв. № ГЭ 1948/2. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Пряжки и бляшки от ременных наборов. Бронза. VII в. н.э.
 Алтай. Могильник Кудыргэ. Раскопки А.Н.Глухова и С.И.Руденко, 1925 г.
 Инв. № ГЭ 4150/114 и 123. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Поясной набор. Бронза. VII в. н.э.
 Алтай. Могильник Кудыргэ.
 Раскопки А.Н.Глухова и С.И.Руденко, 1925 г.
 Инв. №ГЭ 4150/159 и др.
 Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Накладки на ремень (1–4) и пряжки (5–7). Серебро.
1–2. Высота – 2 см, ширина – 1,4 см.
3–4. Высота – 2 см, диаметр – 2,5 см, ширина – 2 см.
5, 7. Высота – 3,2 см, ширина – 2,5 см.
6. Высота – 3,5 см, ширина – 2,6 см.
Вторая половина VI в. н.э. Спасский район Татарстана.
Именьковско-турбаслинская общность.
II Коминтерновский могильник. Погребение 46.
Раскопки Е.П.Казакова, 1992 г.
Институт истории АНТ, Казань

Наконечник пояса. Бронза. Длина – 9 см. VII в. н.э.
Алтай. Могильник Кудыргэ.
Раскопки А.Н.Глухова и С.И.Руденко, 1925 г.
Инв. № ГЭ 4150/157. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Кубок. Стекло. Высота – 9,5 см, ширина – 9,4 см.
Вторая половина VI в. н.э. Спасский район Татарстана.
Именьковско-турбаслинская общность. II Коминтерновский могильник. Погребение 43.
Раскопки Е.П.Казакова, 1991 г.
Институт истории АНТ, Казань

Горшок. Глина. Высота – 23,2 см.
Спасский район Татарстана.
Именьковская культура.
IV Маклашеевский могильник.
Погребение 107. Инв. № IV М/186.
Институт истории АНТ, Казань

Лепной горшок. Глина. Высота – 12,6 см.
Лаишевский район Татарстана.
Именьковская культура.
Богородицкий могильник.
Институт истории АНТ, Казань

Бугутская стела – первый известный памятник Тюркского каганата. 582 г. Северная Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

Памятник в честь Кюль-тегина (южная сторона). 732 г. Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

Памятник в честь Кюль-тегина (северная сторона). 732 г. Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

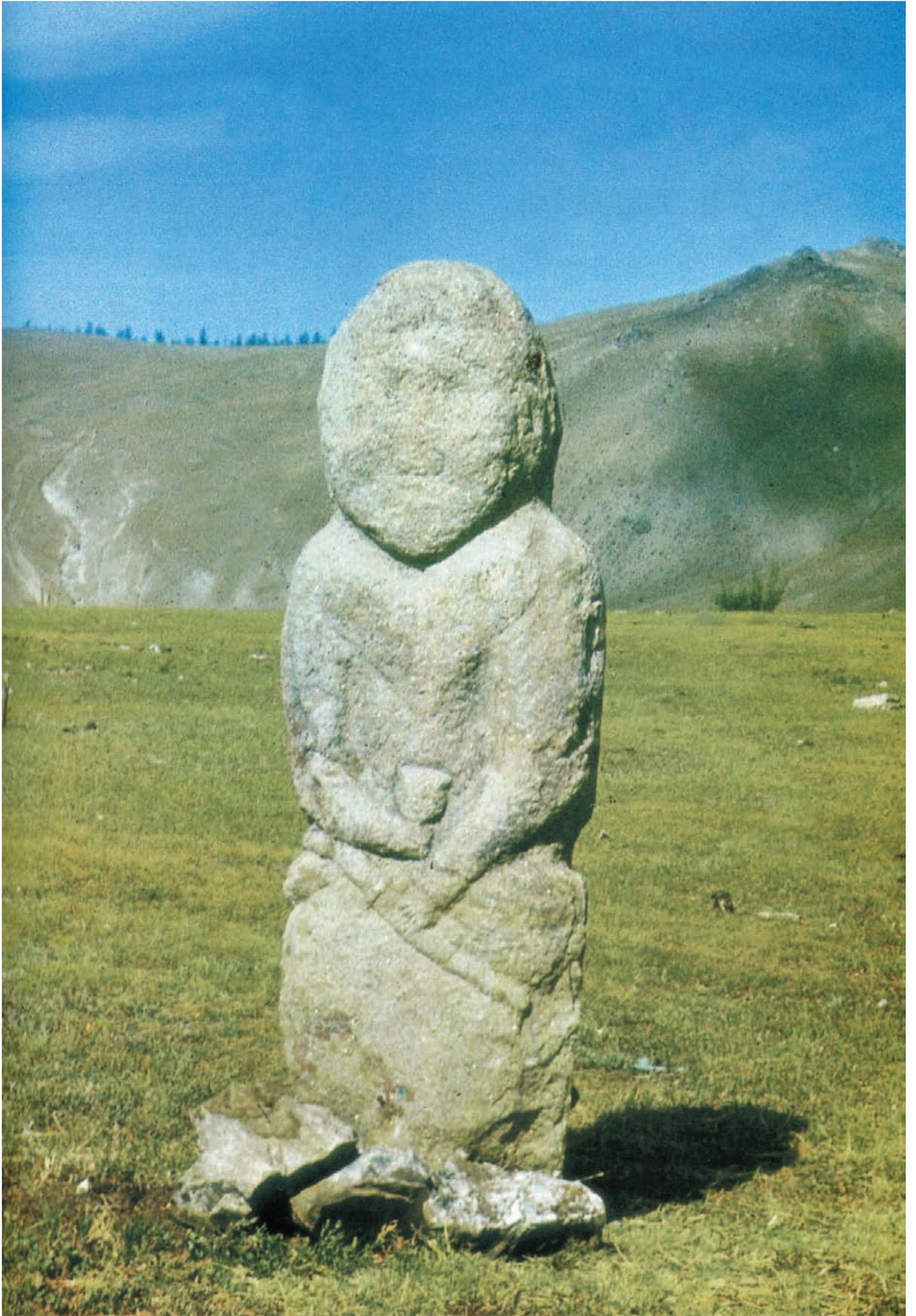
文廟
之碑

**Древнетюркское каменное
изваяние.** Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

Древнетюркское каменное изваяние. Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

Древнетюркское каменное изваяние. Монголия.
Фото С.Г.Кляшторного

Цепь. Серебро. Длина – 61,5 см, ширина – 7 мм. Рубеж VII–VIII вв.
Актанышский район Татарстана. Кушнаренковская культура. Такталачукский могильник.
Погребение 115. Раскопки Е.П.Казакова, 1969 г.
Институт истории АНТ, Казань

Деталь серебряной цепи – ее щиток.

Шумящие подвески с арочными (1, 2) и коньковыми (3, 4) щитками.

Бронза.

1. Высота – 16 см, ширина – 3,2 см.
2. Высота – 20,5 см, ширина – 3,5 см.
3. Высота – 9,2 см, ширина – 3,2 см.
4. Высота – 10 см, ширина – 3,5 см.

Конец IX – начало X в. Спасский район Татарстана. Танкеевский могильник. Раскопки А.Х.Халикова и Е.П.Казакова, 1964–1965 гг. Институт истории АНТ, Казань

Серьга (2) и культовые подвески (1, 3).

Серебро (2), бронза (1, 3).

1. Диаметр – 4,2 см.
2. Высота – 4,3 см, ширина – 2 см.
3. Высота – 4,2 см, ширина – 5 см.

Начало X в. Спасский район Татарстана. Танкеевский могильник. Ранние болгары. Раскопки Е.П.Казакова, 1961–1964 гг. Институт истории АНТ, Казань

Шумящая подвеска с трубчатым щитком.

Бронза.

Высота – 16,5 см, ширина – 7 см.
Вторая половина X в.

Спасский район Татарстана. Танкеевский могильник. Погребение 1101. Окские финны в Волжской Булгарии. Раскопки Е.П.Казакова, 1978 г. Институт истории АНТ, Казань

Круговой одноручный кувшин. Высота – 30 см.
Рубеж IX–X вв. Спасский район Татарстана.
Танкеевский могильник.
Ранние болгары. Раскопки Е.П.Казакова, 1973 г.
Институт истории АНТ, Казань

Лепные круглодонные сосуды. 1. Высота – 9,5 см. 2. Высота – 14,5 см.
Конец IX в. Спасский район Татарстана. Танкеевский могильник.
Ранние болгары. Раскопки А.Х.Халикова и Е.П.Казакова, 1965–1966 гг.
Институт истории АНТ, Казань

Шумящая поясная подвеска. Бронза.

Высота – 13 см, ширина – 17,5 см.

Вторая половина X в.

Спасский район Татарстана.

Окские финны в Волжской Булгарии.

Танкеевский могильник. Погребение 1101.

Раскопки Е.П.Казакова, 1978 г.

Институт истории АНТ, Казань

Шумящая подвеска с ажурным трапециевидным щитком. Бронза.

Высота – 9,5 см, ширина – 7 см.

Вторая половина X в. Спасский район Татарстана.

Окские финны в Волжской Булгарии. Танкеевский могильник.

Погребение 1101. Раскопки Е.П.Казакова, 1978 г.

Институт истории АНТ, Казань

Маска. Серебро с позолотой.

Высота – 13 см, ширина – 14,5 см.

Рубеж IX–X вв. Спасский район Татарстана. Ранние болгары.

Танкеевский могильник. Погребение 1092. Раскопки Е.П.Казакова, 1977 г.

Институт истории АНТ, Казань